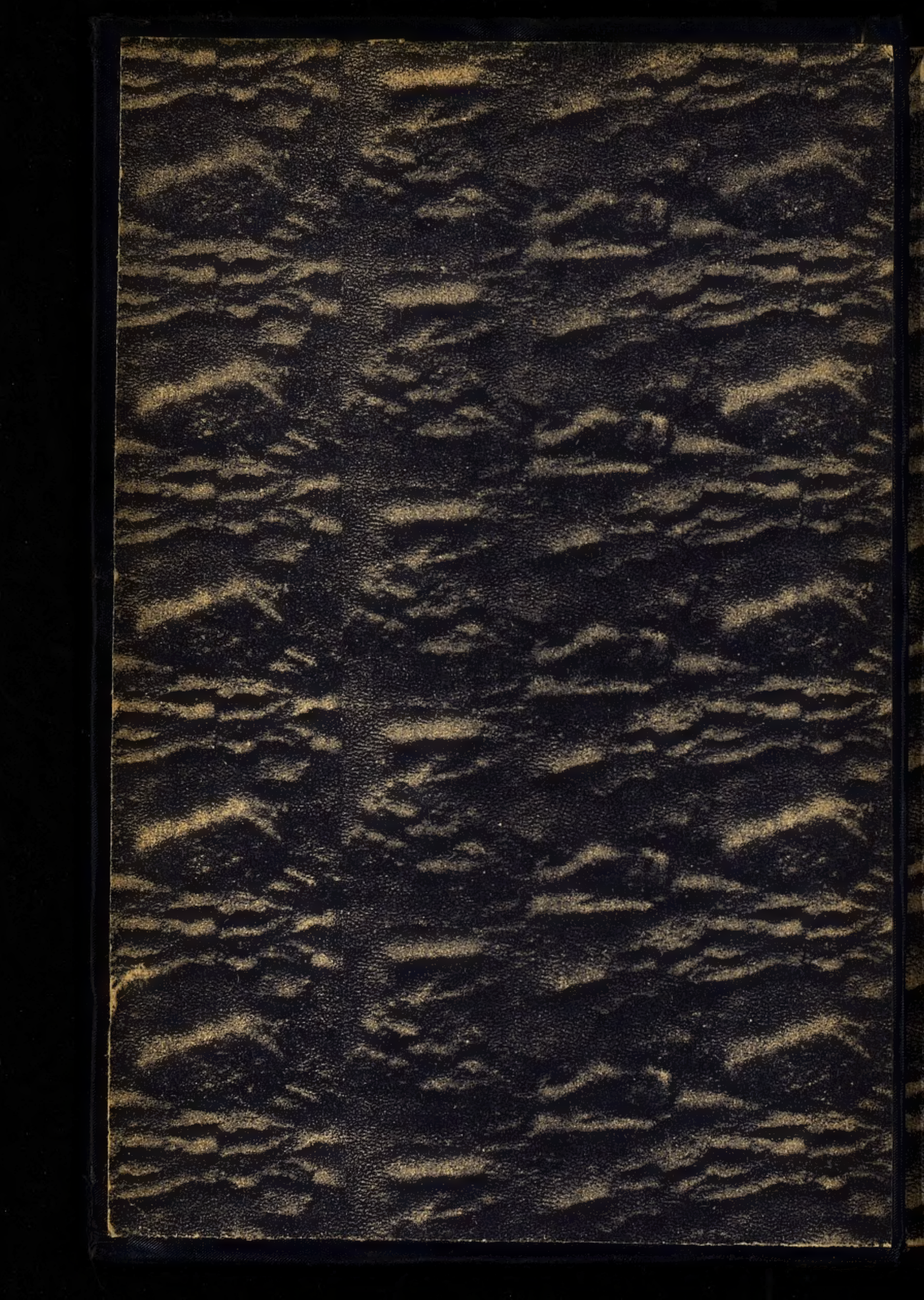
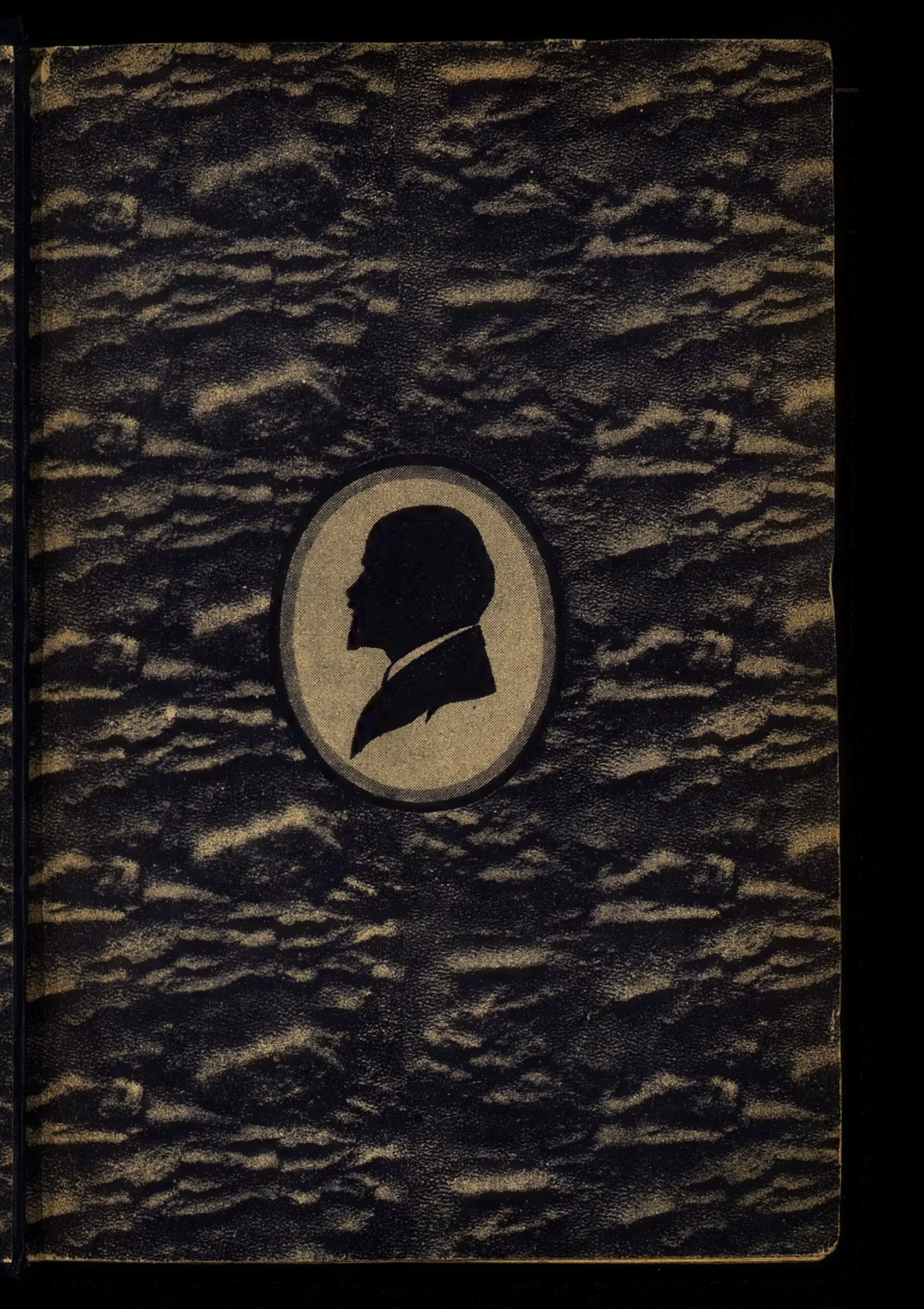
ЛЕНИН

СОЧИНЕНИЯ

XV

ЛЕНИН
СОЧИНЕНИЯ
ТОМ XV

ПЕЧАТАЕТСЯ
ПО ПОСТАНОВЛЕНИЮ
IX СЪЕЗДА Р.К.П.(Б)
И
II СЪЕЗДА СОВЕТОВ
С.С.С.Р.

Институт Ленина при Ц.К.В.К.П. (б.)

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

В. И. ЛЕНИН

СОЧИНЕНИЯ

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ,
ИСПРАВЛЕННОЕ
И ДОПОЛНЕННОЕ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ:
Н. И. БУХАРИНА, В. М. МОЛОТОВА,
М. А. САВЕЛЬЕВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — 1929 — ЛЕНИНГРАД

ЛЕНИН

ТОМ
XV

1910-1912

ОТ РЕДАКЦИИ.

Настоящий том охватывает период со времени основания в России легальных большевистских органов печати — газеты «Звезда» и журнала «Мысль» (вторая половина декабря 1910 г.) — до середины 1912 г., т.-е. до переезда В. И. Ленина из Парижа в Краков, вызванного необходимостью быть ближе к России, для более быстрых сношений с редакцией легальной большевистской газеты «Правда». Таким образом этот том открывает собой целый период в развитии партии, характеризующийся своеобразным сочетанием легальной и нелегальной работы и известный под именем «эпохи «Звезды» и «Правды»».

Статьи, входящие в том, посвящены, главным образом, борьбе за партию, в особенности борьбе с ренегатством ликвидаторов, разоблачению примиренчества и беспринципного «объединительного» прожектерства, тянувших партию к блоку с ликвидаторством. Значительное число статей относится к подготовке и проведению избирательной кампании в IV Государственную Думу. Ряд статей, особенно большая работа «О статистике стачек в России», посвящены дальнейшему изучению революции 1905—1907 г.г. Наконец, ряд статей содержат оценку различных течений в социализме западно-европейских стран и касаются других вопросов международного рабочего движения.

Часть вошедших в том статей печаталась в нелегальных изданиях: в центральном органе партии — «Социал-Демократ» — и в большевистской «Рабочей Газете». Другая, большая часть их, как и в двух последующих (XVI и XVII томах), была написана для легальной прессы. Необходимо иметь в виду, что в этих последних статьях В. И. Ленин вынужден были, по цензурным соображениям, прибегать к ряду иносказательных выражений (напр. «целое» или «иерархия» — вместо «партии» и т. п.).

Резолюции Пражской конференции, имевшей огромное значение для восстановления партийной организации и партийной работы, печатаются полностью в тексте настоящего тома. Резолюции эти составлены были при непосредственном участии В. И. Ленина, как об этом определенно было заявлено рядом товари-

щей, участвовавших в работах конференции. Некоторые резолюции были самим В. И. Лениным и написаны, на рукописях других имеются его редакционные поправки. Потому редакция сочла необходимым включить их в текст Сочинений, как это было сделано и в первом издании.

В XV том включено семь статей, в первое издание не вошедших, и исключены бывшие в первом издании, как не принадлежащие перу В. И. Ленина или вызывающие сомнение в его авторстве, следующие пять статей: «Начало оживления», «Ко всем соц.-дем. партийным организациям, группам и кружкам» (вошла в отдел «Документы и материалы), «Всероссийская конференция Р. С.-Д. Р. П.», «Ленская бойня и третьеиюньская монархия» и «Выборы и партии».

Из переписки В. И. Ленина в том включены два письма — А. М. Горькому и Б. Н. Кнриповичу, — представляющие значительный теоретический и политический интерес.

Октябрь 1929 года.

РАЗНОГЛАСИЯ В ЕВРОПЕЙСКОМ РАБОЧЕМ ДВИЖЕНИИ

Напечатано 29 (16) декабря 1910 г.
в газете «Звезда» [1]) № 1
Подпись: В. Ильин

Печатается по тексту газеты

16-го декабря 1910 года.

№ 1.

ЗВѢЗДА

еженедельная газета.

Адресъ конторы и редакціи С.-Петербургъ, В. Московская, 16, кв. [illegible]

[illegible] Чухломск. [illegible] въ Астраханской губ. Дѣло [illegible]. [illegible] студентовъ. Гибель [illegible] во Франціи. Статьи Плеханова о Толстомъ.

Современный Міръ № 12

Въ товариществѣ ЗНАНІЕ С.-Петербургъ, Невскій, 92.

Тридцать второй сборникъ.

Тридцать третій сборникъ.

«ДЕЯ»

МОЛОДЕЖЬ

За ОДИНЪ рубль

Наша задача.

Не нашли...

Первая страница газеты «Звезда» № 1 — 1910 г.

Уменьшено

I [2]).

Основные тактические разногласия в современном рабочем движении Европы и Америки сводятся к борьбе с двумя крупными направлениями, отступающими от марксизма, который фактически стал господствующей теорией в этом движении. Эти два направления — ревизионизм (оппортунизм, реформизм) и анархизм (анархо-синдикализм, анархо-социализм). Оба эти отступления от господствующей в рабочем движении марксистской теории и марксистской тактики наблюдаются в различных формах и с различными оттенками во всех цивилизованных странах на протяжении более чем полувековой истории массового рабочего движения.

Уже из одного этого факта явствует, что нельзя объяснять этих отступлений ни случайностями, ни ошибками отдельных лиц или групп, ни даже влиянием национальных особенностей или традиций и т. п. Должны быть коренные причины, лежащие в экономическом строе и в характере развития всех капиталистических стран, и постоянно порождающие эти отступления. Вышедшая в прошлом году небольшая книжка голландского марксиста Антона Паннекука: «Тактические разногласия в рабочем движении» (Anton Pannekoek: «Die taktischen Differenzen in der Arbeiterbewegung». Hamburg, Erdmann Dubber, 1909) представляет из себя интересную попытку научного исследования этих причин. В дальнейшем изложении мы познакомим читателя с выводами Паннекука, которые нельзя не признать вполне правильными.

Одной из наиболее глубоких причин, порождающих периодически разногласия насчет тактики, является самый факт роста рабочего движения. Если не мерить этого движения по мерке какого-нибудь фантастического идеала, а рассматривать его, как практическое движение обыкновенных людей, то станет ясным, что привлечение новых и новых «рекрутов», втягивание новых слоев трудящейся массы неизбежно должно сопровождаться шатаниями в области теории и тактики, повторениями старых ошибок, временным возвратом к устарелым взглядам и к устарелым приемам

и т. д. На «обучение» рекрутов рабочее движение каждой страны тратит периодически бо́льшие или меньшие запасы энергии, внимания, времени.

Далее. Быстрота развития капитализма неодинакова в разных странах и в разных областях народного хозяйства. Марксизм всего легче, всего быстрее, полнее и прочнее усваивается рабочим классом и его идеологами в условиях наибольшего развития крупной промышленности. Отсталые или отстающие в своем развитии экономические отношения постоянно ведут к появлению таких сторонников рабочего движения, которые усваивают себе лишь некоторые стороны марксизма, лишь отдельные части нового миросозерцания или отдельные лозунги, требования, не будучи в состоянии решительно порвать со всеми традициями буржуазного миросозерцания вообще и буржуазно-демократического миросозерцания в частности.

Затем, постоянным источником разногласий является диалектический характер общественного развития, идущего в противоречиях и путем противоречий. Капитализм прогрессивен, ибо уничтожает старые способы производства и развивает производительные силы, и в то же время, на известной ступени развития, он задерживает рост производительных сил. Он развивает, организует, дисциплинирует рабочих,— и он давит, угнетает, ведет к вырождению, нищете и т. д. Капитализм сам создает своего могильщика, сам творит элементы нового строя, и в то же время, без «скачка», эти отдельные элементы ничего не изменяют в общем положении вещей, не затрагивают господства капитала. Эти противоречия живой жизни, живой истории капитализма и рабочего движения умеет охватить марксизм, как теория диалектического материализма. Но понятно само собою, что массы учатся из жизни, а не из книжки, и поэтому отдельные лица или группы постоянно преувеличивают, возводят в одностороннюю теорию, в одностороннюю систему тактики то одну, то другую черту капиталистического развития, то один, то другой «урок» этого развития.

Буржуазные идеологи, либералы и демократы, не понимая марксизма, не понимая современного рабочего движения, постоянно перескакивают от одной беспомощной крайности к другой. То они объясняют все дело тем, что злые люди «натравливают» класс на класс,— то утешают себя тем, что рабочая партия есть «мирная партия реформ». Прямым продуктом этого буржуазного миросозерцания и его влияния надо считать и анархо-синдикализм и реформизм, хватающиеся за *одну* сторону рабочего движения, возводящие односторонность в теорию, объявляющие взаимноисключающими такие тенденции или такие черты этого движения, которые составляют специфическую особенность того или иного периода, тех или иных условий деятельности рабочего класса. А

действительная жизнь, действительная история *включает* в себя эти различные тенденции, подобно тому, как жизнь и развитие в природе включают в себя и медленную эволюцию и быстрые скачки, перерывы постепенности.

Ревизионисты считают фразами все рассуждения о «скачках» и о принципиальной противоположности рабочего движения всему старому обществу. Они принимают реформы за частичное осуществление социализма. Анархо-синдикалист отвергает «мелкую работу», особенно использование парламентской трибуны. На деле эта последняя тактика сводится к поджиданию «великих дней» при неумении собирать силы, создающие великие события. И те, и другие тормозят самое важное, самое насущное дело: сплочение рабочих в крупные, сильные, хорошо функционирующие, умеющие при *всяких* условиях хорошо функционировать, организации, проникнутые духом классовой борьбы, ясно сознающие свои цели, воспитываемые в действительно марксистском миросозерцании.

Здесь мы позволим себе маленькое отступление и заметим в скобках, во избежание возможных недоразумений, что Паннекук иллюстрирует свой анализ *исключительно* примерами из западноевропейской истории, особенно Германии и Франции, *совершенно не* имея в виду России. Если иногда кажется, что он намекает на Россию, то это зависит лишь от того, что основные тенденции, порождающие определенные отступления от марксистской тактики, проявляются и у нас, несмотря на громадные культурные, бытовые и историко-экономические отличия России от Запада.

Наконец, чрезвычайно важной причиной, порождающей разногласия среди участников рабочего движения, являются изменения в тактике правящих классов вообще, буржуазии в особенности. Будь тактика буржуазии всегда однообразна или хотя бы всегда однородна, — рабочий класс быстро научился бы отвечать на нее столь же однообразной или однородной тактикой. На деле буржуазия во всех странах неизбежно вырабатывает две системы управления, два метода борьбы за свои интересы и отстаивания своего господства, при чем эти два метода то сменяют друг друга, то переплетаются вместе в различных сочетаниях. Это, во-первых, метод насилия, метод отказа от всяких уступок рабочему движению, метод поддержки всех старых и отживших учреждений, метод непримиримого отрицания реформ. Такова сущность консервативной политики, которая все больше перестает быть в Западной Европе политикой землевладельческих классов, все больше становится одной из разновидностей общебуржуазной политики. Второй метод — метод «либерализма», шагов в сторону развития политических прав, в сторону реформ, уступок и т. д.

Буржуазия переходит от одного метода к другому не по злостному расчету отдельных лиц и не по случайности, а в силу

коренной противоречивости ее собственного положения. Нормальное капиталистическое общество не может успешно развиваться без упроченного представительского строя, без известных политических прав населения, которое не может не отличаться сравнительно высокой требовательностью в «культурном» отношении. Эту требовательность по части известного минимума культурности порождают условия самого капиталистического способа производства с его высокой техникой, сложностью, гибкостью, подвижностью, быстротой развития всемирной конкуренции и т. д. Колебания в тактике буржуазии, переходы от системы насилия к системе, якобы, уступок свойственны, вследствие этого, истории всех европейских стран за последние полвека, при чем разные страны преимущественно развивают применение того или иного метода в течение определенных периодов. Например, Англия в 60-х, 70-х годах XIX века была классической страной «либеральной» буржуазной политики, Германия 70-х и 80-х годов держалась метода насилия и т. п.

Когда в Германии царил этот метод, односторонним отзвуком этой одной из систем буржуазного управления был рост анархо-синдикализма, или, по-тогдашнему, анархизма в рабочем движении («молодые» в начале 90-х годов, Иоганн Мост в начале 80-х). Когда в 1890 году наступил поворот к «уступкам», этот поворот, как и всегда, оказался еще более опасным для рабочего движения, порождая столь же односторонний отзвук буржуазного «реформаторства»: оппортунизм в рабочем движении. «Позитивная, реальная цель либеральной политики буржуазии — говорит Паннекук — есть введение в заблуждение рабочих, внесение раскола в их среду, превращение их политики в бессильный придаток бессильного, всегда бессильного и эфемерного, якобы, реформаторства» [3]).

Нередко буржуазия на известное время достигает своей цели посредством «либеральной» политики, которая представляет из себя, по справедливому замечанию Паннекука, «более хитрую» политику. Часть рабочих, часть их представителей подчас дает себя обмануть кажущимися уступками. Ревизионисты провозглашают «устарелым» учение о классовой борьбе или начинают вести политику, на деле осуществляющую отречение от нее. Зигзаги буржуазной тактики вызывают усиление ревизионизма в рабочем движении и нередко доводят разногласия внутри него до прямого раскола.

Все причины указанного рода вызывают разногласия относительно тактики внутри рабочего движения, внутри пролетарской среды. Но китайской стены между пролетариатом и соприкасающимися с ним слоями мелкой буржуазии, в том числе и крестьянства, нет и быть не может. Понятно, что переходы отдельных лиц, групп и слоев от мелкой буржуазии к пролетариату не могут

не порождать, с своей стороны, колебаний в тактике этого последнего.

Опыт рабочего движения различных стран помогает уяснить на конкретных вопросах практики сущность марксистской тактики, помогает более молодым странам яснее различать истинное классовое значение отступлений от марксизма и успешнее бороться с этими отступлениями.

ИСТОРИЧЕСКИЙ СМЫСЛ ВНУТРИПАРТИЙНОЙ БОРЬБЫ В РОССИИ [4]).

Тему, указанную в заглавии, затрагивают статьи Троцкого и Мартова в №№ 50 и 51 «Neue Zeit». Мартов излагает взгляды меньшевизма. Троцкий плетется за меньшевиками, прикрываясь особенно звонкой фразой. Для Мартова «русский опыт» сводится к тому, что «бланкистская и анархистская некультурность одержали победу над марксистской культурностью» (читай: большевизм над меньшевизмом). «Русская социал-демократия говорила слишком усердно *по-русски*» в отличие от «*общеевропейских*» приемов тактики. У Троцкого «философия истории» та же самая. Причина борьбы — «приспособление марксистской интеллигенции к классовому движению пролетариата». На первый план выдвигаются «сектантский дух, интеллигентский индивидуализм, идеологический фетишизм». «*Борьба за влияние на политически незрелый пролетариат*» — вот в чем суть дела.

I.

Теория, видящая в борьбе большевизма с меньшевизмом борьбу за влияние на незрелый пролетариат, не нова. Мы встречаем ее с 1905 года (если не с 1903-го) в бесчисленных книгах, брошюрах, статьях *либеральной* печати. Мартов и Троцкий преподносят немецким товарищам марксистски подкрашенные *либеральные взгляды*.

Конечно, русский пролетариат гораздо менее зрел политически, чем западно-европейский. Но из всех классов русского общества именно пролетариат обнаружил в 1905 — 7 годы *наибольшую* политическую зрелость. Русская либеральная буржуазия, которая вела себя у нас так же подло, трусливо, глупо и предательски, как немецкая в 1848 г., *именно потому* ненавидит русский пролетариат, что он оказался в 1905 году *достаточно зрел политически,* чтобы вырвать у этой буржуазии *руководство* движением, чтобы беспощадно разоблачать предательство либералов.

«Иллюзия» думать,— заявляет Троцкий,— будто меньшевизм и большевизм «пустили глубокие корни в глубинах пролетариата». Это — образчик тех звонких, но пустых фраз, на которые мастер наш Троцкий. Не в «глубинах пролетариата», а в *экономическом содержании* русской революции лежат *корни* расхождения меньшевиков с большевиками. Игнорируя это содержание, Мартов и Троцкий лишили себя возможности понять исторический смысл внутрипартийной борьбы в России. Суть не в том, «глубоко» ли проникли теоретические формулировки разногласий в те или иные слои пролетариата, а в том, что экономические условия революции 1905 года *поставили* пролетариат в враждебные отношения к либеральной буржуазии — не только из-за вопроса об улучшении быта рабочих, но также из-за аграрного вопроса, из-за всех политических вопросов революции и т. д. Говорить о борьбе направлений в русской революции, раздавая ярлыки: «сектантство», «некультурность» и т. п., и не говорить ни слова об основных экономических интересах пролетариата, либеральной буржуазии и демократического крестьянства — значит опускаться до уровня вульгарных журналистов.

Вот пример. «Во всей Западной Европе, пишет Мартов, крестьянские массы считают годными к союзу (с пролетариатом) лишь по мере того, как они знакомятся с тяжелыми последствиями капиталистического переворота в земледелии; в России же нарисовали себе картину объединения численно слабого пролетариата с 100 миллионами крестьян, которые еще не испытали или почти не испытали «воспитательного» действия капитализма и потому не были еще в школе капиталистической буржуазии».

Это не обмолвка у Мартова. Это — центральный пункт *всех* воззрений меньшевизма. Этими идеями насквозь пропитана оппортунистическая история русской революции, выходящая в России под редакцией Потресова, Мартова и Маслова («Общественное движение в России в начале XX века»). Меньшевик Маслов выразил эти идеи еще рельефнее, сказав в итоговой статье этого «труда»: «Диктатура пролетариата и крестьянства *противоречила бы* всему *ходу хозяйственного развития*» [5]). Именно здесь надо искать корня разногласий большевизма и меньшевизма.

Мартов *подменил* школу *капитализма* школой *капиталистической буржуазии* (в скобках будь сказано: другой буржуазии, кроме капиталистической, на свете не бывает). В чем состоит школа капитализма? В том, что он вырывает крестьян из деревенского идиотизма, встряхивает их и *толкает на борьбу*. В чем состоит школа «капиталистической буржуазии»? В том, что «немецкая буржуазия 1848 года без всякого зазрения совести предает крестьян, своих самых естественных союзников, без которых она бессильна против дворянства» (К. Маркс в «*Новой Рейнской Газете*» от 29-го июля 1848 г.) [6]). В том, что русская либеральная

буржуазия в 1905—7 годах систематически и неуклонно предавала крестьян, перекидывалась по сути дела на сторону помещиков и царизма против борющихся крестьян, ставила прямые помехи развитию крестьянской борьбы.

Под прикрытием «марксистских» словечек о «воспитании» крестьян капитализмом Мартов защищает «*воспитание*» крестьян (*революционно боровшихся с дворянством)* либералами *(которые предавали крестьян дворянам).*

Это и есть подмена марксизма либерализмом. Это и есть марксистскими фразами прикрашенный либерализм. Слова Бебеля в Магдебурге, что среди социал-демократов имеются национал-либералы, верны не только в применении к Германии [7]).

Необходимо заметить еще, что большинство идейных вождей русского либерализма воспитались на немецкой литературе и специально переносят в Россию *брентановский* и *зомбартовский* «марксизм», признающий «школу капитализма», но отвергающий школу революционной классовой борьбы. Все контр-революционные либералы в России, Струве, Булгаков, Франк, Изгоев и К°, щеголяют такими же «марксистскими» фразами.

Мартов сравнивает Россию эпохи крестьянских восстаний против феодализма с «Западной Европой», давным давно покончившей с феодализмом. Это феноменальное извращение исторической перспективы. Есть ли «во всей Западной Европе» социалисты, у которых в программе стоит требование: «поддержать революционные выступления крестьянства вплоть до *конфискации помещичьих земель*» [8])? Нет. «Во всей Западной Европе» социалисты отнюдь не поддерживают мелких хозяев в их борьбе из-за землевладения против крупных хозяев. В чем разница? В том, что «во всей Западной Европе» давно сложился и окончательно определился буржуазный строй, в частности, буржуазные аграрные отношения, а в России именно теперь идет революция *из-за того, как* сложится этот буржуазный строй. Мартов повторяет истасканный прием либералов, которые всегда противопоставляют периоду революционных конфликтов из-за данного вопроса такие периоды, когда революционных конфликтов нет, ибо самый вопрос давно решен.

Трагикомедия меньшевизма в том и состоит, что он *должен был* во время революции принять тезисы, непримиримые с либерализмом. Если мы поддерживаем борьбу «крестьянства» за *конфискацию* земель, значит мы признаем победу возможной, экономически и политически выгодной для рабочего класса и для всего народа. А победа «крестьянства», руководимого пролетариатом, в борьбе за *конфискацию* помещичьих земель и есть *революционная диктатура пролетариата и крестьянства.* (Вспомним слова Маркса в 1848 г. о необходимости диктатуры в революции и справедливые насмешки Меринга над людьми, обвинявшими Мар-

кса в том, будто он хотел введением диктатуры осуществить демократию [9].)

В корне ошибочен взгляд, будто диктатура этих классов «противоречит всему ходу хозяйственного развития». Как раз наоборот. *Только* такая диктатура смела бы дочиста все остатки феодализма, обеспечила бы самое быстрое развитие производительных сил. Наоборот, политика либералов отдает дело в руки русских юнкеров, которые во сто крат *замедляют* «ход хозяйственного развития» России.

В 1905—7 годы противоречие между либеральной буржуазией и крестьянством вскрылось вполне. Весной и осенью 1905 г., а также весной 1906 г. крестьянские восстания охватили *от $^1/_3$ до $^1/_2$* уездов центральной России. Крестьяне разрушили до 2000 помещичьих усадеб (к сожалению, это не более $^1/_{15}$ того, что следовало разрушить). *Только* пролетариат беззаветно помогал этой революционной борьбе, всесторонне направлял ее, руководил ею, объединял ее своими массовыми стачками. Либеральная буржуазия *никогда, ни разу* не помогла революционной борьбе, предпочитая «успокаивать» крестьян и «мирить» их с помещиками и царем. Затем в обеих первых Думах (1906 и 1907 г.г.) на парламентской арене повторилось то же самое. *Все время* либералы тормозили борьбу крестьян, предавали их, и *только рабочие депутаты* направляли и поддерживали крестьян *против либералов*. Борьба либералов с крестьянами и социал-демократами наполняет собой *всю* историю I и II Думы. Борьба большевизма и меньшевизма *неразрывно* связана с этой историей, как борьба из-за поддержки либералов, из-за свержения гегемонии либералов над крестьянством. Поэтому объяснять наши расколы влиянием интеллигенции, незрелостью пролетариата и т. п. есть ребячески наивное повторение либеральных сказок.

По той же причине в корне фальшиво рассуждение Троцкого, будто в международной социал-демократии расколы вызываются «процессом приспособления социально-революционного класса к ограниченным (узким) условиям парламентаризма» и т. д., а в русской социал-демократии приспособлением интеллигенции к пролетариату. «Насколько ограничено (узко) — пишет Троцкий — с точки зрения социалистической конечной цели было реальное политическое содержание этого процесса приспособления, настолько же несдержаны были его формы, велика была идеологическая тень, отбрасываемая этим процессом».

Это, поистине, «несдержанное» фразерство есть лишь «идеологическая тень» либерализма. Как Мартов, так и Троцкий смешивают в кучу разнородные исторические периоды, противопоставляя России, совершающей свою буржуазную революцию,—Европу, давно кончившую эти революции. В Европе реальное политическое содержание социал-демократической работы есть подготовка

пролетариата к борьбе за власть с буржуазией, которая имеет уже полное господство в государстве. В России дело идет *только еще о создании* современного буржуазного государства, которое будет похоже или на юнкерскую монархию (в случае победы царизма над демократией), или на крестьянскую буржуазно-демократическую республику (в случае победы демократии над царизмом). А победа демократии в современной России возможна только в том случае, если крестьянские массы пойдут за революционным пролетариатом, а не за предательским либерализмом. Этот вопрос исторически еще не решен. Буржуазные революции в России еще не закончены, и *в этих пределах,* т.-е. в пределах борьбы за *форму* буржуазного порядка в России, «реальное политическое содержание» работы русских социал-демократов *менее* «ограничено», чем в странах, где нет никакой борьбы за конфискацию крестьянами помещичьих земель, где давно окончены буржуазные революции.

Легко понять, почему классовые интересы буржуазии заставляют либералов внушать рабочим, что их роль в революции «ограничена», что борьба направлений вызывается интеллигенцией, а не глубокими экономическими противоречиями, что рабочая партия должна быть «*не* гегемоном в освободительной борьбе, *а* классовой партией». Именно такая формула выдвинута в самое последнее время ликвидаторами-голосовцами (Левицкий в «Нашей Заре») и одобрена либералами. Слова «классовая партия» они понимают в брентановско-зомбартовском смысле: заботьтесь только о своем классе и бросьте «бланкистские мечты» о руководстве всеми революционными элементами народа в борьбе с царизмом и с предательским либерализмом.

II.

Рассуждения Мартова о русской революции и Троцкого о современном положении русской социал-демократии дают конкретные подтверждения неверности их основных взглядов.

Начнем с бойкота. Мартов называет бойкот «политическим воздержанием», приемом «анархистов и синдикалистов», при чем говорит *только* о 1906 годе. Троцкий говорит, что «бойкотистская тенденция идет через всю историю большевизма — бойкотирование профессиональных союзов, Государственной Думы, местного самоуправления и т. д.», что это есть «продукт сектантской боязни утонуть в массах, радикализм непримиримого воздержания» и т. д. Относительно бойкота профессиональных союзов и местного самоуправления Троцкий говорит *прямую неправду.* Такая же неправда, что бойкотизм тянется через всю историю большевизма; большевизм вполне сложился, как направление, весной и летом 1905 года, *до* первого возникновения вопроса о бойкоте. Большевизм заявил *в августе 1906 г.* в официальном органе

фракции о том, что миновали исторические условия, вызывавшие необходимость бойкота *).

Троцкий извращает большевизм, ибо Троцкий никогда не мог усвоить себе сколько-нибудь определенных взглядов на роль пролетариата в русской буржуазной революции.

Но еще гораздо хуже извращение истории этой революции. Если говорить о бойкоте, надо начать с начала, а не с конца. Первая (и единственная) победа в революции вырвана массовым движением, которое *шло под лозунгом бойкота.* Забывать об этом выгодно только либералам.

Закон 6/19 августа 1905 г. создавал Булыгинскую Думу, как учреждение совещательное. Либералы, даже самые левые, решили участвовать в ней. Социал-демократия громадным большинством (против меньшевиков) решила бойкотировать эту Думу и звать массы к прямому натиску на царизм, к массовой стачке и восстанию. Следовательно, вопрос о бойкоте не был вопросом только внутри социал-демократии. Он был вопросом борьбы *либерализма с пролетариатом.* Вся либеральная пресса того времени показывает, что либералы боялись развития революции и все усилия направляли к «соглашению» с царизмом.

Каковы были объективные условия для непосредственной массовой борьбы? На это лучший ответ дает статистика стачек (с подразделением на экономические и политические) и крестьянского движения. Приводим главные данные, которые послужат нам для иллюстрации всего дальнейшего изложения.

Число стачечников (в тысячах) в каждую четверть года **).

	1905				1906				1907			
	I	II	III	IV	I	II	III	IV	I	II	III	IV
Всего	*810*	*481*	*294*	*1277*	*269*	*479*	*296*	63	*146*	*325*	*77*	*193*
В том числе в стачках: экономических	411	190	143	275	73	222	125	37	52	52	66	30
В том числе в стачках: политических	399	291	151	1002	196	257	171	26	94	271	11	163
Процент уездов, охваченных крестьянским движением.	14,2%		36,9%		49,2%		21,1%					

*) См. X том Сочинений, стр. 26 — 32. *Ред.*

**) Чертой обведены периоды особенно важные: 1905 I — 9 января; 1905 IV — апогей революции, октябрь и декабрь; 1906 II — первая Дума; 1907 II — вторая Дума. Данные взяты из официальной статистики стачек, которые я разрабатываю подробно в подготовляемом мною к печати очерке истории русской революции.

Эти цифры показывают нам, какую гигантскую энергию способен развить пролетариат в революцию. За все 10-тилетие перед революцией число стачечников в России было только 431 тысяча, т.-е. в среднем по 43 тысячи в год, а в 1905 году все число стачечников составило 2.863 тысячи — при 1.661 тысяче всех фабричных рабочих! Подобного стачечного движения не видал еще мир. В 3-ью четверть 1905 года, когда впервые возник вопрос о бойкоте, мы видим как раз переходный момент к новой, гораздо более сильной, волне стачечного (а за ним и крестьянского) движения. Помогать ли развитию этой революционной волны, направляя ее на свержение царизма, или позволить царизму отвлечь внимание масс игрой в совещательную Думу, — таково было *реальное историческое содержание* вопроса о бойкоте. Можно судить поэтому, до какой степени пошлы и либерально-тупоумны потуги связать бойкот в истории русской революции с «политическим воздержанием», «сектантством» и т. п.! Под лозунгом бойкота, принятым *против* либералов, шло движение, поднявшее число политических забастовщиков с 151 тысячи в 3-ью четверть 1905 года *до 1 миллиона* в 4-ую четверть 1905 года.

Мартов объявляет «главной причиной» успеха стачек 1905 года «растущее оппозиционное течение *в широких буржуазных кругах*». «Влияние этих широких слоев буржуазии шло так далеко, что они, с одной стороны, прямо подстрекали рабочих к политическим стачкам», а с другой, побуждали фабрикантов «*платить рабочим заработную плату за время стачки*» (курсив Мартова).

Этому сладенькому воспеванию «влияния» буржуазии мы противопоставим сухую статистику. В 1905 г. стачки всего чаще, по сравнению с 1907 г., оканчивались в пользу рабочих. И вот данные за этот год: 1.438.610 стачечников предъявляли экономические требования; 369.304 рабочих выиграли борьбу, 671.590 — кончили ее компромиссом, 397.716 — *проиграли*. Таково было *на деле* (а не по либеральным сказкам) «влияние» буржуазии. Мартов совершенно по-либеральному извращает действительное отношение пролетариата к буржуазии. Не потому рабочие победили (и в «экономике» и в политике), что буржуазия изредка платила за стачки или выступала оппозиционно, а *потому* буржуазия фрондировала и платила, что рабочие побеждали. *Сила* классового напора, сила миллионных стачек, крестьянских волнений, военных восстаний есть причина, «*главная причина*», любезнейший Мартов; «сочувствие» буржуазии есть следствие.

«17-ое октября, пишет Мартов, открывшее перспективы на выборы в Думу и создавшее возможность созывать собрания, основывать рабочие союзы, издавать социал-демократические газеты,

показывало направление, в котором следовало бы вести работу». Но беда была в том, что «идея возможности «стратегии утомления» не пришла никому в голову. Все движение было искусственно толкаемо к серьезному и решительному столкновению», т.-е. к декабрьской стачке и декабрьскому «кровавому поражению».

Каутский спорил с Р. Люксембург о том, наступил ли в Германии весной 1910 г. момент перехода «стратегии утомления» в «стратегию низвержения» [10]), причем Каутский сказал ясно и прямо, что этот переход *неизбежен* при дальнейшем развитии политического кризиса. А Мартов, цепляясь за полы Каутского, проповедует задним числом «стратегию утомления» в момент наивысшего обострения революции. Нет, любезный Мартов, вы просто повторяете либеральные речи. Не «перспективы» мирной конституции «открыло» 17-ое октября, это либеральная сказка, а *гражданскую войну*. Эта война подготовлялась не субъективной волей партий или групп, а всем ходом событий с января 1905 года. Октябрьский манифест знаменовал не прекращение борьбы, а уравновешение сил борющихся: царизм *уже не* мог управлять, революция *еще* не могла его свергнуть. Из этого положения с объективной неизбежностью вытекал решительный бой. Гражданская война и в октябре и в ноябре была *фактом* (а мирные «перспективы» либеральной ложью); выразилась эта война не только в погромах, но и в борьбе вооруженной силой против непокорных частей армии, против крестьян в трети России, против окраин. Люди, которые при таких условиях считают «*искусственным*» вооруженное восстание и массовую стачку в декабре, лишь *искусственно* могут быть причисляемы к социал-демократии. *Естественная* партия для таких людей есть партия либеральная.

Маркс говорил в 1848 и в 18.1 г.г., что бывают моменты в революции, когда сдача позиции врагу без борьбы больше деморализует массы, чем поражение в борьбе [11]). Декабрь 1905 г. был не только таким моментом в истории русской революции. Декабрь был естественным и неизбежным завершением *массовых* столкновений и битв, нараставших во всех концах страны в течение 12-ти месяцев. Об этом свидетельствует *даже* сухая статистика. Число *чисто* политических (т.-е. не предъявлявших никаких экономических требований) стачечников было: в январе 1905 г. — 123 тысячи, в октябре — 328 тысяч, в декабре *372 тысячи*. И нас хотят уверить, что этот рост был «искусственный»! Нам преподносят сказку, будто *подобный* рост массовой политической борьбы *наряду* с восстаниями в войсках *возможен* без неизбежного перехода в вооруженное восстание! Нет, это не история революции, а либеральная клевета на революцию.

III.

«Как раз в это время» — пишет Мартов об октябрьской стачке, — «время всеобщего возбуждения рабочих масс... возникает стремление слить воедино борьбу за политическую свободу с экономической борьбой. Но, вопреки мнению тов. Розы Люксембург, в этом сказалась не сильная, а слабая сторона движения». Попытка ввести революционным путем 8-мичасовой рабочий день кончилась неудачей и «дезорганизовала» рабочих. «В том же направлении действовала всеобщая стачка почтовых и телеграфных служащих в ноябре 1905 года». Так пишет историю Мартов.

Достаточно бросить взгляд на вышеприведенную статистику, чтобы видеть фальшь этой истории. На протяжении *всех* трех лет революции мы видим при *каждом* обострении политического кризиса подъем не только политической, но и экономической стачечной борьбы. В их соединении заключалась не слабость, а *сила* движения. Обратный взгляд есть взгляд либеральных буржуа, которые как раз хотели бы участия рабочих в политике *без* вовлечения самых широких масс в революцию и в борьбу с буржуазией. Именно после 17 октября либеральное земское движение окончательно раскололось: землевладельцы и фабриканты составили открыто контр-революционную партию «октябристов», которые всей силой репрессий обрушились на забастовщиков (а «левые» либералы, кадеты, в печати обвиняли рабочих в «безумии»). Мартов, вслед за октябристами и кадетами, видит «слабость» рабочих в том, что они как раз в это время старались сделать экономическую борьбу еще более наступательной. Мы видим слабость рабочих (а еще более крестьян) в том, что они недостаточно решительно, недостаточно широко, недостаточно быстро перешли к наступательной экономической и вооруженной политической борьбе, которая *неизбежно* вытекала из *всего* хода развития событий, а вовсе не из субъективных желаний отдельных групп или партий. Между нашим взглядом и взглядом Мартова лежит пропасть, и эта пропасть между взглядами «интеллигентов» отражает только, вопреки Троцкому, пропасть, которая была *на деле* в конце 1905 г. *между классами*, именно между революционным борющимся пролетариатом и изменнически ведущей себя буржуазией.

Надо добавить еще, что поражения рабочих в стачечной борьбе характеризуют не только конец 1905 г., выхваченный Мартовым, а еще более 1906 и 1907 годы. Статистика говорит нам, что за 10 лет, 1895—1904, фабриканты выиграли 51,6% стачек (по числу стачечников); в 1905 г. — 29,4%; в 1906 году — 35,5%; в 1907 году — 57,6%; в 1908 году — 68,8%. Значит ли это, что экономические стачки 1906—7 г.г. были «безумны»,

«несвоевременны», были «слабой стороной движения»? Нет. Это значит, что поскольку натиск революционной борьбы масс был недостаточно силен в 1905 г., постольку поражение (и в политике, и в «экономике») было неизбежно, но если бы пролетариат не сумел при этом по меньшей мере *дважды* подниматься для *нового* натиска на врага (*четверть миллиона* одних только *политических* стачечников во вторую четверть 1906 года и также 1907), то поражение было бы *еще сильнее*; государственный переворот произошел бы не в июне 1907 г., а годом, или даже более чем годом, *раньше*; экономические завоевания 1905 г. были бы отобраны у рабочих *еще быстрее*.

Вот этого значения революционной борьбы масс абсолютно не понимает Мартов. Вслед за либералами, он говорит про бойкот в начале 1906 года, что «социал-демократия осталась на время *вне политической линии борьбы*». Чисто теоретически, подобная постановка вопроса о бойкоте 1906 г. есть невероятное упрощение и опошление очень сложной проблемы. Какова была *реальная* «линия борьбы» во 2-ую четверть 1906 г., парламентская или внепарламентская? Посмотрите на статистику: число «экономических» стачечников поднимается с 73 тысяч до 222 тысяч, политических с 196 до 257. Процент уездов, охваченных крестьянским движением, с 36,9% до 49,2%. Известно, что военные восстания тоже чрезвычайно усилились и участились во 2-ую четверть 1906-го по сравнению с 1-ой. Известно дальше, что I Дума была самым революционным в мире (в начале XX века) и в то же время самым бессильным парламентом; ни одно ее решение не было проведено в жизнь.

Таковы объективные факты. Либералы и Мартов оценивают эти факты так, что Дума была реальной «*линией борьбы*», а восстания, политические стачки, крестьянские и солдатские волнения пустым делом «революционных романтиков». А глубокомыслящий Троцкий думает, что разногласия фракций на этой почве были «интеллигентской» «борьбой за влияние на незрелый пролетариат». Мы думаем, что объективные данные свидетельствуют о наличности весной 1906 г. такого серьезного подъема действительно революционной борьбы *масс*, что Социал-Демократическая Партия *обязана была* признать такую именно борьбу главной борьбой и приложить все усилия к ее поддержке и развитию. Мы думаем, что своеобразная политическая ситуация той эпохи, — когда царское правительство получило с Европы двух-миллиардный заем [12]) как бы под обеспечение созыва Думы, когда царское правительство спешно издавало законы против бойкота Думы, — вполне оправдывала попытку пролетариата вырвать из рук царя созыв первого парламента в России. Мы думаем, что не социал-демократия, а *либералы* «остались тогда *вне политической линии борьбы*». Те конституционные иллюзии, на

распространении которых в массах была построена вся карьера либералов в революции, были опровергнуты всего рельефнее историей первой Думы.

В обеих первых Думах либералы (кадеты) имели большинство и с шумом и треском занимали политическую авансцену. Но именно эти «победы» либералов и показали наглядно, что либералы все время оставались «вне политической линии борьбы», что они были политическими комедиантами, глубоко развращавшими демократическое сознание масс. И если Мартов и его друзья, вслед за либералами, указывают на тяжелые поражения революции как на урок того, «*чего не делать*», то мы ответим им: единственная реальная победа, одержанная революцией, была победой пролетариата, который отбросил либеральные советы идти в Булыгинскую Думу и повел за собой крестьянские массы на восстание. Это во-1-х. А во-2-х, своей геройской борьбой в течение трех лет (1905—1907) русский пролетариат завоевал себе и русскому народу то, на завоевание чего другие народы потратили десятилетия. Он завоевал *освобождение* рабочих масс *из-под влияния* предательского и презренно-бессильного *либерализма*. Он завоевал *себе* роль *гегемона* в борьбе за свободу, за демократию, как условие для борьбы за социализм. Он завоевал всем угнетенным и эксплуатируемым классам России *уменье* вести революционную массовую борьбу, без которой нигде на свете не достигалось ничего серьезного в прогрессе человечества.

Этих завоеваний не отнимет у русского пролетариата никакая реакция, никакая ненависть, брань и злобствование либералов, никакие шатания, близорукость и маловерие социалистических оппортунистов.

IV.

Развитие фракций русской социал-демократии после революции объясняется опять-таки не «приспособлением интеллигенции к пролетариату», а изменениями в отношениях между классами. Революция 1905—1907 годов обострила, сделала открытым, выдвинула на очередь дня антагонизм крестьянства и либеральной буржуазии в вопросе о *форме* буржуазного порядка в России. Политически созревший пролетариат не мог не принять самого энергичного участия в этой борьбе, и отражением его отношения к разным классам нового общества явилась борьба большевизма и меньшевизма.

Трехлетие 1908—1910 годов характеризуется победой контрреволюции, восстановлением самодержавия и III Думой, Думой черносотенцев и октябристов. Борьба между буржуазными классами за форму нового порядка сошла с авансцены. Для пролетариата выдвинулась на очередь дня *элементарная* задача отстоять

свою, пролетарскую, партию, враждебную и реакции, и контрреволюционному либерализму. Эта задача не легка, потому что именно на пролетариат обрушилась вся тяжесть экономических и политических преследований, вся ненависть либералов за вырванное у них социал-демократией руководство массами в революции.

Кризис Социал-Демократической Партии очень тяжел. Организации разбиты. Масса старых руководителей (особенно из интеллигенции) арестованы. Новый тип социал-демократического рабочего, берущего партийные дела в свои руки, уже народился, но ему приходится преодолевать необыкновенные трудности. При таких условиях Социал-Демократическая Партия теряет многих «попутчиков». Естественно, что в буржуазной революции к социалистам примкнули мелко-буржуазные попутчики. Они отпадают теперь от марксизма и от социал-демократии. Процесс этот обнаружился в обеих фракциях: у большевиков в виде течения «отзовистского», которое появилось весной 1908 г., сразу потерпело поражение на Московской конференции и, после долгой борьбы, отвергнутое официальным центром фракции, составило за границей *особую фракцию* — «впередовскую». Своеобразие периода распада выразилось в том, что в этой фракции сошлись вместе и те «махисты», которые *в платформу* свою внесли борьбу с марксизмом (под вывеской защиты «пролетарской философии»), и «ультиматисты», эти стыдливые отзовисты, и различного типа «социал-демократы дней свободы», увлеченные «яркостью» лозунгов, затвердившие их, но *не понявшие* основ марксизма.

У меньшевиков тот же процесс отпадения мелко-буржуазных «попутчиков» выразился в течении ликвидаторском, которое вполне оформилось теперь в журнале г. Потресова «Наша Заря», в «Возрождении» и «Жизни», в позиции «16-ти» и «тройки» (Михаила, Романа, Юрия), причем заграничный «Голос Социал-Демократа» занял место *прислужника* русских ликвидаторов на деле и дипломатического прикрывателя их перед партийной публикой.

Не понявши историко-экономического значения этого распада в эпоху контр-революции, этого *отпадения* от Социал-Демократической Рабочей Партии *несоциал-демократических* элементов, Троцкий говорит немецким читателям о «*распаде*» *обеих* фракций, о «*распаде* партии», о «*разложении* партии».

Это — неправда. И эта неправда выражает, во-первых, полнейшее теоретическое непонимание Троцкого. Почему пленум признал *и* ликвидаторство, *и* отзовизм «проявлением буржуазного влияния на пролетариат», этого Троцкий абсолютно не понял. Подумайте в самом деле: распад партии, разложение партии или укрепление и очищение ее выражается в отделении осуждаемых партией течений, выражающих *буржуазное* влияние на пролетариат?

Во-2-х, эта неправда выражает на практике *рекламную* «политику» фракции Троцкого. Что предприятие Троцкого есть попытка создать фракцию, это видят теперь все и каждый, когда Троцкий удалил из «Правды» представителя Ц. К. Рекламируя свою фракцию, Троцкий не стесняется рассказывать немцам, что «партия» *рас*падается, *обе* фракции распадаются, а он, Троцкий, один все спасает. На деле мы все видим теперь, — и новейшая резолюция троцкистов [13]) (от имени венского клуба, 26 ноября 1910 г.) особенно наглядно это показывает, — что *доверием* Троцкий пользуется *исключительно* у ликвидаторов и «впередовцев».

До какой беззастенчивости доходит при этом Троцкий, унижая партию и возвеличивая себя перед немцами, показывает, например, такой пример. Троцкий пишет, что «рабочие массы» в России считают «социал-демократическую партию стоящей *вне* (курсив Троцкого) их круга», и говорит о «социал-демократах без социал-демократии».

Как же г. Потресову и его друзьям не целовать Троцкого за такие речи?

А опровергает эти речи не только *вся* история революции, но даже выборы в III Думу по рабочей курии.

Для работы в легальных организациях, пишет Троцкий, «фракции меньшевиков и большевиков оказались, по их прежнему идейному и организационному укладу, совершенно неспособными»; работали «отдельные группы социал-демократов, но все это происходило вне рамок фракций, вне их организационного воздействия». «Даже важнейшая легальная организация, в которой меньшевики имеют перевес, работает совершенно вне контроля меньшевистской фракции». Так пишет Троцкий. А вот каковы факты. С самого начала существования социал-демократической фракции в III Думе большевистская фракция через своих доверенных людей, имевших полномочия от Ц. К. партии, все время вела работу содействия, помощи, совета и контроля за работой социал-демократов в Думе. То же делает редакция Ц. О. партии, состоящая из представителей фракций (которые распустились, как фракции, в январе 1910 г.).

Когда Троцкий подробно рассказывает немецким товарищам о глупости «отзовизма», изображая это течение, как «кристаллизацию» бойкотизма, свойственного всему большевизму, а затем в двух словах упоминает, что большевизм «не дал себя осилить» отзовизму, а «выступил против него решительно или, вернее, необузданно», то немецкий читатель, конечно, не представляет себе, сколько утонченного вероломства в подобном изложении. Иезуитская «резервация» Троцкого состоит в опущении маленькой, совсем маленькой «мелочи». Он «забыл» рассказать, что еще весной 1909 года большевистская фракция на официальном собрании ее представителей отстранила от себя, исключила отзови-

стов. Но как раз эта «мелочь» и неудобна Троцкому, желающему говорить о «*рас*паде» большевистской фракции (а затем и партии), а не об *от*падении несоциал-демократических элементов!

Мартова мы считаем теперь одним из вождей ликвидаторства, тем более опасным, чем «искуснее» защищает он ликвидаторов квази-марксистскими словами. Но Мартов открыто излагает взгляды, наложившие свой отпечаток на целые течения в массовом рабочем движении 1903—1910 годов. Троцкий же представляет только свои личные колебания и ничего больше. Он был в 1903 г. меньшевиком; отошел от меньшевизма в 1904 г., вернулся к меньшевикам в 1905 г., щеголяя лишь ультра-революционной фразой; в 1906 г. опять отошел; в конце 1906 г. защищал избирательные соглашения с кадетами (т.-е. фактически опять был с меньшевиками), а весной 1907 г. на Лондонском съезде говорил, что его различие от Розы Люксембург есть «скорее различие индивидуальных оттенков, чем политических направлений». Троцкий совершает плагиат сегодня из идейного багажа одной фракции, завтра — другой, и поэтому объявляет себя стоящим *выше* обеих фракций. Троцкий в теории *ни в чем* не согласен с ликвидаторами и отзовистами, а *на практике во всем* согласен с голосовцами и впередовцами.

Поэтому, если немецким товарищам Троцкий говорит, что он представляет «общепартийную тенденцию», то мне приходится заявить, что Троцкий представляет лишь *свою* фракцию и пользуется некоторым доверием *исключительно* у отзовистов и ликвидаторов. Вот факты, доказывающие правильность моего заявления. В январе 1910 г. Центральный Комитет нашей партии установил тесную связь с газетой Троцкого «Правда», назначив в редакцию представителя Ц. К. В сентябре 1910 г. в Центральном Органе партии напечатано о *разрыве* представителя Ц. К. с Троцким из-за антипартийной политики Троцкого. В Копенгагене Плеханов, как представитель партийных меньшевиков и делегат редакции Ц. О., вместе с пишущим эти строки, как представителем большевиков, и польским товарищем заявили решительный протест против того, как изображает Троцкий в немецкой печати наши партийные дела [11]).

Пусть судят теперь читатели, представляет ли Троцкий «общепартийную» или «обще*анти*партийную» тенденцию в российской социал-демократии.

«Дискуссионный Листок» № 3. 12 мая (29 апреля) 1911 г.
Подпись: Н. Ленин.

О СТАТИСТИКЕ СТАЧЕК В РОССИИ [15])

Написано в конце 1910 г.
Напечатано в декабре 1910 г. и в январе 1911 г. в журнале «Мысль» [16]) №№ 1 и 2
Подпись: В. Ильин

Печатается по тексту журнала

МЫСЛЬ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ
ФИЛОСОФСКІЙ и ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 1.
ДЕКАБРЬ.
1910.

СОДЕРЖАНІЕ:

МОСКВА.

Обложка журнала «Мысль» № 1 — 1910 г.

Уменьшено

I.

Известные издания министерства торговли и промышленности «Статистика стачек рабочих на фабриках и заводах» за десятилетие 1895—1904 и за 1905—8 годы были уже неоднократно отмечены нашей литературой. Материал, собранный в этих изданиях, так богат и так ценен, что полное изучение и всесторонняя разработка его потребует еще очень много времени. Разработка, сделанная в названном издании, есть только первый приступ к делу, далеко и далеко недостаточный. В настоящей статье мы намерены ознакомить читателей с предварительными итогами одного опыта более детальной разработки, откладывая полное изложение до другого места.

Вполне установлен прежде всего тот факт, что стачки в России в 1905—7 годах представляют из себя явление, невиданное в мире. Вот данные о числе стачечников в тысячах по годам и странам:

Среднее	Россия	Соед. Штаты Америки	Германия	Франция
За 1895—04 г.г. . . .	43			
» 1905 г.	2.863	660	527	438
» 1906 г.	1.108	максимум за все пятнадцатилетие 1894—1908 г.г.		
» 1907 г.	740			
» 1908 г.	176			
» 1909 г.[17])	64			

Трехлетие 1905—7 г.г. выдается из ряду вон. Минимум числа стачечников в России за это трехлетие превышает максимум, когда бы то ни было достигавшийся в наиболее капиталистических странах мира. Это не значит, конечно, что русские рабочие развитее или сильнее, чем на Западе. Но это значит, что человечество до сих пор не знало, какую энергию *способен* развить в данной области промышленный пролетариат. Своеобразие исторического хода событий выразилось в том, что приблизительные размеры этой способности впервые обнаружились в одной отсталой стране, переживающей еще буржуазную революцию.

Чтобы уяснить себе, каким образом в России, при небольшом, по сравнению с Западной Европой, числе фабрично-заводских рабочих, могло быть так велико число стачечников, надо принять во внимание *повторные* стачки. Вот данные о числе повторных стачек по годам в связи с отношением числа стачечников к числу рабочих:

Годы:	Процентное отношение числа стачечников к общему числу рабочих:	Процентное отношение числа повторных случаев стачек к общему числу стачек:
1895—1904	1,46%—5,10%	36,2%
1905	163,8	85,5
1906	65,8	74,5
1907	41,9	51,8
1908	9,7	25,4

Мы видим отсюда, что трехлетие 1905—1907 г.г., выходящее из ряду вон по общему числу стачечников, выделяется также по частоте повторных стачек и по высоте процентного отношения числа стачечников к общему числу рабочих.

Статистика дает нам также действительное число заведений, охваченных стачками, и рабочих, участвовавших в стачках; вот эти данные по годам:

	Процент участников стачек в заведениях, пораженных стачками, к общему числу рабочих:
За 10 лет (1895—1904) в совокупности	27,0%
» 1905 год	60,0
» 1906 »	37,9
» 1907 »	32,1
» 1908 »	11,9

И эта табличка, подобно предыдущей, показывает, что упадок числа стачечников с 1906 по 1907 год *гораздо слабее*, в общем, чем упадок с 1905 по 1906 год. Мы увидим в дальнейшем изложении, что в некоторых производствах и в некоторых районах с 1906 по 1907 г. наблюдается не упадок, а усиление стачечного движения. Пока отметим, что погубернские данные о числе рабочих, действительно участвовавших в стачках, показывают следующее интересное явление. С 1905 по 1906 год процент рабочих, участвовавших в стачках, понизился в громадном большинстве губерний с развитой промышленностью; но есть ряд губерний, в которых этот процент *повысился* с 1905 по 1906 год. Это — наименее промышленные, наиболее захолустные, так сказать, губернии. Сюда относятся, например, губернии дальнего севера: Архангельская (11 тыс. фабрично-заводских рабочих; 1905 г. — 0,4 проц. раб., участвовавших в стачках; 1906 г. — 78,6 проц.), Вологодская (6 тыс. фабр.-завод. рабочих; 26,8 проц.—

40,2 проц. за те же годы), Олонецкая (1 тыс. фабр.-зав. раб.; 0—2,6 проц.); затем губерния Черноморская (1 тыс. фаб.-зав. раб.; 42,4 проц. — 93,5 проц.); из поволжских — Симбирская (14 тыс. фабрично-завод. раб.; 10,0 проц. — 33,9 проц.); из центральных земледельческих — Курская (18 тыс. фабр.-зав. раб.; 14,4 проц.— 16,9 проц.); из восточной окраины — Оренбургская (3 тыс. фабр.-зав. раб.; 3,4 проц. — 29,4 проц.).

Ясно, какое значение имеет повышение процента участников стачек в этих губерниях с 1905 по 1906 год: до них волна не успела докатиться в 1905 году, они начали втягиваться в движение лишь после годовой, невиданной в мире, борьбы более передовых рабочих. С этим явлением, очень важным для понимания исторического хода событий, мы встретимся неоднократно в дальнейшем изложении.

Наоборот, с 1906 по 1907 год процент участников стачек повышается в некоторых очень промышленных губерниях, например, в Петербургской (68,0 проц. в 1906 г.; 85,7 проц. в 1907 — почти столько же, сколько в 1905 г., 85,9 проц.), во Владимирской (37,1 проц. — 49,6 проц.), Бакинской (32,9 проц. — 85,5 проц.), Киевской (10,9 проц. — 11,4 проц.) и в ряде других. Таким образом, если в увеличении процента стачечников по ряду губерний с 1905 по 1906 год мы наблюдаем арьергард рабочего класса, опоздавший к моменту наибольшего развития борьбы, то увеличение этого процента в ряде других губерний с 1906 по 1907 год показывает нам авангард в его стремлении снова поднять борьбу, приостановить начавшееся отступление.

Чтобы сделать этот верный вывод более точным, приведем абсолютные цифры числа рабочих и числа действительных участников стачек по губерниям первого и второго рода:

Губернии, в которых % рабочих, участвовавших в стачках, повысился с 1905 по 1906 год:

Число таких губерний:	Число фабрично-заводских рабочих в них:	Число рабочих, действительно участвовавших в стачках: в 1905 г.	1906 г.
10	61.800	6.564	21.484

В среднем на губернию приходится по 6 тыс. фабр.-зав. рабочих. Увеличение числа рабочих, действительно участвующих в стачках, составляет всего 15 тысяч.

Губернии, в которых % рабочих, участвовавших в стачках, повысился с 1906 по 1907 год [18]):

Число таких губерний:	Число фабрично-заводских рабочих в них:	Число рабочих, действительно участвовавших в стачках: в 1906 г.	1907 г.
19	572.132	186.926	285.673

В среднем на губернию приходится по 30 тыс. фабрично-зав. рабочих. Увеличение числа рабочих, действительно участво-

вавших в стачках, составляет до 100 тысяч, а если вычесть нефтяников Бакинской губ., не считанных в 1906 году (вероятно, не более 20—30 тысяч), то около 70 тысяч.

Роль арьергарда в 1906 году и авангарда в 1907 г. выступает в этих данных отчетливо.

Для более точного суждения об этих размерах следует взять данные по районам России и сопоставить число стачечников с числом фабрично-заводских рабочих. Вот сводка этих данных:

Фаб.-зав. округа	Число фабр.-зав. рабоч. в 1905 г. (тыс.)	Число стачечников (в тыс.) за годы:				
		1895—1904 в сумме	1905	1906	1907	1908
I. Петербургский . . .	298	137	1 033	307	325	44
II. Московский	567	123	540	170	154	28
III. Варшавский	252	69	887	525	104	35
IV—VI: Киевский, Поволжский и Харьковский	543	102	403	106	157*	69*
Всего	1 660	431	2 863	1 108	740	176

Рабочие разных районов неравномерно участвовали в движении. В общем, 1.660 тыс. рабочих выставили 2.863 тыс. стачечников, т.-е. 164 стачечника на каждую сотню рабочих или, говоря иными словами, несколько больше чем половина рабочих бастовала в 1905 г. в среднем по два раза. Но эти средние затушевывают коренное различие между петербургским и варшавским округами, с одной стороны, и всеми остальными, с другой. В петербургском и варшавском округах вместе $^1/_3$ всего числа фабр.-зав. рабочих (550 тыс. из 1.600), а стачечников они выставили $^2/_3$ всего числа (1.920 тыс. из 2.863). В этих округах каждый рабочий бастовал в среднем почти по 4 раза в 1905 г. В остальных округах приходится на 1.110 тыс. рабочих 943 тыс. стачечников, т.-е. пропорционально вчетверо меньше, чем в двух вышеназванных. Уже отсюда видно, как неверны утверждения либералов, повторяемые нашими ликвидаторами, будто рабочие переоценили свои силы. Наоборот, факты доказывают, что они недооценили свои силы, ибо не доиспользовали их. Если бы энергия и упорство стачечной борьбы (мы говорим здесь только об одной этой форме борьбы) во всей России были таковы же, как в окру-

*) Эти цифры не вполне сравнимы с данными за предыдущие годы, ибо в 1907 г. впервые включены рабочие на нефтяных промыслах. Преувеличение, наверно, не более, чем на 20—30 тыс.

гах петербургском и варшавском, то общее число стачечников было бы *вдвое больше*. Другими словами этот вывод можно выразить так: рабочие могли оценить только половину своих сил в данной области движения, ибо другую половину они еще не использовали. Говоря географически: запад и северо-запад уже проснулись, но центр, восток и юг наполовину спали. Развитие капитализма с каждым днем делает кое-что для пробуждения запоздавших.

Следующий важный вывод из порайонных данных состоит в том, что с 1905 по 1906 год упадок движения был повсеместный, хотя и неравномерный; с 1906 же по 1907 год, при громадном упадке в округе варшавском, при очень небольшом уменьшении в округах московском, киевском и поволжском, мы видим *увеличение* в округах петербургском и харьковском. Это значит, что при данном уровне сознательности и подготовки населения рассматриваемая форма движения в течение 1905 года исчерпала себя; она должна была, поскольку не исчезли объективные противоречия социально-политической жизни, перейти в высшую форму движения. Но после годичного, если можно так выразиться, отдыха или периода собирания сил, в течение 1906 года, новый подъем наметился и начался в части страны. Если либералы, а за ними ликвидаторы, оценивая этот период, говорят презрительно об «ожиданиях романтиков», то марксист должен сказать, что, отворачиваясь от поддержки этого частичного подъема, либералы подрывали последнюю возможность отстаивания демократических приобретений.

По вопросу о территориальном распределении стачечников следует отметить еще, что громадное большинство их приходится на *шесть* губерний с сильно развитой промышленностью и с большими городами в пяти из них. Вот эти шесть губерний: Петербургская, Московская, Лифляндская, Владимирская, Варшавская и Петроковская. В этих губерниях было в 1905 г. 827 тыс. фабр.-зав. рабочих из всего числа 1.661 тыс., т.-е. почти половина общего числа. Стачечников же в них было за десятилетие 1895—1904 г.г. в сумме 246 тыс. из 431 тыс., т.-е. около 60 проц. всего числа стачечников; в 1905 г. — 2.072 тыс. из 2.863 тыс., т.-е. около 70 проц.; в 1906 г. — 852 тыс. из 1.108 тыс., т.-е. около 75 проц.; в 1907 г. — 517 тыс. из 740 тыс., т.-е. около 70 проц.; в 1908 г. — 85 тыс. из 176 тыс., т.-е. менее половины *).

Итак, роль этих шести губерний в трехлетие 1905—7 г.г. была *выше*, чем в период предыдущий и последующий. Ясно, значит, что крупные городские и в том числе столичные центры

*) В 1908 году во главе губерний с значительным числом стачечников стоит Бакинская с 47 тыс. стачечников. Последние могикане массовой политической стачки!

развили за это трехлетие гораздо более высокую энергию, чем все остальные местности. Рабочие, разбросанные по деревням и по сравнительно мелким городским и промышленным центрам, составляя половину общего числа рабочих, выставили в 1895—04 годах 40 проц. всего числа стачечников, а в 1905—7 г.г. всего 25—30 проц. Дополняя вышеделанный вывод, мы можем сказать, что крупные города проснулись, а мелкие и деревни в значительной степени еще спали.

Относительно деревни вообще, т.-е. фабр.-зав. рабочих, живущих в деревнях, есть кроме того данные статистики о *числе стачек* (не о числе стачечников) в городах и вне городов. Вот эти данные:

	Число стачек		
	В городах:	Вне городов.	Всего:
За 10 лет (1895—04) в сумме	1.326	439	1.765
1905 год	11.891	2.104	13.995
1906 »	5.328	786	6.114
1907 »	3.258	315	3.573
1908 »	767	125	892

Составители официальной статистики, приводя эти данные, указывают, что по известным исследованиям г. Погожева из всего числа фабрик и заводов России 40 проц. находится в городах, 60 проц. вне городов [19]). Следовательно, если в обычное время (1895—04) число стачек в городах втрое превышает число их в деревнях, то процентное отношение числа стачек к числу заведений *в 4¹/₂ раза* больше в городах, чем в деревнях. В 1905 году это отношение было приблизительно 8:1; в 1906—9:1; в 1907—15:1; в 1908 *)—6:2. Другими словами: *роль* городских фабрично-заводских рабочих в стачечном движении была гораздо сильнее в 1905 году, чем в предыдущие годы, по сравнению с ролью живущих в деревнях фабрично-заводских рабочих, при чем в 1906 и 1907 годы эта роль становилась все больше и больше, т.-е. пропорциональное участие деревенских в движении становилось все меньше и меньше. Живущие в деревнях фабрично-заводские рабочие, наименее подготовленные к борьбе десятилетием 1895—04 г.г., проявили наименьшую устойчивость, всего быстрее перейдя в отступление после 1905 года. Авангард, т.-е. городские фабрично-заводские рабочие, в 1906 году употреблял особые усилия, а в 1907 году *еще большие, чем в 1906 г.*, чтобы задержать это отступление.

Рассмотрим, далее, распределение стачечников по производствам. Для этого мы выделим четыре главные группы производств: А) металлисты; Б) текстильные рабочие; В) типографы, древооб-

---

*) В 1908 г. в число стачек вошли 228, а в 1907—230 стачек на нефтяных промыслах, впервые подчиненных инспекции в 1906 г.

делочники, кожевенники и рабочие химических производств; Г) рабочие в обработке минеральных веществ и в производстве питательных продуктов. Вот данные по годам [20]):

Группы производств:	Все число фабр.-зав. рабочих в 1904 г.	Число стачечников (в тыс.) за годы:				
		1895—04 в сумме	1905	1906	1907	1908
А	252	117	811	213	193	41
Б	708	237	1.296	640	[illegible]	56
В	277	38	471	170	179	24
Г	454	39	285	85	66	55
Всего . . .	1.691	431	2.863	1.108	740	176

Металлисты были лучше всего подготовлены десятилетием перед 1905 г. За это десятилетие из них бастовало почти половина (117 из 252). Будучи наилучше подготовлены, они стоят впереди всех и в 1905 г. Число стачечников у них *более чем втрое* превышает число рабочих (811 против 252). Еще рельефнее выступает роль этого авангарда при разборе помесячных данных за 1905 г. (подробное рассмотрение этих данных невозможно в краткой статье, и мы откладываем его до другого места). Из всех месяцев 1905 года у металлистов максимум стачечников приходится не на октябрь, как во *всех* остальных группах производств, а на январь. Авангард с максимальной энергией начал движение, «раскачивая» остальную массу. За один январь месяц 1905 г. у металлистов бастовало 155 тысяч человек, т.-е. две трети всего числа металлистов (252 т.); за один месяц число стачечников значительно больше, чем за десять лет перед этим (155 против 117). Но эта, почти сверхчеловеческая энергия исчерпывает силы авангарда к концу 1905 года: металлисты стоят на первом месте по размеру упадка движения в 1906 году. Уменьшение числа стачечников у них максимальное: с 811 до 213, т.-е. почти вчетверо. К 1907 году авангард сбирается опять с силами: число стачечников уменьшается очень незначительно в общем (с 213 до 193), а по трем главнейшим производствам из группы производств по обработке металлов, именно по машиностроительному, судостроительному и чугунолитейному, число стачечников *увеличивается* с 104 тыс. в 1906 г. до 125 тыс. в 1907 г.

Текстильщики составляют главную массу русских фабрично-заводских рабочих, немного менее $^1/_2$ общего числа (708 из 1.691). По подготовке за 10 лет перед 1905 г. они стоят на втором месте:

*

бастовало $^1/_3$ общего числа (237 из 708). По силе движения в 1905 г. тоже на втором месте: около 180 стачечников на 100 рабочих. Они втягиваются в борьбу позже, чем металлисты: в январе у них было немногим больше стачечников, чем у металлистов (164 тыс. против 155), в октябре больше, чем в два раза (256 тыс. против 117). Позже втянутая в движение, эта главная масса всех более стойко держится в 1906 году: упадок в этом году всеобщий, но у текстильщиков он *меньше всех*, у них уменьшение вдвое (640 против 1.296), у металлистов почти вчетверо (213 и 811), у остальных в $2^1/_2$ — $3^1/_2$ раза. Лишь к 1907 году силы главной массы оказываются тоже исчерпанными: с 1906 по 1907 год именно в этой группе упадок *самый большой*, больше чем вдвое (302 против 640).

Не останавливаясь на детальном разборе данных по остальным производствам, отметим только, что позади всех стоит разряд Г, наиболее слабо подготовленный и наиболее слабо участвовавший в движении. Если взять за норму металлистов, то можно сказать, что за разрядом Г «осталось в долгу» свыше миллиона стачечников за один 1905 год.

Отношение между металлистами и текстильщиками характерно, как отношение передового слоя к широкой массе. При отсутствии в 1895 — 04 г.г. свободных организаций, свободной печати, парламентской трибуны и т. п., массы не могли сплачиваться в 1905 г. иначе, как стихийно, в ходе самой борьбы. Механизм этого сплачивания состоял в том, что поднималась волна за волной стачечников, при чем для «раскачивания» широкой массы авангарду приходилось затрачивать такую громадную энергию в начале движения, что он оказывался сравнительно ослабленным ко времени апогея движения. В январе 1905 г. было 444 тыс. стачечников, из них металлистов 155 тыс., т.-е. 34 проц., а в октябре все число стачечников 519 тыс., из них металлистов — 117 тыс., т.-е. 22 проц. Понятно, что такая неравномерность движения равносильна известной растрате сил вследствие их раздробления, их недостаточной концентрации. Это значит, во-1-х, что эффект мог бы быть повышен лучшей концентрацией сил, а, во-2-х, что по объективным условиям изучаемой эпохи в начале каждой волны был неизбежен, и для достижения успеха необходим, ряд действий ощупью, так сказать, разведок, пробных движений и т. п. Поэтому, когда либералы, а за ними ликвидаторы вроде Мартова, с точки зрения своей теории о «переоценке своих сил пролетариатом» обвиняют нас в том, что мы «плелись за стихийной классовой борьбой», то эти господа выносят сами себе приговор и преподносят нам, против воли, величайший комплимент.

Чтобы закончить обзор погодных данных о стачках, остановимся еще на цифрах, характеризующих размер и продолжительность стачек и величину убытков от стачек.

Среднее число участников стачки было:

За 10 лет (1895—1904)	244 рабочих.
» 1905 год	206 »
» 1906 »	181 »
» 1907 »	207 »
» 1908 »	195 »

Уменьшение размера стачек (по числу участников) в 1905 году объясняется вовлечением в борьбу массы мелких заведений, которые понизили средние числа участников. Дальнейшее уменьшение в 1906 г. отражает, видимо, понижение энергии борьбы. 1907 год и здесь дает некоторый шаг вперед.

Если мы возьмем среднее число участников чисто-политических стачек, то получим такие цифры по годам: 1905 — 180; 1906 — 174; 1907 — 203; 1908 — 197. Эти цифры еще рельефнее указывают на понижение энергии борьбы в 1906 году и новое возрастание в 1907, или (а может быть вместе с тем) преимущественное участие в движении 1907 г. самых крупных заведений.

Число забастовочных дней на 1 рабочего забастовщика было:

За 10 лет (1895—1904)	4,8 дня.
» 1905 год	8,7 »
» 1906 »	4,9 »
» 1907 »	3,2 »
» 1908 »	4,9 »

Упорство борьбы, характеризуемое этими цифрами, было выше всего в 1905 году, — затем оно быстро понижалось до 1907 года и возросло лишь в 1908 году. Надо отметить, что по упорству борьбы западно-европейские стачки стоят несравненно выше. Число забастовочных дней на 1 рабочего-забастовщика составляло за пятилетие 1894 — 98 г.г. 10,3 для Италии, 12,1 для Австрии, 14,3 для Франции и 34,2 для Англии.

Если выделить чисто политические стачки, то получим такие цифры: 1905 — 7,0 дней на 1 забастовщика; 1906 — 1,5; 1907 — 1,0 день. Стачки по экономическим причинам отличаются всегда бóльшей продолжительностью борьбы.

Принимая во внимание различное упорство стачечной борьбы за разные годы, мы получаем тот вывод, что данные о числе стачечников недостаточно еще определяют сравнительные размеры движения за разные годы. Точным определителем служит число забастовочных поденщин, которое составляло по годам:

		В том числе в чисто политических стачках:
За 10 лет (1895—04)	в сумме: 2.079.408	—
» 1905 год	» » 23.609.387	7.569.708
» 1906 »	» » 5.512.749	763.605
» 1907 »	» » 2.433.123	521.647
» 1908 »	» » 864.666	89.021

Таким образом, точно определенные размеры движения за один только 1905 год *в 11 с лишним раз* больше движения за все 10 лет перед тем в сумме. Говоря иначе: размеры движения за 1905 год *в 115 раз* превышают *средние годовые* размеры движения за предыдущее 10-тилетие.

Это соотношение показывает нам, насколько близоруки люди, слишком часто встречающиеся среди официальных ученых (да и не среди них одних), которые принимают темп социально-политического развития, наблюдаемый в так называемые «мирные», «органические», «эволюционные» эпохи, за норму для всех случаев, за показатель возможной для современного человечества быстроты развития. На самом деле темп «развития» в так называемые «органические» эпохи есть показатель максимального застоя, максимальных помех развитию.

По данным о числе забастовочных поденщин составитель официальной статистики определяет понесенные промышленностью убытки. Эти убытки (недоработка продукта) составили за 10 лет, 1895—1904, в сумме—10,4 миллионов рублей, за 1905 г. 127,3 милл., за 1906 г.—31,2 милл., за 1907 г.—15,0 милл. и за 1908 г.—5,8 милл. руб. За три года, 1905—1907, недоработка продукта составила, следовательно, 173,5 милл. руб.

Убытки рабочих от недополучения заработка за забастовочные дни (определенные по размеру средней поденной платы в разных производствах) составили за рассматриваемые годы в тысячах рублей:

Группы производств (см. выше, стр. 18. *)	Число фабрично-зав. рабочих в 1903 г. в тысячах	Размеры убытков рабочих от стачек в тыс. рублях				
		1895—04 в сумме	1905	1906	1907	1908
А.......	252	650	7.654	891	450	132
Б.......	708	715	6.794	1.968	659	228
В.......	277	137	1.997	610	576	69
Г.......	454	95	1.096	351	130	22
Всего.	1.691	1.597	17.541	3.820	1.815	451

За три года, 1905—7, убытки рабочих составили 23,2 милл. рублей, т.-е. в 14 с лишним раз больше чем за все десять лет перед тем, взятые вместе **). Составитель официальной ста-

*) См. настоящий том, стр. 35. *Ред.*

**) Необходимо иметь в виду, что *часть* этих убытков в эпоху наиболее сильного движения рабочие переложили на предпринимателей. Статистика должна была выяснить, начиная с 1905 года, особую причину стачек (группа причин *3 б*, по официальной номенклатуре): *требо-*

тистики рассчитывает, что эти убытки составляли в среднем на одного рабочего, занятого в фабрично-заводской промышленности (а не на одного стачечника), около 10 коп. в год за первое десятилетие, около 10 рублей в 1905 г., около 2 рублей в 1906 г., около 1 руб. в 1907 году. Но этот расчет оставляет в стороне громадные различия в рассматриваемом отношении между рабочими различных производств. Вот более детальный расчет, сделанный на основании цифр только что приведенной таблицы:

Группы производств:	Средний размер убытков (в рублях) от стачек на 1 рабочего, занятого в фабрично-зав. промышленности				
	За 10 лет, 1895—1904 в сумме	1905	1906	1907	1908
А...........	2,6	29,9	3,5	1,8	0,5
Б...........	1,0	9,7	2,8	0,9	0,3
В...........	0,5	7,2	2,2	2,1	0,2
Г...........	0,2	2,4	0,7	0,3	0,05
Всего...	0,9	10,4	2,3	1,1	0,3

Отсюда видно, что на одного металлиста (группа А) размер убытков от стачек в 1905 году составлял почти 30 рублей, втрое больше среднего, свыше чем вдесятеро больше, чем средний размер убытков рабочего в обработке минеральных веществ и питательных продуктов (группа Г). Сделанный нами выше вывод, что металлисты исчерпали свои силы в рассматриваемой форме движения к концу 1905 года, еще рельефнее подтверждается данной таблицей: в группе А размер убытков с 1905 по 1906 год уменьшился в 8 с лишним раз, в остальных группах в 3—4 раза.

Заканчивая этим разбор погодных данных статистики стачек, мы перейдем в следующей статье к изучению помесячных данных.

II.

Для изучения волнообразного характера стачечного движения годичный период слишком велик. Мы имеем теперь стати-

вание уплаты за время стачки. Число случаев предъявления этого требования было в 1905 г.—632, в 1906—256, в 1907—48 и в 1908—9 (до 1905 года это требование не предъявлялось вовсе). Результаты борьбы рабочих за это требование известны только за 1906 и 1907 г.г. и только два-три случая, когда указанная причина была *главною:* в 1906 г. из 10.966 рабочих, бастовавших, главным образом, по этой причине, 2.171 выиграли стачку, 2.626 проиграли, 6.169 кончили компромиссом. В 1907 г. из 93 рабочих, бастовавших, главным образом, по этой причине, ни один не выиграл стачки, 52 проиграли, 41 кончил компромиссом. Из всего, что нам известно о стачках в 1905 г., следует предположить, что в 1905 г. стачки, вызванные этой причиной, были успешнее, чем в 1906 году.

стическое право сказать, что в трехлетие 1905—7 г.г. каждый месяц шел за год. Рабочее движение за эти три года прожило 30 лет. В 1905 году число стачечников ни в один месяц не опускалось ниже *годового* минимума стачечников за 10-летие 1895—1904 г.г., а в 1906 и 1907 г.г. таких месяцев было только по два.

К сожалению, разработка помесячных данных, как и данных по отдельным губерниям, очень неудовлетворительна в официальной статистике. Многие сводки приходится делать заново. По этой причине, а также по соображениям места, мы ограничимся пока данными *о четвертях года*. Заметим по поводу разделения экономических и политических стачек, что официальная статистика дает не вполне сравнимые данные за 1905 и за 1906—7 годы. Смешанные стачки — по официальной номенклатуре разряды 12 с экономическими требованиями и 12 б. с экономическими требованиями — в 1905 г. считались политическими, а позднее экономическими. Мы и за 1905 г. относим их к экономическим.

Число стачечников в тысячах [21]):

Годы:	1905				1906				1907			
Четверти года:	I	II	III	IV	I	II	III	IV	I	II	III	IV
Всего . . .	810	481	294	1.277	269	479	296	63	146	323	77	193
В том числе: эконом.	604	239	165	430	73	222	125	37	52	52	66	30
В том числе: полит. .	206	242	129	847	196	257	171	26	94	271	11	163

Чертой обведены те периоды, которые показывают наибольший подъем волны. Уже с первого взгляда на таблицу бросается в глаза, что эти периоды совпадают с кардинальной важности политическими событиями, характеризующими все трехлетие. 1905 I — девятое января и его последствия; 1905 IV — октябрьские и декабрьские события; 1906 II — первая Дума; 1907 II — вторая Дума; в последней четверти 1907 года подъем наименьший, объясняемый политической забастовкой в ноябре (134 тыс. стачечников) по поводу суда над втородумскими рабочими депутатами. Таким образом этот период, заканчивающий трехлетие и являющийся переходным к иной полосе русской истории, есть как раз такое исключение, которое подтверждает правило: если подъем стачечной волны не означает здесь общего социально-политического подъема, то при ближайшем рассмотрении оказывается, что не было и стачечной *волны*, а была одиночная стачка-демонстрация.

Правилом для изучаемого трехлетия является то, что подъем стачечной волны означает критические, поворотные пункты всей социально-политической эволюции страны. Статистика стачек воочию показывает нам главную движущую силу этой эволюции.

Это не значит, конечно, чтобы рассматриваемая форма движения была единственной или высшей формой, — мы знаем, что это не так, — это не значит, чтобы можно было сделать непосредственные заключения от данной формы движения к частным вопросам социально-политической эволюции. Но это значит, что перед нами статистическая картина (конечно, далеко не полная картина) движения такого класса, который был главной пружиной общего направления событий. Движение других классов группируется вокруг этого центра, за ним следует, им направляется или определяется (в положительную или в отрицательную сторону), от него зависит.

Достаточно вспомнить главные моменты политической истории России за рассматриваемое трехлетие, чтобы убедиться в правильности этого вывода. Возьмем первую четверть 1905 года. Что показывает нам канун ее? Известную земско-банкетную кампанию. Правильно ли было оценивать выступления рабочих в этой кампании как «высший тип демонстрации»? Правильны ли были речи о невызывании «паники» у либералов? Поставьте эти вопросы в рамку статистики стачек (1903 год: 87 тыс., 1904 год: 25 тыс., январь 1905: 444 тыс., в том числе 13 тыс. политических), и ответ будет ясен. Вышеуказанный спор о тактике в земской кампании лишь отражает коренящийся в объективных условиях антагонизм либерального и рабочего движения.

Что видим мы после январского *) подъема? Известные февральские указы, кладущие начало некоторому преобразованию государственного устройства.

Возьмите 3-ью четверть 1905 года. На первом плане в политической истории закон 6 августа (так называемая Булыгинская Дума). Суждено ли этому закону воплотиться в жизнь? Либералы думают, что да, и постановляют вести линию своего поведения соответственно такому мнению. В лагере марксистов обратный взгляд, неразделяемый теми, кто, объективно, проводит взгляды либерализма. События последней четверти 1905 г. решают спор.

По цифрам, относящимся к целым четвертям года, кажется, что в конце 1905 г. был один подъем. На деле их было два, отделенных небольшим ослаблением движения. В октябре было 519 тыс. стачечников, в том числе 328 тыс. чисто политических, в ноябре 325 тыс. (в том числе 147 тыс. политических) и в декабре 433 тыс. (в том числе 372 тыс. политических). В исторической литературе высказан взгляд либералов и наших ликвидаторов (Череванина и комп.), по которому в декабрьском подъеме

*) По данным о четвертях года выходит, что был один подъем. На деле их было два: в январе — 444 тыс. стачечников, и в мае — 220 тыс. В промежутке минимум приходится на март — 73 тыс.

есть элемент «искусственности». Статистика опровергает этот взгляд, показывая как раз в этом месяце *максимум* числа чисто-политических стачечников: 372 тыс. Понятны те тенденции, которые заставили либералов придти к определенной оценке, но с чисто-научной точки зрения нелепо считать в какой бы то ни было мере «искусственным» движение такого размера, что в один месяц число чисто-политических стачечников составило почти $^9/_{10}$ всего числа стачечников за целое десятилетие.

Возьмем, наконец, два последних подъема весной 1906 и весной 1907 г.г. *). Их общим отличием от январского и майского подъема 1905 года (из которых первый тоже был сильнее второго) является то, что они идут по линии отступления, тогда как первые два шли по линии наступления. Это отличие характеризует вообще два последние года рассматриваемого трехлетия по сравнению с первым годом трехлетия. Следовательно, точной оценкой повышения цифр в указанные периоды 1906 и 1907 г.г. будет та, что эти повышения знаменуют приостановку отступления и попытку отступающих снова перейти в наступление. Таково объективное значение этих подъемов, ясное для нас теперь с точки зрения окончательных результатов всего «трехлетия бури и натиска». Первая и вторая Думы представляли из себя не что иное, как политические переговоры и политические демонстрации наверху по случаю приостановки отступления внизу.

Отсюда ясна вся близорукость либералов, видящих в этих переговорах нечто самодовлеющее, самостоятельное, независимое от того, долго ли протянется и к чему поведет та или иная приостановка отступления. Отсюда ясна объективная зависимость от либералов тех ликвидаторов, которые, подобно Мартову, с презрением говорят теперь об «ожиданиях романтиков» во время отступления [22]). Статистика показывает нам, что дело шло не об «ожиданиях романтиков», а о фактически имевших место перерывах, приостановках отступления. Не будь этих приостановок, событие 3-го июня 1907 года, исторически совершенно неизбежное, поскольку отступления оставались отступлениями, имело бы место раньше, может быть, целым годом, или даже более чем годом раньше.

Рассмотрев историю стачечного движения в связи с главными моментами политической истории, перейдем к изучению

---

*) Надо заметить, что десятилетняя история русских стачек за 1895—1904 г.г. обнаружила обычный подъем экономических стачек во 2-ю четверть года. За все десятилетие среднее число стачечников в год было 43 тыс., а по четвертям года: I—10 тыс.; II—15 тыс.; III—12 тыс. и IV—6 тыс. Совершенно очевидно из одного сравнения цифр, что подъемы весной 1906 и весной 1907 г.г. объясняются не этими «общими» причинами подъема стачек летом в России. Стоит взглянуть на числа политических стачечников.

соотношения экономических и политических стачек. Официальная статистика дает по этому вопросу интереснейшие данные. Возьмем сначала общие итоги по отдельным годам рассматриваемого трехлетия:

	Число стачечников в тысячах:		
	1905	1906	1907
Экономических	1.439	458	200
Политических	1.424	650	540
Всего	2.863	1.108	740

Первый вывод отсюда тот, что экономические и политические стачки находятся в самой тесной связи. Они вместе поднимаются и вместе падают. Сила движения в эпоху наступления (1905 г.) характеризуется тем, что политические стачки как бы воздвигаются на широком базисе не менее сильных экономических стачек, которые, даже взятые отдельно, далеко оставляют позади цифры за все 10-тилетие 1895—1904 г.г.

При упадке движения число экономических стачечников падает быстрее, чем число политических. Слабость движения в 1906 и особенно в 1907 г. характеризуется, несомненно, отсутствием широкой и прочной базы экономической борьбы. С другой стороны, более медленное падение числа политических стачечников вообще и особенно небольшое падение этого числа с 1906 по 1907 г. указывает, видимо, на знакомое уже нам явление: передовые слои с наибольшей энергией стараются приостановить отступление и превратить его в наступление.

Этот вывод вполне подтверждается данными о соотношении экономической и политической стачки по различным группам производств. Чтобы не пестрить статьи цифрами, ограничимся сопоставлением металлистов и текстильщиков по четвертям 1905 года, при чем на этот раз возьмем сводку официальной статистики *), относившей за этот год смешанные стачки к политическим, как было уже указано выше.

		Число стачечников в тысячах:			
	1905 год, четверти:	I	II	III	IV
Группа А (металлисты)	экономических	120	42	37	31
	политических	159	76	63	283
	Всего	279	118	100	314
Группа Б (текстильщики)	экономических	196	109	72	182
	политических	111	154	53	418
	Всего	307	263	125	600

*) По этой сводке, число экономических стачечников в 1905 г. было 1.021 тыс., политических — 1.842 тыс., т.-е. доля экономических стачечников в общей сумме меньше, чем в 1906 г. Мы уже объяснили, что это неверно.

Различие между передовым слоем и широкой массой выступает отчетливо. У передовиков с самого начала чисто экономические стачечники в меньшинстве, как и в течение всего года. Первая четверть и в этой группе характеризуется, однако, очень высоким числом (120 тыс.) чисто экономических стачечников: ясно, что и среди металлистов немало таких слоев, которых надо было «раскачать» и которые начинали движение с предъявления чисто экономических требований. У текстильщиков мы видим в начале движения (I четверть года) громадное преобладание чисто экономических стачечников, которые оказываются в меньшинстве во II четверть года, с тем, чтобы опять получить большинство в III четверть. В последнюю четверть года, во время апогея движения, у металлистов число чисто экономических стачечников равняется 10% общего числа стачечников и 12% всего числа металлистов; — у текстильщиков чисто экономические стачечники за тот же период составляют 30% общего числа стачечников и 25% всего числа текстильщиков.

Совершенно очевидно теперь, какова именно взаимозависимость экономической и политической стачки: без их тесной связи действительно широкое, действительно массовое движение невозможно; конкретной же формой этой связи является, с одной стороны, то, что в начале движения и при втягивании новых слоев в движение чисто экономическая стачка играет преобладающую роль, а, с другой стороны, политическая стачка будит и шевелит отсталых, обобщает и расширяет движение, поднимает его на высшую ступень.

Было бы чрезвычайно интересно проследить детально, как именно в течение всего трехлетия втягивались в движение новички. Данные об этом в основном материале есть, ибо сведения получались на карточках о каждой стачке отдельно. Но обработка этих сведений в официальной статистике очень неудовлетворительна, и масса богатейшего материала, имеющегося в карточках, пропала, не войдя в обработку. Некоторое приблизительное представление дает следующая таблица о числе случаев стачек в процентах к числу заведений различных размеров:

Группы заведений:	Число случаев стачек в %% к числу заведений:				
	За 10 лет (1895—04) в сумме:	За 1905 г.	За 1906 г.	За 1907 г.	За 1908 г.
До 20 рабочих	2,7	47,0	18,5	6,0	1,0
21 — 50 «	7,5	89,4	38,8	19,0	4,1
51 — 100 «	9,4	108,9	56,1	37,7	8,0
101 — 500 «	21,5	1[illegible]0,2	79,2	57,5	16,9
501 — 1.000 «	49,9	163,8	95,1	61,5	13,0
Свыше 1.000 рабочих	89,7	231,9	108,8	83,7	23,0

Тот передовой слой, который мы наблюдали до сих пор по данным о различных районах и различных группах производств, выступает теперь по данным о разных группах заведений. Общим правилом за все года является повышение процента заведений с стачками по мере увеличения размеров заведений. При этом для 1905 года характерно, во-1-х, то, что повторных стачек тем больше, чем крупнее заведение, а во-2-х, что по сравнению десятилетия 1895—1904 г.г. с 1905 годом увеличение процента тем стремительнее, чем *мельче* заведения. Это ясно указывает на особенную быстроту втягивания новичков, привлечения никогда еще не участвовавших в стачках слоев. Быстро вовлеченные в движение в эпоху максимального подъема, эти новички оказываются наименее устойчивыми: падение процента заведений с стачками с 1906 по 1907 год всего сильнее в мелких заведениях, всего слабее в крупных. Авангард дольше всех, настойчивее всех работает над приостановкой отступления.

Но вернемся к данным о соотношении экономической и политической стачки. Данные по четвертям года за все трехлетие, приведенные выше *), показывают прежде всего, что все крупные подъемы связаны с подъемом числа не только политических, но и экономических стачечников. Некоторым исключением является лишь подъем весной 1907 года, когда максимум экономических стачечников приходится не на II, а на III четверть года.

В начале движения (I четверть 1905 г.) мы видим громадное преобладание числа экономических стачечников над политическими (604 и 206 тыс.). Апогей движения (IV четверть 1905 г.) дает новую волну экономических стачек, более слабую, чем январская, при сильном преобладании политической стачки. Третий подъем, весной 1906 г., показывает опять очень большое увеличение числа и экономических и политических стачечников. Одних уже этих данных достаточно для опровержения того мнения, будто соединение экономической и политической стачки было «слабой стороной движения». Такое мнение неоднократно высказывали либералы; его повторял по отношению к ноябрю 1905 г. ликвидатор Череванин; недавно его повторил по отношению к той же эпохе также и Мартов. Особенно часто в подтверждение такого взгляда ссылаются на неудачу борьбы за 8-мичасовой рабочий день [23]).

Факт этой неудачи бесспорен, бесспорно и то, что всякая неудача означает слабость движения, но либеральная точка зрения сказывается в признании «слабой стороной движения» именно соединения экономической борьбы с политической; марксистская точка зрения видит слабость в недостаточности этого соединения,

*) См. настоящий том, стр. 40. *Ред.*

в недостаточно значительном числе экономических стачечников. Статистика наглядно подтверждает правильность марксистского взгляда, обнаруживая «общий закон» трехлетия: усиление движения при усилении экономической борьбы. И этот «общий закон» логически связывается с основными чертами всякого капиталистического общества: в нем всегда будут существовать столь отсталые слои, которых может разбудить лишь самое экстренное обострение движения, а иначе, как с экономическими требованиями, отсталые слои не могут втянуться в борьбу.

Сопоставляя подъем последней четверти 1905 г. с предыдущим и последующим подъемами, т.-е. с первой четвертью 1905 г. и со второй четвертью 1906 г., мы ясно видим, что октябрьско-декабрьский подъем *слабее* и предыдущего и последующего по широте экономической базы, т.-е. по проценту числа экономических стачечников в общем числе стачечников. Несомненно, что требование 8-мичасового рабочего дня отталкивало много таких элементов из буржуазии, которые могли сочувствовать другим стремлениям рабочих. Но так же несомненно, что это требование привлекало много таких элементов не из буржуазии, которые еще не были втянуты в движение, которые, выставив 430 тыс. экономических стачечников в последнюю четверть 1905 г., понизили это число до 73 тыс. в I четверть 1906 г. и снова повысили до 222 тыс. во II четверть 1906 года. Слабостью было, значит, не отсутствие сочувствия буржуазии, а недостаточная поддержка или недостаточно своевременная поддержка элементами не из буржуазии.

Либералу свойственно бояться, что движение рассматриваемого рода отталкивает всегда известные элементы буржуазии. Марксисту свойственно отмечать, что движение рассматриваемого рода привлекает всегда широкие элементы не из буржуазии. Suum cuique — каждому свое.

По вопросу о перипетиях борьбы рабочих и предпринимателей чрезвычайно поучительны данные официальной статистики о результатах стачек. Общие итоги этой статистики таковы:

Результаты стачек	Процент числа стачечников в стачках с указанными результатами:				
	За 10 лет (1895—1904)	За 1905 г.	За 1906 г.	За 1907 г.	За 1908 г.
В пользу рабочих	27,1	23,7	35,4	16,2	14,1
Взаимные уступки (компромисс) . . .	19,5	46,9	31,1	26,1	17,6
В пользу хозяев (против рабочих) . .	51,6	29,4	33,5	57,6	65,8

Общий вывод отсюда прежде всего тот, что максимальная сила движения означает и максимальный успех рабочих. Всего выгоднее для них 1905 год, когда напор стачечной борьбы был наибольший. Этот год выделяется также необыкновенной частотой

компромиссов: стороны еще не приспособились к новым, необычным условиям, предприниматели растерялись под влиянием частоты стачек, и дело чаще, чем когда бы то ни было, кончалось компромиссом. В 1906 году борьба становится упорнее: случаи компромисса несравненно реже; но рабочие в общем все еще побеждают: процент стачечников выигравших больше, чем процент проигравших. Начиная с 1907 года поражения рабочих непрерывно усиливаются, при уменьшении случаев компромисса.

Если взять абсолютные цифры, то увидим, что всего за 10 лет, 1895—1904, в сумме выиграло стачки 117 тыс. рабочих, а за один 1905 год слишком чем втрое больше: 369 тыс., за 1906 год раза в полтора больше: 163 тыс.

Но год — слишком большой период для изучения волнообразного движения стачечной борьбы в трехлетие 1905—1907 г.г. Не приводя помесячных данных, которые заняли бы слишком много места, приведем данные по четвертям года за 1905 и 1906 годы. 1907 год можно опустить, так как по результатам стачек мы не наблюдаем в этом году перерывов, упадков и подъемов, а видим сплошное отступление рабочих и наступление капиталистов, вполне выраженное в приведенных уже данных по годам.

Годы: Результаты стачек.	1905				1906			
Четверти года:	I	II	III	IV	I	II	III	IV
В пользу рабочих	158	71	45	95	34	86	37	6
Компромисс	267	109	61	235	28	58	46	8
В пользу хозяев	179	59	59	100	11	78	42	23
Всего *)	604	239	165	430	73	222	125	37

Из этих данных следуют очень интересные выводы, требующие детального рассмотрения. В общем, мы видели, борьба тем успешнее для рабочих, чем сильнее их напор. Подтверждается ли это приведенными данными? I четверть 1905 г. менее выгодна для рабочих, чем II, хотя движение за этот период ослабело. Это заключение оказывается, однако, ошибочным, ибо трехмесячные данные соединяют вместе январский подъем (321 тыс. экономических стачечников) и упадок в феврале (228 тыс.) и в марте (56 тыс.). Выделяя месяц подъема, январь, видим, что в этом месяце рабочие победили: 87 тыс. забастовщиков выиграли стачки, 81 тыс. проиграли, 152 тыс. кончили компромиссом. Оба месяца упадка в этом периоде (февраль и март) дают поражение рабочих.

Второй период (II четверть 1905 г.) есть период подъема, который достигает апогея в мае. Подъем борьбы означает победу рабочих: 71 тыс. стачечников выиграли стачки, 59 проиграли, 109 тыс. кончили компромиссом.

*) В официальной статистике нет помесячных итогов по данному вопросу; их приходилось суммировать из данных по производствам.

Третий период (III четверть 1905 г.) есть период упадка: число стачечников гораздо меньше, чем во II четверть. Упадок натиска означает победу хозяев: 59 тыс. рабочих проиграли стачки, только 45 выиграли. Процент рабочих, проигравших стачки, равняется *35,6%, т.-е. выше, чем в 1906 году.* Это значит, что та «общая атмосфера сочувствия» рабочим в 1905 г., о которой так много говорят либералы, как о главной причине побед рабочих — (недавно о «главной причине» — сочувствии буржуазии говорил и Мартов) [24]), — нисколько не мешала поражению рабочих, *когда их натиск ослабевал.* Вы сильны, когда вам сочувствуют в обществе, говорят рабочим либералы. Вам сочувствуют в обществе, когда вы сильны, говорят рабочим марксисты.

Последняя четверть 1905 г. кажется исключением: при наибольшем подъеме поражение рабочих. Но это исключение кажущееся, ибо соединены вместе месяц подъема — октябрь, когда рабочие победили и в экономической области (+57, —22: тысячи рабочих, выигравших и проигравших стачки), и месяцы — ноябрь (+25, —47) и декабрь (+12, —31), когда экономическая борьба падала и когда рабочие были побеждены. При этом ноябрь месяц, месяц перелома, месяц наибольших колебаний, наибольшей уравновешенности противоположных сил, наибольшей неизвестности насчет общих итогов и общего направления истории России вообще, истории отношений хозяев к рабочим в частности, этот месяц дает *наибольший* из всех месяцев 1905 года процент случаев компромисса: из 179 тыс. экономических стачечников в этом месяце было 106 тысяч, т.-е. 59,2% стачечников, кончивших борьбу компромиссом *).

Первая четверть 1906 года дает опять кажущееся исключение: наибольший упадок экономической борьбы и наибольший выигрыш рабочих (+34, —11). И здесь соединены вместе месяц поражений рабочих, январь (+4, —6), и месяцы побед рабочих, февраль (+14, —2) и март (+16, —2,5). Число экономических стачечников падает в течение всего этого периода (январь — 26,6 тыс., февраль — 23,3 тыс., март — 23,2 тыс.), но подъем общего движения ясно уже намечается (все число стачечников в январе — 190 тыс., в феврале — 27 тыс., в марте — 52 тыс.).

Вторая четверть 1906 года — крупный подъем движения и выигрыш рабочих (+86, —78); выигрыш этот особенно силен в мае и июне — в июне число экономических стачечников достигает максимума за 1906 год, 90 тыс. — тогда как апрель дает исключение: поражение рабочих, несмотря на рост движения по сравнению с мартом.

---

*) Общее число экономических стачечников составляло в октябре 190 тыс., в ноябре 179 тыс., в декабре 61 тыс.

Начиная с III четверти 1906 года, мы видим непрерывный, в общем, упадок экономической борьбы вплоть до конца года и, соответственно этому, поражения рабочих (незначительное исключение в августе 1906, когда рабочие последний раз победили в экономической борьбе: + 11,3, — 10,3).

Чтобы подвести краткие итоги перипетиям экономической борьбы за 1905 и 1906 годы, можно употребить такой прием. В 1905 году ясно выделяются три главные подъема стачечной борьбы вообще и экономической в частности: январь, май и октябрь. За эти три месяца вместе число экономических стачечников составило 667 тыс. из всего числа 1.439 тыс. за год, т.-е. не четверть, а близко к половине. И все эти три месяца были месяцами побед рабочих в экономической области, т.-е. превышения числа рабочих, выигравших стачки, над числом рабочих, проигравших стачки.

В 1906 году явственно разделяются, в общем и целом, первая и вторая половины года: в первой — приостановка отступления и большой подъем; во второй — большой упадок. На первую половину года приходится 295 тыс. экономических стачечников, на вторую — 162. Первая половина дала рабочим победу в экономической борьбе, вторая — поражение.

Эти общие итоги вполне подтверждают тот вывод, что не «атмосфера сочувствия», не симпатии буржуазии, а сила натиска играла решающую роль и в экономической борьбе.

ГЕРОИ ОГОВОРОЧКИ.

Только что полученная нами десятая книжка журнала г. Потресова и К⁰, «Нашей Зари» [25], дает такие поразительные образчики беззаботности, а вернее: беспринципности в оценке Льва Толстого, на которых необходимо немедленно, хотя бы и вкратце, остановиться.

Вот статья нового ратника потресовской рати, В. Базарова. Редакция несогласна с «отдельными положениями» этой статьи, не указывая, конечно, каковы эти положения. Так ведь много удобнее для прикрытия путаницы! Что касается до нас, то мы затрудняемся указать такие положения этой статьи, которыми мог бы не возмутиться человек, хоть капельку дорожащий марксизмом. «Наша интеллигенция, — пишет В. Базаров, — разбитая и раскисшая, обратившаяся в какую-то бесформенную умственную и нравственную слякоть, достигшая последней грани духовного разложения, единодушно признала Толстого — *всего* Толстого — своей совестью». Это — неправда. Это — фраза. Наша интеллигенция вообще, и интеллигенция «Нашей Зари» в частности, очень похожа на «раскисшую», но никакого «единодушия» в оценке Толстого она не проявила и не могла проявить, никогда *всего* Толстого правильно не оценивала и не могла оценить. И именно отсутствие единодушия прикрывается сугубо лицемерной, вполне достойной «*Нового Времени*», фразой о «совести». Базаров не борется со «слякотью», а поощряет слякоть.

Базарову хочется напомнить о некоторых несправедливостях (!!) по отношению к Толстому, в которых повинны русские интеллигенты вообще, а мы, «радикалы разных толков, в особенности». Тут правды только то, что Базаров, Потресов и К⁰ суть именно «радикалы разных толков», настолько зависимые от всеобщей «слякоти», что во время самого непростительного замалчивания коренных непоследовательностей и слабостей миросозерцания Толстого они петушком, петушком бегут за «всеми», крича о «несправедливости» к Толстому. Они не хотят опьянять себя «тем особенно распространенным среди нас наркотиком, который Толстой называет «озлоблением спора»», — это как раз такие речи

такие напевы, которые требуются обывателями, с бесконечным презрением отворачивающимися от спора из-за каких бы то ни было целиком и последовательно отстаиваемых принципов.

«Главная сила Толстого именно в том и состоит, что он, пройдя через все ступени типичного для современных образованных людей разложения, сумел найти синтез...» Неправда. Именно синтеза ни в философских основах своего миросозерцания, ни в своем общественно-политическом учении Толстой не сумел, вернее: не мог найти. «Толстой впервые (!) объективировал, т.-е. создал не только для себя, но и для других, ту *чисто человеческую* (курсив везде самого Базарова) религию, о которой Конт, Фейербах и другие представители современной культуры могли только субъективно (!) мечтать» и т. д., и т. д.

Этакие речи хуже, чем обычная обывательщина. Это — припаряживание «слякоти» фальшивыми цветами, способное только ввести в обман людей. Более полувека тому назад Фейербах, не умея «найти синтеза» в своем миросозерцании, представлявшем во многих отношениях «последнее слово» немецкой классической философии, запутался в тех «субъективных мечтах», отрицательное значение которых давно уже было оценено действительно передовыми «представителями современной культуры». Объявить теперь, что Толстой «впервые объективировал» эти «субъективные мечтания», значит уходить в лагерь поворачивающих вспять, значит льстить обывательщине, значит подпевать веховщине.

«Само собою разумеется, основанное Толстым движение (!?) должно претерпеть глубокие перемены, если ему действительно суждено сыграть великую всемирно-историческую роль: идеализация патриархально-крестьянского быта, тяготение к натуральному хозяйству и многие другие утопические черты толстовства, которые в настоящее время выпячиваются (!) на первый план и кажутся самым существенным, в действительности являются как раз субъективными элементами, не связанными необходимой связью с основой толстовской «религии».

Итак, «субъективные мечты» Фейербаха Толстой «объективировал», а то, что Толстой отразил и в своих гениальных художественных произведениях и в своем полном противоречий учении, отмеченные Базаровым экономические особенности России прошлого века, это «как раз субъективные элементы» в его учении. Вот что называется попасть пальцем в небо. Но и то сказать: для «интеллигенции, разбитой и раскисшей» (и т. д., как выше цитировано), нет ничего приятнее, желательнее, милее, нет ничего более потворствующего ее раскислости, чем это возвеличение «объективированных» Толстым «субъективных мечтаний» Фейербаха и это *отвлечение* внимания от тех конкретных историко-экономических и политических вопросов, которые «в настоящее время выпячиваются на первый план»!

*

Понятно, что Базарову особенно не нравится «резкая критика», которую вызвало учение о непротивлении злу «со стороны радикальной интеллигенции». Для Базарова «ясно, что о пассивности и квиетизме тут говорить не приходится». Поясняя свою мысль, Базаров ссылается на известную сказку об «Иване Дураке» и предлагает читателю «себе только представить, что солдат посылает на дураков не тараканский царь, а их собственный поумневший повелитель Иван, что при помощи этих солдат, набранных из самих же дураков и, следовательно, близких к ним по всему своему душевному складу, Иван хочет принудить своих подданных к выполнению каких-либо неправедных требований. Совершенно очевидно, что дуракам, почти безоружным и не знакомым с ратным строем, нечего и мечтать о *физической* победе над войсками Ивана. Даже при условии самого энергичного «сопротивления с насилием» дураки могут победить Ивана не физическим, а только *моральным* воздействием, т.-е. только путем так называемой «деморализации» солдат Иванова войска»... «Сопротивление дураков с насилием достигает того же результата (но только хуже и с большими жертвами), как и сопротивление без насилия»... «Непротивление злу насилием или, общее, гармония средства и цели (!!) отнюдь не является идеей, свойственной только внеобщественным моральным проповедникам. Идея эта есть необходимая составная часть всякого цельного миросозерцания».

Так рассуждает новый ратник потресовской рати. Разбирать его рассуждения мы здесь не можем, да, пожалуй, достаточно на первый раз просто воспроизвести из них главное и добавить три слова: это — чистейшая веховщина.

Из заключительных аккордов кантаты на тему о том, что уши выше лба не растут: «Незачем изображать нашу слабость в виде силы, в виде превосходства над «квиетизмом» и «ограниченной рассудочностью» (а над непоследовательностью рассуждений?) Толстого. Этого не следует говорить не только потому, что это противоречит истине, но и потому также, что это мешает нам учиться у величайшего человека нашего времени.»

Так. Так. Не к чему только сердиться, господа, и отвечать смешной бравадой и бранью (как г. Потресов в №№ 8 — 9 «Нашей Зари»), если вас благословляют, одобряют и лобызают Изгоевы. От этих лобызаний и старым и новым ратникам потресовской рати не очиститься.

Генеральный штаб этой рати снабдил «дипломатической» оговорочкой статью Базарова. Но немногим лучше помещенная без всяких оговорочек передовица г. Неведомского. «Вобрав в себя, — пишет сей вития современной интеллигенции, — и воплотив в законченном виде основные аспирации и стремления великой эпохи падения рабства в России, Лев Толстой оказался и

чистейшим, законченнейшим воплощением общечеловеческого идеологического начала — *начала совести*».

Бум, бум, бум... Вобрав в себя и воплотив в законченном виде основные манеры декламации, свойственные либерально-буржуазной публицистике, М. Неведомский оказался и чистейшим, законченнейшим воплощением общечеловеческого идеологического начала — начала празднословия.

Еще одно, последнее сказанье:

«Все эти европейские поклонники Толстого, все эти Анатоли Франсы разных наименований, и палаты депутатов, недавно голосовавшие огромным большинством против отмены смертной казни, а теперь почтившие вставанием великого *цельного* человека, все это царство промежуточности, половинчатости, оговорочности — какой величавой, какой мощной, вылитой из единого чистого металла, фигурой стоит перед ними этот Толстой, это живое воплощение единого принципа».

Уф! Говорит красно — и все, ведь, это неправда. Не из единого, не из чистого и не из металла отлита фигура Толстого. И «все эти» буржуазные поклонники *как раз* не за «цельность», как раз за отступление от цельности «почтили вставанием» его память.

Одно только хорошее словечко нечаянно сболтнул г. Неведомский. Это словечко — оговорочность — так же хорошо аттестует господ из «Нашей Зари», как аттестует *их* вышеприведенная характеристика интеллигенции у В. Базарова. Перед нами сплошь и целиком — герои «оговорочки». Потресов оговаривается, что несогласен с махистами, хотя и защищает их. Редакция оговаривается, что несогласна с «отдельными положениями» Базарова, хотя всякому ясно, что дело тут не в отдельных положениях. Потресов оговаривается, что его оклеветал Изгоев. Мартов оговаривается, что он не вполне согласен с Потресовым и Левицким, хотя именно им он служит верную политическую службу. Все они вместе оговариваются, что несогласны с Череваниным, хотя больше одобряют его *вторую* ликвидаторскую книжку, усугубляющую «дух» первого его детища. Череванин оговаривается, что несогласен с Масловым. Маслов оговаривается, что несогласен с Каутским.

Все они вместе согласны только в том, что они не согласны с Плехановым, и что он клеветнически обвиняет их в ликвидаторстве, сам будто бы не будучи в состоянии объяснить своего теперешнего сближения с его вчерашними противниками.

Нет ничего проще, чем объяснение этого сближения, непонятного для людей оговорочных. Когда у нас был локомотив, мы расходились самым сильным образом относительно того, соответствует ли крепости сего локомотива, запасам топлива и т. д. быстрота, скажем, в 25 или в 50 верст в час. Спор об этом, как о всяком горячо волнующем вопросе, велся со страстью и

нередко с озлоблением. Спор этот — решительно по каждому вопросу, по которому он возникал, — у всех на виду, всем открыт, договорен до конца, не замазан никакими «оговорочками». И никому из нас не приходит в голову брать что-либо назад или хныкать по поводу «озлобления спора». Но когда локомотиву случилось потерпеть поломку, когда он лежит в болоте, окруженный «оговорочными» интеллигентами, подло хихикающими по поводу того, что «и ликвидировать нечего», ибо локомотива уже нет, тогда нас, вчерашних «озлобленных спорщиков», сближает одно общее дело. Ни от чего не отрекаясь, ничего не забывая, никаких обещаний об исчезновении разногласий не делая, мы общее дело делаем вместе. Мы все внимание и все усилия направляем на то, чтобы локомотив поднять, чтобы его обновить, укрепить, усилить, поставить на рельсы — о скорости движения и о повороте тех или иных стрелок успеем поспорить в свое время. Задача дня в наше трудное время — создать нечто, способное дать отпор «оговорочным» людям и «раскислым интеллигентам», поддерживающим прямо и косвенно царящую «слякоть». Задача дня — копать, хотя бы при самых тяжелых условиях, руду, добывать железо, отливать сталь марксистского миросозерцания и надстроек, сему миросозерцанию соответствующих.

«Мысль» № 1, декабрь 1910 г.
Подпись: В. И.

I

3/I—11

Получил из Болоньи приглаш. в школу (20 ч.) отказал. Со вперёд. не желаю иметь дела. Опять будем звать рабочих к себе.

Дорогой А. М.! Давно собирался ответить Вам на письмо, да обострение здешней склоки* (чтоб ее 100.000 чертей!) отвлекало.

[*Мартов, Троцкий соединяют голосовцев и впередовцев против нас. Война!]

А поболтать хочется.

Прежде всего, чтобы не забыть: Tria арестован вместе с Жордания и Рамишвили. Неприятно за Грузию. Жаль хорошего парня. Революционер.

Насчет „Современника". Читал сегодня в „Речи" содержание 1-ой книжки и ругался, ругался. Амфитеатров о Муромцеве... Колосов о Михайловском, Локоть „Не надо" и т. д. Как тут не ругаться? А „Мы еще хотим драться: реализм, демократия, активизм".

Что думаете, это — хорошие слова? Слова скверные, всеми буржуазными ловкачами на свете изнасилованные, от кадетов и эсеров у нас до Бриана или

Первая страница письма В. И. Ленина А. М. Горькому — 3 января 1911 г. (21 декабря 1910 г.)

Уменьшено

ПИСЬМО А. М. ГОРЬКОМУ.

3 января 1911 г.

Дорогой А. М.! Давно собираюсь отвечать Вам на письмо да обострение здешней склоки *) [26]) (чтоб ее 100.000 чертей!) отвлекало.

А покалякать хочется.

Прежде всего, чтобы не забыть: Триа арестован вместе с Жордания и Рамишвили. Передают за верное. Жаль хорошего парня. Революционер.

Насчет «Современника». Читаю сегодня в «Речи» содержание 1-ой книжки [27]) и ругаюсь, ругаюсь. Водовозов о Муромцеве... Колосов о Михайловском, Лопатин «Не наши» и т. д. Как тут не ругаться? А Вы еще точно дразните: «реализм, демократия, активность».

Вы думаете, это — хорошие слова? Слова *скверные*, всеми буржуазными ловкачами на свете используемые, от кадетов и социалистов-революционеров у нас до Бриана или Мильерана здесь, Ллойда Джорджа в Англии и т. д. И слова скверные, надутые, и содержание обещается эсеровско-кадетское. Нехорошо.

Насчет Толстого вполне разделяю Ваше мнение, что лицемеры и жулики из него святого будут делать. Плеханов тоже взбесился враньем и холопством перед Толстым, и мы тут сошлись. Он ругает за это «Нашу Зарю» в Ц. О. [28]) (следующий номер), я в «Мысли» **) (сегодня получился № 1. Поздравьте — наш журнальчик в Москве, марксистский. То-то радости сегодня у нас было). В «Звезде» № 1 (вышла в С.-Петербурге 16. XII) есть тоже хороший фельетон Плеханова с *пошлым* примечанием, за которое мы уже обругали *редакцию* [29]). Эта дура Иорданский, вероятно, с Бончем сочинили! Но где же «Современнику»

---

*) Шельмец Троцкий соединяет голосовцев и впередовцев против нас. Война!

**) См. настоящий том, стр. 50 — 54. *Ред.*

бороться против «легенды о Толстом и религии его». Это—Водовозов с Лопатиным? Шутить изволите.

Что студентов начали бить, это, по моему, утешительно, а Толстому ни «пассивизма», ни анархизма, ни народничества, ни религии спускать нельзя.

Насчет донкихотизма в международной политике социал-демократии, сдается мне, Вы не правы. Ведь это ревизионисты давно твердят, что-де колониальная политика прогрессивна, насаждает капитализм, а потому «обличать его в жадности и жестокости» никчемно, ибо «без этих свойств» капитал как «без рук».

Донкихотизмом и воздыханиями было бы, если бы социал-демократы говорили рабочим, что может быть где-либо спасение помимо развития капитализма, не через развитие капитализма. Но мы этого не говорим. Мы говорим: капитал жрет вас, сожрет персов, сожрет всех и будет жрать, пока вы его не свергнете. Это правда. И не забываем добавить: кроме как в росте капитализма нет залога победы над ним.

Ни одной реакционной *меры* вроде запрещения трестов, ограничения торговли и т. п. марксисты не защищают. Но *каждому свое*: Хомяковы и К° пусть строят железные дороги через Персию [30]), пусть посылают Ляховых, а марксистов дело — перед рабочими *обличать*. Жрет-де и сожрет, душит и задушит, сопротивляйтесь.

Сопротивление колониальной политике и международному грабежу *путем* организации пролетариата, *путем* защиты свободы для пролетарской борьбы *не задерживает* развитие капитализма, а *ускоряет* его, заставляя прибегать к более культурным, более технически высоким приемам капитализма. Есть капитализм и капитализм. Есть черносотенно-октябристский капитализм и *народнический* («реалистический, демократический, активности» полный) капитализм. Чем больше мы будем *обличать* перед рабочими капитализм за «жадность и жестокость», тем труднее держаться капитализму первого сорта, тем обязательнее переход его в капитализм второго сорта. А это нам на руку, это пролетариату на руку.

Думаете, что я в противоречие впал? В начале письма находил слова, «реализм, демократия, активность» скверными, а теперь нахожу хорошими? Нет тут противоречия: для пролетария скверно, для буржуа хорошо.

У немцев есть образцовый журнал оппортунистов «Социалистический Ежемесячник» («Sozialistische Monatshefte»). Там давно уже господа вроде Шиппеля и Бернштейна нападают на международную политику революционной социал-демократии посредством криков о том, что их-де политика сбивается на «ламентацию сострадательных» людей. Это фокус оппортунистических жуликов, батенька. Попросите Вам достать из Неаполя этот жур-

нал и перевести их статьи, ежели интересуетесь международной политикой. Наверное, и у Вас в Италии такие оппортунисты есть, — марксистов только нет в Италии, вот чем она мерзка.

Международный пролетариат теснит капитал двояко: тем, что из октябристского превращает его в демократический, и тем, что, выгоняя *от себя* капитал октябристский, *переносит* его к дикарям. А это расширяет базу капитала и приближает его смерть. В Западной Европе уже почти нет капитала октябристского; почти весь капитал демократический. Октябристский капитал из Англии, Франции ушел в Россию и в Азию. Русская революция и революции в Азии — борьба за вытеснение октябристского капитала и за замену его демократическим капиталом. А демократический капитал — последыш. Дальше ему идти некуда. Дальше ему капут.

Как нашли *Звезду* и *Мысль*? Первая — тускла, по моему. А вторая — *вся* наша и радует меня безмерно. Только хлопнут ее быстро.

А что, не устроите ли Вы мне книги об аграрном вопросе в *Знании*? Поговорите с Пятницким. Не нахожу издателя, да и баста. Хоть караул кричи [81]).

Читаю Вашу приписку: «руки дрожат и мерзнут» и возмущаюсь. Вот поганые дома на Капри! Ведь это же безобразие! У нас и то паровое отопление, тепло вполне, а у Вас «руки мерзнут». Надо бунтовать.

Крепко жму руку.

Ваш *Ленин*.

Получил из Болоньи приглашение ехать в школу (20 рабочих). Ответил отказом *). Со впередовцами дел иметь не хочу. Перетаскиваем опять рабочих сюда [82]).

Впервые напечатано в 1924 г. в «Ленинском Сборнике» I.

Печатается по рукописи.

---

*) См. XIV том Сочинений. *Ред.*

О ПОЛОЖЕНИИ ДЕЛ В ПАРТИИ [33]).

Вопрос о нашем партийном кризисе снова выдвинут на первый план заграничной с.-д. печатью, вызывая усиленные толки, недоумения и колебания в широких партийных кругах. Центральному Органу партии необходимо поэтому дать полное освещение этому вопросу. Статья Мартова в № 23 «Голоса» [34]) и выступление Троцкого, облеченное в форму отдельным листком напечатанной «резолюции» «венского клуба» от 26 ноября 1910 г. [35]), ставят вопрос о кризисе перед читателями, совершенно извращая суть дела.

За статьей Мартова и резолюцией Троцкого скрываются и определенные практические *действия* — и действия, *направленные против партии*. Статья Мартова есть лишь литературная форма, в которую облечена *предпринятая голосовцами кампания с целью срыва Ц. К.* нашей партии. Резолюция Троцкого, призывающая местные организации к подготовке «общепартийной конференции» помимо и против Ц. К., есть выражение того же самого, что составляет цель голосовцев: *разрушить ненавистные ликвидаторам центральные учреждения,* а *с ними заодно — и партию, как организацию.* Эти антипартийные действия голосовцев и Троцкого недостаточно вывести на свежую воду, с ними нужно *бороться.* Товарищи, которым дорога партия и дело ее возрождения, должны самым решительным образом высказаться против всех тех, кто из чисто фракционных и кружковых соображений и интересов стремится разрушить *партию.*

Статья Мартова «Куда пришли?» есть плохо прикрытое издевательство над решениями пленума и ликвидаторское ликование по поводу неудач партии. «Не удалось *ни разу собрать в России* небольшую по численности коллегию Ц. К.» — так пишет и пишет курсивом Мартов, точно захлебываясь от удовольствия, которое причиняет оглашение подобного факта всем ликвидаторам.

К сожалению, Мартов прав. Русскому Ц. К. [36]) не удалось собраться. Напрасно только думает Мартов обойти вопрос о том, *кто* сорвал Ц. К. в России. Кроме полицейских помех его созыву, была одна не полицейская, а *политическая* помеха. Это — известный отказ Михаила, Романа и Юрия явиться *хотя бы для*

кооптации только на заседание Ц. К.; это — заявление тех же лиц, что они «самое существование Ц. К. находят вредным».

Нельзя оспорить того, что отказ явиться хотя бы на одно заседание для кооптации, отказ явиться по приглашению людей, работающих среди тьмы полицейских помех, есть *срыв Ц. К.* Нельзя оспорить того, что этот политический акт, сопровожденный *принципиальной* мотивировкой, совершен людьми, входящими в группу «виднейших» русских сотрудников «Голоса» (письмо *16-ти* [37]) в № 19—20 «Голоса»), входящих в ликвидаторские *легальные* группы г. Потресова и К⁰. Все это факты. *Группа легалистов-независимцев, врагов социал-демократии, — вот кто сорвал Ц. К. в России.*

Если Аксельрод уверяет (в № 23 «Голоса»), будто «кличка» ликвидатор применяется «без разбора», если он договаривается даже до такой бессмыслицы, будто мы способны называть ликвидаторами людей, лично уставших или задавленных борьбой за кусок хлеба [38]), если он, говоря подобный младенческий вздор, *обходит молчанием* именно ту группу и те группы ликвидаторов, которые в Ц. О. партии *поименно* названы, то недобросовестность подобных увертон нечего и доказывать. Если Мартов и другие голосовцы якобы «спорят» в «Голосе» с ликвидаторами в России, объявляя их поступки «легкомыслием» (!!), «усовещевая» их погодить еще (Мартов о Левицком в № 23), и *в то же время* целиком *работают* вместе с ними, рука об руку с ними создают особую *фракцию* за границей для борьбы с партией и для поддержки врагов партии, господ Потресовых, то перед нами лишь одно из многих проявлений политического лицемерия. Ни один политически мыслящий человек не скажет, будто г. Милюков всерьез борется с веховцами, когда он «спорит» с ними, объявляет их «легкомысленными» и в то же время *работает* политически рука об руку с ними. Всякий признает, что г. Милюков доказывает этим свое лицемерие, отнюдь не опровергая факта его политической солидарности с веховцами. Ни один политически мыслящий человек не скажет, будто г. Столыпин и его правительство всерьез борется с черной сотней, когда он «спорит» с ней (в «России»), обвиняет ее в «легкомыслии», но в то же время *работает* рука об руку с ней. Всякий признает, что г. Столыпин и царское правительство доказывают этим лишь свое лицемерие, отнюдь не опровергая факта их политической солидарности с Пуришкевичами.

Но если всякому должно быть ясно политическое лицемерие «Голоса», то *намек* Мартова, будто «легальность убивает» официальных представителей партии, *не может быть ясен* 999 из 1.000 читателей, ибо намек этот нарочито туманный.

Обязанность Ц. О. — туман насчет партийных дел разгонять, чтобы *все* поняли, в чем суть расхождения.

Мартов имеет в виду то, что, *кроме* решения Ц. К., *никаких*

партийно-легального выхода из кризиса нет. Следовательно, *если* русским ликвидаторам удалось сорвать Ц. К. в России (*и если заграничным ликвидаторам удастся сорвать созыв Ц. К. хотя бы за границей)*, то положение станет легально безвыходным. И Мартов заранее ликует: Ц. К.-де сорван окончательно, легального выхода *нет*, игра ликвидаторов-де — выиграна.

Мартов поторопился. То, что у г. Потресова и прочих врагов партии *на уме*, оказалось слишком рано *на языке* у Мартова.

Да, Мартов прав! Единственный выход из кризиса в партии может быть найден Центральным Комитетом. Стало быть, если ввиду полицейских и вышеуказанных политических помех Ц. К. не удается собрать в России, — его надо собрать за границей. Это — *единственное* средство подойти к выходу из кризиса. И одно из партийных течений, заключивших на последнем пленуме Ц. К. договор относительно совместной партийной работы вне фракционных рамок, большевики сделали шаг, чтобы ускорить единственный выход из партийного кризиса. Представители большевистского течения передали имущество большевистской фракции в распоряжение партии с *условием:* что одновременно с уничтожением их, большевистского, фракционного центра будут уничтожены и фракционные центры: меньшевиков (голосовцев) и отзовистов («впередовцев»). Это *условие не выполнено.* Мало того. Руководящий орган фракции голосовцев «Голос Социал-Демократа» стал заведомо покровительствовать и прикрывать тех внутренних врагов партии, с которыми пленум Ц. К. единогласно поручил нам бороться самым решительным образом, как с буржуазными и враждебными партии уклонениями от социал-демократии. Ввиду такого явного нарушения условий договора, заключенного на пленуме между всеми партийными течениями и группами, ввиду такой явно антипартийной политики одной из договаривавшихся сторон, — большевики сочли нужным потребовать возврата им денег, переданных ими условно партии год тому назад. 5 декабря 1910 г. ими подано соответствующее заявление об этом в Заграничное Бюро Центрального Комитета [39]). Правильно или неправильно поступили большевики в этом случае, об этом будет судить предусмотренная пленумом инстанция. Суть дела в том, что *теперь*, с момента подачи представителями большевистского течения их заявки, созыв пленума Ц. К. за границей является уже не только необходимостью для отыскания выхода из внутреннего кризиса в партии: он является *необходимостью*, предписанной всем течениям и группам, заключавшим 6 января 1910 г. договор, *собственным же их о том обязательством — ими же единогласно принятой резолюцией* *). Созыв пленума Ц. К. стал

---

*) Дело в том, что на пленуме заключен, признан партийным *законом*, источником *легальности* для партии, договор Ц. К. с определенными

не только *партийной* необходимостью, он стал *юридической обязанностью.* Мы видим вновь, *что другого легального исхода из положения — кроме созыва пленума Ц. К. — быть не может...*

И вот тут-то политика голосовцев сразу вскрылась.

Согласно ясному и недвусмысленному постановлению Ц. К., З.Б.Ц.К., казалось бы, не оставалось ввиду заявки большевиков ничего другого, как созвать пленум, и только если бы попытки созыва не увенчались успехом, в течение 3-х месяцев, прибегнуть к другому предусмотренному Ц. К. способу разрешения вопроса. Но голосовцы повели себя иначе.

12-го декабря голосовец Игорев, член З.Б.Ц.К., подал письменное заявление, в котором объявляет, что он *против созыва пленума,* что он соглашается лишь на комиссию!

Ясно, в чем тут соль: пленум суверенен и, раз собравшись, *может* найти *легальный* выход из кризиса, из невозможного положения дел в России. Комиссия же *не* суверенна, никаких прав (кроме разбора претензии о деньгах большевиков) не имеет, *никакого легального* выхода из кризиса найти *не может.*

Вышло по пословице: не рой другому ямы, сам в нее упадешь!

Не успел Мартов любезно указать партии на ту «яму» безвыходного будто бы в легальном смысле положения, в которой ликвидаторы так рады бы были видеть официальную партию, как *в этой яме оказался голосовец Игорев!*

Ликвидаторы русские сорвали Ц. К. в России. Теперь ликвидаторы заграничные срывают созыв Ц. К. и за границей. Ликвидаторы ликуют, предвкушая величайшую радость (для Столыпина и для ликвидаторов): отсутствие *всякого* Ц. К. То-то благодать для господ Потресовых, для фракции «впередовцев»!

Мы не станем останавливаться здесь на увертках голосовца Игорева и на опровержении их в контр-заявлении большевика — члена З.Б.Ц.К.*). Отметим лишь, что голосовец Игорев был настолько предупредителен, что прямо заявил о своем протесте против пленума, *даже если бы* он созывался *по общему уставу* (для этого требуется единогласие в З.Б.Ц.К.), а не по специальному постановлению на случай заявки. Голосовец Игорев находит созыв пленума делом «громоздким» и т. д. Понятно: ведь для ликвидато-

---

представителями большевистского течения об *условной* передаче их имущества в партию. Этот договор опубликован в Ц. О. (№11), где оглашена также и вся процедура, предусмотренная пленумом в связи с этим договором. Главное, что предусмотрено в случае заявки большевиков о *нарушении условий* объединения голосовцами и впередовцами, есть *созыв пленума* (за границей). «Если по тем или другим причинам не удастся — гласит постановление пленума, напечатанное в № 11 Ц. О., — в течение 3-х месяцев с момента заявления представителями большевистского течения своего требования устроить пленум, созывается» особая комиссия.

*) Последний товарищ письмом в редакцию Ц. О. просит нас помочь ему довести до сведения партии о попытках срыва пленума голосовцами [40].

ров и самое существование нашей нелегальной партии чересчур «громоздко». Пленум будет преимущественно эмигрантским — таков второй «довод» голосовца Игорева. Но это не мешает голосовцам всеми силами поддерживать *чисто эмигрантский* план созыва «общепартийной» конференции Троцким помимо и против Центрального Комитета...

Голосовцы *во всяком случае* решили сорвать *всякий* Ц. К.!

Мы должны, далее, обратить внимание членов партии на более общий вопрос — о положении дел в Р. С.-Д. Р. П. Как и всякая революционная партия, наша партия может существовать и развиваться лишь при условии хотя бы элементарного *желания* революционеров помогать друг другу при проведении *общей* работы.

Если партийные уставы и решения («легальность» партии) служат не для того, чтобы *облегчать* эту совместную работу, а для *зацепок,* позволяющих *тормозить* ее изнутри важнейших партийных коллегий, то партийная работа превращается в недостойную комедию. Во всякой иной партии трудности созыва Ц. К. вызвали бы сразу десятки форм и путей обхода полицейских трудностей и изыскания новых и новых приемов работы. У нас же фракционеры *внутри* партии служат: кто — гг. Потресовым, кто прямым отзовистам и полуанархистам *вне* партии. «Легальность» превращается у таких, как голосовец Игорев, в средство *изнутри* партии вредить ей, тормозить работу, помогать гг. Потресовым разрушить партию *). Подобное положение невозможно. И ему не помогут «благожелательные резолюции», над которыми законно смеется тот же Мартов. Чтобы помочь делу, надо прежде всего *понять* дело. Надо понять, почему нелепо, недостойно, смешно сочинять благожелательные резолюции о совместной работе с такими гг., как Потресовы и К°. Когда партия поймет, что тут две несовместимые политики, что тут вопрос о социал-демократизме и либерализме, тогда партия быстро найдет выход. Тогда мы сумеем создать «легальность» *не* для того, чтобы ликвидаторы делали *из нее* подножки партии.

Надо сознаться, что г. Потресова и его друзей, а также голосовца Игорева и его друзей следует *благодарить* за то, как успешно они облегчают партии *понимание* этого.

Выступление Троцкого, будучи *по внешности* совершенно не связано с мартовским издевательством над неудачами партии, со срывом голосовцами Ц. К., на деле связано с тем и другим неразрывной связью, связью «интереса». Многие в партии не пони-

---

*) И когда Мартов издевается над официальными партийными учреждениями, говоря: «легальность их убивает», то он *прав постольку,* поскольку «убивают» плодотворность работы *такие* «легальные» (т.-е. партийным уставом или решением пленума созданные) формы этих учреждений, которые *позволяют* тормозить работу Михаилу, Роману, Юрию, голосовцам (через Игорева) и т. д.

мают еще, в чем эта связь. Венская резолюция от 26 ноября 1910 г. поможет им, наверное, понять суть дела.

Резолюция состоит из трех частей: 1) из объявления войны «Рабочей Газете» (призыв «дать *решительный отпор*» ей, как «новым фракционно-кружковым предприятиям», по выражению Троцкого); 2) из полемики против линии большевистско-плехановского «блока»; 3) из объявления, что «собрание венского клуба (т.-е. Троцкий и его кружок) постановляет: *организовать общепартийный фонд для подготовки и созыва конференции Р. С.-Д. Р. П.*».

На первой части мы вовсе не будем останавливаться. Троцкий вполне прав, когда говорит, что «Рабочая Газета» — «частное предприятие», и что она «*не уполномочена говорить от имени партии в целом*».

Напрасно только забывает Троцкий, что и он и его «Правда» *тоже* не уполномочены на это. Напрасно обходит он молчанием — говоря, что пленум признал работу «Правды» полезной, — тот факт, что пленум назначил *представителя Ц. К.* в редакцию «Правды». Умолчание об этом при упоминании о решениях пленума насчет «Правды» нельзя назвать иначе, как *обманом рабочих*. И этот обман Троцкого тем более злостный, что в *августе* 1910 года Троцкий *удалил* из «Правды» представителя Ц. К. После этого происшествия, после *разрыва* связи «Правды» с Ц. К., газета Троцкого есть не что иное, как «частное предприятие», не сумевшее притом выполнить взятых на себя обязательств. Пока не собрался вновь Ц. К., *нет* иного судьи отношения «Правды» к Ц. К., как *представитель* Ц. К., пленумом назначенный и *признавший поведение Троцкого антипартийным*.

Вот что вытекает из поднятого Троцким так кстати вопроса о том, кто «уполномочен говорить от имени партии в целом».

Мало того. Поскольку (и до тех пор пока) русский Ц. К. срывают ликвидаторы-независимцы легалисты, поскольку (и до тех пор пока) заграничный Ц. К. срывают голосовцы, *единственным* учреждением, уполномоченным «говорить от имени партии в целом», остается *Центральный Орган*.

И мы заявляем поэтому *от имени партии в целом*, что Троцкий ведет антипартийную политику; — что он *разрывает* партийную *легальность*, вступает на путь *авантюры* и *раскола*, когда в своей резолюции, ни звуком не поминая о Ц. К. (как будто бы он договорился уже с голосовцами о том, что Ц. К. будет сорван!), от имени *одной заграничной* группы объявляет об «*организации фонда* для созыва конференции Р. С.-Д. Р. П.». Если бы усилия ликвидаторов сорвать Ц. К. увенчались успехом, то мы, как единственное учреждение, уполномоченное говорить от имени партии в целом, объявили бы немедленно, что *никакого* участия в «фонде» и в затее Троцкого мы не принимаем и

общепартийной будем считать лишь конференцию, созываемую *Центральным Органом,* а не кружком Троцкого *).

Но, пока еще вопрос о срыве Ц. К. не решен событиями окончательно, есть надежда на вполне *легальный* партийный исход [41]).

Призывая членов партии к решительной борьбе за этот партийно-легальный исход, мы займемся выяснением «принципиальных основ» расхождения, которое голосовцы и Троцкий спешат довести до раскола — первые, срывая Ц. К., второй — игнорируя его и «организуя фонд» для созыва «конференции Р. С.-Д. Р. П.» (не шутите!) кружком Троцкого.

Троцкий пишет в своей резолюции, что борьба, которую ведут «ленинцы и плехановцы» (этой подстановкой *личностей* на место *течений* большевизма и партийного меньшевизма Троцкий хочет выразить свое пренебрежение, но выражает лишь свое непонимание), что эта борьба «лишена в настоящее время всякой принципиальной основы».

Вот к выяснению этих принципиальных основ Ц. О. и зовет с.-д. всея Руси: займемся именно этим интересным вопросом, пока идет «неинтересная» борьба из-за созыва пленума!

Выписываем полностью мотивы, по которым Троцкий объявляет борьбу Ц. О. лишенной всякой принципиальной основы:

...«Среди *всех* (курсив Троцкого) партийных течений твердо укоренилось убеждение в необходимости восстановления нелегальной организации, объединения легальной и нелегальной работы, проведения выдержанной социал-демократической тактики, и эти основные директивы последний пленум наметил *единогласно.*

«Трудность состоит сейчас, через год после пленума, не в провозглашении этих истин, а в *проведении их в жизнь.* Путь же к этому — дружная совместная работа всех частей партии: «голосовцев», «плехановцев», «ленинцев», «впередовцев», нефракционных, ибо партия духовно вышла уже из периода детства, и всем членам ее пора сознавать себя и действовать в качестве *революционных социал-демократов,* патриотов своей партии, без дальнейших фракционных наименований. И это сотрудничество должно совершаться в общепартийных рамках, а не вокруг фракционных органов».

Вот образец того, как хорошие слова истрепываются во фразу, прикрывая величайшую неправду, величайший обман и самих тех, кто фразой упивается, и всей партии.

Ведь это же прямая и вопиющая *неправда,* будто среди *всех* партийных течений твердо укрепилось убеждение в необходимости восстановления нелегальной организации. Каждый № «Голоса» показывает, что голосовцы считают группу г. Потресова и К° *партийным течением* и что они не только «считают» ее таковым, но и *систематически* в ее «работе» участвуют.

*) Что действительно общепартийная конференция, созванная Ц. К. партии, *необходима* возможно *скорее* — об этом не может быть спора.

Не смешно ли, не позорно ли, теперь, через год после пленума, играть в прятки, обманывать себя и обманывать рабочих, отделываться словесными увертками, когда речь идет о *«проведении в жизнь»*, а не о фразах?

Да или нет? Считает ли Троцкий г. Потресова и К°, точно названных в Ц. О., «партийным течением» или нет? Этот вопрос есть именно вопрос о «проведении в жизнь» решений пленума, и Ц. О. *вот уже год*, как этот вопрос поставил ясно, резко, недвусмысленно, поставил так, что никакие увертки невозможны!

Троцкий пытается опять и опять отделаться умолчанием или фразой, ибо ему *нужно скрыть* от читателей и от партии *правду*, именно: что группы г. Потресова, 16-ти и т. д. абсолютно независимы от партии, вполне обособлены фракционно, не только не восстановляют нелегальную организацию, а срывают ее восстановление, *никакой* социал-демократической тактики не проводят. Троцкому нужно скрыть от партии ту правду, что голосовцы представляют из себя столь же обособленную от партии заграничную фракцию, служащую на деле русским ликвидаторам.

А «впередовцы»? Троцкий прекрасно знает, что и они *после* пленума укрепили и развили свою особую фракцию, с независимыми от партии средствами, с особой фракционной школой, в которой учат вовсе не «выдержанной с.-д. тактике», а тому, что «отзовизм законный оттенок», в которой учат отзовистским взглядам на роль III Думы, взглядам, выраженным во фракционной платформе «Вперед» [42]).

Умалчивает Троцкий об этой бесспорной правде потому, что для *реальных* целей его политики правда непереносима. А реальные цели все больше выясняются и становятся очевидными даже для наименее дальновидных партийцев. Эти реальные цели — *антипартийный блок Потресовых с впередовцами*, каковой блок Троцким поддерживается и организуется. Принятие резолюций Троцкого (вроде «венской») голосовцами, кокетничанье «Правды» с впередовцами, россказни «Правды» о том, будто в России на местах действуют только впередовцы да троцкисты, рекламирование фракционной школы впередовцев «Правдой», прямая поддержка этой школы Троцким — все это факты, которых долго скрывать нельзя. Шила в мешке не утаишь.

Содержание политики Троцкого есть «дружная работа» «Правды» с фракциями гг. Потресовых и впередовцев. Роли распределены в этом блоке ясно: гг. Потресовы продолжают независимо от партии свою легалистскую работу, свое разрушение социал-демократии, «голосовцы» образуют заграничный отдел этой фракции, а Троцкий берет на себя роль адвоката, уверяющего наивную публику, что «среди *всех* партийных течений твердо укоренилась» «выдержанная с.-д. тактика». Впередовцы получают такого же адвоката, защищающего свободу их

фракционной школы, прикрывающего их политику лицемерной, казенной фразой. Этот блок, конечно, поддержит «фонд» Троцкого и антипартийную конференцию, им созываемую, ибо и гг. Потресовы и впередовцы получают здесь то, что им нужно: свободу своих фракций, освящение их, прикрытие их деятельности, адвокатскую защиту ее перед рабочими.

И вот именно с точки зрения «принципиальных основ» мы не можем не признать этот блок *авантюризмом* в самом точном значении слова. Сказать, что он видит настоящих марксистов, действительных защитников принципиальности социал-демократизма в Потресове, в отзовистах, Троцкий *не смеет.* В том и суть позиции авантюриста, что ему приходится перманентно увиливать. Ибо все и каждый видит и знает, что гг. Потресовы и отзовисты *все* имеют *свою* линию (анти-социал-демократическую линию) и *ведут* ее, тогда как дипломаты «Голоса» и «Вперед» ничем, кроме прикрытия, не служат.

Самая глубокая причина того, почему новый блок *осужден* на провал, как бы велик ни был успех его перед обывательскими элементами, какие бы «фонды» ни собрал Троцкий при помощи впередовских и потресовских «источников», заключается в том, что этот блок *беспринципен.* Теория марксизма, *«принципиальные основы»* всего нашего миросозерцания, всей нашей партийной программы и тактики не случайно, а неизбежно выдвинулись теперь на одно из первых мест во всей жизни партии. Не случайно, а неизбежно было то, что после неудачи революции во *всех* классах общества, среди самых широких народных *масс* пробудился интерес к глубоким основам всего миросозерцания вплоть до вопросов религии и философии, вплоть до *принципов* нашего, марксистского учения *в целом.* Не случайно, а неизбежно массы, втянутые революцией в острую борьбу из-за вопросов тактики, предъявили в эпоху отсутствия открытых выступлений запросы к знанию *общетеоретическому. Основы марксизма* надо заново разъяснять этим массам, защита теории марксизма опять выдвигается на очередь. Если Троцкий объявляет сближение партийных меньшевиков с большевиками «политически бессодержательным» и «неустойчивым», то это лишь показывает глубину его невежества, это лишь обрисовывает его собственную полную бессодержательность. Именно принципиальные основы марксизма восторжествовали в борьбе большевиков с «впередовскими» несоциал-демократическими идеями, в борьбе партийных меньшевиков с гг. Потресовыми и голосовцами. Именно это сближение на вопросе о *принципиальных основах* марксизма и было *реальной базой* действительно дружной работы партийных меньшевиков с большевиками за целый год после пленума. Это — факт, а не слова, не обещания, не «благожелательные резолюции». И каковы бы ни были разногла-

сия меньшевизма с большевизмом в прошлом и будущем (только авантюристы способны привлекать толпу *посулами* об исчезновении разногласий, о «ликвидировании» их той или иной резолюцией), этот исторический факт вычеркнуть нельзя. Только внутреннее развитие *самих* главных фракций, только *их собственная* идейная эволюция может дать залог уничтожения фракций на деле, путем их сближения, путем испытания их на общей работе. И это началось после пленума. Дружной работы Потресова с впередовцами и с Троцким мы *еще не* видели, а видели только кружковую дипломатию, игру в слова, солидарность в увертках. Дружную работу партийных меньшевиков с большевиками партия в течение года видела, и всякий, кто способен ценить *марксизм*, всякий, кому дороги «принципиальные основы» социал-демократизма, не усомнится ни на минуту в том, что девять десятых рабочих *обеих* фракций будут на стороне *этого* сближения.

Блок Троцкого с Потресовым и впередовцами есть авантюра именно с точки зрения «принципиальных основ». Не менее верно это с точки зрения *партийно-политических* задач. Эти задачи действительно указаны пленумом *единогласно*, но они вовсе не сводятся к той банальной фразе: объединение легальной и нелегальной работы (ведь и кадеты «объединяют» легальную «Речь» с нелегальным «кадетским» Ц. К.), которую выбирает Троцкий нарочно, чтобы угодить гг. Потресовым и впередовцам, ничего не имеющим против пустых фраз и банальностей.

«Историческая обстановка с.-д. движения в эпоху буржуазной контрреволюции»—гласит резолюция пленума—«неизбежно порождает, как проявление буржуазного влияния на пролетариат, с одной стороны, отрицание нелегальной с.-д. партии, принижение ее роли и значения, попытки укоротить программные и тактические задачи и лозунги революционной социал-демократии и т. д.; с другой стороны, отрицание думской работы с.-д. и использования легальных возможностей, непонимание важности того и другого, неумение приспособить революционно-социал-демократическую тактику к своеобразным историческим условиям современного момента и т. д.».

После *годичного опыта* нельзя уклоняться от прямого ответа на вопрос о *реальном* значении этих указаний. Нельзя забывать, что на пленуме *все* националы (к которым примкнул тогда вечно примыкающий ко *всякому* большинству того или иного момента Троцкий) письменно заявили, что «*по существу* было бы желательно назвать ликвидаторством указанное в резолюции течение, с которым необходимо бороться».

Годичный опыт после пленума показал на деле, что именно группы Потресова, именно фракция впередовцев и *воплощают* это буржуазное влияние на пролетариат. *Обход* этого очевидного факта и есть авантюризм, ибо никто еще до сих пор не решался сказать прямо, что у Потресовых и К⁰ *нет* линии

ликвидаторства, что признание отзовизма «законным оттенком» *соответствует* линии партии. Мы не даром прожили год после пленума. Мы стали богаче опытом. Мы увидали *на деле* проявление отмеченных тогда тенденций. Мы увидали *фракции*, воплотившие эти тенденции. И *словами* о «дружной работе» этих *антипартийных* фракций в якобы «партийном» духе нельзя уже теперь обмануть сколько-нибудь широкие слои рабочих.

Наконец, в-3-х, политика Троцкого есть авантюра в смысле *организационном*, ибо, как мы уже указали, она рвет партийную легальность и, организуя конференцию от имени одной заграничной группы (или от имени блока *двух* антипартийных фракций, голосовцев и впередовцев), она прямо вступает на путь раскола. Будучи уполномочены говорить от имени партии в целом, мы обязаны до конца отстаивать партийную легальность. Но мы вовсе не хотим, чтобы члены партии из-за форм «легальности» не видели *сути* дела. Напротив, именно на *суть* дела, сводящуюся к *блоку* голосовцев и впередовцев, охраняющему полную свободу ликвидаторской деятельности гг. Потресовым и отзовистского разрушения партии, мы обращаем *главное* внимание социал-демократов.

К решительной борьбе за партийную легальность, к борьбе с антипартийным блоком во имя принципиальных основ марксизма и очистки социал-демократизма от либерализма и анархизма и призываем мы всех социал-демократов.

P.S. Выпуск вышенапечатанной статьи отдельным оттиском (что сделано было на основании голосования большинства редакции — двух представителей большевистского течения и представителя польской организации) вызвал со стороны двух других членов редакции — голосовцев — протест, выпущенный отдельным листком [43]. В этом листке авторы его не касаются содержания статьи: «*О положении дел в партии*» по существу, а обвиняют большинство редакции: 1) в нарушении формальных прав их, двух соредакторов, 2) в совершении «полицейского доноса». Мы считаем самым правильным — раз спор происходит не в плоскости принципов и тактики, а в области организационной склоки и личных нападок, перенести его всецело в Центральный Комитет. Думаем, что, и не дожидаясь решения Ц. К. по этому вопросу, все *партийные* товарищи сумеют по достоинству оценить методы «полемики» двух членов редакции, Мартова и Дана *).

Написано в первых числах января 1911 г.

Напечатано 5—6 января 1911 г. отдельным листком, оттиском из «Приложения к № 19—20 «Социал-Демократа»».

Печатается по тексту листка, сверенному с текстом, напечатанным в «Приложении к № 19 — 20 «Социал-Демократа»» от 26 (13) января 1911 г.

---

*) Пост-скриптум введен в «Приложении к «Социал-Демократу»». *Ред.*

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ МАРКСИЗМА.

Наше учение — говорил Энгельс про себя и про своего знаменитого друга, — не догма, а руководство для действия. В этом классическом положении с замечательной силой и выразительностью подчеркнута та сторона марксизма, которая сплошь да рядом упускается из виду. А упуская ее из виду, мы делаем марксизм односторонним, уродливым, мертвым, мы вынимаем из него его душу живу, мы подрываем его коренные теоретические основания — диалектику, учение о всестороннем и полном противоречий историческом развитии; мы подрываем его связь с определенными практическими задачами эпохи, которые могут меняться при каждом новом повороте истории.

И, именно, в наше время среди тех, кого интересуют судьбы марксизма в России, особенно часто встречаются люди, которые упускают из виду как раз эту его сторону. А, между тем, всякому ясно, что в последние годы Россия пережила такие крутые переломы, которые с необычайной быстротой и необычайно резко меняли обстановку, социально-политическую обстановку, определяющую ближайшим и непосредственным образом условия действия, а, следовательно, и задачи действия. Я говорю, конечно, не об общих и основных задачах, которые не меняются при поворотах истории, раз не меняется основное соотношение между классами. Совершенно очевидно, что это общее направление экономической (и не только экономической) эволюции России, равно как и основное соотношение между различными классами русского общества, не изменилось за последние, скажем, шесть лет.

Но задачи ближайшего и непосредственного действия изменялись за это время очень резко, как изменялась конкретная социально-политическая обстановка, — а, *следовательно*, и в марксизме, как живой доктрине, *не могли не* выдвигаться на первый план *различные* стороны его.

Чтобы пояснить эту мысль, взглянем на то, каково было изменение конкретной социально-политической обстановки за

последнее шестилетие. Перед нами сразу выделяются два трехлетия, на которые распадается этот период: одно, заканчивающееся, примерно, летом 1907 года, другое — летом 1910 года. Первое трехлетие характеризуется, с чисто теоретической точки зрения, быстрыми изменениями основных черт государственного строя России, при чем ход этих изменений был очень неровен, амплитуда колебаний в обе стороны очень велика. Социально-экономической базой этих изменений «надстройки» было столь открытое, внушительное, массовидное выступление *всех* классов русского общества на *самых различных* поприщах (думская, внедумская деятельность, печать, союзы, собрания и т. д.), какое не часто наблюдается в истории.

Наоборот, второе трехлетие характеризуется — повторяем, что мы ограничиваемся на этот раз чисто теоретической «социологической» точкой зрения — такой медленной эволюцией, которая почти равняется застою. Никаких, сколько-нибудь заметных, изменений в государственном строе. Никаких или почти никаких открытых и разносторонних выступлений *классов* на большинстве тех «арен», на которых развертывались эти выступления в предъидущий период.

Сходство обоих периодов состоит в том, что эволюция России оставалась в течение и того и другого — прежней, капиталистической эволюцией. Противоречие такой экономической эволюции с существованием целого ряда феодальных, средневековых учреждений, не устранялось, оставалось тоже прежним, будучи не сглаживаемо, а скорее обостряемо проникновением некоторого частичного буржуазного содержания в те или иные отдельные учреждения.

Различие того и другого периода состоит в том, что во время первого периода на авансцене исторического действия стоял вопрос о том, как именно сложится результат вышеуказанных быстрых и неровных изменений. Содержание этих изменений не могло не быть буржуазным, в силу капиталистического характера эволюции России, но есть буржуазия и буржуазия. Средняя и крупная буржуазия, стоящая на позиции более или менее умеренного либерализма, по самому своему классовому положению боялась изменений резких и добивалась сохранения значительных остатков старых учреждений и в аграрном строе и в политической «надстройке». Деревенская мелкая буржуазия, переплетаясь с живущим «трудом рук своих» крестьянством, не могла не стремиться к *иного рода* буржуазным преобразованиям, оставляющим гораздо менее места всяческой средневековой старине. Наемные рабочие, поскольку они сознательно относились к происходящему вокруг них, не могли не выработать себе определенного отношения к этому столкновению двух различных тенденций, которые обе остались в рамках буржуазного строя, но опре-

деляли совершенно различные формы его, совершенно различную быстроту его развития, различную ширину захвата его прогрессивных влияний.

Таким образом, эпоха миновавшего трехлетия не случайно, а необходимо выдвинула на первый план в марксизме те вопросы, которые принято называть вопросами тактики. Нет ничего ошибочнее того мнения, будто споры и расхождения из-за этих вопросов были «интеллигентскими» спорами, были «борьбой за влияние на незрелый пролетариат», выражали «приспособление интеллигенции к пролетариату», как думают всяких родов веховцы. Напротив, именно потому, что данный класс достиг зрелости, он не мог остаться равнодушным к столкновению двух различных тенденций всего буржуазного развития России, и идеологи этого класса не могли не дать теоретических формулировок, соответствующих (непосредственно или косвенно, в прямом или обратном отражении) этим различным тенденциям.

Во второе трехлетие столкновение различных тенденций буржуазного развития России *не* стояло на очереди дня, ибо *обе* эти тенденции были придавлены «зубром», отодвинуты назад, загнаны внутрь, заглушены на некоторое время. Средневековые зубры не только заполнили авансцену, но и наполнили сердца самых широких слоев буржуазного общества настроением веховским, духом уныния, отреченства. Не столкновение двух способов преобразования старого, а потеря веры в какое бы то ни было преобразование, дух «смирения» и «покаяния», увлечение антиобщественными учениями, мода на мистицизм и т. п.,—вот что оказалось на поверхности.

И эта поразительно резкая смена не была ни случайностью, ни результатом одного только «внешнего» давления. Предыдущая эпоха так глубоко всколыхнула слои населения, в течение поколений, в течение веков, стоявшие в стороне от политических вопросов, чуждые им, что «переоценка всех ценностей», новая работа над основными проблемами, новый интерес к теории, к азбуке, к учению с азов возник естественно и неизбежно. Миллионы, сразу разбуженные от долгого сна, сразу поставленные перед важнейшими проблемами, не могли удержаться долго на этой высоте, не могли обойтись без перерыва, без возврата к элементарным вопросам, без новой подготовки, которая бы помогла «переварить» невиданно богатые уроки и дать возможность массе несравненно более широкой пойти опять вперед, уже гораздо более твердо, более сознательно, более уверенно, более выдержанно.

Диалектика исторического развития оказалась такова, что в первый период на очереди дня стояло осуществление непосредственных преобразований во всех областях жизни страны, а во второй — переработка опыта, усвоение его более широкими слоями,

проникновение его, если можно так выразиться, в подпочву, в отсталые ряды разных классов.

Именно потому, что марксизм не мертвая догма, не какое-либо законченное, готовое, неизменное учение, а живое руководство к действию, именно поэтому он не мог не отразить на себе поразительно резкой смены условий общественной жизни. Отражением смены явился глубокий распад, разброд, всякого рода шатания, одним словом, — серьезнейший *внутренний* кризис марксизма. Решительный отпор этому распаду, решительная и упорная борьба за *основы* марксизма встала опять на очередь дня. Чрезвычайно широкие слои тех классов, которые не могут миновать марксизма при формулировке своих задач, усвоили себе марксизм в предыдущую эпоху крайне односторонне, уродливо, затвердив те или иные «лозунги», те или иные ответы на тактические вопросы и *не поняв* марксистских критериев этих ответов. «Переоценка всех ценностей» в различных областях общественной жизни повела к «ревизии» наиболее абстрактных и общих философских основ марксизма. Влияние буржуазной философии в ее разнообразных идеалистических оттенках сказалось в махистском поветрии среди марксистов. Повторение заученных, но непонятых, непродуманных «лозунгов» повело к широкому распространению пустой фразы, на деле сводившейся к совершенно немарксистским, мелкобуржуазным течениям, вроде откровенного или стыдливого «отзовизма» или признания отзовизма «законным оттенком» марксизма.

С другой стороны, дух веховщины, дух отреченства, охвативший самые широкие слои буржуазии, проник и в то течение, которое стремится уложить марксистскую теорию и практику в русло «умеренности и аккуратности». Марксистской здесь осталась уже одна только фразеология, облекающая насквозь пронизанные либеральным духом рассуждения о «иерархии» и «гегемонии» и т. п.

В задачу настоящей статьи не может входить, конечно, рассмотрение этих рассуждений. Достаточно указать на них, чтобы иллюстрировать сказанное выше о глубине переживаемого марксизмом кризиса, о связи его со всей общественно-экономической обстановкой переживаемого периода. От вопросов, поднятых этим кризисом, нельзя отмахнуться. Нет ничего вреднее, беспринципнее, как попытки отделаться от них посредством фразы. Нет ничего важнее, как сплочение *всех* марксистов, сознавших глубину кризиса и необходимость борьбы с ним, для отстаивания теоретических основ марксизма и коренных положений его, искажаемых с самых противоположных сторон, путем распространения буржуазного влияния на разных «попутчиков» марксизма.

Предыдущее трехлетие подняло к сознательному участию в общественной жизни такие широкие слои, которые нередко те-

перь впервые начинают знакомиться настоящим образом с марксизмом. Буржуазная пресса создает на этот счет гораздо более заблуждений, чем прежде, и распространяет их шире. Распад среди марксизма особенно опасен при таких условиях. Поэтому понять причины неизбежности этого распада в переживаемое время и сплотиться для последовательной борьбы с ним является, в самом прямом и точном смысле слова, задачей эпохи для марксистов.

«Звезда» № 2, 5 января 1911 г. (23 декабря 1910 г.).
Подпись: В. Ильин.

Россійская Соціал.-Дем. Рабочая Партія.

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

Le SOCIAL-DEMOCRATE

СОЦІАЛЬДЕМОКРАТЪ

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ОРГАНЪ РОССІЙСКОЙ СОЦІАЛЪ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТІИ

№ 19-20. Четвергъ 13/26 января 1911 года Цѣна 40 сант.

КАРЬЕРА РУССКОГО ТЕРРОРИСТА.

Таким подзаголовком снабдил представитель партии с.-р. г. Рубанович свою статью о смерти Караулова в французской социалистической газете «L'Humanité» [44]. Карьера, действительно, поучительна.

После 1-го марта 1881 г. Караулов приехал в Париж и предложил главарю Народной Воли поручить ему восстановление организации. Редактор «Вестника Народной Воли», будущий ренегат Тихомиров, дал ему полномочия. Караулов вернулся в Россию с Лопатиным, Сухомлиным и др. В 1884 г. его арестуют в Киеве и по суду приговаривают к 4 годам каторги, тогда как коллеги его получают смертный приговор или пожизненную каторгу.

Чем объяснить это «странное — по словам г. Рубановича — снисхождение». Говорят, — сообщает г. Рубанович, — что председатель военного суда был поражен сходством Караулова с его трагически умершим сыном. Но «существуют другие объяснения этого странного снисхождения», — добавляет г. Рубанович, не говоря, каковы эти другие объяснения *).

Зато новейшая «карьера» Караулова не возбуждает никаких сомнений. В 1905 году он выступал настолько открыто против революционеров, что избиратели провалили его на выборах и в I и во II Думу. «Если передо мной будет два лагеря — сказал на одном митинге Караулов (по сообщению «Биржевых Ведомостей») — в одном — правительственные войска, в другом — революционеры с пресловутым лозунгом диктатуры пролетариата, то я, не задумываясь, пойду с первыми против вторых». Неудивительно, что Витте хлопотал о восстановлении прав такого человека. Неудивительно, что Караулов встал в III Думе на одно из первых мест среди самых подлых, контр-революционных кадетов с вечной ханжеской фразой на устах.

---

*) Речь идет, повидимому, о высказываемых подозрениях, что Караулов дал «откровенные показания».

Удивительно, что находятся люди, способные считать себя сочувствующими демократии, которые теперь, по случаю смерти Караулова, чествуют его как «демократа», «борца» и т. п.

Удивительно, что г. Рубанович, представитель партии с.-р., может писать во французском социалистическом органе: «многое простится перешедшему в лагерь умеренных бывшему эс-эру за то, что он сумел затронуть лучшие струны» (речь идет о том заседании Думы, когда правые назвали Караулова каторжником, а он ответил, что гордится этим).

За эффектную *фразу* «прощать» карьеру ренегата — это в духе эс-эров. Ренегаты бывают во всех революционных партиях, во всех странах, и всегда находятся среди них мастера на эффекты. Но, чтобы революционеры, представители «революционных» партий, заявляли публично: «многое простится» ренегату за ловкий выкрик, — это бывает не часто. Для этого надо, чтобы в якобы «революционной» партии был громадный процент *либералов с бомбой*. Для этого надо, чтобы эти, оставшиеся без бомбы, либералы могли уживаться в «революционных» партиях, совсем беззаботных в деле отстаивания революционных принципов, революционных заветов, революционных чести и долга.

Есть и другой, более глубокий урок, который вытекает из «карьеры русского террориста». Это — урок классовой борьбы, это — иллюстрация того, что только революционные *классы* могут быть теперь в России опорой хоть сколько-нибудь серьезных революционных партий. Не один Караулов, а *масса* буржуазной интеллигенции, бывшей недавно демократической и даже революционной, повернула теперь *вспять* от демократии и от революции. Это не случайность, а неизбежный результат развития классового сознания русской буржуазии, увидавшей *на опыте*, как близок момент, когда «лагерь» монархии и лагерь революции встанут друг против друга, — увидавшей на опыте, *какой* выбор приходится при этом делать ей, буржуазии.

Кто хочет учиться на великих уроках русской революции, тот должен понять, что только развитие классового сознания пролетариата, только организация *этого* класса, только очищение его партии от мелко-буржуазных «попутчиков», от свойственных им беспринципности, шатаний и слабости *может* привести снова и наверное приведет снова к победам народа над монархией Романовых.

«Социал-Демократ» № 19—20, 26 (13) января 1911 г.

НАШИ УПРАЗДНИТЕЛИ.

О г. ПОТРЕСОВЕ И В. БАЗАРОВЕ.

Бывают такие литературные выступления, все значение которых состоит в их геростратовском характере. Самое дюжинное литературное произведение, вроде, например, известных «Предпосылок» Эд. Бернштейна, получает выдающееся политическое значение, становится манифестом внутри-марксистского течения, по всей линии отходящего от марксизма. Такое же выдающееся значение по своему геростратовскому характеру имеют, несомненно, статья г. Потресова о пустяках в февральском номере «Нашей Зари» за прошлый год и ответ В. Базарова в апрельской книжке «Нашей Зари» [45]). Конечно, затронутые этими статьями вопросы далеко не так глубоки, не так широки, не имеют того международного значения, как вопросы, поднятые (вернее: выдвинутые вслед за буржуазией) Бернштейном, но для нас, русских, в период 1908 — 9 — 10 — ? годов, это — вопросы громадной, кардинальной важности. Поэтому статьи г. Потресова и В. Базарова *не* устарели, и говорить о них необходимо, обязательно.

I.

Любитель искусственных, вычурных, вымученных словечек, г. Потресов посвящает свою статью «современной драме наших общественно-политических направлений». На самом деле ровнехонько ничего драматического он не указал и не мог указать в той после революционной эволюции либерализма, народничества и марксизма, о которой взялся говорить. Зато комического в рассуждениях г. Потресова не оберешься.

«Именно либерализм, — пишет г. Потресов — как идейное течение, являет собою картину величайшего разложения и величайшей беспомощности. Взять хотя бы эту углубляющуюся трещину, которая залегла между либерализмом практическим и либерализмом теоретизирующим», — между «эмпиризмом» «Речи» Милюкова и теориями веховцев.

— Полноте-ка, любезнейший! Углубляющаяся трещина залегла между тем, что вы и подобные вам полу-либералы говорили и думали о кадетах в 1905 — 6 — 7 годах, и тем, что вы вынуждены признать, путаясь и противореча себе, в 1909 — 1910 годах [46]). Противоречие между «эмпиризмом» либеральных практиков и теориями господ à la Струве вполне ясно сказалось даже раньше 1905 года: припомните-ка, как сбивалось буквально на каждой своей попытке «теоретизировать» тогдашнее «Освобождение». Если вы *теперь* начинаете соображать, что либерализм «оказался» будто бы «разорванным» [47]) (это опять и опять словесный выверт, пустая фраза, ибо веховцы как раз не разорвали с «Речью» и обратно, а ужились, и уживаются, и уживутся отлично), «бесплодным», «висящим в воздухе», что это лишь «наименее устойчивая» (sic!)*) «часть буржуазной демократии», «недурной податель избирательных бюллетеней» и проч., — то ваши крики о «драме» либерализма знаменуют лишь трагикомедию краха ваших иллюзий. Либерализм «оказался» наименее устойчивой частью буржуазной демократии как раз не в настоящее время, не в трехлетие 1908 — 10 годов, а именно в предыдущее трехлетие. «Наименее устойчивы» те квази-социалисты, которые преподносят публике горчицу после ужина. Отличительным признаком предыдущего трехлетия, по разбираемому г. Потресовым вопросу, является «висящий в воздухе» либерализм, «бесплодный» «податель избирательных бюллетеней» и т. д. *Тогда* признание такого характера либерализма было политической задачей дня, предостережение масс было злободневной обязанностью не только социалистов, но и последовательных демократов. В марте 1906 года, а не в феврале 1910-го, важно было предостережение насчет того, что либерализм кадетов висит в воздухе, что он бесплоден, что объективные условия сводят к ничтожеству, к комедии «недурных подателей избирательных бюллетеней», что кадетские победы — неустойчивый зигзаг между «серьезным» конституционализмом (читай: якобы-конституционализмом) Шиповых или Гучковых и борьбой за демократию тех элементов, которые *не* висят в воздухе и *не* ограничиваются влюбленным сохранением избирательных бюллетеней. Припомните-ка, любезнейший, кто говорил эту правду о либералах во-время, в марте 1906 года?

Отличительным признаком, своеобразной чертой нашего трехлетия (1908 — 1910) является вовсе не «бесплодность» «висящего в воздухе» и т. д. либерализма. Наоборот. В классовом бессилии либерализма, в его боязни перед демократией, в его политическом убожестве ничего не изменилось, но это бессилие достигло апогея тогда, когда были возможности проявить силу, когда были на-лицо

*) — так! *Ред.*

условия, давшие либералам полное преобладание на известной хотя бы арене действия. Вот, когда кадеты имели большинство в I, напр., Думе, тогда они могли использовать это большинство для службы демократии и для торможения дела демократии для содействия демократии (хотя бы в маленьком деле, скажем, в организации местных земельных комитетов) и для нанесения ударов в спину демократии. Вот для этого периода *характерно*, что кадеты «висели в воздухе», что «недурной податель избирательных бюллетеней» оказался сочинителем наказов для будущей октябристской Думы, и только.

В следующее же трехлетие кадеты, оставаясь тем, что они есть, чем они всегда были, кадеты *менее* «висят в воздухе», чем прежде. Вы похожи, г. Потресов, как раз на того героя народного эпоса, который не совсем во-время выкрикивает свои пожелания и свои мнения. Веховцы 1909 года *меньше* «висят в воздухе», чем Муромцев 1906 года, ибо веховцы приносят *серьезную* пользу, служат *деловую* службу такому классу, который имеет большую силу в народном хозяйстве России, именно землевладельцам и капиталистам. Веховцы помогают этим достопочтенным людям собирать арсенал оружий для идейно-политической борьбы с демократией и социализмом: это — такое дело, которое *не может быть* разрушено никаким разгоном Думы, никакими вообще политическими треволнениями на данной общественно-экономической почве. Пока существует класс землевладельцев-помещиков и капиталистов, будут существовать и их публицистические приказчики: Изгоевы, Струве, Франки и К°. А вот «дело» Муромцевых и перводумских кадетов вообще могло быть «разрушено» (ибо дела-то у них не было, а были слова, развращающие народ, а не служащие народу) разгоном Думы.

Кадеты в третьей Думе — та же партия, с той же идеологией, с той же политикой, в значительной степени с тем же личным составом, что в первой Думе. И именно поэтому кадеты в третьей Думе гораздо меньше «висят в воздухе», чем в первой. Вы этого не понимаете, любезный г. Потресов? Напрасно же вы брались рассуждать о «современной драме наших общественно-политических направлений»! Я вам даже скажу по секрету, что и впредь, в течение, вероятно, довольно значительного времени, политическая деятельность кадетов не будет «бесплодна» — не только благодаря реакционной «сильноплодности» веховцев, но и благодаря тому, что, пока есть у демократии политические караси, будет чем жить и щукам либерализма. Пока есть такая неустойчивость в социализме, такая дряблость в демократии, которая иллюстрируется очень наглядно фигурами à la Потресов, до тех пор искусства «эмпириков» либерализма всегда хватит для уловления этих карасей. Не горюйте, кадеты: вам есть чем жить, пока живы Потресовы!

II

Говоря о народничестве, г. Потресов еще менее сводит концы с концами. Кадетов он называет «бывшими демократами» и даже «бывшими либералами». Про крестьянство он говорит: «вошедшее в политическую жизнь крестьянство» (по мнению г. Потресова оно еще не вошло в эту жизнь) «начало бы совершенно новую главу истории—историю крестьянской демократии—и тем самым поставило бы крест над старой, интеллигентской, народнической».

Итак, кадеты — бывшие демократы, а крестьянство — будущие. Где же настоящие? Или демократии, массовой демократии не было в России 1905—7 годов? нет в России 1908—10 годов? Настоящее припрятано Потресовым посредством различных «обходных», обходящих суть вопроса, фраз, ибо прямое и простое признание несомненного настоящего бьет в лицо всей ликвидаторской философии гг. Потресовых. Это простое и прямое признание вполне бесспорного теперь исторического факта состоит в том, что кадеты *никогда* в России сколько-нибудь массовой демократии не представляли, никогда демократической политики не вели, а крестьянство — то самое «многомиллионное крестьянство», о котором говорит и г. Потресов, эту буржуазную демократию (со всеми ограниченностями буржуазной демократии) представляло и представляет. Г. Потресов увиливает по этому *коренному* вопросу, чтобы спасти именно ликвидаторскую философию. Не спасете!

Стараясь обойти прошлое и настоящее крестьянской демократии, г. Потресов опять попадает впросак, уверенно говоря о будущем. Опять опоздали, любезнейший! Вы сами говорите о «возможных последствиях закона 9 ноября», — значит, сами признаете возможность (конечно, чисто абстрактную) его успеха. А при таком успехе «*новая* глава истории» может быть главой не только из истории *крестьянской* демократии, а также из истории крестьянских *аграриев*.

Развитие крестьянского хозяйства в России, а, следовательно, и крестьянского землевладения и крестьянской политики, не может идти иначе, как капиталистически. Народническая аграрная программа в ее сути, в виде, напр., известной платформы 104-х [48]) (I и II Думы), не только не противоречит этому капиталистическому развитию, а, напротив, означает создание условий для самого широкого и самого быстрого капиталистического развития. Современная аграрная программа означает, наоборот, самое медленное, самое узкое, наиболее отягченное следами крепостничества капиталистическое развитие. Объективные, историко-экономические условия не решили еще того, которая из этих программ в последнем счете определит форму буржуазных аграрных отношений новой России.

Таковы те простые факты, которые приходится зачитывать представителям ликвидаторства.

«Неизменным при всех переменах — пишет г. Потресов о переменах в интеллигентской, народнической демократии — осталось одно: в интеллигентскую идеологию на крестьянской подкладке конкретное крестьянство не внесло до сих пор (!) своего корректива».

Это — чисто веховская и насквозь лживая фраза. В 1905 г. на открытой исторической сцене было самое «конкретное» и самое рядовое, массовое крестьянство, внесшее *целый ряд* «коррективов» в «интеллигентскую идеологию» народников и народнических партий. Не все эти коррективы *поняты* народниками, но крестьянство их *внесло*. В 1906 и 1907 г.г. самое «конкретное» крестьянство создало трудовые группы и проект 104-х, внеся этим *ряд коррективов*, частью отмеченных даже народниками. Общепризнано, напр., что «конкретное» крестьянство обнаружило свои *хозяйские* стремления и вместо «общины» одобрило личное и товарищеское землевладение.

Веховцы, очищая либерализм от демократии и превращая его систематически в прислужника денежного мешка, выполняют правильно свое историческое назначение, когда объявляют движение 1905—7 годов интеллигентским и уверяют, что конкретное крестьянство не внесло своего корректива в интеллигентскую идеологию. Трагикомедия ликвидаторства в том и состоит, что оно не замечает, как его утверждения превратились в простой перепев идей веховцев.

III.

Это превращение становится еще более очевидным, когда г. Потресов переходит к рассуждениям о марксизме. Интеллигенция — пишет он — «заслоняла собой... своим партийно-кружковым строительством—пролетариат». Вы не сможете отрицать того факта, что в самый широкий оборот, и через «Вехи» и через всю либеральную печать, эта идея пущена буржуазией, использована ею против пролетариата. Аксельрод писал в том самом фельетоне, в котором он выдвигал эту идею, о «проказнице-истории»[49]), которая могла бы доставить буржуазной демократии вождя из школы марксизма. Проказница-история воспользовалась той ямой, которую Аксельрод любезно грозился вырыть для большевиков, чтобы поместить в этой яме самого Аксельрода!

Если вы перейдете к объективным историческим фактам, то *все* они, вся эпоха 1905 — 7 годов, хотя бы даже выборы во II Думу (если взять для примера факт не из самых крупных, но из самых простых) *доказали бесповоротно,* что «партийно-кружковое строительство» не «заслоняло» пролетария, а *непосред-*

ственно перешло в партийное и профессионально-союзное строительство *широких масс* пролетариата.

Но перейдем к главному, к «гвоздю» геростратовского выступления г. Потресова. Он утверждает, что марксистская мысль «дурманит себя гашишем пустяков», — спор с махизмом и борьба с ликвидаторством — «дебатируя обо всем, о чему годно,... но только не о том, что является нервом такого общественно-политического направления, как марксистское, но только не о вопросах экономики и не о вопросах политики». Сколько их, этих вопросов, восклицает г. Потресов. «Как идет экономическое развитие России, какие перемещения сил производит оно под сурдинку реакции, что творится в деревне и в городе, какие изменения несет это развитие в социальный состав рабочего класса России и проч. и проч.? Где ответы или приступ к ответу на эти вопросы, где экономическая школа русского марксизма?»

Ответ, и уже во всяком случае приступ к ответу, дан той самой «иерархией», существование которой г. Потресов злостно и лицемерно отрицает. Развитие русского государственного строя за последние три века показывает нам, что он изменял свой классовый характер в одном определенном направлении. Монархия XVII века с боярской думой не похожа на чиновничьи-дворянскую монархию XVIII века. Монархия первой половины XIX века — не то, что монархия 1861 — 1904 годов. В 1908 — 10 г.г. явственно обрисовалась новая полоса, знаменующая *еще один шаг* в том же направлении, которое можно назвать направлением к буржуазной монархии. В тесной связи с этим шагом стоит и III Дума и наша современная аграрная политика. Новая полоса, таким образом, не случайность, а своеобразная ступень к капиталистической эволюции страны. Не решая старых проблем, не будучи в состоянии решить их, а, следовательно, *не устраняя их*, эта новая полоса требует применения новых приемов подготовки к старому решению старых проблем. В этом — своеобразие этой невеселой, серой, тяжелой, но оказавшейся неизбежною, полосы. Из этого своеобразия ее экономических и политических особенностей вытекает своеобразие идейных группировок внутри марксизма. Те, кто признает новые приемы подготовки к старому решению старых проблем, сближаются на общей деловой почве, на общей задаче данного периода, хотя их продолжает разделять вопрос о том, как во время предыдущего периода следовало применять в тот или иной момент или двигать вперед старое решение. Те, кто отрицает (или не понимает) новых приемов подготовки или того, что перед нами стоят старые проблемы, что мы идем навстречу старому их решению, те покидают *на деле* почву марксизма, те оказываются *на деле* в плену у либералов (как Потресов, Левицкий, и т. д.) или у идеалистов и синдикалистов (как В. Базаров и др.).

■

Находясь в плену у чужих людей и чужих идей, и Потресов, и Базаров вместе с их единомышленниками неизбежно запутываются и попадают в самое комичное, самое фальшивое положение. Г. Потресов, бия себя в грудь, кричит: «*где* этот *приступ* и каков этот *ответ?*». Мартов, так же хорошо зная этот ответ, пытается уверить публику, будто этот ответ признает «буржуазию у власти»[50]): обычный прием либералов испытывать вынужденное временное молчание противника! И нас с оскорбленным видом спрашивают при этом: что такое ликвидаторство? Да вот именно этот прием, почтеннейшие, когда люди, претендующие на принадлежность к «целому», пользуясь его ослабленностью, уверяют публику, что «ответа» нет (тогда как «ответ» дан именно «целым»), есть уже один из приемов ликвидаторства (если не ренегатства).

Ликвидаторство есть «фантом в больном воображении», пишет г. Потресов, ибо нельзя ликвидировать то, «что уже не подлежит ликвидации, чего на самом деле уже нет, как организованного целого».

Я лишен возможности полностью передать читателю мой взгляд на эти строки; чтобы приблизительно передать его, спрошу читателя: как называется человек, у которого ближайшие единомышленники и коллеги принимают выгодные для них предложения «целого» (именно как «целого»), и который на другой день в печати заявляет: «целого» в помине [51]) нет?

По этому пункту точка.

Встает вопрос принципиальный: может ли взгляд на необходимость старого решения старых проблем меняться в зависимости от *степени* распада — даже, если хотите, от исчезновения — «целого»? Всякий понимает, что нет. Если объективные условия, если коренные экономические и политические черты современной эпохи требуют старого решения, то чем сильнее распад, чем меньше осталось от «целого», тем больше надо заботиться, тем горячее публицисту надо говорить о необходимости «целого». Следует признать новые приемы подготовки, как мы уже указали, но кто должен применять их? Ясно, что задачи публициста для тех, кто понял значение переживаемого периода, его основные политические особенности, диаметрально противоположны *всей* линии господ Потресовых. Не может быть и речи о том, чтобы кто-либо вздумал серьезно отрицать связь вышеизложенного мной «ответа» (на вопрос об экономике и политике данного момента) с анти-ликвидаторством.

От общепринципиальной постановки вопроса перейдем к конкретно-исторической. В период 1908—10 годов вполне обрисовалось то течение в марксизме, которое проповедует необходимость старого решения, ведет соответственную линию. Обрисовалось и другое течение, *все эти три года* противодействовавшее признанию «старого решения» и созданию старых основных форм

целого. Отрицать этот факт смешно. Обрисовалось и третье течение, все эти три года не понимавшее новых форм подготовки, значения деятельности изнутри III Думы и т. д. Такие люди превратили признание старого решения в фразу, заученную, но непонятую, повторяемую по привычке, а не *применяемую* сознательно, продуманно к изменившейся обстановке (изменившейся хотя бы в области думской работы, но, конечно, не только в этой области).

Связь ликвидаторства с всеобщим обывательским настроением «усталости» очевидна. «Уставшие» (особенно уставшие от ничего неделанья) не заботятся о выработке себе точного ответа на вопрос об экономической и политической оценке текущего момента: они несогласны с оценкой, данной выше и формально *общепризнанной*, как оценка от имени целого, но они все боятся и думать о том, чтобы противопоставить *свою* точную оценку, хотя бы оценку сотрудников ликвидаторской «Нашей Зари», «Жизни» и т. п. «Уставшие» твердят: старого нет, старое нежизнеспособно, омертвело и т. д., и т. п., но утруждать себя ответом, чисто политическим, точно формулированным ответом на обязательный (для всякого честного публициста) обязательный вопрос: что же именно нужно вместо старого, нужно ли восстановлять «не подлежащее (якобы) ликвидации, как уже ликвидированное» (по Потресову), утрудить себя этим они не намереваются. Три года они ругают старое, поносят его — особенно с таких подмосток, на которые вход защитникам старого воспрещается, и, нежно обнимаясь с Изгоевыми *), восклицают: какие это пустяки, какой фантом разговоры о ликвидаторстве!

Про *таких* «уставших», про г. Потресова и К°, *нельзя* повторить известного стиха: «не предали они, они устали свой крест нести; покинул их дух гнева и печали на полпути» [52]).

Такие «уставшие», которые всходят на трибуну публициста и с нее оправдывают свою «усталость» от старого, свое нежелание над старым работать, являются именно людьми, которые не только «устали», но и предали.

IV.

К числу «пустяков» отнесена также г. Потресовым философская борьба материалистов, марксистов, с махистами, т.-е. с идеалистами. Г. Потресов глубоко возмущен «вакханалией (— «друг мой, Аркадий Николаевич, не говори красиво!») этого философствования» и, называя при этом со стороны материалистов Плеханова и меня, характеризует нас как «*вчерашних политиков*». Над этим выражением я долго смеялся. Поистине, хвастовство

*) См. его статью в «*Русской Мысли*», 1910 г., о веховце-Потресове. От таких объятий г. Потресову *никогда* не очиститься.

тут настолько явно и так забавно, что нашему зайцу следовало бы дать клочок медвежьего ушка. Плеханов и т. д. — «вчерашние политики»! *Сегодняшний* политик, очевидно, Потресов и его «молодцы». Мило и откровенно.

Когда Аркадию Николаевичу случается, в виде исключения, сказать словечко без выверта и без ужимок, он себя сам побивает великолепнейшим образом. Понатужьтесь-ка, Аркадий Николаевич, попробуйте *подумать*: вы отрицаете ликвидаторство, как *политическое* направление, отличающее *не* меньшевизм от большевизма, а Потресова и К° от Плеханова и большевиков *вместе взятых*. И рядом с этим отрицанием вы называете Плеханова и имярека «вчерашними политиками». Посмотрите же, до чего вы неловки: ведь мы *вместе* с Плехановым можем быть названы вчерашними политиками *как раз* в том смысле, что для нас вчерашняя организация, как форма вчерашнего (по своим *основам* вчерашнего) движения, является обязательной и сегодня. Нас резко разделили с Плехановым и продолжают разделять вопросы о том, какие шаги следовало в тот или иной момент делать *этой* вчерашней организации на основе *этого* вчерашнего движения, но нас сближает борьба с людьми, которые *сегодня* отрицают именно *основы* вчерашнего движения (сюда относится и вопрос о гегемонии, к которому я сейчас перейду), именно *основы* вчерашней организации.

Ну, что, Аркадий Николаевич, вы и теперь не понимаете, чтó такое ликвидаторство? Вы и теперь думаете, что нас с Плехановым сблизил какой-нибудь маккиавелистический план или злопыхательное желание «борьбой на два фронта» *заменить* «преодоление» ликвидаторства?

Но вернемся к «вакханалии философствования».

«Мы знаем, — пишет г. Потресов — какой глубокой бороздой прошла в свое время через сознание германской социал-демократии борьба Энгельса с Дюрингом и как самые, казалось, абстрактные тезисы имели на деле живое конкретное значение для движения немецкого рабочего класса»... Самые абстрактные тезисы имели живое конкретное значение! Опять фраза и ничего более, как фраза. Попробуйте объяснить, если «вы знаете», какое «живое конкретное значение» имел тот *тезис* Энгельса, что философские рассуждения Дюринга о времени и пространстве ошибочны? В том-то и беда ваша, что вы *заучили*, как школьник: «спор Энгельса с Дюрингом имел великое значение», но не *продумали*, что это значит, и потому повторяете заученное в неверной, уродливо-неверной форме. Нельзя сказать, что «самые абстрактные тезисы (Энгельса против Дюринга) имели на деле живое конкретное значение для движения немецкого рабочего класса». Самые абстрактные тезисы Энгельса имели то значение, что разъясняли идеологам рабочего класса, в чем ошибочность отступлений от

материализма к позитивизму и идеализму. Вот если бы вы дали такое, то-есть философски сколько-нибудь определенное, изложение взглядов Энгельса вместо звонких, но пустых фраз о «глубокой борозде», «живом конкретном значении самых абстрактных тезисов», то вы сразу увидали бы, что ссылка на спор Энгельса с Дюрингом говорит *против* вас.

...«Мы знаем — продолжает г. Потресов — в истории формирования русского марксизма роль борьбы с субъективной социологией»...

А не роль позитивистских и идеалистических учений Лаврова и Михайловского в ошибках субъективной социологии? Ведь у вас, Аркадий Николаевич, что ни выстрел, то мимо. Если брать историческую параллель, то надо выделить и точно указать то, что сходно в различных событиях, ибо иначе вместо исторического сравнения получится бросание слов на ветер. Если брать взятую вами историческую параллель, то надо спросить: возможно ли было «формирование» *русского* марксизма *без* выяснения Бельтовым основ философского материализма и их значения для опровержения Лаврова и Михайловского? Ответ на этот вопрос может быть только один, и этот ответ — если делать вывод из исторической параллели применительно к спору с махистами — говорит *против* г. Потресова.

...«Но именно потому, что мы знаем все это» (ну, конечно! мы видели теперь, что это значит, когда г. Потресов пишет: «мы знаем все это»), «мы и хотим, чтобы была, наконец, установлена живая реальная связь между занимающим нас философским спором и марксистским общественно-политическим течением, его задачами и запросами. А пока что»... — следует ссылка на письмо Каутского [53]), на то, что махизм — Privatsache (частное дело), что спор о нем — «фата-моргана» и т. д.

Ссылка на Каутского есть образец обывательского суждения. Не в том дело, что Каутский «беспринципен», как острит (поизгоевски острит) г. Потресов, а в том, что Каутский *не знает*, как обстоит дело с русским махизмом, и не претендует на знание этого. Каутский в своем письме признает Плеханова знатоком марксизма, выражает свое убеждение в непримиримости идеализма с марксизмом, и мнение, что махизм не идеализм (или: не всякий махизм идеализм). Что Каутский *ошибается* в последнем пункте и особенно насчет русского махизма, это несомненно. Ошибка его вполне извинительна, ибо махизма в целом он *не изучал*, писал частное письмо с явной целью предостеречь от преувеличения разногласий. *Русскому* писателю-марксисту при таких условиях ссылаться на Каутского значит проявлять чисто обывательскую леность мысли и трусость в борьбе. Каутский *мог надеяться* в 1908 году, когда он писал свое письмо, что махизм в известном толковании «примирим» с *материализмом*,

но в России 1909—10 годов ссылаться по этому вопросу на Каутского значит *браться* за примирение русских махистов с материалистами. Разве г. Потресов или кто другой берутся за это серьезно?

Каутский не беспринципен, а вот Потресов и К°, желающие объявить махизм «частным делом», *образец беспринципности* среди современного русского марксизма. Каутский был вполне искренен и ни капли не был беспринципен, когда он в 1908 году, не читая русских махистов, советовал *им* искать мира с Плехановым, как знатоком марксизма, как материалистом, ибо за материализм и против идеализма Каутский высказывался всегда и высказался в том же письме. А у гг. Потресовых и К°, прячущихся за Каутского в 1909—10 годах, нет *ни грана* искренности, ни *капли* уважения к принципиальности.

Вы не видите, г. Потресов, живой реальной связи между философским спором и марксистским течением? Позвольте же мне, вчерашнему политику, почтительнейше указать вам, на следующие хотя бы обстоятельства и соображения: 1) Спор о том, чтó такое философский материализм, почему ошибочны, чем опасны и реакционны уклонения от него, *всегда* связан «живой реальной связью» с «марксистским общественно-политическим течением» — иначе это последнее было бы не марксистским, не общественно-политическим и не течением. Отрицать «реальность» этой связи могут только ограниченные «реальные политики» реформизма или анархизма. 2) При богатстве и разносторонности идейного содержания марксизма ничего нет удивительного в том, что в России, как и в других странах, различные исторические периоды выдвигают особенно вперед то одну, то другую сторону марксизма. В Германии до 1848 года особенно выдвигалось философское формирование марксизма, в 1848 году — политические идеи марксизма, в 50-ые и 60-ые годы — экономическое учение Маркса. В России до революции особенно выдвинулось применение экономического учения Маркса к нашей действительности, во время революции марксистская политика, после революции марксистская философия. Это не значит, что позволительно когда бы то ни было игнорировать одну из сторон марксизма; это значит только, что не от субъективных желаний, а от совокупности исторических условий зависит *преобладание интереса* к той или другой стороне. 3) Время общественной и политической реакции, время «перевариванья» богатых уроков революции является не случайно тем временем, когда основные теоретические, и в том числе философские, вопросы для всякого *живого* направления выдвигаются на одно из первых мест. 4) В передовых течениях русской мысли нет такой великой философской традиции, какая связана у французов с энциклопедистами XVIII века, у немцев с эпохой классической философии от Канта до Гегеля и Фейер-

баха. Поэтому философская «разборка» именно для передового класса России была необходима, и нет ничего странного в том, что эта запоздавшая «разборка» наступила после того, как этот передовой класс вполне созрел во время недавних великих событий для своей самостоятельной исторической роли. 5) Эта философская «разборка» подготовлялась давно и в других странах мира постольку, поскольку, напр., новая физика поставила ряд новых вопросов, с которыми должен был «сладить» диалектический материализм. В этом отношении «наш» (по выражению Потресова) философский спор имеет не только известное, т.-е. русское, значение. Европа дала материал для «освежения» философской мысли, а отставшая Россия во время вынужденного затишья 1908—10 г.г. особенно «жадно» бросилась на этот материал. 6) Белоусов назвал недавно III Думу богомольной Думой[54]). Он верно схватил классовую особенность III Думы в этом отношении и справедливо заклеймил ханжество кадетов.

Не случайно, но в силу *необходимости* вся наша реакция вообще, либеральная (веховская, кадетская) реакция в частности «бросились» на религию. Одной палки, одного кнута мало; палка все-таки надломана. *Веховцы* помогают передовой буржуазии обзавестись новейшей идейной палкой, духовной палкой. Махизм, как разновидность идеализма, *объективно* является орудием реакции, проводником реакции. Борьба с махизмом «внизу» не случайна, а неизбежна, поэтому в такой исторический период (1908—10 годы), когда «наверху» мы видим не только «богомольную Думу» октябристов и Пуришкевичей, но и богомольных кадетов, богомольную либеральную буржуазию.

Г. Потресов «оговорился», что он «богостроительства» «сейчас не касается». Вот этим-то и отличается беспринципный и обывательский публицист Потресов от Каутского. Каутский *ни* о богостроительстве махистов, *ни* о богомольных веховцах и *не знал* и потому *мог* говорить, что не всякий махизм — идеализм. Потресов это знает и, «*не касаясь*» главного (для того, кто смотрит *узко* - «публицистически», главного), лицемерит. Объявляя борьбу с махизмом «частным делом», г. Потресов и иже с ним становятся в «общественно-политическом» смысле пособниками веховцев.

V.

Переходя от г. Потресова к Базарову, мы должны заметить прежде всего, что, по вопросу о философском споре возражая первому, мы тем самым ответили и второму. Надо добавить только одно: терпимость В. Базарова к г. Потресову, стремление его найти у Потресова «долю правды» вполне понятны, ибо г. Потресов (как и все ликвидаторы), отгораживаясь словесно и формально от махизма, *по сути дела* уступает ему самое существенное. Махизм,

как течение и как группа с «платформой», ничего иного и не решается требовать, как признания его разрыва с марксизмом за «частное дело»! Не случайно поэтому, что Потресов и Базаров строят друг другу глазки. Группа ликвидаторских литераторов и группа махистских литераторов *действительно солидарны* в том, чтобы в наше время распада охранять «свободу распада» от сторонников марксизма, от защитников теоретических основ марксизма. И эта солидарность *не* ограничивается вопросами философскими, как показывает *даже* В. Базаров своей статьей.

Говорю: даже, ибо именно Базаров отличался всегда наиболее вдумчивым отношением к серьезным вопросам политики. Об этом надо упомянуть, чтобы оценить значение невероятных шатаний такого человека, не только затем, чтобы подчеркнуть полезнейшую деятельность в прошлом литератора, погнавшегося за лаврами Герострата.

Геростратовским является, например [35]), заявление Базарова: «Одним из крупнейших и пустяковейших недоразумений наших дней я считаю пресловутый вопрос о «гегемонии»». Над махистами из нашей среды тяготеет точно какой-то рок: одни охраняют «свободу распада», объявляя законным оттенком отзовизм, другие, понимающие глупость и вред отзовизма, прямо протягивают руку ликвидаторам в политике. Именно ликвидаторы и в «Нашей Заре», и в «Жизни», и в «Общественном движении» ведут прямую и косвенную войну с идеей гегемонии. Констатируем с сожалением, что Базаров *ушел в их лагерь.*

Каковы доводы его по существу? Пять лет назад гегемония была фактом. «В настоящее время, по вполне понятным причинам, эта гегемония не только исчезла, но и превратилась в свою полную противоположность». Доказательство: «в наши дни лягание марксизма есть непременное условие популярности в демократических кругах общества». Пример — Чуковский.

Читаешь — и глазам не веришь: Базаров, желавший быть марксистом, превращается в бывшего человека, способного брать под ручку гг. Потресовых.

Бога вы не боитесь, В. А. Базаров. Чуковские и прочие либералы, а также тьма демократов-трудовиков «лягали» марксизм всегда, с 1906 года сугубо, а «гегемония» не была «фактом» в 1906 году? Высуньтесь из либерально-литераторского чуланчика, взгляните хоть на отношение третьедумских депутатов крестьян к рабочим депутатам. Простое сопоставление бесспорных фактов об их политическом поведении за три года, даже простое сравнение их формул перехода и формул кадетских, не говоря уже о сопоставлении политических заявлений в Думе с условиями жизни широких слоев населения за это время, — доказывает самым неопровержимым образом, что гегемония и сейчас факт. Гегемония рабочего класса есть его (и его представителей) политическое

воздействие на другие элементы населения в смысле очищения их демократизма (когда есть демократизм) от недемократических примесей, в смысле критики ограниченности и близорукости всякого буржуазного демократизма, в смысле борьбы с «кадетовщиной» (если назвать так идейно-развращающее содержание речей и политики либералов) и т. д., и т. д. Нет ничего более характерного для нашего времени, как то, что Базаров *мог* написать такие невероятные вещи, и что группа журналистов, тоже считающих себя друзьями рабочих и сторонниками марксизма, милостиво похлопала за это его по плечу!

«Как будет обстоять дело к моменту грядущего подъема, предсказать совершенно немыслимо» — уверяет Базаров читателей ликвидаторского журнала. — «Если духовный облик городской и деревенской демократии будет приблизительно тот же, как 5 лет тому назад, то гегемония марксизма снова станет фактом... Но нет решительно ничего невозможного в предположении, что физиономия демократии существенно изменится. Представим себе, напр., что мелкая буржуазия русских деревень и городов будет достаточно радикально настроена против политических привилегий господствующих классов, достаточно сплочена и активна, но проникнута резким националистическим духом. Так как марксисты не могут идти ни на какие компромиссы с национализмом или антисемитизмом, то, очевидно, при указанных условиях о гегемонии не будет и помину».

Это не только неверно, но чудовищно нелепо. Если вражда к привилегиям будет соединена у известных слоев с национализмом, то разве разъяснение того, что такое соединение мешает устранению привилегий, не есть дело гегемона? Разве может быть борьба с привилегиями *не* соединена с борьбой страдающих от национализма мелких буржуа против выигрывающих от национализма мелких буржуа? Всякая борьба всякой мелкой буржуазии против всяких привилегий *всегда* несет на себе следы мелкобуржуазной ограниченности, половинчатости, а борьба с этими качествами и есть дело «гегемона». Базаров рассуждает по-кадетски, по-веховски. Вернее: Базаров ушел в лагерь Потресовых и К°, давно уже так рассуждающих.

То, чего нет на поверхности, не существует вовсе. То, чего не видят Чуковские и Потресовы, нереально. Вот каковы посылки рассуждения Базарова, бьющие в лицо марксизму. Марксизм учит нас, что мелко-буржуазные массы неизбежно, пока существует капитализм, будут страдать от антидемократических привилегий (такие привилегии теоретически «не обязательны» при *чистом* капитализме, но его *очищение* будет длиться до его смерти), страдать от экономического угнетения. Поэтому, пока существует капитализм, *вечной* является задача «гегемона» разъяснять источник этих привилегий и этого угнетения, показывать их классовые корни, давать пример борьбы против них, вскрывать лживость либеральных методов борьбы и т. д., и т. д.

Так думают марксисты. Так смотрят они на задачи «гегемона» в том лагере, условия жизни которого не позволяют мириться с привилегиями, в лагере не только пролетариев, но и полупролетарских и мелко-буржуазных масс. А Чуковские думают, что, раз этот лагерь оттеснен, придавлен, загнан в подполье, значит «исчезла гегемония», значит «вопрос о гегемонии стал пустяковейшим недоразумением».

Когда я вижу Базарова, говорящего эти позорные вещи, под ручку с Потресовыми, Левицкими и К⁰, уверяющими рабочий класс, что ему нужна не гегемония, *а* классовая партия, когда я вижу, с другой стороны, Плеханова, поднявшего (по презрительному выражению великолепного Потресова) «гвалт» при малейших признаках серьезных колебаний из-за вопроса о гегемонии, я говорю себе: большевики оказались бы именно такими изуверами фракционной буквы, которыми изображали их враги, если бы они поколебались при таком положении хоть минуту, если бы они усомнились хоть на секунду в том, что их долг, долг всех традиций большевизма, всего духа его учений и его политики — протянуть руку Плеханову, выразить ему полное товарищеское сочувствие. Нас разделяли и разделяют вопросы о том, как следовало тогда-то и тогда-то действовать «гегемонам», но мы — товарищи во время распада, в борьбе с людьми, для которых вопрос о гегемонии есть «пустяковейшее недоразумение». А Потресовы, Базаровы и проч. — для нас чужие люди, не менее чужие, чем Чуковские.

Пусть примут это к сведению те добряки, которые находят, что политика сближения с Плехановым есть «фракционная», узкая политика, которые желают «расширить» ее до примирения с Потресовыми, Базаровыми и проч., которые никак не хотят понять, почему мы подобное «примиренчество» считаем либо безнадежной глупостью, либо мизерным интриганством.

«Мысль» №№ 2 и 3, январь и февраль 1911 г.
Подпись: В. Ильин.

ПО ПОВОДУ ЮБИЛЕЯ.

Пятидесятилетие так называемой крестьянской реформы возбуждает много интересных вопросов. Из них мы можем здесь коснуться лишь некоторых экономических и исторических вопросов, оставляя до другого случая темы публицистические в более узком смысле слова.

Лет 10 — 15 тому назад, когда на широкую публику впервые были вынесены споры между народниками и марксистами, расхождение в оценке так называемой крестьянской реформы неоднократно всплывало на одно из первых мест в этом споре. Для теоретиков народничества, — напр., известного г. В. В. или Николая — она, — основы крестьянской реформы 1861 г. представляли из себя нечто принципиально отличное от капитализма и принципиально враждебное ему. Они говорили о том, что Положение 19 февраля узаконяло «наделение производителя средствами производства», давало санкцию «народному производству» *в отличие* от капиталистического. В Положении 19 февраля усматривался залог *не*капиталистической эволюции России.

Этой теории марксисты противопоставляли уже тогда принципиально иной взгляд. Положение 19 февраля есть один из *эпизодов* смены крепостнического (или феодального) способа производства буржуазным (капиталистическим). Никаких иных историко-экономических элементов, по этому взгляду, в Положении *нет*. «Наделение производителя средствами производства» есть пустая прекраснодушная фраза, затушевывающая тот простой факт, что крестьяне, будучи мелкими производителями в земледелии, превращались из производителей с преимущественно натуральным хозяйством в товаропроизводителей. Насколько сильно или слабо было при этом развито именно товарное производство в крестьянском хозяйстве разных местностей России той эпохи, — это вопрос иной. Но несомненно, что именно в обстановку товарного производства, а не какого-либо иного, вступал «освобождаемый» крестьянин. «Свободный труд» *взамен**) крепостного труда означал

*) Поскольку *на деле* такая *замена* осуществлялась, — мы увидим ниже, что эта замена шла гораздо сложнее, чем могло бы казаться с первого взгляда.

таким образом не что иное, как свободный труд наемного рабочего или ловкого самостоятельного производителя в условиях товарного производства, т.-е. в буржуазных общественно-экономических отношениях. *Выкуп* еще рельефнее подчеркивает такой характер реформы, ибо выкуп даст толчок денежному хозяйству, т.-е. увеличению зависимости крестьянина от рынка.

Народники видели в освобождении крестьян с землей принцип *не*капиталистический, «начало» того, что они называли «народным производством». В освобождении крестьян без земли они видели принцип капиталистический. Такой взгляд народники (особенно г. Николай—он) основывали *на учении Маркса*, ссылаясь на то, что освобождение работника от средств производства есть основное условие капиталистического способа производства. Оригинальное явление: марксизм был, уже начиная с 80-х годов (если не раньше), такой бесспорной, фактически господствующей силой среди передовых общественных учений Западной Европы, что в России теории, враждебные марксизму, не могли долгое время выступать открыто против марксизма. Эти теории софистицировали, фальсифицировали (зачастую бессознательно) марксизм, эти теории как бы становились сами на почву марксизма и «по Марксу» пытались опровергнуть приложение к России теории Маркса! Народническая теория г. Николая—она претендовала на звание «марксистской» (1880—1890-ые годы), а впоследствии либерально-буржуазная теория гг. Струве, Тугана-Барановского и К⁰ начинала с *«почти»* полного признания Маркса, развивая свои взгляды, проводя свой либерализм под оболочкой «дальнейшего критического развития» марксизма. На этой своеобразной черте развития русских общественных теорий с конца XIX века (и вплоть до современного оппортунизма—ликвидаторства, цепляющегося за марксистскую *терминологию* для прикрытия анти-марксистского содержания) нам придется, вероятно, останавливаться неоднократно.

В данную минуту нас интересует народническая оценка «великой реформы». В корне ошибочен тот взгляд, что стремление обезземелить крестьян в 1861 году было капиталистическим стремлением, а стремление наделить их землей — анти-капиталистическим, социалистическим (лучшие из народников в термине «народное производство» видели навязанный *цензурными* препонами псевдоним социализма). Такой взгляд грешит вопиющей анти-историчностью, перенесением «готовой» формулы Маркса («формулы», применимой лишь к высоко развитому товарному производству) на *крепостническую* почву. В действительности обезземеление крестьян в 1861 году означало в большинстве случаев создание не свободного рабочего в капиталистическом производстве, а *кабального* (т.-е. фактически полукрепостного или даже почти крепостного) *арендатора* той же «барской», помещичьей земли.

В действительности «наделы» 1861 года означали в большинстве случаев создание не свободного самостоятельного земледельца, а *прикрепление к земле* кабального арендатора, фактически вынужденного отбывать ту же барщину в форме обработки своим инвентарем помещичьей земли за выпас, за выгон, за луга, за необходимую пахотную землю и т. п.

Поскольку крестьянин действительно, а не номинально только, освобождался от крепостных отношений (суть их: «отработочная рента», т.-е. работа наделенного землей крестьянина на помещика), постольку он вступал в обстановку буржуазных общественных отношений. Но это *действительное* освобождение от крепостнических отношений шло гораздо сложнее, чем народники думали. Борьба сторонников обезземеления и сторонников «наделения» выражала *тогда* зачастую лишь борьбу двух *крепостнических* лагерей, спор о том, выгоднее ли для помещика иметь арендатора (или «отработочного» крестьянина) вовсе без земли *или* «с наделом», т.-е. прикрепленного к месту, привязанного клочком земли, с которого нельзя жить и на котором приходится искать «заработков» (= идти в кабалу помещику).

И, с другой стороны, несомненно, что чем больше земли получили бы крестьяне при освобождении, чем дешевле бы они ее получили, тем быстрее, шире, свободнее шло бы развитие капитализма в России, тем скорее исчезли бы остатки крепостнических и кабальных отношений, тем значительнее был бы внутренний рынок, тем обеспеченнее развитие городов, промышленности и торговли.

Ошибка народников состояла в том, что они брали вопрос утопично, абстрактно, вне отношения к конкретной исторической обстановке. Они объявляли «надел» базой самостоятельного мелкого земледелия: *поскольку* это верно, постольку «наделенный землей» крестьянин становился товаропроизводителем, попадал в условия буржуазные. *На деле* же слишком часто «надел» был так мал, так обременен чрезмерными платежами, так неудачно для крестьянина и «удачно» для помещика отмежеван, что «надельный» крестьянин неминуемо попадал в положение безысходной кабалы, оставался фактически в крепостнических отношениях, отрабатывал ту же барщину (под видом аренды за отработки и т. п.).

Таким образом, в народничестве таилась двоякая тенденция, которую марксисты и характеризовали тогда же, говоря о либерально-народнических взглядах, либерально-народнической оценке и т. д. Поскольку народники прикрашивали реформу 1861 года, забывая о том, что «наделение» реально означало в массе случаев обеспечение помещичьих хозяйств дешевыми и прикрепленными к месту рабочими руками, дешевым кабальным трудом, постольку они опускались (часто не сознавая этого) до точки

зрения либерализма, до точки зрения либерального буржуа, или даже либерального помещика; — постольку они объективно становились защитниками такого типа капиталистической эволюции, которая всего более отягощена помещичьими традициями, всего более связана с крепостническим прошлым, всего медленнее, всего тяжелее от него освобождается.

Поскольку же народники, не впадая в идеализацию реформы 61-го года, горячо и искренне отстаивали наименьшие платежи и наибольшие, без *всякого* ограничения, «наделы», при наибольшей культурной, правовой и проч. самостоятельности крестьянина, постольку они были буржуазными демократами. Их единственным недостатком было то, что их демократизм был далеко не всегда последователен и решителен, при чем буржуазный характер его оставался ими несознанным. У нас, между прочим будь сказано, даже и по сю пору самые «левые» социал-народники понимают нередко слово «буржуазный» в указанном сочетании, как нечто вроде... «политики», тогда как на самом деле термин буржуазная демократия есть единственно точная, с точки зрения марксизма, научная характеристика.

Эта двоякая, либеральная и демократическая, тенденция в народничестве вполне ясно *наметилась* уже в эпоху реформы 1861 года. Мы не можем здесь останавливаться подробнее на анализе этих тенденций, в частности на связи утопического социализма со второй из них, и ограничимся простым указанием на различие идейно-политических направлений, скажем, Кавелина, с одной стороны, и Чернышевского, с другой.

Если бросить общий взгляд на изменение всего уклада российского государства в 1861 году, то необходимо признать, что это изменение было шагом по пути превращения феодальной монархии в буржуазную монархию. Это верно не только с экономической, но и с политической точки зрения. Достаточно вспомнить характер реформы в области суда, управления, местного самоуправления и т. п. реформ, последовавших за крестьянской реформой 1861 года, — чтобы убедиться в правильности этого положения. Можно спорить о том, велик или мал, быстр или медленен был этот «шаг», но *направление*, в котором этот *шаг* последовал, так ясно и так выяснено всеми последующими событиями, что о нем едва ли может быть два мнения. Подчеркнуть же это *направление* тем более необходимо, чем чаще приходится слышать в наше время непродуманные суждения о том, будто «шаги» по пути превращения в буржуазную монархию делаются Россией чуть ли не в самые последние годы.

Из двух указанных тенденций народничества демократическая, опирающаяся на сознательность и самодеятельность не помещичьих, не чиновничьих и не буржуазных кругов, была крайне слаба в 1861 году. Поэтому дело и не пошло дальше

самого маленького «шага» по пути превращения в буржуазную монархию. Но эта слабая тенденция существовала уже тогда. Она проявлялась и впоследствии, то сильнее, то слабее, как в сфере общественных идей, так и в сфере общественного движения *всей* пореформенной эпохи. Эта тенденция росла с каждым десятилетием этой эпохи, питаемая каждым шагом экономической эволюции страны, а, следовательно, и совокупностью социальных, правовых, культурных условий.

Через 44 года после крестьянской реформы и та и другая тенденция, которые в 1861 году только наметились, нашли себе довольно полное и открытое выражение на самых различных поприщах общественной жизни, в различных перипетиях общественного движения, в деятельности широких масс населения и крупных политических партий. Кадеты и трудовики, — понимая тот и другой термин в самом широком смысле, — прямые потомки и преемники, непосредственные проводники обеих тенденций, обрисовавшихся уже полвека тому назад. Связь между 1861 годом и событиями, разыгравшимися 44 года спустя, несомненна и очевидна. И то обстоятельство, что в течение полувека обе тенденции выжили, окрепли, развились, выросли, свидетельствует, бесспорно, о силе этих тенденций, о том, что корни их лежат глубоко во всей экономической структуре России.

Нововременский писатель Меньшиков выразил эту связь крестьянской реформы с событиями недавнего прошлого в следующей своеобразной тираде: «61-ый год не сумел предупредить девятьсот пятого, — стало быть, что же кричать о *величии* реформы, столь жалко провалившейся?» («Новое Время», № 12512, от 11 января, «Ненужный юбилей»).

Меньшиков нечаянно затронул этими словами крайне интересный научно-исторический вопрос, во-первых, о соотношении реформы и революции вообще, а, во-вторых, о связи, зависимости, родстве общественно-исторических направлений, стремлений, тенденций 1861 и 1905 — 1907 годов.

Понятие реформы, несомненно, противоположно понятию революции; забвение этой противоположности, забвение той грани, которая разделяет оба понятия, постоянно приводит к самым серьезным ошибкам во всех исторических рассуждениях. Но эта противоположность не абсолютна, эта грань не мертвая, а живая, подвижная грань, которую надо уметь определить в каждом отдельном конкретном случае. Реформа 1861 года осталась только реформой в силу крайней слабости, бессознательности, распыленности тех общественных элементов, интересы которых требовали преобразования.

От этого так сильны были крепостнические черты в этой реформе, от этого так много в ней бюрократически-уродливого, от этого так безмерны были те бедствия, которые причинила

она крестьянству. Крестьянство наше страдало гораздо больше от недостаточного развития капитализма, чем от капитализма.

Но эта реформа, оставшаяся реформой в силу слабости известных общественных элементов, создала, несмотря на все препятствия и препоны, условия для дальнейшего развития этих элементов, — условия, расширившие ту базу, на которой старое противоречие разыгрывалось, расширившие круг тех групп, слоев, классов населения, которые могли сознательно принять участие в «разыгрывании» этих противоречий. Поэтому вышло так, что представители сознательно враждебной либерализму демократической тенденции в реформе 1861 года, казавшиеся тогда (и долгое время спустя) беспочвенными одиночками, *оказались* на деле неизмеримо более «почвенными», — оказались тогда, когда созрели противоречия, бывшие в 1861 году в состоянии почти зародышевом. Участники реформы 1861 года, смотревшие на нее с реформистской точки зрения, оказались более «почвенны», чем либеральные реформисты. История навсегда сохранит память о первых, как о передовых людях эпохи, — о вторых, как о людях половинчатых, бесхарактерных, бессильных перед силами старого и отжившего.

Народники проповедывали всегда в своих теориях, начиная с 1861 года (а их предшественники еще раньше, до 1861 года) и затем в течение более полувека, *иной т.-е. некапиталистический* путь для России. История вполне опровергла эту их ошибку. История вполне доказала, — и события 1905 — 07 годов, выступления разных классов русского общества в то время особенно наглядно подтвердили, — что Россия развивается капиталистически и что иного пути ее развития быть не может. Но плох был бы тот марксист, который из этой же истории полувека не научился бы до сих пор тому, в чем состояло *реальное* значение этих облеченных в ошибочную идеологию полувековых стремлений осуществить «иной» путь для отечества.

Сравнение 1861 года с 1905 — 07 годами яснее ясного показывает, что это *реальное* историческое значение народнической идеологии состояло в противоположении *двух* путей *капиталистического* развития: одного пути, приспособляющего новую, капиталистическую Россию к старой, подчиняющего первую второй, замедляющего ход развития, — и другого пути, заменяющего старое новым, устраняющего полностью отжившие помехи новому, ускоряющего ход развития. Программы кадетов и трудовиков, как программы либеральная и демократическая — при своей непоследовательности, иногда запутанности и бессознательности *обеих* программ — рельефно выразили это развитие *реальных* путей, которые находятся оба *в рамках* капитализма, которые проводятся в жизнь неуклонно в течение более полувека.

И теперешняя эпоха особенно настоятельно требует от нас

отчетливого понимания условий того и иного пути, ясного представления о двух тенденциях 1861 года и об их дальнейшем развитии. Мы переживаем дальнейший сдвиг всего уклада российского государства, *еще один* шаг по пути превращения в буржуазную монархию. Этот новый шаг, столь же неуверенный, столь же колеблющийся, столь же неудачный, столь же не состоятельный как прежде, ставит перед нами старые вопросы. Какой из двух путей капиталистического развития России окончательно определит ее буржуазный уклад, этого история еще не решила: не исчерпали еще себя те объективные силы, от которых зависит решение. Нельзя предусмотреть, каково будет это решение наперед до опыта всех трений, столкновений, конфликтов, которые составляют жизнь общества. Нельзя предусмотреть наперед, какова будет равнодействующая тех двух тенденций, которые дают себя знать с 1861 года. Но можно — и должно — добиться ясного сознания той и другой тенденции, добиться того, чтобы марксисты (и в этом одна из их задач, как «гегемонов» в хаосе распада, разброда, маловерия и преклонения перед минутным успехом) внесли свою деятельность — в эту равнодействующую — не в виде минуса (вроде ликвидаторства и вообще всякого беспомощного ковылянья за тем или иным упадочным настроением), а в виде плюса, в виде отстаиванья интересов всей эволюции в целом, ее коренных и самых существенных интересов.

Представители демократической тенденции идут к своей цели, постоянно колеблясь и попадая в зависимость от либерализма. Противодействие этим колебаниям, разрушение этой зависимости — одна из важнейших исторических задач марксизма в России.

«Мысль» № 3, февраль 1911 г.
Подпись: В. Ильин.

Л. Н. ТОЛСТОЙ И ЕГО ЭПОХА.

Эпоха, к которой принадлежит Л. Толстой и которая замечательно рельефно отразилась как в его гениальных художественных произведениях, так и в его учении, есть эпоха после 1861 и до 1905 г.г. Правда, литературная деятельность Толстого началась раньше и окончилась позже, чем начался и окончился этот период, но Л. Толстой вполне сложился, как художник и как мыслитель, именно в этот период, переходный характер которого породил *все* отличительные черты и произведений Толстого и «толстовщины».

Устами К. Левина в «Анне Карениной» Л. Толстой чрезвычайно ярко выразил, в чем состоял перевал русской истории за эти полвека.

...«Разговоры об урожае, найме рабочих и т. п., которые, Левин знал, принято считать чем-то очень низким,... теперь для Левина казались одни важными». «Это, может быть, неважно было при крепостном праве, или неважно в Англии. В обоих случаях самые условия определены; но у нас теперь, когда все это переворотилось и только укладывается, вопрос о том, как сложатся эти условия, есть единственный важный вопрос в России», — думал Левин (Соч., т. X, стр. 137).

«У нас теперь все это переворотилось и только укладывается», — трудно себе представить более меткую характеристику периода 1861 — 1905 годов. То, что «переворотилось», хорошо известно, или, по крайней мере, вполне знакомо всякому русскому. Это — крепостное право и весь «старый порядок», ему соответствующий. То, что «только укладывается», совершенно незнакомо, чуждо, непонятно самой широкой массе населения. Для Толстого этот «только укладывающийся» буржуазный строй рисуется смутно в виде пугала — Англии. Именно: пугала, ибо всякую попытку выяснить себе основные черты общественного строя в этой «Англии», связь этого строя с господством капитала, с ролью денег, с появлением и развитием обмена, Толстой отвергает, так сказать, принципиально. Подобно народникам, он не хочет видеть, он закрывает глаза, отвертывается от мысли о

том, что «укладывается» в России никакой иной, как буржуазный строй.

Справедливо, что если не «единственно важным», то важнейшим с точки зрения ближайших задач всей общественно-политической деятельности в России для периода 1861—1905 годов (да и для нашего времени) был вопрос, «как уложится» этот строй, буржуазный строй, принимающий весьма разнообразные формы в «Англии», Германии, Америке, Франции и т. д. Но для Толстого такая определенная, конкретно-историческая постановка вопроса есть нечто совершенно чуждое. Он рассуждает отвлеченно, он допускает только точку зрения «вечных» начал нравственности, вечных истин религии, не сознавая того, что эта точка зрения есть лишь идеологическое отражение старого («переворотившегося») строя, строя крепостного, строя жизни восточных народов.

В «Люцерне» (писано в 1857 году) Л. Толстой объявляет, что признание «цивилизации» благом есть «воображаемое знание», которое «уничтожает» инстинктивные, блаженнейшие, первобытные потребности добра в человеческой натуре». «Один, только один, есть у нас непогрешимый руководитель,—восклицает Толстой,—Всемирный Дух, проникающий нас» (Соч., II, 125).

В «Рабстве нашего времени» (писано в 1900 году) Толстой, повторяя еще усерднее эти апелляции к Всемирному Духу, объявляет «мнимой наукой» политическую экономию за то, что она берет за «образец» «маленькую, находящуюся в самом исключительном положении, Англию»,—вместо того, чтобы брать за образец «положение людей всего мира за все историческое время». Каков этот «весь мир», это нам открывает статья «Прогресс и определение образования» (1862 г.). Взгляд «историков, будто прогресс есть общий закон для человечества», Толстой побивает ссылкой на «весь так называемый Восток» (IV, 162). «Общего закона движения вперед человечества нет,—заявляет Толстой,—как то нам доказывают неподвижные восточные народы».

Вот именно идеологией восточного строя, азиатского строя и является толстовщина в ее реальном историческом содержании. Отсюда и аскетизм, и непротивление злу насилием, и глубокие нотки пессимизма, и убеждение, что «все—ничто, все—материальное ничто» («О смысле жизни», стр. 52), и вера в «Дух», «начало всего», по отношению к каковому началу человек есть лишь «работник», «приставленный к делу спасения своей души», и т. д. Толстой верен этой идеологии и в «Крейцеровой сонате», когда он говорит: «эмансипация женщины не на курсах и не в палатах, а в спальне»[56],—и в статье 1862 года[57], объявляющей, что университеты готовят только «раздраженных, больных либералов», которые «совсем не нужны народу», «бесцельно отор-

ваны от прежней среды», «не находят себе места в жизни» и т. п. (IV, 136—137).

Пессимизм, непротивленство, апелляция к «Духу» есть идеология, неизбежно появляющаяся в такую эпоху, когда весь старый строй «переворотился», и когда масса, воспитанная в этом старом строе, с молоком матери впитавшая в себя начала, привычки, традиции, верования этого строя, не видит и не может видеть, *каков* «укладывающийся» новый строй, *какие* общественные силы и как именно его «укладывают», какие общественные силы *способны* принести избавление от неисчислимых, особенно острых бедствий, свойственных эпохам «ломки».

Период 1862—1904 годов был именно такой эпохой ломки в России, когда старое бесповоротно, у всех на глазах рушилось, а новое только укладывалось, при чем общественные силы, эту укладку творящие, впервые показали себя на деле, в широком общенациональном масштабе, в массовидном открытом действии на самых различных поприщах лишь в 1905 году. А за событиями 1905 года в России последовали аналогичные события в целом ряде государств того самого «Востока», на «неподвижность» которого ссылался Толстой в 1862 году. 1905 г. был началом конца «восточной» неподвижности. Именно поэтому, этот год принес с собой исторический конец толстовщине, конец всей той эпохе, которая могла и должна была породить учение Толстого—не как индивидуальное нечто, не как каприз или оригинальничанье, а как идеологию условий жизни, в которых действительно находились миллионы и миллионы в течение известного времени.

Учение Толстого безусловно утопично и, по своему содержанию, реакционно в самом точном и в самом глубоком значении этого слова. Но отсюда вовсе не следует ни того, чтобы это учение не было социалистическим, ни того, чтобы в нем не было критических элементов, способных доставлять ценный материал для просвещения передовых классов.

Есть социализм и социализм. Во всех странах с капиталистическим способом производства есть социализм, выражающий идеологию класса, идущего на смену буржуазии, и есть социализм, соответствующий идеологии классов, которым идет на смену буржуазия. Феодальный социализм есть, например, социализм последнего рода, и характер *такого* социализма давно, свыше 60 лет тому назад, оценен был Марксом на-ряду с оценкой других видов социализма [58]).

Далее. Критические элементы свойственны утопическому учению Л. Толстого так же, как они свойственны многим утопическим системам. Но не надо забывать глубокого замечания Маркса, что значение критических элементов в утопическом социализме «стоит в обратном отношении к историческому раз-

витию»[59]). Чем больше развивается, чем более определенный характер принимает деятельность тех общественных сил, которые «укладывают» новую Россию и несут избавление от современных социальных бедствий, тем быстрее критически-утопический социализм «лишается всякого практического смысла и всякого теоретического оправдания».

Четверть века тому назад критические элементы учения Толстого могли на практике приносить иногда пользу некоторым слоям населения *вопреки* реакционным и утопическим чертам толстовства. В течение последнего, скажем, десятилетия это не могло быть так, потому что историческое развитие шагнуло немало вперед с 80-х годов до конца прошлого века. А в наши дни, *после* того, как ряд указанных выше событий положил конец «восточной» неподвижности, в наши дни, когда такое громадное распространение получили сознательно-реакционные, в узко-классовом, в корыстно-классовом смысле реакционные идеи «веховцев» среди либеральной буржуазии,—когда эти идеи заразили даже часть почитай-что марксистов, создав «ликвидаторское» течение, — в наши дни всякая попытка идеализации учения Толстого, оправдания или смягчения его «непротивленства», его апелляций к «Духу», его призывов к «нравственному самоусовершенствованию», его доктрины «совести» и всеобщей «любви», его проповеди аскетизма и квиетизма и т. п. приносит самый непосредственный и самый глубокий вред.

«Звезда» № 6, 4 февраля (22 января) 1911 г.
Подпись: В. Ильин.

КАДЕТЫ О «ДВУХ ЛАГЕРЯХ» И О «РАЗУМНОМ КОМПРОМИССЕ».

Ответ, который дала «Речь» министерскому официозу по вопросу о «лозунге» для выборов в IV Думу и о современной политической группировке, представляет из себя интересное и знаменательное явление.

«Речь» соглашается с «Русскими Ведомостями», что «выборы в IV Думу пойдут только между двумя лагерями: прогрессистами и правыми». «Подавать голоса придется не за партии, не за отдельных кандидатов, а за упрочение в России конституционного строя или против него». (Чрезвычайно мило это слово: «упрочение»!). «Политический смысл этого лозунга...—объективное признание того бесспорного факта, что правительственный курс вновь объединил всю оппозицию, правее и левее кадетов». Кадеты будут «центром этой политическо-разнородной группы», причем, входя в нее, они «так же мало откажутся от своей прежней программы и тактики, как отказывались социал-демократы от своей программы и тактики, входя в до-октябрьские «союзы»» (передовица, 21 января).

«Господа, можем мы ответить всем официозам и официалам, не кто иной, как *вы сами* нас объединили... Теперь в России чем дальше, тем больше политические течения сливаются в два больших лагеря, *за и против* конституции... Наша задача теперь одна, опять одна, как до 17 октября...» (там же).

Следует отличать, при оценке этих рассуждений, вопрос об условиях выборов в IV Думу от вопроса о социально-политическом значении обсуждаемых перемен («лозунга» и группировок). Условия выборов вообще и в провинции особенно, наверное, вынудят «оппозицию» пользоваться неопределенным беспартийным термином: «прогрессисты» в еще более широких размерах, чем прежде. Отказ в легализации даже таких партий, как кадеты, неминуемо поведет к этому, и недоумения министерского официоза на этот счет, разумеется, одно сплошное лицемерие. В больших городах, как признают сами кадеты, в той же хотя бы передо-

вице, будут выставлены самостоятельные кандидаты «более левых», по выражению «*Русских Ведомостей*», «групп» [60]). Уже отсюда видно, что о *двух* лагерях говорить не приходится.

Далее, про существование рабочей курии, выделенной современными избирательными законами, «*Речь*» пожелала совсем забыть. Наконец, относительно выборов в деревне (крестьянской) придется сказать, что даже *слово* «прогрессисты» будет здесь, несомненно, избегаться, но *реальным* «центром» «политически-разнородных» или политически-неопределенных групп будут, наверное, не кадеты.

К чему же сводится разговор о *двух* лагерях? К тому, что кадетам благоугодно, говоря о современном политическом положении, ограничить свой кругозор *только* теми элементами, из которых складывается третьедумское большинство. Только ту ничтожную долю населения, которая представлена этими элементами, господа кадеты и соблаговоляют признавать за политические «лагери». До сих пор *основное* деление в этом небольшом третьеиюньском уголке было: правые, октябристы, кадеты. (Известно, что физиономия III Думы определялась, в последнем счете, двумя большинствами: право-октябристским и октябристско-кадетским.) Теперь будет (по предсказанию «*Русских Ведомостей*», с которыми согласна «*Речь*») деление *этих трех* элементов на два «лагеря»: правые и прогрессисты.

Мы вполне признаем, что в основе этих либеральных предсказаний лежат не одни либеральные пожелания, но и объективные факты: изменения в политическом положении и политическом настроении русской буржуазии. Непозволительно только было бы забывать о том, что о *двух* лагерях можно говорить, лишь ограничивая свое поле наблюдения большинством третьей Думы. Непозволительно забывать, что *реальное* значение всех этих разговоров ограничивается тенденцией к сближению, слиянию, соединению «лагерей» октябристского и кадетского в «лагерь» прогрессистский (разумеется, при молчаливо подразумеваемом отпадении большей или меньшей части октябристского лагеря в лагерь правый). Когда кадеты говорят: «нас» объединили, «наша» задача опять одна и т. п., то эти слова: «мы», «нас», «наша» *реально* означают октябристов и кадетов, не более того.

На чем же «их» объединили? какова «их» задача? каков «их» лозунг для выборов в IV Думу? «Упрочение конституции»,— отвечают «*Русские Ведомости*» и «*Речь*». Этот ответ только кажется определенным, а на самом деле он ровно ничего не определяет, сводясь к тому же, совершенно бессодержательному, указанию на какую-то неопределенную «среднюю» между октябристами и кадетами. Ибо и Милюков, и Гучков согласны в том, что «у нас, слава богу, есть конституция», но сойтись они мечтают на «упрочении» не того, что у «нас» *есть*, а того, чего у нас нет.

Мечтанием, и притом не очень осмысленным мечтанием, является также и то, чтобы Милюков и Гучков, кадеты и октябристы сегодня, «прогрессисты» завтра, могли сойтись на определении содержания желаемой конституции. Не сошлись бы они ни на правовых формулах, выражающих конституцию, ни на определении того, какие реальные интересы каких реальных классов должна удовлетворять и охранять эта конституция. Поэтому *действительное* значение этого общего лозунга сводится к тому, что, будучи сближаемы «*отрицательной* задачей: задачей борьбы с общим противником» (выражение «Речи» из той же передовицы), октябристы и кадеты не могут определить своих положительных задач, не могут найти в среде своих лагерей тех сил, которые обладали бы способностью сдвинуться с мертвой точки.

Это признание того, что точка действительно получилась мертвая, что сдвинуться с нее нужно, нужно и октябристам и кадетам, что сдвинутые с нее те и другие совершенно бессильны, взятые сами по себе, — выразилось особенно рельефно в рассуждении «*Речи*» по одному частному поводу о «разумном компромиссе».

«И если в течение думских споров о петербургской канализации, — читаем в передовице «*Речи*» от 20 января, — нездоровая подпочва спора немного затушевалась, если оказалось даже для центра (т.-е. для октябристов) возможным примкнуть к тому разумному компромиссу, который предложен был фракцией народной свободы и принят городским самоуправлением, — то вмешательство П. А. Столыпина грубо сорвало покров (а вы хотели бы, господа кадеты, чтобы больные вопросы оставались под покровом?) и вскрыло все ту же старую, давно всем опротивевшую подоплеку — *политической* борьбы «государства» с самоуправлением».

Либеральная буржуазия в виде совсем, совсем невинной особы, которая мечтает о «разумных компромиссах» на деловой, не политической, почве, а представители «неконституционных», старых начал — в роли политических воспитателей, срывающих покровы, вскрывающих классовую подпочву! Разумный компромисс состоит в том, — вздыхает либерал, — чтобы удовлетворялось то, на чем сошлись кадеты, октябристы и беспартийные тузы капитала (петербургское городское самоуправление). Ничего нет разумного в том, чтобы мы вам уступали, отвечает правительство; разумно только то, чтобы вы нам уступали.

Маленький вопрос об оздоровлении Петербурга, о распределении ролей и прав между самоуправлением и самодержавием, подал повод к разъяснению истин, имеющих не маленькое значение. Что «разумнее», в самом деле, пожелания, мечтания, требования всей буржуазии или власть хотя бы, скажем, совета объединенного дворянства?

Для «*Речи*», как и для всей кадетской партии, критерий «разумности» компромисса состоит в том, что его одобрили деловые люди, дельцы, тузы, сами октябристы, сами воротилы петербургского городского самоуправления. Но *реальная* действительность,— как бы ее ни прихорашивали покровами вроде фразы: «у нас, слава богу, есть конституция», — срывает эти компромиссы и эти покровы достаточно грубо.

Итог: вы нас объединили, говорит «*Речь*» министерскому официозу.— Кого «нас»? — Оказывается, октябристов и кадетов.— На чем объединили? — На общей задаче: упрочение конституции. — А что следует понимать под конституцией и ее упрочением? — Разумный компромисс между октябристами и кадетами.— В чем критерий разумности подобных компромиссов? — В одобрении их худшими представителями русского «колупаевского» капитализма, вроде петербургских думцев. — А каков практический результат этих разумных компромиссов? — Тот, что П. А. Столыпин, или Государственный Совет, или Толмачев и т. д., и т. д. эти компромиссы «грубо срывают»...

А что, не будет ли на выборах в IV Думу третьего лагеря, характеризующегося сознанием того, как неразумна, смешна, наивна кадетская политика «разумного компромисса»? Как вы думаете об этом, господа из «*Речи*» и из «*Русских Ведомостей*»?

«Звезда» № 8, 18(5) февраля 1911 г.
Подпись: В. Ильин.

Россійская Соціальдемократическая Рабочая Партія. Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

РАБОЧАЯ ГАЗЕТА

JOURNAL OUVRIER

№ 3. 8,21 февраля 1910 г. Цѣна 10 коп.

ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЕ ПАДЕНИЯ КРЕПОСТНОГО ПРАВА.

19-го февраля 1911 г. исполняется 50 лет со дня падения крепостного права в России. Повсюду готовятся чествовать этот юбилей. Царское правительство принимает все меры, чтобы в церквах и в школах, в казармах и на публичных чтениях проповедывались исключительно черносотенные взгляды на так называемое «освобождение» крестьян. Из Петербурга спешно рассылаются по всей России циркуляры о том, чтобы все и всяческие учреждения не выписывали для распространения в народе никаких других книг и брошюр, кроме издаваемых «Национальным клубом» [61]), т.-е. одной из самых реакционных третьедумских партий. Усердные губернаторы в некоторых местах уже дошли до того, что распускают основанные помимо полицейского «руководства» (например, земские) комитеты по чествованию юбилея крестьянской «реформы», — распускают за недостаточную готовность вести это чествование так, как требует правительство черной сотни.

Правительство беспокоится. Оно видит, что как бы ни был забит, запуган, бессознателен и темен тот или иной рабочий или крестьянин, а все же простое вспоминание о том, что полвека тому назад была объявлена отмена крепостного права, не может не шевелить, не волновать народ, придавленный помещичьей, барской Думой, страдающий сильнее, чем прежде, от самодурства, насилия и гнета помещиков крепостников с их полицией и чиновниками.

В государствах Западной Европы последние остатки крепостного права были уничтожены революциями 1789 года во Франции, 1848-го в большинстве остальных стран. В России в 1861 году народ, сотни лет бывший в рабстве у помещиков, не в состоянии был подняться на широкую, открытую, сознательную борьбу за свободу. Крестьянские восстания того времени остались одинокими, раздробленными, стихийными «бунтами», и их легко подавляли. Отмена крепостного права была проведена не восставшим народом, а правительством, которое после поражения в крымской

войне увидело полную невозможность сохранения крепостныхпорядков.

Крестьян «освобождали» в России сами помещики, помещичье правительство самодержавного царя и его чиновники. И эти «освободители» *так* повели дело, что крестьяне вышли «на свободу» ободранные до нищеты, вышли из рабства у помещиков в кабалу к тем же помещикам и их ставленникам.

Русских крестьян господа благородные помещики «освобождали» так, что *свыше пятой доли* крестьянской земли было отрезано в пользу помещиков. За свои, пóтом и кровью политые, крестьянские земли крестьяне были обязаны платить *выкуп*, то-есть *дань* вчерашним рабовладельцам. Сотни миллионов рублей этой дани крепостникам выплатили крестьяне, разоряясь все более и более. Помещики не только награбили себе крестьянской земли, не только отвели крестьянам худшую, иногда совсем негодную землю, но сплошь да рядом понаделали ловушек, то-есть так размежевали землю, что у крестьян не осталось то выпасов, то лугов, то леса, то водопоя. Крестьяне *в большинстве* губерний коренной России остались и после отмены крепостного права в прежней безысходной кабале у помещиков. Крестьяне остались и после освобождения «низшим» сословием, податным быдлом, черной костью, над которой измывалось поставленное помещиками начальство, выколачивало подати, пороло розгами, рукоприкладствовало и охальничало.

Ни в одной стране в мире крестьянство не переживало и после «освобождения» такого разорения, такой нищеты, таких унижений и такого надругательства, как в России.

Но падение крепостного права встряхнуло весь народ, разбудило его от векового сна, научило его самого искать выхода, самого вести борьбу за полную свободу.

После падения крепостного права в России все быстрее и быстрее развивались города, росли фабрики и заводы, строились железные дороги. На смену крепостной России шла Россия капиталистическая. На смену оседлому, забитому, приросшему к своей деревне, верившему попам, боявшемуся «начальства» крепостному крестьянину вырастало новое поколение крестьян, побывавших в отхожих промыслах, в городах, научившихся кой-чему из горького опыта бродячей жизни и наемной работы. В крупных городах, на фабриках и заводах все увеличивалось число рабочих. Постепенно стали складываться соединения рабочих для совместной борьбы с капиталистами и с правительством. Ведя эту борьбу, русский рабочий класс помогал миллионам крестьянства подняться, выпрямиться, сбросить с себя привычки крепостных рабов.

В 1861 году крестьяне способны были только на «бунты». В течение десятилетий после 1861 года русские революционеры,

геройски стремясь поднять народ на борьбу, оставались одинокими и гибли под ударами самодержавия. К 1905 году окреп и вырос в долголетней стачечной борьбе, в долголетней работе пропаганды, агитации, организации, которая велась социал-демократической партией, русский рабочий класс. И он повел весь народ, повел миллионы крестьянства *на революцию*.

Царское самодержавие было надломано революцией 1905 года. Эта революция впервые создала в России из толпы мужиков, придавленных проклятой памяти крепостным рабством, народ, начинающий понимать свои права, начинающий чувствовать свою силу. Революция 1905 года впервые показала царскому правительству, русским помещикам, русской буржуазии, что миллионы и десятки миллионов становятся *гражданами*, становятся *борцами*, не позволяют помыкать собою как быдлом, как чернью. А действительное освобождение масс от гнета и произвола нигде и никогда на свете не достигалось ничем иным, кроме как самостоятельной, геройской, сознательной борьбой самих этих масс.

Революция 1905 года только надломила, но не уничтожила самодержавие. Оно мстит теперь народу. Помещичья Дума еще сильнее гнетет и давит. Недовольство и возмущение опять растут повсюду. За первым шагом будет второй. За началом борьбы будет продолжение. За революцией 1905 года идет новая, вторая революция. Об ней напоминает, к ней зовет юбилей падения крепостного права.

Нам нужно «второе 19-ое февраля», хныкают либералы. Неправда. Так говорят лишь буржуазные трусы. Второе «19-ое февраля» невозможно после 1905 года. Нельзя «освобождать сверху» народ, который научился (и *учится* — на опыте помещичьей, III Думы учится) бороться снизу. Нельзя «освобождать сверху» народ, во главе которого хоть раз выступал революционный пролетариат.

Черносотенцы понимают это и потому боятся юбилея 1861 года. «61-ый год, — писал верный сторожевой пес царской черной сотни, Меньшиков, в газете «Новое Время», — 61-й год *не сумел предупредить девятьсот пятого*».

Черносотенная Дума и бешенство царского правительства в преследовании его врагов не предупреждает, а ускоряет новую революцию. Тяжелый опыт 1908 — 1910 годов учит народ новой борьбе. За летними (1910 года) стачками рабочих начались зимние стачки студентов. Новая борьба нарастает, — может-быть, медленнее, чем мы бы хотели, но верно, неизбежно нарастает.

Революционная социал-демократия, очищая себя от маловеров, отвернувшихся от революции и нелегальной партии рабочего класса, собирает свои ряды и сплачивается для грядущих великих битв.

«Рабочая Газета»[62]) *№ 3, 21 (8) февраля 1911 г.*

ПАВЕЛ ЗИНГЕР.

УМЕР 18/31 ЯНВАРЯ 1911 Г.

5-го февраля текущего года немецкая социал-демократия хоронила одного из старейших своих вождей, Павла Зингера. Все рабочее население Берлина — многие сотни тысяч — по призыву партии явились на похоронное шествие, пришли почтить память того, кто отдал все свои силы, всю свою жизнь на служение делу освобождения рабочего класса. Никогда трехмиллионный Берлин не видал такого скопления народу: не менее миллиона человек были участниками и зрителями шествия. Никогда ни один из сильных мира сего не удостаивался таких похорон. Можно приказать десяткам тысяч солдат выстроиться по улицам при проводах праха какого-нибудь короля или знаменитого избиениями внешних и внутренних врагов генерала, но нельзя поднять население громадного города, если в сердцах всей миллионной трудящейся массы нет горячей привязанности к *своему* вождю, к делу *революционной* борьбы самой этой массы против гнета правительства и буржуазии.

Павел Зингер сам принадлежал к буржуазии, происходил из купеческой семьи, довольно долго был богатым фабрикантом. Он примыкал, в начале своей политической деятельности, к буржуазной демократии. Но в отличие от массы буржуазных демократов и либералов, забывающих очень быстро свою любовь к свободе из-за страха перед успехами рабочего движения, Зингер был горячим, искренним, до конца последовательным и бесстрашным демократом. Колебания, трусость, измены буржуазной демократии не увлекали его, а вызывали в нем отпор, создавали все более твердое убеждение в том, что только партия революционного рабочего класса способна довести до конца великую борьбу за свободу.

В 60-х годах прошлого века, когда немецкая либеральная буржуазия трусливо отворачивалась от нараставшей в Германии революции, торгуясь с правительством помещиков, примиряясь с королевским всевластием, Зингер решительно повернул к со-

циализму. В 1870 г., когда вся буржуазия была опьянена победами над Францией, и когда широкие массы населения дали увлечь себя подлой, человеконенавистнической, «либеральной» проповеди национализма и шовинизма, Зингер подписал протест против отнятия у Франции Эльзаса и Лотарингии. В 1878 году, когда буржуазия помогала реакционному, помещичьему («юнкерскому», как говорят немцы) министру Бисмарку провести исключительный закон против социалистов, распустить рабочие союзы, закрыть рабочие газеты, обрушить тысячи преследований на сознательный пролетариат, — Зингер окончательно вошел в социал-демократическую партию.

И с тех пор история жизни Зингера неразрывно связана с историей германской с.-д. рабочей партии. Он беззаветно отдался трудному делу революционного строительства. Он отдал партии все свои силы, все свое богатство, все свои недюжинные организаторские способности, все таланты практика и руководителя. Зингер был из числа тех немногих — можно сказать: из числа тех исключительно редких выходцев из буржуазии, которых долгая история либерализма, история измен, трусости, сделок с правительством, угодничества буржуазных политиканов не расслабляет, не развращает, *а закаляет*, превращает в *революционеров* до мозга костей. Редки *такие* выходцы из буржуазии, примыкающие к социализму, и *только* таким редким, долголетней борьбой искушенным, людям должен доверять пролетариат, если он хочет выковать себе рабочую партию, способную ниспровергнуть современное буржуазное рабство. Зингер был беспощадным врагом оппортунизма в рядах немецкой рабочей партии и до конца дней своих оставался непоколебимо верен непримиримой, революционно-социал-демократической политике.

Зингер не был ни теоретиком, ни публицистом, ни блестящим оратором. Он был прежде всего и больше всего *практиком-организатором нелегальной* партии во время исключительного закона, гласным городской (Берлинской) думы и парламентарием после отмены этого закона. И этот практик, у которого большая часть времени уходила на мелкую, будничную, технически-парламентскую и всяческую «деловую» работу, был велик тем, что он не делал себе кумира из мелочей, не поддавался столь обычному и столь пошлому стремлению отмахиваться от резкой и принципиальной борьбы во имя якобы этой «деловой» или «положительной» работы. Напротив, Зингер, всю жизнь посвятивший этой работе, всякий раз, когда вставал вопрос о коренном характере революционной партии рабочего класса, о конечных целях ее, о блоках (союзах) с буржуазией, об уступках монархизму и т. д., — всегда был во главе самых твердых и самых решительных борцов со всеми проявлениями оппортунизма. Во время исключительного закона против социалистов Зингер вместе с

Энгельсом, Либкнехтом и Бебелем боролся на два фронта: и против «молодых», полу-анархистов, отрицавших парламентскую борьбу, и против умеренных «легалистов во что бы то ни стало». В позднейшее время Зингер столь же решительно боролся с ревизионистами.

Он заслужил ту ненависть буржуазии, которая проводила его в могилу. Буржуазные ненавистники Зингера (немецкие либералы и наши кадеты) злорадно указывают на то, что с его смертью сходит в могилу один из последних представителей «героического» периода немецкой социал-демократии, то-есть того периода, когда так сильна, свежа, непосредственна была у вожаков вера в революцию, отстаиванье принципиально-революционной политики. На смену Зингеру — говорят эти либералы — идут умеренные, аккуратные вожаки «ревизионисты», люди скромных претензий и мелких расчетов. Слов нет, рост рабочей партии нередко привлекает многих оппортунистов в ряды ее. Слов нет, выходцы из буржуазии в наше время гораздо чаще несут пролетариату свою робость, узость мысли или любовь к фразе, чем твердость революционных убеждений. Но пусть не ликуют враги раньше времени! Рабочая *масса* и в Германии, и в других странах все больше сплачивается в *армию революции*, и эта армия развернет свои силы в недалеком будущем, ибо революция нарастает и в Германии, и в других странах.

Умирают старые революционные вожди — растет и крепнет молодая армия революционного пролетариата.

«Рабочая Газета» № 3, 21 (8) февраля 1911 г.

ЗАМЕТКИ.

МЕНЬШИКОВ, ГРОМОБОЙ, ИЗГОЕВ.

Выступление 66-ти московских промышленников [63]), представляющих по подсчету какой-то московской газеты капитал в полмиллиарда рублей, подало повод к ряду чрезвычайно ценных и характерных статей в различных органах печати. Помимо того, что эти статьи освещают необычайно ярко политическое положение в данную минуту, они дают интересный материал по многим основным и принципиальным вопросам, касающимся всей эволюции России в XX веке.

Вот г. Меньшиков в «Новом Времени», излагающий точку зрения правых партий и правительства:

«Как все эти Рябушинские, Морозовы и проч. не понимают, что в случае переворота они все будут повешены, а в лучшем случае станут нищими?» «Эту энергическую фразу» г. Меньшиков приводит, по его словам («Новое Время» № 12549), «из письма студента... одного весьма революционного института». И от себя уже автор добавляет: «Несмотря на грозное предостережение 1905 года, верхние классы России, включая купечество, чрезвычайно плохо разбираются в надвигающейся катастрофе». «Да, гг. Рябушинские, Морозовы и прочие, им подобные! Несмотря на ваш флирт с революцией и все аттестаты либерализма, которые вы спешите выслужить, именно вам первым придется пасть жертвой готовящегося переворота. Вас повесят первых — не за какие-нибудь преступления, а за то, что вам кажется добродетелью, — просто за обладание тем полумиллиардом, которым вы так кичитесь». «Либеральная буржуазия, включая среднее дворянство, чиновничество и купечество, беспечно идет к краю революционной пропасти вместе со своими титулами, чинами и капиталами». «Если либеральные подзуживатели бунта, наконец, дождутся, когда их потащат на виселицу, — пусть они припомнят, как была мягка к ним старая государственная власть, как она их предупредительно выслушивала, как ухаживала за ними и как мало заявляла претензий на их пустые головы. Пусть именно в тот черный для

них час сравнят благодеяния радикального режима со старым, патриархальным».

Это пишет неофициальный официоз правительства 17-го февраля, в тот самый день, когда официальный официоз, «Россия», из кожи лезет вон, чтобы доказать, при помощи «Голоса Москвы», что «выходка» 66-ти «не может считаться выражением мнения московского купечества». «Дворянский съезд — организация, — пишет «Россия», — а 66 купцов, которые сами говорят о себе, что они действовали, как частные лица, не являются организацией».

Неудобно иметь два официоза! Один другого побивает. Один доказывает, что «выходку» 66-ти нельзя рассматривать, как выражение мнения даже московского хотя бы купечества. А другой доказывает, что «выходка» имеет гораздо более широкое значение, служа выражением мнения не только московского и не только купечества, а всей российской *либеральной буржуазии* вообще. Г. Меньшиков берется, от имени «старой государственной власти», предостеречь эту либеральную буржуазию: не об тебе ли мы печемся?

Наверное нет ни единой страны в Европе, где бы в течение XIX века сотни раз не раздавался этот призыв «старой государственной власти», а также дворянства и реакционной публицистики, адресуемый к либеральной буржуазии, призыв «не подзуживать»... И никогда призывы не помогали, хотя «либеральная буржуазия» не только *не хотела* «подзуживать», а, напротив, с такой же энергией и искренностью боролась с «подзуживателями», с какой 66 купцов осуждают забастовки. Как осуждения, так и призыв бессильны, раз дело идет о всех условиях жизни общества, заставляющих тот или иной класс чувствовать невыносимость положения и говорить об этом. Г. Меньшиков правильно выражает интересы и точку зрения правительства и дворянства, пугая либеральную буржуазию революцией и упрекая ее за легкомыслие. 66 купцов правильно выражают интересы и точку зрения либеральной буржуазии, упрекая правительство и осуждая «забастовщиков». Но взаимные упреки — только симптом, неопровержимо свидетельствующий о крупных «недостатках механизма», о том, что, несмотря на все желание «старой государственной власти» удовлетворить буржуазию, сделать шаг в ее сторону, создать для нее очень влиятельное местечко в Думе, несмотря на сильнейшее и искреннейшее желание буржуазии устроиться, ужиться, поладить, приспособиться, — «приспособления» все же не выходит! Вот в чем суть, вот где канва, а взаимные упреки — одни узоры.

Г. Громобой в «Голосе Москвы» посылает необходимое предостережение «правительству» (№ 38, от 17 февраля, статья «Необходимое предостережение»). «Никакие проявления «твердой» власти, — пишет он, — никакие волевые импульсы не дадут родине

покоя, пока не будут идти рука об руку со слишком затянувшимися реформами». (Не очень грамотно пишет г. Громобой, но смысл его речи все же вполне ясен.) «И смута, как последствие затянувшегося кризиса, не может быть объявляема как «force majeure» *) для неплатежа по векселям». (Неудобное сравнение, г. публицист октябристских коммерсантов: во-первых, векселя-то ведь неподписанные; а, во-вторых, ежели бы даже они были подписаны, где тот коммерческий суд, куда вы могли бы обратиться, и кто тот судебный пристав и прочие, могущие произвести взыскание? Подумайте-ка, г. Громобой, и вы увидите, что не только октябристская, но и кадетская партия есть партия бронзовых векселей в политике.) «В таком случае она будет лишь усиливаться... за студенческими волнениями пойдет многое, уже пережитое. Поведете корабль назад — увидите пройденный путь». «Была бита ставка на слабых, может оказаться побитой и ставка на сильных. Власти нечего будет предъявить. Ее расчеты на успокоение могут рассеяться, как дым, при условиях каких угодно выборов». (Г. Громобой имеет в виду выборы в IV Думу.) «Если начнут проходить караваны оппозиции через те скалы, где носились лишь туманы власти, если оттолкнувшая от себя умеренные элементы власть останется в одиночестве, то выборы станут горьким ее поражением, и весь порядок будет потрясен от того, что он не порядок правовой».

Меньшиков упрекает буржуазию в том, что она «подзуживает» «революцию», — буржуазия упрекает Меньшиковых в том, что они «ведут к усилению смуты». «Старая, но вечно новая история».

Ренегат Изгоев в кадетской «Речи» пытается, по поводу той же темы, подвести некоторые социологические итоги, — не соображая, как неосторожно браться за это занятие кадетам вообще, ренегатам в частности. В статье «Сопоставления» (от 14 февраля) он сравнивает съезд объединенного дворянства с выступлением 66-ти московских купцов. «Объединенное дворянство, — пишет он, — упало до Пуришкевича, московские промышленники заговорили языком государственности». В прошлом, — продолжает г. Изгоев, — «дворянство оказывало народу серьезные культурные услуги», но «культурной работой занималось только меньшинство, а большинство его травило». «Но таков, вообще, исторический закон, что прогрессивно действует лишь меньшинство данного класса».

Очень, очень хорошо: «таков, вообще, исторический закон». Так пишет кадетская «Речь» устами г. Изгоева. Однако, присматриваясь ближе, мы с удивлением узнали, что «общие исторические законы» не простирают своего действия за пределы феодаль-

*) — в переносном смысле: непреодолимое препятствие, освобождающее от выполнения обязательства. *Ред.*

ного дворянства и либеральной буржуазии. В самом деле. Припомним «Вехи», в которых писал тот же г. Изгоев и с которыми полемизировали виднейшие кадеты таким образом, что касались частностей и не трогали основного, главного, существенного. Существенное в «Вехах», разделяемое всеми кадетами и тысячи раз высказывавшееся гг. Милюковыми и К°, состоит в том, что остальные классы России, кроме реакционного дворянства и либеральной буржуазии, проявили себя (в первом десятилетии настоящего века) действиями своего меньшинства, поддавшегося «угару», увлеченного «интеллигентскими» «вожаками», неспособного возвыситься до «государственной» точки зрения. «Надо иметь, наконец, смелость сознаться, — писал г. Изгоев в «Вехах»[64]), — что в наших Государственных Думах огромное большинство депутатов, за исключением трех-четырех десятков кадетов и октябристов, не обнаружили знаний, с которыми можно было бы приступить к управлению и переустройству России». Это говорится, как всякий понимает, про крестьянских депутатов, трудовиков и про рабочих депутатов.

Итак, «вообще исторический закон» состоит в том, что «прогрессивно действует лишь меньшинство данного класса». Если действует меньшинство буржуазии, то это прогрессивное меньшинство, оправдываемое «общим историческим законом». «Моральный авторитет распространяется на весь класс, если только меньшинство получает возможность работать», поучает нас г. Изгоев. Но, если действует меньшинство крестьян или рабочих, то это отнюдь не соответствует «историческому закону», это отнюдь не «прогрессивное меньшинство данного класса», это меньшинство отнюдь не имеет «морального авторитета», чтобы говорить от имени «целого» класса, — ничего подобного, это меньшинство, сбитое с толку «интеллигентщиной», анти-государственное, антиисторичное, обеспочвенное и так далее, как в «Вехах» прописано.

Кадетам вообще, веховцам в частности, рискованно пускаться в обобщения потому, что всякий их приступ к обобщениям неизбежно разоблачает полнейшее внутреннее родство кадетских и меньшиковских рассуждений.

«Россия» и «Земщина»[65]) рассуждают: 66 купцов, это — меньшинство, отнюдь не представляющее класса, не проявляющее ни знаний, ни способности «к управлению и переустройству России», и вовсе даже это не купцы, а совращенные «интеллигенты» и т. д., и т. п.

Изгоевы и Милюковы рассуждают: трудовики и рабочие депутаты в наших, к примеру скажем, Государственных Думах, это — меньшинство, отнюдь не представляющее своих классов (т.-е. девять десятых населения), сбитое с толку «интеллигентщиной», не проявляющее ни знаний, ни способности «к управлению и переустройству России» и т. д., и т. п.

Откуда это полнейшее внутреннее родство рассуждений «России» и «Земщины» с одной стороны, «Речи» и «Русских Ведомостей», с другой? Оттуда, что, при всем различии представляемых ими классов, и те и другие группы органов представляют классы, *уже* неспособные ни к какому существенному, самостоятельному, творческому, решающему *прогрессивному* историческому действию. Оттуда, что не только первая, но и вторая группа органов, не только реакционеры, но и либералы, представляют класс, *боящийся* исторической самодеятельности других, более широких слоев, групп и масс населения, других — более многочисленных — классов.

Г. Изгоев, в качестве ренегата «из марксистов», наверное, усмотрит здесь вопиющее противоречие: с одной стороны, признавать капиталистическое развитие России, а следовательно, имманентную тенденцию этого развития к максимально-полному и максимально-чистому господству буржуазии и в экономической, и в политической сфере, а с другой стороны, объявлять *уже* неспособной к самостоятельному, творческому, историческому действию либеральную буржуазию!

«Противоречие» это есть противоречие живой жизни, а не противоречие неправильного рассуждения. Неизбежность буржуазного господства нисколько не означает того, что либеральная буржуазия *способна* на такие проявления исторической самодеятельности, которые могли бы вызволить ее из «неволи» пуришкевичевской. Во-первых, история вовсе не идет таким простым и гладким путем, чтобы всякое исторически назревшее преобразование означало *тем самым* достаточную зрелость и силу для проведения этого преобразования тем именно классом, которому оно в первую голову выгодно. Во-вторых, кроме либеральной буржуазии есть еще другая буржуазия, напр., все крестьянство, взятое в массе, есть не что иное, как демократическая буржуазия. В-третьих, история Европы показывает нам, что бывали буржуазные по своему общественному содержанию преобразования, осуществлявшиеся элементами вовсе не из буржуазии. В-четвертых, история России за последние полвека показывает нам то же самое...

Когда идеологи и вожди либерализма начинают рассуждать так, как рассуждают веховцы, Карауловы, Маклаковы, Милюковы, *это означает,* что ряд исторических условий вызвал во всей либеральной буржуазии такое «устремление вспять», такую боязнь движения вперед, что это движение пройдет помимо нее, через нее, вопреки ее опасениям. А такая перебранка, как взаимное обвинение Меньшикова Громобоем, и Громобоя Меньшиковым*), в «усилении смуты», является лишь симптомом того, что это историческое движение вперед всеми начинает ощущаться...

*) Дворян либеральными купцами и либеральных купцов дворянами.

«Современное общество, — пишет в той же статье г. Изгоев,— построенное в глубине своей на начале личной собственности, есть общество классовое и иным пока быть не может. Место падающего класса стремится всегда занять другой класс».

Какой он вумный, — думает г. Милюков, читая подобные тирады в своей «Речи». — А приятно все же иметь кадета, который в 25 лет был социал-демократом, а в 35 «поумнел» и раскаялся в заблуждениях.

Неосторожное это занятие для вас, г. Изгоев, пускаться в обобщения. Современное общество есть общество классовое, очень хорошо. А может ли быть в классовом обществе внеклассовая партия? По всей вероятности, вы догадываетесь, что нет. Так зачем же вы совершаете такую неловкость, что ораторствуете о «классовом обществе» в органе такой партии, которая как раз видит свою гордость и заслугу в том (а по мнению тех, кто не только на словах и не только для фельетонной болтовни признает современное общество классовым, — проявляет свое лицемерие или свою близорукость *тем*, —) — что объявляет себя партией внеклассовой?

Когда вы поворачиваете свое лицо к объединенному дворянству и к либеральному московскому купечеству, тогда вы кричите о том, что современное общество есть классовое общество. А когда вам приходится, когда неприятные (ах, ужасно какие неприятные!) события заставляют вас повернуться хоть на короткое время лицом к крестьянству или к рабочим, тогда вы начинаете громить узкую, омертвелую, окостенелую, безнравственную, материалистическую, безбожную, ненаучную «доктрину» о классовой борьбе. Ох, не браться бы вам лучше, г. Изгоев, за социологические обобщения. Ой, не ходи, Грицю, та на вечерніцю!

...«Место падающего класса стремится всегда занять другой класс»...

Не всегда, г. Изгоев. Бывает так, что оба класса, и падающий и «стремящийся», изрядно уже прогнили — один больше, другой меньше, конечно, но все же оба изрядно прогнили. Бывает так, что, чувствуя эту свою гнилость, «стремящийся» вперед класс *боится* сделать шаг вперед, а ежели делает, то обязательно при этом торопится сделать два шага назад. Бывает такая либеральная буржуазия (например, в Германии и особенно в Пруссии так было), которая боится «занять место» падающего класса, а *все* усилия направляет на то, чтобы «разделить место» или, вернее, получить местечко хотя бы в лакейской, — но только не *занимать* место «падающего», только не доводить падающего до «падения». Бывает так, г. Изгоев.

В такие исторические эпохи, когда это случается, либералы могут принести (и приносят) величайший вред всему общественному развитию, если им удается выдать себя за демократов, ибо

разница между теми и другими, либералами и демократами, как раз в том, что первые боятся «занять место», а вторые не боятся этого. И те и другие осуществляют исторически назревшее буржуазное преобразование, но одни боятся осуществить его, тормозят его своей боязнью, другие — разделяя нередко массу иллюзий насчет последствий буржуазного преобразования — вкладывают все свои силы и всю душу в его осуществление.

Чтобы иллюстрировать эти общие социологические рассуждения, позволю себе привести один пример либерала, который не стремится, а боится «занять место» падающего класса, и который поэтому (сознательно или бессознательно, все равно) злейшим образом обманывает население, называя себя «демократом». Либерал этот — член III Думы помещик А. Е. Березовский 1-ый, кадет, который во время аграрных прений (в 1908 году) произнес в Думе следующую речь, одобренную лидером партии г. Милюковым, назвавшим речь «прекрасной». Напомнить эту речь, смеем думать, не лишне ввиду близких выборов.

... «По моему глубокому убеждению, — говорил г. Березовский 27 октября 1908 года в Государственной Думе, защищая земельный проект, — этот проект гораздо более полезен и для владельцев земли, и я это говорю, господа, зная земледелие, сам занимаясь им всю жизнь и владея землей... Не надо выхватывать голый факт принудительного отчуждения, возмущаться им, говорить, что это насилие, а надо посмотреть, во что выливается это предложение, что предлагают, напр., в своем проекте 42 члена I Государственной Думы. В нем заключалось только признание необходимости в первую очередь подвергнуть отчуждению те земли, которые не эксплуатируются самими владельцами, которые обрабатываются крестьянским инвентарем и, наконец, которые сдаются в аренду. Затем партия народной свободы поддерживала образование комиссий на местах, которые, поработав известное время, может быть, даже ряд лет, должны выяснить, какие земли подлежат отчуждению, какие не подлежат и сколько нужно крестьянам земли для их удовлетворения. Эти комиссии конструировались бы так, что в них была бы половина крестьян и половина не крестьян, и мне кажется, что в этой общей конкретной обстановке на местах выяснилось бы, как следует, и количество подходящей для отчуждения земли, и количество земли, необходимой для крестьян, и, наконец, сами крестьяне убедились бы, в какой мере могут быть удовлетворены их справедливые требования и в какой степени неверны и неосновательны часто их желания получить много земли. Затем этот материал возвратился бы в Думу, которая бы его переработала, далее, материал этот пошел бы в Государственный Совет и, наконец, дошел бы до высочайшей санкции. Вот, собственно, порядок, которого почему-то устрашилось правительство, распустило Думу и привело

нас к настоящему положению вещей. Результатом этой планомерной работы, несомненно, было бы удовлетворение истинных нужд населения, связанное с ним успокоение и сохранение культурных хозяйств, которых никогда партия народной свободы разрушать без крайней необходимости не желала». (Стенографические отчеты, стр. 398.)

Если г. Изгоев, принадлежащий к той же партии, что и г. Березовский, пишет в статье «Сопоставление»: «Россия — страна демократическая и никакой олигархии терпеть не может, ни новой, ни старой», то нам вполне ясен теперь смысл подобных речей. Россия отнюдь не демократическая страна, и никогда ни в каком случае демократической страной сделаться не сможет, пока сколько-нибудь широкие круги населения такую партию, как кадеты, считают демократической. Это — горькая правда, в тысячу раз более нужная народу, чем та сладкая ложь, которую говорят представители половинчатой, бесхарактерной, беспринципной либеральной олигархии, господа кадеты. Напоминать эту горькую правду тем более необходимо, чем больше выдвигаются на очередь дня такие «пререкания», как пререкания Меньшиковых с 66 и с Громобоем.

«Звезда» № 11, 11 марта (26 февраля) 1911 г.
Подпись: В. Ильин.

О СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ ВЛАСТИ, ПЕРСПЕКТИВАХ И ЛИКВИДАТОРСТВЕ.

Вопросы, указанные в заглавии, занимают по важности одно из первых, если не первое место в системе взглядов марксиста, желающего разбираться в окружающей его действительности. Период 1908—1910 годов представляет из себя, несомненно, нечто своеобразное. Социальная структура общества и власти характеризуется изменениями, без уяснения которых нельзя сделать ни шагу в какой угодно области общественной деятельности. От уяснения этих изменений зависит вопрос о перспективах, понимая под этим, конечно, не пустые гадания насчет того, чего не ведает никто, а основные тенденции экономического и политического развития, — те тенденции, равнодействующая которых определяет ближайшее будущее страны, те тенденции, которые определяют задачи, направление и характер деятельности всякого сознательного общественного деятеля. А этот последний вопрос, о задачах, направлении и характере деятельности, ближайшим образом связан с вопросом о ликвидаторстве.

Неудивительно поэтому, что марксисты уже в 1908 году, как только выяснилось или стало выясняться, что перед нами некоторый новый, своеобразный период русской истории, поставили на очередь дня именно вопросы о социальной структуре власти, о перспективах и ликвидаторстве, указали неразрывную связь этих вопросов, подвергли их систематическому обсуждению. Далее, они не ограничились одним обсуждением — это было бы как раз литературщиной в плохом смысле слова, это было бы возможно только в дискуссионном кружке интеллигентов, не сознающих своей ответственности и беззаботных по части политики, — нет, они выработали точную формулировку результатов обсуждения, такую, которой бы мог руководиться не только член данного литературного кружка, не только человек, так или иначе связанный с известной интеллигентской категорией, а любой, всякий и каждый сознательный представитель класса, считающий марксизм своей идеологией. К концу 1908 года эта необходимая работа была закончена.

Каковы главные результаты этой работы, я уже говорил в № 2 нашего журнала. Позволю себе привести оттуда несколько строк, чтобы сделать понятным дальнейшее изложение.

«Развитие русского государственного строя за последние три века показывает нам, что он изменял свой классовый характер в одном определенном направлении. Монархия XVII века с боярской думой не похожа на чиновничью-дворянскую монархию XVIII века. Монархия первой половины XIX века — не то, что монархия 1861 — 1904 годов. В 1908 — 1910 г.г. явственно обрисовалась новая полоса, знаменующая *еще один шаг* в том же направлении, которое можно назвать направлением к буржуазной монархии. В тесной связи с этим шагом стоит и III Дума и наша современная аграрная политика. Новая полоса, таким образом, не случайность, а своеобразная ступень в капиталистической эволюции страны. Не решая старых проблем, не будучи в состоянии решить их, а, следовательно, *не устраняя их*, эта новая полоса требует применения новых приемов подготовки к старому решению старых проблем» (№ 2, стр. 43). И несколькими строками ниже: «Те, кто отрицает (или не понимает)... что перед нами стоят старые проблемы, что мы идем навстречу старому их решению, те покидают *на деле* почву марксизма, те оказываются *на деле* в плену у либералов (как Потресов, Левицкий и т. д.)» (стр. 44) *).

Как бы кто ни относился к кругу идей, выраженному в этих положениях, но едва ли можно отрицать теснейшую связь и взаимозависимость отдельных частей в этой оценке данного периода. Возьмите, напр., указ 9 ноября 1906 г. (закон 14 июня 1910 года): совершенно неоспоримо, что он имеет ярко выраженный буржуазный характер, знаменуя принципиальный поворот в той аграрной политике, которую давно вели «верхи» по отношению к общине и надельному землевладению. Но, чтобы этот принципиальный поворот *уже* решил вопрос, *уже* создал новые базы капиталистического крестьянского хозяйства, *уже* устранил старые проблемы, этого до сих пор не решались утверждать даже самые беспринципные и податливые дуновениям ветра люди, вроде кадетов. Связь закона 14 июня 1910 г. с системой выборов в III Думу и ее социальным составом очевидна: иначе, как союзом центральной власти с феодальными (употребим это не вполне точное, обще-европейское, выражение) помещиками и верхами торгово-промышленной буржуазии, нельзя было бы осуществить этого закона, провести ряд мер для его введения в жизнь. Перед нами, значит, своеобразная ступень *всей* капиталистической эволюции страны. Устраняет ли эта ступень сохранение «власти и доходов» — говоря в социологическом смысле — за землевладельцами

*) См. настоящий том, стр. 83. *Ред.*

феодального типа? Нет, не устраняет. Происшедшие изменения и в этой, как во всех других областях, не устраняют *основных* черт старого режима, старого взаимоотношения социальных сил. Отсюда понятна коренная задача сознательного общественного деятеля: учесть эти новые изменения, «использовать» их, охватить их — если можно так выразиться — и в то же время не отдаться беспомощно течению, не выбросить вон старого багажа, сохранить основное и в формах деятельности, а не только в теории, в программе, в принципах политики.

Спрашивается, как же отнеслись к этому оформленному ответу на «проклятые вопросы», к этому прямому и ясному изложению определенных взглядов те «идейные руководители», которые группируются вокруг изданий типа «Возрождения», «Жизни», «Дела Жизни», «Нашей Зари» и т. п., гг. Потресов и Мартов, Дан и Аксельрод, Левицкий и Мартынов? Они отнеслись именно не как политики, не как «идейные руководители», не как ответственные публицисты, не как литераторская категория, а как кружок интеллигентов, как вольные стрелки вольных групп пишущей братии. Они снисходительно похихикали, — в качестве людей, умеющих ценить моду и дух времени, установившиеся в либеральных салонах, — над этой устарелой, отжившей, чудаческой тягой к оформленным ответам на проклятые вопросы. К чему эта оформленность, когда можно писать где угодно, о чем угодно, что угодно, как угодно? Когда гг. Милюковы и гг. Струве дают прекрасные образчики всех выгод, удобств и преимуществ, вытекающих из уклонения от прямых ответов, точных изложений взглядов, оформленных professions de foi *) и т. д.? Когда Иваны Непомнящие (и в особенности Иваны, не любящие вспоминать про былую оформленность) в самых широких кругах «общества» пользуются почетом и уважением?

Так за все три года мы и не видели со стороны всей этой литераторской компании ни малейшей попытки противопоставить *свой* оформленный ответ на «проклятые вопросы». Иносказаний и гипотез пустых было сколько угодно, а прямого ответа ни одного. Отличительной, характерной чертой рассматриваемой компании явилась любовь к *бесформенности*, т.-е. именно к такому признаку, который самым определенным, самым точным и недвусмысленным образом был *тогда же*, когда давался прямой ответ на проклятые вопросы, признан составным элементом понятия *ликвидаторства*. Бесформенным образом плыть по течению, умиляться своей бесформенностью, «ставить крест» над тем, что противоположно бесформенному настоящему, это и есть одна из основных черт ликвидаторства. Оппортунисты всегда и везде пас-

---

*) — исповедание веры — изложение своих политических убеждений. *Ред.*

сивно отдаются течению, довольствуются ответами «от случая к случаю», от съезда (пьяного) к съезду (фабричному), удовлетворяются объединением от одного «общества» (хотя бы и самого почтенного и полезного: профессионального, потребительного, культурного, общества трезвости и т. п.) к другому обществу и т. д. Ликвидаторство есть совокупность тенденций, свойственных всякому оппортунизму вообще и проявляющихся в определенных конкретных формах в один из периодов русской истории в одном из наших социально-политических направлений.

История сохранила только два точных отзыва ликвидаторов на изложенный выше «прямой ответ» (на проклятые вопросы). Первый отзыв: прилагательное буржуазный следовало бы заменить прилагательным плутократический [66]). — Такая замена была бы, однако, совершенно неправильна. Эпоха 1861 — 1904 годов показывает нам в самых различных областях жизни рост влияния, а нередко и преобладающее влияние плутократии. В эпоху 1908—1910 г.г. мы видим, *в отличие* от «плутократии», результаты того, как буржуазия, сознавая себя классом, учитывая уроки, данные предыдущим трехлетием ее классовому самосознанию, создает идеологию, принципиально враждебную и социализму (притом не общеевропейскому, не социализму вообще, а именно русскому) и демократии. Мало того. Буржуазия организована в общенациональном масштабе, т.-е. именно как класс, известная часть которого постоянно представлена (и очень влиятельно представлена) в III Думе. Наконец, и в аграрной политике 1908 — 1910 годов есть система, проводящая определенный план буржуазного аграрного строя. Этот план «не вытанцовывается» до сих пор, это несомненно, но эта неудача есть неудача *одной* из буржуазных систем при несомненной «удаче» *плутократии* в деревне: то-есть плутократия деревенская от аграрной политики 1908 — 1910 годов наверняка выигрывает, но тот буржуазный уклад, для которого много жертв приносится, все еще не может «уложиться». Одним словом, предложение термина «плутократический» во всех отношениях неудачно, и настолько неудачно, что сами ликвидаторы, видимо, предпочитают забыть об этом предложении.

Другой отзыв: вышеизложенный ответ неправилен-де потому, что сводится к совету «переть туда, где были раз» [67])... неудачи. Этот краткий, но энергичный отзыв ценен тем, что в рельефной форме выразил итоги всех литературных выступлений ликвидаторов, начиная с потресовского «Общественного движения» и кончая г. Левицким в «Нашей Заре». Содержание этого отзыва — чисто отрицательное; он ограничивается осуждением стремлений «переть туда», не давая никаких положительных указаний насчет того, *куда* «переть» следует. Плывите, дескать, как плывется, как «все» плывут, а обобщениями насчет того, к чему это приводит и приводить должно, заниматься не стоит.

Но, как ни хотелось бы оппортунистам успокоиться от всяких обобщений, избежать «неприятных» разговоров о прямом ответе на «проклятые вопросы», а это оказывается все же невозможным. Гони природу в дверь — она влетит в окно. Ирония истории устроила так, что те самые ликвидаторы, которые любят называть себя «передовыми», чуждыми «консерватизма» людьми и которые в 1908 году презрительно морщили нос по поводу указаний на необходимость прямого ответа, оказались вынужденными — *почти полтора года спустя*, летом 1910 года, посчитаться с этими указаниями. И вынудили их к тому события в их собственном лагере. Совсем было отмахнулись от прямого ответа, затребованного в каких-то там презренных, отживших, омертвелых, никчемных, зловредных «гиблых местах», — как вдруг, полтора года спустя, возникает среди самих ликвидаторов «течение», требующее тоже прямого ответа и дерзновенно дающее прямой ответ!

В роли «дерзновенного» выступил, как и следовало ожидать, Ю. Ларин, но на этот раз уже не один. Ларин, как известно, enfant terrible *) оппортунизма. Он отличается тем громадным, с точки зрения оппортунистов, недостатком, что воспринимает серьезно, искренно, вдумчиво намечающиеся у них тенденции, старается связать их в нечто целое, додумать до конца, получить прямые ответы, сделать практические выводы. Те, кто знакомы с книгой Ларина о широкой рабочей партии, — книга эта вышла года 3 — 4 тому назад — помнят, наверное, как он задушил в своих горячих объятиях пресловутую аксельродовскую идею рабочего съезда.

С марта 1910 года Ларин начал печатать ряд статей в «Возрождении» по вопросу именно о социальной структуре власти, перспективах и ликвидаторстве [68]). К нему присоединился г. Пилецкий. Оба писателя, с горячностью неофитов взявшись за эти вопросы, на которые в своем, ликвидаторском, лагере они тщетно искали прямого ответа, пошли рубить с плеча. О крепостничестве-де в современной России нечего и говорить, власть *уже* переродилась в буржуазную. «И «первый» и «второй» элементы — говорит Ларин, выделяя пресловутый «третий элемент» — могут спать спокойно: октябрь 1905 г. не стоит на очереди» («Возрождение» № 9 — 10, стр. 20). «Упразднив Думу, восстановили бы ее еще скорей, чем после-революционная Австрия, упразднившая конституцию в 1851 г., чтобы вновь признать ее в 1860 г., через 9 лет, без всякой революции, просто в силу интересов перестроившей на капиталистическую ногу свое хозяйство влиятельнейшей части господствующих классов. Впоследствии борьба разных слоев господствующих классов между собой, после того как укоренится

*) — бестактный ребенок. *Ред.*

общественный строй буржуазных отношений, принудит их и у нас, как везде, раздвигать рамки избирательного права»... (Там же, стр. 26.) «Процесс приобщения России к капиталистическому миру... находит себе завершение и в политической области. Это завершение — невозможность на переживаемой нами стадии *общенационального* революционного движения, имевшего место в 1905 г.» (с. 27).

«Раз власть, таким образом» (по выводам Ларина) «вовсе не находится «почти целиком» в руках земельных феодалов, то и борьба *за власть* «капиталистов от земли и завода» против феодалов — не может превратиться в борьбу общенациональную *против наличной власти*» (№ 11, с. 9)... «Строить свои тактические линии в расчете на предстоящий «общенациональный подъем», значило бы обрекать себя на бесплодное ожидание» (там же, с. 11). «Сидеть между двух стульев нельзя. Если ничто не изменилось в социальном характере власти, тогда и задачи, и формы деятельности *должны* оказаться прежними, тогда остается только «бороться с ликвидаторами». Если же кто хочет идти дальше, *строить новое* в замену, *в продолжение* и в возвеличение развалившегося, ставшего негодным, старого, — тот пусть последовательно отдаст себе отчет в *условиях стройки*» (там же, с. 14).

Ну, разве не наивен этот Ларин? Требует, чтобы оппортунисты были «последовательны», чтобы они «не сидели между двух стульев»!

Редакция «Возрождения» растерялась. В № 9—10, заявляя о несогласии с Лариным, она пишет: «свежесть мысли» (у Ларина), *но* «статьи Ю. Ларина не убедили нас». В № 11, видимо от имени редакции, выступил против Ларина В. Миров, признавший, что в лице Ларина и Пилецкого «налицо определенное *течение*, теоретически еще мало разработанное, но говорящее очень ясным языком» (величайший недостаток, с точки зрения оппортунистов!). «Ларин затронул попутно — писал г. Миров — и совершенно неожиданно» (вот как! всегда этот беспокойный Ларин с «очень ясным языком» причиняет неприятности своим друзьям!) «и другой вопрос о ликвидаторстве. Нам кажется, что тесной связи между формами партийного строительства и природой русского правительства нет, и мы оставляем за собой право отдельно поговорить об этом» (с. 22, № от 7-го июля 1910 г.).

«Отдельно поговорил» от имени этого «мы» уже Л. Мартов в № 1 «Жизни» (30 августа 1910 г.) [69], который заявил, что «может лишь присоединиться» (с. 4) к В. Мирову и к редакции против Ларина. Таким образом, последнее слово во всей этой дискуссии среди ликвидаторов было сказано Л. Мартовым.

Присмотримся же к этому последнему слову ликвидаторства.

Мартов берется за дело, как и всегда, очень бойко и очень... «ловко». Он начинает с того, что «буржуазию у власти или

властвующую буржуазию у нас начали тщательно искать немедленно после переворота 3 июня». «3-ье июньский режим есть режим господства российской торгово-промышленной буржуазии. Эта схема одинаково принималась и указанной группой писателей-меньшевиков (Ларин, Пилецкий) и их антиподами,—правоверными большевиками, которые в 1908 году» писали «о нарождении в России буржуазной монархии».

Ну, разве же это не перл «ловкости»? Ларин упрекает Мартова в сиденьи между двух стульев, признавая прямо, без виляньи и хитростей, что надо бороться с ликвидаторами, если не перестроить заново того ответа на проклятые вопросы, который дан «правоверными».

А Мартов «ловко» кувыркается в воздухе и пытается уверить читателей (в августе 1910 года совершенно не имевших возможности выслушать другую сторону) [70]), что «эту схему» «*одинаково принимали*» и Ларин, и «правоверные»!!

Эта ловкость есть буренинская или меньшиковская ловкость, ибо более беззастенчивого... отступления от истины нельзя себе и представить.

«В литературных дискуссиях обыкновенно забывают, кто собственно «начал»» — пишет, между прочим, Мартов там же. Справедливо, что это бывает в *литераторских* дискуссиях, когда нет и речи о выработке точного, оформленного ответа на проклятые вопросы. Но мы имеем дело *именно* не с литераторской и *не с литературной только «дискуссией»*, как это великолепно, досконально, доподлинно и непосредственно известно Л. Мартову, вводящему читателей «Жизни» в заблуждение. Мартов прекрасно знает, каков данный и поддерживаемый «правоверными» оформленный ответ. Мартов прекрасно знает, что именно с этим ответом и борется Ларин, называя его «окостеневшим шаблоном», «построением воздушных замков» и т. д. Мартов прекрасно знает, что *он сам* и все его единомышленники и коллеги отвергали данный «правоверными» оформленный ответ. Мартов прекрасно знает, «кто собственно начал»; кто начал (и кончил) выработку точного ответа и кто ограничился хихиканием и выражением несогласия, не дав и не давая *никакого* ответа.

Нельзя себе представить более возмутительной, более недобросовестной проделки, чем эта проделка Л. Мартова! Ларин своей прямотой и откровенностью больно задел дипломатов ликвидаторства, признав (хотя и через $1^1/_2$ года), что без точного ответа не обойтись. Правда глаза колет. И Л. Мартов пытается обмануть читателя, представив дело так, будто Ларин принимает «одинаковую схему» с правоверными, — хотя в действительности та и другая схема *противоположны*: из ларинской *вытекает* оправдание ликвидаторства, из «правоверной» — осуждение ликвидаторства.

Чтобы прикрыть свою проделку, Мартов выхватывает из «схемы» *одно* словечко, искажая ту связь, в которой оно стоит (прием, у Буренина и Меньшикова разработанный до совершенства). Правоверные, уверяет Мартов, писали о «нарождении в России буржуазной монархии», — Ларин пишет о том, что о крепостничестве в России нечего и говорить, что власть уже буржуазна, — *«значит»*, схемы Ларина и правоверных *«одинаковы»*!! Фокус кончен. Читатель, верящий Мартову, одурачен.

На самом же деле «схема», а вернее: ответ правоверных гласит, что старая власть в России *«делает еще шаг по пути превращения* в буржуазную монархию», при чем именно такой путь капиталистического развития, который *«сохранял бы* за землевладельцами *именно феодального типа* их власть и их доходы», — что в результате этого положения вещей *«основные* факторы экономической и политической жизни, вызвавшие» первый кризис начала XX века, *«продолжают действовать»*.

Ларин говорит: власть *уже* буржуазна, поэтому о «сохранении власти» за феодалами говорят лишь сторонники «окостеневшего шаблона», поэтому «основные факторы» прежнего подъема *не* продолжают действовать, поэтому строить надо нечто новое «в замену «ставшего негодным старого»».

«Правоверные» говорят: власть делает *еще* шаг *по пути* превращения в буржуазную (не власть вообще, а) монархию, при чем реальная власть остается, сохраняется в руках феодалов, так что «основные факторы» прежних тенденций, прежнего типа эволюции «продолжают действовать», и поэтому говорящие о «ставшем негодным старом» суть ликвидаторы, *на деле* плененные либералами.

Противоположность обеих схем, обоих ответов ясна. Перед нами два различных *цельных* ответа, приводящих к различным выводам.

Мартов фокусничает à la Буренин, ссылаясь на то, что в *обоих* ответах *«говорится»*-де о «нарождении буржуазной монархии». С таким же правом можно бы сослаться на то, что оба ответа признают продолжающееся капиталистическое развитие России! *На почве* общего признания (всеми марксистами и всеми желающими быть марксистами) капиталистического развития *идет спор* о высоте, форме, условиях его. А Мартов запутывает спорное, чтобы бесспорное выдать за предмет дискуссии! На почве *общего* признания (всеми марксистами и всеми желающими быть марксистами) развития старой власти *по пути превращения в буржуазную монархию* идет спор о степени, форме, условиях, ходе этого превращения, а Мартов запутывает спорное (продолжают ли действовать прежние факторы? допустимо ли отречение от старых форм? и т. д.), чтобы бесспорное выдать за предмет дискуссии!

Что власть в России XIX и XX веков вообще развивается «по пути превращения в буржуазную монархию», этого не отрицает Ларин, как не отрицал этого до сих пор *ни один* вменяемый человек, желающий быть марксистом. Предложение заменить прилагательное буржуазный словом плутократический неверно оценивает *степень* превращения, но *принципиально* не решается оспаривать, что действительный «путь», путь реальной эволюции *состоит* именно в этом превращении. Пусть попробует он утверждать, что монархия 1861—1904 годов (т. е. несомненно, менее капиталистическая по сравнению с современной) *не* представляет по сравнению с эпохой николаевской, крепостной *одного* из шагов «по пути превращения в буржуазную монархию»!

Мартов не только не пробует утверждать этого, а, напротив, «присоединяется» к В. Мирову, который, возражая Ларину, ссылается именно на буржуазный характер виттевских реформ, а также реформ 60-х годов!

Пусть судит теперь читатель о «ловкости» Мирова и Мартова. Сначала они повторяют против Ларина те доводы, которые *полтора года* тому назад приведены были «правоверными» против ближайших друзей, единомышленников и коллег Мартова и Мирова, — а потом они уверяют читателя, что «схемы» Ларина и «правоверных» одинаковы.

Это не только образец литературщины против политики (ибо политика требует оформленных прямых ответов, а литераторы часто ограничиваются говорением кругом да около), это образец принижения литературы до буренинщины.

Приведя цитированные выше слова Ларина о том, что «если ничего не изменилось и т. д., то остается только бороться с ликвидаторами», Мартов отвечает ему:

«Мы до сих пор думали, что наши задачи определяются социальной структурой общества, в котором мы действуем, а формы нашей деятельности определяются, во-1-х, этими задачами, а во-2-х, — *политическими условиями*. «Социальная природа власти» поэтому *непосредственного* (курсив Мартова) отношения к определению наших задач и форм деятельности не имеет».

Это не ответ, а пустая уклончивая фраза. Мартов опять пытается запутать вопрос, перенести спор не туда, где он ведется. Вопрос не в том, *непосредственно* или *посредственно* связана социальная природа власти с задачами и формами деятельности. Пусть эта связь *посредственная*, — дело от этого нисколько не меняется, раз признается тесная и неразрывная связь. А Мартов не решается *ни слова* сказать против признания тесной и неразрывной связи. Его ссылка на «политические условия» есть бросание песку в глаза читателю. Противополагать «социальную

природу власти» «политическим условиям» так же бессмысленно, как если бы я противопоставил изготовляемые людьми калоши мокроступам. Мокроступы, это и есть калоши. А иных калош, кроме изготовляемых людьми, не бывает. Природа власти, это и есть политические условия. А иной природы власти, кроме социальной, не бывает.

В итоге мы получаем то, что Мартов «поговорил» кругом да около и уклонился от ответа Ларину. А уклонился он потому, что ответить ему нечего. Ларин вполне прав в том, что взгляд на «социальный характер власти» (на экономическую природу ее, если говорить точнее) связан тесно и неразрывно со взглядами на «задачи и формы деятельности». И у Ларина, и у «правоверных» эта связь сознана и проведена. У Мартова (и его домочадцев) связи во взглядах нет. Поэтому Мартов вынужден увертываться и отделываться «мокроступами».

Слушайте дальше:

«Более или менее ясно у этих меньшевиков (Мартов ссылается, в виде *примера*, на Когана, «Образование» 1907 г.) мелькала мысль о постепенном, так сказать, органическом «врастании» рабочего класса в ту «законную страну» *), которая получила начатки конституционного режима: о постепенном распространении третьеиюньских привилегий буржуазии (а не «плутократии»? а?) на широкие круги демократии. Если б таковою была действительная принципиальная основа современного «ликвидаторства» в кавычках или современного «легализма», то мы бы имели перед собою действительную ликвидацию наших традиций, действительный легализм, возведенный в принцип, принципиальный разрыв со всем нашим прошлым. С таким ликвидаторством мы должны были бы вести серьезную борьбу... Неужто суждено нам увидеть реформистов, *вползающих* в режим обновленной толмачевщины?». И к этому месту примечание Мартова: «Ларина я в реформистских тенденциях, разумеется (!!), не подозреваю».

Эта длинная выписка была нам необходима, чтобы показать читателю «манеру» Мартова со всей наглядностью. Он признает, что у Когана (меньшевика, систематически сотрудничающего в ответственных «трудах» вместе с Мартовым) «более или менее ясно мелькает» реформизм. Он признает, что *если бы* реформизм был принципиальной основой ликвидаторства, то это был бы

*) Может быть, не всем читателям понятен этот галлицизм, представляющийся мне крайне неудачным. «Законная страна», это — буквальный перевод французского выражения pays légal, под которым разумеются те классы или группы, слои населения, которые имеют представительство в парламенте и пользуются в отличие от массы народа конституционными привилегиями. Между прочим, характерно для оценки шатаний Мартова. Он не хочет признать, что Россия 1908—10 г.г. сделала «еще шаг по пути превращения в буржуазную монархию». Но он признает, что «буржуазия» (а не «плутократия») «получила» 3. VI. 07 «начатки конституционного режима». Пойми, кто может!

«разрыв с прошлым». Он бросает звонкую, кричащую, эффектную фразу против «реформистов, вползающих» и т. д. И он заканчивает,... чем бы вы думали? — уверением, что Ларина он, *разумеется*, «не подозревает» в реформистских «тенденциях»!!

Ведь, это точь-в-точь речь Эдуарда Бернштейна, Жана Жореса или Ремсэя Мэкдональда. Они все «признают», что у некоторых «крайних» «мелькает»... нечто нехорошее, реформизм, либерализм. Они все признают, что *если бы* либерализм был «принципиальной основой» *их* политики, то это был бы «разрыв с прошлым». Они все бросают звонкие, кричащие, эффектные фразы против «либералов, пресмыкающихся» и т. д. И они все заканчивают... уверениями, что у Лариных... виноват, у их более откровенных, более «правых» товарищей, единомышленников, друзей, коллег, сотрудников, они «не подозревают» либерально-буржуазных тенденций.

В том-то и гвоздь, что Ларин дал в цитированных статьях изложение «системы» взглядов самого несомненного, самого доподлинного реформизма! Отрицать это — значит идти против очевидности, значит отнимать всякий смысл у понятия реформизма. А если вы будете «опровергать» Ларина, «осуждать» «принципиальный» реформизм, бросать звонкие фразы против «вползающих», и тут же рядом, невступно уверять, что Ларина вы «не подозреваете» в реформизме, так, ведь, этим вы вполне разоблачаете себя. Ведь, этим вы вполне доказываете, что для вас ссылка на «принципиальную» вашу вражду к «принципиальному реформизму» есть та божба, которой торгаш сопровождает свои уверения: «верьте, как на духу скажу, себе дороже».

Верьте, как на духу скажу: принципиальный реформизм я осуждаю, *но* Ларина в реформизме не «подозреваю» (отвратительный народ, в самом деле, эти *подозрительные* правоверы!) и с Лариным вполне схожусь в ликвидаторской практике.

Такова «развернутая формула» современного российского оппортунизма.

Вот вам применение этой формулы *самим* Мартовым, которого наивные (или непонимающие глубины *новой* перегруппировки) люди до сих пор считают «несомненным» неликвидатором:

«Тактика, которая намечается в деятельности так называемых «ликвидаторов» — пишет на стр. 9 — 10 Мартов — есть «тактика», ставящая в центре открытое рабочее движение, стремящаяся к его расширению во всех возможных направлениях и ищущая *внутри* (курсив Мартова) этого открытого рабочего движения — и только там» — (заметьте: и только там!) — «элементов для возрождения партийного бытия».

Это говорит Л. Мартов. А это и есть реформизм, *вползающий* в режим обновленной толмачевщины. Курсив: «вползающий» я заимствовал у того же Мартова, ибо важно то, что он, Мартов, в цитированных сейчас словах *на деле* проповедует *именно*

вползание. Сколько бы вы ни поставили рядом с такой проповедью клятв и зареканий против «принципиального реформизма», *дело* от этого не изменяется. На деле, сказав: «и только там», сказав: «в центре», Мартов именно реформистскую линию (в особой обстановке России 1908—1910 годов) ведет, а божбе, обещаниям, заверениям, клятвам пусть верят политические младенцы.

«... Споры Маркса с Виллихом-Шаппером в начале 1850-х годов вертелись как раз (!!) около вопроса о значении тайных обществ и о возможности *из них* руководить политической борьбой... Бланкисты (во Франции 60-х г.г.) «готовились» к этим событиям (к краху бонапартизма), устраивая тайные общества и закупоривая в них одиночек рабочих; французская же секция марксистов... шла в рабочие организации, основывала их, «боролась за легальность» всеми средствами»...

Как раз не из той оперы ни тот, ни другой пример. Между Марксом и Виллихом в 50-х годах, между бланкистами и марксистами в 60-х годах спор шел *вовсе не о том*, следует ли «только» в «мирных, терпимых» (Мартов, стр. 10, № 1 «Жизни») организациях искать «элементов для возрождения партийного бытия». Мартов это прекрасно знает и напрасно пытается ввести читателей в заблуждение. Оба *эти* спора велись *не* о «возрождении» рабочей партии, ибо нельзя было тогда и спорить о возрождении того, что *до тех* пор не было вовсе. Оба спора велись именно о том, нужна ли вообще *рабочая* партия, опирающаяся на *рабочее* движение, *классовая* партия. Именно это отрицали и Виллих, и бланкисты 60-х годов, как прекрасно знает Мартов, напрасно пытающийся разговорами о том, что теперь бесспорно, *заслонить* то, что *теперь* спорно. *Не только* в 50-х и в 60-х годах Маркс не стоял *никогда* на той точке зрения, чтобы «*только*» в мирных и терпимых организациях искать элементов для возрождения или для рождения партийного бытия, а *даже в конце 70-х годов*, на неизмеримо более высокой ступени развития капитализма и развития буржуазной монархии, Маркс и Энгельс подняли *беспощадную* войну против немецких оппортунистов, ликвидировавших недавнее прошлое немецкого «партийного бытия», оплакивавших «крайности», говоривших о «более цивилизованных» формах движения («европеизации», на языке современных русских ликвидаторов), защищавших ту мысль, что «*только*» в «мирных и терпимых» организациях следует «искать элементов возрождения» и т. д.[71]).

«Резюмирую — пишет Мартов. — Для теоретического обоснования и политического оправдания того, что сейчас делают оставшиеся верными марксизму «меньшевики», вполне достаточно того факта, что современный режим представляет собой внутренне противоречивое сочетание абсолютизма с конституционализмом, и что русский рабочий класс созрел для того, чтоб, подобно рабочим передовых стран «запада», ухватить этот режим за Ахиллесову пяту этих противоречий».

Этих слов Мартова («вполне достаточно») — *вполне достаточно,* чтобы и нам сделать свое резюме. «Вполне достаточным» находит Мартов то, что признают и кадеты, и часть октябристов. Именно «*Речь*» поставила в январе 1911 года вопрос так, как в августе 1910 и предлагал его ставить Мартов [72]): противоречивое-де сочетание конституционализма с антиконституционализмом [73]); два лагеря, — за конституцию и против нее. Для Мартова «вполне достаточно» то, что *вполне достаточно для «Речи».* Марксизма тут нет и *грана.* Марксизм тут весь выветрился и заменился либерализмом. Для марксиста *ни в каком случае не* «достаточно» того, что у нас есть «противоречивое сочетание». Марксизм начинается лишь там, где начинается сознание, понимание того, что эта истина недостаточна, что она заключает в себе ложку правды и бочку неправды, что она затушевывает глубину противоречий, прикрашивает действительность, отрицает единственно возможные средства выхода из положения.

«Противоречивое сочетание» старого режима с конституционализмом есть не только в современной России, но и в современной Германии и даже в современной Англии (палата лордов; независимость короны от народных представителей в делах внешней политики и т. д.). Спрашивается, какую позицию *реально* (т.-е. независимо от добрых пожеланий и благонамеренных речей) занимает тот политик, который заявляет, что для русского «вполне достаточно» признать то, что верно и по отношению к Германии и по отношению к Англии? Такой политик *реально* занимает позицию *либерала,* кадета. Даже сколько-нибудь последовательный буржуазный демократ не может стоять и не стоит у нас на такой позиции. *Последнее слово* Мартова, его заключительная, резюмирующая всю дискуссию у ликвидаторов *формула* дает замечательно точное, поразительно ясное, исчерпывающе полное выражение *либеральных* взглядов, провозимых под якобы марксистским флагом.

Когда либералы — и не только кадеты, но также и часть октябристов — говорят: *вполне достаточно* для теоретического обоснования и политического оправдания нашей деятельности признать внутренне противоречивое сочетание старого режима с конституционализмом, то либералы остаются вполне верны себе. Они дают в этих словах действительно точную либеральную формулу, формулу либеральной политики 1908 — 1910 (если не 1906 — 1910) годов. Марксист же лишь тогда и постольку обнаруживает свой марксизм, когда разъясняет *недостаточность и лживость* этой формулы, устраняющей то специфическое, что отличает принципиально, коренным образом, «противоречия» русские от английских и германских. «Вполне достаточно принять, что конституционализму очень многое у нас противоречит», говорит либерал. «Совершенно недостаточно такое признание, отвечает

марксист. Необходимо сознать, что нет налицо элементарной, основной, кардинальной, существенной, необходимой базы *для* «конституционализма» *вообще*. Коренная ошибка либерализма состоит как раз в признании того, что эта база есть, тогда как ее нет, и эта ошибка объясняет бессилие либерализма и объясняется бессилием буржуазного прекраснодушия».

Переводя эту политическую антиномию на язык экономический, можно формулировать ее так. Либерал полагает, что путь экономического (капиталистического) развития уже дан, определен, закончен, что речь идет об очистке помех, противоречий с *этого* пути. Марксист полагает, что этот данный путь капиталистического развития не выводит до сих пор из тупика, *несмотря* на такие несомненные буржуазные прогрессы экономической эволюции, как 9-ое ноября 1906 г. (или 14. VI. 1910), как III Дума и пр., и что есть *иной* путь *тоже* капиталистического развития, путь, способный вывести на столбовую дорогу, путь, на который надо указывать, который надо разъяснять, подготовлять, отстаивать, проводить в жизнь, несмотря на все колебания, на все маловерие и малодушие либерализма.

Мартов полемизирует с Лариным так, как будто бы он был гораздо «левее» Ларина. И многие наивные люди дают себя обмануть, говоря: конечно, Потресов, Левицкий, Ларин ликвидаторы, конечно, они крайние правые, ну, вроде наших Руанэ, но Мартов, Мартов-то не ликвидатор! А на деле эффектные фразы Мартова против Ларина, против вползающих реформаторов есть лишь отвод глаз, ибо в своем *выводе*, в своем последнем слове, в своем резюме Мартов *как раз* подкрепляет Ларина. Мартов нисколько не «левее» Ларина, он только дипломатичнее, беспринципнее, чем Ларин, хитрее прячется за пестрыми лоскутками якобы «марксистских» словечек. Вывод Мартова: «вполне достаточно» признать противоречивое сочетание — есть именно то *подтверждение* ликвидаторства (и либерализма), которое Ларину требуется. Но Ларин хочет этот вывод оправдать, доказать, додумать до конца, сделать принципиальным. И Мартов говорит Ларину, как Фольмар, Ауэр и другие «старые воробьи» оппортунизма говорили молодому оппортунисту Эдуарду Бернштейну: «Милый Ларин... то бишь: милый Эдя (уменьшительное от Эдуард), ты — осел! Это надо делать, но об этом нельзя говорить» [74]). «Милый Ларин, для нас с вами «вполне достаточно» ликвидаторской практики, «вполне достаточно» либерального признания противоречивости старого режима с конституционализмом, но — ради бога — не идите дальше, не «углубляйте», не ищите принципиальной ясности и цельности, не стройте оценки «текущего момента», *ибо это нас с вами разоблачает*. Будем делать, но не будем говорить».

Мартов учит Ларина быть оппортунистом.

Нельзя сидеть между двух стульев, говорит Ларин Мартову,

требуя принципиального объяснения и оправдания дорогого им обоим ликвидаторства.

— Ну, какой же вы после этого оппортунист, отвечает Мартов, если вы не умеете сидеть между двух стульев? Какой же вы после этого оппортунист, если вы добиваетесь точного, прямого и ясного принципиального оправдания практики? Настоящий оппортунист должен именно сидеть между двух стульев, должен именно защищать «тактику-процесс» (вспомните Мартынова и Кричевского эпохи 1901 года), должен плыть по течению, заметая следы, обходя всякую принципиальность. Умеет же теперь Бернштейн (после уроков Фольмара, Ауэра и т. д.) быть ревизионистом, *не предлагая* никаких изменений *правоверной* Эрфуртской profession de foi. И мы с вами должны уметь быть ликвидаторами, *не предлагая* никаких изменений *правоверного* формального ответа (1908 года) на «проклятые вопросы» текущего момента. Чтобы быть настоящим оппортунистом, дорогой и милый Ларин, надо на деле, в своей практике, в характере своей работы *вползать,* а на словах, перед публикой, в речах, в печати не только не искать теорий, оправдывающих *вползание,* а, напротив, погромче кричать против вползающих, поусерднее божиться и клясться, что мы не вползающие.

Ларин замолчал. В глубине души он не мог, вероятно, не признать, что Мартов дипломат более искусный, оппортунист более тонкий.

Еще с одной стороны следует подойти к заключительной формуле Мартова: «вполне достаточно» признать противоречивость сочетания старого режима с конституционализмом. Сравните эту формулу с *знаменитой* формулой В. Левицкого: «*Не* гегемония, *а* классовая партия» («Наша Заря», № 7). В этой формуле Левицкий (— Ларин «Нашей Зари») только прямее, откровеннее, принципиальнее выразил то, что́ запутал, затушевал, задрапировал вычурными словами Потресов, *подчищая* и переделывая свою статью *против* гегемонии под влиянием ультиматумов Плеханова.

Формула Мартова и формула Левицкого — две стороны одной медали. Разъяснение этого обстоятельства для Мартова, который делает вид, что не понимает связи идеи гегемонии с вопросом о ликвидаторстве, составит предмет следующей статьи.

P. S. Настоящая статья была уже сдана в набор, когда мы получили № 2 «Дела Жизни» с окончанием статьи Ю. Ларина: «Направо—и кругом». Реформизм, в котором Л. Мартов, «разумеется, не подозревает» Ю. Ларина, с прежней ясностью излагается Лариным в новом ликвидаторском журнале. Ограничимся пока приведением *сути* реформистской программы:

«Состояние растерянности и неопределенности, когда люди просто не знают, чего ждать от завтрашнего дня, какие задачи себе поставить — вот что означает неопределенно-выжидательное настроение, смутные надежды не то на повторение революции, не то на «там видно будет». Очередной задачей является не бесплодное ожидание у моря погоды, а проникновение широких кругов руководящей идеей о том, что в наступившем новом историческом периоде русской жизни рабочий класс должен организоваться не «для революции», не «в ожидании революции», а просто-таки для твердой и планомерной *защиты* своих особых интересов во всех областях жизни; для *собирания* и обучения своих сил этой разносторонней и сложной деятельности; для *воспитания* и накопления таким путем социалистического сознания вообще; для *уменья* ориентироваться (разбираться) — и постоять за себя! — в сложных взаимоотношениях общественных классов России при предстоящем, после экономически-неизбежного самоисчерпания феодальной реакции, конституционном ее обновлении — в частности»... (стр. 18).

Эта тирада точно выражает весь дух и весь смысл ларинской «программы» и *всех* ликвидаторских писаний «Нашей Зари», «Возрождения», «Дела Жизни» и проч., вплоть до разобранного нами «вполне достаточно» Л. Мартова. Эта тирада — чистейший и полнейший реформизм. Мы не можем теперь остановиться на этой тираде; мы не можем здесь разбирать ее так подробно, как она того заслуживает. Ограничимся поэтому кратким замечанием. Левые кадеты, беспартийные социалисты, мелко-буржуазные демократы (вроде «эн-эсов») и реформисты из числа людей, желающих быть марксистами, проповедуют рабочим программу: собирайте свои силы, воспитывайтесь, обучайтесь, защищайте свои интересы *просто-таки*, чтобы постоять за себя при предстоящем конституционном обновлении. Подобная программа столь же урезывает, суживает, кастрирует политические задачи рабочего класса в 1908 — 11 г.г., как «экономисты» кастрировали эти задачи в 1896 — 1901 г.г. Старые экономисты, обманывая себя и других, любили ссылаться на Бельгию (преобладание реформизма у бельгийцев недавно выяснили превосходные работы де-Мана и Брукэра; к этим работам мы вернемся)[75]); ново-экономисты, т.-е. ликвидаторы, любят ссылаться на мирное получение конституции Австрией в 1867 году. И старые экономисты и наши ликвидаторы выбирают такие примеры, случаи, эпизоды из истории рабочего движения и демократии в Европе, когда рабочие бывали в силу тех или иных причин слабы, бессознательны, зависимы от буржуазии, — и подобные примеры выставляют, как образец для России. И экономисты, и ликвидаторы — проводники буржуазного влияния на пролетариат.

«Мысль» № 4, март 1911 г.
Подпись: В. Ильин.

ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ.

В № 2 «Нашей Зари» г. Б. Богданов в статье: «Итоги ремесленного съезда» формулирует свои выводы следующим образом:

«Стремление порвать со старым подпольем и войти в полосу действительно открытой общественной и политической деятельности — вот то новое, что характеризует и новейшую полосу нашего рабочего движения» (с. 73). «В момент обострения общественной жизни, накануне дополнительных выборов в Москве, общих выборов в IV Гос. Думу, особенно остро чувствуется отсутствие влияния политически-организованной части пролетариата. Вся работа, за последние годы проделанная организованными рабочими, идет по пути возрождения этой самостоятельной политической силы. И сознательно или невольно — но все участники этого движения становятся агентами возрождающейся партии пролетариата. И задача организованной его части не столько форсировать это движение, не столько преждевременно оформлять его и фиксировать, сколько действовать в направлении развития этого движения, придавать ему возможно больший размах, вовлекая в него возможно более широкие массы и энергично порывая с бездельем подполья, с его одурманивающей обстановкой» (с. 74 — 5).

До сих пор подобные вопли об «одурманивающей» обстановке и подобные истерические крики и призывы «порвать» с ней мы встречали только в газетах типа «Нового Времени» да разве еще в писаниях озлобленных ренегатов либерализма вроде г. Струве и К°. До сих пор сколько-нибудь порядочная, честная политическая пресса считала за правило: не нападать с известных подмостков на то, чего нельзя защищать на тех же подмостках. Компания ликвидаторов, к которой принадлежат гг. Б. Богданов, Левицкий, Потресов и т. д., вот уже второй год успешно «преодолевает» этот устарелый демократический предрассудок, систематически избирая для своих призывов «энергично порвать» и т. д. именно такие и только такие подмостки, на которых ликвидаторам обеспечена по данному вопросу монополия. Нам остается только регистрировать эту «забронированную» войну с «одурманивающей обстановкой» и выставлять воителей — к позорному столбу.

Гг. Б. Богдановы, Левицкие, Потресовы совершают подтасовку, когда указывают на стремление рабочих выступать открыто и делают *свой* вывод о стремлении *рабочих* порвать с «одурманивающей обстановкой». Подтасовка рассчитана на то, что рассказать факты, известные этим гг. Б. Богдановым и свидетельствующие о *негодовании* выступающих открыто на разных съездах рабочих *против* предлагающих «порвать» *интеллигентов*, мы, противники ликвидаторства, не можем. Рабочие в начале 1911 года так же энергично стремятся — к великой чести их будь сказано — к открытой политической деятельности, как стремились они к ней, напр., в начале 1905 года, но ни тогда, ни теперь *рабочие* против «одурманивающей обстановки» не восставали, «порвать» с ней не хотели и не хотят. О стремлении «энергично порвать» правильно будет говорить лишь как о стремлении ренегатствующих интеллигентов.

В самом деле, пусть читатель вдумается хорошенько в следующий факт. Группа литераторов усиленно говорит — особенно с января 1910 года — о «*стремлении порвать со старым*» и «*войти в полосу действительно открытой политической деятельности*». Эта группа выпустила за указанное только время свыше 20-ти номеров *своих* журналов («Наша Заря», «Возрождение», «Жизнь», «Дело Жизни»), не говоря об отдельных книгах, брошюрах и статьях в журналах и газетах, не имеющих специфически ликвидаторского характера. Спрашивается, как же это могло случиться, что литераторы, столь энергично работавшие на публицистическом поприще и столь убежденно говорящие о необходимости «энергично порвать со старым» и «войти в полосу действительно открытой политической деятельности», до сих пор *сами*, в составе *своей группы*, не решились, не имели смелости «энергично порвать» со «старым» и «войти в полосу действительно открытой политической деятельности», с программой, платформой, тактикой, «энергично разрывающими» с «одурманивающей обстановкой»??

Что это за комедия? Что это за лицемерие? Говорить о «возрождении политической силы», громить при этом «одурманивающую обстановку», требовать *разрыва* со старым, проповедывать «действительно открытую политическую деятельность» — и в то же время *никакой* программой, *никакой* платформой, *никакой* тактикой, *никакой* организацией этого старого не заменять! Отчего у наших, желающих быть марксистами, легалистов нет даже такой политической честности, как у гг. Пешехоновых и прочих публицистов «Русского Богатства», которые еще гораздо раньше (с 1905 — 6 г.) заговорили на тему об одурманивающей обстановке и о необходимости «войти в полосу действительно открытой политической деятельности» и которые *делали так, как говорили*, действительно «энергично порывали со старым»,

действительно выступали с «открытой» программой, платформой, тактикой, организацией?

Честность в политике есть результат силы, лицемерие — результат слабости. Гг. Пешехоновы и К° сильны среди народников и потому выступают действительно «открыто». Гг. Б. Богдановы, Левицкие, Потресовы и К° слабы среди марксистов, встречают на каждом шагу отпор со стороны сознательных рабочих, и потому они лицемерят, прячутся, не смеют *выступить открыто* с программой и тактикой «действительно открытой политической деятельности».

Гг. Пешехоновы и К° настолько сильны среди народников, что они везут свой товар под своим собственным флагом. Гг. Б. Богдановы, Левицкие, Потресовы, Мартовы настолько слабы среди марксистов, что они вынуждены провозить свой товар под чужим флагом. В интеллигентском журнальчике («Наша Заря») они храбрятся и покрикивают: «иерархии» нет, «энергично порвать со старым», «войти в полосу действительно открытой политической деятельности». А перед рабочими наш ликвидатор поступает по пословице: «на молодца сам — овца».

Перед рабочими наши герои, восторженно поклоняющиеся «открытой политической деятельности», действуют как раз *не открыто*, не предлагая *никакой* открытой программы, тактики, организации. Отсюда — мудрая дипломатия подводящего «итоги» ремесленному съезду г. Б. Богданова, который советует «не форсировать» движения к действительно открытой политической деятельности, не «оформлять его преждевременно». Похоже на то, что г. Б. Богданов пробовал *оформлять* перед рабочими свои ликвидаторские планы, да ожегся. Ренегатствующий интеллигент встретил отпор среди рабочих, которые и в своих ошибках поступают более прямо, требуют прямого ответа («порвать со старым? выступайте же открыто и честно с вашим новым!»). И г. Б. Богданов, как крыловская лиса, утешает себя: зелен виноград! не надо преждевременно оформлять, — со старым порвать, но порвать так, чтобы среди рабочих махать флагом этого старого, — с новым не спешить.

Вы скажете: это значит сидеть между двух стульев. Но в этом как раз и состоит сущность всякого оппортунизма. В этом как раз и проявляется натура современного буржуазного интеллигента, *играющего* в марксизм. Г. Струве играл в марксизм в 1894—1898 годах. Гг. Б. Богдановы, Левицкие, Потресовы играют в марксизм в 1908 — 11 годах. «Экономисты» того времени и ликвидаторы наших дней — проводники одного и того же буржуазного влияния на пролетариат.

«Мысль» № 4, март 1911 г.

«КРЕСТЬЯНСКАЯ РЕФОРМА» И ПРОЛЕТАРСКИ-КРЕСТЬЯНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ.

Юбилей, которого так опасалась монархия господ Романовых и по поводу которого так прекраснодушно умилялись российские либералы, отпразднован. Царское правительство отпраздновало его тем, что усиленно сбывало «в народ» черносотенные юбилейные брошюры «Национального клуба», усиленно арестовывало всех «подозрительных», запрещало собрания, в которых можно было ожидать речей хоть сколько-нибудь похожих на демократические, штрафовало и душило газеты, преследовало «крамольные» кинематографы.

Либералы отпраздновали юбилей тем, что пролили паки и паки слезу о необходимости «второго 19-го февраля» («Вестник Европы»)[76]), выразили свои верноподданнические чувства (царский портрет на первом месте в «Речи»), поговорили о своем гражданском унынии, о непрочности отечественной «конституции», о «гибельной ломке» «исконных земельных начал» столыпинской аграрной политикой и т. д., и т. п.

Николай II в рескрипте Столыпину заявил, что как раз завершением «великой реформы» 19 февраля 1861 года является столыпинская аграрная политика, т.-е. отдача крестьянской земли на поток и разграбление кучке мироедов, кулаков, зажиточных мужиков и отдача деревни под начало крепостникам, помещикам.

И надо признаться, что Николай Кровавый, первый помещик России, ближе к исторической истине, чем наши прекраснодушные либералы. Первый помещик и главный крепостник понял — вернее: усвоил себе из поучений совета объединенного дворянства — ту истину классовой борьбы, что «реформы», проводимые крепостниками, не могут не быть крепостническими по всему своему облику, не могут не сопровождаться режимом всяческого насилия. Наши кадеты, и наши либералы вообще, боятся революционного движения масс, которое одно только способно стереть с лица земли крепостников-помещиков и их всевластие в русском государстве; и эта боязнь мешает им понять ту истину,

что, пока крепостники не свергнуты, никакие реформы — и особенно аграрные реформы — невозможны иначе, как в крепостническом виде, крепостнического характера и способа проведения. Бояться революции, мечтать о реформе и хныкать о том, что «реформы» на деле проводятся крепостниками по-крепостнически, есть верх низости и скудоумия. Гораздо больше прав и гораздо лучше обучает русский народ уму-разуму Николай II, наглядно «дающий» на выбор: крепостнические «реформы» или свергающая крепостников народная революция.

19-ое февраля 1861 года было крепостнической реформой, которую наши либералы могут подкрашивать и изображать «мирной» реформой только потому, что революционное *движение* в России было тогда слабо до ничтожества, а революционного *класса* среди угнетенных масс вовсе еще не было. Указ 9 ноября 1906 г. и закон 14 июля 1910 года суть крепостнические реформы такого же буржуазного, — как и реформа 61-го года, — содержания, но либералы *не могут* представить ее «мирной» реформой, не могут так легко начать подкрашивать ее (хотя они и начинают уже, напр., в «Русской Мысли», это делать), ибо можно забыть одиночек революционеров 1861 года, но нельзя забыть революции 1905 года. В 1905 году родился на Руси революционный *класс* — пролетариат, который сумел поднять и крестьянскую массу на революционное движение. А когда революционный класс родился в какой-либо стране, он не может быть подавлен никакими преследованиями, он может погибнуть лишь с гибелью всей страны, он может умереть лишь победивши.

Припомним основные черты крестьянской реформы 61-го года. Пресловутое «освобождение» было бессовестнейшим грабежом крестьян, было рядом насилий и сплошным надругательством над ними. По случаю «освобождения», от крестьянской земли отрезали в черноземных губерниях *свыше* $^1/_5$ части. В некоторых губерниях отрезали, отняли у крестьян до $^1/_3$ и даже до $^2/_5$ крестьянской земли. По случаю «освобождения», крестьянские земли отмежевывали от помещичьих так, что крестьяне переселялись на «песочек», а помещичьи земли клинком вгонялись в крестьянские, чтобы легче было благородным дворянам кабалить крестьян и сдавать им землю за ростовщические цены. По случаю «освобождения», крестьян заставили «выкупать» их собственные земли, при чем содрали *вдвое и втрое* выше действительной цены на землю. Вся вообще «эпоха реформ» 60-х годов оставила крестьянина нищим, забитым, темным, подчиненным помещикам-крепостникам и в суде, и в управлении, и в школе, и в земстве.

«Великая реформа» была крепостнической реформой и не могла быть иной, ибо ее проводили крепостники. Какая же сила заставила их взяться за реформу? Сила экономического развития, втягивавшего Россию на путь капитализма. Помещики-крепостники не могли помешать росту товарного обмена России с Европой, не могли удержать старых, рушившихся форм хозяйства. Крымская война показала гнилость и бессилие крепостной России. Крестьянские «бунты», возрастая с каждым десятилетием перед освобождением, заставили первого помещика, Александра II, признать, что лучше освободить *сверху*, чем ждать, пока свергнут *снизу*.

«Крестьянская реформа» была проводимой крепостниками буржуазной реформой. Это был шаг по пути превращения России в буржуазную монархию. Содержание крестьянской реформы было буржуазное, и это содержание выступало наружу тем сильнее, чем *меньше* урезывались крестьянские земли, чем *полнее* отделялись они от помещичьих, чем *ниже* был размер дани крепостникам (т.-е. «выкупа»), чем *свободнее* от влияния и от давления крепостников устраивались крестьяне той или иной местности. *Поскольку* крестьянин вырывался из-под власти крепостника, *постольку* он становился под власть денег, попадал в условия товарного производства, оказывался в зависимости от нарождавшегося капитала. И после 61-го года развитие капитализма в России пошло с такой быстротой, что в несколько десятилетий совершались превращения, занявшие в некоторых старых странах Европы целые века.

Пресловутая борьба крепостников и либералов, столь раздутая и разукрашенная нашими либеральными и либерально-народническими историками, была борьбой *внутри* господствующих классов, большей частью *внутри помещиков*, борьбой *исключительно* из-за меры и формы *уступок*. Либералы так же, как и крепостники, стояли на почве признания собственности и власти помещиков, осуждая с негодованием всякие революционные мысли об *уничтожении* этой собственности, о *полном свержении* этой власти.

Эти революционные мысли не могли не бродить в головах крепостных крестьян. И если века рабства настолько забили и притупили крестьянские массы, что они были неспособны во время реформы ни на что, кроме раздробленных, единичных восстаний, скорее даже «бунтов», не освещенных никаким политическим сознанием, то были и тогда уже в России революционеры, стоявшие на стороне крестьянства и понимавшие всю узость, все убожество пресловутой «крестьянской реформы», весь ее крепостнический характер. Во главе этих, крайне немногочисленных тогда, революционеров стоял Н. Г. Чернышевский.

19-ое февраля 1861 года знаменует собой начало новой, буржуазной, России, выраставшей из крепостнической эпохи. Либе-

ралы 1860-ых годов и Чернышевский суть представители двух исторических тенденций, двух исторических сил, которые с тех пор и вплоть до нашего времени определяют исход борьбы за новую Россию. Вот почему в день пятидесятилетия 19-го февраля сознательный пролетариат должен отдать себе возможно более ясный отчет в том, какова была сущность обеих тенденций и каково их взаимоотношение.

Либералы хотели «освободить» Россию «сверху», не разрушая ни монархии царя, ни землевладения и власти помещиков, побуждая их только к «уступкам» духу времени. Либералы были и остаются идеологами буржуазии, которая не может мириться с крепостничеством, но которая боится революции, боится движения масс, способного свергнуть монархию и уничтожить власть помещиков. Либералы ограничиваются поэтому «борьбой за реформы», «борьбой за права», т.-е. дележом власти между крепостниками и буржуазией. Никаких иных «реформ», кроме проводимых крепостниками, никаких иных «прав», кроме ограниченных произволом крепостников, *не может* получиться при таком соотношении сил.

Чернышевский был социалистом-утопистом, который мечтал о переходе к социализму через старую, полуфеодальную, крестьянскую общину, который не видел и не мог в 60-х годах прошлого века видеть, что только развитие капитализма и пролетариата способно создать материальные условия и общественную силу для осуществления социализма. Но Чернышевский был не только социалистом-утопистом. Он был также революционным демократом, он умел влиять на все политические события его эпохи в революционном духе, проводя — через препоны и рогатки цензуры — идею крестьянской революции, идею борьбы масс за свержение всех старых властей. «Крестьянскую реформу» 61-го года, которую либералы сначала подкрашивали, а потом даже прославляли, он назвал *мерзостью*, ибо он ясно видел ее крепостнический характер, ясно видел, что крестьян обдирают гг. либеральные освободители, как липку. Либералов 60-х годов Чернышевский назвал *«болтунами, хвастунами и дурачьем»* [77]), ибо он ясно видел их боязнь перед революцией, их бесхарактерность и холопство перед власть имущими.

Эти две исторические тенденции развивались в течение полувека, прошедшего после 19-го февраля, и расходились все яснее, определеннее и решительнее. Росли силы либерально-монархической буржуазии, проповедывавшей удовлетворение «культурной» работой и чуравшейся революционного подполья. Росли силы демократии и социализма — сначала смешанных воедино в утопической идеологии и в интеллигентской борьбе народовольцев и революционных народников, а с 90-х годов прошлого века начавших расходиться по мере перехода от революционной борьбы

террористов и одиночек-пропагандистов к борьбе самих революционных классов.

Десятилетие перед революцией, с 1895 по 1904 год, показывает нам уже открытые выступления и неуклонный рост пролетарской массы, рост стачечной борьбы, рост социал-демократической рабочей агитации, организации, партии. За социалистическим авангардом пролетариата начинало выступать на массовую борьбу, особенно с 1902 года, и революционно-демократическое крестьянство.

В революции 1905 года те две тенденции, которые в 61-м году только наметились в жизни, только-только обрисовались в литературе, развились, выросли, нашли себе выражение в движении *масс*, в борьбе *партий* на самых различных поприщах, в печати, на митингах, в союзах, в стачках, в восстании, в Государственных Думах.

Либерально-монархическая буржуазия создала партии кадетов и октябристов, сначала уживавшиеся в одном земско-либеральном движении (до лета 1905 года), потом определившиеся, как отдельные партии, которые сильно конкурировали (и конкурируют) друг с другом, выдвигая вперед одна преимущественно либеральное, другая преимущественно монархическое свое «*лицо*», но которые сходились всегда в самом существенном, в порицании революционеров, в надругательствах над декабрьским восстанием, в преклонении перед «конституционным» фиговым листком абсолютизма, как перед знаменем. Обе партии стояли и стоят на «строго-конституционной» почве, т.-е. ограничиваются теми рамками деятельности, которые могла создать черная сотня царя и крепостников, не отдавая своей власти, не выпуская из рук своего самодержавия, не жертвуя ни копейки из своих «веками освященных» рабовладельческих доходов, ни малейшей привилегией из своих «благоприобретенных» прав.

Тенденции демократическая и социалистическая отделились от либеральной и размежевались друг от друга. Пролетариат организовался и выступал отдельно от крестьянства, сплотившись вокруг своей рабочей с.-д. партии. Крестьянство было организовано в революции несравненно слабее, его выступления были во много и много раз раздробленнее, слабее, его сознательность стояла на гораздо более низкой ступени, и монархические (а также неразрывно связанные с ними конституционные) иллюзии нередко парализовали его энергию, ставили его в зависимость от либералов, а иногда от черносотенцев, порождали пустую мечтательность о «божьей земле» вместо натиска на дворян-землевладельцев с целью полного уничтожения этого класса. Но все же, в общем и целом, крестьянство, как масса, боролось именно с помещиками, выступало революционно, и во всех Думах — даже в третьей, с ее изуродованным в пользу крепостников представи-

тельством — оно создало трудовые группы, представлявшие, несмотря на их частые колебания, настоящую демократию. Кадеты и трудовики 1905—7 годов выразили в массовом движении и политически оформили позицию и тенденции буржуазии, с одной стороны, либерально-монархической, а с другой стороны, революционно-демократической.

1861 год породил 1905-ый. Крепостнический характер первой «великой» буржуазной реформы затруднил развитие, обрек крестьян на тысячи худших и горших мучений, но не изменил направление развития, не предотвратил буржуазной революции 1905 года. Реформа 61-го года отсрочила развязку, открыв известный клапан, дав некоторый прирост капитализму, но она не устранила неизбежной развязки, которая к 1905 году разыгралась на поприще несравненно более широком, в натиске масс на самодержавие царя и крепостников-помещиков. Реформа, проведенная крепостниками в эпоху полной неразвитости угнетенных масс, породила революцию к тому времени, когда созрели революционные элементы в этих массах.

Третья Дума и столыпинская аграрная политика есть вторая буржуазная реформа, проводимая крепостниками. Если 19-ое февраля 61-го года было первым шагом *по пути* превращения чисто крепостнического самодержавия в буржуазную монархию, то эпоха 1908—10 годов показывает нам второй и более серьезный шаг *по тому же пути*. Прошло почти $4^1/_2$ года со времени издания указа 9-го ноября 1906 года, прошло свыше $3^1/_2$ лет с 3-го июня 1907 года, и теперь уже не только кадетская, но в значительной степени и октябристская буржуазия убеждаются в «неудаче» 3-ьеиюньской «конституции» и 3-ьеиюньской аграрной политики. «Наиправейший из кадетов» — как справедливо назван был недавно полуоктябрист г. Маклаков — имел полное право сказать 25 февраля в Гос. Думе от имени и кадетов и октябристов, что «недовольны в настоящее время те центральные элементы страны, которые более всего хотят прочного мира, которые боятся новой вспышки революционной войны». Общий лозунг один: «все говорят, — продолжал г. Маклаков, — что если мы будем идти дальше по тому пути, по которому нас ведут, то нас приведут ко второй революции».

Общий лозунг кадетско-октябристской буржуазии весной 1911 года подтверждает правильность той оценки положения вещей, которую дала наша партия в резолюции декабрьской конференции 1908 года. «Основные факторы экономической и политической жизни, — гласит эта резолюция — вызвавшие революцию 1905 года, продолжают действовать, и новый революционный кризис назревает при таком экономическом и политическом положении неизбежно».

Недавно наемный писака черносотенного царского прави-

тельства Меньшиков объявил в «Новом Времени», что реформа 19-го февраля «жалко провалилась», ибо «61-й год не сумел предупредить девятьсот пятого». Теперь наемные адвокаты и парламентарии либеральной буржуазии объявляют о провале «реформ» 9. XI. 06 г. и 3. VI. 07 г., ибо эти «реформы» *ведут* ко второй революции.

Оба заявления, как и вся история либерального и революционного движения в 1861—1905 годах, дают интереснейший материал для выяснения важнейшего вопроса об отношении реформы к революции, о роли реформистов и революционеров в общественной борьбе.

Противники революции, кто с ненавистью и скрежетом зубовным, кто с горестью и унынием, признают «реформы» 61-го и 1907—10 годов неудачными, потому что они не предупреждают революции. Социал-демократия, представительница единственного до конца революционного класса наших дней, отвечает на это признание: революционеры играли величайшую историческую роль в общественной борьбе и во всех социальных кризисах *даже тогда,* когда эти кризисы непосредственно вели только к половинчатым реформам. Революционеры — вожди тех общественных сил, которые творят все преобразования; реформы — побочный продукт революционной борьбы.

Революционеры 61-го года остались одиночками и потерпели, повидимому, полное поражение. На деле именно они были великими деятелями той эпохи, и чем дальше мы отходим от нее, тем яснее нам их величие, тем очевиднее мизерность, убожество тогдашних либеральных реформистов.

Революционный класс 1905—7 годов, социалистический пролетариат потерпел, повидимому, полное поражение. И либеральные монархисты, и ликвидаторы из числа тоже-марксистов прокричали все уши о том, как он зашел будто бы «слишком далеко», дошел до «эксцессов», как он поддался увлечению «стихийной классовой борьбы», как он дал обольстить себя губительной идее «гегемонии пролетариата» и т. д., и т. п. На деле «вина» пролетариата была только в том, что он недостаточно далеко зашел, но эта «вина» оправдывается тогдашним состоянием его сил и искупается неустанной революционно-социал-демократической работой во времена и злейшей реакции, непреклонной борьбой со всеми проявлениями реформизма и оппортунизма. На деле все, что отвоевано у врагов, все, что прочно в завоеваниях, отвоевано и держится только в той мере, в какой сильна и жива революционная борьба на всех поприщах пролетарской работы. На деле только пролетариат отстаивал до конца последовательный демократизм, разоблачая всю шаткость либерализма, вырывая из-под его влияния крестьянство, поднимаясь с геройской смелостью на вооруженное восстание.

Никто не в силах предсказать, насколько осуществятся действительно демократические преобразования России в эпоху ее буржуазных революций, но не подлежит ни тени сомнения, что *только* революционная борьба пролетариата определит степень и успех преобразований. Между крепостническими «реформами» в буржуазном духе и демократической революцией, руководимой пролетариатом, могут быть только бессильные, бесхарактерные, безыдейные колебания либерализма и оппортунистического реформизма.

Бросая общий взгляд на историю последнего полувека в России, на 1861 и 1905 годы, мы можем только с еще бо́льшим убеждением повторить слова нашей партийной резолюции: «целью нашей борьбы является попрежнему свержение царизма, завоевание политической власти пролетариатом, опирающимся на революционные слои крестьянства и совершающим буржуазно-демократический переворот путем созыва Всенародного Учредительного Собрания и создания демократической республики».

«Социал-Демократ» № 21 — 22, 1 апреля (19 марта) 1911 г.

РАЗРУШИТЕЛИ ПАРТИИ В РОЛИ «РАЗРУШИТЕЛЕЙ ЛЕГЕНД».

Ровно год тому назад Центральный Орган нашей партии опубликовал следующее кардинальной важности письмо Русского Бюро Ц. К. к Заграничному Бюро Ц. К.:

...«*Мы (т.-е. Русское Бюро Ц. К.) обратились к т.т. Михаилу, Роману и Юрию с предложением вступить в работу, но получили от них ответ, гласящий, что они считают не только решения пленума вредными, но находят вредным самое существование Ц. К. На этом основании они отказываются даже явиться на одно заседание для кооптации*» *).

Дело было как нельзя более ясно. В лице Михаила, Романа и Юрия мы имеем дело с открытыми ренегатами, считающими «дипломатию» и виляние в духе «Голоса» излишней и *откровенно* заявляющими о своем разрыве с нашей партией. Столкнулись две «тактики»: одна — Мартова, Дана и К° — заключающаяся в том, чтобы изнутри разлагать «старую» партию, держать старую партию в болезненном состоянии, пока укрепятся столыпинские «социал-демократы» — ликвидаторы; другая — Потресова, Левицкого, Михаила, Романа, Юрия и К° — исходящая из того положения, что игра подсиживания старой партии изнутри не стоит-де свеч и что надо идти *сейчас же* на открытый разрыв с Р.С.-Д.Р.П.

Опубликование заявления гг. Михаила, Романа и Юрия страшно портило игру их друзьям и покровителям из «Голоса Социал-Демократа». Но делать было нечего: Дану, Мартову и К° пришлось заметать следы и дальше, «с одной стороны», солидаризируясь с тремя упомянутыми ренегатами, а «с другой стороны» — легонечко от них «отмежевываясь». У Мартова хватило даже храбрости на то, чтобы *через 10 месяцев* после опубликования

---

*) См. XIV том Сочинений, ст. ««Голос» ликвидаторов против партии». *Ред.*

отречения трех его друзей от партии (в предпоследнем, 23-м номере «Голоса») упрекнуть трех господ в «легкомыслии» [78])...

Но вот колесо «истории» (истории ликвидаторства) сделало еще один оборот. Ряд обстоятельств — главным образом, отпор ликвидаторству со стороны некоторых с.-д. групп, выступающих на открытой арене — побудил господ Потресовых, Левицких, Михаилов, Романов и К° поубавить прыти и приблизиться к «мудрой» и более осторожной «тактике» заметания следов à la Дан и Мартов. Это сделало возможным и появление — *через год!* — «опровержения» вышеприведенного документа.

Нечего говорить о том, что появившееся в «Голосе» (под громким заглавием: «Разрушенная легенда») «опровержение» [79]) — *лживо насквозь*. Оказывается, что упомянутые три ренегата «официально» отказались от вступления в Ц. К. или участия хотя бы на одном собрании для кооптации только «по личным мотивам». И лишь «затем, в *частной* (ну, совершенно «частной») беседе поделились с ним (т.-е. с представителем Ц. К.) рядом соображений (уже политического характера), вынуждающих нас (т.-е. Романа, Михаила и Юрия) отнестись отрицательно к сделанному нам предложению».

Итак, — пункт 1-ый «опровержения»: заявление, на которое ссылался Ц. О., было сделано лишь в «частной беседе», после того как официальный мундир был снят. Не правда ли, как радикально меняет дело это чрезвычайно «смягчающее вину обстоятельство»?...

Но что же сказали господа Михаил, Роман и Юрий *по их собственным словам* в этой «частной беседе»? Они не сказали, что решения Ц. К. вредны, они, видите ли, только позволили себе заметить, что: «*путь, продиктованный пленумом, не усиливает, а ослабляет позицию Ц. К.*», что то использование легальных возможностей, которое рекомендовал партии Ц. К., «*сводилось и сводится к разрушению легальных рабочих организаций*», что уже первый шаг, сделанный на этом пути Ц. К. (опубликование резолюции о партийной конференции), «*дал правительству прикрытие*» для разрушения рабочих организаций. Не правда ли, это — совсем не то, что утверждение представителя Ц. К., по словам которого три ликвидатора из лондонских кандидатов «считают вмешательство Ц. К. в стихийный процесс группировки с.-д. сил в легальных организациях подобным вырыванию плода из чрева матери на втором месяце беременности»? «Опровергли», нечего сказать!

Далее, они вовсе не говорили, что существование Ц. К. вредно, боже упаси! Они только — совершенно «частным» образом, конечно, — выразили то мнение, что гораздо лучше было бы, если бы вместо Ц. К. существовала бы «инициативная группа», у которой «никто не спрашивал бы паспорта» (т.-е. *партийного* пас-

порта), как в свое время его (т.-е. «паспорта») никто не спрашивал у группы «Искры» и «Зари» *). — Главное обвинение «опровергнуто» Михаилом, Романом и Юрием почти так же удачно, как недавно «опроверг» их коллега Игорев те обвинения в заговоре против Ц. К. и партии, которые были предъявлены этому Игореву товарищами меньшевиками-партийцами, Плехановым и А. Московским [80])... Нужен, видите ли, не Ц. К., а такая «инициативная группа», как «группа Искры и Зари». Ну, разумеется, группа Искры и Зари была группой революционно-социал-демократической, а гг. Михаилам, Романам и Юриям нужна инициативная группа ликвидаторская. Но сейчас не в этом дело. А дело в том, что три союзника Мартова и Дана — *по их собственным словам* — предлагали заменить Ц. К. частной инициативной группой, у которой никто не мог бы спросить презренного «паспорта» и у которой по части «ликвидации» была бы своя рука владыка. «Опровергли»!..

Одним из «гвоздей» «опровержения» Романа, Михаила и Юрия является еще рассказ о том, что представитель Ц. К., приглашая их явиться «хотя бы на одно собрание» коллегии, соблазнял их тем, что он (т.-е. представитель Ц. К.) и другие «русские большевики» полны желания «эмансипироваться от руководящего влияния ленинского кружка». Это *передаваемое тремя ликвидаторами* заявление русского большевика особенно смакует редакция «Голоса», надеясь кого-то и что-то этим оправдать. Господа «голосовцы», однако, явно запутались и сами говорят *против* себя. Ведь, помилуйте, почтенные редакторы «Голоса». *Допустим*, что большевик, являвшийся к вашим друзьям от имени Ц. К., был противником того, что вы называете «ленинским кружком». *Тем хуже для вас.* Ибо, ведь, именно этот самый большевик и написал то письмо об отречении трех ваших друзей от партии, которое мы напечатали в № 12 Ц. О. [81]). Если этот большевик не сторонник так называемого вами «ленинского кружка», тем беспристрастнее должно быть в ваших глазах его показание. *Допустим*, что приглашавшие вас це-кисты были противниками «ленинского кружка» **), — тем больше должна бы быть с вашей же точки зрения вина трех ликвидаторов, не пожелавших даже при таких благоприятных для них условиях войти в Ц. К. — Что случилось с господами

*) См. «Голос», приложение к № 24, стр. 3.

**) Другому из «русских большевиков» це-кистов голосовцы шлют следующий упрек: он, видите ли, поставил «препятствия кооптации в Ц. К. голосовцев, заявив, что большевистские члены Ц. К... допустят кооптацию лишь таких кандидатов, которые предварительно подпишут отречение от «ликвидаторства»». Це-кист, которому шлют такой ужасный упрек голосовцы, сейчас *не может* сам ответить гг. ликвидаторам [82]). Поэтому мы скажем за него: *если* бы то, что вы сообщаете о нем, было верно, то он с партийной точки зрения был бы совершенно прав и действовал бы вполне в духе пленума.

«голосовцами»? Они обыкновенно заметают следы... ловче. Совсем ведь вышло некругло у вас, господа! Глупее, чем даже «опровержения» столыпинского «Осведомительного Бюро».

Не повезло вам с вашим «опровержением», господа «голосовцы», точно так же, как не повезло с вашими последними «склочными» листками [83]). Вы захотели «доказать слишком многое» — доказать, будто бы с.-д. все [84]) партийцы — и потому не доказали ничего. Подумайте хоть чуточку: вчера вы выпустили листок 58 (сколько из этих 58 лицемеров и сколько одураченных?), в котором изображаете своих противников («ленинский кружок») чудовищами из чудовищ, «бандой» и т. п. А на завтра вы же (редакция «Голоса») выпускаете листок с «программой реформ», в котором заявляете: все будет отлично, если нам (т.-е. голосовцам) дадут во всех центральных учреждениях партии равенство с этими чудовищами, с людьми, совершившими ряд «преступлений» и пр., и т. п. Когда же вы действуете «для блага партии», когда стараетесь ради самих себя, господа? — в первом, или во втором случае? — Об этих... благоуханных листках «Голоса», равно как и о его приложениях, в которых «все пошло в дело», вплоть до женевских отзовистов, называющих себя «идейным кружком *большевиков*», не стоило бы упоминать, если бы они не бросали такого яркого света на всю политику голосовцев...

Старайтесь, господа «разрушители легенд», старайтесь! Одну легенду вы действительно помогаете нам разрушить: легенду о том, будто у вас осталось еще что бы то ни было общего с революционной социал-демократией.

«Социал-Демократ» № 21 — 22, 1 апреля (19 марта) 1911 г.

КАДЕТЫ И ОКТЯБРИСТЫ.

Пресловутый «министерский кризис» [85]) и выбор нового председателя Государственной Думы дали еще и еще раз материал по вопросу о социальной природе и политическом значении кадетской и октябристской партий. Русская, с позволения сказать, либеральная буржуазия обрисовала себя в сотый и тысячный раз. Из ежедневных газет и из предыдущего номера «Звезды» читатель знает уже, какова эта обрисовка. Подведение некоторых итогов будет, однако, не лишним, ввиду того, что наиболее распространенная у нас кадетская пресса охотно «громит» октябристов, но неохотно останавливается на *итогах* своего собственного поведения.

Припомним поведение партии «народной свободы» во время выборов нового председателя Государственной Думы. 21-го марта «Речь» спешит сообщить: «Фракция народной свободы постановила голосовать за М. Алексеенко, если его кандидатура будет выставлена на пост председателя Государственной Думы. Если же будет выдвинута кандидатура Родзянко, то фракция будет голосовать против него». Конституционные «демократы» предлагают свои услуги «левым» октябристам. Мало того. Передовица «Речи» того же числа провозглашает Алексеенку «всеми уважаемым» и старается встать на точку зрения *всей* Государственной Думы: если-де правые поддержат кандидатуру большинства октябристов (т.-е. кандидатуру Алексеенки), то, быть может, Государственная Дума «вернется к тому единодушию», с которым встретили вначале кандидатуру Хомякова. «Это единодушие показало бы, что *вся* Дума в целом понимает исключительную важность момента».

Так писала «Речь». «Вся Дума в целом», не более и не менее. Почаще надо бы вспоминать это при выборах в IV Думу!

Кадеты прекрасно знают, что правые принципиально отстаивают бесправие Думы, что националисты оправдывают и защищают Столыпина и нарушение 87-й статьи. И все же, ради

одного голосования за Алексеенку, кадеты готовы забыть все и объявить единодушной «*всю* Думу в целом», хотя они также прекрасно знают, что рабочие депутаты *ни в каком случае* «единодушием» III Думы подкупить себя не дадут, как не дали и при выборе Хомякова.

Дело ясное: рабочие депутаты и трудовики для кадетов не в счет. Без них, но с правыми, с Марковым 2-м и Пуришкевичем, III Дума есть «*вся* Дума в целом». *Так выходит у «Речи»*. И такое рассуждение ее правильно проводит грань, которую столь часто и столь многие понимали превратно: это — грань между феодалами и буржуазией (даже самой «либеральной», т.-е. кадетской) с одной стороны, и крестьянами и рабочими, т.-е. демократией, с другой. Без демократии, но с правыми мы — «вся Дума в целом», говорят кадеты. Это значит, что, претендуя на звание демократов, кадеты обманывают народ. Это значит, что для кадетов феодалы и буржуазия суть «мы», а все дальнейшее не считается.

Маленький вопрос о выборе нового председателя Государственной Думы еще и еще раз напомнил очень немаловажную истину, что кадеты *не* демократы, а либерально-умеренные буржуа, вожделеющие «единодушия» «всей» палаты зубров и октябристов. *Конкуренция* с октябристами — вот характер кадетской «борьбы» с ними. Кадеты борются с октябристами, это несомненно. Но они борются с ними не как представители класса, не как представители более широких слоев населения, не ради смещения той старой власти, к которой приспособляются октябристы, а как их *конкуренты*, желающие приспособиться *к той же* власти, служить интересам *того же* класса, оберегать от требовательности более широких слоев населения (демократии вообще и пролетарской демократии в особенности). Несколько иначе приспособиться к той же власти — вот чего добиваются кадеты, вот в чем сущность их политики, политики либеральных буржуа. И эта конкуренция с октябристами, борьба за *их* место придает особую «остроту» кадетской борьбе. Этим объясняется *особая вражда* правых и октябристов к кадетам, вражда особого рода: «те» (демократы) уничтожат, «эти» (кадеты) отодвинут с первого на второе место; первая перспектива вызывает принципиально непримиримую войну не на живот, а на смерть; вторая перспектива вызывает *местническую* борьбу, состязание в интригах, соревнование в приемах уловления того же, землевладельческо-буржуазного, большинства или снискания доверия той же старой власти.

Картина III Думы в день выборов нового председателя наглядно показала эту разницу.

Кадетский регистратор событий «в парламентских кругах» продолжает восхвалять в «Речи» 23-го марта Алексеенку: «че-

ловек вполне независимый» (это — октябрист-то, смаковавший третье июня!) «и с большим чувством собственного достоинства» и т. д., и т. д.

Вот какова кадетская мерка строгой законности: не опротестовывать третьего июня и протестовать против 14-го марта. Это напоминает американскую поговорку: если вы украдете кусок хлеба, вас посадят в тюрьму, а если вы украдете железную дорогу, вас назначат сенатором.

Г. Литовцев, ведущий в «Речи» отдел «В парламентских кругах», писал 23-го марта, что для левых октябристов и кадетов «добрая половина дня прошла в тревоге: а вдруг возьмет да согласится» (Родзянко, делавший вид, что он отказывается).

Как же тут не быть *острой* борьбе кадетов с их противниками, когда вопрос вертится в такой близкой, непосредственно ощутимой *для всей* III Думы плоскости: «а вдруг Родзянко возьмет да согласится»!

Родзянко взял да согласился. Картина выборов получилась такая, что правые и националисты смеялись весело, хлопали восторженно. «Левые» октябристы и *кадеты* молчали упорно, систематически молчали: они проиграли состязание на том поприще, на которое сами встали; они не могли радоваться; они *должны были* молчать. Кадеты «в виде протеста» голоснули за националиста Волконского. Демократы и только демократы заявили громко, прямо и ясно, что они в выборах нового председателя III Думы не участвуют, что они *никакой* ответственности за «всю совокупную деятельность III Думы» (слова Войлошникова) не несут [86].

В день выборов, в 86-м заседании Думы, на состязании конкурентов *говорили* только глава III Думы, Родзянко, и Булат с Войлошниковым. Остальные молчали.

Войлошников справедливо указал, от имени всех своих коллег по фракции, что кадеты «по особенностям своей политической позиции всегда возлагали всю надежду на внутридумские комбинации» и посмеялся над ними, как над легковерными либералами.

Политическая позиция кадетов и ее особенности зависят от классовой природы этой партии. Это — антидемократическая либерально-буржуазная партия. Поэтому они и «возлагают всегда всю свою надежду на внутридумские комбинации»; это верно в двояком смысле: во-первых, в смысле противоположения внутридумского внедумскому, во-вторых, в смысле «комбинации» тех социальных элементов, тех классов, которые «всю» III Думу представляют.

Только рабочие депутаты и трудовики по поводу выборов Родзянко, ознаменовавших победу националистов, выступили с заявлением, рассчитанным *не* на «внутридумские» комбинации,

с заявлением, характеризующим отношение демократии вообще и пролетарской демократии в особенности, ко *всей* третьей Думе, к 3-му июня, к октябристам и к кадетам вместе. Это заявление — хорошее напутствие Родзянке и всему «его» большинству, хорошее предостережение «ответственной», перед третьей Думой и перед третьеиюньцами ответственной, либеральной «оппозиции» со стороны политических партий, «ответственных» перед кое-кем другим.

«Звезда» № 16, 15 (2) апреля 1911 г.
Подпись: В. Ильин.

ПАМЯТИ КОММУНЫ.

Сорок лет прошло со времени провозглашения Парижской Коммуны. По установившемуся обычаю французский пролетариат митингами и демонстрациями почтил память деятелей революции 18 марта 1871 года; а в конце мая он снова понесет венки на могилы расстрелянных коммунаров, жертв страшной «майской недели», и на их могилах снова поклянется бороться, не покладая рук, вплоть до полного торжества их идей, до полного исполнения завещанного ими дела.

Почему же пролетариат, не только французский, но и всего мира, чтит в деятелях Парижской Коммуны своих предшественников? И в чем заключается наследство Коммуны?

Коммуна возникла стихийно, ее никто сознательно и планомерно не подготовлял. Неудачная война с Германией, мучения во время осады, безработица среди пролетариата и разорение среди мелкой буржуазии; негодование массы против высших классов и против начальства, проявившего полную неспособность, смутное брожение в среде рабочего класса, недовольного своим положением и стремившегося к иному социальному укладу; реакционный состав Национального Собрания, заставлявший опасаться за судьбу республики — все это и многое другое соединилось для того, чтобы толкнуть парижское население к революции 18 марта, неожиданно передавшей власть в руки национальной гвардии, в руки рабочего класса и примкнувшей к нему мелкой буржуазии.

Это было невиданным в истории событием. До тех пор власть обыкновенно находилась в руках помещиков и капиталистов, т.-е. их доверенных лиц, составлявших так называемое правительство. После же революции 18 марта, когда правительство г. Тьера бежало из Парижа со своими войсками, полицией и чиновниками, — народ остался господином положения, и власть перешла к пролетариату. Но в современном обществе пролетариат, порабощенный капиталом экономически, не может господствовать политически, не разбивши своих цепей, которые приковывают

его к капиталу. И вот почему движение Коммуны должно было неизбежно получить социалистическую окраску, т.-е. начать стремиться к ниспровержению господства буржуазии, господства капитала, к разрушению самых *основ* современного общественного строя.

Вначале это движение было крайне смешанным и неопределенным. К нему примкнули и патриоты, надеявшиеся, что Коммуна возобновит войну с немцем и доведет ее до благополучного конца. Его поддержали и мелкие лавочники, которым грозило разорение, если не будет отсрочен платеж по векселям и уплата за квартиру (этой отсрочки правительство не хотело им дать, но зато дала Коммуна). Наконец, первое время ему отчасти сочувствовали и буржуазные республиканцы, опасавшиеся, что реакционное Национальное Собрание («деревенщина», дикие помещики) восстановит монархию. Но главную роль в этом движении играли, конечно, рабочие (особенно парижские ремесленники), среди которых в последние годы Второй Империи велась деятельная социалистическая пропаганда и многие из которых принадлежали даже к Интернационалу.

Только рабочие остались до конца верны Коммуне. Буржуазные республиканцы и мелкие буржуа скоро отстали от нее: одних напугал революционно-социалистический, пролетарский характер движения; другие отстали от него, когда увидели, что оно обречено на неминуемое поражение. Только французские пролетарии без страха и устали поддерживали *свое* правительство, только они сражались и умирали за него, то-есть за дело освобождения рабочего класса, за лучшее будущее для всех трудящихся.

Покинутая вчерашними союзниками и никем не поддержанная, Коммуна неизбежно должна была потерпеть поражение. Вся буржуазия Франции, все помещики, биржевики, фабриканты, все крупные и мелкие воры, все эксплуататоры соединились против нее. Этой буржуазной коалиции, поддержанной Бисмарком (который отпустил из немецкого плена 100.000 французских солдат для покорения революционного Парижа), удалось восстановить темных крестьян и мелкую провинциальную буржуазию против парижского пролетариата и окружить половину Парижа железным кольцом (вторая половина была обложена немецкой армией). В некоторых крупных городах Франции (Марселе, Лионе, Сент-Этьене, Дижоне и пр.) рабочие также сделали попытки захватить власть, провозгласить Коммуну и пойти на выручку Парижа, но эти попытки быстро закончились неудачей. И Париж, первый поднявший знамя пролетарского восстания, предоставлен был собственным силам и обречен на верную гибель.

Для победоносной социальной революции нужна наличность, по крайней мере, двух условий: высокое развитие производительных

сил и подготовленность пролетариата. Но в 1871 г. оба эти условия отсутствовали. Французский капитализм был еще мало развит, и Франция была тогда по преимуществу страной мелкой буржуазии (ремесленников, крестьян, лавочников и пр.). С другой стороны, не было на лицо рабочей партии, не было подготовки и долгой выучки рабочего класса, который в массе даже не совсем ясно еще представлял себе свои задачи и способы их осуществления. Не было ни серьезной политической организации пролетариата, ни широких профессиональных союзов и кооперативных товариществ...

Но главное, чего не хватало Коммуне, так это времени, свободы оглядеться и взяться за осуществление своей программы. Не успела она приступить к делу, как засевшее в Версале правительство, поддержанное всей буржуазией, открыло против Парижа военные действия. И Коммуне пришлось прежде всего подумать о самообороне. И вплоть до самого конца, наступившего 21 — 28 мая, ей ни о чем другом серьезно подумать не было времени.

Впрочем, несмотря на столь неблагоприятные условия, несмотря на кратковременность своего существования, Коммуна успела принять несколько мер, достаточно характеризующих ее истинный смысл и цели. Коммуна заменила постоянную армию, это слепое орудие в руках господствующих классов, всеобщим вооружением народа; она провозгласила отделение церкви от государства, уничтожила бюджет культов (т.-е. государственное жалованье попам), придала народному образованию чисто светский характер — и этим нанесла сильный удар жандармам в рясах. В чисто социальной области она успела сделать немного, но это немногое все-таки достаточно ярко вскрывает ее характер, как народного, рабочего правительства: запрещен был ночной труд в булочных; отменена система штрафов, этого узаконенного ограбления рабочих; наконец, издан знаменитый декрет (указ), в силу которого все фабрики, заводы и мастерские, покинутые или приостановленные своими хозяевами, передавались рабочим артелям для возобновления производства. И как бы для того, чтобы подчеркнуть свой характер истинно-демократического, пролетарского правительства, Коммуна постановила, что вознаграждение всех чинов администрации и правительства не должно превышать нормальной рабочей платы и ни в коем случае не быть выше 6.000 франков (менее 200 рублей в месяц) в год.

Все эти меры достаточно ясно говорили о том, что Коммуна составляет смертельную угрозу для старого мира, основанного на порабощении и эксплуатации. Поэтому буржуазное общество не могло спать спокойно, пока на парижской городской думе развевалось красное знамя пролетариата. И когда, наконец, организованной правительственной силе удалось взять верх над плохо организованной силой революции, бонапартовские генералы,

побитые немцами и храбрые против побежденных земляков, эти французские Ренненкампфы и Меллер-Закомельские устроили такую резню, какой Париж еще не видал. Около 30.000 парижан было убито озверевшей солдатчиной, около 45.000 арестовано и многие из них впоследствии казнены, тысячи сосланы на каторгу и на поселение. В общем, Париж потерял около 100.000 сынов, в том числе лучших рабочих всех профессий.

Буржуазия была довольна. «Теперь с социализмом покончено надолго!» говорил ее вождь, кровожадный карлик Тьер после кровавой бани, которую он со своими генералами задал парижскому пролетариату. Но напрасно каркали эти буржуазные вороны. Через каких-нибудь шесть лет после подавления Коммуны, когда многие борцы ее еще томились на каторге и в ссылке, во Франции уже начиналось новое рабочее движение. Новое социалистическое поколение, обогащенное опытом своих предшественников, но отнюдь не обескураженное их поражением, подхватило знамя, выпавшее из рук борцов Коммуны, и понесло его уверенно и смело вперед при кликах: «да здравствует социальная революция! да здравствует Коммуна!». А еще через пару-другую лет новая рабочая партия и поднятая ею в стране агитация заставила господствующие классы отпустить на свободу пленных коммунаров, еще оставшихся в руках правительства.

Память борцов Коммуны чтится не только французскими рабочими, но и пролетариатом всего мира. Ибо Коммуна боролась не за какую-нибудь местную или узко-национальную задачу, а за освобождение всего трудящегося человечества, всех униженных и оскорбленных. Как передовой боец за социальную революцию, Коммуна снискала симпатии всюду, где страдает и борется пролетариат. Картина ее жизни и смерти, вид рабочего правительства, захватившего и державшего в своих руках в течение свыше двух месяцев столицу мира, зрелище геройской борьбы пролетариата и его страдания после поражения, — все это подняло дух миллионов рабочих, возбудило их надежды и привлекло их симпатии на сторону социализма. Гром парижских пушек разбудил спавшие глубоким сном самые отсталые слои пролетариата и всюду дал толчок к усилению революционно-социалистической пропаганды. Вот почему дело Коммуны не умерло; оно до сих пор живет в каждом из нас.

Дело Коммуны — это дело социальной революции, дело полного политического и экономического освобождения трудящихся, это дело всесветного пролетариата. И в этом смысле оно бессмертно.

«Рабочая Газета» № 4—5, 28 (15) апреля 1911 г.

О ЗНАЧЕНИИ КРИЗИСА.

Пресловутый министерский и политический кризис, о котором столько писали и пишут газеты, поднимает более глубокие вопросы, чем думают шумящие всего более либералы. Говорят: кризис ставит вопрос о нарушении конституции. На самом же деле кризис ставит вопрос о неправильном представлении октябристов и к.-д. относительно конституции, о коренном заблуждении обеих партий на этот счет. Чем шире распространяется это заблуждение, тем настойчивее необходимо разъяснять его. Чем больше стараются кадеты под шумок своих обвинений октябризма провести неправильные идеи о «конституционном» будто бы характере кризиса, общие октябристам и кадетам, тем важнее выяснять эту вскрывшуюся теперь общность.

Припомним недавние рассуждения «Речи» и «Русских Ведомостей» о лозунге выборов в IV Думу [87]). За конституцию или против нее — так встанет и стоит уже вопрос, уверяли оба главных кадетских органа.

Посмотрите теперь на рассуждения октябристов. Вот характерная статья г. Громобоя в «Голосе Москвы» (от 30 марта): «Разрытый муравейник». Октябристский публицист убеждает тех, добросовестных, по его мнению, защитников г. Столыпина, которых «пугает переход в оппозицию», доказывая, что они «делают ошибочные шаги». «Для конституционалистов — восклицает г. Громобой — грех нарушения конституции настолько тяжел, что никакие другие гири не перетянут его». Что можно сказать по существу? спрашивает г. Громобой и отвечает:

«Опять кремневое ружье, национализм, волевые импульсы, государственная необходимость? увы, все это уже слышали, слышали и обещания, не оправдавшиеся затем».

Политика Столыпина была для октябристов заманчивым (как и для писателей из «Вех», всего глубже понявших и всего ярче выразивших дух кадетизма) «обещанием». «Обещание», по признанию октябристов, не оправдалось.

Что это значит?

На самом деле политика Столыпина была не обещанием, а политической и экономической реальностью последнего четырехлетия (если не пятилетия) русской жизни. И третье июня 1907 года и 9 ноября 1906 (14 июня 1910 г.) — не обещания, а реальности. Организованные в национальном масштабе представители дворянского крупного землевладения и верхов торгово-промышленного капитала проводили, осуществляли эту реальность. И если теперь голос октябристского, московского (а, значит, и всероссийского) капитала говорит: «не оправдалось», то этим подводится итог определенной полосе политической истории, определенной системе попыток «оправдать» требования эпохи, требования капиталистического развития России посредством III Государственной Думы, посредством столыпинской аграрной политики и так далее. Со всей добросовестностью, со всем усердием, не щадя живота, не щадя даже мошны, октябристский капитал помогал этим попыткам и теперь вынужден признать: не оправдалось.

Значит, дело вовсе не в нарушении обещаний, не в «нарушении конституции», — ибо смешно отрывать 14-ое марта 1911 года от 3-го июня 1907 года, — а в неисполнимости требований эпохи путем того, что октябристы и кадеты называют «конституцией».

Неисполнимы эти требования времени путем «конституции», дававшей большинство кадетам (I и II Думы), неисполнимы путем «конституции», сделавшей решающею партию октябристов (III Дума). И когда октябристы теперь говорят: «не оправдалось», то значение этого признания, значение вынудившего это признание кризиса состоит в сугубом, повторном, окончательном крахе конституционных иллюзий и кадетизма, и октябризма.

Демократия сдвинула старое с места. Кадеты, порицая демократию за «эксцессы», сулились реализовать новое путем мирной «конституции». Не оправдалось. Новое стал реализовывать г. Столыпин таким образом, чтобы измененные формы могли укрепить старое, чтобы организация зубров-помещиков и столпов капитала укрепила старое, чтобы частная поземельная собственность на место общины создала новый слой защитников старого. Октябристы трудились вместе с г. Столыпиным годы и годы над этой задачей, «не угрожаемые» временно подавленной демократией.

Не оправдалось.

Оправдались слова тех, кто говорил о тщете и вреде конституционных иллюзий, в такие эпохи быстрых и коренных перемен, как эпоха начала XX века в России.

Трехлетие октябристской III Думы, октябристской «конституции», октябристского «мирного и любовного жития» со Сто-

лыпиным не прошло бесследно: шагнуло вперед экономическое развитие страны, развились, развернулись, показали себя (и исчерпали себя) «правые» — все и всяческие «правые» — политические партии.

Аграрная политика третьей Думы показала себя *на деле* в массе деревень и захолустий России, встряхнула застоявшиеся веками брожения, грубо вскрыла и обострила наличные противоречия, обнаглила кулака и просветила его антиподов. Не даром прошла третья Дума. Не даром прошли и первые две Думы, давшие так много хороших, добрых, невинных и бессильных пожеланий. В оболочке «конституционного» кризиса 1911 года обнаружился несравненно более глубокий, чем прежде, крах конституционных иллюзий 1906—1910 годов.

И кадеты, и октябристы сходились, по сути дела, в том, что базировали свою политику на этих иллюзиях. Это были иллюзии либеральной буржуазии, иллюзии центра — различие «левого» центра (кадетов) и «правого» центра (октябристов) несущественно, раз тот и другой, в силу объективных условий, осуждены были на крах. Старое сдвинуто с места. Ни левый, ни правый центр нового не реализовали. Кто и как будет осуществлять это неотстранимое, исторически неизбежное новое, — вопрос открытый. Значение «конституционного» кризиса в том, что господа положения, октябристы, признали этот вопрос *вновь* «открытым», подписав: «не оправдалось» даже под своими, самыми, казалось, «солидными», купечески-солидными, торгашески-трезвыми, московски-скромными чаяниями. Значение «конституционного» кризиса в том, что вся узость, все убожество, все бессилие поставленного кадетами лозунга (кто за конституцию, кто против конституции) вскрылось на опыте господ октябристов.

Демократия доказывает недостаточность этого лозунга. Октябризм подтвердил эти доказательства опытом еще одной полосы русской истории. Кадетам не удастся оттащить ее назад, к прежним наивным конституционным иллюзиям.

«Правоверные октябристы — пишет г. Громобой — нервничают, заявляют о выходе из бюро, не знают, что делать со своими товарищами по конституционализму. Напрасные волнения. Им надо быть спокойными сознанием, что за них истина и что эта истина настолько азбучна, настолько общепризнана, что для защиты ее не требуется Коперников и Галилеев. Им надо спокойно делать свое дело, — признать незаконными незаконные действия и непременно, не идя ни на какие компромиссы, отвергнуть незаконный закон».

Иллюзия, г. Громобой! Без «Коперников и Галилеев» не обойдется. У вас «не оправдалось», без этих не обойдется.

...«Глядя на весь этот разрытый, копошащийся муравейник — услужливую печать, услужливых ораторов, услужливых депутатов»

(кончайте г. Громобой: услужливую, холопскую буржуазию) «можно только, по человечеству жалея их, кротко напомнить, что П. А. Столыпину уже служить нельзя — можно только прислуживаться».

Но П. А. Столыпин не единица, а тип, не одиночка, а «сам-друг» с советом объединенного дворянства. Господа октябристы попробовали ужиться с ним по-новому, при Думе, при «конституции», при буржуазной политике толмачевского разорения общины, и если эта попытка не удалась, то дело вовсе не в Столыпине.

...«Да ведь вся сила народных представителей в их связи с народом, а если они (правые октябристы) самым фактом такой поддержки (поддержки Столыпина и столыпинского нарушения конституции) утрачивают... свое «лицо», то какая им цена после этого?»

До чего мы дожили! Октябристы говорят о «связи с народом», как «силе народных представителей»! Это смешно, конечно! Но это не более смешно, чем кадетские речи в I и II Думах о «связи с народом» на ряду с их же речами, скажем, против местных земельных комитетов. Слова, смешные в устах кадетов и октябристов, сами по себе вовсе не смешны, а значительны. Еще и еще раз выражают они — против воли тех, кто говорит теперь эти слова, выражают крах конституционных иллюзий, как полезный плод «конституционного» кризиса.

«Звезда» № 18, 29 (16) апреля 1911 г.
Подпись: В. Ильин.

КОНГРЕСС АНГЛИЙСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ.

Праздниками пасхи (16 апр. нов. ст.) воспользовались многие европейские социалистические партии для устройства своих конгрессов: французская, бельгийская, голландская (оппортунистическая часть ее), английская социал-демократическая, английская «независимая рабочая». На некоторых вопросах, обсуждавшихся съездами двух последних партий, мы намерены остановить внимание читателя.

Тридцать первый годичный съезд английской социал-демократической партии (S. D. P.) состоялся в Ковентри. Самым интересным вопросом был вопрос о «вооружениях и внешней политике». Известно, что в последние годы и Англия и Германия вооружаются чрезвычайно усиленно. Конкуренция этих стран на мировом рынке все более и более обостряется. Военное столкновение надвигается все более грозно. Буржуазная шовинистическая пресса обеих стран бросает в народные массы миллионы и миллионы зажигательных статей с натравливанием на «врага», с воплями о неминуемой опасности «германского нашествия» или «английского нападения», с криками о необходимости усиленных вооружений. Социалисты Англии и Германии, а также Франции (которую Англия особенно охотно втянула бы в войну, чтобы иметь континентальную и сухопутную армию против Германии) посвящают много внимания грозящей войне, всеми силами борясь против буржуазного шовинизма и против вооружений, всячески стараясь разъяснить самым отсталым слоям пролетариата и мелкой буржуазии, какие бедствия несет с собой война, служащая интересам исключительно одной буржуазии.

Печальным исключением среди социалистов были некоторые выдающиеся вожди английской с.-д. партии и среди них Гайндман. Он дал себя запугать криками буржуазной английской прессы о «немецкой опасности» и дошел до защиты того, что Англия поставлена в необходимость вооружаться для обороны, что Англии нужен сильный флот, что Вильгельм — нападающая сторона.

Правда, отпор и сильный отпор был дан Гайндману изнутри самой с.-д. партии. Ряд резолюций местных групп высказался решительно против него.

Съезду — или, употребляя английское выражение, не соответствующее по значению русскому, «конференции» — в Ковентри пришлось решать спорный вопрос. Решительно враждебную всякому шовинизму точку зрения представляла резолюция группы в Хэкни (Hackney — округ на северо-востоке Лондона). Центральный орган с.-д. партии, «Justice» *) в своем отчете о съезде приводит только конец этой («длинной», дескать) резолюции, требующей решительной борьбы против всякого увеличения вооружений, против всякой колониальной и финансовой агрессивной политики. Зельда Каган, защищавшая эту резолюцию, подчеркивала, что именно Англия ведет последние 40 лет агрессивную политику, что Германия ничего не выиграла бы от превращения Англии в свою провинцию, что подобная опасность не существует. «Английский флот существует для сохранения империи. Никогда еще с.-д. партия не делала столь серьезной, столь тяжелой ошибки, как теперь, когда партию отождествляют с шовинистами, пугающими войной; в силу этой ошибки — говорила Каган — английские с.-д. поставили себя вне международного движения».

На защиту Гайндмана выступил весь Ц. К. («исполнительный комитет») партии и — со стыдом приходится сказать это — Х. Квельч в том числе. «Поправка», предложенная им, говорила не больше и не меньше, как следующее: «конференция в настоящее время считает непосредственной целью содержание достаточного (adequate) флота для национальной защиты»!.. Рядом с этим, конечно, повторяются и все «хорошие и старые слова» — и о борьбе с империалистской политикой, и о войне с капитализмом и т. д. Но все это разумеется отравлено *ложкой дегтя:* буржуазно-уклончивой и в то же время чисто буржуазной шовинистической фразой, признающей необходимость «достаточного» флота. И это в 1911 году, когда английский морской бюджет яснее ясного показал тенденцию роста необъятного, — и это в стране, флот которой «защищает и охраняет» «империю», т.-е. в том числе Индию, где почти 300 миллионов населения отданы на грабеж и насилия английской бюрократии, где «просвещенные» английские государственные люди вроде либерала и «радикала» Морли (Morley) *ссылают* за политические преступления, *порют* за политические преступления туземцев!

Какими жалкими софизмами пришлось оперировать Квельчу, видно хотя бы из следующих мест его речи (по отчету в «Justice», который защищает Гайндмана)!.. «Если мы признаем национальную автономию, мы должны иметь национальную защиту,—

*) — «Справедливость». *Ред.*

а такая защита должна быть достаточной, иначе она бесполезна. Мы — враги империализма, все равно английского или германского; мелкие национальности под прусским господством ненавидят ее деспотизм, и маленькие нации, угрожаемые ею, смотрят на британский флот и на германскую социал-демократию, как на свою единственную надежду»...

Вот как быстро катятся вниз люди, попавшие на наклонную плоскость оппортунизма! Британский флот, помогающий порабощать Индию (не очень-то «маленькую» национальность), ставится *рядом* с германской социал-демократией в качестве защитника свободы народов... Права была З. Каган, что никогда еще английская социал-демократия так не срамила себя. Никогда не обнаруживался так ярко ее сектантский характер, давно отмеченный и осужденный Энгельсом, как в этой *легкости перехода* даже людей вроде Квельча на сторону шовинистов.

При голосовании голоса разделились поровну: 28 за «исполнительный комитет» и 28 против. Чтобы одержать печальную победу, Гайндман и Квельч должны были применить голосование по группам. Оно дало им 47 голосов против 33.

В с.-д. партии нашлись люди, которые подняли самый решительный голос протеста против шовинизма в своих рядах, нашлось очень сильное меньшинство для серьезной борьбы. В «независимой рабочей партии» дела обстоят хуже: там оппортунизм не в диковину. Там вопрос о том, должны ли социалисты и рабочие поддерживать вооружения, обсуждают совсем спокойно в «дискуссионных» статьях официального органа партии («The Labour Leader» *) № 16, от 21 апреля 1911 г.).

Лондонский корреспондет «Vorwärts'a»**) справедливо заметил, что лучшей критикой позиции с.-д. партии явилась статья в *ультрашовинистической* газете «Daily Mail» ***), *восхваляющая* мудрость с.-д. вождей. «Отрадно видеть — так начинается статья английской шовинистической газеты — отрадно видеть, что, как ни нелепы некоторые идеи с.-д. партии в нашей стране, как ни невозможны некоторые ее идеалы, существует, по крайней мере, один, имеющий серьезное значение, вопрос, в котором эта партия руководится разумом и здравым человеческим смыслом» [88]).

Действительно отрадным явлением на съезде «Независимой Рабочей Партии» в Бирмингаме было то, что из рядов ее раздались твердые и решительные голоса протеста против той оппортунистической политики, политики зависимости от либералов, которую ведет эта партия вообще и глава партии, Рамсэй Макдональд, в особенности. В ответ на упреки за то, что рабочие де-

---

*) — «Вождь Труда». *Ред.*
**) — «Вперед». *Ред.*
***) — «Ежедневная Почта». *Ред.*

путаты мало говорят в палате общин о социализме, Р. Макдональд отвечал с девственной оппортунистической наивностью, что «пропагандистские речи» в парламенте малоуместны. «Великая функция палаты общин состоит — заявил Макдональд — в том, чтобы превращать в законодательство тот социализм, который проповедуем мы в стране». Об отличии буржуазной социальной реформы от социализма оратор забыл! От буржуазного парламента он готов ждать социализма...

Леонард Холл (Hall) указал в своей речи, что «в 1892 году Независимая Рабочая Партия была создана с специальной целью дискредитировать политику «Избирательной Лиги Труда» («Labour Electoral League»), которая была просто крылом либерализма, чтобы бороться с этой политикой и уничтожить ее. Мы похоронили труп (уничтожив эту лигу), но дух, видимо, ожил в современной «Рабочей Партии». Именно политику Лиги и проводил в своих речах, письмах, книгах лидер этой партии».

Другой член I. L. P. *), член парламента Джордж Лэнсбери (Lansbury) выступил с резкой критикой политики парламентской «рабочей» группы за ее зависимость от либералов, за ее боязнь «повредить» либеральному правительству. «Я чувствовал себя не раз — говорил Лэнсбери — настолько пристыженным поведением рабочих депутатов, что подумывал о сложении мандата. Либералы стараются занять все время палаты мелкими вопросами, и рабочие депутаты не умеют отвоевать себе самостоятельности». «Я не знаю такого случая, — говорил Лэнсбери — когда бы и либералы и тори не выдвигали какого-нибудь «важного» вопроса, чтобы отодвинуть вопрос о нищете масс, о бедности. Я сижу в палате общин, и передо мной стоят образы рабочих, мужчин и женщин, которые изо-дня в день трудились в трущобах Боу и Бромли (округа в Лондоне и Истэнде, кварталы нищеты), проводя меня в парламент. Они работали, выбирая меня, потому что они думали, что я не похож на либералов и на тори. Они послали меня, чтобы я поставил вопрос о бедности, бедности, бедности... Я призываю вас — обращался оратор к съезду — образовать крепкую партию в палате общин, партию, абсолютно чуждую всякой уступчивости к либералам и к тори. Мы должны не щадить либералов больше, чем консерваторов (тори), когда либералы поступают дурно. Рабочие, которые трудятся и бедствуют, ничего не ждут ни от либералов, ни от тори; их единственная надежда, их единственное спасение — их собственные организованные усилия... Надо, чтобы мы показали рабочим лондонских трущоб, что даже в парламенте мы верны тому, что мы говорим вне парламента, именно, что либералы и тори враги народа, что социализм его единственная надежда».

*) — Независимой Рабочей Партии. *Ред.*

Речь Лэнсбери прерывалась громом рукоплесканий съезда, который устроил оратору настоящую овацию, когда он кончил. В Германии такие речи обыденны. В Англии они — новинка. И когда начинают раздаваться такие речи, когда рабочие делегаты съезда «Независимой (очень часто, к сожалению, от социализма независимой, от либералов зависимой) Рабочей Партии» рукоплещут таким речам, тогда мы вправе заключить, что дух пролетарской борьбы и *в Англии* берет верх над дипломатией оппортунистов парламентариев вроде Макдональда. (Этот Макдональд, скажем в скобках, послал недавно итальянским реформистам, готовым вступить в буржуазное министерство, выражение своего полного сочувствия и своей нелюбви к «сухой теории».)

Речи Холла, Лэнсбери и др. не изменили политики «Независимой Рабочей Партии». Во главе этой партии остался Макдональд, и политика ее будет по прежнему оппортунистическая. Буржуазные влияния на пролетариат сильны — особенно в демократических странах. Но эти речи не проходят бесследно, они подрывают влияние буржуазии и оппортунистов. Когда англичане заведут ежедневную газету [89]) (об этом думают вплотную *обе* партии), — такие и только такие речи найдут доступ к уму и сердцу рабочего класса. Либералы всех стран, и России в том числе, ликуют и смеются теперь при виде господства оппортунизма в английском рабочем движении. Но — «хорошо посмеется тот, кто посмеется последним».

«Звезда» № 18, 29 (16) апреля 1911 г.
Подпись: В. Ильин.

МАРКСИЗМ И «НАША ЗАРЯ».

В № 4 «Звезды» было справедливо отмечено в обзоре печати [90]), что ликвидаторство, а в связи с ним оценка вопроса о гегемонии, интересует в настоящее время марксистские круги, и что полемика по этому важному вопросу, в интересах плодотворности, должна быть принципиальной, «а не личной и злостной полемикой «Нашей Зари»».

Вполне разделяя это мнение, я обойду полным молчанием выходки этого журнала по поводу того, будто понять можно лишь *о ком*, а не *о чем*, идет речь («Наша Заря» № 11—12, стр. 47) [91]). Я возьму прямо журнал «Наша Заря» *за год* — это будет как раз кстати по поводу годового юбилея этого органа — и постараюсь рассмотреть, *о чем* идет в нем речь.

Первый номер «Нашей Зари» вышел в январе 1910 г. Уже во втором, февральском номере, г. Потресов провозгласил, что к числу «*пустяков*» относится и спор махистов с марксистами и вопрос о ликвидаторстве. «Ибо может ли существовать, спрошу я у читателя — писал г. Потресов — в лето 1909-ое, не как фантом в больном воображении, а как подлинная реальность, течение ликвидационное, течение, ликвидирующее то, что уже не подлежит ликвидации, чего на самом деле уже нет, как организованного целого?» (с. 61).

Г. Потресов этой неудачной попыткой обойти вопрос дал наилучшее, неожиданное, по геростратовской смелости, подтверждение тому взгляду, который он собирался опровергнуть. Именно в январе и феврале 1910 года г. Потресов не мог не знать, что с его оценкой фактического положения вещей не согласятся его противники. Значит, попытаться отделаться тем, что-де «нет», «на нет и суда нет», невозможно. Вопрос не в том, равняется ли на практике нулю одна десятая или одна двадцатая, или одна сотая, или какая угодно другая дробь. Вопрос в том, *есть ли течение,* считающее эту дробь ненужностью. Вопрос в том, есть ли принципиальное расхождение о значении дроби, об отношении к ней, об увеличении ее и т. д. Отвечая по сути дела на *этот*

ГОДЪ ИЗДАНІЯ I. Цѣна 5 коп.

Современная Жизнь

Еженедѣльный общественно-политическій журналъ.

Редакція и контора помѣщаются временно по Каменистой ул. д. № 221 (уг. Б.-Морской).

№ 1 Суббота, 26 марта 1911 г.. г. Баку. № 1

Наши задачи

Россійское ненастье сдѣлалось за послѣдніе годы настолько угнетающимъ и приняло такіе истинно-всепоглощающіе размѣры, что рабочій классъ, потерявшій за это время почти всѣ свои организаціи, лишился одновременно и возможности пользоваться великими благами печатнаго слова.

Капиталистическій строй, какъ изъ рога изобилія надѣляющій міръ ужасами своихъ противорѣчій, оказался особенно щедрымъ по отношенію къ Россіи, къ этой благодатной странѣ золотыхъ розсыпей и интендантскихъ хищеній. Противорѣчія его оказались у насъ настолько чудовищными, что за послѣдніе годы широкіе слои населенія чувствуютъ себя въ какомъ-то заколдованномъ кругу.

Невозможное оказалось возможнымъ. Судьбы обновленія нашей общественно-политической жизни попали въ руки рыцарей 3-іюньскаго переворота, этихъ жалкихъ созданій стараго строя, руководимыхъ такими вѣрными «кандидатами въ дома умалишенныхъ», какъ Пуришкевичъ и Илліодоръ. Рабочій же классъ, несмотря на громадный жизненный опытъ послѣднихъ 6—7 лѣтъ и сравнительно далеко подвинувшееся за это время развитіе своихъ духовныхъ силъ, своего классоваго самосознанія долженъ былъ уступить многія изъ завоеванныхъ великимъ трудомъ позицій. Противорѣчія эти породили невѣроятное смѣшеніе идей и понятій. Куда бы ни обращался нашъ взоръ, ему представляются всюду: въ практической жизни—тупики, а въ области теорій и идей—расхожденіе и борьба въ средѣ вчерашнихъ единомышленниковъ.

Прежнее революціонное настроеніе, подъ давленіемъ свирѣпствующей реакціи сверху, смѣнилось утомленіемъ, инертностью и даже частичной реакціей въ народныхъ массахъ. Господами положенія стали мелкіе и крупные кулаки, а за ними поплелся пошлый мѣщанинъ, «мелкій собственникъ, законникъ, лицемѣрный семьянинъ». Реакція оказалась неожиданно сильной и жизнеспособной и, по словамъ поэта, «смолкли честные, доблестно павшіе!»..

Намѣреваясь дать въ ближайшихъ номерахъ нашего органа рядъ статей объ условіяхъ, создавшихъ современное положеніе вещей, остановимся тутъ на одной сторонѣ вопроса, имѣющей въ настоящее время крайне важное практическое значеніе. Мы имѣемъ въ виду то, что пролетаріатъ не использовалъ въ достаточной степени тѣ легальныя возможности, которыя достались ему въ наслѣдіе отъ 1905—6 годовъ. Послѣ великихъ побѣдъ и послѣдовавшаго за ними пораженія, пролетаріатъ, въ безпорядкѣ отступая, не могъ приспособиться къ новымъ, крайне тяжелымъ и сложнымъ условіямъ своего существованія.

Мы думаемъ, что рабочій классъ, укрѣпляя и возсоздавая свои старыя, испытанныя организаціи, вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ принимать самое дѣятельное участіе во всѣхъ доступныхъ ему сферахъ нашей общественно-политической жизни.

Мы не знаемъ, когда пройдутъ морозы и настанетъ весна на улицѣ россійской демократіи, но, независимо отъ того или другого рѣшенія даннаго вопроса, мы ставимъ своей очередной задачей знакомить читателей съ экономическими и политическими условіями, послужившими фундаментомъ какъ для эпохи побѣдъ, такъ и для эпохи пораженій, ввести ихъ въ сферу современной общественно-политической жизни, указывая пути для укрѣпленія профессіональныхъ союзовъ, культурно-просвѣтительныхъ обществъ и другихъ классовыхъ организацій пролетаріата.

Другой, не менѣе важной, задачей нашего органа будетъ теоретическое обоснованіе предлагаемыхъ практическихъ мѣръ и ознакомленіе читателей съ теоріей и практикой западно-европейскаго рабочаго движенія.

При обсужденіи и рѣшеніи всѣхъ этихъ вопросовъ мы будемъ, исходя изъ марксизма, защищать требованія и интересы рабочей демократіи.

Надѣемся, что настоящее изданіе пополнитъ крупный пробѣлъ въ жизни бакинскихъ рабочихъ, и приглашаемъ нашихъ читателей принимать по возможности дѣятельное въ немъ участіе, помогая намъ какъ въ постановкѣ идейной части органа, такъ и въ его распространеніи. Статьи и письма рабочихъ, какъ и хроника съ промысловъ, заводовъ и другихъ торгово-промышленныхъ учрежденій, будутъ приниматься нами съ великой благодарностью. Подобное участіе читателя въ судьбахъ своего органа мы считаемъ главнымъ залогомъ его существованія и успѣха.

Редакція

„Кто сѣетъ вѣтеръ, тотъ пожнетъ бурю"

Два событія чрезвычайной важности приковываютъ къ себѣ за послѣдніе недѣли всеобщее вниманіе. Одно - разыгрывающееся на берегахъ Невы, подъ названіемъ «министерскаго», а впослѣдствіи «парламентскаго» кризиса, другое—на Дальнемъ Востокѣ, на границахъ Китайской имперіи.

Эти событія развивались въ такой формѣ и въ такой обстановкѣ, что, казалось, они неразрывно связаны между собою. Вѣрнѣе, событія на Дальнемъ Востокѣ, казавшееся неизбѣжнымъ немедленное объявленіе войны, были настолько важны и всепоглощающи, что петербургскій кризисъ, думалось, нельзя не ставить внутренно въ непосредственную связь съ видами и намѣреніями той или другой изъ борющихся правительственныхъ группъ по отношенію къ новой военной авантюрѣ. Конфликтъ Столыпина съ Государственнымъ Совѣтомъ и Думой казался слишкомъ противорѣчивымъ и непонятнымъ въ своихъ проявленіяхъ, чтобы возможно было допускать въ немъ самодовлѣющій смыслъ.

Но у насъ и это оказалось возможнымъ. Въ то время, какъ весь русскій народъ съ трепетомъ и замираніемъ сердца ждалъ отвѣта Китая, ждалъ войны, которая должна была имѣть величайшее міровое значеніе, отъ которой зависѣла дальнѣйшая судьба Россіи и прежде всего, понятно, русскаго правительства,—это послѣднее занималось преспокойно личными интригами, придворными фокусами и подвохами.

Теперь установлено съ несомнѣнностью всѣми партіями и всею печатью, что оказа-

Первая страница журнала «Современная Жизнь» № 1 — 8 апреля (26 марта) 1911 г

Уменьшено

именно вопрос тем, что «нет», «ноль», «ноль и есть ноль», г. Потресов вполне выразил отрицаемое им ликвидаторское течение. В его выходке была только сугубая «злостность» (по меткому выражению обзора печати № 4 «Звезды»), был только недостаток прямоты, публицистической ясности. Но именно потому, что вопрос идет не о лицах, а о течении, на помощь Петербургу пришла Москва. Московское «Возрождение» в № 5 от 30 марта 1910 г., сочувственно цитируя г. Потресова, писало: «Ликвидировать нечего, и, прибавим мы от себя, — мечта о восстановлении этой иерархии — в ее старом» и т. д. «виде просто вредная, реакционная утопия» (стр. 51).

Совершенно очевидно, что речь идет как раз не о старом *виде*, а о старой *сущности*. Совершенно очевидно также, что вопрос о «ликвидировании» нераздельно связан с вопросом о «восстановлении». «Возрождение» сделало маленький шаг вперед против г. Потресова, чуточку яснее, прямее, честнее выразило *ту же* мысль. Тут не лица, тут течение. Лица могут отличаться не прямотой, а увертливостью, течения же обнаруживают себя самыми различными случаями, видами, формами.

Вот, например, г. Базаров был некогда большевиком и, может быть, продолжает считать себя таковым — в наше время курьезы бывают всякие. А в апрельской книжке «Нашей Зари» он так удачно, так счастливо (для Потресова) опровергал г. Потресова, что объявил буквально «одним из крупнейших и пустяковейших недоразумений» «пресловутый вопрос о гегемонии» (стр. 87). Заметьте: г. Базаров называет этот вопрос «пресловутым», т.-е. уже поднятым, уже известным в апреле 1910 года! Отмечаем этот факт — он крайне важен. Отмечаем, что заявление г. Базарова, будто о «гегемонии не будет и помину» (стр. 88), при условии, что мелкая буржуазия городов и деревень «будет достаточно радикально настроена против политических привилегий» и т. д., «но проникнута резким националистическим духом», — есть на деле полное непонимание идеи гегемонии и отречение от нее. Именно борьба с «национализмом», именно очистка от него «настроений», предположенных Базаровым, и есть дело «гегемона». Успешность этого дела не измеряется немедленными, непосредственными, сегодняшними результатами. Бывают времена, когда результаты отпора национализму, отпора болотному духу, отпора ликвидаторству, которое, кстати сказать, есть такое же проявление влияния буржуазии на пролетариат, как и национализм, захватывающий иногда часть рабочих, — бывают времена, когда эти результаты сказываются лишь спустя годы, спустя долгие, иногда, годы. Бывает, что годами чуть тлеет искорка, которую мелкая буржуазия считает, объявляет, провозглашает несуществующей, ликвидированной, умершей и т. д., и которая на деле живет, дает отпор духу уныния и отреченства, проявляет себя после долгого периода.

Оппортунизм всегда и везде на свете цепляется за минуту, за момент, за сегодня, не умея понять связи между «вчера» и «завтра». Марксизм *требует* ясного сознания этой связи, сознания не на словах, а на деле. Марксизм находится поэтому в непримиримом противоречии с ликвидаторским течением вообще, с отрицанием гегемонии — в частности.

За Петербургом — Москва. За меньшевиком г. Потресовым бывший большевик г. Базаров. За Базаровым — г. В. Левицкий, более прямой, более честный противник, чем г. Потресов. В июльской книжке «Нашей Зари» г. В. Левицкий пишет: «Если прежняя (форма сплочения сознательных рабочих) была гегемоном в общенациональной борьбе за политическую свободу, то будущая будет *классовой* (курсив г. Левицкого) партией вступивших в свое историческое движение масс». (Стр. 103.)

В одной этой фразе замечательно удачно выражен, сконцентрирован, запечатлен *дух* всех писаний гг. Левицких, Потресовых, Базаровых, всего «Возрождения», всей «Нашей Зари» и всего «Дела Жизни». Сотнями цитат можно было бы дополнить, заменить, развить, пояснить приведенную цитату из В. Левицкого. Это — такая же «классическая» фраза, как знаменитое бернштейновское «движение — все, конечная цель — ничто», или как прокоповичевское (из Credo 1900 г.): рабочим — экономическая, либералам — политическая борьба.

Г. Левицкий теоретически неправ, когда *противополагает* гегемонию — классовой партии. Одного этого противопоставления достаточно, чтобы сказать: не марксизм, а либерализм составляет ту партию, которой *на деле* следует «Наша Заря». Только теоретики либерализма во всем мире (вспомните хоть Зомбарта и Брентано) понимают *классовую* рабочую партию так, как ее «понимает» Левицкий. С точки зрения марксизма, класс, отрицающий идею гегемонии или не понимающий ее, есть не класс или еще не класс, а *цех* или сумма различных цехов.

Но, будучи неверен марксизму, г. Левицкий вполне верен «Нашей Заре», *то-есть* течению ликвидаторскому. Он сказал святую истину о сущности *этого* течения. В прошлом (для сторонников этого течения) была «гегемония», в будущем ее не будет, не должно быть; а в настоящем? В настоящем есть тот *бесформенный* агломерат, который составляет круг писателей и друзей-читателей «Нашей Зари», «Возрождения», «Дела Жизни», и который *сейчас*, в лето 1911-ое, занят как раз проповедью необходимости, обязательности, полезности, закономерности *перехода* от *прошлой* гегемонии к *будущей* брентановски-классовой (можно сказать с равным правом: струвенски или изгоевски-классовой) партии. Что бесформенность есть один из принципов ликвидаторства, это прямо сказали его противники еще в 1908 году, *за год* до «Нашей Зари». Если г. Маевский в декабре 1910 года спрашивает, что такое

ликвидаторство, то пусть он обратится к ответу, данному официально ровнехонько два года тому назад. Он увидит в этом ответе характеристику, точнейшую и полнейшую, «Нашей Зари», возникшей год спустя после этого отзыва. Как это возможно? Это возможно было потому, что речь шла и идет не о лицах, а о течении, которое в 1907 году намечалось (см. хотя бы в конце брошюры самого г. Череванина о событиях весны 1907 г.) [92]), в 1908 году явно выразилось, в конце 1908 года оценено его противниками, в 1910 году создало себе открытый печатный орган и органы.

Сказать: в прошлом гегемония, *а* в будущем должна быть «классовая партия», значит наглядно показать связь ликвидаторства с отречением от гегемонии и разрыв этого течения с марксизмом. Марксизм говорит: так как в прошлом «гегемония», то, следовательно, из суммы профессий, специальностей, цехов вырос класс, ибо именно сознание идеи гегемонии, именно воплощение ее в жизнь своею деятельностью превращает сумму цехов в класс. А раз доросли до «класса», никакие внешние условия, никакие тяжести, никакое сведение целого к дроби, никакое ликование веховцев, никакое малодушие оппортунистов не в силах задушить этого ростка. Пусть его не «видно» на поверхности (гг. Потресовы не видят или делают вид, что не видят его, *потому что* не хотят видеть), но он жив, он живет, он сохраняет и в настоящем «прошлое», он его переносит в будущее. Так как гегемония была в прошлом, то поэтому марксисты *обязаны*, вопреки всем и всяким отреченцам, отстоять ее идею в настоящем и будущем,— каковая идеологическая задача вполне соответствует тем материальным условиям, которые из цехов создали класс, продолжают создавать, расширять, укреплять класс, укрепляют его отпор всем «проявлениям влияния буржуазии».

Журнал же «Наша Заря» за целый год как раз и концентрирует в себе проявление влияния буржуазии на пролетариат. Ликвидаторство не только существует, как течение среди людей, желающих быть сторонниками данного класса. Оно представляет из себя лишь один из ручейков того широкого, общего нескольким классам «попятного» потока, который свойственен всему трехлетию 1908 — 1910 годов и, возможно, будет свойственен еще нескольким годам. В настоящей статье я должен был ограничиться характеристикой этого ручейка по цитатам из №№ 2 — 7 «Нашей Зари». В следующих статьях я надеюсь остановиться на №№ 10, 11 и 12 этого журнала, а также на более подробном доказательстве той мысли, что ручеек ликвидаторства есть лишь часть потока веховщины.

«Современная Жизнь» [93]) *№ 3, 5 мая (22 апреля) 1911 г.*
Подпись: В. Ильин.

Цѣна 10 сант.
PRIX: 40 cent.

N· 3. — Supplément du Social-Démocrate

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ.

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

Дискуссіонный Листокъ

Приложеніе къ Центральному Органу

„СОЦІАЛЬДЕМОКРАТЪ“

№ 3. Пятница 29|12 мая 1911 г.

РАЗГОВОР ЛЕГАЛИСТА С ПРОТИВНИКОМ ЛИКВИДАТОРСТВА.

Легалист. Мне кажется, что крайнее обострение в социал-демократической печати борьбы и споров с ликвидаторами чересчур распалило страсти и несколько затемнило суть расхождения.

Антиликвидатор. Не наоборот ли? Не вызвано ли обострение борьбы глубиной идейного расхождения? Или вы тоже перешли в лагерь «колеблющихся» — иначе «примиренцев» — пытающихся заполнять пропасть пустыми фразами и широковещательными банальностями?

Легалист. О, нет, «примирять» я вовсе не склонен. Напротив. Моя мысль состоит в том, что ликвидаторы недостаточно сознательны и потому недостаточно решительны. Они всё еще бредут ощупью, растут, если можно так выразиться, стихийно. Они всё еще боятся додумать свои мысли. Отсюда — их непоследовательность, сбивчивость, шаткость, которую противники принимают за лицемерие, за мошеннические приемы борьбы с нелегальной партией и т. п. Получается потасовка, и широкая публика, ради которой ведется спор, перестает понимать, в чем дело. Если бы у ликвидаторов было поменьше искуснейших дипломатов и побольше веры в себя, то они быстрее бы доказали свою правоту и разбили бы вас на голову.

Антиликвидатор. Страшен сон, но... интересно бы послушать ваши доказательства.

Легалист. Ликвидаторы, по моему убеждению, правы. Они должны подхватить брошенную против них кличку легалистов. Мы подхватим ее и мы покажем, что именно легалисты дают

единственно верный, с точки зрения марксизма, ответ на проклятые вопросы современного рабочего движения в России. Признаете вы или нет, что переживаемая нами эпоха представляет из себя некоторый своеобразный этап экономического и политического развития России?

Антиликвидатор. Признаю.

Легалист. Признаете только словесно, как и ваши пресловутые «декабрьские» (1908 года) резолюции. Если вдуматься серьезно в такое признание, то оно означает, что открытое существование, скажем, социал-демократической фракции в III Думе не случайность, а неразрывная составная часть «текущего момента». Вся совокупность политических условий данного времени, вся совокупность условий рабочего движения такова, что возможна и необходима открытая *легальная* думская социал-демократическая фракция, возможна и необходима открытая *легальная* рабочая социал-демократическая партия.

Антиликвидатор. Не рискованный ли это скачок от думской социал-демократической фракции к рабочей социал-демократической партии?

Легалист. Нисколько не рискованный. Все дело только в том, что формы существования социал-демократии в III Думе даны нам извне, нам пришлось только принять их, войти, так сказать, в готовое помещение, а формы существования легальной рабочей партии надо самим найти. Тут нужна инициатива, борьба за новые формы. Те, кого вы презрительно зовете ликвидаторами, начали эту борьбу, вступили на новый путь — но, к сожалению, только одной ногой. К сожалению, они всё еще робеют, оглядываются назад, ограничиваются полумерами. В начале нового пути это неизбежно, пусть так, но за началом последует продолжение. И нерешительность первых шагов отпадет, и ошибки будут исправлены.

Антиликвидатор. Прекрасно. Не потрудитесь ли объяснить, каковы эти ошибки и в чем будет состоять исправление?

Легалист. С удовольствием объясню. Нельзя предсказать, какова именно будет завтрашняя легальная рабочая партия, но нельзя не видеть общего направления в развитии рабочего движения. Признавая это направление за данное, я смело могу нарисовать картину легальной партии, зная, что действительность не будет в точности такова, но она будет *такого рода.* И чтобы рисовать вам эту картину, мне вовсе нет надобности пускаться в «сочинительство». Мне надо только присмотреться к урокам жизни, к опыту работы в новых, послереволюционных условиях. Мне достаточно подытожить этот опыт, отбросить частности, взять основную нить. Существует легальное рабочее представительство в Думе. Существует легальная социал-демократическая фракция. Ее травят, за ней следят шпики, ей не разрешают

собраний, у нее отнимают сведущих людей, ее распылят, может быть, завтра по тюрьмам и местам ссылки — легальная партия вовсе не исключает, как думают ваши близорукие сторонники, судебных и полицейских преследований. Но легальная фракция существует, несмотря на преследования. Существуют легальные рабочие союзы, клубы, легальные марксистские журналы и еженедельники, — их травят еще больше, закрывают, душат штрафами, их редакторы за месяц редакторства расплачиваются, может быть, полутора месяцами тюрьмы, союзы постоянно распускаются, а все же они существуют. Вдумайтесь в этот факт. Одно дело отсутствие легальных рабочих союзов, легальной марксистской прессы, легальных социал-демократических депутатов. Так было до 1905 г. Другое дело — существование их, *несмотря* на непрерывные преследования, несмотря на постоянные закрытия. Так обстоит дело после 1907 г. В этом и состоит новизна положения. За это «новое» и надо уметь ухватиться, чтобы его расширить, укрепить, упрочить.

Антиликвидатор. Вы начали с обещания быть более смелым, более последовательным легалистом, чем те, которые выступали до сих пор, но пока вы всё еще только повторяете слова, давно уже сказанные всеми ликвидаторами.

Легалист. Я уже сказал, что картина последовательного, убежденного легализма вытекает сама собою из внимательного наблюдения за опытом жизни. На деле уже существуют все отдельные элементы легальной рабочей социал-демократической партии. Надо сказать громко и прямо то, что есть. Надо признать безбоязненно, что не сегодня — завтра эти разрозненные элементы соберутся вместе, должны собраться вместе, и такая партия возникнет. Ее нужно основать, и она будет основана. Ее будут преследовать, но она будет существовать, — за годами отсутствия легальной рабочей партии наступят годы непрочного, перерываемого массой преследований, существования легальной рабочей партии, — а за ними придут годы чисто европейской легальной социал-демократической партии в России. Годы существования легальной социал-демократической партии уже наступили, она уже *реальнее,* чем ваше на девяносто девять сотых разрушенное подполье. Чтобы окончательно сплотить легалистов, чтобы сделать их деятельность более уверенной, систематичной, выдержанной, надо не бояться сказать, что есть, не бояться назвать эту реальность настоящим именем, не бояться выбросить лозунг, поднять знамя. Пусть его вырвут суды и полиция из наших рук, пусть его вырвут десятки раз, — его *нельзя* уничтожить, его нельзя вырвать надолго, ибо оно обобщает то, что есть, что растет, что не может не расти.

Антиликвидатор. К делу, к делу. А то я вам напомню поговорку: хорошо поет, где то сядет. Вы обещали говорить прямо.

Ну-те ка прямей, поконкретней: что будет написано на вашем знамени?

Легалист. Я к этому как раз и вел. Мы учреждаем легальное общество содействия рабочему движению. Принципиальная база этого общества марксизм. Цель общества — преобразование общественных условий жизни на началах марксизма, уничтожение классов, уничтожение анархии в производстве и т. д. Ближайшая цель легальной партии, т.-е. нашего общества, — полная демократизация государственного и общественного строя; содействие решению аграрного вопроса в демократическом направлении, на основах марксистских взглядов; самое широкое рабочее законодательство. Наконец, средства деятельности нового общества — все законные средства пропаганды, агитации и организации.

Антиликвидатор. Не предполагаете ли вы, что наше правительство разрешит регистрацию такого общества?

Легалист. Не беспокойтесь, я вовсе не так наивен, чтобы предполагать это. Конечно, наше общество не будет зарегистровано, но нелегальным его нельзя будет признать, а в этом то и состоит наша задача. В каждой губернии один рабочий за другим будет составлять устав подобного общества и вносить его на утверждение властей. Это будет последовательная, непреклонная борьба за легальность. Учредителей и членов такого общества нельзя будет преследовать за «страшные» пункты программы нашей теперешней якобы партии, ибо Р. С.-Д. Р. П. есть в данное время лишь якобы партия, и «страшные» пункты ее программы, вроде республики, диктатуры пролетариата — не говоря уже о «страшных» пунктах многочисленных резолюций о вооруженном восстании и т. п. — никого не пугают, никакого значения не имеют, никакой роли не играют, если не считать той «*роли*», которая посылает на каторгу людей, *на деле* ничего противозаконного не совершающих. Вот в этом-то и соль, в этом и состоит трагикомедия теперешнего партийного положения. Мертвое хватает живое. Устаревшие, отвергнутые на деле жизнью, вышедшие из употребления, сданные фактически в архив «пункты» разных резолюций и старой партийной программы служат службу только нашим врагам, помогают только душить нас, не принося решительно никакой, ну, абсолютно никакой пользы современному реальному движению, той *действительной* социал-демократической работе, которая теперь *ведется*, ведется и в III Думе, и в легальных журналах и газетах, и в легальных союзах, и на легальных съездах и т. д., и т. п. Вот почему для нас, легалистов, *суть* вопроса вовсе не в избавлении от наиболее опасных преследований и кар (как готовы будут заключить ваши, извините за выражение, натасканные на травлю ликвидаторов сторонники), а в *принципиальном* значении открытого рабочего движения, во-первых, и использования противоречий современного режима, во-вторых.

Да, да, господин старовер, принципы марксизма состоят вовсе не в сумме заученных слов, не в обязательных раз на всегда «правоверных» формулах, а в содействии широкому рабочему движению, в содействии организации и самодеятельности масс. Пусть будут «*недоговорены*» те или другие слова — я прекрасно знаю, что вы и ваши сторонники специализируетесь на «договариваньи» недосказанного думской социал-демократической фракцией, легальным журналом и т. д. — пусть будут «*недоговоренные*» слова, но зато будет двинуто вперед дело. Более широкие слои рабочих будут втянуты в движение. Будет сделан решительный шаг к обобщению открытых выступлений. Всякий сознательный рабочий будет хватать угнетающий его режим *как раз* за то противоречие, которое наиболее ему свойственно, наиболее для него в данное время характерно, за противоречие между формальным признанием законности и фактическим отказом в ней, между «допущением» думской социал-демократической фракции и попытками «не пущать» социал-демократической партии, между признанием рабочих союзов в официальных заявлениях и преследованием их в жизни. Ухватывать угнетающий пролетариат режим за противоречия этого режима — в этом и состоит *живая душа* марксизма, а не в закостенелых формулах. В этом и заключается одна из главных, скажу более: одна из основных причин успехов германской социал-демократии, что она умела всегда жертвовать *формулой* в интересах движения. Она сумела после 1871 года создать партию, в программе которой стояло признание только «законных» средств политической деятельности. Она сумела развить самое сильное в мире социал-демократическое движение с такой социал-демократической программой, которая гораздо «*легальнее*», чем наша, ибо в ней нет и никогда не было республики. А вы — вы готовы явить миру образец «образцово-радикальной» социал-демократической программы при образцово-радикальном *отсутствии* массовой социал-демократической организации, массового социал-демократического движения.

Антиликвидатор. До сих пор из вашего плана получается на деле только «массовое движение» входящих и исходящих бумаг в присутствиях по делам об обществах и союзах, если в каждой губернии каждый сознательный рабочий будет переписывать и вносить на утверждение ваш проект легального марксистского «общества». Так как вы сами говорите, что это общество не разрешат, то никакого открытого движения и даже никакого «открытого» общества нигде, кроме как в вашей легалистской фантазии, не открывается. Но прежде чем подробно отвечать вам, я бы хотел еще спросить, представляете ли вы себе это легальное марксистское «общество» существующим *вместо* старой, т.-е. теперешней, партии, или *вместе* с ней?

Легалист. Вот-вот. Вы затронули очень интересный вопрос.

Тут-то и лежит одна из печальных ошибок официальных вождей ликвидаторства. Они боятся сделать крупный шаг вперед по несомненно верному пути — и в то же время делают ряд крайне рискованных, вовсе ненужных для дела, шагов в сторону и именно в сторону оппортунизма. А я бы сказал: можно быть легалистом, не будучи ликвидатором. Дóлжно быть легалистом, не будучи оппортунистом. Необходимо признать легальные *формы* движения, необходимо признать их не на половину, не на словах только, а всерьез и на деле, т.-е. учредить немедленно легальную марксистскую рабочую партию, но отказываться от революции есть недопустимый оппортунизм, а такой отказ проглядывает у очень и очень многих, если не у большинства наших ликвидаторов. Отказ от гегемонии есть оппортунизм, который я решительно осуждаю. Нам не нужно ни от чего отказываться, ничего ликвидировать. Новая, легальная партия должна существовать вместе *со старой, на ряду* с ней. Они будут взаимно пополнять друг друга.

Вы улыбаетесь? Но тут нет ничего смешного. Вы скажете: «двойная бухгалтерия». А я спрошу вас: разве совместное существование легальной и нелегальной печати не представляет из себя явления, вполне аналогичного моему плану, вернее: моему выводу изо всех уроков современного опыта? Если до 1905 года нельзя было писать эмигрантам в легальной печати, если тогда закрывали органы за помещение эмигрантских статей хотя бы под псевдонимом, то разве не характерно для нашей противоречивой эпохи, что всем известные эмигранты *под своим именем* пишут и в нелегальной и в *легальной* печати? С этой «двойной бухгалтерией» вы миритесь! От нее никакой «смуты» не получается. Только рутина, ничего более как рутина мешает вам понять, что эта «двойная бухгалтерия» предписывается всеми условиями нашей эпохи, что надо овладеть ее противоречиями, уметь встать на ту почву,— *и* на ту почву,— на которой разыгрываются крупнейшие события современности. «Сочетание нелегальной и легальной работы» вы все признаете на *словах.* Признайте же его на деле. Сказав А, не бойтесь сказать Б. Признав основной тезис в тактике и организации вообще, не бойтесь признать его в организации *партии.* Порвите же, наконец, решительно, серьезно, искренно с этим нелепым анархическим предрассудком против легальности.

Антиликвидатор. Вот в том-то и несчастье ваше, что вы играете в легальность, вы «легальничаете», тогда как немцы опирались на легальность, действительно существующую. Пример с легальной и нелегальной печатью особенно ярко говорит против вас. Когда нелегальный эсдек идет в легальную печать писать там о том, о чем писать в легальной печати разрешается, он не играет в легальность, а действительно пользуется действительно существующей в тех или иных узких рамках легальностью. Ваша же

легальная рабочая партия, или марксистское общество (как и «открытая рабочая партия» ликвидаторов, от которых *по сути дела* вы ровно ничем не отличаетесь) есть легалистская фантазия, не более того, ибо вы сами признаете, что никто их не разрешит, что *на деле* существовать легально эти якобы «легальные» общества не будут. Как у анархо-синдикалистов царит «революционная гимнастика», так у вас получается «гимнастика легалистская». Если у кадетов легально существует легально несуществующая партия, то причина лежит не в том, что кадеты овладели противоречивой формой, а в том, что *содержание* их работы ничего революционного в себе не заключает, никакой демократической организационной деятельности в массах не содержит. Содержание их работы есть либерально-монархическое, и самодержавие может разрешить, может терпеть такую политическую деятельность. Деятельность же марксистов среди рабочего класса самодержавие терпеть не может, и пытаться помочь делу переряживанием наивно. А ваше «легальное общество», как и «открытая рабочая партия» ликвидаторов, есть именно общество *псевдонимное,* есть игра в ряженых, ибо на деле вы рассчитываете на социал-демократов. Неясные, расплывчатые формулировки, которые вы выбираете для определения цели, платформы, тактики вашего «общества», есть прикрытие словесное, защита бумажная, есть та же легалистская гимнастика. Выступать в Думе, создавать *легальные* профессиональные союзы, действовать на легальных съездах наша партия должна, отрицание этого есть анархизм или интеллигентский нигилизм, и в признании *такого* рода деятельности заключается учет новых условий новой эпохи. Но *легальности для* политической деятельности быть еще не может (кроме, как для интеллигентских оппортунистов), ибо не завоеваны условия для такой легальности, а «вползать» в нее мечта тщетная. У немцев к 1871 году вполне создалась такая легальность, вполне завершилось буржуазное преобразование страны, вполне исчезли условия для непосредственно-революционного движения: в этих *объективных* условиях, а не в искусстве германских эсдеков лежит причина того, почему *могла* создаться *действительно* легальная, а не играющая в легальность, не занимающаяся «легалистской гимнастикой», социал-демократическая партия.

Списать у такой легальной партии те или иные легальные пункты программы, резолюции и т. п. и перенести такую «легальность» в Россию — наивная мечта, пустая забава, ибо вы не можете *перенести* в Россию германского завершения буржуазной революции, германской истории исчерпавшего себя демократизма, германской «революции сверху» 60-х годов, германской *фактической* легальности. Есть такие монархические страны, в которых легально существуют республиканские партии, и какова будет на деле русская легальность, когда завершатся буржуазные рево-

люции в России, когда сложится у нас столь же буржуазный уклад, как в Европе, это мы увидим после грядущих битв, это определится результатами этих битв. А современная задача социал-демократии — уметь готовиться и готовить массы к революции в особых условиях эпохи третьеиюньского режима.

Легальная партия рабочего класса, открытая рабочая партия в этих условиях — пустая фраза, в подкладке которой лежит *легализация...* группы оппортунистов-легалистов. *Такая* легализация «народных социалистов» есть факт. *Такая* легализация группы наших легальных, ликвидаторских журналистов есть факт. Не случайно, а необходимо, не по «ошибке» тех или иных ликвидаторов, а по социальному составу всех интеллигентски-ликвидаторских групп, к ним тяготеют и должны тяготеть оппортунистические элементы, питающие идеи об отречении от революции, об отказе от гегемонии. Отделить легалиста от этих людей можно *в благопожелании*, — на деле они не отделимы. Объективные условия переживаемой эпохи таковы, что легализация «энесов», легализация группы ликвидаторских литераторов возможны и неизбежны, а легализация рабочей партии — одни слова.

Нелегальная партия рабочего класса существует, и даже крайнее, самое крайнее ослабление ее и распад большинства ее организаций в наши дни не подрывает ее существования. Кружки и группы снова и снова возрождают революционное подполье. Вопрос сводится к тому, какая организованная сила, какая идейная традиция, какая партия способна влиять и будет влиять на открытые выступления рабочих депутатов в Думе, рабочих профессиональных союзов, рабочих клубов, рабочих делегатов разных легальных съездов: революционная — пролетарская партия, Р. С.-Д. Р. П. или оппортунистическая группа ликвидаторских литераторов. Вот *реальное* содержание «борьбы с ликвидаторством», вот объективная подпочва, создающая в этом конфликте пропасть между тем и другим противником. И никакие добрые желания, никакие словесные различения между легализмом и ликвидаторством не заполнят этой пропасти.

«Дискуссионный Листок» № 3, 12 мая (29 апреля) 1911 г.
Подпись: Б. В. Куприянов.

«СОЖАЛЕНИЕ» И «СТЫД».

Всякие кризисы вскрывают суть явлений или процессов, отметают прочь поверхностное, мелкое, внешнее, обнаруживают более глубокие основы происходящего. Возьмите, напр., такой наиболее обычный и наименее сложный кризис в области экономических явлений, каким является всякая стачка. Ничто так не обнаруживает действительных отношений между классами, действительную природу современного общества, подчинение силе *голода* громаднейшей массы населения, апелляцию имущего меньшинства к организованному насилию для поддержания своего господства. Возьмите торговые и промышленные кризисы: ничто не опровергает так наглядно всевозможные речи апологетов и апостолов «гармонии интересов», ничто не обнаруживает так рельефно весь механизм современного, капиталистического, уклада, всю «анархию производства», всю раздробленность производителей, всю войну каждого против всех и всех против каждого. Возьмите, наконец, такой кризис, как война: все политические и социальные учреждения подвергаются проверке и испытанию «огнем и мечем». Сила и слабость учреждений и порядков любого народа определяется исходом войны и последствиями ее. Сущность международных отношений при капитализме: открытый грабеж слабого — вскрывается с полной ясностью.

Значение нашего пресловутого «парламентского» кризиса состоит тоже в том, что он вскрыл *глубокие* противоречия всего общественного и политического уклада России. К сожалению, большинство участников и действующих лиц кризиса — частью сознательно, частью по недомыслию, или подчиняясь рутине и традиции — не только не ставят своей целью *объяснить* кризис, указать его настоящие причины и значение, а, напротив, изо всех сил затемняют его фразой, фразой и фразой. «Большой день» в III Думе, день прений со Столыпиным, 27 апреля, был большим днем «парламентского» празднословия. Но, как ни неумеренны были потоки фраз самого Столыпина, его друзей и его противников, а все же *затопить* сути дела им не удалось. И чем больше

органы ежедневной нашей печати отвлекают внимание читателя повторением либеральных фраз, деталями и юридическими формальностями, тем уместнее будет бросить еще раз общий взгляд на раскрывшуюся 27 апреля картину кризиса.

Основной мотив речи Столыпина — защита «прав короны» от всякого «умаления». «Значение 87 статьи — говорил Столыпин — определяет права короны и не может быть умалено без создания нежелательного прецедента». Столыпин восстает против «опорочения права верховной власти применять ст. 87 при чрезвычайных обстоятельствах, возникших до роспуска палат». «Это право неопровержимо» — заявил Столыпин, — «оно зиждется, основано на жизненных условиях». «Всякое другое толкование этого права неприемлемо, оно нарушало бы смысл и разум закона, оно сводило бы и право монарха применять чрезвычайные указы на нет».

Все это очень ясно и все это не фраза. Вопрос ставится цинично — «реалистически». Корона и попытки умаления... Если возникает спор, кому в последнем счете истолковывать смысл права, то решает этот спор сила. Все это очень ясно и все это не фраза.

Напротив, чистейшей фразой и жонглерством, юридическими фикциями были «пылкие, горячие, страстные, убежденные» упреки Маклакова: «к великому сожалению и к великому стыду» (отчет *Речи* 28 апр., стр. 4) я услышал-де несколько ссылок на корону. Маклаков от имени всего так называемого «конституционного центра» (т.-е. от имени кадетов и октябристов) защищает обычную фикцию конституционной монархии. Но кадетская или кадетско-октябристская «защита» сводится к пустой фразе. При чем тут сожаление и стыд, когда вопрос идет о силе? Желающая иметь конституцию буржуазия сожалеет о том, что корона не дает конституции, и «стыдится» этого. Корона «стыдится» того, чтобы ей могли навязать конституцию, рассматривая ее, как «умаление», «сожалея» о всех и всяческих, о каких бы то ни было, толкованиях какого бы то ни было закона, направленного к «умалению».

Две стороны. Два толкования права. Сожаления и стыд с обеих сторон. Разница лишь та, что одна сторона *только* «сожалеет и стыдится»; другая же сторона *не говорит* ни о сожалении, ни о стыде, а говорит о том, что умаление «неприемлемо».

Не ясно ли, что на самом деле «стыдиться» такого положения вещей, стыдиться своего бессилия надо именно господам Маклаковым, надо именно всей нашей кадетской и октябристской буржуазии? Уполномоченный совета объединенного дворянства цинично говорит о цинично созданном им кризисе, бросает вызов, кидает меч на весы. А либеральная буржуазия, точно купчишка, запуганный городничим, трусливо пятится и, пятясь, бормочет: я сожалею, мне стыдно... что вы меня так третируете!

«Я скажу, — распинается Маклаков, — что я конституционалист больше председателя совета министров» (воображаю, как смеялся про себя и у себя дома Столыпин по поводу этих слов: не в том дело, чтобы провозглашать себя конституционалистом, любезный, а в том, у *кого сила* определить, есть ли конституция и какова эта конституция!), «но монархист не меньше его». (Столыпин улыбается еще более удовлетворенно: то-то, сначала погрозил, а потом прощения просит! Ну, и вояка же этот Маклаков.) «Я считаю безумием создавать монархию там, где нет для нее корней, но точно таким же безумием отрицать ее там, где ее исторические корни крепки»...

Сначала погрозив, потом попросив прощения, теперь начинает приводить аргумент *в пользу* Столыпина. О, великолепный парламентарий либерализма! О, несравненный вождь, «конституционного» (lucus a non lucendo [91]): «конституционного» по случаю отсутствия конституции) центра, кадетско-октябристского центра!

«Председатель Совета Министров — гремит наш трибун «народной свободы» (читай: нашего исторического народного рабства) — еще может остаться у власти, его удержит у ней и боязнь той революции, которую его же агенты творят *(голоса справа: стыдно; шум)*... удержит и опасность создавать прецедент»!!

Повесть о том, как Иван Иванович стыдил Ивана Никифоровича, а Иван Никифорович стыдил Ивана Ивановича. Стыдно не соблюдать обычных норм конституционализма, говорит Иван Иванович Ивану Никифоровичу. Стыдно грозить революцией, которой сам боишься, в которую не веришь, которой не помогаешь, — говорит Иван Никифорович Ивану Ивановичу.

Как вы думаете, читатель, который из двух спорящих больше «пристыдил» другого?

Представитель «конституционного центра» Львов 1-й говорит после Гегечкори, который вполне правильно разъяснял, что либеральная пресса *неверно* представляет кризис в качестве «конституционного», что кадеты «устами своих ораторов поддерживали преступную иллюзию о конституционном центре», что для конституции не достает еще кое-какого движения (неловко было лишь у Гегечкори в конце речи упоминание об «анархии»: не то слово надо бы здесь сказать).

По речи Львова 1-го можно было одно время подумать, что даже некоторые помещики кое-что поняли из разъяснений Гегечкори. «То, что произошло, — говорит Львов 1-й, — действительно показывает, что у нас конституции нет, парламентаризма нет, но у нас и основных законов нет и вообще никакого организованного строя нет» (вот тебе раз! а существование помещиков разве не означает организованного помещичьего строя? язык ваш — враг ваш, господа из «конституционного центра»), «а есть лишь произвол» (это как раз и есть один из основных и существен-

нейших признаков организованного помещичьего строя) «и демагогия».

Под демагогией «прогрессивный» помещик Николай Николаевич Львов 1-й разумеет нечто самое такое неприятное. Слушайте дальше:

«И этой демагогией пользуются люди, стоящие у власти, для того, чтобы увеличить свое собственное влияние и свою власть. Этой демагогией будут пользоваться другие, которые хотят эту власть захватить»... (брр... какое возмутительное, какое безнравственное стремление! вот уж русские либеральные буржуа, как небо от земли, далеки от такого стремления. Это только на гнилом западе безнравственная буржуазия стремится к захвату власти и породила даже превратные учения, будто только буржуазная власть обеспечивает буржуазную конституцию. Мы, русские либералы, просвещены моральной, идеалистической проповедью Струве, Бердяева и К°, мы думаем поэтому, что власть должна остаться у Толмачевых, а наказы об истинно конституционном употреблении этой власти должны писаться Маклаковыми)... «для которых демагогия гораздо более близкий инструмент. Бойтесь этой демагогии, ибо ей будет все принесено в жертву: и ваше достоинство, и ваше достояние, и ваша честь, и гражданственность России».

Хорошо говорит «прогрессист» Николай Николаевич Львов 1-й. Насчет «достояния» он даже довольно ясно говорит: напр., если вчера у помещика было 10.000 десятин, а сегодня осталось 50 дес., то это означает, что 9.950 десятин «принесены в жертву» «демагогии». Это понятно. Это не фразы. Но вот насчет «достоинства» и «чести» дело не так ясно; хочет ли наш прогрессист сказать, что помещик может быть «достойным» и «честным» человеком лишь при обладании 10.000 десятин земли и что он обязательно станет недостойным и бесчестным, если потеряет из них 9.950 дес.? Или Львов 1-й хочет сказать, что достоинство и честь будут принесены в жертву демагогии, если не будет справедливой оценки, — ну, примерно, рублей, эдак, в 500 за десятину?

Насчет «гражданственности России» «прогрессист» Львов 1-й совсем не свел концов с концами. Если он сказал правду, что у нас нет ни конституции, ни парламентаризма, ни основных законов, — то, значит, у нас нет и гражданственности, а то, чего нет, нельзя и принести в жертву. Если Львов 1-й сказал правду, то, значит, наша гражданственность принесена в жертву нашему «организованному (помещичьему) строю». Не обмолвился ли наш «прогрессист»? Не хотел ли он сказать, что наш организованный помещичий строй будет принесен в жертву гражданственности России? Не хотел ли он именно такой, гипотетический, оборот событий назвать демагогией? не хотел ли он сказать, когда он говорил: «бойтесь этой демагогии», что большинство третьей Думы должно бояться этого гипотетического оборота событий?

Повесть о том, как Иван Иванович обвинял в демагогии Ивана Никифоровича, а Иван Никифорович Ивана Ивановича. Вы демагог, сказал Иван Иванович Ивану Никифоровичу, ибо вы стоите у власти и пользуетесь этим для увеличения своего собственного влияния и своей власти, причем ссылаетесь на национальные интересы населения. Нет, вы — демагог, сказал Иван Никифорович Ивану Ивановичу, ибо вы кричите громко в публичном месте, будто у нас только произвол и нет ни конституции, ни основных законов, причем намекаете довольно невежливо на какое-то принесение в жертву нашего достояния.

Кто кого изобличил в конце концов в демагогии, — неизвестно. Но известно, что, когда два вора дерутся, от этого всегда бывает некоторая польза.

«Звезда» № 21, 20 (7) мая 1911 г.
Подпись: В. Ильин.

К ИТОГАМ ДУМСКОЙ СЕССИИ.

«ВМЕСТЕ ДЕЛАЛИ».

В «историческом» заседании Думы 27 апреля г. Тесленко возражал г. Столыпину, между прочим, следующим образом:

«Председатель совета министров говорил Государственной Думе, — да, гг., я приду к вам на помощь в самом непродолжительном времени. Вот вы, наверное, устроите так со старообрядческим законом, что перед перерывом придется его отклонить, и тогда во время перерыва он будет проведен. Мне даже почудился в этом какой-то этакий фамильярный тон, какой-то такой тон, как будто бы здесь нам говорят: да мы с вами вместе это делали. И, гг., простите, если я невольно вспомнил ту сцену из «Ревизора», где городничий говорит: «А! вы на меня жаловаться?! А вспомните, как мы вместе с вами делали то-то и то-то». И, гг., я полагаю, что, может быть, те, кто раньше рассчитывал на эту помощь, кто, может быть, вперед на нее рассчитывает, я думаю, они должны были почувствовать себя неловко и, может быть, они подумали, и хорошо, если они подумали: избави нас бог от таких друзей, а с врагами мы справимся».

Г. Тесленко, как отмечал стенографический отчет, снискал себе за эти тирады «рукоплескания слева», — очевидно, из рядов фракции народной свободы. Кадеты усмотрели тут удачную иронию над октябристами. Но в этом случае, как и во многих других, они хлопали, не вдумавшись в глубокий смысл слов, вырвавшихся у их оратора. Они хлопали, думая, что эти слова колют только октябристов, компрометируют только этого их особенно ненавистного конкурента. Они не поняли, что удачное словечко г-на Тесленко, если серьезно разобрать его значение, есть правда, которая колет глаза и октябристам и кадетам. На этой правде стоит остановиться, потому что она касается одного из самых важных вопросов политической истории России за последние пять-шесть лет — и каких лет.

«Мы с вами вместе это делали» — хорошо сказано, г. Тесленко. Но, может быть, вернее будет выражаться: хорошо *повторено* то, что много раз говорилось на «левых» «митингах», к которым обыкновенно так пренебрежительно относятся господа

кадеты. «Мы с вами вместе это делали» — эти слова относятся вовсе не к одним только законопроектам третьей Думы, вовсе не к одной только пресловутой «вермишели». Они относятся ко *всему тому*, что «делали» с конца 1905 года «вместе» и гг. Столыпины и вся русская либеральная или либеральничавшая буржуазия. «Фамильярный тон» у г. Столыпина не только «почудился» кадетскому оратору: этот тон действительно свойственен всем речам Столыпина, всей политике Столыпиных по отношению к буржуазии (дающей, между прочим, в лице октябристских и кадетских депутатов, большинство депутатов третьей Думы).

Фамильярный тон — переходящий при всяком серьезном обороте событий в грубое третирование и даже насилие — вызывается тем, что не одни октябристы, но и кадеты только для красного словца, исключительно ради хлопка (это великолепно знают Столыпины) бросают такие фразы: «избави нас бог от таких друзей» (т.-е. от Столыпиных), «а с врагами» (т.-е., должно быть, и с правой реакцией и с левой... как бы это помягче сказать?.. «требовательностью») «мы сами справимся».

Не будь эти фразы только фразой, Россия была бы уже вполне и бесповоротно избавлена «от таких друзей». Но соль как раз в том, что кадеты бросают подобные фразы только в разгар «оппозиционных» выступлений — оппозиционно выступать с общегосударственной трибуны нельзя без какого-нибудь, хотя бы самого легкого, налета демократизма. Вот и срываются демократические заявления, которые так полезно сопоставлять с *делами* тех же кадетов. Историческая роль играющей в демократизм (или грозящей врагу справа демократизмом) буржуазии в том и состоит, что кое для кого из народных низов эта словесная «игра» служит иногда серьезную службу, пробуждает искреннюю и глубокую демократическую мысль. «Когда наверху играют на скрипке, внизу является желание потанцовать». Латинская пословица говорит: littera scripta manent — написанное не пропадает. И сказанное не всегда пропадает, даже если оно только ради фразы и эффекта сказано.

Отсюда не следует, конечно, что лицемерную фразу кадетов позволительно принимать за чистую монету, позволительно объявлять или считать демократизмом. Но отсюда следует, что всякой лицемерной фразой кадет в духе демократизма надо пользоваться, во-первых, для того, чтобы показать расхождение слова с делом у говорящего, а во-вторых, для того, чтобы показать настоящее, жизненное, непосредственное значение демократизма для тех «низов», до которых долетают эффектные фразы ораторов Таврического дворца.

Лицемерными приведенные выше рассуждения г-на Тесленко являются не потому, чтобы г. Тесленко лично лицемерил: он

мог просто увлечься потоком своего оппозиционного красноречия. Лицемерие здесь в том, что *слова* представителя партии к.-д. расходятся с *делами* этой партии во все серьезные моменты новейшей русской истории.

Припомните события в августе 1905 года. Что̀ делал в это время предшественник г. Столыпина? Налаживал Булыгинскую Думу и выборы в нее. Что̀ делал г. Тесленко и его единомышленники? Налаживали, в пределах своих сил и соответственно своей «специальности» общественной работы, те же выборы. «Мы с вами вместе это делали», вправе сказать г. Булыгин (и г. Столыпин) г-ну Тесленко. И г. Тесленко «делал вместе» именно потому, что побаивался остаться без тех из своих «друзей», о которых он теперь так величественно, так рыцарски храбро говорит: «избави нас бог от таких друзей»...

Припомните события четверть года спустя после издания закона о Булыгинской Думе. Что̀ делал тогда предшественник г. Столыпина? Он сопротивлялся, например, почтово-телеграфному движению и многочисленным разветвлениям аналогичных движений. Г. Тесленко или, по крайней мере, его партия в лице г. Струве, Караулова и других, сопротивлялась тому же самому движению по-своему. «Мы с вами вместе это делали», вправе сказать г. Витте (и г. Столыпин) гг. Тесленко. То же самое было 1 мая 1906 года по отношению к рабочему празднику, немного позже по отношению к «местным земельным комитетам», в 1907 году систематически и неуклонно по отношению к рабочим и крестьянским депутатам второй Думы и т. д., и т. п.

Известный кадетский писатель г. Изгоев в «Вехах» подвел правильный итог этой многолетней политике своей партии, написав: «Надо иметь, наконец, смелость сознаться, что в наших Государственных Думах огромное большинство депутатов, за исключением трех-четырех десятков кадетов и октябристов, не обнаружили знаний, с которыми можно было бы приступить к управлению и переустройству России» [95]).

«Смелое сознание» г-на Изгоева смело потому, что, отбросив все аппарансы и всякую дипломатию, автор обмолвился тут *правдой*. Кадеты действительно руководились «в наших Государственных Думах» тем помещичьим, буржуазным, либерально-монархическим «знанием», которым нельзя было удовлетворить «огромное большинство депутатов», особенно слева. И уж, конечно, разумеется само собой, что Столыпин боролся с этими последними депутатами, опираясь именно на «знания» (на интересы и точку зрения, вернее сказать) «трех-четырех десятков к.-д. и октябристов». «Мы с вами вместе это делали», боролись с неумелостью, неопытностью, невежественностью крестьян и рабочих, — вправе сказать г. Столыпин всей кадетской партии.

Главный итог думской сессии за текущий год состоит в том, что чрезмерная «фамильярность» Столыпина с большинством III Думы — и притом именно с буржуазным, октябристско-кадетским большинством ее — показалась не в терпеж даже этому долготерпеливому большинству. Старая власть фамильярно третирует буржуазию, которая чувствует очень хорошо свое значение в новых, в современных экономических условиях и вздыхает по самостоятельности, даже по власти. Эпизод с 87 статьей обнаружил эту фамильярность так резко и задел при этом коекого из сильных мира сего так невежливо, что самые долготерпеливые люди начали ворчать. Но дальше воркотни они не в силах идти. Они связаны по рукам и по ногам, и потому не могут идти дальше. Они связаны тем, что в течение всех последних лет, в самые важные моменты русской истории они боязливо отворачивались от широкого народного движения, враждебно сторонились от демократии — от настоящей, живой, действовавшей, массовой демократии — нападали на нее с тылу, как нападал на нее Столыпин. И, связанные этим, октябристы и кадеты терпят теперь казнь по заслугам; по сути дела им *нечего* возразить, когда фамильярно третирующий их Столыпин говорит им: если я враг демократии, то и вы, любезные, испугались ее, «мы с вами вместе это делали».

«Звезда» № 24, 10 июня (28 мая) 1911 г.
Подпись: В. Ильин

О СТАРЫХ, НО ВЕЧНО НОВЫХ ИСТИНАХ.

Происшествия, вызвавшие отсутствие рабочих делегатов на 2-ом съезде фабричных врачей в Москве, известны читателям из газет [26]). Мы не можем здесь останавливаться на подробном изложении этих происшествий и освещении их значения. Отметим лишь поучительные рассуждения «*Речи*» от 14-го апреля, т.-е. в день открытия съезда — в передовой статье, писанной накануне этих происшествий.

«К сожалению, — писал орган партии к.-д. — этому участию (участию представителей рабочих) ставятся внешние препятствия. Хорошо известно, какая судьба постигает некоторых слишком пламенных ораторов... В результате представителям рабочих хочется говорить о трудности для них сосредоточиться на специальных вопросах, о невозможности организовать правильное представительство на съезде, о препятствиях, чинимых их организациям, и о многом таком, что опять-таки далеко от программы съезда и обсуждение чего отвлекает от намеченных вопросов, а иногда и ведет к нежелательным последствиям. Сгущенной атмосферой объясняется и та нетерпимость, которую представители рабочих проявляли к «буржуазным» ораторам, ко всем мероприятиям правительства и к возможности сотрудничества с представителями других общественных групп».

Вся эта тирада — характерный образец бессильных воздыханий, бессилие которых объясняется не случайным составом или какими-либо особенностями данной либеральной партии, данного вопроса и т. п., а гораздо более глубокими причинами: объективными условиями, в которых поставлена либеральная буржуазия вообще в России XX века. Либеральная буржуазия вздыхает по таким «порядкам», когда бы она могла иметь перед собой рабочих, несклонных «ораторствовать слишком пламенно», достаточно «терпимых» к буржуазии, к идее *сотрудничества с буржуазией*, «*ко всем* мероприятиям правительства». Она вздыхает по таким порядкам, когда бы эти скромные «сотрудничающие» с нею рабочие могли «сосредоточиться

на специальных вопросах» социальной политики, скромно соглашаясь штопать тришкин кафтан буржуазного попечения о «меньшо̀м брате». Одним словом, русские либералы вздыхают по таким, приблизительно, порядкам, которые мы видим теперь в Англии или Франции *в отличие* от Пруссии. В Англии и во Франции буржуазия господствует полновластно и почти (за малыми исключениями) непосредственно, тогда как в Пруссии первенство за феодалами, за юнкерами, за монархическим милитаризмом. В Англии и во Франции буржуазия особенно часто, свободно и широко пользуется методом привлечения на свою сторону выходцев из пролетариата или изменников его делу (Джон Бернс, Бриан) в качестве «сотрудников», спокойно «сосредоточивающихся на специальных вопросах» и обучающих рабочий класс «терпимости» к господству капитала.

Не подлежит ни малейшему сомнению, что английские и французские порядки гораздо демократичнее прусских, гораздо благоприятнее для борьбы рабочего класса, гораздо выше стоят по степени отмирания учреждений средневековой старины, заслоняющих от него его главного и настоящего противника. Не подлежит поэтому ни малейшему сомнению, что в интересах русских рабочих поддержка всех стремлений к пересозданию нашей родины по типу более англо-французскому, чем прусскому. Но этим бесспорным выводом нельзя ограничиваться, как это слишком часто делают. Спорный вопрос или спорные (с демократами разного толка) вопросы здесь только и начинаются.

Поддержка стремлений нужна, но чтобы поддерживать слабого и качающегося, надо опирать его на что-либо более твердое, надо рассеивать иллюзии, мешающие видеть слабость, мешающие понять причины слабости. Тот, кто укрепляет такие иллюзии, кто присоединяется к бессильным воздыханиям бессильных, непоследовательных, шатких сторонников демократии, тот не поддерживает стремлений к буржуазному демократизму, а обессиливает эти стремления. Буржуазия в Англии и во Франции в свое время, в половине XVII века или в конце XVIII, не вздыхала по случаю «нетерпимости» меньшо̀го брата, не строила кислых гримас по поводу «слишком пламенных ораторов» из числа этого меньшо̀го брата, а сама поставляла ораторов (и не только ораторов) *самых* пламенных, будивших чувство презрения к проповеди «терпимости», к бессильным *воздыханиям*, к колебаниям и нерешительности. И из числа этих пламенных ораторов находились люди, в течение веков и веков оставшиеся светочами, учителями, несмотря на всю историческую ограниченность, зачастую наивность их тогдашних представлений о средствах избавления от всяческих бедствий.

Немецкая буржуазия тоже вздыхала, подобно русской, по поводу того, что у «меньшо̀го брата» ораторы «слишком пла-

менные»,—и в истории человечества она явила образец низости, подлости, лакейства, награжденного пинками «юнкерских» сапогов. Различие той и другой буржуазии объясняется, конечно, не «свойствами» разных «рас», а высотой экономического и политического развития, заставлявшего буржуазию бояться «меньшого брата», — заставлявшего буржуазию бессильно колебаться между осуждениями насилий феодализма и осуждением «нетерпимости» рабочих.

Старые все это истины. Но они вечно новы и остаются новыми, когда приходится читать в издании людей, желающих быть марксистами, такие строки:

«Неудача движения 1905—1906 г.г. была обусловлена не «крайностями» левых, ибо эти «крайности» сами, в свою очередь, обусловливались совокупностью целого ряда причин, не «предательством» буржуазии, которая повсюду на Западе «предавала» в соответственную минуту, а отсутствием оформленной буржуазной партии, которая могла бы встать у кормила правления на место пережившей себя власти бюрократии и которая была бы достаточно сильна экономически и достаточно демократична, чтобы иметь за собой поддержку народа». И несколькими строками ниже: ... «слабость городской буржуазной демократии,— которая должна была бы стать политическим центром притяжения для демократического крестьянства»... («Наша Заря» № 3, стр. 62, статья г. В. Левицкого)[97].

Г. В. Левицкий больше додумал до конца свое отрицание идеи «гегемонии» («центром притяжения *должна была бы стать* городская буржуазная демократия», а не иной кто!) или смелее, определеннее договаривает их до конца, чем г. Потресов, подчищавший свою статью в «Общественном движении» под влиянием ультиматумов Плеханова.

Г. В. Левицкий рассуждает вполне как либерал. Он — непоследовательный либерал, сколько бы марксистских слов им ни употреблялось. У него нет никакого представления о том, что «центром притяжения для демократического крестьянства» *должна была бы стать* совсем иная социальная категория, чем городская буржуазная демократия. Он забывает, что это «долженствование» *было* действительностью в течение крупных исторических периодов и Англии, и Франции, и России, — причем в последней стране периоды эти были крупны по значению, но малы по времени, а в первых двух странах большей частью демократическое, ультра демократическое, «слишком пламенное» плебейство объединяло разнородные элементы «низов».

Г. В. Левицкий забывает, что эти «низы» даже в те короткие периоды, когда им случалось в истории играть роль «центров притяжения для демократического крестьянства», когда им удавалось *вырвать* эту роль из рук либеральной буржуазии,

оказывали решающее влияние на то, *какую степень* демократизма получала страна в последующие десятилетия так называемого спокойного развития. Эти «низы» в короткие периоды *своей* гегемонии воспитывали свою буржуазию, переделывали ее так, что она потом старалась пятиться назад, но *не могла* в этом попятном движении зайти дальше, скажем, второй палаты во Франции или отступлений от демократизма выборов и т. д., и т. п.

Вот эта, историческим опытом *всех* европейских стран подтверждаемая, идея о том, что в эпохи буржуазных преобразований (или вернее: буржуазных революций) буржуазная демократия каждой страны оформливается так или иначе, принимает тот или иной вид, воспитывается в той или иной традиции, признает тот или другой минимум демократизма, смотря по тому, насколько *гегемония* переходит в решающие моменты национальной истории *не* к буржуазии, *а* к «низам», к «плебейству» XVIII века, к пролетариату XIX и XX веков, эта идея г-ну В. Левицкому чужда. Эта идея гегемонии и составляет одно из коренных положений марксизма, разрыв с которыми (или даже равнодушие к которым) у ликвидаторов является глубочайшим источником целого ряда непримиримых принципиальных разногласий с противниками ликвидаторства.

Каждая капиталистическая страна переживает эпоху буржуазных революций, когда складывается та или иная степень демократизма, тот или иной уклад конституционализма или парламентаризма, та или иная степень самостоятельности, независимости, свободолюбия и инициативности «низов» вообще, пролетариата в частности, та или иная традиция во всей государственной и общественной жизни. Какова будет эта степень демократизма и эта традиция, — зависит именно от того, будет ли гегемония в *решающие* моменты принадлежать буржуазии или ее антиподу, будет ли первая или последний (опять-таки в эти решающие моменты) «центром притяжения для демократического крестьянства» и для всех вообще демократических промежуточных групп и слоев.

Г. В. Левицкий мастер на блестящие формулировки, сразу резко и ясно вскрывающие идейные основы ликвидаторства. Такова его знаменитая формула: «*не* гегемония, *а* классовая партия», означающая в переводе на русский язык: не марксизм, а брентанизм (социал-либерализм). Столь же знаменитыми станут, наверное, две отмеченные здесь формулы: «центром притяжения для демократического крестьянства *должна была бы стать* городская буржуазная демократия» и «неудача обусловлена отсутствием оформленной буржуазной партии».

«Звезда» № 25 от 24 (11) июня 1911 г.
Подпись: В. Ильин

РЕЗОЛЮЦИЯ II ПАРИЖСКОЙ ГРУППЫ [98]) Р. С.-Д. Р. П. О ПОЛОЖЕНИИ ДЕЛ В ПАРТИИ.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Печатаемая ниже резолюция II Парижской Группы Р. С.-Д. Р. П., — группа эта состоит главным образом из большевиков, небольшого числа «впередовцев» и «примиренцев», — намечает основные положения платформы всех большевиков. В такое время, когда обостряется внутри-партийная борьба, особенно важно изложение взглядов *по существу* на коренные вопросы программы, тактики, организации. Люди, подобные Троцкому с его надутыми фразами о Р. С.-Д. Р. П. и с его раболепством пред ликвидаторами, не имеющими ничего общего с Р. С.-Д. Р. П., являются ныне «болезнью времени». Они хотят делать карьеру на дешевенькой проповеди «соглашения» — со всеми, с кем угодно, вплоть до г. Потресова и отзовистов! — причем, по необходимости, хранят полное молчание о политических условиях этого удивительного якобы-«соглашения». На деле это — проповедники *капитуляции* пред ликвидаторами, строителями столыпинской рабочей партии.

Все большевики должны сплотиться теперь теснее, укрепить свою фракцию, определить точнее и яснее партийную линию этой фракции, — в отличие от фракций, скрывающих так или иначе свое «лицо», — собрать разрозненные силы и идти в бой за Р. С.-Д. Р. Партию, очищенную от проводников буржуазного влияния на пролетариат.

Н. Ленин.

I.

Собрание II Парижской Группы Р. С.-Д. Р. П., обсудив положение дел в Р. С.-Д. Р. П. вообще и последние проявления разгоревшейся заграничной борьбы между социал-демократами и желающими причислять себя к социал-демократии,

считает необходимым прежде всего напомнить основное принципиальное положение, единогласно утвержденное последним (в январе 1910 г.) пленумом Ц. К. и определяющее характер

действительно социал-демократической работы. Это основное положение гласит, что «отрицание нелегальной с.-д. партии, принижение ее роли и значения, попытки укоротить программные и тактические задачи и лозунги революционной соц.-дем.» представляют из себя *проявление буржуазного влияния на пролетариат.* Лишь сознание опасности этого уклонения, равно как и всякого «отзовистского» или оправдывающего отзовизм идейно-политического течения, лишь работа, *на деле* преодолевающая эти уклонения, является *социал-демократической* работой.

Собрание констатирует далее, что заграничная редакция «Голоса Социал-Демократа» и группа ее сторонников, голосовцев, вопреки указанной единогласной резолюции пленума, вопреки торжественному обещанию представителей «Голоса» на пленуме *отречься* от ликвидаторства и бороться с ним, — в течение всех более чем полутора лет после пленума проводила именно эту *буржуазную* политику ликвидаторства, поддерживала, оправдывала и защищала такие органы русских, независимых от социал-демократии и от социализма, легалистов, как «Наша Заря», «Возрождение», «Дело Жизни» и пр. Деятели этих органов, как неоднократно признавал от имени партии Ц. О. ее, как признавали и партийные меньшевики с т. Плехановым во главе, *не имеют ничего общего с Р. С.-Д. Р. П.* Деятели этих органов не только принижают роль и значение нелегальной с.-д. партии, но прямо отрицают ее, ренегатски поносят «подполье», отрицают революционный характер деятельности и революционные задачи современного рабочего движения в России, обманывают рабочих, распространяя либерально-буржуазные идеи о «конституционном» характере назревающего кризиса, выбрасывают (а не только укорачивают) такие исконные лозунги революционного марксизма, как признание *гегемонии* рабочего класса в борьбе за социализм и за демократическую революцию. Проповедуя и строя так называемую ими легальную или «открытую» рабочую партию, эти люди на самом деле суть строители *столыпинской «рабочей» партии* и проводники буржуазного влияния на пролетариат, ибо в действительности проповедь этих людей полна буржуазным содержанием, а «открытая» рабочая партия при Столыпине означает не что иное, как открытое ренегатство людей, отрекающихся от задачи революционной борьбы масс с царским самодержавием, III Думой и всей столыпинщиной.

Собрание констатирует, что Заграничное Бюро Ц. К., долженствовавшее быть техническим его органом, подпало всецело под влияние ликвидаторов *).

---

*) Голосовец Игорев (достаточно разоблаченный и заклейменный партийным меньшевиком Плехановым) [89]) и бундовец Либер, ведущий прямую пропаганду в защиту г. Потресова и других деятелей столыпинской рабочей партии, являются руководителями этого З. Б. Ц. К.

Не исполнив в течение полутора года ни одного данного ему Ц. К. поручения (например, по объединению заграничных групп на основе признания и проведения решений пленума, или помощи местным организациям, или поручения добиться закрытия «Голоса» и прекращения фракционной обособленности группы «Вперед»), Заграничное Бюро прямо содействовало врагам социал-демократии, ликвидаторам.

В насмешку над партией, большинство З.Б.Ц.К. систематически *срывало*, начиная с декабря 1910 г., созыв пленума (обязательный по уставу). Семь недель Заграничное Бюро Центрального Комитета потратило на одно «голосование» вопроса о пленуме при первом заявленном большевиками требовании созвать этот пленум. В результате 7-недельного голосования З.Б.Ц.К. признало, что требование пленума со стороны большевиков «законно», но — вместе с тем пленум практически *сорвало*, как сорвало его и во второй раз в конце мая 1911 года. Фактическая роль *такого* Заграничного Бюро Центрального Комитета состояла в помощи из-за границы и изнутри центральных учреждений партии таким вождям легалистов и деятелям столыпинской рабочей партии, как Михаил, Юрий и Роман, объявившим вредным самое существование Ц. К. (№№ 12 и 21 — 22 Центрального Органа партии «*Социал-Демократ*» *)). Собрание констатирует, что занятие партийных должностей ликвидаторами есть прямой *обман* партии, ибо решения пленума ясно и недвусмысленно говорят о допущении на эти должности *таких* меньшевиков, которые *добросовестно* исполнят свое обещание об отречении от ликвидаторства и борьбе с ним **).

Собрание находит поэтому, что полный разрыв большевиков с З. Б. Ц. К., как учреждением, поставившим себя вне закона и вне партии, явился безусловно необходимым, и что совещание членов Ц. К. (см. его «Извещение»)[101]), представлявшее громадное большинство действительно работающих в России партийных с.-д. организаций, групп и кружков, вполне правильно признало, что З. Б. Ц. К... стало на путь антипартийной фракционной политики, нарушая при этом ясные и точные постановления пленума 1910 года.

Собрание постановляет отказаться от каких бы то ни было сношений с З. Б. Ц. К. и оказать поддержку решениям совещания членов Ц. К., наметившим ряд минимально-необходимых

*) См. XIV том Сочинений, ст. ««Голос» ликвидаторов против партии» и настоящий том, стр. 149 — 152. *Ред.*

**) Что касается до таких приемов борьбы заграничных ликвидаторов против Р. С.-Д. Р. П., как политический шантаж и поставка информации в охранку[100]), — чем занялся г. Мартов при помощи редакции «Голоса»,— то собрание клеймит презрением подобные произведения, на которые достаточно указать, чтобы вызвать отвращение к ним у всех порядочных людей.

мероприятий для парализования тормозящей всю партийную работу деятельности ликвидаторов, для созыва партийной конференции и восстановления силами местных работников нелегальных организаций и ячеек партии. Собрание призывает всех партийных товарищей на местах *немедленно* (согласно решению Совещания) взяться за подготовку конференции и выборы на нее, вступая для этого в регулярные сношения с Организационной Комиссией [102]), с Ц. О. и «Рабочей Газетой».

II.

Собрание обращает внимание с.-д. рабочих без различия фракций на то, что заграничные вожди группы «Вперед» и редактор «Правды» Троцкий ведут политику поддержки ликвидаторов и союза с ними против партии и против ее решений. Эта политика должна встретить тем более решительный отпор, что она, глубоко вредя интересам пролетариата, решительно расходится с деятельностью тех *русских* нелегальных с.-д. групп, которые, будучи связаны с «Правдой» или «Вперед», относятся безусловно лойяльно к решениям партии и повсюду отстаивают в упорной борьбе против ликвидаторов нелегальную Р. С.-Д. Р. П. с революционной программой.

Собрание в особенности предостерегает социал-демократических рабочих от того *обмана,* который систематически практикуют голосовцы, изображая всех деятелей легального движения противниками старой партии и сторонниками новой потресовской «открытой» партии. Так, в последнем листке, выпущенном «Голосом» [103]) от 25/VI (с извещением о «совещании» деятелей легального движения), редакция «Голоса» *скрыла,* что совещание *отвергло* предложение ликвидаторов бойкотировать одну легальную газету за ее антиликвидаторское направление. Так, редакция «Голоса» *скрыла,* что в том же совещании были *отклонены* открыто-легалистские и явно ренегатские резолюции, которые были предложены сторонниками «Голоса». Даже бундист, один из участников совещания, должен был там признать антипартийный характер предложений «потресовцев»[104]). Ряд деятелей открытого движения *уже* вступил на путь решительной борьбы со столыпинской «рабочей» партией. А при дружных усилиях всех партийцев число таких деятелей несомненно увеличится.

III.

В такое время, когда обостряется борьба социал-демократов с проводниками буржуазного влияния на пролетариат, все беспринципные элементы всегда направляют усилия к тому, чтобы заслонить великие принципиальные вопросы дешевенькой сенсацией

и скандальчиком, которые так усердно преподносятся заграничными голосовцами падкой до испорченной духовной пищи аудитории ликвидаторских собраний.

В такое время более, чем когда-либо, обязанность революционных марксистов напоминать всем и каждому *старые, забытые* ликвидаторами истины, составляющие основу нашей с.-д. работы.

Собрание напоминает поэтому всем членам Р. С.-Д. Р. П. о *программе* нашей партии, — программе, которая в эпоху усиления международного оппортунизма и назревания решительной борьбы его с революционной социал-демократией дала точную, ясную, непреклонно-твердую формулировку революционной *конечной цели* социализма, осуществимой лишь путем диктатуры пролетариата,— и революционных ближайших целей российской социал-демократии, свержения царизма и завоевания демократической республики. *Вся* проповедь наших легалистов и наших голосовцев показывает, что *на деле* они не только не разделяют, не проводят в жизнь нашей программы, а прямо защищают *реформизм* — это признали также партийные меньшевики (см. «Дневник Социал-Демократа» Плеханова и № 3 «Дискуссионного Листка»)[105]), — прямо отрекаются от революционных ближайших целей Р. С.-Д. Р. П.

Собрание напоминает всем членам Р. С.-Д. Р. П., что для того, чтобы быть партийцем *на деле,* недостаточно *называть* себя так, недостаточно вести пропаганду «*в духе*» программы Р. С.-Д. Р. П.,— необходимо еще вести *всю* практическую работу в согласии с *тактическими* решениями партии. В нашу контр-революционную эпоху, во время всеобщего ренегатства, отречения, уныния, — среди буржуазной интеллигенции особенно, — тактические решения партии одни только формулируют оценку переживаемого момента, оценку практической линии поведения с точки зрения принципов революционного марксизма. У действительной Р. С.-Д. Р. П., — а не той, именем которой для прикрытия ликвидаторства пользуются голосовцы, — *нет* иного партийного определения задач социал-демократии в переживаемую нами эпоху, кроме *тактических резолюций декабря 1908 г.*

Ликвидаторы, а частью и «впередовцы», замалчивают эти резолюции или ограничиваются беглыми замечаниями и выкриками *против* них именно потому, что они чувствуют в этих резолюциях ту *линию* работы, которая в корне отвергает и оппортунистические и полуанархистские шатания, — которая поднимает знамя революции вопреки всем и всяческого рода контр-революционным течениям, — которая *объясняет* экономические и политические особенности переживаемого момента, как новой полосы в буржуазном развитии России, — полосы, ведущей к революции, долженствующей решить старые задачи. Партиец тот, кто *на деле* ведет тактическую линию партии. А тактика партии, тактика

Р. С.-Д. Р. П. есть та и только та, которая изложена в декабрьских резолюциях 1908 года, сочетающих верность революционному знамени с учетом новых условий нашей эпохи. Прямым и непосредственным выводом, естественным продолжением и завершением декабрьских резолюций 1908 года, осуждающих ликвидаторство и безусловно требующих признания думской работы с.-д., а также использования легальных возможностей, являются резолюции *январского пленума 1910 года*, направленные против *проводников буржуазного влияния на пролетариат*. В наше время разброда и развала нередко встречаются люди, которые ссылкой на великий принцип единства пролетарской армии оправдывают беспринципные или мизерно-дипломатические попытки «объединения» или «сближения» с *проводниками буржуазного влияния на пролетариат*. Собрание самым категорическим образом осуждает и отвергает все такие попытки, от кого бы они ни исходили, и заявляет, что великое дело объединения и укрепления борющейся армии революционного пролетариата не может быть выполнено без полного размежевания, без беспощадной борьбы с теми, кто проводит буржуазное влияние на пролетариат.

Партиец тот, кто действительно помогает *строить* организацию, соответствующую с.-д. принципам. У партии, у Р. С.-Д. Р. П. нет другого, *партийного*, определения характера и задач организационной работы, кроме того, которое дано в резолюции по организационному вопросу декабря 1908 г., в резолюции январского пленума 1910 г. по тому же вопросу, в письме Ц. К., изданном тотчас после пленума. *Лишь* всесторонняя помощь воссозданию и укреплению *нелегальной* организации есть *партийная* работа, и лишь нелегальная Р. С.-Д. Р. П. может и должна окружать *себя* сетью легальных организаций, *использовать* всевозможные легальные организации, *направлять* в духе наших революционных принципов всю работу таких организаций. Кто не ведет на деле такой работы, кто участвует в контр-революционном вообще и либеральном в частности походе против «подполья», против нелегальной работы — тот *обманывает* рабочих, когда говорит о своей принадлежности к Р. С.-Д. Р. П.

Близятся выборы в IV Думу. Чем острее кризис заграничных партийных верхов, тем настоятельнее необходимость в инициативе местных с.-д. работников, тем строже должны они настаивать и *настоять* на том, чтобы работа выборов велась *действительно* партийным путем каждой группой, каждой ячейкой, каждым кружком рабочих. Кто до сих пор считает «отзовизм» «законным течением в нашей партии», тот всуе приемлет имя Р. С.-Д. Р. П. *Нельзя* вести партийной работы выборов в IV Думу, не отмежевываясь самым решительным образом от таких людей. Кто до сих пор толкует о выборах в IV Думу силами и средствами «легальных организаций», силами и средствами «откры-

той рабочей партии», кто не считается при этом на деле, не проводит в жизнь решений Р. С.-Д. Р. П. о нелегальной организации, о тактике, изложенной в резолюциях партии, — тот всуе приемлет имя Р. С.-Д. Р. П. Кто ведет работу по выборам, считаясь не с решениями Р. С.-Д. Р. П., а со статьями «Нашей Зари», «Голоса Социал-Демократа», «Дела Жизни», тот — строитель столыпинской «рабочей» партии, а не революционной с.-д. партии пролетариата.

На предстоящих выборах в IV Думу наша партия, прежде всего, преследует задачи социалистического просвещения масс и интересы массовой агитации в пользу осуществления революционно-демократического переворота силами пролетариата и революционной буржуазной демократии (прежде всего — революционного крестьянства).

В интересах этой пропаганды и агитации наша партия должна организовать *самостоятельное* выступление с.-д. на выборах и выставить своих партийных кандидатов не только в рабочей курии, но и повсюду среди городских и деревенских избирателей.

Вся агитация партии на выборах должна вестись на два фронта, т.-е.: *и* против правительства и открыто поддерживающих его партий, *и* против к.-д. партии контр-революционного либерализма.

Кандидатами партии могут выступать только люди, на деле проводящие всецело политику Р. С.-Д. Р. П., верные не только ее программе, но и ее тактическим резолюциям, и борющиеся против новой столыпинской «рабочей» партии.

По вопросу об избирательных соглашениях должны остаться в силе основные принципиальные указания Лондонского съезда партии и партийной конференции июля 1907 года.

Выборы в IV Думу должны быть проведены партийными группами рабочих, проведены в духе партийных решений и в строгом соответствии с ними.

Написано в июле (не позднее 3) 1911 г.
Напечатано в июле 1911 г. в Париже отдельным листком.

Печатается по тексту листка, сверенному с текстом, напечатанным в «Информационном Бюллетене Загр. Техн. Ком.» № 1.

ПРЕДИСЛОВИЕ К БРОШЮРЕ Ю. КАМЕНЕВА: «ДВЕ ПАРТИИ» [106]).

Брошюра тов. Каменева представляет из себя систематическую сводку материала, относящегося к той борьбе с ликвидаторством, которую вел в контр-революционную эпоху большевизм, а за ним и вся Р. С.-Д. Р. П. Вполне естественно, что выяснению принципиального расхождения социал-демократии с ликвидаторством посвящено у т. Каменева наибольшее место, как всего больше останавливались на этом в 1908—1911 г.г. «Пролетарий» и Ц. О. партии, «Социал-Демократ».

Тов. Каменев вполне доказал, что группа ликвидаторов *на деле* есть особая партия, не Р. С.-Д. Р. Партия. Его доказательства суммируют опыт преимущественно 1909—1911 годов,— опыт, подтвердивший декабрьскую резолюцию 1908 года. В этой резолюции, предложенной и проведенной от имени Р. С.-Д. Р. П. большевиками, было уже заявлено, что ликвидаторы *стремятся «заменить»* Р. С.-Д. Р. П. «бесформенным» легальным объединением. Теперь это бесформенное легальное объединение гг. Потресова, Ларина, Левицкого и К° (с хвостом из гг. Мартова и голосовцев за границей) уже вполне показало себя. Это — не имеющая ничего общего с Р. С.-Д. Р. П. группа литераторов, ведущая не социал-демократическую, а либеральную рабочую политику. Это — деятели *столыпинской* «рабочей» партии.

Переход от марксизма к либерализму и притом самый быстрый, иногда самый «неожиданный» переход — специфическая особенность России конца XIX и начала XX веков. «Экономисты» и «Credo» *) — г. Струве и К° — гг. ликвидаторы, это всё ступеньки одной лестницы, этапы одной эволюции, проявления одинаковой тенденции. Рабочая партия в России начала складываться незадолго до революции 1905 г.; эта партия перестраивается — отчасти строится заново, на более солидном фундаменте — в эпоху контр-революции. Буржуазная интеллигенция,

---

*) — символ веры. *Ред.*

влекомая к революции сознанием того, что Россия не пережила еще эпохи демократических переворотов, примыкает к пролетариату группа за группой — и группа за группой отходит снова от него, убедившись на опыте, что революционный марксизм ей не по плечу, что ее настоящее место *вне* с.-д. партии. Таковы и наши ликвидаторы, из которых часть уже вполне ясно, прямо и откровенно говорят о создаваемой ими *новой* партии.

И отзовизм, и ликвидаторство, будучи сходны тем, что оба представляют несоциал-демократические, буржуазные течения, различаются существенно судьбой своего политического развития. Отзовизм во-время был обессилен большевизмом и не дошел до попыток создать свою партию; он остался теперь ничтожной заграничной группкой, деятельность которой свелась к помощи ликвидаторам в интригах и борьбе против Р.С.-Д.Р.П. Напротив, ликвидаторство центр свой (в политическом смысле прежде всего, в организационном впоследствии) имеет в России; оно создало *особую*, хотя и бесформенную (пока бесформенную) партию — вот почему тов. Каменеву пришлось так обстоятельно говорить о ликвидаторстве и лишь вскользь об отзовизме.

Среди сторонников Р.С.-Д.Р.П. людей, способных искренне защищать ликвидаторство, немного *). Но не мало еще, к сожалению, людей, искренно враждебных ликвидаторству *и не понимающих* условий борьбы с ним. Конечно, говорят такие люди, ликвидаторство есть буржуазное течение среди с.-д., но отчего бы не бороться с ним в рядах единой партии, как борются с бернштейниадой немцы? Отчего бы не попытать «соглашения» с ликвидаторами?

Наши «соглашатели» не понимают очень важной и очень простой вещи: ликвидаторы не только оппортунисты (подобно Бернштейну и К°), они, кроме того, строят *особую* партию, они объявили своим лозунгом *несуществование* Р.С.-Д.Р.П., они *ни в чем* не считаются с решениями Р.С.-Д.Р.П. Вот в чем отличие от «Европы», ссылаться на которую могут лишь непродумавшие вопроса или незнающие русских условий люди. В Европе ни одного оппортуниста, который бы сделал против своей партии, против ее решений десятую долю того, что сделали и делают

*) Понятно, что об искренности заграничных голосовцев говорить было бы смешно. Это — специалисты по части шантажа и клеветы, руководимой гг. Мартовыми. Решение Каутского, Меринга и Цеткиной отдать спорные деньги *не* в З.Б.Ц.Б., *а* в Техническую Комиссию (см. листок Организационной Комиссии от 1 августа 1911 г.[107])) есть полное признание правоты тов. Александрова и всех большевиков (*вполне* солидарных с Александровым), есть полное осуждение грязного клеветничества гг. Мартова, Дана, Мартынова и Аксельрода. Обращаем также внимание читателей на напечатанное в «Приложении» письмо т. Виктора [108]), показывающее, до каких мерзких приемов опускаются в борьбе с политическими противниками г. Мартов и его пособники.

гг. Потресовы, Игоревы, Беры, Мартовы, Даны и К⁰, не потерпели бы ни одного месяца в рядах партии. В Европе партии открытые, и сразу видно, принадлежит ли человек к организации, подчиняется ли ей.

У нас партия нелегальна. Нельзя «видеть» и нельзя (если не быть помощником охранки) открыто говорить о том, принадлежат ли к организации X, Y, Z. Но что гг. Потресовы и К⁰ к организации *не* принадлежат и на *все* ее решения *плюют*,— совершенно так же, как и голосовцы,— это факт. Как же можно «соглашаться» с гг. Потресовыми, доказавшими, что *для них* партия *не существует?*— с гг. Мартовыми и Данами, доказавшими то же самое? *О чем* можно соглашаться с ликвидаторами, кроме как об уничтожении Р.С.-Д.Р.П.?

Пусть попробуют «соглашатели» указать *условия* соглашения с ликвидаторами, *средства* контроля за выполнением условий, *факты*, доказывающие выполнение их. Ни того, ни другого, ни третьего указать *нельзя*. А потому не подлежит сомнению, что речи о «соглашении» — пустые и неумные речи. Помогают эти речи только интригам заграничных кружков (вроде кружков впередовцев, голосовцев, троцкистов), вполне доказавших, что на решения партии они плюют, *ни в чем* не ограничивая своей «свободы» в поддержке ликвидаторов.

А в России нелегальные кружки рабочих отмежевались и с каждым днем все больше отмежевываются от ликвидаторов, строя медленно и трудно революционную Р.С.-Д.Р.П. Помогать этим кружкам, проводить на деле решения Р.С.-Д.Р.П., отказаться от игры в соглашения с заграничными пустышками (голосовцы — сильнейшая из заграничных групп, и это сплошь пустышка) — такова задача сторонников *С.-Д.* Рабочей Партии. Борьба за партию есть партийность. Разговоры о «соглашении» со строящими несоциал-демократическую партию ликвидаторами есть преступление против долга партийности.

2 августа 1911 г.

P. S. Необходимо добавить, что данный в «Приложении» разбор «обвинений» против Большевистского Центра представляет наше коллективное мнение и обработан на основании материалов и документов, имеющихся в распоряжении Б.Ц.,— а также на основании сведений товарищей из Б.Ц., лично ведших те или другие дела последнего.

Напечатано в августе 1911 г. в брошюре: Ю. Каменев. «Две партии». Париж. Изд. ред. «Рабочей Газеты».
Подпись: Н. Ленин.

Печатается по тексту брошюры.

РЕФОРМИЗМ В РУССКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ.

Громадный прогресс капитализма за последние десятилетия и быстрый рост рабочего движения во всех цивилизованных странах внесли большой сдвиг в прежнее отношение буржуазии к пролетариату. Вместо открытой, принципиальной, прямой борьбы со всеми основными положениями социализма во имя полной неприкосновенности частной собственности и свободы конкуренции, — буржуазия Европы и Америки, в лице своих идеологов и политических деятелей, все чаще выступает с защитой так называемых социальных реформ против идеи социальной революции. Не либерализм против социализма, а реформизм против социалистической революции — вот формула современной «передовой», образованной буржуазии. И чем выше развитие капитализма в данной стране, чем чище господство буржуазии, чем больше политической свободы, тем шире область применения «новейшего» буржуазного лозунга: реформы *против* революции, частичное штопанье гибнущего режима в интересах разделения и ослабления рабочего класса, в интересах удержания власти буржуазии *против* революционного ниспровержения этой власти.

С точки зрения всемирного развития социализма в указанном сдвиге нельзя не видеть крупного шага вперед. Сначала социализм боролся за существование, и против него стояла верящая в свои силы буржуазия, смело и последовательно защищавшая либерализм, как цельную систему экономических и политических воззрений. Социализм вырос, он уже отстоял во всем цивилизованном мире свое право на существование, он борется теперь *за власть*, и буржуазия, разлагающаяся, видящая неизбежность гибели, напрягает все силы, чтобы ценою половинчатых и лицемерных уступок оттянуть эту гибель, сохранить за собой власть и при новых условиях.

Обострение борьбы реформизма с революционной социал-демократией *внутри* рабочего движения есть совершенно неизбежный результат указанных изменений во всей экономической и

политической обстановке всех цивилизованных стран мира. Рост рабочего движения неизбежно привлекает в число его сторонников известное количество мелкобуржуазных элементов, порабощенных буржуазной идеологией, с трудом освобождающихся от нее, постоянно впадающих в нее снова и снова. Социальную революцию пролетариата нельзя себе и представить без этой борьбы, без ясной принципиальной размежовки социалистической «Горы» и социалистической «Жиронды» *перед* этой революцией,— без полного разрыва оппортунистических, мелкобуржуазных, и пролетарских, революционных, элементов новой исторической силы *во время* этой революции.

В России дело не меняется по существу, но усложняется, затушевывается, модифицируется вследствие того, что мы отстали от Европы (и даже от передовой части Азии), мы переживаем еще эпоху буржуазных революций. От этого русский реформизм отличается особенно упорным характером, представляет из себя болезнь более, так сказать, злокачественную, приносит гораздо больше вреда делу пролетариата и делу революции. У нас реформизм течет одновременно из двух источников. Во-первых, Россия гораздо более мелкобуржуазная страна, чем страны западно-европейские. У нас поэтому особенно часто появляются люди, группы, течения, отличающиеся тем противоречивым, нетвердым, колеблющимся отношением к социализму (то «пылкая любовь», то подлая измена), которое свойственно всякой мелкой буржуазии. У нас, во-2-х, массы мелкой буржуазии всего легче, всего быстрее падают духом и поддаются ренегатскому настроению при каждой неудаче *одной* из фаз нашей буржуазной революции, всего скорее отрекаются от задачи полного демократического переворота, очищающего Россию целиком от всех пережитков средневековья и крепостничества.

Не будем останавливаться подробно на первом источнике. Напомним только, что не найдется, наверное, ни единой страны в мире, где бы так быстро происходили «повороты» от сочувствия социализму к сочувствию контр-революционному либерализму, как у наших господ Струве, Изгоевых, Карауловых и т. д., и т. п. А ведь эти господа — не исключения, не одиночки, а представители широко распространенных течений! Прекраснодушные люди, которых много вне рядов социал-демократии, но не мало также внутри ее, и которые любят говорить проповеди против «чрезмерной» полемики, «страсти к размежеваниям» и т. д., обнаруживают полное непонимание того, какие исторические условия порождают в России «чрезмерную» «страсть» к скачкам от социализма к либерализму.

Перейдем ко второму источнику реформизма в России.

Буржуазная революция у нас не закончена. Самодержавие *пытается* по-новому решить завещанные ею и навязываемые

всем объективным ходом экономического развития задачи, *но оно не может их решить*. Ни новый шаг по пути превращения старого царизма в подновленную буржуазную монархию, ни организация в национальном масштабе дворян и верхов буржуазии (III Дума), ни буржуазная аграрная политика, проводимая земскими начальниками, — все эти «крайние» меры, все эти «последние» усилия царизма на *последней* оставшейся ему арене, арене приспособления к буржуазному развитию, оказываются недостаточными. Не выходит и так! Не только японцев не может догнать «обновляемая» *таким* способом Россия, но даже и от Китая, пожалуй, она начинает отставать. Революционный кризис на почве неразрешенных буржуазно-демократических задач остается неизбежным. Он назревает снова, мы идем опять навстречу к нему, идем по новому, *не так*, как прежде, не тем темпом, не в старых только формах, но идем несомненно.

Задачи пролетариата вытекают из такого положения с полнейшей, неуклонной определенностью. Как единственный до конца революционный класс современного общества, он должен быть руководителем, гегемоном в борьбе всего народа за полный демократический переворот, в борьбе *всех* трудящихся и эксплуатируемых против угнетателей и эксплуататоров. Пролетариат революционен лишь постольку, поскольку он сознает и проводит в жизнь эту идею гегемонии. Пролетарий, сознавший эту задачу, есть раб, восставший против рабства. Пролетарий, не сознающий идеи гегемонии своего класса, или отрекающийся от этой идеи, есть раб, не понимающий своего рабского положения; в лучшем случае это — раб, борющийся за улучшение своего рабского положения, *а не* за свержение рабства.

Понятно отсюда, что знаменитая формула одного из молодых главарей нашего реформизма, г. Левицкого из «Нашей Зари», объявившего, что русская социал-демократия должна быть «*не* гегемонией, *а* классовой партией», есть формула самого последовательного реформизма. Мало того. Это — формула полного ренегатства. Сказать: «*не* гегемония, *а* классовая партия» значит перейти на сторону буржуазии, на сторону либерала, который говорит рабу нашей эпохи, наемному рабочему: борись за улучшение своего положения как раба, но считай вредной утопией мысль о свержении рабства! Сравните знаменитую формулу Бернштейна: «движение — всё, конечная цель — ничто» с формулой Левицкого, и вы увидите, что это — варианты одной и той же идеи. В обоих случаях это признание *только* реформ и отрицание революции. Формула Бернштейна шире, ибо она имеет в виду социалистическую революцию (= конечную цель с.-д., как партии буржуазного общества). Формула Левицкого у́же, ибо, будучи отречением от революции вообще, она специально рассчитана на отречение от того, что было всего более не-

навистно либералам в 1905—7 г.г., именно, что пролетариат *вырвал* у либералов руководство народными массами (и особенно крестьянством) в борьбе за полный демократический переворот.

Проповедывать рабочим, что им нужна «*не* гегемония, *а* классовая партия», значит предавать либералам дело пролетариата, значит проповедывать замену *социал-демократической* рабочей политики *либеральной* рабочей политикой.

Но отречение от идеи гегемонии есть самый грубый вид реформизма в русской социал-демократии, и потому не все ликвидаторы решаются высказывать прямо свои мысли в столь определенной форме. Некоторые из них (вроде г. Мартова) пытаются даже, в насмешку над истиной, отрицать связь между отказом от гегемонии и ликвидаторством.

Более «тонкой» попыткой «обосновать» реформистские взгляды является такое рассуждение: буржуазная революция в России закончена; после 1905 года второй буржуазной революции, второй общенациональной борьбы за демократический переворот быть не может; России предстоит поэтому *не* революционный, а «конституционный» кризис, и рабочему классу остается лишь позаботиться об отстаиваньи своих прав и интересов на почве этого «конституционного кризиса». Так рассуждает ликвидатор Ю. Ларин в «Деле Жизни» (а раньше в «Возрождении»)[109].

«Октябрь 1905 г. не стоит на очереди»,—писал г. Ларин. «Упразднив Думу, восстановили бы ее еще скорее, чем послереволюционная Австрия, упразднившая конституцию в 1851 г., чтобы вновь признать ее в 1860 г., через 9 лет, без всякой революции» (это заметьте!), «просто в силу интересов перестроившей на капиталистическую ногу свое хозяйство влиятельнейшей части господствующих классов». «На переживаемой нами стадии невозможно *общенациональное* революционное движение, имевшее место в 1905 г.».

Все эти рассуждения г. Ларина представляют из себя не что иное, как распространенный пересказ слов г. Дана, сказанных им на декабрьской конференции Р. С.-Д. Р. П. в 1908 г. Против резолюции, говорящей, что «*основные* факторы экономической и политической жизни, вызвавшие революцию 1905 г., *продолжают действовать*», что нарастает снова кризис именно *революционный*, а не «конституционный»,—против этой резолюции редактор «Голоса» ликвидаторов воскликнул: «они» «(т.-е. Р. С.-Д. Р. П.)» «хотят переть туда, где были раз разбиты».

Опять «переть» к революции, работать неустанно, и в изменившейся обстановке, над проповедью революции, над подготовкой сил рабочего класса к революции,—вот в чем главное преступление Р. С.-Д. Р. П., вот в чем *вина* революционного пролетариата с точки зрения реформистов. Не к чему «переть туда, где были

раз разбиты» — вот мудрость ренегатов и людей, падающих духом после всякого поражения.

Но революционный пролетариат в странах, более старых и более «опытных», чем Россия, умел дважды, трижды и четырежды «переть туда, где был раз разбит», умел (как во Франции) *четыре раза* с 1789 по 1871 год совершать революции, подниматься снова и снова на борьбу после самых тяжелых поражений и завоевать себе республику, в которой он стоит лицом к лицу перед своим *последним* врагом — передовой буржуазией; — республику, которая одна только может быть формой государства, соответствующей условиям окончательной борьбы за победу социализма.

Таково различие между социалистами и либералами, т.-е. сторонниками буржуазии. Социалисты учат, что революция неизбежна и что пролетариат должен использовать *все* противоречия в общественной жизни, всякую слабость его врагов или промежуточных слоев для подготовки новой революционной борьбы, для повторения революции на более широкой арене, при условиях большей развитости населения. Буржуазия и либералы учат, что революции не нужны и вредны рабочим, которые не должны «переть» к революции, а должны, как пай-мальчики, скромненько работать над реформами.

Поэтому реформисты — пленники буржуазных идей — и ссылаются *постоянно*, для отвлечения русских рабочих *от* социализма, на пример *именно* Австрии (а также Пруссии) 60-х годов. Почему излюблены ими эти примеры? Ю. Ларин выболтал тайну: потому, что в этих странах, после «неудачной» революции 1848 г., буржуазное преобразование страны было завершено «*без всякой революции*».

Вот в чем гвоздь! Вот что наполняет радостью сердца. Значит, возможно буржуазное преобразование *без* революции!! а если так, то к чему же нам, русским, утруждать себя мыслью о революции? почему и нам не предоставить помещикам и фабрикантам произвести «без всякой революции» буржуазного преобразования России!?

Слабость пролетариата в Пруссии и Австрии была причиной того, что он не мог помешать аграриям и буржуазии совершить преобразование *вопреки* интересам рабочих, *в самой невыгодной* для рабочих форме, с сохранением и монархии, и привилегий дворянства, и бесправия в деревне, и массы других остатков средневековья.

Русские реформисты — после того, как наш пролетариат в 1905 г. проявил силу, невиданную еще ни в одной буржуазной революции Запада, — берут примеры слабости рабочего класса в других странах, 40 и 50 лет тому назад, чтобы оправдать *свое* ренегатство, чтобы «обосновать» *свою* ренегатскую проповедь!

Ссылка на Австрию и Пруссию 60-х годов, излюбленная нашими реформистами, есть лучший пример, доказывающий

теоретическую несостоятельность их рассуждений и их практически-политический переход на сторону буржуазии.

В самом деле, если Австрия восстановляла упраздненную после поражения революции 1848 г. конституцию, если в Пруссии наступила «эра кризиса» в 60-х годах, то что это доказывает? Прежде всего, что буржуазное преобразование этих стран не было завершено. Говорить, что в России власть *уже* переродилась в буржуазную (как говорит Ларин), что о крепостническом характере власти у нас теперь нечего и говорить (см. у того же Ларина) — и вместе с тем ссылаться на Австрию и Пруссию значит побивать самого себя! Вообще говоря, отрицать, что буржуазное преобразование России не закончено, было бы смешно: даже политика буржуазных партий к.-д. и октябристов доказывает это яснее ясного, и Ларин сам (как увидим ниже) сдает свою позицию. Несомненно, что монархия делает еще шаг по пути приспособления к буржуазному развитию, как мы уже сказали и как признала резолюция партии (декабрь 1908 г.), — но еще более несомненно, что *даже* это приспособление, *даже* буржуазная реакция, и III Дума, и аграрный закон 9.XI.06 (14.VI.10) *не* решают задач буржуазного преобразования России.

Пойдем дальше. Почему «кризисы» в Австрии и в Пруссии в 60-х г.г. *оказались* «конституционными», а не революционными кризисами? Потому, что ряд особых обстоятельств облегчил трудное положение монархии («революция сверху» в Германии, объединение ее «железом и кровью»), потому, что пролетариат названных стран был тогда еще крайне, крайне слаб и неразвит, а либеральная буржуазия отличалась такой же подлой трусостью и изменами, как и русские кадеты.

Чтобы иллюстрировать оценку такого положения вещей самими немецкими с.-д., из числа переживших эту эпоху, приведем некоторые отзывы Бебеля, выпустившего в прошлом году первую часть своих «Воспоминаний»[110]. Про 1862 год, год «конституционного» кризиса в Пруссии, Бисмарк рассказывал, — как стало известно впоследствии, — что король находился тогда в самом угнетенном состоянии и плакался ему, Бисмарку, по поводу грозящего им обоим эшафота. Бисмарк пристыдил труса и убедил его не бояться борьбы.

«Эти события показывают, — говорит Бебель по этому поводу — чего могли бы достигнуть либералы, если бы они умели использовать положение. Но они боялись уже рабочих, стоящих позади них. Слова Бисмарка: «если меня доведут до крайности, я подниму Ахерон» (т.-е. подниму на народное движение низы, массы) «нагнали на либералов бесконечный страх».

Вождь германских с.-д., полвека спустя после «конституционного» кризиса, который «без всякой революции» завершил преобразование его страны в буржуазно-юнкерскую монархию,

указывает на *революционность* тогдашнего положения, не использованного либералами из боязни рабочих. Вожди русских реформистов говорят русским рабочим: если немецкая буржуазия была так подла, что струсила перед струсившим королем, то почему же нам *тоже* не попробовать повторить эту прекрасную тактику немецкой буржуазии? Бебель обвиняет буржуазию, ее эксплуататорскую боязнь народного движения, — за то, что «конституционный» кризис не был ею «использован» для революции. Ларин и К⁰ обвиняют русских рабочих в том, что они стремились к гегемонии (т.-е. к вовлечению масс в революцию вопреки либералам), и советуют им организоваться «*не* для революции», *а* «для защиты своих интересов при предстоящем конституционном обновлении России». Гнилые взгляды гнилого немецкого либерализма преподносятся ликвидаторами русским рабочим под видом взглядов «социал-демократических»! Ну, как же не назвать таких с.-д. столыпинскими социал-демократами?

Оценивая «конституционный» кризис 60-х годов в Пруссии, Бебель не ограничивается указанием на то, что, боясь рабочих, буржуазия боялась борьбы с монархией. Он указывает также на то, что делалось тогда в рабочей среде. «Невыносимость политического положения — говорит он — становившаяся все более и более ясной для рабочих, отражалась, естественно, на их настроении. Все требовали перемен. Но так как не было налицо руководящих элементов, вполне сознательных, ясно видящих цель, к которой надо стремиться, и пользующихся доверием, так как не было крепкой организации, сплачивающей силы, то настроение пропало даром (verpuffte). Никогда движение, великолепное по своей сущности (in Kern vortreffliche), не оканчивалось более безрезультатно. Все собрания были переполнены, и кто говорил всех резче, тот становился героем дня. Это настроение господствовало в особенности в Лейпцигском рабочем обществе самообразования». На собрании в 5.000 человек в Лейпциге 8 мая 1866 г. была единогласно принята резолюция Либкнехта и Бебеля, требовавшая созыва на основе всеобщего, прямого, равного, тайного голосования парламента, поддерживаемого всеобщим народным вооружением, и высказывавшая «ожидание, что немецкий народ будет выбирать в депутаты лишь таких людей, которые отвергают всякую наследственную центральную власть». Резолюция Либкнехта и Бебеля была, следовательно, вполне определенного республиканского и революционного характера.

Итак, *вождь германских с.-д.* во время «конституционного» кризиса проводит на массовых собраниях резолюции республиканского и революционного характера. Полвека спустя, вспоминая свою юность, рассказывая новому поколению о делах давно минувших дней, он всего более подчеркивает сожаление о том, что не было налицо достаточно сознательных и понимающих

революционные задачи руководящих элементов (*т.-е. не было революционной с.-д. партии, понимающей задачи гегемонии*), что не было сильной организации, что «пропало даром» революционное настроение. А вожди русских реформистов, с глубокомыслием Иванушек, ссылаются на Австрию и Пруссию 60-х г.г., в доказательство того, что возможно вот обойтись «без всякой революции»! И эти филистерские душонки, поддавшиеся контрреволюционному угару, идейно порабощенные либерализмом, смеют еще позорить имя Р. С.-Д. Р. П.!

Разумеется, среди реформистов, разрывающих с социализмом, есть люди, которые искренний оппортунизм Ларина заменяют дипломатией вокруг да около важнейших принципиальных вопросов рабочего движения. Такие люди запутывают суть дела, засоряют идейные споры, загрязняют их, как, напр., г. Мартов, пытавшийся утверждать в легальной печати (т.-е. защищенный Столыпиным от прямого выступления членов Р. С.-Д. Р. П.), будто Ларин и «правоверные большевики в резолюциях 1908 г.» дают *одинаковую* «схему». Это — простое извращение истины, достойное автора грязных произведений. Тот же Мартов, якобы споря с Лариным, заявлял печатно, что «он, разумеется, не подозревает Ларина в реформистских тенденциях». Излагающего *чисто* реформистские взгляды Ларина Мартов *не подозревает* в реформизме!! — образец уловок дипломатов реформизма *). Тот же Мартов, которого некоторые простачки принимают за более «левого», более надежного революционера, чем Ларина, резюмировал следующим образом свои «разногласия» с Лариным:

«Резюмирую. Для теоретического обоснования и политического оправдания того, что сейчас делают оставшиеся верными марксизму меньшевики, вполне достаточно того факта, что современный режим представляет собой внутренне противоречивое сочетание абсолютизма с конституционализмом и что русский рабочий класс созрел для того, чтобы, подобно рабочим передовых стран Запада, ухватить этот режим за Ахиллесову пяту этих противоречий».

Как ни увертывался Мартов, но первая же попытка подвести резюме привела к тому, что все увертки рушились сами собой. Приведенные нами слова есть полное отречение от социализма и подмена его либерализмом. «Вполне достаточным» объявляет Мартов то, что достаточно *только* для либералов, *только для* буржуазии. Пролетарий, который находит «вполне достаточным» признать противоречивость сочетания абсолютизма с конституционализмом, стоит на точке зрения *либеральной рабочей* политики. Он *не* социалист, он *не* понял задач своего *класса*, состоящих в том, чтобы против абсолютизма во всех

*) Ср. верные замечания о реформизме Ларина и увертках Мартова у партийного меньшевика Дневницкого в № 3 «Дискуссионного Листка» (приложение к Ц. О. нашей партии) [111].

его формах поднять массы народа, массы трудящихся и эксплуатируемых на *самостоятельное* вмешательство в исторические судьбы страны вопреки шатаниям или противодействию буржуазии. А самостоятельное историческое действие масс, вырывающихся из-под гегемонии буржуазии, превращает «конституционный» кризис в *революцию.* Буржуазия (особенно после 1905 г.) боится революции и ненавидит ее, пролетариат воспитывает народные массы в преданности идее революции, разъясняет ее задачи, подготовляет массы к новым и новым революционным битвам. Наступает ли революция, когда, в какой обстановке, это не зависит от воли того или другого класса, но революционная работа в массах не пропадает бесследно никогда. Только такая работа есть деятельность, готовящая массы к победе социализма. Эти азбучные, элементарные истины социализма забывают гг. Ларины и Мартовы.

Первый из них, выражая взгляды русской ликвидаторской группы, которая совсем порвала с Р. С.-Д. Р. П., не стесняется прямо договаривать до конца свой реформизм. Вот его слова из «Дела Жизни» (1911 г., № 2)[112], которые заслуживают того, чтобы их запомнил всякий, дорожащий принципами социал-демократии:

«Состояние растерянности и неопределенности, когда люди просто не знают, чего ждать от завтрашнего дня, какие задачи себе поставить, — вот что означает неопределенно выжидательное настроение, смутные надежды не то на повторение революции, не то на «там видно будет». Очередной задачей является не бесцельное ожидание у моря погоды, а проникновение широких кругов руководящей идеей о том, что в наступившем новом историческом периоде русской жизни рабочий класс должен организоваться не «для революции», не «в ожидании революции», а просто-таки»... (заметьте это: *просто-таки*...) «для твердой и планомерной *защиты* своих особых интересов во всех областях жизни; для *собирания* и обучения своих сил этой разносторонней и сложной деятельностью; для *воспитания* и накопления таким путем социалистического сознания вообще; для *уменья* ориентироваться (разбираться) — и постоять за себя! — в сложных взаимоотношениях общественных классов России при предстоящем, после экономически-неизбежного самоисчерпания феодальной реакции, конституционном ее обновлении, в частности».

Вот это—законченный, откровенный, самодовольный реформист в чистом виде. Война идее революции, «надежде» на революцию (реформисту эти «надежды» кажутся *смутными*, ибо он не понимает глубины современных экономических и политических противоречий), война всякой деятельности, состоящей в организации сил и подготовлении умов для революции, война в легальной печати, защищаемой Столыпиным от прямого выступления революционных с.-д., война от имени группы легалистов, порвавших целиком с Р. С.-Д. Р. П.,—вот она, программа и тактика созидаемой гг. Потресовым, Левицким, Лариным и К° столыпинской рабочей партии. Действительная программа, действительная

тактика этих людей в приведенной цитате выражены точно — в отличие от их лицемерных казенных заверений, что они «*тоже* с.-д.», что они «тоже» принадлежат к «непримиримому Интернационалу». Эти заверения — показные слова. Эта программа, целиком заменяющая социализм либеральной рабочей политикой — их дела, их реальная общественная суть.

И взгляните на смешные противоречия, в которых запутываются реформисты. Если буржуазная революция в России закончена (как говорил Ларин), тогда на очередь выдвигается социалистическая революция. Это ясно само собою, это очевидно для всякого, кто причисляет себя к социалистам не ради обмана рабочих популярной кличкой. *Тогда* мы должны организоваться *именно* «для революции» (социалистической), именно «в ожидании» ее, именно ради «надежды» (не смутной, а основанной на точных и возрастающих данных науки, «надежды» — *уверенности) на социалистическую* революцию.

Но в том-то и гвоздь, что для реформиста болтовня о законченной буржуазной революции (как для Мартова болтовня об Ахиллесовой пяте и т. п.) лишь словесное прикрытие *отречения от всякой революции*. От буржуазно-демократической революции он отрекается под тем предлогом, что она закончена, — или под тем, что «вполне достаточно» признать противоречие между абсолютизмом и конституционализмом, — а от социалистической революции он отрекается под тем предлогом, что нам «пока» надо «просто-таки» организоваться для участия в «предстоящем конституционном обновлении России»!

Но если вы, почтенный кадет, рядящийся в социалистические перья, признаете неизбежным «предстоящее конституционное обновление» России, то вы побиваете себя, признавая тем самым *незаконченность* буржуазно-демократической революции у нас. Вы выдаете паки и паки свою буржуазную природу, толкуя о неизбежном «*самоисчерпании* феодальной реакции» и оплевывая пролетарскую идею об *уничтожении* не одной только феодальной *реакции*, а *всех* остатков феодализма путем *народного* революционного движения.

Вопреки либеральной проповеди наших героев столыпинской рабочей партии — русский пролетариат *всю* свою тяжелую, трудную, будничную, мелкую, невидную работу, на которую осудила его эпоха контр-революции, будет пропитывать всегда и неизменно духом преданности революции демократической и революции социалистической, он будет организовываться и собирать силы для революции, он будет давать беспощадный отпор изменникам и ренегатам, он будет руководиться не «смутной надеждой», а научно обоснованной уверенностью в повторении революции.

«Социал-Демократ» № 23, 14 (1) сентября 1911 г.

ИЗ ЛАГЕРЯ СТОЛЫПИНСКОЙ «РАБОЧЕЙ» ПАРТИИ.

ПОСВЯЩАЕТСЯ НАШИМ «ПРИМИРИТЕЛЯМ» И «СОГЛАШАТЕЛЯМ».

Корреспонденция тов. К.[113]) заслуживает величайшего внимания всех, кто дорожит нашей партией. Лучшее разоблачение «голосовской» политики (и голосовской дипломатии), лучшее опровержение взглядов и надежд наших «примирителей и соглашателей» трудно себе представить.

Исключителен ли случай, описанный тов. К.? Нет, это *типичный* случай деятелей столыпинской рабочей партии, ибо мы прекрасно знаем, что *ряд* литераторов «Нашей Зари», «Дела Жизни» и т. п. *уже не первый год* систематически проводит *именно эти* ликвидаторские идеи. Не всегда эти ликвидаторы попадают к рабочим партийцам, очень редко об их позорных выступлениях партия получает такие точные сообщения, за которые мы должны быть благодарны т-щу К., но *всегда и повсюду* проповедь *группы* независимцев-легалистов ведется именно в таком духе. Сомневаться в этом факте, раз налицо есть журналы типа «Нашей Зари» и «Дела Жизни», невозможно. Замалчивать этот факт выгодно только особенно трусливым и особенно подлым защитникам ликвидаторов.

Сопоставьте с этим фактом те приемы, которые пускают в ход люди вроде Троцкого, кричащие о «соглашении» и о своей вражде к ликвидаторству. Приемы эти известны слишком хорошо: погромче кричать, что мы-де «ни большевики, ни меньшевики, а революционные с.-д.», усердно божиться и клясться, что мы враги ликвидаторства и горой стоим за нелегальную Р.С.-Д.Р.П., *изо всех сил ругать тех, кто разоблачает ликвидаторов гг. Потресова и К°*, называть антиликвидаторов «раздувающими» вопрос, *ни слова не говорить* против определенных ликвидаторов гг. Потресова, Мартова, Левицкого, Дана, Ларина и т. д.

Реальное значение подобных приемов очевидно. Посредством *фразы* прикрываются *действительные* ликвидаторы и делаются всяческие попытки *мешать* работе антиликвидаторов. Точь в точь

подобную политику проводило известное в истории Р.С.-Д.Р.П. своей беспринципностью «Рабочее Дело»: оно божилось и клялось, что мы-де вовсе не экономисты, что мы вполне за политическую борьбу, а на деле *прикрывало* «Рабочую Мысль» и экономистов, всю борьбу направляя на тех, кто разоблачал экономистов и опровергал их.

Отсюда ясно, что Троцкий и подобные ему «троцкисты и соглашатели» вреднее всякого ликвидатора, ибо убежденные ликвидаторы прямо излагают свои взгляды, и рабочим легко разобрать их ошибочность, а гг. Троцкие *обманывают* рабочих, *прикрывают* зло, делают невозможным разоблачение его и излечение от него. Всякий, кто поддерживает группку Троцкого, поддерживает политику лжи и обмана рабочих, политику прикрывания ликвидаторства. Полная свобода действий для г. Потресова и К° в России, прикрывание их дел «революционной» фразой за границей — вот суть политики «троцкизма».

Отсюда ясно, далее, что всякое «соглашение» с голосовцами, обходящее вопрос о ликвидаторском центре в России, т.-е. о деятелях «Нашей Зари» и «Дела Жизни», было бы не чем иным, как продолжением того же обмана рабочих, того же прикрывания зла. Голосовцы вполне доказали со времени январского пленума 1910 г., что они способны «подписать» любые резолюции, ни капли «не стесняя свободы» своей ликвидаторской деятельности никакими резолюциями. За границей подписывать резолюции о том, что всякое принижение значения нелегальной партии есть проявление буржуазного влияния на пролетариат, а в России помогать гг. Потресовым, Лариным, Левицким, не только не участвующим в нелегальной работе, но издевающимся над ней и разрушающим нелегальную партию.

В настоящее время Троцкий вместе с бундовцами типа г. Либера (— крайнего ликвидатора, публично защищавшего г. Потресова на рефератах и теперь, чтобы замять этот факт, разжигающего склоку и дрязги), вместе с латышами типа Шварца и т. п. сочиняют именно подобное «соглашение» с голосовцами. Пусть же никто не обманывается на этот счет: их соглашение будет соглашением о прикрытии ликвидаторов.

P. S. Эти строки были уже набраны, когда в печати появилось известие о «соглашении» голосовцев с Троцким, бундовцем и ликвидатором-латышем [114]). Наши слова вполне подтвердились: это — соглашение о *прикрытии* ликвидаторов в России, соглашение прислужников г. Потресова и К°.

«Социал-Демократ» № 23, 14 (1) сентября 1911 г.

ПРИМЕЧАНИЕ ОТ РЕДАКЦИИ К «ЗАЯВЛЕНИЮ» 25 АВГУСТА 1911 Г.[115]).

Редакция Ц. О. уже давно, с декабря 1910 г., предупредила партию, что голосовцы *срывают* пленум. Теперь факт налицо: голосовцы сорвали сначала русский, потом заграничный пленум.

Русский пленум сорван господами Михаилом, Юрием и Романом. Своим «талантливым опровержением» они лишь подтвердили тот факт, что их на заседание Ц. К. звали, звали хотя бы лишь для кооптации, звали не злые «фракционные», «ленинские» большевики, а *примиренцы*, и все же эти гг. отказались. Их отказ и сорвал русский Ц. К., ибо *все* большевики-цекисты пленума, поехавшие в Россию (а поехали *все* практики), оказались «изъятыми» раньше, чем они успели созвать полный состав после отказа этой тройки.

Сколько бы фраз, заверений, клятв ни говорили теперь голосовцы, сколько бы ни пытались руготней, склокой, шантажем замять и засорить вопрос, факт остается фактом. «Троица» *главных* вождей легалистов, Михаил + Юрий + Роман, ближайшие коллеги гг. Потресовых и прочих героев столыпинской рабочей партии, *сорвали* Ц. К. в России.

Теперь голосовцы сорвали Ц. К. и за границей. Большевики требовали его созыва в декабре 1910 г.—ликвидаторское З.Б.Ц.К. *отказало*, ссылаясь на Русское Бюро Ц. К. (ссылка была фальшива, ибо заграничный пленум *не* исключал русского).

Второй раз, после провала, большевики потребовали созыва заграничного пленума в *апреле—мае 1911 г.* Второй *отказ З. Б. Ц. К.*, ссылавшегося на то, что половина «русского бюро» *цела*.

С тех пор прошло 4—5 месяцев, лживость ссылок З.Б.Ц.К. *разоблачена вполне:* ни единого письма от «половины» «бюро», ни единого шага этой половины, ни единого проблеска жизни *за треть года!!* Либеры, Игоревы и Шварцы обманули партию: ссылаясь на *несуществующее* бюро в России, они *отказывались* созвать Ц. К. за границей. А июньское совещание цекистов доказало, что *девять* членов Ц. К. *находилось* за границей.

Кто способен думать, не давая оглушать себя криком, руготней, склокой, шантажем, тот не может не видеть, что Ц. К. окончательно сорван голосовцами.

Голосовцы сделали все, что могли, чтобы уничтожить партию. Партия сделает все, чтобы уничтожить голосовцев.

«Социал-Демократ» № 23, 14 (1) сентября 1911 г.

СТОЛЫПИН И РЕВОЛЮЦИЯ.

Умерщвление обер-вешателя Столыпина совпало с тем моментом, когда целый ряд признаков стал свидетельствовать об окончании первой полосы в истории русской контр-революции. Поэтому событие 1-го сентября, очень маловажное само по себе, вновь ставит на очередь вопрос первой важности о содержании и значении нашей контр-революции. Среди хора реакционеров, лакейски воспевающих Столыпина или копающихся в истории интриг черносотенной шайки, командующей Россией,— среди хора либералов, качающих головой по поводу «дикого и безумного» выстрела (к либералам относятся, конечно, и бывшие с.-д. из «Дела Жизни», употребившие приведенное в кавычках избитое выражение), слышатся отдельные ноты действительно серьезного принципиального содержания. Делаются попытки взглянуть на «столыпинский период» русской истории, как на нечто целое.

Столыпин был главой правительства контр-революции около пяти лет, с 1906 по 1911 г. Это — действительно своеобразный и богатый поучительными событиями период. Его можно охарактеризовать с внешней стороны, как период подготовки и осуществления государственного переворота 3-го июня 1907 г. Именно летом 1906 г., когда Столыпин в роли министра внутренних дел выступил перед I Думой, началась подготовка этого переворота, который показал теперь уже все свои плоды во всех областях нашей общественной жизни. Спрашивается, на какие общественные силы опирались деятели этого переворота или какие силы направляли этих деятелей? Каково было социально-экономическое содержание «третьеиюньского» периода? — Личная «карьера» Столыпина дает поучительный материал и интересные иллюстрации по этому вопросу.

Помещик и предводитель дворянства становится губернатором в 1902 г., при Плеве, — «прославляет» себя в глазах царя и его черносотенной камарильи зверской расправой над крестьянами, истязаниями их (в Саратовской губернии),— организует черносотенные шайки и погромы в 1905 г. (Балашевский погром),—

становится министром внутренних дел в 1906 г. и председателем совета министров со времени разгона первой Гос. Думы. Такова, в самых кратких чертах, политическая биография Столыпина. И эта биография главы контр-революционного правительства есть в то же время биография того класса, который проделал нашу контр-революцию и у которого Столыпин был не более, как уполномоченным или приказчиком. Этот класс — русское благородное дворянство, с первым дворянином и крупнейшим помещиком Николаем Романовым во главе. Этот класс — те тридцать тысяч крепостников-землевладельцев, в руках которых находятся 70 миллионов десятин земли в Европейской России, т.-е. столько же, сколько имеют десять миллионов крестьянских дворов. Земельные латифундии в руках этого класса — основа той крепостнической эксплуатации, которая под разными видами и названиями (отработки, кабала и т. д.) царит в исконно-русском центре России. «Малоземелье» русского крестьянина (если употребить излюбленное либеральное и народническое выражение) есть не что иное, как оборотная сторона *многоземелья* этого класса. Аграрный вопрос, стоявший в центре нашей революции 1905 г., сводился к тому, сохранится ли помещичье землевладение — в таком случае *неизбежно* сохранение на долгие и долгие годы нищенского, убогого, голодного, забитого и задавленного крестьянства, как массы населения, — или масса населения сумеет завоевать себе сколько-нибудь человеческие, сколько-нибудь похожие на европейские свободные условия жизни, — а это было *неосуществимо* без революционного уничтожения помещичьего землевладения и неразрывно связанной с ним помещичьей монархии.

Политическая биография Столыпина есть точное отражение и выражение условий жизни царской монархии. Столыпин не мог поступить иначе, чем он поступал, при том положении, в котором оказалась при революции монархия. Монархия *не могла* поступать иначе, когда с полной определенностью выяснилось, и выяснилось на опыте, и *до* Думы, в 1905 г., и *при* Думе, в 1906 г., что громадная, подавляющая масса населения уже сознала непримиримость своих интересов с сохранением класса помещиков и стремится к уничтожению этого класса. Нет ничего более поверхностного и более фальшивого, как уверения кадетских писателей, что нападки на монархию были у нас проявлением «интеллигентского» революционаризма. Напротив, объективные условия были таковы, что борьба крестьян с помещичьим землевладением неизбежно ставила вопрос о жизни или смерти нашей помещичьей монархии. Царизму *пришлось* вести борьбу не на живот, а на смерть, *пришлось* искать иных средств защиты, кроме совершенно обессилевшей бюрократии и ослабленной военными поражениями и внутренним распадом армии. Единственное, что оставалось царской монархии в таком положении, была организация черно-

сотенных элементов населения и устройство погромов. Высокоморальное негодование, с которым говорят о погромах наши либералы, не может не производить на всякого революционера впечатления чего-то до нельзя жалкого и трусливого, — особенно, когда это высокоморальное осуждение погромов соединяется с полным допущением мысли о переговорах и соглашениях с погромщиками. Монархия не могла не защищаться от революции, а полуазиатская, крепостническая, *русская* монархия Романовых не могла защищаться иными, как самыми грязными, отвратительными, подло-жестокими средствами: не высокоморальные осуждения, а всестороннее и беззаветное содействие революции, организация революции для *свержения* такой монархии есть единственно достойный, единственно разумный для всякого социалиста и для всякого демократа прием борьбы с погромами.

Погромщик Столыпин подготовил себя к министерской должности именно так, как только и могли готовиться царские губернаторы: истязанием крестьян, устройством погромов, умением прикрывать эту азиатскую «практику» — лоском и фразой, позой и жестами, подделанными под «европейские».

И вожди нашей либеральной буржуазии, высокоморально осуждающие погромы, вступали в переговоры с погромщиками, признавая за ними не только право на существование, но и гегемонию в деле устройства новой России и управления ею! Умерщвление Столыпина послужило поводом к целому ряду интересных разоблачений и признаний, касающихся этого вопроса [116]). Вот, напр., письма Витте и Гучкова о переговорах первого с «общественными деятелями» (читай: с вождями умеренно-либеральной монархической буржуазии) о составлении министерства после 17 октября 1905 г. В переговорах с Витте — эти переговоры, видимо, были продолжительны, ибо Гучков пишет о «томительных днях длящихся переговоров», — участвовали Шипов, Трубецкой, Урусов, М. Стахович, т.-е. будущие деятели *и* кадетской, *и* «мирнообновленческой», *и* октябристской партий. Разошлись, оказывается, из-за Дурново, которого «либералы» не допускали в роли министра внутренних дел, а Витте ультимативно отстаивал. При этом Урусов, кадетское светило в I Думе, явился «горячим защитником кандидатуры Дурново». Когда князь Оболенский выдвинул кандидатуру Столыпина, «кое-кто подтвердил, кое-кто отозвался незнанием». «Определенно помню, — пишет Гучков — отрицательного отзыва, о котором пишет гр. Витте, *никто не делал*».

Теперь кадетская печать, желающая подчеркнуть свой «демократизм» (не шутите!) особенно, может быть, ввиду выборов по 1-ой курии в Петербурге, где кадет боролся с октябристом, пытается кольнуть Гучкова по поводу тогдашних переговоров. «Как часто гг. октябристы под предводительством Гучкова — пишет «Речь» от 28 сентября — в угоду начальству оказывались коллегами

единомышленников г. Дурново! Как часто, обращенные взорами к начальству, они оказывались спиной к общественному мнению». Передовица «Русских Ведомостей» от того же числа повторяет на разные лады тот же самый кадетский упрек октябристам.

Позвольте, однако, гг. кадеты: какое право *вы*-то имеете упрекать октябристов, если в тех же самых переговорах участвовали и *ваши* люди, даже защищавшие Дурново? Разве кроме Урусова *все* кадеты не были тогда, в ноябре 1905 года, в положении людей, «обращенных взорами к начальству» и «спиной к общественному мнению»? Милые бранятся — только тешатся; не принципиальная борьба, а конкуренция одинаково беспринципных партий — вот что *приходится* сказать по поводу теперешних попреков кадетов октябристам в связи с «переговорами» конца 1905 года. Препирательство подобного рода служит только для затушевывания действительно важного, исторически бесспорного факта, что *все* оттенки либеральной буржуазии, от октябристов вплоть до кадетов, были *«обращены взорами к начальству»* и поворачивались «спиной» к *демократии* с тех пор, как наша революция приняла действительно народный характер, т. е. стала демократической по составу ее активных участников. Столыпинский период русской контр-революции тем и характеризуется, что либеральная буржуазия отворачивалась от демократии, что Столыпин *мог* поэтому *обращаться* за содействием, за сочувствием, за советом то к одному, то к другому представителю этой буржуазии. Не будь такого положения вещей, Столыпин не мог бы осуществлять гегемонию совета объединенного дворянства над буржуазией, настроенной контр-революционно, при содействии, сочувствии, активной или пассивной поддержке этой буржуазии.

Эта сторона дела заслуживает особенного внимания, ибо именно ее упускает из виду — или намеренно игнорирует — наша либеральная печать и такие органы либеральной рабочей политики, как «Дело Жизни». Столыпин — не только представитель диктатуры крепостников помещиков; ограничиться подобной характеристикой значит ровно ничего не понять в своеобразии и в значении «столыпинского периода». Столыпин — министр такой эпохи, когда во *всей* либеральной буржуазии, вплоть до кадетской, господствовало контр-революционное настроение, когда крепостники *могли* опираться и опирались на такое настроение, *могли* обращаться и обращались с «предложениями» (руки и сердца) к вождям этой буржуазии, *могли* видеть даже в наиболее «левых» из таких вождей «оппозицию его величества», *могли* ссылаться и ссылались на поворот идейных вождей либерализма в их сторону, в сторону реакции, в сторону борьбы с демократией и оплевания демократии. Столыпин — министр такой эпохи, когда крепостники помещики изо всех сил, самым ускоренным темпом повели по отношению к крестьянскому аграрному быту *буржуаз-*

ную политику, распростившись со всеми романтическими иллюзиями и надеждами на «патриархальность» мужичка, *ища* себе союзников из новых, буржуазных элементов России вообще и деревенской России в частности. Столыпин пытался в старые мехи влить новое вино, старое самодержавие переделать в буржуазную монархию, и крах столыпинской политики есть крах царизма на этом последнем, *последнем мыслимом* для царизма пути. Помещичья монархия Александра III пыталась опираться на «патриархальную» деревню и на «патриархальность» вообще в русской жизни; революция разбила в конец *такую* политику. Помещичья монархия Николая II после революции пыталась опираться на контрреволюционное настроение буржуазии и на буржуазную аграрную политику, проводимую теми же помещиками; крах этих попыток, несомненный теперь даже для кадетов, даже для октябристов, есть крах *последней возможной* для царизма политики.

Диктатура крепостника-помещика не была направлена при Столыпине против всего народа, включая сюда и все «третье сословие», всю буржуазию. Нет, эта диктатура была поставлена в лучшие для нее условия, когда октябристская буржуазия служила ей не за страх, а за совесть; когда помещики и буржуазия имели представительное учреждение, в котором было обеспечено большинство их блоку, и была оформлена возможность переговоров и сговоров с короной; когда гг. Струве и прочие веховцы с истерическим надрывом обливали помоями революцию и создавали идеологию, радовавшую сердце Антония Волынского; когда г. Милюков провозглашал кадетскую оппозицию «оппозицией его величества» (его величества крепостника последыша). И тем не менее, несмотря на эти более благоприятные для гг. Романовых условия, несмотря на эти самые благоприятные для гг. Романовых условия, несмотря на эти самые благоприятные условия, какие только мыслимы с точки зрения соотношения общественных сил в капиталистической России XX века, несмотря на это, политика Столыпина потерпела крах; Столыпин умерщвлен был тогда, когда стучится в дверь новый могильщик — вернее, собирающий новые силы могильщик — царского самодержавия.

* * *

Отношения Столыпина к вождям буржуазии, и обратно, характеризуются особенно рельефно эпохой I Думы. «Время с мая по июль 1906 года — пишет «Речь» — было решающим в карьере Столыпина». В чем же был центр тяжести этого времени?

«Центр тяжести того времени — заявляет официальный орган кадетской партии — заключался, конечно, не в думских выступлениях».

Неправда ли, вот поистине ценное признание! Сколько копий было сломано с кадетами в то время из-за вопроса о том, можно ли

видеть «центр тяжести» той эпохи в «думских выступлениях»! Сколько сердитой брани, сколько высокомерных доктринерских поучений было тогда в кадетской печати по адресу социал-демократов, утверждавших весной и летом 1906 года, что *не* в думских выступлениях заключается центр тяжести того времени! Сколько попреков всему русскому «обществу» бросала тогда «Речь» и «Дума» за то, что общество мечтает о «конвенте» и недостаточно восторгается кадетскими победами на «парламентской» перводумской арене! Прошло пять лет, приходится дать общую оценку перводумской эпохе, и кадеты с такой легкостью, точно они меняют перчатки, провозглашают: «центр тяжести того времени заключался, конечно, не в думских выступлениях».

Конечно, нет, господа! В чем же был центр тяжести?

...«За кулисами — читаем в «Речи» — шла острая борьба между представителями двух течений. Одно рекомендовало искать соглашения с народным представительством, не отступая и перед составлением «кадетского министерства». Другое требовало резкого шага, роспуска Гос. Думы и изменения избирательного закона. Такую программу проводил совет объединенного дворянства, опиравшийся на могущественные влияния»... «Столыпин некоторое время колебался. Есть указания, что он два раза через Крыжановского предлагал Муромцеву обсудить возможность кадетского министерства, при участии Столыпина в качестве министра внутренних дел. Но в то же время Столыпин, несомненно, находился в сношениях с советом объединенного дворянства».

Так пишут историю гг. образованные, ученые, начитанные вожди либералов! Выходит, что «центр тяжести» был *не* в выступлениях, *а* в борьбе двух течений внутри черносотенной царской камарильи! Политику «натиска» сразу и без оттяжек вел совет объединенного дворянства — т.-е. не лица, не Николай Романов, не «одно течение» в «*сферах*», а *определенный класс*. Своих соперников *справа* кадеты видят ясно, трезво. Но то, что было *слева* от кадетов, исчезло из их поля зрения. Историю делали «сферы», совет объединенного дворянства и кадеты — простонародье, *конечно*, в делании истории не участвовало! Определенному классу (дворянству) противостояла *над*классовая партия «народной свободы», а сферы (т.-е. царь-батюшка) колебались.

Ну, можно ли себе представить более корыстную классовую слепоту? большее искажение истории и забвение азбучных истин исторической науки? более жалкую путаницу, смешение класса, партии и личностей?

Хуже всякого слепого тот, кто *не хочет* видеть демократии и ее сил.

Центр тяжести перводумской эпохи заключался, *конечно*, не в думских выступлениях. Он заключался во внедумской борьбе классов, борьбе помещиков-крепостников и *их* монархии с на-

родной массой, рабочими и крестьянами. Революционное движение масс именно в это время снова стало подниматься: и стачки вообще, и политические стачки, и крестьянские волнения, и военные бунты грозно поднялись весной и летом 1906 г. *Вот почему,* господа кадетские историки, «сферы» колебались: борьба течений внутри царской шайки шла из-за того, можно ли *сразу* совершить государственный переворот при данной силе революции, или надо еще *выждать,* еще поводить за нос буржуазию.

Помещиков (Романова, Столыпина и К⁰) первая Дума вполне убедила в том, что мира у них с крестьянской массой и рабочими быть не может. И это их убеждение соответствовало объективной действительности. Оставалось решить второстепенный вопрос: когда и как, сразу или постепенно изменить избирательный закон. Буржуазия колебалась, но все ее поведение — даже кадетской буржуазии — показывало, что она во сто раз больше боится революции, чем реакции. Поэтому помещики и соблаговоляли привлекать вождей буржуазии (Муромцева, Гейдена, Гучкова и К⁰) к совещаниям, нельзя ли *вместе* составить министерство. И буржуазия *вся,* вплоть до кадетов, шла советоваться с царем, с погромщиками, с вождями черной сотни о средствах борьбы с революцией, — но буржуазия с конца 1905 года никогда ни одной своей партии не послала на совещание с вождями революции о том, *как* свергнуть самодержавие и монархию.

Вот основной урок «столыпинского» периода русской истории. Царизм привлекал буржуазию на совещания, когда революция еще казалась силой — и постепенно отбрасывал прочь, пинком солдатского сапога, *всех* вождей буржуазии, сначала Муромцева и Милюкова, потом Гейдена и Львова, наконец, Гучкова, когда революция переставала оказывать давление снизу. Различие между Милюковыми, Львовыми и Гучковыми совершенно несущественно — вопрос очереди, в которой эти вожди буржуазии подставляли свои щеки под... «поцелуи» Романова — Пуришкевича — Столыпина и получали таковые... «поцелуи».

Столыпин сошел со сцены как раз тогда, когда черносотенная монархия взяла все, что можно было в ее пользу взять от контр-революционных настроений всей русской буржуазии. Теперь эта буржуазия, отвергнутая, оплеванная, загадившая сама себя отречением от демократии, от борьбы масс, от революции, стоит в растерянности и недоумении, видя симптомы нарастания новой революции. Столыпин дал русскому народу хороший урок: идти к свободе через свержение царской монархии, под руководством пролетариата, или — идти в рабство к Пуришкевичам, Марковым, Толмачевым, под идейным и политическим руководством Милюковых и Гучковых.

«Социал-Демократ» № 24, 31 (18) октября 1911 г.

О НОВОЙ ФРАКЦИИ ПРИМИРЕНЦЕВ ИЛИ ДОБРОДЕТЕЛЬНЫХ.

«Информационный Бюллетень» 117) заграничной технической комиссии (№ 1 от 11 августа 1911 г.) и вышедший почти одновременно, тоже в Париже, листок «Ко всем членам Р. С.-Д. Р. П.», подписанный «Группа большевиков-партийцев» 118), представляют из себя одинаковые по содержанию выступления против «официального большевизма» или, по другому выражению, против «большевиков-ленинцев». Выступления эти очень сердитые, — в них больше сердитых восклицаний и декламации, чем содержания, — но тем не менее на них следует остановиться, ибо затрагиваются здесь важнейшие вопросы нашей партии. И мне тем естественнее будет взяться за оценку новой фракции, что я, во-1-х, писал как раз по тем же самым вопросам и как раз от имени *всех* большевиков *ровно* $1^1/_2$ *года* тому назад (см. «Дискуссионный Листок» № 2 *)), а во-2-х, я вполне сознаю свою ответственность за «официальный большевизм». Что касается до выражения «ленинцы», то оно просто есть неудачное покушение на колкость — дескать, только о сторонниках *одного* лица идет здесь речь! — на деле все прекрасно знают, что вопрос отнюдь не идет о разделяющих мои лично взгляды на те или иные стороны большевизма.

Авторы листка, подписываясь «партийные большевики», называют себя еще «нефракционными большевиками», оговариваясь, что их «здесь» (т.-е. в Париже) «довольно неудачно» называют примиренцами. На деле именно такое название, установившееся уже более чем $1^1/_4$ год тому назад и не только в Париже, не только за границей, но и в России, является единственно правильно передающим политическую сущность новой фракции, как убедится читатель из дальнейшего изложения.

Примиренчество есть сумма настроений, стремлений, взгля-

---

*) См. XIV том Сочинений, ст. «Объединительный кризис в нашей партии». *Ред.*

дов, связанных *неразрывно* с самой *сутью* исторической задачи, поставленной перед Р. С.-Д. Р. П. в эпоху контр-революции 1908—1911 г.г. Поэтому целый ряд с.-д. в этот период «впадал» в примиренчество, исходя из самых различных посылок. Последовательнее всех выразил примиренчество Троцкий, который едва ли не один пытался подвести теоретический фундамент под это направление. Фундамент это такой: фракции и фракционность были борьбой интеллигенции «за влияние на незрелый пролетариат». Пролетариат зреет, и фракционность сама собой гибнет. Не изменение в отношениях между классами, не эволюция коренных идей двух главных фракций лежит в основе процесса слияния фракций, а дело зависит от соблюдения или несоблюдения соглашений между *всеми* «интеллигентскими» фракциями. Троцкий упорно и проповедует — уже давно, колеблясь при этом то больше в сторону большевиков, то больше в сторону меньшевиков — такое соглашение (или компромисс) между *всеми* и всяческими фракциями.

Обратный взгляд (см. №№ 2 и 3 «Дискуссионного Листка» *)) состоит в том, что фракции порождены отношением между классами в русской революции. Большевики и меньшевики только формулировали ответы на вопросы, поставленные перед пролетариатом объективной действительностью 1905—7 годов. Поэтому лишь внутренняя эволюция *этих* фракций, «сильных» фракций, сильных глубиной своих корней, сильных соответствием их идей с известными сторонами объективной действительности, — исключительно внутренняя эволюция именно этих фракций способна обеспечить *реальное* слияние фракций, т.-е. создание действительно вполне единой партии пролетарского, марксистского, социализма в России. Отсюда практический вывод: только сближение на работе этих двух сильных фракций и только в меру их очищения от несоциал-демократических течений ликвидаторства и отзовизма есть политика действительно партийная, действительно осуществляющая единство — путем нелегким, негладким, далеко не моментально, но реально, в отличие от тьмы шарлатанских посулов насчет легкого, гладкого, моментального слияния «всех» фракций.

Эти два взгляда наметились еще до пленума, когда я в беседах выдвинул лозунг: «сближение двух сильных фракций, а не хныканье о распущении фракций», — о чем поведал публике тотчас после пленума «Голос Социал-Демократа». Эти два взгляда я прямо, определенно и систематически изложил *в мае 1910 года*, т.-е. $1^1/_2$ года тому назад и притом на «общепартийной» арене в «Дискуссионном Листке» (№ 2). Если «примиренцы», с которыми мы спорили на эти темы с ноября 1909 года, не собрались до

*) См. настоящий том, стр. 20—21. *Ред.*

сих пор *ни разу* ответить на эту статью, *ни разу* не попытались вообще разобрать этот вопрос сколько-нибудь систематически, изложить свои взгляды сколько-нибудь открыто и цельно, то вина в этом всецело ложится на них. Они называют свое фракционное выступление в листке от имени особой группы «гласным ответом»: этот гласный ответ людей, остававшихся *безгласными* больше года, *не* есть ответ на вопрос, как он давно поднят, как он давно обсужден, как он давно разрешен в двух принципиально различных направлениях, а есть самая безнадежная путаница, самое безбожное смешение двух непримиримых ответов. Нет ни единого положения, которое авторы листка не выставляли бы без того, чтобы тут же не побить его. Нет ни единого положения, о котором якобы большевики (на деле *не*последовательные троцкисты) не дали бы перепева ошибок Троцкого.

В самом деле, взгляните на основные мысли листка.

Кто такие его авторы? Они говорят, что большевики, «не разделяющие организационных взглядов официального большевизма». Как будто бы «оппозиция» *только* по организационному вопросу, не правда ли? Читайте следующую фразу: ...«Именно организационные вопросы, вопросы строительства и восстановления партии, выдвигаются на первый план теперь, как и $1^1/_2$ года тому назад». Это прямо неверно и это есть как раз та принципиальная ошибка Троцкого, которую я разоблачил $1^1/_2$ года тому назад. На пленуме организационный вопрос *мог* казаться первостепенным лишь потому и постольку, поскольку *отказ всех* течений от ликвидаторства *принимался* за реальность вследствие того, что и голосовцы, и впередовцы «подписали», «утешая» партию, резолюции *против* ликвидаторства и против отзовизма. Ошибка Троцкого в том и состояла, что он продолжал выдавать эту *кажимость* за реальность *после* того, как «Наша Заря» с февраля 1910 г. окончательно выкинула знамя ликвидаторства, а впередовцы в своей пресловутой N-ой школе[119]) — знамя защиты отзовизма. На пленуме принятие кажимости за реальность *могло* быть результатом самообмана. После пленума, с весны 1910 г., Троцкий *обманывал* рабочих самым беспринципным и бессовестным образом, уверяя, что препятствия объединению главным образом (если не только) организационные. Этот обман продолжают в 1911 г. примиренцы парижские, ибо говорить теперь, что организационные вопросы стоят на первом плане, есть насмешка над истиной. На деле на первом плане стоит теперь вопрос отнюдь не организационный, а вопрос о всей программе, всей тактике, всем характере партии, вернее о *двух* партиях, о *соц.-дем.* рабочей партии, и о *столыпинской* рабочей партии гг. Потресовых, Смирновых, Лариных, Левицких и К°. Примиренцы парижские точно проспали $1^1/_2$ года после пленума, в течение которых *вся* борьба с ликвидаторами передвинулась *и* у нас, *и* у партийных

меньшевиков с вопросов организационных на вопросы о *бытии с.-д.* — а не либеральной — рабочей партии. Спорить теперь, скажем, с господами из «Нашей Зари» об организационных вопросах, об отношении легальной и нелегальной организации, значило бы ломать комедию, ибо эти господа вполне могут признать *такую* «нелегальную» организацию, как «Голос», прислуживающий ликвидаторам! Давно уже сказано, что такую нелегальную организацию, которая бы служила монархическому либерализму, признают и практикуют наши кадеты. Примиренцы называют себя большевиками, чтобы $1^1/_2$ года спустя повторять разоблаченные большевиками (и притом с специальным заявлением, что это делается от имени *всего* большевизма!) ошибки Троцкого. Ну, разве это не злоупотребление установившимися партийными кличками? Разве не обязаны мы после этого заявить всем и каждому, что примиренцы отнюдь не большевики, что они не имеют ничего общего с большевизмом, что они просто непоследовательные троцкисты?

Читайте несколько дальше: «Можно не согласиться с тем, как понимал официальный большевизм и большинство редакции Ц. О. задачу борьбы с ликвидаторством»... Неужели можно серьезно утверждать, что «задача борьбы с ликвидаторством» есть задача организационная? Примиренцы сами заявляют, что расходятся с большевиками *не только* по организационным вопросам! В чем же именно? Они молчат. Их «гласный ответ» продолжает быть ответом безгласных... или беззаботных?.. людей. В течение $1^1/_2$ лет они не собрались *ни единого разу* поправить «официальный большевизм» или изложить *свое* понимание задачи борьбы с ликвидаторством! А борьбу эту официальный большевизм ведет ровно три года, с августа 1908 года. Сопоставляя эти общеизвестные даты, мы невольно ищем объяснения странной «безгласности» примиренцев, и эти поиски невольно приводят на память Троцкого и Ионова, уверявших, что они *тоже* против ликвидаторов, но *иначе* понимают задачу борьбы с ними. Смешно ведь это, товарищи: через три года после начала борьбы заявлять, что вы иначе ее понимаете. *Такое* инако-понимание как две капли воды похоже на полное непонимание!

Пойдем дальше. Гвоздь теперешнего партийного кризиса, несомненно, сводится к вопросу: полное отделение нашей партии, Р. С.-Д. Р. П., от ликвидаторов (голосовцев в том числе) или продолжение политики соглашения с ними. Едва ли найдется хоть один с.-д., сколько-нибудь знакомый с делом, который стал бы отрицать, что в этом вопросе *суть* всего теперешнего партийного положения. Какой же ответ дают на него примиренцы?

«Нам говорят, — пишут они в листке — что этим (поддержкой совещания) мы нарушаем партийные формы и производим раскол. Мы не думаем этого (sic!). Но если бы это было так, мы бы этого не побоялись». (Следует указание на срыв пленума

Заграничным Бюро Ц. К., на то, что «на Ц. К. ведут азартную игру», что «партийные формы стали наполняться фракционным содержанием» и т. д.).

Этот ответ, поистине, можно назвать «классическим» образчиком идейной и политической беспомощности! Подумайте только: выдвинуто-де обвинение в расколе. И вот новая фракция, претендуя на указание пути партии, объявляет печатно и публично: «мы не думаем этого» (т.-е. не думаете, что раскол есть и будет?), «но»... но «мы бы не побоялись этого».

Ручаться можно, что в истории политических партий *такого* примера путаницы не найти. Если вы «не думаете», что раскол есть и будет, объясните же это! объясните, *почему* можно работать с ликвидаторами! скажите прямо, что с ними *можно* — а значит и должно — работать.

Наши примиренцы не только не говорят этого, а говорят обратное. В редакционной статье № 1 «Бюллетеня» (примечание прямо оговаривает, что против этой статьи был большевик, сторонник большевистской платформы = резолюции II парижской группы) мы читаем:

...«Факт, что совместная работа с ликвидаторами в России невозможна», а несколько раньше признано, что между голосовцами и ликвидаторами «становится все труднее провести даже тончайшую грань».

Пойми, кто может! С одной стороны, официальнейшее заявление от имени Технической Комиссии (в которой примиренцы с поддерживающими их теперь поляками составляют большинство против нас, большевиков), что *совместная работа невозможна*. По-русски это и называется объявлением раскола. Никакого другого смысла слово раскол не имеет. С другой стороны, тот же № 1 «Бюллетеня» вещает, что Техническая Комиссия была создана «не для раскола, а в целях предотвращения его», и те же примиренцы пишут, что они «не думают этого» (что раскол есть и будет).

Можно ли представить себе большую путаницу?

Если совместная работа *невозможна*, то это объяснимо *для* с.-д., это может быть оправдано в глазах с.-д. *либо* вопиющим нарушением партийных решений и обязательств известной группой лиц (и тогда раскол неизбежен с *этой* группой лиц), *либо* коренным принципиальным расхождением, направляющим *всю* работу известного течения *прочь* от социал-демократизма (и тогда раскол неизбежен с целым течением). У нас налицо, как известно, оба эти случая: с ликвидаторским *течением* объявил невозможным работать пленум 1910 года, а с голосовской *группой*, нарушившей все обязательства и перешедшей окончательно к ликвидаторам, раскол совершается теперь.

Кто сознательно говорит: «совместная работа невозможна», кто продумал сколько-нибудь это заявление и понял его принци-

пиальные основы, тот неизбежно направил бы все внимание и все усилия на то, чтобы выяснить эти основы перед самой широкой массой и избавить ее возможно скорее и полнее от пустых и вредных попыток продолжать *какие бы то ни было* сношения с тем, с кем работать *невозможно.* А кто делает это заявление и в то же время добавляет: «мы не думаем», что будет раскол, «но мы не побоимся этого», тот обнаруживает этим путаным и робким языком, что он *боится самого себя,* боится сделанного им шага, боится созданного положения! Именно такое впечатление не может не производить листок примиренцев, которые в чем-то хотят оправдаться, перед кем-то хотят выставить себя «добрыми», кому-то подмигивают... Мы сейчас увидим, какое значение имеет их перемигивание с «Впередом» и «Правдой». Мы должны сначала покончить с тем, как понимают примиренцы «итог периоду, протекшему со времени пленума», итог, который подвело совещание цекистов.

Необходимо в самом деле *понять* этот итог, понять, почему он стал неизбежным, — иначе наше участие в событиях будет стихийное, беспомощное, случайное. Посмотрите же на это *понимание* у примиренцев. Как отвечают они на вопрос, почему из дел пленума, из решений его, объединительных по преимуществу, вытек раскол между З. Б. Ц. К. (= ликвидаторами) и антиликвидаторами? Ответ на этот вопрос у наших непоследовательных троцкистов просто списан у Троцкого и Ионова [120]), и мне приходится повторять сказанное в мае прошлого года *) против этих последовательных примиренцев.

Ответ примиренцев: виновата фракционность, фракционность меньшевиков, впередовцев, «Правды» — мы перечисляем фракционные группы в порядке листка — и, наконец, «официальных представителей большевизма», которые «пожалуй превзошли все эти группы в фракционных стремлениях». *Нефракционными* авторы листка прямо и определенно называют только самих себя, парижских примиренцев. Все порочны — мы добродетельны. Никаких идейных причин, вызывающих разбираемое явление, примиренцы не приводят. Ни на какие организационные или какие бы то ни было иные особенности групп, вызвавшие это явление, они не указывают. Ничего, ровнехонько ничего не дают в *объяснение,* кроме ссылки на фракционность = порок, нефракционность = добродетель. Разница между примиренцами в Париже и Троцким только та, что первые считают Троцкого фракционным, а себя нет, второй же наоборот.

Не могу не сознаться, эта постановка вопроса, когда в объяснение политических явлений приводятся *только* порочность

*) См. XIV том Сочинений, ст. «Объединительный кризис в нашей партии». *Ред.*

одних и добродетельность других, всегда напоминает мне те афишированно-благообразные физиономии, при виде которых невольно приходит мысль: «а вероятно, это — шулер».

Подумайте над следующим сопоставлением: наши примиренцы нефракционны, добродетельны. Мы, большевики, превзошли все группы в фракционных стремлениях, т.-е. мы самые порочные. *Поэтому* добродетельная фракция поддержала наиболее порочную, большевистскую, в борьбе с З. Б. Ц. К.!! Некругло выходит у вас, товарищи! Вы запутываетесь все больше и больше с каждым заявлением, которое вы делаете.

Вы делаете себя смешными, перебрасываясь с Троцким — точно мячиком играя — взаимными обвинениями в фракционности: вы не даете себе труда *подумать*, что такое фракция? Попробуйте дать определение, и мы вам предсказываем, что вы запутаетесь еще больше, ибо вы сами — фракция, колеблющаяся, беспринципная, не понявшая того, что было на пленуме и после пленума, фракция.

Фракция есть организация внутри партии, объединенная не местом работы, не языком или другими объективными условиями, а особой платформой взглядов на партийные вопросы. Авторы листка — фракция, ибо листок есть их платформа (весьма плохая, но бывают фракции с неверными платформами). Они — фракция, ибо они, как и всякая организация, связаны внутренней дисциплиной: их представителя в Техническую Комиссию и Организационную Комиссию назначает их группа по большинству голосов, она же составляет и издает листок-платформу *и так далее*. Таковы объективные факты, осуждающие на *лицемерие* крики против фракционности. И Троцкий, и «непоследовательные троцкисты» уверяют, что у них нет фракции, *ибо*... «единственная» цель сплочения (во фракцию) есть уничтожение фракций, проповедь слияния их и т. д., но все подобные уверения есть лишь самовосхваление и трусливая игра в прятки, по той простой причине, что *факт* существования фракции не затрогивается какой угодно (хотя бы архидобродетельной) *целью* фракции. *Всякая* фракция убеждена в том, что *ее* платформа и политика есть *лучший* путь к уничтожению фракций, ибо идеалом существование фракций никто не считает. Разница только та, что фракции с ясной, последовательной, цельной платформой *прямо* защищают *свою* платформу, а фракции беспринципные *прячутся* за дешевые крики о своей добродетельности, о своей нефракционности.

В чем причина существования фракций в Р. С.-Д. Р. П.? В том, что они — продолжение раскола 1903 — 1905 годов. Они — результат слабости местных организаций, *бессильных* помешать превращению литераторских групп, выражающих новые течения и теченьица, в новые «фракции», т.-е. в организации, ставящие внутреннюю дисциплину на первый план. В чем залог уничтоже-

ния фракций? *Только* в полном изживании раскола времен революции (а к этому ведет *исключительно* очищение от ликвидаторства и отзовизма двух главных фракций), в создании такой сильной пролетарской организации, которая может заставить меньшинство подчиняться большинству. Пока такой организации нет, *только* соглашение всех фракций *могло бы* ускорить процесс их исчезновения. Отсюда ясна и идейная заслуга пленума и его *примиренческая ошибка:* заслуга — отметение идей ликвидаторства и отзовизма; ошибка — соглашение с людьми и группами без разбору, без соответствия их обещаний («резолюцию подписали») и их *дел*. Идейное сближение на почве борьбы с ликвидаторством и отзовизмом идет вперед — вопреки всем препятствиям и трудностям. Примиренченская ошибка пленума *) привела вполне неизбежно к краху его примиренческих решений, т.-е. к краху *союза* с голосовцами. Разрыв большевиков (а потом и совещания цекистов) с З. Б. Ц. К. есть *исправление* примиренческой ошибки пленума: сближение фракций, *борющихся* с ликвидаторством и отзовизмом, пойдет теперь *помимо* форм пленума, ибо эти формы не соответствовали содержанию. Все примиренчество вообще и примиренчество пленума потерпело крах, ибо содержание работы *разъединяло* ликвидаторов и социал-демократов, и никакие формы, никакая дипломатия и игра примиренцев *не могли* осилить этого разъединительного процесса.

С этой — и только с этой точки зрения, развитой мною в мае 1910 г. — *все*, происшедшее после пленума, становится понятным, неизбежным, вытекающим не из «порочности» одних, «добродетельности» других, а из объективного хода событий, обособляющего ликвидаторское *течение* и отметающего промежуточные группы и группки.

Примиренцы вынуждены, чтобы затушевать этот бесспорный политический факт полного *краха* примиренчества, доходить до прямого извращения фактов. Слушайте: «Фракционная политика большевиков-ленинцев принесла тем бо́льший вред, что они имели большинство в главнейших партийных учреждениях, благодаря чему их фракционная политика давала оправдание другим течениям в их собственной организационной обособленности и вооружала их против официальных партийных учреждений».

Эта тирада есть не что иное, как трусливое и запоздалое *«оправдание»*... ликвидаторства, ибо именно представители этого течения всегда ссылались на «фракционность» большевиков. Это оправдание запоздало, ибо *долгом* всякого партийца на деле (в отличие от людей, пользующихся лозунгом партийности, как рекламой) было выступить *тогда, когда* началась эта «фракционность», а не $1^1/_2$ года спустя! Примиренцы — защитники

*) Ср. «Дискуссионный Листок» № 2 (см. XIV том Сочинений. *Ред.*).

ликвидаторства *не могли* выступить и не выступили раньше, ибо у них *нет фактов*. Они пользуются теперешним «смутным временем», чтобы выдвигать голословные фразы ликвидаторов. Факты же говорят ясно и недвумысленно: тотчас после пленума, в феврале 1910 г., г. Потресов выкинул знамя ликвидаторства. Тотчас же, в феврале или марте, предали партию гг. Михаил, Роман, Юрий. Тотчас же голосовцы подняли агитацию за «Голос» (см. об этом в «Дневнике» Плеханова *на другой день* после пленума) [121] и возобновили «Голос». Тотчас же впередовцы начали строить *свою* «школу». Напротив, *первый* фракционный шаг большевиков есть основание «Рабочей Газеты» в *сентябре* 1910 года, *после* разрыва Троцкого с представителями Ц. К.

Зачем понадобилось примиренцам это извращение общеизвестных фактов? Чтобы мигнуть ликвидаторам, чтобы подслужиться им. С одной стороны, «совместная работа с ликвидаторами невозможна». С другой, их «*оправдывает*» фракционность большевиков!! Мы спрашиваем любого не зараженного заграничной дипломатией социал-демократа: какого политического доверия заслуживают люди, путающиеся в таких противоречиях? Они заслужили те поцелуи, которыми публично награждал их «Голос» [122], и только.

Нашей «фракционностью» называют примиренцы *беспощадность* нашей полемики (за что они тысячи раз словесно порицали нас на общих собраниях в Париже) и беспощадность *разоблачения* ликвидаторов (они были *против* разоблачения Михаила, Юрия и Романа). Примиренцы все время защищали и прикрывали ликвидаторов, *не смея* высказать открыто своей защиты ни единого раза ни в «Дискуссионном Листке», ни в едином печатном, публичном воззвании. И теперь свое бессилие, свою трусость они бросают под колеса партии, начавшей решительно отмежевываться от ликвидаторов. Ликвидаторы говорят: ликвидаторства нет, его «раздули» большевики (см. резолюцию кавказских ликвидаторов [123]) и речи Троцкого). Примиренцы говорят: с ликвидаторами работать невозможно, *но*... *но* «оправдание» им дает фракционность большевиков. Неужели не ясно, что действительный смысл этого смешного противоречия субъективных суждений один, и только один: трусливая защита ликвидаторства, стремление из-за угла подставить ножку большевикам и оказать поддержку ликвидаторам?

Но это еще далеко не все. Худшее и злейшее извращение фактов есть утверждение, будто бы мы имели «большинство» «*в главнейших партийных учреждениях*». Эта вопиющая неправда имеет только одну цель: прикрыть *политический* крах примиренчества. Ибо на деле *ни в едином* «главнейшем партийном учреждении» большевики после пленума большинства *не имели*, а имели его как раз примиренцы. Пусть найдется человек, кото-

рый попробует оспорить следующие факты. «Главнейших партийных учреждений» *после* пленума было только три: 1) бюро Ц. К. в России — преимущественно *примиренцы* *); 2) З. Б. Ц. К. — с января 1910 г. по ноябрь 1910 г. в нем большевиков представлял *примиренец;* так как *официально* на примиренческой точке зрения стояли и бундовец и латыш, то большинство, значит, 11 месяцев после пленума было *примиренческое;* 3) редакция Ц. О. — в ней два «большевика-фракционера» противостояли двум голосовцам; большинства *не было* без поляка.

Зачем понадобилась примиренцам прямая неправда? А именно затем, чтобы спрятать голову под крыло, чтобы прикрыть *политический* крах примиренчества. Примиренчество господствовало на пленуме, оно имело *большинство* во всех главнейших практических центрах партии после пленума, и оно потерпело за полтора года *полный крах*: оно никого не «примирило», ровно ничего нигде не создало, оно беспомощно колебалось из стороны в сторону, вполне заслужив за это поцелуи голосовцев.

И в особенности полный крах постиг примиренцев *в России* — это тем важнее подчеркнуть, чем усерднее демагогические ссылки парижских примиренцев на Россию. Россия — примиренческая, в противовес загранице, таков основной мотив примеренцев. Сличите эти *слова* с *фактами* — и вы поймете, что это самая пустая и самая дешевенькая демагогия. Факты говорят, что в русском бюро Ц. К. *больше года* после пленума были *только* примиренцы, только они делали официальные доклады о пленуме, официально совещались с легалистами, только они назначали агентов и посылали их в разные учреждения, только они распоряжались всеми деньгами, которые из З. Б. Ц. К. посылались беспрекословно, только они вели переговоры с «российскими», подававшими надежды по части путаницы (т.-е. по части примиренчества), литераторами и т. п.

И результат?

Результат — ноль. Ни единого листка, ни единого выступления, ни одного органа, ни одного «примирения». А у большевиков-«фракционеров» (чтобы не говорить о том, о чем говорит открыто лишь помогающий охранке г. Мартов) — заграничная «Рабочая Газета», вставшая на ноги через два номера. Примиренчество = ноль, слова, пустые пожелания (и подножки большевизму на основе этих «примирительных» пожеланий); большевизм «официальный» делами доказал свое полное преобладание именно в России.

---

*) Конечно, примиренец примиренцу рознь. И далеко не все бывшие члены русского Бюро могут (и желают) брать на свою ответственность все благоглупости парижских примиренцев — простых подголосков Троцкого.

Что же это — случайность? результат арестов? но аресты могли «щадить» *не работавших* в партии ликвидаторов, большевиков же и примиренцев они косили одинаково.

Нет, это не случайность и не результат удачи или успеха *лиц*. Это — результат краха политического *направления*, фальшивого в своих исходных пунктах. Фальшива в примиренчестве *основа* — стремление построить единство партии пролетариата на союзе *всех*, в том числе и антисоциал-демократических, непролетарских фракций, фальшива беспринципность его «объединительного» прожектерства, приводящего к пуфу, фальшивы фразы против «фракций» (при образовании *на деле* новой фракции), — фразы, бессильные распустить фракции антипартийные и ослабляющие фракцию большевиков, проведшую $^9/_{10}$ борьбы с ликвидаторством и отзовизмом.

Примеры беспринципного «объединительного» прожектерства дает нам в изобилии Троцкий. Припомните хотя бы (беру один из новейших примеров), как он хвалил парижскую «Рабочую Жизнь» [124]), руководимую парижскими примиренцами и голосовцами поровну. Вот восторг-то! писал Троцкий, «ни большевик, ни меньшевик, а революционный социал-демократ». Бедный герой фразы не заметил мелочи: революционер только тот с.-д., кто понял *вред* антиреволюционного якобы социал-демократизма в данной стране, в данное время, т.-е. вред ликвидаторства и отзовизма в России 1908—1911 годов, кто *умеет* бороться с подобными *не* с.-д. течениями. Целуя «Рабочую Жизнь» — никакой борьбы с *не* революционными с.-д. в России не ведшую — Троцкий только *разоблачал* план ликвидаторов, коим он служит верой и правдой: *равенство* в Ц. О. означает прекращение *борьбы* с ликвидаторами; ликвидаторы на деле имеют полную свободу борьбы с партией, а партию *пусть свяжет* по рукам и по ногам «равенство» голосовцев и партийцев в Ц. О. (и в Ц. К.). Победа ликвидаторов была бы тогда вполне обеспечена, и только лакеи ликвидаторов могли проводить или защищать такой план.

Примеры беспринципного «объединительного» прожектерства, обещающего мир и благодать без долгой, упорной, отчаянной борьбы с ликвидаторами, мы видели на пленуме у Ионова, Иннокентиева и др. примиренцев. Мы видели такой же пример в листке наших примиренцев, оправдывающих ликвидаторство «фракционностью» большевизма. Еще пример: их речи об «изоляции» большевиков *«от других течений* (*«Вперед»*, *«Правда»*), *стоящих на почве нелегальной с.-д. партии»*.

Курсив этой замечательной тирады принадлежит нам. В этой тираде — как солнце в малой капле вод — отразилась вся беспринципность примиренчества — основа его политического бессилия.

Во-первых, представляют ли «Правда» и «Вперед» *с.-д. течения*? Нет, не представляют, ибо «Вперед» представляет течение

несоциал-демократическое (отзовизм и махизм), а «Правда» представляет группку, *ни по одному* важному принципиальному вопросу революции и контр-революции *не давшую* самостоятельных и цельных ответов. А *течением* можно назвать только такую сумму политических идей, которые определились на *всех* важнейших вопросах *и* революции (ибо мы от нее слишком мало отошли и от нее во всех отношениях зависим), *и* контр-революции, и которые кроме того доказали свое право на существование, как течение, распространением среди широких слоев рабочего класса. И меньшевизм, и большевизм — с.-д. течения, это доказано опытом революции, историей 8-милетнего рабочего движения. Группок, никакого *течения* не представляющих, за это время была масса, как было их много и раньше. Смешивать течение с группками значит осуждать себя в партийной политике на *интриганство.* Ибо появление беспринципных группок, их эфемерное существование, их потуги сказать «свое слово», их «сношения» друг с другом, как особых держав, это и есть база заграничного *интриганства,* от которого нет и не может быть спасения ни в чем, кроме строгой, выдержанной, опытом долгой истории рабочего движения проверяемой принципиальности.

Во-вторых — и здесь мы сразу наблюдаем практическое превращение беспринципности примиренцев в интриганство — листок парижан говорит прямую и заведомую неправду, когда заявляет: «отзовизм уже не находит себе открытых сторонников и защитников в нашей партии». Это неправда, как известно всем и каждому. Эту неправду документально опровергает № 3 «Вперед» [125]) *(май 1911),* где *открыто* говорится, что отзовизм есть «*вполне законное течение* в нашей партии» (стр. 78). Или наши премудрые примиренцы станут утверждать, что такое заявление *не защита* отзовизма?

Вот, когда люди не могут оправдать принципиально своего сближения с той или иной группкой, им остается только политика маленькой лжи, мелкой лести, кивков и подмигиваний, т.-е. именно того, что в сумме и дает понятие интриганства. «Вперед» хвалит примиренцев — примиренцы хвалят «Вперед» и облыжно успокаивают партию насчет отзовизма. А в результате торги и переторжки о местах и местечках с *защитниками* отзовизма, с *нарушителями всех* решений пленума. Тайком помогают ликвидаторам, тайком помогают отзовистам — вот судьба примиренчества, вот в чем бессильное и жалкое интриганство.

В-третьих. «Совместная работа с ликвидаторами в России невозможна». Эту истину должны были признать и примиренцы. Спрашивается, признают ли эту истину группки «*Вперед*» и «*Правда*»? Не только не признают, а прямо заявляют *обратное,* прямо требуют «совместной работы» с ликвидаторами, прямо *ведут ее* (см. хоть отчет 2-ой впередовской школы). Спрашивается,

есть ли хоть тень принципиальности *и честности* в провозглашении политики сближения с группами, дающими *прямо обратные* ответы на *основные* вопросы? — ибо вопрос о ликвидаторстве прямой и единогласной резолюцией пленума признан одним из основных вопросов. Ясно, что нет, что тут перед нами идейная пропасть, а попытки построить через нее словесный мост, дипломатический мост, неизбежно, независимо от самых благих намерений Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича, осуждают их на интриганство.

И пока нам не покажут и не докажут на основании солидных данных и обзора важнейших вопросов, что «*Вперед*» и «*Правда*» представляют *с.-д. течения* (а никто даже не пытался за $1^1/_2$ года после пленума доказать это и нельзя этого доказать), до тех пор мы не устанем разъяснять рабочим весь вред тех беспринципных уловок, тех интриганских уловок, к которым сводится проповедуемое примиренцами сближение с «Впередом» и «Правдой». *Изоляция* от этих *не*социал-демократических и беспринципных, помогающих ликвидаторам, группок есть *первая обязанность* революционных с.-д. Обращаться к русским рабочим, связанным с «Впередом» и «Правдой», через головы этих группок против этих группок — такова политика, которую большевизм вел, ведет и проведет через все препятствия.

Я сказал, что примиренчество потерпело уже за $1^1/_2$ года своего *господства* в центрах партии полный политический крах. Обычный ответ на это: да, но это потому, что вы, фракционеры, нам мешали (см. письмо примиренцев — *а не* большевиков — Германа и Аркадия в «Правде» № 20)[126].

Вот в том и состоит *политический* крах направления и группки, что ей *все* «мешает», против нее *все* обращается, — ибо она неверно учла это «все», ибо она базой себе взяла пустые слова, вздохи, сожаление, хныканье.

А нам, господа, *все и вся* помогали, и в этом залог нашего успеха. Нам помогали гг. Потресовы, Ларины, Левицкие, ибо они *не могли* раскрыть рта, не подтверждая *наших* суждений о ликвидаторстве. Нам помогали гг. Мартовы и Даны, ибо они *заставили* всех согласиться с нашим суждением, что голосовцы и ликвидаторы едино суть. Нам помогал Плеханов *в той самой мере*, в которой он разоблачал ликвидаторов, указывал в резолюциях пленума оставленные *(примиренцами)* «лазейки для ликвидаторов», высмеивал *(проведенные примиренцами против нас)* «пухлые» и «интегралистские» места в этих резолюциях. Нам помогали русские примиренцы, «приглашавшие» Михаила, Юрия и Романа с ругательными выходками против Ленина (см. «Голос») и тем подтверждавшие, что отказ ликвидаторов *не* зависел от злокозненности «фракционеров». Отчего же это так вышло, любезные примиренцы, что вам все мешали, несмотря на вашу

добродетель, а нам все помогали, несмотря на нашу фракционную порочность?

Оттого, что политика вашей группки держалась только на фразе — зачастую очень благожелательной и благонамеренной — но пустой фразе. А действительное приближение единства создается *только* сближением *сильных* фракций, сильных своей идейной цельностью и влиянием на *массы*, проверенным опытом революции.

Фразой остаются и посейчас ваши восклицания против фракционности, ибо *вы сами фракция*, и притом одна из худших, ненадежнейших, беспринципных фракций. Фраза — ваше громогласное, широковещательное заявление (в «Информационном Бюллетене») — «ни сантима фракциям». Если бы вы это говорили серьезно, могли бы вы тратить «*сантимы*» на издание листка — платформы новой группки? Если бы вы это говорили серьезно, могли бы вы молчать при виде *фракционных* органов «Рабочая Газета» и «Дневник Социал-Демократа»? — могли бы вы не требовать их закрытия публично?*) Если бы вы потребовали это, поставили такое условие серьезно, вас бы просто осмеяли. Если же вы, прекрасно чувствуя это, остаетесь при одних томных воздыханиях, разве это не доказывает паки и паки, что ваше примиренчество висит в воздухе?

Разоружение фракций возможно лишь на почве взаимности — иначе оно есть реакционный лозунг, глубоко вредный делу пролетариата, демагогический лозунг, ибо он только *облегчает* непримиримую борьбу ликвидаторов против партии. Кто выдвигает теперь этот лозунг, *после* неудачи его применения пленумом, *после* срыва слияния (фракций) фракциями голосовцев и впередовцев, кто делает это, даже не пытаясь, не смея повторить условие взаимности, ясно поставить его, определить средства контроля за *реальным* его выполнением, тот просто опьяняет себя звуками сладких слов.

Большевики, сплачивайтесь, вы — единственный оплот последовательной и решительной борьбы с ликвидаторством и отзовизмом.

Ведите испытанную на деле, подтвержденную опытом политику сближения с *анти*ликвидаторским меньшевизмом, вот наш лозунг. Вот политика, которая не сулит молочных рек и кисельных берегов неосуществимого в эпоху распада и разложения «всеобщего мира», но которая двигает на деле вперед сближение на работе *течений*, представляющих *все*, что есть сильного, здорового, жизнеспособного в *пролетарском* движении.

---

*) Справедливость требует сказать, что парижские примиренцы, выпустившие теперь свой листок, были *против* образования «Рабочей Газеты» *и ушли с первого собрания*, на которое пригласила их редакция ее. Жалеем, что они не помогли нам (помогли в разоблачении пустоты примиренчества) открытым выступлением против «Рабочей Газеты»[127].

Роль примиренцев в эпоху контр-революции может быть охарактеризована такой картиной. Большевики с великим трудом двигают вверх по крутой горе наш партийный воз. Ликвидаторы-голосовцы изо всех сил тащат его назад, под гору. *На возу* сидит примиренец. Вид у него умильный, умильный; лицо — сладенькое, сладенькое, совсем как у Иисуса Христа. Вся фигура — воплощенная добродетель. И, скромно опустив очи долу, воздевая руки горѐ, примиренец восклицает: «благодарю тебя, господи, что я не похож на *этих* — кивок по адресу большевиков и меньшевиков — злокозненных фракционеров, мешающих всякому движению вперед». А воз двигается понемногу вперед, и на возу сидит примиренец. Когда большевики-фракционеры *разбили* ликвидаторский З. Б. Ц. К. и расчистили этим почву для постройки нового дома, для блока (или хотя бы временного союза) *партийных* фракций, тогда в этот дом вошли (ругая большевиков-фракционеров) примиренцы и окропили новоселье... святой водицей сладеньких речей о нефракционности!

Что стало бы из исторически-памятного дела старой «Искры», если бы она вместо последовательной, непримиримой принципиальной кампании против экономизма и «струвизма» пошла на какой-либо блок, союз или «слияние» *всех* групп и группок, которых было тогда за границей не меньше, чем теперь?

А между тем различия между нашей эпохой и эпохой старой «Искры» во много раз усиливают вред беспринципного и фразистого примиренчества.

Первое различие — то, что мы поднялись гораздо выше в развитии капитализма и буржуазии, в ясности классовой борьбы в России. *Для либеральной* рабочей политики господ Потресовых, Левицких, Лариных и К° *есть* уже (и *впервые* в России есть) известная объективная почва. Столыпинский либерализм кадетов и столыпинская рабочая партия уже складываются. Тем вреднее на деле примиренческие фразы и интриги с заграничными группками, поддерживающими ликвидаторов.

Второе различие — неизмеримо более высокая ступень развития пролетариата, его сознательности и классовой сплоченности. Тем вреднее *искусственная* поддержка примиренцами эфемерных заграничных группок («Вперед», «Правда» *и т. д.*), не создавших и не могущих создать никакого *течения* в социал-демократии.

Третье различие: в эпоху «Искры» были нелегальные организации экономистов в России, которые приходилось разбивать, раскалывать, чтобы объединить против них революционных с.-д. Теперь параллельных нелегальных организаций *нет*, речь идет лишь о борьбе с обособившимися *легальными* группами. И этот процесс обособления (признать его вынуждены даже примиренцы)

они *тормозят* своей политической *игрой* с заграничными фракциями, *не желающими* и не способными работать по линии такого размежевания.

Большевизм «перенес» отзовистскую болезнь, революционную фразу, игру в «левизну», шатание от социал-демократизма влево. Отзовисты выступили как фракция, когда *уже* нельзя было «отозвать» думских с.-д.

Большевизм перенесет и «примиренческую» болезнь, шатание в сторону ликвидаторства (ибо *на деле* примиренцы всегда были игрушкой в руках ликвидаторов). Примиренцы тоже безнадежно опоздали, выступив как фракция тогда, когда $1^1/_2$ года *господства* примиренчества после пленума уже исчерпали себя и примирять стало некого.

P. S. Настоящий фельетон был написан больше месяца тому назад. Он критикует «теорию» примиренцев. Что касается до «практики» примиренцев, нашедшей себе выражение в безысходной, нелепой, никчемной, постыдной склоке, которая царит в № 2 «Бюллетеня» примиренцев и поляков, — то об этом не стоит терять ни одного слова.

«Социал-Демократ» № 24, 31 (18) октября 1911 г.
Подпись: Н. Ленин.

ОБ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КАМПАНИИ И ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ ПЛАТФОРМЕ.

В будущем году предстоят выборы в IV Гос. Думу. Социал-демократия должна *немедленно* открыть избирательную кампанию. «Оживление» среди *всех* партий ввиду предстоящих выборов уже заметно. Первая полоса периода контр-революции явно кончилась: прошлогодние демонстрации, студенческое движение, голод в деревне и — последнее по счету, но не по важности! — стачечная волна, — все это указывает определенно на начало поворота, начало новой полосы периода контр-революции. Усиленная пропаганда, агитация и организация стоят на очереди дня, и естественной, неизбежной, злободневной «зацепкой» в такой работе являются предстоящие выборы. (Заметим в скобках, что те, кто подобно группке «впередовцев» среди с.-д. до сих пор колеблется насчет этих элементарных, вполне подтвержденных жизнью, опытом, партией истин, кто полагает, что «отзовизм» есть «законный оттенок» («Вперед», № 3, *май 1911 г., стр. 78*), — те просто вычеркивают себя из числа сколько-нибудь серьезных направлений или течений в социал-демократии).

Сначала — несколько замечаний об организации, постановке, ведении избирательной кампании. Чтобы *немедленно* начать ее, необходима немедленная *инициативная* деятельность нелегальных партийных *ячеек* Р. С.-Д. Р. П. во всех концах страны, во всех и всяческих легальных и полулегальных организациях, на всех крупных фабриках и заводах, среди всех слоев и групп населения. Надо смотреть неприглядной действительности прямо в лицо. Вполне оформленных партийных организаций в массе мест нет вовсе. Есть преданный социал-демократии рабочий авангард. Есть отдельные лица, есть небольшие группы. Поэтому инициативное образование ячеек (— слово, хорошо выражающее ту мысль, что внешние условия предписывают небольшие, очень гибкие, группы, кружки и организации) должно быть первой задачей *всех* социал-демократов, хотя бы двух-трех, могущих как-никак «зацепиться», собрать те или иные связи, начать хотя бы самую скромную, но систематическую работу.

При теперешнем положении дел нашей партии нет ничего опаснее тактики «ожидания» такой поры, когда сложится влиятельный русский центр. Всем социал-демократам известно, что работа по его созданию *ведется*, что *все возможное* для этого сделано теми, на ком прежде всего лежит такая обязанность, но всем с.-д. должно быть известно также, что полицейские трудности неимоверны — нельзя падать духом при первой, второй и третьей неудаче! — всем должно быть известно, что когда такой центр образуется, ему долго придется налаживать прочную сеть связи со всеми местами, ему порядочное время придется ограничиваться лишь *обще*-политическим руководством. Откладывать образование инициативных местных *ячеек* Р. С.-Д. Р. П., строго партийных, нелегальных, начинающих тотчас же подготовительную работу к выборам, делающих тотчас же всевозможные шаги для развития пропаганды и агитации (нелегальные типографии, листки, легальные органы, группки «легальных» с.-д. партийцев, транспортные связи *и т. д., и т. п.),* — откладывать это дело значило бы губить работу.

Для социал-демократии, которая ценит выборы больше всего, как дело политического просвещения народа, основным вопросом является, конечно, вопрос об идейно-политическом содержании всей пропаганды и агитации, связанной с выборами. Это и есть вопрос об избирательной платформе. Для всякой партии, сколько-нибудь заслуживающей этого имени, платформа задолго до момента выборов есть уже нечто данное, не нарочито придуманное «для выборов», а вытекающее неизбежно из всех *дел* партии, из всей постановки ее работы, из всего направления ее в данный исторический период. И для Р.С.-Д.Р.П. платформа уже дана, платформа уже есть налицо, она определена естественно и неизбежно принципами партии и той тактикой, которую партия *уже* установила, *уже* провела и ведет во всю ту эпоху политической жизни народа, которой выборы подводят всегда «итог» в известном отношении. Платформа Р.С.-Д.Р.П. есть *итог* той работы, которую революционный марксизм и оставшиеся верными ему слои передовых рабочих проделали в эпоху 1908—1911 годов, в эпоху разгула контр-революции, в эпоху «третьеиюньского» «столыпинского» режима.

Три главных слагаемых входят в этот итог: 1) программа партии; 2) ее тактика; 3) ее оценка господствующих или наиболее распространенных или наиболее вредных для демократии и для социализма идейно-политических течений данного времени. Без программы партия невозможна, как сколько-нибудь цельный политический организм, способный всегда выдерживать линию при всех и всяких поворотах событий. Без тактической линии, основанной на оценке переживаемого политического момента и дающей точные ответы на «проклятые вопросы» современности,

возможен кружок теоретиков, но не действующая политическая величина. Без оценки «активных», злободневных или «модных» идейно-политических течений программа и тактика способны выродиться в мертвые «пункты», проведение которых в жизнь, применение к тысячам детальных, конкретных и конкретнейших вопросов практики немыслимо с пониманием сути дела, с пониманием того, «что к чему».

Что касается до идейно-политических течений, характерных для периода 1908—1911 г.г. и особенно важных для понимания задач социал-демократии, то на первое место выдвигается здесь «веховство», как идеология *контр-революционной либеральной* буржуазии (идеология, вполне соответствующая политике к.-д. партии, что бы ни говорили ее дипломаты) и *ликвидаторство*, как проявление тех же упадочных и буржуазных влияний в среде, соприкасающейся с рабочим движением. Назад от демократии, подальше от движения масс, подальше от революции — таков лейт-мотив царящих в «обществе» направлений политической мысли. Подальше от нелегальной партии, задач гегемонии пролетариата в освободительной борьбе, от задачи отстаивания революции — таков лейт-мотив «веховства» среди марксистов, свившего себе гнездо в органах «Наша Заря» и «Дело Жизни». Что бы ни говорили узкие практицисты или люди, устало отворачивающиеся от тяжелой борьбы за революционный марксизм в нашу тяжелую эпоху, — нет *ни одного* вопроса «практики», *ни одного* вопроса нелегальной и легальной работы с.-д. в любой из областей ее работы, на который можно бы было дать точный и полный ответ пропагандисту и агитатору без понимания всей глубины и всего значения указанных «направлений мысли» столыпинского периода.

Избирательную платформу социал-демократии очень часто бывает полезно, а иногда и необходимо, завершить выставлением краткого общего лозунга, пароля выборов, выдвигающего самые коренные вопросы ближайшей политической практики, дающего самый удобный, самый близкий повод и материал для развертывания всесторонней социалистической проповеди. Для нашей эпохи таким паролем, таким общим лозунгом могли бы быть лишь следующие три пункта: 1) республика 2) конфискация всей помещичьей земли 3) 8-мичасовой рабочий день.

Первый пункт содержит квинт-эссенцию требований политической свободы. Ограничиться этим последним термином для выражения нашей партийной позиции по вопросам этого рода, или каким-либо другим, вроде «демократизаций» и т. п., было бы неправильно по той причине, что мы должны учитывать в пропаганде и агитации опыт революции. Разгон двух Дум, организация погромов, поддержка черносотенных банд и помилование черносотенных героев, «ляховские» подвиги в Персии,

государственный переворот 3 июня, ряд дальнейших «маленьких coups d'état» *) на этой почве (97 статья и пр.) — таков далеко не полный перечень деяний нашей монархии Романова — Пуришкевича — Столыпина и К°. Могут быть и бывали исторические условия, когда монархия оказывалась в состоянии уживаться с серьезными демократическими реформами вроде, например, всеобщего избирательного права. Монархия вообще не единообразное и неизменное, а очень гибкое и способное приспособляться к различным классовым отношениям господства, учреждение. Но из этих бесспорных абстрактных соображений делать выводы относительно конкретной русской монархии XX века значит издеваться над требованиями исторической критики и изменять делу демократии.

Наше положение и история нашей государственной власти — особенно за последнее десятилетие — показывают нам наглядно, что именно царская монархия есть средоточие той банды черносотенных помещиков (от них же первый — Романов), которая сделала из России страшилище не только для Европы, но теперь и для Азии, — банды, которая довела ныне произвол, грабежи и казнокрадства чиновников, систематические насилия над «простонародьем», истязания и пытки по отношению к политическим противникам и т. д., до размеров совершенно исключительных. При таком *конкретном* обличье, конкретной экономической основе и политической физиономии *нашей* монархии ставить в центре борьбы за политическую свободу требование, напр., всеобщего избирательного права было бы не столько оппортунизмом, сколько вообще бессмыслицей. Если речь идет о выборе центрального пункта требований, как общего лозунга выборной кампании, то надо же располагать различные демократические требования в сколько-нибудь правдоподобной перспективе и соразмерности; нельзя же, в самом деле, не вызывая смеха у людей грамотных и не порождая путаницы в умах безграмотных, добиваться признания приличного отношения к женщинам и неудобства употреблять «нецензурные» речения от Пуришкевича, терпимости от Илиодора, бескорыстия и честности от Гурко и Рейнбота, законности и правового режима от Толмачева и Думбадзе, демократических реформ от Николая Романова!

Поставьте вопрос с точки зрения, так сказать, обще-исторической. Бесспорно (для всех, кроме Ларина и горстки ликвидаторов), что буржуазная революция в России не закончена. Россия идет к *революционному* кризису. Мы должны доказывать необходимость революции, проповедывать законность и «полезность» ее. Если так, следует вести агитацию за политическую свободу таким образом, чтобы ставить вопрос во всей его

*) — государственных переворотов. *Ред.*

широте, чтобы указывать цель победоносному, а не останавливающемуся на полпути (как в 1905 г.) движению, давать лозунг, способный вызвать энтузиазм в массе исстрадавшихся от русской жизни, изболевших от позора быть русскими, стремящихся к действительно свободной, действительно обновленной России. — Поставьте вопрос с точки зрения пропагандистски-практической. Нельзя же не разъяснять даже самому темному мужику, что управлять государством должна «Дума», более свободно и всенародно выбираемая, чем первая. А как же сделать, чтобы «Думу» нельзя было разогнать? Нельзя этого сделать, не разрушив царской монархии.

Возразят, может быть: выставлять лозунг республики, как пароль всей избирательной кампании, значит исключать возможность легально вести ее, значит несерьезно относиться к признанию важности и необходимости легальной работы. Такое возражение было бы софизмом, достойным ликвидаторов. Нельзя говорить легально о республике (за исключением думской трибуны, с которой можно и должно, оставаясь *вполне* на почве легальности, вести республиканскую пропаганду), — но можно писать и говорить в защиту демократизма *так*, чтобы не делать ни малейшей поблажки идеям примиримости демократизма с монархией, — так, чтобы опровергать и высмеивать либеральных и народнических монархистов, — *так*, чтобы читатель и слушатель уяснили себе связь именно монархии, как монархии, с бесправием и произволом в России. О, русский человек прошел многовековую школу рабства: он умеет читать между строк и договаривать не сказанное оратором. «Не говори: не могу, а говори: не хочу» — вот как следует отвечать легальным деятелям социал-демократии, которые стали бы ссылаться на «невозможность» постановки требования республики в центре нашей пропаганды и агитации.

О важности требования конфискации всей помещичьей земли вряд ли есть надобность особенно распространяться. В такое время, когда в русских деревнях стоит неумолчный стон от столыпинской «реформы», идет борьба в самых ожесточенных формах между «новыми помещиками», стражниками и массой населения, нарастает — по свидетельству самых консервативных и враждебных революции людей — невиданная раньше злоба, в такое время *в центре* всей демократической избирательной платформы должно стоять указанное требование. Заметим только, что именно указанное требование ясно отделит последовательную пролетарскую демократию не только от помещичьего либерализма кадетов, но и от тех интеллигентски-чиновничьих разговоров о «нормах», «нормах потребительских», «нормах производительных», об «уравнительном распределении» и прочем вздоре, которые любят народники и над которыми смеются все толковые

крестьяне. Нам не к чему говорить, «сколько земли нужно мужичку»: русскому народу нужно конфисковать *всю* помещичью землю, чтобы скинуть с себя ярмо крепостнического гнета во *всей* экономической и политической жизни страны. Без такой меры Россия никогда не будет свободной, русский крестьянин никогда не будет хоть сколько-нибудь сытым и грамотным.

Еще менее необходимы комментарии к 3-му пункту: 8-мичасовой рабочий день. Контр-революция с бешенством отнимает у рабочих завоевания пятого года, и тем сильнее становится в рабочей среде борьба за улучшение условий труда и жизни; во главе этих улучшений стоит 8-мичасовой рабочий день.

Подводя итог, можно выразить двумя словами суть и жизненный нерв социал-демократической избирательной платформы: *за революцию!* Лев Толстой сказал незадолго до своей смерти, и сказал с характерным для худших сторон «толстовщины» сожалением, что русский народ необыкновенно быстро «научился делать революцию» [128]). Мы жалеем только о том, что русский народ не *до*учился этой науке, без которой он целые века может остаться рабом у Пуришкевичей. Но правда то, что русский пролетариат, в своем стремлении к полному социалистическому преобразованию общества, дал русскому народу вообще и русским крестьянам в особенности незаменимые *уроки* в этой науке. Никакие виселицы Столыпина, никакие потуги «веховцев» не заставят забыть этих уроков. Урок дан. Урок усваивается. Урок будет повторен.

Программа Р.С.-Д.Р.П., наша старая программа революционной социал-демократии есть основа нашей избирательной платформы. Наша программа дает точную формулировку наших социалистических задач, конечной цели социализма, и притом такую формулировку, которая заострена в особенности против оппортунизма и реформизма. В такую эпоху, когда реформизм во многих странах, и у нас в том числе, поднимает голову, — и когда, с другой стороны, множатся признаки, указывающие, что в самых передовых странах подходит к концу период так называемого «мирного парламентаризма», начинается период революционного брожения масс, — в такую эпоху наша старая программа приобретает еще бо́льшее (если возможна тут сравнительная степень) значение. По отношению к России программа Р.С.-Д.Р.П. ставит партии ближайшую цель: «свержение самодержавия царя и замену его демократической республикой». Специальные отделы программы, посвященные вопросам государственного управления, финансам, рабочему законодательству, аграрному вопросу, дают точный и определенный руководящий материал для *всей* разносторонней работы любого пропагандиста и агитатора, для конкретизации нашей избирательной платформы при выступлениях перед той или иной аудиторией, по тому или иному поводу, с той или иной темой.

Тактика Р.С.-Д.Р.П. эпохи 1908—1911 годов определена *декабрьскими резолюциями 1908 года*. Подтвержденные январским пленумом 1910 года, проверенные *опытом* всего «столыпинского» периода, эти резолюции дают точную оценку момента и вытекающих из него задач. Старое самодержавие по прежнему остается главным врагом, по прежнему повторяется неизбежность революционного кризиса, к которому снова идет Россия. Но обстановка уже не старая, самодержавие сделало «шаг по пути превращения в буржуазную монархию», оно пытается укрепить поместное землевладение крепостников новой, буржуазной аграрной политикой; оно налаживает союзы крепостников и буржуазии в черно-желтой Думе; оно использует широкое контрреволюционное (=«веховское») настроение в либеральной буржуазии. Капитализм сделал несколько шагов вперед, классовые противоречия обострились, раскол между демократическими элементами и «веховским» либерализмом кадетов стал яснее, деятельность социал-демократии охватывает новые области (Дума и «легальные возможности»), давая возможность, вопреки контрреволюции, расширять сферу действия пропаганды и агитации даже при сильном «разгроме» нелегальных организаций. Старые революционные задачи, старые, испытанные методы революционной массовой борьбы — вот, что отстаивает наша партия в эпоху распада и развала, когда приходится зачастую «начинать с начала», приходится не только по старому, но и по новому, новыми приемами, в измененной обстановке вести подготовительную работу, собирая силы к эпохе новых битв.

«Социал-Демократ» № 24. 31 (18) октября 1911 г.

ИЗ ЛАГЕРЯ СТОЛЫПИНСКОЙ «РАБОЧЕЙ» ПАРТИИ

Номера 6, 7 и 8 «Нашей Зари» посвящены, главным образом, избирательной кампании и избирательной платформе [129]). Сущность взглядов ликвидаторов прикрывается, в статьях на эту тему, необыкновенным количеством непомерно пухлых, вымученных, высокопарных фраз о «боевой мобилизации пролетариата», о «широкой и открытой мобилизации масс», о «массовых политических организациях самодеятельных рабочих», о «самоуправляющихся коллективах», «самосознательных рабочих» и т. д., и т. п. Юрий Чацкий договорился даже до того, что платформу надо не только «продумать», но и «прочувствовать»... Фразы эти, приводящие, наверное, в восторг гимназистов и гимназисток, оглушают читателя и «напускают туману», в котором нетрудно уже провести контрабанду.

Вот, например, г. Юрий Чацкий воспевает значение платформы и важность единой платформы. «Крупнейшее значение — пишет он — мы придаем *санкции* (платформы) *думской с.-д. фракции,* при том, однако, непременном *условии,* что последняя не пойдет по линии наименьшего сопротивления, санкционировав платформу, навязанную ей заграничными кружками».

Так и напечатано. И это не черносотенный орган, натравляющий на «жида» и на эмигранта, а «социал-демократический»! Как низко должны были пасть эти господа, чтобы, вместо разъяснения принципиальной разницы *их* платформы и платформы «заграничных кружков», кричать против заграницы!

Юрий Чацкий так неловок при этом, что выбалтывает, от имени какого кружка ведет он свою ликвидаторскую линию: «элементом возможной централизации — пишет он — является группа с.-д. (??) работников, тесно связанных с открытым рабочим движением (через «Нашу Зарю», а?) и приобретающих все бóльшую устойчивость»... (и все бóльший либеральный облик)... «мы имеем в виду в особенности Петербург»...

Прямо бы надо говорить, господа! Недостойно и неумно играть в прятки: «элементом централизации», попросту центром

(ликвидаторства) вы считаете — и законно — группку сотрудников петербургской «Нашей Зари». Шила в мешке не утаишь.

Л. Мартов пытается утаить шило, пересказывая легальные положения с.-д. программы, как основы избирательной платформы. Он говорит при этом хорошие слова, что не надо ни от чего «отказываться», ничего «урезывать». Это на стр. 48 № 7 — 8. А на стр. 54-ой, в заключительном абзаце статьи, читаем:

«Вся избирательная кампания должна нами (? «Нашей Зарей» и «Делом Жизни», очевидно) вестись под знаменем (sic!) борьбы пролетариата *за свободу своего политического самоопределения,* борьбы за право иметь свою классовую партию и свободно развивать свою деятельность, за участие в политической жизни в качестве самостоятельной организованной силы. Этому принципу должны быть подчинены как содержание избирательной агитации, так и методы избирательной тактики и организационной предвыборной работы».

Великолепное изложение *либеральной* рабочей платформы! Рабочий социал-демократ «ведет кампанию под знаменем» борьбы за свободу *всего народа,* за демократическую республику. Рабочий либерал борется «за право иметь свою классовую (в брентановском, социал-либеральном смысле) партию». Подчинять такому принципу, это и значит изменять делу демократии. И либеральные буржуа и ловкие дельцы правительства только того и хотят, чтобы рабочие боролись за свободу «своего политического самоопределения», а не за свободу всей страны — Мартов дал пересказ формулы Левицкого: «*не* гегемония, *а* классовая партия»! Мартов дал лозунг чистейшего «неоэкономизма». Экономисты говорили: рабочим экономическая, либералам политическая борьба. Неоэкономисты, ликвидаторы, говорят: все содержание избирательной агитации подчинить принципу: борьба рабочих за право иметь свою классовую партию.

Сознает ли Мартов смысл своих слов? Сознает ли он, что они означают отречение пролетариата от революции? «господа либералы, в 1905 году мы против вас поднимали на революцию массы вообще, крестьян в частности, мы боролись за свободу народа вопреки либеральным потугам остановить дело при полусвободе; отныне мы не будем «увлекаться» и будем бороться за свободу своей классовой партии». Ничего иного «веховские», контр-революционные либералы (ср. писания Изгоева в особенности) и не требуют от рабочих. Права рабочих иметь свою классовую партию либералы не отрицают. Они отрицают «право» пролетариата, единственного до конца революционного класса, поднимать *низы* на борьбу вопреки либералам и даже против либералов.

Посулив не «отказываться» и «не урезывать», Мартов именно так *урезал* с.-д. платформу, чтобы она вполне удовлетворяла Ларина, Потресова, Прокоповича, Изгоева.

Посмотрите, как Мартов критикует тактическую резолюцию партии (декабря 1908 года). «Неудачная формула» — говорит он о «шаге по пути превращения в буржуазную монархию», ибо «в ней исчезает реальность сделанного *назад* шага к разделу власти между носителями абсолютизма и землевладельческим дворянством», «в ней отсутствует момент решительного столкновения классов» — очевидно, буржуа либералов с крепостниками! О том, что либеральные буржуа в 1905—7 годах *убоялись* «решительного столкновения» с феодалами, предпочитая «решительно столкнуться» с рабочими и крестьянами, Мартов забывает (как забывают об этом либералы, обвиняющие рабочих в «эксцессах»). Мартов видит «шаг назад» самодержавия к крепостникам (в резолюции партии *точно* указан этот шаг: «сохранить за крепостниками их власть и их доходы»). Но Мартов не *видит* «шага назад», сделанного либеральными буржуа *от* демократии к «порядку», к монархии, к сближению с помещиками. Мартов не видит *связи* «шага по пути» к буржуазной монархии *с* контр-революционностью, с веховством либеральной буржуазии. Не видит потому, что он сам «веховец — среди марксистов». По либеральному мечтая о «решительном столкновении» либеральных буржуа с крепостниками, он выбрасывает за борт историческую реальность *революционного* столкновения рабочих и крестьян с крепостниками, *несмотря* на колебания либералов, несмотря даже на переход их в партию порядка.

Итог и здесь все тот же: резолюцию партии Мартов отвергает с точки зрения *либеральной* рабочей политики, не противопоставляя, к сожалению, никакой *своей* тактической резолюции (хотя необходимость базировать тактику на оценке «исторического смысла третьеиюньского периода» Мартов вынужден признать!).

Вполне понятно поэтому, что Мартов пишет: ...«стремлением рабочей партии должно быть... побудить имущие классы сделать тот или иной шаг в сторону демократизации законодательства и расширения конституционных гарантий»... Всякий либерал считает вполне законным стремление рабочих «побудить *имущие классы*» к тем или иным шагам — условие либерала: чтобы рабочие не смели побуждать *неимущих* к «шагам», *не нравящимся* либералам. Вся политика английских либералов, так глубоко развративших английских рабочих, сводится к тому, чтобы предоставлять рабочим «побуждать имущие классы» и *не позволять рабочим* отвоевывать себе гегемонию в общенародном движении.

Вполне понятна также ненависть Чацкого, Мартова, Дана к «левоблокистской» тактике. Под ней они понимают не «левый блок» на выборах, а общую тактику, установленную лондонским съездом: *вырывать* крестьян (и мелких буржуа вообще) из-под

влияния кадетов; *заставлять* народнические группы *делать выбор* между к.-д. и с.-д. Отказ от этой тактики есть *отречение от демократии:* не видеть этого *теперь,* после «столыпинского периода», после подвигов «столыпинского либерализма к.-д.» (лондонский лозунг Милюкова: «оппозиция его величества»!), *после* «*Вех*» могут только столыпинские социал-демократы.

Не нужно делать себе иллюзий: избирательных платформ у нас *две,* — это факт. От него нельзя отговориться фразой, сетованиями, пожеланиями. Одна — изложенная выше, основанная на решениях партии. Другая — потресовско-ларинская, развитая и дополненная Левицким, Юрием Чацким и К° и подмалеванная Мартовым. Эта последняя, *якобы социал-демократическая,* платформа есть на деле *платформа либеральной рабочей политики.*

Кто не понял разницы, непримиримой разницы этих *двух* платформ рабочей политики, тот не может *сознательно* вести избирательную кампанию. Того ждут на каждом шагу разочарования, «недоразумения», комические или трагические ошибки.

«Социал-Демократ» № 24, 31 (18) октября 1911 г.

ИТОГ.

Полемика Витте и Гучкова усердно подхвачена и «Речью» и «Русскими Ведомостями» в целях выборной агитации. Характер полемики виден ясно из следующей тирады «Речи»:

«Как часто гг. октябристы под предводительством Гучкова, в угоду начальству, оказывались коллегами единомышленников г. Дурново! Как часто, обращенные взорами к начальству, они оказывались спиной к общественному мнению!» [180]).

Это говорится по поводу того, что Витте в октябре — ноябре 1905 г. совещался о составлении министерства с гг. Урусовым, Трубецким, Гучковым, М. Стаховичем, причем последние трое решительно не соглашались на кандидатуру Дурново в министры внутренних дел.

Упрекая октябристов, гг. кадеты обнаруживают, однако, удивительную забывчивость по отношению к своему собственному прошлому. «Октябристы оказывались коллегами единомышленников Дурново». Это справедливо. И это доказывает, несомненно, что о демократизме октябристов смешно было бы говорить. Но октябристы не претендуют на демократизм. А кадеты называют себя «конституционными демократами». Но разве эти «демократы», например, в лице Урусова, который защищал кандидатуру Дурново на совещаниях с Витте, не оказывались «коллегами единомышленников Дурново»? Разве в обеих первых Думах кадеты, как партия, не оказывались «обращенными взорами к начальству и спиной к общественному мнению»?

Нельзя же забывать или извращать общеизвестные факты. Припомните историю с местными земельными комитетами в I Думе. Кадеты были против *именно* «в угоду начальству». Кадеты по этому (одному из важнейших для эпохи I Думы политических вопросов) несомненно «обращали взоры к начальству» и «оказывались спиной к общественному мнению». Ибо трудовики и рабочие депутаты, представлявшие $^9/_{10}$ населения России, были тогда *за* местные земельные комитеты. Десятки раз по другим вопросам наблюдалось такое же соотношение партий и в I и во II Думах.

Трудно представить себе, как могли бы кадеты оспорить эти факты. Неужели можно утверждать, что они не расходились с трудовиками и рабочими депутатами в обеих первых Думах, что они не оказывались при этом рука об руку с Гейденами, октябристами и начальством? Что трудовики и рабочие депутаты не представляли громадное большинство населения в силу избирательной системы [131]). Или общественным мнением наши «демократы» назовут мнение «образованного» (с точки зрения казенных дипломов) «общества», а не мнение большинства населения?

Если оценивать исторически период, когда Столыпин был премьером, т.-е. пятилетие 1906—1911 годов, то невозможно отрицать того, что и октябристы и кадеты *не были* демократами. А так как только кадеты претендуют на это звание, то именно здесь самообман кадетов и обман ими «общественного мнения», мнения масс, в особенности ощутителен, в особенности вреден.

Мы не хотим сказать, конечно, что октябристы и кадеты «одна реакционная масса», что октябристы не менее либеральны, чем кадеты. Мы хотим сказать им, что одно дело либерализм, другое дело демократия. Либералам естественно считать «общественным мнением» мнение буржуазии, а не мнение крестьян и рабочих. Демократ не может стоять на такой точке зрения и, какие бы иллюзии он ни питал подчас насчет интересов и стремлений массы, демократ *верит* в массу, в *действие* масс, в законность настроений, в целесообразность методов борьбы массы.

Это отличие либерализма от демократии приходится напоминать тем настойчивее, чем больше злоупотребляют именем демократа. Выборы во всех буржуазных странах служат для буржуазных партий целям рекламы. Для рабочего класса выборы и выборная борьба должны служить целям политического просвещения, уяснения *действительной* природы партий. О политических партиях нельзя судить по их названиям, заявлениям, программам, а надо судить по их *делам*.

Но полемика Витте с Гучковым, затронувшая вопрос о начале министерской карьеры Столыпина (Гучков свидетельствует, между прочим, что против кандидатуры Столыпина *осенью 1905 г.* не возражал *никто* из «общественных деятелей»), поднимает еще другие, гораздо более важные и интересные вопросы.

Первый раз, когда была выдвинута (осенью 1905 г.) кандидатура Столыпина на пост министра внутренних дел, ее выдвинули на совещании Витте с представителями либеральной буржуазии. Даже в эпоху I Думы Столыпин, как министр внутренних дел, «два раза через Крыжановского предлагал С. А. Муромцеву обсудить возможность кадетского министерства»;—так пишет газета «Речь» в редакционной статье от 6-го сентября, добавляя осторожно-уклончивое: «Есть указания», что Столыпин поступал таким образом. Достаточно припомнить, что прежде кадеты отделы-

вались молчанием или бранью в ответ на подобные «указания». Теперь они сами приводят эти указания, очевидно, давая тем самым подтверждение их верности.

Пойдем далее. После разгрома I Думы, когда Столыпин стал премьером, были адресованы прямые предложения войти в министерство Гейдену, Львову, М. Стаховичу. После неудачи этой «комбинации», — «во время первого междудумья П. А. Столыпин завязал тесные политические сношения с А. И. Гучковым», и эти сношения продолжались, как известно, до 1911 года.

Что же мы видим в итоге? Кандидатура Столыпина на пост министра обсуждается с представителями буржуазии, и в течение всей своей министерской карьеры, с 1906 по 1911 год, Столыпин делает «предложения» одним представителям буржуазии за другими, завязывая или пытаясь завязать политические сношения сначала с кадетами, потом с мирнообновленцами и, наконец, с октябристами. Сначала Столыпина, как кандидата в министры, «предлагают» «общественным деятелям», т.-е. вождям буржуазии, а потом Столыпин, уже как министр, *в течение всей своей карьеры*, делает «предложения» Муромцевым, Гейденам, Гучковым. Столыпин кончает свою карьеру (известно, что отставка Столыпина была уже предрешена), когда *исчерпывается* весь круг всяческих партий и оттенков буржуазии, которым можно было делать «предложения».

Вывод, следующий из этих фактов, ясен. Если кадеты и октябристы пререкаются теперь между собою насчет того, кто из них более холопски держался на переговорах о министрах или с министрами, Урусов или Гучков, Муромцев или Гейден, Милюков или Стахович и т. д., и т. п., то подобные пререкания мелки и служат только к отвлечению внимания публики от серьезного политического вопроса. А этот серьезный вопрос явно сводится к тому, чтобы понять условия и значение той особой эпохи в истории русского государственного строя, когда министры вынуждены были делать систематические «предложения» вождям буржуазии, когда министры *могли* находить хотя бы некоторую общую почву с этими вождями, общую почву для ведения и возобновления переговоров. Не то важно, кто хуже держался при этом, Карп или Сидор — важно то, что, во 1-х, старопомещичий класс не мог уже командовать без «предложений» вождям буржуазии; важно то, во 2-х, что нашлась *общая почва* для переговоров у дикого помещика и у буржуа, и почвой этой была *контрреволюционность*.

Столыпин не просто министр помещиков, переживших 1905 год; нет, это вместе с тем министр эпохи контр-революционных настроений в буржуазии, которой помещики должны были делать предложения и могли их делать вследствие общей вражды к «пятому году». Эти настроения буржуазии — если даже говорить

сейчас только о кадетах, о самой левой из «либеральных» партий — выразились и в проповеди «Вех», обливших помоями демократию и движение масс, и в «лондонском» лозунге Милюкова, и в многочисленных лампадных речах Караулова, и в речи по аграрному вопросу Березовского 2-го и т. д.

Вот эту сторону дела слишком склонны забывать все наши либералы, вся либеральная печать, вплоть до либеральных рабочих политиков. А между тем именно эта сторона дела самая важная, объясняющая нам историческое отличие тех условий, при которых помещики становились губернаторами и министрами в XIX или в начале XX века и *после 1905 года*. Пререкаясь с Гучковым, кадетская «Речь» пишет («Речь» 30 сентября): «русское общество помнит хорошо формуляр октябризма».

О, да! Либеральное общество помнит хорошо мелкую перебранку «своих людей», Урусовых и Милюковых с Гейденами, Львовыми, Гучковыми. Но русская демократия вообще — и рабочая демократия в особенности — *помнит хорошо* «формуляр» *всей* либеральной буржуазии, вплоть до кадетов; она помнит хорошо, что великий сдвиг 1905 года заставил помещиков и помещичью бюрократию искать поддержки у буржуазии, а эта буржуазия использовала свое положение замечательно достойно. Она целиком соглашалась с помещиками в том, что местные земельные комитеты ненужны и вредны, она расходилась с ними в необыкновенно важном, поистине принципиальном вопросе: Дурново *или* Столыпин!

«Звезда» № 26, 5 ноября (23 октября) 1911 г.
Подпись: В. Ф.

ДВА ЦЕНТРА.

Начало последней сессии третьей Думы сразу же поставило вопрос об итогах работы этого учреждения. Один из важнейших итогов мы можем формулировать словами «Речи».

«Мы имеем — писал недавно ее передовик [132])—ряд голосований, фактически воспроизводящих господство в Думе «левого центра»... Действительная деятельность Думы, соприкасающаяся с живыми запросами и требованиями жизни, идет с самого начала четвертой сессии неизменно и систематически курсом — несуществующего, конечно, — левого центра».

И, как бы ловя «самого» премьера, газета ликующе восклицает: «Г. Коковцов не постеснялся (в первом своем выступлении) трижды заявить о своей полной солидарности с доводами (кадета) Степанова».

Факт бесспорный: «левый центр» налицо. Вопрос только, о «жизни» или о застое свидетельствует наличность этого факта?

В III Думе с самого начала были два большинства. Марксисты еще в конце 1907 года, до начала «работ» этой Думы, выставили центральным пунктом своей оценки момента и оценки III Думы признание «двух большинств» и характеристику обоих.

Первое большинство — черносотенно-правооктябристское, второе — октябристско-кадетское. Избирательный закон в III Думу так и подстроен, чтобы получились эти два большинства. Напрасно наши либералы притворяются, будто они не видят этого.

Не случайность и не какой-нибудь хитрый расчет отдельных лиц, а весь ход классовой борьбы 1905 — 07 годов сделал неизбежным для правительства вступление на этот именно путь. События показали, что «ставить ставку» на массу населения невозможно. Прежде, до «событий», иллюзия казенной «народной политики» еще могла держаться; события ее разбили. Ставку пришлось открыто, голо, цинично поставить на один командующий класс, класс Пуришкевичей и Марковых, и на сочувствие или испуг буржуазии. У одних разрядов буржуазии преобладало стремление к систематической поддержке (октябристы), у других—

сочувствие к так называемому порядку или испуг (кадеты),— это различие серьезной роли не играло.

Указанный сдвиг *всей* русской политической системы наметился еще в тех беседах, которые вели с конца 1905 года Витте, Трепов, Столыпин с Урусовым, Трубецким, Гучковым, Муромцевым, Милюковым. Окончательно определился и отлился в государственно-учредительные формы этот сдвиг в третьей Думе с ее двумя большинствами.

О том, зачем нужно данному политическому строю первое большинство, излишне говорить. Но обыкновенно забывают, что и второе, октябристско-кадетское, большинство для него необходимо: без «буржуазного истца» правительство не могло бы быть тем, что оно есть; без сговора с буржуазией оно не в состоянии существовать; без попыток примирить Пуришкевичей и Марковых с буржуазным строем и буржуазным развитием России ни министерство финансов, ни все министерства вместе — жить не могут.

И теперь, если «левый центр» оказывается неудовлетворенным, несмотря на свою скромность, то это свидетельствует, конечно, о растущем убеждении *всей* буржуазии в тщете ее жертв на алтарь Пуришкевичей.

Но «живые запросы и требования жизни» могут получить удовлетворение не от этих воздыханий и жалоб «левого центра», а только при условии сознания всей демократией причин бессилия и жалкого положения центра. Ибо весь центр, и левый в том числе, стоит на почве контр-революционной: они стонут от Пуришкевичей, но они *не хотят и не могут* обойтись без Пуришкевичей. Вот почему участь их горькая, вот почему ни одной победы, ни одной даже частички победы нет за этим левым центром.

«Левый центр», о котором говорит «Речь», есть смерть, а не жизнь, ибо весь этот центр — в решительные моменты русской истории испугался демократии и отвернулся от нее. А дело демократии есть живое дело, самое живое дело в России.

Живые запросы и требования жизни пролагают себе дорогу в таких областях, которые далеки от заполняющего внимание кадетов «левого центра». Вдумчивый читатель не мог не заметить, конечно, при чтении, например, думских отчетов о прениях по поводу «охраны»,— что постановка вопроса в речах Покровского 2-го и особенно Гегечкори, как небо от земли, как жизнь от смерти, отличалась от постановки вопроса у Родичева и его компании.

«Звезда» № 28, 18 (5) ноября 1911 г.

СТАРОЕ И НОВОЕ.

ИЗ ЗАМЕТОК ГАЗЕТНОГО ЧИТАТЕЛЯ.

Возьмешь в руки газеты — и сразу атмосфера «старой» России надвигается со всех сторон. Дело об армавирском погроме. Избиение с ведома и согласия властей, западня, устроенная начальством, «кем-то внушенное и предписанное» (слова гражданского истца) «избиение русской интеллигенции в широком смысле этого слова» [133]). Старая, но вечно новая действительность русской жизни, — горькая насмешка над «конституционными» иллюзиями.

Горькая, но полезная насмешка! Ибо ясно, — и молодому поколению России все более становится ясно, — что никакие осуждения, никакие резолюции тут не помогут. Тут дело идет о всей политической системе в целом, тут историческая правда пробивает себе дорогу сквозь дымку мечтательного обмана, будто возможно влить вино новое в меха старые.

Голод… Продажа скота, продажа девушек, толпы нищих, тиф, голодная смерть. «У населения есть только одна привилегия — умирать тихо и незаметно», — пишет один корреспондент.

«Земцы, говоря по просту, перепугались того, что они очутятся со своими имениями среди голодных, озлобленных, потерявших всякую веру на какой-нибудь просвет, людей» (из Казанской губернии).

На что, казалось бы, благонадежно нынешнее земство, а между ними и правительством идет спор из-за размеров ссуд. Просят 6 миллионов рублей (Казанская губерния) — казна дает 1 миллион. Просили 600 тысяч (Самара) — переведено 25 тысяч рублей.

По-старому!

В Холмском уезде Псковской губернии на земском собрании против земской агрономии, — для хуторян только! — выступили даже земские начальники. На Кубани состоялся съезд станичных атаманов — все единодушно высказались против принятого III Думой плана укрепления наделов в личную собственность.

В Царицыне уездный съезд постановил не предавать суду старосту, истязавшего женщину («в целях розыскания преступника»). Губернское присутствие отменило постановление.

Под Петербургом рабочие надели мешок на управляющего фабрикой г. Яковлева и поволокли к Неве. Стражники разогнали рабочих. 18 арестовано.

Трудно удивляться тому, что даже газете «*Речь*» приходится констатировать, при таких картинках жизни, «большую общественную приниженность». А г. Кондурушкин сетует в письмах из Самары о голоде *): «оно, это русское общество, представляется мне мягким, как резина, как тесто. Можно смять его и тискать *словом и делом*. Но отошел — и опять *затянуло* все по-старому».

«Он, этот русский обыватель и интеллигент, богатый и бедный, спокоен. Вот, когда начнут от голода «пухнуть», он возрадуется, со слезами заликует. Ему непременно надо со слезами идти на помощь, с чувствами «благородными». Ему при этом предстоит прекрасный случай *о душе своей позаботиться*. А без чувств, без слез и работа не работа, и помощь не в помощь. Без слез-то своих он и дела значительным не сочтет и с места не тронется. Нет, ты его сначала растрогай, заставь плакать и в чистый платочек высморкаться. А суровый расчет, здоровое и трезвое сознание *государственной необходимости* — это скучно, тут нет *мягкого* настроения».

Да, да, проповедь «суровости» очень не бесполезна в мире «теста» и «резины». Только наш либерал не замечает, *с какой стороны* ведет он такую проповедь, «здоровое и трезвое сознание государственной необходимости», — вы это не у Меньшикова ли списали, г. Кондурушкин? Ведь именно на почве «теста» и «резины», именно на почве мягкого и слезливого настроения только и возможны подобные речи о государственности. Именно потому, что есть тестообразные люди, чувствуют себя уверенно глашатаи «здоровой и трезвой государственности».

«Русское общество мягко, как резина», — *по-старому* говорит г. Кондурушкин. Есть общество и общество. Было время, когда слово «общество» все обнимало, все покрывало, выражало разнородные, просыпающиеся к сознательности, элементы населения или просто так называемых «образованных» людей.

Но именно в этом отношении дела обстоят уже в России не по-старому. Когда можно было говорить только об обществе, тогда лучшие люди его проповедывали суровую борьбу, а не «здоровое и трезвое сознание государственной необходимости».

А теперь об «обществе» вообще говорить нельзя. В старой России обнаружились различия новых сил. Старые бедствия, по-старому, в виде голода и т. д., надвигающиеся на Россию, обостряющие старые вопросы, требуют учета того, как обнаружили себя эти новые силы в первое десятилетие XX века.

«Общество» мягко и слезливо благодаря бессилию и нерешительности того класса, к которому оно тяготеет и на $^{9}/_{10}$ принадлежит. Проповедь «сурового расчета, трезвого и здорового созна-

*) Охваченный «тоской общерусского неуюта».

ния государственной необходимости» есть только оправдание господства «начальства» над этим дряблым обществом.

А истекшее десятилетие показало элементы населения, к «обществу» не принадлежащие, мягкостью и слезливостью не отличающиеся...

В России все «по-старому» — наверху, но есть кое-что новое — внизу. Кому «тоска общерусского неуюта» поможет увидать, нащупать, найти это твердое, не слезливое, не тестообразное новое, тот сумеет найти дорогу, ведущую к избавлению от старого.

А у кого сетования на эту тоску перемешиваются с речами о «здоровом и трезвом сознании государственной необходимости», тот едва ли не останется навеки составной частью «теста», дающего себя «мять и тискать». Таких людей как раз во имя «здоровой и трезвой» государственности «мнут и тискают», — и поделом.

Если из ста лиц, подвергаемых таковой операции, один из «общества» потвердеет, результат будет полезный. Без размежовки добра не будет.

«Звезда» № 28, 18 (5) ноября 1911 г.
Подпись: В. Ф.

РЕЧЬ, ПРОИЗНЕСЕННАЯ ОТ ИМЕНИ Р.С.-Д.Р.П. НА ПОХОРОНАХ ПОЛЯ И ЛАУРЫ ЛАФАРГ 3 ДЕКАБРЯ (20 НОЯБРЯ) 1911 Г.

Товарищи!

Я беру слово, чтобы от имени Р. С.-Д. Р. П. выразить чувство глубокой горести по поводу смерти Поля и Лауры Лафарг. Сознательные рабочие и все социал-демократы России еще в период подготовки русской революции научились глубоко уважать Лафарга, как одного из самых талантливых и глубоких распространителей идей марксизма, столь блестяще подтвержденных опытом борьбы классов в русской революции и контр-революции. Под знаменем этих идей сплотился передовой отряд русских рабочих, нанес своей организованной массовой борьбой удар абсолютизму и отстаивал и отстаивает дело социализма, дело революции, дело демократии вопреки всем изменам, шатаниям и колебаниям либеральной буржуазии.

В лице Лафарга соединялись — в умах русских с.-д. рабочих — две эпохи: та эпоха, когда революционная молодежь Франции с французскими рабочими шла, во имя республиканских идей, на приступ против империи, — и та эпоха, когда французский пролетариат, под руководством марксистов, вел выдержанную классовую борьбу против всего буржуазного строя, готовясь к последней борьбе с буржуазией за социализм.

Нам, русским социал-демократам, испытывающим весь гнет абсолютизма, пропитанного азиатским варварством, и имевшим счастье из сочинений Лафарга и его друзей почерпнуть непосредственное знакомство с революционным опытом и революционной мыслью европейских рабочих, нам в особенности наглядно видно теперь, как быстро близится время торжества того дела, отстаиванию которого Лафарг посвятил свою жизнь. Русская революция открыла эпоху демократических революций во всей Азии, и 800 миллионов людей входят теперь участниками в демократическое движение всего цивилизованного мира. А в Ев-

ропе все больше множатся признаки, что близится к концу эпоха господства так называемого мирного буржуазного парламентаризма, чтобы уступить место эпохе революционных битв организованного и воспитанного в духе идей марксизма пролетариата, который свергнет господство буржуазии и установит коммунистический строй.

«Социал-Демократ» № 25, 21 (8) декабря 1911 г.

ГАЙНДМАН О МАРКСЕ.

Недавно вышли в свет объемистые мемуары одного из основателей и вождей английской «социал-демократической партии» Генри Майерса Гайндмана. Книга почти в пятьсот страниц называется: «Записки о полной приключений жизни» *) и представляет из себя живо написанные воспоминания о политической деятельности автора и о «знаменитых» людях, с которыми он был знаком. Книга Гайндмана дает много интересного материала для характеристики английского социализма и для оценки некоторых важнейших вопросов всего международного рабочего движения.

Мы думаем поэтому, что будет своевременно посвятить несколько статеек книге Гайндмана особенно в виду «выступления» право-кадетских «Русских Ведомостей» (от 14 октября) с статьей либерала Дионео [134]), дающего замечательный образчик либерального освещения или, вернее, затемнения этих вопросов.

Начнем с воспоминаний Гайндмана о Марксе. Г. Гайндман познакомился с ним только в 1880 году, будучи, видимо, очень мало осведомлен об его учении и о социализме вообще. Характерно для английских отношений, что Гайндман, родившийся в 1842 году, был до тех пор неопределенного цвета «демократом» со связями и симпатиями в консервативной партии (тори). К социализму Гайндман повернул после чтения «Капитала» (во французском переводе) во время одной из своих многочисленных поездок в Америку между 1874 и 1880 г.г.

Отправляясь, в сопровождении Карла Гирша, знакомиться с Марксом, Гайндман мысленно сравнивал его с... Мадзини!

В какой плоскости ставил эти сравнения Гайндман, видно из того, что влияние Мадзини на окружающих он называет «личным и индивидуально-этическим», а влияние Маркса «почти всецело интеллектуальным и научным». К Марксу Гайндман шел, как к «великому аналитическому гению», стремясь учиться у него, — в

*) «The Record of an Adventurous Life», by Henry Mayers Hyndman. London (Macmillan and Co). 1911.

Мадзини его привлекал характер, «возвышенный образ мыслей и поведения». Маркс был, «неоспоримо, более могучим умом». Гайндман, неоспоримо, весьма плохо понимал в 1880 году (да не совсем понял и теперь — об этом ниже) различие между буржуазным демократом и социалистом.

«Когда я увидал Маркса — пишет Гайндман — мое первое впечатление было: сильный, лохматый, неукротимый старик, который готов — чтобы не сказать: стремится — вступить в конфликт и настроен с некоторой подозрительностью, как будто бы ему предстояло сейчас же выдержать нападение. Но он поздоровался со мной любезно, и столь же любезны были его первые слова. Я сказал, что мне доставляет большое удовольствие и честь пожать руку автора «Капитала», он ответил, что с удовольствием читал мои статьи об Индии *) и лестно отзывался о них в своих корреспонденциях в газеты».

«Когда Маркс говорил с бешеным негодованием о политике либеральной партии, в особенности, по отношению к Ирландии, — маленькие, глубоко-сидящие глаза старого борца загорались, тяжелые брови хмурились, широкий большой нос и лицо приходили в движение, и с уст лились рекой горячие, бурные обвинения, которые показали мне и всю страстность его темперамента и превосходное знание английского языка. Контраст был поразительный между его манерой говорить, когда его так глубоко волновал гнев, и всем его обличьем, когда он излагал свои взгляды на экономические события известного периода. Без всякого заметного усилия он переходил от роли пророка и могучего трибуна к роли спокойного философа, и я сразу почувствовал, что пройдет много долгих лет, пока я перестану чувствовать себя перед ним в области этих последних вопросов, как ученик перед учителем.

«Меня поразило, когда я читал *«Капитал»* и в особенности мелкие сочинения его, о Парижской Коммуне и «18 брюмера», как он умел соединять самое точное и холодное исследование экономических причин и социальных последствий с самой горячей ненавистью к классам и даже к отдельным лицам, вроде Наполеона III или Тьера, которые, по его же собственной теории, были не более, как мухами на колесах Джаггернаутовой колесницы капиталистического развития. Не надо забывать, что Маркс был еврей, и мне казалось, что он соединял в себе, в своем характере, в своей фигуре — с его внушительным лбом, большими навислыми бровями, пылкими, сверкающими глазами, широким чувственным носом и подвижным ртом, с лицом, обросшим со всех сторон лохматыми волосами, — праведный гнев великих пророков его расы и холодный аналитический ум Спинозы и еврейских ученых. Это было необыкновенное сочетание различных способностей, подобного которому я не встречал ни в одном человеке.

«Когда мы с Гиршем вышли от Маркса, и я находился под глубоким впечатлением личности этого великого человека, Гирш спросил меня, что́

---

*) Гайндман до своего недавнего поворота к шовинизму был решительным врагом английского империализма и вел с 1878 года благородную кампанию разоблачений против тех позорных насилий, бесчинств, грабежей, надругательств (вплоть до сечения политических «преступников»), которыми прославили себя издавна англичане всех партий в Индии — вплоть до «образованного» и «радикального» писателя Джона Морли (Morley).

я думаю о Марксе. «Я думаю, — отвечал я, — что это Аристотель XIX века». И однако, сказав это, я сейчас же заметил, что такое определение не охватывает всего «предмета». Взять прежде всего то, что невозможно себе представить Маркса соединяющим функции царедворца по отношению к Александру Македонскому с глубокими научными работами, так могущественно повлиявшими на ряд поколений. А кроме того, Маркс никогда не отделял себя так полно — вопреки тому, что много раз о нем говорили, — от непосредственных человеческих интересов, чтобы рассматривать факты и их обстановку в том холодном, сухом освещении, которое характерно для величайшего философа древности. Не может быть никакого сомнения, что у Маркса ненависть к окружавшей его системе эксплуатации и наемного рабства была не только интеллектуальная и философская, но и страстно-личная.

«Помню, однажды я сказал Марксу, что, становясь старше, я становлюсь, мне кажется, более терпимым. «Более терпимым? — отвечал Маркс — *более* терпимым?» Было ясно, что он более терпимым не становится. Я думаю, что именно эта глубокая ненависть Маркса к существующему порядку вещей и его уничтожающая критика своих противников помешала многим из числа образованных людей зажиточного класса оценить все значение его великих произведений и сделала такими героями в их глазах третьестепенных полузнаек и логомахов вроде Бем-Баверка только из-за того, что они извращали Маркса и пытались «опровергнуть» его. Мы привыкли теперь, особенно в Англии, бороться всегда с большими мягкими шарами на концах рапир. Яростные нападения Маркса с обнаженной шпагой на его противников кажутся неприличными нашим джентльменски лицемерным ученым дуэлянтам, и они не в состоянии поверить, что такой беспощадный полемист и неистовый враг капитала и капиталистов был на самом деле самым глубоким мыслителем нашей эпохи».

В 1880 году Маркс был почти незнаком английской публике. Здоровье его в то время уже заметно слабело, усиленные занятия (до 16 часов в сутки и больше умственного труда!) подорвали его организм, доктора запретили ему заниматься по вечерам, и я пользовался — рассказывает Гайндман — его часами досуга для бесед с ним с конца 1880 до начала 1881 года.

«Наша манера беседовать была довольно оригинальная. Маркс имел привычку ходить быстро взад и вперед по комнате, когда он оживлялся спором, — как будто бы он гулял по палубе морского судна. Я приобрел за время своих долгих путешествий (в Америку, Австралию и т. д.) такую же привычку шагать взад и вперед, когда голова чем-нибудь особенно занята. И вот, можно было наблюдать такую сцену, что учитель и ученик шагают по два и по три часа вдоль и поперек комнаты вокруг стола, обсуждая вопросы современной эпохи и дела минувших дней».

Какова была позиция Маркса по различным вопросам, которые он обсуждал с Гайндманом, этого последний не передает сколько-нибудь обстоятельно *ни по одному вопросу*. Из изложенного выше видно, что Гайндман сосредоточивается больше всего и почти исключительно на *анекдотической* стороне дела: это соответствует всему остальному содержанию его книги. Автобио-

графия Гайндмана есть биография английского буржуазного филистера, который, будучи лучшим из лучших в своем классе, пробивает себе, в конце концов, дорогу к социализму, никогда не отделываясь полностью от буржуазных традиций, буржуазных взглядов и предрассудков.

Повторяя филистерские попреки Марксу и Энгельсу, что они будто бы были «самодержцами» в «якобы демократическом» Интернационале, что они не понимали практики, не знали людей и т. д., Гайндман ни разу ни одного из этих попреков не пробует оценить на основании точного, конкретного изложения обстановки соответственных моментов.

Получается анекдот, а не исторический анализ марксиста. Маркс и Энгельс боролись с делом германского с.-д. объединения (с лассальянцами), а объединение было нужно! Это все, что говорит Гайндман. О том, что Маркс и Энгельс были тысячу раз принципиально правы против Лассаля и лассальянцев, у Гайндмана ни слова. Гайндман этого вопроса даже не ставит. О том, не был ли «демократизм» (организационный) в эпоху Интернационала прикрытием буржуазных сект, разлагавших строительство пролетарской социал-демократии, Гайндман себя даже не спрашивает.

От этого и история разрыва Гайндмана с Марксом рассказана так, что кроме сплетни (в духе господ Дионео) ровно ничего не выходит. Энгельс, видите ли, был человек «придирчивый, подозрительный, ревнивый», жена Маркса будто бы говорила жене Гайндмана, что Энгельс был «злым гением» (!!) Маркса; Энгельс, которого Гайндман никогда даже не встречал (вопреки тому, что написал г. Дионео в «*Русских Ведомостях*»), был склонен «в отношениях с теми людьми, кому он помогал (деньгами; Энгельс был очень богат, Маркс очень беден), извлекать полную меновую стоимость из своих денежек»; Энгельс будто бы и поссорил Маркса с Гайндманом, боясь, что Гайндман, бывший тогда богатым человеком, займет место Энгельса, как богатого друга при Марксе!!

Господам либералам, конечно, доставляет удовольствие переписывать именно подобные невыразимые пошлости. Познакомиться хотя бы с теми письмами к Зорге (Маркса и Энгельса[135]), которые указывает сам Гайндман, и *разобраться* в том, где нужно, это, разумеется, совсем не в интересах либеральных писак! Об этом они не заботятся! А между тем справка с этими письмами, сличение их с «мемуарами» Гайндмана сразу решает дело.

В 1880 году Гайндман выпустил брошюру «Англия для всех», где он переходит к социализму, оставаясь очень и очень путаным буржуазным демократом. Брошюра написана для возникшей тогда «Демократической федерации» (не социалистической), в которой была масса антисоциалистических элементов. И вот Гайндман,

пересказывая и переписывая «Капитал» в двух главах своей брошюры, *не называя Маркса,* говорит в предисловии глухо о некоем «великом мыслителе и оригинальном писателе», которому он многим обязан и т. д. Из-за этого же «поссорил» меня с Марксом Энгельс, — рассказывает Гайндман, — приводящий в то же время одно письмо Маркса к нему (от 8 декабря 1880 года), где Маркс пишет, что по словам Гайндмана он, Гайндман, «не разделяет взглядов моей (Маркса) партии, что касается Англии».

Ясно, в чем было разногласие, не понятое, не замеченное, не оцененное Гайндманом: в том, что Гайндман был тогда (как прямо и пишет Маркс к Зорге от 15 декабря 1881 года) «прекраснодушным мелко-буржуазным писателем», «наполовину буржуа, наполовину пролетарий». Ясно, что если человек, который знакомится с Марксом, сближается с ним, называет себя учеником его, основывает потом «демократическую» федерацию и пишет для нее брошюру с искажением марксизма и с умолчанием о Марксе, то Маркс не мог этого оставить без «бешеного» протеста. И, очевидно, протест был, ибо Маркс в том же письме к Зорге приводит выдержки из извинительных писем Гайндмана, оправдывавшегося тем, что «англичане не любят учиться у инородцев», что «имя Маркса так ненавистно» (!!) и т. п. (Сам Гайндман сообщает, что он уничтожил почти все письма Маркса к нему, так что с этой стороны ждать раскрытия истины нечего.)

Не правда ли, хороши извинения! И вот, когда вопрос о тогдашних разногласиях Гайндмана с Марксом выясняется с полной определенностью, когда вся даже теперешняя книжка Гайндмана доказывает, что в его взглядах много филистерского и буржуазного (например, какими доводами защищает Гайндман смертную казнь для уголовных!), что преподносят в объяснение разрыва с Марксом — «интриги» Энгельса, сорок лет ведшего одну с Марксом принципиальную линию. Да если бы вся остальная книга Гайндмана была даже сплошной бочкой меда, этой одной ложки дегтя было бы достаточно...

Прехарактерно вскрываются тогдашние разногласия Маркса с Гайндманом из того, что последний передает об оценке Марксом Генри Джорджа. Оценка эта известна из письма Маркса к Зорге от 30 июня 1881 года[136]). Гайндман защищал Г. Джорджа перед Марксом такими доводами, что-де «Джордж научит большему своим вдалбливанием ошибки, чем другие люди научат полным изложением истины».

«Маркс, — пишет Гайндман, — и слышать не хочет о допустимости подобных доводов. Распространение ошибки никогда не могло быть полезно народу, таково было его мнение. «Оставлять ошибку неопровергнутой значит поощрять интеллектуальную нечестность. На десятерых, которые пойдут дальше Джорджа, придется, может быть, сотня таких, которые останутся со взглядами

Джорджа, а эта опасность слишком велика, чтобы рисковать ею»». Так говорил Маркс!!.

А Гайндман сообщает нам, что, с одной стороны, он и посейчас отстаивает свое прежнее мнение о Джордже, а, с другой стороны, Джордж-де был мальчуганом с копеечной свечой, который дурачился рядом с человеком, имевшим электрический прожектор.

Сравнение прекрасное, только... только рискованно было со стороны Гайндмана приводить это прекрасное сравнение рядом с своей мизерной сплетней насчет Энгельса.

«Звезда» № 31, 9 декабря (26 ноября) 1911 г.
Подпись: Вл. Ильин.

МАНИФЕСТ ЛИБЕРАЛЬНОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ.

I.

Именно такого названия заслуживает статья Н. Р-кова в № 9—10 журнала «Наша Заря» [137]).

Как ни тяжело марксистам терять в лице Н. Р-кова человека, послужившего рабочей партии в годы подъема с преданностью и энергией, интересы дела должны стоять выше каких бы то ни было личных или фракционных отношений, каких бы то ни было «хороших» воспоминаний. Интересы дела заставляют признать, что манифест нового ликвидатора приносит большую пользу прямотой, ясностью, законченностью его взглядов. Н. Р-ков позволяет и заставляет поставить важнейший и коренной вопрос о «двух партиях» *вне* какого бы то ни было «конфликтного» материала, на чисто идейную почву, в значительной степени даже вне деления на большевиков и меньшевиков. После Р-кова нельзя говорить о ликвидаторстве *только по прежнему* *), ибо вопрос окончательно поднят им на более высокую почву. И после Р-кова нельзя *только говорить* *) о ликвидаторстве, ибо перед нами самый цельный, какой только можно себе представить, проект непосредственных практических действий.

Н. Р-ков начинает с изложения «основной объективной задачи в России», переходит затем к оценке революции, далее разбирает текущий момент, говоря ясно и точно о каждом классе, и заканчивает вполне отчетливым описанием всей физиономии нового «открытого политического рабочего общества», которое необходимо-де немедленно основать и «фактически осуществить». Одним словом, Р-ков начинает с самого начала и доходит последовательно до самого конца, как и полагается поступать человеку, сколько-нибудь сознающему серьезную политическую ответственность за свои речи и за свои действия. И надо отдать справедливость Р-кову: он последовательнейшим образом, от начала и до конца, подменяет марксизм либерализмом.

*) Курсив введен в издании 1914 года. *Ред.*

Возьмите исходную точку его рассуждений. Он считает «совершенно несомненным и бесспорным», что «основная объективная задача России в настоящий момент есть окончательное завершение смены грубо-хищнического, полукрепостнического хозяйствования культурным капитализмом». Спорно же, по его мнению, то, достигла ли Россия положения, при котором, «хотя и не исключена возможность общественных бурь, но в недалеком будущем эти бури не являются необходимыми, неизбежными».

Мы считаем совершенно несомненным и бесспорным, что это — чисто либеральная постановка вопроса. Либералы ограничиваются тем, быть ли «культурному капитализму» или нет, быть ли «бурям» или нет. Марксист не позволяет ограничиваться этим, требуя разбора того, *какие классы, или слои классов*, в освобождающемся буржуазном обществе ведут ту или иную, конкретно определенную, линию этого освобождения, создания, напр., тех или иных политических форм так называемого «культурного капитализма». Марксисты и во время «бурь» и во время заведомого отсутствия бури, ведут принципиально отличную от либерализма линию создания истинно демократических, а не вообще «культурных» форм жизни. Мы все стремимся к «культурному капитализму», говорят, корча из себя надклассовую партию, либералы. Мы не то должны понимать под «культурой», о чем толкуют либералы, — говорят рабочим и всей демократии марксисты.

Еще более рельефное типично-«профессорское» извращение марксизма преподносит нам Р-ков, критикуя «поверхностных наблюдателей», которым «кажется, что наша революция не удалась». «Слабонервная интеллигенция в массе своей, — пишет Р-ков, — всегда и везде предавалась хныканью и нытью... затем моральной прострации, ренегатству, мистицизму». «Вдумчивый же наблюдатель» знает, что «в неистовствах реакции часто выражаются глубочайшие социальные перемены», что «в эпоху реакции слагаются и зреют новые социальные группы и силы».

Так рассуждает Р-ков. Он сумел поставить вопрос о «ренегатстве» до такой степени филистерски (хотя и с учеными словами), что связь контр-революционных настроений в России с положением и интересами *определенных* классов исчезла совершенно. Ни один веховец, т.-е. самый ярый контр-революционный либерал, не станет спорить против того, что во время реакции зреют новые силы, ни один сотрудник ликвидаторского пятитомника, от которого отвернулись лучшие из меньшевиков, не откажется подписаться под этим. Конкретное обличье и классовый характер нашей контр-революции улетучились у нашего историка, остались избитые и пустейшие фразы о слабонервности одних интеллигентов и о вдумчивой наблюдательности других. Важнейший для марксиста вопрос, как наша революция показала

различные методы действия и различные стремления разных классов, и почему это вызвало «ренегатское» отношение к борьбе за «культуру» других буржуазных классов, остался незамеченным Р-ковым.

Перейдем к главному: к оценке момента у Р-кова, опирающейся на оценку положения всех классов. Начиная с «представителей нашего крупного землевладения», автор говорит: «недавно они в массе своей были (были!) настоящими крепостниками, типическими дворянами-помещиками. Теперь немного осталось этих, последних, могикан. Они маленькой кучкой группируются еще вокруг гг. Пуришкевича и Маркова 2-го и бессильно (!) брызжут слюной, отравленной ядом отчаяния... Большинство наших крупных землевладельцев — дворян и не-дворян, — представленное в Думе националистами и правыми октябристами, постепенно и неуклонно перерождается в сельско-хозяйственную буржуазию».

Такова «оценка момента» у Р-кова. Нечего и говорить, что эта оценка есть насмешка над действительностью. На деле «кучка, группирующаяся вокруг гг. Пуришкевича и Маркова 2-го», не бессильна, а всесильна. Именно ее власть и ее доходы обеспечиваются современными общественными и политическими учреждениями России, именно ее воля решает в последнем счете, именно она составляет элемент, определяющий все направление деятельности и весь характер так называемой бюрократии снизу и доверху. Все это до такой степени общеизвестно, факты господства в России именно этой кучки так ярки и повседневны, что нужно поистине бесконечное либеральное самоуслаждение, чтобы забыть их. Ошибка Р-кова состоит в том, что он до смешного преувеличил «перерождение» крепостнического хозяйства в буржуазное, это во-первых, а во-вторых, позабыл «мелочь», — как раз такую «мелочь», которая отличает марксиста от либерала, — именно: сложность и скачкообразность процесса приспособления политической надстройки к перерождению хозяйства. Чтобы пояснить обе эти ошибки Р-кова, достаточно указать на пример Пруссии, где до сих пор, несмотря на гораздо более высокую ступень развития капитализма вообще и перерождения старопомещичьего хозяйства в буржуазное в частности, Ольденбурги и Гейдебранды остаются всесильными, держат в руках государственную власть — наполняют своим, так сказать, социальным содержанием всю прусскую монархию, всю прусскую бюрократию! В Пруссии до сих пор, 63 года спустя после 1848 года, несмотря на беспримерно быстрое развитие капитализма, избирательное право в ландтаг остается таким, что обеспечивается всесилие прусских Пуришкевичей. А Р-ков для России шесть лет спустя после 1905 г. рисует аркадскую идиллию «бессилия» Пуришкевичей!

Но дело именно в том, что рисование аркадской идиллии —

относительно «неуклонности» пуришкевического перерождения и «торжества весьма умеренного буржуазного прогрессизма» — есть основной мотив *всех* рассуждений Р-кова. Возьмите его рассуждение о современной аграрной политике. «Нет более яркой и широкой иллюстрации» перерождения (крепостнического хозяйства в буржуазное), чем эта политика, заявляет Р-ков. Устраняется чересполосица, а «устранение малоземелья в 20-ти черноземных земледельческих губерниях не представляет больших трудностей и составляет одну из ближайших очередных задач времени, которая и будет разрешена, по всей видимости, путем компромисса между разными группами буржуазии».

«Этот рисующийся впереди неизбежный компромисс по аграрному вопросу имеет уже теперь ряд прецедентов»...

Вот вам полный образчик метода политических рассуждений Р-кова. Он начинает с того, что отсекает крайности — без всяких данных, просто на основании своего либерального благодушия! Он продолжает тем, что компромисс между разными группами буржуазии не труден и вероятен. Он кончает тем, что подобный компромисс «неизбежен». Подобным методом можно было бы доказать невероятность и не необходимость «бурь» и во Франции 1788-го и в Китае 1910 года. Конечно, компромисс между разными группами буржуазии нетруден, *если принять*, что Марков 2-ой отсечен не в одной только благодушной фантазии Р-кова. Но принимать это и значит переходить на точку зрения либерала, который боится обойтись без Марковых 2-ых и думает, что все всегда будут бояться.

Конечно, компромисс «неизбежен», если (первое «если») нет Марковых; если (второе «если») непробудным политическим сном спят рабочие и разоряемые крестьяне. Но опять-таки сделать такое предположение, принять второе «если», не значит ли это принять желаемое (для либерала) за действительное?

II.

Не имея склонности принимать либеральных пожеланий или либеральных предположений за действительность, мы сделали иной вывод: несомненно, что современная аграрная политика носит буржуазный характер. Но именно потому, что направляют эту буржуазную политику Пуришкевичи, оставаясь господами положения, именно поэтому получается такое громадное обострение противоречий, что вероятность компромисса на ближайшее, по крайней мере, время надо признать прямо исключенной.

Другой важный социальный процесс — продолжает свой анализ Р-ков, — есть процесс консолидации крупной промышленной и торговой буржуазии. Правильно указывая на «взаимные уступки» к.-д. и октябристов, автор делает вывод: «Не надо делать себе

*

иллюзий: готовится торжество весьма умеренного буржуазного «прогрессизма»».

Торжество где? над кем? На выборах в IV Думу, о которых только что говорил Р-ков? Если да, то это будет «торжество» в тех узких рамках, которыми является избирательный закон 3-го июня 1907 г. А отсюда неизбежно вытекает одно из двух: либо это «торжество», не создав никакой волны, ровнехонько ничего не изменит в фактическом господстве Пуришкевичей, либо это «торжество» косвенно выразит демократический подъем, который не может не придти в резкое столкновение с указанными «узкими рамками» и с господством Пуришкевичей.

В обоих случаях от торжества умеренности на поставленных в умеренные рамки выборах не получается ни малейшего торжества умеренности в жизни. Но в том-то и дело, что Р-ков уже впал в такой «парламентский кретинизм», который позволяет ему смешивать третьеиюньские выборы и жизнь! Чтобы доказать читателю этот невероятный факт, приходится цитировать Р-кова полностью:

«И это торжество тем вероятнее, что масса городской мелкой буржуазии, по-обывательски унывающая в созерцании призрака «разбитого корыта», беспомощно потянется за умеренным прогрессизмом. Крестьянство же слишком слабо на выборах, в силу особенностей нашей избирательной системы, дающей возможность преобладающим в коллегии губернских выборщиков землевладельцам выбирать в депутаты от крестьян—«правых». Такова картина социальных перемен, совершающихся в настоящее время в России, если оставить пока в стороне рабочий класс. Она далека от застоя, или попятного движения. Новая буржуазная Россия, несомненно, крепнет и идет вперед. Политической санкцией грядущего господства умеренно-прогрессивной промышленной торговой буржуазии, рядом с консервативной сельско-хозяйственной буржуазией (Англия, да и только!), служит Государственная Дума, основанная на избирательных нормах. установленных 3 июня 1907 г. (Опускаем сравнение с Францией и Пруссией, о чем ниже.) Резюмируя, таким образом, все сейчас сказанное, приходится признать, что имеются налицо все предпосылки медленного, крайне болезненного для масс, но все же несомненного движения вперед буржуазного общественного и государственного строя в России. Возможность бурь и потрясений, разумеется, не исключена, но она не переходит в необходимость, неизбежность, как то было до революции».

Философия премудрая, нечего сказать. Если крестьянство оставить в стороне, потому что оно «слабо на выборах», а рабочий класс просто «пока оставить в стороне», то, разумеется, возможность бурь совсем исключена! Но это сводится к тому, что, если по-либеральному смотреть на Россию, то кроме либерального «прогрессизма» ничего и увидеть нельзя. Снимите либеральные очки, и картина будет иная. Так как крестьянство в жизни играет совсем не ту роль, что в системе выборов 3-го июня, то «слабость на выборах» обостряет противоречие между всем крестьян-

ством и всей системой, а вовсе не открывает ворота «умеренному прогрессизму». Так как рабочий класс *нельзя* «оставить в стороне» ни в капиталистической стране вообще, ни в России, пережившей первые 10 лет XX века, в особенности, то рассуждение Р-кова никуда не годится. Так как у нас господствует (и в III Думе и над ней) пуришкевичевщина, умеряемая воркотней Гучковых и Милюковых, то фразы о «грядущем господстве» умеренно-прогрессивной буржуазии есть просто либеральное баюшки-баю. Так как Гучковы и Милюковы в силу их классового положения не в состоянии противопоставить господству Пуришкевичей ничего, кроме воркотни, то конфликт новой буржуазной России с Пуришкевичами неизбежен, а его движущими силами являются те, кого Р-ков, вслед за либералами, «оставил в стороне». Именно потому, что Милюковы и Гучковы «делают взаимные уступки» в деле угодничества перед Пуришкевичами, на рабочих все резче падает задача отграничения демократии от либерализма. Н. Р-ков не понял ни условий возникновения бурь в России, ни сейчас указанной задачи, обязательной и при заведомом отсутствии бури.

Вульгарный демократ способен все дело сводить к тому, буря или нет. Для марксиста в первую голову ставится вопрос о той линии политической размежовки классов, которая *одинакова* и при буре, и без бури. Если Р-ков заявляет, что «рабочие должны взять на себя задачу политической гегемонии в борьбе за демократический строй», то это прямой курьез после всего написанного им в его манифесте. Это значит: Р-ков берет от буржуазии расписку о признании за рабочими гегемонии, а сам дает буржуазии расписку, что рабочие отказываются от задач, составляющих содержание гегемонии! Р-ков выпотрошил дочиста это содержание, а потом наивно повторяет пустое слово. Р-ков сначала дает оценку момента, из которой видно, что для него гегемония либералов — факт совершившийся, бесповоротный и непреоборимый, а потом уверяет нас в своем признании гегемонии рабочего класса!

«Реально» значение Думы — рассуждает Р-ков — «не меньше, чем значение Французского Законодательного Корпуса в последние годы второй империи, или значение того среднего пропорционального между германским рейхстагом и прусским ландтагом, которое характерно для Пруссии 80-х годов прошлого века».

Подобное сравнение есть образчик игры в исторические параллели, настолько оно несерьезно. Во Франции 60-х годов была давно уже закончена вполне эпоха буржуазных революций, в дверь стучалась уже прямая схватка пролетариата с буржуазией, бонапартизм выражал собой лавирование власти между этими двумя классами. Смешно сравнивать это с современной Россией. III Дума больше похожа на Chambre introuvable [138]) 1815 года!

В Пруссии 80-х годов мы видим тоже эпоху полного завершения буржуазной революции, закончившей свое дело к 1870 году: буржуазия вся, вплоть до мелкой городской и крестьянской, удовлетворена и реакционна.

Может быть, Р-кову мерещилось сравнение роли депутатов от демократии и от пролетариата в Законодательном Корпусе и в рейхстаге с ролью соответствующих депутатов в III Думе? Такое сравнение возможно, но оно как раз говорит против Р-кова, ибо поведение Гегечкори *), а отчасти также Петрова 3 **), свидетельствует о такой силе, уверенности в себе и готовности к борьбе тех классов, которые они представляют, что «компромисс» с Пуришкевичами рисуется не только невероятным, но прямо исключенным.

III.

На оценке роли классов у Р-кова надо было остановиться особенно подробно, ибо именно здесь идейные корни нашего безусловного расхождения. Практические выводы, которые Р-ков делает — надо отдать ему справедливость — с редкой безбоязненностью и прямотой, интересны более всего как доведение до абсурда «теории» автора. Р-ков тысячу раз прав, конечно, когда он ставит в связь вопрос о возможности открытой политической организации рабочих с оценкой момента, с оценкой коренных изменений политического строя. Но в том-то и беда, что вместо таковых изменений *в жизни* он нам может преподнести лишь прекраснодушные профессорские силлогизмы: переход к «культурному капитализму» «предполагает» необходимость открытой политической организации рабочих. На бумаге написать подобную вещь легко, но в жизни русский политический строй ни на иоту не станет от этого «культурным».

«Прогрессизм, хотя бы и самый умеренный, несомненно, должен будет расширить существующие слишком узкие рамки». Прогрессизм кадетов в IV Думе — ответим мы на это — ничего не должен будет и не сможет «расширить», пока не пошевелятся далеко не по-думски далеко не кадетские элементы.

«Без такой организации, — говорит Р-ков об открытой и широкой политической организации рабочих, — борьба неизбежно приняла бы анархический характер, вредный не только для рабочего класса, но и для культурной буржуазии».

На последней части фразы мы не будем останавливаться, чтобы не ослаблять «перла» комментариями. Первая же часть исторически неверна: в Германии 1878 — 1890 годов не было анархизма, хотя не было «открытой и широкой» политической

*) В издании 1914 года: «с.-д. депутатов». *Ред.*
**) В издании 1914 года вместо «Петрова 3»: «и трудовиков». *Ред.*

организации. Р-ков тысячу раз прав, далее, когда выдвигает конкретный план открытой рабочей политической «организации» и предлагает начать с основания «политического общества защиты интересов рабочего класса», — прав в том смысле, что болтать месяцы и годы о возможности «*открытой*» партии, не делая простого и естественного шага к ее открытию, могут лишь пустые говоруны. Р-ков начинает с начала и доходит до конца, как человек дела, а не фразы.

Но «дело»-то его есть *либеральное* дело, «знамя», которое он «развертывает» (стр. 35 цитируемой статьи), есть знамя либеральной рабочей политики. Нужды нет, что в программе основываемого Р-ковым общества значится «установление нового общества на основе общественной собственности на средства производства» и т. д. На деле признание этого великого принципа не мешало части немецких с.-д. в 60-х годах вести «королевско-прусскую рабочую политику», не мешает Рамсэю Макдональду (вождю английской «независимой» от социализма рабочей партии) вести либеральную рабочую политику. А Р-ков, говоря о политических задачах ближайшей, нашей, данной эпохи, дал как раз систематическое изложение либеральных принципов. «Знамя», которое Р-ков «развертывает», уже давно развернуто гг. Прокоповичами, Потресовыми, Лариными и т. д., и чем больше это знамя «развертывается», тем яснее становится всем и каждому, что перед нами истасканная, грязная либеральная тряпочка.

«Тут нет ни грана утопии», — уговаривает Р-ков. Приходится ответить автору перефразировкой известного изречения: большой ты утопист, да утопия у тебя маленькая. В самом деле, отвечать иначе, как шуткой, на явно несерьезную вещь было бы, пожалуй, несерьезно. В эпоху, когда закрывают абсолютно мирные, чинные, не политические профессиональные союзы, считать не утопичным основание открытого политического рабочего общества! Писать от «а» до «зет» либеральную оценку роли классов — и уверять, что тут нет вползания в режим обновленной толмачевщины! «Здесь не проповедуется никакое насилие, — усердствует добрый Р-ков, — нет ни слова, ни мысли о необходимости насильственного переворота, так как и в действительности этой необходимости может и не быть. Если бы кто-либо, в ослеплении реакционным безумием, вздумал обвинить членов такого «общества» в стремлении к насильственному перевороту, вся тяжесть подобного бессмысленного, неосновательного, юридически ничтожного обвинения пала бы на голову обвинителя»!

Красноречиво пишет Н. Р-ков! Совсем как г. П. Б. Струве в 1902 году обрушивал столь же страшные громы «на голову» гонителей земства [139]). Картина: Н. Р-ков доказывает обвиняющим его Думбадзе, что так как у него нет теперь никаких «мыслей», то тяжесть юридически ничтожных обвинений падет на голову

самих Думбадзе. Да, да, парламента у нас еще нет, а парламентского кретинизма сколько угодно. Очевидно, что из нового общества таких членов, как марксист Гегечкори *) или даже не марксист, но честный демократ Петров 3-й, исключили бы немедленно на первом же общем собрании... если бы собравшихся не разослали по ошибке в разные прохладные места раньше, чем они открыли собрание.

«Ликвидаторы» «Нашей Зари» обрадовались, что Р-ков пришел к ним. Восторгающиеся ликвидаторы не дооценили горячности тех объятий, с которыми адресуется к ним ставший ликвидатором Н. Р-ков. А объятия эти так горячи и так могучи, что можно ручаться: ликвидаторство будет задушено горячими объятиями Р-кова, как рабочий съезд был задушен горячими объятиями Ю. Ларина. Ю. Ларин произвел это бескровное убийство посредством задушения просто тем, что после его брошюры люди стали — собственно из боязни конфуза — остерегаться защищать идею рабочего съезда. После нового «манифеста» ликвидаторства, опубликованного в «Нашей Заре» Р-ковым, люди станут остерегаться — собственно из боязни конфуза — защищать идею открытой ликвидаторской партии.

А в идее этой — надо же под конец хоть в чем-нибудь согласиться с Р-ковым! — есть «гран» неутопии. Снимите-ка с себя профессорские очки, любезный, и вы увидите, что «общество», которое вы собираетесь «фактически осуществить» (после того, как тяжесть ваших увещаний «падет на голову» Мымрецовых) [140], уже *два года как осуществлено*. И вы в нем уже находитесь! Это «общество защиты интересов рабочего класса» и есть журнал (как идейный коллектив, а не как типографское сборное понятие) «*Наша Заря*». Утопична открытая и широкая организация рабочих, но отнюдь не утопичны, отнюдь, отнюдь не утопичны «открытые» и откровенные журналы оппортунистических интеллигентов. Что они по-своему защищают интересы рабочего класса, это неоспоримо, но всякий, кто не перестал быть марксистом, видит воочию, что их «общество» есть общество либеральной защиты по-либеральному понимаемых интересов рабочего класса.

Впервые напечатано в «Звезде» № 32, 16 (3) декабря 1911 г.
Подпись: Вл. Ильин.

Печатается по тексту «Звезды», сверенному с текстом, напечатанным в сборнике: «Марксизм и ликвидаторство», 1914 г.

---

*) В издании 1914 года: «как марксисты Покровский и Гегечкори». *Ред.*

О ЛОЗУНГАХ И О ПОСТАНОВКЕ ДУМСКОЙ И ВНЕДУМСКОЙ С.-Д. РАБОТЫ.

Запрос, внесенный с.-д. фракцией III Думы относительно гнусной провокации охранников, подстроивших каторжный процесс с.-д. депутатам II Думы[141]), знаменует, повидимому, некий поворот и во всей нашей партийной деятельности, и в положении демократии вообще, и в настроении рабочих масс.

Едва ли не впервые с трибуны III Думы раздается такой решительный, революционный по тону и содержанию, протест против «хозяев 3-го июня», протест, поддержанный всей оппозицией вплоть до самой умеренной, либерально-монархической, веховской «оппозиции его величества», т.-е. партии к.-д., вплоть даже до «прогрессистов». Едва ли не впервые в период лихолетия, с 1908 года, страна видит, чувствует, осязает, как в связи с революционным протестом депутатов революционного пролетариата в черной Думе шевелится рабочая масса, поднимается брожение в рабочих кварталах столицы, устраиваются рабочими митинги (снова митинги!) с революционными с.-д. речами (митинги на Путиловском, Кабельном и др. заводах), появляются толки и слухи о политической массовой забастовке (см. известие из Петербурга в октябристском «Голосе Москвы» от 19 ноября).

Без сомнения, революционные выступления с.-д. депутатов в III Думе бывали не раз и прежде: наши товарищи из с.-д. фракции не раз превосходно исполняли свой долг, прямо, ясно, резко говоря с трибуны черножелтого пуришкевичевского «парламента» о крахе монархии, о республике, о второй революции. Эту заслугу с.-д. депутатов III Думы тем определеннее необходимо подчеркнуть, чем чаще слышатся подленькие оппортунистические речи недовольных такими выступлениями лжесоциал-демократов из «Голоса Социал-Демократа» или «Дела Жизни».

Но такого сочетания политических симптомов поворота: присоединение всей оппозиции к с.-д., заявление в либерально-монархической, «лояльной», «ответственной» и трусливой «Речи»

о конфликтном положении, брожение в массах в связи с запросом в Думе, известия цензурной печати о «тревожном настроении» деревни,— такого сочетания еще не бывало. После прошлогодних демонстраций «муромцевских» и «толстовских» — после стачек 1910 и 1911 годов — после прошлогодней студенческой «истории», отмеченное явление, несомненно, еще подкрепляет убеждение в том, что первый период русской контр-революции, период полного затишья, мертвого успокоения, виселиц и самоубийств, разгула реакции и разгула всяческого, особенно либерального, ренегатства,— этот период *кончился*. Начался второй период в истории контр-революции: период, когда полное уныние и зачастую «дикий» испуг проходит, когда заметно крепнет в самых различных и в самых широких слоях сознание — или, если не сознание, то ощущение, что «так дальше нельзя», что «перемена» нужна, необходима, неизбежна, когда начинается тяготение, полуинстинктивное, сплошь да рядом не определившееся еще тяготение к поддержке протеста и борьбы.

Разумеется, было бы легкомысленно преувеличивать значение этих симптомов и воображать, что подъем налицо. Этого еще нет. В контр-революции чувствуются *не те* черты, которые отличают первый ее период, но контр-революция еще царит, мнит себя непоколебимой. На очереди дня попрежнему стоит, говоря словами декабрьской 1908 года резолюции Р. С.-Д. Р. П., «длительная задача воспитания, обучения и организации» пролетариата. Но начало поворота заставляет нас с особой внимательностью остановиться на отношении с.-д. партии к другим партиям и на ближайших задачах рабочего движения.

«Оппозиция его величества», вплоть до кадетов и прогрессистов, как бы признала на минуту гегемонию с.-д. и ушла вслед за рабочими депутатами из Думы помещиков и октябристов, Думы, созданной черносотенно-погромной монархией Николая Романова,— ушла на время издевательских проделок большинства, боявшегося огласки дела о провокации.

Что же это значит? Перестали кадеты быть контр-революционной партией или они никогда ею не были, как уверяют оппортунисты с.-д.? Должны ли мы поставить своей задачей «поддержку» кадетов и подумать о каком-нибудь лозунге «общенациональной оппозиции»?

Противники революционной социал-демократии, искони, можно сказать, пускали в ход прием доведения до абсурда ее взглядов и малевания ради удобств полемики — карикатурного марксизма. Так, во второй половине девяностых годов прошлого века, когда социал-демократия рождалась в России, как массовое движение, народники малевали карикатурный марксизм в виде «стачкизма». И ирония истории сделала так, что карикатурные марксисты нашлись — в лице «экономистов». Честь и доброе имя

соц.-дем. не могли быть спасены иначе как беспощадной борьбой с «экономизмом». Так, после революции 1905 г., когда большевизм, как применение революционного марксизма к особым условиям эпохи, одержал крупную победу в рабочем движении, победу, признаваемую теперь даже его врагами, наши противники малевали карикатурный большевизм в виде «бойкотизма», «боевизма» и т. п. И опять ирония истории сделала так, что нашлись карикатурные большевики — в лице «впередовцев».

Эти уроки истории должны предостеречь от карикатурного искажения взглядов революционных с.-д. на отношение к к.-д. (см., напр., «Вперед» № 2)[142]). Кадеты, несомненно, контр-революционная партия, отрицать это могут только совсем невежественные или недобросовестные люди, разъяснять это повсюду, в том числе и с думской трибуны, безусловный долг с.-д. Но кадеты партия контр-революционных *либералов*, и эта их либеральная природа, как подчеркнуто и в резолюции о непролетарских партиях, принятой на Лондонском съезде (1907 г.) Р.С.-Д.Р.П., обязывает нас «использовать» своеобразное положение, своеобразные конфликты или трения, им порождаемые, использовать, напр., их фальшивый демократизм для проповеди истинного, последовательного, беззаветного демократизма.

Раз возник в стране контр-революционный либерализм, демократия вообще, пролетарская демократия в особенности не может не отделять себя от него; она не должна ни на минуту забывать грани между ним и собой. Но из этого нисколько не следует, чтобы позволительно было смешивать контр-революционный либерализм с контр-революционным, скажем, феодализмом, — чтобы позволительно было игнорировать их конфликты, отстраняться, отмахиваться от них. Контр-революционный либерализм именно потому, что он контр-революционен, *никогда* не сможет сыграть роли гегемона в победоносной революции; но именно потому, что он либерализм, он *неминуемо* будет попадать в «конфликтное» положение с короной, с феодализмом, с нелиберальной буржуазией, отражая иногда косвенно своим поведением «левое», демократическое настроение в стране или начало подъема и т. п.

Припомним историю Франции; буржуазный либерализм уже во время великой революции обнаружил свою контр-революционность — см., напр., об этом в очень хорошей книге Кунова о революционной газетной литературе Франции[143]). Но не только после великой буржуазной революции, а даже после революции 1848 года, когда контр-революционность либералов довела до расстрела рабочих республиканцами, — эти либералы в эпоху конца второй империи, в 1868 — 70 годах, своей оппозицией выразили перемену настроения и начало демократического, революционного, республиканского подъема.

Если кадеты теперь играют, как дразнят их октябристы, в «равнение налево», то это один из признаков и один из результатов того, что «левеет» страна, что шевелится в утробе матери, готовясь снова выйти на свет божий, революционная демократия. Утроба-то пуришкевичевски-романовской России такова, что она не может не рожать революционной демократии!

Какой практический вывод отсюда? Вывод тот, что надо с величайшим вниманием следить за ростом этой новой революционной демократии. Именно потому, что она новая, что рождается она после 1905 г. и после контр-революции, а не до нее, она, наверное, будет расти *по-новому,* — а чтобы уметь подойти к этому новому, уметь повлиять на него, уметь помочь его успешному росту, надо не ограничиваться старыми методами, надо искать и новых, надо вмешиваться в толпу, нащупывая пульс жизни, надо пробираться иногда не только в толпу, но даже и в либеральную гостиную.

Вот, напр., газетка г. Бурцева «Будущее»[144]) очень напоминает либеральную гостиную: там защищают по-либеральному либерально-глупый, октябристски-кадетский лозунг «пересмотра положения 3-го июня», там болтают охотно о шпиках, о полиции, о провокаторах, о Бурцеве, о бомбах. Но все же, когда г. Мартов поспешил залезть туда, то упрекнуть его можно бы было лишь в бестактной торопливости, а не в принципиальной фальши, *если бы... если бы* он не держал себя в ней по-либеральному. Ибо можно оправдать — а иногда даже похвалить — социал-демократа за выступление в либеральной гостиной лишь тогда, если он выступает как социал-демократ. А г. Мартов понес в либеральной гостиной либеральную ахинею о какой-то устанавливаемой «на время выборов» «солидарности в борьбе за самую свободу выборов и выборной агитации» («Будущее» № 5)!!

Растет в новой обстановке, по-новому, новая демократия; надо учиться подходить к ней — это бесспорно. Но подходить к ней надо затем, чтобы отстаивать и проповедывать лозунги действительной демократии, а не затем, чтобы сюсюкать с ней по-либеральному. Новой демократии социал-демократия должна проповедывать *три* лозунга, единственно достойных нашего великого дела, единственно соответствующих *реальным* условиям достижения *свободы* на Руси; лозунги эти — республика; 8-мичасовой рабочий день; конфискация всей помещичьей земли.

Такова единственно правильная общенациональная программа борьбы за свободную Россию. Кто не понял этой программы, тот еще не демократ. Кто отрицает эту программу, называя себя демократом, тот слишком хорошо понял необходимость надувать народ для осуществления своих антидемократических (т.-е. контр-революционных) целей.

Почему борьба за 8-мичасовой рабочий день есть реальное

условие достижения свободы на Руси? Потому, что опыт показал невозможность свободы без самоотверженной борьбы пролетариата, а таковая борьба неразрывно связана с улучшением условий жизни рабочих. Образец этих улучшений, знамя их и есть 8-мичасовой рабочий день.

Почему борьба за конфискацию всей помещичьей земли есть реальное условие достижения свободы на Руси? Потому, что без коренных мер помощи миллионам крестьян, доведенных Пуришкевичами, Романовыми и Марковыми до неслыханного разорения, мучений и голодной смерти, нелепы, лживы насквозь всякие речи о демократии, о «народной свободе». А без конфискации помещичьих земель в пользу крестьян ни о каких *серьезных* мерах помощи мужику, ни о какой серьезной решимости покончить с Россией «мужиков», т.-е. с крепостнической Россией, и создать Россию свободных земледельцев, демократическую буржуазную Россию, не может быть и речи.

Почему борьба за республику есть реальное условие достижения свободы на Руси? Потому, что опыт, великий, незабвенный опыт одного из величайших десятилетий русской истории, именно: первого десятилетия XX века, говорит с непререкаемой ясностью и очевидностью о *несовместимости* нашей монархии с какими бы то ни было элементарными гарантиями политической свободы. История России, многовековая история царизма сделала то, что в начале XX века у нас нет и *не может быть* иной монархии, кроме *черносотенно-погромной монархии*. Русская монархия не может, в данной социальной, в данной классовой обстановке, поступать иначе, как организовывать банды убийц, чтобы подстреливать из-за угла наших либеральных и демократических депутатов или поджигать дома, где собрались демократы. Русская монархия не может поступать иначе, как отвечать на демонстрации народа в пользу свободы устройством отрядов людей, хватающих за ноги еврейских детей и разбивающих им головы о камни, людей, насилующих еврейских, грузинских женщин и распарывающих животы старикам.

Либеральные дурачки болтают о примере конституционной монархии вроде Англии. Да если в такой культурной стране, как Англия, не знавшей никогда ни монгольского ига, ни гнета бюрократии, ни разгула военщины, если в такой стране понадобилось отрубить голову одному коронованному разбойнику, чтобы обучить королей быть «конституционными» монархами, то в России надо отрубить головы по меньшей мере сотне Романовых, чтобы отучить их преемников от организации черносотенных убийств и еврейских погромов.

Если социал-демократия чему-нибудь научилась из первой русской революции, то она должна теперь добиться того, чтобы ни в одной нашей речи, ни в одном листке не выставлялся

доказавший свою негодность, свою неопределенность лозунг: «долой самодержавие», а выставлялся *исключительно* лозунг: «долой царскую *монархию*, да здравствует республика».

Й пусть не говорят нам, что лозунг республики не соответствует стадии политического развития рабочих и крестьян. Десять - двенадцать лет тому назад не только такие были «народники», которые и думать не дерзали о лозунге «долой самодержавие», но даже находились социал-демократы — так называемые «экономисты» — восставшие против своевременности этого лозунга. А в 1903 — 4 годах лозунг «долой самодержавие» сделался «известной народной поговоркой»! Не может быть и тени сомнения в том, что систематическая, упорная республиканская пропаганда найдет теперь в России самую благодарную почву, ибо массы самые широкие и, в частности, массы крестьянские, безусловно, думают тяжелую и крепкую думу о значении разгона двух Дум, о связи царской власти с господской III Думой и разорением деревни Марковыми и К°. С какой быстротой будет расти брошенное в землю зерно республиканской пропаганды, этого никто не сможет теперь определить — но не в этом дело, дело в том, чтобы посев был сделан правильно, действительно демократически.

Разбирая вопрос о лозунгах предстоящей избирательной кампании в IV Думу и о лозунгах всей нашей внедумской работы, нельзя не коснуться одного очень важного и очень неправильного выступления с.-д. депутата Кузнецова в III Думе. В шестилетнюю годовщину первой победы русской революции, 17 октября 1911 г., Кузнецов выступал в Думе по вопросу о проекте страхования рабочих. Выступал он вообще, надо отдать ему справедливость, очень хорошо, энергично отстаивал интересы пролетариата, не обинуясь говорил правду в лицо не только большинству черной Думы, но и кадетам. Вполне признавая эту заслугу Кузнецова, надо отметить тоже без обиняков его ошибку.

«Я думаю, — говорил Кузнецов — что рабочие, внимательно прислушиваясь к прениям, которые имели место как при обсуждении этих вопросов в целом, так и при обсуждении отдельных статей настоящего законопроекта, придут к тому заключению, что их очередным лозунгом теперь, в настоящее время, должен быть лозунг: «долой Думу 3 июня, да здравствует всеобщее избирательное право». Почему? Я скажу: да потому, что для рабочего класса его интересы правильно могут быть разрешены только тогда и в тех случаях, если рабочий класс путем всеобщего избирательного права пришлет в законодательное учреждение достаточное количество своих депутатов; исключительно они одни [145]), которые могут решить правильно вопросы страхования для рабочего класса».

С Кузнецовым случилось здесь несчастье, которого он, наверное, не подозревал, но которое давно было нами предсказано; это несчастье — совпадение ошибок, делаемых ликвидаторами и отзовистами.

Выставляя с думской трибуны лозунг, навеянный ликвидаторскими журналами, «Нашей Зарей» и «Делом Жизни», Кузнецов не заметил, что первая (и существеннейшая) часть этого лозунга («долой III Думу») *целиком* повторяет лозунг, выдвинутый три года тому назад отзовистами открыто и защищавшийся с тех пор — прикровенно и тайком — только «впередовцами», т.-е. трусливыми отзовистами.

Три года тому назад «Пролетарий», № 38 от 1 (14) ноября 1908 года, писал по поводу этого лозунга, выставлявшегося отзовистами *):

«При каких условиях мог бы получить значение подобный лозунг, как «долой Думу»? Допустим, перед нами либеральная, реформаторская, соглашательская Дума в эпоху самого острого революционного кризиса, который уже назрел до прямой гражданской войны. Вполне возможно, что лозунгом могло бы стать в такой момент «долой Думу», т.-е. долой мирные переговоры с царем, долой обманчивое учреждение «мира», призовем к непосредственному натиску. Допустим, наоборот, что перед нами архиреакционная Дума, выбранная на основе пережившего себя избирательного права, и отсутствие остро-революционного кризиса в стране; лозунг «долой Думу» мог бы стать тогда лозунгом борьбы за избирательную реформу. Ничего подобного ни тому, ни другому случаю мы не видим у нас» **).

В приложении к № 44 «Пролетария» (от 4 (17) апреля 1909 г.) была приведена резолюция петербургских отзовистов, прямо постановлявшая «*начать широкую* агитацию в массах за лозунг долой III Государственную Думу». Против этого предложения «Пролетарий» писал там же ***): «Этот лозунг, увлекший на некоторое время некоторых рабочих антиотзовистов, *неверен*. Либо это кадетский лозунг избирательной реформы при самодержавии» (вышло так, что это написано в начале 1909 года как раз против постановки вопроса Кузнецовым в конце 1911 года!), «либо это повторение заученного слова из той эпохи, когда либеральные Думы прикрывали контр-революционный царизм, стараясь помешать народу ясно увидеть своего настоящего врага».

Отсюда ясно, в чем ошибка Кузнецова. Он выставил, в качестве обобщенного лозунга, кадетский лозунг избирательной реформы, не имеющий никакого смысла при сохранении всех

---

*) См. XII том Сочинений, стр. 379, 380. *Ред.*

**) Дальше «Пролетарий» защищал лозунг «долой самодержавие»,—этот лозунг, как мы уже показали, должен быть заменен теперь лозунгом: «долой царскую монархию, да здравствует республика».

***) См. XIV том Сочинений, ст. «Карикатура на большевизм». *Ред.*

прочих прелестей монархии Романовых, Государственного Совета, всевластия чиновников, черносотенно-погромных организаций царской шайки и т. д. Кузнецов должен бы был сказать — предполагая, что именно так подходим к вопросу, как он это сделал, предполагая неизменным общий тон его речи, — примерно, следующее:

«Именно на примере законопроекта о страховании рабочие еще и еще раз убедятся, что ни непосредственные интересы своего класса, ни права и нужды всего народа не могут быть защищены без таких преобразований, как всеобщее избирательное право, полная свобода коалиций, печати и т. д. Но не ясно ли, что осуществления таких преобразований нечего ждать, пока остается неизменным современный политический строй России, — нечего ждать, пока могут быть ниспровергаемы какие угодно решения какой угодно Думы, — нечего ждать, пока остается в государстве хоть одна невыборная власть».

Мы прекрасно знаем, что с трибуны III Думы с.-д. депутатам удавалось — и в этом их заслуга — делать гораздо более прямые и ясные республиканские заявления. Депутаты Думы могут вполне легально вести из Думы республиканскую пропаганду, и они должны это делать. Нашим примерным исправлением речи Кузнецова мы хотим лишь иллюстрировать, как мог бы он избегнуть ошибки, выдерживая общий тон речи, отмечая и подчеркивая громадное значение таких безусловно необходимых преобразований, как всеобщее избирательное право, свобода коалиций и т. д.

О республике всякий с.-д., который держит где бы то ни было политическую речь, должен говорить всегда. Но о республике надо уметь говорить: о ней нельзя говорить одинаково на заводском митинге и в казачьей деревне, на студенческом собрании и в крестьянской избе, с трибуны III Думы и со страниц зарубежного органа. Искусство всякого пропагандиста и всякого агитатора в том и состоит, чтобы наилучшим образом повлиять на данную аудиторию, делая для нее известную истину возможно более убедительной, возможно легче усвояемой, возможно нагляднее и тверже запечатлеваемой.

Не будем забывать ни на минуту главного: в России просыпается к новой жизни и новой борьбе новая демократия. Обязанность сознательных рабочих — этого авангарда русской революции и руководителя народных масс в борьбе за свободу — разъяснять задачи последовательной демократии: республика, 8-мичасовой рабочий день, конфискация всей помещичьей земли.

«Социал-Демократ» № 25, 21 (8) декабря 1911 г.

РАЗВЯЗКА ПАРТИЙНОГО КРИЗИСА.

Два года тому назад в с.-д. печати можно было встретить речи об «объединительном кризисе» партии *). Развал и распад контр-революционной эпохи вызвали новые перегруппировки и расколы, новое обострение заграничной борьбы, и немало маловеров или слабонервных людей падало духом при виде тяжелого внутреннего положения с.-д. рабочей партии. Теперь, с образованием Российской Организационной Комиссии (Р. О. К.) [146]), наступает, явным образом, если не конец кризиса, то, во всяком случае, новый и решительный перелом к лучшему в развитии партии. Поэтому своевременна будет попытка бросить общий взгляд на пройденный этап внутрипартийной эволюции и на перспективы ближайшего будущего.

Революция оставила после себя Р. С.-Д. Р. П. в виде трех отдельных, автономных, национальных с.-д. организаций и двух фракций российских в тесном смысле. Глубокие корни этих фракций в тенденциях развития пролетариата, в обстановке его жизни в данную эпоху буржуазной революции, доказаны опытом величайших по богатству событий 1905-го, 6-го и 7-го годов. Контр-революция сбросила нас опять с горы, на которую мы уже высоко взобрались, в долину. Пролетариат должен был перестраивать ряды и собирать силы заново в обстановке столыпинских виселиц и веховских иеремиад.

Новая обстановка вызвала новую группировку тенденций внутри с.-д. партии. От обеих новых фракций стали отделяться — под тяжелым гнетом безвременья — наименее устойчивые с.-д. элементы, всякого рода *буржуазные попутчики* пролетариата. Два течения рельефнее всего выразили этот *уход* от социал-демократии: ликвидаторство и отзовизм. Они же породили неизбежно тенденцию к сближению остающихся верными марксизму основных ядер обеих фракций. Таково было положение дел, из которого родился пленум января 1910 г. — исходный пункт плюсов

---

*) См. XIV том Сочинений. *Ред.*

и минусов, шагов вперед и шатаний назад в дальнейшем развитии с.-д. партии.

Неотъемлемую идейную заслугу дела, совершенного пленумом, и громадную «примиренческую» ошибку, допущенную им, многие не поняли хорошенько до сих пор. А не поняв этого, нельзя понять ровно ничего и в теперешнем положении партии. Поэтому еще и еще раз мы должны остановиться на выяснении исходного пункта теперешнего кризиса.

Следующая цитата из статьи «примиренца», писанной перед самым пленумом и напечатанной тотчас после него, может помочь этому выяснению больше, чем длинные рассуждения или цитаты из более непосредственных и более многочисленных «документов». Один из главарей господствовавшего на пленуме «примиренчества», т. Ионов, бундовец, писал в статье: «Возможно ли партийное единство?» в № 1 «Дискуссионного Листка» (19 марта 1910 г.; на стр. 6 примечание редакции: «статья написана до пленума») следующее:

«Как бы отзовизм и ликвидаторство сами по себе ни были вредны для партии, их благотворное влияние на фракции, кажется, вне сомнения. Патология знает двоякого рода нарывы: злокачественные и доброкачественные. Доброкачественный нарыв считается болезнью, полезной для организма. В процессе нарывания он оттягивает к себе со всего организма всякие вредные элементы и таким образом способствует его оздоровлению. Я думаю, что такую же роль сыграло ликвидаторство по отношению к меньшевизму и отзовизм-ультиматизм — по отношению к большевизму».

Вот оценка дела, данная «примиренцем» во время пленума и обрисовывающая *точно* психологию и идеи восторжествовавшего на пленуме примиренчества. В приведенной цитате верна, тысячу раз верна основная мысль, и именно потому что она верна, большевики (еще до пленума вполне развернувшие борьбу и с ликвидаторством, и с отзовизмом) *не могли* разойтись с примиренцами на пленуме. Не могли потому, что в основной мысли было согласие; расхождение касалось формы проведения ее в жизнь; форма подчинится содержанию — думали большевики, и они оказались правы, хотя это «приспособление формы к содержанию» отняло у партии, благодаря ошибке примиренцев, *два года* жизни почти «задаром».

В чем состояла эта ошибка? В том, что вместо узаконения тех и только тех течений, которые очищаются (и лишь в мере, в какой они очищаются) от «нарывов», примиренцы узаконили всех и вся на основании голого обещания очиститься. И впередовцы, и голосовцы, и Троцкий «подписали» резолюцию против отзовизма и ликвидаторства, — значит, обещали «очиститься»,— и баста. Примиренцы «поверили» обещанию и запутали партию с *не*партийными, «нарывными», по их собственному признанию,

группками. Это было ребячеством с точки зрения практической политики и безыдейностью, беспринципностью, интриганством с более глубокой точки зрения: в самом деле, кто был серьезно убежден, что ликвидаторство и отзовизм-ультиматизм суть нарывы, тот не мог бы не понять, что нарывы, назревая, должны *оттягивать* от организма вредные элементы, должны выводить их прочь из организма. Тот не мог бы помогать отравлению организма попытками загнать внутрь «нарывные» яды.

Первый год, прошедший после пленума, разоблачил на деле безыдейность примиренцев. Фактически работу партийную (—очищение, оздоровление от нарывов) вели большевики и плехановцы за весь этот год. И «Социал-Демократ» и «Рабочая Газета» (после изгнания Троцким представителя Ц. К.) доказывают этот факт. Некоторые, всем известные, легальные издания 1910 года [147]) тоже доказывают этот факт. Тут не слова, а именно факты: совместная работа в руководящих органах партии.

И голосовцы, и «впередовцы», и Троцкий фактически за этот год (1910) отошли от партии как раз к ликвидаторству и к отзовизму-ультиматизму. «Доброкачественные нарывы» оставались нарывами, которые вели себя недоброкачественно постольку, поскольку «вредные элементы» не удалялись ими из организма партии, а продолжали заражать этот организм, держать его в болезненном состоянии, делать его неспособным к партийной работе. Эту партийную работу (в литературе, открытой для всех) вели большевики и плехановцы *вопреки* «примиренческим» резолюциям и коллегиям, созданным пленумом, *против* голосовцев и впередовцев, а не вместе с ними (ибо нельзя было работать вместе с ликвидаторами и отзовистами-ультиматистами).

А русская работа? За год ни единого собрания Ц. К.! Отчего? Оттого, что русские цекисты (примиренцы, удостоившиеся поделом поцелуев «Голоса ликвидаторов») всё «приглашали» ликвидаторов, да так за год, за год с четвертью, ни разу не смогли «пригласить» их! Институт «насильственного привода» в Ц. К. не был, к сожалению, предусмотрен на пленуме нашими добрыми примиренцами. Получилось именно то абсурдное, позорное для партии положение, которое предсказывали большевики на пленуме, борясь против доверчивости и наивности примиренцев: русская работа стоит, партия связана, а со страниц «Нашей Зари» и «Вперед» льется отвратительный поток либеральных и анархистских нападок на партию! Михаил, Роман и Юрий, с одной стороны, отзовисты и богостроители, с другой, изо всех сил *разоряют* с.-д. работу, а цекисты-примиренцы «приглашают» ликвидаторов и «ждут» их!

«Заявкой» 5-го декабря 1910 года большевики открыто и формально заявили, что договор со всеми остальными фракциями они расторгают. Срыв «мира», на пленуме заключенного, срыв

*

его «Голосом», «Впередом», Троцким стал окончательно признанным фактом.

Около полгода (до июня 1911 г.) прошли в попытках созвать заграничный пленум, обязательный по договору, в срок не более трех месяцев. Ликвидаторы (голосовцы—бундовцы—Шварц) сорвали и заграничный пленум. Тогда блок трех групп, большевиков, поляков и «примиренцев», делает последнюю попытку спасти дело: созвать конференцию, создать Российскую Организационную Комиссию. Большевики попрежнему имеют меньшинство: с января 1910 г. по июнь 1911 г. преобладание в руках ликвидаторов (в З. Б. Ц. К. голосовцы — бундовец — Шварц; в России «приглашающие» ликвидаторов «примиренцы»); с июня 1911 г. по 1 ноября 1911 г. (срок, установленный третейским судом держателей) [148]) преобладание у примиренцев, к которым перешли поляки.

Вопрос встал так: и деньги, и посылка агентов в руках Тышки и Марка (вожак парижских примиренцев); большевикам обеспечено лишь то, что и их соглашаются отправлять на работу. Разногласия, порожденные пленумом, свелись к последнему пункту, которого обойти было невозможно: работать ли во-всю, никого не «дожидаясь», никого не «приглашая» (кто хочет и может работать по социал-демократически, тот в приглашениях не нуждается!), или продолжать торги и переторжки с Троцким, «Впередом» и т. п. Большевики выбрали первый путь, о чем и заявили прямо и ясно уже на совещании цекистов в Париже. Тышко с К° выбрал (и навязал и Технической Комиссии, и Заграничной Организационной Комиссии) второй путь, объективно сводившийся — как было подробно показано в фельетоне № 24 «Социал-Демократа» *) — к пустому и жалкому интриганству.

Результат теперь у всех перед глазами. К 1-му ноября *Росс. Орг. Ком.* была образована. На деле создали ее большевики и русские меньшевики - партийцы. «Союз двух сильных (сильных своей идейной прочностью, своей работой очищения от «нарывов») фракций», против которого так беснавались слабоголовые люди на пленуме и после пленума (См. «Голос», «Вперед», «Отклики Бунда», «Правду» *и т. д.),* оказался фактом. В таких образцовых и передовых для России 1910 и 1911 годов с.-д. организациях, как бакинская и киевская [149]), этот союз, к величайшей радости большевиков, превращался почти в полное слияние, в единый неразрывный организм с.-д. партийцев.

Хныканье о распущении «всех» фракций оказалось, после проверки двухлетним опытом, жалкой фразой пустоголовых людей, которых дурачили гг. Потресовы и гг. отзовисты. «Союз двух сильных фракций» сделал свое дело и подошел — в лице указан-

---

*) См. настоящий том, стр. 228 — 243. *Ред.*

ных передовых коллективов — вплотную к полному слиянию в единую партию. Колебания заграничных меньшевиков-партийцев уже бессильны изменить этот совершившийся факт.

Два года после пленума, которые кажутся многим маловерам или дилетантам в социал-демократии, не желающим понять дьявольской трудности задачи, годами никчемных, безысходных, бессмысленных склок, распада и развала, были годами выведения на дорогу с.-д. партии из болота ликвидаторских и отзовистских шатаний. 1910 г. дал нам совместную работу большевиков и партийцев-меньшевиков во *всех* руководящих (и официальных и неофициальных, легальных и нелегальных) органах партии: это был первый шаг «союза двух сильных фракций», шаг идейной подготовки, собирания сил под одним знаменем, антиликвидаторским и антиотзовистским. 1911 год дал второй шаг: создание Российской Организационной Комиссии. Председательство партийца-меньшевика на первом собрании ее есть знаменательный факт: второй шаг, создание практически действующего русского центра, теперь сделан. Паровоз поднят и поставлен на рельсы.

Впервые после *четырех* лет развала и разброда собрался — вопреки невероятным преследованиям полиции и неслыханным «подножкам» голосовцев, впередовцев, примиренцев, поляков и tutti quanti *) — русский с.-д. центр. Впервые вышел в России листок к партии от этого центра [150]). Впервые работа по восстановлению нелегальных организаций на местах систематически и цельно охватила (за какие-нибудь три месяца, с июля по октябрь 1911 года) обе столицы, Поволжье, Урал, Кавказ, Киев, Екатеринослав, Ростов, Николаев, — ибо Росс. Орг. Ком. собралась *после* объезда всех этих мест, ибо ее первое собрание имело место *рядом* с восстановлением Петербургского Комитета и устройства им ряда рабочих митингов, с резолюциями московских районов за партию и т. д.

Конечно, было бы непростительной наивностью предаваться легковерному оптимизму; трудности предстоят еще гигантские; полицейская травля удесятерилась после опубликования первого русского листка от с.-д. центра; возможно предвидеть долгие и трудные месяцы, новые провалы, новые перерывы в работе. Но главное сделано. Знамя поднято; рабочие кружки по всей России потянулись к нему, и не свалить его теперь никакой контр-революционной атакой!

Чем же ответили заграничные «примиренцы» и Тышко с Ледером на этот гигантский шаг вперед русской работы? Последней

*) — всех прочих. *Ред.*

вспышкой мизерного интриганства: «процесс нарывания», столь пророчески предсказанный накануне пленума Ионовым, неприятен, что и говорить. Но, кто не понимает, что этот неприглядный процесс *оздоровляет* социал-демократию, тому нечего и браться за революционную работу! Техн. Ком. и Загр. Орг. Ком. отказываются подчиниться Росс. Орг. Ком. — Большевики, конечно, с презрением отходят от заграничных интриганов. — Тогда начинаются колебания: в начале ноября обломкам З. О. К. (два поляка плюс примиренец) доставлен доклад о созыве Р. О. К. Доклад настолько обстоятельно рисует всю работу, что противники большевиков, расхваленные «Голосом» примиренцы *вынуждены* признать Р. О. К. — Принимается резолюция З. О. К. от 13-го ноября 1911 г.: «руководствоваться решениями Р. О. К.». Из имеющихся у З. О. К. денег $^4/_5$ передаются в кассу Р. О. К.— значит, сами поляки, сами примиренцы *не* в состоянии подвергать сомнению серьезность постановки всего дела.

И тем не менее — еще через несколько дней и Т. К., и З. О. К. опять отказываются подчиниться Р. О. К.!! Где разгадка этой игры?

В руках редакции Ц. О. есть документ [151]), который будет представлен конференции и из которого видно, что Тышко агитирует за неучастие в Р. О. К., за неучастие в конференции.

Можно ли себе представить более гнусное интриганство? Взялись в Т. К. и З. О. К. помогать созыву конференции и созданию Р. О. К. — нахвастали, что они пригласят «всех» и не пригласили никого (хотя имели право приглашать, будучи большинством, и ставить любые условия), — не нашли никаких работников, кроме большевиков и партийных меньшевиков, — потерпели полное поражение на арене, ими же выбранной, — и опустились до «подножек» той же самой Р. О. К., которой по доброй воле выдали, как полномочному центру, $^4/_5$ средств на конференцию!!

Да, нарыв — неприятная вещь, особенно, «в процессе нарывания». Почему теоретикам союза всех и всяких заграничных группок ничего не осталось, кроме интриганства, это уже показано было в № 24 Ц. О. И теперь российские с.-д. рабочие без труда сделают выбор: отстоять ли им свою Р. О. К. и свою конференцию или позволить Тышке, Ледеру и К° интригами тормозить их конференцию. Интриганы погубили себя, это факт, — Тышко и Ледер уже вошли с бубновыми тузами в историю Р. С.-Д. Р. П.,— а конференции им не затормозить, Р. О. К. им не подорвать.

А ликвидаторы? В течение целого года с половиной, с января 1910 до июня 1911-го, когда они имели большинство в З. Б. Ц. К. и верных «друзей» в лице примиренцев русского Бюро Ц. К., они ровно ничего, ровнехонько ничего для русской работы не сделали! Когда у них было большинство, работа стояла. Когда же большевики разрушили ликвидаторский З. Б. Ц. К. и приступили к

созыву конференции, тогда ликвидаторы зашевелились. И прехарактерно наблюдать, в чем выразилось это «шевеление». Бундовцы, которые все время служат самую верную службу ликвидаторам, — захотели недавно воспользоваться теперешним «смутным временем» (у латышей, напр., исход борьбы двух течений, ликвидаторского и партийного, еще не определился), достали откуда-то одного кавказца, и вся компания поехала в город Z., чтобы вырвать подпись для резолюций, составленных Троцким и Даном в Café Bubenberg (город Берн, август 1911 г.) [152]). Но латышскую руководящую организацию и не разыскали, подписи не достали и никакой бумаги с громкой фирмой: «О. К. трех сильнейших организаций» не изготовили. Таковы факты *).

Пусть ознакомятся русские рабочие с тем, как бундовцы пытаются вести дело срыва Р. О. К. в России! Подумайте только: в то время, когда работники над конференцией объезжают Урал, Поволжье, Петербург, Москву, Киев, Екатеринослав, Ростов, Тифлис, Баку, бундовцы «достают» «кавказца» (вероятно, из числа тех заседателей, которые владеют «печатью» Областного Кавказского Комитета и которые посылали представителями на конференцию Р. С.-Д. Р. П. в декабре 1908 г. Дана и Аксельрода!) и едут «срывать подпись» у латышей. Немного недоставало, чтобы эта шайка интриганов, служащих ликвидаторам и абсолютно чуждых всякой работе в России, действительно выступила, как «О. К.» «трех организаций», в том числе двух «сильнейших» владельцев печати! Или, может быть, господа бундовцы и кавказец поведают партии, какие русские организации, когда именно они объезжали, где восстановляли работу, где делали доклады? Попробуйте-ка, любезные, расскажите!

А заграничные дипломатических дел мастера с важным видом знатока судят и рядят: «нельзя изолироваться», «надо переговорить с бундом и с Областным Кавказским Комитетом».

О, комедианты! —

Пусть учатся, вдумываясь в значение истории партии за эти два года, те, кто колеблется теперь, жалея об «изоляции» большевиков. О, мы чувствуем себя лучше, чем когда-либо, от *такой* изоляции, когда мы отрезали заграничные интриганские коллекции нулей и когда мы помогли сплочению русских с.-д. рабочих Петербурга, Москвы, Урала, Поволжья, Кавказа и Юга!

Кто сетует на счет изоляции, тот ровно ничего не понял ни

---

*) Кроме неунывающих бундовцев поскакали срывать резолюции и впередовцы. От этой группы — отнюдь не отзовистской, боже упаси! — поскакал один известный отзовист, «скакал» в Киев, в Москву, в Нижний, «примирялся» с примиренцами и отъехал отовсюду, ничего не добившись [153]). Передают, что группа «Вперед» обвиняет в неуспехе плохого бога, сочиненного Луначарским, и что она приняла единогласное постановление выдумать бога получше.

в идейном великом деле пленума, ни в его примиренческой ошибке. Полтора года после пленума была видимость единства за границей и полный застой с.-д. работы в России. Полгода или треть года в 1911 г. сделали то, что максимальная кажущаяся изоляция большевиков впервые двинула с места русскую с.-д. работу, впервые восстановила российский с.-д. центр.

Кто все еще не разобрал идейной гнилости и мертвенности таких «нарывов», как ликвидаторство и отзовизм, того доучит теперь история бессильной склоки и жалкого интриганства, до которого опустились группки «Голоса» и «Вперед а», увлекая за собой — в свое падение — всех и всякого, пробовавшего защищать их.

За работу же, товарищи с.-д. партийцы! Отряхивайте от себя последние остатки связей с несоциал-демократическими течениями и с питающими их, вопреки решениям партии, группками. Сплачивайтесь вокруг Р. О. К., помогайте ей созвать конференцию и укрепить работу на местах. Р. С.-Д. Р. П. пережила тяжкую болезнь: кризис кончается.

Да здравствует единая, нелегальная, революционная Рос. Соц.-Дем. Раб. Партия!

«Социал-Демократ» № 25, 21 (8) декабря 1911 г.

ИЗ ЛАГЕРЯ СТОЛЫПИНСКОЙ «РАБОЧЕЙ» ПАРТИИ [154].

Крупнейшим событием в этом лагере является статья Н. Р-кова в № 9—10 ликвидаторской «Нашей Зари». Это — настоящее «Credo» или манифест либеральной рабочей партии. Начиная с начала, с оценки революции и роли всех классов, и доходя с замечательной последовательностью до конца, до проекта легальной рабочей (?) партии, Р-ков во всех своих рассуждениях подменяет марксизм либерализмом.

Какова объективная задача, стоящая перед Россией? Завершение смены полукрепостнического хозяйства «культурным капитализмом». — Это не по-марксистски, а по-струвенски или полиберальному, ибо марксист различает классы с различным, октябристским, кадетским, трудовическим, пролетарским пониманием того, что есть «культурный» капитализм.

В чем гвоздь вопроса об оценке революции? Р-ков осуждает хныканье и ренегатство кричащих о «неудаче» революции и противопоставляет им... великую профессорскую истину, что и во время «реакций» зреют новые социальные силы. Ясно, что подобный ответ Р-кова прикрывает *суть* дела именно так, как это выгодно контр-революционным либералам, которые вполне признают вновь открытую Р-ковым истину. Суть в том, какие классы в революции оказались способны к непосредственной, массовой, революционной борьбе и какие классы изменили ей, став прямо или косвенно на сторону контр-революции. Эту суть Р-ков спрятал, подготовляя тем замалчивание разницы между революционной демократией и либерально-монархической «прогрессивной» оппозицией.

По вопросу о роли помещичьего класса Р-ков сразу благополучно договорился до абсурда. Недавно-де представители этого класса «были» настоящими крепостниками, теперь «они маленькой кучкой группируются еще вокруг Пуришкевича и Маркова 2-го и бессильно (!!) брызжут слюной, отравленной ядом отчаяния».

Большинство дворян помещиков «постепенно и неуклонно перерождается в сельско-хозяйственную буржуазию».

На деле, как всякий знает, Марковы 2-ые и Пуришкевичи у нас *все*сильны, и в Думе, и еще более в Государственном Совете, и еще более в черносотенной царской шайке, и еще более в управлении Россией. Именно «их власть и их доходы» (резолюция 1908 г. декабрьской конференции) обеспечивает шаг по пути *такого* превращения царизма в буржуазную монархию. Перерождение хозяйства крепостников в буржуазное отнюдь не устраняет непосредственно политической власти этих черносотенцев: это ясно и с точки зрения азбуки марксизма, это видно хотя бы из опыта Пруссии после 60-летнего «перерождения» (с 1848 года). У Р-кова выходит так, что в России нет ни абсолютизма, ни монархии! Р-ков применяет школьный либеральный метод: благодушное отсечение (на бумаге) социальных крайностей служит «доказательством» «неизбежности компромисса».

Современная аграрная политика означает, по Р-кову, «рисующийся впереди неизбежный (!) компромисс» — между кем? «Между разными группами буржуазии». Какая же социальная сила — спросим мы нашего «марксиста» — заставит пойти на компромисс Пуришкевичей, у коих в руках вся власть? Р-ков не отвечает на этот вопрос. Но так как рядом у него стоит указание на процесс консолидации крупной торговой и промышленной буржуазии, на «грядущее господство умеренно-прогрессивной» буржуазии, то вывод возможен лишь один: Р-ков рассчитывает на мирное отнятие власти у Пуришкевичей и Романовых умеренно-прогрессивной буржуазией.

Это невероятно, но это факт. Именно такая пошлейшая из либеральных утопий лежит в основе концепций Р-кова, похваляющегося, что у него нет «ни грана утопии». Между крайними ликвидаторами, которые все от Ларина до Череванина, Дана и Мартова преподносят под чуточку измененными формами и фразами *именно эту основную мысль* мирного завоевания власти буржуазией (самое большое: при *давлении* «снизу»), и Н. Р-ковым разницы на деле нет.

Но в жизни, а не в либеральной утопии, мы видим господство пуришкевичевщины, умеряемой воркотней Гучковых и Милюковых. «Умеренно-прогрессивные» октябристы и кадеты увековечивают, а не подрывают это господство. Противоречие между этим господством и несомненно идущим вперед буржуазным развитием России становится все острее (а не слабее, как думают теоретики «неизбежного компромисса»). Движущей силой разрешения этого противоречия могут быть только массы, т.-е. пролетариат, ведущий за собою крестьянство.

Бывший большевик, а теперь ликвидатор отодвигает прочь

эти массы так легко, как будто бы столыпинские виселицы и веховская река помоев вытеснила их не только с арены открытой политики, не только со страниц либеральных изданий, но также и из жизни. Крестьянство слабо на выборах — говорит наш либерал в своем «анализе», — а рабочий класс он условно «оставляет в стороне»!!

Р-ков взялся доказать, что революция в России («буря»), хотя и возможна, не необходима. Если «оставить в стороне» — хотя бы условно, хотя бы «пока», хотя бы по случаю «слабости на выборах» рабочий класс и крестьянство, то революция, разумеется, невозможна, а не только не необходима! Но от либерального благодушия из жизни не исчезнет ни всевластие Пуришкевича и Романова, ни революционный отпор, нарастающий в зреющем пролетариате и в голодном, истязуемом крестьянстве. Все дело в том, что *линию* марксиста, т.-е. революционного социалдемократа, который при всяких обстоятельствах, в самых различных формах, и в речи на митинге, и с трибуны III Думы, и в Совете Рабочих Депутатов, и в самом мирном, легальном рабочем обществе отстаивает поддержку этого отпора, укрепление его, развитие, правильное направление к полной победе, — эту линию Н. Р-ков подменил везде и повсюду в своих рассуждениях линией либерала, который не хочет видеть того, что́ загнано в подполье, не хочет смотреть ни на что, кроме «перерождающихся» в «культурных юнкеров» Пуришкевичей или «умеренно-прогрессивных» Милюковых.

Это — именно та специфическая слепота, которая характерна для всей «Нашей Зари», для всей столыпинской рабочей партии. В неразрывной связи с этой ослепленной либеральными шорами концепцией стоит исключительное устремление внимания на легализацию рабочей партии. Если «компромисс неизбежен», то против неизбежного бороться нечего, остается рабочему классу — подобно остальным классам вполне установившегося буржуазного строя — вить себе скромное мещанское гнездышко в уголке этого строя. Таково реальное значение проповеди легалистов, как бы ни прикрывал ее «революционными» фразами Мартов, посаженный на это амплуа гг. Потресовыми, Юриями Чацкими, Лариными, Данами и К°.

У Р-кова это *реальное* значение легального «общества защиты интересов рабочего класса» яснее ясного. Что такого общества — даже при гегемонии в нем Прокоповичей — «начальство» не разрешит и «фактического существования» не допустит, это ясно. Только либеральные слепцы могут не видеть этого. Но *общество* интеллигентов, несущих, под видом социализма, *либеральную* проповедь в рабочие массы, уже осуществлено фактически. Это «общество» и есть круг сотрудников «Нашей Зари» и «Дела Жизни»; их «знамя», идейное знамя либерализма,

«развертывает» Н. Р-ков, когда уверяет, что без открытой организации борьба неизбежно (!!) приняла бы анархический характер,— что старые лозунги превратились в мертвые слова, — что тактику нельзя сводить к «драке», — что в новом «обществе» нет «*ни мысли* (!) о необходимости насильственного переворота» и т. п. Вот эта либеральная, ренегатская проповедь интеллигентов есть реальность, а открытое рабочее общество есть фраза. Общество либеральной защиты по либеральному понимаемых интересов рабочего класса есть реальность, это «общество» и есть «Наша Заря», а «открытая и широкая политическая организация» рабочих в современной России — невинное, пустое, фальшивое либеральное мечтание.

Устраивать легальные проф. союзы — понимая, что ни широкими, ни «политическими», ни прочными они ныне стать не могут, — дело полезное. Проповедывать либеральные вещи о политическом рабочем обществе *без* мысли о насилии — дело пустое и вредное.

В заключение два курьеза. Курьез первый. «Если бы кто-либо, — пишет Р-ков — в ослеплении реакционным безумием, вздумал обвинять членов такого общества в стремлении к насильственному перевороту, вся тяжесть подобного бессмысленного, неосновательного, юридически-ничтожного обвинения пала бы на голову обвинителя». Картина: на голову Щегловитова и К° падает тяжесть обвинений, юридически ничтожных, и «тяжестью» этой убивает их Н. Р-ков — а не Родичев...

Курьез второй. Рабочие — пишет Р-ков — «должны взять на себя задачу политической гегемонии в борьбе за демократический строй». Р-ков признает гегемонию после того, как он выпотрошил все *содержание* гегемонии. Рабочие, говорит Р-ков, вы не должны бороться против «неизбежного» компромисса, но вы должны называть себя гегемонами, — а быть гегемоном как раз и значит разъяснять фиктивность идеи о «неизбежности» компромисса и бороться по линии пролетарского и пролетарски-крестьянского отпора буржуазным недемократическим компромиссам.

Н. Р-ков принесет такую же пользу делу борьбы с ликвидаторами, как Ю. Ларин принес пользу делу борьбы с фальшивой идеей рабочего съезда. Н. Р-ков и Ю. Ларин имели смелость показаться... голенькими. Р-ков — честный ликвидатор. Он заставит своей безбоязненностью *думать* об идейных корнях ликвидаторства. Он подтвердит еще и еще раз правильность декабрьских резолюций Р. С.-Д. Р. П. 1908 года, ибо он систематически ставит (и сплошь фальшиво разрешает) как раз те вопросы, которые в этих резолюциях разобраны и решены правильно. Р-ков сделает особенно мизерными, в глазах рабочих, тех дипломатов ликвидаторства, которые, подобно редакторам «Нашей Зари»

(или «Голоса»), вертятся и виляют, громоздят оговорочку на оговорочке, снимая с себя ответственность за «отдельные места» статьи Р-кова или за «конкретизацию» его плана. Как будто бы дело шло об отдельных местах и т. п., а не о единой, цельной, сплошной линии — линии либеральной рабочей политики!

«Социал-Демократ» № 25, 21 (8) декабря 1911 г.

О ДИПЛОМАТИИ ТРОЦКОГО И ОБ ОДНОЙ ПЛАТФОРМЕ ПАРТИЙЦЕВ.

Процесс умирания заграничных группок, пытавшихся построить свое существование на дипломатической игре с несоциал-демократическими течениями ликвидаторства и отзовизма, наглядно иллюстрируется вышедшим недавно, после долгого перерыва, № 22 газеты Троцкого «Правда».

Газета вышла 29 ноября нов. ст. — почти месяц спустя после выхода извещения Российской Организационной Комиссии. *Троцкий о нем ни слова!*

Для Троцкого Р. О. К. не существует. Троцкий называет себя партийцем на том основании, что для него русский партийный центр, созданный подавляющим большинством русских с.-д. организаций, есть ноль! Или, может быть, наоборот, товарищи, Троцкий с его заграничной группкой есть ноль для русских с.-д. организаций?

Самым жирным шрифтом печатает Троцкий свое заверение,— как божиться-то не лень? — что его газета «не фракционная, а партийная». Присмотритесь чуточку повнимательнее к содержанию № 22, и вы увидите сразу нехитрую механику игры с *не*партийными фракциями впередовцев и ликвидаторов.

Вот корреспонденция из Петербурга, подписанная С. В. и рекламирующая группу «Вперед». С. В. упрекает Троцкого, что он не напечатал давным-давно посланную ему резолюцию питерцев против петиционной кампании. Троцкий, обвиненный впередовцами в «узкой фракционности» (какая черная неблагодарность!), вертится и виляет, ссылаясь на бедность его газеты и редкий ее выход [155]). Игра шита белыми нитками: мы вам — вы нам; мы (Троцкий) помолчим о борьбе партийцев с отзовистами и обратно, мы (Троцкий) поможем рекламировать «Вперед», а вы (С. В.) уступите уж ликвидаторам «петиционную кампанию». Дипломатическая защита обеих непартийных фракций — разве же это не есть истинная партийность?

Вот фразистая передовица под громким названием: «Вперед!». «Сознательные рабочие! — читаем мы здесь — у вас нет сейчас

более важного» (вот как!) «и всеобъемлющего» (зарапортовался, бедняга) «лозунга, как *свобода союзов, собраний и стачек*». «Социал-демократия — читаем дальше — зовет пролетариат на борьбу за республику. Но чтоб борьба за республику не была голым (!!) лозунгом немногих избранных, необходимо, чтобы вы, сознательные рабочие, научили массы на опыте понимать необходимость свободы коалиций и бороться за это кровное классовое требование».

Революционная фраза служит для того, чтобы прикрывать и оправдывать фальшь ликвидаторства, засоряя тем сознание рабочих. Почему лозунг республики есть *голый* лозунг для *немногих*, когда республика означает невозможность разогнать Думу? — свободу коалиций и печати? — свободу крестьян от насилий и грабежа Марковых, Романовых, Пуришкевичей? Не ясно ли, что дело обстоит как раз наоборот: «голым» и бессмысленным является в качестве «всеобъемлющего» лозунга лозунг «свободы союзов» *вне связи* с лозунгом распублики?

Бессмысленно требовать от царской монархии «свободы союзов», если не разъяснять массам несовместимость такой свободы с царизмом и необходимость для такой свободы—республики. Внесение законопроектов в Думу о свободе союзов, запросы и речи на подобные темы должны служить нам, социал-демократам, как раз поводом и материалом к агитации за республику.

«Сознательные рабочие должны научить массы на опыте понимать необходимость свободы коалиций»! Старая погудка старого, истасканного еще «экономистами», русского оппортунизма! *Опыт* масс есть то, когда министры закрывают их союзы, губернаторы и урядники ежедневно чинят насилия — вот это действительно *опыт масс*. А превознесение в противовес республике лозунга «свободы союзов» есть фраза оппортунистического интеллигента, чуждого массам. Это — фраза интеллигента, воображающего, что «опыт» с «петицией» (имеющей 1300 подписей) или с положенным под сукно законопроектом есть нечто, воспитывающее «массы». На деле их воспитывает иной, живой, а не бумажный, опыт, их просвещает агитация сознательных рабочих именно за республику — единственно всеобъемлющий в смысле политического демократизма лозунг.

Троцкий превосходно знает, что ликвидаторы в легальных изданиях как раз *соединяют* лозунг «свобода коалиций» с лозунгом: долой нелегальную партию, долой борьбу за республику. Задача Троцкого в том и состоит, чтобы прикрывать ликвидаторство, бросая песок в глаза рабочим.

С Троцким нельзя спорить по существу, ибо у него нет никаких взглядов. Можно и должно спорить с убежденными ликви-

даторами и отзовистами, а с человеком, который играет в прикрытие ошибок и тех и других, не спорят: его разоблачают, как... дипломата самой мелкой пробы.

Поспорить надо с авторами тезисов платформы, попавших в № 22 «Правды». Их ошибка происходит либо оттого, что они незнакомы с декабрьскими (1908 г.) резолюциями Р. С.-Д. Р. П., либо оттого, что они не вполне освободились от некоторых ликвидаторских и «впередовских» шатаний мысли.

Тезис 1-ый говорит, что 3-тьеиюньский режим есть «фактическое неограниченное господство дворян-помещиков феодального типа», при чем дальше указывается, что они «прикрывают самодержавно-бюрократический характер своего господства лжеконституционной маской фактически бесправной Гос. Думы».

Если помещичья Дума «фактически бесправна» — а это справедливо — то как же может быть «неограниченным» господство помещиков?

Авторы забывают, что классовый характер царской монархии нисколько не устраняет громадной независимости и самостоятельности царской власти и «бюрократии», от Николая II до любого урядника. Эту ошибку — забвение самодержавия и монархии, сведение ее *непосредственно* к «чистому» господству верхних классов — делали отзовисты в 1908—9 году (см. «Пролетарий», приложение к № 44), делал Ларин в 1910 году, делают некоторые отдельные писатели (напр., М. Александров), делает ушедший к ликвидаторам Н. Р-ков [156]).

В декабрьских (1908 г.) резолюциях дан как раз такой анализ господства феодалов при поддержке буржуазии, который подсекает корни этой ошибки.

Тезис 2-й состоит в ссылке на программу минимум Р. С.-Д. Р. П., при чем «особенно видное место» отводится многим требованиям, вроде свободы коалиций и конфискации помещичьих земель, но не упоминается о республике. Мы думаем, что это неправильно. Вполне признавая безусловную необходимость агитации за свободу коалиций, мы думаем, что лозунг республики надо ставить на самое видное место.

Тезис 3-ий: «Необходимость новых революционных выступлений широких народных масс», без чего невозможно осуществление наших требований.

Последнее архи-верно, но это только половина истины. Марксисты не могут ограничиться ссылкой на «необходимость» новых выступлений масс, они должны сначала показать, какие причины вызывают (если вызывают) наступление нового революционного кризиса. Без такого кризиса «выступления» — они всегда, если хотите, «необходимы!» — невозможны.

У авторов самые лучшие революционные намерения, но в их образе мыслей есть некоторый пробел. Декабрьские (1908 г.)

резолюции выводят «необходимость» новых выступлений не так просто, но зато более правильно.

Тезис 4-ый: «Возможность такого нового революционного выступления масс в более или менее ближайшем будущем и беспощадная критика... контр-революционной роли буржуазии» и т. д.

Критика нужна всегда, *независимо* от «возможности выступлений», даже в такое время, когда выступления масс заведомо невозможны. Связывать возможность выступлений и критику значит смешивать *всегда* обязательную *линию* марксизма с *одним* из видов борьбы (особенно высоким). Это первая ошибка. А вторая та, что «не хвались едучи на рать, а хвались едучи с рати»: о возможности выступлений говорить не к чему, надо доказать ее делами. В платформе достаточно отметить начало подъема и подчеркнуть важность агитации и подготовки выступления масс. В ближайшем или неближайшем будущем выступления масс наступят, это покажут события.

Тезис 5-ый превосходен, ибо подчеркивает огромное значение Гос. Думы, как агитационной трибуны.

Мы не знаем, кто авторы листка. Но если это — русские впередовцы (как можно думать по некоторым признакам), то их надо горячо приветствовать за избавление от одной ошибки группки «Вперед». У таких впередовцев есть совесть партийцев, ибо они дают прямой, ясный ответ на один из «больных» вопросов. Группа же «Вперед» обманывает партию самым бессовестным образом, защищая, прикрывая отзовизм и до сих пор, до декабря 1911 года, не давая прямого ответа на вопрос об участии в IV Думе. Признавать такую группу социал-демократической значит издеваться над социал-демократизмом.

«Социал-Демократ» № 25, 21 (8) декабря 1911 г.

ИТОГИ ТРЕТЕЙСКОГО СУДА «ДЕРЖАТЕЛЕЙ».

На пленуме Ц. К. в январе 1910 г. представители фракции большевиков (единогласно признанные, как представители этой фракции, всеми членами пленума) заключили, как известно, договор со всеми остальными фракциями нашей партии. Договор этот опубликован в № 11 Ц. О. и сводится к тому, что большевики распускали свою фракцию и отдавали ее имущество в Ц. К. *под условием* распущения всех остальных фракций и ведения ими партийной, т.-е. антиликвидаторской и антиотзовистской, линии. В случае нарушения этих условий договор, принятый Ц. К., прямо предусматривал возвращение денег большевикам (см. резолюцию, опубликованную в № 11 Ц. О.).

Известные всем факты нарушения этого договора остальными фракциями заставили большевиков год тому назад, 5 декабря 1910 г., подать заявку, т.-е. заявление о расторжении договора и требовать вернуть им деньги.

Рассмотрение этого требования подлежало разбору третейского суда «держателей»: Каутского, Меринга и Цеткиной. Третейский суд постановил: предварительно, до 1 ноября 1911 г., отдать часть денег в подотчетное расходование Технической Комиссии и Заграничной Организационной Комиссии, состоявших из представителей большевиков, примиренцев и поляков.

В течение октября 1911 г. двое третейских судей, Меринг, Каутский, сложили с себя свою должность. Третий судья не имел права после этого оставаться судьей один и, после некоторых колебаний, тоже сложил с себя свою должность.

Большевистская фракция, 5-го декабря 1910 года расторгнувшая договор с остальными фракциями, оказалась таким образом с 2-го ноября 1911 года вне договорных отношений с бывшими держателями. Поэтому она вступила во владение своей типографией и вступает во владение остальным фракционным имуществом.

Само собою разумеется, что, освободившись от «связи» с ликвидаторскими, отзовистскими и просто интриганскими загра-

ничными группами, большевистская фракция все силы употребит, — как доказала уже работа ее членов по созданию Российской Организационной Комиссии — на сплочение всех партийных элементов вокруг Р.О.К. и созываемой ею общепартийной конференции.

Представители большевистской фракции, заключившие договор на пленуме в январе 1910 г.,

Ленин, Каменев, Зиновьев.

P. S. Настоящее заявление было уже сдано в редакцию Ц.О., когда мы прочли листок так называемого З.Б.Ц.К. с письмом двух бывших третейских судей от 18 ноября 1911 года. Кого хотят обмануть Игорев и Либер, изображая из себя З.Б.Ц.К., когда латыши и *даже* Тышко ушли из него? Почему молчат они об этом уходе? Почему молчат, что с 18-го ноября прошло уже $2^1/_2$ недели после того, как суд перестал существовать? что поэтому никакого значения письмо от 18-го ноября 1911 г. не имеет и иметь не может? Или, может быть, гг. Игорев и Мартов *не* признавали третейский суд *до* 1-го ноября 1911 года? Скажите же и докажите это, господа! Может быть, вы признаете третейский суд *после* 1-го ноября 1911 года? До 1-го ноября 1911 г. третейский суд, всеми признанный, *осудил вас,* ибо ни сантима не дано было ни вам, ни Троцкому, вопреки вашим просьбам и требованиям и «протестам». Господа, осужденные законным, всеми признанным третейским судом, пытаются спрятаться теперь за частное мнение бывших третейских судей, ни для кого не обязательное. После 1-го ноября 1911 г. третейского суда нет, и мы все вернулись в этом смысле в то положение, которое было до пленума. Удержание большевистских денег бывшим держателем было бы противозаконным удержанием.

Но в том-то и суть, что гг. Игорев и Либер гонятся за «сенсацией», а изложить историю суда на основании точных документов они боятся. Не обманешь — не продашь, вот их девиз.

«Социал-Демократ» № 25, 21 (8) декабря 1911 г.

---

*

СТАРОЕ И НОВОЕ.

Статья Ник. Николина в № 29 «Звезды» под характерным заглавием: «Новое в старом» поднимает ряд чрезвычайно интересных и важных вопросов. Дискуссия по этим вопросам, несомненно, желательна в интересах выяснения точной, ясной и определенной линии поведения сторонников российской рабочей демократии.

Главным недостатком статьи Ник. Николина является крайняя неопределенность многих его положений. Если автор говорит, не поясняя своих слов, что он, «быть может, во многом не согласился» бы со мной, то я, со своей стороны, должен сказать, что у Н. Николина нет положений, вызывающих разногласия, ибо нет вообще договоренных положений.

Напр., Н. Николин решительно восстает против людей, которые полагают, что «наше теперешнее положение... приблизительно такое же, что и в начале 1900-ых годов». Он толкует подобный взгляд в том смысле, что люди отрицают *новое* в старом. Разумеется, они неправы, если они отрицают это. Разумеется, Н. Николин тысячу раз прав, что в старом есть новое, которое надо уметь учесть, уметь использовать. Но каково именно это новое, как именно его учесть и т. д., этого не говорит Николин, — а, с другой стороны, из его цитаты не видно, что именно разумеют его оппоненты под словом «приблизительно». Если учесть новое в старом так, как учли его русские марксисты ровно три года тому назад, оценивая политическое положение, создавшееся после трехлетия бури и натиска (т.-е. после 1905 — 07 годов), то, по моему мнению, не было бы неправильно сказать: «наше теперешнее положение *приблизительно* такое же, что и в начале девятисотых годов». Если же подобное положение выставляется без предварительной точной, ясной, определенной оценки момента и оценки задач, тогда оно, конечно, неверно.

Старые задачи, старые методы их решения, новые приемы подготовки к решению — вот как можно бы было, на мой взгляд, передать приблизительно ответ, данный три года тому назад. Уча-

стие в III Думе, которое так горячо и так правильно защищает Ник. Николин, представляется, с точки зрения этого ответа, *безусловно* необходимым. То «течение», которое отрицает это участие или до сих пор колеблется прямо, ясно, без всяких обиняков высказаться за участие в III Думе, всуе приемлет имя рабочей демократии. На деле это течение стоит вне ее, будучи «законным оттенком» анархистского круга идей, а отнюдь не марксистского.

Возьмем вопрос о «надстройке». «Раньше могло казаться, — пишет Ник. Николин — что бюрократия является единственным и главным врагом «всей России», — теперь этого уже никто не думает... Мы знаем достаточно хорошо, что Марковы, Крестовниковы, Волконские, Пуришкевичи, Гучковы, Хомяковы, Авдаковы и пр. — все это представители той социальной среды, откуда бюрократия почерпает свои силы и получает мотивы для своей деятельности».

Вполне верно и чрезвычайно ценно здесь подчеркивание Ник. Николиным связи «бюрократии» с верхами торгово-промышленной буржуазии. Отрицать эту связь, отрицать буржуазный характер современной аграрной политики, отрицать вообще «шаг по пути превращения в буржуазную монархию» могут только люди, совершенно не вдумывавшиеся в то новое, что принесено первым десятилетием XX века, совершенно не понимающие взаимозависимости экономических и политических отношений в России и значения III Думы.

Но недостаточно признать связь, надо указать точно конкретный характер этой связи. Шаг по пути превращения в нечто новое нисколько не устраняет старого, скажем, «бюрократического» строя с его громадной самостоятельностью и независимостью, с его толмачевски-рейнботовским (и пр. и пр.) «своеобразием», с его финансовой бесконтрольностью. «Почерпая силы» от поддержки верхов буржуазии, бюрократия рекрутируется *не* из них, а из старого, совсем старого, не только дореволюционного (до 1905 г.), но и дореформенного (до 1861 г.) поместного и служилого дворянства. «Получая мотивы для своей деятельности» в значительной степени от верхов буржуазии, бюрократия дает чисто-крепостническое, исключительно-крепостническое *направление и облик* буржуазной деятельности. Ибо, если есть разница между буржуазностью прусского юнкера и американского фермера (хотя оба они, несомненно, буржуа), то не менее очевидна и не менее велика разница между буржуазностью прусского юнкера и «буржуазностью» Маркова и Пуришкевича. По сравнению с этими последними прусский юнкер прямо-таки «европеец»!

Забвение громадной самостоятельности и независимости «бюрократии» есть главная, коренная и роковая ошибка, например, М. Александрова в его известной книжке, а Н. Р-ков в № 9—10

ликвидаторской «Нашей Зари» доводит эту ошибку до абсурда. Точное определение того, насколько осталось в области так называемого «бюрократического» строя старое и какое именно изменение, вернее: видоизменение, внесено «новым», дано только в вышеуказанном, три года тому назад данном, ответе.

Отнюдь не отрицая «искания иных путей и средств», придавая громадное значение обсуждению, вторичному и повторному, обсуждению прямых ответов на проклятые вопросы, я не могу, однако, не протестовать против той контрабанды, которую проводят, например, ликвидаторы под флагом «исканий». Очевидно, что разногласия между «ищущим» Н. Р-ковым и «ищущими» Потресовыми, Ежовыми, Чацкими суть разногласия, касающиеся *частностей* либеральной рабочей политики. Все эти «ищущие» стоят на почве именно либеральной, а не марксистской рабочей политики! Одно дело «искать путей» и обсуждать их с точки зрения марксизма в книгах, журналах и т. п., — другое дело выступать с определенными ответами в практически руководящих органах.

Возьмем вопрос о «романтизме». Осуждая романтизм, как безнадежно отжившее «старое», Ник. Николин приводит пример: «либералу казалось, что он выступает в роли защитника всех угнетенных, а социалисту, что за ним стоит вся «мыслящая» и «трудовая» Россия». Пример относится к непониманию классовой борьбы, и, конечно, Николин вполне был бы прав, если бы сказал, что подобный «социалист» — очевидно, народник — на деле вовсе не социалист, а *демократ*, облекающий свой демократизм псевдо-социалистической фразеологией. Но, говоря о романтизме, нельзя обходить господствующее в наиболее распространенной, именно: либеральной, печати, веховское, т.-е. контр-революционное, толкование этого термина. Нельзя не восстать против такого толкования. Нельзя не отметить того «нового», что либерализм создал в России либеральное веховское направление, от которого гг. Милюковы отрекаются чисто словесно, чисто дипломатически, ведя на деле веховскую политику.

Отсюда первостепенной важности и практический вывод: межа между либерализмом и демократией должна быть, на основании «нового» опыта первых десяти лет XX века, проведена яснее. «Смешивать либеральную оппозицию с реакцией», конечно, абсурд, но этого вывода (делаемого Николиным) без вывода, указанного мной сейчас, решительно недостаточно.

Вообще, именно на выводах Ник. Николина сказался его основной грех неопределенности и недоговоренности. Возьмите его первый вывод: «одинаково вредно как безрассудное увлечение старыми способами действия, так и резко-отрицательное к ним отношение». Этот вывод, по-моему, не диалектический, а эклектический. Безрассудное безрассудно и поэтому всегда и без-

условно вредно; об этом нечего и говорить. Чтобы придать этой части вывода живое, диалектическое, значение, надо бы сказать, примерно: попытка оправдать отказ от участия в III или IV Думе ссылкой на старые способы действия была бы величайшей ошибкой, пустой фразой, бессодержательным выкриком,—несмотря на то, а вернее: именно потому, что необходимо резко-положительное отношение к этим способам.

Мимоходом, не имея возможности останавливаться на этом вопросе дольше, я отметил, таким образом, как следовало бы, на мой взгляд, исправить вторую часть цитированного мною вывода.

«Звезда» № 33, 23 (10) декабря 1911 г.
Подпись: В. Ильин.

НАЧАЛО РАЗОБЛАЧЕНИЙ О ПЕРЕГОВОРАХ ПАРТИИ К.-Д. С МИНИСТРАМИ [157]).

Те, кто шесть и пять с половиной лет тому назад били тревогу по поводу переговоров к.-д. с министрами вообще и о министерских портфелях в особенности, не могут не испытывать теперь чувства глубокого удовлетворения. Историческая правда берет свое и выплывает наружу иногда с такой стороны, с которой менее всего можно бы было ожидать правды. Теперь разоблачения начаты и, несмотря на все усилия «заинтересованных» лиц (и партий) замять их, разоблачения не остановятся. С полной уверенностью можно сказать, что эти разоблачения будут подтверждать и подтвердят вполне правильность наших тогдашних нападений на кадетов.

Разоблачения начал Витте своей полемикой с Гучковым. Цель выступления Витте и характер его выступления — самые низменные; интрига худшего сорта, желание подставить ножку и пододвинуться к портфелю, вот его мотивы. Но известно, что когда два вора дерутся, то от этого всегда бывает некоторый выигрыш для честных людей, а если три вора дерутся, то выигрыш, вероятнее всего, увеличится.

В письме Витте самым существенным было, конечно, то, что он должен был волей-неволей установить некоторые *факты*,— открывая возможность (и вызывая необходимость) проверять эти факты опросом всех участников дела. Основные факты из письма Витте вытекают следующие:

1) На совещании с Витте участвовали Шипов, Гучков, Урусов, Е. Трубецкой и М. Стахович, т.-е. деятели партий кадетской, мирнообновленческой и октябристской.

2) «В первом заседании совещания между графом Витте (мы цитируем его письмо) и вышеупомянутыми общественными деятелями последовало принципиальное согласие по всем главным вопросам, за исключением вопроса о назначении министра внутренних дел».

ПРОСВѢЩЕНІЕ

ежемѣсячный, общественно-политическій и литературный журналъ

МАРКСИСТСКАГО НАПРАВЛЕНІЯ.

№ 1.

Декабрь

1911 г.

ц. 30 коп.

СОДЕРЖАНІЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Обложка журнала «Просвещение» № 1 — 1911 г.

3) «Граф Витте настаивал на назначении Дурново, а общественные деятели, за исключением князя Урусова, высказывались против этого назначения. Князь же Урусов убеждал своих коллег по совещанию, в виду трудного момента и невозможности медлить, согласиться на назначение Дурново и, с своей стороны, чтобы показать пример, заявил, что готов принять пост товарища Дурново по министерству... В следующем заседании Шипов, Гучков и кн. Трубецкой заявили, что они не могут войти в министерство, где будет Дурново»...

4) Кандидатура Столыпина была выдвинута, но на ней не сошлись, одни были за, другие — против.

Спрашивается, какие поправки внес в это изложение дела Гучков? Он подтвердил, что «горячим защитником кандидатуры Дурново явился кн. Урусов, впоследствии член I Гос. Думы». Витте, по словам Гучкова, колебался и готов был один момент отказаться от Дурново, ибо в печати готовились разоблачения и громовые статьи против него. «Все описываемое происшествие — добавлял Гучков — имело место сейчас же после манифеста 17 октября, когда царствовала самая широкая, я бы сказал, необузданная свобода печати».

Переговоры были долгие: Гучков пишет о «томительных днях длящихся переговоров». О Столыпине, дескать, «никто не делал отрицательного отзыва, о котором пишет гр. Витте». Характеризуя тогдашнее положение вообще, Гучков говорит: «Много явилось теперь «спасателей» отечества... А где они тогда были?.. Многие из них тогда еще не решили, по какую сторону баррикады встать».

Таковы существенные пункты разоблачений Витте и Гучкова; мелочи, конечно, оставляем в стороне. Историческая правда выступает наружу вполне определенно: 1) *Никаких серьезных различий между кадетами и октябристами в этот серьезнейший момент русской истории не было;* 2) «многие» (из буржуазных деятелей, а по «тонкому» намеку Гучкова, пожалуй, и из министров) «тогда еще не решили, по какую сторону баррикады встать». Но факт тот, что собирались на совещание, и не раз, люди *одной определенной «стороны баррикады».* И министры, и октябристы, и кадеты в совещаниях стояли на одной стороне баррикады. Историческая правда не допускает ни сомнений, ни перетолкований: это были совещания, переговоры правительства с контр-революционной, либеральной буржуазией.

Теперь взгляните на поведение кадетов. После разоблачений Витте и Гучкова (письма того и другого напечатаны в Петербурге 26-го, в Москве 27-го сентября ст. ст.) кадеты *хранят полное молчание о своем* участии, пытаясь только «дразнить» Гучкова. И «*Речь*» от 28 сентября и «*Русские Ведомости*» от того же числа именно «дразнят» Гучкова, что он-де потом был коллегой

единомышленников Дурново, но *ни поправок, ни опровержений насчет исторических фактов не печатают.* Третий вор надеется, что за спором Витте и Гучкова его не заметят!

Тогда октябристы начинают «мстить» и Витте, и кадетам сразу. В «Голосе Москвы» от *14-го октября* (две недели разведок у октябристов, трусливого и подлого молчания у кадетов!), появляется «справка» под заглавием: «Союз графа Витте и П. Н. Дурново с кадетами». Новые разоблачения сводятся к следующему: 1) Е. Трубецкой в то время состоял членом к.-д. партии. 2) «Не желая вводить графа Витте в какое-либо заблуждение, кн. Трубецкой счел себя обязанным предупредить его, что о всех его переговорах с общественными деятелями» (понятно, что рабочих и крестьянских демократов к «общественным деятелям» ни октябристы ни кадеты не относят: в октябре 1905 года рабочие и крестьяне были, очевидно, «деятелями» *вне*общественными!) «он, кн. Трубецкой, будет поставлять в известность бюро своей партии, ежедневно собиравшееся для обсуждения текущих дел в квартире проф. Петражицкого». 3) Против кандидатуры Столыпина особенно горячо восстал г. Петрункевич, находивший, «что в крайнем случае (sic!) надо посоветовать графу Витте назначить министром внутренних дел скорее Дурново, чем Столыпина. Прочие деятели к.-д. партии вполне согласились с мнением Петрункевича, и князю Трубецкому было поручено передать графу Витте заключение общественных деятелей, заседавших в квартире Петражицкого». Трубецкой на следующее утро поехал к гр. Витте и в точности передал отзыв бюро к.-д. партии об обоих кандидатах.

Подтвердил ли Е. Трубецкой ссылку на него? Вполне подтвердил, назвав сообщение «Голоса Москвы» «*совершенно точным*» — и корреспонденту «Нового Времени» (№ от 15-го октября) и *корреспонденту* «*Речи*» (№ от 19-го октября). «*Пожалуй, не годится* слово «бюро», — говорил Трубецкой, — следовало бы сказать: руководители партии» (к.-д.), другая, столь же несущественная, «поправка» Трубецкого относится к тому, что он ездил к Витте «может быть, и не на другое утро, а через 2 — 3 дня». Наконец, корреспонденту «Речи» Трубецкой сказал:

«Следовало бы возразить на одно утверждение Гучкова. Он говорил, что общественные деятели не вступили в кабинет только из-за Дурново. Это не совсем так (не совсем так!) по отношению ко мне и, если не ошибаюсь, к Шипову. Я и Шипов выражали согласие вступить в состав кабинета при условии предварительной выработки программы, но Витте убеждал нас вступить в министерство, не ставя этого условия. В этом и заключается наше отличие от Гучкова, который, сколько помнится, такого условия не ставил». Осторожно выражается по этому пункту г. Трубецкой: «не совсем так», «сколько помнится»!

Г. Петрункевич выступает в «*Речи*» 19-го октября — через *три недели* после начала разоблачений!! И посмотрите, *как* выступает.

Начинает он с длинного рассуждения (27 строк) о том, что на память полагаться нельзя, а мемуары вел один Шипов.

К чему это рассуждение? Хотите вы оглашения истины немедленно и полно? Тогда нет ничего легче, как *назвать всех* участников и опросить их. Если же вы не хотите оглашения истины о *своей* партии, то не к чему играть в прятки, ссылаясь на Шипова.

Далее, *на 27 строках* идет рассуждение о склонности октябристов к «уткам». — При чем это рассуждение, раз «Голос Москвы» назвал *лицо*, подтвердившее сообщение?? Г. Петрункевич явно стремится загромоздить простой и ясный вопрос кучей литераторского и дипломатического сора. Это — прием *не честный.*

Следует *20 строк* колкостей по адресу г. Трубецкого: «личное воспоминание» — никаких других воспоминаний, кроме личных, не бывает! — князь об этом «*никому ни слова не говорил*» — курсив Петрункевича, явно упрекающего этим Трубецкого за нескромность. Вместо прямого ответа на вопрос кадеты начинают упрекать друг друга за нескромность! Какой смысл *может* иметь подобный прием, кроме того, что он выдает *досаду* кадетов за разоблачения? выдает их попытки *замять* дело (дескать, не будьте, князь, нескромным дальше!).

После 74 строк предисловия следует, наконец, опровержение по существу: 1) бюро к.-д. партии было в Москве и не могло поэтому собираться у Петражицкого; 2) Петражицкий «в то время не входил в состав лиц, руководивших делами партии»; 3) «некоторые члены (бюро к.-д. партии), находившиеся в Петербурге, не были уполномочены входить в какие-либо переговоры, а тем более в союзы с графом Витте, г. Дурново, или с кем-либо другим». 4) «Лично я (г. Петрункевич) был у Петражицкого *один* (курсив г. Петрункевича) раз, и в этот раз, действительно, происходила беседа о возможности кандидатуры кн. Е. Трубецкого в мин. нар. просв., при чем все присутствующие выражали убеждение, что князь может занять предлагаемый пост лишь под условием ясной и определенной программы всего министерства, вполне соответствующей условиям политического момента, притом министерства, которому «общество» (припомните, *что* понимают под «обществом» *все* спорящие: рабочие и крестьяне — *не* «общество») могло доверять. Весьма может быть, что при этом оценивались личные и политические качества различных кандидатов, в том числе Дурново и Столыпина, но ни моя память не сохранила «горячей» речи, убедившей всех присутствовавших, ни память последних, к воспоминаниям которых я обратился».

Вот и все деловое «опровержение» г-на Петрункевича, добавляющего на 48 строках еще ряд колкостей по адресу Трубецкого, что-де память ему изменила, что партия к.-д. союза с Дурново *не* заключала «и не допустила члена своей партии кн. Трубецкого вступить в министерство, которое партия не могла поддерживать».

Ничего нового не прибавляют письма Трубецкого и Петрункевича в «Речи» от 27-го октября: первый настаивает, что именно Петрункевич «советовал предпочесть Дурново Столыпину», второй отрицает это.

Что же получается в итоге?

Г. Петрункевич заявил, что некоторые члены бюро, находившиеся в Петербурге, *не были уполномочены входить в какие-либо переговоры*, но *факт* переговоров он подтверждает против своей воли! «На совещании у Петражицкого, — пишет сам г. Петрункевич («Речь» 27.X) — мы обсуждали кандидатуру кн. Трубецкого».

Значит, *переговоры были*. Если «партия», как пишет тот же г. Петрункевич, «не допустила» Трубецкого, *значит*, переговоры *велись от имени партии*!

Г. Петрункевич побивает сам себя с замечательным искусством. Не было переговоров, но... но было «совещание о кандидатуре». Не было заседаний бюро партии, но... но было решение партии. Подобные жалкие увертки характеризуют людей, тщетно пытающихся *спрятаться*. Чего бы проще, в самом деле, как назвать *всех* участников совещания? как привести точное решение «бюро» или партии, или руководящих лиц? Как изложить будто бы ясную, будто бы определенную программу, которой требовали (будто бы) кадеты от министерства Витте? Но в том-то и беда наших либералов, что они *не могут* сказать правды, что они *боятся* ее, что она их *губит*.

Вот и являются мелкие, мизерные уловки, увертки, отговорки, затрудняющие (для невнимательного, по крайней мере, читателя) уяснение великой важности исторического вопроса об отношении либералов к правительству в октябре 1905 года.

Почему правда губит кадетов? Потому, что факт переговоров, обстановка и условия их опровергают басню о «демократизме» кадетов и доказывают контр-революционность их либерализма.

Могла ли вообще демократическая на деле партия вступать в переговоры с таким человеком, как Витте, в такое время, как октябрь 1905 года? Нет, не могла; для подобных переговоров неизбежна была известная общая почва, именно общая почва контрреволюционных стремлений, настроений, поползновений *). Не о чем было вести переговоры с Витте, кроме как о прекращении демократического, массового движения.

---

*) См. прекрасное выяснение *этой* общей почвы на основании статей *самого* г. Милюкова («Год борьбы») в статье Ю. К.: «Из истории русского

Далее. Если даже допустить на минуту, что кадеты вступали в переговоры *не без* демократических целей, то могла ли бы демократическая партия умолчать перед народом об этих переговорах, когда они были прерваны? Никоим образом не могла. Тут-то и проявляется различие между контр-революционным либерализмом и незаслуживающим подобной характеристики демократизмом. Либерал *хочет* расширения свободы, *но так*, чтобы демократия от этого не усилилась, чтобы переговоры и сближение с старой властью продолжались, укреплялись, упрочивались; поэтому либерал *не может* после разрыва переговоров публиковать об них, ибо этим он затруднит возобновление переговоров, «выдаст себя» демократии, порвет с властью, а именно с ней-то либерал рвать и не в состоянии. Напротив, демократ, если бы он попал в положение переговаривающегося с Витте и увидел бы тщету переговоров, тотчас опубликовал бы их, осрамив этим господ Витте, разоблачив их игру, вызвав дальнейшее движение демократии вперед.

Обратите также внимание на вопрос о программе министерства и о составе его. О втором говорят все участники и говорят точно, ясно: портфели такие-то предлагались такому-то. О *первом* же, т.-е. о программе *ни единого* ясного и точного слова! Каковы были претенденты на портфели, это и Трубецкой и Петрункевич хорошо помнят и говорят. Какова была «программа», *ни один* из них *не говорит!!* Что же это, случайность? Конечно, нет. Это — результат того (и несомненное доказательство того), что «программы» стояли у господ либералов на девятом месте, были пустой вывеской, «словесностью» — на деле никакой иной программы, кроме укрепления власти и ослабления демократии, Витте иметь не мог, и при любых обещаниях, посулах и заявлениях он *вел* бы только такую политику, — «живым» же делом было для них распределение портфелей. Только поэтому мог, например, Витте *совсем* забыть о программе (по словам Витте, было даже полное принципиальное согласие!), а вот о том, кто лучше (или кто хуже?), Дурново или Столыпин, об этом споре все помнят, все говорят, все приводят ссылки то на речи, то на аргументы того или иного лица.

Шила в мешке не утаишь. Историческая правда даже из умышленно подкрашиваемых рассказов трех-четырех лиц выступает с достаточной определенностью.

Вся либеральная буржуазия России, от Гучкова до Милюкова, — который, несомненно, политически ответственен за Трубецкого, —

либерализма» в сборнике «Зарницы», СПБ., 1907 г.[158]). «Отставка гр. Витте равносильна потере последнего шанса сговориться», писал г. Милюков 18 апреля 1906 года, признавая тем самым вполне ясно и определенно, что *сговоры* были и были *шансы*, был смысл в *повторении* попыток к сговору.

повернула сейчас же после 17-го октября *от* демократии к Витте. И это не случайность, не измена отдельных лиц, а переход *класса* на соответствующую его экономическим интересам контр-революционную позицию. Только стоя на этой позиции, могли кадеты переговариваться с Витте через Трубецкого в 1905 году, с Треповым через Муромцева в 1906 и т. д. Не поняв отличия контрреволюционного либерализма от демократии, нельзя ничего понять ни в истории этой последней, ни в ее задачах.

«Просвещение»[159]) *№ 1, декабрь 1911 г.*
Подпись: П.

ТРИ ЗАПРОСА.

Стенографические отчеты Гос. Думы — даже III Думы — представляют из себя замечательно интересный и поучительный политический материал. Не будет преувеличением сказать, что приложение к бутербродной газете «Россия» ценнее всех либеральных газет. Ибо либеральные газеты прикрашивают либералов, притупляют острые углы в постановке вопросов «правыми», с одной стороны, и представителями действительных масс населения, с другой, вносят всегда и неизменно фальшь в оценку *сути* нашей «внутренней политики». А именно в *постановке* соответствующих вопросов, именно в оценке *сути* дела и заключается центр тяжести всех социально-экономических и политических задач современности.

Попытаемся пояснить сказанное, насколько возможно, на прениях к трем запросам: об охране, о голоде, о «временном» положении 1881 года [160]).

Первое заседание текущей сессии Думы открылось речью председателя-октябриста о Столыпине. Интересно было тут то, что, по словам вождя октябристов, «неусыпной заботой его (Столыпина) было неуклонное, хотя и осторожное, осмотрительное движение вперед по пути развития политической и общественной жизни в России». Не правда ли, хорошо? Столыпин в качестве «прогрессиста»! Почему *иного* «прогресса», кроме настоящего, данного — не удовлетворяющего даже октябристов — не может быть при всей той системе управления, при том государственном устройстве, при сохранении того класса, политику которого проводил Столыпин, на этом, вероятно, останавливалась мысль не одного демократического читателя родзянковской речи. К сожалению, никто из тех думских депутатов, присутствовавших при произнесении этой речи *) и причислявших себя к демократии, не

*) Из речи Маркова 2-го мы узнаем, что рабочие депутаты не присутствовали. «Вы... — обращаясь к ним, сказал Марков 2-й — откровенно выразили свое отношение... когда пустовали ваши скамьи сейчас... Вы ушли... Я за это вас, если не уважаю, то понимаю». Марков 2-й ведет себя

пожелал остановиться на разъяснении *классовых* корней столыпинской формы «прогресса».

А повод для этого был удобный при прениях об охране.

Столыпин «верил достопочтенному А. И. Гучкову — гремел Марков 2-й, — и его не менее достопочтенным друзьям из середины Думы. Он был наказан смертью за свою доверчивость. Успокоение, которое мы переживаем, это есть успокоение могилы. Другого успокоения нет (голоса слева: правильно). Есть подъем революции... Нет успокоения, а грядет революция. С революцией надо биться, биться грудью, биться беспощадно (смех слева), нужно вешать этих негодяев, изуверов и мерзавцев. Вот что я имею сказать против спешности рассмотрения этого запроса».

Такова была постановка вопроса у представителя помещиков.

После Маркова 2-го говорил — уже по существу запроса — Родичев. Он говорил, как всегда, красно. Но постановка вопроса у этого красноречивого либерала до невероятия убогая. Либеральные фразы, фразы и больше ничего. «Когда центральный комитет (октябристов) — восклицал г. Родичев — заявляет по отношению к оппозиции, что она стремится к убийству своих политических противников, это есть постыдная ложь. И эту ложь я вам готов простить, если вы поклянетесь покончить с той змеей, которая овладела русской властью, покончить с шпионократией» (стр. 23 стенографического отчета «России», и на стр. 24 еще раз, тоже с «клятвой»).

Эффектно, «ужас», как эффектно! Родичев готов простить октябристов, если они «поклянутся» покончить! Полноте врать, г. говорун: не только октябристы, но и *вы*, кадеты, сколько бы ни «клялись», — *покончить* ни с каким серьезным злом не можете. Фразами о «клятвах» по такому серьезному вопросу вы *затемняете* политическое сознание масс вместе того, чтобы просветлять его, вы *засоряете* головы шумихой слов вместо того, чтобы объяснять спокойно, просто, ясно излагать, *почему* эта «змея» овладела, могла овладеть, должна была овладеть данной властью.

Не объясняя этого, боясь просто и прямо взглянуть на корень и на суть вопроса, г. Родичев отличается от октябристов именно не постановкой вопроса, отличается от них не принципиально, а только размахом красноречия. Он стоит, если посмотреть чуточку повнимательнее на его речь, если подумать над ней хоть слегка, — он стоит, в сущности, на точке зрения октябристов: *только* поэтому он и может обещать им «прощение», если они «поклянутся». Все эти прощения, все эти клятвы — одна сплош-

---

в Думе очень часто совершенно по-хулигански. Но в приведенных его словах, как и в очень многих заявлениях его коллег, видна прямая постановка вопроса с точки зрения определенного класса. Эта прямота сплошь да рядом во сто раз полезнее для развития политического сознания масс, чем избитые фразы либералов, претендующих на «надклассовую» позицию.

ная комедия, которую играют боящиеся сколько-нибудь последовательной демократии либералы. Отсюда та постановка вопроса, которую мы видим у Родичева в словах о «пропорции», в защите Лопухина и т. д. Отличия по существу в позициях октябристов и либералов *нет*.

Напротив, вдумайтесь в речь Покровского 2-го. Он начинает с указания на то, что запрос его и его коллег «по существу совершенно отличен» от запроса октябристов. И хотя в запросе Покровского 2-го и его коллег есть не совсем удачные места, но это отличие *по существу* было отмечено правильно. «Нас беспокоит не то, — говорил Покровский 2-ой, — что охрана гибельна для правительства, что̀ беспокоит вас; нас беспокоит то, что охрана, которая культивируется правительством при вашем содействии, что эта охрана несет гибель стране»...

И Покровский 2-ой старается *объяснить* — не декламировать, а объяснить, — почему нужна власти охрана, каковы классовые корни подобного учреждения (классовые корни «клятвами» и «прощениями» не затрогиваются). «Правительство, — говорил Покровский 2-ой — ставшее совершенно чуждым обществу, не имевшее в обществе никакой опоры, так как было врагом демократии, оно имело за собой только жалкие остатки из вымершего класса дворянства, оно *должно было* (курсив наш) окопаться, изолироваться от общества — и вот оно создало охрану... И вот, по мере роста широкого общественного движения, по мере того, как все широкие слои демократии захватываются этим движением, растет значение и влияние охраны».

Покровский 2-ой видимо сам чувствовал, что слово «общество» тут не точно, и потому стал заменять его *верным* словом: демократия. Во всяком случае он дал — и в этом его громадная заслуга — попытку *объяснения* сущности охраны, к уяснению ее классовых корней, ее связи со *всем* государственным устройством.

Если даже оставить в стороне необузданное и безвкусное фразерство г. Родичева, неужели не очевидно, что постановка вопроса у Покровского 2-го и у Гегечкори, как небо от земли, отличается от постановки вопроса у Родичевых? А, между тем, в постановке вопроса рабочими депутатами существенным было последовательное применение демократизма, только демократизма. Выяснение глубокой разницы между демократизмом настоящим и кадетским либерализмом (либерализмом «общества»), всуе приемлющим имя демократии, есть одна из важнейших задач в III Думе вообще, после периода 1906 — 1911 г.г. в частности, перед выборами в IV Думу в особенности.

Перейдем ко второму запросу, о голоде. Первым говорил г. Дзюбинский и говорил из рук вон плохо. Не то, чтобы у него не было верных фактов, — нет, он подобрал факты, безусловно

верные, и просто, ясно, правдиво изложил их. Не то, чтобы у него не было сочувствия к голодающим, — нет, такое сочувствие у него, несомненно, есть. Не то, чтобы он упустил из виду критику правительства, — он критиковал его все время. Но он говорил не как демократ, а как либеральный чиновник, и в этом коренной грех его речи, в этом коренной грех всей позиции «интеллигентов» трудовой группы, еще яснее выступающий, напр., из протоколов первой и второй Думы. Дзюбинский отличался от кадетов только тем, что у него не было контр-революционных ноток, которые всякий внимательный человек всегда заметит у кадетов; по своей постановке вопроса дальше точки зрения либерального чиновника Дзюбинский не пошел. Поэтому его речь так бесконечно слаба, так убийственно скучна, так убога — особенно по сравнению с речью его коллеги по партии, крестьянина Петрова 3-го, в котором чувствуется (как и во всех почти *крестьянах*-трудовиках и первой и второй Думы) настоящий, нутряной, «почвенный» демократ.

Посмотрите, как начинает г. Дзюбинский. Говоря о голоде, он во главу угла ставит... что бы вы думали?.. продовольственный устав «временных правил 12 июля 1900 года»!! Вы чувствуете сразу, что этот человек, этот политический деятель самые живые впечатления о голоде почерпнул не из личного опыта, не из наблюдения над жизнью масс, не из ясного представления об этой жизни, а из учебника полицейского права, при чем, разумеется, он взял новейший и лучший учебник самого либерального, самого, что ни на есть, либерального профессора.

Г. Дзюбинский критикует правила 12 июля 1900 года. Посмотрите, *как* он критикует: «почти со времени издания правил 12 июля 1900 года они были признаны и самим правительством, и обществом неудовлетворительными»... Самим правительством признаны неудовлетворительными — значит, задача демократии исправлять правила 12 июля 1900 года, чтобы их могло само правительство «признать удовлетворительными»! Так и переносишься мысленно в обстановку российского провинциального присутственного места. Воздух затхлый. Пахнет канцелярией. Присутствуют губернатор, прокурор, жандармский полковник, непременный член, два либеральных земца. Либеральный земец доказывает, что надо возбудить ходатайство об исправлении правил 12 июля 1900 года, ибо они «признаны самим правительством неудовлетворительными»... Помилосердствуйте, г. Дзюбинский! К чему же нам, демократии, нужна Дума, если мы и *в нее* будем переносить язык и манеру, образ «политического» мышления и постановку вопросов, которые были извинительны (если были извинительны) 30 лет тому назад в провинциальной канцелярии, в уютном мещанском «гнездышке» — кабинете либерального инженера, адвоката, профессора, земца? Для этого не нужно никакой Думы!

Пословица говорит: «скажи мне, с кем ты знаком, и я тебе скажу, кто ты такой». Когда читаешь стенографические отчеты Думы, то хочется переделать эту поговорку по адресу того или иного депутата следующим образом: «покажи мне, *с кем* ты говоришь, когда ты выходишь на трибуну Гос. Думы, и я тебе скажу, кто ты такой».

Г. Родичев, напр., говорит всегда, как и все кадеты, с правительством и с октябристами. Г. Родичев, как и все кадеты, приглашает их «поклясться» и под этим условием соглашается их «простить». В сущности, эта гениальная родичевская фраза — (нечаянно до правды договорился!) — великолепно передает весь дух кадетской политической позиции вообще, во *всех* Думах, во всех важнейших выступлениях к.-д. партии и в парламенте, и в печати, и в передней у министра. «Ложь я вам готов простить, если вы поклянетесь покончить с той змеей, которая овладела русской властью», — эти слова следует выгравировать на памятнике, который пора уже поставить г. Родичеву.

Но г. Дзюбинский не кадет; он не принадлежит к числу тех политически безграмотных людей, которые считают кадетов демократической партией; он называет себя трудовиком, народником. И у него настолько нет демократического чутья, что он, входя на трибуну Гос. Думы, продолжает говорить с чиновниками. У него настолько нет чутья, что он адресуется — а это возможно в России именно из Думы и пока-что едва ли не только из Думы — не к миллионам крестьян, которые голодают, а к сотням чиновников, знающих про правила 12 июля 1900 года.

«Правила 12 июля — говорит г. Дзюбинский — имели чисто политическую тенденцию; они имели в виду устранить земские и общественные организации и передать дело продовольственной помощи населению всецело в руки правительства».

«Правила 12 июля имели чисто политическую тенденцию»... Что это за язык? Какой ветхой стариной отдает от него! Лет 25 — 30 тому назад, в проклятой памяти 80-ые годы прошлого века, «Русские Ведомости» писали именно таким языком, критикуя с земской точки зрения правительство. Проснитесь, г. Дзюбинский! Вы проспали первое десятилетие XX века. За то время, что вы изволили почивать, старая Россия умерла, народилась новая Россия. *Нельзя* говорить с этой новой Россией таким языком, что в упрек правительству ставится «чисто политическое» значение его правил. Это — язык гораздо более реакционный, при всей его благонамеренности, чинности и аккуратной благожелательности, чем язык реакционеров III Думы. Это — язык такого народа, — или такого отпуганного от всякой политики провинциального чиновника, — который считает «политику» чем-то вроде наваждения и мечтает о продовольственной кампании «без политики». С современной Россией можно говорить,

только апеллируя от одной политики к другой политике, от политики одного класса к политике другого класса или других классов, от одного политического устройства к другому: это азбука не только демократизма, но даже самого узкого либерализма, если брать серьезное значение этих политических терминов.

Вся речь Дзюбинского проникнута тем же духом, что̀ ее начало. Он говорит о циркулярах насчет взимания податей, о податном винте, о льготных тарифах для косарей и ходоков, о том, что семена получаются позже посевов, о выдаче ссуд под корову — ибо правительству нужнее прокормление скота, чем прокормление людей, — о том, что крестьяне предпочитают занять 75.000 р. из 12% в частном банке, чем *волокиту* беспроцентного займа 70.000 р. у казны, он приводит в заключение поучительнейшие письма с мест, рисующие нужду ужасных размеров. Но во всей этой благонамереннейшей речи нет ни искорки демократического чувства, ни капли понимания задач демократической «*политики*». Из речи вытекает несомненно, — и это хотел доказать благонамеренный г. Дзюбинский, — что наши порядки гнилы, но горестно то, что оратор даже не замечает, как из его речи «следует» в то же время гнилая мораль гнилого либерального чиновника.

Через оратора после Дзюбинского говорил граф Толстой, депутат от Уфимской губернии, очень далекий от трудовичества, но говорил он точь-в-точь подобно Дзюбинскому: «из-за каких-то политических соображений, которыми руководствуется правительство, систематически устраняя земство от участия в продовольственном деле, от этого страдает громадная часть простого народа»... Речи Дзюбинского и гр. Толстого могли быть сказаны и двадцать, и пятьдесят лет тому назад. В этих речах еще живет старая, к счастью уже умершая, Россия, в которой не было классов, сознавших или начавших сознавать различие «политики» различных элементов населения, научившихся или начавших учиться бороться открыто и прямо за свои противоположные интересы, Россия «простого народа» внизу и либерального земца при нелиберальном в большинстве случаев чиновнике вверху. И «простой народ», и либеральный земец пуще огня боялись тогда «каких-то политических соображений».

Переверните пару страниц стенографического отчета. Перед вами речи, которые не могли быть сказаны в России ни пятьдесят, ни двадцать, ни даже семь лет тому назад, если взять эти речи в их совокупности. Дуэль Маркова 2-го и Петрова 3-го — люди с номерами, как нарочно, чтобы показать, что перед нами типичные представители соответствующих классов, такие, каких много. Марков 2-ой нападает по-старому, Петров 3-ий обороняется и переходит от обороны к наступлению *не* по-старому.

Марков 2-ой: ... «Голословные и совершенно не вызванные фактическим положением дела нападки объясняются, конечно,... тем, что, что̀ бы ни делало русское правительство, необходимо народ бунтовать» ... «в западных губерниях... люди трудятся на земле и делают то, чего у вас на Волге не хотят делать» — (к кому обращается оратор со словами: «у вас на Волге», не совсем ясно, ибо раньше него говорил лишь трудовик Кропотов из Вятской губернии; очевидно, «у вас на Волге»,—это сказано *не* про думских депутатов, *не* про то, что есть или было в Думе, а про нечто другое), — «ибо на Волге слишком много лодырей, и это надо помнить... Мы знаем, что у вас много среди голодающих тех, кого действительно надо заставить поголодать, дабы он работал, а не бездельничал».

Петров 3-ий, хотя он не с Волги, а от Пермской губернии, отвечает: «Опять напоминаю, господа, если Марков 2-ой не лодырь, то он должен вспомнить 1905 и 1906 года, после которых господа помещики получили миллионные пособия из государственного казначейства. Что это значит? Прежде об этом должны вспомнить, а бросать вызов крестьянам вы не имели на то права».

Марков 2-ой (с места): «Потише, любезный».

— Как грубо ведут себя эти «вторые» и «третьи», не правда ли?

Какая разнузданность — по сравнению с тем чинным, достойным, государственным языком, которым Дзюбинские доказывали предводителям дворянства несовершенство продовольственных правил 1850... то бишь 1900 года! — Точно из приличного кабинета приличного «общественного деятеля» мы попали куда-то на площадь, на улицу, в толкотню, суматоху. Какое неприличие, какое беспокойство! Но мы увидим сейчас, как водворил «порядок» — не подумайте: председатель, нет — приличный общественный деятель, член конституционно-демократической партии г. Шингарев. Но сначала покончим с современной картинкой нравов.

Петров 3-ий: ... «Говорят, что если вы отпустите средства на продовольствие, то они их снесут в кабак. Господа, это неправильно. От кого зависит предупредить это? Ведь в настоящее время население многих губерний просит убрать кабаки, а их не убирают. Может быть, да, известную часть население пропьет, но надо посмотреть на себя, сколько вы, господа дворяне, пропиваете? Может быть, если мы разложим на единицы, то получится, что вы пропиваете куда как больше, чем крестьяне... Пока та земля, которая должна принадлежать крестьянам, находится в руках таких Марковых, Пуришкевичей и компании, само собою, голодовки непрерывно будут продолжаться. А эти господа будут говорить, что голодовки оттого, что крестьяне лодыри.

Марков 2-й (с места). Наши не голодают.

Петров 3-ий. Я думаю, господа, коренной вопрос, как уничтожить всякие голодовки, именно заключается в том, чтобы взять землю из рук тех, которые ее не возделывают, этих господ «не лодырей», и передать тем, которые ее возделывают, и до тех пор, пока вы не передадите, — я это знаю наверно, — крестьянское население будет голодать. Само собою ясно, что та война, которая была в 1905 году, неизбежна, к этому ведете вы, потому что голодный человек, он что зверь, и в этом отношении вы вызываете население на то, чтобы оно создало революцию и силой вырвало то, что ему принадлежит по праву».

Если бы председателем III Думы был Муромцев, он, наверное бы, оборвал оратора: в первой Думе он обрывал за такие неуместные речи. За отсутствием Муромцева «порядок» водворил следующий оратор Шингарев. Маркова 2-го он прямо пристыдил за «балаганные ноты», а Петрову 3-му преподал урок, *kak* следует полемизировать с Марковыми. Товарищ Маркова по фракции, Вишневский — сказал г. Шингарев, — «говорил искренно» и говорил за принятие запроса. Он, Шингарев, «надеется, что правительство будет умнее, чем речь депутата Маркова... долг русского народного представителя сказать таким господам: стыдно вам».

Родичев и Шингарев окончательно пристыдили Маркова, а Шингарев своей образцовой полемикой с Марковым уничтожил совсем «третьего».

Последний из запросов, которым посвящены настоящие заметки, был запрос о «временных» правилах 14 августа 1881 года, т.-е. о знаменитом Положении об охране, возобновляемом неуклонно в течение тридцати лет и представляющем из себя фактическую российскую конституцию. Главные речи по этому запросу произнесли Тесленко и Милюков, при чем заключительным эпизодом явилось «исключение Иеллинека», т.-е. исключение на 15 заседаний Тесленко за цитату из Иеллинека, *несмотря* на заявление Тесленко, что его слова «были чужды того смысла, который, очевидно, хотят придать теперь те, кто желает голосовать» за исключение.

Не входя подробнее в оценку этого интересного эпизода, отметим только, что даже по этому — политически столь простому и ясному — вопросу о положении 14 августа 1881 года лидер партии к.-д. г. Милюков сумел проявить во всем «блеске» специфически кадетскую узость и фальшь постановки вопроса. «Господа, — восклицал Милюков — нет вопроса более жгучего, чем тот вопрос, который мы поставили, ибо это есть основное, коренное противоречие русской жизни (можно ли назвать противо-

речие между бумагой и русской жизнью противоречием русской жизни?), это есть противоречие между существующей формой государственного строя и приемами государственного управления»...

Неправда, г. Милюков. Именно положение 14-го августа 1881 года, именно его тридцатилетний юбилей, именно его «своеобразная» «юридическая природа» доказывает, что между «существующей формой государственного строя» и приемами управления есть *полнейшее* соответствие, а вовсе не «противоречие». Усматривая тут противоречие, пытаясь конструировать пропасть между «строем» и «управлением», г. Милюков *тем самым* низводит свою критику зла с уровня демократической борьбы до уровня либеральных благопожеланий. Создавая на словах, фиктивно, пропасть между тем, что̀ в жизни *неразрывно* связано, Милюков именно этим поддерживает юридические и государственно-правовые фикции, *облегчающие* оправдание зла, затемняющие его действительные корни. Милюков именно этим становится *на почву октябризма*, который тоже зла не отрицает, но старается устранить *формальные* противоречия, не устраняя *реального* всевластия бюрократии снизу до верху и сверху до низу.

Как настоящий кадет, Милюков не только не замечает того, что он безнадежно запутался, как «демократ», что он рассуждает по-октябристски, — мало того, он даже *гордится* своей «государственной» постановкой вопроса. Немедленно вслед за приведенными словами его речи читаем:

... «Противоречие это, господа, настолько очевидно, что даже из вашей среды (г. Милюков разговаривает, конечно, только с «руководящей партией III Думы», с октябристами) не раз и довольно часто на него указывали, но очень редко доходили до существа, до того корня, до той первопричины, о которой мы говорим сегодня. Обыкновенно, к чему вы сводили этот вопрос о противоречии строя и управления? Вы ссылались на то, что нравы администрации нельзя уничтожить сразу»... (правильная ссылка, — если... если не устранить всей «администрации», на что не идут и кадеты)... «вы ссылались на то, что местная администрация не слушается центральных указаний, указаний из центра; самое большее, на что вы решались, — вы обвиняли центр в том, что он не дает надлежащих указаний. Всегда вы ставили вопрос об этом, как вопрос факта, мы ставим, как вопрос права».

Вы побиваете себя великолепно, г. Милюков! Октябристы *правы*, вполне и всецело правы, когда они указывают на тесную, неразрывную, теснейшую, неразрывнейшую связь центра с местной администрацией. Отсюда надо делать вывод демократический, ибо отрицать эту связь — после всего, что знает Россия о Толмачеве, Думбадзе, Рейнботе, Илиодоре, убийцах Герценштейна и т. д. — было бы смешно. А вы делаете отсюда

наивный в своей половинчатости «вопрос права». Кто же будет определять размеры этого права? Как вы достигнете здесь «соглашения»? Что такое политическое право, как не формулировка, регистрация отношений силы? Вы списываете свои определения права из западно-европейских учебников, *записавших* то, что явилось в результате целого периода долгих битв на Западе, в результате установившегося (впредь до принципиально иных движений рабочего класса) отношений силы между разными элементами западной буржуазии, западного крестьянства, западных помещиков-феодалов, власти и т. д. В России этот период только еще начался, вопрос *стоит* у нас — такова данная историческая обстановка — именно, как вопрос «факта», а вы пятитесь назад от прямой и ясной постановки, прячете голову под крыло, одеваете себе шапку-невидимку из фикций «права». Вы стоите на точке зрения либерального чиновника, а не на точке зрения демократа.

«Просвещение» № 1, декабрь 1911 г.
Подпись: Петербуржец.

ПРИНЦИПИАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КАМПАНИИ.

I.

Выборы в IV Думу уже не за горами, и вопрос об избирательной кампании естественно становится на очередь дня. Нечего и говорить, что какие бы то ни было колебания относительно того, необходимо ли с точки зрения марксизма участие в выборах, совершенно недопустимы: не внутри пределов марксизма и рабочей партии, а лишь *вне* пределов и первого и второй могут быть признаны «законными» оттенки взглядов, отрицательно или неопределенно, или даже безразлично относящиеся к участию. Эту элементарную истину, уже много лет тому назад (с конца 1907 г.) доказанную и подтвержденную опытом, как-то, пожалуй, неловко повторять, но ее приходится повторить, ибо худшим злом для нас является теперь распад и разброд. А этот разброд и распад поддерживают не только те, кто дает неопределенные или уклончивые ответы на элементарные вопросы, но и те, кто по дипломатии, безыдейности и т. п. защищает неопределенность и уклончивость.

Выборы в Государственную Думу естественно заставляют всех марксистов, всех участников рабочего движения напречь силы для самой энергичной, упорной, инициативной работы во всех областях этого движения. Те ответы на вопросы о принципиально-программном, политическом, организационном содержании и направлении этой работы, которые выработаны в течение последних лет, должны найти теперь себе непосредственное практическое применение в специальной области «выборной» деятельности.

Мы нарочно говорим о выработанных уже ответах. Смешно было бы думать, в самом деле, что теперь, за несколько месяцев, или хотя бы даже за год до выборов, можно успеть «найти» ответы, если они не найдены еще, не обдуманы, не проверены опытом деятельности за несколько лет. Речь, ведь, идет об ответах на *все* «проклятые вопросы», касающиеся и общего

миросозерцания, и оценки предыдущего, необыкновенно богатого событиями, периода русской истории, и оценки переживаемого периода (определившегося в основных чертах не позже как с 1908 г.), и задач политических и организационных, которые решались так или иначе всяким участником рабочего движения за последние, скажем, четыре года. Применить выработанные ответы и приемы деятельности к данной особой отрасли работы, к выборам в IV Думу, вот о чем только и может идти теперь речь; говорить о том, что «в процессе выборной кампании, т.-е. одной из отраслей деятельности, могут быть выработаны ответы на вопросы, касающиеся *всех* отраслей деятельности, касающиеся не только 1912 года, а всего периода, начиная с 1908 года» [161]), говорить об этом значило бы утешать себя иллюзиями или прикрывать, оправдывать царящий разброд и распад.

Речь идет об ответе на вопросы, прежде всего, программные. Что дало в этом отношении последнее четырехлетие русской жизни? Все и каждый должны будут признать, что оно не дало никаких попыток пересмотра, или исправления, или дальнейшей разработки старой программы марксистов в ее принципиальной части. Характерным для «текущего момента», — его вернее бы было во многих отношениях назвать «застойным» или «гнилым» моментом, — является презрительное махание рукой на программу и стремление всячески укоротить, урезать ее *без* малейшей попытки прямого, решительного пересмотра. «Ревизионизм», в его специфическом значении буржуазного оскопления марксистских истин, характерен для переживаемой эпохи не как боевой ревизионизм, поднимающий «знамя восстания» (хотя бы даже так, как это делал Бернштейн в Германии около 10 лет тому назад, а в России Струве лет 15 назад или Прокопович несколько позже), а как трусливое, прячущееся отречение, часто оправдываемое «практическими», главным образом, будто бы практическими, соображениями. Преемники и продолжатели «дела» Струве и Прокоповича, гг. Потресовы, Масловы, Левицкие и К° «участвовали» в царящем разброде и поддерживали его (как с другой стороны Юшкевич, Богданов, Луначарский и т. д.) посредством большей частью робких и несистематичных попыток выбросить за борт «старый» марксизм и заменить его «новым» буржуазным учением. Теоретические вопросы не случайно, не по капризу «групп» выдвинулись на одно из первых мест в последнее четырехлетие. К числу «пустяков» относили эти вопросы, хотя бы в той или иной их части, только люди, боязливо отрекающиеся от старого. И теперь, если говорить о защите программы и миросозерцания марксизма в связи с выборной кампанией, в «процессе» выборной кампании и т. д., — если говорить об этом не только для выполнения «казенной» обязанности и не для того, чтобы ничего не сказать, то учитывать следует не слова, не обещания, не за-

верения, а именно *опыт* пережитого четырехлетия. Оно показало нам фактически еще и еще раз целый ряд «ненадежных попутчиков» марксизма в нашей интеллигенции (зачастую желающей быть марксистской), оно научило недоверию к таким попутчикам, оно *подняло* в умах думающих рабочих значение марксистской теории и марксистской программы в неурезанном ее виде.

Есть область вопросов, в которых программа сближается с тактикой и переходит в нее. Эти вопросы, разумеется, во время избирательной кампании приобретают гораздо большее непосредственное практическое значение. По этим вопросам дух отречения и разброда проявил себя несравненно сильнее. Старые задачи отпадают, говорили одни, ибо в России уже, в сущности, власть стала буржуазной. Развитие России отныне, заявляли другие, может идти, подобно германскому или австрийскому после 1848 года, без всяких «скачков». Идея гегемонии рабочего класса устарела, говорили третьи, марксисты должны стремиться «*не* к гегемонии, *а* к классовой партии» и т. д.

Нечего и говорить, что ни одного, буквально ни единого, вопроса тактики нельзя разрешить, нельзя осветить сколько-нибудь цельно, полно, связно без разбора этих идей, справедливо названных «ликвидаторскими» и связанных неразрывно с широким потоком буржуазного общественного мнения, поворачивающего вспять от демократизма. Кто сколько-нибудь присматривался к практической жизни, тот знает, что разброд в области этих вопросов во сто раз сильнее, чем видно по литературе. Иначе и не может быть, конечно, в годы, следующие за событиями конца 1905 и 1906 — 1907 годов. Но чем «естественнее» (в буржуазной обстановке) этот распад, тем настоятельнее и насущнее для марксистов задача всесторонней и упорной борьбы с ним.

В такие периоды, как последнее четырехлетие в России, распад и отречение были свойственны всем странам: бывало и так, что не оставалось даже групп, а были лишь отдельные лица, на десять и более лет умевшие в подобной обстановке «высоко держать знамя», хранить идеи преемственности, применять эти идеи впоследствии в сильно измененной социально-политической обстановке. В России дело еще не так плохо, ибо в «наследство» осталась нам и программа и *оформленные* ответы на основные тактические и организационные вопросы «момента». Ликвидаторское течение, отрекаясь от этого ответа, не в состоянии противопоставить ему ничего, абсолютно ничего похожего на точный и ясный ответ.

Выборная кампания есть приложение определенного решения политических вопросов к сложной пропагандистской, агитационной, организационной и т. д. деятельности. Нельзя подступиться к этой кампании, не имея определенного решения. И тот оформленный ответ, который с 1908 года дан марксизмом, вполне

подтвердил себя опытом четырех лет. Новое, буржуазное, содержание аграрной политики правительства; организация помещиков и буржуазии в III Думе; поведение даже самой «левой» из буржуазных партий — кадетской, столь ярко освещенное «лондонской» поездкой, и далеко не ею одной; идейные течения «веховского» типа, имевшие громадные успехи в «образованном» обществе, все это показало ясно, что старые задачи не решены, но подход к их решению идет в новой обстановке, более буржуазной, при систематическом повороте буржуазии *от* демократизма *к* «оппозиции» ответственной, партийной, «лояльной» и т. д. Новая обстановка, новые приемы подготовки к старому решению старых проблем; бо́льшая ясность раскола между демократией и антидемократичной либеральной буржуазией; — вот основные черты оформленного ответа марксистов на коренные политические вопросы современности.

В неразрывной связи с общим миросозерцанием марксистов, с их оценкой политического смысла и значения «третьеиюньского» периода, стоит ответ на организационные вопросы. Сохранение старого в основе и приспособление его, — всяческие так называемые «возможности»: открытые общества, союзы и т. п., — к новой обстановке. Ячейки и сеть вокруг них, в связи с ними, направляемые ими. Бо́льшая гибкость «ячеек», принятие ими более подвижных, не во всем похожих на старые, форм, — и обязательное использование не только думской трибуны, но и всяческих аналогичных «возможностей». Отнюдь не связывая рук никакой однообразной нормой, никакими обязательными формами, оставляя громадный простор выработке целесообразных приемов и методов сочетания, этот ответ непоколебимо «тверд» принципиально — именно, он противопоставляет царящему разброду, отреченству, растерянности не только словесное провозглашение верности старому, но и основной организационный принцип, позволяющий воплотить в жизнь идейную устойчивость. Те, хотя бы и немногие, кто «накопили запас», объединяются и систематически оберегают «иерархию»: ее дух, ее учение, ее принципы, ее традиции, а не ее формы, конечно.

Ликвидаторство, наоборот, *пасует* пред царящей (*вовсе* не у нас одних, отнюдь не в рабочем только классе, а еще сильнее в других классах и партиях) бесформенностью, бросает работу над старым, превращая поиски «нового» в узаконение разброда. В широком идейном течении буржуазного общества, направленном против демократии вообще, против движения масс в частности, против недавних форм организации и руководства этим движением в особенности, ликвидаторство среди марксистов есть лишь один ручеек.

Таковы общие положения марксизма, отношение его к задачам и вопросам современности, выработанное, повторяем, не со

вчерашнего дня, и подлежащее теперь претворению в «избирательную кампанию» с цельным содержанием — идейным, программным, тактическим, организационным.

II.

Обратимся к рассмотрению той позиции по вопросу об избирательной кампании, которая занята главным органом ликвидаторского течения, «Нашей Зарей».

Нет ничего более противного духу марксизма, как фраза. И, что прежде всего неприятно поражает в №№ 6 и 7 — 8 «Нашей Зари» [162]), так это невероятный разгул прямо-таки тартареновской фразы. Такая обычная для марксистов всех стран, даже уже в России *дважды* в широком масштабе проведенная кампания, как избирательная, превращена Тартаренами нашего ликвидаторства в нечто, обставленное такими велеречивыми словами, словами и словами, что прямо не в терпеж становится.

Г. Юрий Чацкий в статье «Пора начать» *начинает* изложение взглядов ликвидаторов и, в сущности, *кончает* это изложение, как хозяин, оставляя г. Л. Мартову украшения, ретушовку, литературную орнаментику.

Вот образчик писаний Юрия-Тартарена:

... «Вряд ли можно уверенно рассчитывать, что выборная кампания будет проведена в организационном отношении совершенно централизованно, хотя стремиться к этому нужно всеми теми путями, о которых мы говорили,... закрепляя организационно результаты политического объединения с.-д. рабочих в ходе политической кампании»...

Побойтесь бога, любезнейший конкурент Троцкого! Ну, к чему оглушать читателя вообще, а рабочего в особенности, этим набором слов о результатах политического объединения в ходе политической кампании! О закреплении этих результатов! Ведь это — набор слов, важничанье тяжеловесными повторениями простой вещи. Организационное «закрепление» нужно всегда, и до выборов, и после. Назвав выборы политической кампанией и, «для ради важности», «поговоривши еще о «ряде (!) всероссийских (!) политических кампаний», вы этим шумом и треском слов *заслоняете* действительно насущный, жизненный, практический вопрос: *как* организоваться. Нужны ли «ячейки» и около них сеть более или менее открытых непрочных союзов? да или нет? Если да, то это нужно и до выборов, и после; выборы — одна из работ, одна из многих. Если не велось систематической работы *издавна*, вы *ничего* не «закрепите» в ходе выборной кампании. Всякий практик понимает, что это пустяки. Звонкими фразами здесь прикрывается отсутствие точного ответа на *основной* вопрос о том, как нужно организоваться для всякой, а не только избирательной, деятельности.

Говорить по поводу выборов о «*боевой мобилизации пролетариата*» (sic! стр. 49), о «широкой и открытой мобилизации рабочих масс» (54) и т. д., и т. п. — значит, не только не иметь никакого чувства меры, но прямо вредить скромной, по необходимости скромной, работе, воспитывая фразерство *совершенно такого же качества,* как у «отзовистов», «ультиматистов» и т. п. У тех выходит, что бойкотом надо особо подчеркнуть, что не похоронен «дух» (а «дух» работы должен пронизывать все ее области, выборную в том числе), — у крикунов ликвидаторства выходит, что выборы дадут все, и «боевую мобилизацию» (как только не стыдно русскому тоже-«марксисту» выписывать такие вещи!), и «закрепление организационное результатов политического объединения в ходе политической кампании»! Все мы знаем прекрасно, что *ни* «широкой», *ни* «открытой» «мобилизации масс» выборы 1912 года (если не наступит условий, в корне меняющих обстановку 1908 и 1911 годов) не дадут и дать не могут. Дадут скромную возможность не широкой и не очень открытой работы, и этой возможностью надо пользоваться, а Троцкому подражать в надутых фразах не следует.

Крик об «открытых» организациях по поводу выборов прямо неумен: давайте-ка лучше делать *не очень* открыто, коллеги-рабочие, скажем мы, — это будет вернее, уместнее, разумнее, *полезнее для* воздействия на *более широкие слои,* чем болтовня об «открытом» существовании. В такие времена, как наши, кричать и хвастать: «а я все открыть могу» могут лишь люди или совсем дурные, или совсем легкомысленные.

...«Партия (классовая) появится лишь как продукт организационного творчества самодеятельного рабочего авангарда» (41).

Уф! Пощадите! Ведь в мире партию складывали и выращивали в течение десятилетий и передовые рабочие, и действительно марксистские, переходящие вполне на сторону рабочих, «интеллигенты». И у нас *не может быть* иначе, и не к чему это отпугивание русского читателя-рабочего пышным вздором о «творчестве» (когда приходится азы твердить и маленькие, простенькие камушки для фундамента носить), «самодеятельном» авангарде и пр. Г. Мартов тоже увлечен Чацким-Тартареном и договаривается до «самосознательных элементов рабочего класса» (№ 7 — 8, с. 42), идущих на смену «самоликвидации» старого персонала (там же).

Чтобы покрепче было! «Самодеятельные», «самосознательные», «творческие», «мобилизация боевая», «самое широкое», «самое открытое»... Как это не тошнит людей от этого — употребляю щедринское выражение — языкоблудия?

А дело в том, что вычурными, вымученными, оглушающими и отупляющими рабочего (а интеллигента еще больше, ибо рабочие смеются над стилем à la Юрий Чацкий, а больше «*увле-*

каются» им гимназисты) фразами, *приходится* оперировать, когда на простые, ясные, близкие вопросы *нет* у писателя простого, прямого, ясного ответа. На вопросе об избирательной платформе мы можем в особенности наглядно иллюстрировать эту истину о превращении *неясной* мысли в неясные, напыщенные, велеречивые фразы.

III.

Г. Юрий Чацкий о важности избирательной платформы говорит тоже с большущим, большущим пафосом. Вопрос о платформе — «один из самых кардинальных вопросов». Очень хорошо! «Рабочие с.-д. должны *прочувствовать* (!!) ее (платформу), продумать, считать своей» (курсив Юрия Чацкого).

Что *продумать* платформу должны рабочие, это верно. Тоже и интеллигентам, пишущим в почти-марксистских журналах, очень бы не мешало продумать платформу. Но вот что значит «прочувствовать» платформу, — это понять мудрено. Может быть, гг. Неведомский и Луначарский в следующем номере «Нашей Зари» напишут «прочувствованные» статьи о «прочувствовании» избирательной платформы самодеятельным авангардом самосознательных мобилизуемых масс?

Или не угодно ли следующий перл из статьи г. Ф. Дана: ... «*избирательная тактика* совершенно меняет свой смысл и свое политическое содержание в зависимости от того, кто же является ее творцом и носителем: самоуправляющийся коллектив рабочего с.-д. авангарда со всеми его пролетарскими и интеллигентскими силами, или те или иные группки интеллигенции, хотя бы и «социал-демократической», но не выдвинутой таким коллективом, не действующей под его контролем и давленьем»... Кто может сомневаться в самом деле, что Потресов и Дан отнюдь не «группка интеллигенции», а люди, «выдвинутые самоуправляющимся коллективом авангарда» и «действующие под его контролем»! О, Тартарены ликвидаторства!

Продумал ли Юрий Чацкий, Л. Мартов и Ф. Дан платформу? «Стыдно признаться, да грех утаить — пишет первый из них — у нас бывало и так, что платформа сама по себе, а в предвыборных речах и писаниях говорят другое, идут кто в лес, кто по дрова».

Что правда, то правда. «У нас» это очень часто бывало.

Например, Юрий Чацкий, после прочувствованных слов о прочувствованной платформе принимается говорить длинные, длинные и не менее прочувствованные слова о важности и необходимости *единой* платформы. Прочувствованными словами нарочито заслоняется простой вопрос о том, может ли быть *единая* платформа, если нет единства в политических воззрениях? А если единство воззрений есть, то к чему терять напрасно слова

и ломиться в открытую дверь: ведь платформа есть изложение воззрений!

Юрий же Чацкий, поговорив «кругом да около» об «единой» платформе, пробалтывает очень неловко свой «секрет». «Крупнейшее значение — пишет он — мы придаем *санкции* (платформе) *думской с.-д. фракции,* при том, однако, непременном *условии,* что последняя не пойдет по линии наименьшего сопротивления, санкционировав платформу, навязанную ей заграничными кружками» (50)...

Это называется: der König absolut, wenn er unseren Willen tut, — король самодержавен, если он творит *нашу* волю. Платформа желательна единая, если не будет санкционирована платформа, «навязанная заграничными кружками». Значит, платформы-то *есть налицо* две? одна, которую вы ругаете «навязанной из-за границы» (терминология, достойная Пуришкевича! подумайте только: Юрий Чацкий, в журнале Потресова, пишет, рука об руку с Мартовым и Даном, о навязывании из-за границы! Как низко надо пасть, чтобы такими приемами науськивать неразвитых людей против «заграницы»!). Другая платформа, очевидно, та, которая идет не из-за границы, а из самоуправляющегося коллектива широких и открытых организаций мобилизуемой массы. Говоря проще и без выкрутас: «другими элементами возможной централизации является группа с.-д. (?) работников, тесно связанных с открытым рабочим движением и приобретающих все бо̀льшую устойчивость и авторитет в процессе ведения политических кампаний. Мы имеем в виду в особенности Петербург и его руководящую роль в политических кампаниях последнего года». Так пишет Юрий Чацкий.

Ларчик просто открывается: «группа» петербургских ликвидаторов, всем хорошо известных по журналу г. Потресова, вот вам «элемент централизации». Ясно, очень ясно, любезный Юрий Чацкий!

Платформа должна быть единой, *но*... так, чтобы она не «навязывалась заграничными кружками», а удовлетворяла «группу» петербургских ликвидаторов... Горячий сторонник «единства» этот Юрий Чацкий!

IV.

Посмотрим на «основные положения платформы» у Л. Мартова... В основу ее он кладет, — как и следовало, конечно, — программу. По частям и своими словами программа эта пересказывается у Мартова. Остается неясным, *ту* ли программу проповедует Мартов, которая *им* изложена в № 7 — 8 «Нашей Зари»: *эта* частичка старой программы приемлема и для Ларина, и для Левицкого, и для Прокоповича, вероятно. Или Мартов приемлет *всю старую* программу?

Справедливость требует отметить, что одно местечко в статье Мартова указывает на последнее; именно: это—местечко на стр. 48, где говорится, что иногда приходится «не договаривать в ясной форме» (это правда), но, дескать, не следует *отказываться*. «Нас не заставят» — «*урезать* содержание наших требований». Это очень хорошие слова. К сожалению, этим словам не соответствует *дело*, ибо мы прекрасно знаем, напр., что «не подозреваемый (Мартовым) в реформизме» Ларин *урезывает* и *отказывается*. Нам придется убедиться очень скоро, что и Мартов в той же самой своей статье, обещая «не урезывать» и «не отказываться», на деле урезывает и отказывается.

Фактическое положение, следовательно, таково, что по вопросу о программе, как составной части и базе платформы, имеется налицо не одна, а две платформы: *без* урезывания и отказов, и *с* теми урезками и отказами, направление которых ясно указано характером проповеди Ларина, Левицкого, Потресова.

Далее идет вопрос о тактике. Исторический смысл третьеиюньского периода должен быть оценен, и на такой оценке должны базироваться *все* определения наших задач, *все* наши «высказыванья» по каким бы то ни было общим и частным вопросам современной политики. Мартов вынужден признать и сам, — несмотря на обычные у ликвидаторов и характерные для ликвидаторства насмешки над «оценкой текущего момента», — что вопрос этот кардинальный. И вот, по отношению к «старому», оформленному ответу на этот вопрос, Мартов заявляет:

«Исторический смысл «третьеиюньского» периода пытались определить неудачной, ибо способной вводить в заблуждение, формулой, говоря о «шаге на пути к превращению («по пути превращения» было бы точной цитатой) в буржуазную монархию»»...

«Неудачная» формула... Как это мягко сказано! А давно ли коллеги Мартова видели в этой формуле полное принципиальное отрицание той точки зрения, которая им кажется единоспасающей? Давно ли Ф. Дан говорил: «хотят переть туда, где были раз разбиты»? В чем же дело? Есть ли коренное расхождение по вопросу об историческом смысле третьеиюньского периода или нет? Слушайте дальше:

...«В такой формулировке исчезает реальность сделанного *назад* шага к разделу власти между носителями абсолютизма и землевладельческим дворянством. Из сказанного выше следует, что те формы, в которых после событий 1905 года только и мог совершаться этот раздел, создали благоприятные условия для мобилизации и организации тех социальных сил, которых исторической миссией является работать над созданием «буржуазной монархии»»...

Эти социальные силы, по Мартову, буржуазия, которой третьеиюньский период «дал право быть легальной или терпимой оппозицией».

Присмотритесь же к рассуждению Мартова. Он упрекает «неудачную формулу» *как будто бы* только в том, что она забывает шаг назад, сделанный *властью*. Во 1-х, это фактически неверно. Мартову поразительно не везет с «формулой» 1908 года: как только примется говорить о ней, так сейчас же оказывается странное неумение (или нежелание?) точно передать очень хорошо известную ему «формулу». В «формуле» говорится прямо и точно о сохранении за *крепостниками*-землевладельцами (а не буржуазными землевладельцами, как следовало бы говорить по Ларину), «их власти и их доходов»! Значит, ежели этакий раздел власти называть «шагом назад», то этот шаг назад не только не исчезает в нашей формуле, а, напротив, констатируется самым точным образом. Во 2-х, и *это главное*, говоря о шаге назад, сделанном властью, Мартов прикрывает, затушевывает этим *шаг назад*, сделанный *либеральной буржуазией*. Вот где зарыта собака! Вот в чем суть рассуждения, затемняемая Мартовым.

Шаг назад, сделанный либеральной буржуазией, есть *веховство* этой буржуазии, ее отречение от демократизма, ее *приближение* к «партиям порядка», ее поддержка (прямая и косвенная, идейная и политическая) попыток старого режима удержаться ценою минимальных «шагов по пути превращения в буржуазную монархию». Буржуазная монархия не может не только сложиться, но даже и начать складываться без контр-революционной — (веховской) либеральной буржуазии. Мартов «забывает» это прежде всего и больше всего по той простой причине, что он сам «веховец»... среди марксистов.

Либерал обращает все внимание при оценке третьеиюньского периода на то, что власть сделала «шаг назад» к Пуришкевичам: если бы та же самая власть при сохранении тех же самых основных черт режима (и прижима против *демократии*) сделала «шаг» к нему, к либералу, то это все, что ему требуется. Я доказал «Вехами», веховской политикой («Лондон» Милюкова), что я, либерал, искренний, серьезный, беспощадный враг демократии «противогосударственной», отщепенской, ребячьей, преступной, «воровской», безнравственной, безбожной и как там еще говорится в «Вехах». И, несмотря на это, власть делится не со мной, а с Пуришкевичем! — вот каков *смысл* либеральной политики третьеиюньского периода, вот каков смысл «столыпинского либерализма» господ Струве и Милюковых. Я к тебе всей душой, — говорит либерал, обращая взоры к власти, а ты мне предпочитаешь Пуришкевича!

Наоборот, точка зрения пролетарской демократии на третьеиюньский период принципиально, коренным образом иная. «Шаг назад» к Пуришкевичам сделан властью на иной, гораздо более высокой ступени развития, чем прежде. И в 80-ых годах был «шаг назад» к дворянству, но это был шаг назад на ступени

пореформенной России, далеко ушедшей от времени николаевской эпохи, когда дворянин помещик командовал без «плутократии», без железных дорог, без растущего третьего элемента. Так и теперь, «шаг назад» к Пуришкевичам происходит на базе буржуазной аграрной политики, на базе организованного и прочного участия буржуазии в представительстве: это — гегемония Пуришкевича в общем, и пуришкевичевском и милюковском, повороте *против* демократии, против движения масс, против так называемых «эксцессов», против так называемой «интеллигентской (Вехи) революции» и т. д.

Задача либерала — «попугать» Пуришкевича так, чтобы он «потеснился», побольше места уступил либерализму, но так, чтобы отнюдь не могли при этом вовсе устранить с лица земли все экономические и политические основы пуришкевичевщины. Задача демократа вообще и представителя пролетарской демократии, марксиста, в особенности, испытывать резкий конфликт, чтобы втянуть на арену низы как раз для такого устранения. С точки зрения задачи преобразования России вообще, исторический смысл третьеиюньского периода в том и состоит, что этот новый шаг по пути превращения в буржуазную монархию есть шаг к большей размежевке классов во всех отношениях и, в частности, к большей размежевке либерализма («ответственная» оппозиция Пуришкевичам) и демократии (устранение всех основ пуришкевичевщины).

Отсюда ясно, что Мартов, якобы критикующий лишь «неудачную формулировку», *на деле* дает платформу *либеральной рабочей политики.* Он видит «шаг назад», сделанный старой властью к Пуришкевичам, и не видит шага назад, сделанного либеральной буржуазией к старой власти. Он видит, что события 1905 года создали благоприятные условия для «мобилизации и организации» либеральных буржуа против Пуришкевичей и рядом с Пуришкевичами, но он *не* видит, что эти события создали «благоприятные условия» для мобилизации и организации веховской, контр-революционной, либеральной буржуазии против демократии, против движения масс. Из цитаты Мартова неизбежно вытекает поэтому, что рабочие должны «поддержать» либералов в *их* борьбе с Пуришкевичами, должны предоставить *гегемонию* либералам, — и отнюдь не вытекает, что рабочие должны, *вопреки* веховству либералов, *вопреки* стремлению Милюковых усесться рядом с Пуришкевичами, поднимать низы на работу полного устранения самых глубоких корней (и самых высоких вершин) пуришкевичевщины.

Отсюда ясно, далее, почему Мартов может и должен соглашаться с Лариным в основном, расходясь с ним лишь в частностях, лишь в приемах формулировки задач либеральной рабочей политики. У нас уже есть буржуазная монархия, говорит

Ларин, у нас уже теперь землевладельцы не «крепостники», а аграрии, т.-е. буржуазные, сельские предприниматели. У нас, поэтому, не стоят на очереди исторические «скачки», у нас должна быть «*не* гегемония, *а* классовая партия» (Левицкий), у нас задача поддерживать либералов-конституционалистов, сохраняя свою самостоятельность *). У нас нет еще буржуазной монархии, возражает Мартов, но для нас «вполне достаточно» знать, что сочетание абсолютизма и конституционализма противоречиво и что мы должны «ухватить старый режим за Ахиллесову пяту противоречий». Оба спорящие не видят связи родившейся или рождающейся буржуазной монархии с контр-революционностью либеральной буржуазии, у обоих исчезает со сцены деятельность «гегемона» по определению не только объема, но и типа буржуазного преобразования России; у обоих — говорят ли они это или нет — рабочий класс «устраивается» в новой, буржуазной России, а не *устраивает* ее, ведя за собою демократию, способную к отрицанию всех основ пуришкевичевщины.

V.

Небезынтересно, что дальнейшие рассуждения Мартова побивают его еще более наглядно.

...«Так, — продолжает Мартов, — реставрированные в 1815 г. Бурбоны не *создали* буржуазной монархии, но вынуждены были облечь господство свое и стоявшего за ними дворянства в политические формы, ускорившие организацию буржуазного класса и позволившие ему вырасти в силу, способную создать буржуазную монархию 1830 года»...

Прекрасно. До Бурбонов 1815 года, до 1789 года монархия была во Франции феодальная, патриархальная. После 1830 года монархия была буржуазная. А какая же была монархия, о которой (на голову себе) заговорил Мартов, т.-е. монархия 1815 — 1830 года? Ясно, что она была «шагом на пути превращения в буржуазную монархию». Пример Мартова говорит великолепно против него! Далее. Либеральная буржуазия во Франции начала обнаруживать свою вражду к последовательной демократии еще в движении 1789 — 1793 годов. Задачей демократии было создание вовсе не буржуазной *монархии*, как прекрасно знает Мартов. И демократия Франции, с рабочим классом во главе, *вопреки* колебаниям, изменам, контр-революционному настроению либеральной буржуазии, создала, после долгого ряда тяжелых «кампаний», тот политический строй, который упрочился с 1871 года. В начале эпохи буржуазных революций либеральная французская буржуазия была монархической; в конце долгого периода

*) «Постоять за себя при предстоящем конституционном обновлении», писал Ларин.

буржуазных революций — по мере увеличивающейся решительности и самостоятельности выступлений пролетариата и демократически буржуазных («левоблокистских», не во гнев будь сказано Л. Мартову!) элементов — французская буржуазия вся была *переделана* в республиканскую, перевоспитана, переобучена, перерождена. В Пруссии, и в Германии вообще, помещик не выпускал из своих рук гегемонии во все время буржуазных революций и он «воспитал» буржуазию по образу и подобию своему. Во Франции гегемонию раза этак четыре за все восьмидесятилетие буржуазных революций отвоевал себе пролетариат в разных сочетаниях с «левоблокистскими» элементами мелкой буржуазии, и в результате буржуазия должна была создать такой политический строй, который более угоден ее антиподу.

Есть буржуазия и буржуазия. Буржуазные революции показывают нам громадное разнообразие комбинаций различных групп, слоев, элементов и самой буржуазии и рабочего класса. «Высасывать» ответ на конкретные вопросы русской буржуазной революции первого десятилетия XX века из «общего понятия» буржуазной революции в самом узком смысле слова значит опошлять марксизм до либерализма.

«Так, — продолжает Мартов — после обуздания революции 1848 года прусская власть оказалась вынужденной ввести конституцию и законодательное представительство, организованное в интересах землевладения; а на почве этих жалких зачатков конституционно-парламентского строя политически организовалась буржуазия, которой, однако, и до сих пор не удалось закончить превращения государства в «буржуазную монархию».

Вышеупомянутая формулировка грешит, таким образом, тем, что в ней отсутствует момент решительного столкновения классов, без которого проявляющаяся в актах третьеиюньского типа объективная тенденция не может реализоваться в жизни!»

Не правда ли, это поистине великолепно? Мартов, положительно, виртуоз по части облачения реформистских рассуждений, теорий, платформ словечками эффектно-марксистского и эффектно-революционного вида! По поводу той самой «формулы», которую критикует Мартов, Ф. Дан громил людей, желающих «переть туда, где были раз разбиты». Ю. Ларин писал, что рабочий класс должен организоваться не в «ожидании революции», а просто таки «для твердой и планомерной защиты своих особых интересов». Теперь же Мартов делает открытие: формула грешит тем, что в ней *отсутствует момент решительного столкновения классов*. Прямо прелесть!

Но в этой фразе Мартова, кроме комического, есть еще нечто. Мартов выразился с виртуозной уклончивостью. Он не сказал, о *каких* классах идет у него речь. В предыдущем шла речь о землевладельцах и буржуазии. Можно предположить, что Мартов говорит здесь о решительном столкновении *только* между

землевладельцами и буржуазией. Только с точки зрения *такого* предположения можно «взять в серьез» цитированные слова Мартова. Но зато *такое* предположение выдает его с особенной наглядностью, как проповедника или защитника либеральной рабочей политики.

В нашей формуле «отсутствует момент решительного столкновения» между классами землевладельческим и буржуазным! Позвольте: в нашей формуле говорится прямо, определенно, точно о «*мелких раздорах*» этих классов. С нашей точки зрения, раздоры между этими классами *мелки*. Крупное значение имеет столкновение *не* этих классов, а других классов, о которых в «формуле» говорится далее столь же прямо и столь же определенно.

Вопрос стоит, следовательно, таким образом. Кто стоит на марксистской точке зрения, тот не может ждать избавления России от «третьеиюньского периода» ни от чего иного, как от «решительного столкновения классов». Надо уяснить себе исторический смысл «третьеиюньского периода», чтобы знать, *какие* классы в современной России могут и должны (в смысле объективной необходимости, а не субъективного долженствования) придти в решительное столкновение. Мартов думает, видимо, — как думают и все ликвидаторы, — что решительное столкновение предстоит в России между поместным дворянством и либеральной буржуазией. (Заметим в скобках, что если в проекте платформы «Нашей Зари» и «Дела Жизни» будет высказан *прямо* этот взгляд, то ликвидаторы окажут большую услугу рабочему движению, разъяснив рабочим, в чем тут дело; если же в платформе этих литературных органов *не* будет высказан прямо этот взгляд, то это будет означать, что платформа пишется *для* сокрытия взглядов, что платформа расходится с действительным идейным содержанием проповеди обоих журналов).

Мы думаем — и в нашей «формуле» это сказано прямо, что решительное столкновение между поместным землевладением старого типа и либеральной буржуазией России *не* предстоит; столкновения между этими классами неизбежны, но в виде «мелких раздоров», которые *ничего* «*не решают*» в судьбах России, никакого решительного, серьезного изменения к лучшему принести не могут *).

*) Из этого не следует, конечно, что либеральная буржуазия составляет вместе с поместным землевладением «одну реакционную массу», что конфликты первой со вторым не играют никакой роли в политике, что они не могут давать повода к демократическому движению, что эти конфликты позволительно игнорировать. Подобные выводы были бы доведением до абсурда правильного положения, были бы непониманием того, в каких границах верно это положение. Известно ведь, что «величайшая справедливость», доведенная до абсурда при непонимании границ и условий справедливого и несправедливого, превращается в «величайшую

Столкновение действительно решительное предстоит между *другими* классами — столкновение на почве и в пределах буржуазного общества, т.-е. товарного производства и капитализма.

На чем основано такое мнение? И на теоретических соображениях и на опыте 1905—07 годов. В это трехлетие Россия пережила такое резкое столкновение классов, которое занимает одно из первых мест в всемирной истории резких столкновений между классами. И тем не менее, даже в это трехлетие, в обстановке буржуазного общества, не имевшего тогда самых элементарных условий и гарантий буржуазной свободы, столкновение между поместным землевладением и либеральной буржуазией, между этой последней и старой властью не было ни резким, ни решительным. Напротив, резки и решительны — сколько-нибудь резки и решительны — были столкновения между крестьянами и помещиками, между рабочами и капиталистами.

Чем объясняется это явление? В первую голову тем, что либеральная буржуазия связана слишком тесными экономическими нитями с поместным землевладением, их интересы слишком переплетены взаимно, так что для первой безопасным и желательным представляется лишь реформирование последнего, отнюдь не уничтожение его. Лучше самое медленное, даже незаметно-медленное реформирование, чем уничтожение, — так рассуждает подавляющее большинство либеральных буржуа, и при *данном* экономическом и политическом положении России этот класс рассуждать иначе *не может*.

Далее, если взять, напр., стачечное движение, то окажется, что Россия в указанное трехлетие развила его до высоты, невиданной ни в одной из самых передовых, наиболее капиталистических стран мира. Отсюда *неизбежность* такого рассуждения либеральной буржуазии, что лучше самое медленное, незаметно-медленное реформирование устарелых условий труда, чем решительный разрыв с старым; лучше сохранить старое, чем решительно разорвать с ним. Напротив, для крестьянства и для рабочих экономическое положение их делало *невозможным* подобное рассуждение; экономическое положение порождало здесь столкновения действительно резкие, действительно решительные. Ошибочно думать, как думают народники относительно крестьянства, Троцкий относительно рабочих, что эти столкновения выходят за пределы буржуазного общества. Но не подлежит ни малейшему сомнению, что *всё* старое, ветхое, добуржуазное *этими*

несправедливость»: summum jus — summa injuria. Напомним тот факт из истории русского марксизма, что на известном Лондонском конгрессе оценка либерально-буржуазных партий в России (с кадетской партией во главе их) дана именно та, которая изложена в тексте, причем признана необходимость «использовать в интересах политического воспитания народа деятельность этих партий».

столкновениями и *только ими* может быть (при известном исходе столкновений) устранено дочиста, уничтожено совершенно.

Русские помещики, от Пуришкевича вплоть до Долгорукова, воспитали и воспитывают нашу либеральную буржуазию в духе невиданного еще в истории сервилизма, косности, боязни перемен. Русские крестьяне — *при данном* экономическом и политическом положении России — представляют из себя *буржуазный* слой населения, из которого эпоха «столкновений», эпоха буржуазных революций (в историко-методологическом значении этого слова) *воспитывает*, при направляющем участии со стороны рабочих, буржуазию, не отличающуюся вышеуказанными приятными качествами. Воспитает ли? на этот вопрос ответ можно будет дать лишь тогда, когда эпоха буржуазных движений в России будет закончена. До тех же пор все прогрессивные направления политической мысли в России будут неизбежно делиться на два основные типа, смотря по тому, тяготеют ли они к гегемонии либерализма, стремящегося переделать, обновить Россию безобидным для Пуришкевичей образом, или к гегемонии рабочего класса, ведущего за собой лучшие элементы крестьянства.

Я сказал: «тяготеют», ибо сознательность в смысле понимания классовых корней той или иной политики предполагать во всех прогрессивных направлениях не приходится. Но марксистам нельзя быть марксистами, если они не доискались этих корней, если они не поняли, что и защита особых интересов рабочего класса и подготовка его к его будущей роли в буржуазной России неизбежно, в силу объективного соотношения общественных сил, направляются по тем же двум главным руслам: идти *за* либерализмом (который идет за Пуришкевичами или рядом с ними) или вести демократические элементы вперед *вопреки* колебаниям, переметыванью, веховству либерализма.

VI.

Мы подошли таким образом вплотную к вопросу о пресловутом «левоблокизме». Юрий Чацкий и Ф. Дан, без преувеличения можно сказать, рвут и мечут против левоблокизма; со стороны последнего из названных политиков это тем естественнее, что надо же прикрыть ему чем-нибудь свою измену делу рабочих и раскол организации рабочих весной 1907 г. в Петербурге ради блока с кадетами! Но вопрос о левоблокизме есть интересный и важный принципиальный вопрос, если говорить не только и даже не столько об избирательных соглашениях (при настоящем избирательном законе «левый блок» весьма редко применялся на практике), а об общем характере и содержании всей избирательной пропаганды и агитации. «Заставлять» наиболее многочисленную в стране демократическую массу (крестьянство

и родственные слои неземледельческой мелкой буржуазии) «делать выбор между кадетами и марксистами»; вести линию «совместных действий» рабочих и крестьянской демократии и против старого режима, и против колеблющейся контр-революционной либеральной буржуазии, — вот в чем основа и суть «левоблокистской» тактики, освященной и ходом событий 1905 года (рабочее и крестьянское движение), и голосованиями «трудовой» и рабочей групп в обеих первых Думах, и отношением прессы разных партий к коренным вопросам демократии, и даже позицией «крестьянской группы» *III* Думы (при обилии правых элементов в этой группе!) по аграрному вопросу. Известно, что земельный проект 43 крестьян *третьей* Думы гораздо демократичнее кадетского, либерального проекта, как признали и сами кадеты!

Несомненно, что именно в этом, общепринципиальном, смысле отвергают «левоблокизм» ликвидаторы. И так же несомненно, что их отречение от левоблокизма есть измена делу демократии. Не было *ни одного* буржуазноосвободительного движения в мире, не дающего примеров и образцов «левоблокистской» тактики, при чем *все* победоносные моменты этих движений связаны *всегда* с успехами этой тактики, с направлением борьбы по этому пути вопреки колебаниям и изменам либерализма. Именно «левоблокистская тактика», именно союз городского «плебса» (= современного пролетариата) с демократическим крестьянством придавал размах и силу английской революции XVII, французской XVIII века. Об этом Маркс и Энгельс говорили много раз не только в 1848 году, но и гораздо позже. Чтобы не приводить много уже раз приводившихся цитат, напомним переписку Маркса и Лассаля в 1859 году. По поводу трагедии Лассаля «Зикинген» Маркс писал, что коллизия, проведенная в драме, «не только трагична, но она есть именно та самая трагическая коллизия, которая совершенно основательно привела к крушению революционную партию 1848 и 1849 годов». И Маркс, уже намечая в общих чертах *всю* линию будущих разногласий лассалеанцев и эйзенахцев, упрекал Лассаля, что он впадает в ошибку «тем, что ставит *лютеровско-рыцарскую* оппозицию выше *плебейско-мюнцеровской*» [163]).

Нас не касается здесь вопрос о том, правилен или неправилен упрек Маркса: мы думаем, что правилен, хотя Лассаль энергично защищался от этого упрека. Важно то, что ставить «лютеровско-рыцарскую» (либерально-помещичью в переводе на русский язык начала XX века) оппозицию *выше* «плебейско-мюнцеровской (пролетарско-крестьянской, в таком же переводе) и Маркс и Лассаль считали явной ошибкой, считали абсолютно недопустимым для социал-демократа!

Ругаясь и бранясь по адресу левоблокистской тактики, ликвидаторы пытаются шумом слов заглушить встающий при этом

коренной принципиальный вопрос об обязательности «левоблокизма» для всякой рабочей партии во всяком буржуазно-демократическом движении. Не будучи в состоянии поставить вопрос принципиально, они впадают в курьезные противоречия, сами себя побивая. Пример: тот же Л. Мартов, который как чумы боится «левого блока», пишет, формулируя в «основных положениях платформы» аграрную программу: «попрежнему наиболее верным, наиболее безболезненным и наиболее выгодным для культурного развития... остается изъятие помещичьей земли из рук ее нынешних владельцев и передача ее народу»[164]). Нечаянно договорился — о ужас! — до национализации! Это во-первых. А во-вторых, высказав верную мысль, Мартов высказал (вопреки своему коллеге Череванину: см. его *веховскую* книгу о «Современном положении» в 1908 году) *левоблокистскую* мысль, ибо намеченная им аграрная программа есть программа *левоблокистских* действий и против старого режима и *против либеральных партий вроде к.-д.*!! «Гони природу в дверь, она влетит в окно»!!

Аграрная программа, формулированная Л. Мартовым, такова, что на ней объединяются (фактически объединяются, т.-е. сходятся *независимо* от каких бы то ни было «соглашений») и рабочие и крестьяне-трудовики с их идеологическими вождями в лице народников. Напротив, такая аграрная программа *отделяет* и рабочих и крестьян-трудовиков, вместе взятых, *от* кадетов (и от либеральной буржуазии вообще). Если вы в добавление к этому совершенно бесспорному политическому выводу примете в соображение, что аграрный вопрос (вопрос о демократическом аграрном преобразовании) стоит в центре вопросов нашего освободительного движения, то вы увидите, что Мартов *вынужден* был формулировать «левоблокистскую» тактику *по центральному* вопросу нашей эпохи!

Как и почему случилось с нашим противником «левоблокизма» такое несчастие? Очень просто. Ему пришлось либо *порывать* прямо и ясно со старой программой—на это он не решился; он еще не «догнал» смелого (в ренегатстве) Череванина и Ларина. Либо надо было пересказать, хотя бы приблизительно верно, старую программу, а из нее «левоблокизм» вытекает неизбежно. Такова уже горькая судьба наших ликвидаторов.

VII.

Нам осталось еще указать на два важных места в статье Мартова. «Стремлением рабочей партии — пишет он — должно быть, при возникновении каждого такого конфликта внутри третьеиюньской системы» (речь шла о конфликтах и трениях, разлагающих и подтачивающих эту систему) «побудить имущие классы сделать тот или иной шаг в сторону демократизации за-

конодательства и расширения конституционных гарантий и, что представляет для нас наибольшую самостоятельную ценность, — расширения сферы нестесненной организации народных сил» (стр. 50, «Наша Заря» № 7—8).

Формулировка, данная здесь Мартовым, очень удачна. Но это именно формулировка задач и линии либеральной рабочей политики. «Побудить имущие классы сделать шаг», «расширить сферу нестесненной организации труда» — эти фразы Мартова точь в точь повторяют *все*, сколько-нибудь образованные, сколько-нибудь проникнутые «европейским» духом, либеральные буржуа всего мира. Отличие либеральной рабочей политики от марксистской рабочей политики начинается *только* там и тогда, где и когда мы видим разъяснение рабочим недостаточности, неудовлетворительности, обмана приведенной сейчас либеральной формулировки. Побудить неимущие классы сделать шаг к изменению *самой той* «сферы», которую либералы обещают «расширять», к замене ее *принципиально* иной «сферой» — вот как (приблизительно) следует определить задачи и стремления рабочей партии, если нет желания строить либеральную рабочую партию.

Как курьез, отметим, что Л. Мартов сам замечает по поводу своей формулировки в примечании к цитированному месту: «Эта формулировка, конечно, не преминет вызвать обвинения в оппортунизме и «легализме во что бы то ни стало»». И чем же он опровергает эти обвинения, как бы вы думали? Ссылкой на статью Н. Рожкова, — в № 171 «Обской Жизни»[165]). Из статьи этой Мартов приводит 5 строк, крайне неудачно формулированных и невразумительных, об «открытых политических союзах». Мы не читали этой статьи. Допустим, что Рожков стоит за «открытую партию». Но при чем же это, раз речь идет о формулировке *либеральной* рабочей *политики у Мартова??* С которых пор для оправдания *одной* своей ошибки можно ссылаться на *другую* ошибку *другого* писателя?

Но всего рельефнее, всего лучше передает весь *дух* статьи Мартова следующая тирада из заключительного абзаца в заключительном параграфе ее:

«Вся избирательная кампания должна нами вестись под знаменем борьбы пролетариата за *свободу своего политического самоопределения*, борьбы за право иметь свою классовую партию и свободно развивать свою деятельность, за участие в политической жизни в качестве самостоятельной организованной силы. Этому принципу (слушайте!) должны быть подчинены как содержание избирательной агитации, так и методы избирательной тактики и организационной предвыборной работы».

Вот слова, *правильно* выражающие «принцип», определяющий «содержание» всей избирательной агитации (и всей политики) ликвидаторов! Хорошие слова «не урезывать ничего, не отказываться

ни от чего», которыми Мартов утешал марксистского читателя, оказываются только словами, пустыми словами при *такой* формулировке «принципа». Принцип-то оказывается принципом либеральной рабочей политики, вот в чем суть.

Либеральный буржуа говорит рабочим: вы вправе бороться, вам необходимо бороться за свободу *своего* политического самоопределения, за право иметь *свою* классовую партию, свободно развивать свою деятельность, за *участие* в политической жизни в качестве самостоятельной организованной силы. Именно эти принципы либеральной, образованной, радикальной—если употреблять английский или французский термин — буржуазии и преподносит рабочим Мартов под названием марксизма.

Марксист говорит рабочим: чтобы действительно и успешно бороться за свободу «своего» политического самоопределения, вы должны бороться за свободу политического самоопределения всего народа, указывая ему последовательно демократические формы его государственного бытия, отвоевывая массы и неразвитые слои трудящихся из-под влияния либералов. Чтобы ваша партия действительно стояла на высоте понимания задач класса, чтобы ее деятельность была на деле классовой, а не цеховой, надо, чтобы она не только участвовала в политической жизни, но направляла — вопреки всем колебаниям либералов — политическую жизнь и самодеятельность широких слоев на арену, более высокую, чем та, которую указывают либералы, на цели, более существенные, более коренные. Не понимает задачи класса тот, кто отводит ему «самостоятельный» уголок «деятельности» на арене, пределы которой, форма и вид которой определяется или допускается либералами. Задачи класса понимает лишь тот, кто направляет внимание (и сознание, и практическую работу, и т. д.) на такое пересоздание самой этой арены, всей формы ее, всего вида ее, которое бы не ограничивалось нормами либерализма.

В чем разница обеих формулировок? Да именно в том, *между прочим*, что первая *исключает* идею «гегемонии» рабочего класса, а вторая нарочито определяет именно эту идею; первая есть современный, новейший вариант старого экономизма («рабочим экономическая, либералам политическая борьба»), вторая стремится вырвать в умах всякую почву и у старого экономизма и у неоэкономизма.

Теперь остается поставить заключительный вопрос: в чем разница между Левицким и Мартовым? В том, что первый — ликвидатор из молодых, нового поколения, свободный от традиций и воспоминаний о старом. С задором и прямотой, свойственными молодости, он говорит прямиком: «*не* гегемония, *а* классовая партия»! А Мартов «видывал виды», был некогда староискровцем, в нем перемешаны старые традиции, еще не

вполне выветрившиеся *), и новое ликвидаторство, еще не вполне осмелевшее; поэтому он усердно клянется и божится: «ничего не урезывать, ни от чего не отказываться», а потом, после долгих, долгих окольных рассуждений проговаривается, что «принцип»-то всей избирательной агитации должен быть ликвидаторский.

А все дело как раз в «принципе» избирательной кампании.

«Просвещение» №№ 1 и 2, декабрь 1911 г. и январь 1912 г.
Подпись: К. Тулин.

---

*) Вернее: содержание этих традиций, идейное ядро их выветрилось уже вполне у Мартова, но *слова* остались, привычка к «приличной вывеске» «непримиримого интернационалиста» сказывается.

ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ КАМПАНИЯ В IV ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ.

I. ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПИАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ.

Кадетская партия, лучше обставленная из так называемых оппозиционных партий в смысле открытого существования, только что сделала крайне важный шаг по определению своей политики в избирательной кампании. Кадетская политика, как свидетельствуют наилучшие доступные нам и сочувствующие кадетам источники, определена следующим образом:

1) К.-д. проводят своих кандидатов там, где выбор их обеспечен.

2) Там, где нельзя рассчитывать на абсолютное большинство голосов в пользу кадетского кандидата, — к.-д. поддерживают того *прогрессивного* кандидата, без различия партий, который может собрать максимум голосов.

3) В том случае, если кандидат оппозиции не имеет никаких шансов и существует черносотенная опасность, поддержка октябристского кандидата допускается лишь тогда, если он является настоящим конституционалистом, что иногда, к удивлению, случается.

4) Ни с правыми октябристами, ни с националистами и монархистами ни в какие избирательные соглашения к.-д. не входят. Вообще же, не забывая интересов партии, они не приносят им в жертву высших интересов оппозиции, в широком смысле слова.

Такова кадетская политика. Рабочая демократия должна с величайшим вниманием отнестись к ней, разобрав действительную классовую сущность и настоящее значение ее, прикрываемые обычными условными фразами. Эти фразы о «высших интересах оппозиции» и т. п. сразу бросаются в глаза при чтении кадетских решений. Суть же дела в том, что кадетская политика определена теперь вполне и окончательно, как политика *октябристско-кадетского* блока. Эту суть надо понять, надо выделить ясно из шелухи казенно-либеральных словечек.

1) Ни слова о блоках с левыми, с демократами. 2) Запрещены блоки только с правыми октябристами — это ничтожное меньшинство октябристов, «гололобовцы». 3) Фраза о «высших интересах оппозиции в широком смысле слова» может означать на деле *только* одно: фактическое разрешение (и рекомендацию!) блоков с октябристами, как общего правила.

Эти три вывода относительно *действительной* политики к.-д. надо твердо усвоить.

Каково их значение? «Левый центр» буржуазного либерализма определил свою политику, как политику блока с правым центром буржуазного, с позволения сказать, либерализма, — открыто говоря о своей вражде к черносотенцам и выражая свою вражду к левым, к демократии, посредством умолчания о каких бы то ни было блоках с трудовиками, беспартийными левыми и рабочими кандидатами.

Сказанное нами в № 28 «Звезды», в статье «Два центра»*), подтвердилось полностью.

В России есть три *основные* политические силы и, следовательно, политические линии: черносотенцы (классовые интересы крепостников-помещиков) и «бюрократия» рядом с ними и над ними; затем либерально-монархическая буржуазия, «центр» — левый (к.-д.) и правый (октябристы); наконец, демократия буржуазная (трудовики, народники, беспартийные левые) и пролетарская. Правильность именно такого и только такого явления подтверждена всем опытом первого десятилетия XX века, а это десятилетие было необыкновенно важным и богатым событиями.

Разумеется, все грани и в природе и в обществе подвижны, в известной степени условны, изменчивы, а не мертвы. Переходные формы и колебания партий и групп, стоящих «*на границе*» основных делений, неизбежны, но суть дела, порожденная соотношением классовых сил в России начала XX века, несомненно, определяется именно указанным «тройственным» делением. Смешение буржуазного либерализма (к.-д. во главе его) с буржуазной демократией принесло не мало вреда русскому освободительному движению, и надо приложить все усилия, чтобы опыт великого десятилетия (1900 — 1910) помог всей демократии окончательно усвоить себе ошибочность и гибельность такого смешения. Перед рабочей демократией нашей эпохи стоят поэтому две, неразрывно связанные одна с другой, задачи: во-первых, самостоятельная политическая организация класса наемных рабочих, отдельная от всех хозяев и хозяйчиков, хотя бы самых демократических, и соподчиненная всему международному, мировому движению указанного класса; а во-вторых, развитие и укрепление сил русской демократии (во главе ее также неизбежно

*) См. настоящий том, стр. 259, 260. *Ред.*

стоят рабочие, как во главе буржуазного либерализма неизбежно стоят социальные элементы типа к.-д.). Эта последняя задача не может быть выполнена без неуклонного разъяснения самым широким массам классовых корней и политического значения грани между буржуазным либерализмом (к.-д.) и буржуазной демократией (трудовики и т. п.).

Либеральная буржуазия не хочет и не может обойтись без Марковых и Пуришкевичей, господство которых она стремится лишь умерять. Буржуазная демократия и рабочие не могут не стремиться, с большей или меньшей последовательностью и сознательностью, к уничтожению всех экономических и политических основ этого господства.

Таково основное содержание избирательной кампании в IV Государственную Думу с точки зрения рабочей демократии. Именно это содержание и должно быть выдвинуто на первый план в противовес кадетской политике, запутывающей умышленно все коренные принципиальные вопросы посредством общих фраз о «прогрессивности» и «оппозиционности».

Кадетско-октябристский блок не новость. Его давно предвидели марксисты, указывая на внутреннее, классовое родство обеих составных частей этого блока еще в 1905—7 годах. В III Думе сразу определилось два большинства, и уже в конце 1907 года марксисты сделали этот вывод краеугольным камнем своей политики. Пятилетие III Думы подтвердило этот вывод. В крупных чертах состав этой Думы таков *):

правые	160	284 — первое большинство	
октябристы	124		251 — второе большинство
либералы	127		
демократия	29		
Всего	440		

Все время III Дума опиралась на два эти большинства, являющиеся необходимыми составными элементами всей третьеиюньской системы: первое большинство есть полное сохранение у власти «старого»,—второе означает «шаг по пути» к буржуазной монархии. Первое нужно третьеиюньской системе, чтобы удерживать «власть и доходы» за Марковыми, Пуришкевичами и К°, второе — чтобы умерять это господство и двигаться по буржуазному вперед (по формуле: шаг вперед, два назад). Опыт показал теперь ясно, что такое движение вперед равняется застою, а «умерения» пуришкевичевщины не получается.

*) Расчет составлен по данным официального «Справочника» за 1910 год (выпуск II). Правые — собственно правые — 51; националисты—89; правые октябристы — 11; и 1/2 беспартийных — 9; либералы-прогрессисты — 39; к.-д. — 52; все национальные группы — 27; и 1/2 беспартийных — 9; демократия-трудовики — 14 и с.-д. — 15.

Целый ряд голосований III Думы был голосованием «второго большинства»; недавно «Речь» признала это определенно, говоря, что «ряд голосований» в начале последней сессии «фактически воспроизводит в Думе господство левого центра» (читай: кадетско-октябристского блока). Такие голосования возможны лишь потому, что *и* второе большинство, подобно первому, стоит на контр-революционной почве: достаточно вспомнить «Вехи», или богомольные речи Караулова, или «лондонские» лозунги, чтобы иллюстрировать это.

А где результаты этих «побед» второго большинства? Где факты, подтверждающие то поистине удивительное открытие кадетской партии, что среди октябристов есть «настоящие конституционалисты»? Не свидетельствует ли это открытие о безмерном принижении в сознании кадетов понятия о «настоящем конституционализме»?

Первый и основной вопрос избирательной кампании есть вопрос о политическом содержании ее, об идейной линии, выражающейся в ней. Решение кадетской партии еще и еще раз показывает ее антидемократическую природу, ибо содержание избирательной кампании к.-д. сводится к дальнейшему принижению понятия «конституционализма» в сознании масс. Учить народ тому, что среди «левых» октябристов могут быть настоящие конституционалисты, — вот что хочет делать кадетская партия, вот смысл ее избирательной политики.

Задача демократии иная: не принижать понятия конституционализма, а разъяснять всю фиктивность его, дондеже власть и доходы остаются у Марковых и К°. Содержание избирательной кампании рабочих демократов определяется задачей выяснять отличие либерализма от демократии, группировать силы этой последней, сплачивать ряды наемных рабочих во всем мире.

Кадеты еще более отдаляются от демократии решениями своей конференции. Наша задача — собирать силы демократии против всякого средневековья и в противовес кадетско-октябристским блокам.

II. РОЛЬ РАБОЧИХ ВЫБОРЩИКОВ В ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КАМПАНИИ.

Избирательная кампания по выборам в IV Думу открыта. Открыло ее правительство своими циркулярами насчет содействия «национальной» партии, своими «мероприятиями» насчет цензов для правительственных кандидатов и насчет устранения кандидатов оппозиции вообще и демократии в особенности.

Открыла избирательную кампанию и оппозиционная печать. Открыла эту кампанию и кадетская партия своими решениями насчет блока с «левыми» октябристами.

Рабочей демократии следует поэтому немедленно уделить величайшее внимание вопросу о выборах и заранее, не откладывая дела ни на неделю, систематически обсудить свою тактику, заранее подготовить всех и всяческих сторонников демократии к выполнению их важной и ответственной роли.

В настоящей статье мы намерены остановиться на вопросе о роли рабочих выборщиков. Разумеется, на первый план выдвигается и здесь, как и всегда, содержание работы, т.-е. идейно-политическая линия кампании. Просвещение и организация рабочего класса, сплочение его в самостоятельную партию, солидарную с западно-европейскими, выяснение ему его исторических целей преобразования коренных условий товарного хозяйства и капитализма, неуклонное отграничение его партии от *всех* направлений буржуазной демократии, хотя бы «левых», народнических и т. д. — такова основная задача.

Эта основная задача одинакова для рабочей демократии всех стран. И именно поэтому применение ее к современной эпохе в одной из стран, в России, требует учета — *во имя* этой общей задачи — особых, конкретных задач нашего времени. Из области этих задач русской рабочей демократии выдвигаются сейчас — в силу объективных условий — на первый план две, неразрывно между собою связанные, задачи. Эти задачи следующие: во-первых, ясное сознание связи ликвидаторского течения (представленного, как известно, журналами «Наша Заря» и «Дело Жизни») с широко распространенным буржуазным контр-революционным течением, «веховством». Ясное сознание вреда от буржуазного влияния на пролетариат необходимо для преодоления этого влияния и для решения тех очередных, ближайших целей, касающихся самого *существования* рабочей демократии, которые *отрицаются* ликвидаторами. Во-вторых, это — задача организации левой демократии, при ясной размежевке демократии (буржуазной) от буржуазного либерализма. Без этого неосуществима гегемония рабочей демократии — одно из необходимых условий всякого шага вперед на пути освободительного движения вообще.

Смешение либерализма (партия к.-д.) с демократией (трудовики, «народники» левого толка) принципиально в корне фальшиво и на практике ведет к измене интересам демократии. На рабочих выборщиков ложится задача отстаивать правильное понимание освободительного движения, разъяснять классовую сущность партий (не давая себя обманывать «вывескам», громким словам и эффектным названиям), ясно разделять *правых* (от черной сотни до октябристов), буржуазных *либералов* (к.-д. и все, иже с ними) и *демократию* (буржуазные демократы суть трудовики и родственные им течения; затем марксисты представляют демократию пролетарскую).

Рабочие выборщики, в системе выборов по закону 3 июня 1907 года, играют особенную роль в губернских избирательных собраниях. Добиться того, чтобы *все* эти выборщики были верными, надежными представителями рабочей демократии, — такова ближайшая практическая задача.

По шести губерниям, как известно, из состава рабочих выборщиков обеспечено по одному депутату в Думу. Губернии эти: Петербургская, Московская, Владимирская, Екатеринославская, Костромская и Харьковская. Но выбор депутата производится *всем* составом губернского избирательного собрания, т.-е. почти всегда *правыми* выборщиками, землевладельцами и крупными буржуа, октябристами. Чтобы обеспечить рабочих демократов в депутаты Думы, надо добиться, чтобы все без исключения рабочие выборщики принадлежали к рабочей демократии и твердо стояли на одном определенном кандидате из своей среды. Достаточно одного «перебежчика» или одного либерального, «правого» выборщика, чтобы октябристы провели именно его, вопреки большинству рабочих выборщиков!

Но рабочие выборщики имеются в составе губернских избирательных собраний не только по этим шести губерниям. Всего имеются 112 рабочих выборщиков в 44 губерниях (из 53 губерний).

Какова роль этих выборщиков? Во-первых, они должны всегда вести идейную линию, организуя демократию (в особенности, крестьянскую), высвобождая ее из-под влияния либералов. Поприще деятельности тут крайне важное. Во-вторых, рабочие выборщики могут (и должны стремиться к этому) пройти в Думу при разделении голосов правых и либералов.

Поясним эту последнюю задачу примером. От Вятской губернии в III Думе два депутата с.-д.: Астраханцев и Путятин. Между тем в Вятской губернии, по закону, депутата от рабочей курии нет. Выборщиков в Вятском губ. избир. собрании 109, из них 4 от рабочих. Каким же образом *четверо* рабочих (из 109) провели *двоих* в Думу? Вероятно, голоса в губ. избир. собрании разделились, и либералы не могли победить правых без помощи рабочих. Вынужденные блокироваться с рабочими, либералы должны были поделиться с рабочими местами, и они провели в Думу двух с.-д. Состав депутатов Думы от Вятской губ. получился такой: 1 прогрессист, 3 кадета, 2 трудовика, 2 с.-д.,— 4 либерала и 4 демократа. В этой губернии рабочие могли бы завоевать себе и три места, если бы удалось отделить демократических выборщиков от либеральных при условии большинства первых над вторыми. Допустим, что из 109 выборщиков 54 правых (50 из 53 выборщиков от землевладельцев и 4 из 17 выборщиков от 1-го съезда городских избирателей). Допустим далее, что из остальных 55 — либералов 20 (трое землевладельцев, 13 перворазрядных горожан и 4 горожан второразрядных); демократов 35

(23 крестьянских выборщика, 8 второразрядных горожан и 4 рабочих). При таких условиях демократы должны бы получить 5 мест из 8, и рабочие могли бы добиться себе трех мест при доверии к ним крестьянской демократии.

В Уфимской губернии *все* депутатские места захвачены либералами (относя сюда и мусульман). Демократов ни одного. Между тем трое рабочих выборщиков Уфимской губ., при 30-ти выборщиках от крестьян, несомненно могли бы, при бо̀льшем умении организовывать демократию, отвоевать места и трудовикам и себе.

От Пермской губ. в III Думе 6 либералов и 3 демократа, из них только один с.-д. Между тем число крестьянских выборщиков здесь 26 — из них *либералами*, которые имели большинство в губ. избир. собрании, выбран трудовик, значит крестьянскую курию можно считать сплошь трудовической (будь хоть один из крестьян перебежчиком от демократов к либералам, либералы выбрали бы перебежчика!). То же относится ко второразрядной курии (13 выборщиков), ибо от нее тоже выбран *либералами* трудовик. Итого, значит, число демократов среди выборщиков можно принять в 26 + 13 + 5 рабочих = 44. Всего выборщиков 120, в том числе 59 от землевладельцев и 17 от перворазрядных горожан. Если даже все, кроме демократов, либералы, то их число = 76, т.-е. менее двух третей. Вероятнее, конечно, что часть выборщиков были правые. Значит, либералы захватили две трети мест в Думе, не имея двух третей выборщиков. Отсюда вытекает неизбежный вывод, что демократия, будь она сознательнее и лучше организована (а об этом надо позаботиться в первую голову рабочим!), не дала бы себя в обиду либералам. С.-д. Егоров выбран от Пермской губ. общим съездом выборщиков, т.-е. либералами, значит, либералы *нуждались* в помощи рабочих, и рабочие делали прямую ошибку, нарушали прямо интересы демократии, оказывая эту помощь *без* того, чтобы добиться *пропорциональной* доли депутатских мест для демократии.

Мы приводим эти расчеты, подчеркивая их примерное, пояснительное значение, ибо точных данных о партийном составе выборщиков вообще и выборщиков каждой курии в отдельности у нас не имеется. В действительности дело обстоит сложнее, пестрее, чем рисуется по нашим примерным данным. Но рабочие должны усвоить себе *основные* соотношения сил в нашей «хитрой механике» третьеиюньских выборов, а усвоив главное, они сумеют разобраться и в частностях.

Две курии, наиболее демократические (после рабочей курии, конечно, которая может и должна быть сплошь марксистской, сплошь антиликвидаторской), это — курия крестьянская и второразрядная, городская. Из них первая более демократична, чем вторая, — несмотря на неизмеримо большее отсутствие свободы

выборов в деревне, неизмеримо худшие условия агитации и организации у крестьян, по сравнению с горожанами.

В самом деле, особые депутаты от 2-го съезда городских избирателей выбраны в III Думу от 28 губерний. Выбрано 16 правых, 10 либералов и 2 демократа (Розанов от Саратовской губ. и Петров 3-й от Пермской). Особые депутаты от крестьян имеются по всем 53 губерниям: выбрано 23 правых, 17 либералов, 5 демократов и 8 беспартийных. Деля беспартийных поровну между правыми и оппозицией, получаем следующие сравнительные данные:

Депутатов III Думы.	От второразрядной городской курии:	От крестьянской курии:
правых	16	27
оппозиции	12 = 43 проц.	26 = 49 проц.

От второразрядной городской курии прошло 43 проц. депутатов оппозиции, а от крестьянской — 49 проц. Если принять во внимание, что крестьянские депутаты III Думы внесли, как известно, аграрный законопроект, который по содержанию своему *демократичнее* кадетского, причем подписались под этим законопроектом и беспартийные *и правые* крестьяне, то станет ясно, что в действительности демократизм крестьянской курии *еще больше* превышает демократизм второразрядной городской курии, чем это видно из наших данных.

Значит, больше всего внимания рабочие вообще и рабочие выборщики в особенности должны обратить именно на крестьянскую курию и на крестьянских выборщиков. Как организаторы демократии, рабочие должны действовать в первую голову среди крестьян, затем среди второразрядных горожан. В обеих этих куриях смешение либералов с демократами особенно сильно, особенно часто наблюдается, особенно усердно культивируется кадетами, которые прямо обманывают политически неразвитых людей, пользуясь своей «парламентской» опытностью «дельцов» и своей «демократической» кличкой («конституционные *демократы*», «партия *народной свободы*»), прикрывающей *антидемократическую*, веховскую, контр-революционную сущность.

Идейно-политическая задача рабочих в данный момент русского освободительного движения состоит в организации демократии. Этой задаче должна быть подчинена избирательно-техническая деятельность. Отсюда — главное внимание на крестьянскую, затем на второразрядную городскую курию. В губ. избир. собрании первая задача рабочего-выборщика — сплочение демократов. Чтобы выставить свою кандидатуру, нужно иметь три голоса: необходимо найти двух демократов из крестьян, а в крайнем случае убедить двух либералов, которые ничем не рискуют, выставляя кандидатуру рабочего. Демократы должны в губ. избир. собраниях блокироваться с либералами против правых. Если

такой блок сразу не может состояться (в большинстве случаев, вероятно, бывает именно так в силу незнакомства выборщиков друг с другом), то демократы должны сначала проваливать с либералами правых, *с правыми либералов*. Тогда ни те, ни другие пройти не могут (при условии, что ни правые, ни либералы не имеют одни абсолютного большинства; если нет этого условия, то демократам в Думу не попасть). На основании ст. 119 положения о выборах назначается перерыв. Демократы, подсчитав результаты голосований, блокируются с либералами, имея уже точные данные и добиваясь пропорционального дележа депутатских мест. *При этом необходимо, чтобы сначала либералы выбирали демократа, а не обратно,* ибо вся история и весь опыт Европы свидетельствует, что либералы часто обманывали демократов, демократы же никогда не обманывали либералов.

Зная, какие курии дают демократов, умея отделять демократов от либералов, рабочие выборщики *в 44-х губерниях* могут сыграть *громадную* роль и в деле организации демократии вообще, и в деле проведения в Думу большого числа рабочих демократов и буржуазных демократов (трудовиков). Теперь первых 15, вторых 14. При правильной тактике рабочих можно добиться, в случае благоприятном, удвоения числа тех и других. Либералам обеспечена в IV Думе сильная группа, человек в 100 и свыше, «ответственной», способной блокироваться с октябристами, «оппозиции» (лондонского типа). Надо добиваться, чтобы оппозиция, действительно демократическая, а не веховская, составила группу в несколько десятков человек, и этого можно добиться.

Закон дает рабочим право избирать выборщиков в 44 губерниях. Сознательные рабочие на каждой фабрике должны немедленно ознакомиться с законом, обдумать свои задачи и свое положение, озаботиться о том, чтобы выборщиками от них были настоящие рабочие демократы, а не ликвидаторы.

Сто двенадцать рабочих выборщиков, если их провести именно таким образом, сознательно, заботливо, систематично, могут принести громадную пользу и в деле сплочения рабочего класса, стремящегося к великим, мировым целям повсюду в Европе, и в деле организации демократии в России.

Время не ждет. На всякого сознательного рабочего ложится трудная, но трижды благодарная задача.

III. КРЕСТЬЯНСТВО И КРЕСТЬЯНСКИЕ ВЫБОРЩИКИ В ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КАМПАНИИ.

В предыдущей статье («Звезда» № 34) *) мы говорили о роли рабочих выборщиков в избирательной кампании. Итог наших

*) См. настоящий том, стр. 355. *Ред.*

рассуждений был тот, что главная задача рабочей демократии двоякая: сплочение классов наемных рабочих и развитие его сознания, понимания его великих исторических целей, а затем организация демократии.

Перейдем к разбору вопроса о непролетарской, т.-е. буржуазной демократии. Какова ее главная классовая опора в России? в чем ее особенности? ее ближайшие задачи? какова роль на выборах?

Главная классовая опора буржуазной демократии в России есть крестьянство. Положение громадной массы его настолько тяжелое, гнет помещичьего землевладения над ним так силен, экономические условия так отчаянно плохи, бесправие так необычайно велико, что демократические настроения и стремления порождаются в этой среде с неуловимой, стихийной неизбежностью. Такого выхода из этого положения, какой рисуется либеральной буржуазии (с кадетской партией во главе ее), именно: раздел власти с Пуришкевичами, совместное господство Пуришкевичей и Гучковых (или Милюковых) над массами,—этого выхода для миллионов крестьян быть *не может*. Вот почему именно классовое положение крестьянства, с одной стороны, крупной буржуазии, с другой — неминуемо порождает глубокую разницу между демократизмом и либерализмом.

Полной определенности того и другого политического направления, полной сознательности обыкновенно не бывает, но *тяготение* крестьян к демократизму, буржуазии — к монархическому либерализму есть факт, доказанный окончательно столь богатым событиями первым десятилетием XX века в России. Не только в освободительном движении 1905 года, не только в этих первых Думах крестьянская масса показала себя демократической, но даже и в господской III Думе *сорок три* крестьянских депутата, в том числе правые и беспартийные, внесли земельный проект, более демократический, чем кадетский.

Вообще земельный вопрос есть главный вопрос современного русского крестьянства. В Европейской России менее чем 30.000 помещиков владеют 70 миллионами десятин земли, и почти столько же находится у 10 миллионов беднейших крестьянских дворов. С одной стороны, в среднем по 2.300 десятин на хозяйство, с другой — по семи. Экономический результат, на данном уровне исторического развития России, не мог быть иной, как самое широкое распространение всяческих видов «отработочного» хозяйства, т.-е. пережитков старой барщины. Крестьянская кабала, нищета, давно уже нигде не виданная в Европе, и средневековые голодовки — вот последствия этого.

Кадетская буржуазия хочет решить аграрный вопрос по-либеральному, сохраняя помещичьи землевладения, выкупая часть земель по «справедливой оценке», давая перевес помещикам над крестьянами в учреждениях, осуществляющих «реформу». Крестьяне

не могут не склоняться к демократическому решению аграрного вопроса. Это демократическое решение нисколько не затрогивает и не может затронуть — даже при полном переходе всей земли к крестьянству без выкупа — основ капиталистического общества, власти денег, товарного производства, господства рынка. Крестьянам дело рисуется большею частью довольно туманно, и народники создали целую идеологию, целое учение, представляющее этот туман в виде чего-то «социалистического», — тогда как ничего социалистического в наиболее даже радикальном аграрном перевороте нет.

Но чем шире и сильнее становится крестьянское движение, тем на практике меньше значение этого тумана, тем больше выступает действительное, демократическое, содержание крестьянских земельных стремлений и требований. И в этой области, и еще более в области вопросов политических, всего важнее роль рабочей демократии, ее борьба против подчинения крестьян либеральному руководству. Не будет преувеличением сказать, что все успехи русской демократии вообще — и в прошлом, и в будущем — неразрывно связаны с переходом политического руководства крестьянством к рабочей демократии от либералов. Без такого перехода невозможны сколько-нибудь серьезные успехи демократии в России.

Избирательный закон 3-го июня 1907 г., как известно, всего больше «разгромил» выборные права именно крестьян. Достаточно напомнить, что число выборщиков от землевладельцев этот закон увеличил с 1.952 до 2.594, т.-е. на 32,9%, а число выборщиков от крестьян и казаков уменьшил более, чем вдвое: с 2.659 до 1.168, т.-е. на 56,1%. Кроме того, по закону 3-го июня, депутаты в Думу от крестьянской курии (официальное название: «от съездов уполномоченных от волостей») выбираются не крестьянскими только выборщиками, как прежде, а всем составом губернских избирательных собраний, т.-е. большинством помещиков и крупных капиталистов.

При таком порядке крестьянские демократы (трудовики) могут обеспечить себе места в Думе только при условии, если *все* без исключения выборщики от крестьян будут трудовиками. Тогда правые помещики будут вынуждены проводить от крестьянской курии трудовиков, — подобно тому, как от рабочей курии они вынуждены были проводить социал-демократов. Но, разумеется, сплоченность, организованность, сознательность крестьян гораздо ниже, чем у рабочих. В этой области остается еще мало початый угол серьезной и благодарной работы политического воспитания. Именно на эту область и должно быть обращено главное внимание всех демократов и всех «идущих в другие классы населения»*)

*) См. IV том сочинений, стр. 460. *Ред.*

марксистов, а не на область перемигивания и заигрывания с контрреволюционными либералами (кадетами), область, излюбленную ликвидаторами из «Нашей Зари» и т. п.

Мы уже отметили прошлый раз, что крестьянская курия на выборах в III Думу оказалась наиболее демократичной из непролетарских курий. От крестьянской курии прошло в III Думу 26 депутатов оппозиции из 53, т.-е. 49%, тогда как от второразрядной городской курии (от «2-го съезда городских избирателей») только 12 из 28, т.-е. 43%. Демократов прошло в III Думу от крестьянской курии 5 из 53, т.-е. 10%, а от второразрядной городской курии 2 из 28, т.-е. 7%.

Интересно рассмотреть, от скольких губерний и при каком составе депутатов по всей губернии прошли в III Думу представители оппозиции от крестьянской курии. Из 53 губерний, посылающих в Думу по одному обязательному депутату от крестьянской курии, 23 послали от нее *правых* (включая октябристов), затем 17 губерний дали *либералов* (к.-д., прогрессисты и мусульмане) и только пять губерний дали *демократов* (трудовиков). От 8 губерний прошли беспартийные крестьяне.

Рассматривая дело ближе, мы видим, что *ни одна* губерния с преобладанием правых депутатов не пропустила в III Думу ни одного демократа от крестьянской курии. Демократы (трудовики) прошли исключительно по губерниям, в которых нет ни одного правого депутата. Эти пять губерний, Архангельская, Вятская, Пермская, Ставропольская и Томская, дали всего в III Думу 15 либералов, 8 трудовиков и 3 социал-демократа. Едва ли можно сомневаться в том, что при большей сознательности и организованности крестьян и рабочих в этих губерниях удалось бы увеличить число демократов на счет либералов.

Здесь уместно будет, пожалуй, отметить, что всего мы насчитали 24 губернии с преобладанием депутатов оппозиции в III Думе над правыми; в 18 губерниях из этих 24 прошли в Думу исключительно депутаты оппозиции. Эти 24 губернии послали в Думу 9 правых депутатов, 2 беспартийных, 55 либералов, 14 трудовиков и 8 социал-демократов. Поприще, как видит читатель, довольно широкое для увеличения числа демократических депутатов на счет либеральных и вообще для вырывания мелкой буржуазии и крестьянства из-под влияния либералов.

Небезынтересно отметить, далее, что из 17-ти губерний, давших в Думу от крестьянской курии либералов, в десяти губерниях правые депутаты преобладают над оппозиционными. Приходится предположить, что среди крестьянских выборщиков этих губерний, по общему правилу, *вовсе не было правых*, ибо иначе их бы и выбрало правое большинство губернских избирательных собраний...

Задачи рабочей демократии по отношению к крестьянству

на выборах ясны. Надо нести чисто классовую проповедь в среду пролетаризующегося крестьянства. Надо помочь сплочению крестьян на выборах, чтобы и на основе избирательного закона 3-го июня они могли создать *свое* — возможно более солидное — представительство в IV Думе, вопреки препятствиям как со стороны приверженцев старого строя, так и со стороны либералов. Надо стремиться к упрочению гегемонии рабочей демократии и разъяснять весь вред колебаний крестьянской демократии в сторону либерализма.

IV. ВЫВОДЫ ИЗ ПРАКТИКИ ТРЕТЬЕДУМСКИХ ВЫБОРОВ.

Для конкретного определения задач рабочей демократии во время выборной кампании мы считаем полезным рассмотреть возможно более подробно данные о выборах в III Думу по нескольким отдельным губерниям. Такое рассмотрение, во-1-х, поможет яснее понять и тверже усвоить сложную и запутанную избирательную систему 3-го июня, а, во-2-х, — оно даст всем работникам избирательной кампании самое конкретное представление об их положении, как демократов, об «обстановке», в которой приходится действовать. Изучение данных по каждой губернии местными демократами пополнит наши материалы, исправит их и заинтересует сейчас же всех и каждого, кто сознает свою обязанность участия в выборах для политического просвещения наемных рабочих и для организации демократии.

Возьмем для примера хотя бы Казанскую губернию. Ее представляют в III Думе 10 депутатов, поровну разделяющиеся между правыми и оппозицией: 5 правых (в том числе 4 октябриста и 1 националист) и 5 либералов (в том числе 1 прогрессист, 2 кадета и 2 мусульманина). Ни трудовиков, ни с.-д. нет.

Между тем, данные относительно Казанской губернии таковы, что они заставляют признать шансы демократии здесь довольно серьезными. Правые выбраны: один от съезда землевладельцев (Сазонов), трое октябристов от 1-го и 2-го съездов городских избирателей (в том числе один из заядлых контр-революционеров г. Капустин от 2-го съезда гор. избир.) и *один* октябрист от общего съезда выборщиков. Либералы выбраны: 1 от съезда землевладельцев, 1 от крестьян (кадет Лунин) и *трое* от общего съезда выборщиков.

Судя по тому, что от общего съезда выборщиков прошло три либерала и один правый, либералы были в большинстве в губернском избирательном собрании, но большинство это было не прочное: иначе не пропустили бы ни одного правого от общего съезда выборщиков. На непрочность либерального большинства указывает, повидимому, и то обстоятельство, что от землевла-

дельцев выбраны один прогрессист и один правый: последнего не должны бы были пропускать, будь либеральное большинство прочным.

Состав выборщиков в Казанской губернии по куриям следующий: всего 117; в том числе от крестьян 33, от землевладельцев 50, от 1-го съезда городских избирателей 18, от 2-го 14 и от рабочих 2. Следовательно, землевладельцы вместе с горожанами 1-й курии составляют большинство (50 + 18 = 68 из 117); — известно, что по закону 3-го июня во всех губерниях *обеспечено* либо такое большинство, либо еще более «надежное», т.-е. из одних только землевладельцев (одна землевладельческая курия знает абсолютное большинство выборщиков в губернское избирательное собрание).

Либералы отвоевали себе половину мест в Думе благодаря тому, что среди землевладельцев, видимо, они представлены очень сильно. Среди горожан, наоборот, царят как будто бы правые почти безраздельно: без такого допущения трудно объяснить, каким образом, при либеральном большинстве в губернском избирательном собрании, от обоих городских съездов прошли правые. Кадеты вынуждены были проводить правых. При отмеченной выше непрочности либерального большинства среди выборщиков, для рабочей демократии открывается удобное поле действия: использовать раздоры среди помещиков и капиталистов для организации сил демократии вообще и проведения в Думу с.-д. и трудовиков в частности.

Если бы, например, среди выборщиков было 57 правых и столько же либералов при 3-х демократах (в том числе два рабочих с.-д. и один трудовик крестьянин), то даже этой тройки было бы достаточно, чтобы провести с.-д. в Думу, — не говоря уже о той благодарной задаче демократического собирания сил, которая открывалась бы перед этой тройкой при наличности 33-х выборщиков от крестьян. Мы взяли тройку, как минимум, необходимый по закону (ст. 125 положения о выборах) при выставлении кандидатов посредством записок: кандидаты, получившие по запискам менее трех голосов, баллотировке не подвергаются. Само собой разумеется, эта требуемая законом тройка могла бы составиться присоединением к демократу либералов, если только последние не «спрогрессируют» (в «веховском» направлении) до того, чтобы даже в губернском избирательном собрании предпочесть социалдемократу октябриста.

При равенстве сил у правых и у либералов даже одного демократа достаточно, чтобы, голосуя с правыми против либералов и с либералами против правых, не пропустить никого в Думу, добиться этим (на основании ст. 119 положения о выборах) перерыва, — продолжительность которого, по указанной статье, определяется самим собранием, но не может превышать 12 часов, —

и сорганизовать затем соглашение либералов и демократов под условием проведения последних в Думу.

Пример Казанской губернии может иллюстрировать две возможные линии рабочей политики на выборах в IV Думу (а, следовательно, и линии рабочей политики *вообще*, ибо политика на выборах есть лишь применение к частному случаю общей политики). Первая линия: голосовать, по общему правилу, за более прогрессивного кандидата, без всяких дальнейших определений. Вторая линия: организовать демократию, используя для этого антагонизм правых и либералов. Идейное значение первой линии — пассивное подчинение гегемонии кадетов; практический результат этой линии в случае успеха: увеличение октябристско-кадетского большинства в IV Думе на счет правооктябристского большинства (при возможном *уменьшении* демократического меньшинства). Идейное значение второй линии: борьба против гегемонии кадетов над крестьянами и над буржуазной демократией вообще; практический результат этой линии в случае успеха: увеличение и сплочение, укрепление группы демократов в IV Думе.

Первая линия на практике свелась бы к линии либеральной рабочей политики. Вторая есть марксистская рабочая политика. К более подробному выяснению значения той и другой линии нам еще неоднократно придется вернуться.

«Звезда» № 33, 23 (10) декабря 1911 г.,
№ 34, 30 (17) декабря 1911 г., № 36,
13 января 1912 г. (31 декабря 1911 г.)
и № 1 (37), 19 (6) января 1912 г.
Подпись: Вильям Фрей и В. Фрей.

ГОЛОД И ЧЕРНАЯ ДУМА.

Еще не так давно, под впечатлением прошлогоднего урожая, продажные писаки гордо вещали о благих последствиях «нового аграрного курса», а за ними некоторые наивные люди провозглашали наступивший поворот в нашем сельском хозяйстве, общероссийский подъем его.

Теперь, как раз к 5-летней годовщине указа 9 ноября 1906 г., охвативший чуть не половину России голод и неурожай самым наглядным и неотразимым образом свидетельствует, сколько заведомой лжи или ребяческого непонимания скрывалось в этих надеждах на столыпинскую аграрную политику.

Даже по правительственным подсчетам, точность и «скромность» которых доказали предшествующие голодовки, бедствием неурожая охвачены 20 губерний; 20 миллионов душ населения «имеют право на оказание продовольственной помощи», т.-е. пухнут от голода и разоряют свое хозяйство.

Коковцов не был бы министром финансов и главою контрреволюционного правительства, если бы не «ободрял»: неурожая видите ли нет, а есть только — «недород»; голод «не ведет к болезням», наоборот, «иногда помогает» от них, рассказы о бедствии голодающих — сплошная газетная выдумка — об этом красноречиво свидетельствуют губернаторы; наоборот, «экономические условия застигнутых недородом местностей вовсе не так плохи»; «идея даровой кормежки населения вредна»; наконец, меры, принятые правительством, «достаточны и своевременны».

Глава конституционного правительства забыл еще упомянуть о своем гениальном изобретении в борьбе с голодом: о предоставлении сыщикам полномочий организовывать «помощь голодающим».

Теперь «общественная помощь» даже со стороны легальных либеральных обществ устранена, и саратовский сыщик, в качестве монопольного радетеля о голодающих, мог невозбранно пропивать в кабаках вверенные ему для голодающих ссуды.

Разумеется, правые крепостники в восторге от «обстоятельной и, так сказать, всеобъемлющей речи г. председателя Совета

Министров» (депутат Вишневский, заседание 9 ноября); разумеется, холопствующие октябристы поспешили засвидетельствовать в своей думской формуле перехода, что «правительство своевременно озаботилось принятием мер борьбы с последствиями неурожая»; а один из их лидеров (не простых смертных!) глубокомысленно рассуждал о «свободной циркуляции рыбных консервов для того, чтобы обеспечить населению целесообразную пищу».

Голодный тиф, цынга, питание падалью, отбиваемой у собак, или зольно-навозным хлебом, который показывали в заседаниях Государственной Думы — все это не существует для октябристов. Для них слово министра — закон.

А кадеты? Даже в таком вопросе они вместо честной оценки гнусного поведения правительства не нашли ничего лучшего, как устами своего оратора Кутлера «делать успокоительные выводы из обширной речи председателя Совета Министров» (заседание 9 ноября); а в своей формуле перехода нежно называли деятельность правительства лишь «мало (!) планомерной, недостаточной и далеко не всегда (!) своевременной»...

Вопрос о способах продовольственной помощи и об организации ее, как правильно заметил в своей речи с.-д. депутат, товарищ Белоусов, лишь одна сторона дела. Не менее важен основной вопрос, возникающий каждый раз, когда заходит речь о голоде, — вопрос о *причинах* голодовок и мерах борьбы с неурожаем.

Для правых крепостников решение — «очень просто»: нужно заставить работать мужиков-«лодырей» еще больше и тогда — «ён достанет». Курский зубр Марков 2-ой находит «ужасным», что «из 365 дней мужик работает 55 — 70 дней, а 300 дней ничего не делает» и лежа на печи «требует казенного пайка».

Полу-крепостники из националистов и октябристов смотрят «глубже»: по обязанности славословить начальство они пробуют еще убеждать, что «радикально вопрос о голоде будет решен тогда, когда земля уйдет из рук слабых и пьяных в руки сильных и трезвых», «когда осуществится реформа, намеченная покойным П. А. Столыпиным, когда ставка на сильных будет выиграна» (речь Келеповского в заседании Думы 9 ноября).

Но более дальновидные из недавних защитников указа 9 ноября уже начинают чувствовать, что над этой «великой реформой» веет дыханием смерти. Саратовский депутат Н. Львов, стоявший и «стоящий за закон 9 ноября», делится с Думой следующими впечатлениями, вынесенными «от соприкосновения с действительностью»: — «как-то страшно далеко все то, что вы здесь говорите в Гос. Думе, от той непосредственной ближайшей нужды, которую вы видите своими глазами». «Нужна большая осторожность и нужно щадить то население, которым некоторые

хотят пренебречь. Благодаря закону 9 ноября, в некоторых губерниях, и в том числе в Саратовской, появилось много новых людей, цена на землю поднялась и положение беднейшего населения стало крайне тяжким... В крестьянском населении растет страшная ненависть и проклятие бедноты, против которых следовало бы принять какие-нибудь меры... Ведь ставка на сильных вовсе не означает, что надо беднейших доканать и оставить их погибать в нищенстве» и т. д., и т. д.

Словом, впечатления, «вынесенные от соприкосновения с действительностью», начинают протирать глаза этому помещику, «стоявшему за закон 9 ноября».

Несравненно более глубокое сомнение в спасительности столыпинской «земельной реформы» голод нынешнего года посеял в душах правых крестьян; и предложение правого крестьянина Андрейчука, «чтобы правительство в скором времени внесло в Гос. Думу законопроект об установлении предельной нормы количества земли крупного землевладения»,— это предложение, поддержанное всеми правыми крестьянами и даже сельскими священниками, лучше всего показывает, как крестьяне, хотя бы и правые, понимают «борьбу с голодом».

«Нутряное» мужицкое требование Андрейчука еще и еще раз (вспомним заявление правых и левых крестьян о наделении малоземельных путем принудительного отчуждения помещичьих земель, вспомним выступления крестьян в прениях об указе 9 ноября и т. д.) свидетельствует о том, насколько необходимость земельной революции проникает в сознание даже правых крестьян, насколько борьба с голодом мыслится и у них *неразрывно с борьбой «за землю»*.

Действительная борьба с голодовками невозможна без устранения крестьянского малоземелья, без ослабления податной задавленности крестьян, без подъема их культурного уровня, без решительного изменения их правового положения, без конфискации помещичьих земель — *без революции.*

И в этом смысле неурожай нынешнего года является новым напоминанием о смерти для всего нынешнего строя, для всей третьеиюньской монархии.

«Рабочая Газета» № 7, 4 января 1912 г. (22 декабря 1911 г.).

ПРОЕКТ РЕЗОЛЮЦИИ О ЛИКВИДАТОРСТВЕ И О ГРУППЕ ЛИКВИДАТОРОВ[166]).

Принимая во внимание,

1) что Р.С.-Д.Р. Партия уже около четырех лет ведет решительную борьбу с ликвидаторским течением, которое на декабрьской конференции партии 1908 года было определено как

«попытки некоторой части партийной интеллигенции ликвидировать существующую организацию Р.С.-Д.Р.П. и заменить ее бесформенным объединением в рамках легальности во что бы то ни стало, хотя бы последняя покупалась ценою явного отказа от программы, тактики и традиций партии»;

2) что пленум Ц. К. в январе 1910 года, продолжая борьбу с этим течением, единогласно признал его «проявлением влияния буржуазии на пролетариат» и поставил условием действительного партийного единства и слияния прежних фракций большевиков и меньшевиков полный разрыв с ликвидаторством и окончательное преодоление этого буржуазного уклонения от социализма;

3) что вопреки всем решениям партии и вопреки обязательству, данному на пленуме в январе 1910 г. представителями меньшевизма, часть меньшевиков, группирующаяся вокруг журнальчиков «Наша Заря» и «Дело Жизни», отказалась помочь восстановлению Ц. К. (отказ Михаила, Юрия и Романа не только войти в Ц. К. весной 1910 года, но даже явиться хотя бы на одно заседание для кооптации новых членов);

4) что названные издания именно после пленума 1910 года решительно и по всей линии повернули к ликвидаторству, не только «принижая» (вопреки решению пленума) «значение нелегальной партии», но прямо отрицая ее, объявляя уже ликвидированною, объявляя «реакционной утопией» восстановление нелегальной партии, осыпая ее со страниц подцензурных журналов насмешками и бранью, приглашая рабочих признать ячейки партии и иерархию ее «отмершей» и т. д.;

5) что немногочисленные, состоящие главным образом из представителей интеллигенции, местные группки ликвидаторов,

№ 27

О ликвидаторстве и о группе ликвидаторов

2

Принимая во внимание,

1) что Р.С.Д.Р.Партия уже около четырех лет ведет решительную борьбу с ликвидаторским течением, которое на декабрьской конференции партии 1908-го года было определено как

«попытки известной части партийной интеллигенции ликвидировать существующую организацию РСДРП и заменить ее бесформенным объединением в рамках легальности во что бы то ни стало, хотя бы последняя покупалась ценою явного отказа от программы, тактики и традиций партии»;

2) что и пленум Ц.К. в январе 1910 года, продолжая борьбу с этим течением, (единогласно) признал его «проявлением влияния буржуазии на пролетариат» и поставил условием действительного партийного единства и слияния прежних фракций большевиков и меньшевиков полный разрыв с ликвидаторством и окончательное преодоление этого буржуазного уклонения от социализма;

3) что вопреки всем решениям партии и вопреки обязательству, данному на пленуме в январе 1910, представителями всех фракций ~~[illegible]~~, часть с.-д. ~~[illegible]~~, группирующаяся вокруг журналов «Наша Заря» и «Дело Жизни» ~~[illegible]~~ ~~[illegible]~~ стала на защиту течения, признанного всей партией продуктом буржуазного влияния на пролетариат.

Первая страница проекта резолюции «О ликвидаторстве и о группе ликвидаторов», написанного В. И. Лениным. — 1912 г.

Уменьшено

продолжая свою работу по разрушению партии, не только отказались от повторенного в 1911 году призыва помочь восстановлению нелегальной партии и созыву ее конференции, но, сплотившись в совершенно независимые группки, вели прямую агитацию среди рабочих против нелегальной партии и прямую борьбу против ее восстановления, — также и там, где преобладали партийные меньшевики (напр., в Екатеринославе, Баку, Киеве и т. д.);

— Конференция заявляет, что названная группа своим поведением окончательно поставила себя вне партии.

Конференция призывает всех партийцев, без различия течений и оттенков, вести борьбу с ликвидаторством, разъяснять весь его вред для дела освобождения рабочего класса и напречь все силы для восстановления и укрепления нелегальной Р. С.-Д. Р. Партии.

Написано в январе 1912 г.
Публикуется впервые.

Печатается по рукописи.

РЕЗОЛЮЦИИ ПРАЖСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ Р.С.-Д.Р.П. [167]).

О РОССИЙСКОЙ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КОМИССИИ ПО СОЗЫВУ КОНФЕРЕНЦИИ.

Выслушав и обсудив отчет представителя Р. О. К. о деятельности ее по созыву общепартийной конференции —

Конференция считает своим долгом отметить громадную важность произведенной Российской Организационной Комиссией работы по сплочению всех российских партийных организаций без различия фракций и по воссозданию нашей партии, как общероссийской организации.

Деятельность Р. О. К., в которой дружно работали совместно большевики и российские меньшевики-партийцы, тем более заслуживает одобрения, что Р. О. К. пришлось работать при неслыханно тяжелых полицейских условиях и при целом ряде препятствий и затруднений, обусловленных внутрипартийным положением.

О КОНСТИТУИРОВАНИИ КОНФЕРЕНЦИИ.

Принимая во внимание,

1) что вызванные широким потоком контр-революционных настроений и отчаянными преследованиями со стороны царизма распад и развал большинства организаций партии, при долголетнем отсутствии партийного практического центра, Центрального Комитета, обусловили чрезвычайно тяжелое положение Р. С.-Д. Р. П. в период 1908 — 1911 г.г.;

2) что в настоящее время в связи с оживлением рабочего движения наблюдается всюду усиленное стремление передовых рабочих к восстановлению нелегальных организаций партии и к постановке систематической легальной и нелегальной с.-д. работы, и что на этой почве проявлена громадная и усиленная

инициатива большинства местных организаций Р. С.-Д. Р. П. по возрождению партии и созыву общепартийной конференции;

3) что неотложнейшие практические задачи рабочего движения и революционной борьбы с царизмом (руководство экономической борьбой, общеполитической агитацией, пролетарскими митингами, избирательной кампанией в IV Думу и т. д.) делают безусловно необходимым немедленные и самые энергичные меры по восстановлению правомочного и тесно связанного с местными организациями практического партийного центра;

4) что после более чем трехлетнего перерыва со времени последней конференции Р. С.-Д. Р. П. и более чем двухлетних попыток созвать собрание представителей всех организаций партии в настоящее время удалось наконец сплотить свыше 20 русских организаций (С.-Петербург, Москва, Саратов, Казань, Самара, Нижний, Сормово, Ростов, Екатеринослав, Киев, Николаев, Луганск, Баку, Тифлисская группа, Виленская группа, Двинская группа, Екатеринбург, Уфа, Тюмень, ряд пунктов в центральной области и друг.) вокруг созывавшей данную конференцию Российской Организационной Комиссии, — которая оповестила о конференции уже несколько месяцев тому назад всех социал-демократов и пригласила на конференцию решительно все без единого исключения организации нашей партии, причем всем организациям предоставлена была возможность участвовать на конференции;

5) что на настоящей конференции, несмотря на ряд тяжелых полицейских провалов, представлены, за чисто единичными исключениями, все действующие в России партийные организации;

6) что на конференцию приглашены и ей выразили сочувствие с.-д. группы деятелей легального рабочего движения ряда крупнейших городов России (Петербург, Москва, Кавказ); —

Конференция конституируется, как общепартийная конференция Р. С.-Д. Р. П., являющаяся верховным органом партии.

ОБ ОТСУТСТВИИ ДЕЛЕГАТОВ ОТ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЦЕНТРОВ НА ОБЩЕПАРТИЙНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ.

Признавая чрезвычайно важным укрепление единства с.-д. рабочих всех национальностей России, находя безусловно необходимым установление единства с «националами» на местах и упрочение связи национальных организаций с общероссийским центром, конференция вместе с тем вынуждена констатировать нижеследующее:

1) опыт окончательно доказал недопустимость такого положения дел в партии, при котором «националы», работающие

совершенно обособленно от русских организаций, осуществляли федерацию худшего типа и — часто независимо от своего желания — ставили важнейшие русские организации в такое положение, что без национальных центров, практически в русской работе абсолютно не участвующих, — Р. С.-Д. Р. П. не могла приводить в исполнение самых необходимых и самых важных партийных начинаний.

2) Один из национальных центров (Бунда) за последний год открыто содействовал ликвидаторам и пытался организовать раскол в Р. С.-Д. Р. П., а другие (центры латышей и П. С.-Д.) в решительный момент отстранились от борьбы против разрушителей партии — ликвидаторов.

3) Партийные элементы из национальных организаций и прежде всего все рабочие-партийцы, поскольку до них доходят вести о жизни *русских* организаций, решительно высказываются *за* единство с русскими нелегальными с.-д. организациями, *за* поддержку Р. О. К. и *за* борьбу с ликвидаторством.

4) Ц. К. всех трех национальных организаций были трижды приглашены на партийную конференцию (З. О. К., Р. О. К. и делегатами конференции) и им обеспечена полная возможность прислать своих делегатов.

Ввиду всего этого и находя невозможным откладывать работу Р. С.-Д. Р. П. из-за нежелания национальных центров прислать своих делегатов на общепартийную конференцию, — конференция возлагает всю ответственность за неявку «националов» на их центры и поручает Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. неустанно добиваться единства и установления нормальных отношений с национальными организациями, входящими в Р. С.-Д. Р. П.

Конференция выражает свою уверенность, что, вопреки всем препятствиям, рабочие с.-д. всех национальностей России будут дружно и рука об руку бороться за пролетарское дело и против всех врагов рабочего класса.

ОБ ОТЧЕТАХ С МЕСТ.

По поводу выслушанных отчетов с мест конференция констатирует:

1) всюду на местах среди с.-д. рабочих ведется энергичная работа по укреплению местных нелегальных с.-д. организаций и групп;

2) всюду признана необходимость сочетания нелегальной и легальной с.-д. работы, всюду социал-демократами признано, что наши нелегальные партийные организации должны иметь опорными пунктами работы среди масс все и всякого рода легальные рабочие общества. Но для практической с.-д. работы в профессио-

нальных союзах, кооперативах, клубах и т. д., для распространения марксистской литературы, для использования думских выступлений с.-д. и т. д. — сделано все-таки еще недостаточно, и в этой области безусловно необходимо усилить энергию нелегальных с.-д. групп;

3) на местах всюду, без единого исключения, партийная работа ведется совместно и дружно главным образом большевиками и меньшевиками-партийцами, а также русскими впередовцами, там, где они имеются, и всеми другими с.-д., признающими необходимость нелегальной Р. С.-Д. Р. П. — причем вся работа ведется в духе защиты партийности и борьбы против ликвидаторства.

Конференция выражает уверенность, что в связи с начинающимся оживлением в рабочем движении будет продолжаться энергичная работа по укреплению старых и созиданию новых, достаточно гибких, организационных форм, которые помогут борьбе с.-д. партии за *старые* революционные цели и революционные методы, при *новой* обстановке.

О СОВРЕМЕННОМ МОМЕНТЕ И ЗАДАЧАХ ПАРТИИ.

Конференция прежде всего подтверждает резолюцию о 3-ьеиюньском режиме и задачах партии, принятую партийной конференцией в декабре 1908 г. Конференция указывает на особо важное значение этой резолюции, положения которой относительно исторического значения и классовой сущности всего 3-ьеиюньского режима, с одной стороны, и относительно нарастания революционного кризиса, с другой, в полном объеме подтверждены событиями истекших трех лет.

Из этих событий конференция, в частности, отмечает следующее:

а) Аграрная политика царизма, с которой связали свои контрреволюционные интересы как правительственные партии помещиков и крупной буржуазии, так, на деле, и контр-революционный либерализм, не только не привела к созданию сколько-нибудь устойчивых буржуазных отношений в деревне, но не избавила крестьянство от массовых голодовок, обозначающих крайнее ухудшение в положении населения и громадную растрату производительных сил страны.

б) Оставаясь бессильным на почве мировой конкуренции современных капиталистических государств и будучи оттесняем все более на задний план в Европе, царизм в союзе с черносотенным дворянством и крепнущей промышленной буржуазией пытаются ныне удовлетворить свои хищнические интересы путем грубо-«националистической» политики, направленной против окраин, против всех угнетенных национальностей, против более

культурных областей (Финляндия, Польша, Северо-Западный Край) в частности и путем колониальных захватов, направленных против ведущих революционную борьбу за свободу народов Азии (Персия, Китай).

в) Экономический подъем в громадной степени парализуется полным расстройством экономического положения крестьянства, хищнической бюджетной политикой самодержавия и разложением бюрократического аппарата, а с другой стороны, усиливающаяся дороговизна жизни обостряет нужду рабочего класса и широких масс населения.

г) В связи с этим широкие массы населения за время пятилетнего существования III Думы все более убеждаются в ее нежелании, неспособности и бессилии сделать что-либо для улучшения положения широких масс народа и в антинародном характере главенствующих в ней партий.

д) В широких кругах демократии и в первую голову среди пролетариата замечается начало политического оживления. Рабочие стачки 1910—11 г.г., начало демонстраций и пролетарских митингов, начало движения среди городской буржуазной демократии (студенческие забастовки) и т. д. — все это есть проявления наростающего революционного настроения масс против режима 3-го июня.

Конференция, исходя из всех этих данных, подтверждает те стоящие перед партией задачи, которые подробно указаны в резолюции декабрьской 1908 г. конференции, особо указывая, что задача завоевания власти пролетариатом, ведущим за собой крестьянство, остается попрежнему задачей демократического переворота в России. Конференция особо обращает внимание товарищей

1) на то, что на очереди дня, как и раньше, стоит, прежде всего, длительная работа социалистического воспитания, организации и сплочения передовых масс пролетариата;

2) на необходимость усиленной работы по восстановлению нелегальной организации Р. С.-Д. Р. П., использующей еще шире, чем до сих пор, все и всяческие легальные возможности, способной к руководству экономической борьбой пролетариата и единственно могущей руководить все учащающимися политическими его выступлениями;

3) на необходимость постановки и расширения систематической политической агитации и всесторонней поддержки начинающегося движения масс и расширения его под знаменем полностью проводимых лозунгов партии. Республиканская пропаганда против политики царской монархии должна быть особо выдвинута, между прочим, и в противовес широко ведущейся пропаганде укорочения лозунгов и ограничения работы рамками существующей «легальности».

О ВЫБОРАХ В IV ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ.

I.

Конференция признает безусловно необходимым участие Р. С.-Д. Р. Партии в предстоящей избирательной кампании в IV Думу, выставление самостоятельных кандидатов нашей партии и образование в IV Думе социал-демократической фракции, подчиненной, как часть, нашей партии в целом.

Главной задачей партии на выборах, а равно и будущей с.-д. фракции в самой Думе — задачей, которой должны быть подчинены все остальные — является социалистическая классовая пропаганда и организация рабочего класса.

Главными избирательными лозунгами нашей партии на предстоящих выборах должны явиться:

1) Демократическая республика
2) 8-мичасовой рабочий день
3) конфискация всей помещичьей земли

Во всей нашей предвыборной агитации необходимо возможно более наглядное разъяснение этих требований на основании опыта III Думы и всей деятельности правительства как в области центрального управления, так и местного.

В неразрывной связи с тремя вышеуказанными требованиями должны пропагандироваться все остальные требования с.-д. программы-минимум, как-то: всеобщее избирательное право, свобода коалиций, выборность судей и чиновников народом, страхование рабочих государством, замена постоянной армии вооружением народа и т. д.

II.

Общая тактическая линия Р. С.-Д. Р. П. на выборах должна быть следующая: партия должна вести беспощадную войну против царской монархии и поддерживающих ее партий помещиков и капиталистов, неуклонно разоблачая при этом контр-революционные взгляды буржуазных либералов (с партией к.-д. во главе их) и их фальшивый демократизм.

Особое внимание в предвыборной борьбе должно быть уделено отмежеванию позиции партии пролетариата от *всех* непролетарских партий и разъяснению как мелкобуржуазной сущности мнимого социализма демократических (главным образом трудовических, народнических, с.-р-овских) групп, так и вреда, проистекающего для дела демократии от их колебаний в вопросах последовательной и массовой революционной борьбы.

Что касается избирательных соглашений, то партия, оставаясь на почве решений Лондонского съезда, должна:

1) в рабочей курии повсюду выставить своих кандидатов и не допускать здесь *никаких* соглашений с другими партиями или группами (ликвидаторами);

2) имея в виду большое агитационное значение уже одного факта выставления самостоятельных с.-д. кандидатур, необходимо озаботиться о том, чтобы и во 2-ых съездах городских избирателей, а по возможности и в крестьянской курии партия имела своих собственных кандидатов;

3) на перебаллотировках (ст. 106-ая положения о выборах) при избрании выборщиков по 2-му съезду городских избирателей допустимо заключать соглашения с буржуазной демократией против либералов, а затем и с либералами против всех правительственных партий. Одной из форм соглашения может быть составление общих списков выборщиков по одному или нескольким городам, пропорционально числу голосов, поданных на первоначальных выборах;

4) в тех 5-ти городах (Петербург, Москва, Рига, Одесса, Киев), в которых существуют прямые выборы с перебаллотировками, необходимо на первоначальных выборах выставить самостоятельные с.-д. кандидатуры по второму разряду городских избирателей. В случае перебаллотировки здесь, в виду явного отсутствия черносотенной опасности, допустимы соглашения только с демократическими группами против либералов;

5) никакие избирательные соглашения не могут относиться к выставлению общей платформы и не должны ни связывать с.-д. кандидатов какими бы то ни было политическими обязательствами, ни останавливать с.-д. в деле решительной критики контр-революционности либералов и половинчатости и непоследовательности буржуазных демократов;

6) на 2-ой стадии выборов (в уездных собраниях уполномоченных, в губернских избирательных собраниях и пр.) необходимо всюду, где для провала октябристско-черносотенного или вообще правительственного списка встретится надобность, заключать соглашения о разделе депутатских мест в первую очередь с буржуазной демократией (трудовики, народные социалисты и т. п.), а затем и с либералами (к.-д.), беспартийными, прогрессистами и т. п.

III.

Подготовку к избирательной кампании все с.-д. должны начать *немедленно* и для этого обратить особое внимание на следующее:

1) необходимо неотложное образование нелегальных с.-д. ячеек повсюду, с тем, чтобы они занялись без отлагательства подготовкой с.-д. избирательной кампании;

2) обратить должное внимание на укрепление и расширение легальной рабочей печати;

3) вся избирательная работа должна вестись в тесном союзе с рабочими профессиональными союзами и всеми другими рабочими обществами, — причем при выборе форм участия этих обществ необходимо считаться с их легальностью;

4) обратить особое внимание на организационную и агитационную подготовку выборов по рабочей курии в тех 6-ти губерниях, в которых обеспечено избрание депутата в Думу от рабочей курии (губернии: Петербургская, Московская, Владимирская, Костромская, Харьковская и Екатеринославская). Все до одного рабочие выборщики — и здесь и в других губерниях — должны быть социал-демократами-партийцами;

5) собрания уполномоченных от рабочих должны, руководясь решением партийных, нелегальных организаций, постановлять, *кто именно* подлежит избранию в Думу от рабочих, и обязывать всех выборщиков, под страхом бойкота и суда за измену, снимать свою кандидатуру в пользу партийного кандидата;

6) ввиду правительственных преследований, ареста с.-д. кандидатов и т. п., необходима особенно выдержанная, систематическая и осторожная работа, чтобы всеми способами, быстро сообразуясь с различными приемами полицейской тактики, парализовать все ухищрения и насилия царского правительства и провести с.-д. в IV Государственную Думу, а затем и вообще укрепить группу демократических депутатов в этой Думе;

7) кандидаты с.-д. партии утверждаются и директивы, касающиеся выборов, даются местными нелегальными организациями и группами партии, под общим контролем и руководством Ц. К. партии;

8) если, вопреки всем усилиям, не удастся до выборов в IV Думу собрать партийного съезда или новой конференции, — то конференция дает полномочия Ц. К. или тому учреждению, которое будет назначено последним, давать конкретные указания по вопросам проведения избирательной кампании в отдельных местностях или сообразно с могущими возникнуть особыми условиями и т. п.

О ДУМСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ФРАКЦИИ.

Конференция признает, что думская с.-д. фракция использовала думскую трибуну согласно той линии, которая была определена декабрьской (1908 года) конференцией партии и которая должна остаться руководящей для направления думской работы партии.

Конференция в особенности подчеркивает, как соответствующую задачам пролетариата, ту черту в деятельности фракции, что

она, самым энергичным образом отстаивая интересы рабочих и все меры, могущие улучшить их положение (напр., по рабочим законопроектам), стремилась освещать все частные задачи с точки зрения общих задач руководимого пролетариатом освободительного движения, указывая на движение масс, как на единственный путь к избавлению России от тех бедствий и от того позора, до которых довел ее царизм.

Конференция приветствует начало открытых выступлений рабочих в связи с достойным поведением с.-д. думской фракции, поднявшей в черной Думе знамя втородумских с.-д. депутатов и разоблачившей перед лицом рабочих всего мира всю провокационную грязь черносотенной царской шайки, организовавшей государственный переворот 1907 года. Конференция призывает всех сознательных рабочих России к самой всесторонней поддержке указанных выступлений с.-д. в III Думе и начатой петербургскими рабочими кампании пролетарских митингов.

Конференция признает, что ввиду предстоящей избирательной кампании в IV Думу с.-д. думская фракция должна уделить еще больше внимания выяснению народу классовой сущности всех непролетарских партий (и в частности разоблачению контр-революционной и предательской сущности к.-д. партии), руководясь при этом резолюцией Лондонского (1907 г.) съезда, которая во всех своих существеннейших частях подтверждена опытом контрреволюции. При этом центральными лозунгами, которые должны объединять выступления с.-д. фракции, направлять характер ее работ, сосредоточивать на главных пунктах все частные требования и преобразования, должны быть следующие три лозунга: 1) демократическая республика; 2) 8-часовой рабочий день; 3) конфискация всей помещичьей земли в пользу крестьян.

О ХАРАКТЕРЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫХ ФОРМАХ ПАРТИЙНОЙ РАБОТЫ.

Признавая, что опыт 3-х последних лет безусловно подтвердил основные положения резолюции по организационному вопросу, вынесенной декабрьской (1908 г.) конференцией, и полагая, что на почве начинающегося оживления в рабочем движении становится возможным дальнейшее развитие организационных форм партийной работы по тому же пути — т.-е. по пути создания нелегальных с.-д. ячеек, окруженных возможно более разветвленной сетью всякого рода легальных рабочих обществ—

Конференция находит, что:

1) необходимо самое деятельное участие нелегальных партийных организаций в руководстве *экономической борьбой* (стачки, стачечные комитеты и т. д.) и установление сотрудничества в

этой области нелегальных партийных ячеек с профессиональными союзами, в особенности — с с.-д. ячейками в профессиональных союзах, а также с отдельными деятелями профессионального движения;

2) ячейки с.-д. в профессиональных союзах, организованные по признаку *профессиональному*, желательно — сообразуясь при этом с местными условиями — сочетать с партийными ячейками, построенными по признаку *территориальному;*

3) необходима возможно бо́льшая инициатива в деле постановки с.-д. работы в легальных обществах: союзы, читальни, библиотеки, различного рода рабочие общества развлечений, распространение профессиональных органов и направление профессиональной прессы в духе марксизма, использование думских речей с.-д., подготовка легальных лекторов из рабочих, создание (в связи с выборами в IV Думу) рабочих и иных избирательных комитетов по районам, по улицам и т. д., с.-д. агитация в связи с выборами в органы городского самоуправления и т. п.;

4) необходимы энергичные усилия в деле укрепления и увеличения числа нелегальных партийных ячеек, подыскания новых, возможно более гибких, организационных форм этих ячеек, создания и упрочения руководящих нелегальных партийных организаций в каждом городе и пропаганды таких форм массовой нелегальной организации, как «биржи», заводские партийные собрания и т. п.;

5) кружки пропаганды желательно привлекать к повседневной *практической* работе: распространение нелегальной социал-демократической и легальной марксистской литературы и т. п.;

6) необходимо иметь в виду, что систематическая литературная с.-д. агитация и особенно регулярное распространение правильно и часто выходящей нелегальной партийной газеты могут иметь большое значение и в деле установления организационных связей как между нелегальными ячейками, так и между с.-д. ячейками в легальных рабочих обществах.

О ЗАДАЧАХ С.-Д. В БОРЬБЕ С ГОЛОДОМ.

1) Голодовка 20-ти миллионов крестьян в России показывает еще раз совершенно невыносимое, немыслимое ни в одном цивилизованном государстве мира, задавленное положение масс крестьянской бедноты, угнетаемой царизмом и классом крепостников-помещиков;

2) настоящая голодовка лишний раз подтверждает неуспех правительственной аграрной политики и невозможность обеспечить сколько-нибудь нормальное буржуазное развитие России при направлении ее политики вообще и земельной политики в частности

классом крепостников-помещиков, царящих, в лице правых партий, и в Думе 3-го июня, и в Государственном Совете, и в придворных сферах Николая II;

3) черносотенные партии (с гг. Марковыми и т. п. во главе) своими заявлениями в Думе и возложением ответственности на «лодырей крестьян» довели бесстыдство грабящей Россию царско-помещичьей шайки до такой степени, что самым темным открываются глаза и самые равнодушные приходят в волнение;

4) правительственные помехи делу помощи голодающим, полицейские придирки к земствам, к собирающим сборы и организующим столовые комитетам и т. п. вызывают самое широкое недовольство даже в среде земств и городской буржуазии;

5) либерально-монархическая буржуазия, помогая своей печатью осведомлять общество о голоде и о поведении правительства, с другой стороны, в лице к.-д. фракции в III Думе выступила в качестве такой умеренной оппозиции, что ее поведение ни в каком случае не может удовлетворить демократию, равно как нельзя примириться и с филантропической постановкой вопроса о помощи голодающим у большинства либералов;

6) среди рабочего класса, совершенно независимо от того ухудшения его экономического положения, которое вытекает из увеличения числа голодных и безработных, наблюдается стихийное стремление к сборам в пользу голодающих и иной помощи. Это стремление, естественное у всякого демократа, не говоря уже о социалистах, должно быть поддержано и направлено в духе классовой борьбы всеми социал-демократами.

Принимая все это во внимание —

Конференция постановляет, что необходимо:

а) напречь все социал-демократические силы для расширения пропаганды и агитации среди широких масс населения и особенно крестьянства, разъясняя связь голода с царизмом и всей его политикой, распространяя в деревне в целях агитации думские речи не только с.-д. и трудовиков, но и таких друзей царя, как Маркова 2-го, и распространять политические требования социал-демократии: свержение царской монархии, учреждение демократической республики, конфискация помещичьей земли;

б) поддержать стремление рабочих помогать, поскольку возможно, голодающим, советуя направлять пожертвования исключительно в думскую с.-д. фракцию, в рабочую прессу или в рабочие культурно-просветительные и др. общества и т. д. и составляя особые ячейки социал-демократов и демократов при вступлении в группы, комитеты и комиссии помощи голодающим;

в) стараться направить демократическое возбуждение по поводу голода в сторону демонстраций, митингов, массовок и других форм борьбы масс против царизма.

ОБ ОТНОШЕНИИ К ДУМСКОМУ ЗАКОНОПРОЕКТУ О ГОСУДАРСТВЕННОМ СТРАХОВАНИИ РАБОЧИХ.

I.

1. Та часть производимых наемным рабочим богатств, которую он получает в виде заработной платы, настолько незначительна, что ее едва хватает на удовлетворение его самых насущных жизненных потребностей; пролетарий лишен таким образом всякой возможности сделать из своей заработной платы сбережения на случай потери им трудоспособности вследствие увечья, болезни, старости, инвалидности, а также в случае безработицы, неразрывно связанной с капиталистическим способом производства. Поэтому страхование рабочих во всех указанных случаях является реформой, властно диктуемой всем ходом капиталистического развития.

2. Наилучшей формой страхования рабочих является *государственное* страхование их, построенное на следующих основаниях: a) оно должно обеспечивать рабочих во *всех* случаях утраты ими трудоспособности (увечье, болезнь, старость, инвалидность; у работниц, кроме того, беременность и роды; вознаграждение вдов и сирот после смерти добытчика) или в случае потери заработка благодаря безработице; b) страхование должно охватывать *всех* лиц наемного труда и их семейств; c) все застрахованные должны вознаграждаться по принципу возмещения *полного* заработка, причем *все* расходы по страхованию должны падать на предпринимателей и государство; d) всеми видами страхования должны ведать *единые* страховые организации, построенные по *территориальному* типу и на началах *полного* самоуправления застрахованных.

3. Всем этим основным требованиям рационально построенного страхования коренным образом противоречит правительственный законопроект, принятый Государственной Думой; он a) касается лишь *двух* видов страхования — от несчастных случаев и болезней; b) он охватывает лишь небольшую (по самым снисходительным подсчетам — одну шестую) часть российского пролетариата, оставляя за бортом страхования целые области (Сибирь, в правительственной редакции еще — Кавказ) и целые категории рабочих, особенно нуждающихся в страховании (сельско-хозяйственные, строительные, железнодорожные, почтово-телеграфные, приказчики и т. д.); c) устанавливаются нищенские размеры вознаграждения (максимальное вознаграждение при *полном* увечьи — две трети заработка, притом исчисляемого на основаниях, ниже действительного) и в то же время возлагает на плечи рабочих главную часть расходов по страхованию: за счет рабочих проектируется страхование не только от болезней, но и от «мелких» —

на практике наиболее частых — увечий. Этот новый порядок является ухудшением даже по сравнению с нынешним законом, который обязанность вознаграждения за увечья возлагал исключительно на предпринимателей; d) лишает страховые учреждения всякой самостоятельности, отдавая их под перекрестный надзор чиновников (из «Присутствий» и «Совета по делам страхования»), жандармерии, полиции (которым, помимо общего надзора, предоставляется право направлять их деятельность по существу, влиять на их личный состав и т. д.), хозяев (исключительно предпринимательский состав товариществ, страхующих от несчастных случаев; фабричный тип больничных касс, страхующих от болезней; обеспеченное уставом влияние на них предпринимателей и т. п.).

4. Только такой закон, грубейшим образом издевающийся над насущнейшими интересами рабочих, и мог родиться в настоящий момент бешеной реакции, в период господства контр-революции, в результате многолетних предварительных переговоров и соглашения правительства с представителями капитала. Необходимым условием осуществления страховой реформы, действительно отвечающей интересам пролетариата, является окончательное низвержение царизма и завоевание условий для свободной классовой борьбы пролетариата.

II.

Исходя из всего этого, конференция постановляет, что:

1) Неотложной задачей как нелегальных партийных организаций, так и товарищей, работающих в легальных организациях (в профессиональных союзах, клубах, кооперативах и т. д.), является развитие самой широкой агитации против думского страхового проекта, которым затрогиваются интересы всего российского пролетариата, как класса, и который грубейшим образом нарушает эти интересы.

2) Конференция считает нужным подчеркнуть, что вся с.-д. агитация по поводу страхового законопроекта должна ставиться в связь с классовым положением пролетариата в современном капиталистическом обществе, с критикой буржуазных иллюзий, распространяемых социал-реформаторами, и вообще с нашими основными социалистическими задачами; с другой стороны, в этой агитации характер думской «реформы» должен ставиться в связь с переживаемым политическим моментом и вообще с нашими революционно-демократическими задачами и лозунгами.

3) Вполне одобряя голосование с.-д. думской фракции против думского законопроекта, конференция обращает внимание товарищей на тот громадный и ценный материал, который дали думские прения по данному вопросу, для уяснения отношения раз-

личных классов к рабочим реформам; конференция в особенности подчеркивает ярко выразившиеся в дебатах явно враждебные рабочим стремления октябристских представителей отсталого капитала, а также лицемерные, прикрытые социал-реформаторскими фразами о «социальном мире», выступления партии к.-д.; кадеты в Думе по существу высказывались против самодеятельности рабочего класса и с ненавистью боролись против основных поправок с.-д. думской фракции к проекту.

4) Конференция самым решительным образом предостерегает рабочих против всяких попыток урезать и совершенно извратить с.-д. агитацию, ограничивая ее рамками легально допустимого в период господства контр-революции; наоборот, конференция подчеркивает, что основным моментом в этой агитации должно быть уяснение широким массам пролетариата той истины, что без нового революционного подъема невозможно никакое действительное улучшение положения рабочего; что всякий, кто хочет добиться действительной рабочей реформы, должен бороться прежде всего за новую победоносную революцию.

5) На случай, если думский законопроект, несмотря на протест сознательного пролетариата, войдет в жизнь, конференция приглашает товарищей использовать те новые организационные формы, которые устанавливаются им (больничные кассы рабочих) для того, чтобы вести и в этих организационных ячейках энергичную пропаганду с.-д. идей и превратить таким образом и этот закон, задуманный в целях нового закабаления и угнетения пролетариата, в орудие развития его классового сознания, укрепления его организованности, усиления его борьбы за полную политическую свободу и социализм.

О «ПЕТИЦИОННОЙ КАМПАНИИ» [168]).

1. Видя своего главнейшего врага в рабочем движении, контрреволюция в лице правительства и III Думы преследует его во всех его формах, систематически нарушая даже те «легальные возможности», которые остались у рабочего класса в результате революции.

2. Этот режим постоянно ставит широкие рабочие массы перед тем фактом, что даже их элементарные права (в первую очередь: свобода коалиций) не могут быть осуществлены без полного свержения царской монархии.

3. Пущенная в обращение зимой 1910 г. группой петиция с.-петербургских ликвидаторов и агитация, которой они ее сопровождали, вырывали требование свободы коалиций из всей суммы революционных требований рабочего класса. Вместо того, чтобы указывать рабочим, что для завоевания полной свободы коалиций в России необходима революционная борьба масс за основные

*

требования демократии — ликвидаторы проповедывали на деле так называемую «борьбу за право», т.-е. либеральную борьбу за «обновление» режима 3 июня посредством частичных улучшений.

4. Названная кампания в силу конкретных условий русской политической жизни и положения рабочих масс неизбежно превратилась в чисто-формальное и мертвое подписывание бумажки, не встретив никакого отклика и не пробуждая политического интереса в массах.

5. Судьба данной петиционной кампании явно подтвердила неправильность и оторванность от рабочей массы всего начинания: петиция собрала всего 1.300 подписей, причем во всех партийных организациях *без различия фракций и течений,* петиционная кампания не встретила абсолютно никакой поддержки, а равно не сочла возможным принять участия в ней и наша думская с.-д. фракция.

6. Кампания рабочих митингов в связи с судьбой 2-думских депутатов и демонстрации рабочих в отдельных городах 9 января 1912 года показали, что самодеятельность рабочих масс направляется вовсе не в сторону таких средств, как петиционная кампания, и идет вовсе не под знаменем «частичных прав».

Конференция, исходя из всего вышесказанного,

1) призывает всех с.-д. разъяснять рабочим всю необходимость для пролетариата свободы коалиций, причем необходимо постоянно ставить это требование в неразрывную связь с нашими общими политическими требованиями и революционной агитацией в массах;

2) признавая, что при известных условиях массовая рабочая петиция может быть весьма пригодной формой протеста, находит, что в России в переживаемую эпоху петиция является одним из наименее пригодных средств с.-д. агитации.

О ЛИКВИДАТОРСТВЕ И О ГРУППЕ ЛИКВИДАТОРОВ.

Принимая во внимание,

1) что Р. С.-Д. Р. П. уже около четырех лет ведет решительную борьбу с ликвидаторским течением, которое на декабрьской 1908 г. конференции партии было определено как

«попытки некоторой части партийной интеллигенции ликвидировать существующую организацию Р. С.-Д. Р. П. и заменить ее бесформенным объединением в рамках легальности во что бы то ни стало, хотя бы последняя покупалась ценою явного отказа от программы, тактики и традиций партии»;

2) что пленум Ц. К. в январе 1910 г., продолжая борьбу с этим течением, единогласно признал его проявлением влияния буржуазии на пролетариат и поставил условием действительного партийного единства и слияния прежних фракций большевиков и

La Conférence des delégues des organisations du Parti Social-democrate ouvrier de Russie.

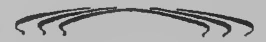
Россійская Соціаль-демократическая Рабочая Партія.

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

ВСЕРОССІЙСКАЯ КОНФЕРЕНЦІЯ

Рос. Соц.-Дем. Раб. Партіи

1912 года.

ИЗДАНІЕ ЦЕНТРАЛЬНАГО КОМИТЕТА

PARIS
Кооперативная типографія « ИДЕАЛЪ »
110, Avenue d'Orléans. (XIV).

1912.

Обложка брошюры: «Всероссийская Конференция Росс. Соц.-Дем. Раб. Партии 1912 года» — 1912 г.

меньшевиков полный разрыв с ликвидаторством и окончательное преодоление этого буржуазного уклонения от социализма;

3) что вопреки всем решениям партии и вопреки обязательству, данному на пленуме в январе 1910 г. представителями всех фракций, часть с.-д., группирующаяся вокруг журналов «Наша Заря» и «Дело Жизни», открыто стала на защиту течения, признанного всей партией продуктом буржуазного влияния на пролетариат;

4) что бывшие члены Ц. К. М-л, Юрий и Роман не только отказались войти в Ц. К. весной 1910 года, но даже отказались явиться хотя бы на одно заседание для кооптации новых членов и открыто заявили, что считают само существование Ц. К. партии «вредным»;

5) что названные главные издания ликвидаторов «Наша Заря» и «Дело Жизни» именно после пленума 1910 года решительно и по всей линии повернули к ликвидаторству, не только «принижая» (вопреки решениям пленума) «значение нелегальной партии», но прямо отрицая ее, объявляя партию «трупом», объявляя партию уже ликвидированною, объявляя «реакционной утопией» восстановление нелегальной партии, осыпая нелегальную партию со страниц легальных журналов клеветой и бранью, приглашая рабочих признать ячейки партии и иерархию ее «отмершей» и т. д.;

6) что в то время, как по всей России партийцы, без различия фракций, объединились над очередным делом созыва партийной конференции, ликвидаторы, выделившись в совершенно независимые группки, откололись на местах также там, где преобладают меньшевики-партийцы (Екатеринослав, Киев) и окончательно отказались от всякой партийной связи с местными организациями Р. С.-Д. Р. П.; —

конференция заявляет, что группа «Нашей Зари» и «Дела Жизни» своим поведением *окончательно поставила себя вне партии.*

Конференция призывает всех партийцев, без различия течений и оттенков, вести борьбу с ликвидаторством, разъяснять весь его вред для дела освобождения рабочего класса и напречь все силы для восстановления и укрепления нелегальной Р. С.-Д. Р. П.

О ЦЕНТРАЛЬНОМ ОРГАНЕ [169]).

Выслушав и обсудив доклад представителя Ц. О., конференция, одобряя принципиальную линию Ц. О., —

выражает пожелание, чтобы в Ц. О. больше уделялось внимания статьям пропагандистского характера и чтобы статьи писались более популярно и доступно для рабочих.

О «РАБОЧЕЙ ГАЗЕТЕ».

Признавая, что «Рабочая Газета» решительно и последовательно стала на защиту партии и партийности и встречает полное сочувствие со стороны партийных работников на местах без различия фракций,

Конференция

1) призывает всех товарищей на местах оказывать всестороннюю поддержку «Рабочей Газете».

2) Признает «Рабочую Газету» официальным органом Центрального Комитета партии.

О ГАЗЕТЕ «ПРАВДА»[170]).

Конференция отменяет то соглашение с редакцией «Правды», которое было заключено пленумом Ц. К. в январе 1910 г.

ИЗМЕНЕНИЯ ОРГАНИЗАЦИОННОГО УСТАВА ПАРТИИ.

К § 2-му прибавляется:

Признается допустимой кооптация — согласно решениям декабрьской (1908 г.) конференции.

§ 8 вычеркивается и вместо него вставляется:

Ц. К. собирает по возможности чаще конференции от представителей всех организаций партии.

§ 9, абзац третий, о представительстве на съезде, изменяется так:

Нормы представительства на будущие съезды партии устанавливаются Ц. К. после предварительных сношений с местными организациями.

ОБ ИМУЩЕСТВЕ, НАХОДЯЩЕМСЯ В РУКАХ БЫВШЕГО ДЕРЖАТЕЛЯ, И О ДЕНЕЖНЫХ ОТЧЕТАХ.

Принимая к сведению заявление уполномоченных представителей большевиков, с которыми пленум Ц. К. в январе 1910 г. заключил договор об условной передаче большевиками их фракционного имущества в кассу Ц. К., конференция

1) признает, что представители большевиков, в силу нарушения договора ликвидаторами и в силу отказа держателей от роли третейских судей, имеют все формальные права распоряжаться как находящимся в их распоряжении, так и находящимся в руках бывшего держателя, т. Цеткиной, имуществом;

2) после сделанного заявления представителей большевиков конференция считает находящиеся у т. Цеткиной суммы безусловно принадлежащими партии в лице выбранного конференцией Ц. К. и

3) поручает Ц. К. принять все меры для немедленного получения от т. Цеткиной партийного имущества.

* * *

Ревизионная Комиссия, рассмотрев денежные отчеты и оправдательные документы редакции «Рабочей Газеты», утвержденной теперь конференцией, как орган Ц. К., а также группы большевиков, которым пленум Ц. К. выдал деньги на с.-д. литературу, признала отчеты правильными и предлагает конференции утвердить их.

О «КРАСНОМ КРЕСТЕ».

Конференция предлагает всем товарищам на местах приложить все усилия к воссозданию «Красного Креста», столь необходимого для помощи заключенным и ссыльным.

О ПАРТИЙНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ЗА ГРАНИЦЕЙ.

Конференция признает безусловно необходимым существование за границей единой партийной организации, ведущей работу содействия партии под контролем и руководством Ц. К.

Конференция утверждает Комитет Заграничных Организаций [171]) как одну из партийных организаций за границей и приглашает все партийные элементы, без различия фракций и течений, стоящие на стороне нелегальной партии и ведущие непримиримую борьбу с антипартийными течениями (ликвидаторство),— сплотиться вокруг Ц. К. для содействия российской партийной работе и для создания единой заграничной организации.

Все заграничные группы, без всякого исключения, могут сноситься с российскими организациями только через Ц. К.

Конференция признает, что заграничные группы, не подчиняющиеся русскому центру с.-д. работы, т.-е. Ц. К., и вносящие дезорганизацию путем особых сношений с Россией помимо Ц. К., не могут пользоваться именем Р. С.-Д. Р. П.

О НАПАДЕНИИ РУССКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА НА ПЕРСИЮ.

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия протестует против разбойничьей политики царской шайки, решившей задушить свободу персидского народа и не останавливающейся в этом перед самыми варварскими и гнусными актами.

Конференция констатирует, что всячески рекламируемый и поддерживаемый русскими либералами союз российского правительства с правительством Англии направлен прежде всего против революционного движения азиатской демократии и что этот союз делает английское либеральное правительство соучастником кровавых зверств царизма.

Конференция выражает свое полное сочувствие борьбе персидского народа и, в частности, борьбе персидской с.-д. партии, понесшей столько жертв в борьбе с царскими насильниками.

О КИТАЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

Конференция, ввиду кампании правительственных и либеральных («Речь») газет, пропагандирующих — в интересах российских капиталистов — отторжение от Китая, пользуясь революционным движением в нем, пограничных с Россией областей, — констатирует мировое значение революционной борьбы китайского народа, несущей освобождение Азии и подрывающей господство европейской буржуазии, приветствует революционеров-республиканцев Китая, свидетельствует о глубоком воодушевлении и полной симпатии, с которой пролетариат России следит за успехами революционного народа в Китае, и клеймит поведение русского либерализма, поддерживающего политику захватов царизма.

О ПОЛИТИКЕ ЦАРИЗМА ПО ОТНОШЕНИЮ К ФИНЛЯНДИИ.

Конференция Р.С.-Д.Р.П., собравшись впервые после проведения русским царизмом и Думой контр-революции законов, уничтожающих права и свободу финляндского народа, выражает свою полную солидарность с братской финляндской соц.-дем. партией, подчеркивает единство задач рабочих Финляндии и России в борьбе против русского контр-революционного правительства и контр-революционной буржуазии, попирающих права народа, и выражает свою твердую уверенность, что лишь совместными усилиями рабочих России и Финляндии может быть достигнуто свержение царизма и свобода русского и финляндского народов.

ПРИВЕТСТВИЕ ГЕРМАНСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ.

По поручению конференции центральному органу германской социал-демократии послана была следующая телеграмма:

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия в лице Российской Организационной Комиссии и Центрального Органа

Партии шлет горячий привет братской германской социал-демократии, одержавшей на выборах блестящую победу над всем буржуазным миром[172]).

Да здравствует международная, да здравствует Германская Социал-Демократия!

Январь 1912 г.

Напечатано в феврале 1912 г. в брошюре: «Всероссийская конференция Р.С.-Д.Р.П. 1912 года».

Печатается по тексту брошюры.

ПРОТИВ ОБЪЕДИНЕНИЯ — С ЛИКВИДАТОРАМИ.

В № 7 ликвидаторской газеты «Живое Дело» помещена редакционная статья «За объединение — против раскола» [173]). Статья эта касается вопроса, несомненно, чрезвычайно интересного и важного, над которым размышляют все и каждый думающий рабочий. Мы считаем своим долгом, хотя бы неполно, хотя бы вкратце, высказаться относительно тех пунктов, по которым «Живое Дело» осведомляет своих читателей явно и очевидно неправильно.

«Живое Дело», на основании сообщений газет «Голоса Земли», «Русского Слова» и «Киевской Мысли» — сообщений, «не расходящихся с имеющимися у «*Живого Дела*» сведениями», — устанавливает тот факт, что за границей состоялась общепартийная конференция, которая-де «навязала всем марксистам России определенную тактику в избирательной кампании» и, между прочим, объявила *вне партии* (курсив «Живого Дела») группу «Нашей Зари» и «Дела Жизни». По этому поводу «Живое Дело» (уснащая свою статью обычными клеветами и инсинуациями по адресу антиликвидаторов) старается изо всех сил, во-1-х, дискредитировать конференцию, во-2-х, защитить «Нашу Зарю и К°», говоря, что они не могут быть поставлены «вне», что «литераторы» этого направления «отвечают презрительным пожатием плеч на подобное постановление» и т. д.

Мы заметим прежде всего, что все содержание статьи «Живого Дела», весь истеричный тон ее, все крики «за объединение» свидетельствуют воочию о том, как живо затронуты ликвидаторы и как неудачно пытаются они замять *суть дела*. К этой *сути дела* мы и переходим.

Разумеется, ни защищать конференцию, ни дополнять или исправлять приведенные в названных газетах (к ним следует присоединить теперь «*Голос Москвы*») сведения мы не можем. Да и не входит это в нашу задачу. Да и достаточно воспроизвести *буквально* хотя бы одну фразу из «Живого Дела»: «Мы спрашиваем, — восклицают ликвидаторы — кто их (делегатов конференции) выбирал, кто уполномочивал их говорить и решать именем

московских, петербургских и т. д. марксистов?» Было бы вполне естественно, если бы открыто *«спрашивал»* об этом, напр., г. Пуришкевич или г. Замысловский. Если же ликвидаторы *спрашивают* об этом публику со страниц *«Живого Дела»*, то одним этим вопросом они так великолепно вскрывают свою ликвидаторскую природу, так превосходно разоблачают себя, что нам приходится только указать пальцем на приемы ликвидаторов и поставить точку.

Мы касаемся затрогиваемых здесь вопросов, повторяем, исключительно постольку, поскольку наш долг — отзываться на все голоса печати и отмечать относящееся к рабочей избирательной кампании. Надо, чтобы читатели знали правду. Если ликвидаторы говорят: «за объединение — против раскола», то наш долг вскрыть заключающуюся тут неправду. Первое: нечего играть в прятки и говорить об «объединении» вообще, когда речь идет, по сути, *только об объединении с ликвидаторами*. Зачем прячется «Живое Дело»? Почему оно не говорит прямо, согласно оно или не согласно с точкой зрения «Нашей Зари» и «Дела Жизни»? Второе: преждевременно говорить о *расколе*, пока нет налицо двух организованных, цельных политических коллективов, действующих в одной среде.

Об этой *сути дела* надо бы говорить «Живому Делу», а кричать и браниться — пустое занятие.

Объединение с ликвидаторами не новый, а очень старый вопрос. Свыше двух лет тому назад, в январе 1910 г., была сделана самая решительная, оформленная попытка такого объединения, скрепленная и договором и единогласным решением. Попытка не удалась — это признают *все*, в том числе и ликвидаторы (см. «Нашу Зарю» 1911 г., № 11, стр. 130). Почему не удалась? В этом вопросе люди, серьезно интересующиеся делом, должны самостоятельно разобраться *по документам*. Мы приведем лишь немногие — но решающие — документы.

Известный участник попытки объединения с ликвидаторами и «объединитель» или «примиренец» г. Ионов писал *как раз во время* этой попытки:

«Как бы отзовизм и ликвидаторство сами по себе ни были вредны для партии, их благотворное влияние на фракции (речь идет о фракциях меньшевиков и большевиков), кажется, вне сомнения. Патология знает двоякого рода нарывы: злокачественные и доброкачественные. Доброкачественный нарыв считается болезнью, полезной для организма. В процессе нарывания он оттягивает к себе со всего организма всякие вредные элементы и, таким образом, способствует его оздоровлению. Я думаю, что такую же роль сыграло ликвидаторство по отношению к меньшевизму и отзовизм-ультиматизм по отношению к большевизму».

Вот одно из документальных подтверждений того, что условием

объединения с ликвидаторами заявлено было их полное отречение от ликвидаторства. Это было в январе 1910 г. В феврале 1910 г., в № 2 «Нашей Зари» г. *Потресов* писал буквально следующее:

«Может ли существовать в лето 1909 г., не как фантом в больном воображении, а как подлинная реальность, течение ликвидационное, ликвидирующее то, что уже не подлежит ликвидации, чего на самом деле уже нет, как организованного целого» («Наша Заря» 1910 г., № 2, стр. 61).

Все практики знают, что ликвидаторы *поступали на деле* именно так, как направлял их г. Потресов. Другой известный орган ликвидаторов «Возрождение», где участвовали те же гг. Мартовы, Ларины, Левицкие и К°, писал 30 марта 1910 г. от имени редакции, сочувственно цитируя приведенные слова г. Потресова: «Ликвидировать нечего — и, прибавим мы (т.-е. редакция «*Возрождения*») от себя, мечта о восстановлении этой иерархии в ее старом, подпольном виде просто вредная, реакционная утопия»... («Возрождение» 1910 г., № 5, стр. 51).

Были ли другими лицами и направлениями, кроме нашего, оценены эти заявления, как *разрыв* ликвидаторов со старым, прежним политическим коллективом? Несомненно, да. Доказательства: 1) Статья г. Изгоева в «*Русской Мысли*» 1910 г., № 8: «Вехист среди марксистов». Г. Изгоев оценивает всегда события среди марксистов с последовательно «вехистской» точки зрения. «Ответ (г. Потресова на вопросы рабочего движения) *совершенно согласуется* — писал г. Изгоев — с тем, что́ писалось в поносимых им «Вехах», что говорят публицисты «*Русской Мысли*» («Русская Мысль» 1910 г., № 8, с. 67). 2) Меньшевик Плеханов писал в мае 1910 г. по поводу приведенных слов г. Потресова: «Несомненно, однако, то, что *человек, для которого не существует наша партия, сам не существует для нашей партии* (курсив Плеханова). Теперь все ее члены должны будут сказать, что г. Потресов им не товарищ, а некоторые из них, может быть, перестанут обвинять меня в том, что я уже давно не считал его таковым».

Факт налицо. Никакие увертки и отговорки тут не помогут. Ликвидаторы в 1910 еще году порвали с прежним политическим коллективом. Ни один историк русской политической жизни не сможет обойти этот факт, если не захочет отступить от истины. А в 1911 году гг. Левицкий, Мартов, Дан, Ларин, Чацкий и К° не раз повторяли заявления вполне «потресовского» содержания. Напомним хотя бы, как в «*Деле Жизни*» (за 1911 г., № 6, с. 15) Ларин поучал рабочих, что «слепить в каждом городе кружки... в пару сот человек» нетрудное, но «маскарадное» предприятие!

По нашему глубокому убеждению, отсюда, из опыта более чем двух лет, неизбежен вывод, что никакое объединение *с ли-*

квидаторами невозможно. Никакое соглашение тут тоже невозможно. Тут *немыслимы* соглашения, ибо вопрос идет о существовании или несуществовании того, что ликвидаторы презрительно окрестили «иерархией». И никакая брань «Живого Дела» — органа *тех же* ликвидаторов *того же* направления — ничего изменить не может. Ликвидаторы стоят *вне...* — это факт окончательный.

Этот факт и означает раскол, возразят нам, пожалуй. Нет. Расколом называется образование *двух* политических коллективов вместо одного. В настоящее же время, в марте 1912 года, наблюдатель нашей политической жизни, вооруженный лучшим телескопом и смотрящий из Петербурга, Москвы, Киева, Нью-Иорка, откуда угодно, — в состоянии увидеть *только один* организованный, цельный политический коллектив, который от брани ликвидаторов только усиливается среди рабочих.

В том-то и беда ликвидаторов, что со старым они действительно *ликвидировали* свои отношения, а нового *не создали*. Когда создадут, тогда мы посмотрим и, по должности политических обозревателей, оповестим читателей. А пока факт остается фактом: нет другого цельного политического коллектива, значит, нет и раскола.

Ликвидаторы давно сулятся создать «открытое» политическое общество. Но посулы — не факты. И «*сам*» г. Левицкий, ближайший единомышленник Потресова и Мартова, писал в передовой статье № 11 «Нашей Зари» (1911 г.) *с сожалением*, что «мы не видим ни одной сколько-нибудь значительной попытки организовать легальное *политическое* (курсив г. Левицкого) общество». Г. Левицкий обвиняет в этом и «массы» и «руководителей». Но дело сейчас идет не об обвинениях, а об установлении факта. *Если* г. Левицкий и его друзья создадут легальное политическое общество, *если* оно поведет на деле марксистскую (а не либеральную) рабочую политику, тогда... тогда мы посмотрим. Только торопитесь, господа, до выборов осталось мало времени, и нужны усилия геркулесовы, чтобы в месяцы наверстать (или *переделать* прямо *обратно* тому, что делалось раньше) опущенное *годами*.

Ликвидаторы сами у себя сняли голову. Снявши голову, по волосам не плачут.

Наблюдатель русской политической жизни может разыскать только один политический коллектив в интересующей нас области. Вокруг него есть отдельные лица и неорганизованные, не имеющие даже цельных ответов на *насущнейшие* политические вопросы группки. Другими словами, кругом — распад. Как и при всяком распаде, есть тут и колеблющиеся, и люди, надеющиеся (увы, тщетно!) побудить ликвидаторов *на деле* порвать с ликвидаторством. Но надеждами пробовать прокормиться за какие-нибудь пол-года до выборов могут только безнадежные политики.

Возьмите хотя бы вопрос о лозунгах выборной кампании, о тактике, о соглашениях. Есть только один ответ, оформленный, ясный, точный, полный, известный всем руководящим рабочим уже теперь во всех концах России. *Другого ответа нет.* Еще раз, господа ликвидаторы: снявши голову, по волосам не плачут.

P. S. К числу «надеющихся» на исправление ликвидаторов относит себя, должно быть, и Троцкий, который в «*Живом Деле*» популярно пересказывает начало декабрьских 1908 года решений о сущности 3-ьеиюньского режима. Мы будем очень рады, если Троцкому удастся убедить, хотя бы, напр., Ларина и Мартова, так, чтобы все они сошлись на одном определенном, точном, ясном ответе на вопрос о сущности нашей теперешней «конституции». Кричат люди о пользе «объединения», о вреде «кружковщины», а не могут выработать объединенного мнения даже «своего» кружка ни по принципиальным, ни по практическим вопросам всей нашей работы! За то фразе раздолье: «социал-демократия — пишет Троцкий — свои великие задачи умеет не только в виде формулы начертать на внутренней поверхности черепной коробки»... Красиво пишет Троцкий, не хуже Потресова и Неведомского!

«Просвещение» № 3 — 4, февраль — март 1912 г.
Подпись: М. Б.

ОРГАН ЛИБЕРАЛЬНОЙ РАБОЧЕЙ ПОЛИТИКИ.

Передо мной лежат три номера петербургской еженедельной газеты «Живое Дело» [174]), начавшей выходить в январе текущего года.

Предлагаю читателям присмотреться к содержанию проповеди.

Главный политический вопрос дня — выборы в IV Думу. Этому вопросу посвящена статья Мартова в № 2. Лозунг, бросаемый им, гласит: «Надо стремиться выбить реакцию из ее думских позиций». А Дан вторит в № 3: «Наилучшее средство ослабить его (Государственного Совета) пагубное влияние — это вырвать Думу из рук реакции».

Лозунг ясный. И, конечно, всякий сознательный рабочий без труда увидит, что это лозунг не марксистский, не пролетарский, не демократический даже, а *либеральный*. Это — лозунг либеральной рабочей политики.

Вот защита этого лозунга Мартовым: «*Достижима* ли эта задача при нынешнем избирательном законе? Безусловно — да. Правда, этот избирательный закон заранее обеспечивает в значительной (?) части губернских собраний большинство выборщиков от землевладельцев и первой городской (капиталистической) курии»...

Защита худого дела сразу толкнула Мартова к вопиюще неверному утверждению. Не в «значительной части» губернских собраний, а *безусловно во всех* (по Европейской России) землевладельческие выборщики плюс 1-ая городская курия дают абсолютное большинство. Мало того. В 28 губерниях из 53 *одни* землевладельческие выборщики составляют *абсолютное большинство* губернских собраний. И эти 28 губерний дают 255 депутатов Думы из всего числа 442, т.-е. опять таки абсолютное большинство!

Чтобы защитить либеральный лозунг о «выбивании реакции из ее думских позиций», Мартову пришлось начать с либерального прикрашивания российских землевладельцев. Начало не дурно!

«Но — продолжает Мартов — прошлые выборы показали, что и среди землевладельцев и среди крупной городской буржуазии

есть элементы, враждебные черносотенной, националистической и октябристской реакции».

Несомненно. Часть выборщиков даже от землевладельцев — оппозиция, кадеты. Но какой же отсюда вывод? Только тот, что *дальше помещичьей* «либеральной» оппозиции передвинуть большинство Думы, выбираемой по закону 3 июня 1907 г., нельзя. Помещик решает. Этот факт, который пытался обойти Мартов, остается фактом. Значит, переход помещика в оппозицию один только в состоянии дать перевес *(помещичьей)* «оппозиции». Но тут-то и заключается гвоздь вопроса: можно ли сказать, не превращаясь в либерала, что *(помещичья)* «либеральная оппозиция способна выбить реакцию из ее думских позиций»?

Не следует, во 1-х, подкрашивать помещичий характер нашего избирательного закона. Не следует, во 2-х, забывать, что помещичья «оппозиция» отличается всеми чертами так называемого «*левого октябризма*» (с которым кадеты допустили блоки на своей последней конференции! — об этом тоже напрасно умалчивает Мартов). Говорить по поводу возможной победы «левых октябристов» о «вырывании Думы из рук реакции» или «о выбивании реакции из ее думских позиций» могут только комические либеральные политики.

Задача рабочей демократии *использовать* конфликты либералов с теперешним большинством Думы *для* усиления демократии в Думе, а вовсе не поддержка либеральной иллюзии, будто бы можно было «вырвать Думу из рук реакции».

Еще хуже обстоит дело у нашего автора, когда он переходит к *принципиальному* вопросу о том, какое *значение* имело бы, если бы «*вся* оппозиция» сломила черносотенно-октябристское большинство в Думе».

«Рабочие заинтересованы в том, — рассуждает Мартов, — чтобы власть в классовом государстве перешла из рук дикого помещика в руки более культурного буржуа».

Превосходное рассуждение! Только забыта мелочь... совсем маленькая мелочь: русские «более культурные буржуа», либералы, кадеты, «*заинтересованы в том*», чтобы *не подрывать* власти дикого помещика. Либералы «заинтересованы в том», чтобы разделить с ним власть, не подрывая его власти и не давая ни одного оружия в руки демократии.

Вот в чем гвоздь! Напрасно изволите вы, обходя серьезный вопрос, разжевывать с важным видом бессодержательные банальности.

«Усилив свое представительство в Думе, кадеты и прогрессисты — говорит Мартов — еще не станут у власти, но облегчат себе прохождение к ней». Так. Так. Отчего же это немецкие кадеты и прогрессисты много раз, с 1848 года, «усиливали свое представительство» в парламенте, но так до сих пор и не «про-

шли к власти»? Отчего в течение 64 лет они оставляли и *оставляют теперь* власть в руках юнкера? Отчего русские кадеты, «усилив свое представительство в Думе» I и II, «не облегчили себе прохождение к власти»?

Мартов признает марксизм лишь постольку, поскольку он *приемлем для всякого* образованного либерала. Рабочие заинтересованы в переходе власти из рук помещика в руки более культурного буржуа — все либералы в мире подпишут такое «понимание» «*интересов рабочего*». Но это еще не марксизм. Марксизм говорит дальше: 1) либералы заинтересованы в том, чтобы, не подрывая власти помещика, сесть рядом с ним; 2) либералы заинтересованы в таком разделе власти с помещиком, чтобы ни рабочему, ни демократии ровнехонько ничего не досталось; 3) власть *действительно* «выпадает» из рук помещика и «переходит в руки» либерала *лишь тогда*, когда побеждает демократия *вопреки* либералу. Доказательства? Вся история Франции и новейшая история Китая: власть никогда бы не перешла даже временно, даже условно, к либералу Юаньшикаю, если бы не победила китайская демократия *вопреки* Юаньшикаю.

Но, если плоская истина: либерал лучше черносотенца составляет *весь* «марксизм», приемлемый для гг. Струве, Изгоева и Комп., то диалектика классовой борьбы есть книга за семью печатями и для либерала, и для Мартова.

Резюмирую: именно для того, чтобы в России власть действительно «перешла» из рук помещика *в* руки буржуа, не следует обманывать и обессиливать демократию вообще, рабочих в особенности, *фальшивым* лозунгом «вырвать Думу из рук реакции». Практическая задача на выборах у нас совсем не «выбивание реакции из ее думских позиций», а усиление демократии вообще, рабочей в особенности. Эта задача иногда столкнется с «задачей» увеличить число либералов: нам важнее, — и для пролетариата полезнее, — пять лишних [175]) демократов, чем 50 лишних либералов.

Отсюда следующий вывод, которого не желает Мартов, хотя и признает, будто бы, что кадеты — либералы, а *не* демократы: 1) в пяти больших городах [176]) на перебаллотировках допустимы соглашения *только* с демократами против либералов; 2) при *всех* баллотировках и при *всех* соглашениях на второй стадии, *в первую очередь*, должны идти соглашения с демократами против либералов, и лишь затем — с либералами против правых.

«Звезда» № 11 (47), 3 марта (19 февраля) 1912 г.
Подпись: Ф. Л—ко.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ ЗА 5 ЛЕТ ТРЕТЬЕЙ ДУМЫ.

I.

В «Ежегоднике» газеты «*Речь*» на 1912 год — этой маленькой политической энциклопедии либерализма — напечатана статья г. Милюкова: «Политические партии в *Гос. Думе* за пять лет». Принадлежащая перу признанного вождя либерализма и выдающегося историка, эта статья заслуживает тем большего внимания, что посвящена она *главной*, можно сказать, *предвыборной теме*. Политические итоги деятельности партий, вопросы о значении их, научные обобщения о соотношении общественных сил, лозунги предстоящей избирательной кампании — все это невольно напрашивается под перо, раз взята такая тема, все это *пришлось* затронуть и г. Милюкову, как ни старался он ограничиться простым пересказом фактов «внешней истории» Думы.

Получилась интересная картинка, иллюстрирующая старый, но вечно новый сюжет: как отражается русская политическая жизнь в глазах либерала?

«Господствовавшая в I Думе численно, а во II морально, партия народной свободы — пишет г. Милюков — в III Думе была представлена только 56 — 53 депутатами. Из положения руководящего большинства она перешла на положение оппозиции, сохранив, однако, в рядах оппозиции преобладающее значение, как по своей численности, так и по качественному составу своих членов и по строгой фракционной дисциплине своих выступлений и голосований».

Вождь партии в статье о политических партиях объявляет свою партию «преобладающей» по «качественному составу ее членов». Это недурно. Только реклама могла бы быть и потоньше... И верно ли это, что кадеты преобладали по строгой фракционной дисциплине? Неверно, ибо все помнят неоднократные выступления, напр., г. Маклакова, обособлявшегося от к.-д. фракции вправо. Неосторожно поступил г. Милюков: если рекламировать «качества» своей партии безопасно в том смысле, что оценка эта

вполне субъективна, то относительно партийной дисциплины факты сразу опровергают рекламу. Характерно, что именно правое крыло кадетов и в Думе — в лице Маклакова — и в печати — в лице г. Струве и К° «Русской Мысли» — обособлялось, разрушая не только строгую, но даже какую бы то ни было дисциплину кадетской партии.

«Слева от себя — продолжает г. Милюков — фракция народной свободы имела только 14 трудовиков и 15 социал-демократов. Группа трудовиков сохранила только тень того значения, которое имела в первых двух Думах. Несколько лучше организованная группа социал-демократов от времени до времени посвящала свои выступления резкому обличению «классовых противоречий», но, в сущности, не могла вести никакой иной тактики, кроме той, которую вела и «буржуазная» оппозиция».

Это все, буквально все, что сообщает выдающийся историк на 20 страницах своей статьи о партиях левее к.-д. Но ведь статья посвящена политическим партиям в Гос. Думе, — в статье подробнейшим образом рассмотрены все мельчайшие передвижения внутри помещиков, разные там «умеренно-правые» или «право-октябристские фракции», рассмотрены отдельные шаги этих фракций. Почему же сведены на нет трудовики и с.-д.? — ибо *так* обрисовать их, как делает г. Милюков, значит явно сводить их на нет.

Единственный возможный ответ на этот вопрос состоит в том: потому, что эти партии г. Милюкову особенно не нравятся, и даже самое простое констатирование общеизвестных фактов относительно этих партий противоречит *интересам* либерализма. В самом деле, г. Милюков прекрасно знает, какие перетасовки состава выборщиков свели трудовиков к «тени прежнего значения» в Думах. Эти перетасовки, произведенные г. Крыжановским и другими героями 3-го июня 1907 года, подорвали большинство кадетов. Но разве это оправдывает игнорирование и, даже более, искажение данных о значении партий, представляемых очень слабо в помещичьей Думе? Трудовики очень и очень слабо представлены в III Думе, но роль их за пять лет велика, ибо они представляли миллионы крестьянства. Интересы помещиков заставили урезать именно крестьянское представительство. Спрашивается, какие интересы заставляют либералов отмахиваться от трудовиков??

Или возьмите сердитую выходку г. Милюкова против с.-д. Неужели он не знает, что отличие «тактики» этих последних от тактики к.-д. состоит не только в отличии пролетарской оппозиции от буржуазной, но и в отличии демократизма от либерализма? Конечно, г. Милюков очень хорошо знает это, и на примерах из новейшей истории всех европейских стран он мог бы пояснить различия демократов от либералов. Вся суть в том, что раз касается дело России, то русский либерал *не хочет* видеть своего

отличия от русских демократов. Русскому либералу *выгодно* представлять себя перед русским читателем представителем всей вообще «демократической оппозиции». Но истина не имеет с этой выгодой ничего общего.

На деле всякий знает, что с.-д. вели в III Думе *совершенно* иную тактику, чем буржуазная оппозиция вообще, кадетская (либеральная) оппозиция в частности. Если бы г. Милюков попробовал поставить перед читателем любые конкретные вопросы политики, то можно ручаться, что он не нашел бы *ни одного*, по которому с.-д. не вели бы принципиально *иной* тактики. Взявши тему о политических партиях в III Думе, г. Милюков извратил главное и коренное: три основных группы политических партий вели три различные тактики, партии правительства (от Пуришкевича до Гучкова), партии либерализма (к.-д., националисты и прогрессисты), партии демократические (трудовики — буржуазная демократия и рабочая демократия). Два первые обобщения г. Милюкову ясны, он прекрасно видит ту суть дела, которая роднит, с одной стороны, Пуришкевича и Гучкова, с другой, всех либералов. Но отличия этих последних от демократов он не видит, потому, что *не хочет* видеть.

II.

То же самое повторяется и по вопросу о классовой основе разных партий. Направо г. Милюков видит и вскрывает эту основу, налево он становится сразу слепым. «Уже самый закон 3 июня — пишет он — был продиктован «объединенным дворянством». Защиту дворянских интересов и взял на себя правый фланг думского большинства. Левый фланг этого большинства присоединил сюда защиту интересов крупной городской буржуазии». Неправда ли, как это поучительно? Когда кадет смотрит направо, он сильно ставит грани «классовых противоречий»: там дворяне, там крупные буржуа. Как только взгляд либерала направляется налево, — тотчас же слова «классовые противоречия» берутся в иронические кавычки. Классовые различия исчезают: либералы представляют и крестьян, и рабочих, и городскую демократию в качестве обще-«демократической оппозиции»!

Нет, господа, это не научная история, это не серьезная политика, это политиканство и реклама.

Ни крестьян ни рабочих либералы не представляют, а представляют лишь часть буржуазии — городской, землевладельческой и т. д.

Факты из истории III Думы так общеизвестны, что и г. Милюков не может не признать нередких совместных голосований октябристов с либералами — не только *против* (против правительства), но и *за* определенные положительные мероприятия. Эти

факты, в связи с общей историей октябризма и кадетизма (слитых в 1904—5 году, до 17 октября), *доказывают* для всякого, кто сколько-нибудь считается с исторической действительностью, что октябристы и кадеты — два фланга *одного класса*, два фланга буржуазного *центра*, колеблющегося между правительством и помещиками, с одной стороны, демократией (рабочими и крестьянством), с другой. Этого *основного* вывода из истории «политических партий в III Думе» г. Милюков не видит исключительно потому, что ему невыгодно его видеть.

Третья Дума с новой стороны, в новой обстановке *подтвердила* то основное деление русских политических сил и русских политических партий, которое вполне определенно наметилось с половины XIX века, все больше оформлялось в 1861—1904 годах, вышло наружу и закрепилось на открытой арене борьбы масс в 1905—7 годах, оставаясь таковым же и в 1908—1912 годах. Почему это деление остается в силе и поныне? Потому, что не решены еще те объективные задачи исторического развития России, которые составляют содержание демократических преобразований и демократических переворотов везде и повсюду, от Франции 1789 года, до Китая 1911 года.

На этой почве неизбежно упорное сопротивление «бюрократии» и помещиков, а также колебания буржуазии, для которой преобразования необходимы, но которая боится их использования демократией вообще, рабочими в особенности. Эта боязнь в особенности ясно была видна — в области думской политики — у кадетов I и II Думы, у октябристов III Думы, т.-е. именно тогда, когда эти партии составляли «руководящее» большинство. Кадеты борются с октябристами, оставаясь на той же принципиальной позиции с ними, они конкурируют с ними больше, чем борются. Они делят с ними местечко у власти *рядом* с помещиками, — отсюда та кажущаяся острота конфликта власть имущих с кадетами, как с самыми близкими конкурентами.

Игнорируя различие демократии и либерализма, г. Милюков с необыкновенной подробностью, детальностью, со смаком, можно сказать, рассматривает передвижения внутри помещиков: правые, умеренно-правые, националисты вообще, националисты независимые, правые октябристы, октябристы просто, октябристы левые. Ни малейшего серьезного значения эти деления и передвижки в этих пределах не имеют: связаны они, самое большое, с заменой какого-нибудь Твердоонто каким-нибудь Угрюм-Бурчеевым [177]) в администрации, с переменой лиц, с победой кружков или котерий. Все сколько-нибудь существенное в политической линии тут совершенно одинаково.

«Бороться (на выборах в IV Думу) будут два лагеря», твердит г. Милюков, как твердит неустанно и вся кадетская печать. Неверно, господа. *Борются* и будут бороться *три* главных лагеря:

правительственный, либеральный и рабочая демократия, как центр притяжения всей вообще демократии. Деление на два лагеря есть уловка либеральной политики, сбивающей иногда с толку, к сожалению, кое-кого из сторонников рабочего класса. Только поняв неизбежность деления на три основных лагеря, может рабочий класс вести на деле *свою*, а не либеральную рабочую политику, *используя* конфликты лагеря первого с лагерем вторым, но не давая себя ни на минуту обмануть якобы демократической фразеологией либералов. И не только себя не давать в обман, но и не давать обманывать крестьян, как главную опору буржуазной *демократии,* — таковы задачи рабочих. Таков вывод и из истории политических партий в III Думе.

«Звезда» № 14 (50), 17 (4) марта 1912 г.
Подпись: К. Т.

ДОКЛАД МЕЖДУНАРОДНОМУ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМУ БЮРО О ВСЕРОССИЙСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ Р.С.-Д.Р.П [178]).

Последние годы были для Р.С.-Д.Р.П. годами шатаний и дезорганизации. В течение трех лет партия не могла созвать конференцию, а за два последних года Ц.К. не мог развернуть никакой деятельности. Партия, правда, продолжала существовать, но только в виде отдельных групп, которые, при отсутствии Центрального Комитета, жили своей обособленной жизнью, во всех сколько-нибудь значительных городах.

С недавних пор, под влиянием нового пробуждения российского пролетариата, партия начала вновь крепнуть, и совсем недавно мы, наконец, получили возможность созвать конференцию (что невозможно было за все время с 1908 г.), на которой были представлены организации обоих столичных городов, Северо-запада и Юга, Кавказа и центрально-промышленного района. В общем, 20 организаций тесно связались с Организационной Комиссией, созвавшей эту конференцию, т.-е. почти все организации, и меньшевистские и большевистские, действовавшие к тому времени в России.

В течение своих 23 заседаний, конференция, признавшая за собой права и обязанности высшего партийного органа, обсудила все стоявшие в порядке дня вопросы, среди которых был ряд чрезвычайно важных. Конференция дала основательную оценку современного политического положения и задач партии, оценку, находящуюся в полном соответствии с резолюциями конференции 1908 г. и решениями пленума Ц.К. 1910 г. Особенное внимание конференция уделила предстоящим через несколько месяцев выборам в Думу и приняла по этому поводу резолюцию из трех частей, которая весьма отчетливо и обстоятельно освещает сложный и запутанный избирательный закон, разбирает вопрос об избирательных соглашениях с другими партиями и всесторонне выясняет позицию и тактику партии на время предстоящей из-

бирательной кампании. Вопросы о борьбе с голодом, о страховании рабочих, о профессиональных союзах и о забастовках равным образом обсуждались, и по ним приняты решения.

Конференция рассмотрела также вопрос о «ликвидаторах». Это течение отрицает существование нелегальной партии, объявляет эту партию уже ликвидированною, объявляет реакционной утопией восстановление нелегальной партии и уверяет, что возрождение партии возможно только в легальной форме. Тем не менее, это течение, порвавшее с нелегальной партией, до настоящего времени никакой легальной партии основать не могло. Конференция констатировала, что партия уже четыре года ведет борьбу против этого течения, что конференция 1908 г. и пленум Ц. К. 1910 г. высказались против ликвидаторов, что вопреки всем предпринятым партией попыткам, это течение по-прежнему сохраняет фракционную обособленность и ведет борьбу против партии на страницах легальной печати. Конференция поэтому заявила, что ликвидаторы, группирующиеся вокруг журналов «Наша Заря», «Дело Жизни» (к которым в настоящее время следует добавить «Живое Дело»), поставили себя вне Р. С.-Д. Р. П.

Наконец, конференция избрала Ц. К. и редакцию Ц. О. «Социал-Демократ». Кроме того, конференция особо подчеркнула, что есть за-границей множество групп, которые являются более или менее социалистическими, но которые во всяком случае совершенно оторваны от российского пролетариата, как и вообще от социалистической работы, и, следовательно, совершенно безответственны; что эти группы ни в коем случае не могут ни выражать, ни представлять собою Р. С.-Д. Р. П.; что партия ни в какой мере не принимает на себя ответственности или поручительства за эти группы и что все сношения с Р. С.-Д. Р. П. могут вестись только через посредство Ц. К.

Написано в середине марта 1912 г.

Напечатано 26 марта 1912 г. в статье «Aus des russischen Parteileben» в № 1 приложения к газете «Vorwärts» № 72.

Перевод с немецкого.

ПО ПОВОДУ УХОДА ДЕПУТАТА Т. О. БЕЛОУСОВА ИЗ С.-Д. ДУМСКОЙ ФРАКЦИИ.

С большим удивлением прочли мы в № 7 «Живого Дела» перепечатку из «*Речи*» бранчливого заявления г. Белоусова [179]. Что «*Речь*» приняла это заявление нового перебежчика, в этом нет ничего удивительного. «*Речи*» естественно печатать выкрики бывшего социал-демократа, будто «чувством мести» продиктована была оценка с.-д. думской фракцией его бегства. Но с какой стати перепечатывает это «Живое Дело»? И не странно ли видеть в том же «Живом Деле» статью «К уходу депутата Белоусова», в которой ведутся кислосладкие речи о том, что «нас не должны смущать те случаи дезертирства, какие имели место»?

С одной стороны, «Живое Дело» «не считает себя вправе останавливаться на оценке шага Белоусова, пока не оглашены мотивы, им руководившие». С другой стороны, оно все же *останавливается*... на полдороге, говоря с ужимками о «подобном дезертирстве»!

К чему эта игра? Не пора ли печати исполнить свой долг открытого обсуждения фактов, имеющих политическое значение?

Думская с.-д. фракция *единогласно* высказалась, что г. Белоусову следовало бы *сложить немедленно свои депутатские полномочия*, ибо он прошел в Думу эсдековскими голосами и четыре с половиной года был в думской с.-д. фракции.

Г. Белоусов печатает в «*Речи*» ответ, *обходя* эту суть дела совершенно. Но общественное мнение сознательных рабочих *не должно позволить* обходить этот вопрос молчанием. Если г. Белоусов желает отмалчиваться, то мы не вправе молчать. К чему же тогда рабочая пресса, если не для обсуждения фактов, важных для думского представительства рабочего класса?

Допустимо ли это с точки зрения обязанностей всякого демократа, если депутат, прошедший *в качестве* социал-демократа и четыре с половиной года пробывший в с.-д. думской фракции, уходит из фракции за несколько месяцев до выборов, *не уходя из Думы?* Вот вопрос, имеющий общее значение. Ни один демократ,

сознающий свои обязанности перед избирателями — не в смысле обязанностей «ходателя» за местные интересы, а в смысле обязанностей *политического* деятеля, который *перед всем народом* выступал на выборах с *определенным* знаменем, — ни один демократ не станет отрицать, что вопрос этот принципиальный и крайне важный.

Пусть все рабочие, читающие рабочую прессу и интересующиеся вопросом о представительстве рабочих в Гос. Думе, отнесутся с величайшим вниманием к уходу г. Белоусова, обдумают и обсудят этот вопрос. *Нельзя молчать.* Недостойно сознательного рабочего молчать в таких случаях. Надо уметь отстаивать *свое право,* право всякого избирателя на то, чтобы выбранные ими депутаты оставались верны своему знамени, чтобы они *не смели* дезертировать безнаказанно.

Права или нет думская фракция, что депутат, пробывший в ней четыре с половиной года и прошедший в Гос. Думу с.-д. голосами, *обязан,* уходя *теперь* из фракции, уйти из Думы? Да! С.-д. фракция вполне права! Если мы не на словах только, а *на деле* стоим за единство, сплоченность, цельность, принципиальную выдержанность рабочего представительства, мы должны заявить свое мнение, мы должны, все и каждый, поодиночке и совместно, обратиться и в «Звезду», и в думскую фракцию с письмами (которые надо сообщать и местной прессе), что поступок г. Белоусова мы решительно и бесповоротно осуждаем, что не только всякий сторонник рабочего класса, но и всякий *демократ* должен выразить осуждение подобным поступкам. Подумайте только, какое же это будет «*народное* представительство», если депутаты, выбранные под определенным знаменем, пробывшие под ним девять десятых думской сессии, *накануне выборов* будут заявлять: ухожу из фракции, *но* остаюсь депутатом, желаю оставаться «народным» представителем!

Позвольте, господин перебежчик! Какой *народ* теперь вы представляете? *Не* тот, который вас выбирал, как эс-дека! *Не* тот, который вас видел в течение $^9/_{10}$ думской сессии в рядах с.-д. думской фракции! Вы не представитель народа, а обманщик народа, ибо за оставшееся до выборов время *нельзя,* физически невозможно этому народу (даже если бы этот народ пользовался полной политической свободой) изучить теперь на деле, на основании ваших поступков, *кто* вы такой, *чем* вы стали, *куда* вы покатились, *к кому или к чему* вас потянуло. Вы должны уйти из Думы, или все и каждый вправе будут третировать вас, как политического авантюриста и обманщика!

Бывают уходы и уходы. Бывают перемены взглядов столь явные, определенные, открытые, мотивированные известными всем фактами, что разногласий при оценке некоторых уходов не возникает, предосудительного, бесчестного в некоторых уходах не

бывает. Но, ведь, не случайно же теперь и *только* теперь, *только* в данном случае думская фракция выступила с печатным протестом! С.-д. фракция говорит прямо, что г. Белоусов «выразил пожелание, чтобы не предавать гласности факта его ухода из фракции». Г. Белоусов бранится в своем ответе, перепечатанном «Живым Делом», но не опровергает факта. Мы спрашиваем: что должен думать каждый рабочий о человеке, который, уходя из фракции, выражает пожелание скрыть свой уход? Если это не обман, то что же называется на свете обманом?

С.-д. фракция говорит прямо, что «она совершенно не может выяснить себе границ дальнейшей эволюции своего бывшего сочлена». Пусть подумает читатель над этими многознаменательными словами! Не про всех ушедших, а только про одного данного ушедшего говорит такие серьезные вещи думская с.-д. фракция. Это есть вотум (решение принято по голосованию) полного недоверия. Больше того. Это есть предупреждение всех избирателей, всего народа, что такому-то депутату доверять совершенно невозможно. С.-д. думская фракция единогласно предупреждает об этом всех и каждого. Всякий сознательный рабочий должен ответить теперь, что он это предупреждение получил, что он его понял, что он его разделяет, что он не будет молча смотреть на установление в России, в среде людей, причисляющих себя к демократии, таких парламентских нравов (вернее: такой парламентской безнравственности), когда депутаты ловят мандаты, как добычу, для «свободных» проделок с этой добычей. Так бывало, так бывает во всех буржуазных парламентах, и везде рабочие, понявшие свою историческую роль, борются с этим, *борьбой* воспитывают себе своих, рабочих, депутатов, не ловцов мандата, не дельцов парламентских афер, а доверенных рабочего класса.

И пусть рабочие не дадут обмануть себя софизмами. Таким софизмом является рассуждение «Живого Дела»: «мы не считаем себя вправе останавливаться на оценке шага Т. О. Белоусова, пока не оглашены мотивы, им руководившие».

Во-первых, в заявлении думской с.-д. фракции мы читаем: «уход свой г. Белоусов мотивировал тем, что фракция еще два года тому назад стала для него совершенно чуждою средою». Разве это не есть оглашение мотивов? Разве это не ясные русские слова? Если «Живое Дело» не верит заявлению фракции, пусть оно скажет это прямо, а не виляет, не вертится, не говорит, что оно «не вправе останавливаться», когда фракция *уже* остановилась, уже огласила мотивы или мотив, сочтенный фракцией главнейшим.

Во-вторых, в ответе г. Белоусова, напечатанном кадетской «*Речью*» и ликвидаторским «*Живым Делом*», мы читаем: «Сообщаю, что фракция в своем заявлении ровно ничего (??!) не сказала о действительных мотивах моего с нею разрыва. Я знаю, что

независящие обстоятельства не позволяют фракции огласить мои разногласия с нею, изложенные как в устном, так и письменном объяснении.»

Посмотрите-ка, что это такое выходит. Фракция официально оглашает мотивировку г. Белоусова. Г. Белоусов бранится («инсинуации, наветы» и т. п.), но не опровергает этой мотивировки. Он заявляет, что независящие обстоятельства *не позволяют* фракции «огласить» еще нечто. (Если действительно обстоятельства не позволяют *огласить*, то к чему же вы, милостивый государь, *оглашаете* намек на то, чего нельзя огласить? Не приближается ли ваш прием к инсинуации?). А «Живое Дело», перепечатывая вопиющую фальшь г. Белоусова, которая бьет в лицо, тут же говорит от себя: «мы не вправе останавливаться, *пока* не будут оглашены мотивы»... оглашения которых «не позволяют» независящие обстоятельства!! Другими словами: для оценки ухода г. Белоусова «Живое Дело» будет ждать оглашения того, чего огласить (по заявлению самого г. Белоусова) нельзя.

Неужели не ясно, что «Живое Дело» вместо того, чтобы разоблачить перепечатываемую им фальшь г. Белоусова, прикрывает эту фальшь?

Нам остается добавить немного. Ссылаться на неоглашение того, чего огласить нельзя, значит разоблачать самого себя. А оценить то, что уже оглашено, что уже известно, необходимо и обязательно для всякого, кто дорожит думским представительством рабочего класса. Г. Белоусов уверяет: «мой выход из фракции ни на йоту не изменил направления моей политической и общественной деятельности». Это — пустые слова, повторяемые всеми ренегатами. Слова эти противоречат заявлению фракции. Мы верим с.-д. фракции, а не перебежчику. О «направлении» г. Белоусова нам, как и большинству марксистов, известно лишь одно: это было направление резко *ликвидаторское*. Г. Белоусов дошел в ликвидаторстве до того, что фракция окончательно «ликвидировала» его связь с социал-демократией. Тем лучше для нее, для рабочих, для рабочего дела.

А ухода из Думы г. Белоусова должны требовать не только все рабочие, но и все демократы.

«Звезда» № 17 (53), 26 (13) марта 1912 г.
Подпись: Т.

ГОЛОД.

Снова голод — как попрежнему, в старой России, до 1905 года. Неурожаи бывают везде, но *только* в России они ведут к отчаянным бедствиям, к голодовкам миллионов крестьян. А теперешнее бедствие, как вынуждены признать даже сторонники правительства и помещиков, превышает по размерам голод 1891 года.

Население в 30 миллионов человек пострадало в сильнейшей степени. Крестьяне за бесценок распродают наделы, скот и все, что только можно продавать. Продают девушек — возвращаются худшие времена рабства. Народное бедствие показывает сразу настоящую суть всего нашего якобы «цивилизованного» общественного строя: в других формах, в другой оболочке, при иной «культуре» этот строй есть *старое рабство*, рабство миллионов трудящихся ради богатства, роскоши, тунеядства «верхних» десяти тысяч. Каторжная работа, как всегда у рабов, и полная беззаботность богачей насчет судьбы рабов: прежде прямо морили голодом рабов, прямо брали женщин в гаремы барина, прямо подвергали рабов истязаниям. Теперь крестьян ограбили — посредством всех ухищрений, завоеваний и прогрессов цивилизации — ограбили так, что они пухнут от голода, едят лебеду, едят комья грязи вместо хлеба, болеют цынгой и умирают в мучениях. А русские помещики, с Николаем II во главе, и русские капиталисты загребают деньги миллионами: владельцы увеселительных заведений в столицах говорят, что давно они так бойко не торговали. Давно не было такой наглой, разнузданной выставки роскоши, как теперь в больших городах.

Почему в России и только в России сохранились еще эти средневековые голодовки рядом с новейшим прогрессом цивилизации? Потому, что новый вампир — капитал — надвигается на русских крестьян при таких условиях, когда крестьяне связаны по рукам и ногам крепостниками-помещиками, крепостническим, помещичьим, царским самодержавием. Ограбленные помещиками, задавленные произволом чиновников, опутанные сетями полицейских запретов, придирок и насилий, связанные новейшей охраной

стражников, попов, земских начальников, крестьяне так же беззащитны против стихийных бедствий и против капитала, как дикари Африки. Только в диких странах и можно встретить теперь такое повальное вымирание от голода, как в России XX века.

Но голод в современной России, после стольких хвастливых речей царского правительства о благе нового землеустройства, о прогрессе хуторского хозяйства и т. д., не пройдет без того, чтобы многому *научить* крестьян. Голод погубит миллионы жизней, но он погубит также остатки дикой, варварской, рабьей веры в царя, мешающей понять необходимость и неизбежность революционной борьбы против царской монархии, против помещиков. Только в уничтожении помещичьего землевладения могут найти крестьяне выход. Только в свержении царской монархии, этого оплота помещиков, лежит выход к сколько-нибудь человеческой жизни, к избавлению от голодовок, от беспросветной нищеты.

Разъяснять это — долг каждого сознательного рабочего, долг каждого сознательного крестьянина. Это — наша главная задача в связи с голодом. Организовать, где можно, сборы от рабочих в пользу голодающих крестьян и пересылать эти деньги через с.-д. депутатов — это, разумеется, тоже одно из необходимых дел.

«Рабочая Газета» № 8, 30 (17) марта 1912 г.

КРЕСТЬЯНСТВО И ВЫБОРЫ В IV ДУМУ.

Правительство начало уже «готовиться» к выборам в IV Думу. Стараются земские начальники, подгоняемые циркулярами от губернаторов и министра, усердствуют становые и черносотенцы, из кожи лезут «батюшки», которым велено хлопотать из всех сил за «правые» партии. Крестьянам также пора подумать о выборах.

Для крестьян выборы имеют особенно важное значение, а положение крестьян на выборах очень трудное. У крестьянства всего слабее политическая организованность — и по сравнению с рабочими и по сравнению с либеральной, кадетской партией. А без политической организации крестьяне, будучи из всех слоев населения наиболее раздробленными по условиям своей жизни, совершенно не в состоянии дать отпор помещикам и чиновникам, которые и давят теперь крестьян, надругаются над ними так, как никогда прежде. Группа крестьянских депутатов в IV Думе, действительно преданных крестьянскому делу, сознательных и способных отстаивать по всем вопросам интересы крестьянства, политически организованных и неуклонно работающих над расширением и упрочением связей с крестьянами на местах, такая группа могла бы принести громадную пользу делу сплочения крестьянских масс в их борьбе за волю и за жизнь.

Возможно ли образование такой группы в IV Думе? В III Думе была группа *трудовиков* в 14 человек, которая отстаивала интересы крестьянской демократии, — к сожалению, слишком часто становясь при этом в зависимость от либералов, кадетов, которые водят крестьян за нос, обманывая призраком «мира» крестьян с помещиками и с помещичьей царской монархией. Кроме того, известно, что даже «*правые*» крестьяне в III Думе по вопросу о земле выступают более демократически, чем кадеты. Земельный проект 43-х третьедумских крестьянских депутатов свидетельствует об этом неопровержимо, а недавнее «выступление» Пуришкевича против правых депутатов крестьян показывает, что черносотенцы имеют основание быть вообще недовольными «правыми» крестьянами депутатами.

Итак, по настроению своему крестьянство — получившее за время III Думы жестокие *уроки* и от новой земельной политики, от «землерасстройства», и от величайшего бедствия: голода — крестьянство вполне способно дать *демократических* представителей в IV Думу. Вся загвоздка в избирательном законе! Составленный помещиками в пользу помещиков и утвержденный помещичьим царем, закон этот предоставляет выбор депутата в Думу от крестьян *не крестьянским выборщикам, а помещикам.* Кого хотят помещики, того они и выберут в Думу от крестьян из числа крестьянских выборщиков! Ясно, что помещики всегда будут выбирать черносотенных крестьян.

Значит, чтобы провести *своих* депутатов в Думу, действительно надежных и стойких защитников крестьянских интересов, у крестьян есть *только одно средство.* Это средство — сделать так, как сделали рабочие, т.-е. не пропускать в выборщики ни одного человека, кроме партийных, сознательных, вполне преданных крестьянству и надежных людей.

Рабочая Социал-Демократическая Партия постановила на своей конференции: рабочие уже на собрании *уполномоченных* (выбирающих выборщиков) должны постановлять, *кто именно* должен быть выбран от рабочих в Думу. Все остальные выборщики должны отказываться, *под угрозой бойкота и суда за измену.*

Пусть крестьяне делают то же самое. Немедленно надо начать подготовку к выборам, разъясняя крестьянам их положение, сплачивая всюду, где возможно, по деревням хотя бы самые небольшие группки сознательных крестьян для руководства выборами. На собрании своих *уполномоченных,* прежде, чем выбирать выборщиков, крестьяне должны постановлять, *кто именно* от крестьян должен пройти в Думу, требуя от всех остальных крестьянских выборщиков, под угрозой бойкота и суда за измену, чтобы они не принимали помещичьих предложений, чтобы они обязательно *отказывались* в пользу *крестьянского* кандидата.

Все сознательные рабочие, все социал-демократы, все истинные демократы должны придти на помощь крестьянству в деле выборов в IV Думу. Пусть тяжелые уроки голода и грабежа крестьянских земель не пропадут даром. Пусть усилится и окрепнет группа преданных крестьянству, действительно демократических крестьянских депутатов в IV Думе.

«Рабочая Газета» № 8, 30 (17) марта 1912 г.

АНОНИМ ИЗ «VORWÄRTS'А» И ПОЛОЖЕНИЕ ДЕЛ В Р.С.-Д.Р.П. [180])

Написано в марте 1912 г.
Напечатано на немецком языке в 1912 г. в Париже отдельной брошюрой
Подпись: Редакция Ц.о. Р.С.-Д.Р.П. «Социал-Демократ»

Перевод с немецкого

Sozialdemokratische Arbeiterpartei Russlands.

Proletarier aller Länder, vereinigt euch!

Der Anonymus aus dem Vorwærts und die Sachlage in der Sozialdemokratischen Arbeiterpartei Russlands.

VORWORT.

Im « Vorwärts » vom 26 März erschien eine offizielle Mitteilung von der Konferenz der Sozialdemokratischen Arbeiter-Partei Russlands und ein anonymer Artikel, in dem der Verfasser, einer Resolution von Auslandsgruppen russischer Sozialdemokraten folgend, diese Konferenz mit einer Flut von Schmähworten überhäuft. Diese Konferenz bildete den Abschluss des vierjährigen Kampfes der Sozialdemokratischen Arbeitepartei Russlands mit den Liquidatoren. Diese Konferenz kam zu stande trotz allen Quertreibereien der Liquidatoren, die die Wiederherstellung der Partei um jeden Preis verhindern wollten. Sie erklärte die Liquidatoren als ausserhalb der Partei stehend. Es ist nur zu natürlich, dass die Liquidatoren und alle, die zu ihnen halten, jetzt über die Konferenz herfallen.

Da der Vorwärts sich weigert, unserer Erwiderung auf den lügenhaften Schmähartikel des Anonymus Raum zu geben, und seine Campagne zugunsten der

Первая страница брошюры: «Der Anonymus aus dem Vorwärts und die Sachlage in der Sozialdemokratischen Arbeiterpartei Russlands» — 1912 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

В «Vorwärts'e» от 26 марта появились официальное сообщение о конференции Р. С.-Д. Р. П. и анонимная статья, где автор, следуя примеру резолюции заграничных групп русских социал-демократов [181]), осыпает конференцию бранью. Конференция эта явилась завершением четырехлетней борьбы Р. С.-Д. Р. П. с ликвидаторами и состоялась, несмотря на все интриги ликвидаторов, которые хотели во что бы то ни стало помешать восстановлению партии. Конференция объявила ликвидаторов вне партии. Естественно, что ликвидаторы и все к ним примыкающие нападают теперь на конференцию.

Так как «Vorwärts» отказывается дать место нашему ответу на лживую статью анонима и продолжает свою кампанию в духе ликвидаторов, то мы выпускаем этот ответ для информации немецких товарищей в виде отдельной брошюры.

Она посвящена, главным образом, краткому изложению значения, хода и результатов борьбы с ликвидаторами.

Редакция Ц. О. Р. С.-Д. Р. П. «Социал-Демократ».

P. S. Наша брошюра была уже сдана в печать, когда появился № 16 плехановского «Дневника Социал-Демократа» [182]) (апрель 1912 г.). Этот № дает лучшее доказательство того, что «Vorwärts» был обманут анонимом и с своей стороны вводил в заблуждение немецких рабочих.

Плеханов, определенно заявляя, что он не является сторонником состоявшейся в январе 1912 г. конференции, утверждает прямо, что Бунд созывает не обычную конференцию *существующих* партийных организаций, но «*учредительную*», т.-е. такую, которая должна основать новую партию; что организаторы этой конференции кладут в основу «*типично-анархический принцип*»; что они приняли «ликвидаторскую резолюцию»; что эта новая конференция «созывается ликвидаторами».

С поразительной наивностью некоторые немецкие товарищи приняли всерьез все страшные слова вроде: «узурпация», «государственный переворот» и т. д., которые пускают в ход заграничные группки русской социал-демократии, набрасываясь на конференцию русских организаций Р. С.-Д. Р. П. И однако нельзя забыть поговорки, что всякий осужденный вправе в продолжение 24 часов ругать своих судей.

В статье «Vorwärts'a» от 26 марта, озаглавленной: «Из жизни русской партии», приведено официальное сообщение конференции, которое говорит об исключении ликвидаторов из партии. Дело — ясно вполне: русские организации Р. С.-Д. Р. П. стали на ту точку зрения, что совместная работа с ликвидаторами невозможна. Можно, конечно, в этом вопросе держаться другого взгляда, но тогда следовало бы несколько более подробно коснуться оснований такого вывода и всей истории четырехлетней борьбы с ликвидаторством! А между тем автор анонимной статьи в «Vorwärts'e» не говорит ни слова по существу об *этом основном вопросе*. Конечно, это свидетельствует об очень слабом уважении к читателям, если существо дела обходят молчанием и только отводят себе душу напыщенными мелодраматическими декламациями. Как же беспомощен наш аноним, когда факту разрыва между партией и ликвидаторством он ничего не может противопоставить, кроме ругани!

Достаточно из статьи неизвестного автора взять на удачу несколько курьёзов. Он говорит, что в конференции не приняли участия «течения» или «группы»: «Вперед», «Правда», «Голос Социал-Демократа» и т. д. Что можно было бы сказать о немецком социал-демократе, который стал бы сокрушаться, что на партейтаге не были представлены «группа» или «течение Фридберга» или «Sozialistische Monatshefte»? И мы в своей партии также держимся мнения, что в конференции принимают участие организации, действующие в России, а не всякие заграничные «течения» или «группы». Если эти «группы» расходятся с русскими организациями, то уже в одном этом и заключается их самое сильное осуждение, их смертный приговор, которого они с полным правом заслужили. История русской эмиграции — как и эмиграций всех других стран — изобилует случаями, когда такие «фракции» или «группы», оторвавшись от работы социал-демократических рабочих в России, умирали естественной смертью.

Не смешны ли крики нашего автора, что меньшевики-партийцы (т.-е. антиликвидаторы), участвовавшие на Конференции, даже Плехановым были дезавуированы? Киевская организация могла бы, конечно, дезавуировать заграничных «плехановцев» (т.-е. сторонников Плеханова); но никакой отдельный литератор за границей не мог бы с своей стороны «дезавуировать» Киевскую организацию. Организации Петербургская, Московская, Московская окружная, Казанская, Саратовская, Тифлисская, Бакинская, Николаевская, Киевская, Екатеринославская, Виленская и Двинская «дезавуировали» все заграничные группки, которые помогали ликвидаторам или заигрывали с ними. Тут крики и брань «дезавуированных» вряд ли могут что-нибудь изменить.

Далее, не курьезно ли, когда автор заявляет прямо, что «национальные» социал-демократические организации в России (Польская, Латышская, Бунд) и Закавказский Областной Комитет представляют «старейшие, самые сильные организации нашей русской партии, образующие, собственно, спинной хребет движения»? Проблематичность существования Закавказского Областного Комитета известна каждому и доказывается характером его представительства на конференции 1908 г. Поляки и латыши в первые 9 лет существования Р. С.-Д. Р. П. (1898 — 1907 г.г.) вели совершенно обособленную от нее жизнь; — фактически и в 1907 — 1911 г.г. никакой связи с ними не было. Бунд в 1903 г. вышел из Партии и до 1906 (точнее 1907 г.) стоял вне ее. Объединения его с партией полностью и до настоящего времени не произошло, как официально установлено конференцией Р. С.-Д. Р. П. 1908 г. [183]). Внутри Латышской организации и Бунда брали верх то ликвидаторские, то антиликвидаторские течения. Что касается поляков, то в 1903 г. они были на стороне меньшевиков, в 1905 г.—на стороне большевиков, в 1912 г. они сделали неудачную попытку «примирения» с *ликвидаторами.*

Эту последнюю неудачу автор стыдливо старается прикрыть следующей фразой: «В начале принимал участие на этой конференции также представитель социал-демократии Польши и Литвы». Почему же только *в начале?* Стоит только прочесть официальное сообщение Бунда об этой конференции, чтобы найти там объяснение этого стыдливого умолчания. Именно там написано черным по белому: представитель от поляков покинул конференцию и внес письменное объяснение, почему для него стало невозможно сотрудничество с конференцией: там обнаружились дух пристрастия и уклон к *ликвидаторам.*

Конечно, нагромождать пустые, ничего не говорящие фразы о «единстве» (с ликвидаторами?), как любит это делать автор, значительно легче, чем изучить истинную сущность направления ликвидаторов, их отказ содействовать восстановлению партии, их работу по разрушению Ц. К. Партии. И еще легче будет

говорить пустые фразы, если при этом замалчивать такой факт, как отказ представителя поляков, от совместной работы — не с большевиками или ленинцами, боже упаси! — а с бундовцами и латышами, потому что такая работа бесплодна.

Но каково же собственно происхождение ликвидаторства, и почему конференция 1912 г. вынуждена была конституироваться, как высший партийный орган, и исключить ликвидаторов?

Контр-революция в России внесла сильное разложение в ряды нашей партии. На пролетариат обрушились неслыханные, бешеные репрессии. В рядах буржуазии ренегатство приняло широкие размеры. Буржуазные попутчики, которые естественно примкнули к пролетариату, как к гегемону нашей буржуазной революции в 1905 г., начали поворачиваться спиной к Социал-Демократической Партии. Этот отход происходил в двух направлениях: *ликвидаторства* и *отзовизма*. Ядро первого создалось из большинства меньшевистских литераторов (Потресов, Левицкий, Ларин, Мартов, Дан, Мартынов и др.). Они объявили нелегальную партию уже ликвидированной и всякую попытку ее восстановления — реакционной утопией. Их лозунг был — открытая рабочая партия. Само собою разумеется, что при политических условиях в России, где даже партия либералов — кадетская — не легализована, образование открытой С.-Д. Р. П. должно остаться одним лишь невинным пожеланием. Ликвидаторы стряхнули с себя нелегальную партию, но и не выполнили обязательства основать легальную. И в конце концов все дело свелось к тому, что в легальных органах насмехались над «подпольем», хоронили его в унисон с либералами и превозносили идеи либеральной рабочей политики. Ведь совершенно же правильно сравнивал Плеханов ликвидаторскую «Нашу Зарю» с германским «Sozialistische Monatshefte»! Меньшевик Плеханов (о большевиках, само собою разумеется, нечего и говорить) объявил ликвидаторству беспощадную борьбу, отказался от сотрудничества во всех их литературных органах и порвал с Мартовым и Аксельродом. «Человек, для которого наша партия не существует, — писал Плеханов в партийном Ц. О. про Потресова, — сам не существует для нее». Еще в декабре 1908 г. партийная конференция решительно осудила ликвидаторство, которое она характеризовала, как «попытки со стороны некоторой части партийной интеллигенции ликвидировать существующую организацию Р. С.-Д. Р. П. и заменить ее (хорошенько заметьте это!) бесформенным объединением в рамках *легальности во что бы то ни стало*». Само собою разумеется, что необходимость для Р. С.-Д. Р. П. использовать все легальные возможности не только не отвергалась, но, наоборот, отстаивалась самым решительным образом. Однако, открытая легальная *партия* в России — невозможна, и только оппортунисты-интеллигенты могли говорить о чем-либо

подобном. Тип нашей партийной организации можно — конечно, лишь приблизительно — сравнить с немецкой во время исключительного закона против социалистов: легальная парламентская фракция, всевозможные легальные рабочие общества, как необходимое условие, — и все-таки *нелегальная партийная организация*, — как основа.

«Отзовисты» хотели отозвать социал-демократическую фракцию из III Гос. Думы, выдвинув в качестве лозунга бойкот этой последней. К отзовистам примкнула часть большевиков, которой Ленин, Зиновьев, Каменев и др. объявили беспощадную войну. Отзовисты и их защитники образовали группу «Вперед», литераторы которой (Максимов, Луначарский, Богданов, Алексинский) проповедывали различные формы идеалистической философии — под громким названием «пролетарской философии» — и объединение *религии* и социализма. Влияние этой группы всегда было очень незначительно, и она влачила свое существование исключительно благодаря соглашательству с всевозможными оторвавшимися от России и бессильными заграничными группами. Подобного рода группы, неизбежные при всяком расколе, колеблются то туда, то сюда, занимаются политиканством, но не представляют никакого направления, и их деятельность проявляется прежде всего в мелких интригах: к таким группам принадлежит также и «Правда» Троцкого.

Для всякого марксиста, конечно, ясно, что как ликвидаторство, так и отзовизм, это — мелко-буржуазные течения, привлекающие к себе буржуазных попутчиков Социал-Демократической Партии. «Мир» или «примирение» с этими *течениями* заранее исключается. Социал-Демократическая Партия должна или сама погибнуть, или совершенно избавиться от этих течений.

Правильность такого теоретического вывода доказал опыт примирительной попытки в январе 1910 г., когда последний Пленум Ц. К. *единогласно, при участии ликвидаторов и отзовистов*, провозгласил тезис, что как то, так и другое течение — *не социал-демократичны*. Но далее чисто словесного признания этого вывода дело не пошло: как ликвидаторы, так и отзовисты, правда, «подписали» соответствующую резолюцию, но продолжали изо всех сил вести свою антипартийную пропаганду и сохранили свою особую организацию. В течение всего 1910 г. наблюдалось *непрерывно возраставшее обострение* борьбы с обоими течениями. Цитированные выше слова Плеханова датированы мартом 1910 г., а в мае Ленин от имени всех большевиков заявил, что, после нарушения ликвидаторами январской резолюции, о примирении с ними не может быть и речи *).

---

*) См. XIV том Сочинений, ст. «Заметки публициста. «Объединительный кризис» в нашей партии». *Ред.*

Попытка восстановить Ц. К. в России потерпела неудачу из-за отказа ликвидаторов этому содействовать. В качестве последнего средства для спасения «единства» ничего не оставалось кроме созыва Ц. К. за границей. Эта попытка была сделана в мае 1911 года. Из 15 членов Ц. К. — 9 находились заграницей, *8* явились на заседание... и *2 ликвидатора* — «голосовец» (сторонник «Голоса») Игорев и бундовец (Бер) — тотчас же покинули его, и таким образом окончательно разрушили Ц. К. партии.

Отказ ликвидаторов принять участие в Ц. К. означал их полный отход и распад Ц. К. За границей оставалось тогда еще одно центральное учреждение — так наз. З. Б. Ц. К. Большевики ушли из него, когда распался Ц. К. Там остались поляки, латыши, бундовцы и «голосовцы» (= заграничные ликвидаторы), т.-е. — как может убедиться читатель, знающий статью в «Vorwärts'е» — тот же самый состав, как и состав знаменитой конференции Бунда, так как Закавказский Областной Комитет еще в 1908 г. передал свои мандаты «голосовцам». Но посмотрим же теперь, что сделали эти — как гласит новейшее открытие нашего анонима — «старейшие» и самые крепкие русские организации. Они, *оказалось, не в состоянии были объединиться и сами распустили Заграничное Бюро!* Уже осенью 1911 г. З.Б.Ц.К. опубликовало заявление, что оно распускает себя, и Плеханов посвятил ему в своем «Дневнике» следующие прощальные строки: «Вечная память! Это партийное учреждение, сделавшееся орудием в руках господ, стремившихся ликвидировать партию, и потому грозившее нанести большой вред делу российской социал-демократии, могло оказать революционному пролетариату только *одну* услугу: умереть». («Дневник Социал-Демократа», 2. Приложение к № 15, стр. 1.) Такая оценка, данная Плехановым, про которого никак нельзя сказать, что он — сторонник конференции, достаточно показывает, как смешно притворство тех, кто кричит об «узурпации» и подобных вещах!

Оставался открытым еще *один* путь, чтобы осуществить единство партии, — созыв конференции *русских* организаций. Национальные организации (поляки, латыши, бундовцы), при полном их отрыве от русской работы, решительно ничего не могли сделать для этой конференции.

26 ноября 1910 г. появилось воззвание Троцкого о созыве конференции. Его поддержали (словами) «впередовцы» и «голосовцы» (= заграничные ликвидаторы). Но, как это можно было предвидеть, благодаря бессилию этих групп, все их старания не дали решительно никаких результатов.

В июне 1911 г. появилось воззвание со стороны большевиков, «примиренцев» (иначе «большевиков-партийцев») и поляков. Работа началась с приглашения наиболее сильной тогда органи-

зации — *Киевской.* В октябре 1911 г. возникла «Российская (т.-е. работающая в России, созданная русскими организациями) Организационная Комиссия». Эта комиссия была делом организаций Киевской, Екатеринославской, Тифлисской, Бакинской и Екатеринбургской, к которым скоро примкнуло еще 20 организаций [131]). Привлечение представителей *русских* организаций *сразу* же обнаружило решительный перевес большевиков (так наз. «ленинцев») и меньшевиков-партийцев. Inde ira *) заграничных групп, которые были «дезавуированы», потому что у них не оказалось сторонников в России.

В январе 1912 г. Росс. Орг. Ком. собрала, наконец, конференцию, на которую были приглашены *все* без исключения русские организации. Не явились как ликвидаторы, так и «националы» (поляки, латыши, Бунд) и все колеблющиеся заграничные группки. После того, как конференция убедилась, что *русские* организации были представлены с максимальной в условиях неслыханно тяжелого положения партии полнотой, после того, как она констатировала, что партия без центрального органа в России — погибнет, а за границей продолжается раскол, и что предстоящие выборы в IV Думу требуют неотложного восстановления партии, она конституировала себя в качестве *высшего партийного органа* и выбрала Ц. К., объявив ликвидаторов — вне партии.

Таков ход и исход долголетней борьбы. Удастся ли ликвидаторам создать «открытую» партию, или они состряпают фиктивную партию на основе какого-нибудь гнилого компромисса, — ответ на это принесет будущее.

Существуют ли ясные, доступные проверке данные о силе ликвидаторов и партийцев, — сторонников конференции, в *самой* России? Да. В России существуют *два* — и только два — политических всероссийских органа, где сотрудничают литераторы-марксисты и члены думской фракции. Эти органы представляют «течения», но не так, как заграничные листки, наполненные бранью, а в открытой, серьезной работе печати в течение ряда лет. Конечно, это — не партийные органы; они строго легальны и держатся рамок, установленных существующим в России режимом. Однако *все* важнейшие оттенки теоретической мысли социал-демократии находят там в общем и целом безусловно правильную передачу. Кроме *двух* «течений» — ликвидаторства и антиликвидаторства (сторонников конференции) — никакие другие не представлены, так как никакого другого сколько-нибудь серьезного «течения» *вовсе не существует.* Все эти группки — вроде «Правды», «Вперед», «большевиков-партийцев» (или «примиренцев», примиренчески настроенных) и т. д. —

*) — отсюда гнев. *Ред.*

равны нулю. Взгляды ликвидаторов находят в России выражение в ежемесячнике: «Наша Заря» (существует с 1910 г.) и в еженедельнике: «Живое Дело» (последний № 8). Взгляды партийцев (большевики и меньшевики-партийцы) — в ежемесячнике «Просвещение» (существует с 1911 г. — прежде «Мысль») и в газете «Звезда» (последний № 53). Нет ничего ошибочнее взгляда, будто партийцы социал-демократы отвергают «легальную» работу: наоборот, они *и в этой работе* сильнее ликвидаторов. Единственно бесспорная, всероссийская открытая организация легальных социал-демократов — социал-демократическая думская фракция. Она строго легальна и не имеет никаких прямых отношений к партии. Но все ее члены — известны, и известно также, какое направление каждый из них представляет.

В ликвидаторском «Живом Деле» фигурируют в качестве постоянных сотрудников *два* члена думской фракции — Астраханцев и Кузнецов *). В антиликвидаторской «Звезде» находим 8 членов Думы: Воронина, Войлошникова, Егорова, Захарова, Покровского, Предкальна, Полетаева и Суркова. Два думских депутата, Чхеидзе и Гегечкори, не сотрудничают ни там, ни здесь. Один (Шурканов) — сотрудник обоих органов.

Мы видим отношение: 2 к 8! Это действительно бесспорные, доступные проверке, ясные данные, чтобы судить о соотношении сил ликвидаторов и антиликвидаторов. При таких условиях не стоит труда терять еще слова на хвастливое утверждение неизвестного автора, будто подавляющее большинство за ликвидаторов и т. д. Эти фразы à la Тартарен из Тараскона [185]) чересчур напоминают о Троцком **), чтобы можно было всерьез дискутировать об этом.

Борьба внутри Р. С.-Д. Р. П. принимает подчас очень ожесточенные формы. Иначе и не может быть в условиях эмигрантской жизни, иначе не бывало ни в какой другой стране, обреченной на контр-революцию и эмигрантщину.

«Осуждать» эти формы борьбы в высокопарных фразах, отмахиваться от них, довольствоваться филистерски-елейными рассуждениями о «пользе единства» — свидетельствует только о легкомыслии. У кого есть серьезное намерение изучить историю Р. С.-Д. Р. П. в тяжелые 1908—1911 г.г., у того имеется в рас-

---

*) Недавно был еще третий — Белоусов. Теперь этот крайний ликвидатор — русский Биссолати! — вышел из думской фракции. Она публично предостерегает всех избирателей и требует его ухода из Думы. Маленький пример того, как далеко может повести иногда последовательное ликвидаторство!

**) Во время Копенгагенского Конгресса Троцкий опубликовал в «Vorwärts'e» анонимную статью, полную таких безобразных выпадов против Р. С.-Д. Р. П., что не только Ленин, но и Плеханов и Варский, члены русской делегации, были вынуждены послать Правлению письменный протест.

поряжении большое количество нелегальной и еще большее — легальной литературы. Она содержит поучительнейший материал о характере течений, о принципиальном значении разногласий, о корнях борьбы, обстоятельствах и условиях ее развития и т. д.

Никакая Социал-Демократическая Партия в мире не создавалась — особенно в эпоху буржуазных революций — без тяжелой борьбы и ряда расколов с буржуазными попутчиками пролетариата. В тяжелой борьбе против таких попутчиков складывается с 1898 г., растет, крепнет и закаляется, вопреки всем препятствиям, точно так же и Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

ПИСЬМО СЕКРЕТАРЮ МЕЖДУНАРОДНОГО СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО БЮРО ГЮИСМАНСУ [186].

Дорогой товарищ!

В связи с резолюцией, принятой некоторыми заграничными группами и членами редакции двух, также заграничных, газет, приписывающими себе принадлежность к Р. С.-Д. Р. П., я, представитель Ц. К. Р. С.-Д. Р. П., заявляю следующее:

1) В то время как в течение нескольких лет не удавалось ни созвать конференции российских организаций, ни создать или восстановить Ц. К., который мог бы объединить эти организации, теперь только что закончившаяся партийная конференция сумела объединить 22 партийные организации, ведущие работу в России.

Все доклады об этой конференции, заслушанные уже большинством российских партийных организаций, встретили повсюду горячее сочувствие, и все эти организации заявили, что они окажут поддержку избранному конференцией центральному комитету, а в номере «Рабочей Газеты» (орган Ц. К. партии) от 30 марта 1912 г. мы смогли уже опубликовать ряд резолюций, принятых организациями в Петербурге (Василеостровский район), Москве, Киеве, Самаре, Николаеве, резолюций, выражающих горячее сочувствие конференции и обещающих поддержку ей и Центральному Комитету. (После выхода в свет этого номера мы получили еще подобную резолюцию из Тифлиса.) Мы не можем, таким образом, придавать ни малейшего значения протестам мелких заграничных групп, которые ни на какие партийные организации в России не опираются.

2) Эта конференция членов партии, работающих в России, вызвавшая протест всех этих мелких заграничных групп, специально занималась вопросом о дезорганизаторской деятельности заграничных групп и о расстройстве, которое эти группы часто вносят в партийную работу в России. Эти группы, не связан-

ные ни с какой действующей в России организацией, пользуясь своею полной безответственностью, позволяют себе говорить от имени партии. Эта болезнь, давно уже разъедающая нашу партию, является следствием политического режима России, который, с одной стороны, осуждает нашу партию на подпольное существование, а с другой — вынуждает большое количество партийных работников эмигрировать и оставаться за границей.

Конференция строго осудила дезорганизаторскую деятельность этих групп, которые все являются заграничными и совершенно безответственны. Для партии не представляются неожиданными все те нападки, при помощи которых эти группы пытаются дискредитировать конференцию, осудившую их поведение.

3) Среди подписавших резолюцию мы встречаем группу «Голоса Социал-Демократа». Эта подпись говорит нам очень многое и объясняет нам истинный смысл всей этой враждебной кампании, поднятой против конференции ликвидаторской печатью и буржуазной прессой в России и даже некоторыми органами заграничной печати.

Дело в том, что в резолюции, подводящей итог борьбе различных течений в нашей партии за последние четыре года, конференция решительно высказалась против течения, представляемого «Голосом Социал-Демократа». Для наиболее полного освещения этого вопроса, я считаю полезным привести здесь эту резолюцию.

Вот полный текст ее *).

4) После всего этого совершенно ясно, что здесь дело вовсе не в «узурпации», не в «расколе» и т. д. и вовсе не в этом причина озлобления ликвидаторов. Конференция Р.С.-Д.Р.П. высказалась против течения, которое на самом деле давно уже совершенно порвало со всякой партийной работой, которое всеми силами противилось восстановлению Ц.К. и превращало последнее сохранявшееся еще партийное учреждение (Заграничное Бюро Ц.К.) в «орудие в руках господ, стремившихся ликвидировать партию» (слова тов. Плеханова, не являющегося сторонником конференции).

5) Что же касается национальных с.-д. организаций, я должен констатировать, что Р.С.-Д.Р.П. существовала в качестве Р.С.-Д.Р.П. до 1906 г. (или вернее 1907 г.), до того времени, когда национальные организации вошли в нашу партию (Бунд вышел из партии в 1903 г. и до 1906 г. (точнее 1907 г.) стоял вне ее). Следовательно, их отсутствие на конференции

*) См. настоящий том, стр. 388 — 391. *Ред.*

возлагает обязанность на Ц. К. завязать переговоры с национальными организациями для восстановления с ними нормальных отношений.

Написано в начале апреля 1912 г.
Напечатано в 1912 г. в циркуляре № 7 Международного Социалистического Бюро.
Подпись: Н. Ленин.

Перевод с французского.

БЛОК КАДЕТОВ С ПРОГРЕССИСТАМИ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ.

Газеты сообщили уже несколько дней тому назад о состоявшемся в Москве 18-го марта совещании «беспартийных прогрессистов», с одной стороны, кадетов, с другой.

Официозная передовица в официозной «Речи» (от 21 марта) подтверждает факт совещания и дает ему оценку [187]. В этой оценке, при самом небольшом внимании, легко различить усердно прикрываемую суть дела и тот флер, который служит для соблюдения аппарансов.

Суть дела в том, что и прогрессисты и кадеты, будучи оппозиционными группами, «принадлежат к той части оппозиции, которая характеризуется названием «ответственной»». Так говорит «*Речь*». Кадеты не могут, следовательно, не признать, что внутри оппозиции имеются две «части»: одна, заслуживающая название «ответственной», другая — этого названия не заслуживающая. Это признание кадетов сразу подводит нас к центральному пункту вопроса.

Говоря об «ответственной» оппозиции, — которая еще чаще и еще лучше характеризуется знаменитыми «лондонскими» лозунгами Милюкова об оппозиции с родительным падежом, — кадеты отделяют этим себя и подобные им группы от демократии, т.-е. от трудовиков и от рабочих. На деле под «ответственной» оппозицией понимается либерально-монархический буржуазный центр, стоящий посередине между демократией, с одной стороны, и абсолютизмом вместе с крепостническим землевладением, с другой. Этот буржуазный либерально-монархический центр, который еще больше боится последовательной демократии, чем так называемой «реакции», очень давно появился на русской политической арене. Он пережил уже такую долгую и поучительную историю, что обманываться насчет его истинной сущности — а еще более отмалчиваться или отговариваться незнанием — было бы совершенно непозволительно.

*

Этот центр наметился вполне явственно в эпоху падения крепостного права. За тот почти полувековой промежуток, который отделяет ту эпоху от 1905 года, либерально-монархическая буржуазия и в земствах, и в городском представительстве, и в школе, и в печати выросла и сложилась в достаточно определенную величину. Кризис старого режима в 1905 году и открытое выступление всех классов в России окончательно оформили и партийно закрепили либерально-монархический буржуазный центр с его правым (октябристы) и левым (кадеты) флангом. Отделение этого центра от демократии было самое резкое и совершилось оно на всех поприщах общественной жизни, на всех «крутых поворотах» 1905—1907 годов, хотя не все демократы и даже не все рабочие демократы поняли сущность и значение этого отделения.

Российская буржуазия тысячами экономических нитей связана и с старым поместным землевладением, и с старой бюрократией. Кроме того, рабочий класс России показал себя достаточно самостоятельным и способным постоять за себя, — мало того: способным руководить демократией вопреки либерализму. Вот отчего буржуазия наша стала либерально-монархической и анти-демократической, противонародной. Вот отчего она больше боится демократии, чем реакции. Вот отчего она постоянно колеблется, лавирует, изменяет первой в пользу второй. Вот отчего она стала контр-революционной после пятого года и получила «местечко» в третьеиюньской системе. Если октябристы стали партией правительственной (с разрешения и под надзором Пуришкевичей), то кадеты стали *терпимой* оппозицией.

Решение кадетской конференции допустить блоки с «левыми» (не смейтесь!) октябристами и теперешнее «неформальное» объединение кадетов с «беспартийными прогрессистами», — все это лишь звенья одной длинной цепи, этапы концентрации либерально-монархического буржуазного центра.

Но оппозиция не может перед выборами не драпироваться в «демократические» одеяния. Кадет, готовясь уловлять голоса не только крупной и средней буржуазии, но и мелкой демократической буржуазии, приказчиков и т. д., вынужден подчеркивать, что он член «партии народной свободы», «конституционный *демократ*», не шутите! Кадетская партия, будучи на деле партией умеренного монархического либерализма, перед выборами и для выборов рядится в демократический наряд, набрасывает флер на свое сближение с «беспартийными прогрессистами» и «левыми» октябристами.

Отсюда — многочисленные ужимки и дипломатические ухищрения «Речи», ее велеречивые заявления, что «партия народной свободы не будет приспособляться к обстоятельствам» и т. д., и т. п. Разумеется, это только смешно. Вся история кадетской партии есть одна сплошная издевка над ее программой, одно сплошное «приспособление» к обстоятельствам в самом худшем

смысле слова. «При других политических условиях, когда партия народной свободы могла бы развернуть — пишет «*Речь*» — в законодательном учреждении всю свою программу, конечно, так называемые «прогрессисты» явились бы ее противниками, какими они и являлись в более острые моменты недавнего прошлого».

Что эпоха второй Думы была моментом более острым, — это едва ли станут оспаривать господа кадеты. Но не только прогрессисты, но и гораздо более правые элементы были тогда не противниками, а союзниками кадетов *против* демократии. А затем, в III Думе делались демократами заявления, идущие гораздо дальше какого бы то ни было пункта кадетской программы, — значит, партия к.-д. вполне «*могла бы развернуть всю свою программу*» даже в таком «*законодательном учреждении*», как III Дума! Если партия к.-д. этого не делала, то виной тут вовсе не «политические условия», — не говори: не могу, а говори: не хочу! — а полная отчужденность кадетов от демократии. Кадеты *вполне могли бы* развернуть всю свою программу, но *их* поворот вспять от демократии, *их* собственное *поправение* не позволяло им это сделать.

Рассуждения передовика «*Речи*» о блоке с прогрессистами — один из многих образчиков того, как легко водят за нос немногочисленных «левых» кадетов вожди этой партии вроде Милюкова и пр. Левых кадетов они кормят фразой, Колюбакиных они ублаготворяют парадными словечками о «демократизме», а на деле они целиком направляют свою политику в антидемократическом духе, в духе сближения и слияния с прогрессистами и левыми октябристами. «Разделение труда» у кадетов совершенно такое же, как у всех западно-европейских буржуазных парламентариев: перед народом пусть говорят о «свободе» Колюбакины и прочие «левые кадеты», а в парламенте, в деловой политике к.-д. партия идет вполне заодно с умереннейшими либералами.

«Новая группа — пишут ликвидаторы о прогрессистах — только закрепляет, только усиливает ту политическую бесформенность, ту политическую неразбериху, в которой пребывает буржуазный избиратель и *которая и обусловливает всю политическую беспомощность русской буржуазии*».

Политическая беспомощность русской буржуазии происходит вовсе не от «бесформенности» «буржуазного избирателя», — так могут думать только левокадетские иллюзионисты, — а от экономических условий, делающих буржуазию врагом рабочих и рабом Пуришкевичей, рабом, не идущим дальше воркотни и благопожеланий.

Левокадетские парламентарии, исходят ли они из идеалистической теории политики или из вульгарной боязни потерять голоса полевевшего и озлобленного Пуришкевичами избирателя, могут вести борьбу с официальной партией к.-д. такими доводами,

что-де пора образумиться, вспомнить про нашу программу, восстать против бесформенности, обывательщины, беспринципности и т. д., и т. д. в духе обычных буржуазно-демократических фраз.

Марксисты ведут борьбу с кадетами всех оттенков, исходя из материалистической теории политики, разъясняя классовые интересы всей буржуазии, толкающие ее к либерально-монархической программе, к сближению с прогрессистами и «левыми» октябристами. Нашим выводом, поэтому, будет не апелляция к кадетскому «разуму», кадетской «памяти», кадетским «принципам», а разъяснение народу, *почему* либерализм становится контр-революционным и рвет с демократией. Мы не будем восклицать: образумятся ли, наконец, кадеты, вспомнят ли они свою программу? Мы скажем: поймут ли, наконец, демократы всю глубину их различия от контр-революционных либералов — кадетов? Поймут ли наконец те, чьи экономические интересы не прикованы ни к поместному землевладению, ни к местечкам и доходам бюрократии, адвокатуры и т. п., что в интересах действительной народной свободы надо идти с рабочей демократией против правых и против партии к.-д.?

«Звезда» № 23 (59), 11 апреля (29 марта) 1912 г.
Подпись: Б. К.

ПЛОХАЯ ЗАЩИТА ЛИБЕРАЛЬНОЙ РАБОЧЕЙ ПОЛИТИКИ.

В № 8 «Живого Дела» Мартов отвечает мне на мою статью в № 11 «Звезды»: «Орган либеральной рабочей политики» *). Вопрос касается основной линии рабочих в избирательной кампании и потому заслуживает особого внимания.

Я назвал «Живое Дело» органом *либеральной* рабочей политики, обосновывая это следующим образом: 1) Лозунг Мартова и Дана о выбивании реакции из ее *думских* позиций, о вырывании *Думы* из рук реакции не демократический, а либеральный лозунг. Борьба с «реакцией» в России не только ограничивается вырыванием Думы из рук реакции, но и *не сосредоточивается* на этом. 2) Говоря о достижимости поставленной им цели, Мартов начал с подкрашивания нашего избирательного закона. Мартов заявил, что «в значительной части губернских собраний большинство выборщиков от землевладельцев и первой городской курии» обеспечено. Я напомнил факты: это большинство во *всех* губернских собраниях обеспечено — в 28 губ. из 53 большинство (в губ. собр.) за *одними* землевладельцами, и эти губернии посылают в Думу 255 депутатов из 440. 3) Говоря о выбивании реакции из ее думских позиций, Мартов забыл, что дальше *помещичьей* либеральной оппозиции передвинуть Думу *нельзя*. Лозунг Мартова и Дана есть лозунг вырывания *помещика* из рук реакции. 4) Говоря, что рабочие заинтересованы в переходе власти к «культурному буржуа», Мартов «забыл» упомянуть одну вещь. Именно: либералы заинтересованы в таком дележе власти с Пуришкевичами, чтобы «ни одного оружия» не досталось демократии! 5) Говоря, что кадеты, усиливаясь в Думе, «облегчают себе прохождение к власти», Мартов забыл опыт 1905—6 годов в России, 1789 и следующих во Франции, 1911 г. в Китае. Опыт этот говорит: власть лишь тогда переходит к либералу (или левее), когда побеждает демократия *вопреки* либералам. 6) Мартов признает

---

*) См. настоящий том, стр. 401 — 403. *Ред.*

марксизм, следовательно, лишь постольку, поскольку он приемлем для всякого образованного либерала.

Что отвечает Мартов по этим 6-ти пунктам? Ровно ничего. Абсолютное молчание. К чему было начинать полемику, если вы решили отмолчаться?

Обходя молчанием *все* мои доводы, Мартов пробует «поймать» меня на следующей моей фразе:

«Практическая задача на выборах у нас совсем не выбивание реакции из ее думских позиций, а усиление демократии вообще, рабочей в особенности. Эта задача иногда столкнется с «задачей» увеличить число либералов: нам важнее — и для пролетариата полезнее — пять лишних *) демократов, чем 50 лишних либералов.»

Приведя эту фразу, обрадованный Мартов (поймал-де «сторонника реакции»!) восклицает: «Приглашаю читателей вдуматься в эту фразу». От всей души поддерживаю это предложение *вдуматься.*

Мартов начинает вдумываться и — додумывается до такого силлогизма. Перебаллотировка теперь есть в законе повсюду. Значит, «*может быть лишь один случай*», когда мы, отталкивая 50 либералов, проводим 5 демократов. Это — «случай» *продажи* голосов демократов черносотенцам за места в Думе.

И Мартов ликует и прыгает на протяжении целой полусотни строк: вот-де сразил пособника черносотенцев, и притом, сразив Ф. Л-ко, «ранил» и В. Фрея, который-де «гнет в ту же сторону».

Очень уж наивными считает Мартов своих читателей! И как неосторожно было приглашать читателей *вдуматься* со стороны автора, который пишет, *не думая.*

Моя фраза, столь не понравившаяся Мартову, ставит для вдумывающихся людей *два* вопроса: 1) Действительно ли пять демократов в Думе полезнее рабочим, чем 50 либералов? 2) Может ли быть такой случай на практике, когда «столкнутся» эти задачи?

Первый вопрос вдумывающийся Мартов *совсем* обошел. Напрасно. Вы, гг. ликвидаторы, обходите сами политику, чтобы нас обвинять в пристрастии к арифметике. 50 либералов в Думе дадут народу груду *фальшиво демократических* речей, развращая этим народ, и *горстку* «реформ», которые, во-первых, ограничатся умывальниками, а, во-вторых, застрянут в Государственном Совете и так *далее.* Пять демократов дадут народу с думской трибуны ряд разъяснений истин *демократии* (а рабочие — также истин социализма). Что полезнее пролетариату?

---

*) В статье опечатка: сильных вместо лишних. Мартову нетрудно было бы заметить, что противополагать «сильных» демократов «лишним» (т.-е. добавочным) либералам нелепо. Но не в этом суть спора.

Второй вопрос. Прав ли Мартов, что задача провести 5 демократов («лишних» т.-е. в добавок к теперешним) *может столкнуться* с задачей провести 50 либералов *только* в указанном им случае? Ибо Мартов, после приглашения вдуматься, заявил прямо: «это может быть один лишь случай».

Если Мартов прав, тогда читатель должен обвинять меня, Ф. Л-ко, или в указании невозможного случая, или в тайном желании продать черносотенцам голоса демократов за места в Думе (по секрету добавлю: в тайном и *глупом* желании: Пуришкевич, покупающий голоса друзей Петрова 3 и Войлошникова *за* проведение Войлошникова в IV Думу,— чрезвычайно правдоподобно пишет «вдумывающийся» Мартов).

Если может быть иной случай столкновения обеих задач, тогда Мартов неправ.

Итак: возможен ли иной случай подобного столкновения? *Без всякого сомнения:* это — тот случай, когда *на перебаллотировке* демократы, не заключив соглашения с либералами, борются и против правых, и против либералов.

Только и всего *).

Вдумывающийся Мартов, как и все ликвидаторы, пленен идеей двух лагерей и не замечает борьбы третьего лагеря и против первого, и против второго!

Сейчас же вслед за моей фразой, так возмутившей Мартова, у меня сказано:

«Отсюда следующий вывод («отсюда», любезный Мартов!), которого не желает Мартов, хотя и признает, будто бы, что кадеты — либералы, а *не* демократы: 1) в 5 больших городах на перебаллотировках допустимы соглашения *только* с демократами против либералов; 2) при *всех* баллотировках и при *всех* соглашениях на второй стадии *в первую очередь* должны идти соглашения с демократами против либералов и лишь затем — с либералами против правых».

Мартов упомянул *только* второй пункт, заявив, что я говорю неправду, ибо Мартов с ним согласен (посмотрим, согласятся ли *все* ликвидаторы!), *о первом же пункте Мартов умолчал!*

Еще раз: либо отмалчиваться, либо полемизировать.

Перебаллотировка в 5 городах. Общая линия: с демократами *против* либералов. Соглашения с либералами *запрещены* (ибо опыт показал, что в *целом* здесь нет черносотенной опасности).

Вы *за* или *против* такого запрещения? Скажите прямо.

Далее. Каков *может* быть практический результат на этих

*) Мне приходит в голову одна «страшная» мысль: неужели вся статья Мартова построена на *незнании* того, что по нашему закону перебаллотировка есть новые выборы, а не борьба двух кандидатов? Тогда придется, прежде чем на выборах «бороться с реакцией», бороться с незнанием закона о выборах!

перебаллотировках? Голоса могут поделиться *почти* поровну между тремя лагерями. Решает относительное большинство. Возьмем простейший пример: из 100 голосов 33 у правых, 33 у либералов, 34 у демократов. Выбран демократ. Если одним голосом меньше у социал-демократа, одним больше у черного, может пройти черный!

Две линии рабочей политики: *либеральная* — больше всего бойся прохождения черного и потому отдай гегемонию без боя либералу! *Марксистская* — не давай себя запугивать либеральным крикам о черносотенной опасности и *смело* иди в «трехугольный» (по английскому выражению) бой. По общему правилу, черной опасности нет, а если, в виде исключения, когда пройдет черный, *то зато кое-где пройдет демократ!*..

Чтобы научиться плавать, надо лезть в воду. Такой борьбы, в которой бы заранее известны были все шансы, на свете не бывает. Если дать себя запугать либеральными криками о черносотенной опасности, то рабочие *никогда* не научатся вести «трехугольного» боя. Везде в мире лагерь реакции и лагерь либералов сплачивались раньше и организовывались (конечно, при помощи реакционных законов) лучше, чем рабочие. Везде в мире либералы твердят рабочим те именно речи, которые повторяет Мартов.

Нам осталось сделать еще один последний шаг, чтобы показать «вдумывающемуся» Мартову, какое значение имеет слово: думать.

На перебаллотировках в 5 городах соглашения с либералами запрещены. На других перебаллотировках они не запрещены. Значит ли это, что *всегда* они будут заключаться? Как будто бы не значит, а?

Если соглашения *нет*, не могут ли при *всякой* перебаллотировке голоса делиться почти поровну между тремя лагерями?

Как будто бы могут, ежели действительно «вдуматься»!

Отсюда вывод. Две линии рабочей политики.

Либеральная рабочая политика: страна левеет; «поэтому»... больше всего бойтесь черносотенной опасности; лозунг — выбивать реакцию из ее думских позиций; а из думских позиций могут выбить только либералы; поэтому, не «угрожать» либералам, не «вымогать» у них места — прилично ли «культурному» рабочему вымогательство у таких хороших людей, как либералы? — т.-е. идти на всякие уступки при соглашениях с либералами, чураясь «трехугольного» боя.

Марксистская рабочая политика: страна левеет; поэтому, не верьте либеральным россказням о черносотенной опасности; при соглашениях с либералами изо всех сил *угрожайте им и вымогайте* у них места в Думе; а чтобы ваши угрозы были серьезны, товарищи-рабочие, не бойтесь «трехугольного» боя; смело идите в такой бой, разоблачая перед народом контр-революцион-

ность либералов; конечно, не бывает боя без возможности поражения, — кое-где пройдет черный, *зато кое-где пройдет демократ;* лучше прибавка в Думе пяти демократов, чем 50-ти либералов; по общему правилу, черные не будут проходить, ибо Пуришкевичи слишком хорошо известны, и либералы *умышленно* запугивают народ черносотенной опасностью, чтобы обеспечить за собой гегемонию (хотя Маклаковы почти такие же черные) и отвратить от себя «левую» опасность.

Итог. Ни по одному из шести выдвинутых мною пунктов о либеральной рабочей политике он ничего не ответил. Вопрос о запрещении блоков с либералами в 5 городах он «сокрыл». О трехугольных выборах *на* перебаллотировках он — хотя и обещал вдуматься — не подумал. Зато два дела сделал: 1) либералов защитил от «угроз» и 2) друзей Войлошникова изобличил в заговоре с Пуришкевичем о продаже голосов Пуришкевичу *за* проведение Пуришкевичем в IV Думу Войлошниковых!!

«Звезда» № 24 (60), 14 (1) апреля 1912 г.
Подпись: Ф. Л-ко.

ПЕРЕБАЛЛОТИРОВКА В РОССИИ И ЗАДАЧИ РАБОЧЕГО КЛАССА.

Все чаще попадаются примеры того, насколько распространено заблуждение относительно перебаллотировок в нашем избирательном законе. Дан писал в № 1—2 «Нашей Зари», что наша тактика на перебаллотировках тождественна с западно-европейской. Мартов в № 8 «Живого Дела» прямо ссылался на «немецких рабочих», как образец для русских по вопросу о тактике во время перебаллотировок. Троцкий совсем недавно написал о перебаллотировках особую заметку, насквозь проникнутую той же ошибкой [188]).

Ошибка повторяется так часто, что невольно является мысль: не является ли в некоторых кругах «повальное тяготение» к фактической ошибке результатом *нежелания* понять задачи рабочей демократии в борьбе с кадетами?

В России, по закону 3 июня 1907 года, *нет* перебаллотировок немецкого типа, *нет* вообще «перебаллотировок» в точном смысле слова, а есть лишь дополнительные или новые выборы. У немцев при перебаллотировке происходит голосование только по вопросу о двух кандидатах, получивших наибольшее число голосов на первоначальных выборах. Голосование на перебаллотировке решает у немцев исключительно вопрос о том, кого из двух получивших наибольшее число кандидатов следует выбрать.

Ничего подобного у нас. На перебаллотировках, по нашему закону, допускается выставление какого угодно числа каких угодно кандидатов. Строго говоря, это не перебаллотировка, а новые выборы или перевыборы. Поэтому все ссылки на немецкий образчик сплошь неверны!

Основная статья нашего закона о перебаллотировках есть статья 106 «Положения о выборах». Она гласит: «Уполномоченными от предварительных съездов, а равно выборщиками от избирательных съездов признаются лица, за коих подано больше половины голосов участвующих в съезде»...

Здесь ясно выражено требование абсолютного большинства на первоначальных выборах. Далее, в той же статье говорится,

что если не получилось абсолютное большинство голосов, то «производятся дополнительные выборы недостающего числа выборщиков» (т.-е. всего числа за исключением выбранных абсолютным большинством).

Кто считается избранным на «дополнительных выборах»? «Избранными считаются — гласит конец той же статьи — получившие относительное большинство голосов».

То же самое говорится в законе 3 июня 1907 года относительно перебаллотировок при *прямых* выборах, т.-е. в городах Петербурге, Москве, Одессе, Киеве, Риге. Только вместо выражения «относительное большинство голосов» ст. 140-ая говорит о «наибольшем количестве голосов». Наконец, и при выборах членов Думы губернскими избирательными собраниями устанавливаются, равным образом, перебаллотировки, — если кандидаты не получили «больше половины голосов», т.-е. абсолютного большинства — при чем «избранными считаются получившие относительное большинство голосов» (ст. 350).

Итак: ничего подобного немецким перебаллотировкам наш избирательный закон не знает. Ничего ошибочнее ссылки на образчик, на поведение немецких рабочих, быть не может. В официальном издании «Положения о выборах в Гос. Думу», издание министерства внутренних дел, Спб., 1912 г., говорится в пункте 14-ом разъяснений к 106-ой статье: «К дополнительным выборам могут быть допущены и лица, не участвовавшие в первоначальных выборах». Очевидно, не только о новых избирателях, но и о новых кандидатах идет здесь речь. С точки зрения закона допустимо выставление на перебаллотировках такого кандидата, который на первоначальных выборах не выставлялся.

Спрашивается, какие политические выводы по отношению к избирательной тактике вытекают из этой особенности третьеиюньского положения о выборах?

Первый, основной и самый общий вывод следующий: наш закон оставляет *более широкое* поприще для избирательных соглашений на перебаллотировках, чем немецкий. В Германии речь может идти только о выборе *меньшего из зол:* другой задачи побежденные на первоначальных выборах ставить себе не могут (при чем побежденными надо считать тех, кто не попал в перебаллотировку). В России же, если на первоначальных выборах не оказалось победителя, то нет, строго говоря, и побежденных, ибо *всякий* может второй раз, в самых разнообразных соглашениях с теми или иными союзниками, испытать судьбу в новом сражении.

В частности в Германии рабочий кандидат не может на перебаллотировках использовать *для себя,* т.-е. непосредственно борьбы между правыми и оппозиционными буржуазными партиями: он может поддержать оппозицию либералов против правого,

если те и другие почти равносильны, но он не может *сам* победить в случае равносильности его либерального и его реакционного противника. В России это последнее возможно.

Отсюда второй вывод. Русский избирательный закон оставляет рабочей демократии на перебаллотировках *более широкое поприще для* борьбы *с либералами*, чем немецкий. В России, как и в большинстве западно-европейских стран, преобладают на выборах две фракции (или две группы партий) господствующих имущих классов: «консерваторы» и либералы, черносотенцы и «оппозиция». Рабочие борются *и* против той, *и* против другой. При этом отсталые слои народа, просыпаясь сначала к борьбе с феодализмом и абсолютизмом, не сознавая сначала задачи борьбы с капиталом, идут обыкновенно в течение довольно долгого времени за либералами. Рабочие партии, усиливая свое влияние, отвоевывают поэтому себе последователей нередко больше от либералов, чем от правых. Отсюда обычные лицемерные вопли «кадетов» *всех* стран, что-де рабочие партии играют на руку реакции, ослабляют «общую силу прогресса» и так далее, и тому подобное.

В Германии рабочий кандидат на перебаллотировке может вступить в бой с либералом только тогда, когда правые, будучи побеждены на первоначальных выборах, в перебаллотировку не попадают вовсе. В России рабочий кандидат на перебаллотировке может — а, следовательно, и должен вступить в бой с либералом *всегда, когда* правый получил на первоначальных выборах меньше голосов, чем либерал. Иначе говоря: на германских перебаллотировках рабочий может бороться с либералом только «один на один»; в России же и на перебаллотировках возможен «трехугольный бой», т.-е. такой, в котором участвуют и правые, и либералы, и рабочие кандидаты. На перебаллотировках, следовательно, в России может встретиться *больше* случаев, когда рабочие массы окажутся заинтересованными проведением своего кандидата.

Мы подошли к третьему выводу. В России, при современных политических делениях, на перебаллотировках открывается особенно широкое поприще так называемому *левому блоку* во всех тех куриях и на всех тех стадиях, где либералы сильнее черных (причисляя к черным, разумеется, всех правых, и националистов и октябристов, т.-е. все правительственные партии без исключения). Раз либералы оказались на первоначальных выборах сильнее черных, а рабочие кандидаты слабее либералов, то *обязательным* является — и с точки зрения политических задач организации демократии вообще, и с точки зрения проведения рабочих кандидатов в Думу — соединение рабочих с буржуазной демократией (народники, трудовики и т. п.) *против* либералов.

Часто ли будут встречаться такие случаи?

В губернских избирательных собраниях не очень часто; преобладать здесь будут, безусловно, такие случаи, когда либералы слабее черных и когда потребуется, следовательно, общеоппозиционный блок для провала черных.

В крестьянской курии политические разделения меньше всего определенны и оформленны; полицейский гнет здесь всего сильнее; необходимость для уполномоченного, для выборщика, даже для кандидата в Думу «прятать» свое настоящее «лицо» здесь особенно резка; рабочих кандидатов, в смысле партийной принадлежности, здесь немного. В этой курии политической задачей является, несомненно, организация демократии, борьба с влиянием и предрассудками либерально-монархической буржуазии. Относительно же перебаллотировок трудно сделать определенные выводы о частоте тех или иных случаев, даже о распространенности (фактической) перебаллотировок вообще.

В землевладельческой и первой городской курии роль демократии вообще, рабочей демократии в особенности, слишком ничтожна, чтобы о ней стоило говорить.

Остается вторая городская курия. Здесь не мало рабочих и близких к рабочим избирателей: приказчики, квартиронаниматели из рабочих, получатели пенсии и т. п. Здесь есть хоть что-либо похожее на политическую прессу и нечто вроде собраний. Одним словом, это — главное поприще перебаллотировок при участии самих избирателей. Как же обстоит здесь дело с партийной группировкой избирателей?

Довольно точный, хотя и косвенный, ответ на этот вопрос дают сведения о партийном составе выборщиков 2-ой городской курии в III Гос. Думу. По итогам кадетской «Речи» (1907 № 241), охватывающим по 51-ой губернии Европейской России 4.897 выборщиков из всего числа 5.161, — 533 выборщика второй городской курии распределялись по партиям следующим образом: к оппозиции принадлежат 405 (100 «левых», 209 к.-д. и 96 прогрессистов), к правым 101 (17 умеренных, 19 октябристов и 65 правых), 21 беспартийный и 6 неизвестно какой партии. Три главные группы партий, борющиеся на теперешних выборах, выделяются здесь явственно: 100 демократов, 305 либералов, 101 правый.

Либералы более чем втрое сильнее правых, которые почти равносильны с демократами. Ясно, что *по общему правилу* ни о какой черносотенной опасности здесь нет и речи. Далее, ясно, что *главной* задачей рабочей демократии является здесь именно борьба с либералами; в настоящее время, при несомненном общем полевении страны, признаваемом и либералами, и октябристами, и Пуришкевичами, такая борьба в особенности выдвигается на первый план. Разумеется, на первой стадии рабочие кандидаты должны идти исключительно в самостоятельную борьбу, чистыми

списками. На второй же стадии, на перебаллотировках, дело сводится *в большинстве случаев* к борьбе демократов с либералами.

Чтобы провести *эту* борьбу, марксисты должны на перебаллотировках соединяться со *всеми* демократами (т.-е. и с буржуазной демократией, народниками, трудовиками и пр.) *против* либералов. Все поведение пресловутой «ответственной оппозиции», кадетов, в III Думе, вся политика и тактика либерально-монархической буржуазии, а затем теперешнее движение среди приказчиков, дают особенно благоприятную почву для этой борьбы демократов, организуемых рабочими, против либералов, т.-е. партии к.-д. Поскольку вторая городская курия есть главная курия с перебаллотировками, — *главной* линией рабочих на перебаллотировках будет именно: с демократами *против* правых и *против* либералов.

В итоге мы получаем тот вывод, что ликвидаторы и их защитники делают относительно перебаллотировок ошибку и «техническую» и политическую. «Технически» они ошибаются, смешивая немецкие перебаллотировки с русскими «дополнительными» или новыми выборами. Политически они ошибаются, скатываясь к либеральной рабочей политике, когда отделываются общими фразами о поддержке оппозиции против правых. На деле и общая задача марксистов в современной России — организовать рабочих, как передовой отряд демократии *и* против правых, *и* против контр-революционного либерализма — и особенности нашего положения в главной «перебаллотировочной» курии заставляют дать иной лозунг. На перебаллотировках в первую очередь, прежде всего, во 2-й городской курии, чаще всего со всеми демократами против либералов и против правых; лишь затем придется идти на перебаллотировках в общеоппозиционном блоке против черных.

«Звезда» № 25 (61), 16 (3) апреля 1912 г.
Подпись: М. Ш.

ЛИБЕРАЛИЗМ И ДЕМОКРАТИЯ.

I.

Конференция трудовиков, о которой мы уже говорили и о которой были сообщения в нескольких газетах (между прочим, в «Речи» от 28 марта)[189]), представляет из себя особую важность с точки зрения партийной определенности всей выборной кампании в IV Думу. После блока умеренных либералов (кадетов и «беспартийных прогрессистов») и после решений рабочей демократии о ее тактике на выборах оставалось «определиться» еще только трудовикам, чтобы картина была полной.

Теперь *все* классы русского общества в лице всех сколько-нибудь серьезных и заслуживающих внимания политических партий определили свою позицию в выборной кампании. И если для буржуазных партий, особенно для тех, которые «прочно» устроились в здании третьеиюньского режима, выборы являются по преимуществу временем усиленной рекламы, то для рабочей демократии, для марксистов, главная задача избирательной кампании — *разъяснение* народу того, в чем *сущность* разных политических партий, *кто и за что* стоит, какие действительные, жизненные интересы руководят той или иной партией, какие *классы* общества прячутся за той или иной вывеской.

С этой точки зрения нам придется *неоднократно* останавливаться на конференции трудовиков, и особенное внимание мы должны, в интересах рабочего класса, уделять как раз указанному сейчас принципиальному вопросу. И черносотенные, правые партии и *либералы* (кадеты) лишь замалчивают этот вопрос, либо на тысячи ладов извращают его постановку и его решение, причем делается это не по неразумию или злому умыслу отдельных лиц, а потому, что *классовые* интересы помещиков и буржуазии *заставляют* их извращать сущность партий крестьянских и рабочих.

В свою очередь трудовики, партия по преимуществу крестьянская, не заинтересованы в замалчивании вопроса хотя бы о том, чем отличается либерализм от демократии, но решают

этот вопрос неверно. С точки зрения крестьянина, т.-е. мелкого хозяйчика, и нельзя его решить правильно; только с точки зрения наемного рабочего вопрос этот *решен* — об этом свидетельствует не только теория, наука, но и *опыт* всех европейских стран, вся экономическая и политическая история европейских партий в течение особенно XIX века.

Посмотрите хотя бы на то, как либералы говорят о трудовиках и трудовики сами о себе. Либеральная «Речь», главный орган партии к.-д., говорит, что трудовики более всех пострадали от изменения избирательного закона 3 июня 1907 года, что их тактика «не может сколько-нибудь заметно отличаться» от тактики к.-д., — ибо кадеты, изволите видеть, могут «повторить» и повторяют почти все, сказанное трудовиками. «Наконец, соглашения на выборах с трудовиками могут понадобиться — пишет «*Речь*» — разве только в отдельных местностях, весьма притом немногочисленных».

Вдумайтесь в эту оценку и вы увидите, что это — оценка либерального буржуа, которого закон 3-го июня оттеснил от главенства (бывшего за ним по закону 11 декабря 1905 года), но вместе с тем дал ему внушительное оппозиционное местечко, *огражденное* от демократии. Вы для нас неважны, господа трудовики, и мы с вами серьезно не считаемся, вот действительный смысл заявления «Речи». Почему неважны? Потому, что закон 3-го июня вас обессилил на выборах.

Для всякого демократа и в особенности для всякого рабочего важны не те партии, которые пользуются монополией или привилегией по данному избирательному закону, а те, которые представляют широкие массы населения, в частности, трудящегося и эксплуатируемого населения. Либерального же буржуа как раз от этих масс и *защитил* закон 3-го июня, и потому ему эти массы неважны. Либеральным адвокатам и журналистам нужны места в Думе, либеральным буржуа нужен раздел власти с Пуришкевичами, — вот что им нужно, а развитие самостоятельной политической мысли крестьянских масс, развитие их самодеятельности, как класса, либералу не только не нужно, а прямо-таки опасно. Либералу нужен избиратель, либералам нужна доверяющая им и идущая за ними толпа (чтобы заставить потесниться Пуришкевичей), но политической самостоятельности толпы либерал боится.

Почему же он не боится трудовиков, которые в качестве «самостоятельной» партии, особенно близкой крестьянству, т.-е. громадному большинству населения, представляют из себя *не* либерализм, а буржуазную демократию? Именно потому, что трудовики суть демократы, *недостаточно* самостоятельные по отношению к либералам, *не умеющие* бороться с либералами за влияние на массы! Нельзя не останавливаться сотни и сотни

раз на этом важнейшем вопросе современной политики в России, если брать эту политику серьезно, добросовестно, принципиально, а не в шарлатанском (либеральном тож) смысле погони за мандатами. Пока исторической задачей эпохи в России остается политическое преобразование ее в демократическом направлении, до тех пор *весь гвоздь* вопроса об этом преобразовании неизбежно будет состоять в том, чтобы *очень* широкие, самые широкие массы населения стали сознательно демократами, т.-е. вполне определенными, последовательными, решительными противниками какой бы то ни было узости, ограниченности, половинчатости, трусости либерализма. И тот рабочий не есть еще сознательный рабочий, который не понял, что нельзя быть последовательным борцом за уничтожение наемного рабства *без* усвоения и воплощения в жизнь этой политической задачи нашего времени.

Когда либералы, кадеты, говорят, что их «тактика» не отличается «сколько-нибудь заметно» от трудовической, то это самое вопиющее невежество или самая бесстыдная ложь. Каждая страница политической истории России за последнее десятилетие содержит сотни и тысячи опровержений этой лжи. Новейшая история России показывает нам на нашем русском *опыте*, что разница между либерализмом и крестьянской демократией неизмеримо глубже каких бы то ни было вопросов о «тактике»,— ибо эта разница всплывала всегда и без исключения за последние, скажем, восемь лет, несмотря на то, что ход событий вызывал неоднократно самые крутые переломы «тактики»,— эта разница лежит неизмеримо глубже всяких «программ», ибо программы выражают только то, что *думают* передовые люди класса о его задачах и его положении. Не мнения передовых людей, а действия миллионных масс показали нам коренную разницу в *современном* экономическом и политическом положении либеральной буржуазии, с одной стороны, и буржуазно-демократического крестьянства, с другой. Отсюда коренная разница классовых *интересов* по отношению к «командующим силам» теперешней России. Отсюда — коренное различие во всех исходных пунктах и во всем размахе политической активности.

И либералу и трудовику может казаться, что они политические единомышленники, ибо оба — «против Пуришкевича». Но спуститесь чуточку поглубже от этих *мнений* политических деятелей к *классовому положению* масс, и вы увидите, что либеральная буржуазия *в жизни* делит политические привилегии вместе с Пуришкевичами и спорят они *только* из-за того, Пуришкевичам ли обладать двумя третями этих привилегий, а Милюковым одной третью, или наоборот. Возьмите «жизнь», возьмите экономическое положение современного русского крестьянства, как слоя мелких хозяев в земледелии, и вы увидите, что речь идет

вовсе не о дележе политических привилегий, вовсе не о политических привилегиях, что здесь слово «*жизнь*» приходится брать в кавычки, ибо самое существование Пуришкевичей означает *голодную смерть* миллиона таких хозяйчиков.

В современной России есть две буржуазии. Одна, это — очень узкий слой зрелых и перезрелых капиталистов, которые в лице октябриста и кадета заняты *на деле* тем, что делят между собой и Пуришкевичами теперешнюю политическую власть, теперешние политические привилегии. Слово теперешние надо понимать довольно широко, включая сюда, напр., и те привилегии, которые охраняет закон 3-го июня 1907 г. сегодня, и те, которые охраняли закон 11 декабря 1905 года вчера.

Другая буржуазия, это — очень широкий слой совсем незрелых, но энергично стремящихся созреть мелких и частью средних хозяев, преимущественно крестьян, которым *на деле* приходится решать вопрос вовсе не о привилегиях в теперешнюю эпоху исторической жизни России, а о том, чтобы не умереть с голоду *от* Пуришкевичей. А это и есть вопрос о самых основах власти Пуришкевичей вообще, об источниках какой бы то ни было власти Пуришкевичей.

Вся история политического освобождения России есть история борьбы первой и второй буржуазной тенденции. Весь смысл тысячи и тысячи красивых слов о свободе и равенстве, об «уравнительном» распределении земли и о «народничестве» сводится к борьбе этих буржуазных тенденций. В итоге борьбы неизбежно получится вполне буржуазная Россия, окрашенная сплошь или преимущественно в один из этих двух «цветов». Нечего и говорить, что для наемного рабочего борьба эта отнюдь не безразлична; напротив, если он сознательный, то он вмешивается в нее самым энергичным образом, стараясь, чтобы крестьянин шел за ним, а не за либералом.

Именно к этому сводятся также и те вопросы, которые не могла не затронуть конференция трудовиков. Об этих вопросах мы будем говорить подробно в следующих статьях. Теперь же подведем маленький итог сказанному. Вопрос о трудовиках и кадетах есть один из величайших вопросов всего политического освобождения России. Нет ничего пошлее, как сводить этот вопрос к «силе» тех или других партий в системе 3-го июня, к «расчетливости» тех или иных соглашений на выборах по этой системе. Наоборот, частный вопрос о соглашениях, перебаллотировках и т. д. может быть решен правильно с точки зрения наемного рабочего лишь в том случае, если поняты *классовые* корни той и другой партии, буржуазных демократов (трудовики) и буржуазного либерализма (к.-д., «прогрессисты» и т. п.).

II.

Конференция трудовиков поставила целый ряд очень интересных и поучительных политических вопросов. В настоящее время мы имеем прекрасный комментарий к ее решениям — статью г. В. Водовозова об «Избирательной программе трудовой группы» в № 13 петербургского еженедельника «Запросы Жизни», издаваемого при ближайшем участии гг. Ковалевского и Бланка. «Прекрасным» комментарий г. Водовозова является, конечно, не с нашей точки зрения, а потому, что он правильно передает взгляды и стремления трудовиков. Всякий, интересующийся значением демократических общественных сил России, должен со всем вниманием отнестись к статье г. Водовозова.

«Трудовая группа — пишет он — исходит из убеждения, что в настоящий исторический момент интересы крестьянства, рабочего класса и трудовой интеллигенции не только не противоречат друг другу, но почти тождественны: поэтому одна партия вполне могла бы обслуживать интересы этих трех общественных классов. Но в силу исторических условий, рабочий класс нашел свое представительство в лице партии социал-демократической, и потому трудовая группа естественно должна была явиться по преимуществу политической представительницей крестьянства. Она и была таковой».

Тут сразу видна основная ошибка, разделяемая всеми народниками, вплоть до самых «левых». Они исходят из такого «убеждения», которое противоречит всем истинам экономической науки и всему опыту стран, переживавших эпохи, подобные современной эпохе в России. Они продолжают держаться этих «убеждений» даже тогда, когда опыт русской истории вынуждает их сознаться, что и на нашей почве эти убеждения опровергаются ходом событий.

Вторая фраза у трудовиков побивает первую. Если бы одна партия могла обслуживать интересы и рабочего класса, и крестьянства, то откуда же взялась бы особая партия рабочего класса? А если она создалась и упрочилась в особенно важный, особенно критический период русской истории (1905 г.), если даже трудовики должны сказать сами себе, что рабочий класс «нашел» свою партию «в силу исторических условий», то, значит, «убеждения» трудовиков *опровергнуты* «силой исторических условий».

Если трудовики *оказались* партией крестьянства, а по убеждениям их они не должны бы быть только крестьянской партией, значит, убеждения их неверны, представляют из себя иллюзию. И эта иллюзия именно такова, какова была иллюзия *всех* буржуазно-демократических партий Европы в период борьбы с феодализмом и абсолютизмом. В той или иной форме преобладала идея «внеклассовых партий», при чем «сила исторических

условий» неизменно опровергала эту идею, разрушала эту иллюзию. Попытки или потуги обнять разные классы «одной партией» свойственны как раз буржуазному демократизму той эпохи, когда он должен был видеть главного своего врага позади, а не впереди, в крепостниках, а не в пролетариате.

Претензия «обнять» разные классы сближает трудовиков с кадетами: те тоже хотят быть партией *надклассовой*, те тоже уверяют, что «почти тождественны интересы» рабочего класса, крестьянства и трудовой интеллигенции. Под трудовой интеллигенцией они понимают и гг. Маклаковых! Сознательный рабочий будет всегда бороться против всяких идей о надклассовых партиях, против всякого затушевывания классовой пропасти между наемными рабочими и мелким хозяйчиком.

Но если сходство трудовиков с кадетами состоит в том, что и те и другие разделяют буржуазные предрассудки о возможности слияния разных классов, то разница между ними состоит в том, *к какому* классу ход событий влечет ту и другую партию вопреки ее желаниям, иногда вопреки сознанию отдельных ее членов. Трудовиков история научила быть ближе к правде, говорить, что они партия крестьянская. Кадеты продолжают называть себя демократами, будучи на деле контр-революционными либералами.

К сожалению, эта последняя истина далеко не отчетливо сознается трудовиками, настолько не отчетливо, что в официальных решениях их конференции *нет* характеристики кадетов вовсе. В официальных решениях говорится только о соглашениях «*в первую очередь* с *с.-д.*, *а затем* с *к.-д.*». Этого мало. Вопрос об избирательных соглашениях может быть решен правильно, последовательно, принципиально *только* при полном выяснении того, какова классовая природа соглашающихся партий, в чем основное расхождение между ними и временное совпадение интересов.

Об этом говорится лишь в комментарии г. Водовозова. «Речь», отмечая и обсуждая его статью, *как раз эти* пункты постаралась совершенно *скрыть* от читателей. Мы полагаем, что на этих пунктах обязательно остановиться со вниманием.

«Трудовая группа — пишет г. Водовозов — хорошо понимала, что современный российский строй есть строй абсолютизма и произвола, и потому относилась с решительным осуждением ко всем выступлениям, которыми к.-д. партия желала оповестить urbi et orbi *) о существовании в России строя конституционного, и относилась отрицательно к торжественным встречам, устраиваемым представителям английского и французского парламентов для манифестирования русского конституционализма. Для трудовой

*) — Риму и миру, т.-е. всему свету. *Ред.*

группы не подлежало сомнению, что только коренной и глубокий переворот во всем государственном и социальном строе может вывести Россию на дорогу правильного и здорового развития; поэтому она с сочувствием относилась ко всем проявлениям в нашей общественной жизни такого убеждения. Именно это убеждение полагало глубокую пропасть между нею и партией к.-д.»... и несколько дальше повторяется та же мысль о «мирном эволюционизме кадетов и созданной этим эволюционизмом тактики к.-д.», «всегда более отдалявшей трудовиков от к.-д., чем от с.-д.».

Понятно, почему кадетская «*Речь*» должна была позаботиться о сокрытии этого рассуждения от своих читателей. Здесь явно выражено желание провести грань между демократизмом и либерализмом. Грань, несомненно, есть, но г. Водовозов, хотя и говорит о «глубокой пропасти», понимает эту грань слишком неглубоко. У него выходит, что различие, собственно, тактическое и в оценке момента: трудовики за коренной переворот, кадеты — мирные эволюционисты; трудовики считают, что у нас строй абсолютизма, а кадеты, что есть, слава богу, конституция. Подобное различие возможно между правым и левым крылом одного и того же класса!

Ограничивается ли этим различие между трудовиками и кадетами? Не признал ли сам г. Водовозов, что трудовики — партия крестьянства? Нет ли в *классовом положении* крестьянства по отношению хотя бы к Пуришкевичу и пуришкевичевщине черт отличия от положения либеральной буржуазии?

Если нет, тогда разница между трудовиками и кадетами неглубока даже с точки зрения отношения к феодализму и абсолютизму. Если есть, то надо выдвинуть на первый план именно различие *классовых интересов,* а не различие «взглядов» на абсолютизм и конституцию или на мирную эволюцию.

Трудовики хотят быть радикальнее кадетов. Это очень хорошо. Но их радикализм был бы последовательнее и глубже, если бы они ясно понимали классовую сущность либерально-монархической буржуазии, если бы они прямо говорили в своей платформе о контр-революционном либерализме кадетов.

Напрасно, поэтому, «оправдывается» г. Водовозов ссылкой на внешние препятствия, в силу которых-де трудовикам «пришлось выработать резолюцию, в которой самые существенные пункты были скрыты за не совсем ясной для большинства читателей ссылкой на малодоступную им «платформу трудовой группы»». Во-первых, трудовики не обязаны были ограничиваться ареной, оными препятствиями огражденной; ограничиваясь ею, они, точь в точь как наши ликвидаторы, обнаруживают этим недостаточную глубину своего отличия от кадетов. Во-вторых, была полнейшая возможность на какой угодно арене формулировать классовую сущность к.-д. либерализма и его контр-революционность.

Мы видим, следовательно, что колебания трудовиков между к.-д. и с.-д. не случайны, а вытекают из очень глубоких и коренных условий, в которые поставлено крестьянство. Межеумочное положение в сторонке от прямой борьбы буржуа и пролетария питает иллюзии о внеклассовой или надклассовой партии. Общие буржуазные предрассудки, свойственные хозяину и хозяйчику, сближают трудовиков и кадетов. Отсюда недостаточная последовательность трудовиков, как буржуазных демократов, даже в их борьбе с основами власти Пуришкевичей.

Задача сознательных рабочих помочь сплочению крестьянской демократии, возможно менее зависимой от либералов и поддающейся возможно менее их влиянию, возможно более последовательной и решительной. Положение громадных масс крестьянства таково, что формулированные г. Водовозовым стремления к «коренному и глубокому перевороту» имеют чрезвычайно солидные, широко разветвленные и далеко уходящие в почву корни.

«Звезда» №№ 27 (63) и 32 (68),
21 (8) апреля и 2 мая (19 апреля) 1912 г.
Подпись: П. П.

ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ КАМПАНИЯ В IV ДУМУ И ЗАДАЧИ РЕВОЛЮЦИОННОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ.

Политические стачки и начало демонстраций по поводу ленского побоища показывают нарастание революционного движения рабочих масс в России. И на задачи партии и на ее роль в избирательной кампании это сгущение революционной атмосферы бросает яркий свет.

Кризис нарастает в новой обстановке. Черная Дума, дающая помещикам власть, буржуазии — арену для сделок, пролетариату — маленькую трибуну, составляет необходимую принадлежность этой обстановки. Нам нужна эта трибуна, нам нужна избирательная кампания *для* революционной работы в массах. Нам нужна нелегальная партия *для руководства* всей этой работой в ее целом, и в Таврическом дворце, и на Казанской площади, и на рабочей массовке, и во время стачки, и на районном собрании рабочих социал-демократов, и на открытом собрании профессионального союза. Только безнадежно слепые люди могут не видеть даже теперь всей вздорности, всей гибельности для рабочего класса отзовизма и ликвидаторства, этих плодов распада и развала эпохи торжества контр-революции. Пример народников наглядно показал нам, какой скандальный *ноль* получается от сложения *ликвидаторства* «трудовиков», а равно легальных литераторов «Русского Богатства» и «Современника», и *отзовизма* «партии» социалистов-революционеров.

Подведем общий итог тому, что показала предвыборная мобилизация политических сил. *Три* лагеря показали себя ясно: 1) *Правые* за правительство — от Пуришкевича до Гучкова. Черносотенный помещик и старозаветный купец горой за правительство. 2) *Либеральные* буржуа — «прогрессисты» и кадеты вместе с группами разных «националов» — против правительства *и против* революции. В контр-революционности либерализма одна из главных особенностей данного исторического момента. Кто не видит этой контр-революционности «культурной» буржуазии, тот

все забыл и ничему не научился, тот всуе приемлет имя демократа, не говоря уже о социалисте. А трудовики и «наши» ликвидаторы плохо видят и плохо понимают! 3) Лагерь демократии, в котором *только* революционные социал-демократы, антиликвидаторы, сплоченно, организованно, твердо, ясно развернули *свое* знамя революции. Трудовики и наши ликвидаторы колеблются *между* либерализмом и демократией, между легальной оппозицией и революцией.

Классовые корни, разделившие первый и второй лагерь, ясны. Но либералам удалось сбить с толку многих, от Водовозова до Дана, насчет классовых корней, разделивших второй лагерь от третьего. «Стратегия» либерала, наивно выболтанная Бланком в «Запросах Жизни» [190], нехитра: кадеты — оппозиционный центр, коренник; пристяжки («фланги») — прогрессисты справа, трудовики и ликвидаторы слева. На этой «тройке» гг. Милюковы надеются «ехать» к триумфу в роли «ответственной оппозиции».

Гегемония либералов в русском освободительном движении *всегда* означала и всегда будет означать его поражение. Либерал лавирует между монархией Пуришкевичей и революцией рабочих и крестьян, предавая вторую во *всякий* серьезный момент. Задача революции — *использовать* борьбу либералов с правительством и *нейтрализировать* колебания и измены либерализма.

Попугать революцией и таким путем поделить власть с Пуришкевичем и Романовым, давя вместе революцию, — вот политика либералов. И руководит этой политикой классовое положение буржуазии. Отсюда игра в дешевенький «демократизм» у кадетов и их *реальное* слияние с умереннейшим «прогрессизмом» Ефремовых, Львовых, Рябушинских и К°.

Использовать борьбу либералов с Пуришкевичами из-за дележа власти, *отнюдь не* давая в народе сложиться «вере» в либерала, — для того чтобы развить, усилить, укрепить революционный натиск масс, свергающий монархию, уничтожающий Пуришкевичей и Романовых до тла, такова тактика пролетарской партии. На выборах: сплотить демократию *против* правых *и против* кадетов, «используя» на перебаллотировках, в печати, на собраниях борьбу либералов с правыми. Отсюда — необходимость революционной платформы, выходящей теперь же из рамок «легальности». Отсюда — лозунг республики, в противовес либеральной игре в «конституционные» лозунги, лозунги «распутинско-трещенковской конституции». Наше дело — готовить армию революционных борцов везде, всегда и повсюду, во всех формах работы, на всех поприщах деятельности, при всех поворотах, на какие бы нас ни осуждала победа реакции или измена либерализма или затяжка кризиса и т. д.

Посмотрите на трудовиков. Это — народнические ликвидаторы

sans phrases *). Мы — революционеры, «намекает» г. Водовозов, *но*... нельзя же против 129-ой статьи, добавляет он. Сто лет спустя после рождения Герцена «партия» многомиллионного крестьянства не умеет даже издать листка — хотя бы гектографированного! — вопреки 129-ой статье!! Тяготея к блоку «в первую очередь» с с.-д., трудовики не умеют сказать ясно про контрреволюционность кадетов, не умеют положить начала *республиканской* крестьянской партии. А урок 1905 — 7 и 1908 — 11 годов именно так поставил вопрос: бороться за республику или лизать сапог Пуришкевича, лежать под розгой Маркова и Романова. Иного выбора нет крестьянам.

Посмотрите на ликвидаторов. Как ни виляют, как ни вертятся Мартыновы, Мартовы и К°, а всякий добросовестный и толковый читатель признает, что Р—ков *именно их* взгляды подытожил, когда сказал: «Не надо делать себе иллюзий: готовится торжество весьма умеренного буржуазного прогрессизма». *Объективный* смысл этого крылатого слова: революция — иллюзии; поддержка «прогрессистов» — реальность. Ну, неужели же не видит теперь всякий, кто не закрывает нарочно глаз, что *именно это* говорят чуточку иными словами Даны и Мартовы, когда бросают лозунг: «вырывание Думы (четвертой Думы, помещичьей Думы) из рук реакции»? когда сбиваются сотни раз на идею двух лагерей? когда кричат «не срывайте» прогрессивной работы либеральных буржуа? когда воюют против «левого блока»? когда самодовольно плюют в «Живом Деле» на «никем не читаемую заграничную литературу»? когда удовлетворяются *на деле* легальной платформой, легальными покушениями на организацию? когда создают ликвидаторские «инициативные группы», разрывая с революционной Р.С.-Д.Р.П.? Неужели не ясно, что ту же песенку поют и Левицкие, философски углубляющие либеральные идеи о борьбе за право, и Неведомские с их новым «пересмотром» идей Добролюбова задом наперед, *от* демократизма *к* либерализму, и Смирновы, делающие глазки «прогрессизму», и все прочие рыцари «Нашей Зари» и «Живого Дела»?

В действительности демократы и социал-демократы не могли бы никогда, даже если бы хотели, «сорвать» победы «прогрессистов» среди помещиков и буржуа! Это совсем пустые фразы. Серьезные разногласия не тут. Различие *либеральной* и *социал-демократической* рабочей политики не в этом. «Поддерживать» прогрессистов, видя в их «победах» «приближение к власти культурного буржуа», это — либеральная рабочая политика.

Мы, социал-демократы, видим в «победе» прогрессистов *косвенное* выражение демократического подъема. Использовать стычки

*) — без лишних разговоров. *Ред.*

прогрессистов с правыми надо, голый лозунг поддержки прогрессистов не годится. Наше дело — развивать демократический подъем, пестовать новую, по-новому растущую в новой России революционную демократию. Не сумеет она окрепнуть и победить вопреки либералам, — тогда *никакое* «торжество» прогрессистов и кадетов на выборах ничего серьезного не изменит на деле в положении в России.

Что демократический подъем налицо, это теперь неоспоримо. Он идет труднее, медленнее, сложнее, чем мы могли бы желать, но он идет. *Его* надо «поддерживать» и развивать и выборной и всякой иной работой. Организовывать революционную демократию, — ковать беспощадной критикой народнического ликвидаторства и народнического отзовизма республиканскую крестьянскую партию, — а прежде всего и больше всего очищаться «у себя дома» от ликвидаторства и отзовизма, укреплять революционную социал-демократическую работу в пролетариате и нелегальную социал-демократическую рабочую партию, — такова наша задача. Как сложится развязка растущего революционного кризиса, — зависит не от нас, а от тысячи причин, от революции в Азии и от социализма в Европе; но от нас зависит ведение последовательной и неуклонной работы в массах в духе марксизма, и только одна эта работа не проходит *никогда* бесследно.

«Социал-Демократ» № 26, 8 мая (25 апреля) 1912 г.

ЛИКВИДАТОРЫ ПРОТИВ ПАРТИИ.

Против партийной конференции ликвидаторами всех оттенков ведется в легальной русской печати травля, грациозному бесстыдству которой должны позавидовать Булгарины и Буренины. Статьи в «Живом Деле»[191]), открыто допрашивающие делегатов о том, *кем* они были посланы, и под защитой цензуры нападающие на то, чего нельзя в легальной печати защищать, представляют такой образчик забвения элементарных правил литературной честности, что должны были бы вызвать не только протест сторонников конференции, но и отвращение всех просто-честных политических деятелей. А статьи анонимного осведомителя «Vorwärts'а» отдают таким букетом беспардонного хвастовства и фразистой лжи, что не допускают сомнения в том, что ликвидаторский заказ на эти статьи попал в опытные руки *).

Припертые к стене группы и кружки ликвидаторов не ограничиваются, однако, кампанией клеветы против партии. Они пытаются созвать свою конференцию. Употреблены, конечно, все меры, чтобы О. К.[192]), созывающему эту конференцию, придать вид «партийности», «нефракционности», «объединения». Ведь эти слова так удобны,... когда требуется поймать на ликвидаторскую удочку всех почему-либо недовольных партийной конференцией. Троцкому поручили воспеть все добродетели О. К. и грядущей ликвидаторской конференции: кому же, как не «профессиональному объединителю» было это и поручить. И он воспел... всеми шрифтами, имеющимися в распоряжении венской типографии: «впередовцы, голосовцы, большевики-партийцы, меньшевики-партийцы, так называемые *ликвидаторы* и нефракционные — в России и за границей — решительно поддерживают работу»... О. К. («Правда» № 24).

---

*) Чтобы ознакомить немецких товарищей с действительным положением дел в Р. С.-Д. Р. П., редакция Ц. О. выпустила на немецком языке специальную брошюру, разоблачающую, между прочим, приемы анонима «Vorwärts'а» (см. настоящий том, стр. 419 — 431. *Ред.)*

Бедняга опять... солгал и опять просчитался. С таким треском и шумом подготовлявшийся против конференции 1912 года блок под гегемонией ликвидаторов трещит по всем швам и трещит потому, что ликвидаторы слишком явно показали свои уши. Поляки отказались от участия в О. К. Плеханов после переписки с представителем последней выяснил несколько любопытных подробностей: 1) что конференция предполагается «учредительной», т.-е. конференцией не Р. С.-Д. Р. П., а некоей новой партии, 2) что в основу ее созыва положен «анархический» принцип, 3) что «конференция созывается ликвидаторами». После того, как эти обстоятельства были выяснены тов. Плехановым, нас уже не могло удивить, что так называемые большевики(?!)-примиренцы набрались храбрости и решили уличить Троцкого в том, что он... сказал неправду, зачислив их в сторонники О. К. «Этот О. К. в своем нынешнем составе, с его явной тенденцией навязать всей партии свое отношение к ликвидаторам, с теми принципами организационной анархии, которые он положил в основу пополнения своего состава, — этот О. К. ни в малейшей степени не гарантирует созыва действительно общепартийной конференции», — так отзываются ныне об О. К. наши расхрабрившиеся «партийцы». Где пребывают ныне наши левые из левых, впередовцы, поторопившиеся в свое время расписаться в сочувствии О. К., — нам неизвестно, но это и не важно: важно то, что ликвидаторский характер созываемой О. К. конференции установлен Плехановым с неопровержимой ясностью, и что государственные умы «примиренцев» должны были склониться перед этим фактом. Кто же остался? Явные ликвидаторы и Троцкий...

Основа этого блока ясна: ликвидаторы пользуются полной свободой вести «по прежнему» свою линию в «Живом Деле» и «Нашей Заре», а Троцкий — из-за границы — прикрывает их рреволюционной фразой, которая ему ничего не стоит, а их ничем не связывает.

Из этой истории вытекает один маленький урок для заграничных воздыхателей о единстве, сочинивших недавно парижский листок «За партию» [193]). Для того, чтобы строить партию, мало уметь кричать: «единство», надо еще иметь какую-либо *политическую* программу, программу политических действий. Блок ликвидаторов, Троцкого, впередовцев, поляков, большевиков(?)-партийцев, парижских меньшевиков и пр., и пр., и пр. был заранее обречен на скандальный провал, ибо он был построен на беспринципности, лицемерии и пустой фразе. А воздыхателям не грех бы, наконец, решить для себя сложнейший и труднейший вопрос: с кем они хотят единства? Ежели с ликвидаторами, то отчего не сказать этого без ужимок; если же они против объединения с ликвидаторами, то о каком единстве они вздыхают?

Январская конференция и выбранные ею органы — единствен-

ное, что сейчас на деле объединяет всех работников Р.С.-Д.Р.П. в России. Вне ее — лишь посул бундовцев с Троцким созвать ликвидаторскую конференцию О.К. и переживающие ликвидаторское похмелье «примиренцы».

«Социал-Демократ» № 26, 8 мая (25 апреля) 1912 г.

ПАМЯТИ ГЕРЦЕНА.

Минуло сто лет со дня рождения Герцена. Чествует его вся либеральная Россия, заботливо обходя серьезные вопросы социализма, тщательно скрывая, чем отличался *революционер* Герцен от либерала. Поминает Герцена и правая печать, облыжно уверяя, что Герцен отрекся под конец жизни от революции. А в заграничных, либеральных и народнических, речах о Герцене царит фраза и фраза.

Рабочая партия должна помянуть Герцена не ради обывательского славословия, а для уяснения своих задач, для уяснения настоящего исторического места писателя, сыгравшего великую роль в подготовке русской революции.

Герцен принадлежал к поколению дворянских, помещичьих революционеров первой половины прошлого века. Дворяне дали России Биронов и Аракчеевых, бесчисленное количество «пьяных офицеров, забияк, картежных игроков, героев ярмарок, псарей, драчунов, секунов, серальников»[194], да прекраснодушных Маниловых. «И между ними — писал Герцен — развились люди 14 декабря, фаланга героев, выкормленных, как Ромул и Рем, молоком дикого зверя... Это какие-то богатыри, кованые из чистой стали с головы до ног, воины-сподвижники, вышедшие сознательно на явную гибель, чтобы разбудить к новой жизни молодое поколение и очистить детей, рожденных в среде палачества и раболепия».

К числу таких детей принадлежал Герцен. Восстание декабристов разбудило и «очистило» его. В крепостной России 40-х годов XIX века он сумел подняться на такую высоту, что встал в уровень с величайшими мыслителями своего времени. Он усвоил диалектику Гегеля. Он понял, что она представляет из себя «алгебру революции». Он пошел дальше Гегеля, к материализму, вслед за Фейербахом. Первое из «Писем об изучении природы»,— «Эмпирия и идеализм», — написанное в 1844 году, показывает нам мыслителя, который, даже теперь, головой выше бездны современных естествоиспытателей-эмпириков и тьмы тем нынешних философов, идеалистов и полуидеалистов. Герцен вплотную подо-

шел к диалектическому материализму и остановился перед — историческим материализмом.

Эта «остановка» и вызвала духовный крах Герцена после поражения революции 1848 г. Герцен покинул уже Россию и наблюдал эту революцию непосредственно. Он был тогда демократом, революционером, социалистом. Но его «социализм» принадлежал к числу тех бесчисленных в эпоху 48-го года форм и разновидностей буржуазного и мелко-буржуазного социализма, которые были окончательно убиты июньскими днями. В сущности, это был вовсе не социализм, а прекраснодушная фраза, доброе мечтание, в которое облекала свою *тогдашнюю* революционность буржуазная демократия, а равно невысвободившийся из-под ее влияния пролетариат.

Духовный крах Герцена, его глубокий скептицизм и пессимизм после 1848 года был крахом *буржуазных иллюзий* в социализме. Духовная драма Герцена была порождением и отражением той всемирноисторической эпохи, когда революционность буржуазной демократии *уже* умирала (в Европе), а революционность социалистического пролетариата *еще не* созрела. Этого не поняли и не могли понять рыцари либерального российского языкоблудия, которые прикрывают теперь свою контр-революционность цветистыми фразами о скептицизме Герцена. У этих рыцарей, которые предали русскую революцию 1905 года, которые забыли и думать о великом звании *революционера*, скептицизм есть форма перехода от демократии к либерализму, — к тому холуйскому, подлому, грязному и зверскому либерализму, который расстреливал рабочих в 48 году, который восстановлял разрушенные троны, который рукоплескал Наполеону III и который *проклинал,* не умея понять его классовой природы, Герцен.

У Герцена скептицизм был формой перехода от иллюзий «надклассового» буржуазного демократизма к суровой, непреклонной, непобедимой классовой борьбе пролетариата. Доказательство: «Письма к старому товарищу», Бакунину, написанные за год до смерти Герцена, в 1869 году. Герцен рвет с анархистом Бакуниным. Правда, Герцен видит еще в этом разрыве только разногласие в тактике, а не пропасть между миросозерцанием уверенного в победе своего класса пролетария и отчаявшегося в своем спасении мелкого буржуа. Правда, Герцен повторяет опять и здесь старые буржуазно-демократические фразы, будто социализм должен выступать с «проповедью, равно обращенной к работнику и хозяину, земледельцу и мещанину». Но все-же-таки, разрывая с Бакуниным, Герцен обратил свои взоры не к либерализму, а к *Интернационалу*, к тому Интернационалу, которым руководил Маркс, — к тому Интернационалу, который начал «*собирать полки*» пролетариата, объединять «*мир рабочий*», «покидающий мир пользующихся без работы» [195])!

Не поняв буржуазно-демократической сущности всего движения 1848 года и всех форм до-марксовского социализма, Герцен тем более не мог понять буржуазной природы русской революции. Герцен — основоположник «русского» социализма, «народничества». Герцен видел «социализм» в освобождении крестьян *с землей,* в общинном землевладении и в крестьянской идее «права на землю». Свои излюбленные мысли на эту тему он развивал бесчисленное количество раз.

На деле в этом учении Герцена, как и во всем русском народничестве — вплоть до полинявшего народничества теперешних «социалистов-революционеров» — нет *ни грана* социализма. Это — такая же прекраснодушная фраза, такое же доброе мечтание, облекающее *революционность* буржуазной крестьянской демократии в России, как и разные формы «социализма 48-го года» на Западе. Чем больше земли получили бы крестьяне в 1861 году и чем дешевле бы они ее получили, тем сильнее была бы подорвана власть крепостников-помещиков, тем быстрее, свободнее и шире шло бы развитие капитализма в России. Идея «права на землю» и «уравнительного раздела земли» есть не что иное как формулировка революционных стремлений к равенству со стороны крестьян, борющихся за полное свержение помещичьей власти, за полное уничтожение помещичьего землевладения.

Революция 1905 года вполне доказала это: с одной стороны, пролетариат выступил вполне самостоятельно во главе революционной борьбы, создав социал-демократическую рабочую партию; с другой стороны, революционные крестьяне («трудовики» и «крестьянский союз»), борясь за всякие формы уничтожения помещичьего землевладения вплоть до «отмены частной собственности на землю», боролись именно как хозяева, как мелкие предприниматели.

В настоящее время словопрения насчет «социалистичности» права на землю и т. п. служат только к *затемнению* и прикрытию действительно важного и серьезного исторического вопроса: о различии *интересов* либеральной буржуазии и революционного крестьянства в русской *буржуазной* революции; иначе говоря, о либеральной и демократической, о «соглашательской» (монархической) и республиканской тенденции в этой революции. Именно этот вопрос поставлен «Колоколом» Герцена, если смотреть на суть дела, а не на фразы, — если исследовать классовую борьбу, как основу «теорий» и учений, а не наоборот.

Герцен создал вольную русскую прессу за границей — в этом его великая заслуга. «Полярная Звезда» подняла традицию декабристов. «Колокол» (1857 — 1867) встал горой за освобождение крестьян. Рабье молчание было нарушено.

Но Герцен принадлежал к помещичьей, барской среде. Он покинул Россию в 1847 г., он не видел революционного народа и не мог верить в него. Отсюда его либеральная апелляция к «вер-

хам». Отсюда его бесчисленные слащавые письма в «Колоколе» к Александру II Вешателю, которых нельзя теперь читать без отвращения. Чернышевский, Добролюбов, Серно-Соловьевич, представлявшие новое поколение революционеров-разночинцев, были тысячу раз правы, когда упрекали Герцена за эти отступления от демократизма к либерализму. Однако, справедливость требует сказать, что при всех колебаниях Герцена между демократизмом и либерализмом, демократ все же брал в нем верх.

Когда один из отвратительнейших типов либерального хамства, Кавелин, восторгавшийся ранее «Колоколом» именно за его *либеральные* тенденции, восстал против конституции, напал на революционную агитацию, восстал против «насилия» и призывов к нему, стал проповедывать терпение, Герцен *порвал* с этим либеральным мудрецом. Герцен обрушился на его «тощий, нелепый, вредный памфлет», писанный «для негласного руководства либеральничающему правительству», на кавелинские «политико-сантиментальные сентенции», изображающие «русский народ скотом, а правительство умницей». «Колокол» поместил статью «Надгробное слово», в которой бичевал «профессоров, вьющих гнилую паутинку своих высокомерно-крошечных идеек, экс-профессоров, когда-то простодушных, а потом озлобленных, видя, что здоровая молодежь не может сочувствовать их золотушной мысли». Кавелин сразу узнал себя в этом портрете.

Когда был арестован Чернышевский, подлый либерал Кавелин писал: «Аресты мне не кажутся возмутительными... революционная партия считает все средства хорошими, чтобы сбросить правительство, а оно защищается своими средствами». А Герцен точно отвечал этому кадету, говоря по поводу суда над Чернышевским: «А тут жалкие люди, люди-трава, люди-слизняки говорят, что не следует бранить эту шайку разбойников и негодяев, которая управляет нами».

Когда либерал Тургенев написал частное письмо Александру II с уверением в своих верноподданнических чувствах и пожертвовал два золотых на солдат, раненых при усмирении польского восстания, «Колокол» писал о «седовласой Магдалине (мужеского рода), писавшей государю, что она не знает сна, мучась, что государь не знает о постигнувшем ее раскаянии». И Тургенев сразу узнал себя.

Когда вся орава русских либералов отхлынула от Герцена за защиту Польши, когда все «образованное общество» отвернулось от «Колокола», Герцен не смутился. Он продолжал отстаивать свободу Польши и бичевать усмирителей, палачей, вешателей Александра II. Герцен спас честь русской демократии. «Мы спасли честь имени русского — писал он Тургеневу — и за это пострадали от рабского большинства».

Когда получалось известие, что крепостной крестьянин убил

помещика за покушение на честь невесты, Герцен добавлял в Колоколе: «И превосходно сделал!». Когда сообщали, что вводятся военные начальники для «спокойного» «освобождения», Герцен писал: «Первый умный полковник, который со своим отрядом примкнет к крестьянам, вместо того, чтобы душить их, сядет на трон Романовых». Когда полковник Рейтерн застрелился в Варшаве (1860 г.), чтобы не быть помощником палачей, Герцен писал: «Если расстреливать, так нужно расстреливать тех генералов, которые велят стрелять по безоружным». Когда перебили 50 крестьян в Бездне и казнили их вожака Антона Петрова (12 апреля 1861 года), Герцен писал в Колоколе:

«О, если б слова мои могли дойти до тебя, труженик и страдалец земли русской!.. как я научил бы тебя презирать твоих духовных пастырей, поставленных над тобой петербургским синодом и немецким царем... Ты ненавидишь помещика, ненавидишь подьячего, боишься их — и совершенно прав; но веришь еще в царя и архиерея... не верь им. Царь с ними, и они его. Его ты видишь теперь, ты, отец убитого юноши в Бездне, ты, сын убитого отца в Пензе... Твои пастыри — темные как ты, бедные как ты... Таков был пострадавший за тебя в Казани инок Антоний (не епископ Антоний, а Антон бездинский)... Тела твоих святителей не сделают сорока восьми чудес, молитва к ним не вылечит от зубной боли; но живая память об них может совершить одно чудо — твое освобождение».

Отсюда видно, как подло и низко клевещут на Герцена окопавшиеся в рабьей «легальной» печати наши либералы, возвеличивая слабые стороны Герцена и умалчивая о сильных. Не вина Герцена, а беда его, что он не мог видеть революционного народа в самой России в 40-х годах. Когда он увидал его *в 60-х* — он безбоязненно встал на сторону революционной демократии против либерализма. Он боролся за победу народа над царизмом, а не за сделку либеральной буржуазии с помещичьим царем. Он поднял знамя революции.

Чествуя Герцена, мы видим ясно три поколения, три класса, действовавшие в русской революции. Сначала — дворяне и помещики, декабристы и Герцен. Узок круг этих революционеров. Страшно далеки они от народа. Но их дело не пропало. Декабристы разбудили Герцена. Герцен развернул революционную агитацию.

Ее подхватили, расширили, укрепили, закалили революционеры-разночинцы, начиная с Чернышевского и кончая героями «Народной Воли». Шире стал круг борцов, ближе их связь с народом. «Молодые штурманы будущей бури» — звал их Герцен. Но это не была еще сама буря.

Буря, это — движение самих масс. Пролетариат, единственный до конца революционный класс, поднялся во главе их и

впервые поднял к открытой, революционной борьбе миллионы крестьян. Первый натиск бури был в 1905 году. Следующий начинает расти на наших глазах.

Чествуя Герцена, пролетариат учится на его примере великому значению революционной теории; — учится понимать, что беззаветная преданность революции и обращение с революционной проповедью к народу не пропадает даже тогда, когда целые десятилетия отделяют посев от жатвы; — учится определению роли разных классов в русской и международной революции. Обогащенный этими уроками, пролетариат пробьет себе дорогу к свободному союзу с социалистическими рабочими всех стран, раздавив ту гадину, царскую монархию, против которой Герцен первый поднял великое знамя борьбы путем обращения к массам с *вольным русским словом.*

«Социал-Демократ» № 26, 8 мая (25 апреля) 1912 г.

Цѣна 3 коп.

№ 3. НЕВСКАЯ № 3.

ЗВѢЗДА

Годъ изданія первый.

№ 3 Воскресенье 6-го мая 1912 г. № 3

ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ В ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ.

Голодовка 30 миллионов крестьян снова и снова оживила вопрос о положении крестьянства в России. Обыкновенно в рассуждениях об этом вопросе упускают из виду главное, именно соотношение крупного, главным образом, дворянского, помещичьего землевладения с положением крестьянства. На это главное мы и хотим обратить внимание читателей.

В 1907 году была издана министерством внутренних дел «Статистика землевладения 1905 года» [196]. По этим официальным данным, которые уже ни в каком случае нельзя заподозрить в пристрастии к крестьянам, можно составить довольно точное представление об одной из главных причин голодовок.

Правительственная статистика определила в 50 губерниях Европейской России количество земли в 395 миллионов десятин. Но эта цифра не дает картины действительного положения вещей, потому что в нее входит свыше 100 миллионов десятин казенных земель на дальнем севере, в губерниях: Архангельской, Олонецкой и Вологодской. Для сельского хозяйства земли эти большей частью непригодны; это — тундры и леса далекого севера. Обыкновенно ссылаются на эти земли только для того, чтобы *затемнить* действительное распределение той земли, которая в состоянии служить для сельского хозяйства.

Вычитывая эти земли, получаем общее количество годной земли в 280 миллионов десятин (с округлением). Из них земли частновладельческой считают 101 миллион десятин, а надельной — 139 миллионов. Надо выделить крупное помещичье и мелкое крестьянское землевладение.

О крупных имениях правительственная статистика сообщает такие сведения:

Частная личная поземельная собственность в Европейской России:

Размер владений: Свыше	Владений	Земли десятин	В среднем на одно владение десятин
500 до 2.000 дес.	21.748	20.590.708	947
2.000 » 10.000 »	5.386	20.602.109	3.825
10.000 » десятин.	699	20.798.504	29.754
Всего . . .	27,833	61.991.321	2.227

Эти данные неполны, так как не сосчитаны ни удельные земли, ни земли крупных торговых обществ и тому подобное. Но все же *главное* о русском помещичьем землевладении мы можем узнать из этих данных. *Семьсот* помещиков имеют *21* миллион десятин, то-есть почти по *тридцать тысяч десятин каждый.*

Меньше, чем 28 тысяч помещиков имеют *62* миллиона десятин земли, то-есть в среднем по *2.200 десятин на каждого.* Необходимо добавить сюда удельные земли — их считают свыше *пяти* миллионов десятин. Затем более *трех с половиной* миллионов десятин земли принадлежит 272-м «торгово-промышленным, фабричным и прочим» товариществам. Это, несомненно, крупные имения, — главная масса их сосредоточена в Пермской губернии; здесь *девяти* таким товариществам принадлежит *почти полтора миллиона* десятин земли (точная цифра: 1.448.902).

Следовательно, всего мы получаем никак не менее, а наверное больше *70-ти миллионов* десятин земли, принадлежащих самым крупным помещикам. Число этих крупных помещиков не доходит до *30 тысяч.*

Возьмем теперь землевладение крестьян. По данным правительственной статистики, у крестьян с наименьшими наделами имелось надельной земли:

Надельная земля.

Размеры наделов	Дворов	Земли десятин	В среднем на 1 двор десятин
До 5 десятин . . .	2.857.650	9.030.333	3,1
5— 8 » . . .	3.317.601	21.706.550	6,5
8—15 » . . .	3.932.485	42.182.923	10,7
Всего	10.107.736	72.919.806	7,0

Итак, *десять миллионов* крестьянских семей — из всего числа около 13 миллионов — имеют *73 миллиона десятин земли.* В среднем на двор приходится по *семи* десятин. Сюда надо прибавить мелкие частновладельческие имения: владельцев, имеющих до 10 десятин, считают 409.864, а земли у них 1.625.226 десятин, т.-е. менее, чем по четыре десятины на двор. Следовательно, мы получаем *около десяти с половиной миллионов* крестьянских семей с *75 миллионами* десятин земли.

Теперь мы можем свести вместе эти основные данные, которые очень часто забывают или представляют неверно при рассуждениях о крестьянском вопросе:

Крупное помещичье землевладение: *30 тысяч* владельцев — 70 миллионов дес. земли.

Мелкое крестьянское землевладение: *десять с половиной миллионов* владельцев — 75 миллионов дес. земли.

Разумеется, это — валовые данные. Для более подробного изучения положения крестьян и значения крупных имений следует брать данные по различным областям или районам, даже иногда по отдельным губерниям. Но экономисты и правительственного, и либерального, и даже отчасти народнического лагеря очень часто *затемняют суть* вопроса о земле именно посредством ссылок на отдельные области или на отдельные частные стороны вопроса. Чтобы уяснить себе *коренное* значение вопроса о земле и о положении крестьян, надо не упускать из виду приведенных основных данных и не дозволять, чтобы основное затемнялось частностями.

Примеры таких затемнений мы приведем в следующей статье*). Теперь же подведем первый основной итог. Земля в Европейской России распределяется так, что крупнейшие помещики, имеющие свыше 500 дес., владеют 70-ю миллионами десятин, при чем число этих помещиков не достигает и 30-ти тысяч.

Громадное же большинство крестьян, именно десять с половиной миллионов семей, из всего числа 13-ти миллионов крестьянских семей, имеют 75 миллионов десятин земли.

Средний размер крупнейшего помещичьего имения — *2.200 десятин.* Средний размер мелкого крестьянского участка — *семь* десятин.

Если бы земли тридцати тысяч крупнейших владельцев перешли к десяти миллионам крестьянских дворов, то землевладение этих дворов *почти удвоилось бы.*

Какие отношения по хозяйству между помещиками и крестьянами вытекают из такого распределения земли, об этом в следующий раз.

«Невская Звезда» № 3, 19 (6) мая 1912 г.
Подпись: Р. Силин.

---

*) См. настоящий том, стр. 502 — 505. *Ред.*

ПРАВДА

ЕЖЕДНЕВНАЯ РАБОЧАЯ ГАЗЕТА.

Годъ изданія первый.

№ 13 Вторникъ, 8 мая 1912 г. ЦѢНА 2 коп.

ТРУДОВИКИ И РАБОЧАЯ ДЕМОКРАТИЯ.

Избирательная кампания по выборам в IV Думу внесла небольшое оживление и повысила интерес к политическим вопросам. Широкое движение, вызванное ленскими событиями, сделало это оживление серьезным, этот интерес особенно насущным. Более, чем когда-либо, теперь уместно обсуждение вопроса об отношении трудовиков, т.-е. крестьянской демократии, к рабочей демократии.

Г. В. Водовозов в статье «Трудовая группа и рабочая партия» (№ 17 «Запросов Жизни») излагает точку зрения на этот вопрос трудовиков, отвечая на мои статьи в «Звезде»: «Либерализм и демократия» *). Спор касается самой сути двух политических направлений, выражающих интересы *девяти десятых* населения России. Поэтому внимательнейшим образом отнестись к предмету спора обязательно для всякого демократа.

I.

Рабочая демократия стоит на точке зрения классовой борьбы. Наемные рабочие составляют определенный класс в современном обществе. Положение этого класса коренным образом отличается от положения класса мелких хозяйчиков, крестьян. Поэтому не может быть и речи об их объединении в одной партии.

У рабочих цель — уничтожение наемного рабства путем устранения господства буржуазии. У крестьян — демократические требования, способные уничтожить крепостничество, во всех его социальных основах и проявлениях, но неспособные даже затронуть господство буржуазии.

Общие у тех и других задачи сближают в России в данную эпоху демократию крестьянскую и рабочую, которые не могут идти иначе, как врозь, но могут — и должны в интересах успеха — совместно действовать против всего, противоречащего демократизму. Если эта совместность или общность действия не будет осуществлена, если крестьянская демократия не избавится от опеки

---

*) См. настоящий том, стр. 449—456. *Ред.*

либералов (кадетов), то не может быть и речи о серьезных демократических преобразованиях России.

Таковы взгляды рабочих демократов, марксистов, которые я развивал в двух статьях: «Либерализм и демократия».

Трудовики, взгляды которых излагает г. Водовозов, хотят быть «надклассовой» партией. Одна партия, по их убеждению, «вполне могла бы обслуживать интересы трех общественных классов»: крестьянства, рабочего класса и «трудовой интеллигенции».

Я сказал, что это «убеждение» противоречит 1) всем истинам экономической науки, 2) всему опыту стран, переживавших эпохи, подобные современной эпохе в России, 3) опыту России в особенно важный, особенно критический период русской истории — 1905 год. Я посмеялся над истинно-кадетской претензией «обнять» разные классы и напомнил, что кадеты называют гг. Маклаковых «трудовой интеллигенцией».

Г. Водовозов, не приводя этих моих доводов полно и связно, пробует возражать урывками. Напр., против первого довода он говорит: «Крестьянство является массой, живущей своим трудом; его интересы — интересы труда, и оно, поэтому, составляет один отряд в великой армии труда, как другой отряд составляют рабочие».

Это не марксистская экономическая наука, а буржуазная: посредством фразы об интересах труда здесь затемняется коренная разница в положении хозяйчика и наемного рабочего. Рабочий не имеет никаких средств производства и продает самого себя, свои руки, свою *рабочую силу*. Крестьянин имеет средства производства — орудия, скот, землю, свою или арендованную, — и продает *продукты* своего хозяйства, будучи мелким хозяйчиком, мелким предпринимателем, мелким буржуа.

Крестьяне и сейчас в России нанимают для своих хозяйств не менее 2-*х миллионов* сельско-хозяйственных наемных рабочих. А если бы все помещичьи земли без выкупа перешли к крестьянам, то они стали бы нанимать гораздо больше рабочих.

Такой переход земли к крестьянам составляет общий интерес всего крестьянства, всех наемных рабочих, всей демократии, потому что помещичье землевладение есть основа помещичьей политической власти такого типа, с которым особенно наглядно познакомил Россию Пуришкевич, затем Марков 2 и прочие «третьедумцы», националисты, октябристы и т. д.

Отсюда видно, что общая цель, которая стоит теперь перед крестьянами и рабочими, не имеет в себе ровнехонько ничего социалистического, вопреки мнению невежественных черносотенцев, а иногда и либералов. Цель эта — исключительно демократическая. Достижение этой цели было бы достижением свободы для России, но вовсе еще не уничтожением наемного рабства.

Для серьезной постановки совместных действий разных клас-

сов, для прочного и настоящего успеха таких действий, нужно ясное сознание того, в чем интересы этих классов сходятся и в чем они расходятся. Всякие заблуждения, «недоразумения» на этот счет, всякое затемнение дела фразами не может не иметь самого гибельного значения, не может не подрывать успеха.

II.

«Труд земледельческий отличается от труда фабричного; но, ведь, фабричный труд тоже отличается от труда приказчика в лавке, — и, однако, «Звезда» усиленно доказывает приказчикам, что они представляют один класс с рабочими, что потому они должны смотреть на социал-демократию, как на свою представительницу»...

Так возражает г. Водовозов на доводы о глубоком классовом различии хозяйчиков и наемных рабочих! Рассуждения г. Водовозова проникнуты и здесь обычным духом буржуазной политической экономии. Земледелец-хозяйчик принадлежит к одному *классу* с фабрикантом или ремесленником-хозяйчиком, с торговцем-хозяйчиком; различие здесь есть не между классами, а между *профессиями*. Земледельческий наемный рабочий принадлежит к одному классу с фабричным и торговым *наемным* рабочим.

Истины эти — всё самые азбучные, с точки зрения марксизма. И г. Водовозов напрасно думает, что, если он назовет «мой» марксизм «крайне упрощенным», то этим он прикроет *суть дела*, именно, что трудовики постоянно сбиваются с марксистской политической экономии на буржуазную.

Такую же сбивчивость и в том же направлении обнаруживает г. Водовозов, когда мою ссылку на опыт всех стран и опыт России — относительно глубокого классового различия хозяйчиков и наемных рабочих — пробует опровергать указанием на то, что иногда один класс представляют разные партии или наоборот. Рабочие в Европе идут иногда за либералами и анархистами, за клерикалами и т. п. Помещики бывают иногда разделены между разными партиями.

Что же этим доказывается? Только то, что, кроме *классовых* различий, и другие различия, напр., религиозные, национальные и пр. — влияют на образование партий.

Этот факт верен, но какое же он имеет отношение к *нашему* спору? Указывает ли г. Водовозов для России те особые исторические условия, религиозные, национальные или другие, которые бы *присоединялись* в *данном случае* к классовым различиям?

Решительно никаких подобных условий г. Водовозов не указал и не мог указать. Спор шел исключительно о том, возможна ли у нас «надклассовая» партия, «обслуживающая интересы трех классов» (при чем «трудовую интеллигенцию» смешно называть классом).

На этот вопрос ясно отвечает теория: невозможно! Так же ясно отвечает опыт 1905 года, когда *все* классовые, групповые, национальные и пр. различия с особенной выпуклостью обнаружились в наиболее открытых и наиболее массовых действиях в один из чрезвычайно важных переломных моментов русской истории. Теорию марксизма *подтвердил* опыт 1905 года, показавший *невозможность* в России единой крестьянско-рабочей партии.

Все три Думы показали то же самое.

При чем же тут ссылка на то, что в разных странах Европы иногда бывали разделения одного класса на несколько партий или соединение разных классов под руководством одной партии? Эта ссылка ровно не при чем. Этой ссылкой г. Водовозов только отходит — и читателя пытается отвести — в сторону от обсуждаемого вопроса.

Для успеха русской демократии крайне важно, чтобы она знала свои силы, чтобы она трезво смотрела на положение вещей, чтобы она отчетливо понимала, на какие *классы* она в состоянии рассчитывать. Обольщаться иллюзиями, заслонять классовые различия фразами, отделываться от них добрыми пожеланиями — до последней степени вредно.

Надо прямо признать глубокую, неустранимую в пределах капиталистического общества, в пределах господства рынка, классовую рознь крестьян и рабочих в России. Надо прямо признать, в чем *теперь* их интересы сходятся. Надо объединять каждый класс, сплачивать его силы, развивать его сознание и определять эту общую задачу.

«Радикальная» (беру выражение г. Водовозова, хотя оно не кажется мне удачным) крестьянская партия — полезна и необходима.

Всякие попытки созидания «надклассовой» партии, попытки объединить крестьян и рабочих в одну партию, попытки выставить какую-то несуществующую «трудовую интеллигенцию» особым классом — крайне вредны, губительны для русской свободы, потому что *ничего*, кроме разочарований, потери сил, затемнения сознания *не может* получиться от таких попыток.

Вполне сочувствуя образованию *последовательно*-демократической крестьянской партии, мы обязаны бороться с упомянутыми попытками. Рабочие обязаны также бороться против влияния *либералов* на демократическое крестьянство.

III.

Об отношении либералов к буржуазной демократии, кадетов к трудовикам, конференция этих последних не сказала ничего ясного и определенного. У трудовиков не видно понимания того,

что именно зависимость демократического крестьянства от либералов была одной из главных причин неуспеха освободительного движения 1905—6 годов, что успех этого движения *невозможен*, если широкие и руководящие слои крестьянства не сознают отличия демократизма от либерализма, не высвободятся от опеки и господства либералов.

Г. Водовозов затронул этот коренной важности вопрос крайне бегло и неудовлетворительно. Он говорит, что «кадетской партией по преимуществу обслуживается городское население». Это неверно. Такое определение классовых корней и политической роли кадетской партии никуда не годится.

К.-д. партия есть партия либерально-монархической буржуазии. Социальной основой этой партии (как и «прогрессистов») являются экономически более прогрессивные (по сравнению с октябристами) слои буржуазии, особенно же буржуазная интеллигенция. Часть же городской и деревенской мелкой буржуазии идет еще за этой партией только в силу традиции (т.-е. простой привычки, слепого повторения вчерашнего) и будучи прямо обманываема либералами.

Кадеты, называя себя демократами, обманывают себя и обманывают народ. На деле кадеты — контр-революционные либералы.

Вся история России, особенно XX века, особенно 1905—6 годов, вполне *доказала* это, а книжка «Вехи» особенно наглядно, ясно, цельно *показала*, разоблачила это. И никакие «оговорки» кадетских дипломатов насчет «Вех» не изменят факта.

Первая полоса освободительного движения в России, первое десятилетие XX века обнаружило, что широкие еще массы населения, тяготея к демократии, недостаточно сознательны, *не отличают* либерализма от демократизма, подчиняются руководству либералов. Пока это не изменится и поскольку это не изменяется, ни о каком демократическом преобразовании России нечего и толковать. Пустые это будут толки.

Что возражает г. Водовозов против этих посылок, на которых построена была моя статья? «Трудовики — пишет он, — при настоящих условиях считают крайне нетактичным (!!) слишком много говорить о контр-революционности кадетов»...

Вот тебе раз! При чем тут «тактичность»? при чем тут «слишком много»? Если правда, что кадеты — контр-революционные либералы, то правду говорить обязательно. Много ли, мало ли надо говорить о контр-революционных правых и о контр-революционных либералах, — это вопрос совсем не серьезный: *всякий раз*, когда публицист говорит о правых, всякий раз, когда он говорит о либералах, он должен говорить правду. Трудовики сказали о правых правду. Мы их за это хвалим. О либералах трудовики *сами* заговорили — и *не договорили правды!*

Только за это мы упрекаем трудовиков.

«Слишком много» или слишком мало, — это совсем не причем. Пусть трудовики тысячу строк посвящают правым, пять — либералам, мы не возразим ничего. И не на это мы возражали трудовикам. Мы возражали на то, что в этих «пяти строках» (— пеняйте на себя, г. Водовозов, если вы внесли в спор ваше неудачное: «слишком»! —) *не* сказано о либералах правды.

Г. Водовозов уклонился от ответа по существу: контр-революционны кадеты или нет?

Уклонение трудовиков от этого вопроса есть большая ошибка, означающая *на деле* зависимость части демократов и части бывших марксистов *от* либерализма.

Вопрос этот всей историей первых десяти лет XX века поставлен неотвратимо.

Теперь в России нарастают повсюду, в самых различных слоях населения, *новые* демократические элементы. Это факт. Нарастая, эти демократические элементы должны быть воспитываемы в *последовательном* демократизме. Такое воспитание невозможно без разъяснения истинной сущности либералов, которые имеют в руках сотни органов и сотню мест в Думе, влияя, таким образом, постоянно в *фальшиво*-демократическом направлении на число людей, несравненно большее, чем то, что доступно нашей проповеди.

Демократия должна сплачивать свои силы. Трудовиков мы всегда будем хвалить за их демократические речи о правых. Но их демократизм будет непоследователен, если *тогда*, когда они говорят о либералах, они будут говорить *по-либеральному*, вместо того, чтобы говорить языком, достойным демократа.

Не два лагеря борются на выборах, а три. Не смешивайте, господа трудовики, второго (либерального) лагеря с третьим (демократическим). Не затемняйте разницы между ними — об этом худом деле «*слишком много*» заботятся либералы.

«Правда» [197]*) №№ 13 и 14, 21 (8) и 22 (9) мая 1912 г.*
Подпись: П. П

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ В РОССИИ.

Выборы в Гос. Думу заставляют все партии усиливать свою агитацию, собирать свои силы для проведения наибольшего числа депутатов «своей» партии.

При этом и у нас, как и во всех других странах, развертывается самая бесцеремонная предвыборная реклама. Все буржуазные партии, то-есть те, которые охраняют экономические привилегии капиталистов, рекламируют свои партии точно так же, как отдельные капиталисты рекламируют свои товары. Посмотрите на торговые объявления в любой газете — вы увидите, что капиталисты выдумывают самые «эффектные», кричащие, модные названия для своих товаров и расхваливают их, не стесняясь абсолютно ничем, не останавливаясь решительно ни перед какой ложью и выдумкой.

Публика — по крайней мере, в больших городах и в торговых местностях — давно привыкла к торговой рекламе и знает ей цену. К сожалению, политическая реклама сбивает с толку несравненно больше народа, разоблачение ее гораздо труднее, обман держится здесь много прочнее. Клички партий — и в Европе и у нас — выбираются иногда с прямой рекламной целью, «программы» партий пишутся сплошь да рядом исключительно ради надувания публики. Чем больше политической свободы в капиталистической стране, чем больше демократизма, т.-е. власти народа и народных представителей, тем беззастенчивее развертывается зачастую партийная реклама.

Как же разобраться, при таком положении дел, в партийной борьбе? Не означает ли эта борьба, с обманом и рекламой, что вообще бесполезны и даже вредны представительные учреждения, парламенты, собрания народных представителей, как стараются уверить дикие реакционеры, враги парламентаризма? Нет. При отсутствии представительных учреждений обмана, политической лжи, всяких мошеннических проделок *еще гораздо больше*, и у народа в руках гораздо меньше средств разоблачить обман, доискаться правды.

Чтобы разобраться в партийной борьбе, не надо верить на слово, а изучать действительную историю партий, изучать не столько то, что партии о себе говорят, а то, что они *делают*, как они поступают при решении разных политических вопросов, как они *ведут себя* в делах, затрагивающих жизненные интересы разных классов общества, помещиков, капиталистов, крестьян, рабочих и так далее.

Чем больше политической свободы в стране, чем прочнее и демократичнее ее представительные учреждения, тем легче народным массам разбираться в партийной борьбе и *учиться политике*, т.-е. разоблачать обман и доискиваться правды.

Всего яснее выступает деление всякого общества на политические партии во время глубоких, потрясающих всю страну, кризисов. Правительства бывают вынуждены тогда искать опоры в различных классах общества; серьезная борьба отметает прочь всякие фразы, все мелкое, наносное; партии напрягают все свои силы, обращаясь к *массам* народа, и массы, руководимые верным инстинктом, просвещенные опытом открытой борьбы, идут за теми партиями, которые выражают интересы того или иного класса.

Эпохи таких кризисов всегда определяют на много лет и даже десятилетий партийную группировку общественных сил данной страны. В Германии, напр., таким кризисом были войны 1866 и 1870 годов; в России события 1905 года. Нельзя понять сущность наших политических партий, нельзя уяснить себе, какие *классы* представляет та или иная партия в России, не возвращаясь к событиям этого года.

Начнем наш краткий очерк политических партий в России с крайних правых партий.

Мы встречаем на крайнем правом фланге союз русского народа.

Программа этой партии излагается следующим образом в вестнике союза русского народа, «Русском Знамени», издаваемом А. И. Дубровиным [198]):

«Союз русского народа, удостоившийся 3 июня 1907 года с высоты престола царского призыва быть ему надежною опорою, служа для всех и во всем примером законности и порядка, исповедует, что царская воля может осуществляться только: 1) при полном проявлении силы царского самодержавия, неразрывно и жизненно связанного с российскою православною церковью, канонически устроенною; 2) при господстве русской народности не только во внутренних губерниях, но и на окраинах; 3) при существовании Гос. Думы, составленной исключительно из русских людей, как главной помощницы самодержцу в его трудах по государственному строительству; 4) при полном соблюдении основных положений С. Р. Н. относительно евреев и 5) при удалении с государственной службы чиновников, принадлежащих к противникам царской самодержавной власти».

Мы скопировали в точности эту торжественную декларацию *правых*, с одной стороны, для ознакомления читателя с оригиналом непосредственно, а с другой — в виду того, что основные мотивы, здесь изложенные, сохраняют свою силу для всех партий большинства III Думы, т.-е. и для «националистов» и для октябристов. Это будет видно из дальнейшего изложения.

Программа союза русского народа повторяет, в сущности, старый лозунг времен крепостного права — православие, самодержавие, народность. По тому вопросу, по которому обыкновенно отделяют союз русского народа от следующих за ним партий, именно: признание или отрицание «конституционных» начал в русском государственном строе, особенно важно отметить, что союз русского народа *вовсе* не против представительных учреждений вообще. Из выписанной программы видно, что союз русского народа стоит за существование Гос. Думы в роли «помощницы».

Своеобразие русской, если можно так выразиться, конституции выражено дубровинцем и правильно, т.-е. соответственно фактическому положению вещей. И националисты и октябристы в своей действительной политике стоят именно на этой позиции. Спор о «конституции» между этими партиями в значительной степени сводится к спору о словах: «правые» не против Думы, подчеркивая лишь с особым усердием, что она должна быть «помощницей» без всякого определения ее прав, националисты и октябристы ни на каких строго определенных правах, с своей стороны, не настаивают, отнюдь и не помышляя о реальных гарантиях права. И «конституционалисты» октябризма вполне мирятся с «противниками конституции» на третьеиюньской конституции.

Травля инородцев вообще и евреев в особенности поставлена прямо, ясно, определенно в программе черносотенцев. Как и всегда, они выказывают здесь грубее, бесцеремоннее, задорнее то, что остальные правительственные партии более или менее «стыдливо» или дипломатически прячут.

На деле, как это известно всем и каждому, сколько-нибудь знакомому с деятельностью III Думы, с печатью вроде «Нового Времени», «Света», «Голоса Москвы» и т. п., в травле инородцев участвуют и националисты и октябристы.

Спрашивается, в чем же социальная основа партий правых? какой класс она представляет? какому классу она служит?

Возврат к лозунгам крепостного права, отстаивание всего старого, средневекового в русской жизни, полная удовлетворенность третьеиюньской — *помещичьей* — конституцией, защита привилегий дворянства и чиновничества, все это дает ясный ответ на наш вопрос. Правые — партия крепостников помещиков, совета объединенного дворянства. Недаром ведь именно этот совет

сыграл такую видную, более того, руководящую роль в разгоне второй Думы, в изменении избирательного закона и в перевороте 3 июня.

Чтобы выяснить экономическую силу этого класса в России, достаточно привести следующий основной факт, доказываемый цифрами *правительственной*, министерством внутренних дел изданной, поземельной статистики 1905 года.

В Европейской России менее чем 30.000 помещиков имеют 70.000.000 десятин земли; *столько же* имеют 7.000.000 крестьянских семей с наименьшим наделом. На одного крупнейшего помещика это дает, в среднем, около 2.300 десятин земли; на одного беднейшего крестьянина 7 десятин земли — на семью, на двор.

Совершенно естественно и неизбежно, что крестьянин на таком «наделе» не может жить, а может только медленно умирать. Постоянные голодовки миллионов — вроде голодовки нынешнего года — продолжают нарушать в России крестьянское хозяйство за каждым неурожаем. Крестьянам приходится снимать землю у помещика — под всяческие *отработки*. За землю крестьянин своей лошадью, своими орудиями работает на помещика. Это — та же барщина, только не называемая официально крепостным правом. На участках в 2.300 дес. земли помещики большей частью не могут и вести иного хозяйства, кроме кабального, отработочного, т.-е. барщинного. Наемными рабочими они обрабатывают лишь часть этих громадных имений.

Далее, тот же класс помещиков-дворян поставляет государству подавляющее большинство всех высших и средних чиновников. Привилегии чиновничества в России, это — другая сторона привилегий и земельной власти дворян-помещиков. Отсюда понятно, что совет объединенного дворянства и «правые» партии не случайно, а неизбежно, не по «злой воле» отдельных лиц, а под давлением *интересов* страшно могущественного *класса* отстаивают политику старых крепостнических традиций. Старый правящий класс, помещики-последыши, оставаясь правящим по прежнему, создал себе соответственную партию. Эта партия и есть «союз русского народа» или «правые» Гос. Думы и Гос. Совета.

Но, раз существуют представительные учреждения, раз выступили уже открыто на политическую арену *массы*, как они выступили у нас в 1905 году, — *для* всякой партии становится необходимой апелляция в тех или иных пределах к народу. С чем же могут апеллировать, обращаться к народу правые партии?

Конечно, прямо говорить о защите интересов помещика нельзя. Говорится о сохранении старины вообще, делаются усилия изо всех сил разжечь недоверие к инородцам, особенно евреям, увлечь совсем неразвитых, совсем темных людей на погромы, на травлю «жида». Привилегии дворян, чиновников и помещиков стараются прикрыть речами об «угнетении» русских инородцами.

Такова партия «правых». Член ее Пуришкевич, виднейший оратор правых в III Думе, очень много и успешно поработал над тем, чтобы *показать* народу, *чего* хотят правые, *как* они действуют, *кому* они служат. Пуришкевич — талантливый агитатор.

Рядом с «правыми», которые насчитывают в III Думе 46 депутатов, стоят «*националисты*» — 91 депутат. Оттенок, отличающий их от правых, совсем ничтожный: в сущности, это не две, а одна партия, поделившая между собою «труд» травли инородца, «кадета» (либерала), демократа и т. д. Одни погрубее, другие потоньше, *делают* одно и то же. Да и правительству *выгодно*, чтобы «крайние» правые, способные на всяческий скандал, погром, на убийство Герценштейнов, Иоллосов, Караваевых, стояли немного в стороне, как будто бы *они* «критиковали» правительство справа... Серьезного значения различие правых и националистов иметь не может.

Октябристов в III Думе 131 депутат, считая, конечно, и «правых октябристов» в том числе. Не отличаясь ничем существенным в теперешней политике от правых, октябристы отличаются от них тем, что кроме помещика эта партия обслуживает еще крупного капиталиста, старозаветного купца, буржуазию, которая так перепугалась пробуждения рабочих, а за ними и крестьян, к самостоятельной жизни, что целиком повернула к защите старых порядков. Есть такие капиталисты в России — и их очень не мало, — которые обращаются с рабочими ничуть не лучше, чем помещики с бывшими крепостными; рабочие, приказчик — для них та же челядь, прислуга. Защищать эти старые порядки никто не сумеет лучше правых партий, националистов и октябристов. Есть и такие капиталисты, которые на земских и городских съездах 1904 и 1905 г.г. требовали «конституцию», но *против* рабочих готовы помириться вполне на третьеиюньской конституции.

Партия октябристов — главная контр-революционная партия помещиков и капиталистов. Это — руководящая партия III Думы: 131 октябрист с 137 правыми и националистами составляют солидное третьедумское большинство.

Избирательный закон третьего июня 1907 года *обеспечил* большинство за помещиками и крупнейшими капиталистами: во *всех* губернских избирательных собраниях, посылающих депутатов в Думу, большинство принадлежит помещикам и выборщикам 1-й городской (т.-е. крупнокапиталистической) курии. В 28 губернских собраниях большинство принадлежит даже одним землевладельческим выборщикам. Вся политика правительства 3-го июня проведена при помощи октябристской партии, все грехи и преступления III Думы лежат на ее ответственности.

На словах, в своей программе октябристы отстаивают «конституцию» и даже... свободы! На деле эта партия поддерживала

все мероприятия против рабочих (законопроект о страховании, хотя бы, — вспомните *председателя* думской комиссии по рабочему вопросу, барона Тизенгаузена!), против крестьян, против ограничения произвола и бесправия. Октябристы — такая же правительственная партия, как националисты. Это обстоятельство нисколько не изменяется тем, что от времени до времени — и особенно перед выборами! — октябристы держат «оппозиционные» речи. Везде, где существуют парламенты, издавна наблюдалась и постоянно наблюдается эта *игра* буржуазных партий *в оппозицию*, игра, безвредная для них, ибо никакое правительство всерьез ее не берет, игра, иногда не бесполезная перед избирателем, которого надо «помазать» оппозиционностью.

Однако, специалистами и виртуозами игры в оппозицию является главная оппозиционная партия третьей Думы — к.-д., *конституционные «демократы»*, партия «народной свободы».

Игрой является уже название этой партии, которая на деле *вовсе не* демократическая партия, *отнюдь не* народная, партия не свободы, а полу-свободы, если не четверть-свободы.

На деле это — партия либерально-монархической буржуазии, которая народного движения боится гораздо больше, чем реакции.

Демократ верит в народ, верит в движение масс, всячески помогает ему, — хотя и имеет нередко (таковы буржуазные демократы, трудовики) ошибочное представление о значении этого движения в пределах капиталистического строя. Демократ искреннее стремится развязаться со *всем* средневековьем.

Либерал боится движения масс, тормозит его и *сознательно* защищает известные, притом главнейшие, учреждения средневековья ради того, чтобы иметь опору против массы, в особенности против рабочих. Дележ власти с Пуришкевичами — отнюдь не уничтожение всех основ власти Пуришкевичей — вот к чему стремятся либералы. Все для народа, все через народ — говорит демократический мелкий буржуа (крестьянин и трудовик в том числе), искренно стремясь к уничтожению всех основ пуришкевичевщины и не понимая значения борьбы наемных рабочих с капиталом. Наоборот, раздел с Пуришкевичем власти *над* рабочими и *над* мелкими хозяйчиками — вот действительная цель либерально-монархической буржуазии.

Кадеты в I и во II Думе имели большинство или главенствующее положение. Они использовали его для бессмысленной и бесславной *игры:* направо в лойяльность и министериабельность (мы-де способны мирно все противоречия разрешить, и мужика не испортить, и Пуришкевича не обидеть), налево — в демократизм. Справа кадеты получили в результате этой игры, в конце концов, пинок сапогом. Слева кадеты завоевали себе справедливое наименование предателей народной свободы. В обеих первых Думах они все время воевали не только с рабочей демократией, но

и с трудовиками. Достаточно напомнить, что выдвинутый трудовиками план местных земельных комитетов (I Дума), этот элементарно-демократический, азбучно демократический план, кадеты *провалили*, защищая *главенство* помещика и чиновника *над* крестьянином в землеустроительных комиссиях!

В III Думе кадеты играли в «ответственную оппозицию», оппозицию с родительным падежом. Во имя этого они вотировали неоднократно бюджеты правительства («демократы»!), они объясняли октябристам безопасность и безобидность своего «принудительного» (*для* крестьян принудительного) выкупа — вспомните Березовского 1-го, они посылали Караулова на трибуну вести «богомольные» речи, они отрекались от движения масс, они обращались к «верхам» и *обрывали* низы (кадетская борьба *против* рабочих депутатов в вопросе о страховании рабочих) и т. д., и т. п.

Кадеты — партия контр-революционного либерализма. Своей претензией на роль «ответственной оппозиции», т.-е. признанной, законной, *допущенной* к конкуренции с октябристами оппозиции не третьеиюньскому режиму, а третьеиюньского режима, — этой претензией кадеты окончательно похоронили себя, как «демократов». Бесстыдная веховская проповедь кадетских идеологов, гг. Струве, Изгоева и К°, зацелованных Розановым и Антонием Волынским, и роль «ответственной оппозиции» в III Думе, это две стороны одной медали. Либерально-монархическая буржуазия, терпимая Пуришкевичами, желает усесться рядом с Пуришкевичем.

Блок кадетов с «прогрессистами» в настоящее время, на выборах в IV Думу, дал еще новое подтверждение глубокой контрреволюционности кадетов. Прогрессисты ни малейших претензий на демократизм не имеют, ни словечка о борьбе со всем режимом 3-го июня не говорят, ни о каком «всеобщем избирательном праве» и не мечтают. Это умеренные либералы, не скрывающие своего родства с октябристами. Союз кадетов с прогрессистами должен даже наиболее ослепленным из «кадетских подголосков» открыть глаза на истинную сущность кадетской партии.

Демократическую буржуазию в России представляют народники всех оттенков, от самых левых эсэров вплоть до энэсов и трудовиков. Они все охотно говорят «социалистические» фразы, но обманываться насчет значения этих фраз сознательному рабочему непозволительно. На деле ни в каком «праве на землю», ни в каком «уравнительном распределении» земли, ни в какой «социализации земли» нет *ни капли* социализма. Это должен понимать всякий, кто знает, что товарное производство, власть рынка, денег, капитала не только не затрогивается, а, напротив, еще шире развертывается при отмене частной собственности на землю и новом, хотя бы и самом «справедливом», ее разделе.

Но фразы о «трудовом начале» и «народническом социализме» выражают глубокую веру (и искреннее стремление) демократа в

возможность уничтожить и необходимость уничтожить *все* средневековье в землевладении, а вместе с тем и в политическом строе. Если либералы (кадеты) стремятся разделить с Пуришкевичами политическую власть и политические привилегии, то народники потому и являются демократами, что они стремятся и должны стремиться в данное время к уничтожению *всех* привилегий землевладения и *всех* привилегий в политике.

Положение русского крестьянства в громадной массе таково, что ни о каком компромиссе с Пуришкевичами (вполне возможном, доступном и *близком для* либерала) оно не может и мечтать. Демократизм мелкой буржуазии имеет поэтому еще на довольно долгое время массовые корни в России, и столыпинская аграрная реформа, эта буржуазная политика Пуришкевичей против мужика, до сих пор не создала ничего прочного, кроме... голодовки 30 миллионов!

Миллионы голодающих мелких хозяйчиков не могут не стремиться к *иной,* демократической, аграрной реформе, — которая из рамок капитализма выскочить не может, наемного рабства не уничтожит, но *средневековье* смести с лица русской земли *может.*

Трудовики страшно слабы в III Думе, но представляют они *массы.* Колебания трудовиков между кадетами и рабочей демократией неизбежно вытекают из классового положения мелких хозяев, при чем особая трудность сплочения, организации и просвещения их создает крайнюю партийную неопределенность и бесформенность трудовиков. Поэтому трудовики — при содействии глупенького «отзовизма» левых народников — и представляют из себя печальную картину ликвидированной партии.

Разница трудовиков от наших, почти-марксистских, ликвидаторов та, что первые — ликвидаторы по слабости, вторые — по злостности. Помочь слабым мелко-буржуазным демократам, вырвать их из-под влияния либералов, сплотить лагерь демократии против контр-революционных кадетов, а не только против правых — такова задача рабочей демократии.

Относительно этой последней, имевшей свою фракцию в III Думе, мы можем здесь сказать лишь немногое.

Партии рабочего класса везде в Европе складывались, высвобождаясь из-под влияния общедемократической идеологии, научаясь отделять борьбу наемных рабочих с капиталом от борьбы с феодализмом, между прочим, именно ради усиления этой последней борьбы, ради освобождения ее от всякой шаткости и робости. В России рабочая демократия вполне отмежевалась и от либерализма и от буржуазной демократии (трудовичества) к громадной пользе дела демократии вообще.

Ликвидаторское течение в рабочей демократии («Наша Заря» и «Живое Дело») разделяет слабость трудовичества, прославляет бесформенность, тянется к положению «терпимой» оппозиции,

отрекается от гегемонии рабочих, ограничивается *словами* об «открытой» организации (браня не открытую), проповедует либеральную рабочую политику. Связь этого течения с распадом и упадочничеством времен контр-революции очевидна, отпадение его от рабочей демократии становится явным.

Сознательные рабочие, ничего не ликвидируя, сплачиваясь в противовес либеральным влияниям, организуясь как класс, развивая всевозможные виды сплочения профессионального и т. д., выступают и как представители *наемного* труда против капитала и как представители последовательной демократии против всего старого режима в России и против всяких уступок ему.

В виде иллюстрации мы помещаем данные о партийном составе III Государственной Думы, заимствуя их из официального думского «Справочника» на 1912 год.

ПАРТИЙНЫЙ СОСТАВ III ГОС. ДУМЫ.

Помещики:	
Правые	46
Националисты	74
Независимые националисты	17
Правые октябристы	11
Октябристы	120
Итого правительственные партии.	*268*
Буржуазия:	
Прогрессисты	36
Кадеты	52
Польское коло	11
Польско-Литовско-Белорусская группа	7
Мусульманская группа	9
Итого либералы	*115*
Буржуазная демократия:	
Трудовая группа	14
Рабочая демократия:	
Социал-демократы	13
Итого демократы	*27*
Беспартийные	27
Всего	*437*

В III Гос. Думе было два большинства: 1) правые и октябристы = 268 из 437; 2) октябристы и либералы = 120 + 115 = = 235 из 437. Оба большинства контр-революционны.

«Невская Звезда» № 5, 23 (10) мая 1912 г.
Подпись: В. Ильин.

АНКЕТА ОБ ОРГАНИЗАЦИЯХ КРУПНОГО КАПИТАЛА.

Промышленно-экономический отдел Имп. Русского Технического Общества произвел анкету об «общественных организациях торговопромышленного класса в России» — вернее, об организациях крупного капитала. Результаты этой анкеты изложены теперь в книге г. Гушки: «Представительные организации торговопромышленного класса в России» (Спб. 1912)[199]. И материал, имеющийся здесь, и выводы, которые намечает автор довольно определенно, заслуживают большого внимания.

I.

Анкета Технического Общества посвящена была, собственно, «представительным» организациям капиталистов, которые составляют около 80% всех организаций. Около 15% приходится на долю картелей, трестов, синдикатов; около 5% на долю союзов работодателей; остальное — на долю биржевых комитетов, советов съездов и т. п. Эти последние организации сами охотнее всего называют себя «представительными». Их задача — воздействие на органы власти.

Союзы работодателей ведут, по мнению г. Гушки, «непосредственную» классовую борьбу с наемными рабочими, а представительные организации — «посредственную» классовую борьбу, «борьбу с другими классами посредством давления на государственную власть и общественное мнение».

Эта терминология, конечно, неправильна. Она сразу показывает нам один из основных недостатков, которые г. Гушка разделяет с большинством представителей «профессорской», буржуазной политической экономии. Как будто бы принимается понятие классовой борьбы, как будто бы оно кладется в основу исследования. А в действительности это понятие суживается и извращается. В самом деле, у г. Гушки выходит, что борьба капиталистов с наемными рабочими внутри рамок данного политического строя есть «непосредственная» классовая борьба, а борьба *за са-*

мый политический строй есть *«посредственная»* классовая борьба! Куда же относится борьба за самую «государственную власть»?

Но об этом основном грехе «миросозерцания» г. Гушки нам придется говорить в своем месте. Значение его работы не в теории, а в сводке фактов. Данные, охватывающие организации преобладающего типа, во всяком случае представляют значительный интерес.

Общее число «представительных» организаций крупного капитала в России в 1910 году определено в 143. Из них 71 — биржевые общества с их комитетами. Затем 14 комитетов торговли и мануфактур, 3 купеческих управы, 51 организация «соединенной» группы (съезды, их советы, совещательные конторы и пр.) и 4 организации неопределенной группы. На анкету ответили всего 62 организации, т.-е. менее половины. Из 51 организации наиболее интересной «соединенной» группы ответили на анкету 22.

Характерны данные о времени возникновения организаций. Из 32 Биржевых Комитетов, ответивших на анкету, 9 возникли за сто лет с 1800 до 1900 года; 5 — за четыре года, с 1901 — 1904; 9 *за два года революции* — 1905 — 6; и 9 — с 1907 по 1910 г.

«Тут с полной ясностью — пишет г. Гушка — сказывается тот *толчок*, который дан был общественным *движением бурного 1905 года* процессу самоорганизации представителей капитала».

Из 22-х организаций соединенной группы только 7 возникло с 1870 по 1900 г.; 2 — с 1901 по 1904; 8 *в два года революции*, 1905 — 6; и 5 — с 1907 по 1910 г. Все эти «советы съездов» представителей промышленности вообще, горнопромышленников, нефтепромышленников и т. д., и т. п. — продукт главным образом революционной и контр-революционной эпохи.

По отраслям промышленности организации различаются следующим образом. Из групп биржевых комитетов преобладают смешанные отрасли; эти комитеты объединяют обыкновенно все отрасли промышленности и торговли данной местности. В группе комитетов торговли и мануфактур выделяется на первый план текстильное дело. В главнейшей — соединенной группе почти половина организаций падает на промышленность, а не на торговлю, именно на горное дело и металлургию.

«Эта группа отраслей (горнозаводская и металлическая промышленности) и составляет *экономический базис* организаций современной *промышленной «гвардии»* России», — пишет г. Гушка, который имеет маленькую страстишку говорить о предмете своего исследования «высоким стилем».

Сумму оборотов или производства во всей отрасли торговли и промышленности данной организации удалось определить лишь для части организаций. Получился итог в 1.570 миллионов рублей, из них — 1.319 милл. руб. у членов организаций. Следовательно, организовано 84%. Оборот 3.134 членов организаций составил

1.121 милл. руб., что дает в среднем на 1 члена — 358 тыс. руб. Число рабочих у 685 членов организаций — около 219 тысяч (автор ошибочно считает 319 тыс. на стр. 111), т.-е. в среднем на одного члена организации свыше 300 рабочих.

Ясно, что речь идет именно об организациях *крупного* капитала и даже, вернее, *крупнейшего*. Г. Гушка вполне отчетливо сознает это, указывая, напр., что в члены биржевых комитетов и комитетов торговли и мануфактур попадают лишь крупные и самые крупные торговцы и промышленники, — что организация съездов представителей промышленности и торговли состоит из «крупнейших» капиталистических предприятий.

Поэтому напрасно говорит автор в заглавии своей книги об организациях «торгово-промышленного *класса* в России». Это неверно. Это опять сужение понятия класс. Речь идет на самом деле у г. Гушки о *слое*, а не о классе. Правда, слой крупнейших капиталистов, конечно, экономически господствует над всеми остальными, подавляя их безусловно размерами своих оборотов; все это несомненно. Но все же это — слой, а не класс. Дистанция огромного размера отделяет, например, политическую роль представительных организаций этого слоя от его политического господства, а его политическое господство — от политического господства торгово-промышленного класса.

В связи с этим следует отметить следующее рассуждение г. Гушки: «Мы в России — пишет он — привыкли прилагать очень большой масштаб для определения того, что называется крупным или некрупным предприятием, ввиду необычайной, как известно, концентрации у нас капитала, превосходящей концентрацию его даже в Германии»...

Сравнение с Германией неправильно. У нас, напр., на Урале нет или очень мало мелких предприятий в горной и металлургической промышленности по причинам совсем особого рода — вследствие отсутствия полной свободы промышленности, вследствие пережитков средневековья. А наше казенное (или, что все равно, наше народническое) различение фабрично-заводской и «кустарной» промышленности, разве оно не делает нашу промышленную статистику несравнимою с германской? разве оно не обманывает сплошь да рядом наблюдателя насчет «необычайной концентрации» в России, заслоняя «необычайную» *раздробленность* тьмы мелких крестьянских предприятий?

II.

Интересно отметить некоторые данные анкеты о деятельности представленных организаций крупнейшего капитала. Автор дает, напр., сводку сведений об их бюджетах. Бюджет 22-х организаций соединенной группы дает 3.950,000 рублей дохода, а

общий итог прихода всех организаций — $7^1/_4$ миллионов рублей. «Этот $7^1/_4$-миллионный годовой бюджет наших 56 организаций,— пишет г. Гушка — вероятно, увеличился бы в $1^1/_2$ — 2 раза, если бы ввести финансовые отчеты других организаций, не вошедших в нашу анкету».

Но бо́льшая половина этого бюджета, именно $4^1/_2$ миллиона рублей, расходуется на хозяйственные и благотворительные цели. На чисто представительные функции 56 организаций тратят 2,7 милл. рублей. «Преобладающее число ответов или финансовых отчетов выдвигают на первый план в числе этих расходов на представительство *содержание служащих,* затем наем квартиры. Притом наибольшая доля расходов падает на содержание служащих в 64,4% организаций, на квартиру — в 26,7%».

Цифры эти, при обороте в 1.319 милл. рублей у обследованных союзов капиталистов, свидетельствуют о весьма скромных расходах, так что велеречивый вывод г. Гушки — бюджет расходов есть *«показатель финансовой мощи* (курсив автора) представительных организаций торгово-промышленной буржуазии в России»! — опять-таки показывает нам чрезмерную любовь этого автора к «большим словам».

«Третьему элементу», т.-е. служащей союзам капиталистов интеллигенции, автор посвящает 9-ю главу своей книжки. Оказалось, что 29 биржевых комитетов показали 77 представителей 3-го элемента, служащих в этих комитетах; затем 22 организации соединенной группы показали 180 таких служащих. Преобладают показания о 2—4 представителях 3-го элемента на организацию. Ввиду нередкого преуменьшения союзами капиталистов этого рода данных автор считает вероятным заключение, «что на службе у представительных организаций капитала, в ответственных должностях, находится армия (!!) интеллигенции численностью *не менее тысячи человек*», секретарей, бухгалтеров, статистиков, юрисконсультов и т. п.

Немногого же нужно, чтобы г. Гушка заговорил об «армии».

Издательство союзов капиталистов характеризуется следующими цифрами. В ответ на анкету кроме заполненных бланков получилась библиотечка в 288 томов — труды съездов, отчеты, уставы, докладные записки, которые в продажу вовсе и не поступали.

Девять организаций издают периодические журналы: «Горно-Заводское Дело», «Нефтяное Дело», «Промышленность и Торговля», «Известия Росс. Общества Винокуренных Заводчиков» и т. п. Все число вышедших номеров этих изданий автор определяет в 2.624 «тома», прибавляя к ним 452 тома «трудов», ежегодных отчетов и пр., а также 333 тома непериодических изданий, г. Гушка определяет итог в 3.409 «томов» и называет его «солидным». Общее число изданий, вероятно, составляет 4 — 5 тысяч томов,

«В этой библиотеке—без преувеличения—кроется целый клад», восклицает г. Гушка, богатейший материал для изучения, если можно так выразиться, *анатомии и физиологии* крупной буржуазии в России... Без изучения этого ценного материала нельзя составить себе верное представление о *балансе господствующих общественных сил России*, в частности о социальной природе и роли русской государственной власти как до 1905 года, так и после него».

Подобные вылазки в область вопроса о социальной природе и роли русской государственной власти г. Гушка делает очень часто. Их стоит рассмотреть особо ввиду важности этого вопроса и извращения его автором, который безмерно преувеличивает и именно поэтому походя клянется, что говорит «без преувеличения».

III.

«Центр тяжести деятельности рассматриваемых организаций,— пишет г. Гушка—как представительных, т.-е. посвященных представительству интересов промышленно-торгового класса, естественно лежит в области *формулировки позиции* представителей этого класса по различным вопросам, затрагивающим его интересы, и *защите этой позиции* различными способами».

Несомненно, что «центр тяжести» лежит именно здесь. В анкетных листках много внимания уделено тому, какие вопросы обсуждались организациями капиталистов и какие ходатайства они возбуждали. Сводя полученные сведения, автор выделяет длинный список «вопросов *общего*», по его мнению, «свойства». Группы важнейших вопросов получаются такие: а) страхование рабочих, праздничный отдых и т. п.; b) подоходный налог, промысловое обложение и т. д.; c) таможенная политика; d) пути сообщения; e) акционерные компании, кредит и пр.; f) заграничные консульства, статистика, организация горного ведомства; g) участие купечества в земских учреждениях, в Гос. Совете, в предварительном рассмотрении правительственных законопроектов и т. п.

Г. Гушка заключает по этому поводу: «Во всяком случае, как видно из перечисленных групп вопросов и ходатайств, сфера деятельности наших организаций очень широка»... Читая такое заключение, невольно останавливаешься и смотришь, не пропущено ли случайно словечко *не*. Ибо очевидно, что приведенная автором сфера деятельности очень *не* широка. Но тут дело отнюдь не в обмолвке, а в коренном «умоначертании» автора. «Трудно назвать — полагает он — более или менее существенную область социально-политической жизни страны, которая не охватывалась бы сферой деятельности представительных организаций капитала».

Это невероятно, но это факт: г. Гушка со всей серьезностью преподносит такую вопиющую неправду и на десятки ладов повторяет ее!

«Трудно назвать»... Ну, а избирательный закон? а вопрос аграрный? Или это не «существенные области социально-политической жизни страны»?

Г. Гушка смотрит на «социально-политическую жизнь» из узкого окошечка *купцовских* позиций. Он никак не может понять, что именно об узости, а вовсе не о широте, свидетельствует его абсолютное изложение. Узостью отличаются вопросы, поднимаемые купцами, ибо они касаются *только* купцов. До *общеполитических* вопросов капиталисты *не* поднимаются. «Допущение представителей промышленности и торговли» в те или иные местные или центральные учреждения — вот предел «смелости» их ходатайств. О том, как *вообще* должны быть организованы эти учреждения, они *не умеют* думать. Они берут сложившиеся по чужой указке учреждения и в них клянчат местечка. Они становятся рабски на государственную почву, не их классом созданную, и на этой почве «ходатайствуют» об интересах *своего* сословия, *своей* группы, *своего* слоя, не поднимаясь даже и тут до широкого понимания интересов всего *класса*.

Г. Гушка, вопиюще извращая дело, впадает прямо-таки в хвалебный тон. «Энергичное и настойчивое давление на органы власти», пишет он. «Наши организации» «это сами отлично (!!) понимают»... «Организации крупного капитала выработались в настоящее *преддумье*, фактически, пожалуй, больше влияющее на законодательство, чем Гос. Дума — тем более», покушается острить автор, «что к капиталистическому парламенту не применяется ст. 87-ая, и организации капитала ни разу еще не были нарочито распущены на 3 дня»...

Острота эта свидетельствует наглядно о беспредельности самодеятельного узколобия господ промышленных тузов и их хвалителя Гушки. Мелочь, совсем мелочь упущена из виду: Дума ставит вопросы о всем государственном управлении и о всех классах, входя в общегосударственные учреждения, а организации купецких тузов считают храбростью постановку вопросов *только* купецких, *только* о правах купцов.

Г. Гушка доходит до того, что приводит слова уфимского биржевого комитета из отчета за 1905—6 годы: «само правительство... рядом коренных реформирований биржевых учреждений намечает... *достойных себе помощников*», и называет эти слова «правильными», пишет их курсивом, говорит о «живом и активном сотрудничестве с правительством».

Невольно вспоминаешь, читая такие вещи, немецкое слово: Lobhudelei — пресмыкающееся восхваление или хвалебное пресмыкательство. В 1905—6 году говорить с самодовольным видом о «коренном реформировании» — «биржевых учреждений»! Да ведь это — точка зрения лакея, которому барин позволяет «совещаться» с поваром об устройстве обеда и т. п., называя их «достойными себе помощниками».

До какой степени приближается г. Гушка к этой точке зрения, видно из того подотдела главы XV о результатах ходатайств организаций, который он озаглавил: «Проигрышные позиции». «Нельзя отрицать того, — читаем здесь — что есть *несколько областей*, в которых ходатайства и требования представителей капитала, действительно, встречают противодействие со стороны правительства». Следуют примеры в таком порядке: 1) область казенных лесов; казна — сама лесопромышленник; 2) область железнодорожных тарифов; казна — сама предприниматель; 3) вопрос о земском представительстве и 4) вопрос о представительстве в Гос. Думе и Гос. Совете. «В обоих случаях — говорит автор про два последние — сказывается, конечно, интимная близость бюрократии к другому господствующему классу — поместно-землевладельческому».

«Но если оставить в стороне немногие указанные вопросы,— продолжает довольный г. Гушка — то приходится сказать, что во всех остальных областях... данные нашей анкеты рисуют позицию торгово-промышленного класса, как позицию выигрышную»...

Неправда ли, ведь это — перл! Проигрышная позиция — лес, железные дороги, земство и парламент. «Но если оставить в стороне немногие указанные вопросы», то позиция выигрышная!

И в «заключении» своей книги, воюя с «традиционным предрассудком» о приниженности и бесправии торгово-промышленного класса, г. Гушка поднимается, можно сказать, до патетической Lobhudelei:

«Не бесправным, приниженным классом торгово-промышленная буржуазия занимает место за столом российской государственности, а желанным гостем и сотрудником, «достойным помощником» государственной власти выступает она, занимая видное место и по установившемуся обычаю, и по закону, по писаному праву, притом не со вчерашнего дня».

Это вполне годится в официальную речь какого-нибудь Крестовникова, Авдакова, Тизенгаузена и т. п. братии на угощении министра. Именно такие речи, как раз таким языком писанные, знакомы всякому русскому человеку. Спрашивается только, как назвать «ученого», претендующего на «научную» разработку серьезной анкеты, который переносит в литературу застольные речи холопствующих купцов в качестве «вывода из анкеты»?

«От «доброго старого времени» — продолжает г. Гушка — нами унаследован приобревший прочность предрассудка взгляд, по которому в капиталистической России наблюдается то противоречие, что крупная буржуазия, господствуя *экономически*, продолжает оставаться *политически* порабощенной. Весь материал нашей анкеты пробивает чувствительную брешь в этой традиционной концепции».

Нужно самое беспредельное опошление марксизма, терминами которого кокетничает г. Гушка, чтобы считать анкету об организациях капиталистов способной дать «материал» по вопросу о

политическом порабощении буржуазии абсолютизмом и помещиками. Материала, дающего действительный ответ на этот вопрос, автор почти не затронул и не мог, оставаясь в пределах данной анкеты, затронуть.

Анкета, касаясь одной стороны жизни нашей буржуазии, *подтверждает*, напротив, ее политическое порабощение. Анкета показывает, что буржуазия экономически двигается вперед, — что отдельные, частные права буржуазии расширяются, — что растет организация ее в класс, — что увеличивается ее роль в политической жизни. Но именно потому, что эти изменения происходят, становится *еще глубже* противоречие между сохранением $^{99}/_{100}$ политической власти в руках абсолютизма и помещиков, с одной стороны, и экономическим усилением буржуазии, с другой.

Г. Гушка, кокетничая марксистскими терминами, на деле разделяет точку зрения дюжинного социал-либерализма. Подкрашивание этого либерализма марксистской фразеологией есть одна из специфических особенностей — или, если хотите, болезней России. Стоя на точке зрения либерализма, г. Гушка наткнулся на вопрос о социальной природе русской государственной власти, не поняв даже приблизительно всей широты и всего значения этого вопроса.

Классовая природа русской государственной власти потерпела серьезное изменение после 1905 года. Это изменение — в сторону буржуазную. Третья Дума, «веховский» либерализм, ряд других признаков свидетельствуют о новом «шаге по пути превращения в буржуазную монархию» нашей старой власти. Но, делая еще один шаг на этом новом пути, она *остается старой*, и сумма политических противоречий от этого увеличивается. Г. Гушка, наткнувшийся на серьезный вопрос, обнаружил свое неумение разобраться в нем.

IV.

Разрабатывая материалы довольно специальной анкеты, г. Гушка затронул еще один громадной важности принципиальный вопрос, на котором следует особо остановиться. Это — вопрос о «роли 1905 года», как гласит название одного из подотделов XIII главы в книге г. Гушки.

41-й вопрос анкетного бланка, о числе заседаний исполнительного органа организации за каждые из последних 5 лет, имел в виду выяснить степень усиления деятельности организаций в 1905 году. Полученный анкетой материал «не обнаружил — по словам г. Гушки — в жизни наших организаций такого явления», т.-е. заметного усиления деятельности.

«Да оно и понятно», замечает г. Гушка.

Чем же объясняет он это явление?

Союзы «работодателей», — рассуждает он — должны были усилить свою деятельность в 1905 году ввиду усиления стачечной борьбы.

«Организации же чисто представительного типа — продолжает г. Гушка — находились в положении, до известной степени противоположном: их главный контрагент — правительственная власть — именно в течение 1905 года находился в положении силы обороняющейся, менее всего верящей в себя и внушающей доверие другим. В тот «сумасшедший» год, «когда начальство ушло», всем, в том числе и промышленникам, казалось (особенно в конце года), что старое «начальство» уж больше и не придет.

«Вот почему представительные организации капитала не имели основания в ту пору усиливать активность своего представительства перед органами правительственной власти».

Это объяснение никуда не годится. Если бы действительно «начальство ушло», то уход старого политического начальства должен был бы неминуемо усилить активность нового экономического начальства, превратить его в новое политическое начальство. Если власть преимущественно оборонялась, то каким же образом «сотрудник и достойный помощник» этой власти (как аттестует г. Гушка торгово-промышленную буржуазию) мог бы не усиливать *своей* деятельности, обороняя эту власть и самого себя? Наш автор совершенно не продумал того, что он говорит, ограничившись просто набором слов, наиболее ходких, наиболее привычных. Он, может быть, чувствовал, что речь идет о крайне важном вопросе, от решения которого зависит ответ, или с решением которого тесно связан ответ на более общий вопрос о политической роли буржуазии, — и точно убоялся серьезного приступа к важному вопросу, точно обратился в бегство от него.

Вдумайтесь в следующее рассуждение автора по тому же пункту о роли 1905 года:

... «Часто собираться, чтобы формулировать свое отношение к волновавшим тогда всю страну общественно-политическим вопросам, организации капитала также не чувствовали склонности: оттертые на задний план широкой волной народного движения, они предпочитали до поры до времени выжидать результатов кипевшей вокруг них борьбы; а под конец, когда «начальство» недвусмысленно обнаружило склонность снова «придти» на свое место, — и организации торгово-промышленного класса постепенно стали возвращаться к обычной форме и степени интенсивности своей представительской деятельности».

«Организации капитала были оттерты на задний план широкой волной народного движения»... Очень хорошо! Но только г. Гушка опять не думает о том, о чем говорит. Против кого была направлена широкая волна народного движения? — Против старой власти. Каким же образом «сотрудник и достойный

помощник» этой власти мог быть оттерт на *задний* план? Он должен бы был — если бы это был действительно сотрудник и достойный помощник — выступить тем энергичнее на *передний* план, чем больше его экономическая сила, не зависящая от старой организации политической власти.

Каким образом «сотрудник и достойный помощник» старой власти мог попасть в такое положение, что он «предпочитал выжидать»?

Собрался г. Гушка воевать против теории о политическом порабощении экономически господствующей буржуазии, но запутался с первого же приступа к делу! Напротив, та «теория», которую он посулился разрушить, подкрепляется ходом событий в 1905 году.

И крупный торгово-промышленный капитал, и русский буржуазный либерализм не только «выжидали» в 1905 году, но и занимали весьма определенную контр-революционную позицию. Факты, свидетельствующие об этом, слишком общеизвестны. Но не подлежит сомнению, что по сравнению с силами абсолютизма и помещичьего класса крупнейший капитал был до известной степени «*оттерт на задний план*».

Как же это могло случиться, что в буржуазной революции наибольший подъем «волны народного движения» больше всего оттер на задний план буржуазию?

Это могло случиться, потому что только полное извращение понятия «буржуазная революция» приводит к взгляду, будто эта последняя ослабевает, когда отшатывается буржуазия. Это должно было случиться, потому что главной движущей силой буржуазной революции в России являются пролетариат и крестьянство, при колеблющемся положении буржуазии. Будучи политически порабощенной помещиками и абсолютизмом, буржуазия, с другой стороны, занимает контр-революционное положение при усилении рабочего движения. Отсюда ее колебания, ее отступление на «задний план». Она и против старого порядка и за него. Она готова помогать ему против рабочих, но она вполне способна «устроиться» и даже усилить и расширить свое господство без всяких помещиков и без всяких остатков старого политического режима: об этом ясно говорит опыт таких стран, как Америка и др.

Отсюда понятно, почему наибольший подъем «широкой волны народного движения» и наибольшее ослабление старой власти способно вызвать усиленное отступление «на задний план» торгово-промышленной буржуазии. Это — именно тот класс, который может быть нейтрализован в борьбе нового со старым, демократии с средневековьем, ибо, чувствуя себя привычнее, спокойнее, удобнее рядом со старым, этот класс может господствовать и при самой полной победе нового.

V.

Говоря об анкете И. Р. Т. Общества, нельзя обойти молчанием статьи г. А. Ерманского в №№ 1—2 и 3 ликвидаторской «Нашей Зари». Г. Ерманский пересказывает работу г-на Гушки чрезвычайно подробно, ни разу, однако, не оговаривая своего несогласия с ним! Точно человек, причисляющий себя к марксистам, может солидаризироваться с жиденьким либерализмом хвалителя торгово-промышленных тузов!

Г. Ерманский идет даже дальше г-на Гушки в том же направлении слегка подкрашенного в марксистский цвет социал-либерализма à la Брентано и Зомбарт.

«Организации представительного типа — пишет г. Ерманский — *организации классовой борьбы* в полном ее объеме и в общенациональном (отчасти даже в интернациональном) масштабе». Данные анкеты рисуют картину безграничной почти области обсуждаемых организациями вопросов. «Деятельность наших организаций простирается *почти на все задачи общегосударственного значения,* как справедливо формулирует екатеринославский биржевой комитет». Так рассуждает в журнале, претендующем на марксизм, г. Ерманский! Эти рассуждения — сплошная и вопиющая фальшь. Понятие классовой борьбы в смысле Маркса подменяется здесь *либеральным* понятием классовой борьбы. Общенациональным и общегосударственным объявляется как раз то, в чем отсутствует основной признак *обще*-национального и *обще*-государственного: устройство государственной власти и вся область «общегосударственного» управления, общегосударственной политики и т. д.

Посмотрите, до каких геркулесовых столбов доходит в своем усердии не по разуму г. Ерманский. Оспаривая взгляд на «капиталистическую буржуазию в России» (он хочет сказать крупную торгово-промышленную буржуазию) как на дряблую, недоразвитую и проч., он ищет «современной формулы», выражающей «фактическое положение крупной буржуазии в России».

И что же оказывается? За такую формулу г. Ерманский принимает слова Авдакова, сказанные в Совете по горнопромышленным делам во время дебатов (слушайте!) о переходе *к новой организации горнопромышленных съездов с выборным председателем.* Практика (русская) такова, — сказал Авдаков, — «что до сих пор нас никто никогда ни в чем не стеснял».

«Вот формула, — пишет г. Ерманский — которая как нельзя больше подходит к современности».

Ну, еще бы! Не стесняли тупых и покорно несущих иго государственных привилегий помещика купцов в организации горнопромышленных съездов! Вместо того, чтобы посмеяться над велеречивым Кит Китычем Авдаковым, г. Ерманский разбивает себе лоб от усердия, уверяя, что Авдаков не Кит Китыч, что

он дал «современную формулу», выражающую «фактическое положение крупной буржуазии в России»! А Кит Китыч Авдаков вполне похож на разжиревшего камердинера, который и думать не смел о том, чтобы стать полным хозяином *вместо* барина, умиляется тем, как барин разрешает ему в лакейской совещаться с горничной, поваром и т. д.

Следующая тирада из статьи г. Ерманского показывает, что он именно этой разницы между положением камердинера и барина понять не хочет:

«Тут также не лишнее будет сделать одно сопоставление: — пишет он — всем памятно, как решительно и, так сказать, всенародно стремления земцев к «участию в делах внутреннего управления» были названы «бессмысленными мечтаниями»; с другой стороны, петербургский биржевой комитет еще в доконституционное время, заявляя о необходимости «возможно широкого распространения права участия биржевых обществ (это заметьте!) в делах управления», с полным основанием добавлял: «Это право биржевых обществ не составит какого-либо новшества, так как биржевые общества отчасти *уже пользуются им*». То, что было «бессмысленным мечтанием» для других, то было не мечтанием, а действительностью, элементом реальной конституции для представителей крупного капитала».

«То» да не то, г. Ерманский! «Сопоставление» ваше изобличает вашу неспособность или нежелание отличить стремление (помещичьего класса) самому стать *полным* барином от стремления (разбогатевшего бурмистра, Федьки или Ваньки) совещаться с *другими слугами* барина. Это «две большие разницы».

Вполне естественно, что выводы у г. Ерманского получаются целиком в духе Ларина. Представители крупного капитала — пишет г. Ерманский — «уже давно заняли в России позицию господствующего класса в полном смысле этого слова».

Это — сплошная фальшь. Тут забыто *и* самодержавие *и* то, что власть и доходы остаются попрежнему в руках землевладельцев-крепостников. Г. Ерманский напрасно думает, что «*только* в конце XIX и начале XX века» наше самодержавие «перестало быть *исключительно* крепостническим». Этой «исключительности» не было уже в эпоху Александра II по сравнению с эпохой Николая I. Но смешивать крепостнический режим, теряющий свойства *исключительно* крепостнического, делающий шаги к буржуазной монархии, смешивать его с «полным господством представителей крупного капитала» совершенно непозволительно.

VI.

Редакция «Нашей Зари», как водится, снабдила статью г. Ерманского «оговорочкой»: автор-де «недооценивает значение для нее (крупной буржуазии) непосредственного участия в политической власти».

*

Система оговорочек прочно свила себе гнездо у ликвидаторов. В ряде статей Ерманский подробнейшим образом развивает взгляды на классовую борьбу в духе либеральном. Проповедь журнала есть проповедь либеральная... А «воспоминания о прекрасных днях» марксизма запрятаны в две строчки примечания! Читатели «Нашей Зари» воспитываются в духе либерализма, подменяющего собой марксизм, а редакция «выгораживает себя» — оговорочкой, совсем как в кадетской «Речи».

Дело вовсе не только в том, что г. Ерманский «недооценивает» известную сторону вопроса. Дело в его сплошь неправильном взгляде на классовую борьбу. Дело в его коренной ошибке при оценке социальной структуры самодержавия. Мы давно указывали и не устанем указывать, что *этого* вопроса *не обойти* никакими усмешечками по поводу «ответов 1908 года» (или 1912 года) и т. д. *Нельзя* миновать этого вопроса в сколько-нибудь серьезной публицистике.

Разногласие между Ерманским и Лариным, с одной стороны, редакцией «Нашей Зари», с другой, есть разногласие откровенных и по своему честных ликвидаторов с дипломатами ликвидаторства. На этот счет не следует себе делать иллюзий.

Ларин писал: власть у нас стала уже буржуазной. Поэтому рабочие должны организоваться не в ожидании революции (и не «для революции», добавил он), а для участия в конституционном обновлении страны. Ерманский, с *другой* стороны подходя к вопросу, повторяет по сути дела *первую* посылку Ларина, при чем на выводы он только намекает, не говоря о них прямо.

Мартов «поправлял» Ларина так же, как редакция «Нашей Зари» поправляет Ерманского: власть-де еще не буржуазна и рабочим «достаточно» ухватиться за противоречие конституционализма с абсолютизмом.

Таким образом в выводах между Мартовым (с редакцией «Нашей Зари») и Лариным-Ерманским получается согласие, вполне естественное при их согласии в основных посылках либерального взгляда на рабочую политику.

Мы же продолжаем думать, что этот взгляд в корне неверен. Не в том дело, «недооценивает» Ерманский или «переоценивает» Мартов «левение» Гучковых, Рябушинских и К°. Не в том дело, «недооценивает» Ерманский или «переоценивает» Мартов «значение для *буржуазии* непосредственного участия в политической власти». Дело в том, что *оба* они не только «недооценивают», но прямо не *понимают* значения для *рабочего класса* и для идущей за ним, свободной от современных шатаний либерализма, буржуазной демократии «непосредственного участия в политической власти»! Оба они думают только об *одной* «политической власти», забывая о *другой*.

Оба они смотрят на верх и не видят низов. Но, если десять

Рябушинских и сто Милюковых ворчат и либерально негодуют, то это *значит*, что десятки миллионов мелких буржуа и всякого «мелкого люда» чувствуют себя невыносимо. И эти миллионы тоже возможный источник «политической власти». Только сплочение подобных демократических элементов и против правых и независимо от колебаний либералов способно «решить» вопросы, историей поставленные в начале XX века перед Россией.

«Просвещение» № 5—7, апрель — июнь 1912 г.
Подпись: В. Ильин.

СУЩНОСТЬ «АГРАРНОГО ВОПРОСА В РОССИИ».

«Аграрный вопрос» — если употреблять эту обычную, ходячую терминологию — существует во всех капиталистических странах. Но в России *рядом* с обще-капиталистическим аграрным вопросом существует *другой*, «истинно-русский» аграрный вопрос. Чтобы кратко отметить разницу обоих аграрных вопросов, укажем, что ни в одной цивилизованной капиталистической стране нет сколько-нибудь широкого демократического движения мелких землевладельцев за переход к ним земель крупного землевладения.

В России такое движение есть. И, соответственно этому, ни в одной европейской стране, кроме России, марксисты не выставляют и не поддерживают требования о переходе земли к мелким землевладельцам. Русский аграрный вопрос неизбежно породил признание *всеми* марксистами такого требования, независимо от разногласий, связанных с тем, *как* должно быть организовано владение и распоряжение переходящей землей (раздел, муниципализация, национализация).

Откуда же разница между «Европой» и Россией? Не от самобытности ли развития России, не от отсутствия ли в ней капитализма или особой безнадежности, безысходности нашего капитализма? Так думают народники различных оттенков. Но этот взгляд в корне неверен, и жизнь давно опровергла его.

Различие между «Европой» и Россией происходит от чрезвычайной отсталости России. На западе аграрно-буржуазный строй уже вполне сложился, крепостничество давно сметено, остатки его ничтожны и не играют серьезной роли. Главным общественным отношением в области сельского хозяйства на Западе является отношение *наемного рабочего* к предпринимателю, фермеру или собственнику земли. Мелкий земледелец занимает там промежуточное положение, переходя, с одной стороны, в класс нанимающихся, продавцов рабочей силы (многочисленные формы так называемой подсобной работы или побочных заработков крестьянина), а, с другой стороны, в класс нанимателей

(число наемных рабочих у мелких земледельцев гораздо значительнее, чем обыкновенно думают).

В России, несомненно, уже упрочилось и неуклонно развивается столь же капиталистическое устройство земледелия. И помещичье и крестьянское хозяйство эволюционируют именно в этом направлении. Но чисто капиталистические отношения придавлены еще у нас в *громадных* размерах отношениями *крепостническими*. Борьба массы населения, в первую голову массы крестьянства вообще, с этими именно отношениями — вот в чем своеобразие русского аграрного вопроса. На Западе *такой* «вопрос» существовал во время оно повсеместно, но он давно уже там решен. В России с его решением запоздали, аграрная «реформа» 61-го года не решила его, столыпинская аграрная политика *не может* при данных условиях решить его.

В статье «Землевладение в Европейской России» («Невская Звезда» № 3)*) мы привели главнейшие данные, выясняющие сущность современного русского аграрного вопроса.

Около 70 миллионов земли у 30.000 крупнейших помещиков и приблизительно столько же у 10 миллионов крестьянских дворов — таков основной фон картины. О каких хозяйственных отношениях свидетельствует эта картина?

Тридцать тысяч крупнейших помещиков — главным образом, представители старого барства и старого крепостнического хозяйства. Из 27.833 владельцев имений свыше 500 десятин — дворян 18.102, т.-е. *почти две трети*. Громаднейшие латифундии, которые находятся в их руках, — в среднем приходится свыше 2.000 десятин земли на каждого из этих крупнейших помещиков! — не могут быть обрабатываемы инвентарем владельца и наемными рабочими. В значительной степени неизбежной является, при таком положении дела, старая барщинная система, то-есть существование мелкой культуры, мелкого хозяйства на крупных латифундиях, обработка помещичьей земли инвентарем мелкого крестьянина.

Именно эта барщинная система и распространена, как известно, особенно широко в центральных, исконно-русских, губерниях Европейской России, в *сердце* нашего земледелия. Так называемые отработки представляют из себя не что иное, как прямое продолжение и пережиток барщинной системы хозяйства. Невозможные кабальные приемы хозяйства, вроде зимней наемки, работы за отрезные земли, «круговой обработки» и т. д., и т. п. — это тоже барщина. Крестьянский «надел» является, при такой хозяйственной системе, способом обеспечения *помещика* рабочими руками, и не только рабочими руками, но и инвентарем, который, как бы жалок он ни был, служит для обработки помещичьей земли.

---

*) См. настоящий том, стр. 470 — 472. *Ред.*

Крайняя нищета массы крестьян, которые привязаны к своему наделу и не могут жить с него, крайняя примитивность земледельческой техники, крайняя неразвитость внутреннего рынка для промышленности, — таковы результаты этого положения вещей. И самым рельефным доказательством того, что в основе, в сути своей дело остается неизменным вплоть до наших дней, является теперешняя голодовка 30 миллионов крестьянства. Только крепостническая задавленность, оброшенность, беспомощность массы закабаленных мелких хозяев *может* вести к таким ужасным массовым голодовкам в эпоху быстро развивающейся и сравнительно высоко уже стоящей (в лучших капиталистических хозяйствах) земледельческой техники.

Коренное противоречие, которое ведет к таким ужасным бедствиям, незнакомым крестьянству Западной Европы со времен средних веков, есть противоречие между капитализмом, высоко развитым в нашей промышленности, значительно развитым в нашем земледелии, и *землевладением*, которое продолжает оставаться средневековым, крепостническим. Нельзя выйти из этого положения без крутой ломки старого землевладения.

Крепостническим является не только помещичье, но и крестьянское землевладение. Относительно первого дело так очевидно, что не возбуждает никаких сомнений. Заметим только, что уничтожение крепостнических латифундий, скажем, хозяйств свыше 500 десятин, не подорвет крупного *производства* в земледелии, а, напротив, усилит, разовьет его. Ибо крепостнические латифундии — опора *мелкого* кабального земледелия, а вовсе не крупного производства. На громаднейших участках земли, свыше 500 дес., почти невозможно или, по крайней мере, крайне трудно в большинстве местностей России ведение *крупного хозяйства*, обработка всей земли инвентарем владельца и вольнонаемным трудом. *Понижение* размера таких владений есть одно из условий гибели мелкого кабального земледелия и перехода к крупному капиталистическому производству в сельском хозяйстве.

С другой стороны, и надельное крестьянское землевладение в России тоже остается средневековым, крепостническим. И дело не только в его юридической форме, изменяемой теперь фельдфебельским разрушением общины и насаждением частной поземельной собственности, — дело также в его *фактическом* обличье, которое никаким разгромом общины не затрогивается.

Фактическое положение громадной массы мелких и мельчайших, большей частью, чересполосных крестьянских «парцелл» (= крохотных участков земли), отличающихся наихудшим качеством почвы (вследствие отмежевания крестьянской земли в 1861 году под руководством крепостников-помещиков и вследствие выпаханности земли), — неизбежно ставит их в кабальное отношение к наследственному владельцу латифундии, старому «барину».

Представьте только себе нагляднее эту картину: на 30.000 владельцев латифундий по 2.000 десятин земли приходится 10.000.000 крестьянских дворов с семидесятинным участком на «средний» двор. Ясно, что никакое разрушение общины, никакое создание частной поземельной собственности *еще не* в состоянии будет изменить кабалы, отработков, барщины, крепостнической нищеты и крепостнических форм зависимости, вытекающих отсюда.

«Аграрный вопрос», порождаемый таким положением вещей, есть вопрос об устранении остатков крепостничества, сделавшихся невыносимой помехой капиталистическому развитию России. Аграрный вопрос в России есть вопрос о крутой ломке старого, средневекового землевладения, как помещичьего, так и надельного крестьянского,—ломке, которая стала абсолютно необходимой вследствие крайней отсталости этого землевладения, крайнего несоответствия между ним и всей системой народного хозяйства, сделавшегося капиталистическим.

Ломка должна быть крутой, потому что несоответствие чересчур велико, потому что старое слишком старо, «болезнь чересчур запущена». Ломка во всяком случае и во всех ее формах не может не быть, по своему содержанию, буржуазной, так как вся хозяйственная жизнь России уже буржуазна, и землевладение непременно подчинится ей, непременно приспособится к велениям рынка, к давлению всемогущего в нашем теперешнем обществе капитала.

Но если ломка не может не быть крутой, не может не быть буржуазной, то остается еще нерешенным, *какой* класс из двух непосредственно заинтересованных классов, помещичьего и крестьянского, проведет это преобразование или направит его, определит его формы. Этому «нерешенному вопросу» мы посвятим следующую статью: «Сравнение столыпинской и народнической аграрной программы» *).

«Невская Звезда» № 6, 4 июня (22 мая) 1912 г.
Подпись: Р. С.

---

*) См. XVI том Сочинений. *Ред.*

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ПРЕДВЫБОРНОЙ МОБИЛИЗАЦИИ.

Политические силы, участвующие в выборах в Гос. Думу, почти все уже окончательно организовались. Во всяком случае, основные партийные группировки наметились столь определенно, что ни о каких серьезных и существенных изменениях не может быть и речи.

Правительство давно начало избирательную кампанию. Правые, националисты, октябристы «работают» при явной помощи администрации. Недавно опубликованный «Речью» и перепечатанный многими газетами циркуляр губернаторов к исправникам [200]) о принятии «мер» к недопущению «левых» кандидатов ни в уполномоченные (от крестьян особенно), ни в выборщики, приподнимает немного завесу над «избирательной» машиной министерства внутренних дел. Несомненно, все возможное — и невозможное — будет с этой стороны сделано против оппозиции. Недаром премьер Коковцов в речи перед московскими купцами так усиленно подчеркивал зловредность «оппозиции для оппозиции».

Но, если позволительно не сомневаться в усердии правительства и полиции на выборах, то так же несомненно, что в настроении избирателей произошло и происходит широкое изменение «влево». Никакие ухищрения правительства этого факта изменить не в силах. Напротив, ухищрения и «мероприятия» в состоянии только усилить недовольство. И легко понять, что, если это недовольство выражается у крупной буржуазии «оппозиционной» речью Шубинского или «осторожным» намеком Рябушинского на желательность «культурных приемов управления» или ядовитыми шпильками министерству со стороны кадетской «Речи», — то у широкого круга «маленьких людей», зависящих от Рябушинских, Головиных и пр., недовольство гораздо острее и серьезнее.

Каковы же определившиеся политические группировки в лагере оппозиции, политически выражающей это недовольство? Определилась «ответственная», либерально-монархическая оппозиция кадетов и прогрессистов. Блок между ними ясно знаменует, что кадеты гораздо «правее», чем они кажутся.

Определилась рабочая демократия, поставившая своей задачей не «поддержку» кадетско-прогрессистской оппозиции, а *использование* ее конфликтов с правыми (националисты и октябристы в том числе) для просвещения и организации демократии. Определилась, наконец, и буржуазная демократия: на конференции трудовиков она высказалась за соглашения «в первую очередь с с.-д., не давая в то же время никакого определенного лозунга борьбы с контр-революционным либерализмом к.-д., т.-е. на практике колеблясь попрежнему между теми и другими.

Каковы же итоги этой предвыборной «политической мобилизации» партий? Первый и основной итог, давно уже сделанный рабочей демократией, это — наличность *трех*, а не двух лагерей в борьбе. Либералам усиленно хочется представить дело так, что борются, в сущности, два лагеря, и ликвидаторы, как было неоднократно показано, скатываются постоянно к этому же взгляду. За конституцию или против конституции? — формулируют разногласие двух лагерей кадеты. На деле же эта формулировка ровно ничего не определяет, ибо и октябристы уверяют в своей конституционности, да и вообще речь должна идти не о том, что можно назвать конституцией и чего нельзя так назвать, а о точном содержании известных либеральных или демократических требований.

Три лагеря определяются именно содержанием требований, реальным различием классовых тенденций: лагерь правый или правительственный; либеральный или либерально-монархической буржуазии, стоящей на контр-революционной почве; и демократический. Вопрос идет при этом не столько о «шансах» при данной избирательной системе, — нет, дело гораздо глубже, вопрос идет обо всем характере политической проповеди во время выборов, обо всем идейно-политическом содержании избирательной кампании.

«Стратегия» либералов при таком положении дел ежедневно направляется на то, чтобы захватить гегемонию «всего» оппозиционного движения в свои руки. И либеральные «Запросы Жизни» выболтали тщательно утаиваемую «Речью» «тайну» этой стратегии. «Прогрессисты — пишет г. Р. Б. в № 13 «Запросов» — открыли свою кампанию многообещающим ходом (!), составив так называемый «беспартийный прогрессивный блок», обнаруживший с первых дней большую притягательную силу для оппозиционных политических кругов правее к.-д.». С другой стороны, «избирательная платформа трудовой группы,... несмотря на свою расплывчатость, — отчасти, может быть, благодаря ей, — отвечает на запросы широких кругов демократической интеллигенции». «При известных условиях, трудовая группа могла бы выполнить левее к.-д. такую же роль, какую правее к.-д. приняла на себя группа прогрессистов. Оппозиционный фронт тогда состоял бы из

подвижных и колеблющихся, но гибких крайних флангов и неподвижного, но упорного центра, что в стратегическом отношении имеет свои выгодные стороны и в политической борьбе».

Что у гг. Милюковых и Шингаревых на уме, то у Р. Б. на языке! Кадетам именно два «гибких» фланга и нужны: прогрессисты для уловления буржуазного третьеиюньского избирателя и «расплывчатые» демократы для уловления демократически настроенной публики. «Стратегия» эта действительно вытекает из природы самой кадетской партии. Это — партия контр-революционных либералов, обманом ведущая за собой некоторые демократические слои вроде части приказчиков, мелких служащих и т. п. Такой партии как раз и нужен «беспартийный прогрессист» в качестве настоящей классовой опоры и расплывчатый демократ в качестве ходкой вывески.

Типом прогрессиста может служить помещик Ефремов и миллионер Рябушинский. Тип расплывчатого демократа — трудовик из народнического лагеря и ликвидатор из марксистского. Возьмите всю историю кадетской партии,— и вы увидите, что *всегда* она действовала именно так, чтобы на словах был у нее демократизм, а на деле «ефремовский и соответствующий Рябушинскому» либерализм. Начиная хотя бы с провала плана местных земельных комитетов 1906 года и кончая голосованиями за бюджет в III Думе или «лондонскими» лозунгами Милюкова и т. п., мы видим именно эту *природу* к.-д. партии и фальшиво-демократический *наряд*.

Неловкость г-на Р. Б. из «Запросов» так велика, что он нечаянно сказал правду, усиленно скрываемую от демократов и запутываемую либералами. Программа прогрессистов, признается он, «ставит вопрос на твердую, реальную почву»! А в программе этой, кроме общих фраз чисто октябристского фасона (напр., «полное осуществление манифеста 17 октября»), ничего нет. Твердой и реальной почвой называется почва буржуазного либерализма до того умеренного, безответного, бессильного, что возлагать на него какие бы то ни было надежды прямо смешно. Те, кто был «мирнообновленцем» в 1907 году,— те, кто держался середины между кадетами и октябристами в III Думе,— вот кто именуется твердой и реальной почвой!

Миллионер Рябушинский — прогрессист. Орган этих или подобных прогрессистов — «Утро России». И не кто иной, как «Речь», орган кадетов, заключивших блок с прогрессистами, писала: «Всех довольнее (речью Коковцова) орган московских промышленников «Утро России»... Оно вторит Крестовникову: «Торгово-промышленная Москва вправе считать себя удовлетворенной»». И «*Речь*» добавляла от себя: «Поскольку это зависит от «Голоса Москвы» и «Утра России», они готовы не вести никакой линии и чувствуют себя удовлетворенными».

Спрашивается, где данные, что Ефремов или иные прогрессисты *имеют* «линию»? Таких данных нет. Поддержка подобного прогрессизма, все равно, называется ли он прогрессизмом или кадетизмом, есть не что иное, как сдача позиции демократией. Другое дело — использование конфликтов между буржуазией и помещиками, между либералами и правыми. Только так может ставить демократ свои задачи.

Ясное сознание контр-революционности либерализма кадетов и прогрессистов необходимо для выполнения этой задачи, для политического просвещения и организации тех чрезвычайно широких масс, которые экономически зависят от Ефремовых и Рябушинских. Отсутствие этого ясного сознания — главный недостаток, общий трудовикам и ликвидаторам. У трудовиков классовая характеристика либерализма вовсе отсутствует, у ликвидаторов фразы «о вырывании *Думы* из рук реакции», о приближении кадетов и прогрессистов к власти, о совершаемой ими исторически-прогрессивной работе (см. Мартова и Дана), все же в совокупности даст именно ту роль кадетского «флага», которой так доволен и Р. Б.

Субъективные пожелания трудовиков и ликвидаторов, конечно, не таковы, но дело не в их субъективных планах, а в объективной группировке общественных сил. А эта группировка, вопреки всем сторонникам идеи двух лагерей, вопреки злорадным крикам о дезорганизованности рабочей демократии (см. в той же статье г. Р. Б.), показывает нам ясно, что третий лагерь образовался. Его линия отчетливо выставлена и всем известна. Рабочие-антиликвидаторы ведут эту линию, сплачивая всех демократов в борьбе *и* с правыми *и* с либерализмом. Не делая себе никаких иллюзий насчет бессильного, раболепствующего во всех коренных вопросах перед реакцией либерализма кадетов, рабочие используют его столкновения с реакцией для себя, для своей классовой организации, для своей демократии, которая зреет теперь бесшумно в толще народных масс, порабощенных Ефремовыми и Рябушинскими.

Борьба правых с «ответственной» оппозицией должна послужить и послужит — благодаря антиликвидаторской тактике рабочих — развитию сознания и самостоятельной организации такой «оппозиции», которая на малопочетный титул «ответственной» не претендует.

«Невская Звезда» № 6, 4 июня (22 мая) 1912 г.
Подпись: Б. Г.

ПИСЬМО Б. Н. КНИПОВИЧУ [201]).

6 июня 1912 г.

Дорогой коллега! Ужасно досадно, что мое первое письмо к Вам по поводу книги (за присылку ее очень благодарю) — пропало. Невероятный, но у нас, оказывается, возможный факт пропажи чисто научного письма. Постараюсь восстановить по памяти, ибо копии не оставлял.

С большим удовольствием прочитал я Вашу книгу и очень рад был видеть, что Вы взялись за большую серьезную работу. На такой работе проверить, углубить и закрепить марксистские убеждения, наверное, вполне удастся.

Отмечу некоторые мысли, которые пришли мне в голову при чтении. Мне показалось, что кое-где упускается из виду уход из деревни при учете итогов «дифференциации». Поясню свою мысль примером: а) первый момент. Из 100 дворов 25 безлошадных = 25% или беспосевных. б) Второй момент. Из 150 дворов 36 беспосевных = 24%. Кажется, уменьшение дифференциации? Но, если 30 дворов или семей ушли из деревни — в город, в переселение и т. п., то *на деле* пролетаризация усилилась. Я думаю, это пример типичный. Статистика всегда берет наличные дворы, оставаясь «узко-статистической» и опуская самое, иногда, главное.

Затем, автор определенно и неоднократно ограничивает предмет своего исследования *земледельческой* стороной хозяйства. А в выводах он незаметно расширяет тему, говоря о всем *сельском* хозяйстве и иногда даже о всем хозяйстве. От этого выходит неправильность, ибо целый ряд моментов «дифференциации», т.-е. пролетаризации крестьян и нарождения капитала, от этого *теряется* (напр., торговое скотоводство в Ярославской губернии и другие виды проникновения обмена в сельское хозяйство при специализации его).

Далее. За рядами цифр не упускаются ли иногда из виду *типы*, общественно-экономические *типы* хозяйств (крепкий хозяин-буржуа; средний хозяйчик; полупролетарий; пролетарий)?

Опасность эта *очень* велика в силу *свойств* статистического материала. «Ряды цифр» увлекают. Я бы советовал автору учитывать эту опасность; наши «катедеры» безусловно *душат* таким образом живое, марксистское, содержание данных. Топят классовую борьбу в рядах и рядах цифр. У автора этого *нет*, но в большой работе, предпринимаемой им, учесть эту опасность, эту «линию» катедеров, либералов и народников следует сугубо. Учесть и *обрезать* ее, конечно.

Наконец, как-то вроде Deus ex machina *) явился Маслов [202]. Cur? Quomodo? Quibus auxiliis **)? Ведь от марксизма его теория очень далека. Верно народники называли его «критиком» (= оппортунистом). Доверился ли ему автор более случайно, может быть?

Таковы мои мысли при чтении интересной и серьезной книги. Жму руку и желаю успеха в работе. Пользуюсь случаем, чтобы послать большой привет всей фамилии, а особливо «водовозным клячам» [203]), — помните?

Ваш *В. Ульянов.*

Впервые напечатано в 1928 г. в журнале «Большевик» № 7.

Печатается по рукописи.

---

*) — нечто, появляющееся неожиданно, извне. *Ред.*

**) — Почему? Каким образом? Какими средствами? *Ред.*

СИЛА РАБОЧИХ ПАРТИЙ В ЕВРОПЕЙСКИХ ПАРЛАМЕНТАХ.

С каждым годом растет сила рабочих партий в европейских парламентах. Каждые новые выборы приносят весть о победе социалистов.

Растет число голосов, поданных за социалистических депутатов, все в большем числе возвращаются социалистические депутаты после выборов в парламент. Это тенденция, указывающая направление, в котором идет общественное развитие.

Возьмем выборы последних лет. В 1910 г. были выборы *во Франции*. В 1906 г. за партийных кандидатов было подано 878 тысяч голосов, в 1910 г.—1.106 тысяч. Увеличение на 228 тыс.; в 1906 г. в палату входило лишь 54 депутата, в 1910—76, увеличение на 22 человека *).

В 1911 г. происходили выборы *в Швеции*. Победа социалистов превзошла все самые оптимистические ожидания: число голосов с 75 тыс. поднялось до 170 тыс., т.-е. гораздо более, чем вдвое, вместо 36 социалистических депутатов, теперь 65. Цифры красноречивее всяких слов.

Наконец, в текущем 1912 г. мы имели в Германии еще одну блестящую победу, вдохнувшую новую силу и энергию в ряды десятимиллионной армии социалистического пролетариата и заставившую врагов заговорить о государственном перевороте. 110 депутатов в рейхстаге и $4^1/_2$ миллиона избирателей, поддерживающих их! Во время выборов 1907 г. было лишь 53 депутата и подано было за социалистов 3.258 тыс. голосов. Прирост громадный! Теперь социал-демократия самая сильная партия в рейхстаге.

Сравнительная сила партий в новом рейхстаге: соц.-дем.—110; депутатов центра — 93; консерваторов — 66; национал-либералов — 47; радикалов — 44; поляков — 18; всех других — 19.

---

*) Перевыборы в XIV Парижском округе дали еще одного социалистического депутата — Браке.

Единственное исключение представляют выборы 1911 г. в Австрии. Число депутатов не увеличилось, а упало с 87 до 82.

Но это исключение лишь подтверждает общее правило. Путем упорной борьбы, ряда грандиозных демонстраций, организации всеобщей забастовки австрийская социал-демократия добилась избирательной реформы, добилась *всеобщего избирательного права*. В этой борьбе ее поддержали все демократические элементы страны, как передового борца за демократическую реформу. Когда в мае 1907 г. произошли первые выборы на основе всеобщего избирательного права, за социалистических депутатов было подано 1.041.948 голосов (почти четвертая часть всех поданных голосов), было выбрано 87 депутатов (раньше их было всего 11). За социал-демократов голосовали тогда не только социалистически настроенные элементы, но и элементы просто демократические, крестьяне, мелкие ремесленники и пр.

С 1907 г. по 1911 г. прошло 4 года. За это время буржуазия сделала все, чтобы оторвать от социал-демократии малосознательные элементы. Главное орудие ее было — разжигание национальной розни. Крестьянин русин или словак ненавидит своего эксплуататора, но он не дорос еще до того, чтобы видеть в нем капиталиста вообще, и его легко уверить, что он эксплуататор потому, что он немец, а не словак или русин. В то время как в Вене и в промышленных округах социалисты одержали блестящую победу во время выборов 1911 года, в отсталых в промышленном отношении округах, населенных преимущественно славянскими племенами, социал-демократы потерпели поражение.

Прогресс промышленного развития служит порукой тому, что это поражение временное.

В настоящее время насчитывают:

	Число социал. депутатов	Общее число членов парламентов	Процентное отношение числа соц. деп. ко всем другим
Финляндия	86	200	43,0
Швеция	65	230	28,1
Германия	110	397	27,7
Люксембург	10	45	22,2
Дания	24	114	21,0
Бельгия	35	166	21,0
Австрия	82	560	14,2
Франция	76	584	13,0
Норвегия	11	123	8,9
Италия	45	508	8,8
Швейцария	16	189	8,4
Голландия	7	100	7,0
Англия	40	670	5,9
Турция	6	196	3,0
Россия	13	442	2,9
Португалия	1	160	0,6
Сербия	1	160	0,6
Испания	1	406	0,[illegible]

Если изобразить графически последнюю таблицу, получится следующая картина:

Процент социалистических депутатов в парламентах разных стран:

	%
Финляндия	43,0
Швеция	28,1
Германия	27,7
Люксембург	22,2
Дания	21,0
Бельгия	21,0
Австрия	14,2
Франция	13,0
Норвегия	8,9
Италия	8,8
Швейцария	8,4
Галландия	7,0
Англия	5,9
Турция	3,0
Россия	2,9
Португалия	0,
Сербия	0,
Испания	0,2

Конечно, эта таблица имеет только относительное значение, так как сила рабочей партии в парламенте зависит не только от числа депутатов, но и от целого ряда других факторов.

Громадное значение имеет численность стоящих за депутатами избирателей, их сознательность и организованность.

Со стороны численности силы распределяются так. На пер-

вом месте стоит Германия со своими $4^1/_2$ миллионами социалистических избирателей, затем идут Франция и Австрия с миллионом избирателей каждая. Следующий разряд Англия, несколько превышающая $^1/_2$ миллиона, и Бельгия, насчитывающая несколько менее полумиллиона. Затем Италия и Финляндия, каждая имеющая немного больше 300 тыс., и, наконец, Швеция, число избирателей которой, подававших голоса за партийных кандидатов, равняется 170 тыс. В остальных странах число подобных избирателей менее 100 тыс.

Число социалистических избирателей:

тыс	
4.500	Германия
1.106	Франция
1 000	Австрия
538	Англия
483	Бельгия
347	Италия
317	Финляндия
170	Швеция

Мы видели уже, какие печальные последствия имел в Австрии тот факт, что часть населения, голосовавшая за социалистических депутатов, совершенно не понимала основ социализма; с падением подъема 1905 — 1907 годов малосознательные элементы отпали, попавшись на удочку буржуазной националистической агитации.

Зная, что сила избирательной массы не только в ее численности, но и в ее сознательности, социалистические партии употребляют все усилия, чтобы как можно шире развить пропаганду и агитацию.

Германская социал-демократия издала отчет партийного правления к Иенскому партейтагу [204]). Из этого отчета видно, что в настоящее время у партии имеется 61 типография, 80 ежедневных газет, из которых у одного «Vorwärts'a» 157 тыс. подписчиков; научный еженедельник «Neue Zeit» имеет $10^1/_2$ тыс. подписчиков, юмористический журнал «Der wahre Jacob» *) — 307 тыс. подписчиков, женский пропагандистский еженедельник «Gleichheit» **) — $94^1/_2$ тыс. и т. д. Книгоиздательство «Vorwärts» имеет более 500 тыс. марок оборота и выпускает ежегодно миллионы агитационных листков и сотни тысяч книг и брошюр по социализму. Кроме колоссального числа собраний организационного и агитационного характера, обращено усиленное внимание на организацию пропаганды. По всей стране партия организовала так называемые «комитеты просвещения». Таких комитетов насчитывается более 200, затрачивающих на устройство библиотек, курсов и пр. более 500 тыс. марок ежегодно; «комитеты просвещения»

*) — «Простак Иаков». *Ред.*
**) — «Равенство». *Ред.*

поддерживаются и партией и профессиональными союзами. Главное внимание обращено на организацию курсов по всей стране, существуют особые разъездные лекторы. Главное количество слушателей привлекают лекции, посвященные разбору Эрфуртской программы, содержания программ буржуазных партий, курсы по политический экономии, истории социализма, истории партии. Читаются также лекции по всеобщей истории, государственному праву, естествознанию. Особенно стараются привлечь к слушанию курсов молодежь. Для выработки партийных пропагандистов и агитаторов существует хорошо организованная и очень дорого стоящая партийная школа. Немудрено, что число членов партии постоянно растет: с 1910 по 1911 г. оно увеличилось на 116 тыс., а с 1911 по 1912 г. еще на 160 тыс., и в настоящее время германская социал-демократия уже насчитывает *около миллиона* членов. Организуясь политически, рабочий класс Германии столь же энергично организуется и экономически. По последним данным, относящимся к 1910 г., в Германии 5.668.144 рабочих объединены в союзы, при чем громадное большинство их (2.017.298) сплочены в единую профессиональную организацию, тесно связаны с профессиональным организациями других стран.

Только еще одна страна в мире насчитывает почти столько-же членов професс. союзов, как Германия. Это Великобритания. В професс. союзы там входит 2.426.592 чел., но професс. союзы эти очень разрознены, преследуют неодинаковые цели, некоторые не идут дальше взаимопомощи, и лишь 710 тыс. объединены национально и интернационально! Но, как никак, это громадная организованная армия, с каждым годом, как показывают резолюции конгрессов английских трэд-юнионов, все более проникающаяся идеями социализма. Есть еще и другое отличие от Германии. В Германии профессиональные союзы и партия действуют рука об руку, идейное влияние партии очень велико, в Великобритании же партия страшно слаба, она разбита на четыре фракции (рабочую партию [205]), независимую рабочую партию [206]), соц.-дем. партию [207]) и Фабианское общество [208]), с весьма различными программами и взглядами. Общее число членов партии немного лишь превышает 100 тысяч. 40 депутатов, защищающих интересы рабочих в парламенте, не связаны общей дисциплиной, некоторые из них голосуют вместе с либералами. Партия не имела до сих пор ни одной своей ежедневной газеты, издательская ее деятельность крайне слаба. Лишь с 15 апреля текущего года стала выходить ежедневная социалистическая газета «Daily Herald» [209]). Но и то эта газета торопится заявить в своей передовице, что «короче говоря, мы стоим за абсолютную свободу мысли и действия, свободу от каких-бы то ни было партийных уз». Социалистическая газета, открещивающаяся от партийных уз, как нельзя лучше характеризует печальное положение политической организации рабочего

класса в Англии. Однако — события последних месяцев — стачка миллиона углекопов — показала английским рабочим, как недостаточно одной экономической организации. 15 миллионов годами скопленных по грошам истратили проф. союзы на помощь стачечникам, наполовину опустошили свои кассы и вынуждены были отступить, не победивши. Либералы, за которых голосует до сих пор большинство английских рабочих, и на этот раз остались верными своей политике заигрыванья с рабочими. Правительство прикинулось нейтральным, вмешалось в переговоры между рабочими и капиталистами, сделало вид, что уступает рабочим, добившись признания в парламенте *принципа* минимальной заработной платы, а *на деле* встало на сторону капитала, не сделав ничего для обеспечения этой минимальной платы. Рабочие отступили. Но урок слишком нагляден. Интересы труда и капитала в данном случае слишком резко столкнулись, чтобы пропасть между ними можно было прикрыть видимостью уступки. Ясно стало, чьи интересы защищают либералы. Английские рабочие не могут не сознать, как важна для них политическая организация, политическая партия.

В Англии, где, по старой английской пословице, «парламент все может, не может только сделать из женщины мужчину»—английские рабочие убедились, что они в этом всемогущем парламенте ничто, несмотря на свою могущественную экономическую организацию.

В Германии немецкая социал-демократия составляет самую сильную, самую выдержанную и организованную партию, за которой стоит $4^1/_2$ миллиона избирателей, но в Германии представители социал-демократии в парламенте наткнулись на другое препятствие — на безвластие немецкого рейхстага. На первых же заседаниях имперский канцлер фон-Бетман-Гольвег в своей речи во время прений по вопросу об общей политике вполне недвусмысленно заявил, что ни на какие уступки правительство идти не намерено [210]); правительство не пойдет ни на демократизацию законодательства, ни на перераспределение округов, ни на расширение прав парламента. Речь канцлера приподняла завесу над характером, который неизбежно рано или поздно должна принять борьба германской социал-демократии за политическую власть.

Английская забастовка углекопов и германские выборы — два факта, бросающие свет на силу рабочих партий в парламентах, указывающие вехи, по которым пойдет это развитие.

Что так или иначе препятствия будут превзойдены, позиции будут завоеваны, за это порукой все растущая организация рабочего класса, блестящей иллюстрацией которой служат последние шведские и германские выборы.

«Невская Звезда» № 10, 13 июня (31 мая) 1912 г.
Подпись: В. И.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТАЧКА.

С 1905 года в официальной статистике стачек, которую ведет министерство торговли и промышленности, введено было постоянное подразделение стачек на экономические и политические. Ввести это подразделение заставила жизнь, породившая *своеобразные* формы стачечного движения. Сочетание экономической и политической стачки — такова одна из главных черт этого своеобразия. И в настоящее время, при оживлении стачечного движения, интересы научные *), интересы сознательного отношения к событиям требуют, чтобы рабочие внимательно присмотрелись к этой своеобразной черте русского стачечного движения.

Прежде всего приведем несколько основных цифр, заимствуя их из правительственной статистики стачек [211]. В течение трех лет, 1905—1907 г.г., русское стачечное движение стояло на такой высоте, которой до тех пор *не видал мир*. Правительственная статистика считает только фабрики и заводы, так что и горные предприятия, и железные дороги, и строительные работы и многие другие отрасли наемного труда остаются неучтенными. Но даже и на одних фабриках и заводах бастовало в 1905 г. — 2.863 тыс. человек, т.-е. без малого 3 миллиона; в 1906 г. — 1.108 тыс., в 1907 г. — 740 тыс. За все пятнадцатилетие с 1894 по 1908 год, когда в Европе начали систематически разрабатывать статистику стачек, самое большое число стачечников за год было в Америке — 660 тыс.

Следовательно, русские рабочие *впервые в мире* развили такую массовую стачечную борьбу, которую мы видели в 1905 — 1907 годах. Теперь английские рабочие в области экономической стачки дали новый великий толчок движению. Передовая роль русских рабочих объясняется не тем, что они сильнее, организованнее, развитее западно-европейских, а тем, что в Европе не было еще великих национальных кризисов с самостоятельным участием пролетарских масс. Когда наступят эти кризисы, массовые стачки в Европе будут еще сильнее, чем в России в 1905 году.

---

*) В издании 1914 года: «движения». *Ред.*

Каково же было соотношение экономической стачки в ту эпоху? Правительственная статистика дает на это следующий ответ:

Число стачечников в тысячах:

	1905	1906	1907
в экономич. стачках	1.439	458	200
в политич. стачках	1.424	650	540
Всего . .	2.863	1.108	740

Отсюда видна тесная и неразрывная связь обоих видов стачек. Самый высокий подъем движения (1905 г.) отличается наиболее широкой *экономической* основой борьбы: политическая стачка в этом году покоится на прочной и солидной базе экономической стачки. Число экономических стачечников *выше* числа политических.

По мере упадка движения, в 1906 и в 1907 г.г., мы видим *ослабление* экономической базы: число экономических стачечников падает до $^4/_{10}$ всего числа стачечников в 1906 г. и до $^3/_{10}$ в 1907 году. Политическая и экономическая стачки, следовательно, взаимно поддерживают друг друга, составляя источник силы одна *для* другой. Без тесной связи этих видов стачки движение, действительно широкое, массовое, — и притом получающее *общенародное* значение, — невозможно. В начале движения нередко экономическая стачка обладает свойством будить и шевелить отсталых, обобщать движение, поднимать его на высшую ступень.

Например, в первую четверть 1905 года экономическая стачка заметно преобладала над политической: на первую приходилось 604 тысячи стачечников, на вторую только 206. В последнюю же четверть 1905 года отношение стало обратным: на экономические стачки приходится 430 тысяч, а на политические 847 тысяч. Это значит, что в начале движения многие рабочие на первый план ставили экономическую борьбу, а во время наибольшего подъема— наоборот. Но *связь* экономической и политической стачки существовала *все время.* Без этой связи, повторяем, невозможно действительно великое и осуществляющее великие цели движение.

Рабочий класс при политической стачке выступает как передовой класс всего народа. Пролетариат играет в таких случаях роль не просто одного из классов буржуазного общества, а роль гегемона, т.-е. руководителя, передовика, вождя. Те политические идеи, которые проявляются в движении, носят общенародный характер, т.-е. затрогивают основные, самые глубокие условия политической жизни всей страны. Такой характер политической стачки — как отмечают все научные исследователи эпохи 1905 — 1907 годов — заинтересовывал в движении все классы и в особенности, конечно, наиболее широкие, многочисленные и демократические слои населения, крестьянство и так далее.

С другой стороны, без экономических требований, без непо-

средственного и немедленного улучшения своего положения, масса трудящихся никогда не согласится представлять себе общий «прогресс» страны. Масса втягивается в движение, энергично участвует в нем, высоко ценит его и развивает героизм, самоотверженность, настойчивость и преданность великому делу не иначе, как при улучшении в экономическом положении работающего. Иначе дело не может обстоять, ибо условия жизни рабочих в «обычное» время невероятно тяжелы. Добиваясь улучшения условий жизни, рабочий класс поднимается вместе с тем и морально, и умственно, и политически, становится более способным осуществлять свои великие освободительные цели.

Статистика стачек, изданная министерством торговли и промышленности, вполне подтверждает это гигантское значение экономической борьбы рабочих в эпоху общего оживления. Чем сильнее натиск рабочих, тем больше улучшений жизни они добиваются. И «сочувствие общества», и улучшение жизни есть результат высокого развития борьбы. Если либералы (и ликвидаторы) говорят рабочим: вы сильны, когда вам сочувствуют в «обществе», то марксист говорит рабочим иное: вам сочувствуют в «обществе», когда вы сильны. Под обществом следует понимать в этом случае всевозможные демократические слои населения, мелкую буржуазию, крестьян, интеллигенцию, близко соприкасающуюся с рабочей жизнью, служащих и т. д.

Всего сильнее было стачечное движение в 1905 году. И что же? Мы видим, что именно за этот год рабочие всего больше добились улучшений жизни. Правительственная статистика показывает, что на 100 стачечников в 1905 году *только* 29 кончали борьбу, *ничего* не добившись, т.-е. терпели полное поражение. За 10 лет (1895 — 1904) 52 стачечника из 100 кончали борьбу, ничего не добившись! Значит, массовый характер движения повысил *успешность* борьбы в громаднейших размерах, чуть не вдвое.

А когда движение стало ослабевать, — тогда стала уменьшаться и успешность борьбы: в 1906 году из 100 стачечников 33 кончали борьбу, ничего не добившись, или, вернее, потерпев поражение, а в 1907 году — 58; в 1908 году даже 66 из ста!!

Таким образом, научные данные статистики за целый ряд лет вполне подтверждают собственный опыт и наблюдение каждого сознательного рабочего относительно необходимости соединения экономической и политической стачки и неизбежности такого соединения в действительно широком и общенародном движении.

Теперешняя волна стачечного движения, равным образом, вполне подтверждает этот вывод. В 1911 году число стачечников возросло вдвое против 1910 г. (100 тыс. против 50), но все же это число было крайне мало; чисто экономические стачки оставались сравнительно «узким» делом, не получая еще общенародного значения. Напротив, все и каждый видят теперь, что *именно*

такое значение получило стачечное движение текущего года после известных апрельских событий.

Крайне важно поэтому с самого начала дать отпор тому *извращению* характера движения, которое стараются внести в него либералы и либеральные рабочие политики (ликвидаторы). Либерал г. Северянин в «*Русских Ведомостях*» поместил статью *против* «примешивания» к первомайской забастовке экономических или «каких-либо» (вот даже как!) «требований», а кадетская «*Речь*» с сочувствием перепечатала главные места этой статьи [212]).

«Связывать такие забастовки, — пишет г. либерал, — с моментом именно 1-го мая чаще всего неосновательно... Да и странно как-то: празднуем день всемирного рабочего праздника и по этому случаю требуем прибавки в 10 проц. на миткаль таких-то сортов» («Речь» № 132).

Либералу «странно» то, что рабочему вполне понятно. Только защитники буржуазии и ее непомерных прибылей могут насмехаться над требованием «прибавки». А рабочие знают, что именно *широкий* характер требования прибавки, именно *всесторонний* характер стачек всего более привлекает массу новых участников, всего более обеспечивает силу натиска и сочувствие общества *), всего больше гарантирует как успех самих рабочих, так и общенародное значение их движения. Поэтому против либерального извращения, проповедуемого г. Северянином, «*Русскими Ведомостями*» и «*Речью*», надо решительно бороться и всеми силами предостерегать рабочих от подобных горе-советчиков.

Ликвидатор г. В. Ежов в первом же номере ликвидаторской газеты «Невский Голос» [213]) выступает с таким же, чисто-либеральным, извращением, хотя подходит к вопросу несколько с иной стороны. Г. В. Ежов в особенности останавливается на стачках, вызванных наложением штрафа за первое мая. Справедливо указывая на недостаточную организованность рабочих, автор из этого справедливого указания делает самые ошибочные и самые вредные для рабочих выводы. Неорганизованность г. Ежов видит в том, что на одной фабрике бастовали просто ради протеста, на другой присоединяли экономические требования и т. д. На самом же деле в этом *разнообразии* форм стачек нет еще ровно никакой неорганизованности: глупо представлять себе организованность непременно в виде однообразия! Неорганизованность заключается совсем не там, где ее ищет г. Ежов.

Но еще гораздо хуже его *вывод:*

«Благодаря этому» (т. е. благодаря разнообразию стачек и различным формам сочетания экономики с политикой) «в значительном числе случаев *принципиальный* характер протеста (ведь, не за четвертак бастовали) стушевался, он был осложнен *экономическими* требованиями»...

*) В издании 1914 года слова: «и сочувствие общества» опущены. *Ред.*

Это поистине возмутительное, насквозь лживое и насквозь либеральное рассуждение! Думать, что требование «четвертака» *способно* «стушевать» принципиальный характер протеста, значит опускаться до уровня кадета. Наоборот, г. Ежов, требование «четвертака» не насмешечки заслуживает, а полного признания! Наоборот, г. Ежов, это требование *не* «стушевывает», а *усиливает* «принципиальный характер протеста»! Во-первых, вопрос об улучшении жизни есть *тоже* принципиальный и важнейший принципиальный вопрос, а во-вторых, я не ослабляю, а усиливаю свой протест, когда протестую не против одного, а против двух, трех и т. д. проявлений угнетения.

Всякий рабочий с негодованием отвергнет возмутительное либеральное извращение дела г. Ежовым.

А у г. Ежова это отнюдь не обмолвка. Он пишет дальше еще более возмутительные вещи:

«Собственный опыт должен был подсказать рабочим, что нецелесообразно осложнять свой протест экономическими требованиями, точно так же, как и обыкновенную стачку осложнять принципиальным требованием».

Неправда и тысячу раз неправда! Позор «Невскому Голосу», что он печатает такие речи. Вполне целесообразно то, что кажется г. Ежову нецелесообразным. *И собственный опыт* каждого рабочего и опыт очень большого числа русских рабочих в недавнем прошлом говорит *обратное тому*, чему учит г. Ежов.

Только либералы могут протестовать против «осложнения» хотя бы самой «обыкновенной» стачки «принципиальными требованиями»; это во-первых. А во-вторых, глубоко ошибается наш ликвидатор, меряя теперешнее движение меркой «обыкновенных» стачек.

И напрасно пытается г. Ежов прикрыть свою либеральную контрабанду чужим флагом, напрасно спутывает вопрос о *сочетании* экономической и политической стачки с вопросом о *подготовке* и той и другой! Конечно, подготовлять и подготовляться, притом как можно основательнее, дружнее, сплоченнее, обдуманнее, тверже, все это весьма желательно. Об этом не может быть спора. Но подготовлять надо, вопреки г. Ежову, именно *сочетание* обоих видов стачек.

«Перед нами полоса экономических стачек, — пишет г. Ежов. — Было бы непоправимой ошибкой, если бы они переплетались с политическими выступлениями рабочих. Такое смешение вредно отразилось бы как на экономической борьбе рабочих, так и на политической».

Дальше, кажется, некуда идти! Падение ликвидатора до уровня дюжинного либерала яснее ясного видно из этих слов. Каждая фраза заключает в себе ошибку! Каждую фразу надо переделать в *прямо* противоположную, чтобы получить правду!

Неверно, что перед нами полоса экономических стачек. Как раз наоборот. Перед нами полоса не только экономических ста-

чек. Перед нами полоса политических стачек. Факты, г. Ежов, сильнее ваших либеральных извращений, и если бы вы могли получить статистические карточки стачек, собираемые в министерстве торговли и промышленности, то *даже* эта правительственная статистика вполне опровергла бы вас.

Неверно, что «переплетение» было бы ошибкой. Как раз наоборот. Было бы непоправимой ошибкой, если бы рабочие не поняли всего своеобразия, всего значения, всей необходимости, всей принципиальной важности именно такого «переплетения». Но рабочие, к счастью, понимают это отлично и отметают от себя с презрением проповедь либеральных рабочих политиков.

Неверно, наконец, что такое смешение «вредно отразилось бы» на обеих формах. Как раз наоборот. Оно *полезно* отражается на обеих. Оно усиливает обе.

Г. Ежов поучает какие-то открытые им «горячие головы». Слушайте:

«Необходимо организационно закреплять настроение рабочих масс» ... — Святая истина! *) — ... «Необходимо усилить агитацию за проф. союзы, вербовать им новых членов» ...

Вполне справедливо, *но*... но, г. Ежов, непозволительно *сводить* «организационное закрепление» к одним проф. союзам! Помните это, г. ликвидатор!

... «Это тем более необходимо, что среди рабочих находится теперь не мало горячих голов, увлеченных массовым движением и выступающих на митингах *против союзов*, будто бы бесполезных и ненужных».

Это — либеральная клевета на рабочих. Не «против союзов» выступали рабочие, от которых солоно пришлось и всегда будет солоно приходиться ликвидаторам. Нет, рабочие выступали против того *сведения* организационного закрепления к одним только «проф. союзам», которое так ясно видно из предыдущей фразы г. Ежова.

Рабочие выступали не «против союзов», а против того либерального извращения характера их борьбы, которым пропитана вся статья г. Ежова.

Русский рабочий достаточно созрел политически, чтобы понимать великое общенародное значение своего движения. Он достаточно созрел, чтобы понимать всю фальшь, все убожество либеральной рабочей политики, и он всегда с презрением будет отметать ее от себя.

Впервые напечатано в «Невской Звезде» № 10, 13 июня (31) мая 1912 г.

Подпись: Ив. Петров.

Печатается по тексту «Невской Звезды», сверенному с текстом, напечатанным в сборнике: «Марксизм и ликвидаторство», 1914 г.

---

*) В издании 1914 года слова «Святая истина!» опущены. *Ред.*

ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКИЙ ВОПРОС.

Как известно, на переселение крестьян правительство и контр-революционные партии возлагали особенно большие надежды. Оно призвано было, по мысли всех контр-революционеров, если не разрешить радикально, то, по крайней мере, значительно притупить и обезвредить аграрный вопрос. Вот почему переселение особенно стало рекламироваться и всячески поощряться именно при приближении, а затем при развитии крестьянского движения в Европейской России.

Что у представителей правительства и более дальновидных политиков, например, из октябристов, на уме, то у таких неприкрытых реакционеров, как курский зубр Марков 2-ой, на языке. И этот депутат откровенно, с похвальною прямотою, заявил при обсуждении переселенческого вопроса в Думе: «Да, правительство должно разрешить аграрный вопрос именно переселением» (1-ая сессия) [214].

Нет сомнения, что при правильной организации переселения оно могло бы сыграть известную роль в хозяйственном развитии России. Разумеется, роль эту не следует переоценивать, даже теперь, когда совершенно невыносимое положение крестьян таково, что русский мужик готов бежать не только в Сибирь, но и на край света; далее, теперь, когда малоземельных и безземельных крестьян, чтобы избавить от соблазна созерцания помещичьих латифундий, всячески поощряют к переселениям и выселениям; когда указ 9 ноября чрезвычайно облегчил для переселенцев ликвидацию остатков своего хозяйства на родине; даже теперь, как должны признать сами апологеты естественного прироста; и лишь в губерниях, дающих наивысший процент выселяющихся (юг, запад и черноземный центр России), оно равняется естественному приросту или лишь немного превосходит его.

Тем не менее значительный запас свободных земель в Сибири, годных для переселения, еще имеется. Правда, сделано еще очень мало, чтобы определить его хотя бы с приблизительною точностью. Куломзин еще в 1896 году определял запас колонизацион-

ных земель в 130 тыс. душевых долей. С тех пор отведено вдесятеро большее количество долей, а запас еще не исчерпан. Наоборот, по расчетам переселенческого управления, к 1900 году наличный запас земель, годных для переселения, определяется в 3 миллиона душевых долей на 6 миллионов переселенцев. Как видим, цифры чрезвычайно различные; диапазон колебания их весьма значителен.

Как бы то ни было, если даже отбросить известный процент в последних цифрах на долю обычного бюрократического благодушия, все же несомненно, что запас земель в Сибири еще имеется, и что, следовательно, переселение туда могло бы иметь известное значение как для Сибири, так и для России, если бы только оно было организовано целесообразно.

Именно это conditio sine qua non *) и не выполняется настоящим правительством. Нынешняя организация переселенческого дела лишний раз показывает и доказывает, что наш «старый порядок» абсолютно неспособен удовлетворить самые элементарные хозяйственные потребности населения; негодная постановка переселения еще раз свидетельствует, что нынешние господа положения импотентны сделать хоть что-нибудь для хозяйственного прогресса страны.

Выяснению направления, характера и осуществления переселенческой политики и были посвящены речи с.-д. депутатов каждый год при обсуждении бюджетной сметы переселенческого управления.

Какую цель преследует правительство при переселении крестьян? Вот основной вопрос, определяющий собою все другие, ибо целью переселенческой политики правительства определяется весь характер ее.

Депутат Войлошников, выступавший от имени с.-д. фракции во 2-ую сессию Думы, так охарактеризовал те задачи, которые ставит себе правительство при переселении крестьян. «Переселенческая политика — говорил депутат Войлошников — является одним из звеньев всей аграрной политики правительства. Нужны были помещикам слабые и некрепкие крестьяне в качестве дешевых рабочих рук, и правительство всячески старалось затормозить переселение и оставить излишки населения на местах. Но этого мало еще: оно усиленно боролось против самовольного переселения и тем самым старалось закрыть этот предохранительный клапан; но естественный прирост населения того времени продолжал идти, времена переменились; встала грозная туча пролетариата и голодающего крестьянства со всеми его последствиями... Правительство и помещики ухватились за переселение, положив его, на-ряду с указом 9 ноября, в основу своей

*) — обязательное условие. *Ред.*

аграрной политики, но там при проведении указа 9 ноября внимание сосредоточилось на сильных и крепких, на том, чтобы отобрать землю у слабых и передать крепким крестьянам, а здесь речь идет о том, чтобы слабых крестьян как можно больше выкачать в Сибирь, и хотя в последнее время замечается тенденция к повышению среднего уровня зажиточного переселенца, однако, главную массу, по терминологии Столыпина, продолжают составлять слабые. В этом усиленном откачивании точно так же принимают участие, или, я скажу, к этому участию привлекли и землеустроительные комиссии...

«На землеустроительные комиссии возложена обязанность выдавать, зачислять за переселенцами участки и тем самым сводить счеты с бывшими аграрными беспорядками. Таким образом, гг., указ 9 ноября, усиленное рекламирование переселения, усиленное выкачивание слабых в Сибирь, и землеустроительные комиссии — это две тесно связанные стороны одного и того же вопроса, одной и той же политики. Нетрудно видеть, что проведение указа 9 ноября способствует оседанию крепких и сильных на наделах за счет слабых крестьян и будет, тем самым, способствовать выталкиванию этих слабых, мало пригодных в колонизационном отношении, элементов в чуждые им окраины. Как в отношении общины, так и в отношении переселения, переселенческая политика правительства руководилась лишь одними интересами кучки крепостников-помещиков и, вообще, господствующих классов, угнетающих рабочие массы и трудящееся крестьянство. Ему чуждо понимание элементарных потребностей страны и нужд народного хозяйства» (заседание 77, сессия 2-ая).

Полнее всего вскрыл эту сторону дела депутат Чхеидзе (в своей речи во 2-ую сессию Гос. Думы), подробно нарисовав картину переселенческой политики на Кавказе.

Социал-демократический оратор, прежде всего, фактами и цифрами доказал, что все официальные сообщения о свободных землях на Кавказе самым вопиющим образом противоречат истине. Сугубо подчеркнем, что депутат Чхеидзе, во избежание упреков в пристрастии и искажениях, все время пользовался официальными данными и докладами правительственных чиновников. По данным, собранным еще в 80-х годах бывшим министром государственных имуществ, «среди одних только государственных крестьян, водворенных на казенных землях на Кавказе, в четырех закавказских губерниях насчитывалось 22.000 душ совершенно безземельных, 66.000 — с наделами до одной десятины на душу, 254.000 — с наделами от одной до двух десятин, 5.013 душ с наделами от двух до четырех десятин, — итого около 1.000.000 душ с наделами меньше против минимальной нормы наделения водворившихся на Кавказе переселенцев. В Кутаисской губ. из 29.977 дымов насчитывалось безземельных и с на-

делами до одной десятины на двор — 2.541, от одной до двух десятин — 4.227, от двух до трех — 4.016, от трех до пяти — 5.321 дымов. По новейшим сведениям, число селений, вовсе не имеющих казенной земли или мало ею обеспеченных, составляет в четырех закавказских губерниях около 46 проц., а в Кутаисской губ. необеспеченных дворов считалось около 33 проц. Из отчета Бакинского комитета о нуждах сельско-хозяйственной промышленности мы знаем, что такие малообеспеченные землей селения выделяют из своей среды безземельных, которые приселяются к обладающим значительным наделом земли и в таком зависимом положении находятся многие годы. А сенатор Кузьминский в своем всеподданнейшем отчете говорит следующее: «Замечено, что иногда самый состав переселенцев образуется из лиц, отставших от земледелия и отдающих полученную для колонизационных целей землю в аренду односельцам или крестьянам-туземцам соседнего селения». Таким образом, еще 25 лет тому назад в Закавказьи насчитываются сотни тысяч государственных крестьян, которые, кажется, должны бы быть обеспечены больше, чем другие категории крестьян, которых без преувеличения можно назвать батраками. Еще лет 25 тому назад местные крестьяне принуждены были брать в аренду те земли, которые отдавались переселенцам».

Таковы данные, на основании которых можно судить о земельном обеспечении государственных крестьян на Кавказе.

«Что касается, так называемых, временно обязанных крестьян, — продолжал оратор, — то на основании установленных грамот видно, что в Тифлисской губ. было оставлено совершенно без земли 1.444 дымов и 386 дымов не получили даже усадебных земель. Это составляет 13 проц. общего числа помещичьих крестьян Тифлисской губ. В Кутаисской губ. число безземельных крестьян при реформе было еще больше. Если даже принять пропорцию в Тифлисской губ. общего числа крепостных, то и тогда всех их в Кутаисской губ. получится 5.590 дымов или 25.000 душ, не получивших ни клочка земли при освобождении крестьян на Кавказе. Спустя 20 лет после реформы, в 1895 году, — продолжает автор записки о ликвидации обязательных отношений, — числилось безземельных крестьян в Елизаветпольской губ. 5.308 дымов или 25.000 душ обоего пола. В Бакинской губ. 3.906 дымов или 11.709 душ безземельных обоего пола... А вот данные относительно земельного обеспечения крестьян из временно обязанных, не выкупивших своих наделов, но имеющих кое-какое хозяйство. В Тифлисской губ. на душу приходится 0,9 дес., а в Кутаисской губ. — 0,6 дес. Из выкупивших на душу приходится в Тифлисской губ. 1,7 дес., а в Кутаисской губ. — 0,7 дес. Таково обеспечение в земельном отношении крестьян, имеющих кое-какое хозяйство. Общую характеристику хозяйственного положения крестьян на Кавказе дает отчет кутаисского губернского комитета о нуждах сельскохозяйственной промышленности... По данным, почерпнутым из различных официальных исследований, количество крестьян, испытывающих острую нужду, доходит в Кутаисской губернии до 70 проц. Мало того, здесь упоминается также и то, что острую нужду в Кутаисской губ. испытывает 25% дворян.

«Такие владельцы земельных участков — продолжает отчет — могут сохранить свою хозяйственную самостоятельность только при наличности посторонних заработков и совершенно лишены возможности производить затраты на улучшения, на инвентарь и на удобрение полей. Большой спрос не мог повлиять на стоимость наделов аренды, которая достигает 60 проц. валового дохода при испольной системе, а иногда при уплате определенного количества произведений земли в неурожайные годы превышает валовой доход. Отдача земли в арендное пользование за деньги встречается редко, и арендная плата доходит до 30 рублей за десятину в год. Это в Кутаисской губернии. А вот некоторые данные относительно земельного обеспечения крестьян в четырех уездах Елизаветпольской губ. Здесь, на основании сведений о всех крестьянах, живущих на владельческой земле, мы имеем, что в четырех уездах Елизаветпольской губ., а именно: Джибраильском, Зангезурском, Шушинском и Джеванширском обеспечение землей доходит до 0,6 дес. на душу. По подсчету сенатора Кузьминского, в Ленкоранском у. Бакинской губ. средний надел на душу мужского пола у поселенцев, водворенных на владельческой земле, доходит до 0,5 дес. В Кубинском у. до 0,9 дес. Таково, гг. — закончил оратор — земельное обеспечение крестьян в Закавказье».

Если в отношении малоземелья положение кавказских крестьян мало чем разнится от положения крестьян в России, то, спрашивается, откуда же образуется колонизационный земельный фонд на Кавказе и зачем производится туда выселение, вместо того, чтобы произвести расселение местных крестьян?

Переселенческий фонд образуется путем вопиющего нарушения земельных прав туземцев, а переселение из России производится во славу все того же националистического принципа «руссификации окраин».

Деп. Чхеидзе привел ряд данных, опять-таки почерпнутых из официальных источников, как сгонялись с своих насиженных мест целые селения туземцев в интересах образования земельного колонизационного фонда, как подстраивались целые судебные процессы, чтобы оправдать экспроприацию земель у горцев (доклад предводителя дворянства кн. Церетели министру внутренних дел о горном селении Кикнавелети, Кутаисского уезда) и т. д. И все это не единичные и исключительные факты, а «типичные случаи», как констатирует и сенатор Кузьминский.

В результате у переселенцев с туземцами создаются прямо враждебные отношения. Так, например, когда аларское общество было прогнано с его земель, «выселено», как выражается сенатор Кузьминский, «без обеспечения его землей, на произвол судьбы», то захватчики его земли из переселенцев были вооружены на счет казны: местным уездным начальникам было предписано «озаботиться снабжением крестьян вновь возникших селений на Мухане, в том числе и покровцев, оружием — берданками по 10 ружей на 100 дворов». Интересная иллюстрация для характеристики «националистического курса» современной политики.

Тем не менее, правые депутаты Государственной Думы с торжеством указывали на наличность переселенческого фонда в 1.700.000 дес. земли, как о том сообщает кавказский наместник. Однако, как свидетельствует и наместник, почти половина этого фонда уже занята переселенцами, значительная часть находится в таких местах, где, как подтверждает опять-таки наместник, непривычному сельскому хозяину вести хозяйство физически невозможно.

Деп. Чхеидзе охарактеризовал также, как устраивает правительство новоселов на местах. «Недостаточное, говорится в записке наместника, водоснабжение и орошение переселенческих участков, преимущественно в восточных местностях Закавказья, является одной из главных причин обратного выселения уже осевших там переселенцев. Из Черноморья новоселы бегут из-за отсутствия путей, пригодных для колесного сообщения не только между отдельными заселенными пунктами, но и в пределах самих переселенческих участков. К этому следует добавить, что неблагоприятные, непривычные для переселенцев климатические условия, сопровождающиеся во многих местностях Кавказа малярийными заболеваниями, губящими не только людей, но и скот, в свою очередь, не менее бездорожья способствуют бегству из края менее устойчивых новоселов. Под влиянием изъясненных причин непрестанно наблюдается выселение из губерний Елизаветпольской, Бакинской и Дагестанской обл., а также из Тифлисской и Черноморской губ.».

В результате, вот как оцениваются итоги переселения на Кавказе самим наместником. «Практиковавшееся до последнего времени отношение к кавказскому населению в его земельных делах», — говорит наместник, — «далее терпимо быть не может и уже потому, что оно, несомненно, играет довольно видную роль в революционном настроении сельского населения».

Совершенно аналогичные задачи преследуют правительство и правящие классы при переселении крестьян в Сибирь; и в этом случае, преследуя политические цели, совершенно не считаются ни с интересами переселенцев, ни с правами старожилов.

На местах выселения, в России, ведать переселенческое дело поручено теперь землеустроительным комиссиям, земским начальникам и губернаторам. Кровно заинтересованные в том, чтобы разредить местное малоземельное и безземельное крестьянство, чтобы оставить его на местах лишь в мере, потребной для нужд крупного землевладения (в качестве поставщиков наемной силы), землеустроительные комиссии настолько энергично «выселяли» бедняков, что даже возбуждали ропот переселенческого управления. «Землеустроительные комиссии», — протестовал один переселенческий чиновник, — «образуют партии совершенно нищих, нуждающихся с места в путевом пособии, в ссуде не на

домообзаводство, а на прокормление; но если, как исключение, и встречается переселенец с небольшими денежными запасами, то он весь расходуется на проезд и прокормление».

И эти «слабые» пасынки земельной политики, объявившей своим девизом «ставку на сильных», целыми тучами сплавляются в Сибирь в неприспособленных скотских вагонах, битком набитых стариками, детьми, беременными женщинами. В этих же скотских вагонах (с знаменитой надписью 40 человек, 8 лошадей) переселенцы готовят пищу, стирают белье, здесь же лежат часто заразные больные, которых переселенцы имеют обыкновение скрывать, из боязни, что их высадят и они отстанут, таким образом, от партии. На конечных пунктах и на станциях переселенцев высаживают, в лучшем случае, под специально устроенные палатки, в худшем случае, прямо под открытое небо, под солнце и дождь. Деп. Войлошников рассказывал в Думе, как он сам наблюдал на Сретенском пункте тифозных больных, лежавших без защиты под дождем. И такие-то условия путешествия переселенцев, цитированные выше, два министра (Столыпин и Кривошеин) находили «сносными»: «санитарные условия передвижения переселенцев сносны», — всеподданнейше докладывают они — «в пути многие находят непривычные даже удобства». Поистине, нет границ бюрократическому благодушию!

Претерпевая такие мытарства по пути «в землю обетованную», беднейшие переселенцы не находят счастья и в Сибири. Вот, например, как характеризовал их устройство на новых местах цитатами из официальных донесений деп. Войлошников.

Один чиновник (чиновник особых поручений переселенческого управления) пишет: «Большинство участков разбросано в урманных местах, без воды, без посевов, без выгона». Другой добавляет: «Ссудное дело совершенно утратило свой характер домообзаводственного значения; размер ссуд сам по себе слишком мал для оказания существенной домообзаводственной помощи. Установившийся порядок выдачи ссуд обратил это дело в чистейшую филантропию, обзавестись и прокормиться года два на 150 р. ссудных денег невозможно».

А вот, для примера, описание санитарного положения новоселов в тех же официальных донесениях.

«После тифа, — пишет один чиновник *), — не меньшие размеры приняла здесь цынга; почти во всех поселках, во всех избах есть больные этой болезнью или кандидаты к ней. Часто в одной избе лежат больные той и другой болезнью. На участке Окур-Шаском мне пришлось видеть такую картину: хозяин дома лежит в тифе в периоде шелушения, его беременная жена крайне слаба от недостатка питания; сын, мальчик лет 12-ти, с опухшими железами и цынгой; сестра жены в цынге, ходить не

*) — «Записка», стр. 8.

может, у нее грудной ребенок; ее десятилетний мальчик в цынге, кровоизлияние из носа и слабость в ногах, и только ее муж здоров из всей семьи.

За цынгой и тифом следует куриная слепота. Можно встретить поселки, в которых буквально все переселенцы, без исключения, слепы. Группы участков по р. Емне образованы из сплошного урмана, где нет ни пашни, ни сенокосов, и за два-три года новоселы едва могли разработать свои усадьбы и построить жалкие избенки. О своем хлебе не могло быть и речи; питались исключительно ссудой, и когда последняя была использована, ощутился страшный недостаток в хлебе; многие буквально голодали. К недостатку хлеба надо прибавить недостаток питьевой воды».

Такие донесения попадаются на каждом шагу. Как ни ужасны эти официальные сообщения, видимо, они все же не договаривают того, что есть, и, таким образом, прикрашивают действительность. Например, посетивший Дальний Восток уполномоченный обще-земской организацией, князь Львов, человек, как известно, умеренных взглядов, так характеризует колонизацию в Приамурском крае:

«Отрезанность от мира, как на необитаемом острове, среди болотных кочек глухой тайги, заболоченных долин и заболоченных гор, совершенно дикие условия жизни, труда и пропитания естественно подавляют слабого духом и нищего переселенца. Он впадает в апатию, истощив свой небольшой запас энергии в самом начале борьбы с суровой природой, устраивая себе убогое жилище. Цынга и тиф захватывают истощенный организм и уносят его на кладбище. Во многих поселках 1907 года прямо невероятная смертность, в 25 и 30 проц. В них сколько дворов, столько и крестов, и не мало поселков обречено на сплошное переводворение на новые участки или на кладбище. Сколько горьких слез несчастных семей, какие дорогие похороны на государственный счет на далекой окраине, вместо колонизации! Не скоро станут на ноги разбитые тайгой остатки прошлогодней усиленной волны переселенцев. Многие еще вымрут, многие убегут, вернутся в Россию, обесславят край рассказами о своих бедствиях, запугают и задержат дальнейшее переселение. Недаром нынешний год происходит небывалых размеров обратное движение из Приморской области и в пять раз меньший прилив в нее переселенцев».

Князь Львов справедливо ужасается оторванности и заброшенности переселенца в необъятных сибирских тайгах, в особенности при сибирском бездорожьи. Можно представить себе, с каким блеском там идет теперь насаждение отдельных хуторских хозяйств и нарезка отрубных участков, ибо те же руководители аграрной политики провозглашали «необходимость решительного поворота (!) в земельной политике в Сибири», «создание и укрепление частной собственности», «укрепление за отдельными крестьянами их участков на основании указа 9 ноября 1906 г.», «отвод переселенческих участков, по возможности с распределением земли на отруба» *) и т. д.

*) — «Записка», стр. 60, 61, 62.

Вполне естественно, что при таких условиях колонизации, по данным переселенческого управления, из числа устроившихся за 1903—1905 г.г. переселенцев, 10 проц. не имели ни одной рабочей скотины, 12 проц. имели только по одной голове рабочего скота, 15 проц. не имели коровы и 25 проц. не имели плуга (из речи депутата Гайдарова в 1-ую сессию, выступавшего тогда от имени с.-д. фракции). С полным правом поэтому деп. Войлошников, опираясь на те же официальные сообщения, подвел следующий итог переселенческой политике за 1906—1908 г.г.

«В течение трех лет, 1906, 1907 и 1908 г.г., за Урал было переброшено 1.552.439 душ обоего пола, наполовину нищих, завлеченных правительственной рекламой в неведомые края, обреченных на произвол судьбы. Из них устроилось,—как пишет переселенческое управление,—564.041 чел., вернулось обратно 284.984 душ обоего пола. Таким образом, известно по сведениям переселенческого управления о 849.025 чел., куда же девались остальные? Где же те 703.414 чел.? Гг., правительство отлично знает об их горькой участи, но оно об них не скажет; часть из них приписалась к старожильческим деревням, часть пополнила ряды сибирского пролетариата и ходит с протянутой рукой.

Но громадной части правительство устроило дорогие похороны, и вот почему правительство умалчивает об них».

Так оправдываются надежды Маркова II путем переселения «решить аграрный вопрос». Перед лицом подобных фактов даже октябристские представители крупного капитала вынуждены были признать «дефекты переселенческого дела». Еще в 1-ую сессию октябристы выразили пожелание (и Дума приняла это пожелание) «изменения и улучшения условий передвижения переселенцев», «создания в районах водворения условий, необходимых для культурно-экономического развития их», «соблюдения при отводе земель и водворении переселенцев интересов и прав местного крестьянства и инородческого населения». Разумеется, эти осторожные и нарочито двусмысленные пожелания так и остались до сих пор «гласом вопиющего в пустыне». И октябристские дятлы терпеливо повторяют их из года в год...

«Невская Звезда» № 11, 16 (3) июня 1912 г.
Подпись: В. И.

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПОДЪЕМ[215]).

Грандиозная майская забастовка всероссийского пролетариата и связанные с ней уличные демонстрации, революционные прокламации и революционные речи перед толпами рабочих ясно показали, что Россия вступила в полосу революционного подъема.

Подъем этот вовсе не явился как снег на голову. Нет, он подготовлялся всеми условиями русской жизни уже давно, и массовые стачки в связи с ленскими расстрелами и с 1-м мая лишь окончательно определили его наступление. Временное торжество контр-революции было неразрывно связано с упадком массовой борьбы рабочих. Число стачечников дает хотя и приблизительное, но зато безусловно объективное и точное представление о размерах этой борьбы.

За десять лет перед революцией, в 1895 — 04 годах, среднее число стачечников было 43 тысячи в год (с округлением). В 1905 году—$2^3/_4$ миллиона, в 1906—1 миллион, в 1907 — $^3/_4$ миллиона. Трехлетие революции отличается *невиданным нигде в мире* подъемом стачечной борьбы пролетариата. Падение ее, начавшееся с 1906 и 1907 годов, окончательно определилось в 1908 году: 175 тыс. стачечников. Государственный переворот 3 июня 1907 года, восстановивший самодержавие царя в союзе с Думой черносотенных помещиков и торгово-промышленных тузов, явился неизбежным результатом упадка революционной энергии масс.

Трехлетие 1908 — 1910 годов было эпохой разгула черносотенной контр-революции, либерально-буржуазного ренегатства и пролетарского уныния и распада. Число стачечников все падает, доходя до 60 тыс. в 1909 и до 50 тыс. в 1910 году.

Но с конца 1910 года начинается заметный поворот. Демонстрации в связи с смертью либерала Муромцева и Льва Толстого, а также студенческое движение, ясно указывают, что повеяло иным ветром, наступил известный поворот в настроении демократических масс. 1911 год дает нам медленный переход в *наступление* со стороны рабочих масс: число стачечников доходит до 100 тысяч. С разных сторон идут указания на то, что

усталость, оцепенение, порожденные торжеством контр-революции, проходят, что *потянуло* опять к революции. Всероссийская конференция Р.С.-Д.Р.П. в январе 1912 года, подводя итог своей оценке момента, констатировала, что «в широких кругах демократии и в первую голову среди пролетариата замечается начало политического оживления. Рабочие стачки 1910—1911 годов, начало демонстраций и пролетарских митингов, начало движения среди городской буржуазной демократии (студенческие забастовки) и т. д. — все это есть проявления нарастающего революционного настроения масс против режима 3 июня» (См. «Извещение» о конференции, стр. 18 *).

Уже ко второй четверти текущего года это настроение наросло настолько, что проявилось в действии масс и создало *революционный подъем*. Ход событий за последние полтора года показывает с очевидностью, что в этом подъеме нет ничего случайного, что наступление его совершенно закономерно и с неизбежностью обусловлено всем предыдущим развитием России.

Ленский расстрел явился поводом к переходу революционного настроения масс в революционный подъем масс. Нет ничего более лживого, как либеральная выдумка, повторяемая вслед за ликвидаторами Троцким в венской «Правде» [216]), будто «борьба за свободу коалиций является *основой* как ленской трагедии, так и ее могучего отголоска в стране». В ленской стачке вовсе не было ни специфического, ни главного требования свободы коалиций. В ленском расстреле обнаружилось вовсе не отсутствие свободы именно коалиций, а отсутствие свободы... от провокации, от общего бесправия, от огульного произвола.

Ленский расстрел, как мы уже выяснили в № 26 «Социал-Демократа» [217]), явился точнейшим отражением *всего* режима 3-тьеиюньской монархии. Вовсе не борьба за одно из *прав*, хотя бы самых кардинальных, самых важных для пролетариата, характерна для ленских событий. Характерно для них полнейшее отсутствие элементарнейшей законности во *всех* отношениях. Характерно вступление провокатора, шпиона, охранника, слуги царя на путь массовых расстрелов без всяких политических поводов. Именно это общее бесправие русской жизни, именно безнадежность и невозможность борьбы за отдельные *права*, именно эта неисправимость царской монархии и всего ее режима выступили из ленских событий так ярко, что *зажгли* массы *революционным* огнем.

Если либералы из кожи лезли и лезут, стараясь придать ленским событиям и майским стачкам характер профессионального движения и борьбы за «права», то для всякого, не ослепленного либеральными (и ликвидаторскими) спорами, человека ясно иное. Ясен *революционный* характер массовой стачки, особо подчерк-

---

*) См. настоящий том, стр. 378. *Ред.*

нутый петербургской предмайской прокламацией разных групп с.-д. (и даже одной рабочей с.-р. группы!), которую мы перепечатываем полностью в отделе хроники [218]) и которая повторяет лозунги, брошенные всероссийской конференцией Р. С.-Д. Р. П. в январе 1912 года.

Да и не в лозунгах даже заключается главное подтверждение революционного характера ленских и майских стачек. Лозунги *формулировали* то, что говорят факты. Факт массовых, перекидывающихся из района в район забастовок,— громадный рост их,— быстрота распространения,— смелость рабочих,— учащение митингов и революционных речей,— требование отменить штраф за празднование 1 мая, — знакомое нам по первой русской революции сочетание политической и экономической стачки, — все это с очевидностью указывает на истинный характер движения, состоящий в *революционном подъеме масс.*

Припомним опыт 1905 года. События показывают нам, что среди рабочих *жива традиция* революционной массовой стачки, и что рабочие сразу подняли, оживили эту традицию. Невиданный в мире стачечный подъем 1905 года дал 810 тыс. стачечников в 1-ую и 1.277 тыс. в последнюю четверть года, при сочетании и экономической и политической стачки. По приблизительному подсчету, ленские забастовки охватили до 300 тыс. рабочих, майские до 400 тыс., а забастовки все растут и растут. Каждый номер газет — даже либеральных — сообщает о том, как разрастается стачечный пожар. Вторая четверть 1912 года еще не совсем истекла, а уже теперь вырисовывается определенно тот факт, что начало революционного подъема в 1912 году по размерам стачечного движения *не меньше, а скорее больше,* чем то же начало в 1905 году!

Русская революция впервые развила в широких размерах этот пролетарский метод агитации, встряхивания, сплочения и вовлечения в борьбу масс. И теперь пролетариат снова и еще более твердой рукой применяет этот метод. Никакая сила в мире не могла бы осуществить того, что осуществляет этим методом революционный авангард пролетариата. Громадная страна с 150-миллионным населением, разбросанным на гигантском пространстве, раздробленным, придавленным, бесправным, темным, отгороженным от «зловредных влияний» тучей властей, полиции, шпионов,— эта страна *вся* приходит в брожение. Самые отсталые слои и рабочих и крестьян приходят в прямое и косвенное соприкосновение с забастовщиками. На сцене появляются сразу сотни тысяч революционных агитаторов, влияние которых бесконечно усиливается тем, что они неразрывно связаны с низами, с массой, остаются в их рядах, борются за самые насущные нужды *всякой* рабочей семьи, соединяют с этой непосредственной борьбой за насущные экономические нужды протест политический и

борьбу с монархией. Ибо контр-революция внесла в миллионы и десятки миллионов острую ненависть к монархии, зачатки понимания ее роли, а теперь лозунг передовых столичных рабочих — да здравствует демократическая республика! — тысячами каналов идет да идет, вслед за каждой стачкой, в отсталые слои, в глухую провинцию, в «народ», «в глубину России».

Крайне характерно рассуждение о стачке либерала Северянина, радушно принятое «Русскими Ведомостями» [219]) и с сочувствием перепечатываемое «Речью».

«Имеется ли у рабочих какое-либо основание к первомайской забастовке примешивать экономические или какие-либо (!) требования?» — вопрошает г. Северянин и отвечает: «Смело думаю, что их не имеется. Всякая экономическая забастовка может и должна быть начинаема лишь после серьезного взвешивания шансов... Вот почему связывать такие забастовки с моментом именно 1 мая чаще всего неосновательно... Да и странно как-то: празднуем день всемирного рабочего праздника и по этому случаю требуем прибавки в 10% на миткаль таких-то сортов».

Так рассуждает либерал! И эту беспредельную пошлость, низость и гадость принимают с сочувствием «лучшие» либеральные газеты, претендующие на звание демократических!

Самая грубая корысть буржуя, самая подлая трусость контрреволюционера, вот что кроется за эффектными фразами либерала. Он хотел бы целости хозяйских карманов. Он хотел бы «чинной» и «безвредной» демонстрации в пользу «свободы коалиций»! А пролетариат вместо этого втягивает массы в *революционную* стачку, неразрывно связывающую политику с экономикой, стачку, привлекающую самые отсталые слои успехом борьбы за немедленное улучшение рабочей жизни и в то же время поднимающую народ *против царской монархии*.

Да, опыт 1905 года создал глубокую и великую традицию массовых стачек. И не надо забывать, к чему приводят эти стачки в России. Массовые упорные стачки неразрывно связаны у нас с *вооруженным восстанием*.

Пусть не перетолковывают этих слов. Речь идет совсем не о *призыве* к восстанию. Такой призыв был бы крайне неразумен в настоящий момент. Речь идет об установлении *связи* между стачкой и восстанием в России.

Как *росло* восстание в 1905 году? Во 1-х, массовые стачки, демонстрации и митинги учащали столкновения толпы с полицией и войском. Во 2-х, массовые стачки подняли крестьянство на ряд частичных, дробных, полустихийных восстаний. В 3-х, массовые стачки очень быстро перекинулись в войско и во флот, вызвав столкновения на экономической почве («гороховые» и т. п. «бунты»), а затем восстания. В 4-х, контр-революция *сама* начинала гражданскую войну погромами, избиениями демократов и т. п.

Революция 1905 года кончилась поражением вовсе не потому, что она зашла «слишком далеко», что декабрьское восстание было «искусственно», как думают ренегаты из либералов и т. п. Наоборот, причина поражения — та, что восстание зашло *недостаточно* далеко, что сознание его необходимости было недостаточно широко распространено и твердо усвоено в революционных классах, что восстание не было дружным, решительным, организованным, единовременным, наступательным.

Посмотрим теперь, наблюдаются ли в данное время признаки *роста восстания?* Чтобы не поддаться революционному увлечению, возьмем в свидетели *октябристов*. Немецкий союз октябристов в Петербурге принадлежит большей частью к так называемым «левым» и «конституционным» октябристам, которых особенно любят кадеты и которые всего более способны (по сравнению с другими октябристами и кадетами) «объективно» наблюдать события, не задаваясь целью пугать начальство революцией.

Орган этих октябристов, «St.-Petersburger Zeitung» *), писал в недельном политическом обзоре от 6 (19) мая следующее[220]:

«Наступил май. Независимо от погоды он бывает обыкновенно не очень приятен для столичных жителей, потому что начинается *пролетарским «праздником»*. В этом году, когда рабочие находятся еще под впечатлением ленских демонстраций, — 1-ое мая было особенно опасно. В столичном воздухе, пропитанном всевозможными слухами о стачках и демонстрациях, пахло пожаром. Наша верная полиция заметно волновалась, она устраивала обыски, арестовывала отдельных лиц, приготовляла большие наряды для недопущения уличных демонстраций. Что полиция не нашла ничего более остроумного, как обыскивать редакции рабочих газет и забирать их редакторов, это обстоятельство не свидетельствует об особенно глубоком знании тех нитей, которыми двигали кукольные полки рабочих. А нити эти имеются. За это говорит дисциплинированность стачки и много других обстоятельств. Поэтому так страшна эта майская стачка, самая большая из наблюдавшихся до сих пор, — бастовало 100 и даже 150 тыс. рабочих больших и малых мастерских. Это был лишь мирный парад, но сплоченность этого войска обращает на себя внимание. И это тем более, что рука об руку с недавним возбуждением рабочих шли другие тревожные явления. На различных судах нашего флота были арестованы *матросы* за революционную пропаганду. Судя по всем тем сведениям, которые проникли в печать, дела обстоят на наших и без того немногочисленных военных судах не важно... Тревожные мысли вызывают и *железнодорожники*. Правда, нигде не дошло дело даже и до попыток устроить стачку, но аресты — особенно такие бросающиеся в глаза, как арест помощника начальника станции Николаевской дороги, А. А. Ушакова, — показывают, что и здесь есть известная опасность.

Революционные попытки незрелых рабочих масс могут оказать, разумеется, лишь вредное действие на исход выборов в Думу. Эти попытки тем более безрассудны, что... «царь назначил Манухина, а Гос. Совет принял рабочее страхование»!!

*) — «С.-Петербургская Газета». *Ред.*

Так рассуждает немецкий октябрист. Мы, с своей стороны, заметим, что получили относительно матросов точные сведения с мест, доказывающие преувеличение и раздувание дела «Новым Временем». Охранка, явно, «работает» провокаторски. Преждевременные попытки восстания были бы архи-неразумны. Рабочий авангард должен понимать, что основными условиями своевременного — т.-е. победоносного — вооруженного восстания в России являются поддержка рабочего класса демократическим крестьянством и активное участие армии.

Массовые стачки в революционные эпохи имеют свою объективную логику. Они бросают сотни тысяч и миллионы искр во все стороны,— а кругом горючий материал самого крайнего озлобления, неслыханных мучений голода, беспросветного произвола, бесстыдного и циничного надругательства над «нищим», над «мужиком», над нижним чином. Прибавьте к этому до-нельзя разнузданную погромную антиеврейскую травлю черносотенцев, исподтишка питаемую и направляемую придворной шайкой тупого и кровожадного Николая Романова... «Так было — так будет» [221]): на голову себе и своему классу, и своему помещичьему царю сказал эти вещие слова министр Макаров!

Революционный подъем масс возлагает великие и ответственные обязанности на всякого рабочего социал-демократа, на всякого честного демократа. «Всесторонняя поддержка начинающегося движения масс (теперь надо уже сказать: *начавшегося революционного* движения масс) и расширение его под знаменем полностью проводимых лозунгов партии»,—так определила эти обязанности всероссийская конференция Р. С.-Д. Р. П. Лозунги партии — демократическая республика, 8-мичасовой рабочий день, конфискация всей помещичьей земли — должны стать лозунгами *всей* демократии, лозунгами *народной* революции.

Чтобы поддерживать и расширять движение масс, нужна *организация и организация*. Без нелегальной партии нельзя вести этой работы и не к чему попусту говорить о ней. Поддерживая и расширяя натиск масс, надо внимательно учитывать опыт 1905 года и, разъясняя необходимость и неизбежность восстания, предупреждать и удерживать от *прежде*временных попыток этого рода. Рост массовых стачек, привлечение к борьбе других классов, состояние организаций, настроение масс, все это само собой укажет момент, когда все силы должны будут соединиться в дружном, решительном, наступательном, беззаветно-смелом натиске революции на царскую монархию.

Без победоносной революции не бывать в России свободе.

Без низвержения пролетарски-крестьянским восстанием царской монархии не бывать в России победоносной революции.

«Социал-Демократ» № 27, 17 (4) июня 1912 г.

ЛОЗУНГИ ВСЕРОССИЙСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ Р.С.-Д.Р.П. В ЯНВАРЕ 1912 Г. И МАЙСКОЕ ДВИЖЕНИЕ.

В другом месте настоящего номера читатель найдет полный текст прокламации, отпечатанной и распространенной петербургскими рабочими перед знаменитой отныне маевкой [222]). На этой прокламации стоит очень и очень остановиться, ибо она представляет из себя важнейший документ в истории рабочего движения в России и в истории нашей партии.

Прокламация отражает на себе *известное* состояние дезорганизованности социал-демократической партии в столице, ибо подписано воззвание не петербургским комитетом, а отдельными социал-демократическими группами и даже одной социал-революционной рабочей группой. В большинстве местностей России состояние нашей партии именно таково, что руководящие комитеты и центры постоянно арестуются и постоянно возникают вновь, благодаря наличности всевозможных заводских, профессиональных, подрайонных и районных социал-демократических групп, тех самых «ячеек», которые вызывали всегда ненависть либералов и ликвидаторов. В последней книжке журнала этих господ («Наша Заря», 1912, № 4) читатель может наблюдать еще и еще раз, как, извиваясь в бессильной злобе и *истекая* ругательствами, г. В. Левицкий шипит против «возрождения партии посредством *искусственного* оживления политически мертвых ячеек» [223]).

Особенную типичность, особенную знаменательность придает рассматриваемой прокламации именно то обстоятельство, что в силу ареста Петербургского Комитета на сцену должны были выступить как раз *ячейки*, избавленные волею полиции от ненавистного ликвидаторам «руководящего центра». Благодаря этому печальному в глазах всякого революционера обстоятельству *самостоятельная* жизнь ячеек выступила наружу. Ячейкам пришлось на-спех, под отчаянными преследованиями полиции, — которая прямо-таки неистовствовала перед 1-м мая, — собирать свои силы,

налаживать связи, восстановлять *«подполье»*. Подписанные под прокламацией группы, представители и т. д. — все это именно *подполье*, ненавистное либералам и ликвидаторам. В то время, когда тот же ликвидаторский вождь, г. Левицкий, — от имени «Нашей Зари» и «Живого Дела»,—конечно, с пеной у рта набрасывается на «*культ подполья*» (см. стр. 33 названной книжки), мы получаем в петербургской прокламации точный и полный документ, вскрывающий перед нами существование этого подполья, его жизненность, *содержание* его работы и ее значение.

П.К. сметен арестами — тут-то и видно будет, каковы же подпольные ячейки сами по себе, что они делают и могут делать, какие идеи они, действительно, восприняли и воспитали в себе, а не только переняли от верховной партийной инстанции, — какие идеи, действительно, пользуются симпатиями рабочих.

Из прокламаций видно, что делают ячейки: они продолжают работу временно разрушенного (к удовольствию всех разнообразных врагов подполья) П.К. Они продолжают готовить маевку. Они наскоро восстановляют связи между *различными* подпольными социал-демократическими группами. Они привлекают и эс-эровских рабочих, хорошо понимая значение пролетарского объединения на живом революционном деле. Они сплачивают эти различные социал-демократические группы и даже одну «группу рабочих с.-р.» на *определенных* лозунгах борьбы. И вот тут-то обрисовывается как раз настоящий *характер* движения, настоящее *настроение* пролетариата, настоящая *сила* Р.С.-Д.Р.П. и *ее январской* всероссийской конференции.

Такой иерархической инстанции, которая бы могла декретировать выставление тех, а не иных, лозунгов, не оказывается налицо в силу арестов. Значит, объединить пролетарскую массу, объединить рабочих социал-демократов и даже часть социал-революционеров можно *только* лозунгами, действительно для массы бесспорными,—только лозунгами, которые почерпают свою силу не из «декрета сверху» (как выражаются демагоги и ликвидаторы), а из *убеждения* самих революционных рабочих.

И что же оказалось?

Оказалось, что *после* разрушения П.К., при невозможности немедленно восстановить его, при условиях исключительно идейного, а не организационного, воздействия одной группы рабочих на другую, *были приняты лозунги всероссийской конференции Р.С.-Д.Р.П., собравшейся в январе 1912 года* и вызывающей прямо-таки бешеную, дикую ненависть либералов, ликвидаторов, Либера, Троцкого и К°!

«Пусть нашими лозунгами будут — писали петербургские рабочие в своей прокламации — Учредительное Собрание, 8-мичасовой рабочий день, конфискация помещичьих земель». И далее в прокламации брошен клич: «Долой царское правительство!

Долой самодержавную конституцию 3-го июня! Да здравствует демократическая республика! Да здравствует социализм!»

Мы видим из этого поучительного документа, что *все* лозунги, выставленные конференцией Р.С.-Д.Р.П., восприняты петербургским пролетариатом и запечатлели собой первые шаги новой русской революции. Всяческие клеветники и хулители январской конференции могут продолжать, сколько им угодно, свое грязное дело. Ответ дан им революционным пролетариатом Петербурга. Та работа, которую задолго до последней конференции повела революционная социал-демократия, зовущая пролетариат к роли вождя *народной* революции, принесла свои плоды вопреки всем преследованиям полиции, вопреки бесшабашным предмайским арестам и травле революционеров, вопреки потокам лжи и ругательств в либеральной и ликвидаторской печати.

Сотни тысяч петербургского пролетариата, — а за ними и рабочие всех концов России — пошли на забастовку и на уличные демонстрации не в качестве одного из отдельных классов буржуазного общества, не с «своими» только профессиональными лозунгами, а в качестве гегемона, поднимающего знамя революции *за* весь народ, *от* имени всего народа, *для* пробуждения и привлечения к борьбе *всех* классов, кому свобода нужна, кто способен добиваться ее.

Революционное движение пролетариата в России поднялось на высшую ступень. Если в 1905 году оно начиналось с массовых стачек и гапонады, то в 1912 году, несмотря на полицейский разгром организаций нашей партии, движение начинается с массовых стачек и *поднятия республиканского знамени!* Отдельные «ячейки», разрозненные «группы» рабочих сделали свое дело вопреки самым тяжелым и трудным условиям. Пролетариат создал свои «майские комитеты» и встал на борьбу с *революционной* платформой, достойной класса, которому суждено освободить человечество от наемного рабства.

Майское движение показывает нам также, какое значение имеют иные *слова* об «объединении» и как *на деле* совершается объединение рабочих. Представитель партии с.-р. Рубанович пишет в парижской газете Бурцева «Будущее» [224]), что «надо отметить следующую замечательную черту данной маевки: на подготовительных собраниях петербургские рабочие отказывались признавать те разделения, которые существуют между разными социалистическими группами;... господствовала тенденция к соглашению». Перепечатанная нами прокламация показывает ясно, какие *факты* подали повод к такому заключению. Это — тот факт, что с.-д. ячейки, потерявшие руководящий центр, восстановляли связи со всеми и всякими группами, привлекая рабочих какого бы то ни было образа мыслей и *проповедуя всем им* свои партийные лозунги. И эти партийные лозунги именно потому, что они верны,

что они отвечают революционным задачам пролетариата, что они обнимают задачи всенародной революции, были приняты *всеми* рабочими.

Объединение получилось благодаря тому, что январская конференция Р. С.-Д. Р. П. бросила пустую игру в сговоры заграничных группок, бросила пустое ухаживание за ликвидаторами революционной партии и выступила *во время* с ясными и точными лозунгами борьбы. Объединение пролетариата в революционном выступлении достигнуто было не соглашениями пролетарской (с.-д.) и непролетарской (с.-р.) партии, не сговорами с отпавшими от с.-д. партии ликвидаторами, а сплочением работников русских с.-д. организаций и их верным учетом задач момента.

Хороший урок тем, кто, поддаваясь болтовне либералов из Бунда и Троцких из Вены, способен еще верить в «объединение»... с ликвидаторами. Пресловутая «Организационная Комиссия» Либера, Троцкого и ликвидаторов кричала на весь мир об «объединении», но на деле не могла дать и не дала *ни единого* фактически объединяющего революционную борьбу рабочих лозунга. Ликвидаторы давали *свои*, нереволюционные, лозунги, лозунги либеральной рабочей политики, — а движение шло помимо них. Вот что лежит в основе троцкистских басен об «объединении»!

23-го апреля (6 мая) в Вене Троцкий, божась и клянясь, что он «объединяет», проклиная на все лады конференцию, уверял добряков, что «борьба за свободу коалиций является *основой*» (!!) ленских событий и их отголосков, что «это требование стоит и будет стоять *в центре* (!!) революционной мобилизации пролетариата»[225]). Прошла какая-нибудь неделя, и эти жалкие фразы подголоска ликвидаторов были сметены, как пыль, — «представителями всех организованных рабочих С.П.Б.», «с.-д. группой Объединение», «центральной с.-д. городской группой», «группой рабочих с.-р.», «группой рабочих с.-д.» и «представителями майских комитетов».

Социал-демократический пролетариат Петербурга понял, что не во имя одного из прав, хотя бы самого существенного, самого важного для рабочего класса, а во имя *свободы всего народа* должна быть начата новая революционная борьба.

Социал-демократический пролетариат Петербурга понял, что он должен обобщать требования, а не разменивать их на части, — что республика включает в себя свободу коалиций, а не наоборот, — что надо бить в центр, нападать на источник зла, разрушать всю систему, весь строй царски-черносотенной России.

Социал-демократический пролетариат Петербурга понял, что смешно и глупо предъявлять требование свободы коалиций *к* Николаю Романову, *к* черной Думе, смешно и глупо предполагать *соединимость* данного государственного строя России, нашей «самодержавной конституции 3-го июня» *с* свободой коалиций, —

что в стране общего и огульного бесправия, в стране, где царят сплошной произвол и провокация властей, в стране, где нет «свободы» даже для простой помощи десяткам миллионов голодных, в такой стране только либеральные болтуны и либеральные рабочие политики могут ставить «в центре революционной мобилизации» свободу коалиций.

Социал-демократический пролетариат Петербурга понял это и развернул *республиканское* знамя, требуя 8-мичасового рабочего дня и конфискации помещичьих земель, как единственных гарантий действительно демократического характера революции.

«Социал-Демократ» № 27, 17 (4) июня 1912 г.

ЛИКВИДАТОРЫ ПРОТИВ РЕВОЛЮЦИОННОЙ МАССОВОЙ СТАЧКИ.

Передовая статья настоящего номера была уже сдана в типографию, когда мы получили № 1 ликвидаторского «Невского Голоса». Известный ликвидатор В. Ежов из «Нашей Зари» сразу наградил новый орган таким перлом[226]), что остается только руками развести! Вот не угодно ли:

«Благодаря этому» (т.-е. благодаря разнообразию стачек, то сводившихся к одному протесту против штрафа за маевку, то прибавлявших к этому протесту экономические требования и т. д.) «в значительном числе случаев *принципиальный* характер протеста (ведь не за четвертак бастовали) стушевался (!??!), он был осложнен экономическими требованиями»...

«Собственный опыт должен был подсказать рабочим, что нецелесообразно (!!) осложнять свой протест экономическими требованиями, точно так же, как и обыкновенную стачку осложнять (!?) принципиальными требованиями».

«Необходимо организационно закреплять настроение рабочих масс. Необходимо усилить агитацию за профессиональные союзы, вербовать им новых членов. Это тем более необходимо, что среди рабочих находится теперь не мало горячих голов, увлеченных массовым движением и выступающих на митингах *против союзов*, будто бы бесполезных и ненужных».

«Перед нами полоса экономических» (только?) «стачек. Было бы непоправимой ошибкой, если бы они переплетались с политическими выступлениями рабочих (!!!). Такое смешение вредно (!!??) отразилось бы как на экономической борьбе, так и на политической».

Вот вам целиком либеральный г. Северянин, переписанный ликвидатором! Полное непонимание того, что *революционная* массовая стачка *необходимо* соединяет в себе и экономическую и политическую, — узколобие, чудовищное извращение революционного характера подъема и попытки приложить к нему аршин «обыкновенных стачек», — реакционнейший совет «не осложнять» политику экономикой и не «переплетать» их, — достойный Струве и Маклакова выпад в легальной печати против революционных с.-д. рабочих: «горячие-де головы» «против союзов»!

Либерал *не может* понять революционного с.-д. иначе, как что он-де «против союзов». Но рабочие на митингах были, конечно, не «против союзов», а против *подмены* революционных лозунгов либеральными, чем занят г. Ежов и К°. Не свобода коалиций — наш лозунг, говорили рабочие, не «профессиональными союзами» только и не ими главным образом можно «закрепить организационно» наше движение. Наш лозунг — республика (см. петербургское воззвание рабочих) мы строим *нелегальную* партию, способную руководить революционным натиском масс на царскую монархию. Вот что говорили рабочие на митингах.

А гг. Либеры и Троцкие уверяют рабочих, будто возможно «объединение» социал-демократического пролетариата и его партии с либералами à la гг. Ежов, Потресов и К°!

«Социал-Демократ» № 27, 17 (4) июня 1912 г.

«ОБЪЕДИНИТЕЛИ».

Ликвидаторы «объединяются» изо всех сил. На днях они чуть-чуть не «объединились» с пэ-пэ-эсовцами [227]) — так называемой «левицей», являющейся одной из фракций польского социал-национализма.

Больше 10 лет социал-демократия в Польше ведет борьбу с социал-национализмом П. П. С. В результате — ряд националистических предрассудков у части П. П. С. («левицы») удалось выбить из головы. Но борьба продолжается. Польские рабочие социал-демократы высказываются *против* объединения с указанной фракцией П. П. С., как с организацией, считая, что это будет вредно для дела. Отдельные рабочие и отдельные группы из «левицы» переходят в ряды социал-демократии, не желая останавливаться лишь на половинчатом пересмотре принципов пэ-пэ-эсовского национализма. И вот в это время наши ликвидаторы лезут «объединиться» с левицей П. П. С.!

Это все равно, как если бы русские с.-д. стали «объединяться» помимо Бунда, скажем, с так называемыми «социалистами-сионистами» или без латышской социал-демократии с так называемым «латышским с.-д. союзом» (на деле эс-эровским)...

Не говорим уже о формальной стороне дела. Польская социал-демократия на Стокгольмском съезде заключила с Р.С.-Д.Р.П. договор, в силу которого в Польше какие бы то ни было группы могут входить в Р.С.-Д.Р.П., только войдя в организацию П.С.-Д. А декабрьская 1908 года всероссийская конференция Р.С.-Д.Р.П. подавляющим большинством голосов отвергла даже обсуждение вопроса об объединении с «левицей» [228]).

Совершенно ясно, что, крича постоянно об «объединении», Троцкий и его друзья — ликвидаторы на деле *увеличивают раскол* в той же Польше. Счастье Р.С.-Д.Р.П. в том, что вся эта компания ликвидаторов, вместе с плетущимися за ними «примиренцами», совершенно бессильна что-либо сделать *на деле* — в том числе и в Польше. Иначе, конечно, объединение ликвидаторов с П.П.С. внесло бы самый резкий раскол в Польшу.

Почему же ликвидаторы пустились в явную авантюру? Да конечно — не «от хорошей жизни». Нужно же им с кем-нибудь объединиться, нужно же им какую-нибудь «партию» создать. Не идут с ними социал-демократы, П.С.-Д., — они вынуждены брать вместо социал-демократов — пэ-пэ-эсовцев, с нашей партией ничего общего не имеющих. Не идут с ними в русских городах наши старые партийные организации — они вынуждены брать вместо ячеек с.-д. так называемые «инициативные группы» ликвидаторов, ничего общего с Р.С.-Д.Р.П. не имеющие.

«От хорошей жизни не полетишь»... Не пора ли, г-да ликвидаторы, начать вам объединяться и с с-рами (с-ровскими *ликвидаторами*?). Эти господа тоже, ведь, рвутся к «объединению». То-то «широкая» партия у вас будет тогда. Сам Ларин останется доволен...

* * *

Пока ликвидаторы «объединяются» с «иностранными державами», продолжается торг между ними и «примиренцами» по вопросу об условиях «объединения» самого этого ликвидаторско-примиренческого лагеря. Г. В. Левицкий выступает в «Нашей Заре» со статьей-манифестом [229]), обращенным ко «всем течениям», согласным бороться с недавней конференцией Р.С.-Д.Р.П.

Г. Левицкий озаглавил статью: «За объединение — против раскола». Ну, чем не Троцкий? С тех пор, как партийцы дали хороший отпор ликвидаторам *во всех* сферах работы, Левицкий и К⁰ усвоили себе очень «примиренческий» язык. О, они всецело за «единство». Они только выдвигают следующие четыре скромных условия «объединения»:

1) Борьба с конференцией Р.С.-Д.Р.П., объединившей всех социал-демократов, кроме горсточки колеблющихся.

2) Создание, вместо партии, «*центральной инициативной группы*» (курсив г. Левицкого, «Наша Заря» № 4, стр. 31). (Что такое ликвидаторские «инициативные» группы, недавно объяснил в печати Плеханов: см. его «Дневник Социал-Демократа» № 16. И Бунд, и Троцкий, служа ликвидаторам, скрывают от своих читателей объяснения Плеханова. Не скроете, господа!).

3) «Не оживлять «*политически мертвых ячеек*»» (там же стр. 33).

4) Признать лозунг: «*против культа подполья*» (там же стр. 33).

Программа начертана, хотя и не так откровенно и уверенно, как в былые времена, но все же достаточно ясно. И Левицкий тут же объясняет весьма подробно всем Троцким: ведь выбора-то у вас нет, господа. Принимайте наши условия, за то мы (т.-е. Левицкий и К⁰) охотно соглашаемся вот на что: «в утешение

себе» вы (т.-е. Троцкий и иже с ним) можете говорить, что не вы подвинулись к ликвидаторам, — а ликвидаторы к вам.

В той же книжке «Нашей Зари» Мартов заблаговременно грозит будущей с.-д. фракции IV Думы, что, если она тоже будет антиликвидаторской, как и ее злокозненная предшественница, — то «случаи, подобные белоусовскому, станут уже не исключением, а правилом», т.-е., говоря проще, что ликвидаторы *расколют* думскую фракцию. Страшен сон... г-да ликвидаторы. Кабы сила была у вас, вы бы давно уже устроили свою ликвидаторскую думскую фракцию...

Дело «объединения» в верных руках — нечего сказать...

Жалкая комедия ликвидаторско-троцкистского «объединительства» отталкивает самых невзыскательных людей. Объединение совершается, но только — объединение не с ликвидаторами, а *против* них.

* * *

По поводу невероятной хлестаковщины Троцкого, Либера («Бунд») и ликвидаторов с их пресловутой «Организационной Комиссией» мы считаем достаточным указать читателям, — желающим серьезно и вдумчиво проверять спорные вопросы по документам, а не верить на слово, следующие *факты*:

В июне 1911 г. образована в Париже Заграничная Организационная Комиссия после ухода Либера и Игорева из собрания цекистов. Первая организация в России, к которой обратилась З.О.К., был *Киев*. Даже Троцкий признает ее бесспорность. В октябре 1911 г. при участии Киева составлена Российская Организационная Комиссия. В январе 1912 г. созвана ею конференция Р.С.-Д.Р.П.

В январе 1912 г. собралось совещание Бунда, Ц.К. латышей и Кавказского Областного Комитета (все три группы ликвидаторские). Поляки *сразу* уходят, объявив всю затею ликвидаторской. Затем *отказываются войти* «примиренцы» и Плеханов, объявивший в № 16 «Дневника Социал-Демократа», что *эта* конференция *созывается ликвидаторами*. Теперь июнь 1912 г., и ни Бунд, ни Троцкий *никого*, кроме голосовцев и впередовцев, не «объединили», *ни одной* серьезной и *бесспорной* организации в России не привлекли, ни слова по существу Плеханову не ответили, ни на иоту проповеди ликвидаторов в «Нашей Заре» и т. п. органах не изменили!

Фраз же и хвастовства насчет «объединения» без конца.

«Социал-Демократ» № 27, 17 (4) июня 1912 г.

О ХАРАКТЕРЕ И ЗНАЧЕНИИ НАШЕЙ ПОЛЕМИКИ С ЛИБЕРАЛАМИ.

Известный представитель ревизионизма и либеральной рабочей политики, г. Прокопович, выступил в «Русских Ведомостях» со статьей «Перед опасностью» [230]). Опасность, по мнению этого политика, в том, что выборы в IV Гос. Думу будут сделаны исправниками. Средство борьбы с опасностью — «объединение всех конституционных элементов страны», т.-е. как с.-д. и трудовиков, так и кадетов и прогрессистов.

Право-кадетские «Русск. Ведомости» в особой редакционной заметке заявляют о своем «*удовольствии*» по поводу статьи г. Прокоповича. «В таком объединении оппозиционных сил, — пишет газета, — мы видим сейчас насущную потребность момента».

Официально-кадетская «Речь», приведя содержание статьи г. Прокоповича и отзыв «Русск. Ведомостей», замечает со своей стороны:

> «Однако, если почитать органы с.-д. направления, которые все свои усилия направляют больше всего на борьбу с оппозицией, то вряд ли можно придавать какое-либо реальное значение этому (т.-е. «объединительному») призыву».

Еще и еще раз поднимается, таким образом, важный вопрос о предвыборной тактике и об отношении рабочих к либералам. Еще и еще раз приходится убедиться, что либералы ставят его не как серьезные политики, а как свахи. Не выяснение истины, а затемнение ее преследуется ими.

В самом деле, вдумайтесь в следующее обстоятельство. Понимают ли либералы под «объединением» слияние партий? Нисколько. И г. Прокопович, и «Русск. Ведомости», и «Речь» в один голос заявляют, что нет.

Значит, под объединением понимают совместные действия против правых, от Пуришкевича до Гучкова? Казалось бы, что да!

Спрашивается, отрицает ли кто-нибудь из «левых» такие совместные действия?

Никто не отрицает. Это всем известно.

Соглашение с либералами о голосовании против правых, это и есть «объединение» на выборах демократов и либералов. Чем же недовольны либералы? Почему они замалчивают, что «левые» вполне определенно и точно соглашения признали? Почему они стыдливо обходят молчанием тот факт, что *именно либералы* ничего ясного, определенного, точного, формального *не сказали* о соглашениях с левыми, с демократами, с марксистами? Почему они, говоря о выборной тактике, *не говорят* ни слова об известном решении кадетской конференции, признавшей допустимыми блоки с «левыми октябристами»?

Факты налицо, господа, и никакие увертки тут не помогут. Именно левые, именно марксисты ясно, точно и формально высказались *за* соглашение с либералами (и к.-д., и прогрессистами в том числе) против правых. Уклонились от вполне точного и формального ответа *именно кадеты* относительно левых!

Г. Прокопович знает эти факты прекрасно, и поэтому совершенно непростительно с его стороны извращение истины, состоящее в умолчании о точном решении марксистов и об уклончивости кадетов.

Чем вызвано это умолчание? Это ясно видно из приведенных слов «Речи» по поводу того, будто мы «все свои усилия направляем больше всего на борьбу с оппозицией».

Фраза «Речи» построена так, что из нее вытекает неизбежно: демократы для объединения с либералами *не должны* «направлять всех усилий» на борьбу с оппозицией. Скажите же это ясно, господа! Поставьте ваше условие точно, формально! В том-то ваша беда, что вы *не можете* этого сделать. Все расхохотались бы, если бы вы попробовали формулировать такое условие. Вы опровергли бы, ставя такое условие, самих себя, ибо все вы в один голос признали «*глубокие разногласия*» между либералами и демократами (не говоря уже о марксистах).

А раз есть разногласия, раз они глубоки, то как же можно избежать борьбы?

Фальшь либерализма в том и состоит, что, с одной стороны, он отвергает слияние, признает глубокие разногласия, подчеркивает невозможность «отказа от основных положений программы каждой из партий» («Русск. Ведом.»), а, с другой стороны, *жалуется* на «борьбу с оппозицией»!!

Но присмотримся поближе к делу. Во-первых, верно ли, что газеты и журналы, о которых говорит «Речь», *все* свои усилия направляют *больше всего* на борьбу с оппозицией? Нет, это совершенно неверно. Ни одного, ни единого вопроса не смогут указать либералы, по которому бы демократы не направляли *все* усилия *больше всего* на борьбу с правыми!! Сделайте опыт, кто хочет проверить эти слова. Возьмите любые, скажем, три нумера подряд любой газеты марксистов. Возьмите пробные три

политических вопроса и сопоставьте *документальные* данные, против кого «направлена» больше всего борьба марксистов по выбранным вами вопросам, в выбранных вами нумерах газет!

Вы не сделаете этого простого и всем доступного опыта, господа либералы, ибо *всякий* подобный опыт покажет, что вы неправы.

Мало того. Второе и особенно важное соображение говорит еще убедительнее против вас. *Как ставят* свою борьбу против либералов демократы вообще и марксисты в особенности? Они ставят ее так и только так, что в каждом, решительно и безусловно в каждом упреке или обвинении по адресу либералов, заключается сам собой *еще более решительный* упрек, *еще более тяжелое* обвинение против правых.

Вот в чем суть дела, вот где гвоздь вопроса! Несколько примеров наглядно пояснят нашу мысль.

Мы обвиняем либералов, кадетов, в контр-революционности. Покажите нам хоть *одно* из наших обвинений этого рода, которое бы не падало с еще большей силой на правых.

Мы обвиняем либералов в «национализме», «империализме». Покажите нам хоть одно из наших обвинений этого рода, которое бы не направлялось с еще большей силой против правых.

Мы упрекали либералов за то, что они боятся движения масс. Что же? Вы сумеете найти такую формулировку этого обвинения в наших газетах, которая бы не была обращена и против правых?

Мы упрекали либералов за то, что они защищают «известные» средневековые учреждения, способные «действовать» против рабочих. Обвинять *в этом* либералов, значит, *тем самым* обвинять в этом же, и в еще большем, всех правых.

Число этих примеров можно увеличить во сколько угодно раз. Всегда и везде, без всякого исключения, вы найдете, что рабочая демократия обвиняет либералов исключительно за их близость к правым, за нерешительность и *фиктивность* их борьбы с правыми, за их половинчатость, *тем самым* обвиняя правых уже не в «половине греха», а «в целом грехе».

«Борьба с либералами» со стороны демократов и марксистов есть более глубокая, более последовательная, более содержательная, более просвещающая и сплачивающая массы, чем *борьба с правыми.* Вот как обстоит дело, господа!

И, чтобы не оставить на этот счет никаких сомнений, чтобы предотвратить нелепое извращение смысла и значения нашей борьбы с либералами, чтобы предотвратить, например, нелепую теорию о «единой реакционной массе» (т.-е. о смешении либералов и правых в одно политическое понятие реакционного блока, реакционной массы), мы всегда в своих формальных заявлениях *иначе* говорим о борьбе с правыми, чем о борьбе с либералами.

Г. Прокопович, как и всякий образованный либерал, прекрасно знает это. Он знает, что, напр., в нашем определении социальной, классовой природы разных партий всегда подчеркивается средневековье у правых, буржуазность у либералов. Это «две большие разницы». Средневековье можно (и должно) уничтожить, оставаясь даже в пределах капитализма. Буржуазность в этих пределах уничтожить нельзя, но можно (и должно) «апеллировать» от буржуазного помещика к буржуазному крестьянину, от буржуазного либерала к буржуазному демократу, от буржуазной полусвободы к буржуазной полной свободе. Именно в таких апелляциях, только в таких апелляциях состоит наша критика либерализма в переживаемый Россией момент, т.-е. та критика, которую мы направляем с точки зрения ближайших и очередных задач этого момента.

Возьмите, напр., следующую фразу г. Прокоповича: «Создание здоровых условий политической жизни народных масс — вот та ближайшая цель, которая объединяет в настоящее время и левых и оппозицию».

Нет ничего более бессодержательного, более пустого, более обманчивого, чем эта фраза. Под этой фразой подпишется и октябрист и ловкий «националист», ибо ничего ясного она не дает. Это — простой посул, голая декламация, дипломатическое скрывание своих мыслей. Но, если г. Прокоповичу, как и многим другим либералам, язык дан для того, чтобы скрывать свои мысли, то мы попробуем выполнить наш долг: раскрыть то, что здесь скрывается. Возьмем, для осторожности, пример поскромнее, помельче.

Двухпалатная система есть ли здоровое условие политической жизни? Думаем, что нет. Прогрессисты и кадеты думают, что да. За такие взгляды либералов мы обвиняем их в антидемократизме, в контр-революционности. И когда мы формулируем такое обвинение против либералов, мы тем самым еще в большей степени обвиняем всех правых.

Спрашивается, далее, как тут быть с «объединением левых и оппозиции»? Отказываемся ли мы из-за этого разногласия от объединения с либералом против правого? Нет, отнюдь не отказываемся. Контр-революционные взгляды либералов по этому вопросу, и по всем аналогичным, *гораздо более важным* вопросам политической свободы, известны нам давно, с 1905 года, если не раньше, но тем не менее мы и в 1912 году повторяем: и на перебаллотировках и на второй стадии выборов соглашение с либералами против правых допустимо. Ибо буржуазный монархический либерализм, при всей его половинчатости, совсем не то, что крепостническая реакция. Не использовать этой разницы было бы совсем плохой рабочей политикой.

Но пойдем далее. *Как* использовать? *На каких* условиях

возможно «объединение левых и оппозиции»? Либерал отвечает на этот вопрос: нечего и толковать об объединении, ежели левые ведут непреклонную борьбу с оппозицией. И либерал поясняет свою мысль так: чем скромнее требование, тем шире круг согласных, тем полнее объединение, тем больше силы, способной осуществить это требование; за «сносную» конституцию с двухпалатной системой (и другими... как бы это помягче выразиться?.. маленькими отступлениями от демократизма) будут и все демократы и все либералы; это очень много; а если упереться на «чистом» демократизме, то прогрессисты и отпадут, «оттолкнете» и многих к.-д., получится разъединение и обессиление «конституционных элементов».

Так рассуждает либерал. А мы рассуждаем иначе. Без сознательности масс никаких изменений к лучшему быть не может. Это наша основная посылка. Либерал смотрит на верхи, а мы смотрим на «низы». Отказываясь от разъяснений вреда двухпалатной системы или хотя бы на иоту ослабляя «борьбу» со всякими антидемократическими взглядами по этому вопросу, мы «привлекаем» к себе либерального помещика, купца, адвоката, профессора — они все родные братья Пуришкевича и ничего серьезного против Пуришкевичей сделать не могут. «Привлекая» их, мы отталкиваем от себя массы — и в том смысле, что массы, для которых демократизм не дипломатическая вывеска, не показная фраза, а насущное, кровное дело, вопрос жизни и смерти, эти массы потеряют доверие к сторонникам двухпалатной системы; — и в том смысле, что ослабление нападок на двухпалатную систему означает недостаточную сознательность масс, а при несознательных, сонных, нерешительных массах *никакие* изменения к лучшему невозможны.

Своей полемикой с либералами вы разъединяете левых и оппозицию, говорят нам кадеты и гг. Прокоповичи. Мы отвечаем, что последовательный демократизм отталкивает самых шатких, ненадежных, наиболее терпимых к пуришкевичевщине либералов; их горстка; а привлекает он миллионы, просыпающиеся теперь к новой жизни, к «здоровой политической жизни», причем под этим словом мы понимаем далеко не то, совсем не то, что понимает под ним г. Прокопович.

Вместо двухпалатной системы можно бы взять для примера состав землеустроительных комиссий: следует ли давать одну треть влияния помещикам, другую — крестьянам, третью — чиновникам, как полагают кадеты, или выборы должны быть совершенно свободны при *вполне* демократическом избирательном праве? Что следует понимать по этому пункту под «здоровыми условиями политической жизни народных масс», а *), г. Прокопович?

---

*) В издании 1914 года «а» опущено. *Ред.*

Кого мы оттолкнем и кого привлечем последовательным демократизмом по этому вопросу?

И пусть не возражают нам «Русские Ведомости», что «сейчас над всеми другими пунктами программ господствует один, общий всем прогрессивным партиям, пункт, требующий осуществления политической свободы». Именно потому, что именно этот пункт *господствует* — это совершенно бесспорно, это святая истина — необходимо, чтобы самые широкие массы, чтобы миллионы и миллионы людей отличали полусвободу от свободы и понимали неразрывную связь демократизма политического с демократизмом аграрных преобразований.

Без заинтересованности, сознательности, бодрости, действенности, решительности, самостоятельности масс абсолютно ничего ни в той, ни в другой области сделано быть не может.

«Невская Звезда» № 12, 23 (10) июня 1912 г.
Подпись: В. И.

КАПИТАЛИЗМ И «ПАРЛАМЕНТ».

Истины демократизма не должны заслонять у нас того обстоятельства, — часто упускаемого из виду буржуазными демократами, — что представительные учреждения неизбежно порождают в капиталистических странах своеобразные формы влияния капитала на государственную власть. Парламента у нас нет, — но парламентского кретинизма среди либералов, *парламентского разврата* среди всех буржуазных депутатов у нас сколько угодно.

Эту истину рабочие должны хорошо усвоить, если они хотят научиться использовать[231]) представительные учреждения *для* развития сознания, сплоченности, действительности, действенности рабочего класса. Все враждебные пролетариату социальные силы — «бюрократия», землевладение, капитал — уже используют эти представительные учреждения *против* рабочих. Надо знать, как это они делают, — чтобы научиться отстаивать самостоятельные интересы рабочего класса и его самостоятельное развитие.

III Дума решила премии выдавать отечественным машиностроителям. Каким отечественным? — «Работающим» в России!

А посмотреть — и окажется, что как раз иностранные капиталисты перенесли свои заводы в Россию. Таможенные пошлины высоки,— прибыли необъятны — вот иностранный капитал и переселяется *внутрь* России. Американский трест — союз миллионеров-капиталистов — построил, напр., громадный завод с.-х. машин под Москвой, в Люберцах. А в Харькове капиталист Мельгозе, а в Бердянске капиталист Джон Гриевс строят сельско-хозяйственные машины. Не правда ли, как много «истинно-русского», «отечественного» в этих предпринимателях?

Но, разумеется, без всесторонней помощи русских капиталистов они *не могли* бы вовсе действовать в России. Рука руку моет. Американские, английские, немецкие капиталисты собирают прибыль при помощи русских капиталистов, которым перепадает очень хорошая доля. Взять, напр., Ленские золотые

приска, или горно-промышленные предприятия на Урале. Сколько миллионов поделили здесь иностранные и русские капиталисты!

Дума тут очень полезна для гг. промышленников. Капиталисты и в Думе, как и в Гос. Совете имеют изрядное число своих представителей, да притом и помещик, ведь, в наши дни без капитала ничто. И капиталисты и помещики имеют в лице Думы готовый аппарат для проведения законов о «премиях» *(себе самим)*, о таможенной охране (т.-е. другой форме премий себе самим), о концессиях (третья форма премий себе самим) и так далее *без конца*.

Либеральный «Скептик» в либеральной «Речи» писал об этом очень недурно [232]). Так прочувствованно писал против «националистов» (сами себе «премии» назначили для поощрения «отечественного» машиностроения гг. Гриевсов, Мельгозе, Эльворти и прочих компаний), что и меня заразил немного скептицизмом.

Да, «националистов» недурно разоблачает г. либеральный «Скептик». Но почему же он молчит о кадетах? Когда Головин, напр., концессии добывал, неужели положение *депутата Думы* и бывшего председателя Думы ему в этом полезном и прибыльном занятии не помогало?

Когда Маклаков «тагиевские» гонорары уписывал, неужели положение думского депутата ему не облегчало получение столь «выгодных» дел?

А сколько еще кадетских помещиков, купцов, капиталистов, финансистов, адвокатов, дельцов расширили свои операции, упрочили свои «связи», обделали свои «дела» при помощи депутатского звания и тех выгод, тех удобств, которые это звание дает?

А что, если бы произвести анкету о финансовых операциях депутатов Думы и при участии депутатов Думы?

Да, но во всех капиталистических странах приняты меры, чтобы «коммерческая тайна» охранялась, чтобы *ни один* «парламент» такой анкеты не допустил.

Однако, рабочим депутатам известно, без сомнения, многое по этому вопросу, и, если потрудиться, похлопотать, пособирать сведения, подобрать материалы, поискать в газетах, справиться на бирже и т. п., можно и самим произвести очень поучительную и очень полезную «анкету» о *деловых* операциях депутатов Думы и при участии таковых депутатов.

В европейских парламентах эти операции общеизвестны, и рабочие их постоянно разоблачают с именами дельцов — в поучение народу.

«Невская Звезда» № 13, 30 (17) июня 1912 г.
Подпись: Не-либеральный скептик.

ПРИЛОЖЕНИЯ

I. СПИСОК ПРОИЗВЕДЕНИЙ В. И. ЛЕНИНА, ОТНОСЯЩИХСЯ К ПЕРИОДУ: 29 ДЕКАБРЯ 1910 Г. — 1 ИЮЛЯ 1912 Г., ДО СЕГО ВРЕМЕНИ НЕ РАЗЫСКАННЫХ.

ЗАПИСИ ВЫСТУПЛЕНИЙ В. И. ЛЕНИНА НА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМ, ЧАСТНОМ СОВЕЩАНИИ ЦЕКИСТОВ В ПАРИЖЕ, ВЕСНОЮ 1911 Г.

ЗАПИСИ ВЫСТУПЛЕНИЙ В. И. ЛЕНИНА НА ИЮНЬСКОМ СОВЕЩАНИИ ЧЛЕНОВ Ц.К., ЖИВУЩИХ ЗАГРАНИЦЕЙ.

ЗАПИСИ ДОКЛАДОВ И ВЫСТУПЛЕНИЙ В. И. ЛЕНИНА НА ПРАЖСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ.

ОТЧЕТ ДЛЯ ДУМСКОЙ СОЦ.-ДЕМ. ФРАКЦИИ.

(См. письмо Н. К. Крупской 30/IV 1912 г.)

ОБРАЩЕНИЕ (ПИСЬМО) ЛЕНИНА К ЧЛЕНАМ ПАРИЖСКОЙ СЕКЦИИ ЗАГР. ОРГАНИЗАЦИИ Р. С.-Д. Р. П.

Вскоре после Пражской конференции в Парижской секции возникла мысль устроить открытый реферат о конференции со свободной дискуссией. Ленин отказался от участия в эмигрантской дискуссии. В обращении к членам секции он излагал историю бесконечных эмигрантских дискуссий и указывал бесцельность всяких попыток собеседований, совместных с ликвидаторами и их подголосками. (С. Гопнер (Наташа): «О Ленине». Гиз. Укр. 1925 г.)

* * *

Сводка не разысканных писем В. И. Ленина за период с 29 декабря 1910 г. по 1 июля 1912 г. будет дана в последних томах этого издания, содержащих письма Вл. Ильича.

II. СПИСОК ИЗДАНИЙ ПЕРИОДА 29 ДЕКАБРЯ 1910 Г. — 1 ИЮЛЯ 1912 Г., В РЕДАКТИРОВАНИИ КОТОРЫХ ПРИНИМАЛ УЧАСТИЕ В. И. ЛЕНИН.

За период с 29 декабря 1910 г. по 1 июля 1912 г. В. И. Ленин принимал участие в редактировании следующих изданий:

1) ГАЗЕТА «СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТ»:

№ 19 — 20 — 26 (13) января 1911 г.
№ 21 — 22 — 1 апреля (19 марта) 1911 г.
№ 23 — 14 (1) сентября 1911 г.
№ 24 — 31 (18) октября 1911 г.
№ 25 — 21 (8) декабря 1911 г.
№ 26 — 8 мая (25 апреля) 1912 г.
№ 27 — 17 (4) июня 1912 г.

2) «РАБОЧАЯ ГАЗЕТА»:

№ 2 — 31 (18) декабря 1910 г.
№ 3 — 21 (8) февраля 1911 г.
№ 4 — 5 — 28 (15) апреля 1911 г.
№ 6 — 5 октября (22 сентября) 1911 г.
№ 7 — 4 января (22 декабря 1911) 1912 г.
№ 8 — 30 (17) марта 1912 г.

3) ЖУРНАЛ «МЫСЛЬ»:

№ 1 — декабрь 1910 г.
№ 2 — январь 1911 г.
№ 3 — февраль 1911 г.
№ 4 — март 1911 г.
№ 5 — апрель 1911 г. (конфискован до выхода).

4) ЖУРНАЛ «ПРОСВЕЩЕНИЕ»:

№ 1 — [декабрь] 1911 г.
№ 2 — январь 1912 г.
№ 3 — 4 — февраль-март 1912 г.
№ 5 - № 5 — 7 — апрель-июнь 1912 г.

5) БРОШЮРЫ:

Ю. Каменев. «Две партии». С предисловием Н. Ленина и приложением писем и заявлений тт. В. Вильямова, Ал. Власова, Иннокентиева, Э. и группы рабочих. Изд. ред. «Рабочей Газеты», 1911 г. Стр. XII + + 155 + XXIII.

Г. Зиновьев. «Выборы в 4-ю Думу и наши задачи». Изд. Ц. О. («Социал-Демократ»). Paris, 1911. Стр. 28.

Г. Зиновьев. «Вопросы тактики». По поводу «петиционной кампании». Издание Центрального Органа Р. С.-Д. Р. П. «Социал-Демократ». Paris, 1912. Стр. 59.

Спутник избирателя. (Наши избирательные законы.) С.-Петербург. «Т-во Художественной печати». Ивановская, 14. 1912 г. Стр. 39 + 1 табл.

6) ПАРТИЙНЫЕ ДОКУМЕНТЫ:

Извещение совещания членов Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. (листовка).

Darstellung der ganzen Angelegenheit (Изложение дела соц.-дем. фракции II Гос. Думы), напечат. в «Bulletin Périodique du Bureau Socialiste International» («Периодический Бюллетень Международного Социалистического Бюро») № 8, стр. 117—120.

Всероссийская конференция Росс. Соц.-Дем. Раб. Партии 1912 г. Издание Центрального Комитета. Paris, 1912. Стр. 34.

III. УКАЗАТЕЛЬ ЛИТЕРАТУРНЫХ РАБОТ И ИСТОЧНИКОВ, УПОМИНАЕМЫХ В. И. ЛЕНИНЫМ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ XV ТОМА.

РЕВИЗИИ ГОРОДА БАКУ И БАКИНСКОЙ ГУБЕРНИИ. Стр. 521. — 527.
ВСЕПОДДАННЕЙШИЙ ОТЧЕТ СТАТС-СЕКРЕТАРЯ КУЛОМЗИНА ПО ПОЕЗДКЕ В СИБИРЬ ДЛЯ ОЗНАКОМЛЕНИЯ С ПОЛОЖЕНИЕМ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОГО ДЕЛА. С.-Петербург. 1896. Стр. 181. — 524.
ВСЕРОССИЙСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ. (В декабре 1908 года.) Париж. 1909. Стр. 14, 15, 38, 40. — 125, 129—131, 146, 148, 339.
— 1912 г. Издание Центрального Комитета. Париж. 1912 г. Отдельная брошюра. Стр. 18. — 534, 535, 538, 540.
ВТОРОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ К № 15 «ДНЕВНИКА СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТА». Г. П. [Плеханов, Г. В.]. — Вечная память! Стр. 1. — 428.
ГЕГЕЧКОРИ. — Речь. Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты 1911 г., сессия V, заседание 1-е, 28 (15) октября 1911 г. Стр. 70—72. — 260.
ГЕРМАН (ДАНИШЕВСКИЙ) И АРКАДИЙ (КАЛИНИН, Ф. И.) — Письмо в редакцию «Правды». «Правда» № 20, 29 (16) апреля 1911 г. — 240.
ГЕРЦЕН, А. И. — Письма об изучении природы. Письмо первое. «Эмпирия и идеализм». «Отечественные Записки». Том XXXIX, кн. 4, апрель, 1845 г. — 464.
— Письма к старому товарищу. (Письмо четвертое.) Сборник посмертных статей. Издание детей покойного. Женева. 1870. Стр. 291. — 465.
— Письмо К. Д. Кавелину, 7 июня [1862]. Письма К. Д. Кавелина и Ив. С. Тургенева к Ал. Ив. Герцену. С объяснительными примечаниями М. Драгоманова. Женева, 1892, стр. 52—54. — 467.
— Письмо к И. С. Тургеневу от 10 марта 1864 г. «Современник». Книга № 9, сентябрь 1913 г. — 467.
[ГЕРЦЕН, А. И.] — Смесь. «Колокол» № 62, 1 февраля 1860 г. — 468.
— Смесь. «Колокол» № 63, 15 февраля 1860 г. — 468.
[ГЕРЦЕН, А. И.]. И—Р. — Концы и начала. (Письмо пятое.) «Колокол» № 148, 22 октября 1862 г. — 464.
— Ископаемый епископ, допотопное правительство и обманутый народ. «Колокол» № 105, 15 августа 1861 г. — 468.
[ГЕРЦЕН, А. И.] — Смесь. «Колокол» № 97, 1 мая 1861 г. — 468.
ГЛИНКА, С. — 65 пустозвонов. «Земщина» № 558, 25 (12) февраля 1911 г. — 117.
«ГОЛОС МОСКВЫ» № 38, 2 марта (17 февраля) 1911 г. Громобой. — Необходимое предостережение. — 115, 116.
— № 72, 11 апреля (30 марта) 1911 г. Громобой. — Разрытый муравейник. — 161, 163, 164.
— № 236, 27 (14) октября 1911 г. Союз графа Витте и П. Н. Дурново с кадетами. — 316.
— № 267, 2 декабря (19 ноября) 1911 г. Волнения среди рабочих. (Корреспонденция из Петербурга.) — 281.
— № 51, 15 (2) марта 1912 г. Конференция социал-демократов. (От нашего корреспондента.) — 396.
— № 19—20, январь-февраль 1910 г. Открытое письмо [за подписью 16-ти]. Стр. 23. — 21, 61.
«ГОЛОС СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТА» № 19—20, январь-февраль, 1910 г. Положение дел в партии. (Итоги пленума Ц. К.) — 240.
— № 23, ноябрь 1910 г. Аксельрод, П. Б. — Источники разногласий между так называемыми партийцами и так называемыми ликвидаторами. (Рефераты.) — 61.
— № 23, ноябрь 1910 г. Мартов Л. — Куда пришли? стр. 10. — 60, 150.

газеты «Речь». Милюков, П. — Политические партии в Государственной Думе за пять лет. Стр. 77, 78, 80, 96. — 404—407.

ЕЖОВ, В. — От стихийности к организации. «Невский Голос» № 1, 2 июня (20 мая) 1912 г. — 521—523, 544.

ЕЛИШЕВ, А. И. — Московские подстрекательства. «Земщина» № 559, 26 (13) февраля 1911 г. — 117.

ЕРМАНСКИЙ, А. — К характеристике российской крупной буржуазии. «Наша Заря» № 3, 1912 г. Стр. 23, 25, 29—31, 79. — 498, 499.

«ЖИВОЕ ДЕЛО» № 2, 9 февраля (27 января) 1912 г. Мартов, Л. — К выборам. — 401, 402.

— № 3, 14 (1) февраля 1912 г. Дан, Ф. — Наши лорды. — 401.

— № 7, 15 (2) марта 1912 г. Белоусов, Т. — «Вокруг Думы». (Письмо Белоусова, перепечатанное из речи.) — 411.

— № 7, 15 (2) марта 1912 г. За объединение против раскола. Без подписи. — 396.

— № 7, 15 (2) марта 1912 г. К уходу депутата Белоусова. Без подписи. — 411, 413.

— № 7, 15 (2) марта 1912 г. Троцкий, Н. — Политические письма. — 400.

— № 8, 22 (9) марта 1912 г. Мартов, Л. — Бороться ли с реакцией? — 439, 440, 444.

— № 10, 3 апреля (21 марта) 1912 г. — Обывательская политика. (Редакционная статья.) — 437.

«ЖИЗНЬ» № 1, 12 сентября (30 августа) 1910 г. Мартов, Л. — Заметки публициста. «Ликвидаторство» и «перспективы». Стр. 1, 2, 4—7, 9—12. — 84, 127, 128, 130—135, 214.

ЗАГРАНИЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ С.-Д. (Заметка в отделе «Русская Жизнь».) «Киевская Мысль» № 58, 12 марта (21 февраля) 1912 г. — 396.

ЗАМЕТКА К ЗАЯВЛЕНИЮ ЖЕНЕВСКОГО ИДЕЙНОГО КРУЖКА БОЛЬШЕВИКОВ. Редакция. «Вперед» № 3, май 1911 г. Стр. 78. — 244, 293.

ЗА НЕДЕЛЮ. «Речь» № 78 (1674) 3 апреля (21 марта) 1911 г. — 153.

ЗА ОБЪЕДИНЕНИЕ ПРОТИВ РАСКОЛА. Без подписи. «Живое Дело» № 7, 15 (2) марта 1912 г. — 396.

«ЗА ПАРТИЮ» № 1, 29 (16) апреля 1911 г. Л. В. — Об «Организационном Комитете». — 462.

«ЗАПРОСЫ ЖИЗНИ» № 13, 13 апреля (31 марта) 1912 г. Водовозов, В. — Избирательная программа трудовой группы. Стр. 774—776. — 453, 455.

— № 13, 13 апреля (31 марта) 1912 г. Р. Б. [Бланк.] Политическая мобилизация. Стр. 778—780. — 458, 507, 508.

— № 17, 10 мая (27 апреля) 1912 г. Водовозов, В. — Трудовая группа и рабочая партия. Стр. 997, 998. — 473, 477.

«ЗАРНИЦЫ». Сборник. Спб. 1907 г. К. Ю. [Каменев, Л. Б.] — Из истории русского либерализма. Стр. 69. — 318.

ЗАЯВЛЕНИЕ ОТ 25 АВГУСТА 1911 Г. Подписанное: Комиссия по созыву пленума, назначенная Совещанием членов Ц.К. «Социал-Демократ» № 23, 14 (1) сентября 1911 г. — 219.

«ЗВЕЗДА» № 1, 29 (16) декабря 1910 г. Плеханов, Г. — Заметки публициста. — 57.

— № 4, 19 (6) января 1911 г. Противоречие. Заметка в отделе «Обзор Печати». — 170.

— № 28, 18 (5) ноября 1911 г. Ленин, В. И. — Два центра. — 353.

— № 29, 12 ноября 1911 г. Николин, Н. — Новое в старом. — 308, 309.

— № 11 (47), 24 (11) февраля 1912 г. Ленин, В. И. [Ф. Л-ко]. — Орган либеральной рабочей политики. — 439, 441.

КНИПОВИЧ, Б. Н. — К вопросу о дифференциации русского крестьянства. (Дифференциация в сфере земледельческого хозяйства.) — 510.

КО ВСЕМ СОЦ.-ДЕМ. ПАРТИЙНЫМ ОРГАНИЗАЦИЯМ, ГРУППАМ И КРУЖКАМ. «Листок Организационной Комиссии» 14 (1) августа 1911 г. — 205.

КО ВСЕМ ЧЛЕНАМ Р.С.-Д.Р.П. 1911 г. (листок, вышедший в Париже. Подписан «Группа большевиков-партийцев»). — 228, 230, 231, 235, 239.

КОКОВЦЕВ. — Речь. Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты 1911 г. Сессия V, заседание 14, 15 (2) ноября 1911 г. Стр. 1103 — 1142. — 367.

«КОЛОКОЛ» № 62, 1 февраля 1860 г. [Герцен, А. И.] Смесь. — 468.
— № 63, 15 февраля 1860 г. [Герцен, А. И.] Смесь. — 468.
— № 97, 1 мая 1861 г. [Герцен, А. И.] Смесь. — 468.
— № 105, 15 августа 1861. И—р [Герцен, А. И.]—Ископаемый епископ, допотопное правительство и обманутый народ. — 468.
— № 148, 22 октября 1862. Герцен, А. И. — Концы и начала. (Письмо пятое.) — 464.
— № 162, 1 мая 1863. Огарев, Н. — Надгробное слово. — 467.
— № 177, 15 января 1864. [Герцен, А. И.] — Смесь, копоть, нагар и пр. — 467.
— № 186, 15 июня 1864. И—р [Герцен, А. И.] — Н. Г. Чернышевский. — 467.

КОНДУРУШКИН, С. — Письма о голоде. Правительство и общество. «Речь» № 291 (1885), 5 ноября (23 октября) 1911 г. — 262.

КОНФЕРЕНЦИЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОВ. (От нашего корреспондента.) «Голос Москвы» № 51, 15 (2) марта 1912 г. — 396.

КОНФЕРЕНЦИЯ ТРУДОВИКОВ. «Звезда» № 23 (59), 11 апреля (29 марта) 1912 г. — 449.
— «Речь» № 84 (2038), 10 апреля (28 марта) 1912 г. — 449.

КРЕСТОВНИКОВ. — Письмо. «Земщина» № 560, 27 (14) февраля 1911 г. — 117.

К. [СТАЛИН]. — С.-Петербург. Корреспонденция. «Социал-Демократ» № 23. от 14 (1) сентября 1911 г. — 217.

КУЗНЕЦОВ. — Речь. Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты 1911 г. Сессия V, заседание 2-е, 30 (17) октября 1911 г. Стр. 163. — 286.

КУТЛЕР. — Речь. Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты 1911 г. Сессия V, заседание 18-е, 22 (9) ноября 1911 г. Стр. 1472. — 368.

К УХОДУ ДЕПУТАТА БЕЛОУСОВА. (Без подписи.) «Живое Дело» № 7, 15 (2) марта 1912 г. — 411, 413.

К УХОДУ ИЗ ДУМСКОЙ СОЦ.-ДЕМ. ФРАКЦИИ ДЕПУТАТА Т. О. БЕЛОУСОВА. (Без подписи.) «Звезда» № 12 (48), 8 марта (23 февраля) 1912 г. — 413.

ЛАРИН, Ю. — К вопросу о перспективах нашего социально-политического развития. (Ответ редакции «Возрождения».) «Возрождение» № 11, 20 (7) июля 1910 г. Стр. 1 — 14. — 127, 214.
— Направо и кругом. (Окончание.) «Дело Жизни» № 2, 15 (2) марта 1911 г. Стр. 18. — 136, 137, 210, 214.
— Подъем русского земледелия и его общественно-политические последствия. «Возрождение» № 9 — 10, 28 (15) июня 1910 г. Стр. 20, 26 — 27. — 126, 127, 210.
— Пути созидания. «Дело Жизни» № 5, май 1911 г. Стр. 14 — 19. — 210.

«РЕЧЬ» № 291 (1885), 5 ноября (23 октября) 1911 г. Телеграмма из Царицына. — 261.

— № 291 (1885), 5 ноября (23 октября) 1911 г. Эльф. — Борьба с голодом — 261.

— № 266 (1862), 11 октября (28 сентября) 1911 г. Отдел «Печать». (По поводу полемики Витте и Гучкова.) — 223, 255, 315.

— № 293 (1889), 7 ноября (25 октября) 1911 г. Передовица. — 259.

— № 295 (1891) 9 ноября (27 октября) 1911 г. Петрункевич, Ив. — Письмо в редакцию. — 316, 318.

— № 295 (1891), 9 ноября (27 октября) 1911 г. Трубецкой, Евг. — Письмо в редакцию. — 316.

— № 54 (2008), 9 марта (25 февраля) 1912 г. Белоусов, Т. — Письмо в редакцию. — 411.

— № 79 (2033), 3 апреля (21 марта) 1912 г. Передовица. — 435, 436.

— № 84 (2038), 10 апреля (28 марта) 1912 г. Конференция трудовиков. — 449.

— № 84 (2038), 10 апреля (28 марта) 1912 г. Передовица. — 450.

— № 88 (2042), 14 (1) апреля 1912 г. «Печать». (По поводу статьи В. Водовозова в «Запросах Жизни» № 13, 1912 г.) — 454.

— № 91 (2045), 17 (4) апреля 1912 г. Пребывание В. Н. Коковцева в Москве. — 506.

— № 93 (2047), 19 (6) апреля 1912 г. «Печать». — 508.

— № 106 (2060), 2 мая (19 апреля) 1912 г. Скептик. — Теория и и практика. — 556.

— № 126 (2080), 23 (10) мая 1912 г. «Печать». — 549.

— № 132 (2086), 30 (17) мая 1912 г. «Печать». — 521, 536.

— Р—КОВ, Н. — см. РОЖКОВ, Н.

РОДЗЯНКО, М. В. — Речь. Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты 1911 г., сессия V, заседание 1-е, 28 (15) октября 1911 г. (Приложение к газ. «Россия». 1816, 29 (16) октября 1911 г.) Стр. 1, 2. — 321.

— Речь. Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты 1911 г. Сессия IV, заседание 86, 4 апреля (22 марта) 1911 г. Стр. 1455, 1456. — 155.

РОДИЧЕВ. — Речь. Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты 1911 г. Сессия V, заседание 1-е, 28 (15) октября 1911 г. (Приложение к газ. «Россия» № 1816, 29 (16) октября 1911 г.) Стр. 23, 24. — 260, 322.

РОЖКОВ, Н. — Точка опоры. «Обская Жизнь» № 171, 19 (6) августа 1911 г. — 349.

[РОЖКОВ, Н.]. Р — ков, Н. — Современное положение России и основная задача рабочего движения в данный момент. «Наша Заря» № 9 — 10, 1911 г. Стр. 31 — 35. — 272 — 279, 297 — 301, 309, 310, 459.

«РОССИЯ» № 1611, 2 марта (17 февраля) 1911 г. Отдел «Русская печать». — 115 — 117.

«РУССКИЕ ВЕДОМОСТИ» № 12, 29 (16) января 1911 г. Передовица. — 105, 161.

— № 222, 11 октября (28 сентября) 1911 г. Передовица. — 255, 315.

— № 236, 27 (14) октября 1911 г. Дионео. — Записки Хайндмэна. — 226.

— № 104, 21 (8) мая 1912 г. Прокопович, С. — Перед опасностью. — 549, 552, 554.

— № 110, 28 (15) мая 1912 г. Северянин [Быков, А. Н.]. — 11 лет... и все то же самое! — 521.

ТЕСЛЕНКО. — Речь. Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты 1911 г. Сессия IV, заседание 101-е, 10 мая (27 апреля) 1911 г. Стр. 3001, 3002. — 189.

— Речь в Государственной Думе III созыва, сессии IV, заседание 101, 10 мая (27 апреля) 1911 г. «Речь» № 114 (1710), 11 мая (28 апреля) 1911 г. — 189.

— Речь. Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты 1911 г. Сессия V, заседание 2-е, 30 (17) октября 1911 г. (Приложение к газ. «Россия» № 1817, 31 (18) октября 1911 г.) Стр. 52, 53. — 328.

ТОЛСТОЙ, Л. Н. — Анна Каренина. Соч., часть X, том II, издание пятое. Москва, 1886 г., стр. 137. — 100.

— Воспитание и образование. Сочинение, часть четвертая. Москва. Издание пятое 1886 г., стр. 130, 136. — 101, 102.

— Крейцерова соната. Издание 1889 г. нелегальное. — 101.

— Люцерн. Собрание сочинений, том II, издание пятое. Москва, 1886, стр. 125. — 101.

— О смысле жизни — мысли Л. Н. Толстого. Собранные Владимиром Чертковым с предисловием В. и А. Чертковых. Издание «Свободного Слова» № 56, 1901 г., стр. 36, 52. — 101.

— Прогресс и определение образования. Собрание сочинений, том IV. Издание пятое. Москва, 1886 г., стр. 162, 166.— 101.

— Рабство нашего времени. Издание «Свободного Слова» № 43, 1900 г., стр. 16. — 101.

ТОЛСТОЙ. — Речь. Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты 1911 г. Сессия V, заседание 2-е, 30 (17) октября 1911 г. (Приложение к газ. «Россия» № 1817, 31 (18 октября) 1911 г.) Стр. 38. — 326.

[ТРОЦКИЙ, Л. Д.] — Вперед. [Передовица]. «Правда» (Венская) № 22, 29 (16) ноября 1911 г. — 302, 303.

— Европейская рабочая газета на русском языке. «Правда» (Венская) № 21, 8 июля (25 июня) 1911 г. — 238.

— Ленская бойня и ответ пролетариата. [Передовица.] «Правда» № 25, 6 мая (23 апреля) 1912 г. — 534.

ТРОЦКИЙ, Н. — Политические письма. «Живое Дело» № 7, 15 (2) марта 1912 г. — 400.

ТРУБЕЦКОЙ, ЕВГЕНИЙ. — Письмо в редакцию. «Речь» № 295 (1891), 9 ноября (27 октября) 1911 г. — 316.

ФОРМУЛА ПЕРЕХОДА К ОЧЕРЕДНЫМ ДЕЛАМ ФРАКЦИИ НАРОДНОЙ СВОБОДЫ. Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия пятая. 21 заседание. 25 (12) ноября 1911 г., стр. 1780. — 368.

ХОД ВЫБОРОВ В ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ. «Речь» № 241, 25 (12) октября 1907 г. — 447.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ СТАТИСТИЧЕСКИЙ КОМИТЕТ М[ИНИСТЕРСТВА] В[НУТРЕННИХ] Д[ЕЛ]. Статистика землевладения 1905 г. Свод данных по 50-ти губерниям Европейской России. С.-Петербург 1907. 199 + L + 7. — 470.

ЧАЦКИЙ, Ю. — Пора начать! «Наша Заря» № 6, 1911 г. Стр. 39, 48 — 50, 54, — 251, 335, 338.

ЧЕРЕВАНИН. — Современное положение и возможное будущее. Москва 1907 г. Стр. 241. — 348.

ЧЕРНЫШЕВСКИЙ, Н. Г. — Пролог пролога. Соч., т. X, ч. I, С.-П.Б. 1906 г., стр. 91. — 143.

ЧХЕИДЗЕ. — Речь. Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты 1909 г. Сессия II, заседание 76, 23 (10) марта 1909 г. Стр. 421 — 423, 427, 431, 433. — 526 — 529.

НА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ.

DE-MAN, HENDRIK UND DE-BROUCKÈRE, LOUIS. — Die Arbeiterbewegung in Belgien. 1911. Ergaenzungs-Hefte zur «Neuen Zeit». No. 9. — 137.
MARTOFF, L. — Die preussische Diskussion und die russische Erfahrung. «Die Neue Zeit», 2 Band, No. 51, 16 September 1910. — 10 — 23.
MARX, K. UND ENGELS, FR. — Manifest der Kommunistischen Partei. London. 1848. — 102.
«DIE NEUE ZEIT», 2 Band, No. 28, 8 April 1910; No. 29, 15 April 1910. K. Kautsky. — Was nun? — 17.
— 2 Band, No. 45, 5 August 1910. K. Kautsky. — Zwischen Baden und Luxemburg. — 17.
— 2 Band, No. 35, 27 Mai 1910. Rosa Luxemburg. — Ermattung oder Kampf? — 17.
— 2 Band, No. 43, 22 Juli 1910; No. 44, 29 Juli 1910. Rosa Luxemburg. — Die Theorie und die Praxis. — 17.
— 2 Band, No. 50, 9 September 1910. Trotzky. — Die Entwicklungstendenzen der russischen Sozialdemokratie. — 10 — 23.
— 2 Band, No. 51, 16 September 1910. L. Martoff. — Die preussische Diskussion und die russische Erfahrung. — 10 — 23.
PANNEKOEK, ANTON. — Die taktischen Differenzen in der Arbeiterbewegung. Hamburh, Erdmann Dubber, 1909. — 5, 8.
«ST.-PETERSBURGER ZEITUNG», 6 (19) Mai 1912, № 126. Politische Wochenschau. — 537.
POLITISCHE WOCHENSCHAU. St.-Petersburger Zeitung, 6 (19) Mai 1912, № 126. — 537.
PROTOKOLL ÜBER DIE VERHANDLUNGEN DES PARTEITAGES DER SOZIALDEMOKRATISCHEN PARTEI DEUTSCHLANDS. Abgehalten zu Hannover vom 9 bis 14 Oktober 1899. Berlin, 1899. S. 208. — 135. Abgehalten in Magdeburg vom 18 bis 24 September 1910. Berlin, 1910. S. 251. — 12.
ROUBANOVITSCH, E. — Mort du député Vassili Karauloff. La carrière d'un terroriste russe. «L'Humanité», No. 2459, 10 Janvier 1911. — 76.
«DIE S.-D.-P. UND KRIEGSRÜSTUNGEN. «Vorwaerts», No. 94, 22 April 1911. — 167.
[TROTZKY, L.]. — Die russische Sozialdemokratie. — «Vorwärts», No. 201, 28 August 1910. — 23.
TROTZKY. — Die Entwicklungstendenzen der russischen Sozialdemokratie. «Die Neue Zeit», 2 Band, No. 50, 9 September 1910. — 10 — 23.
[TROTZKY, L.] — Aus dem russischen Parteileben. «Vorwärts», No. 72, 26 März 1912, 1 Beilage. — 423.
VERHANDLUNGEN DES REICHSTAGS XIII. LEGISLATURPERIODE I. SESSION. Band 283. Stenographische Berichte. Von der Eröffnungssitzung am 7 Februar 1912 bis zur 28 Sitzung am 16 März 1912. Berlin. 1912. S. 64 — 67. — 517.
«VORWÄRTS», No. 201, 28 August 1910. [L. Trotzky]. — Die russische Sozialdemokratie. — 23.
— No. 94, 22 April 1911. Die S.-D.-P. und Kriegsrüstungen. — 167.
— No. 72, 26 März 1912, 1 Beilage. [L. Trotzky]. — Aus dem russischen Parteileben. — 423.

IV. ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ.

№ 1 (k стр. 63).

ПИСЬМО ПРЕДСТАВИТЕЛЯ БОЛЬШЕВИКОВ ЗАГРАНИЧНОМУ БЮРО Ц. К.

Членам партии Ц. К. партии и Ц. К. национальных организаций.

Уважаемые товарищи!

5 декабря в З. Б. Ц. К. поступило от представителей большевистского течения следующее заявление:

«В З. Б. Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. Уважаемые товарищи! Передавая условно 3 держателям имущество Большевистского Центра, представители большевиков на последнем пленуме Ц. К. и в своей декларации, принятой пленумом, писали: «шагами, которые заставили бы нас потребовать от держателя возврата денег, мы считаем: продолжение меньшевиками их руководящего фракционного органа, сохранение меньшевистской фракционной кассы, отказ содействовать общепартийным центрам в России и за границей». Принимая нашу декларацию, пленум постановил: «если представители большевистского течения, ссылаясь на мотивы, указанные в их декларации, заявят требование о выдаче им оставшейся к тому времени суммы, то этот вопрос во всем его объеме решается окончательно этими держателями, причем предварительно созывается для этой цели пленум, который принимает по этому вопросу решение».

Ныне мы за себя и по доверенности т. Мешковского заявляем предусмотренное Ц. К. требование. В виду этого пленум должен быть созван немедленно. Прося З. Б. Ц. К. об ускорении созыва пленума, мы с своей стороны готовы содействовать этому ускорению всем, чем будет воз-[redacted]».

Ленин, Каменев, Зиновьев».

Последний пленум Ц. К. совершенно ясно и определенно в особой резолюции указал на то, как должен решаться в таком случае вопрос о возврате денег; «если представители большевистского течения», говорит резолюция, «ссылаясь на мотивы, указанные в их декларации, заявят требование о выдаче им оставшейся к тому времени суммы, то этот вопрос во всем его объеме», т.-е. выдать ли и кому именно (большевистским членам Ц. К. и Ц. О. или Центральному Комитету), — «решается окончательно этими держателями, причем предварительно созывается для этой цели пленум, который принимает по этому вопросу решение». Об этом решении и о прениях сообщается держателям.

«Если по тем или другим причинам не удастся в течение 3 месяцев с момента заявления представителями большевистского течения своего требования устроить пленум, — созывается для той же цели комиссия из 5 членов Ц. К. (1 большевик, 1 меньшевик и по одному от «национальных» организаций)».

Отсюда совершенно очевидно, что З. Б. Ц. К., после сделанного большевиками заявления, обязано, на точном основании резолюции пленума, созвать не позже 3-х месяцев пленарное собрание Ц. К. и *лишь в случае невозможности* его, указанную в резолюции комиссию, причем, как ясно из резолюции, комиссия эта созывается лишь в том случае и тогда, когда *в течение 3-х месяцев* не удалось устроить пленум; таким образом, в данный момент об этой комиссии не может быть и речи.

Такое предложение я и внес в З. Б. Ц. К. тотчас по выслушании заявления большевиков.

Между тем т. Игорев, представитель «голосовцев» в З. Б. Ц. К., первоначально не возражавший против этого предложения, через несколько дней переменил свое мнение и заявил протест против созыва пленума следующего содержания:

«Уважаемые товарищи!

Согласно уставу Ц. К., принятому последним пленумом (см. № 11 Ц. О.), пленарное, т.-е. 15-тичленное заседание Ц. К., с какой бы то ни было целью, может быть назначено лишь в одном из следующих 3-х случаев: 1) по постановлению русской коллегии Ц. К. (большинством ²/₃ членов, но не менее 5-ти); 2) по единогласному постановлению З. Б. Ц. К.; 3) в случае провала более половины русской части Ц. К., если арестованные не могут сейчас же быть заменены наличными кандидатами.

Из этих случаев нет налицо ни первого, ни третьего, так как русская коллегия Центрального Комитета может быть собрана и члены ее на свободе.

Остается лишь второй случай — единогласное постановление З. Б. Ц. К. Но раз так, то З. Б. Ц. К. должно обсудить вопрос по существу, т.-е. решить, целесообразен ли в данном случае пленум Ц. К.

Что касается меня, то я протестую против созыва заграничного пленума и притом по следующим основаниям.

Последний пленум Ц. К. имел своей целью устранить всякую надобность в заграничных пленумах, состоящих в огромном большинстве из эмигрантов, и для этого передал всю полноту власти русской коллегии Ц. К. и обставил созыв заграничного пленума совершенно исключительными условиями.

Опыт последних лет привел меня к убеждению в правильности этого решения, т.-е. в полной ненужности и бесцельности подобных эмигрантских пленумов, стоящих массу денег и не дающих никаких *практических* результатов. Тем менее можно ожидать этих результатов теперь, когда в течение года ни разу не собралась русская коллегия Ц. К., одна лишь достаточно авторитетная в вопросах практической партийной политики, и созыв заграничного пленума *до* созыва русской коллегии означал бы снова создание заграничного центра. Для разрешения же специального вопроса о «держательских» деньгах прошлый пленум предусмотрел и указал также другой выход: комиссию из 5 членов Ц. К. Созыв этой комиссии я и предлагаю, как наиболее целесообразный и наименее дорого стоящий способ решения вопроса, тем более, что окончательное решение все равно зависит от «держателей», а разные точки зрения определятся в комиссии вполне.

В крайнем случае предлагаю ожидать созыва русской коллегии Центрального Комитета, которая большинством ²/₃ голосов может решить созвать пленум.

Это мое предложение в 2-х его частях, т.-е. созыв комиссии или же ожидание созыва русской коллегии, я и ставлю на голосование З. Б. Ц. К.

Но, в виду того, что члены З. Б. Ц. К., т. Александров и т. Станислава, заявляют, что данный случай созыва пленума есть исключение из устава Ц. К. и оспаривают право З. Б. Ц. К. обсуждать вопрос по существу, я раньше всего требую голосования question préalable, т.-е. *компетентно* ли З. Б. Ц. К. обсуждать вопрос о целесообразности созыва пленума Ц. К., которого требуют тт. Ленин, Григорий и Каменев.

С товарищеским приветом И.»

Я считаю себя обязанным самым решительным образом протестовать против такого издевательства над решениями партии со стороны человека, находящегося в таком центральном учреждении, на обязанности которого лежит наблюдение над точным выполнением партийных постановлений. Для всякого очевидно, что ссылка т. Игорева на устав Ц. К. представляют собою не что иное, как безнадежную и жалкую попытку неверно истолковать резолюцию пленума, ибо созыв пленума, в случае заявки большевиков, предусмотрен *специальной* резолюцией, которая никаким уставом отменена быть не может, и никакому уставу, предусматривающему нормальные случаи, *противопоставлена* быть не может. Члены партии, надеюсь, снимут с меня неприятную обязанность доказывать, сколько лицемерия в указании на значение русской коллегии со стороны тех, которые сами срывали созыв ее. Ведь за весь год не было момента, когда члены Ц. К., большевики, не были бы готовы немедленно явиться на собрание русской коллегии. Всякому известно, однако, что русский Ц. К. за целый год не мог ни разу собраться, и всякому понятно, что заграничный пленум не исключает созыва русской коллегии. Но я считаю себя обязанным указать партии на существо вопроса, которое т. Игорев старается скрыть за формальным крючкотворством. Еще и еще раз пусть партия увидит:

1. Как «лойяльно и честно» представители голосовского течения выполняют обязанности, принятые ими на пленуме и легшие в основу объединительных решений этого последнего;

2. Как теперь, когда русский Ц. К. не может вот уже целый год собраться, когда партийная работа пришла в такое расстройство, представитель «голосовцев» старается сорвать созыв Ц. К. (ибо по его толкованию З. Б. Ц. К. может созвать пленум лишь по единогласному решению); и следовательно:

3. Как помогают представители ликвидаторов, заседающие в центральных учреждениях, улучшению партийной работы.

Я обращаю внимание, что это не первый случай попыток сорвать Ц. К. со стороны «голосовцев»; в 1908 г. они, после ареста целого ряда большевиков, обратились к бундовцам с предложением упразднить Ц. К., заменив его какой-то информационной коллегией; к чести т.т. бундовцев надо сказать, что этот заговор против партии ими был решительно отвергнут; второй случай такого же рода (в котором видную роль сыграл тот же т. Игорев) разоблачен в печати т.т. Алексеем Московским и Плехановым; третья попытка срыва Ц. К. исходила от известных Михаила, Романа и Юрия, которых поддерживали заграничные голосовцы. Новую попытку мы имеем сейчас перед собою.

Разумеется, я решительно протестую против самой постановки в З. Б. Ц. К. вопроса: «*нужно ли* созывать пленум». Решение этого вопроса *категорически* предусмотрено резолюцией Ц. К., и я считаю З. Б. Ц. К. обязанным точно выполнять партийные постановления. Я ни минуты не сомневаюсь, что этот новый заговор против партии получит решительный отпор со стороны представителей национальных организаций в З. Б. Ц. К.

Но если б даже этого не случилось, я уверен, что члены Ц. К., знающие решение партии и лойяльно выполняющие его, съедутся на пленум помимо и против всяких препятствий.

В виду симптоматичности и чрезвычайной важности этой новой выходки представителей ликвидаторов, я оставляю за собой право осведомить о ней всю партию.

С товарищеским приветом
Член З.Б.Ц.К. *Н. Александров.*

Архив Института Ленина.

№ 2 (к стр. 199).

ИЗВЕЩЕНИЕ И РЕЗОЛЮЦИИ ИЮНЬСКОГО (1911 г.) СОВЕЩАНИЯ ЧЛЕНОВ Ц. К.

Извещение.

Товарищи! Ниже вы найдете резолюции нашего совещания и из них познакомитесь с теми практическими мероприятиями, которые мы рекомендуем товарищам в интересах сохранения партийного единства и против попыток поддержать в целях раскола анархию в партии, а также для поднятия на должную высоту политической работы с.-д. В особом письме ко всем членам партии мы изложим подробно наш взгляд на состояние и на задачи рабочего движения нашей партии в переживаемый нами политический момент. Пока же — только несколько слов о составе нашего совещания членов Центрального Комитета и о ходе работ этого совещания.

Почему прибегли мы к созыву *совещания* членов Ц. К.? почему не собралось *официальное* заседание Ц. К.? — Потому что многочисленные аресты и внешние препятствия, с одной стороны и систематическое торможение (в фракционных целях) созыва Ц. К. со стороны его исполнительного заграничного органа (З. Б. Ц. К.), с другой стороны, — не давали никакой возможности созвать официальное собрание Ц. К. немедленно. Нам пришлось предварительно прибегнуть к созыву *совещания* членов Ц. К. именно для того, чтобы принять необходимые меры для созыва официального пленума Ц. К., а эти меры разработаны и приняты были нашим совещанием в первую голову. Все практические шаги для скорейшего созыва пленума Ц. К. нами сделаны. И за попытки новых оттяжек или нового срыва пленума мы перед лицом всей партии возложим всю ответственность на тех, кто эти попытки предпримет.

Состав нашего совещания был следующий. Приглашены были *все* товарищи, имеющие (по уставу, выработанному пленумом в 1910 г.) право участия в пленумах Ц. К. и находящиеся в данный момент за границей. Таких товарищей оказалось 9, т.-е. значительное большинство всего состава Ц. К. Извещены были о совещании и откликнулись все 9 товарищей. Не явился один из двух бундистов. Явившийся на совещание представитель Бунда заявил, что он формальных полномочий от своей коллегии не имеет и не мог в течение того срока, который прошел с момента приглашения на совещение (почти 2 недели), даже отослать в свою коллегию извещения о предстоящем совещании. Совещание приняло по этому поводу резолюцию, в которой приглашало т. бундиста воспользоваться решающим голосом в совещании, так как товарищ этот, неоднократно представлявший Бунд в важнейших партийных собраниях и заседаниях

Ц. К., является бесспорным выразителем взглядов Ц. К. Бунда, и так как только по независящим обстоятельствам (перерыв сношений по конспиративным причинам) тов. бундист не имел возможности снестись со своей коллегией. Тов. бундист остался на совещании, оговорив, что принимает участие с решающим голосом, поскольку собрание является только совещанием. — В таком же приблизительно положении был и латышский товарищ — член последнего пленума Центрального Комитета и делегации латышского Центрального Комитета и делегат латышского Центрального Комитета на Копенгагенский конгресс. Этот товарищ, хотя и послал своевременно извещение о предстоящем совещании в свою коллегию, но ответа и формальных полномочий получить не успел. Он внес специальное заявление о том, что по его мнению решения совещания для латышской социал-демократии должны быть обязательны лишь в том случае, если латышский Ц. К. выразит свое согласие с ними.

Налицо, таким образом, было 8 членов Ц. К. из 9 оповещенных, — число, достаточное для того, чтобы путем взаимного соглашения принять некоторые экстренные решения по вопросам, не терпящим ни малейшего отлагательства, и сделать хоть что-нибудь, чтобы помочь партии выйти из того тяжелого положения, на которое обрекает ее отсутствие всякого практического центра. Уже на январском (1909 года) заграничном официальном пленуме присутствовало только 11 членов Ц. К. Почему же теперь, при таком трудном положении, 9 членов Ц. К. не могли бы путем соглашения предпринять хоть некоторые шаги для немедленного созыва официального собрания Ц. К. и для практической помощи партии?

Но двое из явившихся членов Ц. К. очевидно этого не пожелали. Один из них (голосовец Игорев) покинул собрание немедленно после конституирования — до принятия каких бы то ни было решений. Другой (бундист Бер) удалился с совещания на следующий день, придравшись к внешнему поводу. Никакого официального заявления по поводу своего ухода товарищ бундист не счел нужным внести. Но *политический* смысл ухода с совещания упомянутых двух членов Ц. К. совершенно ясен: они не пожелали соглашения, они не сочли нужным содействовать *скорейшему* созыву пленума Ц. К. *под взаимным контролем представителей различных течений.*

Оставшиеся на совещании 6 товарищей (большевики, польские с.-д., латышские с.-д.) приняли те решения, которые мы теперь отдаем на суд партии. Мы полагаем, что при таком положении партийных центров, какое мы имеем теперь, все оставшиеся на свободе члены Ц. К. должны, обязаны взять на себя инициативу в деле созыва пленума Ц. К., организации совещания по вопросам предстоящей избирательной кампании и, наконец, созыва общепартийной конференции. Не о «захвате власти», а о выполнении элементарной партийной обязанности идет тут речь. Когда часть передового отряда взята в плен столыпинской шайкой, когда некоторые сами покинули поле сражения — оставшиеся обязаны спасать партийное знамя.

Мы обращаемся ко всем партийным организациям и группам *без различия фракций и направлений:* товарищи, обсудите с возможно большей полнотой и возможно скорей предлагаемые нашими резолюциями мероприятия, свяжитесь с Организационной Комиссией по созыву партийной конференции и приступите немедленно к практической работе по созыву конференции, которая одна может помочь партии сплотить ряды и подготовиться к предстоящей борьбе!

Совещание членов Центрального Комитета
Рос. Соц.-Дем. Рабочей Партии.

Сноситься с Организационной Комиссией по созыву Конференции (*из за границы*) можно по адресу: Imprimerie «La Vie». Paris XIV-e. Avenue d'Orléans, 110 (для «О. К.») и через членов партии, живущих за границей.

Резолюция о конституировании.

Собрание, констатируя, что все имеющие право участия в пленумах Центрального Комитета товарищи, находящиеся в настоящий момент за границей, приглашены на данное собрание и явились все, кроме одного,— рассматривают себя, как *Совещание членов Центрального Комитета*, находящихся в настоящий момент за границей, и ставит в свой порядок дня *вопрос о воссоздании* Ц. К. в связи с общим положением партии.

О созыве пленума Ц. К.

Констатируя полную и окончательную неудачу всех попыток в течение $1^1/_2$ лет созвать Ц. К. в России и тот, неподлежащий на основании целого ряда данных ни малейшему сомнению, факт, что собрание Ц. К. если бы оно было созвано в близком будущем в России, обречено было бы на неизбежный провал; — констатируя, с другой стороны, что З. Б. Ц. К., идя в разрез со своей партийной обязанностью и точными требованиями партийного устава, *дважды* отклонило предложение о созыве Ц. К., совершенно игнорируя при этом критическое положение партии, из которого единственным выходом является именно созыв пленума,

— Совещание членов Ц. К.,

— в виду крайне тяжелого положения партии, грозящего ее центрам полным и окончательным развалом, — считает своей неотложной партийной обязанностью прибегнуть к экстренной мере и взять на себя инициативу созыва законного пленума.

Совещание постановляет:

1) Созвать заседание Ц. К.*) на основании устава 1910 г. за границей в самый ближайший срок.

2) Для созыва коллегии Ц. К. назначается комитет (из 3-х членов Ц. К.).

Примечание: Если бы З. Б. Ц. К. под давлением постановления совещания цекистов по вопросу о пленуме вспомнило, наконец, о своей партийной обязанности, вернулось на путь законности и с своей стороны решило бы предпринять шаги для созыва Ц. К., — Совещание, несмотря на то, что все поведение З. Б. Ц. К. в данном вопросе оправдывает полное недоверие ко всему подобному его решению, — поручает тем не менее своему комитету по созыву пленума войти в сношения с т.т. Игоревым, Бером, Шварцем и Тышко, предлагая им делегировать из своей среды в комитет по созыву пленума двух цекистов затем, чтобы общими усилиями и под взаимным контролем довести до конца столь важное для партии в настоящий момент дело. *(В целом принято единогласно.)*

Совещание по вопросу о предстоящих выборах в IV Думу.

В виду настоятельной необходимости начать заблаговременно, в ближайшем же будущем, агитацию в связи с выборами в Думу, совещание постановляет:

---

*) Михаил, Юрий и Роман на заседание Ц. К. *не* приглашаются.

— созвать в ближайший срок совещание из имеющих возможность приехать к этому сроку членов Ц. К. и представителей думской фракции *). Цель совещания — выработка проекта избирательной платформы, выработка мер для придания избирательной кампании единообразного и планомерного характера и определения первых шагов партии в предстоящей избирательной борьбе. (*Принято единогласно.*)

О созыве партийной конференции.

Приближение выборов в IV Думу и оживление в рабочем движении, с одной стороны, и все внутрипартийное положение, с другой стороны, делают неотложно необходимым немедленный созыв общепартийной конференции.

В виду невозможности (по причинам, которые изложены в резолюции о созыве пленума) собрать немедленно Ц. К., который мог бы взяться сам за созыв конференции, — Совещание членов Ц. К. считает своей обязанностью перед партией взять инициативу на себя и постановляет:

1) Партийная конференция должна быть созвана максимум через 3 месяца **) и приступить к практической организационной работе над ее созывом необходимо *немедленно*.

2) Конференция должна быть созвана на тех же началах (т.-е. с тем составом, порядком дня, порядком выборов и пр.), которые установлены в резолюции и письме (о конференции) последнего пленума Ц. К., состоявшегося в январе 1910 г.

3) Совещание выбирает Организационную Комиссию по созыву конференции (из 5 лиц ***)), каковой комиссии поручает:

a) *немедленно* обратиться к партии с воззванием о необходимости конференции и с призывом безотлагательно приступить к выборам и вообще к работе над конференцией;

b) Организационная Комиссия привлекает к работе по созыву конференции представителей местных организаций в России и влиятельных, занятых деятельностью среди масс, товарищей с тем, чтобы они, по возможности немедленно, составили русскую коллегию, выполняющую всю практическую работу по созыву конференции, под общим контролем Организационной Комиссии — в смысле исполнения директив, указанных в резолюциях и письме пленума.

c) Организационная Комиссия должна обратиться ко всем областным и местным организациям в России (а равно и к думской фракции ****) с предложением вступить с ней в сношения.

d) Организационная Комиссия должна обратиться ко всем заграничным партийным организациям с предложением делегировать по одному представителю в О. К. для совместной работы над немедленным созывом конференции *****).

---

*) По конспиративным соображениям, слова «думской фракции» в «Извещении» были опущены. *Ред.*

**) По конспиративным соображениям, слова «3 месяца» в «Извещении» были опущены. *Ред.*

***) По конспиративным соображениям, цифра «5» в «Извещении» была опущена. *Ред.*

****) По конспиративным соображениям, слова «думской фракции» в «Извещении» были опущены. *Ред.*

*****) Такие приглашения должны быть направлены к товарищам меньшевикам-партийцам, группе «Вперед», группе «Правда», Бунду и латышской соц.-дем. Что касается участия других течений в Орг. Комиссии, то для приглашения их представителей достаточно предложения одного из представителей перечисленных групп.

4) Свою работу по созыву конференции О. К. начинает *немедленно.*

Примечание *): Если Орг. Ком. найдет нужным, она имеет право увеличить число делегатов в О. К. от меньшевиков-партийцев, а также привлечь в качестве членов О. К., как ценного практического работника, тов. Юрия или тов. Марка. *(В целом принято единогласно.)*

О Заграничном Бюро Ц. К.

Совещание констатирует, что З. Б. Ц. К. в целом ряде случаев, как например, по вопросу об объединении заграничных групп Р. С.-Д. Р. П., о созыве пленума Ц.К. в самом тяжелом для партии положении, в вопросе о поддержке некоторых легальных с.-д. изданий в России и по многим другим вопросам стало на путь антипартийной фракционной политики, нарушая при этом ясные и точные постановления пленума 1910 г.

Не считая возможным реформировать З. Б. Ц. К. немедленно, Совещание передает вопрос о дальнейшем существовании подобного учреждения на разрешение ближайшего пленума.

О создании Технической Комиссии.

Принимая во внимание выход представителя большевиков из З. Б. Ц. К. и категорический отказ последних входить с З. Б. Ц. К. в какие бы то ни было сношения и признать его партийным учреждением, подчиняясь, с другой стороны, неотложной необходимости непрерывного исполнения ряда технических функций в связи с партийным издательством, транспортом и т. д. —

Совещание постановляет:

создать для выполнения указанных задач — впредь до созыва ближайшего пленума — временную техническую комиссию из 3 лиц **), подчиненную в своей деятельности группе цекистов, принявших участие в данном совещании с решающим голосом.

Отдельный листок 1911 г.

№ 3 (к стр. 205).

ОБРАЩЕНИЕ ЗАГРАНИЧНОЙ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КОМИССИИ ПО СОЗЫВУ ПАРТИЙНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ.

Ко всем соц.-дем. партийным организациям, группам и кружкам.

Товарищи!

Наша Организационная Комиссия, как известно, имеет одну цель: собрать немедленно партийную конференцию, помочь работникам с мест — без различий фракций и течений — немедленно съехаться и *самим* решить целый ряд наболевших вопросов нашего движения. Все гарантии беспристрастия и все возможности контроля над деятельностью Организационной Комиссии даны тем, что она: *во-первых,* действует на почве единогласно принятых резолюций и письма пленума Ц. К. (от января 1910 г.) по вопросу о конференции; *во-вторых,* — тем, что для выполнения всей практической работы (каковая работа определит самый состав конферен-

---

*) Примечание опубликованию не подлежало. *Ред.*

**) По конспиративным соображениям, цифра «3» в «Извещении» была опущена. *Ред.*

ции, ее направление и отчасти порядок дня) создается русская коллегия, в которую приглашаются представители *от всех значительных местных партийных организаций без различия течений*, при чем за О.К. остается лишь общий контроль относительно применения обязательных для созыва конференции указаний Ц.К.; *в третьих*, — тем, что О.К. в свой состав приглашает 5 делегатов от организаций меньшевиков-партийцев, группы «Вперед», редакции «Правды», Бунда и латышской социал-демократии и *условно* — от «Голоса Социал-Демократа» и других течений. Организационная Комиссия выбрана совещанием членов Центрального Комитета Р.С.-Д.Р.П., которое представляло всех большевиков, всех польских социал-демократов и часть латышей, т.-е. большинство действующих на местах с.-д. организаций и групп. Самая необходимость скорейшего созыва партийной конференции сознана и признана абсолютно всеми партийными течениями. При таких условиях, казалось бы, можно было надеяться, что, несмотря на все внутрипартийные разногласия, никто из членов партии не станет мешать Организационной Комиссии в ее работе по организации общепартийного представительства, одинаково авторитетного для всех течений.

Однако, это оказалось, к сожалению, не так. По крайней мере — за границей. Не успела еще Организационная Комиссия вплотную приступить к практической помощи местным российским организациям в деле созыва общепартийной конференции, как она натолкнулась на ряд самых ожесточенных — и глубоко несправедливых! — нападок со стороны некоторых заграничных групп и кружков, — нападок, продиктованных зачастую узко-фракционными и даже прямо антипартийными соображениями.

Чтобы не дать затормазить насущное дело немедленного созыва конференции, чтобы не дать мелким и мелочным нападкам засорить крупные принципиально-тактические наши споры, — мы вынуждены в настоящем обращении остановиться более или менее подробно на тех нападках, которыми встречена наша работа.

Наша партия, как целое, переживает чрезвычайно тяжелое время. Чтобы спасти положение, необходимо немедленно принять ряд самых решительных мер для объединения всех *партийных* течений на почве борьбы нелегальной партии за разрешение назревших политических задач, а, следовательно, — и на почве борьбы, между прочим, против наиболее опасных врагов партии — *ликвидаторов*. Политическая цель ликвидаторов, это — сломить Российскую Социал-Демократическую Рабочую Партию и устранить ее с политической арены. Этого добивается столыпинская реакция посредством воздействия *извне*. К этому же объективно ведет — независимо от личных желаний и стремлений — широко распространенная в партии язва ликвидаторства. В среде российской социал-демократии есть ряд товарищей, глубоко преданных старой Российской Соц.-Дем. Партии, но дающих себя ослепить фракционными дрязгами. Еще и поэтому мы вынуждены подробно остановиться на последних фракционных столкновениях, так сильно мешающих выполнению очередных задач. И мы хотели бы надеяться, что нам не слишком часто придется отвлекать внимание от нашего непосредственного дела — созыва конференции — к внутриорганизационным спорам.

I.

Первыми против нас подняли «знамя восстания» заграничные голосовцы (т.-е. сторонники газеты «Голос Социал-Демократа»), выдвинувшие против нас прежде всего большинство Заграничного Бюро Ц.К.

Правда, газета «Голос С.-Д.», узко-фракционный орган части меньшевиков, не закрылся *вопреки* единогласному требованию пленума Ц.К.; правда, эта же газета, опять-таки вопреки единогласным решениям того же пленума, целиком посвятила себя пропаганде ликвидации существую-

щей Р. С.-Д. Р. П., ее принципов и тактики, — стремясь превратить социал-демократическую партию в лучшем случае в простой подсобный технический аппарат для обслуживания столыпинских «легальных возможностей»; правда, З. Б. Ц. К., вопреки решениям пленума Ц. К., подчиненным органом которого оно является, в интересах голосовцев отказалось выступить против фракционных отчислений заграничных групп в пользу «Голоса С.-Д.»; правда, З. Б. Ц. К. (из узко-фракционных целей: из боязни, что голосовцы останутся в меньшинстве) вопреки постановлениям пленума и прямым предписаниям партийного устава, отказалось созвать новый пленум Ц.К., который в виду современного критического положения был единственным выходом из партийного кризиса; правда, Заграничное Бюро пальцем о палец не ударило для какой бы то ни было помощи местным российским организациям; правда, своей явно фракционной внутрипартийной политикой З. Б. восстановило против себя не только большевиков, поляков и т. д., но и меньшевиков-партийцев. Эти факты — общеизвестны. Но что нужды?

Несмотря на все это, у З. Б. хватает теперь еще печального мужества выступать — рука об руку с «Голосом С.-Д.» — в роли блюстителя партийности, дисциплины и партийного закона!..

В своем листке от 24 июня З. Б. объявило *«незаконными* как самое совещание (членов Ц. К., выбравших Орг. Комиссию), так и все созданные и созываемые им учреждения». На чем же основаны эти обвинения в «незаконности», каковы действительные обстоятельства, сопровождавшие созыв совещания?

— В момент крайне тяжелого положения партии; после $1^1/_2$ *лет* отсутствия всякого Ц. К.; при полном ослаблении общепартийных связей между отдельными местными организациями; при полном разброде и крайнем обострении фракционной борьбы; когда все попытки воссоздания Ц. К. разбились либо о независящие обстоятельства, либо о сопротивление того же большинства Загр. Бюро; когда все средства для нормально организационного выхода из тупика были исчерпаны; в момент, когда немедленный приступ к подготовке избирательной кампании в IV Думу стал для партии жгучей и неотложной необходимостью; — в этот момент по инициативе группы членов Ц. К. собирается совещание членов Ц. К., чтобы общими силами найти какой-нибудь выход для партии. Ну, как тут голосовцам не объявить это совещание «незаконным»!

Заведомой неправдой являются утверждения, будто совещание это было собранием «самозванцев». На самом деле за совещанием фактически стоит по крайней мере половина общего числа членов Ц. К. и, если совещание это и не предусмотрено уставом, — оно тем не менее сохраняет все свое моральное значение, в особенности в переживаемый партией тяжелый момент, когда частная инициатива членов Ц. К. является их элементарным долгом по отношению к партии.

Заведомой неправдой являются утверждения, будто совещание совершило «захват власти» и создало непартийные учреждения. На самом деле, Техническая Комиссия и Организационная Комиссия *ответственны* перед партией и, разумеется, всегда готовы дать полный отчет в своих действиях законному собранию Ц. К. На самом деле, все шаги совещания сводятся только и исключительно к выполнению решений пленума (созыв конференции, созыв нового пленума и т. д.) на основании точных предписаний Ц. К., — решений, которые систематически не выполнялись большинством Заграничного Бюро и не могли быть выполнены иначе, как по частной инициативе цекистов — раз немедленный созыв пленума стал неосуществимым. При таких условиях выступать *против* решений совещания членов Ц. К. можно, разумеется, либо по крайнему неведению, либо из желания увековечить в партии хаос и разброд, которые в результате ведут к той же ликвидации нашей партии — только в самой мучительной форме.

Но большинство З. Б. Ц. К. не ограничилось нападками на нас в печати, оно попыталось также помешать нам выполнить задачу созыва партийной конференции путем лишения нас материальных средств, необходимых для этого. Оно обратилось к товарищам «держателям» (т.-е. трем виднейшим представителям международной социал-демократии, *которые по постановлению Ц. К. являются судьями в случае конфликта по вопросу о деньгах, условно* переданных большевикам в кассу Ц. К.) с предложением лишить нас «огня и воды», в виду будто бы «незаконности» нашей попытки созвать конференцию и тем придти на помощь партии.

Но представители международной социал-демократии («держатели» денег) оказались, конечно, совершенно неподготовленными для роли защитников раскола и ликвидации с.-д. партии. *Они не только не согласились с большинством Загр. Бюро Ц. К., но и выдали созданным якобы «незаконным» совещанием членов Ц. К. учреждениям необходимые средства,* между прочим, и для созыва общепартийной конференции. Международные социал-демократы должны были вмешаться в наши дела для того, чтобы призвать к порядку учреждение, которое должно было служить партии и ее Ц. К., а на самом деле служило врагам партии!

Казалось бы, после этого большинству З. Б. Ц. К. оставалось одно: поскорее сложить оружие. Но это большинство упорствует и продолжает надеяться, что ему удастся сорвать и партийную конференцию. И вот большинство З. Б. Ц. К. предпринимает следующие шаги.

1) После выхода из редакции Центрального Органа нашей партии двух голосовцев *) оно делает попытку (конечно, совершенно безуспешную) лишить газету «Социал-Демократ» прав Центрального Органа на том, не лишенном оригинальности, основании, что типография, в которой печатается Ц. О., не находится в настоящее время под управлением З. Б. Ц. К. Раз в редакции нет голосовцев, Ц. О. с точки зрения большинства З. Б. Ц. К. уже не Ц. О., — хотя в редакции осталось совершенно законное большинство членов коллегии, выбранной пленумом Ц. К.

2) Оно объявляет о своем решении созвать *свой* пленум и *свою* конференцию, что ведет ни к чему иному, как к расколу и пленума и конференции.

Этот последний шаг, т.-е. полупризнание необходимости пленума Ц. К. и партийной конференции, есть, конечно, результат давления со стороны нашего совещания членов Ц. К. и *постольку* — мы этот шаг приветствуем; лучше поздно, чем никогда! Раньше З. Б. Ц. К. и слышать не хотело о пленуме Ц. К. Понадобилось вмешательство представителей международной социал-демократии («держателей»), которые прямо потребовали от З. Б. Ц. К. созыва пленума Ц. К., понадобилось особое совещание членов Ц. К., чтобы большинство З. Б. Ц. К., по крайней мере, на бумаге признало необходимость пленума. Но то обстоятельство, что в то же время большинство З. Б. Ц. К. совершенно категорически *отклонило* официальное предложение совещания членов Ц. К. *совместно* и под *взаимным контролем* созвать пленум; то обстоятельство, что большинство З. Б. Ц. К. выступило застрельщиком *против* предложенного совещанием соглашения всех партийных групп для созыва конференции — все это показывает одно: что большинство З. Б. Ц. К. решилось довести дело раскола до конца, прове-

*) Кстати. Уходя из редакции Ц. О., Ф. Дан и Л. Мартов своей властью объявили самый Ц. О. «несуществующим» и пригласили всех товарищей направлять материалы, письма и т. д. *не* оставшемуся законному большинству редакции Ц. О., который, конечно, продолжает выходить, а *лично* Дану и Мартову. Однако, ни голосовцы, ни поддерживающие их элементы не высказали ни малейшего неудовольствия по поводу поведения Дана и Мартова — хотя совершенно иначе отнеслись к разрыву представителя большевиков, тов. Александрова, с З.Б.Ц.К....

сти раскол сверху донизу на местах, сделать все возможное, чтобы получилась не одна партийная конференция, а *две*, не одна объединенная партия, а две. Посмотрим же, какие группы, какие течения в партии решатся поддержать большинство З. Б. Ц. К. в этих его разрушительных и глубоко антипартийных планах! Товарищи на местах, следите сами за этим самым внимательным образом! Дело идет, ведь, об единстве нашей партии, о самом существовании революционной социал-демократии!

II.

Довольно — о З. Б. Ц. К.! Что это большинство З. Б. Ц. К. выступило против нас — в этом нет ничего удивительного. Но, к сожалению, как это ни странно, это З. Б. Ц. К. нашло себе поддержку в некоторых группах, считающих себя партийными и даже нефракционными.

Самых горячих сторонников антипартийное большинство З. Б. Ц. К. нашло *себе* в редакции «Правды». В своей редакционной статье газета «Правда» (№ 21), повторяя все обвинения голосовцев против нас о «заговоре заграничного кружка», «захвате власти» и т. п., почему-то объявляет «*единственной*... общепартийной организацией» — З. Б. Ц. К., которое по уставу партии имеет лишь очень скромные технические функции. В своем ответе Организационной Комиссии (пригласившей редакцию «Правды» послать своего делегата в О. К.) Троцкий выступает еще более неприкрыто: — «Не смейте обходить З. Б. Ц. К.» — патетически наставляет нас Троцкий в этом ответе Организационной Комиссии.

И далее «нефракционная» «Правда», защищающая «нефракционное» З. Б. Ц. К., обвиняет совещание членов Ц. К. уже в «явной фракционности».

— Как, — восклицает Троцкий, — вы осмеливаетесь не пригласить в О. К. представителя газеты «Голос С.-Д.», вы, значит, считаете возможным устранить от участия в конференции «влиятельную часть партии» и т. д. Вы хотите, значит, созвать не общепартийную, а фракционную конференцию и т. п....

Отвечаем: нефракционная «Правда» говорит очень «фракционную» неправду. Именно мы хотим созвать и *созовем* конференцию *общепартийную*. На конференцию будут выбирать все местные *партийные* организации, группы и кружки. Кого они выберут, тот и будет на конференции. Если «Голос С.-Д.» действительно является «влиятельной частью партии» также и среди рабочих, тогда, — о, конечно! его сторонников на конференции будет не мало. А насчет недопущения делегата «Голоса С.-Д.» газета «Правда» тоже весьма... неправдиво излагает позицию совещания. Само совещание действительно не сочло возможным взять на себя политическую ответственность за приглашение названной газеты, не исполнившей постановления пленума о закрытии ее и, главное, окончательно перешедшей на сторону ликвидаторства, единогласно осужденного пленумом, *как проявление буржуазного влияния на пролетариат*. Но совещание членов Ц. К. постановило вместе с тем, что если какая-либо из приглашаемых нами организаций (меньшевики-партийцы, «Правда», «Вперед», Бунд, Латышская С.-Д.) сочтет возможным взять на себя эту ответственность и предложит пригласить в О. К. и делегата от «Голоса С.-Д.», — он *будет* приглашен. Таким образом, та же группка Троцкого *может* — если захочет — под своей ответственностью ввести в О. К. представителя «влиятельной части партии» — «Голоса С.-Д.».

Шесть месяцев тому назад, когда была еще надежда, что Ц. К. в *ближайшем* будущем соберется и сам возьмется за созыв конференции, тогда Троцкий не хотел ждать Ц. К. и звал заграничные группы *помимо* Ц. К. собрать конференцию. А теперь, когда все усилия партийцев собрать немедленно Ц. К. разбились о «независящие» обстоятельства, «Правда»

пытается сорвать инициативу оставшихся членов Ц. К., которые хотят одного: собрать делегатов от действующих на местах организаций и групп и предоставить им самим вырешить нетерпящие отлагательства вопросы...

Мы принуждены были, чтобы отразить нападки, вкратце очертить печальную роль большинства З. Б. Ц. К. Мы утверждаем, что факты, нами приведенные, хорошо известны редакции «Правды». И мы приглашаем газету «Правда» не отделываться фразами, а *опровергнуть* на деле хоть один из вышеприведенных фактов о раскольнической деятельности З. Б. Ц. К.

И мы спрашиваем: не является *ли*, после всего сказанного, прямым издевательством над партией со стороны Троцкого и его единомышленников заявление их резолюции от 11 июня, гласящее: «мы призываем Заграничное Бюро Центрального Комитета стоять и *впредь* (!) на страже партийного единства и охранять его от всяких раскольнических шагов»? — З. Б. Ц. К., не выполнявшее решений пленума, пытающееся теперь расколоть партию сверху донизу, это З. Б. Ц. К. должно «и *впредь*» стоять на страже партийного единства! Вот как издеваются ныне над партией и партийностью люди, громче всех о партийности вопиющие!

Нечего говорить о том, что Троцкий считает своим долгом повторить все росказни заграничных ликвидаторов о мнимом захвате совещанием партийных денег, о «внутрипартийных экспроприациях» (см. «Правда» № 21, в которой Троцкий, конечно, «не с легкой душой» рассказывает все эти небылицы, и т. п.). Чтобы не возвращаться к этим самым... грустным выходкам — скажем одно: Троцкому, как и всякому члену партии, читавшему ее Ц. О., известно, что пленум Ц. К. отдал спор о деньгах на суд трех высокоуважаемых всеми русскими рабочими иностранных товарищей. Партия опубликовала свой договор и свое постановление об этом в № 11 Ц. О. А теперь, когда эти товарищи высказались против раскольнических планов голосовцев, и выразили доверие нашей О. К., Троцкий кричит о «внутрипартийных экспроприациях»...

Имейте хоть немножко стыда, господа, — скажем мы Троцкому и иже с ним. Не поднимайте постыдной, лживой и жалкой кампании вокруг денег! Не радуйте этим Меньшиковых и Изгоевых! Решение иностранных товарищей («держателей») о деньгах для нас всех *формально* обязательно, ибо так решила партия. А *морально* — еще более. Ибо, товарищи, вы знаете, *кто* эти иностранные держатели, будто бы санкционирующие и прикрывающие «внутрипартийные экспроприации»?

Это — Карл Каутский, Франц Меринг и Клара Цеткина — наши учителя, имена которых дороги всякому русскому социал-демократу. Да будет же стыдно тем, кто позволяет себе в борьбе с партией унижаться до таких приемов, которых мы являемся свидетелями в последнее время!

Нет и тысячу раз нет! Мы уверены, что не пойдут за такой политикой рабочие социал-демократы, в том числе и те из них, которые сочувствуют газете Троцкого. Никогда рабочие не согласятся с тем, что нефракционность на словах должна означать помощь *худшей* из фракций *(голосовско-ликвидаторской!) на деле*. И к этим рабочим мы апеллируем, их мы призываем сказать *свое* слово, *заставить* все группы и фракции подчиниться воле партии.

Мы не будем вдаваться в дальнейшую полемику с группой Троцкого. Мы ограничились самыми необходимыми возражениями, дабы рассеять те ложные представления о нашей работе, которые стараются распространить под флагом «нефракционности». Отметим только еще одну *наиболее общую* черту в выступлениях группки Троцкого: в области тактических вопросов и внутрипартийных принципиальных разногласий Троцкий находит в своем арсенале оружие для борьбы *только с левым* крылом партии. Само собой разумеется, что подобная политика является водой на мельницу только голосовцев и оппортунистов всех других оттенков.

И отсюда вполне понятно то трогательное единодушие, которое установилось между группой Троцкого и органом ликвидации партии — «Голосом С.-Д.». Странная нефракционность!?

III.

Мы не будем здесь подробно останавливаться на возражениях со стороны меньшевиков-партийцев. Они до сих пор не дали нам еще окончательного официального ответа. Но как бы там ни было, мы вполне уверены, что по существу дела меньшевики-партийцы пойдут рука об руку с нами и со всеми партийцами различных фракций. Этому служит ручательством та практическая совместная работа и то сближение, которое на деле осуществлялось за последние полтора года. И мы убеждены, что никакие частные разногласия не могут и не должны помешать и дальнейшей совместной с меньшевиками-партийцами работе.

Свой ответ на наше приглашение принять участие в О. К. для совместной работы над созывом партийной конференции дала и заграничная группа «Вперед» в особом листке, вышедшем на этих днях.

Мы не считаем уместным отвечать на ту брань и те недостойные заподазривания, которые заполняют упомянутый ответ группы «Вперед». Все это достаточно говорит само за себя.

Остановимся лишь на главных возражениях группы «Вперед». Эта группа заявляет, что отказывается послать своего делегата в О. К. потому, что будто бы О. К. является «виновником грозящего партии раскола». *Если* группа «Вперед», не исполнившая решений пленума, становится теперь на путь партийности, мы могли бы это только приветствовать. Но на чем основаны обвинения в расколе *по адресу О. К.* со стороны группы «Вперед»? Каковы *факты*, на основании которых единственно и должны судить товарищи на местах?

Факты эти таковы: наша О. К., как мы уже указывали, не только не закрывает ни для кого дверей, а, наоборот, приглашала и приглашает в свою среду *все* без различия партийные течения. О. К. принимает все меры к тому, чтобы *в России* немедленно образовалась русская коллегия по созыву конференции. Пусть укажут впередовцы хоть один пристрастный шаг со стороны нашей О. К.! Пока что впередовцы против нас выдвигают лишь один упрек: мы не приняли их (впередовского) странного предложения распуститься и примкнуть к З. Б. Ц. К.. Мы ответили впередовцам на их странное предложение следующим образом:

«Группе «Вперед».

Уважаемые товарищи!

На наше предложение войти в Организационную Комиссию, созданную «Совещанием» для созыва конференции, вы ответили нам предложением же войти в еще не существующую О. К. при З. Б. Ц. К.

Организационная Комиссия не считает возможным входить в обсуждение вашего предложения, так как оно является одним из бесчисленных «дипломатических» ходов всевозможных заграничных групп и кружков, не приведших пока ни к каким положительным результатам. Более того, мы думаем, что попытки, наряду с действующей уже несколько недель Орг. Комиссией, поощрять новую коллегию, объективно являются попытками помешать необходимой для партии работе или даже произвести раскол.

О. К. с прежней энергией будет работать над созывом конференции, в твердой уверенности, что интересы рабочего движения в России и голос российских организаций заставят в конце концов заграничные кружки и группы отказаться от своих приватных начинаний».

З. Б. Ц. К. и его сторонники вот уже несколько недель ходят вокруг да около вопроса о конференции и не могут ни на чем столковаться. О чем, кроме идейного бессилия З. Б. Ц. К. и его друзей, свидетельствует это? И вот во имя того проблематического учреждения, которое должно только еще создать бессильное З. Б. Ц. К., нам предлагают распустить созданное половиной Ц. К. учреждение *уже* действующее, *уже* созывающее конференцию!

Пусть же судят товарищи на местах, мы ли согрешили, *отвергнувши* несерьезное (в *лучшем для* впередовцев случае — *несерьезное*) предложение группы «Вперед»? Или — группа «Вперед» согрешила, выступивши с подобным предложением? И посмотрите дальше: большинство З. Б. Ц. К. с своей стороны тоже отвергло это якобы «примирительное» предложение группы «Вперед». Однако, группа «Вперед» Заграничному Бюро (т.-е. *голосовцам*) не бросило упрека «в расколе», хотя З. Б. Ц. К. *уже после* создания О.К. приступает к созыву *второй* конференции. Напечатав письмо «секретаря З. Б. Ц. К. Игорева», заявляющего впередовцам, что их предложение «для З. Б. Ц. К., конечно, неприемлемо», — группа «Вперед» не только не протестует против действительно раскольнических действий З. Б. Ц. К., но еще считает возможным прославлять его «беспристрастие» и «партийность» *).

Группа «Вперед» формулирует свои цели так: «Конференция для соглашения — да, конференция для раскола — нет!» *Если* впередовцы *серьезно* не хотят раскола и не только *на словах* желают соглашения всех действительно партийных и революционно-социал-демократических элементов, — тогда путь у них один: выступить *против* З. Б. Ц. К. и его раскольнической конференции, *против* его попыток расколоть партию сверху донизу и *за* конференцию, созываемую по инициативе членов Ц. К., выразивших желания огромного большинства партии. Поэтому, мы, оставляя в стороне все резкие нападки и брань со стороны группы «Вперед», будем ждать их *дел.* Посмотрим, решатся ли они пойти окончательно с *голосовцами против партии!* Во всяком случае, мы уверены в одном: рабочие, сочувствующие «Впереду», вряд ли примирятся со странной тактикой, сводящейся к тому, что быть «крайним левым» с.-д. *на словах* значит помогать *крайним правым на деле.* И этих рабочих мы призываем высказать *свое* мнение по поводу создавшегося положения. Их ответа мы ждем с полной уверенностью в том, что они никогда не выскажутся за блок с ликвидаторами *против* партийцев всех фракций.

На местах *все* рабочие с.-д., как большевики, так и меньшевики-партийцы, так и рабочие, связанные с «Впередом» и «Правдой», дружно ведут работу вместе и вместе борются против ликвидаторов-легалистов, почти всюду отделившихся от партийных групп и работающих совершенно независимо от нашей партии. И никогда рабочие с.-д. из-за соображений узко-фракционного характера и конкуренции заграничных кружков не откажутся от *общепартийного* дела и не станут тормозить или раскалывать конференцию!

Еще два слова об одном возражении против нас.

Когда дело касалось нового пленума Ц. К. — который можно было созвать только за границей — голосовцы препятствовали его созыву под тем предлогом, что они-де за *«российский»* Ц. К., — созвать который они, конечно, тоже всячески мешали. Так теперь и с конференцией. Редакция «Голоса» еще в своем листке от февраля месяца выдвигает лозунг о создании «в России и только в России» «Организационной Комиссии» «из деятелей открытого движения». И теперь, пытаясь расколоть конферен-

*) Правда, примкнуть окончательно к нынешнему З. Б. Ц. К. впередовцы, повидимому, пока не решаются. Это, конечно, невольная дань настроению российских товарищей.

цию, голосовцы все время кричат о «России» и о том, что «Россия» сама должна все сделать. Прием — нехитрый, но, к сожалению, слишком часто удающийся!

Поэтому, товарищи, мы говорим вам: да, конечно, вся работа по созыву конференции должна быть выполнена *вами самими в России;* да, конечно, вы должны сами на местах брать всю работу в свои руки; да, конечно, вы должны создавать и укреплять областные и местные комитетские организации!

Но вы не должны позволить кормить вас *словами* «об областных комитетах» (обычно столь осмеиваемых ликвидаторами, отрицающими подполье) и о «России», которая должна сама все сделать. *Вы не должны позволить посулами и обещаниями сорвать насущное дело нелегальной партии: созыв конференции.* Вы должны *немедленно* сами выбрать в русскую коллегию, созывающую конференцию, *своих делегатов,* и пусть они примут самое горячее участие в общей работе. Вот это будет *дело,* а не слова. Это будет *действительная помощь местным организациям и делу укрепления нашей Р. С.-Д. Р. П.*

* * *

Наши партийные нелегальные организации несомненно оживают. Это подтверждают вести, идущие отовсюду. И что бы ни говорили ликвидаторы, а эти организации опять становятся во главе борющегося пролетариата, обновляют свой состав, приспособляют свою работу к новым условиям, выдвигают новые методы работы, диктуемые переживаемой эпохой. Рабочие сами берут работу в *свои* руки — этого у нас не отнимет никто. Пролетарская, выдержанная тактика, чуждая уклонений, начинает торжествовать всюду и везде. Ряд «легальных» деятелей — противники легализма во что бы то ни стало — тоже выступают на защиту нашей нелегальной партии с ее революционной программой и тактикой. Замечается прилив новых членов в наши организации. Рост сознательности — огромный. Разбитые и рассеянные наши ряды начинают вновь собираться и готовиться к новым битвам. И что бы там ни было, а мы сплотим нашу партию, мы соберем *всех,* оставшихся верными ее знамени, мы пойдем на выборы в четвертую Думу, как единая, организованная пролетарская партия, высоко держащая свое славное красное знамя, не раз уже побывавшее в боях.

Первый шаг на пути к возрождению нашей партии — это созыв конференции. Это насущное, кровное дело стараются нам затормозить. Атмосфера отравляется новыми обостренными спорами и внутренней междоусобицей. Товарищи! Проходите *мимо* этих мелочных столкновений, не обращайте внимания на перебранку и склоку. Одно должно вас интересовать во всем этом: *принципиальное* содержание всех этих споров. Отбросьте шелуху и ищите принципиального программно-тактического ядра. А принципиально вопрос стоит так и только так: — кто *за старую нелегальную Р. С.-Д. Р. П., энергично использующую все легальные возможности, но твердо охраняющую свою марксистскую программу, свою непримиримую тактику, свои революционные лозунги? и —*

кто за новую, во что бы то ни стало легальную, партию, жертвующую во имя легальности во что бы то ни стало и программой, и тактикой, и славными традициями Р. С.-Д. Р. П.?

Огромное, подавляющее большинство партии в конце концов сойдется на первом. Никакие временные споры не помешают нам всем сплотиться против тех, кто хочет разрушить нашу старую партию.

К единству! — зовем мы *все партийные* элементы, без различия фракций и течений. Частные расхождения между нами, партийцами, не должны нам помешать сплотиться для защиты нашей партии и для си-

стематической обороны ее от проводников буржуазного влияния на пролетариат.

К единству! — Не позволяйте ни в каком случае раскалывать возрождающиеся организации на местах. Берегите их, охраняйте и развивайте их — они опять поведут за собой сотни и сотни тысяч рабочих, они одни будут до конца защищать интересы российского пролетариата, руководителя революции!

К единству! Скажите, что вы требуете *единой* и *немедленной* конференции, на которой должны быть представлены все организации без различия течений! Скажите властно, что вы никому не позволите более тормозить дело конференции, ставшей вопросом жизни и смерти для партии! Заявите, что вы не позволите срывать или оттягивать это важное дело из-за вопроса о том, сколько мест получит такая-то заграничная группа в такой-то комиссии!

Приступите немедленно к выборам в русскую коллегию О. К. и к выборам на самую конференцию. Время не ждет! Надо сплачивать ряды, надо готовиться к борьбе!

Организационная Комиссия по созыву партийной конференции.

1-го августа 1911 г.

№ 4 (к стр. 219).

ЗАЯВЛЕНИЕ КОМИССИИ ПО СОЗЫВУ ПЛЕНУМА Ц. К.

Заявление.

Назначенная совещанием членов Ц.К. комиссия (из 3-х членов Ц. К., принадлежащих к различным направлениям в нашей партии) по созыву пленума Ц. К. Р. С. Д. Р. П. доводит до сведения всех членов партии нижеследующее:

1) Один из членов нашей Комиссии немедленно после окончания совещания цекистов внес *официальное* предложение большинству З. Б. Ц. К., тоже признавшему теперь, наконец, необходимость пленума, — заняться созывом пленума Ц. К. *совместно* с нашей комиссией и под *взаимным контролем.* Это предложение большинством З. Б. Ц. К. было *отклонено.*

2) Наша комиссия *официально* обратилась к представителю голосовцев З. Б. Ц. К. Б. Игореву с просьбой сообщить, не может ли он сам снестись с членами и кандидатами Ц. К. меньшевиками (перечислены их имена) или дать нам адреса для сношений с ними по вопросу о пленуме. Представитель голосовцев Б. Игорев ответил нам только присылкой печатного листка З. Б. Ц. К. от 27 июня 1911 г., в каковом листке Б. Игорев подчеркнул слова: «З. Б. Ц. К. считает *незаконными* как самое совещание, так и все, созданные и созываемые им «учреждения»». С тою же просьбой помочь нам снестись с членами и кандидатами Ц. К. меньшевиками мы обратились к национальным Ц. К. (Бунда и латышей). Ответа на эту просьбу мы от них не получили.

3) Что касается членов Ц. К. большевиков, то, по имеющимся у нас сведениям, с их стороны нет никаких препятствий к тому, чтобы пленум состоялся в самом ближайшем будущем.

4) Большинство З. Б. Ц. К., признавшее, под давлением совещания, необходимость пленума, до сих пор, т.-е. в продолжение целых $2^1/_2$ месяцев, насколько нам известно, *ничего* не сделало для *фактического* созыва пленума. По крайней мере, ни *один* из членов совещания цекистов (имеющих право участия в пленуме) *никаких* уведомлений от большинства З. Б. Ц. К. *не получил.*

В виду этих фактов, ответственность за новый срыв пленума Ц. К. опять падает на большинство З. Б. Ц. К.

Комиссия по созыву пленума, назначенная Совещанием членов Ц. К.

25 августа 1911 г.

P. S. От Загр. Комит. латышской соц.-дем. мы получили уведомление, что наше письмо (с приглашением назначить желательный срок пленума) переслано в Ц. К. латышской соц.-дем. От Бунда никакого ответа не последовало.

В нашем письме к членам и кандидатам Ц. К. мы ставили им следующих два вопроса:

1) работают ли они теперь в какой-либо партийной организации и намерены ли и впредь вести партийную работу?

2) желают ли и могут ли они прибыть на заседания пленума, и, если могут, то когда?

«Социал-Демократ» № 23, 14 (1) сентября 1911 г.

№ 5 (к стр. 228).

ВОЗЗВАНИЕ ГРУППЫ «БОЛЬШЕВИКОВ-ПАРТИЙЦЕВ» (ПРИМИРЕНЦЕВ).

Ко всем членам Российской социал-демократической рабочей партии.

Происходившее недавно совещание членов Центрального Комитета подвело итог периоду, протекшему со времени пленума, и вопрос о том, что же дальше, стоим ли мы перед окончательным расколом, сведены ли на нет все результаты пленума, какое значение имеют решения совещания, каков выход из создавшегося положения, — все эти вопросы не могут не интересовать всякого, кому близка и дорога судьба нашей партии, и каждый член партии должен дать на них тот или иной ответ. Мы, большевики-партийцы, считаем гласный ответ на них тем более необходимым, что не разделяем организационных взглядов и организационной политики официального большевизма. А между тем, именно организационные вопросы, вопросы строительства и восстановления партии, выдвигаются на первый план теперь, как и полтора года тому назад, во время пленума.

Мы вполне разделяем тот путь разрешения организационных вопросов, который был намечен пленумом и основные положения которого заключаются в разоружении и уничтожении обособленных фракционных организаций и организационном объединении всех партийных элементов на почве нелегальной социал-демократической партии с ее революционной программой и тактикой.

В противовес попыткам идейного объединения — выработки средней идейной линии, в противовес стремлениям путем фракционной борьбы и организационного подавления других течений добиться руководящего влияния в партии, — пленум стал на точку зрения организационного объединения различных течений и признания законности и необходимости идейной борьбы за влияние в рамках организационно единой партии.

И если, несмотря на правильность организационной политики пленума, подтвержденной всем тем, что произошло после него, решения его не привели к единству, а дали повод, по крайней мере, здесь, за границей, к

новому разброду и новой «склоке», то на это были свои причины, по поводу которых мы считаем необходимым высказать свое мнение.

Ставя своей задачей укрепление нелегальной партии, пленум учитывал, однако, то, что проводить ее в жизнь придется при таких условиях, когда торжество реакции, разгром партийных и профессиональных организаций, поражение революции порождают в массах и внутри партии стремление к принижению лозунгов и задач нашей партии.

Можно не согласиться с тем, как понимал официальный большевизм и большинство редакции Ц. О. задачу борьбы с ликвидаторством, так ли оно проводило эту борьбу на практике, как этого требовали резолюции пленума, но что находится вне всякого сомнения для каждого, кто хотя раз прочел резолюции пленума, это то, что он признавал необходимость борьбы, что он раз навсегда отмежевался от ликвидаторства *).

Однако, меньшевики, бывшие на пленуме, не исполнили принятых на себя обязательств. Проголосовав за резолюции, они не только отказались проводить их на практике, но на другой же день после пленума повели борьбу с той нелегальной партией, которую на пленуме они обязались восстановлять, и в лице Мартова и Дана, выбранных на пленуме в редакцию Ц. О., и других меньшевиков, выбранных на не менее важные партийные должности, стали вожаками того ликвидаторства, с которым только что обязались бороться.

Но была еще одна причина неудач пленума, имевшая громадное значение. Конечно, никто не мог надеяться на то, чтобы решения пленума могли разом покончить с фракционностью, так глубоко вкоренившейся в нравы нашей партии. Но вряд ли кто-либо мог ожидать, что именно после пленума эта фракционность дойдет до размеров, пожалуй, невиданных еще в нашей партии, ибо никогда в ней не было столько обособленных, изолированных друг от друга, фракционных организаций, никогда фракционная политика не принимала такой острый, недопустимый ни в какой партии, характер, как именно после пленума. Такая фракционная обособленность объясняется в первую голову слабостью движения на местах и крупной ролью, которая выпадает благодаря этому на долю заграницы. Самые условия жизни заграничных кружков и групп, оторванность их от непосредственной практической работы, заставляют их сосредоточивать свое внимание лишь на том, что эти группы и кружки разъединяет. Не испытывая влияния со стороны России, не встречая никакого противодействия со стороны организованных рабочих, ведущих в России совместную работу, каждая из этих заграничных групп стремится не только идейно, но и организационно руководить движением в России и для этой цели создать для себя, и только для себя, самостоятельные организационные базы. Неудивительно, что при таких обстоятельствах решения пленума были приняты и поняты всеми течениями узко формально, и каждое из них под эту форму вкладывало свое кружковое содержание.

Редакция «Голоса Социал-Демократа» воспользовалась первым случаем и выпустила очередной номер в целях группировки фракции. Литературная группа «Вперед» превратилась в фракционную организацию. Без всякого серьезного повода ее представители вышли из школьной комиссии, и группа, не приняв участия в общепартийной работе, приступила к организации своей фракционной школы. Даже «Правда» этой зимой выкинула лозунг созыва конференции и приступила к этой работе помимо существовавшего тогда в России Бюро Ц. К.

---

*) Мы не можем обойти молчанием тот факт, что «Правда» не учла всей опасности ликвидаторства, что на открытые удары, наносимые им партии, она не отвечала решительной борьбой, предоставляя, очевидно, «преодоление» его лишь объективному ходу вещей.

С особой горечью должны мы заявить, что официальные представители большевиков не только не отстали от всех этих групп, но, пожалуй, еще превзошли их в фракционных стремлениях. Задача строительства партии в борьбе с ликвидаторством была узко понята руководителями большевизма. Вместо того, чтобы в борьбе с ликвидаторством объединить все партийные элементы, вместо того, чтобы вести эту борьбу во имя партии, они повели ее во имя фракции. И в этой фракционной борьбе они не столько изолировали ликвидаторов от партии, сколько себя от других течений («Вперед», «Правда»), стоящих на почве нелегальной социал-демократической партии. Вместо того, чтобы теснее сближаться с нашими ближайшими союзниками меньшевиками-партийцами на широкой партийной арене, руководители большевиков выкинули лозунг «союз двух сильных фракций», за которым скрывалась острая фракционная борьба, но за которым нельзя было увидеть борьбы за организационное единство партии. Фракционная политика большевиков-ленинцев принесла тем больший вред, что они имели большинство в главнейших партийных учреждениях, благодаря чему их фракционная политика давала оправдание другим течениям в их собственной организационной обособленности и вооружала их против официальных партийных учреждений. Мы не говорим уже о том, что для нас, как для большевиков, имеет особое значение, что чем фракционнее была политика официальных выразителей большевизма, тем меньше было их идейное влияние на партию, тем меньше могли они ее идейно вести за собой. Таким образом, перед нашей партией стоят те же задачи, как и $1^1/_2$ года тому назад, и с особенной настоятельностью требуют теперь своего разрешения.

События последнего года, оживление стачечной борьбы, забастовка и демонстрации по поводу смерти Толстого, студенческое движение, политическое оживление среди рабочих, наконец, приближение выборов в IV Думу — все это ребром ставит вопрос о восстановлении нелегальной Р. С.-Д. Р. П. и об организационном объединении партии, как основном условии социал-демократического руководства развивающимся движением. Перенесение же фракционной борьбы в Россию, раскол на местах надолго лишит партию политического значения.

Он во много раз обессилит нелегальные, выросшие с громадным трудом и массой жертв, партийные организации и в то же время обесценит и легальные возможности, партийное использование которых дает в руки партии новое орудие политического руководства и социал-демократического воспитания широких масс. Настойчиво требующие разрешения, но не разрешенные, задачи создали в партии кризис, партийно-формальное разрешение которого стало окончательно невозможным с тех пор, как меньшевистское Загр. Бюро Центр. Комитета из фракционных соображений и вопреки уставу отказалось созвать Ц. К. за границей и когда окончательно потерялась надежда на созыв Ц. К. в России.

Однако, разрешение этого кризиса по существу не только диктуется, но и облегчается тем, что произошло в России со времени пленума.

Все работы пленума происходили в форме соглашения заграничных верхов.

Правда, его решения были в духе, диктовавшемся всей российской действительностью и потребностями российской работы, но заключившие соглашение верхи не были тесно связаны с этой работой и, во всяком случае, не находились от нее ни в какой организационной зависимости. Причина этого лежала не в доброй или злой воле, а прежде всего и главным образом в том, что сама российская работа находилась в то время в полном распаде: полный разгром организаций на местах, подавленное настроение в рабочих массах, уныние у оставшихся в рядах партии.

Теперь не то: со всех сторон приходят известия о начавшейся вновь работе: оживление в массах оживило и работу. Всюду возникают неле-

гальные с.-д. группы и организации. И это воссоздание партийной работы происходит с вполне сознательным учетом того, что произошло за последнее время. Отзовизм уже не находит себе открытых сторонников и защитников в нашей партии, и в полном сознании опасности ликвидаторства местные работники отмежевываются от него не только в партийной, но и в профессиональной работе. И в то же время всеми признается, что на почве этой нелегальной организации объединяются все партийные течения.

В таких условиях единственным выходом из создавшегося положения для всех, кто хочет единства партии, является созыв общероссийской конференции. Только собрание работников с мест может поставить и укрепить партию в настоящее время, только такое собрание может поставить на очередь вопрос о действительной работе и разрешить задачи, выдвинутые российской работой в последнее время, а процесс организации этой конференции сможет объединить существующие на местах нелегальные организации и тем дать толчок к активной работе на местах. Только собрание российских работников может связать Россию с заграницей и тем дать возможность этой последней оказывать России ту помощь, то содействие и то руководство, которые возлагаются на нее в силу сложившихся обстоятельств. Вот почему мы приветствуем решения совещания членов Ц. К. и вот почему решили принять участие в организации по созыву конференции.

Нам говорят, что этим мы нарушаем партийные формы и производим раскол. Мы не думаем этого. Но если бы это было так, мы бы этого не побоялись. Мы дорожим формальным единством партии, но еще больше дорожим ее действительным единством, и мы сознаем свою ошибку лишь тогда, если нам укажут на формальный выход из создавшегося положения. Но при отсутствии Ц. К. в России, при нежелании З. Б. Ц. К., вопреки уставу, созвать пленум, при существующем положении, когда на Ц. К. ведут азартную игру, когда арест или неудачный побег из ссылки какого-либо одного из его членов может совершенно изменить дело, — при таких условиях мы не видим этого формального выхода. Вот почему мы, нефракционные большевики (— примиренцы — как нас здесь довольно неудачно называют), в течение долгого времени боровшиеся за формальное единство партии, убедившись, что партийные формы стали наполняться фракционным содержанием, что они начали служить не партийным, а кружковым интересам, что партийные учреждения стали игрушкой в раздирающей нашу партию фракционной борьбе (вспомним только, как стали голосовцы защищать *теперь* те партийные учреждения, против которых они еще так недавно боролись) — вот почему мы приняли участие в созыве всероссийской конференции — в полной уверенности, что только таковая сможет вывести партию из тупика и даст ей возможность организационного развития и широкой работы. Вот почему мы вошли в организационную и техническую комиссии.

Мы вошли в эти комиссии и начали в них работать, когда еще не знали, как отнесутся к ним другие партийные течения. Но мы будем продолжать в них работать и теперь, после того, как эти течения отказались войти в них по тем или другим причинам. Впрочем, мы и не надеялись на то, что так скоро сможет осуществиться общая работа в одной организации представителей всех заграничных фракционных организаций, не надеялись на то, чтобы можно было сразу покончить с той фракционной междоусобицей, которая царит теперь за границей. Мы вошли в эти учреждения, чтобы создать в них условия, необходимые для того, чтобы в них могли принять участие представители всех других течений, желающих укрепить и сорганизовать нелегальную Р. С.-Д. Р. П. Отказ этих течений войти в настоящее время в эти комиссии не изменит того направления работы, которое мы себе в них наметили, не изменит нашего непреклон-

ного желания созвать всероссийскую конференцию. И мы останемся в этих учреждениях до тех пор, пока не достигнем намеченной цели, или пока не убедимся в том, что они к этой цели привести не могут.

Нам говорят, что, войдя в заграничную организационную и техническую комиссии, мы тем самым сходим с почвы российской работы и вовлекаемся в те же заграничные распри. Это неверно! Всякая коллегия, состоящая из представителей различных течений, не имеющих в России правильно функционирующих организаций, при отсутствии или слабости местных организаций, всякая такая коллегия, даже российская, состояла бы на первое время из лиц, назначенных заграницей и находящихся с ней в тесных отношениях. В этом отношении нечего делать себе иллюзий.

Если потребность в конференции не назрела на местах в России, если конференция будет рассматриваться лишь как более широкая арена для той фракционной борьбы, которая велась до сих пор лишь за границей, — тогда никакая, даже российская, коллегия не спасет дела от развала. Но если не так, если местные организации имеют потребность в объединении, имеют стремление к широкой деятельности, к созданию организационных предпосылок для такой деятельности, если они чувствуют потребность в укреплении нелегальной Р. С.-Д. Р. П. в противовес стремлениям создать легальную партию, если они хотят выступить действительной силой в предстоящей избирательной кампании в IV Государственную Думу и исполнить свою задачу по отношению к нарастающему движению, — тогда не страшна и заграничная коллегия, взявшаяся за дело созыва той конференции, которая только и сможет удовлетворить всем этим запросам. Эта коллегия сможет тогда исполнить свое *инициативное* значение, и, по мере успеха ее деятельности, ее работа будет переноситься и функции ее будут передаваться *соответствующим российским организациям*. Организации создаются в работе и для работы, а не бумажными постановлениями, и мы надеемся, что в работе по созыву конференции в России народятся работоспособные и энергичные коллегии, и в этой надежде и в работе для ее осуществления мы и входим в организационную и техническую комиссии и надеемся, что если не теперь, то в ближайшем будущем, если не в заграничных, то в соответствующих русских коллегиях по созыву конференции, мы встретимся и будем работать вместе с представителями всех других течений, желающих укрепить и сорганизовать нелегальную Российскую Социал-Демократическую Рабочую Партию.

Группа большевиков-партийцев.

№ 6 (к стр. 293).

ИЗВЕЩЕНИЕ И РЕЗОЛЮЦИИ РОСС. ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КОМИССИИ ПО СОЗЫВУ ПАРТИЙНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ.

Извещение.

Дорогие товарищи!

Тяжелый кризис переживает наша партия; вот уже третий год нет центральных партийных учреждений, нет органа, объединяющего и направляющего партийную работу на местах, нет достаточно авторитетного и дееспособного центра, как *отражателя* более или менее верно и полно общественного мнения партийной рабочей массы. Результатом такого положения наших партийных дел и является та идейная и организационная разруха, тот разброд, который грозит самому существованию единой нелегальной Р. С.-Д. Р. П. Такому печальному состоянию рабочей партии необходимо положить решительный предел, — нужно и должно возродить наши центры, объединить общим планом работу на местах, наметить, по

крайней мере, ближайшие перспективы социал-демократической деятельности в России, — тем более, что приближается роспуск III Государственной Думы, и на очередь дня становится вопрос о выборах в четвертую Думу, о нашей избирательной платформе. Совещание членов Ц. К. поняло важность переживаемого момента и правильно наметило единственный нормальный и законный выход из создавшегося, опасного для партии, положения — это созыв общепартийной конференции, которая только и может разрешить выдвинутые как партийной, так и общеполитической жизнью вопросы. Созданная этим совещанием членов Ц. К. Организационная Комиссия по созыву общепартийной конференции выполнила важный исторический долг перед партией и российским пролетариатом, — призвав к жизни Российскую Организационную Комиссию, выбранную местными жизнеспособными партийными организациями. Таким образом, общее желание, чтобы все спорные вопросы партийной жизни были бы разрешены на местах партийными рабочими, чтобы дело возрождения и строительства нашей нелегальной рабочей партии было бы делом самих рабочих — достигнуто конституированием Росс. Организ. Ком. по созыву общепартийной конференции. Крупные центры рабочего движения, где влияние Р. С.-Д. Р. П. непререкаемо, высказались решительно и без колебания за возрождение нелегальной Р. С.-Д. Р. П., за немедленный созыв этой конференции. Вокруг красного знамени Р. С.-Д. Р. П., поднятого совещанием членов Ц. К. и заграничной Организ. Ком., сплотились рабочие Урала, Киева, Екатеринослава, Петербурга (Вас. Остр., Петербургский, Невский, Колпинский районы), Баку, Ростова, Нижнего, Сормова и Тифлиса, а также ряд легальных рабочих организаций.

Опираясь на их авторитет, на их поддержку и сочувствие, Росс. Орг. Ком. приступает к практическим шагам по созыву общепартийной конференции, единственно могущей вывести нашу партию из тупика на широкую дорогу партийного строительства и возрождения социал-демократической работы среди рабочих масс.

Росс. Орг. Ком., стоящая вне фракций, обращается ко всем партийным организациям, партийным элементам и деятелям в легальных формах рабочего движения с призывом всемерно содействовать делу возрождения нашей партии, немедленно выбирать делегатов на партийную конференцию, возрождать с.-д. работу на местах. Переживаемый политический момент жизни нашей страны, переход рабочей массы от затишья и упадка к наступлению и борьбе на экономической почве (стачки в Польше, Одессе, Петербурге и Московском районе, на Урале и т. д.), приближение выборов в IV Государственную Думу — все это требует от сознательных и передовых активных рабочих сплочения в нелегальную Р. С.-Д. Р. П., укрепления ее и возрождения ее силы, авторитета и влияния на рабочие массы, на деревенскую голытьбу и на городскую демократию.

Вопреки всем тяжелым полицейским условиям, несмотря на гнусную провокацию и разгул черной реакции, жив революционный дух среди российского пролетариата, сильно социал-демократическое сознание передовых элементов рабочего класса, крепка любовь к славной нелегальной Р. С.-Д. Р. П. Учитывая это настроение рабочей массы, Росс. Орг. Ком. с твердой верой принимается за великое дело партийного строительства, первым камнем которого и будет общепартийная конференция, и призывает все партийные элементы к сплочению вокруг нее во исполнение исторического дела — возрождения Р. С.-Д. Р. П.

К делу, товарищи!

Долой кружковщину, фракционность, склоку и свару и

Да здравствует единая нелегальная революционная Р. С.-Д. Р. П.

С товарищеским приветом

Российская Организационная Комиссия по созыву общепартийной конференции Р. С.-Д. Р. П.

Резолюции Российской Организационной Комиссии по созыву общепартийной конференции.

1. О конструировании.

Принимая во внимание:

1) что были приняты все меры к привлечению к участию в настоящем заседании почти всех существующих нелегальных партийных организаций, 2) что состав собрания сузился только по независящим обстоятельствам в одном случае и по явно фракционному недоверию в другом, 3) что заседания происходят при участии деятелей и старых работников одного из крупнейших рабочих партийных центров, 4) что таким образом настоящее заседание является полным и правильным отражением положения дел в нашей партии, 5) что партийное строительство выдвинуло вопрос об организационном объединении, как выходе на широкую дорогу партийного возрождения, 6) что средством к такому объединению является общепартийная конференция, 7) что последняя может быть подготовлена и создана только при наличности общепартийного организационного центра, 8) что единственным путем к созданию такого центра является инициатива местных организаций, — собрание делегатов (Бакинской, Тифлисской, Киевской, Екатеринославской, Екатеринбургской организаций) считает своим долгом конструироваться в организационную комиссию по созыву конференции, принять все меры к пополнению своего состава и деятельно взяться за подготовку и созыв конференции.

Организационная Комиссия выражает уверенность, что члены партии сумеют отрешиться от фракционного недоверия к ее начинаниям и помогут ей стать действительным центром всех организаций возрождающейся Р. С.-Д. Р. П.

2. Об отношении к заграничной организационной комиссии.

Принимая во внимание, что Загр. Орг. Ком., созданная совещанием членов Ц. К. для созыва общепартийной конференции, как единственный выход из создавшегося тяжелого кризиса партийных центральных учреждений и общепартийной жизни, достигла своей главной и основной цели вполне партийным и внефракционным содействием конструированию выбранной местными организациями Российской Организационной Комиссии, способной взять на себя практическую подготовительную работу по созыву общепартийной конференции, — Росс. Орг. Ком. постановляет:

1) Принять на себя всю работу по подготовлению и по созыву этой конференции, надеясь, что Загр. Орг. Ком. окажет и в дальнейшем всяческое содействие ее деятельности по строительству партии, как в идейном, так и в техническом отношениях, 2) указать З. О. К. и Техн. Ком., что впредь никакие литературные и иные выступления, а равно и трата партийных денег недопустимы без ведома, согласия и указания Р. О. К.; в противном случае Р. О. К. слагает с себя всякую ответственность за подобные шаги. Р. О. К. твердо надеется встретить полное содействие со стороны всех местных, заграничных и национальных организаций, групп и кружков, а также и отдельных товарищей без различия фракций, течений и направлений, верных знамени старой и славной нелегальной Р. С.-Д. Р. П. и стремящихся к возрождению ее силы и авторитета, столь необходимых для успешной классовой борьбы российского пролетариата.

3. О выборах на конференцию.

При решении вопроса о предоставлении мандата той или иной организации Р. О. К. постановила руководствоваться тремя принципами: 1) значением данного рабочего центра, 2) количеством организованных рабочих и 3) длительностью существования организации.

Примечание 1. Если в какой-либо организации окажется меньше 30 организованных рабочих, то данная организация теряет свое право на самостоятельную делегацию.

Примечание 2. Делегаты будут считаться правомочными лишь в том случае, если пославшая их организация существовала за 2 месяца до начала конференции.

4. О представительстве легальных организаций.

Согласно решению последнего пленума Ц. К. и письма Ц. К. об условиях участия представителей легальных рабочих организаций на конференции, Р. О. К. приглашает все легальные рабочие организации, признающие нелегальную Р. С.-Д. Р. П. и стремящиеся к установлению с ней идейной связи, делегировать на конференцию своих представителей. Вопрос же об их правах на конференции представляется на разрешение самой конференции.

5. О национальных организациях.

Р. О. К. постановила обратиться к национальным организациям с предложением послать своих делегатов в Р. О. К., а также приступить к выборам на конференцию. Вопросы о нормах их представительства как в Р. О. К., так и на конференции решено выяснить путем переговоров с национальными организациями.

Листовка, изданная Росс. Орг. Ком. 1911 г.

V. ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) *«Звезда»* — большевистская легальная газета, выходила в Петербурге с 29 (16) декабря 1910 г. по 18 (5) октября 1912 г. Первоначально газета выходила еженедельно. С 3 февраля (21 января) 1912 г. газета стала выходить 2 раза в неделю, а с 21 (8) марта 1912 г. — 3 раза в неделю. На № 33 (от 5 мая (22 апреля) 1912 г.) газета была закрыта.

С 10 марта (26 февраля) 1912 г. одновременно с «Звездой», а затем в интервалы временного закрытия ее, выходила в Петербурге газета «Невская Звезда»; № 27, последний, «Н. З.» вышел 18 (5) октября 1912 г. Газ. «Невская Звезда» являлась прямым продолжением той же «Звезды» и имела целью заменять ее собою в случае конфискации или закрытия «Звезды».

Вопрос об издании легальной партийной газеты стоял перед Лениным и его ближайшими сотрудниками задолго до основания «Звезды». Во время работ VIII междун. соц. конгресса в Копенгагене на совещании большевиков, участников конгресса (Ленин, Зиновьев, Каменев и Полетаев), принято было решение об издании легальной газеты в Петербурге. Тогда же достигнуто было соглашение и с Плехановым по вопросу о сотрудничестве в газете и о составе редакции.

В редакцию «Звезды» вошли В. Бонч-Бруевич (б-к), Н. Иорданский (тогда плехановец) и И. Покровский (от думской фракции, сочувствовал б-кам), и газета первое время, до осени 1911 г., выходила как орган думской с.-д. фракции. Затем, после некоторого перерыва, газета возобновилась, но уже как большевистский орган. Главная тяжесть организационной, а также и редакционной работы падала на Н. Г. Полетаева, отчасти Покровского, а позднее и на Н. Н. Батурина. Самое же близкое участие в подготовке издания и в редакционной работе из за-границы принимали Ленин, Зиновьев и Каменев. Кроме них, постоянными сотрудниками газеты из числа находившихся в России товарищей были: М. С. Ольминский, К. С. Еремеев, В. М. Молотов, Л. М. Михайлов (Политикус), Л. Германов (Фрумкин), З. Фаберкевич (Гневич), И. Гладнев (Закс), Ф. Раскольников, А. И. Елизарова, В. И. Невский, Демьян Бедный и др.

В руководстве газетой из за-границы Ленину приходилось преодолевать, в первый период существования газеты, значительное сопротивление со стороны петербургской редакции, долгое время всячески уклонявшейся от решительной борьбы с ликвидаторством. «С «Живым Делом» воюйте живее — тогда победа обеспечена. Иначе беда. Не бойтесь полемики. Обязательно 2 — 3 полемические статьи в неделю», — так писал Ленин в редакцию «Звезды» в марте 1912 г. — В таком духе Ленину неоднократно приходилось обращаться в редакцию газеты.

Редакция находилась в чрезвычайно тяжелых условиях: репрессии со стороны властей сыпались на газету непрерывно, конфискация номеров «Звезды» стала самым частым явлением. Приходилось поэтому подвергать поступавшие статьи самой тщательной внутренней редакции, прежде чем пустить их в набор. К этим тяжелым условиям работы нужно

прибавить постоянную нужду редакции в денежных средствах и недостаток опытных работников.

К весне 1912 г. направление газеты, особенно с назначением фактическим редактором в составе русской коллегии тов. Н. Н. Батурина, получило яркий, выдержанный характер. Связи с рабочими массами быстро росли, а подъем забастовочной волны после ленских событий, революционный подъем властно требовал издания ежедневной массовой рабочей газеты. Эта потребность была удовлетворена газетой «Правда». (См. прим. 197.) — 1.

²) Статья эта помещена была в отделе «Заграничные письма». Заглавие данной статьи напечатано в виде подзаголовка. Имеющееся под заглавием статьи цифровое обозначение (1) дает основание полагать, что автором ее, В. И. Лениным, задумана была целая серия статей на ту же тему. В дальнейшем, однако, статей под этим заглавием не появлялось. В указанном же отделе последующих номеров «Звезды» помещались мелкие корреспонденции других авторов. — 5.

³) В книжке Паннекука имеется лишь следующая часть приведенной цитаты: «позитивная цель либеральной политики буржуазии есть введение в заблуждение рабочих» («das positive Ziel der liberalen fortschrittlichen Politik ist die Irreführung der Arbeiter»). Приводимые В. И. Лениным в цитате дальнейшие слова лишь в общем передают смысл содержания последующих двух абзацев. — 8.

⁴) В сентябре 1910 г. в двух номерах теоретического журнала германской социал-демократии «Die Neue Zeit» появились две статьи, посвященные вопросам российской революции и внутрипартийной борьбы. Первая из них написана Л. Троцким и озаглавлена: «Тенденции развития русской соц.-демократии» («Die Entwicklungstendenzen der russischen Sozial-demokratie», «Neue Zeit», 2 Band, № 50), вторая написана Л. Мартовым под заглавием «Прусская дискуссия и русский опыт» («Die preussische Diskussion und die russische Erfahrung», «Neue Zeit», 2 Band, № 51).

В. И. Ленин собирался ответить Троцкому и Мартову статьей в том же журнале. Руководители же «Neue Zeit» в лице К. Каутского и соредактора — Вурма — не были склонны печатать у себя статей В. И. Ленина. По их предложению написать ответ Мартову взял на себя один из постоянных сотрудников «Neue Zeit» Ю. Мархлевский (Карский). Статью свою Ю. Мархлевский отправил В. И. Ленину на предварительный просмотр с просьбой от имени Каутского и своего — чтобы Ленин согласился ограничиться этой статьей. В. И. Ленин в ответном письме Мархлевскому от 7 октября 1910 г. так и писал: «Согласно Вашей и Каутского просьбе lasse ich es bei Ihrem Artikel bewenden» («я согласен ограничиться Вашей статьей», см. XIV т. Соч.).

«Я написал уже около половины большой статьи против Мартова и Троцкого вместе, — писал Ленин в том же письме, — придется оставить. Займусь статейкой против Троцкого. Каутскому, раз Вы его видаете, будьте добры сказать, чтобы он все же считал ответ Троцкому *за мной*».

Об этом намерении Ленина на статью Троцкого ответить отдельной статьей говорится также в опубликованном недавно факсимиле отрывка письма В. И. Ленина Карлу и Луизе Каутским. (См. «Der Abend», Spätausgabe des Vorwärts, Beilage, 12 Dezember 1928.) Из этого отрывка письма узнаем, что Луиза Каутская во время болезни Карла Каутского обратилась к В. И. Ленину с письмом, в котором она просит сообщить свое мнение по поводу статьи Троцкого. В. И. Ленин тогда же ответил, что он полагает более целесообразным, если вместо своего мнения о статье Троцкого пошлет им статью по этому поводу.

Повидимому, упомянутая статья против Троцкого В. И. Лениным была написана и послана Каутскому. «Обидно чрезвычайно, что даже Kautsky und Wurm не видят пошлости и гнусности таких статей, как Мартова и

Троцкого. Попробую написать Каутскому хоть частное письмо, чтобы выяснить дело. Ведь это прямо скандал, что Мартов и Троцкий безнаказанно лгут и пишут пасквили под видом «научных статеек!!» — так писал В. И. Ленин в том же письме Мархлевскому.

Но статья В. И. Ленина все же не была помещена в «Neue Zeit». И лишь 12 мая 1911 г. в № 3 «Дискуссионного Листка» появилась статья В. И. Ленина «Исторический смысл внутрипартийной борьбы», специально направленная против упомянутых выше статей Троцкого и Мартова. Судя по тому, что среди фактов внутрипартийной борьбы, перечисляемых В. И. Лениным в этой статье, совершенно отсутствуют события первых месяцев 1911 г., а резолюция венского клуба от 26 ноября 1910 г. названа «новейшей» (см. наст. том, стр. 22), — следует признать, что статья написана за много месяцев до появления в печати. Очевидно, это и есть та «большая статья против Мартова и Троцкого вместе», половину которой В. И. Ленин написал еще до получения цитированного выше письма Мархлевского. Рукопись же статьи, специально направленной против Троцкого, повидимому, осталась в редакции «Vorwärts». — 10.

[5]) Цитата приведена из статьи П. П. Маслова «Развитие народного хозяйства и влияние его на борьбу классов в XIX веке». («Общественное движение в России в начале XX века». Под редакцией Л. Мартова, П. Маслова и А. Потресова. Том. 1. «Предвестники и основные причины движения». С.-Петербург 1909 г., стр. 661.) — 11.

[6]) Цитируемые строки относятся к заключительной части статьи К. Маркса, озаглавленной: «Das Ministerium Hansemann» («Министерство Ганземана»). Статья эта вошла в III том изданного Фр. Мерингом «Из литературного наследства К. Маркса, Фр. Энгельса и Ф. Лассаля» («Aus dem literarischen Nachlass von Karl Marx, Friedrich Engels und Ferdinand Lassalle. Herausgegeben von Franz Mehring. III. Gesammelte Schriften von Karl Marx und Friedrich Engels. Von Mai 1848 bis Oktober 1850. Stuttgart, Verlag von J. H. W. Dietz Nachf. 1902, S. 133). Этим изданием и пользовался В. И. Ленин.

Том этот в русском переводе выпущен Институтом К. Маркса и Ф. Энгельса: «К. Маркс и Ф. Энгельс в эпоху немецкой революции (1848—1850 г.г.)». Очерки и статьи, собранные Ф. Мерингом. Под редакцией и с предисловием Д. Рязанова. Гос. изд. 1926, стр. 138. — 11.

[7]) На Магдебургском съезде германской социал-демократии (18—24 сентября 1910 г.) Бебель выступил с большой речью по вопросу о голосовании баденскими соц.-демократами государственного бюджета. Резко критикуя оппортунистическое течение в партии, он, между прочим, заявил: «я думаю, что мы — партия социал-демократов, и если среди нас имеются национал-либералы, они должны уйти, они не могут оставаться в партии». («Protokoll über die Verhandlungen des Parteitages der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands. Abgehalten in Magdeburg vom 18 bis 24 September 1910. Berlin 1910, S. 251.)

Национал-либералы — политическая партия в Германии, выделившаяся в 1866 г. из партии прусских прогрессистов; отстаивала интересы промышленной буржуазии и стремилась к объединению Германии под главенством Пруссии. В 70-х г.г. нац.-либеральная партия была сильнейшей в рейхстаге и в ландтагах отдельных германских государств. В 1879 г. от нац.-либеральной партии откололся «Либеральный союз», слившийся в 1884 г. с прогрессистами. — 12.

[8]) Формулировка этого требования взята из принятой IV (Объединительным) съездом 1906 г. резолюции по аграрной программе. Текст этой резолюции заменил собой соответствующий пункт в программе Р.С.-Д.Р.П., принятой на II съезде (1903 г.). См. сборник: «Всесоюзная Коммунистическая Партия (б.) в резолюциях ее съездов и конференций (1898—1926 г.г.)». Изд. 3, исправл. и дополн. Гос. Изд., стр. 60 и 17. — 12.

[9]) Упомянутые мысли К. Маркса были выражены в статье от 12 сентября 1848 г.: «Берлинская контр-революция», напечатанной тогда же в «Новой Рейнской Газете». Статья эта вошла в III том изданного Ф. Мерингом — «Aus dem literarischen Nachlass», 1902, S. 191—196. Она же имеется в сборнике на русском языке: «К. Маркс и Ф. Энгельс в эпоху немецкой революции (1848—1850 г.г.)», 1926 г., стр. 202—206.

Ссылаясь на «насмешки Меринга», В. И. Ленин имеет в виду обстоятельное введение Ф. Меринга, предпосланное указанному тому «Aus dem literarischen Nachlass», изд. 1902 г., стр. 53—54, а в русском издании 1926 г. — стр. 53 — 54. — 13.

[10]) Полемика между Розой Люксембург и Карлом Каутским по вопросу о массовой стачке (Massenstreik) и условиях ее применения велась, главным образом, на страницах журнала «Die Neue Zeit» за апрель—август 1910 г. Приводимое В. И. Лениным заявление Каутского взято из заключительной части первой серии статей последнего, озаглавленных: «Was nun?» («Что же дальше?»), напечатанной в № 29 от 15 апреля 1910 г. (2 Band, № 29, 28 Jahrgang, S. 80). В июльской книжке «Нашей Зари» 1910 г. в очередном «Иностранном обозрении», озаглавленном: «Конфликты в германской рабочей партии», излагая суть развернувшейся там дискуссии, Мартов «дополняет» Каутского. Последний, по мнению Мартова, «весьма неудачно подводит итог своему спору с Люксембург, когда ставит дилемму: должны ли мы (в вопросе о всеобщей стачке) говорить *по-бельгийски* или *по-русски?* и когда находит, что в Германии надо говорить «по-бельгийски». Из чего как-будто вытекает, что в России следовало и следует говорить именно «по-русски». «Но наша страна, заявляет Мартов, при всей отсталости, достаточно уже европеизировалась к 1905 г., чтобы и в ней этот русский разговор был неуместен» (стр. 80). В дальнейшем он на протяжении нескольких страниц развивает эту мысль.

Однако полностью развернул эти свои взгляды Мартов в статье «Die preussische Diskussion und die russische Erfahrung» («Прусская дискуссия и русский опыт»), напечатанной в «Die Neue Zeit» от 16 сентября 1910 г. (2 Band, № 51, 28 Jahrgang, S. 907—919). Цитируемые В. И. Лениным выражения взяты из немецкой статьи Мартова (S. 913). — 17.

[11]) Мысль эта неоднократно встречается в статьях 1848 г. К. Маркса в «Новой Рейнской Газете». (См. «К. Маркс и Ф. Энгельс в эпоху немецкой революции (1848—1850 гг.)». Очерки и статьи, собранные Ф. Мерингом. Под редакцией и с предисловием Д. Рязанова, Гос. изд. 1926 г.) Наиболее же яркое выражение получила эта мысль в письме К. Маркса к Л. Кугельману от 17 апреля 1871 г., посвященном Парижской коммуне.

Говоря о «случайностях», которые в сильной степени влияют на ускорение и замедление событий, К. Маркс отмечает, как «решающий неблагоприятный «случай», присутствие во Франции пруссаков, стоящих у самого Парижа». «Это,—говорит он,—знали и буржуазные версальские канальи. Потому-то они и поставили перед парижанами альтернативу: либо принять вызов к борьбе, либо сдаться без борьбы. Деморализация рабочего класса в последнем случае была бы гораздо бо́льшим несчастьем, чем гибель какого угодно числа «вожаков». (К. Маркс: «Письма к Л. Кугельману». С предисловием ред. «Neue Zeit». Перевод с немецкого М. Ильиной под редакцией и с предисловием Н. Ленина. С. Петербург, 1907 г., стр. 90.) Это письмо Маркса и цитированные из него строки упоминаются В. И. Лениным во многих его работах. Общая оценка этого письма и других, собранных в указанном сборнике писем К. Маркса к Кугельману, дана В. И. Лениным в предисловии к сборнику. (См. X т. Соч., стр. 361—367.) —17.

[12]) Весною 1906 г. царизму удалось получить заем на нарицательную сумму 843.750.000 руб. (2.250 млн франков). Заем был выпущен как международный. Фактически же он в огромной своей части покрыт был во Франции. — 19.

[13]) 12 ноября (31 октября) 1910 г. в Париже вышел № 1 «Рабочей Газеты» (см. прим. 62). Одновременно редакцией «Рабочей Газеты» выпущена была печатная листовка: «Несколько слов товарищам рабочим».

Листовка, отмечая тяжелое состояние партии, подчеркивает то обстоятельство, что в рабочем движении народился новый слой передовых рабочих и что непосредственное практическое руководство работой на местах все больше переходит (и перешло) в руки этого нового поколения рабочих. Из этого последнего обстоятельства, — говорится в листовке, — партия обязана сделать ряд практических выводов, между прочим, и в области постановки своей литературы. Одним из таких выводов и является постановка «Рабочей Газеты».

Излагая задачи «Рабочей Газеты», листовка, между прочим, объявляет, что одной из задач этого нового органа и будет — доказать рабочим «весь вред, всю губительность для пролетарского дела» ликвидаторства и отзовизма. В этой листовке редакция «Рабочей Газеты» обращается «за содействием и поддержкой ко всем партийным организациям и прежде всего — к Центральному Комитету» партии.

Появление № 1 «Рабочей Газеты» и листовки с ясным изложением задач популярного партийного органа всполошило троцкистов и прежде всего самого Троцкого. В письме Мартова к Мартынову от 9 сентября 1910 г. находим такие характерные строки: «Имею дружеское письмо от Троцкого, встревоженного вестью о том, что плехановцы и ленинцы основывают для конкуренции с «Правдой» свою «Рабочую Газету»» («Письма П. Б. Аксельрода и Ю. О. Мартова», стр. 208).

26 ноября 1910 г. собрание так называемого «партийного соц.-демократического клуба в Вене» приняло резолюцию, появившуюся вскоре в виде отдельного листка. Прежде всего резолюция отмечает, что существует уже рабочая газета «Правда» и что возникновение второй «рабочей газеты» является совершенно недопустимым «дроблением средств и сил ослабленной партии». Но самое главное обвинение посвящено вопросу о *направлении* нового органа: «в лице «Рабочей Газеты»» — говорится в резолюции — «мы имеем фракционный орган, самое возникновение которого продиктовано фракционными целями. Это как нельзя лучше подтверждается партийной позицией нового органа, ставящего своим основным лозунгом — внутрипартийную борьбу на два фронта». Далее резолюция призывает «всех товарищей в России и заграницей дать решительный отпор новым фракционно-кружковым притязаниям». Заключительная часть резолюции призывает «всех товарищей на местах, не дожидаясь указаний сверху, немедленно приступить к подготовке общепартийной конференции», для чего постановляет организовать общепартийный фонд для подготовки и созыва конференции Р. С.-Д. Р. П.

Интересные подробности из истории этой резолюции были опубликованы одним из участников собрания в Приложении к № 19—20 «Социал-Демократа» (26 (13) января 1911 г.): Троцкий сделал доклад: «Современная рабочая пресса». Начав с истории развития рабочей прессы, докладчик довел ее до «Правды», «нефракционность и выдержанность ее линии поднял до прямо идеальной высоты». Затем обрушился на «Рабочую Газету» и на большевиков, а в заключение призывал всех «действительно желающих возобновления партии» голосовать за им же предложенную резолюцию.

В собраниях венского партийного клуба принимали участие не все члены различных местных групп содействия, которых насчитывалось тогда около 70 чел., а только незначительная часть их, 25—30 чел., большая часть которых примыкала к группе «Правда» (троцкисты). — 22.

[14]) В Копенгагене с 28 августа по 3 сентября 1910 г. происходил восьмой международный социалистический конгресс.

Статья Троцкого, неподписанная, появилась в день открытия кон-

гресса, в специально посвященном Копенгагенскому конгрессу приложении к газете «Vorwärts» (Beilage des «Vorwärts» № 201, 28 August 1910). Статья озаглавлена: «Die russische Sozialdemokratie» («Российская социал-демократия»), а в подзаголовке говорится: «Von unserem russischen Korrespondenten» («От нашего российского корреспондента»). Там дается совершенно неверная характеристика отдельных течений в партии. О большевиках там прежде всего говорится: «Основатель бойкотистской тактики по отношению к Думе, теоретик партизанства, экспроприации и т. д., вождь большевиков, Ленин, быстро эволюционировал в сторону «приятия» парламентаризма и использования легальных возможностей». Относительно «партийного меньшевизма» и «голосовцев» находим в статье такие строки: «На левом фланге меньшевизма образовалась возглавляемая Плехановым группа «меньшевиков-партийцев», объединившаяся с Лениным для борьбы против ликвидаторов и вождей меньшевизма: Мартова, Аксельрода, Мартынова и Дана, не занимающих никакой определенной позиции в этом вопросе». «Полемика в заграничных изданиях, — говорится там же, — приняла чисто схоластический характер». Только редакция венской «Правды», чуждая, будто бы, какой бы то ни было фракционной полемики, ставит себе задачей «содействовать восстановлению партии на здоровом, пролетарском базисе». Эту статью Троцкого, между прочим, и имеет в виду Ленин в своей статье: «О том, как некоторые соц.-дем. знакомят Интернационал с положением дел в Р. С.-Д. Р. П.» (XIV т. Сочинений).

Спустя несколько дней появилась другая статья Троцкого «Die Entwicklungstendenzen der russischen Sozialdemokratie» («Тенденции в развитии российской социал-демократии») в журнале «Die Neue Zeit» № 50 от 3 сентября 1910 года, разобранная В. И. Лениным в его статье «Исторический смысл внутрипартийной борьбы в России» (см. стр. 10—23 наст. тома).

Текста письменного протеста, направленного в правление (Vorstand) германской с.-д. партии, редакции Сочинений установить не удалось. Упомянутый польский товарищ, вместе с В. И. Лениным и Г. В. Плехановым подписавший протест, — А. Варский. — 23.

[15]) История этой статьи находится в тесной связи с историей предъидущей статьи.

Задача изучения массового движения эпохи первой революции в России занимала В. И. Ленина все время. Особенно же настоятельной сделалась эта задача в связи с систематическим оплевыванием революции 1905 г., в чем усердно упражнялись после поражения революции все буржуазные и мелкобуржуазные партии, включая и меньшевиков.

Огромное значение в борьбе с этой «модной» тогда критикой революции 1905 г. имеет работа В. И. Ленина «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905 — 1907 г.г.» (т. XI Соч.), написанная еще в 1907 г. главным образом на основании стенографических отчетов Думы и речей крестьянских депутатов, но все же это была только часть поставленной задачи. Изучение массового движения, в особенности рабочего, в революционные годы было чрезвычайно затруднено отсутствием необходимого систематизированного материала.

Как раз в 1910 г. появилось в свет издание Министерства Торговли и Промышленности: «Статистика стачек рабочих на фабриках и заводах за трехлетие 1906 — 1908 г.г.» (Составил и разработал фабричный ревизор В. Е. Варзар. С.-Петербург, 1910, 220 стр.). Обширный том этот составил продолжение вышедшего в 1908 г. тома, содержащего ту же статистику за 1905 г. И эти тома вместе с вышедшим в 1905 г. томом «Статистические сведения о стачках рабочих на фабриках и заводах за десятилетие 1895 — 1904 г.» дали большой материал, использованный В. И. Лениным для очерка истории русской революции 1905 — 7 г.г. Цифровые данные, по разработке их Лениным, давали блестящее подтверждение

всех тех взглядов на развитие революции, которые отстаивал большевизм в эпоху революции и контр-революции.

В первую очередь В. И. Ленин намеревался использовать эти материалы в статье против Мартова. «В связи с ответом Мартову, — писал В. И. Ленин Мархлевскому 7 октября 1910 г., — я «влез» еще в интереснейшую статистику стачек 1905 — 1908 г.г. и хотел бы очень ее обработать. Тема такая, что подходит больше к книге или брошюре, чем к статье». И в том же письме Ленин интересуется, между прочим, вопросом о переводчике и возможности издания брошюры на немецком языке. «Что если бы я написал брошюру (размером à la Череванин: Das Proletariat in der russischen Revolution) на тему о русской революции, ее уроках, классовой борьбе и т. д. Нашелся бы партийный немецкий издатель или нет?»

О том, что он не только предполагает написать, но и «подготовляет к печати» очерк истории русской революции, имеются прямые указания самого В. И. Ленина, между прочим, в одном из подстрочных его примечаний к статье «Исторический смысл внутрипартийной борьбы в России» (см. наст. том, стр. 15). Однако работы этой, т.-е. соответственной намеченному в письме плану и указанному там размеру (книга Череванина содержит 270 стр. формата 13 × 20), В. И. Ленин все же не написал.

Появившаяся в результате работы Ленина над статистикой стачек большая статья «О статистике стачек в России», самим автором рассматриваемая также как ознакомление читателей «с предварительными итогами одного опыта более детальной разработки» и откладывающая «полное изложение до другого места» (см. наст. том, стр. 29), стало быть, и есть только часть или предварительный набросок задуманной большой работы. Что это именно так, подтверждается также замечанием В. И. Ленина, сделанным им впоследствии в статье «К истории вопроса о диктатуре». «Этот анализ, — говорит он по поводу изучения стачечного движения, — был дан мной в журнале «Просвещение» (здесь ошибка: в журнале «Мысль». *Ред.*) за 1910 и 1911 г.г. и повторен в кратких итогах в заграничной большевистской литературе той эпохи» (XXV т. Соч., стр. 432). — 25.

[16]) «*Мысль*» — большевистский легальный ежемесячный «философский и общественно-экономический» журнал. Издавался в Москве. № 1 вышел в декабре 1910 г., № 5 (последний) в апреле 1911 г. был конфискован, и журнал был закрыт.

Формально редактором-издателем журнала числился П. К. Пирожков, в действительности же редактированием журнала руководил В. И. Ленин из-за границы (жил тогда в Париже).

Постановка большевистского журнала в России связана была с огромными трудностями. В письме к Шкловскому 14. XI — 1910 г. В. И. Ленин писал: «Бьемся над постановкой журнала в России (à la «Возрождение» и «Жизнь»), нет зацепки, нет секретаря, не через кого наладить — все проваливаются наши люди. Беда! А журнал — необходим». В поисках секретаря редакции, В. И. Ленин остановился на кандидатурах, сначала Воровского, затем И. И. Степанова, потом Л. Германова (Фрумкин). Все они отказывались, выставив неприемлемые требования (главным образом — относительно фактической редакции в России). За отсутствием других подходящих лиц, Вл. И., по указанию Кржижановской, обратился к Танину (впоследствии оказался провокатором), который согласился нести функции технического секретаря редакции. Было дано разрешение не посылать за границу на редактирование статьи след. товарищей: Воровского, Скворцова-Степанова, Рожкова, Ольминского и Германова. Ближайшее участие в работе по редактированию журнала принимали т.т. Скворцов-Степанов и Германов.

В. И. Ленин в вышедших 4 книжках поместил ряд статей, в том

числе большую работу: «О статистике стачек в России» (см. наст. том, стр. 25—49).

В журнале, кроме большевиков, сотрудничали также Г. В. Плеханов, Ш. Рапопорт и др. меньшевики-партийцы.

Журнал был закрыт на 5-ой книжке; поводом послужила статья Каутского, представлявшая собою предисловие к русскому изданию популярной брошюры его о тактических течениях в немецкой социал-демократии. В. И. Ленин в письме к Горькому в апреле 1911 г., касаясь закрытия журнала, прямо говорит о придирке за направление журнала.

После многих новых хлопот удалось все же поставить новый большевистский журнал, но уже не в Москве, а в Петербурге — под названием: «Просвещение» (см. прим. 159). — 25.

[17]) Сведения о числе стачечников в 1909 г. взяты В. И. Лениным из другого источника, установить который не удалось. Правительственная «Статистика стачек», материалы которой положены Лениным в основу настоящей статьи, кончает разработку данных о стачках 1908 годом. В дальнейшем изложении В. И. Ленин больше сведений о 1909 г. нигде не приводит. — 29.

[18]) При подсчете губерний, в которых % рабочих, участвовавших в стачках, повысился с 1906 по 1907 год, пропущена одна губерния, Волынская, в которой повышение процента участников стачек с 1906 по 1907 год составляет 3,4. С учетом данных этой губернии, не вносящих никаких изменений в основные выводы, приведенная В. И. Лениным таблица принимает следующий вид:

Число губерний	Число фабр. и зав. в них:	Число рабочих, действительно участв. в стачках: 1906 г.	1907 г.
20	590.562	187.648	287.017

— 31.

[19]) А. В. Погожев: «Учет численности и состава рабочих в России». Материалы по статистике труда. Издание Императорской академии наук. С приложением таблиц и 18 карто-диаграмм. (Доложено в заседании историко-филологического отделения Императорской академии наук). С.-Петербург 1906 г. XXVI + 114 + 224. — 34.

[20]) Распределение стачечников по производствам с выделением четырех основных групп производств сделано В. И. Лениным на основе той классификации производств, которой пользуется Варзар в своей «Статистике стачек». У Варзара все виды фабрик разнесены по 12 рубрикам, при чем отдельные виды одного и того же производства, напр., текстильного, разбиты по разным рубрикам: 1) обработка хлопка, 2) обработка шерсти и т. д. Таким образом, для получения данных об участии в стачечном движении рабочих различных производств (металлистов, текстильщиков и проч.), Вл. И. проделал предварительную работу по объединению однородных рубрик соответствующих производств и подсчету разнесенных по этим рубрикам цифр.

Данные о числе фабрично-заводских рабочих (см. первый столбец таблицы) взяты В. И. Лениным из «Статистических сведений о стачках рабочих на фабриках и заводах за 10-летие 1895—1904 г.» (стр. 27) и относятся к 1901 г., а не к 1904 г., как указано в таблице; по данным того же Варзара, все число фабрично-заводских рабочих в 1904 г. составляло 1.651.957 чел. (см. «Статистика стачек за 1905 г.», стр. 17). Разница в цифрах составляет около 50.000 раб. и существенных изменений в основные выводы не вносит. — 35.

[21]) Эта же таблица приведена В. И. Лениным и в статье «Исторический смысл внутрипартийной борьбы в России» (см. настоящий том, стр. 15), с той лишь разницей, что в той статье, написанной раньше, он

относит смешанные стачки (разряды: 12 с эконом. треб. и 12 без экон. треб., по официальной номенклатуре) к стачкам *политическим*, как это сделано в правительственной статистике 1905 г., тогда как в последней статье («О статистике стачек в России») он исправляет эту неточность в распределении статистических данных за 1905 г. и относит эти же разряды к *экономическим* стачкам. Этим объясняется то различие в суммах чисел экономических и политических стачечников по кварталам 1905 г. (при общем равном их итоге), которое можно обнаружить при сличении обеих таблиц.

Эта общая сводная таблица поквартальных данных составлена Лениным, как это видно из сохранившейся тетради с черновыми материалами работы по статистике стачек, на основании предварительных подсчетов помесячных данных правительственной статистики с учетом тех дополнительных сведений к данным за 1905 г. по Варшавской губ., которые приведены в III томе правительственной статистики (за трехлетие 1906 — 1908 г.г.). — **40.**

[22]) Имеется в виду упоминавшаяся уже выше статья Мартова: «Die preussische Diskussion und die russische Erfahrung» («Прусская дискуссия и русский опыт») в журнале «Die Neue Zeit» от 16 сентября 1910 г. (Band, № 51, 28 Jahrgang, S. 915). — **42.**

[23]) Говоря о сочетании политической борьбы пролетариата с экономической в октябрьско-ноябрьские дни 1905 г., Череванин больше всего возмущался борьбой за «введение 8-ми часового рабочего дня захватным путем». Это, говорит он, — «была несчастная идея, которая ничего кроме вреда революции принести не могла». «Можно было заранее предвидеть, что насильственное установление 8-ми часового дня встретит отчаянное сопротивление со стороны капиталистов, что борьба с ними на этой почве бросит их в объятия реакции, что она усилит позицию правительства, что пролетариат рискует растратить в этой борьбе массу сил, имея очень слабые шансы одержать в ней победу» (Вл. Горн, В. Меч, Череванин: «Борьба общественных сил в русской революции». Выпуск II. Череванин. Пролетариат в революции. Москва, 1907 г., стр. 67).

Те же мысли высказаны были и Мартовым в его статье «Иностранное обозрение. Конфликты в германской рабочей партии» («Наша Заря», июль, 1910 г., № 7, стр. 81 — 83) и развиты им же в упомянутой ранее немецкой статье в «Neue Zeit» от 16 сентября 1910 г. (2 Band № 51, S. 915). Касаясь в ней октябрьской стачки 1905 г. и дальнейшего развития массового рабочего движения, Мартов писал: «Как раз к этому времени всеобщего возбуждения рабочих масс мы опять видим, как это правильно отмечает тов. Люксембург, тенденцию слияния борьбы за политическую свободу с профсоюзной борьбой. Но вопреки мнению тов. Люксембург, в этом проявилась не сильная, а слабая сторона тогдашнего движения». — **45.**

[24]) Имеется в виду статья Л. Мартова «Иностранное обозрение. (Конфликты в германской рабочей партии)». Там говорится: «Одним из главных условий было сочувствие самых широких кругов населения и в том числе — буржуазных масс, общественное мнение которых, в конце концов, как известно, добилось того, что сами предприниматели платили рабочим за прогульные дни». («Наша Заря» № 7, июль 1910 г., стр. 81.) — **48.**

[25]) Имеется в виду статья В. Базарова: «Толстой и русская интеллигенция». («Наша Заря» № 10, 1910 г.) — **50.**

[26]) Подробнее об этом см. след. статью «О положении дел в партии» (стр. 69 — 70 наст. тома). — **57.**

[27]) *«Современник»* — ежемесячный журнал «литературы, политики, науки, истории, искусства и общественной жизни», выходивший в Петербурге с января 1911 г. до конца 1915 г. С 1911 до конца 1913 г. журнал издавался «при ближайшем участии» А. В. Амфитеатрова и при сотрудничестве М. Горького, Е. Е. Колосова, Г. А. Лопатина, В. В. Водовозова,

В. Я. Богучарского и др. Ярко выявленной политической физиономии журнал не имел, и в этот период преобладали в нем элементы «эсеровско-кадетские». В 1913 г. журнал выходил под редакцией П. Е. Щеголева, В. А. Богучарского и В. Б. Станкевича. В числе сотрудников журнала находились: Е. Кускова, Н. Гиммер, Ф. Дан, Л. Мартов, А. В. Луначарский, Г. В. Плеханов, Ю. М. Стеклов и др. С 1914 г. направление журнала определилось как «внепартийного социалистического органа»; издавался тогда при ближайшем участии Н. Н. Гиммера (Суханова).

В период 1913 — 1914 г.г. журнал представлял собою блок народнической и марксистской интеллигенции ликвидаторского типа и проповедывал слияние марксистов и народников.

Содержание первой книжки журнала, точнее, оглавление ее, впервые было опубликовано в газ. «Речь» № 347 (1585), 31 (18) декабря 1910 г., в тексте объявлений. — 57.

[28]) Статья Г. В. Плеханова «Карл Маркс и Лев Толстой» напечатана в № 19 - 20 «Социал-Демократа» от 26 (13) января 1911 г. — 57.

[29]) Фельетон Г. В. Плеханова в № 1 «Звезды» под общим заглавием: «Заметки публициста» снабжен подзаголовком: «Отсюда и досюда».

Подстрочное примечание редакции «Звезды» к этому фельетону гласит: «Редакция предполагает посвятить несколько статей вопросу об общественном значении деятельности Толстого, которая, несомненно, требует разностороннего освещения». — 57.

[30]) В конце 1910 г. в русской и заграничной печати много внимания уделялось проекту «великого индо-европейского пути», т.-е. англо-русской жел.-дорожной линии от Баку до пределов Индии через всю Персию. Проект этот принадлежал возглавлявшейся октябристом Хомяковым группе биржевых дельцов и представителей металлургической промышленности. Московские текстильные фабриканты, отстаивая свое привилегированное положение в Персии, созданное ее отсталостью и дешевизной провоза по Волге и Каспию, высказались против проекта. Не представляя торгового значения ни для России, ни для Англии, предполагавшаяся дорога преследовала цели подавления революционного движения в Персии и фактического раздела ее между Англией и Россией.

Революция в Персии, угрожавшая господству английского империализма в соседней Индии и внутреннему «спокойствию» в царской России, жестоко подавлялась царскими войсками под командой полковника Ляхова. — 58.

[31]) В. И. Ленин имеет в виду свой очерк: «Аграрный вопрос в России к концу XIX века» (см. XII том Соч., стр. 215 — 275), написанный в марте — апреле 1908 г. для словаря «Гранат». По цензурным соображениям очерк не мог появиться в словаре. Ленин, как видно из письма, пытался выпустить эту работу в другом издательстве. Издателя все же не нашлось, и работа впервые увидела свет только спустя 10 лет, в 1918 г., в издании «Жизнь и Знание» (Библиотека обществоведения, книга 51. Москва, 1918 г., 80 стр.). А. М. Горький был в самых близких отношениях к издательству «Знание», о котором Ленин упоминает в своем письме. Управляющим издательством был некий Пятницкий (не следует смешивать с тов. О. Пятницким, старым большевиком, работающим ныне в Коминтерне). — 59.

[32]) *Партийная школа* в Париже, вернее в Лонжюмо (Longjumeau, местечко верстах в 20 под Парижем) — была организована руководящей группой большевиков в 1911 г. Сюда, по приглашению Ленина, переехали многие из слушателей школы «впередовцев» в Болоньи. Лекторами были: Ленин, Зиновьев, Каменев, Инесса Арманд, Семашко, Рязанов и др. Ленин прочел здесь ряд лекций по политической экономии, по аграрному вопросу и по теории и практике социализма. Занятия, продолжавшиеся с мая по август 1911 г., состояли не только из лекций, но и семинарских работ слушателей.

Школа эта дала партии ряд работников, по окончании учебы вы-

полнявших большую партийную работу в России, как Орджоникидзе Догадов, С. Шварц, Манцев, Присягин, Чугурин, Зевин, Белостоцкий Бреслав и др. — 59.

[33]) В архиве Института Ленина хранится копия обстоятельного письма Ленина, написанного, повидимому, одновременно с этой статьей. Содержание письма по существу совпадает с содержанием статьи. — 60.

[34]) Имеется в виду статья Л. Мартова «Куда пришли?» («Голос Социал-Демократа» № 23, ноябрь 1910 г.). — 60.

[35]) О резолюции венского клуба от 26/XI 1910 г. см. прим. 13. — 60.

[36]) *Русский Ц. К.* — так называли действовавшую в России коллегию членов Ц.К. Р.С.-Д.Р.П. В промежуток между общими собраниями этой коллегии всеми делами заведывало Бюро Ц.К., выбранное общим собранием коллегии. Состав этой коллегии и способы замещения выбывших ее членов определялись принятым на январском пленуме 1910 г. уставом Ц.К.

Коллегия эта после пленума 1910 г. состояла из следующих работников: большевиков — Гольденберг (Мешковский), Дубровинский (Иннокентий), Ногин (Макар), Рыков (Власов) и Лейтэйзен (Линдов); меньшевиков (ликвидаторов) — Жордания (Костров), Рамишвили (Петр), Исув (Михаил), Ермолаев (Роман), Бронштейн (Юрий) и 3 представителей от национ. организаций.

В то время, как большевики из состава членов русской коллегии Ц.К. вели основную партийную работу и всеми мерами пытались созвать русскую часть Ц.К., упомянутые выше ликвидаторы уклонялись от участия в работе и противодействовали восстановлению Ц.К. Из большевиков-цекистов были в 1910 г. арестованы Гольденберг и Дубровинский при попытках созвать коллегию. Ногин и Линдов были арестованы в 1911 году после восстановления ими бюро Ц.К.

Из ликвидаторов-цекистов никто на заседания коллегии Ц.К. не являлся, за исключением Жордания, который за все время от пленума 1910 г. до июньского совещания 1911 г., т.-е. за $1^1/_2$ года, был на заседаниях бюро 2 раза. Никто из них никакого участия в центральной работе не принимал, а Исув (Михаил), Ермолаев (Роман) и Бронштейн (Юрий), кроме того, выступили с официальным заявлением, о котором см. статью В. И. Ленина: ««Голос» ликвидаторов против партии» (XIV том Соч.).

Все перечисленные выше большевики из числа членов русской коллегии Ц.К. были сторонниками примиренческой позиции и, недооценивая антипартийную сущность ликвидаторов и их подголосков, усиленно пытались наладить совместную работу в Ц.К. путем привлечения на его заседания ликвидаторской части. — 60.

[37]) Письмо 16 ликвидаторов было опубликовано под заглавием «Открытое письмо» в № 19 — 20 «Голоса Социал-Демократа» за январь — февраль 1910 г. В примечании к этому документу редакция «Голоса С.-Д.», перечисляя имена подписавших его, между прочим, заявляла: «Эти подписи принадлежат старым партийным работникам, хорошо известным редакции, некоторые из них занимали в партии ответственные посты». Подробнее об этом «письме» см. т. XIV Соч. — 61.

[38]) Имеется в виду реферат П. Аксельрода «Источники разногласий между так называемыми партийцами и так называемыми ликвидаторами», прочитанный им в Женеве. В отчете о реферате, напечатанном в «Голосе С.-Д.» (№ 23, ноябрь 1910 г.), приводятся, между прочим, следующие строки: «Так же щедро без разбора кличка «ликвидатор» применяется ко всем социал-демократам, которых по тем или другим причинам желательно дискредитировать. К ликвидаторам причисляют, во-первых, ту часть интеллигенции, которая прежде группировалась вокруг или под флагом партии и затем сознательно повернулась к ней спиной, просто-на-просто, отступников и изменников; во-вторых, членов партии, ушедших, быть может, временно в частную жизнь, вследствие ли усталости или вследствие необходимости иметь заработок». — 61.

[30]) *Заграничное Бюро Центрального Комитета (З. Б. Ц. К.)* создано было по решению Общерусской конференции (3—6 января) 1909 г., как «обще-партийное представительство» заграницей. Январский пленум 1910 г. уточнил круг обязанностей и состав этого учреждения. В пункте 9 принятого на пленуме Устава Ц.К. говорится следующее: «Заграницей действует назначенное Ц.К. Загр. Бюро Ц.К., состоящее из 5 членов Ц.К. В состав Бюро входят три представителя «национальных» Центральных Комитетов. Центральные Комитеты национальных организаций имеют право назначить в Загр. Бюро и не членов Ц.К. Последние не могут участвовать в пленуме Ц.К. Заграничное Бюро Ц.К. заведует имуществом партии, издательскими и техническими делами, представляет партию заграницей, объединяет заграничные группы содействия партии и служит посредствующим звеном между ними и действующим в России Ц.К. Большинство членов Загр. Бюро Ц.К. должно жить в одном городе».

К декабрю 1910 г. З.Б.Ц.К. состояло из следующих лиц: Семашко (Александров) — от большевиков; Станислава (Гольденберг) — от С.-Д. П. и Л.; Либер (Бер) — от Бунда; Шварц (Элиас) — от С.-Д. Лат. края и Горев (Игорь, Игорев) — от «Голоса С.-Д.». Последний был секретарем этого учреждения, а т. Семашко — кассиром.

Заявление («заявка»), поданное Лениным, Каменевым, Зиновьевым и по доверенности Гольденберга (Мешковского) в З.Б.Ц.К. 5 декабря 1910 г. (см. «Письмо» т. Александрова в отделе «Документы и материалы», стр. 581 наст. тома), имело целью скорейший созыв пленума Ц.К. заграницей, как единственное средство к «партийно-легальному выходу из кризиса».

Тотчас же по получении в З.Б.Ц.К. заявки большевиков, т.т. Семашко и Станислава потребовали, согласно решению пленума 1910 г., созыва пленарного собрания Ц.К. в 3-х месячный срок. Однако большинство З.Б.Ц.К., в котором в то время главенствовали ликвидаторы, благодаря, по выражению Ленина, «частью бессилию бунда и латышей, частью прямой помощи голосовцам со стороны ликвидаторских элементов этих национальных организаций» (голосовец Горев (Игорь, Игорев), бундист-ликвидатор Либер (Бер) и латыш-ликвидатор Шварц составляли большинство; в меньшинстве — большевик Семашко (Александров) и представитель С.-Д. П. и Л. Станислава), — вовсе не склонно было содействовать созыву пленума Ц.К.

12 декабря 1910 г. секретарь З.Б.Ц.К. Горев обратился в З.Б.Ц.К. с письменным заявлением, в котором он протестует против созыва заграничного пленума. Он предлагал поставить на голосование 2 предложения: либо созыв комиссии из 5 членов Ц.К. вместо пленума, либо — ожидание созыва русской коллегии. Помимо этого, он требовал предварительно проголосовать вопрос — «компетентно ли З. Б. Ц. К. обсуждать вопрос о целесообразности созыва пленума Ц. К.»

Значение этого шага, как срыва созыва Ц. К., достаточно вскрыто В. И. Лениным в статье «О положении дел в партии», выпущенной первоначально отдельной листовкой. Факту этого срыва Ц. К. посвящен и другой документ — протест т. Александрова (см. отдел «Документы и материалы»), разосланный еще в декабре 1910 г. членам Ц. К. партии и членам Ц. К-ов национальных организаций.

Заявление Горева от 12 декабря с протестом против созыва пленума было все же частным мнением одного из членов З. Б. Ц. К. Формальный ответ на заявку большевиков от 5 декабря 1910 г. был дан лишь 27 января 1911 г., когда секретарь З. Б. Ц. К. Горев сообщил членам бывшей расширенной редакции «Пролетария» следующую резолюцию З. Б. Ц. К.: «Признавая, что предложение большевиков о созыве пленума для решения вопроса о деньгах находится в согласии с решением последнего пленума, З. Б. Ц. К. вместе с тем находит, что, в виду организации в близком будущем заседания узкого состава Ц. К., созыв пленума является нецелесо-

образным и во всяком случае самое решение вопроса о созыве пленума предлагает перенести на решение узкой коллегии Ц. К.». Таким образом З. Б. Ц. К. семь недель тянуло голосование предложения большевиков, чтобы затем его провалить. Резолюция эта была предложена Либером и поддержана Горевым.

В ответ на эту резолюцию т. Зиновьев (за себя и по поручению т.т. Ленина и Каменева) обратился в З. Б. Ц. К. с заявлением от 31 января 1911 г. «Ровно 7 недель (буквально!), — говорится в этом заявлении, — вы потратили на «голосование» вопроса о созыве пленума. И только теперь вы, наконец, признали, что «предложение большевиков о созыве пленума для решения вопроса о деньгах находится в согласии с решением последнего пленума». В дальнейшей своей части всю ответственность за срыв пленума заявление возлагает на З. Б. Ц. К. Но вместе с тем там же указывается, что предстоящий, по заверению З. Б. Ц. К., созыв узкого, т.-е. русского состава Ц. К., «есть, конечно, очень важное *новое* обстоятельство. Его нельзя было предусмотреть, когда мы подавали нашу заявку и когда казалось, что усилиями русских и заграничных ликвидаторов Ц. К. парализован надолго. Решениям хотя бы узкого состава Ц. К. мы, разумеется, придаем очень большое значение, и мы соглашаемся, поэтому, на то, чтобы 3-х месячный срок (см. резолюцию пленума) считался с момента принятия резолюции З. Б. Ц. К., дабы узкий состав Ц. К. не был слишком стеснен во времени». (Архив Института Ленина, докум. № 409.)

Но время шло, а русское бюро Ц. К. собрать оказалось невозможным. 3-х месячный срок давно истек. 26 мая Горев внес в З. Б. Ц. К. предложение — созвать комиссию из 5 членов Ц. К. Это было прямым издевательством над решением январского пленума. Даже бундист (Либер) и латыш (Шварц) воздержались, и предложение не встретило поддержки: Семашко и Станислава, конечно, голосовали против. Внесенное же вновь товарищем Семашко предложение о созыве пленума также было провалено.

На следующий день, 27 мая, Семашко отправил на имя Либера, Горева и Шварца, т.-е. членов ликвидаторского большинства З. Б. Ц. К., письмо о выходе представителя большевиков из состава З. Б. Ц. К.

Письмо заканчивалось следующими строками: «заявляю, что З. Б. Ц. К., окончательно отказавшись исполнять партийные законы, тем самым ликвидировало само себя, как партийное учреждение. Поэтому я считаю отныне З.Б.Ц.К., как сорванное вами учреждение, несуществующим и от совместного заседания с вами, как членами несуществующего учреждения, отказываюсь».

Так как на т. Семашко лежали обязанности казначея (кассира) З. Б. Ц. К., то естественно, что, вместе с объявлением самого З. Б. Ц. К. несуществующим, он не мог оставлять бывшие у него на руках денежные суммы и отчетность бывшим членам З. Б. Ц. К. Ликвидаторы и поддерживавшие их впередовцы и троцкисты подняли бешеную кампанию вокруг этого события, пустив в ход самые крепкие выражения против Ленина и «ленинского кружка».

Кассу и отчетность, хранителем которых был т. Семашко, он передал совещанию членов Ц. К., живущих заграницей (см. прим. 101). Оно было созвано вскоре, помимо З. Б. Ц. К. После того, как совещание цекистов приняло ряд практических решений по созыву пленума и конференции, большинство З. Б. Ц. К. приняло резолюцию, поспешно, 15 июня внесенную Горевым: «З. Б. Ц. К. постановляет: не откладывать больше созыва пленума Ц.К. заграницей и употребить все усилия, чтобы он собрался в ближайшем будущем. С этой целью оно обращается за содействием к Ц. К-там национальных организаций и областным организациям нашей партии». (Листок З. Б. Ц. К., 27 июня 1911 г.) Внесенное же Я. Тышко (представитель С.-Д. П. и Л. вместо выбывшей Станиславы) предложение созвать пленум совместно с комитетом, избранным для этой цели совеща-

нием цекистов, большинством было отклонено. (Тышко, как он неоднократно заявлял в партийной печати, входил и оставался в З. Б. Ц. К., «чтобы бороться в интересах партии против его фракционного большинства всеми законными и партийно-допустимыми средствами».)

С таким же предложением обратился к Гореву и тов. А. И. Рыков в письме от 22 июня 1911 г., руководствуясь примечанием к принятой на июньском совещании цекистов резолюции по этому вопросу (см. «Документы и материалы», № 2).

В ответ на это обращение Горев прислал листок З. Б. Ц. К. от 27 июня 1911 г. («Ко всем членам партии»), где подчеркнуты были слова: «З. Б. Ц. К. считает *незаконным*, как самое совещание, так и все созданные и созываемые им «учреждения».

Так как созданные июньским совещанием цекистов партийные учреждения, в частности, Заграничная Организационная Комиссия, уже сделали ряд практических шагов к созыву конференции (напр., посылка уполномоченных в Россию), то ликвидаторы из З. Б. Ц. К. и поддерживавший их Троцкий заговорили о содействии из заграницы созыву конференции. Редакция венской «Правды» в специально принятой резолюции («Правда» № 21, 8 июля (25 июня) 1911 г.) предлагала З. Б. Ц. К., «как единственной, руководящей общепартийной практической организации заграницей», взять на себя инициативу создания комиссии из представителей всех течений и организаций «в целях всестороннего содействия имеющему образоваться Организационному Комитету в России» для созыва конференции. А 17 июля и само З. Б. Ц. К. приняло решение созвать совещание из представителей «всех идейных течений и национальных организаций Р. С.-Д. Р. П.» для обсуждения вопроса «о содействии из заграницы созыву предусмотренной пленумом конференции». («Листок Голоса С.-Д.» № 2, 20 июля 1911 г.) Так родилось Бернское совещание при З. Б. Ц. К. в августе 1911 г. (см. примеч. 114), ничего, кроме явного соглашения Троцкого с ликвидаторами, не давшее.

20 ноября 1911 г. Гл. Правление С.-Д. П. и Л. официально отозвало из З. Б. Ц. К. своего представителя, а вскоре так же поступил и Ц. К. С.-Д. Латышского края.

И только в феврале 1912 г. З. Б. Ц. К. довело до всеобщего сведения (заявление подписано январем 1912 г.) о своей самоликвидации, предложив всем заграничным организациям образовать временное учреждение для передачи ему заведывания текущими (следственными и пр.) делами («Листок Голоса С.-Д.» № 3, февраль 1912 г., стр. 13). — 62.

[40]) С таким письмом в редакцию «Социал-Демократа» обратился член З. Б. Ц. К., большевик Н. А. Семашко. Ни подлинник этого документа, ни копия его не разысканы. — 63.

[41]) Надежды на легальный партийный исход не оправдались. Многократные попытки представителей большевиков добиться созыва пленума всякий раз встречали решительное противодействие со стороны ликвидаторского большинства З. Б. Ц. К. В конце концов пришлось большевикам прибегнуть к таким мероприятиям, как выход представителя большевиков из состава З. Б. Ц. К., и объявление этого Бюро прекратившим свое существование, созыв июньского совещания членов Ц. К., живущих заграницей (см. прим. 101), создание Заграничной Организационной Комиссии (см. прим. 102) и создание Р. О. К. (см. прим. 146), в результате чего и удалось созвать январскую конференцию 1912 г. в Праге (см. прим. 167).—66.

[42]) О платформе «Вперед» — см. XIV том Сочинений. — 67.

[43]) Большинство редакции Ц. О. — «Социал-Демократ» — в то время составляли: представители большевиков — В. И. Ленин и Г. Е. Зиновьев и представитель Гл. Правления С.-Д. П. и Л. — З. Ледер. В меньшинстве были: Ю. О. Мартов и Ф. И. Дан.

Протест, выпущенный отдельным листком, подписанный Марто-

вым и Даном, датирован 9 января 1911 г. и озаглавлен: «Для членов партии».

Большая часть содержания протеста посвящена факту выпуска большинством редакции статьи («О положении дел в партии»), о существовании которой Мартову и Дану, якобы, стало известно лишь в момент получения ими 4 января 1911 г. сверстанного корректурного оттиска статьи. В заключительной части листка авторы его заявляют, что некоторые «клеветы», допущенные в статье большинства редакции «по адресу товарищей, живущих и работающих в России», носят характер «полицейского доноса» («клеветами» они, очевидно, считают изложение факта отказа Михаила, Романа и Юрия от участия в работе Ц. К. и указание на совместную работу Мартова и «голосовцев» с ликвидаторами в России). Авторов «этого деяния» они требуют привлечь к партийному суду, а самый документ — статью «О положении дел в партии», — они просят «всех членов партии» считать «подложным». — 70.

[44]) Статья Рубановича, озаглавленная: «Mort du député Vassili Karauloff» («Смерть депутата Василия Караулова»), с подзаголовком, указанным Лениным: «La carrière d'un terroriste russe» («Карьера русского террориста»), была напечатана в «L'Humanité» («Человечество») № 2459, от 10 января 1911 г.

Приведенная В. И. Лениным цитата из речи Караулова на митинге заимствована из статьи-некролога: «В. А. Караулов», подписанной Азра («Биржевые Ведомости» № 12084 от 3 января 1911 г. (21 декабря 1910 г.).— 76.

[45]) Цитируемая статья Потресова: «Критические наброски. (О том, почему пустяки одолели)», напечатана в журнале «Наша Заря» № 2, февраль 1910 г., стр. 51, 52, 57 — 61.

Статья Базарова: «О том, почему важные вещи кажутся пустяками», напечатана в «Нашей Заре» № 4, апрель 1910 г., стр. 87, 88. — 78.

[46]) Имеются в виду следующие литературные выступления: Череванин—«Современное положение и возможное будущее», стр. 200—222; Е. С.— «На съезде у кадетов» («Отклики Современности» № 3, 1906 г.); В. Меч — «Либеральная и демократическая буржуазия» (Сборник «Борьба общественных сил в русской революции», вып. IV); Г. Смолин — «Историческая миссия капитала» («Возрождение», № 4, март 1910 г.); Маевский—«Мертвая зыбь» («Наша Заря» № 1, 1910 г.). — 79.

[47]) Имеется в виду статья А. Потресова: «Критические наброски (О том, почему пустяки одолели)». («Наша Заря» № 2, февраль 1910 г., стр. 54, 55.) — 79.

[48]) *Платформа 104-х* — так называли земельный законопроект, внесенный трудовиками в I Думу. Проект повторял общие народнические положения: трудовая норма при распределении земли и пр. В проекте сохранен был выкуп за отчуждаемую землю и не было требования отмены частной собственности на землю. — 81.

[49]) В. И. Ленин имеет в виду статью П. Аксельрода: «Объединение российской социал-демократии и ее задачи». Слова о «проказнице истории» взяты из подстрочного примечания его же, где, между прочим, говорится так: «Почему бы проказнице истории не доставить революционной буржуазной демократии вождя — из школы «ортодоксального» революционного марксизма?» («Искра» № 55, 15 декабря 1903 г. и № 57, 15 января 1904 г.). — 82.

[50]) Имеется в виду статья Л. Мартова: «Заметки публициста» («Ликвидаторство» и «перспективы»). («Жизнь» № 1, 30 августа 1910 г., стр. 1 — 2.) — 84.

[51]) В журнале «Мысль», как и в I изд. Собр. соч., последняя фраза, вследствие опечатки, дана в таком виде: ««целого» в печати нет». — 84.

[52]) Цитата из сцен лирической комедии Н. А. Некрасова — «Медвежья охота». Полное собр. стихотв., т. I, С.-П.Б., 1909, стр. 460. — 85.

[53]) Имеется в виду письмо К. Каутского к «товарищу Бендианидзе», рабочему, приехавшему из России в Цюрих в 1909 г. и оттуда обратившемуся к Каутскому с просьбой изложить свою точку зрения на происходившие тогда среди русских социал-демократов философские споры.

Письмо К. Каутского датировано 26 марта 1909 г. и впервые было опубликовано Фридрихом Адлером в 10 выпуске (1 июля 1909 г.) теоретического органа австрийской социал-демократии «Der Kampf» («Борьба») (Jahrgang 2, 1 Juli 1909, 10 Heft, S. 451, 452).

На вопрос, можно ли Маха считать марксистом, К. Каутский отвечает: «Это зависит от того, что понимать под марксизмом. Под марксизмом я разумею не философию, а науку, основанную на опыте, особое понимание общества. Правда, это понимание несоединимо с какой-либо идеалистической философией, но оно не несоединимо с маховской теорией познания. Сам же Мах не марксист по той простой причине, что он физик и не занимается научным исследованием общества». Развивая дальше ту же мысль безразличного отношения марксизма к философии Маха, Каутский проводит резкую грань между Махом и его последователями, из которых «некоторые пишут довольно глупые вещи». Только нелепостями этих последователей махизма и объясняются, по мнению Каутского, выступления «Плеханова и его друзей» против Маха. По существу же ясность насчет маховской теории познания имеет, по его мнению, столько же общего с задачами нашей партии, «как, например, спор между марксизмом и дарвинизмом или вопрос о том, правильна ли еще теория атомов». Письмо заканчивается следующими словами: «Если бы эти строки способствовали тому, чтобы побудить русских товарищей признать махизм частным делом (zur Privatsache), то я считал бы, что принес русской социал-демократии некоторую пользу».

Письмо это, крайне характерное по своему оппортунизму в вопросах марксистской философии, вскоре было опубликовано в русском переводе в № 9—12 (сентябрь 1909 г.) журнала ликвидаторов «Возрождение» под громким заглавием: «Карл Каутский о Марксе и Махе» (стр. 78 — 80).— 87.

[54]) На заседании III Думы 25 октября при обсуждении доклада думской комиссии по народному образованию, с.-д. депутат Белоусов в своей речи, коснувшись вопроса об ассигнованиях на содержание церковно-приходских школ, сказал: «Если первую Думу можно было назвать Думой народного гнева и называли так, если вторую Думу называли Думой народного отчаянья, то эту третью Думу можно назвать богомольной» (Гос. Дума III созыва. Стенографические отчеты 1910 г., сессия IV, часть 1, стр. 457; то же в газ. «Речь» № 294 (1532), 8 ноября (26 октября) 1910 г.). — 89.

[55]) В журнале «Мысль», как и в I изд. Собр. соч., вместо слова «например», ошибочно напечатано «напротив». — 90.

[56]) Приведенная цитата имеется лишь в рукописных и гектографированных, нелегально-распространявшихся в свое время изданиях произведения Л. Н. Толстого: «Крейцерова соната», датированных 26 августа 1889 г. В других изданиях «Крейцеровой сонаты» это выражение опущено. — 101.

[57]) В. И. Ленин приводит отдельные выражения из статьи Л. Толстого «Воспитание и образование». (Сочинения графа Л. Н. Толстого. Часть четвертая. Педагогические статьи. Издание пятое, Москва, 1887 г., стр. 130, 136.) — 101.

[58]) В. И. Ленин имеет в виду характеристику феодального социализма, которая дана в «Коммунистическом Манифесте» К. Маркса и Фр. Энгельса. (К. Маркс и Ф. Энгельс: «Коммунистический Манифест». С введением и примечаниями Д. Рязанова. Пятое издание. Гос. Изд. 1928 г., стр. 83 — 94.)—102.

[59]) Выражение взято из «Коммунистического Манифеста» (См. К. Маркс и Ф. Энгельс: «Коммунистический Манифест», Гиз, 1928 г., стр. 93). — 103.

[60]) В. И. Ленин, главным образом, имеет в виду передовицу в газете «Речь» № 20 (1616), 3 февраля (21 января) 1911 г., перепечатавшую в свою очередь некоторые места из передовицы «Русских Ведомостей» № 12, 16 января 1911 г. — 105.

[61]) «*Всероссийский Национальный Клуб*» — образовавшаяся в 1910 г. политическая группировка, включившая в свой состав крупнейших помещиков-дворян, главным образом окраинных губерний, где были расположены помещичьи латифундии. Во главе этой организации стояли Балашов и Крупенский.

В циркуляре министерства народного просвещения от 21 января 1911 г., № 262, приводилась программа празднования юбилея во всех учебных заведениях. «Материалом для составления речи о значении реформы 19 февраля», по указанию циркуляра, должны служить три брошюры, изданные «Всероссийским национальным клубом», рассылавшиеся вместе с циркуляром. — 108.

[62]) «*Рабочая Газета*» — большевистская популярная газета, издавалась в Париже. В редакцию «Р. Г.» входили: В. И. Ленин, Г. И. Зиновьев и Л. Б. Каменев. Кроме большевиков в газете сотрудничали также меньшевики-партийцы: Г. В. Плеханов, Х. Раппопорт и др. № 1 вышел 12 ноября (30 октября) 1910 г., последний № вышел 12 августа (30 июля) 1912 г. Всего вышло 9 номеров.

Необходимость постановки популярной партийной газеты за-границей особенно назрела летом 1910 г. после того, как венская «Правда» Троцкого стала явно фракционным органом, поддерживавшим ликвидаторов. Вопрос о создании «Рабочей Газеты» был решен во время VIII междсоц. конгресса на одном из совещаний большевиков-участников конгресса. Вначале предполагалось газету поставить при Ц. О., как официальный орган партии. Когда же большинством редакции Ц. О. предложение большевиков не было принято, газета основана была как орган группы большевиков, в качестве таковогo и были выпущены 7 первых номеров.

На одном из первых редакционных совещаний «Раб. Газ.» 3 октября 1910 г. в Париже, когда решался вопрос о направлении газеты, приглашенные на совещание примиренцы Любимов, Лозовский и Владимиров (Лева) выступили с протестом против большевистского направления газеты, покинули совещание и в газете участия не принимали.

Состоявшаяся в январе 1912 г. Всероссийская конференция партии, в специальном постановлении отметив заслуги газеты в деле защиты партии и партийности, признала ее официальным органом Ц. К. партии (см. наст. том, стр. 392). С таким подзаголовком газета выходила с № 8. Большую материальную и организационную помощь оказал «Р. Г.» парижский «Кружок по содействию «Рабочей Газете»» в 1910 — 1912 г.г. — 110.

[63]) Заявление 66 московских промышленников было сделано в газ. «Русские Ведомости» № 33 (11/II 1911 г.). «Мы являемся — говорят промышленники — убежденными сторонниками необходимости настоятельной и непреклонной борьбы со студенческими забастовками, но полагаем», «что борьба эта не может вестись средствами, которые затрагивают в корне все существование нашей высшей школы». Осуждая правительственные меры, направленные «к успокоению молодежи», промышленники подчеркивали несоответствие наказаний, применяемых к студенческим «волнениям», с «действительной виновностью» последних.

Заявление московских промышленников вызвало ряд откликов в правой печати: статью Меньшикова «Голос студентов» («Новое Время», 17 февраля 1911 г. № 12549), статью «Частное дело» в № 36 «Голоса Москвы» от 15 февраля; заметку в отделе «Русская печать», в газете «Россия» от 17 февраля 1911 г. № 264 и др. — 114.

[64]) В. И. Ленин цитирует статьи А. Изгоева: «Об интеллигентной молодежи. Заметки об ее быте и настроениях». («Вехи», сборник статей

о русской интеллигенции. Москва. 1909, стр. 208) и «Сопоставление» («Речь» № 44 (1640), 27 (14) февраля 1911 г.). — 117.

[65]) Цитируются след. статьи: 1) «Русская печать» — в газ. «Россия», № 1611, 2 марта (17 февраля) 1911 г.; 2) С. Глинки: «65 пустозвонов» — в той же газ. № 558, 25 (12) февраля 1911 г.; 3) А. И. Елишева: «Московские подстрекательства» — там же, № 559, 26 (13) февраля 1911 г. 4) заметка в той же газ. № 560, 27 (14) февраля 1911 г. — 117.

[66]) Имеется в виду предложение меньшевиков на декабрьской конференции 1908 г. заменить в тезисе большевиков о том, что крепостническое самодержавие становится на путь превращения в буржуазную монархию, слово «буржуазную» словом «плутократическую». См. брошюру «Всероссийская конференция Р. С.-Д. Р. П. в декабре 1908 г.» Париж, 1909, стр. 15. — 125.

[67]) Цитированная фраза — это слова Дана из речи, сказанной им при обсуждении одного из пунктов резолюции по вопросу «о современном политическом положении и задачах партии» на декабрьской конференции 1908 г. («Всероссийская конференция Р.С.-Д.Р.П. в декабре 1908 г.». Париж, 1909, стр. 14 — 15). — 125.

[68]) Имеются в виду следующие статьи Ю. Ларина: 1) «Перспективы южно-русского сельского хозяйства» («Возрождение» № 4, 15 марта 1910 г., стр. 39 — 50 и № 5, 30 марта 1910 г., стр. 17 — 30). 2) «Подъем русского земледелия и его общественно-политические последствия» («Возрождение» № 9 — 10, 15 июня 1919 г., стр. 18 — 27). 3) «К вопросу о перспективах нашего политического развития» («Возрождение» № 11, 7 июня 1910 г.) и 4) статья Пилецкого: «Беглые заметки» («Возрождение» № 4, 15 марта 1910 г.).— 126.

[69]) Имеется в виду статья Л. Мартова: «Заметки публициста. Ликвидаторство и перспективы». («Жизнь» № 1, 30 августа 1910 г., стр. 1 — 11.) — 127.

[70]) Ни большевики, ни плехановцы не имели в то время легальных органов печати. Только в конце 1910 г., с выходом газеты «Звезда» (29 декабря) и журнала «Мысль» (декабрь 1910 г.), большевики совместно с плехановцами получили возможность, хотя и эзоповским языком, излагать свои взгляды в легальной периодической печати. — 128.

[71]) В. И. Ленин имеет в виду выступление Маркса и Энгельса против немецких оппортунистов, возглавлявшихся группой Гёхберга, Шрамма и Эд. Бернштейна. В письме к Зорге от 19/IX 1879 г. Маркс охарактеризовал эту группу такими словами: «Эти господа, в теоретическом отношении — нули, а в практическом — негодные люди, хотят из социализма (который они состряпали по университетским рецептам) и в особенности из социал-демократической партии вытравить революционный дух, хотят просветить рабочих или, как они выражаются, сообщить им «элементы образования» из сокровищницы своих спутанных полузнаний; прежде всего им хочется сделать партию респектабельной в глазах мещан».

В одном из издававшихся этой группой журналов — «Jahrbuch für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik» («Ежегодник социальной науки и политики»), появившемся летом 1879 г. (после принятия исключительного закона о социалистах), помещена была статья «Ретроспективный взгляд на социалистическое движение в Германии». Статья, насквозь проникнутая либерально-реформистскими идеями, зло высмеивала применявшийся до тех пор способ агитации; совершенно в духе буржуазно-реформистской практики предостерегала против «бесплодных споров о государстве будущего»; подчеркивала необходимость привлечь многочисленных сторонников из среды имущих и образованных классов, если хотят, чтобы агитация дала осязательные результаты. Это вызвало решительный протест Маркса и Энгельса. «Энгельс, — писал Маркс в упомянутом выше письме к Зорге, — составил циркуляр (письмо) к Бебелю и др. (конечно, только *для частного обращения* среди вождей германской партии), в котором наш

взгляд излагается без обиняков. Таким образом мы предупредили этих господ, и они достаточно знают нас, чтобы понимать, что здесь возможно одно: перегнуть палку или сломать ее!» («Письма К. Маркса, Фр. Энгельса и др. к Ф. Зорге и др.». Перевод с немецкого Г. Котляра и М. Панина под редакцией и с предисловием П. Аксельрода. СПБ. 1908, стр. 170 — 174). — 133.

[72]) Газета «Речь» № 20 (1616) от 3 февраля (21 января) 1911 г.). в передовице писала: «Спор теперь идет не столько между отсталыми партиями, сколько между более широкими течениями общественной жизни. Подавать голоса придется не за партии, не за отдельных кандидатов, а за упрочение в России конституционного строя или против него». — 134.

[73]) В журн. «Мысль», как и в I изд. Собр. соч., повидимому, ошибочно напечатано «антиконституциональностью». — 134.

[74]) «Милый Эдя, ты — осел: такие вещи делают, но о них не говорят» — широко известная фраза, брошенная представителем партийного «болота» И. Ауэром в письме к Эдуарду Бернштейну в связи с развернувшимися на Штуттгартском партейтаге германской соц.-демократии (заседавшем с 3 по 8 октября 1898 г.) дебатами о ревизионизме («бернштейнианстве»).

Фраза эта повторена была Ауэром в его речи на Ганноверском партейтаге (9—14 октября 1899 г.). См. Protokoll über die Verhandlungen des Parteitages der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands. Abgehalten zu Hannower vom 9 bis 14 Oktober 1899. Berlin, 1899, S. 208. — 135.

[75]) В. И. Ленин имеет в виду книгу Г. де-Мана и Л. де-Брукера: «Die Arbeiterbewegung in Belgien». Von Hendrik de-Man und Louis de-Brouckére, Stuttgart («Рабочее движение в Бельгии»), вышедшую 10 марта 1911 г. на немецком языке в приложении к № 9 «Neue Zeit». Книга состоит из двух статей: де-Мана — «Своеобразие бельгийского рабочего движения» и де-Брукера — «Политический кризис в Бельгии».

Других статей В. И. Ленина, посвященных разбору этой коллективной работы, мы не нашли. В № 1 журнала «Просвещение» (декабрь 1911 г.) напечатана статья Г. Зиновьева (за подписью «Гр.»): «Воинствующий марксизм против «чисто-рабочей» политики», более подробно передающая содержание упомянутой книги. — 137.

[76]) В. И. Ленин имеет в виду статью К. Арсеньева — «Приближающаяся годовщина» («Вестник Европы», книга 1, январь 1911 г., стр. 284), где, между прочим, говорится: «Не может быть, чтобы такому народу, как русский, суждено было еще долго оставаться в унижении и нищете. Когда и в какой форме придет для него второе 19-е февраля — мы не знаем, но в наступление этого дня и даже в его близость по-прежнему твердо верим». По случаю юбилея, «Речь» в № 49 (1645), 19 февраля (4 марта) 1911 г., на первой странице, поместила портрет Александра II. — 141.

[77]) Приведенные слова взяты из первой части романа Н. Г. Чернышевского «Пролог» («Пролог пролога»). Там говорится: «Толкуют: «освободим крестьян». Где силы на такое дело? Еще нет сил. Нелепо приниматься за дело, когда нет сил на него. А видите, к чему идет: станут освобождать. Что выйдет? — сами судите, что выходит, когда берешься за дело, которого не можешь сделать. Натурально, что: испортишь дело, выйдет мерзость... Волгин замолчал, нахмурил брови и стал качать головой. — Эх, наши господа эмансипаторы, все эти ваши Рязанцевы с компаниею! — вот хвастуны-то; вот болтуны-то; вот дурачье-то! — он опять замотал головою». (Н. Г. Чернышевский: Соч., т. X, ч. I, С.П.Б. 1906; см. изд. 1918 г., стр. 91.) — 144.

[78]) В. И. Ленин имеет здесь в виду статью Л. Мартова: «Куда пришли?», напечатанную в «Голосе Социал-Демократа» (ноябрь 1910 г.). Останавливаясь на вопросе о причинах «непроведения в жизнь» решений январского пленума 1910 г., Л. Мартов заявляет: «В то время, как одна группа участников пленума сознательно нарушала его решения, две дру-

гие оказались — скажем прямо — бессильны приблизить дело их проведения в жизнь. Я имею в виду, с одной стороны, *русских* большевиков, отдельные представители которых на пленуме оказали давление на Ленина и К° и которые, поскольку работают в тех или иных комитетах, отнюдь не проникнуты доверием к «размежеваниям» и жаждой «борьбы с ликвидаторами». С другой стороны, нас, «голосовцев». Далее Л. Мартов бессилие «собственной» группы объясняет тем, что «недоверие большинства легальных деятелей социал-демократии к шагам официальной организации» пустило «слишком глубокие корни».

«Это доверие, — заявляет Мартов, — с самого начала не было оказано решению пленума. Трудно определить степень ответственности, падающей за это на «легалистов»... Для меня, во всяком случае, ясно, что, не поддержав морально инициативы «Голоса» и других элементов, с которыми в основном мы шли вместе на пленуме, наши петербургские и московские товарищи проявили больше склонности к выжиданию, чем это необходимо для того, чтобы не быть обвиненными в легкомыслии».—150.

[79]) Указывая «на отпор ликвидаторству со стороны некоторых с.-д. групп, выступающих на открытой арене», В. И. Ленин, кроме большинства думской фракции, газеты «Звезда» и журнала «Мысль», повидимому, имеет в виду также и то сопротивление со стороны рабочих-партийцев, которые встретили питерские ликвидаторы при попытке протащить ликвидаторскую резолюцию на устроенном ими совещании с рабочими делегатами состоявшегося в январе 1911 г. «ремесленного съезда». Сведения об этой неудаче ликвидаторов получены были в З.Б.Ц.К., которое запретило Ц.О. предать гласности упомянутый факт. Редакция же «Социал-Демократа» оповещена была об этом факте членом З.Б.Ц.К., т. Семашко. Подробнее об этом см. прим. 104 в наст. томе.

Разбираемое В. И. Лениным «опровержение» озаглавлено: «Разрушенная легенда («Дело» т.т. М. Ю. и Р.)». (Приложение к № 24 «Голос Социал-Демократа» от февраля 1911 г.) Оно состоит из 2 частей: первая часть представляет сделанное тремя ликвидаторами, Михаилом, Юрием и Романом, «резюме единственной беседы, которую они имели с агентом Ц.К-та». Во второй части статьи редакция «Голоса С.-Д.» делает свои выводы и, в заключение, приглашает «всех своих противников попытаться опровергнуть хоть один из утверждаемых» ею фактов.—150.

[80]) Против Горева (И. Игорев) было выдвинуто обвинение в том, что, приехав в Москву в 1908 г., он, состоя членом Ц.К. Р.С.-Д.Р.П., предлагал распустить все старые партийные учреждения и организации, считая их существование реакционным явлением, с которым нужно бороться самым энергичным образом. Обвинение исходило от нескольких меньшевиков-партийцев. Один из них сообщил такую подробность: доклад Горева вызвал бурю негодования, и один из присутствующих рабочих «чуть не наградил цекиста тумаками за неслыханную дерзость». Длинные выдержки из писем об этом факте опубликованы Г. В. Плехановым в неподписанной статье: «Вниманию Центрального Комитета». («Дневник Социал-Демократа» Г. В. Плеханова № 12, июнь 1910 г., стр. 30 — 32.)

В письме в редакцию, напечатанном в Приложении к № 22 «Голоса Социал-Демократа», Горев пытался, главным образом, опровергнуть лишь слова относительно «бури негодования» и «тумаков»: «нас было, пишет Горев, — 4 или 5 человек, и мы мирно беседовали часа $1^1/_2$ и столь же мирно разошлись». По существу же выдвинутого против него обвинения, т.-е. по содержанию его «беседы», опровержение ничего не говорит, а все это событие названо им «незначительным эпизодом». — 151.

[81]) Этим «русским большевиком», т.-е. членом русской коллегии Ц. К., был В. П. Ногин. — 151.

[82]) Цекист, о котором идет речь, — И. Ф. Дубровинский (Иннокентий). В беседе с Сверчковым он заявил, что ни один цекист-большевик ни

одного ликвидатора не пустит, при голосовании вопросов о кооптации, в члены Ц.К. (См. написанный Лениным конспект доклада трех децкистов июньскому совещанию. Архив Института Ленина. № 1608.) В то время, когда В. И. Ленин писал эту статью, Дубровинский был уже арестован.—151.

[83]) В. И. Ленин имеет в виду следующие документы: 1) Приложение к № 24 «Голоса Социал-Демократа» (февраль 1911 г.). Там приводится, между прочим, обширное обращение «Ко всем членам партии», в виде резолюции, принятой общим собранием меньшевиков в Париже по вопросу о положении дел в партии. В этом документе большевики («члены большевистского кружка», «воскресший Большевистский Центр», «кучка, скомпрометированная преступлениями») объявляются единственными виновниками создавшегося в партии кризиса. По сообщению редакции «Голоса Соц.-Дем.», за эту резолюцию голосовало и под текстом обращения подписалось 58 участников собрания, а воздержалось 5. В том же приложении помещена резолюция женевских отзовистов, именующих себя «Женевским идейным кружком соц.-дем. большевиков». Прежде всего этот «идейный кружок» высказывается против созыва пленума. Затем, требование большевиков о возврате денег рассматривает, «как незаконное притязание частных лиц на средства фракции». Наконец, в 3-м пункте кружок объявляет «Рабочую Газету» «фракционным органом Ленино-Плехановского блока» и требует создания популярного рабочего органа «с редакцией из представителей всех течений в партии, а не из 3-х большевиков». 2) «Письмо к товарищам — печатная листовка, выпущенная в Париже в феврале или в марте 1911 г. редакцией «Голоса Социал-Демократа». Объявляя «основной организационно-политической задачей» — подготовку и созыв конференции, авторы «Письма» тут же заявляют, что подготовка конференции потребует долгой и упорной работы, которую «будущий Ц.К.» должен будет начать с создания организационной комиссии «из деятелей открытого движения». В качестве «важнейшего орудия» этой работы имеется в виду «политический орган в России», который «должен быть выразителем и идейным объединителем всей социал-демократии». По вопросу о работе за границей предлагалось: нейтрализация редакции Ц. О. путем введения в состав ее представителя Бунда, выработка «точного регламента работы», один из пунктов которого предусматривал бы «товарищеские формы и тон полемики со всеми соц.-демократическими направлениями». Что же касается З. Б. Ц. К., предлагалось либо оставить его в том же «нейтральном» составе, либо уничтожить, передав технические функции «одному или двум, нейтральным во фракционном отношении, уполномоченным (агентам) будущего Ц. К.», а прочие функции — «выборному центральному учреждению заграничных групп, с присоединением к нему делегатов от национальных заграничных организаций». «Дискуссионный Листок», по этой «программе реформ», объявлялся излишним. Комитет партийной школы должен быть уничтожен. Думская комиссия должна быть восстановлена. Все материальные и технические средства должны быть изъяты из ведения Большевистского Центра и переданы в «исключительное заведывание» З. Б. Ц. К. или будущих уполномоченных Ц. К. В довершение всего, — вопрос о деньгах: «вопрос о них должен быть решен категорически и без всякого промедления в таком смысле, чтобы угроза истребования обратно денег никоим образом не могла «служить средством давления на волю партийных учреждений».

Всю эту «систему мероприятий» авторы «Письма» рассматривают как «эмансипацию партийной работы и партийных учреждений, в том числе и будущего Ц. К., от влияния эмигрантской кружковщины». Истинный же смысл всех этих «реформ» — обеспечить полную победу ликвидаторов. — 152.

[84]) В газ. «Социал-Демократ», как и в I изд. Собр. соч., ошибочно напечатано: «с.-д. не партийцы». — 152.

[85]) «Министерский кризис» в марте 1911 г. был искусственно создан Столыпиным. Государственный Совет не пропустил за «либерализм» проект Столыпина о введении земства в западных губерниях. Столыпин распустил на три дня Думу и Совет и провел законопроект «в порядке управления», помимо законодательных органов. Недоверие Столыпину, вынесенное III Гос. Думой, было бурей в стакане воды и ни к каким реальным политическим последствиям не привело. Вместо октябриста Гучкова, демонстративно сложившего с себя звание председателя Гос. Думы, избран был правый октябрист Родзянко. — 153.

[86]) В заседании Думы 4 апреля (22 марта) 1911 г. депутат Войлошников в своей речи, между прочим, сказал: «Не желая нести какую бы то ни было ответственность за антинародный характер всей совокупной деятельности третьей Государственной Думы, социал-демократическая фракция отказывается от участия в выборах председателя». (Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия IV, заседание 86, стр. 1454.) — 155.

[87]) В. И. Ленин имеет в виду передовицы газет: «Речь» № 20 (1616) 3 февраля (21 января) 1911 г. и «Русские Ведомости» № 12, 16 января 1911 г., на которых он подробно останавливался в своей статье «Кадеты о «двух лагерях» и о «разумном компромиссе»». (См. настоящий том, стр. 104.) — 161.

[88]) Приводимые в статье замечания лондонского корреспондента «Vorwärts'a» и отзыв газеты «Daily Mail» («Ежедневная Почта») взяты В. И. Лениным из статьи: «Die S.-D. P. und Kriegsrüstungen» («С.-Д. П. и военные приготовления»), написанной лондонским корреспондентом «Vorwärts'a» и напечатанной вместо передовицы («Vorwärts» № 94, 22 апреля 1911 г.). — 167.

[89]) Эта ежедневная газета, «Daily Herald» («Ежедневный Вестник»), основана была год спустя; 15 апреля 1912 г. вышел № 1 этой газеты (см. стр. 516 настоящего тома). — 169.

[90]) Имеется в виду заметка, озаглавленная «Противоречие», где говорится, что в «Нашей Заре» появилась статья г. Маевского: «Что такое ликвидаторство?» и приводится цитата из этой статьи, а дальше цитата из «Киевских Ведомостей» по поводу той же статьи. («Звезда» № 4, 6 января 1911 г.) — 170.

[91]) В статье Е. Маевского: «Что такое ликвидаторство?» («Наша Заря» № 11 — 12, ноябрь — декабрь 1910 г.) говорится: «Ведь, всегда, как и в данном случае, когда в основе спора не имеется никакой определенной *идеи*, вперед всего выступает не *что*, а *кто*, *личность*, и совершенно заслоняет и оттеняет собою это *«что»*, на которое нечего ответить».

Далее В. И. Ленин цитирует следующие статьи: 1) А. Потресова: «О том, почему пустяки одолели. Критические наброски» («Наша Заря» № 2, 1910 г.). 2) Заметки В. Мирова: «Журнальное обозрение» в №№ 5 и 6 «Возрождения». 3) В. Базарова: «О том, почему важные вещи кажутся иногда пустяками» («Наша Заря» № 4, апрель 1910 г., стр. 87), и 4) В. Левицкого: «Ликвидация или возрождение». («Наша Заря» № 7, июль 1910 г., стр. 103.) — 170.

[92]) Выражение о «событиях весны 1907 г.» В. И. Ленин употребляет по соображениям конспирации, подразумевая под этим V (Лондонский) съезд Р. С.-Д. Р. П., происходивший в апреле 1907 г.

Череванин в своей брошюре о съезде всю последнюю главу посвящает вопросу «о рабочем съезде на заседаниях меньшевистской фракции и на съезде». «Рабочий съезд, таким образом,—говорит Череванин—в той постановке, какую ему дает Аксельрод, должен во всяком случае ликвидировать нашу партию» (стр. 76). «Теперь, на съезде,—говорится там же,—

с этой точкой зрения выступал не один Аксельрод и не кучка только его последователей, а довольно значительное число членов съезда. Теперь уже это определенное течение в партии, которое имеет особенно много последователей среди меньшевиков, которое еще не совпадает с меньшевистским течением, но не сегодня-завтра может охватить его целиком». (Череванин: «Лондонский съезд Р. С.-Д. Р. П. 1907 г.». С приложением принятых резолюций и их проектов. Кн-во «Борьба». стр. 75—76.) — 175.

[93]) *«Современная Жизнь»* — еженедельный общественно-политический журнал, издавался в Баку. Официальный редактор-издатель — Л. В. Огаджанянц. Фактически — это был орган Бакинского объединенного комитета Р. С.-Д. Р. П., в большинстве своем состоявшего из большевиков. № 1 вышел 8 апреля (26 марта) 1911 г., № 2 — 21 (8) апреля 1911 г., последний, № 3 вышел 5 мая (22 апреля) 1911 г., после чего журнал был закрыт по распоряжению властей.

Ближайшими сотрудниками журнала были: Степан Шаумян, Ав. Енукидзе, Т. Азатьян. Редакция журнала, кроме В. И. Ленина, поместившего статью «Марксизм и «Наша Заря»», привлекла и других большевистских литераторов. — 175.

[94]) Lucus a non lucendo — латинское выражение; буквально: слово роща происходит от слова не светить. Пример так называемой «обратной этимологии», когда по одному только сходству звуков неправильно устанавливается общность происхождения слов, хотя бы значение их не вязалось по смыслу. В данном случае В. И. Ленин с иронией употребляет слово «конституционный», как будто бы оно происходит от такого слова, смысл которого противоположен конституции. — 186.

[95]) Цитата из статьи А. С. Изгоева «Об интеллигентной молодежи (Заметки об ее быте и настроениях)». («Вехи». Сборник статей о русской интеллигенции. Москва, 1908 г., стр. 208.) — 191.

[96]) Под происшествиями имеются в виду аресты среди представителей профессиональных рабочих союзов, прибывших на 2-й Всероссийский съезд фабричных врачей и представителей фабричной промышленности 13 апреля 1911 г., накануне открытия съезда. В числе арестованных значились делегаты обществ: портных г. Москвы — Пильщиков и Борисов, поваров — Артамонов, харьковских портных — Курин, московской кассы вспоможения тружеников печатного дела — Баулин, от тульских рабочих по обработке металла — Грецов и Плетнев. У арестованного Плетнева при обыске были обнаружены большая переписка и подписной лист в пользу административно высылаемой Зинаиды Головачевой. Из отобранной переписки охранкой было установлено, что в рабочих кругах велась «агитация за делегирование на съезд подставных лиц из числа работников Р. С.-Д. Р. П.» и что организовывалась группа, ставящая себе задачей «использовать съезд лишь в партийных целях». Захват переписки у Плетнева послужил поводом к аресту многих партийных работников. По сведениям охранки, при обысках отобраны важные документы, найдены адреса и явки.

Цитата взята В. И. Лениным из передовицы в «Речи» № 100 (1696), 14 (27) апреля 1911 г. — 193.

[97]) Цитата взята из статьи В. Левицкого: «Возрождение буржуазной оппозиции» («Наша Заря» № 3, март 1911 г., стр. 62). — 195.

[98]) II Парижская группа содействия Р.С.-Д.Р.П. состояла из большевиков: Ленина, Зиновьева, Каменева, Владимирского (Камского), Н. К. Крупской, Семашко (Александрова), Пятницкого, Арманд, Кузнецова (Сапожкова), Антонова (Бритман, Свиягин) и др. Кроме них в ту же II группу входили большевики-примиренцы: Любимов (Марк, Зоммер), Владимиров (Лева), Лозовский и др. и некоторые «впередовцы». I группа была меньшевистской. Упомянутое в тексте общее собрание II Парижской группы состоялось 1 июля 1911 г. под председательством т. М. Ф. Владимирского (Камского).

Приведенная в тексте резолюция, написанная В. И. Лениным, принята была большинством 27 голосов. Меньшинством группы была предложена примиренческая резолюция, в которой, между прочим, отмечается, что «отзовизм уже не находит себе сторонников и защитников, а отмежевка от ликвидаторов уже сознана работниками на местах и проводится ими на практике». Там же подчеркивается, что «фракционная борьба и фракционная обособленность приводит не к укреплению партийных организаций, а к их распылению». Эта резолюция собрала только 10 голосов. Дополнение к этой резолюции, одобряющее уход из З.Б.Ц.К. представителя большевиков, но не одобряющее «обстоятельств, сопровождавших выход т. Александрова, как то уход его из З.Б.Ц.К. с кассой и финансовой отчетностью», получило 8 голосов.

На собрании, кроме ряда других участников, выступали с примиренческими речами Любимов и Владимиров. В. И. Ленин в ответном слове на собрании назвал эти выступления «худшим повторением худших речей «экономистов»». В специальном письме, обращенном к Марку и Леве, написанном В. И. Лениным и подписанном также Зиновьевым, Каменевым, Семашко (Александров) и Владимирским (Камский), характеристика эта повторена и дополнена. — 197.

[99]) Имеется в виду статья Плеханова: «Запутанное объяснение», помещенная в «Дневнике Социал-Демократа» № 11 (март 1910 г.). — 198.

[100]) Весной 1911 г. редакцией «Голоса Социал-Демократа» была выпущена брошюра Л. Мартова («Спасители или упразднители? Кто и как разрушал Р.С.-Д.Р.П». Изд. «Голоса Социал-Демократа», Париж 1911 г.), полная инсинуаций против руководящего ядра большевиков — членов Большевистского Центра. Не стесняясь соображениями конспирации, автор брошюры развязно излагал факты организационных отношений большевиков с боевыми дружинами «лбовцев» на Урале и организаторами экспроприации казначейства в Тифлисе в 1907 г. На ряду с этим брошюра выдвигала ряд лживых обвинений, имевших целью доказать «нечаевщину» руководителей большевистской фракции, «несовместимую со званием должностных лиц партии». Между тем, в заключительной части брошюры, подкрепленной приложенным «Письмом к товарищам» (подписано редакцией «Голоса С.-Д.», см. примеч. 83), неожиданно проводилась мысль о том, что меньшевики-голосовцы согласны все «преступления» «ленинцев» предать забвению и работать совместно с теми же ленинцами, если только силы последних будут уравновешены с силами голосовцев в Центральном Органе. Последнее обстоятельство достаточно вскрывало шантажистский характер брошюры, поставившей себе целью сенсационными «обвинениями» помешать рабочим разобраться в принципиальной борьбе и вынудить партию к прекращению идейной борьбы против ликвидаторства.

Брошюра вызвала негодующие протесты против автора и ее издателей. Группа рабочих из промышленных центров России в своем коллективном протесте писала: «Поднимая уже давно исчерпанные и *единодушно* всеми фракциями решенные вопросы (об экспроприациях и т. п.), она совершенно не занимается стоящими на очереди вопросами, совершенно не касается существующих принципиальных разногласий и только дает оружие буржуазной и черносотенной прессе в борьбе с с.-д. рабочим движением».

В отзыве об этой брошюре, напечатанном Ц.О.С.-Д.П. и Л., находим такие строки: «Эта скандальная брошюрка является актом небывалым и недопустимым ни в какой рабочей партии. Это просто вонючая бомба, брошенная в Р.С.-Д.Р.П. с надеждой, что своими взрывающими миазмами она разобьет партийную организацию и таким образом воплотится в жизнь мечта ликвидаторов о ликвидации нелегальной партии пролетариата».

По достоинству брошюра оценена была, между прочим, также и К. Каутским. В письме к А. В. Луначарскому от 9 августа 1911 г., касаясь вопроса о выходе большевиков из состава З.Б.Ц.К. и учреждений, со-

зданных июньским совещанием цекистов, он писал: «В действиях Ленина мы видели только ответ на отвратительную брошюру Мартова против него, которая являлась бы прямо бессмысленной, если бы не преследовала цели принудить к расколу». (Архив Института Ленина, документ № 635.) — 199.

[101]) *Совещание членов Ц. К., находящихся заграницей (июньское совещание цекистов)* состоялось 10 — 17 июня 1911 г. в Париже. Этому совещанию, сыгравшему большую роль в истории внутрипартийной борьбы 1911 г., предшествовало предварительное частное совещание членов Ц.К.,— большевиков и поляков, — состоявшееся весною 1911 г. Предварительное совещание решилось на открытый разрыв с З.Б.Ц.К. и предложило членам его Семашко и Тышко выйти из его состава, а А. И. Рыкову (Алексей, Власов) поручено было помимо З.Б.Ц.К. созвать пленум. Сведения об этом предварительном совещании почерпнуты из имеющегося в делах департамента полиции доклада провокатора Бряндинского (опубликован в сборнике М. А. Цявловского: «Большевики», изд. 2, Москва, 1918 г., стр. 48 — 49). Критическое отношение к этому источнику вынуждает усомниться в ряде сообщаемых по этому поводу сведений. Все же рядом других источников подтверждается, что такое предварительное совещание более узкого состава действительно имело место.

Первое (по времени) из сохранившихся в архивных материалах приглашений на совещание членов Ц.К., живущих заграницей, составлено при ближайшем участии Ленина. Оно адресовано «лондонским кандидатам в Ц.К., живущим в Берлине», т. е. Тышко, Варскому и Рыкову. Из этого документа видно, что совещание назначено было в Париже на 8 мая 1911 г. На этом собрании, — говорится в приглашении, — «мы предлагаем окончательно конституировать коллегию членов Ц.К., созывающую пленум Ц.К., и принять практические решения».

Другое же из сохранившихся приглашений подписано Лениным, Рыковым и Зиновьевым и по доверенности цекистов от П.С.-Д. (Тышко и Домбровского). Там говорилось: «В виду известного Вам провала русского Бюро Ц.К. и в виду того, что З.Б.Ц.К., несмотря на этот устав и вопреки прямому смыслу устава Ц.К. (см. пункт 10/3), вновь отклонило предложение о созыве им пленума Ц.К. — созыв пленума обязаны взять на себя члены Ц.К., живущие заграницей. Беря на себя инициативу в этом деле, мы приглашаем Вас явиться на собрание цекистов, живущих заграницей, в понедельник, 5 мая в 3 часа дня, Avenue d'Orleans 110». Такое приглашение посылалось Мартыну (латышу), Либеру и Ионову (бундистам) и Гореву (представителю голосовцев). Таким путем и созвано было июньское совещание цекистов.

Из 9 цекистов (точнее, имевших по уставу, выработанному январским пленумом 1910 г., право участвовать в пленуме Ц.К.), находившихся заграницей и приглашенных на июньское совещание, прибыли все, за исключением одного из двоих приглашенных бундистов, Ионова (Койгена), в виду болезни. Таким образом на совещании были: 3 большевика — Ленин, Зиновьев, Рыков; 2 от С.-Д. П. и Л. — Я. Тышко и Ф. Дзержинский (Доманский); 1 меньшевик-голосовец — Горев; 1 от Бунда — Либер и 1 от С.-Д. Латышского края — Мартын.

Последние двое заявили, что у них нет официальных полномочий от их Ц.К-тов. Подробнее об этом см. Извещение (в отд. «Документы и материалы», № 2). Горев и Либер, явившись на совещание, искали только случая, чтобы уйти оттуда. Так, Горев покинул заседание тотчас же после принятия резолюции о конституировании. А Либер демонстративно покинул совещание на второй день заседания.

Открытие совещания первоначально назначено было на 5 июня, затем оно было перенесено на 8 июня. В этот день явились все 8 участников. Открытие однако было отложено на 2 дня по требованию польских

товарищей, для предоставления им возможности снестись с остальными польскими руководящими товарищами.

Сконструировавшись как «Совещание членов Ц.К., находящихся в настоящий момент заграницей», оно поставило в порядок дня «вопрос о воссоздании Ц.К. в связи с общим положением партии». Совещание приняло ряд решений по следующим вопросам: 1) о созыве пленума Ц.К.; 2) о совещании по вопросу о предстоящих выборах в IV Думу; 3) о созыве партийной конференции, 4) о З.Б.Ц.К., 5) о создании технической комиссии. Полный текст этих резолюций содержится в «Извещении». Совещанием созданы следующие учреждения: 1) Комитет по созыву пленума Ц.К. (см. прим. 115), 2) Организационная Комиссия по созыву конференции, она же называлась Заграничной Организационной Комиссией (З.О.К.) (см. прим. 102) и 3) Временная Техническая Комиссия, называвшаяся также Технической Комиссией (см. прим. 107).

В архиве Института Ленина хранятся написанный Лениным конспект доклада совещанию и черновики принятых резолюций с внесенными рукою Ленина исправлениями. — 199.

[102]) *Организационная Комиссия по созыву конференции*, иначе называемая *Заграничной Организационной Комиссией* (З.О.К.), основана была июньским совещанием членов Ц.К., находящихся заграницей.

В резолюции июньского совещания: «О созыве партийной конференции» перечисляется ряд пунктов, определяющих обязанности и круг деятельности Орг. Комиссии (см. «Извещение» в отделе «Документы и материалы». № 2).

Первоначальный состав Организационной Комиссии намечен был из 5 лиц, ей же совещанием было поручено «обратиться ко всем заграничным партийным организациям с предложением делегировать по одному представителю в О.К. для совместной работы над немедленным созывом конференции». «Если Орг. Комиссия, — говорится в одном из примечаний к этим пунктам, — найдет нужным, она имеет право увеличить число делегатов в О.К. от меньшевиков-партийцев».

Состав Орг. Комиссии вызвал большой спор уже на первом заседании ее. Спор был поднят представителем С.-Д.П. и Л. Я. Тышко, в связи с оформлявшейся к тому времени новой группой «большевиков-партийцев» (см. примеч. 118). По этому поводу сохранилось письмо за подписью Ленина и Зиновьева, адресованное «товарищам из Главного Правления С.-Д.Ц.П. и Л». Там, между прочим, говорится следующее: «Уже в самую последнюю минуту, когда выбранная совещанием Орг. Комиссия должна была конституироваться, т. Тышко вздумал незаконно *перерешать* решения совещания. При чем сделал это не открыто, а в форме приписывания совещанию таких решений, которых оно *никогда не принимало*. При этом т. Тышко счел корректным вмешаться в внутренние дела большевиков, раздувать значение той «оппозиции»... которую представляет собою маленькая группка парижских товарищей, называющих себя «примиренцами», уговаривать эту группку выступить, как особое течение и т. п. Побывав, насколько нам известно, *без* особого приглашения — на собраниях большевиков и «примиренцев», т. Тышко настолько вошел во вкус раздувания большевистской «оппозиции», что теперь *вопреки* решению совещания (см. протоколы совещания) ультимативно требовал введения «примиренцев» во все коллегии в большем числе, чем большевиков». (Архив Института Ленина, документ № 681.)

Спор этот был все же ликвидирован вскоре, 19 июня 1911 г., когда на основании опроса членов совещания и в результате соглашения между Тышко, выступавшим от имени своего и Дзержинского, и Зиновьевым, выступавшим от имени своего и Ленина, председателем З.О.К. Рыковым зафиксировано было такое постановление:

«В О.К. входят от большевиков Марк и 2 большевика по назначе-

нию (и с правом замещения и отзыва) от ред. «Рабочей Газеты». Сейчас входят: Власов (Рыков) и Григорий (Зиновьев). Власов не может быть отозван большевиками ранее 1-го августа. Марк заменяется по течению. При 4-х большевиках входит четвертым Власов, если он к тому времени и без того не будет членом О.К. В ином случае входит 4-м большевик по назначению «Рабочей Газеты». Для решения вопроса о привлечении 6-го члена потребуется согласие обеих договаривающихся сторон — большевиков и поляков». Смысл этого постановления сводится к тому, что обязательным введением от большевиков не только представителей парижской группы примиренцев, но и персонально т. Рыкова, примиренчески тогда настроенного, примиренцы и поддерживавшие их польские товарищи обеспечивали себе большинство.

В итоге состав О.К. определился в таком виде: Рыков, впоследствии (после отъезда в Россию) замененный Владимирским (Камским), Зиновьев, Любимов (Марк), Ледер и Станислава. Другие течения и группы не прислали своих представителей.

Организационной Комиссией выпущены следующие издания: 1) «Извещение», с изложением состава и резолюций июньского совещания цекистов (см. «Документы и материалы» № 2); 2) Листок «Ко всем соц.-дем. партийным организациям, группам и кружкам» с подробным разбором тех ожесточенных нападок, которыми некоторые заграничные группы встретили первые шаги Орг. Комиссии (см. «Документы и материалы», № 3); 3) Листовка «Ко всем с.-д. парторганизациям, группам и кружкам», с изложением основ, на которых приступает О.К. к работе по созыву конференции.

Комиссией выделены были 3 товарища, известных по своей партработе в массах — Шварц (Семен), Орджоникидзе (Серго) и Бреслав (Захар) в качестве своих уполномоченных, и последние приступили тотчас же к созданию Российской Организационной Комиссии (см. примеч. 146).

Первая из действующих в России организаций, к которой обратилась З.О.К. и которая примкнула к ее призыву — была Киевская. За ней примкнули и другие организации.

Начавшиеся уже с начала существования Комиссии трения между большинством ее, состоявшим из большевиков-примиренцев и поддерживавших их представителей С.-Д.П. и Л., и меньшинством, т.-е. большевиками, продолжались все время и закончились выходом большевиков из состава З.О.К.

Окончательный разрыв между обеими частями состава Комиссии произошел на заседании в начале ноября, посвященном вопросу об отношении к только что сконструировавшейся Р.О.К., в связи с выпущенным ею «Извещением». Р.О.К., в одной из принятых ею резолюций, указала З.О.К. и Техн. Ком., что она берет на себя всю дальнейшую работу по созыву конференции и что поэтому «впредь никакие литературные и иные выступления, а равно и трата партийных денег недопустимы без ведома, согласия и указания Р.О.К.». Когда большинством 3 голосов (Любимов, Ледер, Станислава) против 2-х (Владимирский, Зиновьев) принята была резолюция по поводу Р.О.К. (в виду, якобы, невыясненных условий конституирования этой коллегии), Зиновьев и Владимирский огласили заявление, в котором они снимают с себя всякую ответственность за действия О.К. и объявляют о своем выходе из Комиссии.

Прибывший в Париж по делам Р.О.К. уполномоченный ее, т. Орджоникидзе (Серго), выступил на заседании большинства З.О.К. 12 ноября 1911 г. с решительными устными и письменными опровержениями приписывшейся ей фракционной деятельности и сделал доклад о фактическом положении дела. Это обстоятельство вынудило большинство З.О.К. уже на следующий день, 13 ноября, опубликовать приветственную резолюцию, в которой она, между прочим, обязуется «в своей дальнейшей работе по

содействию созыву конференции руководиться решениями Росс. Орг. Комиссии». Однако напечатанная 13 ноября листовка-резолюция не распространялась до 22 ноября, а 3 декабря З.О.К. выпустила новую печатную листовку, озаглавленную «Открытое письмо в Росс. Орг. Комиссию», где оказанное ей в резолюции от 13 ноября доверие объявляется условным, Р.О.К. обвиняется в целом ряде ошибок и ей предъявляется ряд категорических требований (Р. О.К. не должна считать себя окончательно конституировавшейся; немедленный созыв 2-го собрания Р.О.К. с представителями от подпольных организаций и пр.). Подробный разбор всех выдвинутых в листовке против Р.О.К. обвинений уполномоченный ее т. Орджоникидзе дал в «Письме в редакцию», напечатанном в «Социал-Демократе» № 25 (21/8 декабря 1911 г.).

После этого, в декабре 1911 г. большинство З.О.К. устраивало еще несколько заседаний, обсуждавших ряд ультимативных требований представителей С.-Д.П. и Л. Никакой положительной работы остатки этой комиссии уже не вели. — 200.

[103]) *«Листок Голоса Социал-Демократа»* — непериодическое издание в Париже, предназначавшееся для опубликования ликвидаторских материалов информационного характера. № 1 вышел 25 июня 1911 г. В заявлении от редакции так излагаются задачи нового издания: «В виду по необходимости редкого выхода «Голоса Социал-Демократа», мы решили создать особый непериодический «Листок» для материалов, опубликование которых почему-либо не может быть отложено до выхода очередного номера».

На самом деле «Листок» начал выходить после фактической приостановки выпуска самого «Голоса С.-Д.». Правда, Мартынов обратился к своим коллегам с предложением об издании нелегальной меньшевистской (ликвидаторской) газеты, но это предложение сочувствия среди других членов редакции «Голоса С.-Д.» не встретило.

Всего вышло шесть номеров «Листка». Последний, № 6 вышел в июле 1912 г. — 200.

[104]) Речь идет об устроенном питерскими ликвидаторами совещании с группой рабочих делегатов, происходившего с 15 по 29 января в Петербурге второго ремесленного съезда.

Опубликованный «Листком Голоса С.-Д.» № 1 (25 июня 1911 г.) текст трех из резолюций, принятых на совещании, был перепечатан в № 23 «Социал-Демократа» (14/1 сентября 1911 г.), с добавлением ряда сведений, скрытых ликвидаторами. В заметке сообщалось, что «состав совещания был в значительной мере случайным. Ряд местных легальных рабочих организаций, как и некоторые важные *центральные* рабочие организации (легальные), не был представлен на этом совещании. Отдельные из участников совещания представляли лишь крохотные кружки своих единомышленников-легалистов». «Решения совещания приняты в *результате* борьбы с *ликвидаторами*. Откровенные ликвидаторы, в согласии с проповедью «Нашей Зари» и «Дела Жизни», внесли *свои* резолюции, совершенно отрицавшие Р.С.-Д. Р.П. и предлагавшие строить новую, во что бы то ни стало легальную партию. Партийцы, бывшие среди участников совещания, решительно восстали против ликвидаторов. Среди *противников* ликвидаторских резолюций был даже один бундовец».

Попытка ликвидаторов провести резолюцию о бойкоте газеты «Звезда» за ее антиликвидаторское направление «встретила самый суровый отпор со стороны партийцев». В результате борьбы, совещание, вопреки стараниям ликвидаторов, приняло резолюцию, в которой по вопросу о легальных социал-демократических органах, между прочим, говорилось: «Совещание полагает, что эти органы могут способствовать углублению соц.-дем. сознания рабочих, собиранию соц.-дем. сил и возрождению партии при том необходимом условии, что они будут отвечать на положительные запросы рабочего движения в России, отнюдь не затушевывая действи-

тельных принципиальных разногласий в Российской Социал-демократической Рабочей Партии».

Упомянутые В. И. Лениным факты, скрытые редакцией «Голоса С.-Д.», в свое время изложены были в корреспонденции, полученной в З.Б.Ц.К. и оглашенной Либером на одном из заседаний З.Б.Ц.К. Присутствовавший на заседании т. Н. А. Семашко внес предложение сообщить эту корреспонденцию в Ц.О. Кроме того Семашко лично от себя сообщил эти факты «не для печати, а лишь для осведомления», письмом в редакцию Ц.О. Спустя некоторое время, после получения по этому поводу ответа от своего Ц.К., Либер на заседании З.Б.Ц.К. 3 апреля 1911 г. заявил, что если корреспонденция «будет использована публично в той ее части, где сообщается о неофициальных совещаниях рабочей делегации по вопросу о партийной работе», и если из этого сообщения «хотя в какой-нибудь мере будет ясно, что речь идет о ремесленном съезде», то такое опубликование в печати будет им рассматриваться, «как простой полицейский донос». — 200.

[105]) Имеется в виду статья Г. В. Плеханова: «Легальные рабочие организации и российская социал-демократическая рабочая партия», особенно главы III и IV («Дневник Социал-Демократа» № 12, июнь 1910 г., стр. 12—19). Затем В. И. Ленин ссылается на статью П. Дневницкого — «В самом деле, что же такое ликвидаторство?», где, между прочим, говорится: «Л. Мартов, ни за что не желающий «подозревать в реформистских тенденциях» Ю. Ларина, высказывающего реформистские взгляды, прекрасно знает и то, что социальный характер власти не изменился, и то, что определять «социальной природой власти» *непосредственно* задачи и формы нашей деятельности вообще, бессмыслица». («Дискуссионный Листок» № 3, 12 мая (29 апреля) 1911 г., стр. 16.) — 201.

[106]) Книга Л. Б. Каменева (Ю. Каменев: «Две партии», с предисловием Н. Ленина. Изд. ред. «Рабочей Газеты», 1911 г.) вышла в начале августа 1911 г. нелегальным изданием в Париже. Работа эта была написана, как сам автор рассказывает, по прямому предложению В. И. Ленина и им же проредактирована. Направление поправок Ленина, по словам Каменева, «сводилось к стремлению еще более заострить полемический характер» работы.

Книга выпущена Гос. изд. вторым изданием в Ленинграде в 1924 г. — **204.**

[107]) ***Временная Техническая Комиссия,*** называвшаяся также Заграничной Технической Комиссией или ***Технической Комиссией*** (Т.К.), учреждена была на июньском совещании цекистов для выполнения ряда технических функций в связи с партийным издательством, транспортом и т. д.

Резолюция совещания эту комиссию в ее деятельности подчиняет группе цекистов, принявших участие в совещании с решающим голосом. Состав комиссии был определен в 3 чел., туда вошли: Владимирский (Камский), Владимиров (Лева) и З. Ледер.

Трения между большинством комиссии (Владимиров, Ледер) и меньшинством (Владимирский) обнаружились вскоре после возникновения ее по вопросам бюджета, сношений с другими партучреждениями и пр. Один из крупных конфликтов произошел в связи с выпущенной Ц.О. брошюрой Зиновьева: «Выборы в IV Думу и наши задачи». Большинство Т.К. сначала ссылалось на формальный момент: неосведомленность комиссии о технической стороне издаваемой брошюры. Потом, когда, вопреки препятствиям со стороны большинства Т.К., брошюра все же была напечатана, выдвинуты были «принципиальные» соображения: установление избирательной платформы требует-де общепартийного решения. Последний конфликт связан с оформлением Р.О.К. По получении из России «Извещения» Р.О.К. с ее резолюциями, т. Владимирский на заседании Т.К.

1 ноября 1911 г. внес предложение, центральным пунктом которого было: признание необходимости для Т. К. подчиниться решениям Росс. Орг. Комиссии. Когда это предложение было отклонено, т. Владимирский вышел из состава Т. К. Печатание же очередного № 24 «Социал-Демократа» пришлось перенести в частную типографию.

После приезда в Париж уполномоченного Р.О.К., т. Орджоникидзе, обстоятельно изложившего положение дел с подготовкой конференции, большинство З.О.К. пересмотрело вопрос об отношении к Р.О.К., и большинство Т. К., по поручению З.О.К., выдало Р.О.К. большую часть ($^4/_5$) необходимой суммы денег на расходы по созыву конференции. А через несколько дней, так же, как и З.О.К., она вновь отказалась подчиниться Р.О.К.

Технической Комиссией изданы листовки: «Ко всем заграничным товарищам» с изложением своих задач и «Ко всем членам партии» с руганью по адресу «ленинцев». Кроме того, ею же издавался «Информационный Бюллетень» (см. примеч. 117). Вышли 2 номера.

Полный текст упоминаемого В. И. Лениным листка Орг. Комиссии помещен в отделе «Документы и материалы», № 3. — 205.

[108]) В числе документов, приложенных к книге Каменева «Две партии», имеется обширное письмо «К партии», подписанное: «Виктор Вильямов-Сергеев» (стр. I—XVI). Тов. Виктор (Таратута), большевик, член Ц.К. и Большевистского Центра, обвинялся в провокации. Назначенная Ц.К. партии комиссия по расследованию этого дела, составленная из представителей различных частей Р.С.-Д.Р.П. (1 большевик, 1 меньшевик, 1 бундист, 1 латыш, 1 поляк), единогласно признала все выдвинутые против него обвинения лишенными всякого основания. В письме Виктора приводятся подробности этого дела. — 205.

[109]) В. И. Ленин имеет в виду статьи Ю. Ларина: 1) «Направо и кругом», откуда приводит цитату на стр. 215 наст. тома («Дело Жизни» № 1, 22 января, стр. 10 — 20 и № 2, 2 марта 1911 г., стр. 18) и 2) «Подъем русского земледелия и его общественно-политические последствия» («Возрождение» № 9 — 10, июнь 1910 г., стр. 20, 26 — 27). — 210.

[110]) В. И. Ленин имеет в виду и цитирует следующее издание: «Aus meinem Leben» Von August Bebel. Erster Teil. Stuttgart, 1910. Verlag I. H. W. Dietz Nachf., S. 59, 133, 145 — 146 (Август Бебель «Из моей жизни». Первая часть. Штутгарт, 1910. Изд. насл. Дитца, стр. 59, 133, 145 — 146).

В русском переводе воспоминания Бебеля имеются в различных изданиях. Последнее издание: Август Бебель: «Из моей жизни». Перевод с рукописи под редакцией и с вступительной статьей Д. Рязанова, Ленинград, Гос. изд. 1925 г. — 212.

[111]) В. И. Ленин имеет в виду статью П. Дневницкого «В самом деле, что же такое ликвидаторство?». См. примеч. 105. — 214.

[112]) Приводится цитата из статьи Ю. Ларина «Направо и кругом». См. прим. 109. — 215.

[113]) В № 23 «Социал-Демократа» (14 (1) сентября 1911 г.) помещена корреспонденция из Петербурга, написанная т. Сталиным (за подписью К.).

Там довольно подробно описывается собрание партийных рабочих в Выборгском районе, посвященное вопросу о воссоздании и укреплении районных организаций. В корреспонденции указывается, что на собрании присутствовало 46 рабочих. Доклад на этом собрании был сделан видным литератором-ликвидатором. Главные мысли доклада заключались в том, что «никаких организаций в партийном смысле не нужно»; для работы же «на открытой арене» «предполагается создание» («самочинно») «инициативных» групп, которые занимались бы устройством публичных докладов и открытых собраний по вопросам государственной страховой избирательной кампании и по муниципальному вопросу (удешевление трамваев,

водоснабжение и пр.). Этот ликвидаторский «план партийной организации» встретил дружный отпор со стороны партийных рабочих, в том числе и самих меньшевиков. Наконец был поставлен на голосование вопрос: партийная с.-д. нелегальная организация, ведущая всю работу, как нелегальную, так и открытую, или — «инициативные» группы, легальные и нелегальные, ведущие работу только «на почве закона». Голосованием всех, кроме докладчика, принято было первое.

Тот же ликвидатор-докладчик,—сообщается в корреспонденции,—рассказал собранию о состоявшемся совещании «деятелей легального рабочего движения», на котором якобы признано, что для возрождения партии нужны «новые приемы и новые методы», в духе тех, о которых говорил ликвидатор. — 217.

[114]) В № 21 «Правды» (Троцкого) от 8 июля (25 июня) 1911 г. вслед за ругательной статьей («Заговор заграничного кружка против Р. С.-Д. Р. П.»), направленной против июньского совещания цекистов и подписанной: «Ред. «Правды»», напечатана резолюция той же редакции «по вопросу о методах восстановления центральной партийной организации и созыва конференции». В этой резолюции выделенная июньским совещанием цекистов Загр. Орг. Комиссия объявляется «преступным раскольничеством». Зато упорно выдвигается идея создания «Организационного Комитета», для ускорения созыва которого проповедуется «соглашение» находящихся заграницей идейных центров «всех течений партии». «Редакция «Правды»,— говорится далее,—предлагает поэтому Заграничному Бюро Ц. К., как единственной руководящей общепартийной практической организации заграницей, взять на себя инициативу в деле создания *комиссии из равного числа представителей от всех течений и национальных организаций* в целях всестороннего содействия имеющему образоваться Организационному Комитету в России».

А спустя лишь неделю после этой проповеди «соглашения» (и спустя месяц после июньского совещания цекистов и предпринятых им же созданной Загр. Орг. Комиссией практических шагов к созыву конференции), З. Б. Ц. К. приняло резолюцию, в которой оно приглашает представителей Загр. Комитета Бунда, З. К. С.-Д. Латышского края, Главного Правления С.-Д. П. и Л. и редакций: «Дневник С.-Д.», «Голос С.-Д.», «Правда» (венская), «Рабочая Газета» и «Вперед» — на совещание «для обсуждения вопроса о содействии из заграницы созыву предусмотренной пленумом конференции».

Совещание это состоялось в Берне (Швейцария) 20 — 23 августа 1911 г. (в помещении Café Bubenberg). Участвовать в этом совещании отказались не только редакция «Рабочей Газеты», но и Гл. Пр. С.-Д.П. и Л., а также редакция «Дневника С.-Д.» и группа «Вперед». Плеханов (от редакции «Дневника С.-Д.») и Луначарский (от группы «Вперед») прислали мотивированный отказ. По предложению Троцкого, совещание обратилось к ним же с вторичным приглашением, «с разъяснением тех явных недоразумений, в которые они впали при оценке смысла и характера совещания». Копии этого вторичного приглашения были разосланы также «большевикам-ленинцам» и Гл. Правл. С.-Д. П. и Л., а также «новообразовавшейся группе большевиков-партийцев» (см. примеч. 118), «как материал для решения ими вопроса об участии в совещании». Но и после вторичного приглашения состав совещания не увеличился. В совещании, кроме членов ликвидаторского большинства З. Б. Ц. К., Либера, Горева и Шварца (последние 2 — с совещательным голосом), участвовали с решающим голосом — Троцкий (венская «Правда»), Дан («Голос С.-Д.») и Лудис (З. К. С.-Д. Лат. края, ликвидатор), от З.К. Бунда был тот же Либер. Я. Тышко, получивший приглашение, на совещании не присутствовал.

Совещание сконструировалось, как «совещание при З.Б.Ц.К.». Порядок дня составлен был из следующих вопросов: 1) Конституирование

совещания и расширение его состава, 2) обмен мнений о способе образования и составе О.К. в России; 3) отношение к Т. К. и Орг. Комиссии; 4) содействие Орг. Комитету в России; 5) способы осведомления русских организаций; 6) отношение к «держателям»; 7) о дальнейших совещаниях при З. Б. Ц. К.; 8) Листок З. Б. Ц. К.; 9) воззвание от имени совещания. Почти все резолюции составлялись Троцким и Даном.

По вопросу об образовании О. К. в России, совещание приняло резолюцию, приветствующую «инициативу Кавказского Областного комитета, Ц. К. Бунда, Ц. К. С.-Д. Лат. Края и некоторых местных организаций, поставивших себе, в качестве неотложной задачи, создание в России Организационного Комитета». В неопубликованной резолюции о содействии Орг. Комитету намечены были следующие «практические шаги»: «а) побуждение Кавказского Союза, Бунда и С.-Д. Лат. Края немедленно оформить их коллективную инициативу, образовав из своей среды Орг. Комитет и предприняв определенные организационные шаги для его пополнения; б) направить в Россию товарищей в целях пропаганды идеи конференции, в духе принятых совещанием решений и завязывания и упрочивания связей с местными организациями для помощи Организационному Комитету». (Об Орг. К-те см. примеч. 182.) В резолюции об отношении к Технической и Организационной Комиссиям, полной ругани, совещание «призывает всех, преданных своей партии социал-демократов дать решительный отпор заговору нескольких заграничных большевиков» и пр.

По вопросу о держателях совещание решило делегировать от своего имени двух представителей — П. Аксельрода и Троцкого — к держателям во время предстоявшего тогда Иенского партейтага (состоялся 10—16 сентября 1911 г.), «с целью настоять перед ними на немедленном созыве предусмотренного ими совещания представителей всех партийных течений по вопросу о денежных средствах партии». Кроме того, решено было обратиться к держателям с особым письмом по вопросу о денежных средствах партии. При возникновении «новых важных вопросов в деле содействия из заграницы» созыву конференции Заграничному Б. Ц. К. поручено созывать совещания из представителей национальных организаций и всех течений. Для печатания материалов З. Б. Ц. К. и других партийных организаций создан непериодический «Листок З. Б. Ц. К.». Большая часть резолюций этого совещания и помещена в этом Листке. Там же и напечатано воззвание «Ко всем членам партии», выпущенное от имени Совещания. Листок № 1, единственный, вышел 8 сентября 1911 г. Все эти широковещательные резолюции, противопоставленные действительной работе партии по подготовке Всероссийской конференции, никаких практических результатов не дали. Никаких представителей этого совещания в Россию не было послано. Единственное поручение совещания, оказавшееся выполненным, это — поездка представителей к «держателям» и письменное обращение к ним Троцкого от имени «совещания». — 218.

115) *Комиссия (Комитет) по созыву пленума Ц. К.* создана была на июньском совещании цекистов в составе 3 лиц: Зиновьев, Рыков и представитель польской с.-д. «с правом замены по течениям». Комиссия тотчас же приступила к работе, но с первых же дней столкнулась с явным противодействием делу созыва пленума со стороны ликвидаторской части З. Б. Ц. К. и Ц. К-тов национальных организаций.

Когда неизбежность нового срыва пленума ясно обнаружилась даже для примиренческого большинства Комиссии, ей ничего больше не осталось, как довести до сведения всей партии об этом. Комиссия сделала это в своем заявлении от 25 августа 1911 г., помещенном в «Социал-Демократе» № 23 (14 (1) сентября 1911 г.) (см. «Документы и материалы», № 4).

Статья Ленина была напечатана в виде примечания от редакции Ц. О. к заявлению Комиссии. — 219.

116) В статьях 1905—1907 г.г. В. И. Ленин неоднократно подчеркивал

стремление вождей либерально-монархической буржуазии (от кадетов до октябристов) за спиной революции столковаться с самодержавием. Фактические данные об этих имевших место переговорах были, однако, покрыты тайной, и лишь очень скудные сведения и полунамеки проскальзывали в печать.

Впервые завеса над тайной переговоров была более откровенно поднята в 1911 г. после убийства Столыпина, когда А. И. Гучков выступил на заседании партии октябристов, посвященном памяти Столыпина, с воспоминаниями о первой попытке создать «общественное министерство». Выступление А. И. Гучкова было передано газетой «Новое Время» от 28 (15) сентября 1911 г. На следующий день, 29 (16) сентября, в той же газете появилось опровержение А. И. Гучкова, заявившего, что сообщение не точно передало его речь. 8 октября (25 сентября) в той же газете появилось опровержение С. Ю. Витте, внесшего ряд новых данных в первое сообщение А. И. Гучкова, который, в свою очередь, ответил письмом в редакцию «Нового Времени» от 10 октября (27 сентября) 1911 г. Новое письмо С. Ю. Витте «Новое Время» поместить отказалось, и оно появилось в «Речи» 21(8) октября. На этой стадии к.-д. не участвовали в разоблачениях, и органы их хранили молчание. Лишь 11 октября (28 сентября) 1911 г. «Речь», сообщая о разоблачениях, упрекнула октябристов в сотрудничестве с единомышленниками Дурново. Тот же упрек октябристам повторила и передовица «Русских Ведомостей» от того же числа. Октябристы после этого резко выступили против кадетов и против Витте, поместив в «Голосе Москвы» от 27 (14) октября 1911 г. статью-справку под названием: «Союз графа Витте и П. Н. Дурново с кадетами». Достоверность приведенных в этой справке фактов подтвердил Е. Трубецкой в беседе с корреспондентом «Речи» (напечатано в «Речи» от 1 ноября (19 октября) 1911 г.). Все это вынудило кадетов выступить с разоблачениями, и в «Речи» от 1 ноября (19 октября) 1911 г. и 5 ноября (27 октября) появились статьи И. И. Петрункевича.

Критический разбор всех этих разоблачений и вызванной ими полемики, начатый В. И. Лениным в статье «Столыпин и революция», продолжен им в другой статье: «Начало разоблачений о переговорах партии к.-д. с министрами» (стр. 312 — 320 наст. тома).

Упомянутые выше разоблачительные материалы все еще, однако, не давали исчерпывающей истории этих переговоров. Характерно, что В. И. Ленин, вскрывая исторический смысл переговоров, назвал свою вторую, специально посвященную этому вопросу, статью лишь «Началом разоблачений». И действительно, дальнейшие разоблачения были сделаны позднее: активными участниками переговоров, Д. Н. Шиповым (в «Воспоминаниях», Москва, изд. Сабашниковых, 1918 г.) и П. Н. Милюковым (в брошюре «Три попытки», Париж, 1921 г.).

Почти все перечисленные здесь материалы перепечатаны в сборнике: «Самодержавие и либералы в революцию 1905 — 1907 годов». Составил и снабдил примеч. С. А. Алексеев. Предисловие С. Дубровского. Гос. изд., 1925 г. — 223.

[117]) «*Информационный Бюллетень*» издавался Заграничной Технической Комиссией (см. примеч. 107) в Париже. Всего выпущены были два номера. № 1 вышел 11 августа 1911 г., № 2 — 28 октября 1911 г.

№ 1 вышел с неподписанной редакционной статьей (без заглавия), представлявшей взгляды большинства Т. К., т. е. большевиков-примиренцев и поддерживавших их поляков. Авторы статьи больше всего пытались доказать нефракционный характер своей деятельности и полную непричастность их к «организационной политике большевиков-ленинцев».

На ряду с этой статьей, носящей характер платформы б-ков-примиренцев, помещена резолюция II Парижской группы (стр. 197 наст. тома), отражающая, как это оговорено редакцией «Бюллетеня», взгляды предста-

вителя меньшинства Т.К., т.-е. большевиков-ленинцев. За исключением денежного отчета, весь остальной материал номера состоит из протеста З.О.К. и З. Ледера против редакции «Социал-Демократа» и множества резолюций различных заграничных групп с явным преобладанием материалов «примиренческого» характера.

В № 2 «И. Б.», кроме редакционной статьи, призывающей всех партийцев «сломить сопротивление, которое оказывают делу сплочения партии большевики-ленинцы», имеется статья, посвященная конфликту с Ц.О. по поводу брошюры Зиновьева, заявление Ледера, с протестом против издания этой брошюры, еще заявление Ледера, снимающего с себя ответственность за № 23 «Социал-Демократа», несколько резолюций заграничных групп и длинная статья Тышко «Что представляет собою так называемое Заграничное Бюро Ц.К.», не упустившего случая ругнуть и Ц.О., нуждающийся, по его мнению, «в серьезной реформе». — 228.

[118]) *Группа «большевиков-примиренцев»*, называвших себя «большевиками-партийцами» или иначе — «нефракционными большевиками», в противовес большевикам «фракционным» или большевикам «ленинцам», оформилась как более или менее самостоятельное «течение» в июне 1911 г., вскоре после июньского совещания цекистов. До оформления этой группы имелись также отдельные единичные большевистские работники заграницей и в России, примиренчески настроенные в вопросах борьбы с ликвидаторством справа и слева и в вопросе о примирении с Троцким и его группой. Такие примиренческие настроения особенно ярко обнаруживались накануне и во время работ январского пленума 1910 г. у ряда т. т.: Гольденберга (Мешковского), Дубровинского (Иннокентия), Ногина (Макар) и Каменева, своим численным преобладанием вынудивших В. И. Ленина к ряду организационных уступок на самом пленуме.

Тов. Каменев, постановлением январского пленума 1910 г. назначенный представителем Ц.К. в ред. «Правды», на практике совместной работы с троцкистами уже к осени 1910 г. осознал свои примиренческие ошибки. Остальные из перечисленных товарищей, к которым примыкали и другие единичные работники, продолжали оставаться и в последующие годы при своих примиренческих иллюзиях. Среди заграничных большевиков наиболее активными примиренцами оказались: Владимиров (Лева), Любимов (Марк) и Лозовский — все трое жившие в Париже в 1910—1912 г.г.

Уже 3 октября 1910 г. они втроем с протестом покинули собрание расширенной редакции «Рабочей Газеты», как только узнали о намеченном «фракционном», т.-е. большевистском, направлении нового органа.

Сейчас же после июньского совещания цекистов примиренцы Владимиров и Любимов вместе с представителем поляков, Тышко, подняли спор по вопросу о составе Заграничной Организационной Комиссии, а на собрании II Парижской группы 1 июля 1911 г. они уже выступили против большевиков с яростными нападками за «фракционную политику».

Борьба большевиков против большевиков-примиренцев в дальнейшем сосредоточилась в учреждениях, созданных июньским совещанием, в З.О.К. и Т.К., и привела к выходу представителей большевиков из состава этих комиссий.

Ратуя за «объединение» и «нефракционность», большевики-примиренцы, кроме блока с представителями Главного Правления С.-Д.П. и Л., ни с кем из других групп и течений примирения не достигли. Только в конце 1911 г., порвав с Российской Организационной Комиссией и подготавливавшейся ею Всероссийской конференцией, парижские большевики-примиренцы примкнули к заграничным меньшевикам-плехановцам, хотя и не расставаясь со своим прежним названием «большевиков-партийцев».

После Всероссийской конференции в Праге они вместе со всеми ликвидаторами, Троцким и пр. принимали деятельное участие в травле Пражской конференции, принятых ею решений и выбранных ею центральных учреждений партии.

Из важнейших литературных выступлений большевиков-примиренцев следует отметить: 1) листок «Ко всем членам Р.С.-Д.Р.П.», выпущенный в Париже в начале августа 1911 г. (полный текст этого листка помещен в отделе «Документы и материалы», № 5), 2) передовицы и другие материалы в №№ 1 и 2 «Информационного Бюллетеня» Загр. Техн. Ком. и 3) статьи в газете «За партию», непериодически издававшейся в Париже в 1912 — 1914 г.г. меньшевиками-плехановцами совместно с большевиками-примиренцами.

Малочисленная группа большевиков-примиренцев в Париже имела еще некоторое количество одиночек-сторонников в нескольких заграничных городах. Что же касается России, то кроме нескольких видных работников, бывших «лондонских» членов русской коллегии Ц.К. (см. примеч. 36), придерживавшихся примиренческих взглядов, сторонников у этой группы не было. Заявление же парижских большевиков-примиренцев, сделанное ими в апреле 1912 г. в печати («За партию», № 1, 29 апреля 1912 г., стр. 4) о том, что они являются «лишь заграничной группой того течения среди большевиков-партийцев, главный штаб которого находится в России», лишено было всякого основания. Напротив, меньшевики-партийцы в России работали совместно с большевиками, т.-е. ленинцами, до Пражской конференции и после нее. — 228.

[119]) Имеется в виду статья А. Потресова: «Критические наброски. О том, почему пустяки одолели» («Наша Заря» № 2, февраль 1910 г. стр. 61). В ней говорится: «Но позвольте — что такое ликвидаторство? Нам говорят, это—непризнание партии, это — скрытая или явная борьба против нее. Мне кажется, что открытие ликвидаторства в России в лето 1909-ое будет в свое время отмечено в анналах истории рядом с открытием северного полюса Куком. Разница только та, — северный полюс будет все же когда-нибудь открыт, а ликвидаторство, что дальше, то труднее поддается «выявлению»».

Говоря о защите впередовцами отзовизма, В. И. Ленин в данном случае имеет в виду «Отчет о школе в NN [Каприйской], с приложением статьи о платформе отзовистов-ультиматистов». (Дано приложением к № 50 газеты «Пролетарий» от 11 декабря (28 ноября) 1909 г.) — 230.

[120]) В. И. Ленин имеет в виду: 1) резолюцию, принятую «Венским партийным соц.-дем. клубом» 17 апреля 1910 г., общий смысл которой развивался Троцким и после этого в многочисленных статьях и заметках в венской «Правде»; 2) статью Ионова (И-ов) «Фракции против партии» в журнале «Отклики Бунда» № 4, апрель 1910 г. Подробный разбор взглядов, высказанных в этих «примиренческих» выступлениях, дал В. И. Ленин в статье «Заметки публициста». II. «Объединительный кризис» в нашей партии». (См. т. XIV Соч.) — 233.

[121]) Имеется в виду статья Г. В. Плеханова: «Последнее пленарное собрание нашего Центрального Комитета», где в подстрочном примечании говорится: «Влияние фракционного кретинизма приведет, может быть, к тому, что самоотверженный шаг «голосистов», голосовавших за закрытие «Голоса», встретит осуждение в среде сторонников этого органа. Из одного швейцарского города мне пишут, что там уже начинается агитация *против* закрытия «Голоса», т.-е. против уничтожения фракции, т.-е. *за* сведение к нулю самого главного из возможных результатов пленарного заседания Ц.К.» («Дневник Социал-Демократа» Г. В. Плеханова, № 11, март 1910 г., стр. 18.). — 236.

[122]) В. И. Ленин имеет в виду статью Мартова: «Куда пришли?», где Ленину и «ленинцам» противопоставлены большевики-примиренцы в лице

«русских большевиков», т.-е. членов русской коллегии Ц.К. Отдельные представители последних на январском пленуме 1910 г. — говорит Мартов, — «оказали давление на Ленина и К°». Эти большевики, по словам Мартова, «поскольку работают в тех или иных комитетах, отнюдь не проникнуты доверием к «размежеваниям» и жаждой «борьбы с ликвидаторами». («Голос Социал-Демократа» № 23, ноябрь 1910 г., стр. 12.) — 236.

[123]) Осенью 1910 г. состоялось совещание отдельных кавказских ликвидаторов с 8 представителями разных крестьянских групп Закавказья, назвавшее себя «конференцией закавказских соц.-дем. организаций». Общее число принявших участие в выборах делегатов, по утверждению венской «Правды» (№ 20, 29 (16) апреля 1911 г.), составляло 1048. Непартийный состав этого представительства и дутый характер цифры якобы представленной партийной массы вскрыла корреспонденция «Письмо с Кавказа», помещенная в «Социал-Демократе» № 24, 31/18 октября 1911 г.

Среди опубликованных резолюций этой «конференции» имеется одна, посвященная ликвидаторству. Там говорится: «Понимая под словом «ликвидаторство» отказ от нашей партийной, идейной и организационной преемственности и наследства, конференция не видит в рядах Р.С.-Д.Р.П. такого ликвидаторства, как целого течения, за исключением отдельных лиц, которые и без того уже ликвидировали всякую связь с партией. Полемику же, возникшую на этой почве между так называемыми «партийцами» и руководителями «Голоса С.-Д.», конференция считает в значительной степени раздутой, являющейся в общем лишь плодом нынешнего безвременья»… — 236.

[124]) *«Рабочая Жизнь»* — ежемесячная «социал-демократическая рабочая газета», издавалась в Париже на русском языке. № 1 — 6 марта 1911 г., № 2 — 1 апреля, № 3 (последний) вышел 1 мая 1911 г.

Редакция газеты ставила своей задачей «обслуживание интересов российской рабочей эмиграции».

В состав редакции входили: 2 большевика-примиренца, Любимов и Владимиров, и два ликвидатора. В числе сотрудников газеты состоял также ликвидатор С. Лидов. Как в статьях, так и в информационном материале редакция старательно избегала вопросов, в какой бы то ни было степени связанных с внутрипартийной борьбой.

8 июля (25 июня) 1911 г. в газете «Правда» (венской) появилась неподписанная статья Троцкого, посвященная вышедшим номерам «Рабочей Жизни». Статья озаглавлена: «Европейская рабочая газета на русском языке». Отмечая факт сотрудничества в составе редакции двух большевиков и двух голосовцев, Троцкий патетически восклицал: «а в тексте самой газеты нет ни большевизма, ни меньшевизма, а есть только революционный социал-демократизм».

««Рабочая Жизнь», — писал он в той же статье, — и является одним из многих показателей того, что мы выходим из детского возраста и сбрасываем с себя стоптанные и продырявленные детские башмаки, несмотря на отчаянные усилия некоторых фракционных башмачников уверить нас в том, что обувь их изделия нам как раз по ноге». — 238.

[125]) В № 3 «Вперед» (май 1911 г.) напечатано «Заявление Женевского идейного кружка большевиков», жалующихся на Ц. О., назвавший в одной из заметок этот кружок «женевскими отзовистами». Редакция «Вперед» в примечании к этому заявлению от себя, между прочим, добавила следующие строки: «Напрасно товарищи женевцы так боятся обвинения в отзовизме. Пусть Ленин считает это весьма обидной кличкой — для нас это только название вполне законного течения в нашей партии». — 239.

[126]) Письмо Германа (Данишевского) и Аркадия (Ф. Калинина), помеченное мартом 1911 г., было опубликовано в венской «Правде» № 20, от 29 (16) апреля 1911 г. Авторы письма прежде всего возражают против

утверждений «Голоса С.-Д.» и венской «Правды» о том, что ничего не было сделано для сближения работников в легальных и нелегальных организациях.

«Необходимо, — говорится в письме, — снять упрек с части тех верхов, которых так заслуженно клеймит «Правда». Есть верхи и верхи. Представители Ц.К. в России не сеяли склоки и смуты. Честно, с редкой в настоящее время настойчивостью, они работали над сплочением партии. И не их вина, что часть меньшевиков и заграничных большевиков вставляли палки в их колеса». Далее авторы высказываются против созыва конференции и за создание работоспособного центра в России. — 240.

[127]) На первое собрание 3 октября 1910 г., посвященное вопросу об издании «Рабочей Газеты», в числе других были приглашены также Любимов, Лозовский и Владимиров. Последние, узнав о направлении газеты, покинули собрание с протестом против «фракционной газеты». «Забавники! — писал В. И. по этому поводу в письме к т. Семашко, — я рад, что путаники отошли, но надо *скорее* выяснить отношение остальных». — 241.

[128]) В предисловии к альбому «Русские мужики» Н. Орлова, датированном 26 июня 1908 г., Л. Н. Толстой писал: «Предмет этот — это русский народ — настоящий русский мужицкий народ, не тот народ, который побеждал Наполеона, завоевывал и подчинял себе другие народы, не тот, который, к несчастью, так скоро научился делать и машины, и железные дороги, и революции, и парламенты со всеми возможными подразделениями партий и направлений...» — 249.

[129]) Имеются в виду статьи: Ю. Чацкого — «Пора начать» («Наша Заря» № 6, 1911 г., стр. 39 — 54), Л. Мартова — «Основные положения платформы» и Ф. Дана — «К постановке избирательной кампании» («Наша Заря» № 7 — 8, стр. 42 — 54, 55 — 65). Приводимые В. И. Лениным цитаты заимствованы из первых двух упомянутых здесь статей. — 251.

[130]) Цитата из отдела «Печать» газеты «Речь» № 266 (1862), 11 октября (28 сентября) 1911 г. по поводу писем графа Витте в «Новом Времени» № 12765, 25 сентября 1911 г., и Гучкова в той же газете № 12767, 27 сентября 1911 г. Подробнее об этом см. прим. 116. — 255.

[131]) В газ. «Звезда», как и в I изд. Собр. соч., очевидная опечатка: слово «не» опущено. — 256.

[132]) Цитаты из передовицы «Речи» № 293 (1889), 7 ноября (25 октября) 1911 г. — 259.

[133]) 22 сентября 1911 г. был вынесен приговор участникам Армавирского погрома в октябре 1905 г. В своей речи присяжный поверенный Л. А. Хоментовский, выступавший в качестве гражданского истца, между прочим, сказал: «Армавирский погром — кем-то внушенное и предписанное избиение русской интеллигенции в широком смысле этого слова. Иначе, чем объяснить, что в числе пострадавших значатся и местный нотариус, г. Мазарек — поляк, судебный следователь, г. Чареков — грузин, мировой судья, г. Минордин, товарищ прокурора, г. Рехтлих? («Армавирский погром». «Речь» № 291 (1885) (23 октября) 5 ноября 1911 г.)

Цитируемые далее строки заимствованы из статьи Эльф: «Борьба с голодом», помещенной в том же номере газеты «Речь». — 261.

[134]) Статья Дионео, озаглавленная: «Записки Хайндмэна» («The Record of an Adventurous Life». By Henry M. Hyndman. London. 1911. X + 460), помещена в газ. «Русские Ведомости» № 236, от 27 (14) октября 1911 г. — 266.

[135]) В цитируемом В. И. Лениным письме Маркса к Зорге от 15/XII 1881 г. говорится по поводу Гайндмана следующее: «Еще раньше, в начале июня, некий Hyndman выпустил небольшую книжку «Англия для

всех», написанную, как он утверждает в книжке, с целью изложить программу *«демократической федерации»* — недавно возникшего союза различных английских и шотландских радикальных обществ; общества эти состоят наполовину из буржуазии, наполовину из пролетариев.

«Главы, трактующие о труде и капитале, просто выдержки, дословно списанные из «Капитала», или пересказ его отдельных мест; при чем автор этой книги ни словом не упоминает ни о «Капитале», ни о его авторе, но делает в конце своего предисловия следующее примечание: «мыслями и большею частью материала второй и третьей главы моей книги, я обязан сочинению великого мыслителя и оригинального писателя и т. д.». В своих же письмах ко мне он извинялся и объяснял это тем, что «англичане не охотно учатся у *иностранцев*», что «мое имя настолько ненавистно» и т. д.

«При всем том эта маленькая книжонка не плохо служит пропаганде, поскольку она обкрадывает «Капитал», хотя ее автор сосуд «слабый» («weak» vessel) и не обладает необходимым терпением — этим первым и важнейшим условием основательного изучения научного вопроса. Все эти прекраснодушные мелко-буржуазные писатели — если они не социалисты — имеют склонность добывать деньги и славу *непосредственно* из всех новых мыслей, навеянных на них попутным ветром». (Briefe und Auszüge aus Briefen von Joh. Phil. Becker, Jos. Dietzgen, Friedrich Engels, Karl Marx u. A. an F. A. Sorge und Andere. Stuttgart. 1906. S. 179 — 182.)

Имеются в русском переводе: 1) «Письма К. Маркса, Ф. Энгельса и др. к Ф. Зорге и др.». Перевод с нем. Г. Котляра и М. Панина, под ред. и с предисловием П. Аксельрода. С.-Петербург, 1908, стр. 188 — 190; 2) Письма И. Ф. Беккера, И. Дицгена, К. Маркса и др. к Ф. А. Зорге и др. Перевод с нем. Политикуса, 2 изд. Москва, 1913 г., стр. 203 — 205; 3) Маркс и Энгельс. Письма. Изд. 3-е. Перевод, редакция и примечания В. В. Адоратского. «Московский Рабочий», 1928, стр. 301 — 303. — **269.**

[186]) Оценка Генри Джорджа дана Марксом в письме к Зорге от 30 июня 1881 г. (а не 1880 г., как ошибочно было напечатано в газете «Звезда» и в 1 изд. Собр. соч.). «Сей муж, — пишет Маркс, — в теоретическом отношении совершенно *отстал*! Он не понял сущности прибавочной стоимости, и потому, по примеру англичан, вращается не менее удачно, чем они, в мире спекуляций по вопросу о самостоятельных частях прибавочной стоимости, т.-е. соотношениях прибыли, ренты, процентов и т. д.» (Briefe und Auszüge aus Briefen von Joh. Phil. Becker, Jos. Dietzgen, Friedrich Engels, Karl Marx u. A. an F. A. Sorge und Andere. Stuttgart. 1906, S. 176). — **270.**

[187]) Речь идет о статье Н. Рожкова: «Современное положение России и основные задачи рабочего движения в данный момент». Разбору той же статьи Н. Рожкова посвящена другая статья В. И. Ленина: «Из лагеря столыпинской «рабочей партии»» (см. настоящий том, стр. 297 — 301).

27 ноября 1911 г. В. И. Ленин выступил в Париже с рефератом на ту же тему, устраивавшимся кружком по содействию «Рабочей Газете». В сохранившейся печатной афише объявлено, в виде кратких тезисов, содержание реферата, которое в большой степени совпадает с содержанием обеих статей. Приводим текст этих тезисов:

«1. Почему статья Н. Рожкова в № 9 — 10 «Нашей Зари» заслуживает такого названия и самого внимательного разбора? Возможность разработать вопрос о двух линиях рабочего движения и «двух партиях» вне *всякого* «конфликтного» материала, *вне* «склоки».

2. Тип «социал-демократа дней свободы». Буржуазные демократы в марксистском наряде. Рожков как образец; в его статье *сплошная* подмена марксизма либерализмом.

3. Роль крепостников в современной России с точки зрения либералов (Рожков) и марксистов. «Декабрьские резолюции» (1908 г.) Р.С.-Д.Р.П.

4. Отношение демократии к решению (Столыпинскому) аграрной проблемы «путем компромисса между разными группами буржуазии».

5. Предстоит ли России «торжество весьма умеренного буржуазного прогрессисизма»?

6. Сравнение современной России и III Думы с Францией 60-х годов XIX века, с Законодательным Корпусом и с Пруссией 80-х годов.

7. Превратились ли «старые лозунги» в «мертвые слова»?

8. Почему основываемое Рожковым «Общество защиты интересов рабочего класса» есть общество *либеральной* защиты (по *либеральному* пониманию) интересов рабочего класса?

9. Пропорция: Ю. Ларин относится к рабочему съезду, как Н. Рожков относится к легальной ликвидаторской партии. — 272.

[138]) «Chambre introuvable» (палата, какую не сыскать) — так прозвали реакционный французский парламент после реставрации Бурбонов. В стремлении восстановить «старый порядок», сметенный Великой революцией, этот парламент шел дальше самого короля Людовика XVIII. Король был вынужден распустить палату, чтобы добиться представительства, более соответствующего соотношению социальных сил в стране. — 277.

[139]) В. И. Ленин имеет в виду предисловие, написанное Струве, за подписью Р. Н. С., к брошюре Витте: «Самодержавие и земство». Предисловие это разобрано Лениным в ст. «Гонители земства и Аннибалы либерализма» (см. VI т. Соч.). — 279.

[140]) Мымрецов — персонаж из рассказа Гл. Успенского «Будка», тип полицейского в захолустном городке, действующий по формуле: «тащить и не пущать». — 280.

[141]) Запрос с.-д. фракции обсуждался 28 (15) ноября 1911 г. и спустя некоторое время еще 3 раза при закрытых дверях, передан был в комиссию и там был отвергнут. (Госуд. Дума, III созыв, Стенографические отчеты, сессия V, заседание 22, стр. 1919.)

В связи с этим запросом проведена была петербургскими рабочими, под руководством петербургского партийного комитета (большевиков), большая политическая *кампания за освобождение с.-д. депутатов II Думы.* В самый день обсуждения запроса, 28 января 1911 г., на ряде крупных заводов происходили многотысячные митинги и выносились резолюции, полные возмущения и готовности к решительной борьбе. Газета «Звезда» посвятила этой кампании ряд статей, а в № 27 от 11 ноября (29 октября) 1911 г., между прочим, напечатано воззвание: «Мы требуем пересмотра».

Большая агитационная кампания развернулась к этому времени также и заграницей. Начало этой кампании там положено было во Франции социалистическим деятелем Шарлем Дюма. Кампания быстро перебросилась и в другие страны Европы и Америки. В целом ряде городов устраивались доклады, митинги, выпускались листовки, посвященные этому делу, собирались денежные пожертвования в пользу семей заключенных втородумцев. Исполнительный Комитет Международного Социалистического Бюро выпустил в декабре 1911 г. циркуляр № 21, на трех языках, в котором, кроме текста запроса, внесенного в III Думу, и судебного приговора над втородумскими с.-д., содержится подробное изложение всего дела, подписанное Лениным.

Статья эта «Darstellung der ganzen Angelegenheit» («Изложение всего дела») В. И. Лениным не написана, а лишь проредактирована, как представителем Р.С.-Д.Р.П. в Международном Социалистическом Бюро. Это подтверждается не только содержанием статьи, носящей информационный характер, но и прямым указанием, имеющимся в Ц.О. («Социал-Демократ» № 25, 21(8) декабря 1911 г.). В заметке «Агитация среди международного пролетариата по поводу дела с.-д. фракции II Думы» сообщается о выпу-

щенном Международным Соц. Бюро циркуляре, содержащем «редактированное членом Бюро Лениным изложение дела».

Текст циркуляра № 21 вместе с перечисленными материалами о деле втородумских с.-д. полностью перепечатан в «Bulletin Périodique du Bureau Socialiste International» № 8, p. 117—121 («Периодический Бюллетень Международного Социалистического Бюро» № 8, стр. 117—121).

Упомянутая В. И. Лениным заметка озаглавлена: «Волнения среди рабочих» («Голос Москвы» № 267, 2/XII (19/XI) 1911 г.). — 281.

[142]) Здесь В. И. Ленин имеет в виду статью А. Тифлисского: «Маленькая заметка о большом вопросе», напечатанную в № 2 «Вперед», 6 февраля 1911 г. — 283.

[143]) В. И. Ленин имеет в виду книгу: «Die revolutionäre Zeitung-literatur Frankreichs während der Jahre 1789—94. Ein Beitrag zur Geschichte der französischen Klassen und Parteikämpfe gegen Ende des 18 Jahrhunderts». Von Heinrich Cunow. Berlin 1908. Verlag: Buchhandlung Vorwärts, Berlin S. W. 68. S. 11 + 328.

Работа эта выросла из статьи, напечатанной Г. Куновым в «Neue Zeit». Русский перевод этой статьи выпущен отдельной брошюрой: *Генрих Кунов.* «Французская пресса в первые годы великой революции». Перевел с немецкого О. В. Майер. Под редакцией А. Б. Калихмана. Книгоиздательство «Освобождение Труда». 110 стр.

В 1912 г. вышло 2-ое дополненное издание работы Кунова под новым названием: «Die Parteien der grossen französischen Revolution und ihre Presse». Von Heinrich Cunow («Партии в великую французскую революцию и их печать»). Berlin 1912. Verlag: Buchhandlung Vorwärts Paul Singer GmbH, Berlin, S. W. 68. S. VIII + 394. — 283.

[144]) *«L'Avenir»* (*«Будущее»*) — еженедельная газета, посвященная вопросам «освободительного движения» в России, издавалась В. Бурцевым в Париже на русском языке. Статьи и прочие материалы, предназначенные для ознакомления «европейского общественного мнения» с положением дел в России, печатались там же на французском языке.

№ 1 вышел 22 октября 1911 г. Последний номер — 4 января 1914 г. Всего вышло 18 номеров. В газете появлялись в большом количестве материалы, разоблачающие тайные пружины и подвиги департамента полиции и его агентур.

Газета, «внепартийная» по своему направлению и «межпартийная» по составу своих сотрудников, формулировала свою политическую программу такими словами: «посильно бороться со всеми пережитками самодержавия в действующем строе» под лозунгом: «пересмотр Положения о Государственной Думе и отмена избирательного закона 3-го июня». Мартов поместил в № 5 газеты от 19 ноября 1911 г. статью «Вместе бить». — 284.

[145]) Цитата из речи соц.-дем. депутата III Думы Кузнецова, произнесенной 17 октября 1911 г. во втором заседании пятой сессии. (Государственная Дума. Третий созыв, сессия пятая, часть первая, 1911 г., стр. 163.) — 286.

[146]) *Российская Организационная Комиссия по созыву общепартийной конференции* (Р.О.К.) возникла в конце сентября 1911 г. и просуществовала до открытия Всероссийской конференции Р.С.-Д.Р.П. в Праге (см. прим. 167).

Созданная июньским совещанием Загр. О.К. в июле-августе 1911 г. направила в Россию своих уполномоченных: Шварца (Семен) на Урал и в Екатеринослав; Бреслава (Захар) — в Питер и Москву; Орджоникидзе (Серго) — на юг. В Москву и центрально-промышленную область выехал также в августе 1911 г. А. И. Рыков, арестованный вскоре после прибытия. Позднее были арестованы также Бреслав и Шварц.

Первой из местных нелегальных организаций, примкнувших к работе

по созыву конференции, была Киевская. Уполномоченным З.О.К. удалось, несмотря на крайне тяжелые условия подпольной работы в России, связаться с целым рядом нелегальных организаций, провести ряд собраний с докладами о ближайших задачах партийной работы, и в конце сентября созвано было совещание выбранных местными организациями представителей совместно с уполномоченным З.О.К.

Совещание открылось в Баку. На следующий день, в связи с арестом т. Шаумяна и других бакинских работников, участники совещания переехали в Тифлис, где продолжались заседания сконструировавшейся Росс. Орг. Комиссии. Участвовали с решающим голосом представители 5 организаций: Екатеринбургской — Шварц (Семен), Киевской и Екатеринославской — Я. Соколин (Михаил), плехановец, Бакинской — Ст. Шаумян, Тифлисской — Спандарьян. Кроме того, с совещательным голосом присутствовали: некоторые местные старые партийные работники, в том числе: Ставсова, Ав. Енукидзе, Мдивани, Цинцадзе, Охнянский и уполномоченный З.О.К., т. Орджоникидзе. Представитель от Петербурга не мог прибыть на совещание, по случайным обстоятельствам, и на собрании было оглашено соответствующее заявление. Присутствовал также Черномазов (впоследствии оказался провокатором).

Кроме представленных организаций, за участие в созываемой конференции высказалась Ростовская группа, организации в Сормове и Нижнем-Новгороде. Последние также выбрали делегата.

Председателем собрания единогласно был избран Я. Соколин (Михаил, в то время меньшевик-плехановец; ныне коммунист, работает в Госплане У.С.С.Р.). Собрание заслушало доклады с мест (краткое изложение заслушанных докладов напечатано в № 25 «Социал-Демократа»).

После докладов приступлено было к обсуждению вопроса о сконструировании Р.О.К. После некоторого обмена мнений по этому вопросу единогласно принята была резолюция, предложенная меньшевиком-партийцем, в которой собрание признало себя «Организационной Комиссией по созыву конференции». На том же заседании внесено было предложение о предоставлении решающего голоса уполномоченному З.О.К., т. Орджоникидзе. Вопрос был снят с обсуждения, так как т. Орджоникидзе не согласился воспользоваться решающим голосом, считая, что членами Р.О.К. могут быть только выбранные на местах делегаты. На следующих заседаниях были приняты решения об отношении к З.О.К. и Т.К., ряд других резолюций и выработан текст обращения.

Вскоре к Р.О.К. присоединились следующие организации: Московская (все районы), Саратовская, Казанская, Николаевская, Виленская и Рижская, т.-е. почти все существовавшие тогда нелегальные парт. с.-д. организации. В октябре, вскоре по сконструировании Р.О.К., т. Орджоникидзе выехал заграницу для разрешения ряда вопросов с заграничными партийными учреждениями. В З.О.К. им представлен подробный доклад о положении дел в России (см. примеч. 102). Тогда же он от имени Р.О.К. обращался в центральные учреждения национальных с.-д. организаций: С.-Д. П. и Л., С.-Д. Лат. Края и Бунда. Первая организация дала, в конце концов, уклончивый ответ, последние две — предпочли выступить с инициативой создания собственного, т.-е. ликвидаторского Организационного Комитета (см. примеч. 182) для подготовки своей конференции.

Исключительно тяжелые политические условия, в которых приходилось работать этому единственному российскому центру партийной работы (после выпуска Извещения с резолюциями полицейская слежка усилилась), отягчались травлей и атмосферой «недоверия», искусственно создававшейся ликвидаторами и Троцким. Тем не менее Р.О.К. выполнила свою задачу. Уже в декабре начали съезжаться делегаты на конференцию, состоявшуюся в Праге. — 289.

[147]) Имеются в виду газета «Звезда» и журнал «Мысль», в которых,

совместно с большевиками, сотрудничали также меньшевики-плехановцы.— 291.

[148]) Подробнее об этом см. «Итоги третейского суда держателей» (наст. том, стр. 306). Историю вопроса о «держателях» см. XIV том Сочинений. — 292.

[149]) *Бакинская* организация существовала без перерыва в течение тяжелых годов реакции и принимала во всех проявлениях рабочего движения самое активное участие. До 1911 г. существовали в Баку две параллельные организации: Бакинский комитет большевиков и Руководящий коллектив меньшевиков. В начале 1911 г., после того, как бакинские меньшевики заняли вполне определенную партийную, антиликвидаторскую позицию, обе организации объединились, и создан был объединенный комитет. Бакинский комитет поддержал июньское совещание цекистов и принял самое активное участие в создании Р.О.К.

Киевская организация также уцелела, несмотря на тяжелые условия годов контр-революции. В особенности она стала развивать большую деятельность с конца 1910 г. Был выпущен ряд листовок, устроено несколько массовок и т. д. В организации тогда совместно работали большевики и меньшевики-партийцы. Вопрос о созыве общепартийной конференции обсуждался организацией с начала 1911 г. Киевская организация первая поддержала июньское совещание цекистов и первая дала одного из членов Киевского комитета на помощь представителю З.О.К. Активную работу выполняли в то время в комитете т.т. Е. Б. Бош и Г. Л. Пятаков. — 292.

[150]) Имеется в виду «Извещение», выпущенное Росс. Орг. Комиссией, к которому приложены принятые ею резолюции. Полный текст этого листка см. «Документы и материалы», № 6. — 293.

[151]) Документ этот не разыскан. — 294.

[152]) Совещание при З.Б.Ц.К. в августе 1911 г. (см. прим. 114) в своем обращении «Ко всем членам партии» приветствовало «инициативу трех сильнейших организаций партии: Кавказской Областной организации, Бунда и Латышской с.-д., поставивших себе задачей предпринять немедленно необходимые шаги к образованию Организационного Комитета в России» («Листок Загр. Бюро Ц.К.», № 1, 8 сентября 1911 г., стр. 2). Однако инициатива «трех сильнейших организаций» была разглашена прежде, чем имелось действительно инициативное выступление одной из этих организаций — С.-д. Лат. Края.

Осенью 1911 г. Либер совместно с некиим представителем ликвидаторского, так назыв. Кавказского Обл. Комитета поехали в г. Брюссель, место пребывания Загр. Комитета С.-д. Латыш. Края, для получения подписи под резолюциями, принятыми в Берне на совещании при З.Б.Ц.К., а также для оформления преждевременно возвещенной «инициативы трех сильнейших организаций». — 295.

[153]) Это был — впередовец Станислав Вольский. — 295.

[154]) См. о том же статью: «Манифест либеральной рабочей партии» (стр. 272 наст. тома). — 297.

[155]) В № 22 газеты «Правда» (венской) от 29 (16) ноября 1911 г. в отделе, озаглавленном: «Что делается на местах (корреспонденции)», напечатано «Письмо из Петербурга» от сентября 1911 г. за подписью: «С. В.». Перечисляя полученную из заграницы литературу, корреспондент отмечает следующее: «До сих пор в П[етербур]ге еще не видели ни одного номера изданий «Вперед», кроме прошлогодних: 1-го № и брошюры Сажина (которая, кстати сказать, и теперь читается с большим интересом). Между тем наши рабочие очень интересуются скорее узнать взгляды т.т. из «Вперёда» на современные вопросы партийной жизни».

Перечисляя там же местную нелегальную литературу, автор корреспонденции несколько строк посвящает отношению «Правды» к изданной в Петербурге резолюции общегородского совещания представителей

районов: «О петиционной кампании». «Судьба последней резолюции,— говорится в корреспонденции,— нас крайне удивляет. Редакция «Правды», отвечая на нее особой брошюрой, почему-то не нашла нужным напечатать эту резолюцию целиком в своем органе. Такое узко-фракционное отношение не может быть допустимо на страницах «Правды», которую мы привыкли считать чуждой фракционности... С приемами затыкания рта своим противникам мы считаем необходимым вести самую энергичную борьбу, откуда бы они ни исходили. Надеемся, что теперь мы увидим это место нашей корреспонденции на страницах «Правды», что ее не постигнет печальная судьба резолюции».

Редакция «Правды» сопроводила эти строки следующим подстрочным примечанием: «Упрек петербургских товарищей представляется нам совершенно неосновательным. Наши средства так ограничены, размеры «Правды» так малы и выходит она так редко, что мы буквально *не имеем физической возможности* печатать все, что мы сами хотели бы видеть в печати. При этом нашим ближайшим друзьям и единомышленникам приходится страдать гораздо чаще, чем нашим идейным противникам. Так, например, мы не имели возможности включить в настоящий номер статьи т. Мандельберга (о сокращении числа праздников), т. Цпс (о латышском рабочем движении), т. Рябовского (о положении дел в партии) и ряд корреспонденций. А в то же время мы в приложении к этому номеру печатаем огромное письмо петербургских товарищей, противников петиционной кампании. Товарищи петербуржцы! Сделали ли вы что-нибудь для материальной поддержки «Правды»? А если нет, то не слишком ли поспешно вы бросаете нам укор во «фракционных приемах?»

Разбираемые В. И. Лениным тезисы одной платформы, напечатанные в том же номере, озаглавлены: «К вопросу об избирательной кампании» и подписаны «Группой с.-д-ов». Редакция газеты предпослала этим тезисам следующие строки: «Нами получен из Петербурга для перепечатки следующий документ. К существу затронутых в нем вопросов мы обратимся в следующем № «Правды»». — 302.

[156]) Вскрываемая В. И. Лениным в этих тезисах ошибка — недооценка самостоятельного значения самодержавия и бюрократии, содержится также в следующих работах, неоднократно отмечаемых В. И. Лениным:

1) Резолюция петербургских отзовистов, напечатанная в Приложении к № 44 «Пролетария» от 17 (4) апреля 1909 г.

Критический разбор этого документа дан В. И. Лениным в том же Приложении, в статье: «Карикатура на большевизм» (см. XIV т. Сочинений).

2) Статья Ю. Ларина: «Подъем русского земледелия и его общественно-политические последствия» («Возрождение» № 9 — 10, 15 ноября 1910 г., стр. 18 — 20).

3) Книга М. Ольминского — М. Александров: «Государство, бюрократия и абсолютизм в истории России». Книгоизд. «Жизнь и Знание» С.-Петербург, 1910 г.

4) Статья Н. Р[ож]кова: «Современное положение России и основная задача рабочего движения в данный момент» («Наша Заря» 1911 г. № 9 — 10, стр. 31 — 35). — 304.

[157]) См. статью «Столыпин и революция» (наст. том, стр. 221 — 227). — 312.

[158]) Статья «Из истории русского либерализма» написана Л. Б. Каменевым и перепечатана в его книге: «Между двумя революциями».—319.

[159]) «*Просвещение*» — большевистский ежемесячный журнал; легально издавался в Петербурге, как «общественно-политический и литературный журнал марксистского направления». № 1 вышел в декабре 1911 г., последний, № 6 — в июне 1914 г., накануне войны.

Предпринятая в 1915 г. попытка возобновить издание журнала успе-

хом не увенчалась. Только осенью 1917 г. был выпущен двойной номер журнала (№ 1—2, сентябрь-октябрь), как «теоретического органа Р. С.-Д. Р.П.», начавшийся со статьи Ленина: «Удержат ли большевики государственную власть?»

Журнал фактически являлся прямым продолжением закрытой на 5-м номере «Мысли» (см. прим. 16). «Надо переносить дело в Питер,— писал Ленин Горькому в апреле 1911 г., рассказывая о закрытии «Мысли»,— и начинать сначала» («Ленинск. Сборн.» I, стр. 117).

Для постановки этого журнала Ленин и вызвал в Париж т. М. А. Савельева (находившегося в 1911 г. в Лейпциге). Получив руководящие указания и запасшись адресами в Москву, к З. П. Кржижановской и тов. Курскому, т. Савельев летом 1911 г. направился в Россию. Преодолевая самые разнообразные затруднения, к концу 1911 г. все же удалось журнал поставить на ноги. Близкое участие в постановке и ведении журнала принимали т. т. А. А. Трояновский, входивший в заграничную редакцию, и Е. Ф. Розмирович, имевшие возможность оказать журналу некоторую материальную поддержку.

В непосредственной организации журнала, кроме М. А. Савельева, принимал участие также К. М. Шведчиков. Официальным редактором-издателем вначале числился некий С. Ю. Дальгейм; вскоре после его отказа редакторами числились: А. Федоров, затем В. З. Соколов, потом Д. С. Иванов и по выходе из «предварилки» — опять В. З. Соколов, по мере ареста сменяя друг друга. Бремя же официального издателя, после ухода Дальгейма, все время несла т. Е. Г. Смиттен. Фактическую редакцию журнала осуществляли находившиеся заграницей В. И. Ленин, Г. Е. Зиновьев и Л. Б. Каменев. В редактировании художественной части принял участие А. М. Горький (зав. художеств.-литературным отделом). Русскую часть редакционной коллегии составлял т. М. А. Савельев при ближайшем участии А. И. Елизаровой, М. С. Ольминского, Л. М. Михайлова (Политикуса) и А. А. Рябинина.

С декабря 1913 г. некоторое время журнал в России вела т. А. И. Елизарова при участии т.т. Ольминского, Скрыпника, Рябинина и А. А. Блюм (Адамов), пока прибывший в начале 1914 г. из за-границы Л. Б. Каменев не взял фактическое редактирование на себя.

Кроме основной редакционной тройки из числа заграничных товарищей принимали участие в журнале: Н. И. Бухарин, А. А. Трояновский, А. Малецкий, Ф. Ротштейн, Н. К. Крупская, Д. Б. Рязанов, Ю. Стеклов, Г. Каменский, Г. Ципорович, А. Шляпников, Ал. Стоянов, Г. Чудновский, А. В. Шотман и др.

Из числа находившихся тогда в России товарищей постоянное участие в журнале принимали: В. Молотов, А. Самойлов, Сойфер («старый приказчик»), Д. Б. Данский (Комаровский), Л. Сосновский, П. Данилов, А. Н. Винокуров, Т. Гневич (Фаберкевич), И. Гладнев (Закс), И. И. Степанов-Скворцов, Л. Германов (Фрумкин), Демьян Бедный и др. правдисты. Большое содействие журналу оказывал т. И. В. Сталин при разрешении ряда принципиальных вопросов, а также помещением ряда статей по национальному вопросу.

Хозяйственно-техническими делами редакции ведали: К. М. Шведчиков, Е. М. Шведчикова, Метелев, В. Ф. Ушацкий и ряд др. правдистов. В условиях неимоверной полицейской слежки, исключительно развитой провокации и жестоких репрессий с одной стороны, чрезвычайной скудости материальных средств, с другой стороны, журналу «Просвещение» удалось все же продержаться $2^1/_2$ года, опубликовать ряд ценных статей, прежде всего ряд работ самого В. И. Ленина, и завоевать популярность среди широких кругов рабочих читателей: об этом говорит 5-ти тысячный тираж, достигнутый журналом во втором году своего существования. — 320.

[160]) Все три запроса обсуждались в заседании Думы 15 и 17 октября 1911 г. Первый запрос посвящен был деятельности охранки и департамента полиции, в связи с убийством Столыпина и связанными с этим фактами. Запросы по этому поводу внесены были с одной стороны фракциями октябристов и националистов, с другой стороны — социал-демократической фракцией.

По принятии этих спешных запросов трудовики внесли новый запрос о голодающем населении, неурожаях и недородах, обсуждавшийся и принятый на заседании 17 октября.

В том же заседании обсуждался также внесенный за подписью 54 членов фракции к.-д. спешный запрос «по поводу продления срока действия высочайше утвержденного 14 августа 1881 г. Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия». Первую речь в защиту спешности этого запроса произнесли к.-д. Тесленко и Милюков. В заключение своей речи, доказывая необходимость устранения исключительных положений, отдающих аппарат власти в руки дворянства, Тесленко сказал: «... вы считаете возможным продолжать исключительные положения в порядке управления, а не закона, но позвольте же мне вам напомнить — великий государствовед Еллинек по этому поводу говорит: «не забывайте, что такой порядок действия стоил трона двум государям: английскому и французскому». За эти слова Тесленко был исключен на 15 заседаний. Запрос был принят поименным голосованием большинством 168 против 123 при 13 воздержавшихся (1) «Бесплатное приложение к газете «Россия»» №№ 1816 и 1817; 2) «Государственная Дума. Стенографический отчет». Сессия V, заседание первое и второе 15 и 17 октября 1911 г., стр. 1—2, 20, 23—24, 30—31, 34, 38, 41—44, 49, 51). — 321.

[161]) Основная мысль этой цитаты выражена во многих местах статьи Ю. Чацкого: «Пора начать», посвященной вопросам предвыборной кампании («Наша Заря» № 6, 1911 г., стр. 39—54). — 332.

[162]) Имеются в виду статьи: Ю. Чацкого «Пора начать» («Наша Заря» № 5, 1911 г., стр. 39—54), Л. Мартова «Основные положения платформы» и Ф. Дана «К постановке избирательной кампании» («Наша Заря» № 7—8, стр. 42—54, 55—65).

Те же статьи, в иной связи, разобраны В. И. Лениным в статье «Из лагеря столыпинской рабочей партии» (см. стр. 251—254 настоящего тома). — 335.

[163]) Цитируемые В. И. Лениным строки имеются в письме К. Маркса к Ферд. Лассалю от 19/IV 1859 г., посвященном критическому разбору трагедии «Зикинген». К тому времени, когда В. И. Ленин писал эту статью, письмо Маркса еще не было опубликовано. Отдельные же выдержки из этого письма приведены в ответном письме Лассаля к Марксу и Энгельсу от 27 мая 1859 г., в котором он подробно разбирает все замечания Маркса, а также и Энгельса, энергично защищаясь от ряда упреков. Этим ответным письмом Лассаля, напечатанным в т. IV изданного Фр. Мерингом в 1902 г. «Из литературного наследства» («Aus dem literarischen Nachlass von Karl Marx, Friedrich Engels und Ferdinand Lassale. Herausgegeben von Franz Mehring. IV. Briefe von Ferdinand Lassale an Karl Marx und Friedrich Engels. Stuttgart. Verlag von J. B. W. Dietz Nachf. 1902, S. 153—171), и пользовался В. И. Ленин, цитируя имеющиеся там строки Маркса.

Полностью же письмо Маркса от 19/IV 1859 г. опубликовано в изд.: «Ferdinand Lassale». Nachgelassene Briefe und Schriften. Herausgegeben von Gustaw Mayer. Dritter Band, 1922, Deutsche Anstalt, Stuttgart-Berlin. Verlag buchhandlung Julius Springer, Berlin, S. 172—175 (Фердинанд Лассаль. Неизданные письма и сочинения. Под редакцией Густава Майера. Том третий 1922, Штутгарт-Берлин, стр. 172—175), а на рус-

ском языке впервые опубликовано в 1922 г. в журнале «Под знаменем марксизма» № 3, стр. 13—15.—347.

[164]) В. И. Ленин здесь цитирует статью Л. Мартова: «Основные положения платформы» («Наша Заря» № 78, 1911 г., стр. 51).

Ссылаясь на Череванина, В. И. Ленин имеет в виду его книгу «Современное положение и возможное будущее», где говорится: «.... *распределение частновладельческой земли между всеми нуждающимися крестьянами значительного и прочного улучшения их положения не даст»*. Там же мы читаем: «Проект раздела земли стремится помешать естественному экономическому процессу совершать свою работу так, как он ее совершал всегда до сих пор, не открывая в то же время никаких новых путей для развития производительных сил. Проект уравнительного раздела земли, это—поистине варварский проект». (Стр. 103 и 110.) —348.

[165]) В. И. Ленин цитирует здесь подстрочное примечание к упомянутой статье Л. Мартова «Основные положения платформы» («Наша Заря» № 7—8, 1911 г., стр. 50). В том же примечании Мартов приводит следующие строки из статьи Н. Рожкова: «Точка опоры» («Обская Жизнь» № 171, 6 августа 1911 г.): «Принципиальная возможность расширения необходимого минимума общественной самодеятельности до возможного при данных условиях ее максимума несомненна. А каков должен быть конкретный путь к этому? Не обинуясь, мы ответим: открытая легальная борьба за организацию в определенные по своим задачам открытые же экономические и политические союзы».

«Обская Жизнь» — ежедневная «общественная, политико-экономическая и литературная газета» либерального направления, выходившая в г. Ново-Николаевске, с 1909 г. Редактор-издатель А. Г. Новицкий. — 349.

[166]) Этот проект резолюции, написанный В. И. Лениным, принят был Пражской конференцией (см. прим. 167) с незначительными изменениями. (См. наст. том, стр. 388.) — 370.

[167]) *Всероссийская конференция Р. С.-Д. Р. П.,* иначе называемая *Пражской,* открылась 18 января 1912 г. в г. Праге, в помещении Народного дома, принадлежавшего тогда чешской соц.-дем. партии. Конференция имела 23 заседания, продолжавшихся 12 дней, и закрылась 30 января 1912 г.

На конференцию прибыли и принимали участие в ее работах 14 делегатов с решающ. голосом от след. организаций: от Петербурга — П. А. Залуцкий (Фома) и П. Онуфриев (Степан-токарь, рабочий Обуховского завода), от Москвы — Голощекин (Филипп, Борис Иванович), Г. Е. Зиновьев и В. Р. Малиновский (от профсоюзов, впоследствии оказался провокатором); от Центр.-пром. области — А. С. Романов (из Тулы; впоследствии оказался провокатором), от Саратова — А. К. Воронский (Валентин), от Тифлиса — Г. К. Орджоникидзе (Серго), от Баку—Спандарьян (Тимофей), от Николаева — Л. П. Серебряков (Ерема), от Казани — А. И. Догадов (Павел), от Киева — Д. Шварцман (Виктор Ордынский), от Екатеринослава — Зевин (Савва) и от Двинска и Вильны — М. М. Гурович (Матвей).

С совещ. голосами участвовали: от ред. Ц. О. — В. И. Ленин, от «Раб. газеты» — Л. Б. Каменев, от К. З. О. — Н. А. Семашко и от транспортной группы — О. Пятницкий (Альберт). Среди перечисленных участников были 2 меньшевика-плехановца: киевский делегат — Шварцман и екатеринославский — Зевин. Приглашенные Российской Орг. Комиссией национальные с.-д. организации и различные заграничные «течения» своих представителей не прислали.

Еще за много дней до открытия конференции, съехавшиеся заграницу делегаты знакомились с документальными материалами внутрипартийной борьбы последнего времени. Они же решили (в числе 7 человек) обратиться, несмотря на двукратные приглашения этих же организаций

и групп со стороны Р. О. К., с новым приглашением к Плеханову, группе Троцкого (венская «Правда») и группе «Вперед». В. И. Ленин был против такого упрашивания их. В ответ на приглашения, разосланные от имени делегатов в первых числах января 1912 г., Плеханов прислал письмо «товарищам, пригласившим» его на конференцию, в котором он заявлял: «Состав Вашей конференции до такой степени однообразен, что мне лучше, т.-е. сообразнее с интересами единства партии, не принимать в ней участия». Во всяком случае он благодарил делегатов за внимание и выражал надежду пожать их руки «на действительно партийной конференции». Троцкий прислал предлинное письмо, датированное 9 февраля. Месяц целый, оказывается, Троцкий наводил «дополнительные справки о характере и составе конференции». Эти справки, — говорится в письме, — только «усугубили» имевшееся и до того у ред. венской «Правды» представление о конференции, как «о совещании кружка единомышленников-ленинцев при участии некоторых неосведомленных товарищей, хотя бы и не причисляющих себя формально к ленинскому течению». Затем автор письма переходит к характеристике тех организаций, представители которых подписались под приглашением.

Здесь он одни организации объявляет несуществующими, делегатам других организаций отказывает в праве именоваться представителями. Ничего он не может сообщить о Саратовской и Казанской организациях. Бесспорным же признан в письме один только киевский делегат: «Только *киевский* делегат — из всего числа подписавших письмо — представляет, — говорится в письме, — насколько мы знаем, более или менее полную местную организацию». Далее письмо обрушивается на делегатов за неприглашение «Голоса С.-Д.» и «большевиков-примиренцев». Заканчивается это послание напоминанием, что путь к объединению партии лежит через соглашение всех частей партии «в целях созыва общепартийной конференции на началах, формулированных Ц. К. Латышской С.-Д.» («Листок Голоса С.-Д.» № 4, февраль 1912 г., стр. 7 — 9).

К началу открытия и во время работ конференции получены были также письменные сообщения о присоединении к ней следующих организаций: Самары, Н.-Новгорода, Сормова, Луганска, не приславших по чисто случайным обстоятельствам своих делегатов. Не мог прислать делегата на конференцию и Ростов с нахичеванской группой. Екатеринбург, Тюмень, Уфа и др. уральские организации, присоединившиеся к Р. О. К., выбрали 3 делегатов, только из-за провалов не попавших на конференцию.

К Р. О. К. присоединилась затем и прислала приветствие конференции одна организация в Сев.-Зап. крае. Думская с.-д. фракция делегировала 2 своих представителей — Полетаева (б-к) и Шурканова (м-к - партиец, впоследствии оказался провокатором) — приехавших с большим опозданием, по окончании работ конференции.

Конференция приняла такой порядок дня: 1) Доклады (доклады Р. О. К., доклады с мест, доклад Ц О.), 2) Конституирование конференции; 3) Современный момент и задачи партии; 4) Выборы в 4-ую Гос. Думу; 5) Думская фракция; 6) Госуд. страхование рабочих; 7) Стачечное движение и професс. союзы; 8) «Петиционная кампания»; 9) О ликвидаторстве; 10) Задачи с.-д. в борьбе с голодом; 11) Партийная литература; 12) Организационные вопросы; 13) Партийная работа заграницей; 14) Выборы; 15) Разное. Конференция выделила из своей среды мандатную комиссию, председателем мандатной комиссии был избран киевский делегат — Д. Шварцман.

Обстоятельный доклад Р. О. К., сделанный т. Орджоникидзе, и доклады с мест самих делегатов давали исчерпывающую картину партийной работы на местах и неопровержимо доказывали, что все важнейшие организации безусловно представлены на конференции. Докладам с мест конференция уделила исключительное внимание, посвятив им 5 заседаний.

В. И. Ленин, председательствовавший на конференции, все же счел нужным собственноручно записать важнейшее содержание сообщений делегатов о местной работе. Такие записи В. И. Ленина сохранились по докладам о положении дел в организациях: Петербурга, Николаева, Сухума, Поти, Батума, Кутаиса, Чиатур, Гори, Тифлиса, Баку (Архив Института Ленина, докум. № 850).

Докладчик от Р. О. К. в заключение своего отчета предлагал собравшимся делегатам признать себя всероссийской конференцией. С речью по вопросу о конституировании конференции выступал также В. И. Ленин. В архиве сохранились 2 конспекта речи на эту тему (Арх. Инст. Ленина, № 18563 и 18564).

Против конституирования всероссийской конференции яростно возражал екатеринославский делегат, Зевин, вообще державшийся «архисклочно». (См. письмо Ленина Шкловскому, арх. Ин-та Ленина, № 20879.) Уже во время работы конференции Зевин получил письмо от Плеханова, и с этого момента он стал вносить протесты за протестами «в духе Плеханова». По вопросу о конституировании конференции он внес свой проект резолюции, где признал, что «Р. О. К. не обходила ни одной из известных ей русских организаций» и что все заграничные «течения» (кроме «Голоса С.-Д.») оповещены и приглашены; протестовал против непосылки ими своих представителей, но предлагал конституироваться, как «конференция представителей русских организаций» («Рабочая Газета» № 8, март 1912 г.). Проект этой резолюции конференция отклонила голосами всех против одного голоса, признав себя общепартийной конференцией, являющейся «верховным органом партии». Другой из меньшевиков-партийцев, киевский делегат Д. Шварцман, в общем поддерживал большинство конференции по всем обсуждавшимся вопросам.

Из сохранившихся подлинников обсуждавшихся и принятых на конференции резолюций рукою В. И. Ленина написан проект — «о ликвидаторстве и о группе ликвидаторов» (см. стр. 370 — 373) и набросок изменений организационного устава партии. Сохранившиеся же подлинники ряда других резолюций написаны Зиновьевым и Каменевым и в той или иной мере содержат исправления, внесенные рукой В. И. Ленина. Так как принятые на Пражской конференции резолюции, согласно определенному заявлению участников ее, составлялись под непосредственным руководством В. И. Ленина и были им проредактированы, они включены в текст Сочинений так же, как это было сделано и в I изд.

На конференции избран был Ц. К. в следующем составе: Ленин, Зиновьев, Орджоникидзе, Д. Шварцман, Ф. Голощекин, Спандарьян, Малиновский. Кандидатами, на случай ареста членов Ц. К., были выбраны: А. С. Бубнов, А. П. Смирнов, М. И. Калинин, Е. Д. Стасова. Вскоре после конференции в состав Ц. К. были кооптированы: И. В. Сталин и Белостоцкий (Владимир). 5 членов Ц. К. должны были проживать в России и составлять русскую коллегию Ц. К. Коллегия эта, в свою очередь, выделила исполнит. бюро в составе: Орджоникидзе, Спандарьян, Сталин и Голощекин.

Представителем в Межд. Соц. Бюро выбран был В. И. Ленин, конференция обратилась также с предложением к Плеханову взять на себя обязанность второго представителя Р. С.-Д. Р. П. в М.С.Б.

Делегаты, разъехавшиеся по местам, сделали доклады местным организациям о конференции. Доклады были распределены так: Спандарьян — на Кавказе и в организациях Латышской с.-д., Орджоникидзе и Онуфриев — в Петербурге, Голощекин — в Москве, на Урале и Центр. пром. районе, Шварцман — в Киеве, Екатеринославе и др. городах.

Протоколы этой выдающейся в истории большевизма Всероссийской конференции не издавались, а секретарские записи, которые велись, не разысканы. В феврале 1912 г. в издании Ц. К. в Париже выпущена бро-

шюра: «Всероссийская конференция Росс. Соц.-Дем. Раб. Партии 1912 г.». В ней помещены: «Извещение» о конференции и все принятые резолюции. — 374.

[168]) *Петиционная кампания* — так называли агитационную шумиху, поднятую ликвидаторами и венской «Правдой» Троцкого в пользу петиции, составленной петербургскими ликвидаторами в декабре 1910 г. Петиция обращена была к «господам народным представителям» III Думы и пыталась убедить их в том, что рабочим «нужно свободно организоваться для защиты своих интересов». «Нам нужна — говорилось в петиции, — свобода союзов, собраний, стачек». Петиция была пущена на предприятия с тем, чтобы рабочие подписывались под нею, после чего эту петицию предполагалось направлять в Думу.

Несмотря на большой шум, поднятый вокруг этого дела ликвидаторами в легальной печати, им удалось собрать всего-навсего около 1300 подписей, причем в таких центрах рабочего движения, как Москва и Баку, или на таких крупных предприятиях в Петербурге, как Путиловский и Трубочный заводы, по признанию самих ликвидаторов, кампания не имела никакого успеха.

Троцкий, поддерживавший ликвидаторство, выступил ярым защитником петиционной кампании. Он разослал ряду виднейших деятелей II Интернационала анкету по этому вопросу, а полученные ответы он опубликовал в своем органе («Правда» № 23. 23 (10) декабря 1911 г.). Общий же смысл полученных ответов сводился к тому совершенно правильному утверждению, что в принципе массовая петиция вовсе не отвергается соц.-демократией, и при известных обстоятельствах она может явиться весьма подходящей; что же касается конкретной русской петиционной кампании, то иностранные деятели судить о ней не берутся.

Большевики, разоблачая игру ликвидаторов в «кампанию», неустанно указывали 1) что «кампания» эта — не массовая, а целиком выдумана и проводится группой ликвидаторов-интеллигентов и 2) что требование свободы коалиций (союзов) ни в коем случае не может быть вырвано из всей суммы революционных требований рабочего класса. Пражская конференция в специальной резолюции и обосновала эту точку зрения большевиков. — 387.

[169]) Речь идет о газ. «Социал-Демократ». При обсуждении доклада Ц. О. участником конференции т. Пятницким внесено было предложение превратить Ц. О. в месячный научный журнал, наподобие «Neue Zeit». Предложение было мотивировано тем, что для массового читателя имеется популярная «Рабочая Газета» заграницей и «Звезда» в России. (См. О. Пятницкий: «Записки большевика», 1921 г., стр. 132.) Предложение было отвергнуто конференцией. — 391.

[170]) Имеется в виду газета Троцкого, венская «Правда». О соглашении с редакцией этой газеты см. XIV том Сочинений. — 392.

[171]) *Комитет Заграничной Организации* (К. З. О.) Росс. Соц.-Дем. Раб. Партии основан был 30 декабря 1911 г. на совещании большевистских заграничных групп, состоявшемся 27 — 30 декабря 1911 г. в Париже.

Мысль о созыве совещания, выдвинутая Парижским кружком содействия «Рабочей Газете», встретила живейший отклик среди заграничных групп, поручивших самый созыв совещания Парижскому кружку. Бюро последнего сконструировалось как «организационное бюро по созыву совещания заграничных большевиков». Выборы делегатов на совещание происходили по такой норме: группы, насчитывающие в своем составе менее 10 чел., посылают 1 делегата; от группы в несколько десятков человек по 1 делегату на каждый десяток; вопрос о предоставлении решающего или совещательного голоса самым незначительным группам решает само совещание.

На совещание прибыли делегаты от большевиков следующих городов: Парижа, Нанси, Цюриха, Давоса, Женевы, Льежа, Берна, Бремена. С сочувствием отнеслись к идее большевистского совещания, но не могли прислать своих представителей отчасти по техническим, отчасти по материальным затруднениям, большевики из Тулузы, Лозанны, Лондона, Брюсселя, Антверпена, Копенгагена, Ниццы и ряда других городов. Отдельные группы большевиков из этих последних городов прислали подробные письменные доклады на совещание. С решающими голосами участвовало 11 делегатов (15 мандатов), с совещательными: члены организационного бюро — Владимирский, Е. Розмирович, Инесса Арманд, Манцев, Антонов (Свиягин), члены редакции «Рабочей Газеты»: Ленин, Каменев, Зиновьев; секретарь редакции Н. К. Крупская, и докладчик по вопросу о заграничных организациях Н. А. Семашко. Председательствовали на совещании: Шкловский, Руде и Н. В. Кузнецов. В порядке дня стояли следующие вопросы: 1) отчет организационного бюро и делегатов с мест; 2) о положении дел в партии; 3) о положении дел заграницей и отношении к различным течениям; 4) вопросы организационные; 5) о задачах заграничной работы; 6) отношение к конференции; 7) разное.

Докладчиком по вопросу о положении дел в партии выступил В. И. Ленин. Авторская запись этого доклада, представленная докладчиком в секретариат совещания, озаглавлена: «Организация партийных социал-демократических сил заграницей и задачи большевиков» (хранится в архиве Института Ленина).

По докладу В. И. Ленина, а также по ряду других, стоявших в порядке дня вопросов, была принята общая резолюция, обстоятельно излагающая положение дел в партии вообще и заграницей в частности. Последние два пункта этой резолюции посвящены З. О. К. Там говорится:

«8) Большевики заграницей берут на себя инициативу создания заграницей Заграничной Организации Р. С.-Д. Р. П. на основе отказа от каких бы то ни было прямых или косвенных соглашений с ликвидаторами-голосовцами, и затем на основе проведения действительно партийной линии. Эта линия определяется в настоящее время, во 1-х, работой, согласной с декабрьскими резолюциями 1908 г., во 2-х, поддержкой единственно ведущих партийную линию органов: Ц. О. и «Рабочей Газеты»; в 3-х, безусловной поддержкой Р. О. К. и признания ее как единственно полномочного центра с.-д. русской работы.

«9) Основывая Заграничную Организацию Р.С.-Д.Р.П. и выбирая комитет этой организации, совещание постановляет: всюду на местах организовать отделы этой Заграничной организации и считает необходимым привлечение в эти отделы всех партийцев, согласных поддерживать Российскую Организационную Комиссию, Ц. О. и «Рабочую Газету»».

Выбранный на совещании К. З. О. составился из следующих членов: Н. А. Семашко, М. Ф. Владимирский, Инесса Арманд, Манцев (Глеб) и Н. В. Кузнецов (Сапожков). Кандидатами избраны были: Е. Розмирович, Антонов (Бритман, Свиягин), Ильин, Багзадян (Юрий) и еще два товарища — Сергей и Валентин (имена их не установлены). — 393.

[172]) Избирательная кампания в германский рейхстаг закончилась 25 января 1912 г. большой победой германской социал-демократии. Последней удалось провести в рейхстаг 110 с.-д. депутатов, за которых подано было $4^1/_2$ миллиона голосов. Более подробные данные об этом событии имеются в статье В. И. Ленина: «Сила рабочих партий в европейских парламентах» (стр. 512 — 517 наст. тома).

Приветствие послано было в редакцию газ. «Vorwärts» из Парижа. Текст этого приветствия напечатан в «Vorwärts» от 27 января 1912 г. № 22, 1 Beilage, в следующем виде: — «Im Namen der *Sozialdemokratischen Arbeiterpartei Russlands* senden das Zentralorgan der Partei und die Organisationskomission an die deutsche Sozialdemokratie zu ihren glänzenden Sieg

über die ganze bürgerliche Gesellschaft ihren brüderlichen proletarischen Gruss» («От имени Р.С.-Д.Р.П. Центральный орган партии и Орг. Комиссия шлют братский пролетарский привет германской соц.-демократии по случаю ее блестящей победы над всем буржуазным обществом». — 395.

[173]) «*Живое Дело*» — еженедельная легальная газета меньшевиков-ликвидаторов, выходившая по пятницам с 2 февраля (20 января) по 11 мая (28 апреля) 1912 г. Всего вышло 16 №№. В состав редакции входили Ежов, Миров, Маевский, юридический редактор Н. Н. Панов. В числе сотрудников газеты были следующие члены с.-д. фракции 3-й Думы: 1) Е. П. Астраханцев, 2) Р. С. Кузнецов, 3) Шурканов, 4) Т. О. Белоусов.

Цитируемая Лениным статья: «За объединение — против раскола» напечатана в «Живом Деле» № 7, 15 (2) марта 1912 г. Далее В. И. Ленин ссылается на статью редакции «Нашей Зари»: «По поводу статьи Н. Троцкого» («Наша Заря» № 11, 1911 г., стр. 130), где, между прочим, говорится: «Слов нет, объединение — хорошая вещь, но только в том случае, если оно, как и все в политике, подчинено интересам движения дела, если его не культивировать, как своего рода искусство ради искусства. А то, ведь, из объединения quand même, хотя бы вокруг пустого пространства, может получиться один лишь конфуз, как получился величайший конфуз из «объединения» на пленарном заседании прошлого года. И, конечно, не «ликвидаторы» виноваты в этом конфузе, «ликвидаторы», не поддержавшие активного *тогдашнего* объединения — что Троцкий *теперь* им ставит в вину, а именно это самое объединение — объединение с тем, с чем нельзя объединиться, объединение, во имя которого были покрыты амнистией преступления современной нечаевщины».

Далее В. И. Ленин цитирует следующие статьи: 1) А. Потресова: «Почему пустяки одолели» («Наша Заря» № 2, II, 1910 г., стр. 61); 2) «Журнальное Обозрение» № 5, 12 апреля (30 марта) 1910 г., стр. 51; 3) Г. Плеханова: «О пустяках, особенно о Потресове» («Социал-Демократ» № 13, 9 мая (26 апреля) 1910 г., стр. 6); 4) Ю. Ларина: «Пути созидания» («Дело Жизни» № 6, 7 июля (25 июня) 1911 г., стр. 15). Там говорится: «При небольшом количестве политически невинных молодых рабочих, при некотором повышении ныне интереса ко всему, что носит кличку «политика», и при неотчетливости пока в широкой рабочей среде представлений о путях движения вообще — не так трудно слепить в каждом городе в непрочные «кружки пропаганды» пару сот человек. Но новички из случайных посетителей кружковых занятий — не есть ядро русской социал-демократии, занятия по учебнику Богданова — не есть политика. И все это добросовестное, но все же маскарадное, предприятие — не есть классовая партия, а только «одно недоразумение», способное вводить в заблуждение лишь политических младенцев и лишь роняющее представление о партии вообще».

В P.S. к своей статье В. И. Ленин имеет в виду статью Троцкого — «Политические письма. Есть ли у нас конституция?» («Живое Дело» № 7, 15 (2) марта 1912 г.), которая заканчивается так: «Но социал-демократия потому и является самой реалистической из всех существующих партий, что свои великие задачи умеет не только в виде формулы начертать на внутренней поверхности черепной коробки, но и провести их через всякую историей созданную комбинацию сил и действенно развернуть их на той почве, какая у нее в данный период имеется под ногами. Именно поэтому социал-демократия со всей энергией и со всем единодушием выступает в предстоящей избирательной кампании». — 396.

[174]) В. И. Ленин имеет в виду статьи: 1) Л. Мартова: «К выборам (Против реакции)» («Живое Дело» № 2, 27 января 1911 г.) и 2) Ф. Дана: «Наши люди» («Живое Дело» № 3, 1 февраля 1912 г.). — 401.

[175]) В газ. «Звезда», как и в I изд. Собр. соч., ошибочно напечатано слово «лишних», вместо «сильных». В подстрочном примечании к своей

статье «Плохая защита либеральной рабочей политики» В. И. Ленин отмечает эту опечатку. (См. наст. том, стр. 440.)—403.

[176]) В число 5 больших городов, в которых, по выборному закону, существовали прямые выборы с перебаллотировками, входили: Петербург, Москва, Рига, Киев и Одесса.—403.

[177]) *«Угрюм-Бурчеев»*—карикатура на всесильного царского временщика Аракчеева в «Истории одного города» М. Е. Салтыкова-Щедрина. Граф Твердоонто—тоже Щедринский персонаж, «странствующий администратор», в отставке, появляющийся в серии очерков «За рубежем».—407.

[178]) Доклад этот написан Лениным, состоявшим тогда членом Межд. Соц. Бюро, и подписан «Pour le Comité Central» («За Центр. Комитет»). Доклад, как официальное извещение о состоявшейся Всероссийской конференции Р.С.-Д.Р.П., был разослан Международным Социалистическим Бюро секретарям всех братских партий за подписью Гюисманса при циркуляре № 4 от 18 марта 1912 г. на французском языке, где говорилось: «Настоящим препровождаем копию доклада тов. Ленина, который благоволите опубликовать в партийной печати». (Архив Института Ленина, докум. № 19351.)

Из печатных органов зап.-европейских социалистич. партий, опубликовавших это извещение, нам известны: 1) орган бельгийской партии, газ. «Le Peuple» («Народ») от 23 марта 1912 г. и 2) орган германской партии, газ. «Vorwärts» («Вперед») от 26 марта 1912 г. (№ 72, 1 приложение).

Рукопись этого доклада не сохранилась. Перевод сделан с немецкого текста, опубликованного в «Vorwärts» и сверенного с хранящейся в архиве Института Ленина копией циркуляра М. С. Б.—409.

[179]) В феврале 1912 г. депутат III Думы от Иркутской губ., меньшевик-ликвидатор Т. О. Белоусов, подал в думскую соц.-дем. фракцию заявление о выходе из состава фракции. Уход свой он мотивировал тем, что фракция еще два года назад стала для него «совершенно чуждой средой». «Фракция знает,—писал он в заявлении,—мое отрицательное отношение к официально-господствующему течению социал-демократии (но не к самой идее организации демократических масс). Ныне своим выходом я окончательно ставлю точку над i. Знаю, что мой выход не есть мое личное дело, точно так же, как и дело народного представителя не есть дело служения какой-либо фракции, партии, а есть дело служения населению... Я хочу отметить и подчеркнуть, что существование современного официально-господствующего направления в русской социал-демократии есть опасный гипноз, отводящий внимание рабочих масс от строительства действительно отвечающей их интересам партии».

В этом заявлении Белоусов выразил пожелание, чтобы не предавать гласности факта его ухода из фракции. Решение фракции по этому делу было напечатано в заметке «К уходу из думской социал-демократической фракции депутата Т. О. Белоусова» («Звезда» № 12 (48), 7 марта (23 февраля) 1912 г.).

Спустя два дня после появления этой заметки в кадетской «Речи» (№ 54 (2008), 9 марта (25 февраля)) напечатано было «письмо в редакцию» Белоусова, в котором он, между прочим, писал: «Сообщу, что фракция в своем заявлении ровно ничего не сказала о действительных мотивах моего с нею разрыва. Я знаю, что независящие обстоятельства не позволяют фракции огласить мои разногласия с нею, изложенные как в устном, так и письменном объяснении. Но потому я полагал бы, что небольшая доля вдумчивости должна была удержать фракцию от продиктованных недобрым чувством мести наветов на своего бывшего сочлена».

Письмо это вскоре было перепечатано газетой «Живое Дело» (№ 7, 15/III (2/III) 1912 г.). В том же номере этой ликвидаторской газеты поме-

щена была никем не подписанная статья — «К уходу депутата Белоусова». В начале статьи говорится: «Мы не считаем себя в праве останавливаться на оценке шага Т. О. Белоусова, пока не оглашены мотивы, им руководившие». А далее, перечисляя думских депутатов, дезертировавших из с.-д. фракции, статья говорит: «Трудно возлагать ответственность за это на отдельных лиц и незачем говорить об их недобросовестности, неискренности и пр. Подобные случаи объясняются теми условиями, при которых приходится у нас существовать социал-демократии и развивать свою деятельность во время выборов... И потому нас не должны смущать те случаи дезертирства, какие имели место за пятилетие существования третьей Думы».

Между тем, яркий свет на историю дезертирства этого ликвидатора бросила следующая заметка, напечатанная мелким шрифтом в № 69 газеты «Речь» от 24/III (11/III) 1912 г.: «Вопрос об уходе из Гос. Думы Т. О. Белоусова обсуждался, как сообщает «Голос Сибири», в состоявшемся 29 февраля заседании иркутского биржевого комитета. Комитет постановил послать Т. О. Белоусову телеграмму следующего содержания: «Представители торговли и промышленности убедительнейше просят не отказываться от звания члена Думы, иначе Иркутская губерния лишается совершенно представительства в Думе». В тот же день, в ответ на свою телеграмму, биржевой комитет получил от Т. О. Белоусова следующее телеграфное сообщение: «Приношу самую сердечную благодарность за поддержку и доверие. Белоусов».

Последние факты не были еще известны В. И. Ленину, когда он писал свою статью, появившуюся в «Звезде» от 26 (13) марта 1912 г. Редакция «Звезды» поэтому сообщила читателям содержание этой дружественной переписки Белоусова с биржевым комитетом, снабдив статью В. И. Ленина соответствующей припиской.

После появления в «Звезде» статьи В. И. Ленина «По поводу ухода депутата Т. О. Белоусова из с.-д. думской фракции», Белоусов прислал во фракцию новое заявление, полное брани по адресу революционной социал-демократии. Из пространных «разъяснений» обстоятельств своего ухода, которые пытается дать Белоусов в этом позорном документе, следует отметить следующие места: «Да, я ликвидирую связь с той социал-демократией, которая стоит, по моему глубокому убеждению, поперек пути строительного творчества демократической мысли, с той социал-демократией, которая ядом своего морального разложения отравляет рабочую мысль, с той социал-демократией, о похождениях, о философиях и этике которой так красочно повествуют разоблачения Мартова». Ликвидаторское же направление там же Белоусовым объявляется «действительно здоровым течением, несущим жизнедеятельность рабочим организациям».

«Другую сторону» своих разногласий с с.-д. фракцией Белоусов излагает такими словами: «Ряд лет работы в Думе, внимательное изучение современной общественной жизни и, наконец, указания моих избирателей привели меня к убеждению, что парламентская тактика с.-д. группы, будучи копией аналогичной тактики заграничной с.-д. и откликом большевистского течения русской, не может охватывать все многообразие выдвигаемых нашей своеобразною русской жизнью вопросов», иными словами, речь идет о различном отношении фракции и Белоусова к *местным* интересам, отстаивать которые во что бы то ни стало он считал своей первейшей обязанностью.

Заявление это опубликовано было впервые в журнале «Просвещение» № 11 в ноябре 1913 г. и перепечатано у Г. Зиновьева (Сочинения, том II, стр. 289—295). — 411.

[180]) **Доклад Ленина Международному Соц. Бюро о состоявшейся Всероссийской конференции** (см. настоящий том, стр. 409), разосланный при циркуляре М. С. Б. от 18 марта 1912 г. по всем братским партиям,

всполошил заграничных ликвидаторов и поддерживавших их троцкистов и примиренцев. Они повели клеветническую кампанию против Пражской конференции, всячески пытаясь повлиять на соц.-дем. партии Запада в том смысле, чтобы сообщение о конференции не было опубликовано в партийной печати.

Одному из руководителей этой кампании против партии, Л. Троцкому, пришла на помощь редакция «Vorwärts». Официальное сообщение о конференции, разосланное секретарем М. С. Б., центр. орган германской соц.-демократии опубликовал в сопровождении комментариев Троцкого. («Vorwärts», 26 марта 1912 г. № 72, 1 приложение.) В статье Троцкого, озаглавленной: «Aus dem russischen Parteileben» («Из жизни русской партии»), напечатанной без подписи, говорилось, что приводимое сообщение выражает лишь точку зрения одной группы Р. С.-Д. Р. П., а именно — «ленинцев», что Пражская конференция не может быть названа общепартийной и что действительная конференция партии может быть созвана только Орг. Комитетом, созданным на январском совещании национальных организаций. В заключение приводилась клеветническая резолюция, принятая на совещании представителей «течений» (см. прим. 181).

Ленин от имени редакции Ц. О., «Социал-Демократ», написал статью в ответ на выступление анонима, и статья была отправлена в редакцию «Vorwärts». Но Р. Гильфердинг, руководивший тогда редакцией этого органа, отказался напечатать статью. Тогда редакция «Социал-Демократа» выпустила этот ответ на немецком языке в виде отдельной брошюры и разослала ее по 600 немецким адресам (редакциям немецких с.-д. изданий, должностным лицам германской соц.-дем. партии, местным комитетам, библиотекам и т. д.).

Подлинный текст статьи, написанной, повидимому, на русском языке, не разыскан. Печатаемый текст является переводом с немецкого.— 419.

[181]) После появления (в феврале 1912 г.) «Извещения о всероссийской Конференции Р.С.-Д.Р.П.» спешно созвано было ликвидаторами и Троцким совещание для принятия ругательной резолюции. Совещание состоялось в Париже 12 марта 1912 г. и назвало себя «*Совещанием представителей* Заграничного Комитета Бунда, меньшевиков-партийцев, группы «Вперед», большевиков-партийцев, «Голоса Социал-Демократа» и «Правды»». В партийных документах это совещание, для краткости, называют иногда «*совещанием представителей течений*».

На нем были: от Загр. К-та Бунда — А. Бергман, от меньшевиков-партийцев — Ш. Рапопорт и М. Бабин, от группы «Вперед» — А. Луначарский, от большевиков-партийцев — Владимиров (Лева) и Любимов (Марк), от «Голоса С.-Д.» — Горев и от венской «Правды» — Троцкий.

В единственной резолюции, ради которой это совещание в сущности и созывалось и которая была принята единогласно, «совещание» ставит Пражской конференции в вину, что она созвана Росс. Орган. Комиссией, в состав которой не входили представители национальных организаций, что эту Р. О. К. «не признавали ряд местных организаций и Кавказский Областной Комитет», что на конференции «представлена была лишь часть исключительно *русских* организаций» и, наконец, что конференция «осмелилась самозванно окрестить себя *всероссийской*, объявить себя верховным органом партии и выбрать Ц. К.». Перечислив все эти громкие «обвинения», резолюция переходит к «выводам»: конференция объявляется «явной попыткой узурпации партийного знамени», выражается «глубокое сожаление, что некоторые партийные организации и товарищи дали себя ввести в обман и тем сыграли на руку раскольничьей и узурпаторской политике ленинского кружка», наконец, выражается уверенность, что все «партийные» организации будут «решительно протестовать против совершенного переворота», «не признают выбранных на конференции центров и т. д.» Резолюцию эту постановлено довести до

сведения Междун. Соц. Бюро, Центральных Комитетов и Ц. Органов германской, французской и австрийской социалистич. партий, а также и держателей.

Разосланная этим адресатам резолюция была подписана всеми перечисленными выше участниками совещания. Резолюция тотчас же была выпущена отдельным печатным листком. Венская «Правда» поместила эту резолюцию в № 25 (6 мая (23 апреля) 1912 г.), Бунд перепечатал ее в № 4 «Информационного Листка» (май 1912 г., стр. 5). — **423.**

[182]) В декабре 1911 г. Бунд выступил с предложением созвать — для объединения партии — совещание «из трех, наиболее крупных, работающих в России с.-д. организаций: Бунда, С.-Д. Лат. Края и Кавказского Обл. Комитета». Ц.К. С.-Д. Лат. Края, обсудив предложение Бунда, счел нужным расширить круг организаций, приглашаемых на совещание, присоединив к первым трем организациям С.-Д. П. и Л. и Росс. Организ. Комиссию. Инициативу обратиться ко всем этим организациям и созвать таким путем совещание принял на себя Ц.К. С.-Д. Лат. Края. Об этом решении венская «Правда» объявляла жирным шрифтом под громкими заголовками в № 23, 23 (10) декабря 1911 г.

Совещание это состоялось в средних числах января 1912 г. в одном из русских городов и известно под именем *совещания национальных организаций* или *совещания националов.* Приглашенные организации, кроме Р.О.К., приняли это предложение. Первое заседание открылось в составе 5 делегатов: 2 представителей от С.-Д. Лат. Края, 2 — от Бунда и 1 от т. н. Кавказского Обл. Комитета. Принят был следующий порядок дня совещания: 1) Конституирование; 2) Доклады о состоянии работы в представленных организациях; 3) ближайшие задачи в деле восстановления партийного единства: а) конференция, б) О.К., в) финансы, г) отношение к Р.О.К., д) ближайшие практические шаги, 4) опубликование работ совещания.

На первом заседании «совещания» был намечен порядок дня будущей конференции: 1) выборы в Гос. Думу, 2) организационное единство партии, 3) образование центра. На второе заседание совещания явился также и представитель С.-Д. П. и Л. При переходе к обсуждению вопроса о составе проектируемого Организационного Комитета обнаружились резкие расхождения между представителем С.-Д. П. и Л. с одной стороны, и всеми остальными участниками совещания, с другой. Последние настаивали на пополнении создаваемого совещанием ядра Орг. Комитета представителями крупных групп и организаций «независимо от области приложения их социал-демократической работы и прин длежности их к тому или иному партийному течению». Представитель С.-Д. П. и Л. предложил выкинуть последнюю оговорку и, кроме того, к числу представителей четырех национальных организаций добавить: «представителей Петербурга, Москвы, Киева и Баку и партийного меньшевика, если таковой не будет делегирован одной из местных организаций». Ликвидаторы единогласно, против голоса представителя С.-Д. П. и Л., отклонили эту поправку. После этого представитель Польской с.-д. покинул совещание, которое осталось, таким образом, совещанием латышских, бундовских и кавказских ликвидаторов.

По вопросу об отношении к Р.О.К. совещание приняло резолюцию, в которой оно высказывает свое «безусловно отрицательное» отношение к тем методам, при помощи которых организована была ею январская конференция. В то же время резолюция постановляет «обратиться к Р.О.К. с предложением вступить в переговоры о согласовании своих действий по созыву общепартийной конференции». Это совещание «националов» и созданное им ядро (бюро) Организационного Комитета и подготовили троцкистско-ликвидаторскую «августовскую» конференцию 1912 г. (См. XVI т. Соч.)

Извещение об этом совещании и его решения опубликованы в «Листке Голоса С.-Д.», № 4, февраль 1912 г. и в «Листке Орг. Комитета по созыву общепартийной конференции», № 1, 2 июня (20 мая) 1912 г.

Истинный, т.-е. ликвидаторский характер созываемой этим совещанием и его Орг. Комитетом «общепартийной конференции» вскрыт Г. В. Плехановым в его переписке с уполномоченным Орг. Комитета, Либером, который настойчиво предлагал Плеханову делегировать своего представителя. (См. «Дневник Социал-Демократа» Г. В. Плеханова, № 16, апрель 1912 г., стр. 1 — 11.) — **423.**

[183]) Всероссийская конференция Р.С.-Д.Р.П., обычно именуемая декабрьской конференцией 1908 г., состоялась в Париже 3 — 6 января 1909 г. В п. 1 специально принятой резолюции «Об объединении национальных организаций на местах» говорится: «Конференция предлагает Ц.К. принять меры к проведению объединения местных организаций нашей партии во всех тех областях, где оно до сих пор — вопреки решению Стокгольмского съезда — не произошло». — **425.**

[184]) Здесь, повидимому, ошибка; должно быть: «примкнуло еще 15 организаций». (См. «Доклад Международному Социалистическому Бюро о Всероссийской конференции Р.С.-Д.Р.П.», наст. том, стр. 409.) — **429.**

[185]) Комический персонаж из романа А. Додэ под заголовком «Тартарен из Тараскона» — любитель пышных фраз, безграничных преувеличений и неумеренного хвастовства. — **430.**

[186]) В конце марта 1912 г. В. И. Ленин получил от секретаря Межд. Соц. Бюро Гюисманса копию представленной в Бюро резолюции парижского «совещания представителей *течений*» от 12 марта (см. прим. 181). В связи с этим Ленин написал Гюисману частное письмо, разъясняющее смысл и причины парижского протеста заграничных групп от 12 марта. Подлинник этого письма, написанный по-французски, хранится в архиве Института Ленина (№ 18576). Одновременно или, может быть, спустя несколько дней, В. И. Ленин отправил Гюисмансу другое письмо, носящее характер официального заявления представителя Ц.К. Р.С.-Д.Р.П. Текст этого письма на французском языке был вскоре, 12 апреля 1912 г., разослан Международным Соц. Бюро по всем социалист. партиям для опубликования в партийной печати и сопровождался циркуляром (№ 7) следующего содержания:

«Всем секретарям братских партий. Дорогие товарищи! Междун. Социалист. Бюро получило от тов. Ленина, в ответ на резолюцию протеста, препровожденную при нашем циркуляре № 5, следующий документ, который мы рассылаем на тех же условиях, как и предыдущие документы, и просим опубликовать его в печати».

Подлинник этого письма не разыскан. В русском переводе, сделанном с копии циркуляра, письмо публикуется впервые. Между прочим, этому письму «Информационный Листок Загран. Организации Бунда» (№ 4, май 1912 г.) посвятил заметку: «Как Ленин осведомляет Интернационал».— **432.**

[187]) Конференция прогрессистов открылась в Москве 30 (17) марта 1912 г., председательствовал И. Н. Ефремов, присутствовало до 50 человек. К прогрессистам примкнули московские промышленники: А. И. Коновалов, С. Н. Третьяков, А. С. Вишняков, С. И. Четвериков, П. П. и В. П. Рябушинские, Н. Д. Морозов и др. Присутствовали также приглашенные к.-д. Челноков и Котляревский. Конференция заседала 2 дня. Главной целью конференция считала — создание Московского внепартийного бюро прогрессивных избирателей для Московской губернии и для районов центрального и восточного Бюро; туда и избрали 21 члена. Лозунги прогрессистов: — «добиваться осуществления идей манифеста 17 октября», «проведение реформы местного самоуправления», «защита народно-хозяйственных интересов», «борьба с лже-национализмом» и т. д.

Из числа газет, писавших о конференции прогрессистов, можно

назвать: «Живое Дело», поместившее в № 10, 3 апреля (21 марта) 1912 г. статью: «Обывательская политика»; «Речь» — передовица в № 79 (2033), 3 апреля (21 марта) 1912 г. и «Русское Слово» № 66, 2 апреля (20 марта) 1912 г., статья: «Конференция прогрессистов». — 435.

[188]) В. И. Ленин имеет в виду статьи: 1) Ф. Дана — «Марксистская линия или политическое барышничество?» («Наша Заря» № 1 — 2, февраль 1912 г., стр. 30); 2) Л. Мартова — «Бороться ли с реакцией?» («Живое Дело» № 8, 22 марта (9 апреля) 1912 г.); 3) его же — «К выборам против реакции» («Живое Дело» № 2, 9 февраля (27 января) 1912 г.), где, между прочим, говорится: «Такой тактики (на перебаллотировке) держатся сознательные рабочие всюду, где еще приходится вести борьбу с господством дворянства и бюрократии (в Австрии и Германии напр.)» и 4) Троцкого — «Вопросы избирательной кампании» («Правда» венская № 24, 27 (14) марта 1912 г.), где говорится: «В парламентской тактике, как и во всех других областях, учительницей нашей является германская социал - демократия. Принципиально-отрицательному отношению к политическим блокам, стесняющим свободу революционной агитации — этому мы у нее учились. Но вместе с тем мы не можем не знать, что та же самая германская социал-демократия во время перебаллотировок, когда от ее голосов зависит, кому пройти в рейхстаг: аграрию или либералу — неизменно голосует за либерала». В примечании к этой статье указано, что «Правда» вполне солидаризируется по этому вопросу со взглядами, развитыми в № 8, «Живого Дела». — 444.

[189]) В. И. Ленин имеет в виду информационную заметку «Конференция трудовиков» в газ. «Звезда» № 23 (59), 11 апреля (29 марта) 1912 г.

Конференция трудовиков состоялась в Петербурге в первых числах апреля (нов. ст.) 1912 г. и посвящена была, главным образом, вопросам избирательной кампании.

В числе принятых конференцией лозунгов избирательной кампании были: установление ответственного правительства, отмена акта 3 июня, развитие широкого местного самоуправления, отмена исключительного положения, уравнение в правах всех частей населения, уничтожение сословных и национальных привилегий и т. д. Для борьбы с реакционными партиями решено было входить в блок главным образом с соц.-дем., но также с к.-д. и прогрессистами. Решено было объединить в одну организацию всех, стоящих на почве народнических радикально-демократических требований.

Из числа газет, сообщавших о конференции трудовиков, можно назвать: «Живое Дело» № 11, 12 апреля (30 марта) 1912 г., «Киевскую Мысль» № 86, 10 апреля (28 марта) 1912 г. и «Речь» № 84 (2038), 10 апреля (28 марта) 1912 г., поместившие заметки: «Конференция трудовиков». «Речь», кроме заметки, в указанном № посвятила ей и передовицу. — 449.

[190]) В. И. Ленин имеет в виду статью Р. Б. [Бланка] «Политическая мобилизация» («Запросы Жизни» № 13, 31 марта 1912 г.). В заключительной части статьи говорится: «Положение Трудовой группы в настоящее время более благоприятное. При известных условиях она могла бы выполнить левее к.-д. такую же роль, какую правее к.-д. приняла на себя группа прогрессистов. Оппозиционный фронт тогда состоял бы из подвижных и колеблющихся, но гибких крайних флангов и неподвижного, но упорного центра, что в стратегическом отношении имеет свои выгодные стороны и в политической борьбе» (стр. 780).

Далее имеется в виду статья В. Водовозова «Избирательная программа Трудовой группы» (там же, стр. 773 — 774). Затем В. И. цитирует статью Н. Р — кова [Н. Рожкова] «Современное положение России и основная задача рабочего движения в данный момент» («Наша Заря» № 9 — 10, 1911 г., стр. 33). Либеральные идеи о борьбе за право высказывались В. Левицким в его статьях: «Открытое движение и «частичные» права»

(«Наша Заря» № 4, 1911 г., стр. 71) и «Наша «конституция» и борьба за право» («Наша Заря» № 11, 1911 г., стр. 2). М. Неведомский в своей статье «О Н. А. Добролюбове» (там же, стр. 57) говорит: «Отец народничества»,— этот эпитет был применен к Добролюбову именно в нынешние поминальные дни. Нашлись, впрочем, другие критики, пытавшиеся доказать, что Добролюбов ничего общего с народниками не имел... Последним возражать нет надобности: так самоочевидна безнадежность их позиции. Что же касается эпитета «отца», то его, думается, придется отвергнуть, хотя бы памяти Герцена ради, ибо основоположником и первым провозвестником народничества, наметившим все кардинальные линии будущего здания, — является именно он».

Статья Е. Смирнова «Кадеты и прогрессисты» напечатана в газете «Живое Дело» № 11, 30 марта 1912 г. — 458.

[191]) В. И. Ленин имеет в виду статью: «За объединение — против раскола» («Живое Дело» № 7, 2 марта 1912 г.), где, между прочим, говорится: «Мы спрашиваем, кто их выбирал, кто уполномачивал их говорить и решать именем московских, петербургских и т. д. социал-демократов?» — 461.

[192]) Имеется в виду ликвидаторский «Организационный Комитет», ядро которого создано было на совещании «националов». См. примеч. 182. — 461.

[193]) *«За партию»* — газета парижских групп меньшевиков-плехановцев и большевиков-примиренцев, издавалась непериодически в Париже. Редакция газеты состояла из: Плеханова, Раппопорта, Бабина, Владимирова, Любимова и Лозовского. Газета распространялась по преимуществу заграницей и выражала, главным образом, мнение парижской группы плехановцев.

№ 1 вышел 29 (16) апреля 1912 г., № 5, последний, в феврале 1914 г.—462.

[194]) В. И. Ленин цитирует статью А. И. Герцена «Концы и начала» (письмо пятое), напечатанную в «Колоколе» № 148, 22 октября 1862 г. (Сочинения А. И. Герцена, том X, Женева 1879 г., стр. 244.) — 464.

[195]) В письме: «К старому товарищу» (письмо четвертое) А. И. Герцен писал: «Я не верю в серьезность людей, предпочитающих ломку и грубую силу развитию и сделкам. Проповедь нужна людям, проповедь неустанная, ежеминутная; проповедь, равно обращенная к работнику и хозяину, к земледельцу и мещанину». Затем В. И. Ленин имеет в виду письмо второе, где, между прочим, говорится: «Международные работничьи съезды становятся ассизами, перед которыми вызывается один социальный вопрос за другим, они получают все больше и больше организующий склад, их члены — эксперты и следопроизводители... международный союз может вырасти в Авентинскую гору à l'intérieur (внутри, т. е. в недрах буржуазного мира), отступая на нее, мир рабочий, сплоченный между собой, покинет мир, пользующийся без работы, и он, отлученный, nolens volens пойдет на сделки». (Сочинения, том V, С.-Петербург. Издание Ф. Павленкова 1905, стр. 453; Сборник посмертных статей. Издание детей покойного, Женева, 1870, стр. 291 и Сочинения, т. XXI, под редакцией М. К. Лемке. Государственное издательство, Москва — Петроград, 1923, стр. 439, 449.) — 465.

[196]) Использованное В. И. Лениным официальное издание называется: «Статистика землевладения 1905 г.» Изд. «Центрального статистического комитета М[инистерства] В[нутренних] Д[ел]. Свод данных по 50-ти губерниям Европейской России. С-Петербург, 1907 г. — 470.

[197]) *«Правда»* — ежедневная легальная рабочая большевистская газета. Начала выходить в Петербурге 5 мая (22 апреля) 1912 г.

После бесчисленных репрессий (штрафы, конфискации, аресты редакторов) — закрыта 18(5) июля 1913 г. 26(13) июля 1913 г. вновь вышла под названием «Рабочая Правда» и просуществовала до 14(1) августа 1913 г., когда она была закрыта. В тот же день газета вышла под новым названием: «Северная Правда», которая на № 31 от 20(7) сентября 1913 г. была

тоже прекращена. 24(11) сентября вышла вместо нее «Правда Труда», закрытая 22 (9) октября. Ее сменила «За Правду», закрытая в свою очередь 18(5) декабря 1913 г. Последнюю сменила «Пролетарская Правда». Под этим названием газета выпустила 34 номера. Закрыта была 3 февраля (21 января) 1914 г. На следующий же день ее сменил «Путь Правды», выходивший до 3 июня (21 мая) 1914 г. В тот же день газета вышла под названием «Рабочий». «Рабочий» превращен была в еженедельное издание, а газета с 5 июня (23 мая) стала выходить под названием «Трудовая Правда». Последняя закрыта была 21(8) июля 1914 г., перед самой войной.

Все эти перечисленные газеты сохраняли не только направление «Правды» и старый состав ее газетных работников, но и внешний вид ее. Поэтому время существования старой (т.-е. дореволюционного времени) «Правды» принято считать с 5 мая (22 апреля) 1912 г. по 21(8) июля 1914 г.

В числе ближайших работников «Правды» и членов редакции в разное время были: М. С. Ольминский, Я. М. Свердлов, Н. Н. Батурин, И. В. Сталин, Л. Б. Каменев, М. А. Савельев, Л. Сосновский, В. М. Молотов, К. Н. Самойлова, Юрьев, Гладнев, Ф. Раскольников, В. Васильевский и С. В. Малышев, Н. Г. Полетаев, А. С. Бубнов, С. С. Данилов, К. С. Еремеев и Н. А. Скрыпник. Ближайшее участие в газете принимала также большевистская фракция IV Думы.

Непосредственное участие в руководстве газетой принимал В. И. Ленин, присылавший из-заграницы значительное количество своих статей и в большой непрерывной переписке с редакцией дававший самые подробные руководящие указания. Между прочим, Ленину, особенно в первый период, приходилось весьма часто обращать внимание редакции на замалчивания борьбы с ликвидаторством и на недостаточно боевой характер газеты. «Социалистический орган,—писал Ленин, — должен вести полемику: наше время — время отчаянного разброда и без полемики не обойтись».

Вопрос об издании «Правды» имел следующую историю. Еще летом 1911 г. начал обсуждаться среди питерских рабочих план издания массовой рабочей газеты. Вскоре вопрос о рабочей газете перешел на страницы «Звезды». Рабочие массы живо откликнулись на появившиеся статьи Батурина и др., указывавших, что нужна не «газета для рабочих», а газета рабочая, и что эта газета должна быть выразительницей классовой борьбы пролетариата во всей ее полноте. Рабочие тут же стали производить сборы на газету и передавали их в «Звезду», а не в ликвидаторские органы, зазывавшие к себе рабочих.

Ленские дни еще больше повысили интерес рабочих к газете и значительно усилили приток пожертвований. Вопрос об издании в Питере ежедневной рабочей газеты решен был еще в начале февраля 1912 г. на совещании членов вновь избранного Ц.К. с приехавшими заграницу представителями думской фракции, Полетаевым и Шуркановым (впоследствии оказался провокатором). Усиленный приток денежных пожертвований дал возможность ускорить выход газеты.

Благодаря огромному сочувствию рабочих, газета быстро встала на ноги и начала окупать себя. На-ряду с этими чрезвычайно благоприятными для газеты условиями редакции приходилось выдержать сильнейшие гонения со стороны властей, стремившихся задушить газету не только путем конфискаций и арестов, но и взрывом изнутри: в состав редакции удалось пробраться, помимо провокатора Малиновского, провокатору Черномазову. Последний, заподозренный в провокации, был удален из редакции лишь в январе 1914 г.

Старая «Правда» занимает выдающееся место в истории большевистской печати дореволюционного времени и в истории рабочего движения 1912 — 1914 г.г. вообще. Именно эта газета впервые создала тип рабочего

корреспондента (рабкора) и воспитала целое поколение «правдистов», рабочих большевиков эпохи подъема.

После февральской революции 1917 г. «Правда» вновь стала выходить уже, как официальный орган Ц.К. и П.К. Р.С.-Д.Р.П. В период керенщины снова стала подвергаться преследованиям и даже разгрому и вновь принуждена была менять названия. Вновь вышла уже после победы Октябрьской революции и с тех пор продолжает выходить и поныне.

В. И. Ленин дал оценку старой «Правды» в следующих статьях: 1) «Итоги полугодовой работы», 3) «Рабочий класс и рабочая печать», 2) «К итогам дня рабочей печати», 4) «Доклад Ц.К. Р.С.-Д.Р.П. и инструктивные указания делегации Ц.К. на Брюссельском совещании». (См. XVI и XVII т. т. Сочинений.) — 478.

[198]) *Программа «Союза русского народа»*, состоявшая из пяти приведенных в статье пунктов, печаталась на страницах «Русского Знамени» от 4/XII (21/XI) 1907 г. и ряда последующих номеров, в тексте объявления о подписке на ту же газету. — 480.

[199]) А. О. Гушка: «Представительные организации торгово-промышленного класса в России». По данным анкеты, произведенной XI (промышленно-экономическим) отделом императорского русского технического общества. (Оттиск из «Записок императорского русского технического общества» за 1912 г.) С.-Петербург, 1912 г.

Содержание этой книги пересказано автором ее (Гушка и Ерманский — псевдонимы одного и того же лица — А. О. Когана) в статье «К характеристике российской крупной буржуазии (по поводу нового фактического материала об организациях капитала в России), напечатанной за подписью А. Ерманского в журнале «Наша Заря» 1912 г. (№ 1 — 2, стр. 47 — 59, и № 3, стр. 21 — 31.)

Редакция «Нашей Зари» поместила в № 3 журнала, на последней, 79 странице книжки, такую оговорку: «В статье А. Ерманского пропущено следующее редакционное примечание: правильно отметив нередко игнорируемое многими марксистами *фактическое* политическое влияние крупной буржуазии, автор, на наш взгляд, недооценивает значение для нее *непосредственного участия в политической власти»*. — 488.

[200]) Упомянутый В. И. Лениным циркуляр губернаторов к исправникам был опубликован в «Речи» № 93 (2047) 19 (6) апреля 1912 г. В одном из 7 пунктов циркуляра говорится: «Приняты ли уже в. 6. или только намечены какие-либо меры и какие именно, к обеспечению благоприятных результатов выборов на различных их ступенях и в конечном их исходе, и в частности, меры для обеспечения избрания в уполномоченные от волостей вполне благонадежных и не принадлежащих к левым крестьян-домохозяев и для избрания таких же выборщиков из среды уполномоченных».

Речь В. Н. Коковцева, о которой упоминает Ленин, была произнесена при посещении им 16 (3) апреля 1912 г. Московской биржи. («Речь» № 91 (2045), 17 (4) апреля 1912 г.)

Далее В. И. Ленин цитирует статью Р. Б. «Политическая мобилизация» («Запросы Жизни» № 13, 13 апреля (31 марта) 1912 г., стр. 777, 780) и заметку «Печать» в газете «Речь» № 93 (2047), 19 (6) апреля 1912 г.).

Ссылаясь на Мартова и Дана, В. И. Ленин имеет в виду статью первого: «К выборам. Против «реакции»» («Живое Дело», № 2, 9 февраля (27 января) 1912 г.) и второго: «Марксистская» линия, или политическое барышничество?» («Наша Заря», 1 — 2, 1912 г., стр. 30 — 40). Последние две статьи уже рассматривались В. И. Лениным в статье «Перебаллотировка в России и задачи рабочего класса». (См. наст. том, стр. 444 — 448.) — 506.

[201]) Поводом к письму послужило следующее обстоятельство. В апреле 1912 г. вышла в свет книга молодого тогда экономиста Б. Н. Книповича: «К вопросу о дифференциации русского крестьянства (Дифференциация в

сфере земледельческого хозяйства)» (С.-Петербург, 1912 г., 112 стр.). Книга была прислана Ленину заграницу, и он вскоре ответил автору большим письмом, посвященным разбору этой книги. Письмо не было доставлено адресату, и оно до сего времени не разыскано. Узнав о пропаже письма, Ленин отправил Книповичу второе письмо на ту же тему. Это письмо, найденное в архиве покойного Книповича, впервые опубликовано тов. Теодоровичем в «Большевике» 1928 г. № 7. Подлинник хранится в архиве Института Ленина. — 510.

[202]) На стр. 97 своей книги Книпович сочувственно процитировал ряд утверждений П. Маслова (из книги последнего: «Условия развития сельского хозяйства в России») о том, что «расслоение крестьянства, или, что одно и то же, образование более крупных крестьянских хозяйств происходит при развитии производительных сил, и обратно — при падении производительных сил населения образование таких хозяйств почти невозможно», а также по вопросу об условиях развития и роста капиталистической и некапиталистической земельной ренты.

Так как из всех данных книги Книповича и процитированной также им работы Ленина («Развитие капитализма в России»), наоборот, вытекало, что «формула» Маслова неверна, то заявление Книповича в заключительной части книги (стр. 98), будто его «анализ в общем подтверждает выводы г. Маслова», было совершенно неожиданным. — 511.

[203]) Выражение «водовозные клячи» связано с следующим эпизодом, рассказанным т. Теодоровичем со слов покойного ныне Б. Н. Книповича. Лето 1907 г. Вл. Ильич провел у Книповичей в Финляндии, в глухой деревне на берегу моря. Семья Книповичей усиленно занималась цветами и для их поливки возила воду на себе из расположенного вдали от сада колодца. Вл. Ильич, видя, как отправляются за водой, аккуратно выходил из дому и со словами: «позвольте и мне быть вашей соклячей» — присоединялся к компании. — 511.

[204]) *Иенский партейтаг* происходил с 10 по 16 сентября 1911 г. К съезду был выпущен: «Bericht des Partei-Vorstandes Deutschlands an den Parteitag zu Jena 1911» («Отчет партийного правления к Иенскому партейтагу 1911 г.»).

Приводимые В. И. Лениным фактические сведения о состоянии германской социал-демократии почерпнуты, главным образом, из этого Отчета. Количество ежедневных газет указано неточно: в статье приводится 80, а в Отчете (на стр. 29) — 81. Прирост численного состава партии за время с 1910 по 1911 г. в статье обозначен круглым числом 116 тыс., а в Отчете (стр. 5) — 116.524. Сведения же о приросте к 1912 г. и о численном составе германской с.-д. партии ко времени написания статьи заимствованы из ряда номеров газеты «Vorwärts» за 1912 г. — 515.

[205]) *«Рабочая Партия» (L. P. — Labour Party)* — не является партией в собственном смысле этого слова. Это — объединение ряда рабочих организаций (тред-юнионов, социалистических партий и групп и кооперативов). Основная цель этого объединения — создание особого (помимо либералов и консерваторов) рабочего представительства в парламенте. Инициатором создания этого представительства была Независимая Рабочая Партия. (См. прим. 206.) В 1899 г. ее предложение было принято конгрессом трэд-юнионов, а в 1900 г. был создан «Комитет Рабочих Представителей», положивший начало Рабочей Партии. Официальное название «Рабочей Партии» этот комитет принял в 1906 г.

В 1918 г. Р. П. приняла новый устав, куда, между прочим, был включен пункт о том, что конечной целью партии является обеспечение работникам умственного и физического труда «полного продукта труда» и наиболее справедливого распределения таковых, на основе обобществления средств производства. В годы войны лидеры Р. П. (Гендерсон и др.) приняли активное участие в организации победы английского империализма. — 516.

[206]) *«Независимая Рабочая Партия»* (*I. L. P. — Independent Labour Party*) — социал-реформистская партия Англии, возникшая в 1893 г. Лидерами партии были Кэйр-Гарди и Р. Макдональд. Численность партии колебалась в разное время от 30 до 50 тысяч. Партия была хорошо связана с трэд-юнионами и старалась закрепить свое влияние на них. Вступив в Рабочую Партию, Н. Р. П. передала ей свой партийный аппарат, ее вожди стали вождями Рабочей Партии. В программе 1903 г. своей конечной целью она признает «промышленную республику, основанную на социализации земли и капитала». Средством достижения этой цели программа считает «воспитание общества в принципах социализма», т. е. достижение социализма без классовой борьбы. После войны Макдональд, являющийся официальным выразителем взглядов Н. Р. П., стал апостолом теории бесклассового, так называемого «конструктивного» (созидательного) социализма, который находит себе полное сочувствие и поддержку со стороны буржуазии.

После войны, в 1920 г. Н. Р. П. приняла решение о выходе из 2-го Интернационала и пыталась завязать связь с Коминтерном. Не примкнув к последнему, она была одним из инициаторов создания Венского, так называемого $2^1/_2$ Интернационала, и после распада его снова вошла во 2 Интернационал.

Лидеры Н. Р. П. (Макдональд, Сноуден), представители крайнего оппортунизма, в 1924 г. и в 1929 г. вошли в так называемое «рабочее» правительство. — 516.

[207]) Социал-демократическая партия в Англии называлась *Британской социалистической партией (B. S. P. — British Socialist Party).* Она возникла в результате объединения нескольких социалистических организаций в 1911 г. Основной составной частью ее была возникшая в 1884 г. Социал-Демократическая Федерация — марксистская социалистическая организация, слабо, однако, связанная с массовым рабочим движением. С.-Д. Ф. вышла в 1903 г. из Рабочей Партии, после отказа последней принять социалистическую программу. Руководителем Б. С. П. был вождь С.-Д. Ф. — Гайндман.

В годы войны внутри Б. С. П. возникло два течения, одно — откровенно социал-империалистическое, во главе с Гайндманом, другое — интернационалистическое, руководимое Ф. Ротштейном, Аскью, Инкпином и др.

Правое крыло в 1921 г. приняло старое название С.-Д. Федерации, левое же крыло в значительной своей части вошло в Коммунистическую партию Англии. — 516.

[208]) *«Общество фабианцев» («Fabian Society»)* основано Т. Давидсоном в 1884 г. одновременно с возникновением «Соц.-Демокр. Федерации». Название «фабианцев» происходит от имени римского полководца Фабия Кунктатора (Медлитель), прославившегося выжидательной, уклонявшейся от решительных боев тактикой. Общество — мелко-буржуазная организация, объединявшая в своих рядах писателей, журналистов, профсоюзных деятелей и пр. — ставило своей задачей отвлекать английских рабочих от идей революционного социализма путем пропаганды «муниципального социализма» и мелких реформ, постепенно якобы преобразующих капиталистическое общество в социалистическое. Во главе общества стояли: Бернард Шоу, Сидней и Беатриса Вебб, Г. Уэллс. В 1900 г. общество вошло в состав образовавшейся в том же году «Рабочей Партии» в качестве ее составной части. — 516.

[209]) *«Daily Herald» («Ежедневный Вестник»)* — первая ежедневная рабочая газета в Англии. Основана была 15 апреля 1912 г. группой журналистов, сочувствующих социализму.

Закрылась в августе 1914 г. После некоторого перерыва была переуступлена Джорджу Лансбери, который стал издавать ее сначала как еженедельник («Herald» — «Вестник»), а с 1916 г. опять превратил ее в

ежедневное издание. С 1922 г. газета стала собственностью Рабочей партии и Генер. Совета трэд-юнионов.

С 1928 г. она имеет 400-тысячный тираж; редактируется бывшим коммунистом Мелоном. — 516.

[210]) Это заявление, обращенное, главным образом, к социал-демократической фракции, германский канцлер Бетман-Гольвег (v. Bethmann-Hollweg) сделал в речи, произнесенной им на 7 заседании рейхстага 16 февраля 1912 г. при горячей поддержке правых. Основной тезис речи выражен в следующей фразе его: «я не потерплю дальнейшей демократизации нашего избирательного права и покушения на основы нашей конституции. См. «Verhandlungen des Reichstags XIII. Legislaturperiode. I Session. Band 283 Stenografische Berichte. Von der Eröffnungssitzung am 7 Februar 1912 bis zur 28 Sitzung am 16 März 1912. Berlin 1912, S. 66 («Работы рейхстага. XIII созыв. I сессия, т. 283. Стенографический отчет. От первого заседания 7/II 1912 г. по 28 засед. 16/III 1912 г. Берлин, 1912 г., стр. 66).

Отчет об этом заседании помещен также в газете «Vorwärts» № 40, 17 Februar 1912, I Beilage. — 517.

[211]) Подробнее об этом см. ст. «О статистике стачек в России», стр. 29 — 49 настоящего тома. — 518.

[212]) В. И. Ленин имеет в виду статью А. Северянина: «11 лет... и все то же самое!» («Русские Ведомости» № 110, 28 (15 мая) 1912 г.), где говорится: «Имеется ли у рабочих какое-либо основание к первомайской забастовке примешивать экономические или какие-либо требования? Смело думаю, что их не имеется. Всякая экономическая забастовка может и должна быть начинаема лишь после серьезного взвешивания шансов на успех, после обсуждения всех условий момента и признания их благоприятными. Без такого обсуждения забастовка часто может быть заранее обречена на неудачу и окажется не только бесполезной, а часто даже и вредной для рабочих. Вот почему связывать такие забастовки с моментом именно 1-го мая чаще всего неосновательно. Да и странно как-то: «Празднуем день всемирного рабочего праздника и по этому случаю требуем прибавки 10% на миткаль таких-то сортов». Длинные выдержки из этой статьи перепечатаны в газете «Речь» № 132 (2086), 30 (17) мая 1912 г. Упомянутая статья затрагивается В. И. Лениным и в статье «Революционный подъем», см. стр. 533 — 538. — 521.

[213]) *«Невский Голос»* — еженедельная легальная газета меньшевиков-ликвидаторов; выходила в Петербурге с 2/VI (20/V) по 13/IX (31/VIII) 1912 г.; всего вышло 9 №№. Издавалась Д. Ф. Костровым, редактировалась А. Н. Захаровым (с № 1 по № 6) и Д. Ф. Андриановым (с № 7 по № 9). Сотрудничали в газете: Ст. Иванович, В. Кленов, А. Бибик, Ю. Чацкий, А. Мартынов, П. Аксельрод, Г. Батурский, С. Карелин, А. Коллонтай, В. Ежов, Ал. Богданов.

В. И. Ленин цитирует статью В. Ежова «От стихийности к организации» («Невский Голос» № 1, 2 июня (20 мая) 1912 г.). Эта же статья затрагивается в статье «Ликвидаторы против революционной массовой стачки». (См. настоящий том, стр. 544, 545.) — 521.

[214]) Фраза из речи Маркова II на заседании 11 апреля (29 марта) 1908 г. (Стеногр. отчеты 1908 г., стр. 1307). Речи с.-д. депутатов Войлошникова и Чхеидзе были произнесены на заседаниях Думы 23 (10) и 25 (12) марта 1909 г. (Стеногр. отчеты 1909 г., стр. 421 — 433 и 498).

Цитируемые Лениным официальные документы: 1) «Всеподданнейший отчет статс-секретаря Куломзина по поездке в Сибирь для ознакомления с положением переселенческого дела», стр. 181 и 2) «Всеподданнейшая записка по управлению Кавказским краем» ген.-адъют. графа Воронцова-Дашкова, 1907 г., стр. 164. — 524.

[215]) Парижская секция Загр. Организации Р. С.-Д. Р. П. в печатной

афише объявила на 13 июня 1912 г. реферат В. И. Ленина на тему: «Революционный подъем российского пролетариата». Реферат действительно состоялся в тот же день. В афише были напечатаны краткие тезисы реферата в следующем виде:

«1. Ленские события и первое мая в России. Массовые стачки и их роль. 2. Закономерность революционного подъема, его предтечи и его перспективы. 3. Значение массовой стачки в современных революциях. Опыт 1905 г. 4. Либерализм и демократия перед лицом новой революции. 5. Почему кадеты объявили войну «революционным настроениям» и осудили мысль о «надобности новой революции в России»? 6. Новая обстановка теперешнего революционного подъема. Политические партии, III Дума, выборы. Крестьянство и новая демократическая интеллигенция. 7. «Свобода коалиций» и лозунги народной революции — борьба за республику, за 8-ми часовой рабочий день, за конфискацию всей помещичьей земли».

В сохранившейся перлюстрированной переписке найдено письмо из Парижа, адресованное в Москву и помеченное 28 апреля 1912 г. Письмо начинается так: «Дорогие товарищи, вчера был доклад Ленина о событиях в России и о диктуемой ими партийной тактике. Доклад был сделан на заседании Парижской секции Загр. Орг. Р. С.-Д. Р. П.». В дальнейшей части письма излагается весьма подробно содержание прочитанного доклада.

Содержание доклада, как оно изложено в письме, так же, как и краткие тезисы, объявленные в печатной афише, по существу совпадают со статьей «Революционный подъем». — 533.

216) В. И. Ленин имеет в виду передовицу, озаглавленную — «Ленская бойня и ответ пролетариата». («Правда» (венская) № 25, 6 мая (23 апреля), 1912 г.) — 534.

217) Статья, посвященная Ленскому расстрелу — «Ленская бойня и третьеиюньская монархия»—напечатана была в № 26 «Социал-Демократа» от 8 мая (25 апреля) 1912 г. Там, между прочим, говорится: «Кровавая бойня на Лене — лишь достойное детище того «обновленного» режима, в котором палач и провокатор являются истинными хозяевами государства... Действительная власть в России принадлежит Трещенкам. И она властвует над народом штыком и пулей. И потому не в том сейчас заключается задача русского народа и пролетариата, чтобы отвоевать от Трещенки какие-либо *права*, а в том, чтобы вырвать у него его штык, его власть».

Упомянутая статья написана Л. Б. Каменевым. По ошибке она была включена в первое издание Собр. соч. В. И. Ленина (т. XI, ч. II, стр. 90 — 93). — 534.

218) Прокламация напечатана была в Петербурге и распространялась там на заводах перед 1 мая 1912 г.

В прокламации говорится: «Пусть лозунгами нашими будут: Учредительное собрание. 8-ми часовой рабочий день. Конфискация помещичьих земель». Заканчивается она следующими лозунгами: «Долой царское правительство. Долой самодержавную конституцию 3-го июня. Да здравствует демократическая республика. Да здравствует социализм».

Подписана она «Собранием представителей всех организованных рабочих С.-Петербурга». Вслед за этой подписью перечисляются такие организации: «С.-Д. группа «Объединение», Центральная городская с.-д. группа, Группа рабочих с.-р., Группа рабочих с.-д. С.П.Б., Представители майских комитетов». Полный текст прокламации перепечатан в № 27 «Социал-Демократа» 17 (4) июня 1912 г. — 535.

219) В. И. Ленин цитирует статью А. Северянина: «11 лет... и все то же самое!» («Русские Ведомости» № 110, 15 мая 1912 г.), в значительной части перепечатанную «Речью» (№ 132 (2086), 30 (17) мая 1912 г.).

На нее В. И. Ленин ссылался и в статье «Экономическая и политическая стачка». (См. настоящий том, стр. 518 — 523.) — 536.

[220]) *«St.-Petersburger Zeitung»* (*«С.-Петербургская Газета»*) — ежедневная политическая и литературная газета на немецком языке, выходила в Петербурге; орган немецких октябристов.

В. И. Ленин цитирует статью, озаглавленную «Politische Wochenschau» («Недельный политический обзор»), в 1 приложении к газете № 126. — 537.

[221]) «Так было и так будет впредь» — слова министра внутренних дел Макарова, сказанные в заседании Думы 11 апреля 1912 г. в речи по запросу о Ленских событиях (Гос. Дума, III созыв, Стенограф. отчет 1912 г., сессия V, часть III, заседание 102, стр. 1953). — 538.

[222]) См. прим. 218. — 539.

[223]) В. И. Ленин имеет в виду статью В. Левицкого: «За объединение — против раскола» («Наша Заря» № 4, 1912 г.), о ней же он говорит в статье «Объединители» (см. настоящий том, стр. 546 — 548). — 539.

[224]) Статья Рубановича «Le 1-er Mai en Russie» («1-ое мая в России») напечатана на французском языке в газете: «L'avenir» — «Будущее» № 32, от 26 мая 1912 г. — 541.

[225]) Приведенные цитаты взяты из передовицы венской «Правды» (№ 25, 6/V (23/IV) 1912 г., озаглавленной «Ленская бойня и ответ пролетариата». Весь остальной материал этого номера «Правды» состоит из статей, корреспонденций, резолюций и заметок на тему об объединении Р. С.-Д. Р. П. вокруг Орг. Комитета и протестов против «ленинской» конференции. — 542.

[226]) Цитируется статья В. Ежова «От стихийности к организации» («Невский Голос» № 1, 2 июня (20 мая) 1912 г.). Ее же В. И. Ленин цитирует в статье «Экономическая и политическая стачка» (см. настоящий том, стр. 518 — 523). — 544.

[227]) *Пэ-пэ-эсовцы*, так называются члены *Польской Социалистической Партии (П. П. С. — Polska Partja Socjalistyczna)*, основанной в 1893 г. Партия эта была сильно пропитана националистическими тенденциями, отражавшими настроения польской мелкой буржуазии и некоторой части польского пролетариата. Эклектизм в теоретических и программных вопросах и террористические методы борьбы против агентов царизма в Польше до некоторой степени сближали ее с русскими соц.-революционерами.

В 1906 г., под влиянием бурного роста рабочего движения в России и в Польше и уроков революции 1905 г., партия раскололась на два крыла: правое (т. наз. «революционная фракция», или «фраки»), узко-националистическое, составившее нынешнюю социал-фашистскую партию П. П. С., и левое («левица»). «Левица» в своей новой программе, принятой на X съезде в 1907 г., отказалась от ряда националистических требований и террористических методов борьбы. В тактических вопросах левица была близка к русским меньшевикам-ликвидаторам, с которыми она находилась в тесных отношениях.

Созданный ликвидаторами в январе 1912 г. Организационный Комитет в мае 1912 г. решил пригласить П. П. С.-левицу на созывавшуюся им «общепартийную» (будущую «августовскую») конференцию, с предоставлением ей совещательного голоса. Чтобы ослабить впечатление от этого решения, противоречащего принятым партией постановлениям, О. К-т обратился к «местным организациям» с предложением высказаться по вопросу о приглашении левицы на конференцию.

Решение О. К. об опросе местных организаций напечатано в «Листке Орг. Комитета по созыву общепартийной конференции» № 1, 20 мая (2 июня) 1912 г. Самое обращение к местным организациям по этому вопросу с подробной защитой пэ-пэ-эсовцев (левицы) напечатано в том же «Листке» № 3, 19 (6) июля 1912 г. — 546.

[228]) Эта конференция (3 — 6 января 1909 г.) по вопросу об объединении с «левицей» П. П. С. приняла такую резолюцию:

«Конференция, заслушав предложение товарищей меньшевиков об объединении с «левицей» П. П. С., переходит без прений к очередным делам» (Брошюра: «Всероссийская Конференция Росс. Соц.-Дем. Рабочей партии» (В декабре 1908 г.), изд. газ. «Пролетарий», Париж, 1909, стр. 46). — **546**.

[229]) В статье В. Левицкого — «За объединение — против раскола» («Наша Заря» № 4, 1912 г., стр. 30 — 33), между прочим, сказано: «Основной задачей, стоящей перед с.-д. элементами в России в переживаемый исторический момент... является политическое самоопределение пролетариата и организационное сложение его в самостоятельную политическую силу в ходе этого самоопределения... Действительное, а не бумажное объединение соц.-демократии может совершиться лишь по мере преодоления на практике ленинизма и его тактических и организационных методов».

Упомянутая статья В. Левицкого затрагивается В. И. Лениным и в статье «Лозунги Всероссийской конференции Р. С.-Д. Р. П. в январе 1912 г. и майское движение». (См. наст. том, стр. 539 — 543.)

Дальше В. И. Ленин цитирует статью Л. Мартова: «Опасные симптомы. К выходу Т. О. Белоусова из думской фракции». (Наша Заря» № 4, 1912 г., стр. 11.) — **547**.

[230]) Статья С. Прокоповича: «Перед опасностью» и одобрительный отзыв о ней, напечатаны в газете «Русские Ведомости» № 104, 21 (8) мая 1912 г. — **549**.

[231]) В газ. «Невская Звезда» и в I изд. Собр. соч. ошибочно напечатано «исповедовать» вместо «использовать». В связи с этой опечаткой Ленин в одном из писем в редакцию газеты обратил внимание редакции на «крайне неприятные *опечатки в статьях*» (Архив Инст. Ленина, док. № 21217). — **555**.

[232]) В. И. Ленин имеет в виду статью Скептика «Теория и практика» («Речь» № 106 (2060) 2 мая (19 апреля 1912 г.), где говорится: «Казалось бы, самые ярые поклонники покровительства отечественному производству должны были отступить перед такой перспективой наполнения чужих карманов, которые и без того не в меру оттопыриваются. Но что же надо было предположить о националистах, которые начертали на своем знамени: Россия для русских. И в особенности можно ли было сомневаться в этом по отношению к американцам, против которых националисты имеют исключительно острый зуб. Еще звучат в наших умах угрозы ввести запретительный тариф на американские товары, возможно ли было даже помыслить о том, что националисты станут сыпать русское золото в американские карманы. Но потому-то оно и получилось. И чем настойчивее представители оппозиции разъясняли, куда уйдут премии, тем усерднее хозяева положения вотировали». — **556**.

УКАЗАТЕЛЬ ВАЖНЕЙШИХ ПРИМЕЧАНИЙ В АЛФАВИТНОМ ПОРЯДКЕ.

VI. СЛОВАРЬ-УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН.

А.

АВДАКОВ, Н. С. (1851—1915) — промышленный деятель, горный инженер. С 1882 г. член, а позже председатель Совета съездов горнопромышленников Юга России. С 1906 г. член Государственного Совета от промышленности. Октябрист группы «центра». Ярый защитник интересов крупных промышленников. Автор ряда работ о горно-заводской промышленности. — 309. 494, 498, 499.

АКСЕЛЬРОД, П. Б. (1850—1928) — вначале бакунист, с расколом «Земли и Воли» (1879 г.) примкнул к чернопередельцам. В 1883 г. вместе с Плехановым, Дейчем, В. Засулич и Игнатовым основал Группу «Освобождение Труда». С 1900 г. один из редакторов «Искры» и «Зари». На II съезде партии в 1903 г. примкнул к меньшевизму, дав ему принципиальное обоснование в своих статьях в «Искре» (№№ 55 и 57); выступал с тех пор неизменно в качестве одного из самых яростных противников большевизма. А. принадлежит руководящая роль в выработке меньшевистской тактики за все время существования меньшевистской партии. Осенью 1905 г. выдвинул идею созыва «рабочего съезда». На IV (объединительном) съезде Р.С.-Д.Р.П. (Стокгольм, 1906 г.) выступил с программным докладом о тактике по отношению к Государственной Думе, защищая идею «политического сотрудничества пролетариата и буржуазии в абсолютистской России». Общая идея политики А., особенно настойчиво проводившаяся им с момента поражения революции 1905 г., заключалась во фракционном сплочении меньшевиков с целью произвести «партийную революцию», т.-е. «коренным образом изменить характер русской социал-демократии, как он сложился в дореволюционную и революционную эпоху, и организовать ее на тех же началах, на каких зиждется партийный строй европейской социал-демократии», т.-е. на началах реформизма и легализма. В годы реакции возглавлял «ликвидаторство» и входил в редакцию ликвидаторского органа «Голос Социал-Демократа». Во время войны участник циммервальдской и кинтальской конференций, где занимал крайне-правое крыло; под флагом интернационализма отстаивал позицию, близкую к социал-шовинизму. Был одним из лидеров II Интернационала (Член Международного Социалистического Бюро) и яростным противником Советской власти, проповедывавшим вооруженную интервенцию. — 61, 82, 124, 205, 295, 426.

АЛЕКСАНДР II (1818—1881). — 143, 467, 499.

АЛЕКСАНДР III (1845—1894). — 225.

АЛЕКСАНДРОВ — см. СЕМАШКО, Н. А.

АЛЕКСАНДРОВ, М. — см. ОЛЬМИНСКИЙ, М. С.

АЛЕКСЕЕНКО, М. М. (1847—1917) — профессор финансового права, бывший ректор Харьковского университета. Депутат III и IV Гос. Думы от Екатеринославской губ. Председатель бюджетной комиссии. Октябрист. — 153, 154.

АЛЕКСИНСКИЙ, Г. А. (р. 1879) — социал-демократ, участвовал в студенческом революционном движении; с конца 1905 г. работал в Московской организации. В 1907 году — участник Лондонского съезда Р.С.-Д.Р.П.; член Государственной Думы от рабочих г. Петербурга, наиболее популярный оратор большевистского крыла думской социал-демократической фракции. Во время разгрома II Думы скрылся от суда, вопреки мнению фракции, считавшей нужным не уклоняться от процесса и сурового приговора (каторга для большинства ее членов). За границей вместе с Богдановым настаивал на бойкоте Гос. Думы и продолжении наступательной тактики. В 1909 году — один из руководителей партийной школы на Капри, член группы «Вперед», отзовист. С начала империалистической войны — социал-патриот, член редакции социал-патриотического «Призыва» (Париж) и сотрудник монархической газеты Протопопова «Русская Воля». По возвращении в 1917 г. в Россию примкнул к социал-патриотической группе «Единство», не был допущен в оборонческий Ц.И.К. и занял явно контр-революционную позицию. В 1918 г. скрылся заграницу, где превратился в вождя крайней реакции, сотрудника черносотенных органов «Общее Дело» В. Бурцева, монархической «Русской Газеты» и английских и французских анти-советских изданий. Приобрел заслуженную репутацию грязного интригана и не стесняющегося в средствах человека. — **427.**

АНДРЕЕВ, Н. Н. (НИКОЛИН, Н.) (р. 1876) — в 90-х г.г., будучи сельским учителем, участвовал в марксистских кружках по распространению соц.-дем. идей среди учительства. Писал корреспонденции в марксистский журнал «Наше Слово», в 1901 — 1905 г.г., находясь за границей, примкнул к большевикам. В 1906 — 08 г.г. жил в Петербурге, частью в Торжке, где входил в состав местного с.-д. комитета. В 1909 — 14 г.г. принимал участие в просветительной работе петербургских рабочих клубов. В 1910 — 13 г.г. примыкал к направлению венской «Правды». В настоящее время вне партии; состоит лектором Ленинградского Комм. Ун-та и других вузов. Автор ряда статей и книг по философии, истории и истории культуры. — **308 — 310.**

АНДРЕЙЧУК, М. С. (р. 1841) — крестьянин. Депутат от Волынской губ. в III Гос. Думе. Правый. — **369.**

АНТОНИЙ ВОЛЫНСКИЙ (А. П. ХРАПОВИЦКИЙ) (р. 1864) — митрополит, ярый черносотенец, глава наиболее реакционного течения в русской церкви. С 1905 по 1917 г. был епископом в разных епархиях Украины, один из вдохновителей реакционной политики Николая II, ярый руссификатор. В эпоху гражданской войны 1918 — 1921 г. организатор на Украине, в среде духовенства, монархических организаций. После поражения белых бежал заграницу и в Карловицах (Юго-Славия) был одним из организаторов съезда монархистов. — **225, 485.**

АРКАДИЙ — см. **КАЛИНИН, Ф. И.**

АСТРАХАНЦЕВ, Е. П. (р. 1875) — крестьянин. В 1891 г. поступил на Ижевский Оружейный завод рабочим. В 1907 г. был избран от Вятской губ. в III Гос. Думу, входил в социал-демократическую фракцию, примыкая к меньшевикам; сотрудничал в ликвидаторском «Живом Деле». — **357, 430.**

АУЭР, ИГНАТИЙ (1846 — 1907) — один из крупных деятелей германской социал-демократии, соратник Бебеля и В. Либкнехта, по происхождению рабочий кожевник, неоднократно подвергался преследованиям правительства. На партейтаге в Готе (1875) был избран секретарем партии. Депутат рейхстага. Примыкал к правому, оппортунистическому крылу партии. — **135, 136.**

Б.

БАЗАРОВ, В. (В. А. РУДНЕВ) (р. 1874) — экономист, публицист и философ (махист), в прошлом видный социал-демократ. Начал революционную деятельность в 1896 г. в Москве. В 1897 г. был выслан в Тулу,

где вместе с А. А. Богдановым и И. И. Скворцовым (Степановым) вел пропагандистскую работу. В 1901 г. вошел в Московский комитет, но вскоре был выслан в Сибирь. После раскола партии примкнул к большевикам. В 1905 г. был членом Петербургского комитета. Работал в легальной и нелегальной большевистской печати. Участник IV (Стокгольмского) съезда. В годы реакции отошел от большевиков и сотрудничал в ликвидаторском журнале «Наша Заря». Во время войны интернационалист, сотрудничал в журналах «Современник» и «Летопись». В 1917 г. один из редакторов «Новой Жизни». В 1919 г., в период деникинщины, принимал ближайшее участие в меньшевистском журнале «Мысль», издававшемся в Харькове. Там же издал сборник «На пути к социализму». В настоящее время работает в Госплане С.С.С.Р. Переводчик (вместе с И. Степановым) «Капитала» Маркса. — **50, 51 — 53, 78, 83, 89 — 92, 173, 174.**

БАКУНИН, М. А. (1814 — 1876) — известный русский революционер-анархист, родился в богатой помещичьей семье Тверской губ. Воспитывался в артиллерийском училище. Некоторое время был офицером. В 30-х годах участвовал в Московском кружке Станкевича, где познакомился с философией Гегеля и основательно ее изучил. Летом 1840 г. уехал в Германию и там увлекся немецкой и французской социалистической литературой. Отказавшись вернуться на родину по требованию правительства, в 1844 г. стал политическим эмигрантом. Был лично знаком с Прудоном, Марксом, Вейтлингом и др. западно-европейскими социалистами того времени. Принимал активное участие в революции 1848 г. в Германии и Австрии. Был присужден немецким и австрийским правительством к смертной казни, замененной пожизненной каторгой. В 1851 г. Австрийское правительство выдало Б. России, где его приговорили к пожизненной каторге. С 1851 г. был заключен в Петропавловской и Шлиссельбургской крепостях. В 1857 г. каторга заменена была ссылкой в Сибирь, откуда в 1861 г. Б. бежал за границу. В 1869 г. вошел в Интернационал, но скоро разошелся с Марксом и стал его противником. Создал в Интернационале свою организацию «Аллианс». В 1872 г. на Гаагском конгрессе был вместе со своими сторонниками исключен из Интернационала. Б. — анархист, бунтарь. Теорию его Маркс называет белибердой, составленной по кусочкам из прудонистских, сэн-симонистских и других учений. См. Письмо к Больте от 23/XI 1871 г. См. также письмо Энгельса к Куно 24/I 1872 г. — **465.**

БЕБЕЛЬ, АВГУСТ (1840 — 1913) — виднейший представитель международного рабочего движения второй половины XIX и начала XX в., один из основателей и вождей германской социал-демократии и II Интернационала. Под влиянием В. Либкнехта в 1866 г. вступил в Интернационал и примкнул к учению Маркса. Вместе с В. Либкнехтом основал в 1869 г. «Социал-демократическую рабочую партию», слившуюся в 1875 г. с лассальянцами в единую «Социалистическую рабочую партию Германии», впоследствии переименованную в «Социал-демократическую партию Германии». Неоднократно избирался депутатом от социал-демократической партии в рейхстаг. В 1872 г. был вместе с Либкнехтом приговорен к двухлетнему заключению в крепости за протесты против захвата Эльзаса и Лотарингии. В дальнейшем несколько раз подвергался административной высылке и тюремному заключению. Постоянный участник партейтагов (партийных съездов). В теории всегда признавал себя учеником Маркса и Энгельса. Стоял на левом крыле партии, неоднократно и резко выступал против бернштейнианства и оппортунизма в германской соц.-демократии и в Интернационале. К концу жизни занял центристскую позицию. Автор ряда книг, брошюр и речей. Основное литературное произведение «Женщина и социализм» (1 изд. 1879 г.). Воспоминания Б.: «Из моей жизни» являются ценным источником для истории немецкого рабочего движения. — **12, 113, 212, 213.**

*

БЕЛОУСОВ, Т. О. (р. 1875) — меньшевик-ликвидатор, член III Гос. Думы от Иркутской губ. Бывший учитель. Был сотрудником сибирского журнала «Восточное Обозрение», где писал по общественным и политическим вопросам под псевдонимом «Скромный наблюдатель». Занимал крайне правую, ликвидаторскую позицию. Весной 1912 г. вышел из социал-демократической думской фракции, но не сложил с себя депутатских полномочий. Это вызвало решительный протест партийной части с.-д. фракции и партийной социал-демократической печати. В. И. Ленин дал оценку поведения Белоусова в статье: «По поводу ухода депутата Т. О. Белоусова из с.-д. думской фракции». (См. настоящий том, стр. 411—414.) — 89, 368, 411 — 414, 420.

БЕМ-БАВЕРК, ЕВГЕНИЙ (1851 — 1914) — австрийский экономист, профессор, наиболее выдающийся представитель «австрийской школы» в политической экономии, пытающейся объяснить все экономические явления с точки зрения «субъективных оценок» (теория «предельной полезности»). Ожесточенный противник марксизма, оказавший значительное влияние на развитие современной буржуазной экономической науки. Автор работ: «Grundzüge der Theorie des Wirtschaftlichen Güterwerte» 1886 («Основы теории ценности хозяйственных благ». СПБ. 1903); «Kapital und Kapitalzins», I, II, 1884 — 1889 г. (По-русски переведен 1 том: «Капитал и прибыль». СПБ., 1909 г.); «Zum Abschluss des Marxschen Systems», 1896 г. (по-русски — «Теория К. Маркса и ее критика», СПБ., 1897 г.). Критику теории Б.-Б. см. у Н. Бухарина «Политическая экономия рантье», М. 1925, и у Р. Гильфердинга, «Бем-Баверк как критик Маркса». М. 1924 г. — 285.

БЕР — см. ЛИБЕР, М. И.

БЕРДЯЕВ, Н. А. (р. 1874) — философствующий публицист, проделавший эволюцию от марксизма к идеализму, а затем к мистицизму. Одним из этапов этой эволюции явилась его книга «Субъективизм и индивидуализм в общественной философии» (1901), в которой бернштейнианское выхолащивание марксизма сочетается с кантовской философией. Во время первой революции работал в кадетской партии, после поражения революции — один из участников контр-революционного сборника «Вехи». Примирился с православием. После Октябрьской революции выступил апологетом средневековой схоластики, как единственного спасения от растущего коммунизма. Был выслан из С.С.С.Р. в 1922 г. В настоящее время находится в эмиграции. — 187.

БЕРЕЗОВСКИЙ I, А. Е. (р. 1868) — член III Гос. Думы от Симбирской губ., помещик, кадет. В Думе выступал преимущественно по бюджету и продовольственным вопросам. — 120, 121, 485.

БЕРНС, ДЖОН (р. 1859) — видный деятель английского рабочего движения, машиностроительный рабочий. В 80-х г.г. член с.-д. федерации, но потом из нее вышел. В 1887 г. вместе с Т. Манном положил основание новому направлению в проф. движении, организуя неквалифицированных рабочих. Был подвергнут тюремному заключению в 1887 г. за сопротивление полиции во время демонстрации в Трафальгарском сквере. В 1889 г. был одним из организаторов стачки лондонских докеров. С 1892 г. член парламента. В 1905 г. вошел в либеральное министерство Кэмпбелл-Баннермана. С этого же времени порвал с рабочим движением. — 194.

БЕРНШТЕЙН, ЭДУАРД (р. 1850) — германский социал-демократ. В эпоху исключительных законов против социалистов редактор нелегального органа партии «Sozial-Demokrat» («Социал-Демократ»). В середине 90-х г.г. выступил в теоретическом органе германской с.-д-тии «Neue Zeit» («Новое Время») со статьями, где пытался подвергнуть пересмотру философские, экономические и политические основы революционного марксизма и заменить их теорией примирения классовых противоречий, отрицанием социалистической революции и верой в возможность достижения социа-

лизма путем постепенного «врастания» капитализма в социализм. Связное изложение своих взглядов Б. дал в 1899 в книге «Die Voraussetzungen des Sozialismus und die Aufgaben der Sozialdemokratie» («Предпосылки социализма и задачи социал-демократии»). Выступления Б., вызвавшие резкую критику Р. Люксембург и Парвуса, а затем Г. Плеханова и К. Каутского, послужили исходным пунктом широкой и острой полемики в среде международной с.-д-тии и привели к осуждению ревизионизма на ряде партейтагов и конгрессов. В годы войны Б. — центрист, социал-пацифист; в настоящее время — один из лидеров II Интернационала. Его воззрения целиком победили в германской с.-д-тии и нашли свое отражение в новой программе партии, принятой в 1925 г. в Гейдельберге. — **58, 78, 132, 135, 136, 205, 209, 332.**

БЕТМАН-ГОЛЬВЕГ, Т. (1856 — 1921) — канцлер Германской империи и прусский министр-президент с 1909 г. и во время войны, представитель юнкерских и банковских интересов, ближайший сотрудник Вильгельма в подготовке и организации империалистической войны. — **517.**

БИСМАРК, ОТТО (1815 — 1898) — канцлер Германской империи, представитель юнкерской Пруссии и руководитель политики Прусского государства с начала 60-х г.г. В 60 — 70 г.г. Б., будучи председателем кабинета министров в Пруссии (а с возникновением Германской империи — канцлером империи), сумел использовать насущную потребность национального объединения Германии, вызываемую буржуазным развитием, и провести это объединение в интересах прусских правящих кругов юнкерства. Руководясь в деле управления государством системой т. наз. бонапартизма, Б., не допуская прусскую буржуазию к власти, удовлетворял ее экономические интересы. Для немецкой и особенно прусской буржуазии стал национальным героем. Автор «исключительного закона» 1878 года против социалистов, отмененного в 1891 г. после его отставки. — **112, 158, 212.**

БИССОЛАТИ, ЛЕОНИД (1857 — 1920) — итальянский политический деятель и журналист, социал-реформист. Член Итальянской соц. партии с ее основания (1892), некоторое время редактор «Avanti!» («Вперед»). С 1897 г., член парламента. В 1911 г. вышел из партии, чтобы основать «социал-реформистскую» группу, стоящую за империалистическую политику Италии в Африке и за участие социалистов в министерстве, сам неоднократно был министром. Во время войны сторонник участия в ней на стороне Антанты. — **430.**

БЛАНК, Р. М. (р. 1866) — публицист-либерал (левый к.-д.), сотрудник журнала «Освобождение». С 1905 г. член редакции «Нашей Жизни». После закрытия ее, член редакции газеты «Товарищ». Как публицист, Б. часто выступал в защиту тактики меньшевиков против революционной тактики большевистского крыла русской с.-д., указывал, что тактика меньшевиков есть путь, по которому шла вся международная с.-д-тия. Редактор, вместе с М. М. Ковалевским, либерально-демократического журнала «Запросы Жизни». — **453, 458, 507 — 509.**

БОБРИЩЕВ-ПУШКИН, А. В. (ГРОМОБОЙ) (р. 1875) — адвокат и политический деятель. Член Центрального Комитета и товарищ председателя партии октябристов. Под псевдонимом Громобой писал публицистические статьи в газ. «Голос Москвы» и «Голос Правды». После Октябрьской революции защищал в революционном трибунале черносотенца Пуришкевича, потом бежал к Деникину и оттуда за границу. В 1921 г. участвовал в изданиях группы «Смена Вех», стоящей за прекращение интервенции и за возвращение белых эмигрантов на родину, в 1923 г., амнистированный советским правительством, вернулся в С.С.С.Р. и вступил в члены ленинградской коллегии защитников. — **114 — 116, 118, 121, 161, 163, 164.**

БОГДАНОВ, А. А. (Н. МАКСИМОВ) литературные псевдонимы

А. А. МАЛИНОВСКОГО (1873—1928)—философ, публицист, биолог. К революционному движению примкнул в 90-х г.г., работая в рабочих социал-демократических кружках (в Туле, Москве, Твери и др.). В 1901 г. был сослан в Вологду. С осени 1903 г. примкнул к большевикам. Осенью 1904 г. был избран в члены Бюро Комитетов Большинства, от имени которого выступал с докладом на III съезде Р.С.-Д.Р.П. На последнем был избран в члены Ц.К. Во время революции 1905 г. участвовал в организации и в редакции большевистской газеты «Новая Жизнь», был членом петербургского Сов. Раб. Деп. Член редакции нелегальных большевистских органов: «Вперед» и «Пролетарий». На IV (1906) и на V (1907) съездах был избран в члены Ц.К., на V, кроме того, и в «Большевистский центр». В 1907—8 г.г. начал отходить от большевизма в связи с политическими (по вопросу о роли думской фракции) и философскими (пропаганда махизма) разногласиями с партией. В начале 1909 г. Б. совместно с А. В. Луначарским и А. М. Горьким приступил к организации партийной школы на Капри, пытаясь создать таким путем ядро фракционной организации. Образовал самостоятельную группу, под названием группа «Вперед». В вопросах философии пытался создать собственную систему — «эмпириомонизм», критику которой В. И. Ленин дал в своем труде: «Материализм и эмпириокритицизм» (т. XIII Соч.). В годы мировой войны — был мобилизован на фронт в качестве врача. Сотрудничал в журналах «Современник» и «Летопись». В Октябрьской революции участия не принимал; в сборнике «Вопросы Социализма» (1918 г.) выступил против большевистских методов строительства социализма. В 1918 г. был одним из вдохновителей и идейным руководителем Пролеткульта. Под его идеологическим влиянием находилась группа «Рабочей Правды», но сам он от политической жизни отошел. Последние годы Б. занимался вопросами естествознания, в частности проблемой переливания крови. Был организатором и директором Московского института переливания крови. Погиб в марте 1928 г., произведя на себе неудачный эксперимент. Автор многих работ по философии, социологии, экономике и биологии. — 332, 427.

БОГДАНОВ, Б. О. (Б. ОЛЕНИЧ) (р. 1884) — меньшевик-ликвидатор, член ликвитаторской инициативной группы, создавшейся в Петербурге в конце 1910 г. Сотрудник «Нашей Зари» и других ликвидаторских органов. Во время войны оборонец, один из организаторов Военно-промышленных комитетов. — 138 — 140.

БОНЧ-БРУЕВИЧ, В. Д. (р. 1873) — большевик, историк сектантского движения в России, начал работать в социал-демократических кружках в Москве с 1892 г., с 1896 по 1905 г. жил за границей. После II съезда партии (1903 г.) примкнул к большевикам. Участвовал в организации газеты «Вперед». С конца 1910 г. — один из редакторов «Звезды»; сотрудничал в старой «Правде». После Октябрьского переворота был управделами Совнаркома до октября 1920 г. Потом — главный редактор кооперативного издательства «Жизнь и Знание». — 57.

БРАККЕ, В. (1842 — 1880) — видный германский социал-демократ, примыкавший первоначально к лассальянцам. Во время франко-прусской войны после недолгого колебания занял анти-военную позицию, принимал деятельное участие в издании воззвания к рабочим с призывом начать борьбу против войны, за что был заключен в крепость. Член рейхстага. Автор популярной брошюры «Долой социал-демократов!», переведенной на ряд языков. — 512.

БРЕНТАНО, ЛУЙО (р. 1844) — буржуазный экономист, профессор политической экономии в Мюнхенском университете с 1896 г., сторонник «катедер-социализма» и противник марксизма, проповедывавший «гармонию классов» и возможность разрешения социального вопроса путем примирения интересов капиталистов и рабочих. Основные работы Б.: «Die Arbeitergilden der Gegenwart» («Современные рабочие союзы»), 1871 — 1872,

«Über die Ursachen der heutigen sozialen Noth» («О причинах современной социальной нужды»), 1899 и др. — 174, 498.

БРИАН, АРИСТИД (р. 1862) — французский политический деятель. В 90-х г.г. стоял во главе полуанархической организации «Рыцарей Труда», выступал ярым сторонником всеобщей стачки, благодаря чему пользовался известностью среди рабочих и получил в 1902 г. возможность пройти в парламент; позже примкнул к жоресистам. Несмотря на постановление Амстердамского конгресса (1904) о недопустимости участия социалистов в буржуазном правительстве, Б. в 1906 г. вступил в буржуазное министерство в качестве министра народного просвещения. Исключенный из социалистической партии, Б. примкнул к группе «независимых» социалистов (Мильеран и др.), положивших (в 1911 г.) начало «республиканской социалистической партии» и постоянно поддерживавших кандидатуру Б. В 1909 — 1911 г.г. будучи главой кабинета министров, принимал суровые меры против бастующих железнодорожников, объявив железные дороги на военном положении. С 1906 г. по настоящее время Б. почти все время, за исключением кратковременных перерывов, входит в кабинет министров. — 57, 194.

БРУКЕР, ЛУИ ДЕ (р. 1870) — бельгийский социалист, профессор, член Бельгийской рабочей партии. Выступал против министериализма на съезде партии в 1910 г. В 1911, совместно с де-Маном выпустил книжку: «Die Arbeiterbewegung in Belgien. Stuttgart, Singer, 1911. Ergänzungsheft zur Neuen Zeit. № 9» («Рабочее движение в Бельгии». Штутгарт, Зингер. 1911). После начала войны социал-патриот, член Исполкома II Интернационала; неоднократно был министром и представлял Бельгию на сессии Лиги Наций в 1921 г. — 137.

БУЛАТ, А. А. (р. 1873) — депутат II и III Гос. Думы, трудовик, видный деятель литовского автономистского движения. Как присяжный поверенный, выступал защитником в ряде крупных политических процессов. В октябрьские дни 1905 г. был одним из организаторов почтово-телеграфной и железнодорожной забастовки. Сотрудник многих литовских прогрессивных органов печати. В Думе член нескольких комиссий, выступал по бюджету, по аграрному вопросу, по народному образованию и др. В 1917 г. входил от трудовой народно-социалистической партии в соглашательский В.Ц.И.К., голосовал по основным вопросам вместе с эс-эрами и меньшевиками. После Октябрьской революции уехал в Литву. — 155.

БУЛГАКОВ, С. Н. (р. 1871) — экономист и философ, первоначально один из представителей «легального марксизма», в своих первых экономических статьях и книге «О рынках при капиталистическом производстве» (1897 г.) выступал как сторонник Маркса, затем эволюционировал от марксизма к идеализму и православию. Уже в журнале «Начало» (1899 г.) и, в особенности, в двухтомной работе «Капитализм и земледелие» Б. порвал с марксизмом и целиком стал на ревизионистскую точку зрения, доказывая ошибочность всех основных положений марксистской теории вообще и теории аграрного вопроса в частности. Дальнейшая эволюция Б. получила свое выражение в статьях, помещенных в книгах и сборниках: «Проблемы идеализма» (1902 г.), «От марксизма к идеализму» (1903 г.) и «Вопросы религии» (1906 г.). В 1907 г. Б. был депутатом II Гос. Думы, примыкал к кадетской партии, являлся одним из вождей общественной реакции, господствовавшей после поражения революции 1905 г. После Октябрьской революции стал священником. В настоящее время в эмиграции. — 12.

БУЛЫГИН, А. Г. (1851 — 1919) — царский чиновник, служивший сначала по судебному ведомству, а затем по ведомству мин. внутр. дел. В 1905 г. был назначен министром внутренних дел на место Святополка-Мирского. Выдвинул проект законосовещательной Государственной Думы, опубликованный 19 (6) августа 1905 г. После 17 октября получил от-

ставку, но оставался членом Гос. Совета, где принадлежал к крайне правым. — 15, 20, 41, 191.

БУРЕНИН, В. П. (1841 — 1926) — фельетонист. Сначала писал в либеральном духе, сотрудничал в «С.-Петербургских Ведомостях», с 1876 г. вступил в состав редакции газеты «Новое Время», изменил курс, всецело перейдя на сторону реакции. Прибегал ко лжи, клевете и доносам. Имя его стало синонимом литературной бесчестности и безыдейных методов полемики. — 129, 461.

БУРЦЕВ, В. Л. (р. 1862) — участник революционного движения 80-х годов, из ссылки бежал за-границу. В эмиграции выступил с пропагандой объединения всех оппозиционных и революционных элементов на либеральной платформе, но с террористической тактикой. Типичный для 90-х и 900-х годов тип «либерала с бомбой». Занимался собиранием и публикацией материалов по историко-революционному движению. Автор сборника «За сто лет» (1899 г.) и «Календаря русской революции», конфискованного в 1907 г. и перепечатанного в 1917 г. в изд. «Шиповник». Редактор и издатель журнала «Былое». Специализировался на разоблачении тайн департамента полиции; раскрыл провокаторскую деятельность Азефа. Одно время сблизился с социалистами-революционерами, потом с кадетами. С 1911 г. по 1914 г. издавал в Париже еженедельную газету «Будущее» на русском и французском языках, в программу которой входило объединение различных кругов эмиграции и французской интеллигенции на либеральной платформе и в которой печатались с.-р. Рубанович и с.-д. Мартов. Во время войны ярый патриот, в 1917 г. откровенный корниловец. После Октябрьской революции—злейший враг Советской России, эмигрировал в Париж, где издает монархическую газету «Общее Дело». — 284, 541.

БЫКОВ, А. Н. (литературный псевдоним СЕВЕРЯНИН) (1860 — 1919)—по образованию инженер-технолог. С 90-х г.г. по 1906 г. был фабричным инспектором. Писал в буржуазно-либеральных органах («Русских Ведомостях», «Русской Мысли» и др.) по вопросам фабричного законодательства и экономического положения отдельных промышленных районов. Автор отдельных книг по тем же вопросам: «За 10 лет практики», «Среди черноземных полей» М. 1901, «Фабричное законодательство и его развитие в России» М. 1909 г. — 521, 536, 544.

В.

В. В. — (псевдоним **В. П. ВОРОНЦОВА**) (1847 — 1917)—один из главных теоретиков народничества 80 — 90-х годов. Окончив медико-хирургическую академию, в течение восьми лет работал земским врачем, затем занялся литературной деятельностью. Главные сочинения: «Судьбы капитализма в России» (1883), «Наши направления» (1893), «Очерки теоретической экономии» (1895). Сотрудничал во всех руководящих органах народничества — от Лавровского «Вперед» (в 70-х г.г.) до «Русского Богатства» Михайловского, с которым в начале 90-х г.г. разошелся. После этого стал писать в либеральном «Вестнике Европы». Решительно выступал против марксизма и был объектом критических статей чуть ли не всех первых марксистов в России. Систематическую критику взглядов В. В. дал Г. В. Плеханов в своем сочинении: «Обоснование народничества в трудах г. Воронцова (В. В.)». — 93.

ВАРСКИЙ, А. С. (парт. псевдоним **А. С. ВАРШАВСКОГО**) (р. 1868)—коммунист, один из старейших деятелей марксистского крыла польского рабочего движения, видный публицист. В 1889 г. был одним из организаторов «Союза польских рабочих». В 1893 г. эмигрировал и вместе с Р. Люксембург, Карским-Мархлевским и Тышко-Иогихесом начал издавать газету «Sprawa Robotnicza» («Рабочее Дело») — первый орган поль-

ских социал-демократов, и затем «Przegląd Socjal-Demokratyczny» («Социал-Демократическое Обозрение»). Входил в главное Правление С.-Д. Польши и Литвы. Делегат социал-демократической партии Польши и Литвы на II съезде и на IV (объединительном) съезде Р.С.-Д.Р.П. в Стокгольме, где и произошло слияние С.-Д.П. и Л. с Р.С.-Д.Р.П. На V съезде Р.С.-Д.Р.П. в 1907 г. был избран в члены Ц. К. В 1909—10 г.г., примыкая к большевикам, был одним из членов Центрального Органа Р.С.-Д.Р.П. в Париже, где вместе с Лениным и Зиновьевым составлял большинство редакции против Мартова и Дана. С начала войны занял интернационалистскую позицию. Участвовал в Циммервальдской и Кинтальской конференциях, примыкал к Циммервальдской левой. В 1916 г. вернулся в Польшу, но был арестован немцами за антивоенную агитацию, после освобождения, в конце 1917 г. входил в Гл. правление С.-Д. П. и Л. до декабря 1918 г., когда был одним из основателей коммунистической партии Польши. Член Ц.К. польской компартии с перерывом в 1924—25 г.г., вызванным ошибками, совершенными во время дискуссии В.К.П.(б.) и кризисом в германской партии. С 1926 г. депутат польского сейма и председатель его коммунистической фракции. Многократно сидел в царских, германских и польских тюрьмах.—**430.**

ВИКТОР—см. **ТАРАТУТА.**

ВИЛЛИХ, А. (1810—1878)—прусский офицер, участник революции 1848 г. После поражения революции эмигрировал за-границу. Наряду с Шаппером—руководитель меньшинства в «Союзе коммунистов» после раскола в 1850 г. По выражению Маркса, возглавлявшего большинство этого союза, В. поддался революционной фразе и занимался «игрой в конституции и революции», «игрой, одинаково компрометирующей как тех, кто ей занимается, так и дело, которому они служат».—**133.**

ВИЛЬГЕЛЬМ II (р. 1859).—**165.**

ВИТТЕ, С. Ю. (1849—1915)—самый видный из министров Александра III и Николая II. Вел экономическую и финансовую политику (введение золотой валюты, усиление покровительственной системы, винная монополия) соответственно потребностям капитализма. В своих записках о земстве (1898—1899 г.г.) доказывал несовместимость земского самоуправления с самодержавием. После неудачной для Романовской монархии русско-японской войны ему было поручено ведение переговоров о мире с Японией. В 1905 г.—председатель совета министров. В виду усиления революционного движения, выступил с планом ликвидации революции путем уступок, созыва Государственной Думы и образования кабинета министров при участии представителей либеральных партий. Вел с последними переговоры на эту тему в ноябре 1905 г. Автор манифеста 17 октября 1905 г. После отставки в 1906 г. в политике руководящей роли не играл.—**76, 191, 223, 255, 256, 260, 312, 315—320.**

ВИШНЕВСКИЙ, А. П. (р. 1862)—помещик. Депутат от Курской губ. в III Гос. Думу. Правый.—**328, 368.**

ВОДОВОЗОВ, В. В. (р. 1864)—литератор радикально-буржуазного лагеря, известен своими трудами по вопросам избирательного права и о политических партиях в России и на Западе. В 1885 г. был приговорен к 5 годам ссылки за нелегальное печатание запрещенных изданий различного направления, которое велось им, как протест против цензуры. Был близок к народно-социалистической партии, член редакции газет «Наша Жизнь» и «Товарищ», сотрудник народнического «Русского Богатства». В 1917 г. сотрудник «Дня». Ныне эмигрант.—**57, 58, 453—455, 458, 459, 473—478.**

ВОЙЛОШНИКОВ, А. А. (р. 1877)—член III Гос. Думы от войскового населения Забайкальского казачьего войска, социал-демократ, примыкал к большевикам, казак, по профессии фельдшер.—**155, 430, 441, 443, 525, 530, 532.**

ВОЛКОНСКИЙ, Н. С. (1848 — 1910) — крупный помещик, земский деятель, октябрист. — **155, 309, 494.**

ВОЛЬСКИЙ, СТАНИСЛАВ (псевдоним **СОКОЛОВА, А. В.**) (р. 1880) — социал-демократ, литератор. В 1899 г. был исключен из Московского университета за участие в студенческом движении. В 1902 г. судился по делу московской с.-д. организации, был выслан в Волоколамск. После раскола Р. С.-Д. Р. П. примкнул к большевикам. В 1904—05 г.г. — член Московского комитета, руководитель забастовкой ткачей в Иваново-Вознесенском районе, принимал участие в подготовке и проведении декабрьского восстания в Москве. В 1906 г. — член Петербургского комитета партии. В 1907 г. — делегат V съезда Р. С.-Д. Р. П. В 1908 — 1909 г. — лидер «отзовистов», принимал участие в организации и работе партийных школ на Капри и в Болонье, член группы «Вперед», с ярким уклоном в сторону анархо-синдикализма. В 1909 г. выпустил большую работу «Философия борьбы», в которой пытался построить этическое учение под углом зрения той идеалистической системы взглядов, которую защищали впередовцы. В 1913 г. — сотрудник журнала «Заветы» (народнического направления). В дни Февральской революции — член редакции «Новой Жизни». После Октябрьской революции, которую он характеризовал, как «солдатский переворот», выступал с требованием образования коалиционного правительства из всех социалистических партий. В 1918 г. в России и в 1919 — 1920 г.г. за-границей вел борьбу против Советской власти. В 1920 г. вернулся в С.С.С.Р., совершенно отошел от политической деятельности. Работал в Госплане и Наркомторге. С 1927 г. занимается исключительно литературной работой. — **302.**

ВОРОНИН, С. А. (1880 — 1915) — рабочий, депутат III Гос. Думы от Владимирской губернии. Член фракции социал-демократов, примыкал к большевикам. Во время империалистической войны был взят на военную службу и убит на Карпатах. — **430.**

Г.

ГАЙДАРОВ, И. Б. (р. 1867) — инженер, депутат III Думы от Дагестанской области. Входил в мусульманскую группу Думы. Некоторое время состоял также членом соц.-дем. фракции. — **532.**

ГАЙНДМАН, ГЕНРИХ (1842 — 1921) — известный английский социалист, основатель в 1881 г. политической организации, принявшей позже название «Социал-демократической федерации», которая после объединения в 1911 г. с частью Независимой рабочей партии преобразовалась в Британскую социалистическую партию. Член М.С.Б. (1900 — 1910). В 1911 г. и позднее выступал с шовинистическими речами и статьями против Германии, защищая интересы английского империализма. В годы империалистической войны занял крайнюю социал-шовинистическую позицию, за что был исключен из Британской социалистической партии, левое крыло которой позже вошло в Коминтерн. После Октябрьской революции выступал против советской системы в пользу классового сотрудничества пролетариата с буржуазией. Был лично знаком с Марксом. Оценка Г. дана Марксом в ряде писем. См. статью Ленина: «Гайндман о Марксе (наст. том, стр. 266 — 271). — **165, 167, 266 — 271.**

ГЕГЕЛЬ, Г. (1770 — 1831) — знаменитый немецкий философ-идеалист. Диалектический метод гегелевской философии оказал громадное влияние на выработку миросозерцания Маркса, давшего диалектике материалистическое обоснование. Философия Гегеля пользовалась в свое время большим успехом и имела много последователей в Германии и России. — **88, 464.**

ГЕГЕЧКОРИ, Е. П. (р. 1879) — социал-демократ, меньшевик-ликвидатор, по профессии адвокат. Член III Гос. Думы от Кутаисской губ.

Один из лидеров меньшевизма. При выборах в IV Гос. Думу в 1912 г. был забаллотирован. Живя в Кутаисе, работал как член ликвидаторского Областного комитета Р.С.-Д.Р.П. После Октябрьской революции сначала был председателем Кавказского сейма, объявившего независимость Кавказа, позднее министр иностранных дел Грузии. Активный враг советской России. В настоящее время эмигрант, примыкает к II Интернационалу. — 186, 260, 278 — 280, 323, 430.

ГЕЙДЕН, П. А. (1840 — 1907) — крупный помещик, представитель земского либерализма, президент Вольно-Экономического Общества в 90-х г.г.; участник земских съездов 1904 — 05 г.г.; депутат I Гос. Думы от Псковской губ. Лидер левого крыла партии октябристов. После разгона Думы — один из организаторов партии мирного обновления. См. о нем статью Ленина «Памяти графа Гейдена». Сочинения, т. XII. — 227, 256 — 258.

ГЕРМАН — см. **ДАНИШЕВСКИЙ, К. Х.**

ГЕРЦЕН, А. И. (1812 — 1870) — знаменитый русский публицист и общественный деятель, революционер-демократ, родоначальник народничества. Во время пребывания в Московском университете Герцен вместе с Огаревым стоял во главе кружка, занимавшегося общественными вопросами (гл. обр. французским социализмом: учениями Сэн-Симона и Фурье). В 1834 г. был арестован и в 1835 г. сослан в Пермь, затем в Вятку и в Новгород. По возвращении в Москву в 1840 г., столкнувшись с философским кружком Станкевича, занялся изучением Гегеля, а затем Фейербаха, перешел на точку зрения материализма. Во главе западников боролся с славянофилами. В 1847 г. эмигрировал за границу, вместе с Огаревым издавал в Лондоне «Полярную Звезду» (1855 — 1869) и «Колокол» (1857 — 1867), в которых обличал императорский абсолютизм и требовал освобождения крестьян с полным земельным наделом и с сохранением общины, в которой видел залог нового социального и политического строя. В последние годы своей жизни Г., воспитавший целое революционное поколение, утратил свое влияние на общественное движение в России и умер в политическом одиночестве. — 329, 459, 464 — 469.

ГЕРЦЕНШТЕЙН, М. Я. (1859 — 1906) — экономист и политический деятель, кадет, член I Гос. Думы от Москвы. Принимал деятельное участие в выработке программы кадетской партии. Был убит черносотенцем в Териоках. — 329, 483.

ГИРШ, КАРЛ (1841 — 1900) — немецкий социал-демократ, публицист, рано принял участие в социалистическом движении Германии. Был членом Лассалевского Всеобщего Немецкого Рабочего Союза, ушел из-за разногласий с Швейцером. Редактировал вместе с В. Либкнехтом в 1868 г. в Лейпциге «Demokratisches Wochenblatt» («Демократический Еженедельник»), в 1869 году редактировал «Volksstaat» («Народное государство») вместо арестованных Бебеля и Либкнехта, в связи с чем также был арестован. После объявления закона против социалистов редактировал в 1879 и 1880 годах издававшуюся в Брюсселе газету «Lanterne» («Фонарь»). — 266, 267.

ГОЛОВИН, Ф. А. (р. 1867) — земский деятель, с 1898 г. по 1907 г. состоял членом, затем председателем Московской губ. земской управы. С 1905 г. член к.-д. партии, депутат II и III Гос. Дум от Москвы; во II Думе был проведен в председатели Думы при поддержке с.-д. меньшевиков. В 1910 г., получив железнодорожную концессию, отказался от звания члена Думы и отошел от политической деятельности. В годы мировой войны состоял членом ревизионной комиссии Союза Городов и президентом Московского О-ва Сельского Хозяйства. В марте 1917 г. был комиссаром временного правительства по министерству двора. В настоящее время работает по страхованию от огня. — 506, 556.

ГОРЕВ, Б. И. (**ГОЛЬДМАН, ИГОРЬ, ИГОРЕВ, И.**) (р. 1874) — видный с.-д. С средины 90-х годов принимал участие в рабочем движении.

После ареста Ленина, Мартова и других «стариков» вошел в организацию «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». В 1896 г. был арестован и сослан в Олекминск. После ссылки (1902 г.) работал в качестве агента «Искры» и члена Организационного Комитета по созыву II съезда, по дороге на съезд был арестован и просидел 2 года в одиночке. Освобожденный весной 1905 г., работал в Виленском Комитете партии, а с осени 1905 г. в Петербурге, как член Петербургского Комитета и агент Ц.К. (большевиков). Был членом Исполнительного Комитета Совета Раб. Депутатов и делегатом Петербургского комитета партии на большевистской конференции в Таммерфорсе (в декабре 1905 г.), в январе 1906 г. был арестован и сослан в Сибирь, через месяц бежал из ссылки и примкнул к меньшевикам. На V (Лондонском) съезде партии 1907 г. был избран членом Ц.К., примыкал к ликвидаторам. Сотрудничал в «Голосе Социал-Демократа» и в «Нашей Заре». В 1910 — 1911 г.г. состоял членом и секретарем Заграничного Бюро Ц.К., всячески тормозившего созыв пленума Ц.К. Вынужденный явиться на июньское совещание цекистов 1911 г., ушел с первого заседания. В 1912 г. участвовал в августовской венской конференции, был выбран в О.К., поехал в Россию, где был арестован и сослан в Туруханский край. После Февральской революции оборонец, был одним из редакторов центрального меньшевистского органа «Рабочая Газета», членом меньшевистского Ц.К. и В.Ц.И.К. 1-го созыва. В августе 1920 г. письмом в «Правде» заявил о выходе из меньшевистской организации. В настоящее время профессор ряда ВУЗ'ов по вопросам исторического материализма и истории социализма. — 63, 64, 151, 198, 206, 219, 307, 428, 548.

ГОРЬКИЙ, МАКСИМ (ПЕШКОВ, А. М.) (р. 1868) — один из крупнейших современных русских писателей. Принимал активное участие в общественной и политической жизни, поддерживая связь с рабочим движением и с.-д. партией. Примыкая к большевикам, активно помогал партии в самых разнообразных сферах ее деятельности, находился в тесных сношениях с Лениным, с которым с 1908 по 1913 г. поддерживал оживленную переписку. Ленин высоко ценил значение литературной деятельности Г. для рабочего класса. В 1908 — 1910 г.г. Г. был близок к «впередовцам», которые при его содействии открыли на о. Капри партийную школу. В годы войны оставался интернационалистом, принимая руководящее участие в издании интернационалистского журнала «Летопись», а в 1917 г. газеты «Новая Жизнь» (последняя занимала соглашательскую, объединенческую позицию). Октябрьская революция однако повергла Г. в растерянность: отказываясь принять ее целиком, он в то же время не мог выступить и против нее и совершившего ее пролетариата, вследствие чего проявил ряд колебаний. После Октябрьской революции выразил свое отрицательное отношение к большевистским методам борьбы за социализм (см. его книгу «Несвоевременные мысли»). В дальнейшем Г. не порвал личной связи с Лениным, сотрудничал в советских журналах и работал в области культурного строительства, проявлял живой интерес к советской науке и литературе. В 1921 г. уехал за границу. Строительство последних лет снова привлекло симпатии Г. к С.С.С.Р., и он стал горячо выступать в защиту ее от нападок буржуазии. В 1928 г. Г. приезжал в Советскую Россию для участия в культурном строительстве. В 1929 г. V съездом Советов выбран в Ц.И.К. С.С.С.Р. Состоит редактором издающегося в Москве журнала «Наши Достижения». — 57.

ГРИЕВС, ДЖОН — английский капиталист, основал в 1883 г. заводы с.-х. машиностроения и сталелитейные в г. Бердянске. В 1889 г. управление заводами перешло в руки Бельгийского Акционерного О-ва «Гриевс Джон и К°», финансировавшегося бельгийскими капиталистами в Брюсселе. — 555, 556.

ГРОМОБОЙ — см. **БОБРИЩЕВ-ПУШКИН, А. В.**

ГУРЕВИЧ, Э. Л. (литер. псевдонимы **СМИРНОВ, Е., ДАНЕВИЧ, В.**) (р. 1866) — вначале разделял народнические взгляды, затем социал-демократ меньшевик. К революционному движению примкнул в 1883 г. В 1900 г. — председатель русской делегации на Международном социалистическом конгрессе в Париже. В 1901 г. с Д. Б. Рязановым и Ю. Стекловым выступал сторонником объединения организаций «Искры» и «Рабочего Дела», участвовал в основании группы «Борьба» и в ее литературной деятельности. После раскола Р.С.-Д.Р.П. примкнул к меньшевикам. В 1905 г. член редакции Ц.О. меньшевиков «Начало», участник меньшевистской конференции в Петербурге (ноябрь), был в качестве представителя от меньшевиков на большевистской конференции в Таммерфорсе (декабрь). В 1907 и 1909 г.г. принимал участие в либеральной газете «Товарищ». В 1910 г. — ликвидатор, один из основателей и ближайший сотрудник журнала «Наша Заря». Принимал участие в работе соц.-дем. фракции Гос. Думы, в связи с чем в 1911 г. был арестован и выслан из Петербурга. Во время империалистической войны — оборонец. В 1917 — 18 г.г. — редактор газеты правых кооператоров «Власть Народа». В 1920 г. заведывал архивом б. министерства иностранных дел. С 1921 г. работает в Институте Маркса и Энгельса. — **230, 459.**

ГУРКО, В. И. (р. 1863) — царский чиновник, сделавший карьеру от управляющего земским отделом министерства внутренних дел (1902) до товарища министра (1906). В I Гос. Думе выступал с докладом от министерства и яростно защищал интересы крепостников-помещиков. После разгона Думы руководил продовольственной кампанией и оказался замешанным в растратах и казнокрадстве Лидваля («Лидвалиада»). Был предан суду и приговорен к отрешению от должности. Вновь появился в 1911 г. на общеземском съезде по народному образованию. С 1912 г. состоял членом Государственного Совета от Тверского губернского земства, примыкал к правым. После Октябрьской революции ярый противник Советской власти, в 1919 — 1920 принимал участие в контр-революционной организации так называемого «Тактического Центра», до суда скрылся. В настоящее время в эмиграции, один из лидеров монархизма.— **247.**

ГУЧКОВ, А. И. (р. 1862) — крупный московский домовладелец и промышленник; основатель «Союза 17-го октября». Представитель крупной торгово - промышленной буржуазии, вдохновитель «третье - июньского» блока. Председатель III Гос. Думы после отставки Хомякова; во время империалистской войны организатор и руководитель Военно-промышленных комитетов, председатель Центрального военно-промышленного комитета; в первом Временном правительстве в 1917 г. — военный и морской министр, аннексионист и сторонник «войны до победного конца», отстаивал восстановление в армии «железной» дисциплины. Ушел в отставку в мае 1917 г. Поддерживал все контр-революционные движения. С 1919 г. находится в эмиграции. — **79, 105, 106, 223, 227, 255 — 258, 260, 277, 298, 309, 312, 315, 316, 319, 322, 361, 406, 457, 500, 549.**

ГУШКА, А. О. — см. **ЕРМАНСКИЙ.**

ГЮИСМАНС, КАМИЛЛ (HUISMANCE) (р. 1871) — секретарь Международного Социалистического Бюро II Интернационала в довоенную эпоху (с 1906 г.) и во время войны, соратник Вандервельде, член Бельгийской социалистической партии, депутат бельгийского парламента, входил в одно из буржуазных министерств Бельгии. В годы войны социал-патриот, прикрывавший шовинизм интернационалистическими фразами. Был организатором конференции социалистов нейтральных стран в 1916 г. Противник Циммервальда, видел в нем «русскую интригу». Ныне лидер бельгийской социал-демократии. В июне 1925 г. вошел в коалиционное католико-социалистическое министерство Пулле в качестве министра народного просвещения. — **432.**

Д.

ДАН, Ф. И. (псевдоним **Ф. И. ГУРВИЧА**) (р. 1871) — один из вождей меньшевизма. Публицист и редактор ряда меньшевистских изданий. В половине девяностых годов работал в Петербургском «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса». Был сослан на три года в Вятскую губернию. По окончании ссылки принимал участие в русской и заграничной с.-д. работе. В 1902 г., в качестве агента «Искры», участвовал в конференции в Белостоке, имевшей целью подготовку II съезда Р.С.-Д.Р.П., после которой был арестован и сослан в Восточную Сибирь, откуда эмигрировал за границу. Революция 1905 г. дала ему возможность вернуться в Россию. Участник партийных съездов 1906 и 1907 г.г. и ряда конференций. Бессменный член меньшевистских О.К. и Ц.К. В годы реакции один из идеологов ликвидаторства, во время империалистской войны — «пацифист» и «умеренный» интернационалист («центрист»), после Февраля «революционный» оборонец и соглашатель, после Октября деятельный противник коммунистической партии и советской власти во имя буржуазной демократии. В настоящее время эмигрант, член II Интернационала. — **70, 124, 149 — 151, 205, 206, 210, 217, 240, 253, 295, 298, 299, 337 — 339, 343, 346, 398, 401, 426, 439, 458, 459, 509.**

ДАНИШЕВСКИЙ, К. Х. (**ГЕРМАН**) (р. 1884) — старый социал-демократ, большевик. В 1907 г. на V (Лондонском) съезде был выбран в Ц.К. от латышей. С 1909 по 1911 г. работал в Московской организации, примыкая к примиренцам. Вместе с Аркадием (Калининым) в апреле 1911 г. написал письмо, напечатанное в венской «Правде» № 10, в котором высказывался против созыва общепартийной конференции. Автор книг и брошюр по вопросам социального законодательства, страхования рабочих и пр. В настоящее время член В.К.П.(б.), на ответственной хозяйственной работе. — **240.**

ДЖОРДЖ, ГЕНРИ (1839 — 1897) — американский экономист и публицист. В своем труде «Прогресс и бедность» Д. доказывал, что главная причина бедности народных масс заключается в поземельной ренте, поглощающей все большую часть народного производства. Д. не признавал противоположности интересов труда и капитала; по его мнению, прибавочная стоимость есть результат естественных производительных сил земли и природы вообще. Защищал национализацию земли, при помощи высоких на нее налогов, как главное средство к исцелению всех социальных бедствий. В вопросах экономической политики Д. — ревностный сторонник свободы торговли. В качестве единомышленника Д. в России выступал Лев Толстой. Характеристику Д. см. в письме Маркса к Зорге 30/VI 1881 г. — **270, 271.**

ДЗЮБИНСКИЙ, В. И. (1860 — 1927) — бывший народоволец, вместе со Стародворским примыкал к Каменец-Подольской народовольческой боевой дружине. Был арестован в Каменец-Подольске в 1881 г.; в 1883 г. выслан на 3 года в Семипалатинск. После окончания срока проживал в Минусинске, Омске и Петропавловске, где основал реальное городское училище. В 1905 г. участвовал в революционном движении, был арестован, потом выпущен. Депутат III и IV Гос. Дум, трудовик. Основатель в Петербурге Общества по изучению Сибири. При Советской власти работал в Киеве, а потом в Москве. — **323 — 327.**

ДИОНЕО (литературный псевдоним **ШКЛОВСКОГО, И. В.**) (р. 1866) — журналист, после ссылки в Сибирь эмигрировал в Англию, откуда сотрудничал в «Русском Богатстве» и «Русских Ведомостях», посвящая свои корреспонденции обзорам социально-политической жизни Англии, в обычном для названных органов либерально-народническом духе. — **266, 269.**

ДНЕВНИЦКИЙ, П. Н. (псевдоним **Ф. И. ЦЕДЕРБАУМА**) (р. 1883) — меньшевик-плехановец, публицист. В 1905 — 06 г.г. был секретарем Харь-

ковского Комитета социал-демократической организации (под кличкой Пантелей). В 1907 г. привлекался к суду по делу тайной типографии Харьковского комитета Р.С.-Д.Р.П. С 1909 г. жил за границей, где был членом меньшевистской фракции, секретарем Плеханова и участником издаваемого им сборника «Дневник Социал-Демократа». В 1910—12 г.г. вместе с Плехановым участвовал в большевистской «Звезде» и в 1912 г. в «Правде». — **214.**

ДОБРОЛЮБОВ, Н. А. (1836—1861) — выдающийся русский критик и публицист, народник, статьи его в «Современнике» — яркий протест против гнета «темного царства», крепостничества, политического и общественного бесправия, против угнетения человеческой личности. Под влиянием Чернышевского стал на материалистическую точку зрения в философии и на реалистическую в литературной критике. По своим общественным взглядам был последовательным революционером-демократом. Д. оказал глубокое влияние на русскую литературу и разночинную интеллигенцию своего времени, побуждая ее к борьбе. — **459, 467.**

ДОЛГОРУКОВ, П. Д. (1866—1927) — крупный помещик, депутат II Гос. Думы от Москвы. Один из основателей к.-д. партии, несменный председатель ее центрального комитета с 1905 по 1911 г. С переводом же Ц.К. в Петербург — товарищ председателя. Ярый противник Октябрьской революции, за контр-революционную деятельность был арестован и в 1927 г. расстрелян. — **346.**

ДУБРОВИН, А. И. (1855—1921) — один из организаторов «Союза русского народа», лидер его крайне правого крыла. Стоял во главе черносотенного органа «Русское Знамя». — **480.**

ДУБРОВИНСКИЙ, И. Ф. (ИННОКЕНТИЙ, ИННОКЕНТИЕВ) (1877—1913) — один из видных большевиков, профессиональный революционер. Будучи еще в старших классах реального училища, принимал участие в с.-д. работе. В декабре 1897 г. был арестован, около года был в тюрьме и 4 года в административной ссылке. В 1902 г. еще в ссылке (тогда он был в Астраханской губ.) стал агентом «Искры». В 1903 г. переехал в Самару, поддерживал связь с заграницей и совершал организационные поездки по всему Поволжью. После II съезда примкнул к большевикам. Был кооптирован в Ц. К. Занимал примиренческую позицию. В качестве члена Ц. К. руководил работой местных организаций до своего ареста 22 (9) февраля 1905 г. Выйдя в октябре 1905 г. на свободу, Д. работал в Москве, затем его направили в Кронштадт для работы среди матросов; в декабре 1905 г. он был опять в Москве; после восстания Д. уехал в Финляндию, где сосредоточивался большевистский центр. Несмотря на расстроенное здоровье, Д. возвратился в Россию на нелегальную работу, которая была прервана арестом с сентября 1906 г. до февраля 1907 г. По выходе на свободу Д. вел большую работу по подготовке к V съезду партии, куда его выбрали делегатом, но арест задержал его. Высылка была ему заменена выездом заграницу; в Лондон Д. приехал уже в день закрытия съезда и вновь был избран в Ц.К. Вернувшись в Россию, Д. работал над восстановлением разрушенных организаций. Весной 1908 г. снова был заграницей. По возвращении в Россию Д. опять попал в ссылку в Вологодскую губ., откуда совершил побег заграницу. Здесь он работал в редакции «Пролетария», участвовал на заседании Пленума Ц. К. в 1910 г., настаивая на примирении с меньшевиками. На примиренческой позиции он оставался и после пленума. Возвратившись в Москву с целью восстановления деятельности российской части Ц.К., Д. опять был арестован и сослан в Туруханский край на 4 г., где он и погиб. — **238.**

ДУМБАДЗЕ, И. А. (1851—1916) — до 1906 г. полковник царской армии. В 1906 г., с объявлением Ялты на положении чрезвычайной охраны, был назначен главноначальствующим Ялты и оставался им до 1910 г. В 1910 г. был уволен, но через месяц опять назначен градона-

чальником Ялты. В Ялте Д. действовал как всесильный сатрап, не считаясь ни с какими законами, высылал из Ялты в административном порядке корреспондентов всех неугодных ему газет, принимал к разбору судебные дела по гражданским искам и решения свои приводил в исполнение силами своего аппарата. Насилия Д. над мирными гражданами вызвали протест даже октябристов, внесших запрос в III Государственную Думу в 1908 г. об его незаконных действиях. — **247, 280, 329.**

ДУРНОВО, П. Н. (1844 — 1915) — крупный государственный деятель царизма, был много лет директором департамента полиции, а с 1900 г. товарищем министра внутренних дел. Назначенный в октябре 1905 г. министром внутренних дел в кабинете гр. Витте, применял самые решительные меры для разгрома революции. Был разоблачен А. Стаховичем в казнокрадстве, что явилось одним из мотивов его ухода с поста накануне I Государственной Думы. В Государственном Совете, членом которого Д. состоял, он руководил крайним правым крылом, выступая против Столыпина. В международных вопросах придерживался германской ориентации; накануне войны подал Николаю II докладную записку, в которой доказывал, что война с немцами будет гибельна для России по своим революционным последствиям. — **223, 224, 255, 258, 315 — 319.**

ДЮРИНГ, ЕВГЕНИЙ (1833 — 1921) — немецкий экономист и философ (позитивист), противник Маркса и научного социализма, пытавшийся дать свою собственную «социалитарную теорию». В экономических работах повторял американского экономиста Кэри. Уничтожающую критику взглядов Д. дал Энгельс в книге: «Herrn Eugen Dührings Umwälzung der Wissenschaft» («Переворот в науке, произведенный г-ном Е. Дюрингом») («Анти-Дюринг»). В России большим почитателем Д. был Н. К. Михайловский. — **86, 87.**

Е.

ЕГОРОВ, Н. М. (р. 1871) — рабочий, депутат III Гос. Думы от Пермской губ., большевик, сотрудник «Звезды». В 1917 г. член Исполкома Совета Рабочих и Солдатских Депутатов. — **358, 430.**

ЕЖОВ, В. — см. **ЦЕДЕРБАУМ, С. О.**

ЕРМАНСКИЙ, О. А. (**ГУШКА, А. О.**) (литературный псевдоним **О. А. КОГАНА**) (р. 1866) — начал революционную работу с участия в студенческом движении 80-х г.г. С 1892 г. социал-демократ. В 1899 — 1902 г.г. работал на юге России, принимал участие в редакции «Южного Рабочего» и в организованной этой группой конференции южных организаций (1900). После раскола (1903 г.) примкнул к меньшевикам (и с тех пор до 1921 г. находился в рядах меньшевиков). В 1907 — 08 г.г. принимал участие в меньшевистском четырехтомнике «Общественное движение в России в начале XX века» и в журнале «Современный Мир», а также в работе социал-демократической фракции Гос. Думы. Примыкал к ликвидаторам, во время империалистической войны занял позицию против войны. Был членом так называемой «инициативной группы». Принимал участие в журнале М. Горького «Летопись». В 1917 г. меньшевик-интернационалист, был в числе редакторов меньшевистской «Рабочей Газеты», принимал участие в конференции Циммервальдского объединения в Стокгольме. В 1918 г. — член меньшевистского Ц. К. и один из редакторов меньшевистского Ц. О. — «Рабочий Интернационал». В 1920 г. — член Московского Совета. В 1921 г. вышел из партии меньшевиков. В настоящее время ведет общественную и научную работу в Москве. — **488 — 500.**

ЕРМОЛАЕВ, К. М. (**«РОМАН»**) (1884 — 1919) — видный меньшевик. Начал революционную деятельность в 1902 г. Избран в Ц. К. на V (Лондонском) съезде Р.С.-Д.Р.П. в 1907 г. В годы реакции — ликвидатор. В 1910 г., вместе с двумя другими ликвидаторами, членами Ц. К.

(Михаилом и Юрием), отказался от вступления в работу Ц.К. Подписал в числе 16-ти меньшевиков известное ликвидаторское «Открытое письмо», напечатанное в № 19—20 «Голоса Социал-Демократа». В 1912 г., будучи членом Организационного Комитета, арестован в Петербурге по делу «августовской» конференции и сослан в Сибирь на поселение. Во время войны оборонец. В 1917 г. член Ц.К. партии меньшевиков, — 21, 60, 64, 149—151, 199, 219, 236, 240, 291, 370, 391.

ЕФРЕМОВ, И. Н. (р. 1866) — крупный помещик Донецкого округа. Организатор междупарламентской группы «Общество мира» и партии «мирного обновления». Впоследствии лидер прогрессистов. Депутат I, III и IV Гос. Дум от области Донского войска. — 458, 508, 509.

Ж.

ЖОРДАНИЯ, НОЙ (р. 1869) — основатель грузинской с.-д. партии, лидер меньшевиков на Кавказе, партийный литератор. На V (Лондонском) съезде Р.С.-Д.Р.П. был избран в члены Ц.К. в числе прочих меньшевиков; в эпоху реакции — ликвидатор. В эпоху империалистической войны оборонец, участвовал в оборонческом сборнике «Самозащита». В 1918—1920 г.г. был председателем меньшевистского грузинского правительства. Ныне за границей, является активным врагом советской власти. — 57.

ЖОРЕС, ЖАН (1859—1914) — один из виднейших деятелей французского социалистического движения. Первоначально профессор философии в Тулузе, сторонник идеализма, Ж. постепенно превратился в социалиста, пытавшегося примирить Маркса с идеалистической философией. Стоял на правом фланге французского социализма и поддерживал Мильерана, принявшего портфель в радикально-буржуазном кабинете Вальдека-Руссо (1899 г.). Спор, возникший по этому поводу во французской партии между оппортунистами и марксистами во главе с Гэдом, был разрешен в пользу марксистов на Амстердамском международном социалистическом конгрессе 1904 г. Впервые Ж. был избран в парламент в 1885 г. в качестве левого радикала, в 1892 г. он прошел в качестве «независимого социалиста», а с 1902 г. являлся официальным представителем социалистической партии и лидером ее парламентской фракции. В 1897 г. Ж. вместе с Золя и Клемансо принимал руководящее участие в кампании за пересмотр известного дела Дрейфуса. В 1904 г. основал центральный орган партии «L'Humanité», который редактировал до конца своих дней. Особенно энергично вел борьбу с милитаризмом, отстаивая идею народной милиции. Был горячим сторонником франко-германского сближения. 1 августа 1914 г., т.-е. накануне войны, Ж. был убит шовинистом Виленом. Убийца Ж. был оправдан судом. — 132.

З.

ЗАМЫСЛОВСКИЙ, Г. Г. (р. 1872) — крайний правый. Депутат от русского населения Виленской губ. в III Гос. Думе. Товарищ секретаря Думы. Отстаивал необходимость смертной казни. Антисемит. Активный участник «дела Бейлиса». — 397.

ЗАХАРОВ, М. В. (р. 1881) — депутат III Гос. Думы от Московской губ., по происхождению крестьянин, рабочий текстильщик; социал-демократ, большевик, сотрудник «Звезды». В настоящее время член В.К.П. (б.), на хозяйственной работе. — 430.

ЗИНГЕР, ПАУЛЬ (1844—1911) — один из старейших вождей германской социал-демократии, соратник Бебеля и В. Либкнехта, выдающийся организатор германской социал-демократической партии и ее прессы. Происходя из семьи богатого фабриканта, он в начале своей деятельности

примыкал к буржуазной демократии, работал в рядах прогрессистского «Берлинского рабочего союза». В 1868 г. под влиянием нюренбергского съезда рабочих организаций, руководимого Бебелем и Либкнехтом, был в числе отколовшихся от этого союза. В 1878 г. вступил в социал-демократическую партию. С 1887 года — бессменный член, а с 1890 г. (после съезда в Галле) — председатель Ц. К. партии. Участник и председатель всех партейтагов и член ряда международных социалистических конгрессов. С 1900 г. — член Международного Социалистического Бюро. В 1883 г. был первым из социалистов, избранных в гласные Берлинского муниципалитета, членом которого был до самой смерти. С 1884 г. в течение 27 лет был членом рейхстага. Оказывал партии, помимо всего, и крупную материальную помощь. На его средства в 1884 г. был основан орган социал-демократической партии «Vorwärts» («Вперед»). Памяти З. посвящена статья Ленина (см. настоящий том, стр. 111). — 111 — 113.

ЗИНОВЬЕВ, Г. Е. (р. 1883) — вступил в с.-д. организацию в Елисаветграде (ныне Зиновьевск) в 1901 г. После II съезда и раскола партии присоединился к большевикам. До 1905 г. учился в Бернском университете, принимая участие в партийной работе. В период первой русской революции возвратился в Петербург, где работал в Василеостровском районе, и вскоре был выбран в Петербургский комитет. После ареста и освобождения эмигрировал за границу и участвовал в V (Лондонском) съезде, где был избран членом Ц.К. В 1908 г. пытался вести работу в России, но после нового ареста принужден был эмигрировать заграницу, где вошел в состав редакции «Пролетария», Центр. Органа большевиков, и участвовал в редакции «Социал-Демократа». Участник Циммервальдской и Кинтальской конференций. После Октября был выбран председателем Петроградского Совета. С 1919 по 1926 г. — председатель Исполкома Коммунистического Интернационала. В период подготовки Октябрьского восстания и позднее З. неоднократно обнаруживал колебания. Осенью 1917 г. был против восстания, отстаивая против Ленина «демократические» пути развития русской революции; после Октябрьского восстания — сторонник коалиционного правительства «социалистических» партий; в 1923 — 1924 г.г. решительно выступал против троцкизма; в 1925 г. стал во главе «новой» оппозиции; в 1926 г. вступил в блок с Троцким и был одним из лидеров троцкистской оппозиции; в своей книге «Ленинизм» подверг пересмотру основные положения ленинизма. В ноябре 1927 г. был исключен из В.К.П. (б.) за антипартийную деятельность. В 1928 г. признал свои ошибки и восстановлен в качестве члена В.К.П. (б.) — 307, 427.

ЗОМБАРТ, ВЕРНЕР (р. 1863) — экономист, профессор, виднейший из представителей современной немецкой буржуазной науки, много работающий над вопросами происхождения и развития современного капитализма. Буржуазный критик Маркса. Главные сочинения З.: «К критике политической экономии К. Маркса», «Социализм и социальное движение в XIX веке», «Современный капитализм» и др. Многие работы З. переведены на русский язык. — 174, 498.

ЗОРГЕ, Ф. А. (1828 — 1906) — немецкий революционер, участник Баденского восстания 1849 г. После поражения восстания эмигрировал в Америку. Выдвинулся там как крупный деятель американского рабочего движения и представитель научного социализма. Друг Маркса и Энгельса, состоял с ними в длительной переписке. В 1872 г. присутствовал на последнем Конгрессе I Интернационала в Гааге. Был секретарем I Интернационала после того, как Генеральный Совет Интернационала был перенесен в Америку. Переписка его с Марксом и Энгельсом, подготовленная им самим к печати, является ценным источником изучения теории и истории марксизма. См. о ней статью Ленина: «Предисловие к русскому переводу книги: «Письма И. Ф. Беккера, И. Дицгена, Ф. Энгельса, К. Маркса и др. к Ф. А. Зорге и др.»» (XI том Соч.). — 269, 270.

И.

ИГОРЕВ — см. **ГОРЕВ, Б. А.**

ИЕЛЛИНЕК, ГЕОРГ (1851 — 1911) — известный немецкий правовед, теоретик конституционного, либерально-демократического строя, профессор Венского и Гейдельбергского университетов. Под его влиянием воспиталось целое поколение русских политических и общественных деятелей-кадетов. — **328.**

ИЗГОЕВ, А. С. (А. С. ЛАНДЕ) (р. 1872) — видный деятель кадетской партии, публицист. Первоначально примыкал к легальным марксистам, некоторое время был связан с социал-демократическими кружками. Затем вслед за Струве перешел к «Союзу Освобождения» и был одним из руководителей одесской группы этого «Союза». В дальнейшем стал кадетом, был редактором кадетского журнала «Южные Записки», заведывал отделом «Русская Жизнь» в газете «Речь», был одним из редакторов «Русской Мысли» и принимал активное участие в ряде других к.-д. изданий. В годы реакции принимал участие в контр-революционном сборнике «Вехи» (1909 г.), резко враждебно оценившем революцию 1905 г. и призывавшем русскую интеллигенцию служить крепостническому самодержавию. После Октября 1917 г. в связи с контр-революционной публицистической деятельностью И. был выслан за границу. Главные работы: «Общинное право», «Русское общество и революция», «П. А. Столыпин» и др. — **12, 53, 80, 85, 114, 116 — 119, 121, 191, 208, 252, 398, 403, 485.**

ИКОВ, В. К. (литературный псевдоним **В. МИРОВ**) (р. 1882) — старый социал-демократ-меньшевик, публицист и литератор. Участник меньшевистских съездов и организаций. В годы реакции — ликвидатор; был в числе 16-ти ликвидаторов, подписавших «Открытое письмо», напечатанное в № 19 — 20 «Голоса Социал-Демократа». Сотрудник и член редакции «Возрождения». — **127, 130.**

ИЛИОДОР (С. М. ТРУФАНОВ) (р. 1880) — один из вожаков черносотенцев. Родом донской казак, поступил в Почаевскую Лавру, где быстро выделился своими погромными выступлениями против революционного движения. В 1907 г. был переведен в Царицын. Здесь, пользуясь покровительством епископа Гермогена, широко развернул демагогическую погромную проповедь, собирая вокруг себя толпы городской мелкой буржуазии, которую натравливал на евреев, интеллигенцию, «богатеев» и даже на администрацию и полицию. Это вызвало недовольство начальства, и И. в 1912 г. был заключен в Флорищевскую пустынь; впоследствии отрекся от своих прежних убеждений, был расстрижен, женился и уехал в Норвегию. В 1917 г. выпустил книгу под названием: «Святой чорт», в которой разоблачает своего бывшего друга Распутина. — **247, 329.**

ИЛЬИН, В. — см. **ЛЕНИН, В. И.**

ИННОКЕНТИЕВ — см. **ДУБРОВИНСКИЙ, И. Ф. — 238.**

ИОЛЛОС, Г. Б. (И.) (1859 — 1907) — либеральный публицист, по образованию юрист, во время проживания за границей выполнявший обязанности представителя официальной прессы русского министерства финансов. Сотрудник, а с 1905 г. и редактор газ. «Русские Ведомости». Состоял берлинским корреспондентом этой газеты в конце 80 г.г. до 1905 г. Будучи депутатом I Гос Думы, принадлежал к фракции к.-д. Убит черносотенцем 14 марта 1907 г. — **483.**

ИОНОВ, И. М. (КОЙГЕН, Ф. М.) (1870 — 1923) — один из старейших с.-д. в России, позднее один из руководителей Бунда, выдающийся организатор. В молодости примыкал к группе старых народовольцев. С 1893 г. работал в социал-демократических кружках на юге России. После 2 лет одесской тюрьмы и 4 лет ссылки в Якутскую область примкнул к Бунду и в 1903 г. был избран в члены его Ц. К. Был представителем

Бунда на IV и V съездах. Один из главарей господствовавшего на пленуме Ц.К. 1910 г. примиренчества. Во время империалистической войны жил за границей, был в интернационалистическом крыле Бунда. После раскола Бунда, вместе с коммунистической его частью вошел в Р.К.П. Был зав. агитпропом Вотского обкома. — **231, 233, 238, 290, 294, 397.**

ИОРДАНСКИЙ, Н. И. (1876 — 1928) — социал-демократ с 1899 г., меньшевик. В 1902 — 1903 г.г. был членом редакции журнала «Образование». В 1904 г. — постоянный сотрудник меньшевистской «Искры». В эпоху ликвидаторства меньшевик-партиец; в 1910 г. содействовал организации «Звезды». В 1908 — 1917 г.г. редактировал журнал «Современный Мир». Во время войны — сторонник плехановского «Единства». После Февральской революции был комиссаром Временного правительства при армиях юго-западного фронта. В 1921 г. вступил в коммунистическую партию; редактировал в Гельсингфорсе советскую газету «Путь». После высылки из Финляндии в 1922 г. работал в Н.К.И.Д. и Госиздате. В 1923 — 1924 г.г. был полпредом в Италии. — **57.**

ИСУВ, И. А. («МИХАИЛ») (1878 — 1920) — видный меньшевик, литератор, автор работ по истории стачечного движения в России. Работал в Литве и Белоруссии. В 1903 г. был членом Екатеринославского комитета партии. После раскола партии примкнул к меньшевикам. В 1905 г. входил в московский федеративный комитет Р. С.-Д. Р. П. и Исполнительный комитет Московского Совета рабочих депутатов. Был арестован и сослан; бежал. Работал в Петербурге, как член Петербургского комитета. Участвовал на V съезде, после которого был избран в Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. от меньшевиков. В начале 1910 г. вместе с К. М. Ермолаевым («Романом») и П. А. Бронштейном («Юрием») отказался от участия в работе Ц. К. Организовывал в Петербурге ликвидаторские «инициативные группы» и работал при с.-д. фракции III Гос. Думы. В 1911 г. был арестован и выслан в Псков. По возвращении в Петербург в 1913 г. входил в меньшевистский Организационный Комитет и работал при фракции IV Гос. Думы. Сотрудничал в ликвидаторском журнале «Наша Заря» (А. Михайлов). В годы империалистической войны — оборонец. В 1917 г. член Московского меньшевистского комитета, член Исполкома Моссовета и член В. Ц. И. К'а I созыва. Последнее время работал в Музее труда. — **21, 60, 64, 149—151, 199, 219, 236, 240, 291, 370, 391.**

К.

К. — см. СТАЛИН, И. В.

КАВЕЛИН, К. Д. (1818 — 1885) — историк и публицист, умеренный либерал. С 1844 по 1848 был профессором Московского ун-та, сразу став популярным среди студентов и известным в широких кругах. К этому периоду относится его знакомство и дружба с Герценом. С 1848 г. переехал опять в Петербург, стал одним из буржуазно-либеральных теоретиков крестьянской реформы, вращаясь одновременно в прогрессивно настроенном аристократическом обществе и среди литераторов-радикалов. В 1861 г. отошел и от тех и от других после опубликования за границей его брошюры «Дворянство и освобождение крестьян», в которой он проповедывал образование консервативно настроенного класса крестьян и такого же дворянства, для борьбы с радикализмом и революцией. Эта брошюра послужила поводом к его разрыву с Герценом. — **96, 467.**

КАГАН, ЗЕЛЬДА — английская социалистка, была членом с.-д. партии. Родилась в России, но выросла и воспиталась в Англии, где окончила университет. Боролась против шовинизма и антигерманской агитации Гайндмана. Автор брошюры «The Life and Work of Friedrich Engels» («Жизнь и деятельность Фр. Энгельса»), изданной компартией в 1920 г., переведенной и на русский язык. Одно время состояла членом компартии. — **166, 167.**

КАЛИНИН, Ф. И. («АРКАДИЙ») (1882—1920) — старый революционер, рабочий-ткач, впоследствии видный работник в области Пролеткульта. В 1901 г. за участие в подготовке покушения на ярославского губернатора был подвергнут тюремному заключению, а потом ссылке в Архангельскую губернию. После амнистии (с 1904 г.) работал на ткацкой фабрике в г. Александрове, где вел пропаганду среди рабочих. В 1905 г. за участие в подготовке Александровского восстания был снова арестован и после 3 лет арестантских рот в 1908 г. сослан в Муром. Перебравшись нелегально в Москву, вошел в состав Московского Комитета Р.С.-Д.Р.П., как большевик. В 1909 г. был направлен в партийную школу на Капри, где примкнул к группе «впередовцев». Как на Капри, так и во второй впередовской школе в Болонье, больше всего работал над вопросами пролетарской культуры. Вернулся в Москву в разгар Столыпинской реакции; в 1911 г. вместе с Германом (Данишевским) выступил против созыва всероссийской конференции. (Письмо в венской «Правде» № 20); в 1912 г. снова эмигрировал. Сотрудничал в заграничном журнале «Вперед» — (псевдоним «Столяр»), в «Борьбе» и в легальном «Журнале для всех». После Февральской революции вернулся в Россию и работал в профсоюзе металлистов, а после Октября почти до самой смерти возглавлял отдел Пролеткульта при Наркомпросе. Ему принадлежит ряд статей по вопросам пролетарской культуры. — **240.**

КАМЕНЕВ, Л. Б. (р. 1883) — в соц.-дем. организацию вошел в 1901 г.; в первый раз арестован в 1902 г. на студенческой демонстрации в Москве. После раскола партии (1903 г.) примкнул к большевикам. Последовательно работал в Москве. Тифлисе и Петербурге (с 1905 г.); участник III и V съездов партии. В 1908 г. после освобождения из-под ареста был вызван заграницу В. И. Лениным. Входил в редакцию «Пролетария», центрального органа большевиков, и «Социал-Демократа». В 1910 г. был одним из инициаторов попытки примирения с Троцким и по поручению Ц. К. входил в редакцию венской «Правды» Троцкого. В начале 1914 г. был командирован Ц.К. в Россию для руководства работой социал-демократической фракции IV Гос. Думы и редакцией большевистской «Правды», был арестован на совещании большевистской с.-д. фракции с представителями партийных организаций и вместе с 5 депутатами сослан на поселение в Сибирь, откуда возвратился в Петроград после Февральской революции и вошел в редакцию «Правды». На Всероссийской апрельской конференции выступил против «тезисов» Ленина. Во время июльских дней подвергся аресту со стороны правительства Керенского. Осенью 1917 г. был против восстания, отстаивая против Ленина «демократические» пути развития русской революции; после победы Октябрьской революции отстаивал коалиционное министерство из всех социалистических партий, в том числе и большевиков, и вышел из Ц.К. На II съезде Советов был избран председателем В.Ц.И.К., но через несколько дней сменен Я. М. Свердловым. Председатель Московского Совета в 1918—1926 г.г., позднее заместитель председателя Совета Народных Комиссаров и председатель С. Т. О. Был в 1926—1927 г.г. полномочным представителем С. С. С. Р. в Италии. Борясь энергично в 1923 — 1924 г.г. с троцкизмом, в 1925 г. перешел в оппозицию («новая оппозиция»), в 1926 г. вступил в блок с Троцким и с ноября 1927 г. исключен из партии за фракционную работу. Порвав с оппозицией и признав ошибочность всех ее принципиальных и тактических взглядов, восстановлен членом В. К. П. в 1928 г. — **204, 205, 307, 427.**

КАНТ, ИММАНУИЛ (1724—1804) — немецкий философ, основатель «критической философии», основоположник немецкого классического идеализма. Главная работа «Критика чистого разума» появилась в 1781 г. «Основная черта философии Канта есть примирение материализма с идеализмом, компромисс между тем и другим, сочетание в одной системе

разнородных, противоположных направлений» (В. И. Ленин «Материализм и эмпириокритицизм», XIII т. Соч.). Стремление вернуться к Канту или примирить Маркса с Кантом всегда было характерно для ревизионистов. — 88.

КАПУСТИН, М. Я. (1847—1920) — член II и III Гос. Дум от Казани, тов. председателя III Гос. Думы, октябрист. Профессор гигиены в Казанском университете. Автор ряда работ по вопросам гигиены и общественной санитарии. В Думе выступал по вопросам бюджета, аграрному и судебному. После революции читал лекции в высших учебных заведениях Ленинграда. — 364.

КАРАВАЕВ, А. Л. (1855—1908) — земский врач. Неоднократно подвергался преследованиям со стороны царской администрации. Учредитель екатеринославского отдела крестьянского союза в 1905 г. Депутат II Гос. Думы от Екатеринославской губ., принадлежал к группе «трудовиков». Был убит в Екатеринославе черносотенцами перед выборами в III Гос. Думу. — 483.

КАРАУЛОВ, В. А. (1854—1910) — бывший народоволец, был арестован в Киеве по делу «12-ти» и приговорен к 4 годам каторги. По отбытии срока заключения в Шлиссельбурге, был сослан на поселение в Сибирь, где примкнул к кадетам и открыто выступал против революции в 1905 г. Депутат в III Гос. Думе от Енисейской губернии, прославился своими контр-революционными выступлениями и ханжескими богомольными речами. — 76, 77, 118, 191, 208, 258, 355, 485.

КАУТСКИЙ, КАРЛ (р. 1854) — теоретик германской социал-демократии и II Интернационала, экономист и историк. Вступил в австрийскую с.-д. в 1874 г., примкнув к ее полуанархическому крылу, руководимому Шеем и Мостом. В начале своей литературной деятельности был противником марксизма. С 1880 г. в Цюрихе начал работу в прессе германской с.-д. Марксистом стал под непосредственным влиянием Маркса и Энгельса. В 1883 г. основал научно-литературный журнал «Neue Zeit», редактором которого оставался до 1917 г. Под руководством Энгельса написал свои лучшие исторические работы («Томас Мор и его утопия», «Классовые противоречия во Франции в 1789 г.», «Предшественники современного социализма» (первый том) и т. д.). После смерти Энгельса издал оставшиеся рукописи Маркса, относившиеся к IV тому «Капитала» («Теория прибавочной стоимости»). Широкую известность получили его пропагандистские работы — «Экономическое учение К. Маркса», «Эрфуртская программа». Наиболее крупная экономическая работа К. — «Аграрный вопрос» (1898). В 1899 г. выступил против ревизии марксизма, предпринятой его старым другом Бернштейном («Анти-Бернштейн»). До 1910 г. возглавлял вместе с Бебелем и Розой Люксембург ортодоксальную часть германской с.-д. В оценке революции 1905 г. стоял ближе к большевикам, чем к меньшевикам (статья «Движущие силы и перспективы русской революции»). Однако уже в произведениях этого периода встречается много недомолвок и прикрытых отступлений от марксизма (вопросы о диалектике, о пролетарской диктатуре и переходе к социализму, примиренческое отношение к философии Маха и т. п.). Книга «Путь к власти» (1909) была последней, в основном выражавшей точку зрения революционного марксизма. С 1910 г. К. постепенно сближается с реформистами. В годы войны старается «согласовать» лозунг защиты отечества с интернационализмом, сводя последний к бездеятельному пацифизму, и пытается затушевать вскрытые войной противоречия капиталистического общества при помощи теории «ультра-империализма». Эта позиция К. получила название центризма. В 1917 г. К. был снят шейдемановцами с редактирования «Neue Zeit» и вошел в Независимую социалистическую партию, стоя на ее правом фланге. После войны был одним из основателей Венского ($2^1/_2$) Интернационала. В 1922 г. содействовал его возвращению в ряды II Интернационала. По-

следние годы является одним из самых злобных противников С. С. С. Р., печатно проповедуя необходимость новой интервенции. Новые теоретические работы К. обнаруживают полный переход его к ревизионизму. «Пролетарская революция и ее программа» (1922 г.) обосновывает новую, откровенно реформистскую программу с.-д. «В материалистическом понимании истории» (1927 г., 2 т.т.) К. теоретически формулирует полное отречение от революционного марксизма при сохранении марксистской фразеологии. См. о нем работу В. И. Ленина 1918 г. «Пролетарская революция и ренегат Каутский» (XXIII т. Сочинений). — **17, 53, 87—89, 205, 306.**

КВЕЛЬЧ, ГАРРИ (1856—1913) — один из организаторов и популярный вождь английского рабочего класса, блестящий оратор. Вождь «Социал-Демократической Федерации» (S.D.F.), руководитель социал-демократических партийных и профессиональных организаций английского пролетариата. С 1892 г. до своей смерти издавал орган английской социал-демократии, еженедельную газету «Justice» («Справедливость»). Неоднократно представлял английские социал-демократические партии на Международных съездах и в Международном Социалистическом Бюро. Оценку К., как вождя английского рабочего движения, см. в статье В. И. Ленина «Гарри Квельч» (XVII т. Сочинений). — **166, 167.**

КЕЛЕПОВСКИЙ, С. И. (1873) — помещик, депутат Гос. Думы 2-го и 3-го созывов от Херсонской губ. Националист. — **368.**

КНИПОВИЧ, Б. Н. (р. 1890—1924) — из семьи старых социал-демократов, с раннего возраста был знаком с Н. К. Крупской и В. И. Лениным. По образованию — географ и экономист-аграрник. В 1911 г. арестован, в 1912 г. выслан за границу, где продолжал учение. В 1912 г. вышла в трудах семинария проф. М. И. Туган-Барановского его первая научная работа «К вопросу о дифференциации русского крестьянства», по поводу которой В. И. Ленин написал ему письмо, печатаемое в настоящем томе. С 1917 г. на хозяйственной работе, в Наркомземе, и с 1922 г. в Госплане, как специалист по районированию. Выпустил в 1921 г. книгу: «К методологии районирования». Состоял преподавателем экономической географии в Межевом Институте, в Военно-Хозяйственной Академии и в С.-Х. Академи им. Тимирязева. — **510.**

КОВАЛЕВСКИЙ, М. М. (1851—1916) — известный профессор, правовед и историк, член Государственного Совета по выборам от академической курии, либерал. С 1877 по 1887 г. профессор Московского университета; в 1887 г. был лишен кафедры за либеральный образ мысли и эмигрировал во Францию, где основал в 1901 г. Высшую русскую школу общественных наук, просуществовавшую до 1905 г. В 1905 г. вернулся в Россию; был депутатом в I Гос. Думе от Харьковской губернии. Основатель партии демократических реформ, редактор газ. «Страна», потом журналов «Вестник Европы» и «Запросы Жизни». — **453.**

КОГАН, В. Л. — автор двух статей: «Новый избирательный закон» и «О чем говорит действительность» в №№ 6, 8, 9 и 10 журнала «Образование» за 1907 г. — **131.**

КОКОВЦЕВ, В. Н. (р. 1853) — министр финансов в кабинете Столыпина и премьер-министр после Столыпина. После своей отставки (в 1914 г.) банковский деятель. В годы гражданской войны деятель южной контрреволюции. Ныне эмигрант. Монархист. — **259, 367, 506, 508.**

КОЛОСОВ, Е. Е. (р. 1879) — видный социалист-революционер, член Ц. К. В 1897 г. входил в группу народников, издававших в Петербурге нелегальный журнал «Рабочий Вестник» под редакцией Н. К. Михайловского. В 1901 г. арестован и сослан в Сибирь. После 1905 г. в эмиграции. Во время войны оборонец. Автор ряда статей и брошюр о Н. К. Михайловском и народническом движении; «Очерки мировоззрения Н. Михайловского» (1911 г.); «Н. К. Михайловский. Социология. Публицистика. Литературная деятельность». 1917 г. — **57.**

КОЛЮБАКИН, А. М. (1869—1915) — земский деятель, либерал. В 1903 г. председатель Новгородской губернской земской управы; в 1904 г. К. был уволен министром внутренних дел (Плеве). Принимал участие в июльском земском съезде, деятельный член к.-д. партии, депутат III Гос. Думы. — **437.**

КОНДУРУШКИН, С. С. (р. 1874) — беллетрист и журналист. Сотрудничал в «Русском Богатстве», «Мире Божием», сборниках «Знание» и в газ. «Речь». Известен своими «Сирийскими рассказами». В политических вопросах был близок к кадетам. — **262.**

КОНТ, ОГЮСТ (1798—1857) — французский философ; основоположник позитивизма. Исходным пунктом воззрений К. являлся заимствованный у Сен-Симона закон трех стадий развития человечества, от теологии через метафизику к позитивной науке. Если первому этапу соответствует авторитет, порядок и антропоморфизм, второму — критика, сомнения, революция и метафизика, то третий представляет ступень научной политики, отвергающей и реставрацию и революцию и выдвигающей на первый план промышленность. К. же принадлежит классификация наук по степени их увеличивающейся сложности: математика, астрономия, физика, химия, биология, социология. Отрицание философии, отождествляющейся К. с метафизикой, являлось для него лишь другой стороной агностической точки зрения, считающей невозможным познание природы материального мира. Свое завершение воззрения К. нашли в своеобразной религии человечества с соответствующим ей служением, культом и т. д., непосредственно переходящей в мистику. Промежуточная между материализмом и спекулятивной философией идеология позитивизма типична для различных либерально-буржуазных течений XIX и XX века. — **51.**

КРЕСТОВНИКОВ — крупный русский промышленник и биржевой делец. Председатель московского биржевого и купеческого общества. Видный октябрист. — **309, 508.**

КРИВОШЕИН, А. В. (1858—1923) — царский чиновник, член Гос. Совета. В 1905 г. был назначен товарищем главноуправляющего земледелием и землеустройством. На Царскосельском совещании в 1905 г. по вопросу о земельной реформе высказался против разрушения общины, как метода политически невыгодного. В 1908—17 г.г. был главноуправляющим земледелием и землеустройством, проводил в жизнь Столыпинскую земельную реформу. Был главой правительства у Врангеля.— **530.**

КРИЧЕВСКИЙ, Б. Н. (1866—1919) — один из первых русских социал-демократов, публицист. После работы в социал-демократических кружках в России в начале 90-х г.г., эмигрировал заграницу, примкнул к группе «Освобождение Труда», вскоре стал в оппозицию к группе и вместе с Л. Тышко (Иогихес) образовал собственную группу для издания популярной социал-демократической литературы. Склонялся к «экономизму» и после победы «экономических» настроений в «Союзе русских социал-демократов заграницей», получил в нем большинство и стал редактором органа Союза «Рабочее Дело» (1898—1902). Одновременно принимал участие в европейском рабочем движении. Сотрудничал в «Humanité» («Человечество») и состоял парижским корреспондентом «Vorwärts'a» («Вперед»). Бернштейнианец и жоресист. «Искра» и «Заря» вели против него резкую борьбу и совершенно подорвали его влияние в партии. После II съезда К. никакой роли в партии не играл. — **136.**

КРОПОТОВ, А. Е. (р. 1874) — крестьянин, волостной писарь, депутат III Гос. Думы от Вятской губ. Трудовик. — **327.**

КРЫЖАНОВСКИЙ, С. Е. (р. 1861) — царский чиновник, в 1897 г. поступил в министерство внутренних дел, где быстро продвинулся и в 1906 г. был назначен товарищем министра. Известен как автор реакционных законопроектов, в частности избирательного закона 3 июня 1907 г. Был близок к Столыпину. — **226, 256, 405.**

КУЗМИНСКИЙ, А. М. (1844 — 1917) — царский чиновник, проходивший свою служебную карьеру по министерству внутренних дел и полиции; производил ревизию г. Баку и Бакинской губ. в связи с армянской резней. — 527, 528.

КУЗНЕЦОВ, Г. С. (р. 1881) — рабочий, слесарь нижнеднепровских мастерских. Депутат в III Гос. Думе от Екатеринославской губ., соц.-дем.-меньшевик. — 286 — 288, 430.

КУЛОМЗИН, А. Н. (р. 1838 — 1924) — царский чиновник, экономист. В 1891 г. назначен управляющим делами комитета Сибирской железной дороги; ездил в Сибирь для ознакомления с положением переселенческого вопроса; отчет об его поездке вышел отдельной книжкой (1896 г.). — 524.

КУНОВ, ГЕНРИХ (р. 1862) — немецкий историк, социолог и этнограф, в ранних своих работах — ортодоксальный марксист. Был редактором органов Ц. К. германской социал-демократии: «Vorwärts» («Вперед») и «Neue Zeit» («Новое Время»). Наиболее известный труд его «Борьба классов и партий в Великую Французскую Революцию». В работах позднейшего периода — ревизионист. С началом империалистической войны стал социал-патриотом. — 283.

КУТЛЕР, Н. Н. (1859 — 1924) — видный деятель кадетской партии, депутат II и III Гос. Дум от Петербурга. Начал свою деятельность с адвокатуры. С 1899 по 1904 г. работал в министерстве финансов. В период 1905— 1906 г.г. был товарищем министра внутренних дел при кн. Святополке-Мирском и министром земледелия и землеустройства в кабинете графа Витте; вышел в отставку из-за разногласий с Витте, который провалил проект К. о частичном принудительном отчуждении помещичьих земель. В марте 1907 года, во время дебатов по аграрному вопросу в Думе, К. выступил от к.-д. с речью, в которой отстаивал интересы помещиков. Это выступление детально разобрано Лениным в его книге «Аграрная программа с.-д. в русской революции 1905 — 1907 г.г.» и в его «Проекте речи по аграрному вопросу» (1907 г.). Как крупный специалист-финансист, К. был использован советской властью на работе в Государственном банке С.С.С.Р. — 368.

Л.

ЛАВРОВ, П. Л. (МИРТОВ) (1823 — 1900) — виднейший теоретик революционного народничества. В 60-х годах был членом «Земли и Воли». В 1866 г. арестован и отправлен в ссылку, где написал оказавшие громадное влияние на русскую революционную интеллигенцию «Исторические письма», в которых положил начало так называемой «русской субъективной школы в социологии», утверждавшей, что всякий общественный прогресс возникает благодаря влиянию «критически мыслящих личностей». В 1870 г. бежал заграницу, принимал участие в Парижской Коммуне. Издавал заграницей (сначала в Цюрихе, потом в Лондоне) народнические пропагандистские издания «Вперед» (1873 — 1877), в которых развивал взгляды о необходимости «идти в народ» с целью длительной пропаганды и перевоспитания народных масс в духе социалистических идей, — в противоположность бунтарям-бакунистам, считавшим русский народ готовым к социалистической революции и шедшим к нему с целью организации немедленного восстания. Был редактором «Вестника Народной Воли» (1883 — 1886) и вплоть до своей смерти авторитетнейшим истолкователем народничества. — 87.

ЛАРИН, Ю. (ЛУРЬЕ, М. А.) (р. 1882) — литератор и экономист, старый партийный работник с.-д., неоднократно подвергавшийся аресту и заключению. В 1902 г. был привлечен по делу с.-д. и сослан на 8 лет в Якутскую область, откуда в 1904 г. бежал. После раскола партии примкнул к меньшевикам. В 1905 г. был членом Петербургского Комитета Р.С.-Д.Р.П., а с начала 1906 г. — членом федеративного комитета в Петер-

бурге. На Киевском съезде «Спилки» (украинская соц.-дем. организация) был выбран членом Главного Комитета Спилки. Участвовал от Спилки на V (Лондонском) съезде Р.С.-Д.Р.П. В 1907 г. отстаивал идею созыва «широкого рабочего съезда», являясь автором одного из проектов созыва съезда. В эпоху реакции — ликвидатор. В годы войны примыкал к группе интернационалистов-меньшевиков, возглавляемой Мартовым. После Февральской революции примыкал к левому крылу меньшевиков-интернационалистов, после июльских дней вступил в партию большевиков. После Октября находится все время на ответственной советской работе. — 126 — 132, 135 — 137, 204, 210 — 218, 230, 240, 242, 247, 252, 279, 280, 298 — 300, 304, 338, — 343, 348, 398, 400, 426, 499, 500, 547.

ЛАССАЛЬ, ФЕРДИНАНД (1825 — 1864) — один из крупнейших деятелей германского рабочего движения, выдающийся оратор и публицист. В 1848 г. принял участие в революционном движении на Рейне и сотрудничал в руководимой Марксом «Новой Рейнской Газете». Исходя из неверной теории «железного закона заработной платы», не придавал значения экономической борьбе и профессиональной организации пролетариата и главное внимание обращал на завоевание всеобщего избирательного права, которое дало бы рабочим влияние на правительство для получения государственного кредита свободным производительным ассоциациям рабочих, через которые совершился бы постепенный переход к социалистическому строю. На почве борьбы за избирательное право вступил в некоторую связь с Бисмарком. В 1863 г. основал «Всеобщий Германский Рабочий Союз», долго враждовавший с основанной А. Бебелем и В. Либкнехтом «Соц.-дем. рабочей партией», с которою «Союз», наконец, слился в 1875 г. в единую «Социалистическую рабочую партию Германии», впоследствии переименованную в «Соц.-дем. партию Германии». — 269, 347.

ЛАФАРГ, ЛАУРА (1845 — 1911) — дочь Карла Маркса. В 1868 г. вышла замуж за Поля Лафарга, верной спутницей и сотрудницей которого была до самой смерти. Автор второго перевода «Коммунистического Манифеста» на французский язык, проредактированного Энгельсом и напечатанного в 1886 г. Покончила жизнь самоубийством вместе с мужем. — 264.

ЛАФАРГ, ПОЛЬ (1842 — 1911) — философ, публицист, один из первых представителей научного социализма во Франции, ученик и зять Маркса. Участвовал в студенческом социалистическом движении, был инициатором 1-го международного съезда студентов в Льеже в 1863 г. После Парижской Коммуны, в которой принимал участие, эмигрировал в Испанию, потом в Лондон. В 1882 г. вернулся в Париж, где вместе с Жюлем Гэдом основал Французскую рабочую партию; подвергаясь преследованиям со стороны правительства, неутомимо в своих блестящих речах, памфлетах и научных трудах проповедывал марксизм и защищал его от идеалистического уклона некоторых социалистов, в частности Жореса. Из произведений Л. наиболее известны: «Собственность и ее происхождение», «Экономический детерминизм К. Маркса», и ряд экономических работ, а также ряд блестящих памфлетов («Право на леность», «Проданный аппетит» и др.). В 1891 г. был избран депутатом в парламент. Достигнув 70-летнего возраста, который он считал предельным для человеческой деятельности, покончил жизнь самоубийством вместе с женой, Лаурой Маркс. На торжественных похоронах, устроенных Французской социалистической партией, выступали представители международного рабочего движения, в том числе и В. И. Ленин. — 264.

ЛЕВИЦКИЙ («ВОЛОДЯ», псевдоним **ЦЕДЕРБАУМА, В. О.**) (р. 1883) — социал-демократ меньшевик. С 1904 г. в эмиграции. После первой конференции меньшевиков (1905 г.) вернулся в Петербург, где вел пропагандистскую работу. Делегат на IV (Стокгольмском) съезде в 1906 г. В 1907 г., во время раскола на Петербургской конференции, поддерживал отколов-

шуюся часть меньшевиков. В предвыборной кампании во II Государственную Думу стоял за блок с кадетами. В эпоху реакции — крайний ликвидатор, работал в легальных организациях (рабочие клубы, и пр.). Деятельный сотрудник «Голоса Социал-Демократа», один из организаторов «Нашей Зари». В числе других меньшевиков подписал знаменитое «открытое письмо» в № 19 — 20 «Голоса Социал-Демократа». Во время войны оборонец, поддерживавший крайнюю правую группу «Самозащита». После Февральской революции — участник всех меньшевистских конференций. После Октября 1917 г. — противник советской власти. В 1919 г. привлекался Советской властью к ответственности по делу контр-революционного «тактического центра». В настоящее время занимается исключительно литературой (см. его воспоминания: «За четверть века» Гиз, 1926 г.). — 14, 53, 61, 83, 92, 123 — 125, 135, 136, 138 — 140, 149, 150, 174, 195, 196, 204, 209, 215, 217, 218, 230, 240, 242, 252, 254, 332, 338, 339, 342, 350, 398, 399, 426, 459, 539, 540, 547.

ЛЕДЕР, В. Л. (ЗДЗИСЛАВ) (р. 1882) — польский социал-демократ, с 1900 г. участвовал в польском студенческом движении; в 1904 г. член варшавского комитета Социал-демократии Польши и Литвы; с 1905 г. корреспондент «Искры», петербургских «Волны» и «Пролетария». Подвергался многочисленным арестам, эмигрировал в 1908 г. В 1910 г. секретарь Главного Правления С.-Д. П. и Л., представитель С.-Д. П. и Л. в редакции Центрального Органа Р.С.-Д.Р.П., активный участник заграничной партийной жизни; в 1911 г. входил в состав редакции Ц.О. («Соц.-Демократ»), З.О.К. и Т.К. После июньского совещания цекистов Л., вместе с Тышко и Станиславой, поддерживал группу «большевиков-примиренцев» в ее выступлениях против большевиков. С Октября 1918 г. примкнул к большевикам. С 1921 г. в Советской России, на ответственной работе, сотрудник коммунистической печати на польском, русском и немецком языках, член В.К.П. (б.). — 293, 294.

ЛЕНИН, В. И. (УЛЬЯНОВ, В. И., ЛЕНИН, Н., Ф. Л — КО, ФРЕЙ, В.).— (1870 — 1924). — 240, 307, 427, 430, 440, 441.

ЛИБЕР, М. И. (ГОЛЬДМАН, БЕР) (р. 1880) — один из лидеров Бунда, член его Ц. К., бывший учитель. Был несколько раз в ссылке. Представитель бундовского Ц.К. на II съезде Р.С.-Д.Р.П., занимал самую правую антиискровскую позицию; на V (Лондонском) съезде партии был избран в члены Ц.К. от Бунда, был членом Заграничного бюро Ц.К. до распада З. Б. (1908 — 1911) («заграничный комиссар» ликвидаторов); один из организаторов «августовской» конференции 1912 г., активный «оборонец» — во время империалистской войны; наиболее ярый представитель правого меньшевизма во время революции 1917 г. («либер-дан» в большевистской печати того времени стало нарицательным именем для обозначения наиболее откровенного контр-революционного крыла меньшевиков). — 198, 206, 218, 219, 307, 428, 540. 542, 545, 548.

ЛИБКНЕХТ, ВИЛЬГЕЛЬМ (1826 — 1900) — один из вождей германской социал-демократии, отец Карла Либкнехта, принимал активное участие в революции 1848 г. С наступлением реакции эмигрировал в Швейцарию, а оттуда в Лондон, где сблизился с Марксом и Энгельсом. Возвратился в 1860 г. по амнистии в Германию. По инициативе Л. и Бебеля в 1869 г. основана в Эйзенахе социал-демократическая партия. В 1870 г. за протест против аннексии Эльзас-Лотарингии арестован по обвинению в государственной измене. Вместе с Бебелем вел борьбу против Бисмарка во время господства исключительных законов против социалистов. В 1867 — 1888 — член парламента. Виднейший деятель революционного крыла партии, боролся против соглашательских тенденций (Фольмар и др.). Был редактором центрального органа партии «Vorwärts» («Вперед»).— 113, 213.

ЛИТОВЦЕВ, С. (псевдоним ПОЛЯКОВА, С. Л.) — сотрудник кадет-

ской «Речи» и «Современного Слова». Вел в «Речи» отдел «В парламентских кругах» — отчеты о заседаниях Государственной Думы. — 155.

ЛЛОЙД-ДЖОРДЖ, ДАВИД (р. 1863) — крупный английский государственный деятель. С 900-х годов лидер либеральной партии. В 1906 г. министр торговли и промышленности, в 1909 г. — канцлер казначейства. В этот период проводил ряд демократических реформ, являясь представителем новых методов тактики либеральной буржуазии. Ловко умел использовать «социальные реформы», не затрагивающие существа буржуазного строя, а наоборот служащие средством для укрепления современного буржуазного общества. Блестящую характеристику его позиции дает Ленин в статье: «Империализм и раскол социализма: «Первоклассный буржуазный делец и политический пройдоха, популярный оратор, умеющий говорить какие угодно, даже ррреволюционные речи перед рабочей аудиторией, способный проводить изрядные подачки послушным рабочим в виде социальных реформ (страхование и т. п.), Л.-Д. служит буржуазии великолепно и служит ей именно *среди* рабочих, проводит ее влияние *именно* в пролетариате, там, где всего нужнее и всего труднее морально подчинить себе массы» (XIX том Соч., стр. 311). В годы войны в блоке с консерваторами проводил диктатуру империалистов, аннулировал завоевания рабочего класса и основные начала английской конституции. После Октябрьской революции на средства английского казначейства помогал борьбе российских белогвардейцев против Советской власти. Один из творцов Версальского договора. В 1920 г. был инициатором возобновления торговых сношений с Советской Россией. — 57.

ЛОПАТИН, Г. А. (1845 — 1918) — видный русский революционер, народник, шлиссельбуржец, публицист и переводчик книг по политической экономии, философии, физике и биологии. Впервые был арестован в 1866 г. в связи с покушением Каракозова. В 1867 г. в Италии вступил в ряды волонтеров Гарибальди. По возвращении в Россию, он снова был арестован и сослан. В 1870 г. бежал с П. Л. Лавровым в Париж. Здесь он вступил в одну из секций Интернационала, познакомился в Швейцарии с Бакуниным и Нечаевым, в Англии с Марксом и Энгельсом. Перевел часть I тома Капитала. В 1872 г. поехал нелегально в Сибирь, чтобы устроить побег Н. Г. Чернышевского, был арестован, бежал заграницу, сблизился с Лавровым, сотрудничал в «Вперед». В 1879 г. в Петербурге вновь арестован и сослан в Ташкент, потом в Вологду, снова бежал заграницу в 1883 г. Тут Л. формально вступил в партию «Народной Воли», но в 1884 г. окончательно попал в руки царской полиции. После 3-х летнего предварительного заключения был приговорен к смертной казни, замененной бессрочной каторгой. Освобожден после 17-го октября 1905 г., но измученный 20-летним заключением отошел от политической жизни вплоть до Февральской революции, которую встретил с радостью, хоть и не мог в ней принимать активного участия. — 57, 58, 76.

ЛОПУХИН, А. А. (1864 — 1928) — директор департамента полиции при Плеве. Во время суда над Петербургским Советом Рабочих Депутатов в 1906 г. Л. прислал защитнику Грузенбергу два письма, изобличавшие правительственные учреждения в погромной деятельности. Подтвердил Бурцеву при свидании с ним провокационную деятельность Азефа, за что был осужден на поселение в 1909 г. — 323.

ЛУНАЧАРСКИЙ, А. В. (р. 1875) (революц. псевдоним **ВОИНОВ**) — вошел в революционное движение еще гимназистом, участвуя в кружках г. Киева. В 1889 г., будучи студентом Московского университета, работал в Московской социал-демократической организации, но вскоре подвергся аресту и был выслан сначала в Калугу, потом в Вологодскую губ. В конце 1904 г. выехал в Женеву. По поручению Ленина провел энергичную кампанию за съезд в русских с.-д. группах Швейцарии, Бельгии, Германии, Италии, вошел в редакционную работу большевистских центральных

органов «Вперед» и «Пролетарий». Весной 1905 г. участвовал в работе III съезда Р.С.-Д.Р.П. (доклад о вооруженном восстании). В конце 1905 г. вернулся в Петербург, где принимал ближайшее участие в издании большевистского легального органа «Новая Жизнь». Участвовал на IV (Стокгольмском) и V (Лондонском) съездах Р.С.-Д.Р.П., а также в русской делегации на Штутгартском международном социалистическом конгрессе (1907 г.). В годы реакции заграницей вошел вместе с Богдановым, Станиславом Вольским, Алексинским и другими в основное ядро группы «впередовцев» («богдановцы»), разойдясь с большевистской фракцией как в области политических вопросов (отношение к думской с.-д. фракции, соотношение легальной и нелегальной работы и пр.), так и в области вопросов философских (эмпириокритицизм и «богостроительство»). В 1910 г. и 1911 г. принимал деятельное участие в работе партийных школ, организованных «впередовцами» на острове Капри и в г. Болонье в Италии для рабочих из России. В 1913 г. с группой товарищей отошел от основного кружка впередовцев и создал кружок «Пролетарской культуры». С начала империалистической войны примкнул к интернационалистам, сотрудничал в парижских «Голосе» и «Нашем Слове». После Февральской революции, возвратившись в Петроград, вошел в организацию «межрайонцев» и вместе с нею влился в большевистскую партию на VI съезде Р.С.-Д.Р.П. (б.). С Октябрьской революции до сентября 1929 г. состоял народным комиссаром просвещения Р.С.Ф.С.Р. Литератор. Драматург. — 295, **332**, 337, **427**.

ЛУНИН, А. Л. (р. 1864) — по происхождению крестьянин, торговый служащий. Депутат III Гос. Думы от Казанской губ. Кадет. — **364**.

ЛЮБИМОВ, А. И. (революц. псевдонимы МАРК, ЗОММЕР) (1879—1919) — социал-демократ, один из деятельных организаторов Московского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». В 1899 г. был выслан под надзор полиции в Воронеж, где организовал Воронежский комитет Р.С.-Д.Р.П. (в 1900—01 г.г.). Входил в группу так называемых «американцев», создавших «Северный Союз». Был вторично арестован в 1901 г. и после восьмимесячного заключения возвращен в Воронеж. После 2-го съезда занял примиренческую позицию. В конце 1903 г. перешел на нелегальное положение, работал в Ц.К. Р.С.-Д.Р.П., где заведывал Техническим Бюро. Летом 1904 г. был кооптирован в состав Ц.К.; принимал активное участие в работах III съезда Р.С.-Д.Р.П. под псевдонимом «Зоммер». Был членом Одесского Комитета большевиков, членом и секретарем Московского Комитета, в 1908 г. был арестован и сослан в Сибирь, откуда бежал заграницу. Участник январского пленума 1910 г. и член З.Б.Ц.К. в 1910 г. Один из основателей Парижской группы «большевиков-примиренцев» (1911—1914 г.г.). В 1911 г. входил в состав З.О.К. Вместе с ликвидаторами и Троцким подписал известную резолюцию парижского «совещания представителей течений» от 12 марта 1912 г., направленную против Пражской конференции. Один из редакторов органа плехановцев и б-ков-примиренцев, газеты «За партию». С самого начала империалистической войны стал на оборонческую точку зрения, принял горячее участие в органе оборонцев «Призыв». После Февральской революции вернулся в Россию. С августа 1917 г. состоял членом редакции плехановского «Единства», входил в Ц.К. этой организации. После Октябрьской революции ушел от политической деятельности. — **292**.

ЛЮКСЕМБУРГ, РОЗА (1870—1919) — вождь и идеолог польского и германского революционного рабочего движения, практический работник германского, польского и русского рабочего движения, представительница революционного направления во II Интернационале и в германской с.-д., автор ряда теоретических работ по экономическим и др. вопросам («Накопление капитала» и др.). В 1893 г. принимала участие в основании «Социал-демократии Царства Польского» (позже С.-Д. Польши и Литвы), написала ряд теоретических работ для обоснования польского с.-д. движения.

С 1897 г. принимала активнейшее участие в германском с.-д. движении, находясь всегда на левом крыле партии и ведя борьбу с бернштейнианством и его французской разновидностью — мильеранизмом. В 1905 г. работала в Варшаве. На основании опыта русской революции написала в 1906 г. брошюру «Всеобщая стачка». Принимала участие в V (Лондонском) съезде Р.С.-Д.Р.П. в 1907 г., где шла вместе с большевистской фракцией. Выступая с резкой критикой ревизионизма, с 1910 г. выступает и против «центра» (Каутский), склонявшегося к компромиссу с оппортунистами. С самого начала империалистической войны заняла интернационалистскую позицию и выпустила вместе с Ф. Мерингом и К. Цеткин один номер журнала «Интернационал». Вошла в основанный К. Либкнехтом «Союз Спартак», написала в 1916 г. (в тюрьме) под псевдонимом Юниус брошюру «Кризис социал-демократии», где указала на распад II Интернационала и на необходимость образования III Интернационала. После ноябрьской 1918 г. революции в Германии развила широкую коммунистическую агитацию, но вскоре была вместе с К. Либкнехтом убита германскими офицерами (15 янв. 1919). Ленин, высоко ценивший Р. Л., посвятил ей, однако, ряд полемических статей, выступая против ее ошибок, в частности против ее организационных взглядов (1904 г.), позиции в национальном вопросе и др.— **17, 18, 23.**

ЛЬВОВ, Г. Е. (1861 — 1925) — князь, крупный помещик и видный земский деятель. Член кадетской партии. Депутат I Гос. Думы от Тулы. Как уполномоченный земского союза, обследовал переселенческий вопрос в России. Во время войны председатель Земгора. В 1917 г. премьер-министр временного правительства с марта по июль месяц. После Октября эмигрировал заграницу. — **458, 531.**

ЛЬВОВ, Н. Н. (р. 1867) — земский деятель, депутат I, III и IV Гос. Дум от Саратовской губ., кадет, с 1899 г. председатель Саратовской губ. земской управы. Участник земских съездов; один из основателей «Союза Освобождения»; член Ц. К. кадетов. В I Думе разошелся с кадетами по аграрному вопросу и вышел из партии. Был одним из учредителей партии мирнообновленцев. После роспуска I Думы подписал воззвание, выпущенное в противовес выборгскому воззванию. Перед выборами в III Думу явился одним из основателей партии прогрессистов и в Думе выступал как лидер прогрессистов. В настоящее время в эмиграции. — **186, 187, 227, 257, 258, 368.**

ЛЭНСБЕРИ, ДЖОРДЖ (р. 1859) — видный английский политический деятель, лидер «левого крыла» рабочей партии, старый деятель профессионального движения, член социал-демократической федерации с самого основания (1892 г.). С начала 1890-х годов участвовал в местном управлении Лондонского рабочего квартала «Поплар», где близко познакомился с жизнью городской бедноты. В 1905 г. член королевской комиссии по выработке законодательства о бедных, вместе с тремя другими подписал знаменитый «доклад меньшинства», в котором требовал радикальных реформ и борьбы с нищетою путем искоренения ее социальных причин, а не только облегчением ее форм. С 1910 — 1912 г. член парламента, где стал во главе левого крыла парламентской «рабочей группы» и высказался против блока с либералами. Основатель и редактор с 1911 г. социалистической газеты «Daily Herald» («Дэли Геральд»), в которой выступал против бесправия женщин и угнетенных национальностей Индии, Ирландии и Египта. В 1921 г., когда безработица и нищета достигали в Англии крайних пределов, превысил свои полномочия по оказанию помощи населению и вошел в открытый конфликт с правительством, став этим самым инициатором «попларизма», движения, названного по кварталу «Поплар», где оно началось. Желая ознакомиться с революционными завоеваниями русских рабочих, два раза посетил С.С.С.Р. в 1920 и в 1926 г., агитировал за возобновление дипломатических отношений и за вступление Рабочей

Партии в Коммунистический Интернационал. В своих органах «Daily Herald» («Ежедневный Вестник») и «Lansbury's Labour Weekly» («Рабочий Еженедельник Лэнсбэри») правильнее других информировал газеты о положении дел в советской стране. — 168, 169.

ЛЯХОВ, В. П. (1869 — 1918) — полковник, после революции 1905 г. прославился подавлением национально-революционного движения на Кавказе. Посланный в 1906 г. в Персию, якобы для заведывания обучением персидской кавалерии, а на самом деле для усмирения «беспорядков», руководил разгромом революционного Тавриза. Вмешательство русского правительства в дела Персии вызвало возмущение в широких общественных кругах, и 15 ноября 1908 г. соц.-дем. фракция III Гос. Думы внесла по этому поводу запрос правительству. — 58.

М.

МАДЗИНИ, ДЖУЗЕППЕ (1808 — 1872) — крупнейший деятель итальянского национально-освободительного движения XIX в., революционер-народник. С 22-х лет примкнул к тайному обществу карбонариев. В 1830 г. за революционную деятельность был выслан за границу. В эмиграции основал радикально-революционное общество «Молодая Италия». Программой М. было: независимость и единство Италии и демокр. республика. Лозунгом его было: «Бог и народ». Являясь представителем революционной мелкой буржуазии. М. был далек от понимания классовой борьбы. Играл также видную роль в европейском революционном движении, создав в 1850 г. вместе с Ледрю Ролленом и Костюшкой одно из первых международных революционных обществ. Как мистик и патриот, отнесся отрицательно к Парижской Коммуне. Сделал неудачную попытку противопоставить свое влияние I Интернационалу, созвав в Риме осенью 1871 год съезд рабочих. — 266.

МАЕВСКИЙ, Е. (псевдоним **В. А. ГУТОВСКОГО**) (1875 — 1918) — социал-демократ-меньшевик. Окончил кадетский корпус. В 1899 г. арестован по делу «Рабочего Знамени» и сослан в Сибирь, где был одним из организаторов Сибирского соц.-дем. Союза; в 1905 г. член меньшевистского Организационного Комитета; привлекался по делу Петербургского Совета Рабочих Депутатов, но скрылся и до 1912 г. жил нелегально. В годы реакции видный ликвидатор, сотрудничал в «Нашей Заре» и других ликвидаторских органах. Во время войны оборонец. После Октябрьской революции противник Советской власти. В 19 8 г. редактор кооперативной газеты «Власть Народа» в Челябинске. Был расстрелян в Омске офицерами Колчака во время подавления восстания рабочих, организованного подпольным Комитетом Р.К.П. (б.) — 174.

МАКАРОВ, А. А. (1857 — 1919) — видный чиновник, черносотенец, ближайший сотрудник Столыпина, с 1906 г. товарищ министра внутренних дел. С 1907 г. сенатор и председатель комиссии по реформе полиции. После убийства Столыпина, в 1911 г. министр внутренних дел и шеф жандармерии. Известен своей речью по запросу о Ленских событиях в Гос. Думе, 11 апр. 1912 г., в которой, защищая виновника расстрела, жандарма Трещенкова, произнес знаменитую фразу: «Так было, так будет». С 1912 по 1916 г. — министр юстиции. — 528

МАКДОНАЛЬД, РАМСЕЙ (р. 1866) — вождь английской Независимой рабочей партии — член правления с ее основания в 1893 г. Один из основателей и секретарь «Labour Party» («Рабочей партии»), депутат с 1906 г., лидер парламентской фракции. Сторонник классового сотрудничества и теоретик ревизионистского учения, так называемого «конструктивного социализма», крайний оппортунист. Во время войны — пацифист. Участник Венской конференции $2^1/_2$ Интернационала в 1921 г. В настоящее время один из лидеров II Интернационала. Автор ряда книг по политическим

вопросам. В 1924 г. премьер-министр и иностранных дел первого правительства Рабочей партии, проводил умеренно-либеральную политику. В 1929 г. премьер-министр второго правительства Рабочей партии. — 132, 167 — 169, 279.

МАКЛАКОВ, В. А. (р. 1870) — крупный московский адвокат, член II, III и IV Государственных Дум от Москвы, член партии к.-д., примыкавший к ее правому крылу. Создал себе имя выступлениями на политических процессах в 1905 — 07 г.г. (процесс выборжцев и др.), но участие его в процессе московских интендантов и защита бакинского миллионера Тагиева, обвиняемого в истязаниях, дискредитировали его даже в кадетских кругах. После Февральской революции проповедывал усиление военных действий. Был послом правительства Керенского, а позднее Колчака и Врангеля в Париже. Ныне эмигрант. — 118, 146, 185 — 187, 404, 405, 443, 454, 474, 544, 556.

МАКСИМОВ — см. БОГДАНОВ, А.

ДЕ-МАН, ГЕНДРИК — бельгийский социал-демократ. Начал свою деятельность в юношеском рабочем движении; состоял членом генерального совета юношеской социал-демократической организации «Молодой Гвардии». В 1911 г., вместе с де-Брукэром выпустил брошюру «Рабочее движение в Бельгии», подвергающую резкой революционной критике реформизм, господствовавший в рабочей партии Бельгии, руководимой Э. Вандервельде. Авторов брошюры привлекли к ответу и чуть не подвергли партийным репрессиям. Впоследствии, под влиянием империалистической войны, Д.-М. сам поддался оппортунистическим и социал-патриотическим настроениям. Летом 1917 г., пользуясь популярностью своей книги среди русских марксистов, он приезжал в Россию, чтобы уговорить русских рабочих продолжать мировую войну «до победного конца».—137.

МАРК — см. ЛЮБИМОВ, А. И.

МАРКОВ 2-ОЙ, Н. Е. (р. 1876) — крупный помещик, член «Союза русского народа», позднее «Палаты арх. Михаила», депутат II и III Гос. Дум, лидер крайних правых. — 154, 227, 259, 260, 274, 275 285, 286, 297, 298, 303, 309, 321, 322, 326 — 328, 354, 355, 368, 384, 459, 474. 524, 532.

МАРКС, КАРЛ (1818 — 1883) — см. его биографию, написанную В. И. Лениным в 1914 г., в XVIII т. Сочинений. — 11, 12, 17, 88, 94, 102, 133, 266 — 271, 347, 465, 498.

МАРТОВ, Л. (ЦЕДЕРБАУМ, Ю. О.) (1873 — 1923) — один из лидеров меньшевизма. В 1891 г. вступил в студенческий революционный кружок, в 1892 г. был впервые арестован. В октябре-ноябре 1895 г. вместе с Лениным, Кржижановским и другими принимал участие в организации Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». В начале января 1896 г. был арестован и после тюремного заключения сослан в Туруханск на 3 года. В тюрьме написал брошюру «Современная Россия», в ссылке «Красное Знамя» и «Рабочее дело в России». Вошел в «тройственный союз» (Ленин, Мартов, Потресов), созданный по инициативе Ленина для воссоздания партии и издания «Искры». В 1900 году вернулся из ссылки и вместе с Лениным и Потресовым участвовал в «Псковском совещании». Затем около года работал на юге России, объезжая местные организации и организуя поддержку «Искры»; весною 1901 г. приехал в Мюнхен и принял деятельное участие в работе «Искры» и «Зари». На II съезде Р. С.-Д. Р. П. стал во главе меньшинства и с тех пор до смерти оставался виднейшим идеологом и публицистом меньшевизма, неизменным участником всех центральных учреждений меньшевистской партии и редактором меньшевистских изданий. В 1905 г., после манифеста 17 октября, вернулся в Россию, работал в ноябре-декабре в Совете Рабочих Депутатов и в редакции меньшевистской газеты «Начало». В 1906 году был арестован и выслан за границу. В годы реакции редактировал «Голос

Социал-Демократа», поддерживая ликвидаторов. В конце 1913 г. М. вернулся в Россию и руководил борьбой правого крыла социал-демократии против большевиков в качестве редактора «Рабочей Газеты». В период войны был в рядах меньшевиков-интернационалистов, участвовал в Циммервальдской конференции. В эпоху Февральской революции по некоторым вопросам расходился с большинством меньшевистской партии. После Октябрьского переворота противник Советской власти; в 1921 г. эмигрировал за границу, принимал близкое участие в создании так называемого Венского Интернационала и руководил меньшевистским «Социалистическим Вестником». — **10 — 14, 16 — 20, 23, 36, 42, 45, 48, 53, 60 — 64, 70, 84, 124, 127 — 137, 140, 149 — 151, 199, 204 — 206, 210, 214 — 217, 237, 240, 252 — 254, 284, 298, 299, 307, 335 — 344, 348 — 351, 398 — 403, 426, 439 — 442, 444, 459, 500, 509, 548.**

МАРТЫНОВ, А. С. (ПИККЕР) (р. 1865) — участник народовольческих кружков конца 80-х г.г. Был сослан в Сибирь и вернулся из ссылки в конце 90-х г.г. социал-демократом. В начале 900 г.г. выехал за границу, где вступил в «Заграничный Союз Русских С.-Д.». Стал одним из редакторов «Рабочего Дела» и теоретиком «экономизма»; взгляды М. неоднократно подвергались жестокой критике со стороны Ленина. На 2-ом съезде Р. С.-Д. Р. П. примкнул к меньшевикам и вскоре вошел в состав их руководящего ядра. Сотрудничал в меньшевистской «Искре» и во всех последующих легальных и нелегальных руководящих органах меньшевизма в качестве одного из их редакторов. Во время войны стоял на колеблющейся позиции, примыкая к группе Мартова. После Октябрьской революции постепенно эволюционировал влево; в настоящее время член В.К.П.(б.) — **124, 138, 205, 426, 459.**

МАСЛОВ, П. П. (р. 1867) — участник ранних марксистских кружков, участник первой легальной с.-д. газеты «Самарский Вестник»; экономист, автор ряда работ по аграрному вопросу, ревизионист. В 1903 г. вышел его «Аграрный вопрос» (т. I); тогда же под псевдонимом Икса М. в брошюре «Об аграрной программе» выступил против аграрной части проекта программы Р. С.-Д. Р. П., принятой затем II съездом. После раскола примкнул к меньшевикам и оставался постоянным сотрудником меньшевистских легальных и нелегальных изданий. В период первой революции выдвинул проект «муниципализации» земли, как программное требование социал-демократии, и на Стокгольмском съезде в 1906 г. защищал его против отстаиваемой Лениным «национализации». В 1908 г. выпустил 2-й т. «Аграрного вопроса». В годы реакции принимал активное участие в органе ликвидаторов «Наша Заря». Война застала М. в России, где он сразу же стал на точку зрения обороны страны, защищая свою точку зрения в либеральных газетах доводами экономического характера. После революции 1917 г. значительной политической роли не играл. С 1923 г. работает в Москве; с 1929 г. член Академии Наук. — **11, 53, 332, 511.**

МГЕЛАДЗЕ, В. (ТРИА) (р. 1868) — грузинский меньшевик, рабочий, с 1895 г. участвовал в революционном движении. После 1905 г. активный участник восстания в Персии. Автор брошюры «Кавказские с.-д. в персидской революции», вышедшей в 1910 г. с предисловием Волонтера (М. Павловича). Делегат от закавказского областного комитета на «августовской» конференции в 1912 г. После революции член меньшевистского правительства Грузии. — **57.**

МЕЛЛЕР-ЗАКОМЕЛЬСКИЙ, А. Н. (р. 1844) — генерал, начал свою службу с участия в подавлении польского восстания 1863 г. В 1905 г. с карательным отрядом прошел по линии Сибирской ж. д. до Читы, где соединился с карательным отрядом Ренненкампфа. В 1906 — 1909 г.г. был временным прибалтийским генерал-губернатором, подавлял революционное движение против баронов-помещиков. Один из самых жестоких усмирителей этого времени. — **160.**

МЕЛЬГОЗЕ — владелица завода сельско-хозяйственных машин в Харькове. — 555, 556.

МЕНЬШИКОВ, М. О. (1859 — 1919) — публицист крайнего реакционного направления, сотрудник «Нового Времени». Своей беспринципностью, неразборчивостью в средствах и прислужничеством в бюрократических сферах стяжал себе имя «Иудушка». Расстрелян в 1919 г. — 97, 110, 114 — 116, 118, 121, 129, 147, 262.

МЕРИНГ, Ф. (1846 — 1919) — выдающийся представитель революционного марксизма в Германии, историк и журналист; сначала был буржуазным радикалом, потом стал марксистом. С 90-х г.г., со времени возникновения ревизионизма в Германии, вел резкую борьбу против оппортунизма, был редактором левой «Leipziger Volkszeitung» («Лейпцигская Народная Газета»), вместе с Каутским редактировал «Neue Zeit» («Новое Время»). Во время империалистической войны примыкал к Циммервальду, один из руководителей спартаковцев. Автор ряда трудов, из которых особенно известны: четырехтомная «Geschichte der deutschen Sozial-Demokratie» («История германской социал-демократии»); «Легенда о Лессинге» и др. Издал в четырех томах «Литературное наследство Маркса, Энгельса и Лассаля»; незадолго до своей смерти выпустил в свет большую биографию Маркса. В области философии занимал ортодоксально-материалистическую позицию. — 12, 205, 306.

МИЛЮКОВ, П. Н. (р. 1859) — лидер кадетской партии, вождь русского либерализма, русский историк, профессор. В эпоху I Думы кадетами намечался премьером ответственного министерства. Лидер кадетской фракции III и IV Гос. Дум, редактор газеты «Речь». В июне 1909 г. в числе нескольких депутатов Гос. Думы и Гос. Совета, умеренно-правых кадетов, совершил известную поездку в Лондон, где на завтраке у лорд-мэра произнес речь в умеренно-конституционном духе. Во время войны — идеолог русских империалистов, сторонник войны «до победного конца», аннексии Дарданелл, Галиции, Восточной Пруссии и Армении, ярый враг интернационализма. Во время Февральской революции отстаивал романовскую монархию во главе с Михаилом. Во Временном правительстве первого состава занял пост министра иностранных дел. После Октябрьской революции вдохновитель контр-революционных выступлений против Советской России. Сторонник интервенции. В дни Скоропадского резко изменил антантовскую ориентацию на германскую и искал помощи у кайзера, но германская революция расстроила его планы. После победы советских войск на фронтах гражданской войны поселился в Париже. Редактирует лево-кадетскую газету «Последние Новости». Стал во главе «демократической группы» кадетской партии. — 61, 78, 105, 106, 117 — 120, 124, 225, 227, 254, 257, 258, 260, 277, 298, 299, 310, 318, 319, 328, 329, 340, 361, 404 — 407, 435, 437, 451, 458, 501, 508.

МИЛЬЕРАН, А. (р. 1859) — французский политический деятель, проделавший эволюцию от социализма к решительной защите буржуазии; первый из социалистов, вошедший в буржуазное министерство (1899 — 1902), где оказался рядом с палачем Коммуны генералом Галиффе. Вхождение М. в буржуазное министерство явилось практической иллюстрацией бернштейнианства и послужило поводом к острой борьбе как в рядах Французской социалистической партии, так и на Амстердамском международном Социалистическом конгрессе в 1904 году. После исключения М. из партии (в 1904 г.) он образовал с группой бывших социалистов и будущих буржуазных министров (Бриан, Вивиани) партию «независимых социалистов». Во время войны один из лидеров «Национального блока». В 1920 — 1924 г.г. — президент Французской республики; крайний реакционер, фактический глава французского фашизма. — 57.

МИРОВ, В. — см. ИКОВ, В. К.

МИХАИЛ — см. ИСУВ, И. А.

МИХАЙЛОВСКИЙ, Н. К. (1842—1904) — виднейший теоретик народничества, «властитель дум» русской интеллигенции 80-90-х г.г. В области социологии дал теорию «исторического процесса», признававшую за «критически мыслящими личностями» основную роль в направлении исторического процесса по «желательному» руслу. Идеализировал «трудовое» крестьянское хозяйство и общину, противопоставляя их капитализму. В начале 80-х г.г. примыкал к народовольцам, составляя и редактируя их издания. Был одним из руководителей «Отечественных Записок» в 1869—1884 г.г., а с 1892 г. редактировал «Русское Богатство», на страницах которого с самого начала 90-х г.г. и до смерти вел ожесточенную полемику с марксистами. Эс-эры считают М., наряду с П. Л. Лавровым, одним из основоположников их партии. Его полемические статьи против марксистов собраны в 2-х томах под заголовком: «Литературные воспоминания и современная смута» и вошли в VII том его Собр. сочинений (Спб. 1909). — 57, 87.

МОРЛЕЙ, ДЖОН (1838—1923) — крупный английский политический деятель и писатель, вождь либералов, соратник Гладстона в борьбе за гомруль в Ирландии. Член парламента с 1883 г. Ярый противник 8-ми-часового рабочего дня. Пацифист. С 1906—10 г.г. государственный секретарь по делам Индии. Прикрываясь пацифистскими фразами, проводил политику подавления индусского освободительного движения. В 1910 г. отказался от портфеля, оставшись в кабинете в качестве лорда президента Совета. В 1914 г. при начале мировой войны вышел в отставку из протеста против вмешательства Англии в войну. — 166, 267.

МОРЛИ — см. **МОРЛЕЙ, ДЖОН.**

МОРОЗОВЫ — фабриканты, потомки С. В. Морозова, одного из крупнейших промышленников, владельца текстильных фабрик в Орехово-Зуеве. — 114.

МОСКОВСКИЙ, А. — см. **ХУНДАДЗЕ, Г. И.**

МОСТ, ИОГАН (1846—1906) — немецкий социал-демократ, впоследствии анархист, по профессии переплетчик. В 1869 г. в Вене был приговорен к пятилетнему тюремному заключению, но вскоре амнистирован и выслан из Австрии. С 1870 г. вел в Германии энергичную агитацию, состоя редактором ряда социалистических изданий; два раза был избран в рейхстаг. В 1878 г. выслан из Германии, поселился в Лондоне, где стал издавать газету «Freiheit» («Свобода»), в которой проявлял все большую склонность к анархизму. За резкую критику, которой он подвел политику немецкой социал-демократии, был исключен из рядов партии на Конгрессе в Видене (Швейцария) в 1880 г. В конце 80-х годов был арестован и приговорен к каторжным работам. По отбытии наказания эмигрировал в Нью-Иорк, где примкнул к анархистам, стоя на крайней левой позиции. См. отзывы о нем Маркса и Энгельса в переписке: Маркса — Зорге от 19 октября 1877 г. и 19 сентября 1879 г. и Энгельса — Марксу от 28 мая 1876 г. — 8.

МУРОМЦЕВ, С. А. (1850—1910) — видный кадет, член Ц. К. кадетской партии, земский деятель, юрист. В 1884 г. был лишен кафедры в Московском университете за политическую неблагонадежность. В ноябре 1904 г. участвовал на известном съезде земских деятелей; был председателем ряда земских съездов 1905 г. С октября 1905 г. активный член образовавшейся партии к.-д., членом Ц. К. которой состоял до своей смерти. В 1906 г. — член I Гос. Думы от Москвы и ее председатель. После роспуска I Думы председательствовал на совещаниях ее членов в Выборге. За подписание Выборгского воззвания был присужден к 3 месяцам тюрьмы. В период 1908—1910 г.г. занимался публицистикой и читал лекции по своей специальности в университете Шанявского в Москве. Кроме ряда работ по истории римского и гражданского права и общей теории права, написал значительное количество статей политического характера, издан-

ных в пяти выпусках под заглавием «Статьи и речи», М. 1908 — 1910. — 57, 80, 226, 227, 256, 257, 260, 320 328, 533.

Н.

НАПОЛЕОН III (1808—1873). — 267, 465.

НЕВЕДОМСКИЙ, М. (литературный псевдоним М. П. МИКЛАШЕВСКОГО) (р. 1866) — социал-демократ, меньшевик, публицист, критик и историк литературы, член редакции «Мира Божьего» и «Современного Мира». В настоящее время работает исключительно в области истории литературы. — 52, 53, 337, 400, 459.

НИКОЛАЙ —ОН (псевдоним ДАНИЕЛЬСОНА, Н. Ф.) (1844 — 1918) — экономист 80-х и 90-х г.г. Один из наиболее ярких представителей народничества. Н. —он сделал первый в России перевод «Капитала» Маркса. Перевод этот вызвал оживленную переписку между Н. —оном и Марксом и Энгельсом (см. «Письма К. Маркса и Фр. Энгельса к Н. —ону», перевод Г. Лопатина, 1908 г.). Вследствие этого в глазах широкой публики Н. —он долго считался представителем марксизма в России. В 1893 г. издал книгу «Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства», которая вместе с работами В. В. служила главным экономическим обоснованием народничества. Взгляды Н. — она неоднократно разбирались В. И. Лениным. — 93, 94.

НИКОЛАЙ I (1796 — 1855) — 499.

НИКОЛАЙ II (1868 — 1918) — 141, 142, 222, 225 — 227, 247, 282, 285, 298, 299, 303, 304, 384, 415, 458, 459, 468, 538, 542.

НИКОЛИН, Н. — см. АНДРЕЕВ, Н. Н.

Н. Р — КОВ — см. РОЖКОВ, Н. Н.

О.

ОБОЛЕНСКИЙ, Д. (р. 1855) — князь, помещик. В 1897 товарищ министра внутренних дел при Горемыкине. С 1905 г. член Государственного Совета. Вошел в кабинет Витте как обер-прокурор святейшего синода. — 223.

ОЛЬМИНСКИЙ, М. С. (АЛЕКСАНДРОВ, М., ГАЛЕРКА) (р. 1863) — видный большевик. Свою революционную деятельность начал в 80-х г.г., как народоволец, в Петербурге, где вел пропаганду среди рабочих. В 1894 г. был арестован по делу группы народовольцев и сидел в тюрьме до осени 1898 г., когда был сослан в Якутскую область, где пробыл до осени 1903 г. В ссылке окончательно определился, как соц.-демократ. Печатал корреспонденции и фельетоны в иркутской газете «Восточное Обозрение». В феврале 1904 г. выехал за границу, где примкнул к большевикам. Был членом редакции газеты «Вперед», затем работал в газете «Пролетарий»; в 1905 — 6 г.г. по возвращении в Россию был членом редакций большевистских газет и журналов: «Новая Жизнь», «Вестник Жизни», «Наша Мысль», «Волна», нелегальной газеты «Казарма», а также заведывал редакционной частью партийного издательства «Вперед». Со второй половины 1911 г. принимал близкое участие в большевистских газетах «Звезда», «Правда» (член редакции) и в большевистском журнале «Просвещение». С начала войны занял последовательно-интернационалистскую позицию. В конце 1914 г. уехал в Саратов, где принимал активное участие в деятельности местной организации, работал в «Нашей Газете» и в сборнике «Под старым знаменем». В августе 1916 г. переехал в Москву, где редактировал большевистский «Голос Печатного Труда». В дни Февральской революции работал в Московском Комитете большевиков. По требованию Ц. К. выехал в Петербург для работы в редакции «Правды». По возвращении в Москву состоял членом М. К. и членом ре-

дакции «Социал-Демократа». Был избран членом Учредительного собрания. Принимал активное участие в Октябрьском перевороте. До конца 1924 г. заведывал Истпартом. В настоящее время член дирекции Института Ленина. — 304, 309.

П.

ПАННЕКУК, АНТОН (К. ХОРНЕР) — левый голландский социалист профессор астрономии. В 1907 г. исключен оппортунистами из партии, вместе с группой своих единомышленников (Вайнкуп, Роланд-Гольст и др.); в 1909 г. основал лево-социалистическую газету «Трибуна». Автор книги: «Die taktischen Differenzen in der Arbeiterbewegung». Hamburg. 1909 («Тактические разногласия в рабочем движении») и ряда статей и брошюр об империализме, национальном вопросе и борьбе с оппортунизмом в рабочем движении. Во время империалистической войны стоял на позиции левого Циммервальда, издавая вместе с Роланд-Гольст журнал «Vorbote» («Предвестник»). С образованием Коммунистического Интернационала примкнул к нему, но в 1920 г. после 2-го конгресса выступил с защитой немецких ультра-левых в брошюре «Die Entwicklung der Weltrevolution und die Taktik des Kommunismus» («Развитие мировой революции и тактика коммунизма»), обвинял Коммунистический Интернационал в оппортунизме. — 5, 7, 8.

ПЕТРАЖИЦКИЙ, Л. И. (р. 1867) — профессор, юрист, депутат от Петербурга в I Думе. Видный деятель партии к.-д. — 316 — 318.

ПЕТРОВ, АНТОН (у. 1861) — крестьянин села. Бездна, Спасского у. прежней Казанской губ., малограмотный раскольничий начетчик; стал во главе крестьянского движения, явившегося протестом против земельной реформы 1861 г.; 12 апреля 1861 г. против крестьян с. Бездны были двинуты войска и пущена в ход артиллерия. Было убито до 100 человек крестьян. П. был расстрелян 17 апреля. Событие это сильно взволновало общественное мнение, и в Казани студентами была отслужена панихида «по невинно убиенным». — 468.

ПЕТРОВ, 3-И, К. М. — рабочий, наборщик. Депутат III Гос. Думы от Пермской губ., трудовик, член комиссии по рабочему вопросу. Выступал не раз энергично и деловито в прениях по различным вопросам. — 278, 280, 324, 326 — 328, 359, 441.

ПЕТРУНКЕВИЧ, И. И. (1844 — 1928) — либерал, участник земского либерального конституционного движения. В 1879 г. за составление адреса правительству от Черниговского земства был сослан в Костромскую губ., участник левого крыла земско-городских съездов 1904 — 05 г.г.; один из организаторов и видных членов к.-д. партии; участвовал в депутации к Николаю II 19 (6) июня 1905 г.; вел переговоры с Витте о вхождении в состав его кабинета общественных деятелей; состоял членом I Государственной Думы. После Октябрьской революции эмигрировал за границу.— 316 — 319.

ПЕШЕХОНОВ, А. В. (р. 1867) — народник статистик и публицист. Несколько раз подвергался арестам и высылке. В 1903 г. вошел в состав «Союза Освобождения» и был лидером его левого крыла; вышел из него осенью 1905 г. — во время возникновения к.-д. партии. Был одним из организаторов и руководителей партии народных социалистов (с 1906 г.), ее теоретиком по аграрному вопросу. Сотрудник журнала «Русское Богатство», вел в нем с 1909 г. отдел внутренних обозрений. В 1917 г. был министром продовольствия в правительстве Керенского. После Октября выслан за границу. — 139, 140.

ПИЛЕЦКИЙ, Я. А. («ЯКОВ») (р. 1876) — в 1898 г. принимал участие в деятельности Московского Союза борьбы за освобождение рабочего класса. Участвовал в революционном движении 1905 года. В годы реак-

ции — ликвидатор; сотрудник ликвидаторских журналов «Наша Заря» и «Возрождение». В начале 1910 г. был в числе 16-ти, подписавших известное ликвидаторское «Открытое письмо» в № 19-20 «Голоса Социал-Демократа» (Я. П-ий). Позднее примкнул к большевикам. — **126 — 128.**

ПЛЕВЕ, В. К. (1846 — 1904) — министр внутренних дел после убийства Сипягина в апреле 1902 г. и шеф жандармов, являлся фактически главой правительства. При нем правительственная политика репрессий по отношению к общественному движению достигла своего апогея, вызвав озлобление и недовольство во всех слоях общества. Был убит Сазоновым 15 июля 1904 г. — **221.**

ПЛЕХАНОВ, Г. В. (1856 — 1918) — крупнейший теоретик русского марксизма в период его возникновения. Основатель группы «Освобождение Труда». Вел в 90-х г.г. энергичную борьбу с «бернштейнианством» и его отражением на русской почве — «экономизмом». В 900-х г.г. становится одним из редакторов «Искры» и «Зари». После раскола на II съезде партии 1903 г. примкнул первоначально к большевикам, затем к меньшевикам, но вскоре ушел и от них; стремясь занять самостоятельную позицию, фактически был на стороне меньшевизма. После поражения декабрьского восстания 1905 г. выступил с пресловутым заявлением «не надо было браться за оружие». С нарождением ликвидаторства в борьбе с ним снова сблизился с большевиками, став во главе т. н. меньшевиков-партийцев. Когда разразилась империалистическая война, П. стал во главе наиболее правых оборонцев («Призыв»), продолжал ту же линию после Февральской революции («Единство»). После Октябрьской революции, оставаясь противником Советской власти, отказался активно выступать против большевиков. — **23, 53, 57, 85 — 88, 92, 136, 151, 195, 198, 201, 236, 240, 398, 425 — 428, 430, 433, 462, 547, 548.**

ПОГОЖЕВ, А. В. (1853 — 1913) — санитарный врач, публицист по вопросам рабочего быта и рабочего законодательства. Автор многочисленных трудов по фабрично-заводской гигиене и по санитарному состоянию рабочего класса. Принимал деятельное участие в составлении вышедшего под редакцией проф. Эрисмана труда о санитарном состоянии фабрик и заводов в Московской губ. Ему же принадлежат «Очерки фабричного быта в Германии и в России» (1882) и др. работы, а также многочисленные статьи в журналах и газетах. С 1902 г. — редактор издававшегося в Петербурге журнала «Промышленность и Здоровье». — **34.**

ПОКРОВСКИЙ, 2-Й, И. П. (р. 1872) — врач. Депутат III Гос. Думы от Кубанской и Терской областей и Черноморской губ. (от неказачьего населения). Социал-демократ, сочувствовал большевикам. Автор книги «Государственный бюджет России за последние десять лет» (1901—1910 г.г.). — **260, 323, 430.**

ПОЛЕТАЕВ, Н. Г. (р. 1872) — рабочий, токарь, участник рабочих кружков 90-х годов; подвергался многочисленным арестам. С 1899 г. по 1901 г.г. работал на заводе в Берлине, потом поступил на Путиловский завод. Член Исполкома Петербургского Совета Рабочих Депутатов в 1905 г. В 1907 г. был избран депутатом в III Гос. Думу от Петербургской губ., вошел в большевистское крыло социал-демократической фракции. Принимал ближайшее участие в издании «Звезды», широко используя свой депутатский иммунитет для исполнения всякого рода технических задач. Первое время издания газеты «Правда» числился ее официальным редактором. Участник Копенгагенского Социалистического конгресса и нескольких конференций Р. С.-Д. Р. П. за границей. По истечении депутатских полномочий вновь поступил на завод, где оставался до 1918 г. В 1917 и 18 г.г. участвовал в возобновлении газеты «Правда». С 1919 года на хозяйственной работе. В настоящее время заведует Госторгом в Туапсе. — **430.**

Р.

РАМИШВИЛИ, Н. В. (р. 1881) — один из лидеров грузинских меньшевиков. С 1902 г. социал-демократ, вел революционную пропаганду среди крестьян Грузии. С 1904 г. — ярый меньшевик и с этого времени на всем протяжении соц.-дем. деятельности ведет борьбу с большевизмом. Будучи членом Тифлисского комитета Р. С.-Д. Р. П. (кличка «Петр»), привлекался по делу о Батумской нелегальной типографии и вторично при провале Тифлисской организации, но бежал и до 1908 г. работал нелегально в разных местах Грузии и в Баку. Участник IV съезда Р. С.-Д. Р. П. в Стокгольме и V (Лондонского) съезда, где был избран в члены Ц. К. В конце 1908 года уехал заграницу, принимал участие в пленарных заседаниях Ц. К. Р. С.-Д. Р. П.; в 1909 г. участвовал в общерусской конференции Р. С.-Д. Р. П. в Париже (кличка «Семенов»). К осени 1910 г. вернулся в Тифлис, но в ноябре был уже арестован и на 5 лет выслан из пределов Кавказа. В 1911 — 1912 г.г. жил в Ростове на Дону. Вернувшись в 1913 г. в Грузию, был членом областного комитета Р. С.-Д. Р. П., вел антивоенную агитацию и пропаганду, участвовал в выходившей в Кутаисе меньшевистской газете; с 1914 г. работал в Тифлисе, куда были переведены областной комитет и газета. В 1915 г. стал оборонцем. После Февральской революции — один из лидеров меньшевистской партии, член ее Ц. К., редактор газеты «Эртоба» («Борьба»), сторонник отделения Грузии от России. Во времена меньшевистской («демократической») Грузии был министром внутренних дел (1918 — 1921). Находясь в эмиграции, в 1923 г. руководил группой, пытавшейся организовать восстание в Грузии. — 57.

Р. Б., — см. **БЛАНК, Р. М.**

РЕЙНБОТ, А. А. (РЕЗВОЙ) (1868 — 1918) — генерал, в 1906 — 07 г.г. московский градоначальник. 30-го октября 1907 г. на него было произведено неудавшееся покушение членом партии эс-эров Фрумкиной. На посту градоначальника пользовался своей властью, чтобы взимать вынужденные пожертвования на благотворительные дела, и полученные суммы обращал в свою пользу, за что был в 1907 г. отставлен от должности, отдан под суд и приговорен к лишению прав и к заключению на один год в исправительный дом. Вскоре помилован. В начале германской войны вновь принят на военную службу и назначен командиром дивизии. Фамилию свою переменил на Резвой. — 247, 329.

РЕЙТЕРН (у. 1861) — полковник царской армии, застрелившийся в Варшаве, не желая участвовать в расстрелах и подавлении уличных демонстраций. — 468.

РЕННЕНКАМПФ, П. К. (1854 — 1919) — генерал. Прославился зверской расправой с китайцами во время похода на Пекин в 1900 г. В 1905 г. прошел от Харбина до Читы во главе карательной экспедиции; отличался необыкновенной жестокостью «при усмирении» Забайкалья. Во время империалистической войны командующий первой армией, разгромленной после неудачного наступления на Восточную Пруссию. — 160.

РОДЗЯНКО, М. В. (1859 — 1924) — крупнейший помещик Екатеринославской и др. губерний. Председатель III и IV Государственных Дум, октябрист. После Февральской революции состоял председателем Временного комитета членов Государственной Думы, деятельный организатор буржуазной контр-революции в эпоху Керенского. После Октябрьской революции эмигрировал заграницу. — 153, 155, 156.

РОДИЧЕВ, Ф. М. (р. 1856) — тверской помещик, предводитель уездного дворянства, один из составителей адреса тверского земства в 1894 г. о необходимости конституции, участник земско-городских съездов 1904 — 05 г.г., член «Союза Освобождения», член Государственной Думы от Тверской губ. всех 4 созывов, один из организаторов кадетской партии и

член ее Центрального Комитета; после Февральской революции был комиссаром Временного правительства по делам Финляндии. Ныне в эмиграции. — 260, 300, 322, 323, 325, 328.

РОЖКОВ, Н. А. (1868 — 1927) — профессор, историк материалистического направления, социал-демократ, в первую революцию был большевиком. Вступил в 1905 г. в Московскую организацию, выдвинулся как выдающийся пропагандист, организатор и журналист. Входил в редакции московских большевистских газет: «Борьба» (1905), «Светоч» (1906). После 1906 г. перешел на нелегальное положение; член Ц. К. Участник IV и V съездов. Весной 1908 г. был арестован и приговорен к ссылке на поселение в Сибирь. Находясь в ссылке, в 1912 г. отошел от большевиков и стал сотрудничать в ликвидаторской «Нашей Заре». В 1917 г. один из организаторов социал-демократов-объединенцев, редактировал их орган «Пролетарий». На так называемом объединительном съезде меньшевиков выбирается в Ц. К., но скоро отходит совсем от политической жизни и отдается научной работе. Вернувшись в Москву, стал преподавателем Института красной профессуры, Академии коммунистического воспитания и др. Незадолго до смерти он поднял вопрос о возвращении его в ряды большевиков. — 272 — 280, 297 — 301, 304 — 309, 310, 349, 459.

РОЗАНОВ, В. В. (1856 — 1919) — русский философ-идеалист, реакционный публицист, постоянный сотрудник реакционной газ. «Новое Время». — 485.

РОМАН — см. ЕРМОЛАЕВ, К. М.

РУАНЭ, ГУСТАВ (р. 1855) — французский социалист, один из организаторов забастовки горнорабочих в Гарде в 1881 г. Публицист, сотрудник многих французских и иностранных социалистических изданий, одно время был редактором «Revue Socialiste» («Социалистическое Обозрение»). С 1893 по 1914 г. член парламента. — 135.

РУБАНОВИЧ, И. А. (1859 — 1922) — старый народоволец, видный эсер. Был выслан за пределы России, поселился в Париже и вошел в «Группу старых народовольцев», образовавшуюся там в 1893 г. вокруг Лаврова. Примкнул к партии эсеров с самого ее основания и был ее официальным представителем в Международном Социалистическом Бюро и на Международных Социалистических Конгрессах. Редактировал с 1904 по 1909 г. эсеровский орган на французском языке «La Tribune Russe» («Русская Трибуна»), издававшийся в Париже. Сотрудничал в «Humanité» и других иностранных изданиях. В годы войны оборонец. — 76, 77, 541.

РЯБУШИНСКИЙ, П. П. (р. 1871) — крупный московский промышленник, с 1909 г. издавал газету «Утро России», оппозиционность которой заключалась в том, что она противопоставляла интересы крупной буржуазии интересам дворянства. Принимал самое близкое и энергичное участие в создании новой «прогрессивной партии». На 2-м Всероссийском съезде промышленности летом 1917 г. призывал «костлявой рукой голода» подавить революцию. После Октябрьской революции эмигрировал в Париж. — 114, 458, 500, 501, 506, 508, 509.

С

С. В. — см. ВОЛЬСКИЙ.

САЗОНОВ, Г. П. (р. 1857) — представитель реакционного народничества (один из «полицейских народников», по характеристике Ленина), видевший в общине, «воспитавшей народ в истинно христианских началах», «мощную препону развитию пролетариата». Автор книг: «Неотчуждаемость крестьянских земель, в связи с государственно-экономической программой» (1889) и «Быть или не быть общине» (1894). В 1899 — 1902 г.г. редактировал умеренно-либеральную газету «Россия», издававшуюся на средства московских промышленников и закрытую за фельетон А. Амфитеатрова «Господа Обмановы». — 364.

СЕВЕРЯНИН — см. БЫКОВ, А. Н.

СЕМАШКО, Н. А. (АЛЕКСАНДРОВ, А — В) (р. 1874) — большевик, по образованию врач, в революционном движении участвует с 1892 г. В 1893 г. вошел в один из марксистских кружков в Москве. В 1895 г. был арестован и выслан в Елец. В 1899 г. поселился в Казани, где работал в социал-демократических организациях и окончил университет. С 1904 г. жил в Нижнем-Новгороде в качестве участкового врача. В 1905 г. эмигрировал и работал в большевистских организациях Парижа и Женевы под ближайшим руководством Ленина. В 1910 г. вошел в качестве представителя большевиков в состав Заграничного Бюро Ц. К., вышел из него 27 мая 1911 г., когда обнаружилось явное противодействие ликвидаторского большинства З. Б. Ц. К. созыву пленума Ц. К. Участник Всероссийской конференции Р. С.-Д. Р. П. в Праге в январе 1912 г. В период работы Болонской партийной школы и школы в Лонжюмо состоял в школьной комиссии. В 1913 г. переехал на Балканы. Со времени Октябрьской революции — наркомздрав. — 205.

СЕРНО-СОЛОВЬЕВИЧ, А. А. (1838 — 1869) деятельный участник революционного движения 60-х годов. Учился в Александровском лицее; вместе с братом Н. А. Серно-Соловьевичем занимался распространением земловольческих и герценовских изданий. В 1862 г. выехал заграницу и там примкнул к левому крылу эмиграции, резко выступая против Герцена. Был членом I Интернационала. Покончил жизнь самоубийством в припадке нервного расстройства. — 467.

СМИРНОВ — см. ГУРЕВИЧ, Э. Л.

СТАЛИН, И. В. (ДЖУГАШВИЛИ) (р. 1879) — крупнейший деятель партии большевиков. В 1897 г., учеником, принимал участие в марксистских кружках; позднее, войдя в нелегальную с.-д. организацию, вел энергичную пропаганду среди рабочих. С созданием в 1900 г. Тифлисского комитета Р.С.-Д.Р.П. стал одним из его руководящих членов; после обыска перешел на нелегальное положение и продолжал работу в качестве профессионального революционера. В 1901 г. переехал в Батум, где руководил рядом забастовок; в 1902 г. был арестован и, после полуторагодичного тюремного заключения, выслан в Восточную Сибирь, оттуда вскоре бежал. По возвращении из Сибири вел работу в качестве члена Закавказского союзного комитета. С самого начала партийного раскола стал во главе закавказских большевиков, руководя изданием нелегального органа «Борьба Пролетариата» и участвуя в подготовке III съезда партии. В конце 1905 г. принимал участие в большевистской конференции в Таммерфорсе; был делегатом IV и V съездов партии. В 1907 г. перешел на работу в Баку; благодаря его энергичной деятельности, бакинская организация, находившаяся под сильным влиянием меньшевиков, была превращена в опору большевизма в Закавказьи. После двух арестов и ссылок в 1908 и 1910 г.г. Ц.К. перевел С. на работу в Петербург, где он оставался в течение двух лет. В 1912 г. С. был кооптирован в Ц.К. В 1912—1913 г.г. произвел ряд объездов важнейших районов и участвовал в руководстве легальными газетами «Звезда» и «Правда» и в работе большевистской фракции Государственной Думы. В 1913 г. был вновь арестован и сослан в Туруханский край, оттуда вернулся после Февральской революции. На апрельской Всероссийской конференции 1917 г., когда обнаружились в партии два течения, решительно поддерживал Ленина. С образованием в мае 1917 г. Политбюро вошел в его состав и остается бессменным членом Политбюро до настоящего времени. После перехода Ленина в июле 1917 г. на нелегальное положение С. являлся фактическим руководителем центрального органа партии, вместе со Свердловым был одним из руководителей VI съезда партии. В Октябрьские дни был избран Ц.К. в члены «пятерки» и «семерки» — руководящих органов восстания. После победы пролетарской революции состоял Народным комис-

славно-монархическую газету «Возрождение». — 12, 79, 80, 94, 124, 138, 140, 187, 191, 204, 208, 225, 279, 332, 340, 403, 405, 485, 544.

СУРКОВ, П. И. (р. 1876) — член III Государственной Думы от рабочих Костромской губернии, социал-демократ с 1905 года. По профессии ткач. Был выборщиком в I и II Думы. В с.-д. фракции III Думы был в числе большевиков. В настоящее время — беспартийный, работает в советских учреждениях. — 430.

СУХОМЛИН, В. И. (р. 1860) — деятель партии «Народной Воли». В 1887 г. был приговорен к смертной казни, замененной 15-ью годами каторги на Каре. В 1903 г. приехал в Одессу. После разгона Думы в 1906 г. вступил в боевую организацию партии с.-р., был два раза арестован и выслан за границу. В 1910 г. вернулся в Россию. В 1917 г. вновь вступил в партию с.-р. и, будучи оборонцем, сам поступил в действующую армию в качестве добровольца. В настоящее время в эмиграции — 76.

Т.

ТАРАТУТА, В. К. (ВИКТОР) (1881 — 1926) — большевик. Член Р. С.-Д. Р. П. с самого ее основания. Подвергался многочисленным арестам и два раза был в ссылке. С 1903 по 1905 г. работал на Кавказе. С 1905 по 1907 г. был секретарем Московского комитета. Делегат съездов от Центральной области, член Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. В 1909 г. эмигрировал и вернулся в Россию только в 1919 г.; с тех пор был на хозяйственной работе; один из организаторов Банка для внешней торговли. — 205.

ТЕСЛЕНКО, Н. В. (р. 1870) — присяжный поверенный. Член Ц. К. партии кадетов. Депутат II и III Гос. Дум от Москвы. Выступал защитником во многих политических процессах, в частности в Выборгском процессе. После Октябрьской революции — эмигрант. — 189, 190, 191, 328.

ТИЗЕНГАУЗЕН, Е. Е. (р. 1860) — барон, инженер, директор Серпуховской мануфактурной фабрики Н. Н. Коншина. Депутат III Гос. Думы от Московской губ. Октябрист. Был председателем комиссии по рабочему вопросу и отстаивал в ней интересы крупных промышленников. Всячески тормозил обсуждение законопроектов по страхованию рабочих и служащих. Во время работы комиссии проводил свою линию, не считаясь с мнением других членов, даже когда они были в большинстве, почему доклады его являлись «скорее изложением его собственных взглядов», чем докладами комиссии. — 484, 494.

ТИХОМИРОВ, Л. А. (1850 — 1923) — член Исполнительного Комитета партии «Народной Воли», участник ряда покушений на Александра II, теоретик партии и редактор ее изданий; впоследствии ренегат, автор брошюры «Почему я перестал быть революционером», заслуживший прощение царской власти, идеолог самодержавия, защитник православия, сотрудник и редактор казенных органов печати («Московские Ведомости» и т. п.). — 76.

ТОЛМАЧЕВ, И. Н. (р. 1863) — градоначальник г. Одессы с 1907 по 1911 г.г. Активный деятель «Союза русского народа»; прославился произволом в управлении городом, вмешательством во все стороны жизни и травлей евреев. Своим поведением заслужил неоднократные выговоры со стороны самого Столыпина, который в конце концов был принужден отставить его от должности. — 107, 187, 227, 247, 329.

ТОЛСТОЙ, А. П. (р. 1863) — граф, помещик, земский деятель. Депутат в III Гос. Думу от Уфимской губернии, секретарь фракции прогрессистов. — 326.

ТОЛСТОЙ, Л. Н. (1828 — 1910) — граф, один из крупнейших русских писателей; впервые выступил в печати, опубликовав автобиографическую повесть «Детство» и «Севастопольские рассказы». С 1857 по 1859 г.г. про-

вел заграницей, где выработалось его резко враждебное отношение к западно-европейской культуре. В 1869 г. напечатал роман «Война и мир», а в 1874 г. «Анну Каренину». В 80-х годах выступил с проповедью новой жизни, построенной на самосовершенствовании, опрощении и на непротивлении злу. К революционной борьбе и социализму относился отрицательно. Был в 1901 г. отлучен от церкви за резкую критику обрядовой стороны православия. Характеристика Т. Лениным дана также в статье «Лев Толстой, как зеркало русской революции» (Соч., т. XII). — **50 — 53, 57, 58, 100 — 103, 249, 533.**

ТРЕПОВ, Д. Ф. (1856 — 1906) — московский обер-полицеймейстер, ближайший помощник в. кн. Сергея Александровича и соратник Зубатова. После 9 января 1905 г. — петербургский генерал-губернатор, а затем тов. министра внутренних дел. Автор знаменитого приказа «патронов не жалеть». Вдохновитель черносотенных погромов. В дни I Думы вел переговоры с Милюковым о создании кадетского министерства. — **260, 320.**

ТРИА — см. МГЕЛАДЗЕ, В.

ТРОЦКИЙ, Л. Д. (р. 1879) — работал в г. Николаеве, принимал участие в Южно-Русском Рабочем Союзе, в 1898 г. был арестован и сослан в Иркутскую губ., откуда в 1902 г. бежал за границу. В 1903 г. участвовал на II съезде в качестве делегата от Сибирского Союза и после раскола партии, оставшись с меньшевиками, принимал ближайшее участие в «Искре». В августе 1904 г. под редакцией меньшевистской «Искры» выпустил брошюру «Наши политические задачи», в которой подверг критике деятельность ленинской «Искры». Во время первой революции в 1905 г. работал в Петербурге. Сторонник Парвусовской теории перманентной революции. После возникновения Петербургского Совета Рабочих Депутатов, вошел в его Исполнительный Комитет и позднее был его председателем. После ареста Петербургского Совета был сослан на поселение в Сибирь, по дороге в ссылку бежал из Березова и участвовал на V (Лондонском) съезде. Проживая в Вене, стал во главе группы, идейным выразителем которой являлась издававшаяся им в Вене газета «Правда». В 1912 г. организовал так называемый «августовский блок», созданный для борьбы с большевиками. Во время империалистской войны входил в редакцию издававшегося в Париже интернационалистского органа «Наше Слово», принимал участие в Циммервальде, придерживаясь «центристской» позиции и не примыкая к Циммервальдской левой. В 1916 г., по обвинению в интернационалистской пропаганде, был выслан из Франции в Испанию, откуда его вновь после ареста выслали в Америку. В 1917 г. по приезде в Петроград примкнул к интернационалистской организации «межрайонцев», вместе с последней на VI съезде Р. С.-Д. Р. П.(б.) вошел в большевистскую партию и был избран в Ц. К. По завоевании большевиками Петербургского Совета Р. Д. в сентябре 1917 г. Т. становится его председателем, после октября — народный комиссар иностранных дел. В споре о Брестском мире — решительный противник последнего, председатель мирной делегации во второй период переговоров. Высказываясь за тактику «ни мир, ни война», 10 февраля 1918 г. огласил в Бресте соответствующую декларацию и прервал мирные переговоры. После Брестского мира — наркомвоен и председатель Реввоенсовета республики до 1924 г. В 1920 — 1921 г. отстаивал необходимость «огосударствления» профессиональных союзов, организовал на этой платформе фракцию. В 1923 г. стоял во главе оппозиции, восстанавливая меньшевистские взгляды на соотношение партии к классу и на руководство партией, как на равнодействующую оттенков и течений; в «Уроках Октября» (1924 г.) подверг ревизии ленинское учение о характере и движущих силах революции, выдвигая утверждение об «идейном перевооружении» большевизма с 1917 г. С 1926 г. — лидер «объединенной» оппозиции. Все более расходился с политикой и программой партии и Коминтерна, против которых вел рез-

кую фракционную борьбу. В ноябре 1927 г. исключен из В.К.П. (б.). В 1929 г. выслан из С.С.С.Р. за антисоветскую деятельность. — 10, 11, 13 — 15, 18, 19, 21 — 23, 57, 60, 64 — 70, 197, 200, 217, 218, 229 — 231, 233, 234, 236 — 238, 290 — 292, 295, 302, 303, 307, 335, 336, 345, 400, 427, 428, 430, 444, 461 — 463, 534, 540, 542, 545 — 547, 548.

ТРУБЕЦКОЙ, Е. Н. (1863 — 1919) — князь, умеренный либерал, профессор философии права, представитель религиозно-мистического направления в русской философии. Член партии кадетов; был посредником и деятельным участником переговоров министра Витте с виднейшими представителями либеральных партий по вопросу об участии их в правительстве, в ноябре 1905 г.; в 1906 г. вышел из кадетской партии из-за ее слишком радикальной политики. Был одним из организаторов партии «мирного обновления». Во время войны идеолог русского империализма; в годы гражданской войны ярый деникинец. — 223, 255, 260, 312, 315 — 319, 320.

ТУГАН-БАРАНОВСКИЙ, М. И. (1865 — 1919) — один из видных представителей «легального марксизма», вскоре перешедший в ряды «критиков Маркса» и скатившийся в лагерь либералов. Сотрудничал в журналах «Новое Слово» (1897) и «Начало» (1899). Соратник Струве в первых стычках с народничеством. В 1894 г. выпустил книгу: «Промышленные кризисы в современной Англии». В 1898 г. выпустил капитальный труд: «Русская фабрика в прошлом и настоящем» с критикой народнических взглядов на развитие капитализма в России. Впоследствии выступил с рядом работ, направленных против политико-экономического учения Маркса. Его своеобразная «теория кризисов» одно время пользовалась большим влиянием среди «критиков Маркса» и буржуазных ученых. Во время революции 1905 г. и после нее примыкал к партии кадетов, а во время гражданской войны принимал участие в правительстве Центральной Рады на Украине. — 94.

ТУРГЕНЕВ, И. С. (1818 — 1883) — известный русский писатель. В своих общественно-политических симпатиях Т. представлял образец последовательного «западника», не идущего, однако, дальше умеренной либеральной программы политических реформ. Большую часть жизни прожив за границей, первое время был близок с Герценом и радикальными кругами русской эмиграции, с которой его сближала общая ненависть к крепостничеству, картины быта которого были изображены им в «Записках охотника» (1852 г.). После появления его романа «Отцы и дети» (1862 г.), в котором обрисована яркая фигура нигилиста, был обвинен царским правительством в сочувствии левым и вызван в конце 1862 г. обратно в Россию для рассмотрения его дела сенатом. Т. поехал не сразу, а обратился к царю с верноподданническим прошением, в котором отрекался от всякой близости с революционной эмиграцией и заявлял свое полное сочувствие правительству в деле подавления польского восстания. Письмо это, содержание которого Герцен узнал только в 1864 г., вызвало его глубокое возмущение и привело к окончательному разрыву между ним и Т. — 467.

ТЬЕР, А. (THIERS, A.) (1797 — 1877) — французский государственный деятель и историк, автор «Histoire de la révolution française» («История французской революции». 1881). В 1871 г. стоял во главе буржуазного Версальского правительства, с необычайной жестокостью и кровожадностью подавил восстание Парижской Коммуны. Маркс дает Т. характеристику в своей брошюре «Гражданская война во Франции». — 157, 160, 267.

ТЫШКО, ЛЕО (ИОГИХЕС, ЛЕВ) (1867 — 1919) — один из основателей польской социал-демократии. Начал революционную деятельность в 1888 г., переселился в Швейцарию, где вместе с Б. Кричевским занялся изданием социал-демократической литературы («Социал-демократическая

библиотека»). В 1893 г. вместе с Р. Люксембург и др. организовал «Социал-демократию Царства Польского», с тех пор был на ряду с Розой Люксембург самым авторитетным вождем польской социал-демократии, входя в Главное правление С.-Д. П. и Л. Арестованный в Варшаве вместе с Розой Люксембург в феврале 1906 года, осужден царским судом на 8 лет каторги, но из тюрьмы бежал, распропагандировав стражу. Участвовал в 1907 г. на V (Лондонском) съезде Р. С.-Д. Р. П., возглавляя польскую делегацию, примыкал к большевикам и вошел в общерусский Ц. К. от польской социал-демократии, состоял членом З. Б. Ц. К. В 1911 г. вошел в заграничную Организационную Комиссию, где поддерживал большевиков-примиренцев, всячески срывая работу по созыву конференции. Во время войны вместе с Карлом Либкнехтом организовал первые нелегальные кружки спартаковцев. Ноябрьская революция в Германии освободила его из тюрьмы, куда заключило его правительство Вильгельма. После убийства Розы Люксембург и К. Либкнехта продолжал их работу. В марте 1919 г. после подавления спартаковского восстания был арестован по приказу Шейдемана и убит без суда в тюрьме. — **292 — 294, 307.**

У.

УРУСОВ, С. Д. (р. 1862) — князь, представитель умеренно-либерального чиновничества. Был кишиневским губернатором. В I Гос. Думе, будучи депутатом от Калужской губ., выступил с разоблачениями погромной деятельности правительства. В ноябре 1905 г. участвовал в качестве посредника в переговорах между Витте и представителями либеральных партий. Автор «Записок губернатора». — **223, 224, 255, 257, 258, 260, 312, 315.**

Ф.

ФЕЙЕРБАХ, ЛЮДВИГ (1804 — 1872) — немецкий философ, оказавший громадное влияние на развитие философского материализма. Энгельс в своей брошюре «Людвиг Фейербах» указывает на то громадное значение, какое имели сочинения Ф. на выработку материалистической концепции Маркса и Энгельса. Там же указывается и на недостатки фейербаховского материализма. Ф. оказал значительное влияние на историю русской передовой общественно-политической мысли (Герцен, Белинский, Чернышевский). Подробнее о Ф. см. XIII т. Сочинений. — **51, 88, 464.**

Ф. Л — КО — псевдоним В. И. ЛЕНИНА.

ФОЛЬМАР, Г. (1850 — 1922) — германский социал-демократ, первоначально стоял на левом крыле партии, позднее — оппортунист. После издания исключительного закона против социалистов (в 1878 г.) энергично отстаивал необходимость издания заграницей нелегального партийного органа, и когда в 1879 г. в Цюрихе начал выходить «Sozial-Demokrat», Ф. был назначен его редактором. Позднее Ф. был заменен Бернштейном. В 80 г.г. Ф. поселился в Баварии, где своей деятельностью привлек значительные круги баварского крестьянства на сторону социал-демократии. Это «завоевание» крестьянства было достигнуто ценою изменения классового характера местной с.-д. организации и превращения ее, под влиянием Ф., в выразительницу интересов мелких собственников. Продолжавший эволюционировать вправо Ф. выступил в 1891 г. с требованием ограничения деятельности с.-д. партии борьбой за реформы, а в 1894 г. на франкфуртском партейтаге высказался за пересмотр аграрной программы с.-д., которая должна, по его мнению, требовать сохранения и обеспечения мелкой крестьянской собственности в рамках капиталистического общества. В 1894 — 95 г.г. Ф. участвовал в комиссии по выработке аграрной программы (в комиссию входили Давид, Бебель, В. Либ-

кнехт и др.); составленный комиссией проект по своему содержанию был близок к взглядам Ф.; Бреславльский партейтаг (1895 г.) отклонил этот проект. В дальнейшем Ф. горячо поддерживал Бернштейна, когда тот выступил с известной «ревизией» марксизма, и был одним из влиятельнейших вождей правого крыла партии. Ф. — автор книги «Der isolierte soziale Staat» («Изолированное социальное государство») (1880). — 135, 136.

ФРАНК, С. Л. (р. 1877) — русский философ, проделавший эволюцию от марксизма к идеалистической философии и к конституционно-монархическим убеждениям. Переходным этапом явилась его книга «Теория ценности Маркса» (1900), где он выступил с критикой марксистской теории. В годы реакции примыкал к кадетам, в 1909 г. участвовал в сборнике «Вехи», где была напечатана его статья «Этика нигилизма». С 1922 г. эмигрант. — 12, 80.

ФРЕЙ, В. — псевдоним В. И. ЛЕНИНА.

X.

ХОЛЛ, ЛЕОНАРД — английский социалист, член Независимой рабочей партии, стоял на крайне левом ее крыле. На съезде в Бирмингаме (весной 1911 г.) выступал с резкой критикой оппортунизма, проявленного рабочей группой членов парламента. В 1911 г. участник учредительного съезда Британской социалистической партии, вошел в исполнительный комитет Б. С. П. — 168, 169.

ХОМЯКОВ, Н. А. (1850 — 1925) — депутат II и III Гос. Дум от Смоленской губ., член государственного совета, октябрист, крупный землевладелец, сын известного славянофила и поэта А. С. Хомякова. Во II Думе был председателем Комитета объединения умеренных и правых. Председатель III Думы до марта 1910 г. — 58, 153, 154, 309.

ХУНДАДЗЕ, Г. И. (А. МОСКОВСКИЙ) (р. 1877) — социал-демократ с 1893 г., подвергался многочисленным арестам. Член Р.С.-Д.Р.П. с 1898 г. В 1903 г. арестован в Юрьеве и сослан в Баку; там принимал участие во всеобщей забастовке и в печатании нелегальных изданий. С 1904 г. до амнистии 1906 г. в тюрьме. С 1906 г. в Москве член М. К., участник V (Лондонского) съезда, меньшевик. Позднее меньшевик-плехановец. Во время войны интернационалист, в 1917 г. примкнул к группе «Новой Жизни». С 1918 по 1920 г. представитель Грузинской «Дем. республики» в Москве. В настоящее время от политики отошел. Член коллегии защитников в Москве. — 151.

Ц.

ЦЕДЕРБАУМ-ЕЖОВ, С. О. (р. 1879) — социал-демократ, сначала искровец, потом меньшевик. Революционную деятельность начал в 1898 г. участием в петербургской группе «Рабочее Знамя». В декабре 1898 г. вместе с другими членами и работниками группы был арестован и летом 1899 г. выслан в Полтаву. В начале 1901 г. был принят на военную службу, но вскоре бежал и, перейдя на нелегальное положение, вместе с И. И. Радченко и Шац участвовал в попытке организовать искровскую типографию, налаживал в Вильне и Ковне транспорт «Искры» и искровских изданий. В ноябре 1901 г. был арестован в связи с провалом искровской группы в Петербурге и приговорен к ссылке на 10 лет в Якутскую область. По дороге в ссылку бежал. Ознакомившись с историей партийного раскола, примкнул к меньшевикам. Работал в Екатеринославе, но в январе 1904 г. был снова арестован и в октябре бежал из тюрьмы заграницу, где присутствовал в мае 1905 г. на обще-русской меньшевистской конференции в Женеве. Затем вернулся в Россию, в Петербург, и принимал активное участие в практической работе местной меньшевистской

организации; в 1906 г. состоял редактором легальной меньшевистской газеты «Курьер». В 1910—11 г.г. был одним из руководителей ликвидаторских легальных изданий, сначала в Москве («Возрождение», «Жизнь»), затем в Петербурге («Дело Жизни»). Был лидером петербургской «инициативной группы» ликвидаторов; в 1912—13 г.г. первое время состоял секретарем редакции «Луч»; в мае 1913 г. был в административном порядке сослан в Чердынь Пермской губ., откуда вернулся в 1915 г. В настоящее время живет в Саратове. — **310, 521—523, 544, 545.**

ЦЕРЕТЕЛИ — князь, предводитель дворянства, автор доклада о горном селении Кикнавалети, Кутаисского уезда, представленного министру внутренних дел. — **528.**

ЦЕТКИНА, КЛАРА (р. 1856) — германская социал-демократка, позже коммунистка. Один из старейших деятелей международного рабочего движения, генеральный секретарь Международного Женского Секретариата и член Исполкома Коминтерна. Вошла в немецкую социал-демократическую партию в годы исключительного закона против социалистов. Принимала участие в борьбе с Бернштейном, работала на левом крыле германской с.-д. партии в тесном сотрудничестве с Розой Люксембург и Фр. Мерингом. Была в числе трех немецких социал-демократов, выбранных Ц.К. в качестве хранителей («иностранные держатели») сумм, переданных большевиками в распоряжение Ц.К. после январского пленума 1910 г. В годы войны — революционная интернационалистка. В начале войны вместе с Р. Люксембург и Ф. Мерингом выступила с протестом против социал-шовинизма. Принимала активное участие в подготовке и проведении международной женской социалистической конференции в Берне, в 1916 г. вошла в группу «Интернационал»; вместе с союзом «Спартак» вошла в Германскую коммунистическую партию и была избрана членом Ц.К. На III конгрессе Коминтерна была выбрана в Исполком Коминтерна. — **205, 306, 392, 393.**

Ч.

ЧАЦКИЙ, ЮРИЙ (псевдоним **П. А. БРОНШТЕЙНА**) (р. 1881) — один из видных меньшевиков. В 1902 г. привлекался по делу одесского комитета и был выслан на 4 года в Сибирь. В 1903 г. участвовал в демонстрации в Верхоленске. В 1905 г. — член Киевского комитета Р.С.-Д.Р.П. В 1910 г. — в числе трех ликвидаторов, членов Ц.К., отказался принять участие в работе Ц.К. В 1912 г. участник Венской конференции так называемого «августовского блока», избравшей его в члены О.К. Был редактором ликвидаторского журнала «Дело Жизни» и ближайшим сотрудником ряда других ликвидаторских изданий. С 1922 г. в эмиграции. — **21, 60, 64, 149—151, 199, 219, 236, 240, 251, 253, 254, 291, 299, 310, 335—338, 346, 370, 391, 398.**

ЧЕРЕВАНИН, Ф. А. (**ЛИПКИН, НЕЖДАНОВ**) (р. 1868) — меньшевистский литератор. В 1900 г. за социал-демократическую пропаганду выслан из Москвы в Вятскую губ. В 1904 г. выпустил брошюру: «Организационный вопрос». В революции 1905 г. занимал позицию на правом крыле меньшевизма. В своей книге «Пролетариат и русская революция» (1908 г.) дал законченную ликвидаторскую философию русской революции, объясняя поражение революции 1905 г. самостоятельной наступательной тактикой пролетариата («самочинное» введение восьмичасового рабочего дня, декабрьское восстание и др.), «отпугнувшей» либералов и помешавшей им закрепить конституцию. Сотрудник всех ликвидаторских изданий, начиная с четырехтомника («Общественное движение») и «Нашей Зари» и кончая «Нашей Рабочей Газетой» (1914 г.). Делегат на IV и V съездах партии. После «августовской» конференции 1912 г. — член О.К. меньшевиков. В годы империалистической войны — социал-патриот, сторонник группы «Самозащита». В 1917 г. — один из редакторов «Рабочей

Газеты» — центрального органа меньшевиков. После так называемого «объединительного» меньшевистского съезда в августе 1917 г. — член Ц. К. меньшевистской партии. В настоящее время работает в Калужском Губплане. — **41, 45, 53, 175, 298, 348.**

ЧЕРНЫШЕВСКИЙ, Н. Г. (1828 — 1889) — «великий русский ученый и критик, мастерски осветивший банкротство буржуазной экономии» (Маркс), учитель ряда поколений русских революционеров. Как политико-эконом, известен своим переводом «Оснований политической экономии» Д. С. Милля, которые он снабдил примечаниями в духе утопического социализма, а также рядом работ, посвященных безжалостной критике буржуазного либерализма, популяризации идей социализма и критике крестьянской реформы 1861 г. Будучи социалистом-утопистом и сторонником Фурье, он одновременно был материалистом в духе Фейербаха. Как литературный критик, дал ряд блестящих статей («Очерки Гоголевского периода», «Лессинг», статьи о Пушкине и др.) в «Современнике», одним из руководителей которого он был. В русской общине видел возможный зачаток социалистического устройства общества. Был вождем революционного движения 60-х годов и одним из вдохновителей революционного движения 70-х и 80-х годов. Арестованный в 1862 г., он был приговорен к 14 годам каторжных работ и к вечному поселению в Сибири, откуда вернулся только в 1883 г. уже совершенно разбитым человеком. Несмотря на то, что царское правительство запрещало упоминать его имя в русской печати, Ч. оказал огромное влияние на развитие русской общественной мысли, а его произведения, в частности роман «Что делать?», были настольными книгами русской революционной молодежи. — **96, 143, 144, 467, 468.**

ЧУКОВСКИЙ, К. И. (р. 1882) — литератор и критик. В 1905 г. редактировал один из первых юмористических журналов «Сигнал» и привлекался к суду. Сотрудник «Речи». Автор ряда критических статей и книг. В настоящее время пишет главным образом детские книги и занимается изучением детской психологии. Издал полное собр. стихотв. Некрасова. — **90, 91, 92.**

ЧХЕИДЗЕ, Н. С. (1864 — 1926) — участвовал в социал-демократической работе на Кавказе. Депутат III и IV Государственных Дум от Тифлисской губернии, лидер думских меньшевиков. По отношению к войне занимал неопределенную, сильно колеблющуюся позицию. С февраля 1917 г. до конца лета состоял председателем Петроградского Совета Р. и С. Д. Сторонник коалиции с буржуазией, оборонец. После Октябрьской революции оставил политическую деятельность, поддерживая за границей грузинских меньшевиков. Кончил жизнь самоубийством в Париже. — **430, 526, 528, 529.**

Ш.

ШАППЕР, КАРЛ (1812 — 1870) — один из видных германских революционеров, современник Маркса и Энгельса. В студенческие годы Ш. примкнул к германскому революционному движению и после ареста его политических друзей бежал за границу, где стал членом «Союза Справедливых». В 1839 г. привлекался по делу о восстании «Общества Времен Года» в Париже, но был оправдан. В 1847 г. был одним из основателей «Союза Коммунистов» в Лондоне. Во время германской революции вернулся в Германию и вместе с Марксом и Энгельсом поселился в Кельне, где в течение 1848 — 1849 г.г. принимал выдающееся участие в революционном движении, стоя во главе «Кельнского Рабочего Союза». После поражения революции эмигрировал в Лондон. При расколе «Союза Коммунистов» Ш. разошелся с Марксом, встав на сторону Виллиха, возглавлявшего «левую» фракцию Союза; впоследствии признал свою

ошибку. См. его характеристику у Энгельса в предисловии к брошюре Маркса «Разоблачения по поводу процесса коммунистов в Кельне». — 133.

ШВАРЦ (Ю. ЭЛИАС) — латышский социал-демократ, ликвидатор. В 1910 г. был представителем Ц.К. Латышской социал-демократической партии в Заграничном Бюро Ц.К. Р.С.-Д.Р.П., где совместно с Горевым и Либером противодействовал созыву пленума Ц. К. С появлением Ш. большевики потеряли большинство в З. Бюро Ц.К. В настоящее время Ш. член Латвийского сейма и состоит одним из редакторов «Социал-Демократа» (орган латвийских с.-д.). — 218, 219, 292.

ШИНГАРЕВ, А. И. (1869 — 1918) — член Гос. Дум II и III от Воронежской губ. и IV от Петербурга; лидер кадетской думской фракции; врач, земский деятель, публицист. В Думе входил в бюджетную и продовольственную комиссии, выступал по вопросам о военно-полевых судах, аграрному и др. В 1917 г. вошел в первый коалиционный кабинет Временного правительства. После Октябрьской революции был арестован и, переведенный из Петропавловской крепости в лечебницу, убит вместе с Ф. Ф. Кокошкиным группой матросов. Его основная работа: «Вымирающая деревня» (1901 — 1907 г.г.). — 327, 328, 508.

ШИППЕЛЬ, МАКС (р. 1859) — немецкий социал-демократ, ревизионист, депутат рейхстага. В 1887 г. основал газету «Berliner Volkstribüne» («Берлинская Народная Трибуна»). С 1894 г. стал издателем центральной еженедельной газеты «Sozial-Demokrat» («Социал-Демократ»), сотрудник «Sozialistische Monatshefte» («Социалистический Ежемесячник»). — 58.

ШИПОВ, Д. Н. (1851 — 1920) — лидер земского движения 90-х г.г., умеренный либерал. С 1893 по 1904 г. был председателем Московской губернской земской управы. Организатор съезда земских деятелей, руководитель правой группы съездов, отстаивавшей лозунг: «права и властное земство». В 1905 г. в качестве одного из лидеров партии октябристов участвовал в переговорах представителей либеральных партий с мин. Витте. Осенью 1906 г. после того, как партия высказалась за военно-полевые суды, вышел из ее состава и перешел к мирнообновленцам. С 1906 г. член Гос. Совета от Московского земства. После Октябрьской революции один из участников крупнейшей белогвардейской организации, так называемого «национального центра». — 79, 223, 312, 315 — 317.

ШУБИНСКИЙ, Н. П. (р. 1853) — известный адвокат, выступал во многих громких сенсационных процессах. Октябрист. Депутат II и III Гос. Дум от Тверской губ. — 506.

ШУРКАНОВ, В. Е. (р. 1876) — рабочий, металлист. Депутат III Гос. Думы от Харьковской губ. Член социал-демократической фракции, примыкал к меньшевикам - партийцам. Сотрудничал одновременно и в «Звезде» и в ликвидаторском «Живом Деле». В феврале 1912 г. участвовал вместе с Н. Г. Полетаевым в совещании с Ц.К. Р.С.-Д.Р.П. в Лейпциге. С 1913 г., как впоследствии выяснилось, состоял секретным сотрудником охранки под кличкой «Лимонин». После Февральской революции был арестован как провокатор. — 430.

Щ.

ЩЕГЛОВИТОВ, И. Г. (1861 — 1918) — один из столпов старого режима, долголетний министр юстиции, последний председатель Государственного Совета. Организатор и вдохновитель дела Бейлиса. — 300.

Ю.

ЮАНЬ-ШИ-КАЙ (1858 — 1916) — китайский государственный деятель, генерал. Принадлежал к партии реформистов. Реорганизовал армию по европейскому образцу. Принимал деятельное участие в подавлении на-

родных восстаний 1907 и 1911 годов, но, видя неизбежность победы революции, в 1912 г. перешел формально на ее сторону. После ухода Сун-Ят-Сена от власти был избран президентом (1912 г.). Сделал в 1915 г. неудачную попытку провозгласить себя императором. — 403.

ЮРИЙ (БРОНШТЕЙН, П. А.) — см. ЧАЦКИЙ.

ЮШКЕВИЧ, П. С. (р. 1873) — социал-демократ, меньшевик. Известен работами в области философии и как переводчик. В философии — последователь Пуанкаре. — 332.

Э.

ЭНГЕЛЬС, ФР. (1820 — 1895) — см. очерк его жизни, написанный В. И. Лениным в 1895 г. (т. I Сочинений). — 71, 86, 113, 133, 167, 269, 270, 271, 347.

VII. ОСНОВНЫЕ ВЕХИ ЖИЗНИ В. И. ЛЕНИНА.

(Декабрь 1910 г. — июнь 1912 г.)

1910 г.

Декабрь. Париж. Вл. И. идейно руководит новой легальной еженедельной газетой «Звезда» в Петербурге, первый номер которой вышел 29 (16) декабря со статьей Вл. И. «Разногласия в европейском рабочем движении».

Вл. И. поместил в первом номере нового московского журнала большевиков «Мысль» статьи: «Герои оговорочки» и «О статистике стачек в России».

1911 г.

Январь. Париж. Вышла отдельным приложением к № 19 — 20 «Социал-Демократа» статья В. И. Ленина: «О положении дел в партии».

Апрель. Вл. И. в письме к Горькому сообщает о закрытии «Мысли» и просит его помочь в подыскании легального издателя для продолжения издания журнала в Петербурге.

Весна. Вл. И. предлагает на частном совещании большевиков — членов Ц. К. — реорганизовать Заграничное Бюро Ц. К. и немедленно приступить к созыву пленума Ц. К.

Май. Вл. И. поместил в № 3 «Дискуссионного Листка» от 12 мая 1911 года статью: «Исторический смысл внутрипартийной борьбы в России», написанную в конце 1910 г. по поводу статей Троцкого и Мартова в №№ 50 и 51 «Neue Zeit» от 9 и 16 сентября 1910 г.

27 (14) мая. Вл. И. высказывается против предложения Горького съехаться для переговоров по объединению с меньшевиками вокруг какого-нибудь печатного органа.

Вл. И. вместе с Зиновьевым и Семашко пишет приглашение членам Ц. К., живущим заграницей, на собрание 5 июня в Париже по вопросу о созыве пленума Ц. К.

Начало июня. Вл. И. написал конспект доклада трех цекистов частному совещанию 9 членов Ц. К.

10—17 июня (28 мая—4 июня). Вл. И. участвует на совещании членов Ц. К., живущих заграницей, на котором, между прочим, решено организовать Организационную Комиссию по созыву

партийной конференции и Техническую комиссию для ведения дел, вместо Заграничного Бюро Ц. К.

Июль. Вл. И. участвует на собрании II Парижской Группы Р. С.-Д. Р. П.

3 июля (20 июня). Вл. И. на заседании редакции «Социал-Демократа» предлагает принять заявления Мартова и Дана о выходе из состава редакции.

Июль. Вл. И. ведет переговоры с М. А. Савельевым об организации издания в России журнала «Просвещение».

Лето. Лонжюмо. Вл. И. преподает в партийной школе в Лонжюмо. Занятия продолжались четыре месяца. Вл. И. читал лекции по следующим предметам: 1. Политическая экономия Маркса и буржуазная теория политической экономии. 2. Теория и практика социализма. 3. Аграрный вопрос.

Вл. И. редактирует книгу Л. Каменева «Две партии», приезжавшего два раза в неделю в Лонжюмо под Парижем, где жил в то время Вл. И.

2 августа (20 июля). Вл. И. написал предисловие к книге Ю. Каменева «Две партии», вышедшей в Париже в августе 1911 года.

23—24 (10—11) сентября. Цюрих. Вл. И. участвует на заседании Международного Социалистического Бюро в Цюрихе, выступая, между прочим, в защиту Розы Люксембург, опубликовавшей письмо Молькенбурга в Ц. К. германской социал-демократии о том, что в связи с выборами не следует из-за марокккских событий выпячивать критику колониальной политики.

2 октября (19 сентября). Женева. Вл. И. читает в Maison du Peuple (Народный дом) реферат на тему «Столыпин и революция».

31 (18) октября. Париж. Вл. И. читает реферат «Столыпин и революция», организованный кружком содействия «Рабочей Газете».

27 (14) ноября. Париж. Вл. И. читает реферат: «Манифест либеральной рабочей партии» по поводу статьи Н. Рожкова в № 9—10 «Новой Зари»: «Современное положение России и основная задача рабочего движения в данный момент», на собрании в «Salle de L'Alcazar», устроенном кружком «Рабочей Газеты».

3 декабря (20 ноября). Вл. И. от имени Р. С.-Д. Р. П. выступает на похоронах Поля и Лауры Лафарг в Париже.

Декабрь. Вл. И. поместил в № 25 «Социал-Демократа» от 21 (8) декабря четыре статьи: «О лозунгах и о постановке думской и внедумской с.-д. работы», «Развязка партийного кризиса», «Из лагеря столыпинской «рабочей» партии» и «О дипломатии Троцкого и об одной платформе партийцев».

Вл. И. проредактировал отчет о деле социал-демократической фракции II Думы, напечатанный за его подписью в циркуляре № 21 и в № 8 «Периодического Бюллетеня» Международного Социалистического Бюро.

27 (14) декабря. Париж, утром. Вл. И. открывает совещание большевистских заграничных групп приветственной речью.

— днем. Вл. И. выступает на послеобеденном заседании совещания большевистских заграничных групп с докладом на тему: «Организация партийных соц.-дем. сил заграницей и задачи большевиков».

27—30 (14—17) декабря. Вл. И. участвует в работах совещания большевистских заграничных групп.

Декабрь. Вл. И. участвует в новом, петербургском большевистском журнале «Просвещение», где в первом номере поместил статьи: «Принципиальные вопросы избирательной кампании», «Начало разоблачений о переговорах партии к.-д. с министрами» и «Три запроса».

Вл. И. помещает в «Звезде», начиная с 33 номера, ряд статей по вопросу о выборах в Думу под общим заглавием: «Избирательная кампания в IV Государственную Думу».

1912 г.

18—30 (5—17) января. Прага. Вл. И. принимает участие в работах всероссийской партийной конференции, избирается членом Центрального Комитета. Вл. И. избирается в редакцию Ц.О. и представителем Р. С.-Д. Р. П. в Международное Социалистическое Бюро.

1 февраля (19 января). Лейпциг. Вл. И. участвует на совещании членов вновь избранного на конференции Ц. К. с депутатами Думы Полетаевым и Шуркановым.

Начало февраля. Берлин. Вл. И. едет в Берлин узнать о результате переговоров с Каутским по вопросу о получении от держателей партийных денег. Из Берлина Вл. И. едет в Париж.

Конец марта. Париж. Вл. И. пишет статью: «Der Anonymus aus dem «Vorwärts» und die Sachlage in der Sozialdemokratischen Arbeiterpartei Russlands» («Аноним из «Форвертса» и положение дел в Р.С.-Д.Р.П.»); в виду отказа «Vorwärts'a» напечатать ее, статья выпущена редакцией Ц.О. («Социал-Демократ») отдельным изданием во второй половине апреля.

Апрель. Вл. И. работает над составлением отчета для думской фракции.

Вл. И. принимает участие в создании легальной большевистской газеты «Правда», первый номер которой вышел в Петербурге 5 мая (22 апреля).

Вл. И. работает над составлением «Спутника избирателя», готовившегося к печати в Петербурге.

10 мая (27 апреля). Париж. Вл. И. делает доклад на заседании Парижской секции Заграничной Организации Р. С.-Д. Р. П. о ленских расстрелах и забастовках в России и о связанной с ними партийной тактике.

13 июня (31 мая). Вл. И. прочел реферат на тему «Революционный подъем российского пролетариата» на собрании в «Salle de L'Alcazar», устроенном парижской секцией Заграничной Организации Р. С.-Д. Р. П.

VIII. ЛЕТОПИСЬ СОБЫТИЙ.

1910 г.

29 (16). XII. Выход первого номера «Звезды».

XII. Выход первого номера большевистского журнала «Мысль» в Москве.

1911 г.

24 (11). I. Постановление Совета министров о временном недопущении публичных и частных собраний в стенах высших учебных заведений.

28. I — 11. II (15—29. I). 2-ой ремесленный съезд в Петербурге с участием рабочих представителей.

Совещание, устроенное питерскими ликвидаторами с группой рабочих делегатов 2-го ремесленного съезда.

31. I. Умер один из виднейших деятелей рабочего движения — германский социал-демократ Павел Зингер.

1. II. (19. I) Забастовка на заводе Пинтши в Петербурге, вызванная ухудшением материального положения рабочих. Требования рабочих не удовлетворены.

2. II (20. I). Массовое исключение студентов из Томского технологического института за участие в сходке.

7. II (25. I). Массовое увольнение студентов из Новороссийского университета за участие в декабрьских «беспорядках».

8 — 11. II (26 — 29. I). Сходки в петербургских и московских высших учебных заведениях. Объявлена забастовка на весенний семестр в знак протеста против нарушения университетской автономии и ссылки студентов.

II (начало месяца). Закрытие студенческих органов: «Голос Студенчества» (Москва) и «Студенческая Мысль» (Киев).

Арест И. И. Скворцова (Степанова) в Москве. В марте (29. III) он был выслан на 3 года в Астраханскую губернию.

22 (9). II. Арест в Петербурге Лидии Книпович, Любови Радченко, В. Д. Бонч-Бруевича.

25 (12). II. Протест 66 московских промышленников против приемов борьбы правительства со студенческими выступлениями.

27. II — 1. III (14 — 16. II). Массовое исключение студентов за участие в «беспорядках» из Московского, Варшавского, Юрьевского, Киевского, Харьковского и Новороссийского университетов.

4. III (19. II). Пятидесятилетие падения крепостного права.

11. III (26. II). Назначение Л. А. Кассо министром народного просвещения.

17—24 (4—11). III. Министерский кризис, вызванный конфликтом между П. А. Столыпиным и Гос. Советом; последний отклонил защищавшуюся Столыпиным ст. 6 законопроекта о введении земства в 6 западных губерниях. Столыпин в конце концов остался на своем посту; члены Гос. Совета Трепов и Дурново были уволены в отпуск.

27—31 (14—18). III. Пятый всероссийский съезд представителей промышленности и торговли в Петербурге.

27 (14). III. Парламентский «кризис». Сложение А. И. Гучковым полномочий председателя Гос. Думы.

III. Закончились занятия в партийной школе в Болонье.

2. IV (20. III). На дополнительных выборах в Государственную Думу по Москве с.-д. выставлена кандидатура И. И. Степанова (Скворцова).

4. IV (22. III). Избрание Родзянко председателем Гос. Думы. С.-д. фракция в выборах не участвовала.

8. IV (26. III). Арест ряда партийных работников-большевиков в Туле, в том числе и членов русской коллегии Ц. К. — В. П. Ногина и Линдова (Лейтэйзен).

IV. Выход первомайской листовки Р. С.-Д. Р. П.: издание Ц. О. Р. С.-Д. Р. П. «Социал-Демократ» (оттиск из 23 номера).

8. IV (26 III). Вышел в Баку № 1 большевистского еженедельного общественно-политического журнала «Современная Жизнь».

17 (4). IV. В Киеве арестована конференция украинских соц.-дем.

17—18. IV. 19-я конференция рабочей партии Англии в Бирмингаме.

25—26 (12—13). IV. Арест 12 рабочих делегатов 2-го съезда фабрично-заводских врачей 1. VIII (19. VII). 6 делегатов были высланы в Олонецкую губ.

27. IV—4. V (14—21. IV). 2-ой съезд фабрично-заводских врачей в Москве.

V (в начале месяца). Протесты рабочих Ростова-на-Дону и Екатеринослава против страховых законопроектов Гос. Думы. Присланы на имя с.-д. фракции Гос. Думы.

5. V (22. IV). Митинг (2.000 чел.) на Путиловском заводе. Принята резолюция протеста против преследования рабочих организаций и против правительственного законопроекта по страхованию рабочих.

6. V (23. IV). Рабочая демонстрация на Васильевском острове в Петербурге против правительственных законопроектов о страховании рабочих. Участвовало около 1.000 человек.

10. V (23. IV). «Большой день» в Гос. Думе: выступление Столыпина по поводу проведения в порядке 87 ст. закона о введении земства в 6 западных губерниях во время перерыва занятий Думы. Большинством голосов Дума признала объяснения министра неудовлетворительными.

V. Совещание ликвидаторов заграницей.

Ликвидаторская конференция в России по инициативе питерских ликвидаторов.

V. Городская конференция Р. С.-Д. Р. П. в Риге.

21 (8) V. Постановление общего собрания членов профессионального союза рабочих по металлу о постройке в Петербурге дворца рабочих.

V—IV. Забастовка 1.200 чел. машиностроительного завода Бромлей в Москве. 2 000 раб. фар.-фаянс. фабрики Кузнецова (Влад. губ.), 1.500 ч. жатвенных машин (Люберцы) и т. д. Всего в течение 6 недель забастовало больше 6 000 чел. Результаты движения: в крупных пром. предприятиях безуспешны, в средних и мелких частичное удовлетворение требований.

Началась забастовка заготовщиков в Риге, охватившая свыше 300 человек. Были предъявлены экономические требования. Немедленно было сделано распоряжение о высылке бастующих рабочих.

25 (12). V. Многочисленные аресты среди рабочих и учащихся в Петербурге.

27. V. Выход из З. Б. Ц. К. представителя большевиков Семашко (Александрова). О разрыве с З. Б. Ц. К. он послал заявление, адресованное Либеру, Игореву и Шварцу.

Обращение Ленина, Семашко и Зиновьева ко всем членам Ц. К., жившим заграницей, о необходимости взять на себя работу по созыву пленума Ц. К., в виду провала русского бюро Ц. К. и отклонения З. Б. Ц. К. предложения о созыве им пленума Ц. К.

27 (14). V. Скончался в бакинской тюрьме Богдан Кнуньянц, один из видных работников Р. С.-Д. Р. П., принимавший участие в работе партии с конца 90-х годов.

10. VI. Совещание в Париже членов Ц.К., живущих заграницей. Избрана Загр. Орг. Комиссия по подготовке конференции из 5 человек и Техническая Комиссия из 3-х человек, для выполнения ряда функций, возложенных ранее на З. Б. Ц. К.

14 (1). VI. Началась международная стачка моряков и портах Англии, Бельгии и Голландии.

Лето. Организация большевиками партийной школы в Лонжюмо (под Парижем) для приехавших из России рабочих. Закрытие школы 17. VIII.

24. VI. Обращение З. Б. Ц. К. ко всем членам партии по поводу выхода из З. Б. Ц. К. Семашко (Александрова). В обращении З. Б. объявило незаконным совещание членов Ц. К. и созданные им учреждения.

23. VI. Вышел № 1 «Листок Голоса С.-Д.» (последний № 6 вышел в июле 1912 г.).

26. VI. Заседание З. Б. Ц. К., высказавшееся против созыва пленума Ц. К.

11. VI (29. V). Подписан Столыпинский закон о землеустройстве.

28 (15). VI. Заявление Мартова и Дана о своем выходе из редакции «Социал-Демократа».

VI. Вышел «Информац. Листок» Загр. Комитета Бунда № 1.

VI (конец месяца). Постановление З. Б. Ц. К. о принятии мер к созыву пленума. Орг. Ком., созданная июньским совещанием цекистов, объявлена З. Б. Ц. К. самозванной организацией.

1. VII. Собрание II Парижской группы Р.С.-Д.С.П.

VII. Командированы в Россию т.т. Орджоникидзе, Шварц и Бреслав с целью создания Р. О. К. для созыва Всероссийской конференции.

17. VII. Резолюция З. Б. Ц. К. о сложении им всякой ответственности перед партией за газету «Социал-Демократ».

1—11. VIII. В Лондоне забастовка более 12.000 портовых рабочих.

1—15. VIII. (19. VII—2. VIII). Забастовка петербургских портовых рабочих, предъявивших экономические требования.

1. VIII. Листок З. О. К. с призывом к ускорению выборов представителей в Р. О. К. и подготовке конференции.

VIII (начало месяца). Выход в Париже «примиренческого» листка «Ко всем членам Р.С.-Д.Р.П.» за подписью: «группа большевиков-партийцев».

4—26. VIII. Забастовка докеров в Ливерпуле. К ним с 7. VIII присоединились железно-дор. рабочие, стачка которых закончилась 19. VIII.

11. VIII. Вышел № 1 «Информационный бюллетень» загран. техн. ком. в Париже.

18—19 (5—6). VIII. Всеобщая железнодорожная забастовка в Англии. Серьезные размеры приняла в Ливерпуле, Глазго и Лондоне. В Лондон были стянуты войска.

20—23. VIII. Совещание при Заграничном Бюро Ц. К. в Берне для обсуждения вопроса о содействии из за-границы созыву предусмотренной пленумом конференции. Присутствовали представители от Заграничного ком. Бунда, Ц. К. С.-Д. Латышского края, ред. «Голоса с.-д.» и ред. венской «Правды».

23 (10). VIII. Скончался в Петербурге Ст. Ив. Радченко, один из основателей Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» и один из организаторов 1-го съезда Р. С.-Д. Р. П.

VIII. Аресты членов правления професс. общества рабочих по обработке металла в Петербурге.

VIII — XII. Подъем революционного движения в Китае. Революционными войсками были захвачены Ханьян, Учан, Нанкин. Была объявлена независимость Манчжурии и некоторых провинций. 30 (17). X опубликован ряд указов, в которых правительство капитулировало перед революционным движением. 14 (1). XI в Пекине объявлен указ о созыве Учредительного собрания и назначения Юань-Ши-Кая председателем Совета министров. В Нанкине образовано было временное революционное правительство. В конце декабря президентом республики и председателем совета министров избран Сун-Ят-Сен.

25. VIII. Заявление выбранного июньским совещанием цекистов Комитета по созыву пленума Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. (в № 23 «Соц.-Демократа») о срыве пленума «голосовцами».

7. IX (25. VIII). Закрытие органа Союза металлистов «Наш Путь».

10. 16. IX. Партейтаг германской соц.-дем. в Иене.

IX. В Женеве опубликована платформа меньшевиков-партийцев к общепартийной конференции, в изд. «Дневника Соц.-Демократа».

14 (1). IX. В г. Киеве в городском театре смертельно ранен председатель совета министров Столыпин сотрудником охранного отделения Богровым. Богров был приговорен к смертной казни через повешение.

15 (2). IX. Закрытие союза портных в Москве. Арест 6-ти членов Союза.

IX — X. Образование в России Организационной Комиссии по созыву общепартийной конференции (Р.О.К.).

23. IX. Во Франции во многих городах митинги протеста против угрозы войны в Марокко. На следующий день (24. IX) в Париже митинг по тому же поводу собрал 60.000 человек.

23 — 24. IX. Заседание Международного Социалистического Бюро в Цюрихе.

IX (в конце месяца). Вышел № 1 органа союза рабочих-металлистов «Металлист».

30. IX. Конференция в Манчестере социалистических партий положила основание Британской социалистической партии.

30 (17). IX. Начало военных действий между Италией и Турцией из-за Триполи.

X. Выход из Заграничной Технической Комиссии представителя большевиков, в виду того, что требование Р.О.К. подчиниться ее решениям Технической Комиссией было отклонено.

X — XII. Русско-персидский конфликт. Поводом послужила конфискация персидским правительством имущества бывш. шаха и его сторонников, при чем пострадали некоторые русские подданные. В декабре дело дошло до боев между фидаями и русским отрядом.

15 — 18 (2 — 5). X. Чрезвычайный конгресс Итальянской социалистической партии в Милане принял резолюцию протеста против аннексии Триполи.

15 — 23 (2 — 10). X. Забастовка на арматурном механическом заводе Круппа в Петербурге (остров Голодай).

20, 22, 23 (7, 9 и 10). X. Аресты председателя, секретаря и кассира правления «Общества рабочих по металлу».

X — XI. В Москве состоялось до 30 собраний, обсуждавших вопрос о партийной конференции и всюду присоединившихся к Р.О.К.

X. Извещение представителя большевиков в Загр. Технич. Комиссии об образовании в России Орг. Ком. по созыву общепартийной конференции и о своем выходе из состава Загр. Техн. Ком. в виду отказа большинства членов Т. К. подчиниться решениям Р.О.К.

20 (7). X. В Риге арестованы члены правления профессионального О-ва рабочих по металлу.

26. X — 11. XI (13 — 29. X). Стачка на заводе Лангензиппена в Петербурге закончилась неудачно. Все забастовавшие рассчитаны. При новом приеме 60 чел. не приняты.

28 (15). X. Открытие 5-й сессии Гос. Думы и сессии Гос. Совета.

31 (18). X. В Петербурге слушалось дело о 9 соц.-дем. (Канатчикове, Панкратове, Чиркине, Цибикове, Ровнер, Константинове, Усиевиче, Чудновском и Федоровском), обвинявшихся в принадлежности к Р.С.-Д.Р.П. Все подсудимые, за исключением Чиркина, приговорены к ссылке на поселение. Чиркин оправдан.

5. XI (23. X). Аннексия Триполи Италией.

7. XI (25. X). Аресты и обыски у ряда членов профессиональных союзов в Москве.

13. XI. Резолюция З.О.К., в которой признается руководство Р.О.К. Через несколько дней со стороны Т.К. и З.О.К. опять последовал отказ от подчинения Р.О.К.

14 (1). XI. Председателем Гос. Думы переизбран М. В. Родзянко, сложивший полномочия председателя Думы 12. XI (29. X).

XI. Выход первого номера с.-р. газеты «Рабочий». (№ 2 вышел в 1912 г.)

18 (5). XI. Закрыто рабочее общество самообразования «Наука» (Петербург).

20 (7). XI. Забастовки-демонстрации на ряде фабрик Петербурга и Москвы по поводу годовщины смерти Л. Толстого.

22 (9). XI. Прибытие русских войск в Энзели (Персия). Персидское правительство согласилось удовлетворить все русские требования.

27 (14). XI. Обращение уполномоченного Р.О.К. ко всем национальным организациям о необходимости делегировать своих уполномоченных в Р.О.К.

28 (15). XI. Вторичное внесение (2-й раз с редакционными поправками) в Гос. Думу запроса с.-д. фракцией об обстоятельствах осуждения с.-д. фракции 2-й Гос. Думы. Запрос оба раза снимался его авторами с очереди из-за созданной для этого обсуждения обстановки «закрытых дверей».

28. XI — 1. XII (15 — 18. XI). Митинги и демонстрации на заводах Петербурга в связи с запросом с.-д. фракции Гос. Думы о судьбе депутатов 2-й Думы. В резолюциях рабочими выносятся требования пересмотра дела осужденных депутатов 2-й Думы.

3 (18). XII. Тысячный митинг на Балтийском судостроительном заводе по поводу запроса с.-д. фракции о депутатах с.-д. фракции 2-й Гос. Думы. Принята резолюция, требующая немедленного освобождения осужденных депутатов.

3. XII. Похороны Поля Лафарг и жены его Лауры Маркс в Париже (скончались в ночь с 24 на 25. XI). От имени Р.С.-Д.Р.П. выступал В. И. Ленин.

3 — 17. XII (20. XI — 4. XII). Съезд горнопромышленников юга России в Харькове.

11. XII (28. XI). В Московской судебной палате разбиралось «дело 34», привлеченных к суду за принадлежность к Московской социал-демократической организации.

22 (9). XII. Митинг рабочих судостроительного завода «Ланге», участвовало 900 человек. Принята резолюция протеста против закрытия дверей Гос. Думы во время пересмотра запроса с.-д. фракции о судьбе с.-д. депутатов 2-й Думы.

23 (10). XII. Общегородская конференция Р.С.-Д.Р.П. в Киеве.

27 — 30 (14 — 17). XII. Совещание представителей заграничных групп и организаций большевиков в Париже. Выбран Комитет Заграничной Организации (К.З.О).

27 (14). XII. В Монголию введены русские войска. Посылка в Персию карательной экспедиции против персидских революционеров.

28 (15). XII. Митинг нескольких тысяч рабочих Путиловского завода, вынесших резолюцию по поводу дела осужденных на каторгу с.-д. депутатов 2-й Гос. Думы.

XII. Междурайонная конференция Варшавской организации С.-Д. П. и Л.

28 (15). XII. В Париже митинг протеста против процесса с.-д. фракции II Государственной Думы в связи с запросом с.-д. фракции в Думе. Однородные митинги проведены в Нанси, Базеле, Цюрихе и др. городах.

XII. Вышел последний № «Голоса Социал-Демократа» (первый — в феврале 1908 г.).

Собрание Замоскворецкого, Преображенского, Хамовнического, Рогожского, Пресненского и Бутырского районов Московской организации Р. С.-Д. Р. П. Принята резолюция, отмежевывающаяся от ликвидаторов и приветствующая Р. О. К.

Выход № 1 большевистского журнала «Просвещение», явившегося фактическим продолжением закрытого на 5 № журнала «Мысль».

1912 г.

I. Заявление Загр. Бюро Ц. К. о самоупразднении, в виду выхода из его состава представителей Ц. К. С.-Д. Лат. края и Главн. Правления С. Д. П. и Л.

1—2. I (19—20. XII. 1911 г.). Процесс членов П. К. Р. С.-Д. Р. П. в Петербурге — 1 приговорен к каторге на 4 года, двое — к заключению в крепости на 3 года, 4 чел. — к ссылке на поселение.

18—30 (5—17). I. Всероссийская конференция Р. С.-Д. Р. П. в Праге.

I. Ликвидаторское совещание представителей национальных с.-д. организаций. На совещании выбрано бюро Организационного комитета и выработаны нормы представительства на общепартийную конференцию, будущую «августовскую».

23 (10). I. Возобновление занятий Гос. Думы. Принятие законопроекта о страховании рабочих на случай болезни.

24 (11). I. Принятие Гос. Думой законопроекта о страховании рабочих от несчастных случаев и об учреждении Совета по делам страхования рабочих. Принятый закон заменил закон 15 (2) V. 1905 г. и в целом ряде отраслей ухудшил положение рабочих.

24—27. I. Конгресс Английской «Рабочей партии» (Labour Party) в Бирмингаме.

1. II (19. I). Заседание нового Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. в Лейпциге с депутатами Гос. Думы Полетаевым и Шуркановым.

2. II (20. I). Выход № 1 ликвидаторской газ. «Живое Дело» в Петербурге.

3. II (21. I). «Звезда» стала выходить два раза в неделю.

II (середина месяца). Митинги и резолюции протеста против преследования рабочей печати. Рабочие требуют внесения запроса об этом в Гос. Думу.

16. II. Объявление об образовании Китайской республики и об избрании Юаншикая временным президентом.

II. Извещение Ц. К. о всероссийской конференции Р. С.-Д. Р. П.

29. II—6. IV. Всеобщая забастовка английских горняков, вследствие отказа предпринимателей нормировать минимум зарплаты.

II. Выход ликвидатора Т. О. Белоусова из думской с.-д. фракции.

10. III—IX (26. II—IX). Выход первого номера «Невской Звезды».

13. II (29. II). Забастовали рабочие Андреевских приисков Ленского золотопромышленного товарищества. Поводом к забастовке послужила

выдача негодного мяса. В течение ближайших 4-х дней забастовали все главные прииски, а к 17 (14) III забастовка охватила все прииски Ленского товарищества. Для переговоров с администрацией рабочими были выбраны комитеты, руководившие стачкой. В первые дни стачки возник и стачечный центр забастовки — «Центральное Бюро». Выдвинут был ряд требований экономического характера, требовали также выполнения фабричных законов.

17 (4). III. Конференция городского района г. Киева.

19. III. Арест англ. с.-д. Тома Мена, против которого выдвинуто было обвинение в подстрекательстве солдат к бунту. 9. V он был приговорен к 6 мес. тюрьмы.

21 (8). III. «Звезда» стала выходить 3 раза в неделю.

24—26 (11—13). III. 1-й Всероссийский съезд студентов-«академиков».

III. Закрытие общества рабочих по обработке металла.

III—IV. В ряде стран Западной Европы и в С.-А. С. Ш. митинги-протесты по поводу суда над с.-д. фракцией 2-й Думы, в связи с запросом в Думе, внесенным с.-д. фракцией. Всюду в резолюциях принимались требования пересмотра дела осужденных депутатов 2-й Думы.

III. Совещание представителей Заграничного комитета Бунда, меньшевиков-партийцев, группы «Вперед», «Голоса Соц.-Демократа», венской «Правды» по поводу извещения о состоявшейся Пражской конференции. Совещание охарактеризовало конференцию, как «явную попытку узурпации партийного знамени». К этой резолюции присоединились: «общепартийное собрание» в Париже (12. III) и Заграничный Комитет Соц.-Дем. Латышского Края (17. III).

26. III. Официальное сообщение в органе немецкой соц.-дем. партии «Vorwärts» о Всероссийской конференции в Праге и анонимная статья Троцкого во враждебном конференции духе.

26. III (2. IV). Забастовка горняков Сев.-Зап. Богемии.

15. IV. Начала выходить в Лондоне ежедневная рабочая газета «Daily Herald» («Ежедневный Вестник»).

IV. Конференция ликвидаторской так наз. Закавказской областной организации.

В ночь на 17 (4). IV. Арест стачечного комитета и части выборных рабочих Ленского золотопромышленного товарищества.

17 (4). IV. Расстрел рабочих «Лензолото», шедших к инженеру Тульчинскому и товарищу прокурора с просьбой освободить арестованных товарищей. Было убито 270 чел., ранено 250 чел. (по записям местного священника убито 199, ранено около 350 чел.). Через несколько дней после расстрела было арестовано еще 10 выборных.

IV. Резолюция группы старых партийцев в Москве, в которой январская конференция признается обще-партийной.

22, 24—25 (9, 11—12). IV. Забастовки протеста против Ленского расстрела в Киеве.

23. (10). IV. Забастовка протеста против ленского расстрела в Харькове на паровозостроительном заводе. В течение апреля на заводах и фабриках Харькова прошел ряд забастовок, вызванных ленскими событиями.

Выпуск Киевским комитетом Р. С.-Д. Р. П. листка по поводу ленских событий.

24. IV—8. V (11—25. IV). Обсуждение Думой объяснений правительства по запросам о ленском расстреле. Министр внутренних дел Макаров дал известный ответ: «Так было и так будет и впредь».

28 (15). IV. Большое открытое собрание в Петербурге, созванное «инициативной группой по созданию рабочей газеты» (так называемое «собрание на Большой Гребецкой»). Инициаторами явились ликвидаторы, выдвигавшие план издания «внефракционной марксистской газеты под контролем рабочих».

28 и 30 (15 и 17). IV. Демонстрация протеста против ленского расстрела в Петербурге.

29 (16). IV. Открытие совещательного собрания в Пекине.

IV. Выпуск первомайской листовки в издании «Рабочей Газеты».

30. IV—14. V (17. IV—1. V). Забастовки протеста против ленского расстрела в Москве, наряду с протестом против ленских событий рабочие предъявляют ряд экономических требований.

1. V (18. IV). Забастовка протеста против ленского расстрела в Петербурге, охватившая свыше 100.000 человек. Забастовка в Риге на 52 заводах. Участвовало 21.000 рабочих. Демонстрация протеста против ленского расстрела.

3. V (20. IV). Однодневная забастовка протеста против ленского расстрела на сормовских заводах в Н.-Новгороде.

5. V (22. IV). Вышел первый номер большевистской газ. «Правда» и последний номер (33-й (69)) «Звезды».

V (в начале месяца). Возрождение Полесского комитета Р. С.-Д. Р. П. Первое открытое выступление организации было по получении в Гомеле сведений о ленском расстреле; был выпущен ряд листовок и проведен ряд рабочих собраний.

Забастовка на заводе «Сименс и Гальске» в Петербурге. Закончилась 23 (10). VII. Рабочие добились отмены штрафа за 1 мая и частичного удовлетворения требований экономического характера.

8. V (25. IV). Опубликована в приложении к № 26 «Соц.-Дем.» избирательная платформа Р. С.-Д. Р. П.

8—17. V (26. IV—4. V). Забастовка на фабрике «Конради и Энгель» в Петербурге, требования рабочих частично удовлетворены.

14 (1). V. Рабочие демонстрации в Петербурге и Риге. Забастовка 20 тыс. рабочих в Варшаве. Забастовки на многих фабриках и заводах Киева. Первомайские забастовки на заводах Харькова. Не работали: Паровозостроительные, Гельферих-Саде, Мельгозе, Бернгейм, Жорж Борман и др. В Костроме не работали фабрики Калинина, Зотова и Кудрявцева и все типографии, кроме губернской.

15—27 (2—14). V. Забастовка на зеркальной фабрике в Ленинграде. После того, как хозяин отказался от уплаты 60% заработной платы за прогульные дни, рабочие снова забастовали.

18. V. Дебаты в германском рейхстаге о вооружении.

20. V. Забастовка портовых рабочих в Лондоне. Через три дня 23. V началась всеобщая забастовка транспортных рабочих Англии.

21 (8). V. Постановление о закрытии профессионального союза рабочих картонажного производства.

23 (10) V. Телеграмма ленских рабочих в «Правду» о том, что им предлагают немедленно приступить к работам под угрозой принудительного выселения.

25—27. V. Первый конгресс Британской социалистической партии в Манчестере.

29. V—2. VI (16—20. V). Съезд в Петербурге монархических организаций.

V. В конце мая совещание в Брюсселе представителей ликвидаторов и национальных с.-д. организаций. Обсуждался вопрос об отношении к созываемой конференции (будущей «августовской»).

Всеобщая забастовка в Будапеште из-за отсрочки законопроекта о реформе избирательного права. По всей Венгрии были проведены митинги и демонстрации. Произошли столкновения с полицией.

30. V—3. VI (17—21. V). Забастовка рабочих завода земледельческих машин Бурхгардта в Елисаветграде. Предложено было требование уволить мастера за произвол. Администрация отказала в этом, и рабочие снова забастовали. 5. VI (23. V) было объявлено о расчете всех рабочих. Рабочие объявили завод под бойкотом.

10—15. VI (28, V—2. VI). Забастовка рабочих южно-русского завода, предъявивших ряд экономических требований. Забастовка была ликвидирована администрацией, уволившей 69 человек.

VI. 9-я конференция «Бунда» в Вене для обсуждения 3-х вопросов: 1) политическая платформа Бунда, 2) отношение к с.-д. центрам, 3) отношение к П. П. С. (левице). Принято решение вступить в предвыборное соглашение с П. П. С. против С. Д. П. и Л.

11. VI (29. V). Окончание забастовки наборщиков в сенатской типографии, продолжавшейся 3 недели. Ни одно из требований рабочих не удовлетворено.

12. VI (30. V). За участие в революционных организациях было предано суду несколько десятков матросов Балтийского флота. Многие приговорены были к смертной казни.

19 (6). VI. Гос. Думой утверждена ассигновка 502 млн р. на постройку флота.

20 (7). VI. Временное возобновление работ на приисках ленского золотопромышленного т—ва, а через некоторое время 4. VII (28 VI) рабочие вновь прекратили работу и потребовали своей эвакуации из края. Эвакуация началась 17 (4). VII.

21 (8) VI. Катастрофа на машиностроительном заводе Феникс.

22 (9). VI. Указ о перерыве занятий Гос. Думы.

СОДЕРЖАНИЕ *).

*) Звездочкой отмечены произведения, не вошедшие в первое издание Сочинений.

*

XV ТОМ

СОЧИНЕНИЙ В. И. ЛЕНИНА

ПОДГОТОВЛЕН К ПЕЧАТИ

И. В. ВОЛКОВИЧЕРОМ

ИЗДАНИЕ НАПЕЧАТАНО В ТИПОГРАФИИ «ПЕЧАТНЫЙ ДВОР»
ПОД НАБЛЮДЕНИЕМ:
ЗАВЕДЫВАЮЩЕГО ТЕХНИЧЕСКОЙ ЧАСТЬЮ
В. И. ФЕДОТОВА,
ЗАВЕДЫВАЮЩЕГО ОПЕРАТИВНО-ПЛАНОВЫМ ОТДЕЛОМ
Д. Ф. БУТЫШКИНА,
БРИГАДИРОВ:
А. Г. ИВАНОВА, Г. Л. ГОРОДКО И И. А. СЕЙЛЮС,
ВЕРСТАЛЬЩИКОВ:
Н. Т. ВАСИЛЬЕВА, П. П. ЗАХАРОВА И В. П. ФЕДОРОВА,
КОРРЕКТОРА
Б. ГУРЕВИЧ,
ЗАВЕДЫВАЮЩЕГО ПЕЧАТНЫМ ОТДЕЛЕНИЕМ
П. В. ЕГУНОВА,
ПЕЧАТНЫХ МАСТЕРОВ:
В. В. ВАСИЛЬЕВА, И. Р. КЛЮЧЕВА И Т. А. ФАДДЕЕВА,
ЗАВЕДЫВАЮЩЕГО ПЕРЕПЛЕТНЫМ ОТДЕЛЕНИЕМ
И. С. БУХАРИНА
И ЕГО ПОМОЩНИКОВ:
Я. Ф. ГОЛУБЕВА И Я. Д. ЛЕВШИНА

Л, 2. Гиз. № 36361.
Ленинградский Областлит № 44041.
47 л. Тираж 50,000. 20. XI 29.

ЛЕНИН

